Правительство Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Российская Академия Наук

Институт российской истории РАН

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт истории и археологии УрО РАН

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Сургутский государственный университет

Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ НОВОСТИ ЮГРЫ
www.idnu.ru

Академическая ИСТОРИЯ ЮГРЫ

В восьми томах

Том 7
Второе «покорение Сибири»: Ханты-Мансийский автономный округ — Югра в годы становления и развития нефтегазового комплекса (1953–1991)

Ханты-Мансийск
Издательский дом «Новости Югры»
2024

УДК 94(571.122)«1953/1991»
ББК 63.3(2Рос-6Хан)6
А38

Авторы

Е. Ю. Зубкова, А. И. Прищепа, Е. М. Главацкая, Р. В. Артеменко, П. В. Белоус, С. И. Веселов, Т. В. Волдина, Н. Ю. Гаврилова, Е. И. Гололобов, В. П. Карпов, Д. В. Кирилюк, М. В. Комгорт, А. Б. Коновалов, Е. В. Косинцева, Н. Б. Кошкарева А. И. Куприянов, Е. П. Мартынова, Т. А. Молданова, Е. А. Пивнева, Д. В. Сердюков, М. И. Ташлыкова, Н. Н. Федорова, Е. А. Хромов

Редакционный совет издания «Академическая история Югры»

Сопредседатели: губернатор Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Н. В. Комарова, директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров, С. М. Косенок (заместитель сопредседателей), А. В. Шипилов (заместитель сопредседателей), А. А. Пономаренко (секретарь)

Члены совета: И. Вашари, Г. П. Визгалов, М. К. Волдина, А. В. Головнёв, Е. И. Гололобов, В. А. Гусев, С. В. Журавлёв, Н. Л. Западнова, В. Н. Захаров, А. В. Кениг, М. Ф. Кириленко, В. С. Кольцов, Е. В. Шумакова, Р. В. Кучин, В. А. Манин, Р. Г. Пихоя, И. В. Побережников, И. С. Саркисян, В. И. Сподина, П. С. Фокин, Н. М. Чаиркина, Я. С. Черняк, Г. И. Шмаль

Редакционная коллегия издания «Академическая история Югры»

Р. Г. Пихоя (главный редактор издания, председатель), С. В. Журавлёв (заместитель председателя), А. И. Прищепа (заместитель председателя), В. А. Манин (ответственный секретарь)

Члены коллегии: Г. П. Визгалов, Е. М. Главацкая, А. В. Головнёв, М. Ф. Ершов, В. Н. Захаров, Е. Ю. Зубкова, А. В. Кениг, С. В. Кодан, В. В. Кондрашин, Г. Е. Корнилов, В. К. Нехайчик, Е. А. Пивнева, И. В. Побережников, Д. А. Редин, И. С. Саркисян, Д. Свак, К. А. Соловьёв, Я. Г. Солодкин, В. И. Сподина, В. А. Тишков, В. В. Трепавлов, Н. М. Чаиркина

Редакционная коллегия 7-го тома

Е. Ю. Зубкова (ответственный редактор), А. И. Прищепа (ответственный редактор), Е. М. Главацкая, Е. В. Лешукова (ответственный секретарь), Ф. В. Малхозова (ответственный секретарь)

Рецензенты

д. и. н. С. Г. Сизов, д. и. н. О. В. Хлевнюк

А38 **Академическая история Югры** : в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. — Ханты-Мансийск : Изд. дом «Новости Югры», 2024. — Том 7. Второе «покорение Сибири»: Ханты-Мансийский автономный округ — Югра в годы становления и развития нефтегазового комплекса (1953–1991) / отв. ред. Е. Ю. Зубкова, А. И. Прищепа.— 712 с. : ил. — 4000 экз. — ISBN 978-5-4422-0086-7.

ISBN 978-5-4422-0086-7 (Т. 7)
ISBN 978-5-4422-0090-5

В истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры период 1953–1991 гг. занимает особое место. За годы интенсивного промышленного развития регион совершенно преобразился: из классического «фронтира» с неясными перспективами он превратился в форпост нефтегазового освоения, флагман отечественной нефтяной отрасли. Здесь выросли новые города, были проложены автомобильные дороги и железнодорожные магистрали, построены речные порты и аэродромы. Коренные жители округа и «новые сибиряки» заложили основу для формирования общей — югорской — идентичности. Вместе с нефтью Югра обрела будущее, а страна — мощный импульс к своему развитию. Как и какой ценой осуществлялось второе «покорение Сибири»? Какую роль в этом процессе играли власти округа и области? Как строились «нефтяные города»? Как люди адаптировались к северной повседневности и преобразовывали ее? Авторы тома отвечают на эти и многие другие вопросы, связанные с жизнью региона в этот насыщенный событиями, проблемами и достижениями период.

УДК 94(571.122)«1953/1991»
ББК 63.3(2Рос-6Хан)6

© Коллектив авторов, 2024
© АНО «Центр «Моя история», 2024
© Подготовка к изданию и оформление – АО ИД «Новости Югры», 2024

ISBN 978-5-4422-0086-7 (Т. 7)
ISBN 978-5-4422-0090-5

Оглавление

Введение (Е. Ю. *Зубкова*, А. И. *Прищепа*) 7

ЧАСТЬ 1. ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ / АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ, ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

Глава 1. Структуры власти и управления на территории округа (А. Б. *Коновалов*) 30

Глава 2. Региональная элита, проблемы взаимоотношений с Центром, механизмы принятия решений (А. Б. *Коновалов*) 50

Глава 3. Социально-экономическая политика второй половины 1980-х гг. как фактор перестройки (Д. В. *Сердюков*) 85

Глава 4. Общественно-политическая жизнь в Ханты-Мансийском автономном округе в 1985–1990 гг. (Д. В. *Сердюков*) 102

Глава 5. Перестройка советской системы государственного управления и демонтаж партийной надстройки в 1990–1991 гг. (Д. В. *Сердюков*) 131

ЧАСТЬ 2. ЭКОНОМИКА ОКРУГА В ПРОЦЕССЕ НЕФТЕГАЗОВОГО ОСВОЕНИЯ

Глава 1. Поисково-разведочные работы на нефть и газ на территории Югры в 1953–1991 гг. (М. В. *Комгорт*) 150

Глава 2. Нефтяная и газовая промышленность региона: становление и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (В. П. *Карпов*) 195

Глава 3. Внешнеэкономические связи региона в годы создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (А. А. *Прищепа*, Р. В. *Артеменко*) 249

Глава 4. Транспортная инфраструктура и логистика: речной, автомобильный, железнодорожный, трубопроводный транспорт, малая авиация (С. И. *Веселов*) 262

Глава 5. Развитие электроэнергетики (Е. А. *Хромов*) 304

Глава 6. Создание индустрии строительства (А. И. *Прищепа*) 331

Глава 7. Лесная промышленность: от лесозаготовок до создания лесопромышленного комплекса (Е. И. *Гололобов*) 347

Глава 8. Агропромышленный комплекс и рыбное хозяйство «Традиционная экономика» коренных народов в условиях промышленного освоения региона (Е. И. *Гололобов*) 364

Глава 9. Проблемы антропогенного воздействия на природу Сибирского Севера (Е. И. *Гололобов*) 380

ЧАСТЬ 3. ЧЕЛОВЕК И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Глава 1. Этно-демографическая ситуация и состав населения округа (Н. Ю. *Гаврилова*) 396

Глава 2. Городское строительство и переформатирование пространства (А. И. *Прищепа*) 418

Глава 3. Торговля и бытовое обслуживание (Н. Ю. *Гаврилова*) 447

Глава 4. Повседневность югорчан: трансформация уровня и качества жизни (Н. Ю. *Гаврилова*) 459

ЧАСТЬ 4. КУЛЬТУРА. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ. СПОРТ

Глава 1. Культурная жизнь и культурная инфраструктура (М. И. *Ташлыкова*) 486

Глава 2. Система общего и профессионального образования (Д. В. *Кирилюк*) 517

Глава 3. Религиозная политика и религиозный ландшафт (П. В. *Белоус*) 543

Глава 4. Здравоохранение округа в годы нефтегазового освоения (А. И. *Прищепа*) 557

Глава 5. Физическая культура и спорт (А. И. *Куприянов*) 572

ЧАСТЬ 5. КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ ЮГРЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Введение 588

Глава 1. Этнодемографическая динамика (Е. А. *Пивнева*) 590

Глава 2. Языковая ситуация (Н. Б. *Кошкарева*) 604

Глава 3. Изменения в хозяйстве и культуре (Е. П. *Мартынова*) 621

Глава 4. Религиозные традиции: от разрушения к возрождению (Е. М. *Главацкая*) 632

Глава 5. Литература и искусство (Е. В. *Косинцева*, Н. Н. *Федорова*, Т. А. *Молданова*, Т. В. *Волдина*) 640

Глава 6. Народы Югры в фокусе научных исследований (Е. М. *Главацкая*, Т. В. *Волдина*) 654

Заключение. От фронтира до форпоста: Югра в контексте позднесоветской истории (Е. Ю. *Зубкова*) 665

Список источников и литературы 676

Указатель географических названий 689

Именной указатель 697

Сокращения 710

Введение

О связи истории и географии написано немало. Но точнее других о неразрывности этого тандема высказался географ и историк XIX века Жан-Жак Элизе Реклю: «... география, по отношению к человеку, не что иное, как история в пространстве, точно так же, как история является географией во времени»[1]. Размышляя о России, он уточнял: «Нигде элементы географии и истории не запечатлены так широко, и нигде связь между ними не выступает так наглядно»[2]. История Югры, органично соединившая в себе *пространство* и *время*, — яркое подтверждение слов знаменитого француза. Событийная канва XX века несет на себе исторический «шлейф освоения» этого сибирского края — многовекового опыта, совместившего последовательность целеполагания и хаотичность практик — парадокс, запечатленный в смысловой двойственности самого понятия «Открытия — Покорения» Сибири.

Второе «покорение Сибири» — так символично иногда обозначают новый этап в истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, связанный с началом его интенсивного промышленного развития. По своему значению для общей истории России он сопоставим с результатами русской колонизации Сибири XVI–XVII веков, хотя отличается по масштабам и методам освоения края.

История Югры прочно вписана в историю России. Вместе с тем линеарная конструкция, описывающая историю Югры как часть истории Сибири, а историю Сибири — как часть истории России, не отражает в полной мере сложную систему связей и отношений, в которые вовлекался Югорский край. Ограниченность принципа «матрешки» становится очевидной, если рассматривать события и процессы, происходившие в регионе, не в традиционном измерении «центр-периферия», а в контексте «*пространственного поворота*», все более уверенно заявляющего о себе в современной историографии[3]. Категория «пространство» становится одним из важных инструментов междисциплинарных исследований. «Пространственный поворот», как полагает Л. П. Репина, формирует систему координат «новой региональной истории» — мультиперспективную модель, состоящую из разных *пространственных регистров* — локального, регионального, национального (общенационального), трансрегионального, глобального[4]. Все перечисленные регистры являются актуальными

---

[1] Реклю Ж. Ж. Э. Человек и Земля. Т. 1. СПб., 1906. С. 4.

[2] Реклю Ж. Ж. Э. Предисловие к русскому изданию // Реклю Ж. Ж. Э. Человек и Земля. Т. 1. СПб., 1906. С. VI.

[3] Репина Л. П. История регионов, или “территория историка” после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 5–16.

[4] Репина Л. П. История регионов... С. 6.

для изучения истории Югры, особенно во второй половине XX века и в текущем столетии. Пространственная оптика, помимо более объёмного представления региональной истории, позволяет преодолеть две крайности в ее изучении. С одной стороны — локальную автономизацию, с другой — примат «централистской перспективы», создающей «чувство региональной обделенности»[5].

Понятие «регион» имеет разные трактовки, в зависимости от критериев определения его границ — географического, административного, экономического, социокультурного[6]. Мы рассматриваем «регион Югра», «Югорский край» в современных административных границах субъекта Российской Федерации — Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. С 1940 года и до 1978-го регион носил название Ханты-Мансийский *национальный* округ (ХМНО), после принятия новой Конституции РСФСР оно было изменено на Ханты-Мансийский *автономный* округ (ХМАО). Административно округ входил в состав Тюменской области. Исторический топоним «Югра» в качестве официального названия округа появился только в 2003 году. Но быстро прижился и стал неотъемлемой частью имиджа региона, его узнаваемым брендом — не столько как память о прошлом, сколько как «тест на идентичность». Поэтому мы тоже употребляем название «Югра» как общепринятое, хотя исторически не вполне корректное для обозначения региона в советский период.

Дело в том, что понятий «Югра», «советская Югра» в официальном советском лексиконе не существовало, хотя на карте округа до сих пор есть город Советский, своим рождением обязанный известному леспромхозу. В публичной сфере регион выступал под своим официальным названием — Ханты-Мансийский национальный/автономный округ. «Советская Югра» растворилась в других географических понятиях — «Советский Север», «Север Западной Сибири» или «Тюменский Север». И хотя бытование слова «Югра» насчитывает почти тысячелетие[7], в советский период оно почти не употреблялось, сохранившись в национальном фольклоре, этнографических исследованиях[8] и как художественный образ[9]. В топонимике и официальном дискурсе произошел процесс обобщения и поглощения ханты-мансийской специфики через использование топонимов Сибирь, Западная Сибирь, Север, Тюмень.

Процесс вытеснения-присвоения-замещения Югры на дискурсивном уровне по своей природе носил в первую очередь ментальный характер, поэтому не стоит расценивать его как принижение роли и места региона — особенно в процессах общенационального масштаба, к каковым относятся в первую очередь становление и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В русском, российском, а потом и в советском общественном сознании Сибирь воспринималась как единое целое — огромное неразделенное и самодостаточное пространство, так и не освоенное до конца. Неслучайно даже автохтонные «сибирские тек-

---

[5] Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Дамешек Л. М., Ремнев А. В. М., 2007. С. 11.

[6] Репина Л. П. История регионов… С. 7.

[7] Подробнее об «исторической траектории» слова «Югра»» см.: А. В. Головнев. Этюд из угорской этноистории // Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею доктора исторических наук, профессора З. П. Соколовой / отв. ред. Е. А. Пивнева. М., 2010. С. 43–47; Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М., 2009. С. 21–27.

[8] Соколова З. П. Путешествие в Югру. М., 1982.

[9] Ершов М. Ф. Очеловеченное пространство: образы и люди Югры. Ханты-Мансийск, 2018. Ершов М. Ф. Образы аборигенов Югры в советской исторической прозе // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. XIX Югорские чтения (1 декабря 2020 г., Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, 2021. С. 317–324.

сты», созданные уроженцами Сибири, часто не имеют конкретной топонимической привязки. Об этом писал Валентин Распутин: «Нет ничего в мире, что можно было бы поставить в виде аналога рядом с Сибирью. Кажется, она могла бы существовать как самостоятельная планета, в ней есть все, что должно быть на такой планете во всех трех царствах природы — на земле, под землей и в небе»[10].

В качестве неосвоенного, «дикого» пространства — сибирской целины — долгое время выступал Север (Тюменский Север), обобщенный образ которого аккумулировал в себе географические, природные, отчасти даже культурные «подробности» его составляющих[11]. Когда в процессе освоения образ «дикого» края модернизировался в «индустриальный», он наследовал восприятие Сибирского Севера как общего пространства. Это был взгляд из «русской перспективы», в пафосе освоения оставляющий часто за скобками тот факт, что «целина» была вполне обитаема. Официально аборигенное население — ханты, манси, ненцы — присутствовали в презентации территории как национальной, что нашло отражение в названиях округов — Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого. Название сохранилось, но образ «национальной территории» в результате разработки ресурсного потенциала Сибирского Севера постепенно размывался, приближаясь к главной цели «Большого путешествия» северных народов[12] — интеграции в общесоветский контекст.

Проект освоения природных ресурсов региона, требующий огромных затрат — финансовых, интеллектуальных, материально-технических, — планировался и воплощался как общенациональный. Когда геологи искали нефть и газ, а нефтяники ставили буровые вышки, меньше всего они задумывались об административных границах территорий, на которых работали. Такими же абстрактно-географическими категориями мыслили люди, принимавшие решения в Москве. Геолог Л. И. Ровнин вспоминал, как на одном из совещаний, где он отстаивал необходимость продвижения геологоразведочных работ на север Западной Сибири, высокий чиновник его упрекал: «Ровнин напрасно тащит нас к белым медведям»[13].

Бытование названия региона в советский период было связано также с разделением компетенций между органами власти различных уровней: в зоне ответственности окружных властей находились главным образом вопросы развития округа как территории расселения коренных народов (состояние традиционных промыслов, социальное обеспечение, культурное обслуживание), тогда как решения более общего характера принимались в Тюмени. Область представляла интересы округа в Москве. Отношения внутри властной вертикали строились по принципу делегирования, когда «старшие» в иерархии регионы выступали от имени «подведомственных». Поэтому такие понятия как «революция в Тюмени» или

---

[10] Распутин В. Г. Сибирь без романтики // Сибирь. 1983. № 5. С. 106.

[11] Об образе Севера Сибири и его трансформации в общественном сознании см. подробнее: Гололобов Е. Сибирский север: динамика образа — от Barren grounds к Northern plain // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 1. С. 137–152; Стась И. Н. Образ промышленного освоения: ханты-мансийский Север в ожидании перемен в послевоенные годы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6. С. 139–151; Стафеев О. Н. Образ региона. Индустриальное освоение Севера Западной Сибири в общественном сознании // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 360–370.

[12] Метафора «Большого путешествия» принадлежит Ю. Слезкину. См.: Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008.

[13] Цит. по: Фатеев А. Лев Ровнин: «Без геологии у страны нет будущего» // Тюменские известия. 2008. 12 ноября // URL: http://old.t-i.ru/article/2787 (дата обращения: 30.04.2023).

«тюменская нефть» — собирательные символы, отразившие как влияние административно-управленческой традиции, так и — в гораздо большей степени — ментальные стереотипы восприятия Сибирского Севера. Эту особенность уловил и поэтически оформил Владимир Высоцкий, восстанавливая тем самым историческую справедливость: «...Тюмень, Сибирь, *земля ханты-мансийская* сквозила нефтью из открытых пор...» (здесь и далее курсив наш — *авт.*)[14].

Нефть — освоение природного потенциала края — в процессе становления субъектности Югры как региона, играла доминирующую роль, являясь одновременно ресурсом экономического развития, локомотивом модернизации[15] и катализатором социокультурной трансформации. Но Югра жила не только нефтью. Систему пространственного самоопределения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры как уникального региона формировали несколько факторов, в их числе: географическое положение и природно-климатические условия, региональные особенности процесса модернизации, экономический профиль и вовлеченность в мировой нефтяной рынок, наличие разных центров притяжения/конкуренции, межрегиональные и кросс-культурные контакты, среда жизнедеятельности титульных народов в сочетании с полиэтничностью региона в целом, экология. В контексте общенациональной истории России специфика Югры созвучна специфике Сибири в целом. Как весьма точно отметили авторы коллективного труда о Сибири периода империи, «в составе России Сибирь имела как бы две ипостаси: *отдельность* и *интегрированность*»[16]. В течение XX века соотношение между обеими «ипостасями» менялось, но общий тренд можно обозначить как движение к большей интегрированности региона в общесоюзные процессы при одновременном усилении его субъектности («отдельности») как следствия интеграции.

Различные регионы обладают разным потенциалом для развития. По мнению П. Кругмана, который считается основателем «новой экономической географии», регионы подразделяются на две большие группы с точки зрения их конкурентных преимуществ. Эти преимущества определяются влиянием ряда факторов. Факторы «первой природы» не зависят от деятельности людей, к ним относятся обеспеченность природными ресурсами, имеющими спрос на мировом рынке, географическое положение (в том числе, благоприятное для развития торговли). Факторы «второй природы» являются результатом человеческой деятельности: агломерационный эффект (высокая плотность населения в городах), человеческий капитал (образование, здоровье, трудовые мотивации, мобильность и адаптивность населения); возможности внедрения инноваций, развитая инфраструктура[17]. В начале промышленного освоения Югра относилась к регионам первой группы, но постепенно накапливала ресурсный потенциал «второй природы», который в современном мире является наиболее востребованным. Старт этому процессу был дан в советский период.

---

[14] Высоцкий В. С. Тюменская нефть. 1972 г. // URL: https://www.culture.ru/poems/18893/tyumenskaya-neft (дата обращения: 25.04.2023).

[15] Образ «локомотива» использовал В. И. Долгих, курировавший нефтегазовый сектор в ЦК КПСС. Он вспоминал: «Мы всегда помнили, что развитие Западной Сибири было своего рода локомотивом, двигавшим вперед народное хозяйство...» (Долгих В. И. Область особой заботы // Западная Сибирь: история поиска. 1975–1995 годы. Часть 1. Ханты-Мансийск — Екатеринбург, 2009. С. 14).

[16] Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Дамешек Л. М., Ремнев А. В. М., 2007. С. 24.

[17] Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Региональное неравенство в крупных постсоветских странах // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2011. № 1. С. 18. Со ссылкой на: Krugman P. Geography and Trade. Cambridge, 1991.

В течение 1960–1980-х годов в результате интенсивного промышленного освоения кардинально меняется место Югры в советской экономической системе: из аграрного и малоперспективного он превращается в индустриально развитый и интенсивно прогрессирующий — «сердце нефтедобычи»; дотационный регион становится регионом-донором, обеспечивающим СССР решение не только экономических, но и геополитических задач. Не менее значимыми были и социальные перемены: в результате миграций и урбанизации Югра обретает новое социальное лицо, а региональные сообщества, несмотря на различия и известную автономность, отличаются рядом общих черт — предпосылок для формирования общей региональной идентичности.

Что считать точкой отсчета/перелома в развитии этих трансформаций? Чтобы ответить на этот вопрос, без которого не обходится ни одно историческое исследование, необходимо совместить две перспективы — общенациональную и региональную. Речь не идет о простом «наложении» одной хронологической рамки на другую; необходимо решить две взаимосвязанные задачи: во-первых, отказаться от использования историографических шаблонов, прежде всего одномерных критериев периодизации; во-вторых, определить методологические принципы, на основе которых выстраивается концептуальная рамка исследования. Один из шаблонов, используемый главным образом при конструировании общенациональной истории, отдает приоритет политическим процессам, выстраивая исторический процесс по «царствованиям и властвованиям» (в советском случае — «по генсекам»). Другая крайность, свойственная региональной историографии, заключается в стремлении продемонстрировать ту или иную степень если не «автономности», то самобытности исторического пути региона или сосредоточиться на изучении событий и процессов, которые представляются в региональном ракурсе наиболее значимыми. В историографии новейшей истории Югры по сложившейся традиции точкой перелома выступает начало промышленного освоения открытых месторождений нефти и газа, относящееся к середине 1960-х гг. или — по другим версиям — к более позднему времени. В таком случае «в тени» остается предшествующий период, как и сложный комплекс проблем жизни региона, непосредственно с разработкой природных ресурсов несвязанный.

Обе «историографические зависимости» — в одном случае «кремлевская», в другом — «углеводородная», объяснимые сами по себе, существенно ограничивают возможности объёмного восприятия и представления истории Югры этого периода, насыщенного событиями, достижениями и проблемами. Чтобы идти дальше, нужна более сложная, многофокусная оптика — системный подход, позволяющий выделить комплекс политических, экономических, социокультурных условий, значимых событий и реальных практик, выступающих в качестве триггера и/или контекста перемен. Этот подход определил хронологические рамки и структуру данного тома «Академической истории Югры».

Обоснование потребности в комплексном изучении истории Югры советского периода является историографическим фактом. Первыми на этот запрос откликнулись авторы сборника «Накануне Большой нефти», поставив задачу, которую сами назвали «вызывающе резкой»: «отказаться от диктата нефтегазового освоения и показать развитие ХМАО в амбивалентном ракурсе»[18]. Историки полагают, что «в ряде случаев, в изучении истории западносибирского края далеко не всегда могут быть применимы общепринятые в стране принципы

[18] Стась И. Н., Кирилюк Д. В., Иванов А. С. Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.): сб. науч. ст. Екатеринбург, 2020. С. 5.

деления исторических периодов», а в качестве потенциальных «событий-претендентов» на роль рубежа рассматривают 1948 г. (организация Тюменской нефтеразведочной экспедиции), 5 марта 1953 г. (смерть Сталина и сворачивание в крае экономики принудительного труда), 21 сентября 1953 г. (Берёзовский газовый фонтан), 13 сентября 1957 г. (высадка экспедиции Ф. Салманова в Сургуте), 1960 и 1961 гг. (нефть Шаима и Мегиона)[19]. Нетрудно заметить, что и в этом списке по-прежнему преобладают события, связанные со знаковыми открытиями нефти и газа.

Хронологические границы нашего исследования — 1953–1991 годы — охватывают значительный период — от оттепели до перестройки. 1953 год давший начало новому этапу в жизни страны, стал переломным и для истории Югры. Регион не остался в стороне от общенациональных процессов, которые не сводятся к десталинизации или управленческим новациям. Турбулентное время перемен было временем поиска и открытий, удачных начинаний и спорных, а нередко и просто ошибочных решений. Второе «покорение Сибири» стоит в ряду других глобальных проектов эпохи, будь то целина, космос или коммунизм. А проект строительства Нижне-Обской ГЭС по своим предсказуемым последствиям мог бы «затмить» знаменитую кукурузную эпопею.

В годы оттепели события региональной локации приобретают общесоюзное значение. Все началось с «феномена Берёзова», который потом назвали сенсацией и «началом великой "Тюменской эры"»[20]. «Газ Берёзова — оценивал это открытие Н. К. Байбаков, — *поставил последнюю точку*, а скорее даже восклицательный знак в спорах учёных об энергетических перспективах Западной Сибири»[21]. И хотя промышленная разработка месторождений началась десятилетие спустя, и вместо газа нашли нефть, 1953-й *уже* разделил историю Югры на два периода — «донефтегазовый» и «нефтегазовый».

Применительно к периоду оттепели вопрос о сопряженности развития Югры с общесоюзными трендами, как и отклонении от них, до сих пор является предметом для дискуссий. Однако по мере разработки сырьевых ресурсов, укрепления на их основе промышленного потенциала региона, его урбанизации, вследствие миграционного притока из других областей Советского Союза округ все больше втягивался в орбиту общенациональных, а потом и мировых процессов, его сырьевые ресурсы становятся фактором мировой экономики и политики. По справедливому замечанию В. П. Карпова, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс был «зеркальным отражением» социально-экономической ситуации в СССР[22]. Эта взаимосвязь и взаимообусловленность усилилась в 1980-е годы, продемонстрировав не только значимость региона для советского экономического потенциала, но и исчерпание ресурса мобилизационной экономики, цену упущенных шансов и дисбаланса приоритетов. Для Советского Союза этот период закончился кризисом и распадом, для Югры — движением к суверенизации и обретением нового статуса в качестве самостоятельного субъекта Российской Федерации.

Сам факт сопряженности с общими трендами развития страны не отменяет региональной специфики, напротив — через общее рельефнее проступает особенное. Главное содержа-

---

[19] Стась И. Н., Кирилюк Д. В., Иванов А. С. Накануне «Большой нефти»... С. 8.

[20] Долгих В. И. Область особой заботы // Западная Сибирь: история поиска. 1975–1995 годы. Часть 1. Ханты-Мансийск — Екатеринбург, 2009. С. 18.

[21] Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина // Байбаков Н. К. Собр. Соч. в 10 т. Т. 5. М., 2011. С. 261.

[22] Карпов В. П. Анатомия подвига: Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень, 2014. С. 125; Карпов В. П. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс как зеркало советской экономики 1960–80-х годов // Горные ведомости. 2006. № 4. С. 110–115.

ние процессов экономической и социокультурной трансформации, происходящих в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре во второй половине XX века, можно определить как региональный вариант модернизации — *фронтирной модернизации*. Концепция «фронтирной модернизации», сформулированная И. В. Побережниковым, фокусируется на особенностях модернизационного развития территорий, находящихся в процессе освоения, пограничных зон (фронтирах)[23]. Разработанная на материалах Урала и Сибири, первоначально эта теоретическая рамка применялась главным образом к имперскому периоду истории России. Однако в настоящее время она успешно используется в изучении районов нового промышленного освоения (РНПО) в советский период[24]. В середине 1950-х годов Ханты-Мансийский национальный округ обладал всеми чертами фронтирной территории, находящейся в процессе модернизации: продолжающееся и длительное по времени вовлечение региона и его аборигенного населения в советский проект; слабая и неравномерная заселенность; наличие богатых природных ресурсов как основы для развития промышленного потенциала региона; потребность в дополнительной рабочей силе для разработки ресурсов и, как следствие, высокая миграционная активность, проблема адаптации мигрантов, кросс-культурные контакты и конфликты; неразвитость транспортной и социальной инфраструктуры; диспропорции в демографическом составе населения, его подвижность, неустойчивость социума/социумов; примат центра и государственных институтов в решении задач интеграции периферии.

Концепция фронтирной модернизации совмещает две исследовательские перспективы — пространственную и временную[25]. Модернизация в пространственном измерении — региональной проекции — рассматривается как многогранный процесс, не сводимый к индустриальной доминанте, и затрагивающий широкий спектр проблем — от изменения экономического профиля и экономического потенциала региона до трансформации его социального облика, системы расселения, образования, культуры, производственной и социальной инфраструктуры, повседневной жизни коренного населения и мигрантов-новоселов.

Хронологические координаты реализации модернизационного проекта в рамках позднесоветского периода дают возможность акцентировать внимание на советской специфике

---

[23] Концепция «фронтирной модернизации» представлена И. В. Побережниковым в ряде публикаций. Назовем некоторые из них: Побережников И. В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. М., 2013. Вып. 12: ежегод. С. 246–274; Побережников И. В. Фронтирная модернизация в истории России // Экономическая история. 2013. № 2 (21). С. 18–23; Побережников И. В. Парадигма модернизации, исторические трансформации, региональное развитие // Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л. П. Репиной. М., 2017. С. 72–140; Побережников И. В. Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе. М., 2018. С. 283–298; Побережников И. В. Фронтирная модернизация в современной отечественной историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Т. 1. Екатеринбург, 2020. С. 30–38.

[24] Тимошенко А. И. Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтирной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 141–148; Тимошенко А. И. Индустриальное освоение Сибири во второй половине XX в.: фронтирное измерение // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 104–111.

[25] Инициатива изучения пространственно-временных особенностей российских модернизаций принадлежит учёным Института истории Уральского Отделения РАН. О первых итогах и перспективах реализации этого продолжающегося научного проекта см.: Алексеев В. В., Побережников И. В. Модернизационная парадигма российской истории // Экономическая история. 2006. № 4. С. 7–17; Побережников И. В. Фронтирная модернизация в современной отечественной историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Т. 1. Екатеринбург, 2020. С. 30–38.

развития и интеграции территорий нового промышленного освоения. Она нашла отражение в мобилизационной стратегии и обусловленных ею практиках освоения региона, приоритете решения производственных задач в ущерб социальным, быстрых темпах освоения, попытках осуществить интеграцию через унификацию, особенностях национальной политики по отношению к коренным народам региона. Ускоренное развитие Югры в этот период, носящее догоняющий характер, прошло стадию двух взаимосвязанных переходов — урбанизационного и демографического. Стратегия модернизации региона была прогрессом и одновременно вызовом, кардинальным образом меняющим природную и социальную среду региона. Последствия этих трансформаций — независимо от знака их ретроспективной оценки — носили долговременный характер и влияют на жизнь Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до сих пор.

История Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 1953–1991 гг. в современной историографии

Изучение истории Югры в новейший период имеет солидную историографическую традицию. Одна из ключевых тем — история **региональной власти и управления** на территории Ханты-Мансийского автономного округа периода 1950-х — начала 1990-х годов. Общие подходы к ее разработке в рамках структурно-функционального и институционального анализа, концепции «региональных сетей» были представлены в работах В. П. Мохова[26], Р. Г. Пихои[27], О. В. Хлевнюка и Й. Горлицкого[28]. В послесталинский период активизируются практики лоббирования региональных интересов, в представлении которых участвуют коалиции партийных и советских руководителей регионов, отраслевых министров, партийных «кураторов», авторитетных учёных. Данные процессы отражены в публикациях А. Б. Коновалова, Г. Ю. Колевой, В. Л. Некрасова, Н. Н. Рашевской, Е. А. Хромова, О. Н. Стафеева[29]. Авторы акцентируют внимание на функционировании сетей — взаимодействии первых секретарей Тюменского обкома КПСС с должностными лицами аппарата ЦК КПСС, министерств, отраслевых главков, совнархозов, что позволяет реконструировать механизм принятия решений,

---

[26] Мохов В. П. Региональная политическая элита России. 1945–1991. Пермь, 2003.

[27] Пихоя Р. Г. Советский Союз. История власти. 1945–1995. Новосибирск, 2000.

[28] Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010; Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М. 2011. Gorlizki Y., Khlevniuk O. Substate Dictatorship: Networks, Loyalty, and Institutional Change in the Soviet Union. Yale University Press, 2020.

[29] Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово, 2006; Колева Г. Ю. Состояние Тюменской области в оценке комиссии ЦК партии и принятом по итогам ее работы постановлении (1948–1949 гг.) // Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.): сб. науч. ст. Екатеринбург, 2020. С. 10–15; Колева Г. Ю. История нефтяной и газовой промышленности ХМАО — Югры (1964–2020 гг.): 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа посвящается // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 162–170; Колева Г. Ю., Колев Ж. М. Газовая промышленность Тюменской области: от Берёзовского до Медвежьего. Тюмень, 2022; Рашевская Н. Н. Роль ведомственности в формировании повседневных практик рабочих Ханты-Мансийского национального округа во второй половине 1940-х — 1960-е годы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 2. С. 145–159; Хромов Е. А., Некрасов В. Л., Стафеев О. Н. Нефтегазовый комплекс СССР (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.). Ханты-Мансийск, 2012.

касающихся социально-экономического развития округа. В данном контексте частным, но весьма показательным примером взаимодействия и конфликта региональных и ведомственных интересов является история неосуществленного проекта строительства Нижне-Обской ГЭС, нашедшая отражение в исследованиях М. В. Комгорт, В. Л. Некрасова, М. С. Мостовенко, О. Н. Стафеева[30]. В ряде исследований реконструируется состав региональной элиты, ее внутренняя организация, а также деятельность отдельных лиц[31]. Они фокусируются главным образом на «первых лицах» Тюменской области — А. К. Протазанове, Б. Е. Щербине, Г. П. Богомякове, тогда как руководители Ханты-Мансийского округа остаются «в тени». Исследование деятельности партийно-советской и хозяйственной элиты округа, ее участия в решении проблем регионального развития впервые предпринято А. Б. Коноваловым в данном томе.

Центральная тема новейшей истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры — становление и развитие **Западно-Сибирского нефтегазового комплекса**. В истории открытия и промышленного освоения новой энергетической провинции СССР современные исследователи, несмотря на некоторые расхождения, выделяют три этапа: 1920-е-1950-е гг., 1960-е-1980-е гг. и 1991 г. (или вторая половина 1980-х гг.) — по настоящее время[32]. Работы первого этапа освоения представлены, главным образом, трудами специалистов геологической отрасли. Дополненные публикациями геологов, в том числе участников первых экспедиций за Урал, они отражают дискуссии об углеводородном потенциале этой территории, заложив традиции плюрализма мнений будущих исторических работ[33].

Включение в процесс изучения «нефтяной тематики» историков в 1960–1980-е гг. ассоциируется с историко-партийными работами, достаточно репрезентативно представлявшими фактический материал, но лишенных дискуссионных трактовок прошедших событий[34]. Этот полемический вакуум в определенной мере компенсировали в рамках научно-

---

[30] Комгорт М. В. К истории одного энергетического проекта (Нижнеобская ГЭС и нефтегазовые перспективы Тюменской области) // Горные ведомости. 2007. № 8. С. 88–95; Комгорт М. В., Колева Г. Ю. Проблема повышения уровня индустриального развития Западной Сибири и проект строительства Нижнеобской ГЭС // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 85–90; Некрасов В. Л., Стафеев О. Н. «Битва коалиций»: проблема оценки экономической эффективности проекта Нижнеобской ГЭС в 1962–1963 гг. (по материалам Госплана СССР) // Экономическая история Сибири XX — начала XXI века: материалы III Всероссийской научной конференции, г. Барнаул, 29 июня — 1 июля 2012 г. / отв. ред. Е. В. Демчик. Барнаул, 2012. С. 156–166; Мостовенко М. С., Стафеев О. Н. Природные ресурсы в индустриальном контексте: проект Нижне-Обской ГЭС и лесная промышленность Севера Западной Сибири, экспертные сообщества и экологические риски // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6. С. 155–165.

[31] Колева Г. Ю., Комгорт М. В., Майданов В. С. Большой человек из Великой эпохи (к 100-летию А. К. Протозанова). Тюмень, 2012; Колева Г. Ю., Колев Ж. М. Личностный фактор в истории нефтегазовой отрасли Западной Сибири. Тюмень, 2021; Комгорт М. В. Щербина и Протозанов: особенности тюменского «двоевластия» (1963–1964 гг.) // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Нижневартовск, 2016. С. 82–87.

[32] См. подробнее: Комгорт М. В. Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции (1920–1980-е гг): автореф. дис. … д-ра. ист. наук. Екатернбург, 2020.

[33] Шатский Н. С. Проблема нефтеносности Сибири // Нефтяное хозяйство. 1932. Т. XXIV. № 9. С. 131–140; Коровин М. К. О нефти в западной Сибири // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1932. № 9. С. 72–78; Усов М. А. К вопросу о нефти в Западно-Сибирском крае // Вестник ЗСГРТ. 1936. № 3. С. 35–41; Ростовцев Н. Н., Симоненко Т. Н. О поисках нефти и газа в Западно-Сибирской низменности // Геологи нефти и газа. М., 1959. № 6. С. 8–13; и др.

[34] Алексеев В. В., Пашков Н. М. Партийное руководство созданием и развитием нефтегазового комплекса в Западной Сибири // Вопросы истории КПСС. 1983. № 5. С. 55–68; Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса Западной Сибири (1964–1977 гг.). Томск, 1988; Алексеев В. В., Пашков Н. М. Партийное руководство созданием и развитием нефтегазового комплекса в Западной Сибири // Вопросы истории КПСС. 1983. № 5. С. 55–68.

исследовательской программы «Сибирь» Сибирского отделения Академии наук В. В. Алексеев и В. А. Ламин[35]. Историки показали коллизии научных дискуссий 1930-х — 1950-х гг. относительно потенциала сибирской нефти и представили свое прочтение хроники геологоразведочных работ в Западной Сибири.

«Пальма первенства» в разработке истории становления и развития ЗСНГК принадлежит Тюменской исторической школе — от Н. М. Пашкова до ее ярких современных представителей — Н. Ю Гавриловой, Н. Ю. Колевой, М. В. Комгорт, В. Н. Карпова и других. Историю сибирской геологоразведки наиболее последовательно изучала М. В. Комгорт[36]. В центре внимания В. П. Карпова и Н. Ю. Колевой находится история формирования ЗСНГ в контексте развития энергетической стратегии страны и научно-технической политики; в их работах представлен комплекс проблем, связанных с созданием материально-технической базы комплекса, его технического и кадрового обеспечения, условиями труда и жизнедеятельности нефтяников, газовиков, энергетиков и строителей[37].

В 2011 г. Н. Ю. Гаврилова, В. П. Карпов, Г. Ю. Колева и М. В. Комгорт подготовили коллективную монографию «Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации»[38]. В ней был дан анализ политических, экономических, социальных и научно-технических аспектов создания крупнейшего в стране нефтегазового комплекса. Это исследование нашло свое продолжение в других публикациях авторов[39]. Исследования тюменских историков аккумулировали наиболее актуальные дискуссионные проблемы «нефтяной истории»: этапы формирования экономической стратегии освоения энергетических ресурсов Западной Сибири, хронология создания и периодизация развития ЗСНГК, начало промышленного освоения нефтяных месторождений, целесообразность применения вахтового метода организации труда, причины интенсивной эксплуатации нефтяных запасов и кризис нефтедобычи 1980-х гг.

В работах М. В. Славкиной развитие ЗСНГК вписано в общий контекст энергетической политики СССР, в полемическом ключе рассматриваются проблемы «углеводородной зависимости» страны и роль экспорта энергоресурсов в экономике страны[40]. Роль нефтегазового

---

[35] Алексеев В. В., Ламин В. А. Прометеи сибирской нефти. Свердловск, 1989; Алексеев В. В. Открытие сибирской нефти // Вопросы истории. 1986. № 5. С. 68–79; Ламин В. А. Выбор генерального направления нефтепоиска в Сибири (1930–1950-е гг.) // Разработка проблем промышленного освоения советской Сибири. Новосибирск, 1992. С. 148–160.

[36] Комгорт М. В. Западно-Сибирская нефтегазовая провинция: история открытия. Тюмень, 2008; Комгорт М. В. Тюменская геология до эпохи «великих геологических открытий». Тюмень, 2019.

[37] Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень, 2005; Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления (1964–1977 гг.): в 2-х ч. Тюмень, 2005.

[38] Карпов В. П., Колева Г. Ю., Гаврилова Н. Ю., Комгорт М. В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. Тюмень, 2011.

[39] См., например: Карпов В. П. Анатомия подвига. Тюмень, 2014; Карпов В. П., Комгорт М. В. Уроки создания нефтяной промышленности в Ханты-Мансийском автономном округе // Северный регион: наука, образование, культура. 2022. № 4 (52). С. 100–107; Колева Г. Ю. История нефтяной и газовой промышленности ХМАО — Югры (1964–2020 гг.): 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа посвящается // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 162–170; Колева Г. Ю., Колев Ж. М. Газовая промышленность Тюменской области: от Берёзовского до Медвежьего. Тюмень, 2022 и др.

[40] Славкина М. В. Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е гг. М., 2002; Славкина М. В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. М., 2007; Славкина М. В. Российская добыча нефти. М., 2014; Славкина М. В. Нефтегазовый фактор отечественной модернизации 1939–2008. М., 2015.

экспорта, как и тема международного сотрудничества, обсуждается также в публикациях И. С. Баграмяна, А. Ф. Шакая и Р. В. Артеменко[41]. Среди прочих проблем историки исследовали вопрос о влиянии санкций США в отношении газопровода Уренгой — Помары — Ужгород, проходившего по территории округа. Проблема внешнеэкономических связей в ходе строительства советских газотранспортных магистралей представлена и в зарубежной историографии. В 2015 г. по итогам научной конференции «Нефть, газ, трубопроводы: новое в изучении роли советской энергетики в период холодной войны» был издан сборник статей[42].

Механизм принятия решений, в том числе в рамках взаимоотношений центра и региона, в процессе выработки стратегии освоения нефтегазовых ресурсов Западной Сибири исследовали сургутские историки В. Л. Некрасов, О. Н. Стафеев и Е. А. Хромов[43].

Органической частью структуры Западно-Сибирского нефтегазового комплекса является **энергетическая отрасль**. В советской историографии анализу проблемы развития электроэнергетики в Ханты-Мансийском национальном (автономном) округе не было уделено достаточного внимания. Историческая литература данного периода представлена публикациями, в которых отражены лишь отдельные аспекты этой многогранной темы в контексте широкой проблематики промышленного развития Западной Сибири. В них становление электроэнергетической отрасли обусловлено формированием на ее территории совокупности функционально взаимосвязанных специализированных производств нового крупного территориально-производственного комплекса геологоразведки, нефтегазодобычи и строительства. Научные труды, посвященные созданию ЗСНГК, содержат достаточно большой, но несистематизированный объём информации о развитии электроэнергетики в округе как отрасли, которая должна была не только обеспечить сбалансированное развитие народнохозяйственного комплекса Западной Сибири, но и способствовать развитию многих отраслей экономики с широкими межрайонными связями Урала и европейской части СССР. Среди исследователей этой группы необходимо отметить работы В. В. Алексеева, И. П. Герасимова, А. Н. Зыкова, Н. Н. Некрасова, С. В. Славина, Л. Н. Шелест, Б. П. Орлова и других авторов[44].

Проблема формирования электроэнергетики в Ханты-Мансийском автономном округе была затронута в трудах тюменских историков, занимающихся историей создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) — Г. Ю. Колевой, В. П. Карпова, М. В. Комгорт и других[45]. Г. Ю. Колева рассматривает электроэнергетику как фактор, способствующий индустриализации не только севера Тюменской области, но и всего региона

---

[41] Баграмян И. С., Шакай А. Ф. Контракт века (О газопроводе Зап. Сибирь — Зап. Европа). М., 1984; Артеменко Р. В. Взаимоотношения западного мира и СССР через призму формирования газопроводной системы Западной Сибири // Исторический бюллетень. 2020. Т. 3. № 1. С. 5–12.

[42] Perović J. (ed.). Cold War Energy: a Transnational History of Soviet Oil and Gas. London, 2017.

[43] Некрасов В. Л. Энергетическая политика СССР. 1961–1974 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Сургут, 2007; Хромов Е. А. Формирование ведомственных и региональных интересов в нефтегазовом секторе СССР в 1957–1965 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2010; Некрасов В. Л., Стафеев О. Н., Хромов Е. А. Нефтегазовый комплекс СССР (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.): экономические и институциональные аспекты развития. Ханты-Мансийск, 2012.

[44] Шелест Л. Н. Некоторые вопросы развития электроэнергетики в северных районах Тюменской области // Академия наук СССР. Госплан СССР. Проблемы Севера. Вопросы промышленного развития районов Севера. М., 1967. Вып. 12. С. 137–141; Алексеев В. В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Часть II. 1951–1970 гг. Новосибирск, 1976; Орлов Б. П. Сибирь: шаги индустрии. М., 1988; и др.

[45] Колева Г. Ю. История создания материально-технической базы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1964–1977 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1987; Карпов В. П., Колева Г. Ю.,

в целом[46]. Проблемы развития энергетической отрасли в округе затрагивались в исследованиях Э. К. Мантиковой[47], А. И. Прищепы и И. Н. Стася[48]. Вместе с тем историографический анализ показывает, что изучение проблемы создания электроэнергетики в ХМАО — Югре не носило системного характера. Исследование отрасли осуществлялось фрагментарно как с точки зрения темпорального, так и содержательного реконструирования ее истории.

Становление электроэнергетической отрасли в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре происходило одновременно со стремительным формированием **транспортной инфраструктуры** округа. Стартовые основы ее исследования были заложены Н. М. Пашковым, В. П. Карповым, Г. Ю. Колевой и А. И. Прищепой, которые в контексте изучения истории формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса показали роль транспортной инфраструктуры в развитии ЗСНГК и проблемы ее становления, связанные с недостаточным индустриальным потенциалом строительных организаций и ведомственными конфликтами[49]. В 2000-е гг. появляются работы, непосредственно посвященные развитию железнодорожного и авиационного транспорта[50]. Существенным вкладом в изучение истории транспортного освоения Ханты-Мансийского округа стали научные работы С. И. Веселова, содержащие анализ политики окружных и областных властей в деле развития сети автомобильных дорог, динамики дорожного строительства в крае и источников его финансирования[51].

Гаврилова Н. Ю., Комгорт М. В. Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта. Тюмень, 2011; и др.

[46] Колева Г. Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири (1964–1989 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Томск, 2007. С. 30.

[47] Мантикова Э. К. Строительство Сургутских ГРЭС // Сибирские строители: События и судьбы. Сборник статей Всероссийской научной конференции. Отв. ред. И. Н. Стась. Сургут, 2017. С. 144–159; Мантикова Э. К. Электроэнергетика Ханты-Мансийского округа в 1930–1950-е гг. // Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.) : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2020. С. 51–60; Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. Сургут, 2005; Стась И. Н. Урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения (1960-е — начало 1990-х гг.): дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2013.

[48] Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. Сургут, 2005; Стась И. Н. Урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения (1960-е — начало 1990-х гг.): дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2013.

[49] Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса, 1964–1980 гг. Томск, 1988; Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень, 2005; Колева Г. Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири (1964–1989 гг.): дис. … д-ра ист. наук. Тюмень, 2007. С. 85, 108–110; Прищепа А. И. Из истории развития городского транспорта Сургута (конец 1960-х — начало 1990-х гг.) // Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы. Сургут, 2004. С. 310–312; Прищепа А. И. Первые транспортные артерии Западно-Сибирской нефтегазовой провинции // Актуальные вопросы истории Западной Сибири. Сургут, 2008. С. 166–176; Прищепа А. И. Как строили автомобильные дороги в Сургуте // Вестник Сургутского государственного университета. 2013. № 1. С. 79–82.

[50] Авимская М. А. Строительство железнодорожной магистрали Тюмень — Сургут — Нижневартовск — Уренгой и его социокультурное обеспечение (сер. 1960-х — сер. 1980-х гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Сургут, 2006; Авимская М. А. Стальной путь к сибирской нефти. Сургут, 2017; Исмагилов А. А. Развитие гражданской авиации Тюменской области в 1964–1991 гг.: дис. … канд. ист. наук. Сургут, 2017.

[51] Веселов С. И. Предпосылки формирования дорожно-строительной отрасли в Ханты-Мансийском национальном округе в 1930–1950-е гг. // Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.) : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2020. С. 61–71; Веселов С. И. Форсирование автодорожного строительства в северных районах Западной Сибири (1980-е — начало 1990-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 88–94; Веселов С. И. Автомобильно-дорожное строительство на севере Западной Сибири в 1963–1991 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2019.

В условиях сибирского бездорожья развитие транспортных коммуникаций приобретало особую важность для городского строительства. К этой теме обращается Н. Ю. Гаврилова в контексте исследования социальной политики на севере Сибири в годы создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса[52]. Изучение на тот момент пионерной темы было продолжено автором в монографии «Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985-е годы)»[53].

Теме развития **градостроительной отрасли** в городах нового промышленного освоения посвящены исследования Г. Ю Колевой[54], А. И. Прищепы[55] и Н. П. Розанова[56]. Авторам удалось достаточно полно показать напряженную работу властных структур и градообразующих предприятий по решению многочисленных организационных и производственных вопросов создания строительного комплекса на севере Западной Сибири, связанных с его проектно-изыскательным обеспечением, развитием материальной базы, созданием благоприятных условий жизнедеятельности новоселов. Изучение истории городского строительства в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре обрело новый импульс после выхода серии публикаций И. Н. Стася, который на основе многофокусного подхода представил историю урбанизации региона[57].

Для создания строительного комплекса ЗСНГК решающее значение имело развитие **лесной промышленности** в округе. Традиция ее изучения была заложена тюменским историком В. А. Законовым[58]. Ее продолжением стали работы Г. С. Криницкой[59], но, к сожалению, автор неоправданно мало уделила внимания развитию лесной отрасли непосредственно на территории округа, которая была основным районом лесоразработок в Западной Сибири.

---

[52] Гаврилова Н. Ю. Градостроительная концепция освоения нефтедобывающих районов Западной Сибири и ее реализация (60-е — 80-е гг.). // Ежегодник Тюменского краеведческого музея. Тюмень. 1999. С. 61–73.

[53] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень, 2002.

[54] Колева Г. Ю. Строительный комплекс Западно-Сибирского нефтегазового района: становление и развитие (1960–1980-е гг.) // Сибирские строители: события и судьбы. Всероссийская научная конференция. 2017. С. 71–99.

[55] Прищепа А. И. Формирование индустриальной базы строительства в ХМАО — Югре // Российская история. 2020. № 5. С. 134–145; Прищепа А. И. Развитие промышленности строительных материалов Тюменской области // Вопросы истории. 2019. № 12–4. С. 164–171; Прищепа А. И. Возрождение Сургута. Вторая половина XX века. Сургут, 2015; Прищепа А. И. Городское строительство в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (конец 1950-х — середина 1990-х гг.). М.; СПб., 2022.

[56] Розанов Н. П. Крупнопанельное домостроение. М., 1982.

[57] Стась И. Н. От посёлков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском автономном округе (1960 — нач. 1990-х гг.). Сургут, 2016; Стась И. Н. Центры урбанизации и расселения нефтяников — город Нижневартовск и Нижневартовский район. // Нижневартовский район в судьбах Югры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня образования Нижневартовского района. Нижневартовск, 2013. С. 35–43; Стась И. Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960 — нач. 1990-х гг.). Курган, 2018.

[58] Законов В. А. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по развитию лесной и деревообрабатывающей промышленности в годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983.

[59] Криницкая Г. С. История лесной и деревообрабатывающей промышленности Западной Сибири в конце 1960-х — начале 1980-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1989.

Недостаток научного внимания к истории лесной промышленности Югры восполняет комплексное исследование А. В. Судакова[60]. Автором был сделан акцент на изучении развития материально-технической базы отрасли, изменении в методах организации труда, кадровом потенциале и социально-бытовом обеспечении рабочих. Однако вне поля его исследовательского внимания оказались вопросы экологической безопасности и влияния технологии лесозаготовок на природу региона.

Тесно связанными с лесной промышленностью в народном хозяйстве округа развивались и другие традиционные промыслы — **сельское хозяйство, оленеводство и добыча рыбы.** Эти виды занятости коренного населения нашли отражение в исследованиях этнографов и историков З. П. Соколовой, Н. В. Лукиной, В. М. Кулемзина, А. И. Пики, А. В. Головнева, Ю. П. Прибыльского[61]. Органически связанная с изучением лесных и рыбных ресурсов региона природоохранительная тематика продолжительное время не являлась предметом специального изучения и заявила о себе в региональной историографии в полный голос в конце 1980-х — начале 1990-х гг.[62] Тема использования и охраны природных ресурсов края в 2000-е гг. начинает активно развиваться в новаторское направление исторической науки — экологическую историю Сибири, наиболее плодотворно осваиваемое историками Сургутского государственного педагогического университета под руководством признанного специалиста в этой области Е. И. Гололобова[63]. Экологическая политика, экологическая культура, история природопользования и широкий спектр проблем техногенного вмешательства в природную среду севера Западной Сибири широко представлена на страницах издаваемого с 2007 г. «Вестника Сургутского государственного педагогического университета»[64].

---

[60] Судаков А. В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в к. 1950-х — сер. 1980-х гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Сургут, 2005.

[61] Соколова З. П. Перспективы социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера // Расы и народы. М., 2002. Вып. 28. С. 61–79; Соколова З. П. Ханты и манси. М., 2009; Лукина Н. В. Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1996; Кулемзин В. М. К вопросу о механизме разрушения традиционных культур // Questions siberiannes. Сибирские вопросы. Paris, 1992. № 2. С. 48–87; Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993; Прибыльский Ю. П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX в. Тобольская биологическая станция РАН. М., 2008.

[62] См., например: Алексеев В. В., Ламин В. А. «Прометеи сибирской нефти». Свердловск, 1989; Алексеев В. В. Экологический кризис на востоке России во второй половине XX века // Окружающая среда для нас и для будущих поколений: экология и бизнес в новых условиях: Тез. докл. Красноярск, 1994. Ч. 2. С. 5–9.

[63] Гололобов Е. И. История взаимодействия человека и природы на севере Западной Сибири // Вестник Югорского государственного университета. 2014. № 3 (34). С. 25–31; Гололобов Е. И. Пространство воды как ресурс и как угроза в истории освоения Севера Западной Сибири в XX веке // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (75). С. 79–92; Гололобов Е. И. Экологическая история Сибирского Севера: перспективные направления исследований // Экологическая история Сибирского Севера: перспективные направления исследований. 2015. С. 11–23; и др.

[64] Агафонова А. Б. Перспективы развития гидроэнергетики в Российской империи в оценках современников // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 6 (81). С. 10–16; Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А. История использования и охраны рек в процессе индустриального развития Восточной Сибири в советский период // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 6 (81). С. 25–36; Гололобов Е. И. Государственная политика по освоению рыбных ресурсов Тюменской области в 1945–1975 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 6 (81). С. 82–91; Шмыглева А. В. Рыбохозяйственные исследования Обь-Иртышского речного бассейна (первая половина XX в.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 6 (81). С. 17–24.

Этнодемографические процессы, протекавшие на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в эпоху нефтегазового освоения, являлись предметом наибольшего внимания учёных различных областей социально-гуманитарного знания — демографов, экономистов, географов, социологов, историков. Пионерными в изучении демографических процессов на территории районов нового промышленного освоения стали работы демографов К. Н. Мисевича и В. И. Чудновой[65], социологов Е. Д. Малинина и А. К. Ушакова[66]. В этих исследованиях представлена динамика миграционных процессов, структура занятости населения в районах индустриального освоения. Вместе с тем хронологические рамки этих работ ограничивались в основном начальным этапом развития ЗСНГК — серединой 1960-х — серединой 1970-х годов. Более широким хронологическим охватом отличались работы историков. Особенности формирования населения Тюменского Севера в 1960–1980-е гг. нашли отражение в трудах Н. Я. Гущина и М. М. Ефимкина[67].

Первым комплексным исследованием на этом проблемном поле стала монография Н. Ю. Гавриловой[68], которой удалось наиболее полно воссоздать историческую ретроспективу формирования социальной инфраструктуры Тюменского Севера, выявив его региональную специфику на фоне общероссийских процессов. Новым концептуальным подходом, рассматривающим различные аспекты урбанизации региона в контексте процесса его модернизации, формирования «нового горожанина» отличаются работы И. Н. Стася[69].

Важное место в развитии социальной инфраструктуры городов округа занимала **торговля и бытовое обслуживание**, что нашло отражение в публикациях Н. В. Куксановой, Е. В. Логунова[70]. В них представлены состояние материально-технической базы объектов торговли и бытового обслуживания, их кадровое обеспечение, условия жизнедеятельности занятых в этой сфере. Эта тема непосредственно связана с изучением **повседневной жизни** населения округа. В исследованиях, посвященных различным аспектам повседневности, нашли отражение условия жизни, вопросы организации досуга, благоустройства жилого фонда, развития сферы торгового и бытового обслуживания[71].

---

[65] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера. Новосибирск, 1973.

[66] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. М., 1976.

[67] Гущин Н. Я. Демографическое развитие Советской Сибири: основные этапы и проблемы // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 124–187; Ефимкин М. М. Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980. Новосибирск, 1989.

[68] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень, 2002.

[69] Стась И. Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960 — нач. 1990-х гг.). Курган, 2018; Стась И. Н. Рождение нефтяных городов Ханты-Мансийского округа в период нефтегазового освоения Тюменской области // Архитектура и строительство России. 2013. № 6. С. 30–40; Стась И. Н. Социокультурная антропология городов Югры: опыт современной историографии // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2015. № 4. С. 29–39; Стась И. Н. Индустриализация Ханты-Мансийского округа как основной фактор развития городов нефтяников во второй половине XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2. С. 95–104; и др.

[70] Куксанова Н. В. Социально-бытовая инфраструктура Сибири (1965–1980 гг.). Новосибирск, 1993; Куксанова Н. В. Торговое обслуживание трудящихся в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980 гг.) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 176–184; Логунов Е. В. Развитие социальной инфраструктуры городов северных районов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1970–1985 гг.) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 184–210.

[71] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень, 2002; Гаврилова Н. Ю., Карпов В. П. Жилищно-гражданское строительство

Сфера **культуры и культурного обслуживания** долгое время оставалась одним из «узких мест» в городской и, тем более, сельской повседневности. Осознание кризисного состояния учреждений культурно-досугового назначения стало стимулом для развития исследований на этом направлении, которые выходили за рамки округа и носили общероссийский характер[72]. В числе прочих проблем авторы акцентировали внимание на вопросах кадрового обеспечения отрасли, состоянии ее материально-технической базы[73].

В 1990-х гг. в условиях формирования новой государственной национально-региональной политики возрос интерес к «локальным» исследованиям, которые позволили не только по-новому взглянуть на механизм взаимодействия центральных и местных органов власти, но и выявить особенности реализации культурной политики в регионах. В связи с этим большой интерес представляют труды В. С. Бовтуна, посвященные всестороннему изучению культурного развития Сибири 1970-х — 1990-х гг., в том числе и в Ханты-Мансийском автономном округе[74]. Сравнительный анализ обеспеченности учреждениями культуры северных округов содержится в работе Н. В. Исаковой[75]. Вопросы состояния культурной сферы городов и рабочих посёлков Севера Западной Сибири рассматривает Н. Ю. Гаврилова[76]. Культурному строительству в г. Сургуте посвящены публикации А. И. Прищепы[77]. Формирование и развитие системы культурного обслуживания населения районов нефтегазодобычи стало также предметом специальных диссертационных исследований Е. В. Штубовой и М. И. Ташлыковой[78].

в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири (1964–1985 гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. 2002. № 1–2. С. 238–244; Стась И. Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960 — нач. 1990-х гг.). Курган, 2018; и др.

[72] Ефремов С. К., Е. Е. Кунин. Учреждение культуры нового типа: принципы формирования и опыт деятельности // Социальное проектирование в сфере культуры: перспективные модели учреждений культуры: сб. науч. тр. М., 1990; Кунцман Г. И., Петренко Е. С. Развитие платных форм обслуживания населения в культурно-просветительных учреждениях // Актуальные направления совершенствования и перестройки управления в сфере культуры: сб. науч. тр. М., 1988.

[73] Подпригорщук Л. Я. Стимулирование труда культурно-просветительных работников // Вопросы экономической деятельности культурно-просветительных учреждений: сб. науч. тр. Л., 1984; Ковригина В. М. Пути совершенствования оплаты труда в сфере культуры и искусства // Экономика культуры. Проблемы теории и практики: сб. науч. тр. М., 1986; Суник Б. В. Материально-техническая база и обеспечение учреждений культуры. М., 1980; Викторов В. В. Становление и развитие материально-технической базы идейно-воспитательной работы. М., 1989; Шарова А. Ф. Перестройка управления сферой культуры и досуга территории: основные направления и организационные механизмы // Культурно-досуговая деятельность: перспективы развития и проблемы регулирования: сб. науч. тр. Свердловск, 1991; Шишкин С. В. Нововведения в системе управления развитием сферы культуры на региональном уровне // Организационно-управленческие нововведения в сфере культуры: сб. науч. тр. М., 1999.

[74] Бовтун В. С. Культура региона: история управления, проблемы развития. Барнаул, 1996; Бовтун В.С Культура и искусство Сибири (1970–1990 гг.). Барнаул, 1996; Бовтун В. С. Развитие учреждений культуры в Сибирском регионе (1970–1990 годы): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Омск, 1996.

[75] Исакова Н. В. Культура народов Севера: Философско-социологический анализ. Новосибирск, 1989.

[76] Н. Ю. Гаврилова. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень, 2002.

[77] Наиболее полно эти сюжеты нашли отражение в монографии: Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. Сургут, 2005.

[78] Штубова Е. В. Формирование и развитие системы культурного обслуживания трудящихся в районах нового промышленного освоения Западной Сибири (1964–1985 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Свердловск, 1991; Ташлыкова М. И. Развитие учреждений культуры и искусства севера Западной Сибири (1965–1991 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Сургут, 2006.

Неотъемлемая часть политической и духовной жизни округа — **религиозная политика и положение разных конфессий.** Трудов, посвященных региональной истории церкви в Западной Сибири, сравнительно немного и охватывают они относительно непродолжительные периоды[79]. Тем большую научную ценность представляют исследования сургутского историка П. В. Белоуса, сотрудников Нижневартовского государственного гуманитарного университета В. В. Цыся и О. П. Цысь, посвященные деятельности Русской православной церкви в округе[80]. В публикациях С. В. Поливановой отражена история преследования верующих, государственно-конфессиональные отношений[81]. Большинство авторов сосредотачиваются главным образом на предвоенном периоде, тогда как развитие церковной жизни в округе в 1950-е — 1980-е гг. пока не нашло подробного освещения. Раздел в этой книге, подготовленный П. В. Белоусом, — первый опыт такого рода исследования.

Изучение истории развития **системы школьного образования** в округе в 1953–1991 гг. как отдельное направление в региональной историографии начало формироваться относительно недавно. В его развитие внесли вклад сургутские, нижневартовские, тюменские и новосибирские историки — Н. Ю. Гаврилова, А. И. Прищепа, Д. В. Кирилюк, Н. К. Файзуллина[82]. Эти исследования позволяют оценить место школы в государственной образовательной политике округа, роль демографического, этнонационального, спецпереселенческого фактора в эволюции местной системы образования, выявить основные тенденции развития ее материально-технической базы, формирования кадрового потенциала школ округа и организации учебно-воспитательной работы. Специальная тема — развитие национальных школ, образования коренных народов округа, нашедшая отражение в исследованиях Е. Г. Чумак, С. М. Молокова, Е. В. Переваловой, А. Г. Киселева и С. В. Ониной[83].

---

[79] Сосковец Л. И. Религиозные организации Западной Сибири в 1940–1960-е годы: дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2005; Цысь О. П. Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2003; Зайцева Л. Ю. История православной церкви Зауралья, 60-е годы XIX в. — 1918 г. Курган. 2000; Борисова В. В. Русская Православная Церковь в условиях трансформационных процессов 1917–1936 гг. (на материалах Зауралья). Тюмень, 2012; и др.

[80] Белоус П. В. Тобольская епархия в годы Первой мировой войны (1914–1918). Тюмень, 2018; Белоус П. В. Русская Православная Церковь на территории Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 2. Отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул, 2015. С. 37–61; Белоус П. В. Духовенство Тобольской епархии в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.) / под общ. ред. П. В. Белоуса, А. Ю. Конева. Тюмень, 2020. С. 118–143; Православие в Нижневартовском районе: три века истории / под общ. ред. В. В. Цыся. Нижневартовск, 2018.

[81] Поливанова С. В. Вера в опале: по страницам газеты «Новости Югры». Ханты-Мансийск, 2009; Поливанова С. В. Закрытие православных храмов на Обь-Иртышском Севере в 1920–1960-е гг. // Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.) / под общ. ред. П. В. Белоуса, А. Ю. Конева. Тюмень, 2020. С. 191–208.

[82] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень, 2002; Кирилюк Д. В. Развитие школьного образования в Югре (1945–1991 гг.). Курган, 2019; Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. Сургут, 2005; Прищепа А. И. Система народного образования Сургута во второй половине XX века. // Северный регион: наука, образование, культура. № 1. 2004. С. 136–138; Файзуллина Н. К. Школьное образование в Западной Сибири в середине 1950-х — середине 1960-х гг. (на материалах Омской, Томской и Тюменской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010.

[83] Киселев А. Г., Онина С. В. Национальная — нерусская — русская: школы Югры в 40–50-х годах XX в. // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 577–587; Онина С. В., Киселев А. Г., Дука Н. А. Хантыйский язык в Ханты-Мансийском национальном педагогическом училище, 1945–1950-е гг. // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 381–389; Молоков С. М. Культура малочисленных народов Севера Сибири в условиях промышленного освоения территории. Тюмень, 2010; Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2017;

В настоящее время Ханты-Мансийский автономный округ — Югра является признанным **центром спорта**, а биатлонные победы — это гордость всей страны. Неслучайно историография развития физической культуры и спорта в округе концентрируется на второй половине 1990-х — первых десятилетиях XX в., когда в жизни региона стали происходить заметные перемены как в реализации программ пропаганды здорового образа жизни и вовлечения населения в занятия физкультурой и спортом, так и в развитии сектора профессионального спорта (биатлон, лыжи, волейбол, мини-футбол, шахматы и др.). Период 1953–1991 гг. редко привлекал внимание исследователей, и этот интерес носил выборочный характер, когда предпочтение отдавалось истории национальных видов спорта. В литературе рассматриваются процесс зарождения национальных видов спорта, его периодизация, объединение в отдельную дисциплину (северное многоборье) и включение в Единую всесоюзную спортивную квалификацию, изменение статуса соревнований по северному многоборью — от регионального до всесоюзного[84].

Заслуживает внимания попытка группы исследователей (В. Н. Зуев, Н. Г. Милованова, Н. В. Астафьев) концептуального осмысления развития физической культуры и спорта в Тюменской области в 1960–1970-е гг. в контексте формирования и развития нефтегазового комплекса[85]. В целом, изучение физической культуры и спорта рассматриваемого периода в регионе, несмотря на успехи в освещении отдельных тем, имеет существенные лакуны и нуждается в комплексном осмыслении проблем и рассмотрении их на надежной источниковой базе. Первый опыт такого рода исследования предпринят А. И. Купряновым в этой книге.

Важным этапом истории развития округа являлись годы **перестройки**. В историографии представлены работы, в которых нашли отражение проблемы формирования общественно-политических движений на территории Западной Сибири, ход избирательных кампаний 1989, 1990, 1991 гг.[86] Региональный ракурс — история общественно-политической жизни округа в это время — представлена в исследованиях А. И. Прищепы, Д. В. Сердюкова[87]. Написанные на широком круге источников, в том числе свидетельствах очевидцев, эти публикации предлагают яркую, насыщенную событиями и эмоциями картину недавнего прошлого.

Чумак Е. Г. Становление и развитие системы образования обско-угорских народов Северо-Западной Сибири в 1920–1950-е гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2008.

[84] Зуев В. Н. Эволюционное развитие северного многоборья в Российской Федерации // Программирование в управлении физической культуры и спорта в условиях Крайнего Севера на уровне субъекта Федерации. Материалы региональной научно-практической конференции. 2000. С. 116–122; Национальные виды спорта: северное многоборье: Учебно-методическое пособие для студентов факультетов физической культуры и спорта / сост. Н. В. Самоловова, Н. А. Самоловов. Нижневартовск, 2008; Барбашов С. В. Особенности развития северного многоборья как вида социально-соревновательной практики спорта // Вестник НВГУ. 2016. № 1. С. 62–65.

[85] Зуев В. Н., Милованова Н. Г., Астафьев Н. В. Эволюция физкультурного движения в период становления Тюменского нефтегазового комплекса // Воспитание и обучение: теория, методика и практика. Сб. материалов IV Междунар. науч.-практич. конференции. Чебоксары, 2015. С. 268–271.

[86] См., например: Мордвинцева С. А. Общественно-политические кампании 1988–1991 гг. в Западной Сибири: автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 1997. Черненко Е. В. Становление общественно-политических организаций и движений в Западной Сибири (1987–1991 гг.): автореф. дис… канд. ист. наук. Омск, 1997; Штырбул А. А., Новиков С. В. Перестройка и возрождение анархизма в Сибири (вторая половина 1980-х — начало 1990-х гг. XX в.). Омск, 1994. С. 53–60.

[87] Прищепа А. И. Общественно-политическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа в 1985–2000 годах // Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 379–399; Прищепа А. И. Август 1991 г. в ХМАО — Югре. Вопросы истории. 2019. № 6. С. 60–63; Прищепа А. И. Формирование

Источниковая база исследования

История развития Ханты-Мансийского национального (автономного) округа в 1953–1991 гг. нашла отражение в широком круге источников. Авторы использовали документы директивного характера, решения высших партийных и государственных инстанций, касающиеся как общих вопросов развития страны, так и проблем развития округа. Многие из них опубликованы в форме стенографических отчетов и сборников постановлений[88].

Основу исследования составили архивные документы — нормативные материалы, сопроводительные документы, аналитические справки, отражающие историю формирования стратегии развития округа. Эти документы хранятся в фондах Российского государственного архива новейшей истории России (РГАНИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и представлены материалами Политбюро/Президиума ЦК КПСС, аппарата (отделов) ЦК КПСС, Совета министров СССР, Совета министров РСФСР, Госплана СССР, Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР (СОПС), «профильных» министерств и других ведомств.

Информацию о формах и методах реализации государственной политики освоения Сибирского Севера в регионе представляют документы местных партийных и советских органов власти, отложившиеся в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО), Государственном архиве Тюменской области (ГАТО), Муниципальном архиве города Сургута (МАГС), Государственном архиве Югры (ГАЮ)[89]. Они со-

---

политической структуры Ханты-Мансийского автономного округа в 1990-е годы // Северный регион. 2000. № 2. С. 68–75; Сердюков Д. В. Нарастание кризиса советской партийно-государственной системы в 1985–1991 гг.: региональный аспект: (на материалах ХМАО): дис...канд. ист. наук. Сургут, 2006; Сердюков Д. В. Идейно-политические и структурно-функциональные трансформации в комсомольских организациях во второй половине 1980-х гг. (на примере регионов Севера Западной Сибири) // Советская молодежь в исторической памяти России: сб. науч. тр. по мат-м Всерос. науч.-практ. конф. (г. Сургут, 19–20 октября 2018 г.). Сургут, 2018. С. 458–473.

[88] XX съезд КПСС. 14–25 февраля 1956 г. Стеногр. отчет. В 2 т. М., 1956; XXII съезд КПСС. 17–30 октября 1961 г.: Стеногр. отчет. В 2 т. М., 1962; Внеочередной XXI съезд КПСС. 27 января — 5 февраля 1959 г.: Стеногр. отчет. В 2 т. М., 1959; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, 1917–1957 годы. Т. 4: 1953–1957 годы. М., 1958; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 8–12. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983–1990; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4–16. М., 1968–1988.

[89] Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-124 — Тюменский областной комитет КПСС; Ф. П-2010 — Тюменский промышленный областной комитет КПСС; Ф. П-107 — Ханты-Мансийский окружной комитет КПСС Тюменской области; Ф. П-113 — Сургутский городской комитет КПСС; Ф. П-2776. — Первичная организация КПСС Обь-Иртышского речного пароходства; Ф. П-2659.— Первичная организация КПСС Тюменского управления гражданской авиации; Ф. П-68 — Берёзовский райком КПСС; Ф. П-93 — Кондинский райком КПСС; Ф. П-1444 — Тюменский обком ВЛКСМ; Ф. П-1490 — Ханты-Мансийский окружной комитет ВЛКСМ; Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р-814. — Тюменский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет; Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 1 — Ханты-Мансийский окружной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет; Ф. 1933 — Управление архитектуры и градостроительной политики Главного управления строительства администрации Тюменской области; Ф. 1823 — Тюменский областной отдел народного образования; Муниципальный архив г. Сургута (МАГС). Ф. 5 — Ханты-Мансийский окружной отдел народного образования; Ф. Р-100 — Строительное управление № 904 Главдорстроя треста «Тюменьдорстрой» Министерства транспортного строительства СССР; Ф. Р102 — Трест «Сургутнефтеспецстрой» объединения «Сургутнефтегаз» Главного Тюменского производственного управления

держат переписку Тюменского обкома с министерствами, хозяйственными ведомствами и предприятиями о строительстве промышленных и социальных объектов на севере Тюменской области, стенографические отчеты совещаний работников партийных, советских органов, строительных и проектных организаций. Документы дают возможность сформировать представление о практической деятельности региональных партийных и хозяйственных органов по реализации мероприятий, направленных на развитие промышленной, транспортной и социальной инфраструктуры, городского хозяйства и культурного строительства в округе.

Важное место в нашем исследовании принадлежит статистическим материалам[90]. Они дают возможность проследить динамику экономического развития региона, демографические изменения и социокультурные трансформации.

История региона — это история людей. Наши авторы использовали значительный комплекс эго-источников — мемуары партийных и хозяйственных руководителей округа, работников центральных и местных структур, жителей округа[91].

нефтяной промышленности Министерства нефтяной промышленности; Ф. Р-103 — Нефтегазодобывающее управление «Сургутнефть» акционерного общества открытого типа «Сургутнефтегаз» г. Сургут, Ханты-Мансийского округа Тюменской области; Ф. Р-129 — Сервисное акционерное общество закрытого типа «Запсибгидростройсервис»; Ф. 137 Акционерное общество открытого типа «Сургутнефтегаз»; Ф. Р-202 — Трест «Сургутдорстрой», АООТ «Сургутдорстрой» Министерство транспортного строительства; Ф. 207 — Северо-тюменское территориальное объединение «Севертюменьавтотранс»; Ф. 14 — Культурное развитие Сургута; Архивный отдел администрации города Нижневартовска. (АОАГН). Ф. 48 — Исполнительный комитет Нижневартовского городского Совета народных депутатов и другие фонды.

[90] Народное хозяйство СССР: Статистический Ежегодник / ЦСУ СССР. М., 1960, 1966; Город Сургут в цифрах: Юбилейный статистический сборник. Сургут, 1995; Сургут: Культура, молодежная политика и спорт. Сургут, 2001; Народное хозяйство Тюменской области за 1945–1980-е гг. / ЦСУ РСФСР. Статистическое управление Тюменской области. Тюмень, 1981; Народное хозяйство Тюменской области за два года девятой пятилетки. 1971–1973 гг. Статистический сборник. / ЦСУ РСФСР. Статистическое управление Тюменской области. Тюмень, 1973; Народное хозяйство Тюменской области в годы десятой пятилетки.1976–1980 гг. Статистический сборник / ЦСУ РСФСР. Статистическое управление Тюменской области. Тюмень, 1981; Тюменская область в цифрах за годы одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.) / ЦСУ РСФСР. Статистическое управление Тюменской области. Тюмень, 1986. История физической культуры и спорта в Тюменском регионе 1863–2000 гг.: сб. док. и материалов. Тюмень, 2003; Физическая культура и спорт в СССР (статистические сведения к 60-летию образования СССР). М., 1982. 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу: Информ.-стат. сб. / Ханты-Манс. окр. упр. гос. стат. Сургут, 1995; и др.

[91] Байбаков Н. К. Дело жизни: Записки нефтяника. М., 1984; Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина // Байбаков Н. К. Собр. Соч. в 10 томах. Т. 5. М., 2011; Баталин Ю. П. Вместо предисловия // История и перспективы градостроительного освоения территории Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 32–37; Баталин Ю. П. От игр «в кубики» к суперблокам: Годы, отданные тюменской нефти; Уйти от сезонности // Соратники: поколение Виктора Муравленко. Тюмень, 2002. С. 79–86; Бахилов В. В. Дорога к нефти. Свердловск, 1975; Долгих В. И. Область особой заботы // Западная Сибирь: история поиска. 1975–1995 годы. Часть 1. Ханты-Мансийск — Екатеринбург, 2009. С. 9–18; Мунарев П. А. Так было, так начиналось (Записки председателя). Сургут, 2008; Непорожний П. С. Энергетика страны глазами министра. Дневники 1935–1985 гг. М., 2000; Из воспоминаний В. Г. Чирского // История и перспективы градостроительного освоения территории Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 179–187; Из воспоминаний Бешкильцева В. А., главного архитектора Тюменской области в период становления ЗСНК // История и перспективы градостроительного освоения территории Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 197–200; Донгарян Ш. С. Взгляды на градостроительство на Севере Западной Сибири // История и перспективы градостроительного освоения территории Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С 189–192; Донгарян Ш. С. Нефть и Б. Е. Щербина; Нефть

Особая роль в исследовании принадлежит региональным периодическим изданиям, фиксирующим события по «горячим следам»[92].

Структура тома включает несколько проблемных направлений. Первый раздел посвящен организации власти и управления, общественно-политической жизни округа (авторы А. Б. Коновалов, Д. В. Сердюков). Во втором разделе представлен широкий комплекс проблем, связанный с развитием экономики региона в «донефтегазовый» и «нефтегазовый» периоды. В фокусе исследования М. В. Комгорт — история поисково-разведочных работ в регионе. В. П. Карпов рассматривает процесс становления и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. А. И. Прищепа и Р. В. Артеменко специально исследуют вопросы экспорта энергоресурсов региона и состояние внешнеэкономических связей. Главу по развитию транспортной инфраструктуры округа подготовил В. И. Веселов. Отдельная большая тема — состояние традиционных промыслов и экология. Этот комплекс проблем в рамках нашего проекта представил Е. И. Гололобов. Районы нового промышленного освоения нуждались в собственной индустрии строительства, историю отрасли в округе реконструировал А. И. Прищепа. Этому автору принадлежит также глава по городскому строительству и переформатированию городского пространства. Различным аспектам социально-демографического развития региона, повседневной жизни югорчан посвящены главы, написанные Н. Ю. Гавриловой. М. И Ташлыкова в центр своего исследования поставила вопросы изменения культурной жизни и культурной инфраструктуры края. Развитию системы образования посвящен раздел Д. В. Кирилюка. П. В. Белоус показал специфику религиозной ситуации в округе и положение различных конфессий. Раздел по развитию региональной системы здравоохранения написал А. И. Прищепа. А. И. Куприянов рассмотрел вопросы, связанные с состоянием спорта и физической культуры. Раздел о проблемах развития коренных малочисленных народов округа подготовлен большим коллективом этнологов и историков под руководством Е. М. Главацкой.

Ответственные редакторы
Е. Ю. Зубкова, А. И. Прищепа

и В. Д. Шашин // Соратники: поколение Виктора Муравленко. Тюмень, 2002; Шмаль Г. И. Юность комсомольская моя. Из воспоминаний Г. И. Шмаля // История и перспективы градостроительного освоения территории Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 185–187; Шмаль Г. И. Юность комсомольская моя. Дела молодежные; На пути к рынку // Соратники: поколение Виктора Муравленко. Тюмень, 2002. С. 376–384; Памяти магический кристалл: Воспоминания сургутских учителей / ред.-сост. Ю. А. Дворяшин. Выпуск 1. Екатеринбург 2001; История школы в истории судеб: сб. док. / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Екатеринбург, 2004; Моя судьба в истории Югры: Сборник документов / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Тюмень, 2005 и др.

[92] Тюменская правда», «К победе коммунизма», «Сургутская трибуна», «Новый город», «Вестник», «Вестник СТС», «МК-Югра», «Экологическая газета», «Экологическое приложение к газете «Сургутская трибуна», региональный краеведческий журнал «Югра» и др.

Часть 1

Ханты-Мансийский национальный / автономный округ: общественно-политическая жизнь, организация власти и управления

Глава 1

Структуры власти и управления на территории округа

Начало оттепели в Ханты-Мансийском округе органы власти встретили с очевидным воодушевлением. На партийных форумах отмечалась необходимость усиления авторитета КПСС, расширения ее контрольно-надзорных функций. Так, например, на объединенном пленуме Тюменского обкома и горкома КПСС в июле 1953 г. первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома партии А. С. Золотухин говорил, что на протяжении ряда лет насаждались неправильные взаимоотношения между партийными органами и органами МВД — следствие «авантюристской работы» Берии, стремившегося противопоставить органы МВД партии и правительству. Подобная политика, считал секретарь, в известной степени находила продолжение и на местах, когда органы МВД были фактически высвобождены из-под контроля и влияния партийных органов[1]. В период июля — сентября 1953 г. первые секретари региональных (краевых, областных) и территориальных (окружных, городских, районных) комитетов КПСС приобрели важные политические функции, обеспечив расстановку кадров в первичных партийных организациях органов внутренних дел, управлений исправительно-трудовых лагерей.

Вместе с тем однозначно определить роль партийных органов на местах как центров принятия решений, которые обеспечивают полный контроль над административными и материальными ресурсами, довольно сложно. Система органов и учреждений КПСС входит в эпоху бесконечных организационных реформ и кадровых перетрясок. После сентябрьского (1953 года) пленума ЦК КПСС в штат партийных комитетов вводились дополнительные должности секретарей райкомов КПСС по МТС и инструкторов. Тюменский обком КПСС не считал возможным провести сокращение штатов аппаратов Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского окружкомов КПСС и райкомов партии этих округов. Секретарь Тюменского обкома КПСС И. П. Игнатов предлагал сохранить в них существующие штаты с установленными отделами[2]. Однако позиции региональных комитетов в ЦК КПСС редко учитывались, если речь заходила о необходимости изменения штатной численности кадров аппарата. Общая установка нацеливала на организационные изменения без роста количества номенклатурных функционеров на местах.

В системе власти Ханты-Мансийского округа статус политического лидера фактически был закреплен за первым секретарем окружного комитета КПСС. В сентябре 1954 г. А. С. Золоту-

---

[1] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 78. Д. 126. Л. 111.

[2] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 78. Д. 127. Л. 62–63.

хина на посту первого секретаря Ханты-Мансийского окружкома КПСС сменил *Михей Яковлевич Савин* (1912–1982). Свою трудовую деятельность он начал в 10-летнем возрасте рыбаком, работал по найму, был охотником в родительском хозяйстве[3]. После окончания в 1928 г. двух классов начальной школы поступил на подготовительное отделение народов Севера при Тобольском педагогическом техникуме. В 1931 г. М. Я. Савина выдвинули на комсомольскую работу: он последовательно занимал должности заведующего отделом Ханты-Мансийского окружкома ВЛКСМ, инструктора организационного бюро ЦК ВЛКСМ по Обско-Иртышской области в Тюмени, инструктора Омского обкома ВЛКСМ. В 1937 г. избирается секретарем сначала Берёзовского, а затем и Микояновского райкомов ВЛКСМ. К моменту своего избрания первым секретарем окружного комитета партии М. Я. Савин уже дважды занимал пост председателя окружного исполкома Совета депутатов трудящихся, три года работал вторым секретарем окружкома партии.

Рис. 1.1. Михей Яковлевич Савин — первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС (1954–1958). Из открытых источников

Несмотря на большой трудовой путь и очевидные позитивные результаты деятельности первый секретарь окружкома КПСС в любой момент мог быть подвергнут жесткой критике на крупном партийном форуме и утратить свой лидерский авторитет. Нередко кампании «критики и самокритики» носили спланированный характер. Не обошла стороной такая атака и М. Я. Савина. Недовольство его деятельностью со стороны первого секретаря Тюменского обкома КПСС В. В. Косова выражалась в дискредитации деятельности партийного руководителя Ханты-Мансийского округа в период 1956–1958 гг.

Сначала высказывались критические замечания, которые на уровне округа носили вполне корректный характер. Так, например, на XV Ханты-Мансийской окружной партийной конференции 6 января 1956 г. первый секретарь Микояновского райкома КПСС С. Ф. Соловьев критиковал М. Я. Савина и работу аппарата окружкома. Так, он отметил, что «в докладе тов. Савина достаточно критики, но крайне недостаточно самокритики, в которой отсутствует острота. Работа бюро и отделов окружкома показана слишком лаконично, мягко». В выступлении секретарь райкома заявил, что «промышленный отдел окружкома партии с работниками предприятий не связан, знает их больше по анкетам, чем по результатам их работы, не замечает способных специалистов, проявивших себя на производстве, не ставит остро вопрос о замене работников, не справляющихся с делом»[4].

Критиковался окружком и за недостатки в работе с подбором и расстановкой кадров. Председатель Берёзовского райисполкома С. Я. Петрушкин сетовал, что окружком КПСС более полугода решал вопрос о первом секретаре Берёзовского райкома партии. Приводился при-

[3] Макарова Г. Патриот своей земли // Обские дали: сборник очерков и рассказов. Вып. 1. Екатеринбург, 2007. С. 7.

[4] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 21. Д. 89. Л. 5.

мер и по хозяйственным руководителям: при ликвидации окружного рыбакколхозсоюза (союза рыболовецких колхозов) высвобожденные работники в районы на работу отправлены не были, все остались в руководящих аппаратах округа.

Первый секретарь Ханты-Мансийского горкома КПСС Калачев рекомендовал М. Я. Савину «изменить руководство отделами, направить свою и их деятельность на решение перспективных вопросов, на инструктирование низовых работников». Беспокоило и состояние подготовки кадров. На семинар в Тюменском обкоме КПСС работников Ханты-Мансийского горкома КПСС из-за отдаленности не вызывали. Предлагалось эту обязанность выполнять окружкому партии.

Однако уже в январе 1958 г. на Тюменской областной партийной конференции первый секретарь обкома КПСС В. В. Косов особо отметил «порочный стиль» руководства М. Я. Савина и раскритиковал работу всего аппарата Ханты-Мансийского окружкома КПСС. По мнению руководителя региона, «хозяйственное и культурное строительство в округе находилось в запущенном состоянии, рыбная и лесная промышленность из года в год не выполняла производственных планов. В течение последних лет посевные площади не увеличивались, урожайность не росла, допускалось уменьшение поголовья общественного скота. Партийные и советские органы медленно и шаблонно, без учета местных условий и национальных особенностей решали вопросы дальнейшего развития экономики и культуры»[5]. Окружком партии и его первый секретарь упрекались в насаждении канцелярско-бюрократического стиля, ослаблении партийной и государственной дисциплины. Как отмечалось в докладе, «вместо организации выполнения партийных решений аппарат окружкома занимался бесконечными обследованиями и ревизиями». По мнению регионального лидера, секретари Ханты-Мансийского окружкома КПСС М. Я. Савин, И. К. Холодин, А. И. Ключников работали без напряжения, проявляли благодушие, глушили инициативу у партийных, советских и хозяйственных работников, мало бывали на местах.

По результатам рассмотрения деятельности первого секретаря окружкома М. Я. Савина бюро Тюменского обкома КПСС освободило его от обязанностей руководителя партийной организации[6]. Своей должности лишился и второй секретарь И. К. Холодин. Взыскание получил председатель Ханты-Мансийского окружного исполкома Совета депутатов А. Н. Лоскутов.

Такие жесткие оценки деятельности не только первого секретаря окружкома партии, но и его ближайшего окружения во второй половине 1950-х годов не являлись спецификой только Тюменской области. Руководители регионов во многом копировали стиль первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, который, не стесняясь в выражениях, распекал первых секретарей крайкомов и обкомов КПСС. Показательно, что в 1961 г. при освобождении В. В. Косова от должности первого секретаря Тюменского обкома КПСС оценки его деятельности давались не менее жесткие, чем М. Я. Савину в 1958 г.

В сфере деятельности Ханты-Мансийского окружкома КПСС находились не только вопросы хозяйственного и культурного строительства, стратегии развития, но и политико-идеоло-

---

[5] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 127. Д. 2. Л. 68.

[6] После освобождения от должности первого секретаря окружкома КПСС М. Я. Савин пять лет работал первым секретарем Берёзовского райкома партии, с 1964 по 1972 годы являлся заместителем председателя окружного союза рыболовецких колхозов, лектором и инструктором Ханты-Мансийского окружкома КПСС.

гическая сфера. Середина — вторая половина 1950-х гг. стали временем разномыслия в оценках действительности, что крайне болезненно воспринималось сотрудниками аппарата партийных органов. Привыкшие к действиям по инструкциям и письмам ЦК КПСС работники окружкома нередко были дезориентированы, терялись при ответе на вопросы рядовых коммунистов в первичных партийных организациях.

В архивных документах сохранилось немало свидетельств, характеризующих сложности в понимании политической линии партии. Летом 1956 г. на собраниях коммунистов первичных партийных организаций обсуждалось постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». Подобное мероприятие состоялось и в Ханты-Мансийском окружкоме КПСС. Участник собрания Я. М. Ананьин заявил, что нужно на практике претворить постановление в жизнь: «Я недавно был в Нижне-Нарыкарской школе, там везде висят портреты Сталина, песни поют о Сталине, а о Ленине вы нигде не услышите»[7]. Собрание постановило «коммунистам партийной организации в своей практической работе бороться с проявлением культа личности».

С ожидаемым одобрением было встречено закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». В январе 1957 г. аппарат Ханты-Мансийского окружкома КПСС обсуждал его содержание. Первый секретарь окружкома М. Я. Савин полагал, что партийные работники несмело дают отпор всевозможным критикам, которые слушали в округе зарубежные радиостанции: «На лекции иногда нашим лекторам задают каверзные вопросы в целях ”разведки”, а лекторы отвечают с опаской, не говорят прямо, не дают отпора. А надо прямо говорить, что мы отвергали и будем отвергать и пресекать и в экономике, и в политике всякие попытки враждебных выступлений»[8]. Очевидно, что партийные функционеры в отдаленных территориях стремились ограничить какие-либо разговоры об «искривлениях партийной линии», переоценках вклада И. В. Сталина и его соратников в развитие страны. Для ведения бесед на эти темы не только требовалось партийно-политическое образование, но и владение актуальной информацией, которую не всегда получали даже руководители окружкома КПСС.

Абсолютное большинство важных политических событий оценивалось работниками органов власти в соответствии с шаблонами и стереотипами, которые формировались средствами массовой информации. В рамках кампании осуждения «антипартийной группы» В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича выступающие в прениях сотрудники аппарата Ханты-Мансийского окружкома КПСС призывали исключить их из партии, предать суду, называли сектантами, догматиками, «подлыми душами»[9]. Однако тактика «наклеивания ярлыков» не всегда позволяла избежать проблем в руководстве организационно-партийной и идеологической сферой. Округ имел не только национальную, но и политическую специфику. При обсуждении итогов VIII Ханты-Мансийской городской партийной конференции в январе 1957 г. отмечалось, что почти не ведется работы среди спецпереселенцев. Выступавший на партсобрании аппарата окружкома А. В. Фарносов считал, что среди них «есть честные активные люди, они восстановлены в правах. Но с ними плохо работают, в партию их не готовят, и райком не дает прямых указаний, можно или нет их принимать в партию»[10].

---

[7] ГАСПИТО. Ф. П-2132. Оп. 2. Д. 15. Л. 27.

[8] ГАСПИТО. Ф. П-2132. Оп. 2. Д. 16. Л. 2.

[9] ГАСПИТО. Ф. П-2132. Оп. 2. Д. 16. Л. 26–31.

[10] ГАСПИТО. Ф. П-2132. Оп. 2. Д. 16. Л. 6.

На уровне руководства районных партийных организаций фиксировалось немало политических ошибок. Большой вред виделся в «зажиме критики». Например, во второй половине 1950-х годов такое обвинение предъявили секретарю Октябрьского райкома партии Бахлыкову. Он знал, что в Урманном леспромхозе допускалась приписка древесины, но скрывал это. Когда работник леспромхоза коммунист Васенев попытался сообщить об этих фактах в главк, то бюро райкома объявило ему выговор. Только после вмешательства Ханты-Мансийского окружкома партии это решение отменили, а секретаря райкома Бахлыкова сняли с работы за грубый зажим критики[11]. Такие показательные примеры обязательно озвучивались на крупных партийных форумах, о них сообщалось в партийной печати.

Рис. 1.2. Второй секретарь Берёзовского районного комитета КПСС (1957–1960) И. Н. Хмарук во время выступления на митинге в честь 43-й годовщины Октябрьской революции. ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 597

Важными функциями органов власти и управления в 1950-е годы считалось содействие индустриальному развитию и закреплению кадров. По состоянию на 1 января 1959 г. в Ханты-Мансийском округе проживало 121,5 тыс. чел., в том числе коренного национального населения 17 564 чел., из них 11 360 хантов, 5652 манси, 642 ненцев. По состоянию на 1 июля 1959 г. насчитывалось 45 национальных колхозов[12]. Однако в структуре населения округа было недостаточно высококвалифицированных специалистов, способных обеспечить рост промышленного производства. Эти проблемы были обозначены в записке первого секретаря Ханты-Мансийского окружкома КПСС Г. Я. Кузнецова и председателя Ханты-Мансийского окрисполкома А. Н. Лоскутова первому секретарю Тюменского обкома КПСС В. В. Косову и председателю Тюменского облисполкома Д. Н. Крюкову «О мерах

[11] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 127. Д. 2. Л. 66–67.

[12] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 151. Д. 89. Л. 65.

по дальнейшему развитию экономики и культуры национального населения Ханты-Мансийского национального округа» от 23 ноября 1959 г.

Фактором, затрудняющим индустриализацию территории, можно назвать и неэффективное руководство отраслями промышленности со стороны отраслевых органов управления — трестов и комбинатов. На IX областной партийной конференции первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС Г. Я. Кузнецов говорил, что комбинат «Тюменьлес» все еще плохо решает вопросы, связанные с развитием лесной промышленности округа. Строительство предприятий велось медленно и некачественно, допускалась непродуманность в планировании работ. Комбинат не решал вопрос организации переработки древесины в верховьях реки Конды, медленно организовывал строительство домостроительных комбинатов. Г. Я. Кузнецов критиковал и промышленно-транспортный отдел Тюменского обкома КПСС и облисполком за то, что они плохо реагируют и медленно решают вопросы, выдвигаемые Ханты-Мансийским окружкомом партии[13].

Критика считалась обязательным элементом партийных форумов, и факты подобных выступлений на конференциях и пленумах всегда отражались в итоговых отчетах. Делегаты конференций и члены пленумов нередко согласовывали с организаторами форумов свои выступления и обозначали пределы критических оценок. В 1961 г. на Ханты-Мансийской городской партийной конференции горком остро критиковался за поверхностное руководство лесной промышленностью и сельским хозяйством. Отмечалось, что в районе не велось напряженной борьбы за выполнение социалистических обязательств. По мнению делегатов Октябрьской районной партийной конференции, аппарат райкома партии «работал не напряженно». Райком «допускал беспринципность в решении некоторых вопросов, мало предъявлял требовательности к руководителям предприятий и учреждений»[14]. Подобные оценки включались в информации, которые аппарат Тюменского обкома партии готовил для ЦК КПСС.

Со стороны партийных руководителей городов и районов округа критиковался и Ханты-Мансийский окружком партии. Первый секретарь Ханты-Мансийского горкома Н. Н. Шибакин в 1964 г. заявил: «Стиль и методы работы работников окружкома неправильные. Работники окружкома оторвались от народа, мало бывают на местах, о положении дел судят только по сводкам, не знают, чем живут партийные организации»[15]. Он связывал сложившийся стиль с неправильным руководством округом бывшего первого секретаря окружкома В. В. Зайченко (работал в должности с сентября 1961 по 1962 гг.). Шибакин не только признал сложности в работе с Зайченко, но и упрекнул Тюменский обком КПСС в непродуманной кадровой политике: «…было очень трудно работать с этим руководителем, так как имели место окрик, запугивание, мелочная опека, [он] не прислушивался к мнению партийных работников». Такие откровения в партийных документах встречаются довольно часто: механизм кадровых перебросок по принципу «из района — в район» мог давать серьёзные сбои: рекомендованный кандидат нередко не имел представлений о специфике социально-экономического облика территории, не мог найти общего языка с партийно-хозяйственным активом. В случаях кадровых неудач претензии высказывались в адрес вышестоящего руководства, в номенклатуру которого входил освобожденный от должности работник.

---

[13] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 150. Д. 79. Л. 17.

[14] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 151. Д. 87. Л. 3.

[15] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2056. Л. 7–8.

Рис. 1.3. Ю. Г. Эрвье, начальник Тюменского территориального геологического управления с группой учёных и руководителей у первого «нефтяного озера» из скважины № 6 в Кондинской тайге. Кондинский район, Ханты-Мансийский национальный округ. Июнь 1960 г. ГАСПИТО. Ф. Оп. 1. Д. 2030

Особенность периода оттепели для органов власти и управления проявляла себя и в многочисленных реформах. Серьезную ломку система принятий решений испытала при организации Совета народного хозяйства Тюменского административного экономического района в 1957 г. Велись дискуссии о способах повышения эффективности партийных органов. Еще до разделения партийных организаций по производственному принципу ставились вопросы о реорганизации партийных комитетов Тюменской области для «дальнейшего повышения роли и ответственности партийных комитетов в обеспечении выполнения государственных планов по промышленности и капитальному строительству». Предлагалось создать промышленно-транспортные отделы в Кондинском и Сургутском райкомах КПСС. Обоснование такого предложения было связано с большими объёмами хозяйственной деятельности в развитии лесной, рыбной, нефтяной промышленности[16].

В период 1950-х — начала 1990-х годов органы власти и управления на территории Ханты-Мансийского округа были встроены в жесткую вертикаль партийно-государственной системы.

Вопросы стратегии развития национальных (автономных) округов находились в зоне ответственности аппарата Тюменского обкома КПСС и исполкома областного Совета депутатов трудящихся (народных депутатов). Первые секретари Тюменского обкома КПСС Ф. С. Горячев (с 1951 по 1955 г.), В. В. Косов (с 1955 по 1961 г.), Б. Е. Щербина (с 1961 по 1973 г.), Г. П. Богомяков (с 1973 по 1990 г.), председатели Тюменского облисполкома Д. Н. Крюков (с 1950 по 1960 г.), А. К. Протозанов (с 1960 по 1962 г.), И. П. Шуляков (председатель промышленного облисполкома с 1962 по 1964 г.), А. Е. Михайлов (с 1964 по 1967 г.), К. П. Макурин (с 1967 по 1972 г.), Л. Н. Кузнецов (с 1972 по 1976 г.), В. В. Никитин (с 1976 по 1985 г.),

[16] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 160. Д. 76. Л. 78.

Н. А. Чернухин (с 1985 по 1990 г.), Л. Ю. Рокецкий (с 1990 по 1991 г.) представляли интересы Югры в ЦК КПСС и Совете Министров СССР, отстаивали позиции северных территорий в Госплане СССР, устраняли противоречия между отраслевыми ведомствами.

После изменения в марте 1990 г. статьи 6 Конституции СССР, которая закрепляла статус КПСС как руководящей и направляющей силы советского общества, полномочия и авторитет «партийной ветви» власти резко снизились. Концепция полновластия Советов привела к росту объёмов властных полномочий председателей Тюменского областного и Ханты-Мансийского окружного Советов народных депутатов. Ими, соответственно, в 1990 г. были избраны Ю. К. Шафраник и В. А. Чурилов.

Рис. 1.4. Валерий Андреевич Чурилов — первый секретарь окружкома КПСС Ханты-Мансийского автономного округа (1985–1990); в 1990 г. — председатель Ханты-Мансийского окружного Совета народных депутатов. Фото из открытых источников

Руководство области и округа строило свою работу при помощи звеньев аппарата — функциональных и отраслевых отделов обкома, окружкома КПСС, отделов исполкома Тюменского областного Совета депутатов трудящихся. Так, например, в составе Тюменского обкома КПСС имелись: отдел лесной, деревообрабатывающей и бумажной промышленности, отдел промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья и торговле, отдел нефтяной, газовой промышленности и геологии, отдел рыбной промышленности. Инструкторы этих отделов часто выезжали на предприятия Ханты-Мансийского округа, систематизировали информацию об экономических проблемах, готовили записки о перспективах развития отраслей производства.

В структуре аппарата Ханты-Мансийского окружкома КПСС также имелись функциональные (организационный отдел, отдел пропаганды и агитации, финансово-хозяйственный отдел, общий отдел, отдел по работе среди женщин) и отраслевые (промышленно-транспортный, сельскохозяйственный, строительный) подразделения.

В составе исполкома Тюменского областного Совета депутатов трудящихся (народных депутатов) помимо традиционных отделов (народного образования, здравоохранения, финансов и т. д.) существовал и отдел по народностям Севера. Впрочем, его работа на уровне союзно-республиканских органов власти долгое время никем не координировалась. Обращает на себя внимание факт: Тюменский обком партии в 1950 г. предлагал создать при Правительстве СССР специальный орган, ведающий делами Севера (наподобие Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК, который функционировал с 1924 по 1935 годы)[17]. Однако положительного решения принято не было.

Руководство хозяйственным строительством и социальной сферой осуществлял исполнительный комитет Ханты-Мансийского окружного Совета депутатов трудящихся. Именно на окрисполкоме лежала ответственность за уровень и качество повседневной жизни населе-

[17] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 78. Д. 127. Л. 151.

ния — состояние торговли, бытового обслуживания, жилищно-коммунальной сферы. Нередко на этот пост выдвигались специалисты социального профиля, что помогало первым секретарям окружкома (традиционно имевшим производственный опыт) ориентироваться в руководстве экономикой округа.

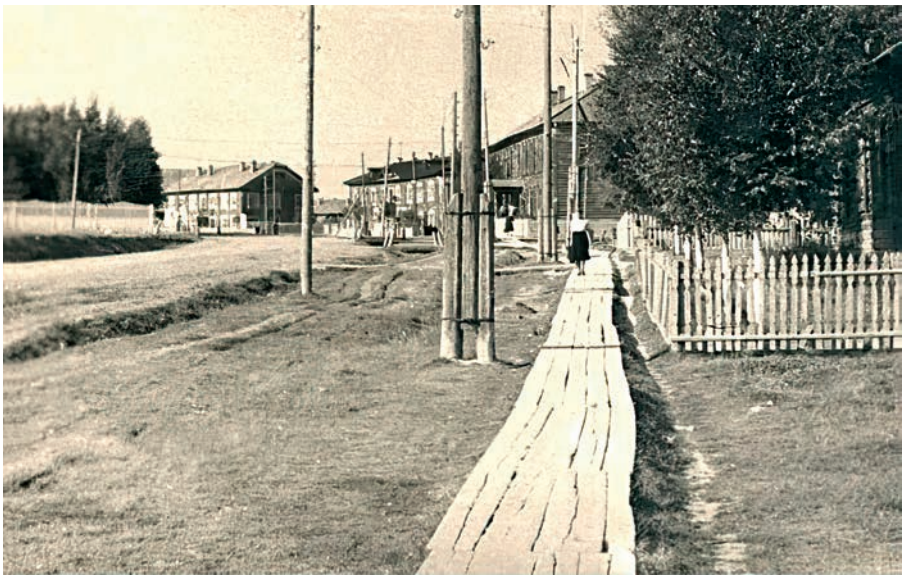


Рис. 1.5. Ряд жилых, административных зданий с деревянным настилом на одной из улиц города Ханты-Мансийска. 1950-е гг. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1565

Длительное время (с 1948 по 1951, с 1954 по 1961 гг.) председателем окружного исполкома работал *Аркадий Николаевич Лоскутов* (1906–1981), удостоенный в 1950 г. за работу в советских органах ордена Ленина[18]. Он имел большой опыт педагогической, партийной и советской работы. Трудовую деятельность начал в 1927 г. после окончания школы-десятилетки с педагогическим уклоном. Сначала он был педагогом в Усть-Ишимском районе Сибирского края (ныне территория Омской области), затем в 1928 г. его перевели на должность заведующего мансийской Сартыньинской школой-интернатом. Все 1930-е годы он руководил коллективами школ-интернатов (помимо Сартыньинской пришлось поработать и в хантыйской Казымской школе-интернате). В 1940 г. А. Н. Лоскутов утверждается заведующим отделом народного образования Берёзовского райисполкома, с 1942 по 1943 гг. является начальником Казымской культурной базы, в 1943 г. избирается председателем Кондинского райисполкома. С 1944 г. переходит на партийную работу, последовательно избирается первым секретарем Сургутского райкома ВКП(б) (1944–1947), секретарем Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) (1947), вторым секретарем Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) (1947–1948).

15 августа 1948 г. А. Н. Лоскутов избирается председателем Ханты-Мансийского окрисполкома и освобождается от должности в 1951 г. в связи с отъездом на учебу в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). По ее окончании возвращается на ту же должность. После

[18] Ерныхова О. Д. Личность учителя Аркадия Николаевича Лоскутова: миф и реальность // История Сибири в биографиях: сб. науч. тр. / науч. ред. А. И. Прищепа. Сургут, 2009. С. 92–99.

освобождения от обязанностей председателя окрисполкома назначается директором средней школы № 1 Ханты-Мансийска, с 1964 по 1981 г. трудился директором Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея. А. Н. Лоскутов оставил о себе память руководителя-созидателя, у которого в приоритете находилась забота об учреждениях социальной сферы.

Рис. 1.6. Аркадий Николаевич Лоскутов — председатель Ханты-Мансийского окружного исполнительного комитета (1948–1951, 1954–1961). Из открытых источников

При характеристике системы органов руководства Ханты-Мансийским округом требуется обозначить и объекты управленческого воздействия. В начале 1950-х гг. в состав округа входил 1 город, 6 районов, 52 сельских совета, 629 населённых пунктов. Здесь проживало чуть более 90 тыс. человек, при этом коренного населения около 18,7% (ханты 10,5 тыс. чел. или 11,7%, манси — 4397 человек или 4,9%, коми — 1929 человек или 2,1%, ненцы — 390 человек)[19]. Однако уже в 1959 г. численность населения округа достигла 124 тыс. человек, что составляло 136% роста по отношению к 1950 г. Как отмечает историк И. Н. Стась, за период 1950-х годов структура населения Югры подверглась крупным трансформациям: гендерный дисбаланс в пользу женщин сглаживался ростом мужского населения, значительную роль стала играть молодежь, увеличивалась численность рабочих и служащих, сокращалось число колхозников, однако население все еще оставалось малообразованным[20]. Требовалась выработка и реализация решений, направленных как на индустриализацию экономики округа, так и на закрепление квалифицированных кадров на территории.

В современной историографии отмечается, что для коренного населения Югры период конца 1940-х и 1950-е гг. являлся «губительной эпохой укрупнения колхозов — второй сплошной коллективизации, активной политики седентаризации и временем «тихой» коренизации»[21]. Перед органами власти и управления региона стояли задачи экономического роста, которые в том числе связывались с использованием методов стимулирования труда (выплатой надбавок) и привлечением трудовых ресурсов через оргнабор.

Еще в самом начале 1950-х годов в условиях политики перевода коренного населения на оседлый образ жизни считалось важным укрепить сельские Советы национальных округов. Тюменский обком партии предлагал направить коммунистов из южных районов секретарями сельских Советов, повысить зарплату председателям сельсоветов Ханты-Мансийского округа до 750 рублей, секретарям Советов — до 600 рублей. В качестве временной меры в первой половине 1950-х гг. считалось возможным введение в колхозах, подлежащих переходу на

---

[19] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 78. Д. 127. Л. 129.

[20] Стась И. Н. Население Севера на рубеже: загадки демографической истории Ханты-Мансийского округа в 1945–1950-е гг. // Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.): сборник научных статей. Екатеринбург, 2020. С. 92, 110.

[21] Стась И. Н., Кирилюк Д. В., Иванов А. С. Конкретно-исторический подход в изучении Югры 1945–1950-х гг. // Накануне «Большой нефти». С. 7.

Рис. 1.7. Борис Евдокимович Щербина — первый секретарь Тюменского обкома КПСС (1961–1973). Из открытых источников

оседлость, должности парторгов окружкома ВКП(б). Для этой должностной группы предлагалось установить зарплату в размере ставки секретаря райкома ВКП(б), распространить на них все льготы для работников северных райкомов партии.

В октябре 1962 г. первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина обратился в ЦК КПСС с просьбой создать в области промышленный и сельскохозяйственный обкомы партии. По мнению руководителя региона, создание промышленного обкома дало бы возможность более рационально решать проблемы организации добычи нефти и газа, увеличения заготовок леса, выпуска большого количества бумаги и картона. Велись подготовительные работы по строительству газопровода Игрим–Серов, предстояло построить Нижне–Обскую ГЭС мощностью 7,5 млн квт и выработкой 34–35 млрд киловатт-часов электроэнергии в год. В числе аргументов называлось и «дальнейшее развитие экономики и культуры Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов», где в основном предполагалось развивать новые отрасли промышленности. Это требовало большой организаторской и партийно-политической работы и постоянного внимания промышленного обкома КПСС[22].

Помимо партийных разделению также подлежали советские, комсомольские и профсоюзные органы. В конце 1962 г. состоялась сессия Тюменского областного Совета депутатов трудящихся, на которой приняли решение образовать сельский и промышленный областной Советы депутатов трудящихся. Промышленному облисполкому подчинялись Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа. Председателем промышленного облисполкома избрали И. П. Шулякова, ранее работавшего председателем Тюменского совнархоза[23]. Он имел опыт партийной работы в Пермской области, после завершения эксперимента с разделением органов власти и управления по производственному принципу был направлен в Казахскую ССР директором Карагандинского металлургического завода. Однако проблемы национальных округов Тюменской области представлял себе плохо.

9 января 1963 г. открылась XIX Ханты-Мансийская окружная партийная конференция. Как отмечалось в передовой статье в день открытия конференции, «следует со всей прямотой и откровенностью рассказать о недочетах, которые мешают нормальному движению вперед, вскрыть резервы производительности труда»[24]. По итогам конференции был избран окружком КПСС, а на организационном пленуме — секретариат и бюро окружкома. Первым секретарем избрали *Сергея Федоровича Соловьева*[25], вторым — *Петра Максимовича Телепнева*

[22] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 198. Л. 66–68.

[23] VII сессия областного Совета депутатов трудящихся // Ленинская правда. 1963. 3 янв. С. 1.

[24] В интересах партии и народа // Ленинская правда. 1963. 9 янв. С. 1.

[25] Соловьев Сергей Федорович (1916–1988) — председатель Ханты-Мансийского окрисполкома с 1961 по 1963 г., в 1963–1966 гг. — первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС. Трудовую деятельность начал в 1933 г. бухгалтером колхоза, машинно-тракторной станции, Сузунского

(в период с 1966 по 1970 г. возглавлял Ханты-Мансийский окружной комитет КПСС, а затем был избран секретарем (до 1978 г.) и вторым секретарем (до 1983 г.) Тюменского обкома КПСС. В 1970-е годы лоббировал интересы Ханты-Мансийского округа на уровне Тюменского обкома КПСС.

Новые структурные изменения в аппарате партийных органов на территории округа были связаны с решениями ноябрьского (1964 г.) пленума ЦК КПСС, когда было принято решение об объединении промышленной и сельской партийных организаций. С мест начали направлять просьбы о необходимости разукрупнения и создания новых районов, пересмотра штатной численности уже существовавших аппаратов партийных органов. На объединенном пленуме Тюменских промышленного и сельского обкомов КПСС первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС С. Ф. Соловьев предложил восстановить ранее существовавшие должности секретарей райкомов партии, создать в райкомах организационный, идеологический и промышленный отделы[26]. Новое реформирование структуры партийного аппарата сопровождалось борьбой за штатную численность персонала, порождало нервозность в среде номенклатурных функционеров городов и районов.

В декабре 1964 г. председатель оргбюро объединенного обкома КПСС Б. Е. Щербина направил в ЦК КПСС просьбу о сокращении в райкомах партии Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов девяти ставок инструкторов организационных отделов, одной ставки лектора в Ханты-Мансийском горкоме партии. При этом предлагалось создать в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком окружкомах партии сельскохозяйственные отделы, а в Кондинском и Сургутском райкомах КПСС промышленно-транспортные отделы в составе заведующего отделом и двух инструкторов. В Ханты-Мансийском горкоме, Кондинском и Сургутском райкомах КПСС устанавливались должности заведующих организационным и идеологическим отделами[27]. Постепенно структуру партийных комитетов и их штатную численность удалось сформировать.

Несмотря на стабилизацию структуры управления в партийных органах, возникали трудности в подборе кадров в отраслевые отделы. Причиной сложившегося положения была относительно низкая зарплата инструкторского состава в сравнении с работниками промышленных предприятий. Так, в записке Б. Е. Щербины, направленной в ЦК КПСС в январе 1965 г., отмечалось, что Ханты-Мансийский окружком КПСС длительное время не может укомплектовать специалистами созданный отдел нефтяной, газовой промышленности и геологии. Кроме того, работники партийного и советского аппаратов стремились перейти на работу в промышленность. Проблемы с подбором кадров иллюстрировались конкретными примерами: рядовой инженер на предприятиях объединения «Тюменьнефтегаз» получал заработную плату до 202 руб., в геологоразведочных экспедициях от 230 до 300 руб., старший инженер отдела — от 300 до 357 руб. В то же время по состоянию на середи-

районного земельного отдела в Западно-Сибирском крае (ныне территория Новосибирской области). С 1937 по 1946 г. служил в рядах РККА–СА. После демобилизации избирается секретарем Краснозерского райкома ВКП(б) Новосибирской области. С 1948 г. на работе в Тюменской области и Ханты-Мансийском округе: первый секретарь Тазовского райкома ВКП(б) (1948–1951); первый секретарь Ханты-Мансийского горкома ВКП(б)–КПСС (1951–1954, 1957–1961); первый секретарь Микояновского (Октябрьского) райкома КПСС (1954–1957). В 1966 г. С. Ф. Соловьева утверждают заведующим отделом по народностям Севера Тюменского облисполкома, в этой должности он трудится до 1978 г.

[26] ГАСПИТО. Ф. П-2011. Оп. 1. Д. 176. Л. 227.

[27] Записка председателя оргбюро Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербины. 9 декабря 1964 г. // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 179. Д. 79. Л. 33.

Рис. 1.8. Первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина в Сургуте. 1965 г.
Фото из кн.: Андриянов В. И., Чирсков В. Г. Борис Щербина. М.: Молодая гвардия, 2007

ну 1960-х гг. в Тюменском обкоме КПСС ставка инструктора составляла 130 руб., заместителя заведующего отделом — 170 руб. В Ханты-Мансийском окружкоме КПСС инструктор получал 156 руб., заместитель заведующего — 182 руб. и заведующий отделом — 195 руб.[28]

Трудности были связаны и с режимом отдыха партийных работников национальных округов, для которых не выделялось необходимого количества путевок с мая по октябрь на юге страны[29]. Партийные руководители Тюменской области регулярно информировали управление делами ЦК КПСС о необходимости изменить подход к выделению средств на отдых и лечение руководящих работников национальных округов.

Вместе с тем контраст в материально-бытовом обеспечении партийных работников и хозяйственных руководителей был столь ощутим, что даже недолгое пребывание в статусе секретаря партийного комитета тяготило бывших начальников цехов, отделов и главных инженеров промышленных предприятий. Имелось немало резонансных примеров подобного рода. В 1966 г. бюро Тюменского обкома КПСС настояло на смене первого секретаря Нижневартовского райкома КПСС Павлова. Как пояснял первый секретарь обкома партии Б. Е. Щербина делегатам областной партконференции, Павлов «с первых же дней повел себя неправильно и главным образом потому, что с переходом на партийную работу он потерял в зарплате, стал добиваться своего освобождения. К работе относился плохо»[30].

---

[28] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 179. Д. 79. Л. 57.

[29] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 184. Д. 72. Л. 242.

[30] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 191. Д. 3. Л. 83.

Рис. 1.9. А. Г. Григорьева, Ф. К. Салманов, Н. И. Чабан, В. В. Бахилов. 1967 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1475

С середины 1960-х годов происходит расширение функций партийных комитетов по руководству отраслями народного хозяйства. В большей степени это проявлялось на уровне аппарата ЦК КПСС, республиканских, краевых и областных комитетов партии. Однако и в Ханты-Мансийском окружкоме партии подобная тенденция была заметна. Другой важной чертой этого периода являлось нарастание стремления сконцентрировать в партийных органах руководящие функции во всех областях деятельности, в том числе и вопросах управления социальной сферой, традиционно относящейся к зоне ответственности советских органов. Неслучайно критики местных партийных властей периодически поднимали вопрос о «подмене» советских органов партийными.

Работники городских и районных комитетов КПСС в Ханты-Мансийском округе критиковались окружными партийными руководителями за то, что много времени тратили на подготовку вопросов для бюро и сбор всевозможных сведений, брали на себя функции советских органов. Первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома С. Ф. Соловьев в феврале 1966 г. приводил пример: в 1965 г. Нижневартовский райком партии рассмотрел на бюро более 80 основных вопросов. Из них 1/3 должен был решать райисполком. Из 80 вопросов 55 готовил орготдел, где работал заведующий и два инструктора. Нетрудно сделать вывод, что большую часть времени они вынуждены были сидеть за бумагами»[31]. Несмотря на критику подобного стиля руководства, он сохранялся и в 1970-е гг., отражая системные проблемы КПСС.

[31] Из доклада первого секретаря Ханты-Мансийского окружкома КПСС С. Ф. Соловьева на XXI Ханты-Мансийской окружной партийной конференции. 19 февраля 1966 года // ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2142. Л. 63.

Рис. 1.10. Нефтяники с транспарантом «Принимай, Родина, 2-й миллиард тонн тюменской нефти! Ура!». 1981 г. ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 2. Д. 635

Рис. 1.11. Делегаты XXVI съезда КПСС от Тюменской областной партийной организации на встрече в зале Всероссийского общества «Знание». Слева направо: корреспондент газеты «Известия» Сметанин (первый слева); В. С. Петров — первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС (третий слева); начальник Главтюменнефтегаза Р. Т. Булдаков (четвертый слева); командир вертолета, Герой Социалистического Труда Ю. А. Южаков (пятый слева). 1981 г. ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 800

Помимо резкого расширения функций партийных органов, которые в нормативном отношении никакими документами не регламентировались, специфической чертой деятельности номенклатурного аппарата 1970-х — первой половины 1980-х годов становится формализм и бюрократизация. Например, одной из новаций первой половины 1980-х для работников партийного аппарата стало составление личных перспективных планов.

На собраниях коммунистов аппарата Ханты-Мансийского окружкома КПСС в ноябре 1983 г. говорилось, что целью личного перспективного плана является «усиление индивидуальной работы, направленной на повышение идейно-теоретического уровня, трудовой и общественно-политической активности работающего, мобилизацию трудящихся на успешное выполнение заданий одиннадцатой пятилетки»[32]. В реальности партийные работники вносили в подобный документ пункты из перспективного плана окружкома и его отделов, задачи по итогам аппаратных совещаний.

Рис. 1.12. Комсомольский актив Кондинского района с представителями райкома КПСС и райисполкома. 1984 г
Кондинский районный архив. Ф. 109. Оп. 2. Д. 208

В структуре аппаратов партийных органов большая часть исполнительских функций лежала на инструкторах отраслевых и функциональных отделов. Как отмечал в 1984 г. первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС В. В. Китаев, «инструктор должен быть насыщен информацией о положении дел на местах, он должен лучше знать обстановку на местах, чем заведующий или секретарь комитета. Чаще встречаться с хозяйственными

[32] О работе коммунистов отдела строительства по личным перспективным планам: протокол № 13 заседания бюро парторганизации аппарата Ханты-Мансийского окружкома КПСС. 1 ноября 1983 года // ГАСПИТО. Ф. П-2132. Оп. 1. Д. 17. Л. 25.

Рис. 1.13. Виктор Васильевич Китаев — первый секретарь Ханты-Мансийского окружного комитета КПСС (1982–1985). Музей геологии, нефти и газа

руководителями, встречаться с членами бюро при подготовке вопроса на бюро, пленуме»[33]. Однако на практике роль инструктора низвели до положения технического исполнителя, который проводил обзвон территорий, составлял массу справок, таблиц, отчетов. При этом многие функции инструкторов отраслевых отделов дублировались работниками советских и хозяйственных органов.

В годы перестройки аппарат партийных органов подвергается масштабному реформированию. В полной мере оно затронуло и Ханты-Мансийский окружной комитет КПСС. В 1987 г. в нем были упразднены отраслевые отделы, создан экономический отдел, группы по работе с кадрами на правах отдела, институт партийных организаторов. Смысл нововведений, как отмечал первый секретарь окружкома В. А. Чурилов, состоял в «усилении политических начал, увеличении внимания к стратегическим вопросам социально-экономического развития округа, устранении ”ведомственности“ в партийном комитете, улучшении связи с горкомами, райкомами, уходе от хозяйственно-распорядительной деятельности»[34]. На деле такая реформа привела к оттоку из аппарата окружкома, горкомов и райкомов КПСС прослойки руководителей и специалистов, имевших производственный опыт.

Ломке подверглась и система взаимоотношений между руководством области и национального округа. По мнению секретаря Нижневартовского горкома КПСС Людмилы Викторовны Малковой, к концу 1988 г. назрел вопрос о разделении сфер влияния между Тюменским обкомом КПСС и Ханты-Мансийским окружкомом, о передаче в округ ряда функций, исполняемых областными организациями, о получении окружкомом права разрешать равномерный приезд во все города и районы округа представителей центральных общественных организаций, прессы, различных комиссий. Требовался закон о Ханты-Мансийском автономном округе, который не только обеспечил бы грамотное сочетание промышленного развития городов и национальных территорий, но и прекратил бы ассимиляцию коренного населения[35]. Подобные предложения откровенно высказывались не только на пленумах и конференциях, но и в партийной печати.

Драматично развивалась ситуация в Ханты-Мансийской окружной организации КПСС в 1990 г. Снижение авторитета партийных органов, утрата властных полномочий и нарастание общего социально-экономического кризиса привели к оттоку из партии большого числа коммунистов автономного округа. Если в 1988 г. подали заявления о выходе из КПСС 186 человек, в 1989 г. — 1239, то за первые четыре месяца 1990 г. — 1612[36].

Трудности возникали и в системе советских органов. Избранный в 1987 г. состав депутатского корпуса к концу созыва утратил мотивацию к активной деятельности. Повсеместно фиксировались факты срыва сессий городских, районных Советов из-за низкой явки депутатов.

---

[33] ГАСПИТО. Ф. П-2132. Оп. 1. Д. 18. Л. 67.

[34] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2766. Л. 26.

[35] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2766. Л. 46.

[36] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2823. Л. 11.

Организационные сессии местных Советов, избранных в 1990 г., затягивались из-за увлечения нового депутатского корпуса процедурными вопросами, идеологическими спорами. Складывался период фактического безвластия, когда партийные органы уже утратили свое влияние, а советские его еще не обрели. На фоне подобных событий проходили ожесточенные споры внутри партийного и советского аппаратов. В Берёзовском районе, например, произошел раскол в бюро райкома, кардинально обновилось руководство.

Ярким проявлением кризиса внутри Ханты-Мансийской окружной организации КПСС явилась кампания по выборам первого секретаря окружкома делегатами XXXI конференции. Еще до ее начала поступил ряд предложений по кандидатурам лидера коммунистов округа. В числе названных были Николай Павлович Барышников — председатель Ханты-Мансийского горисполкома, Александр Константинович Гуляев, Николай Михайлович Добрынин, Алексей Аркадьевич Рыбалов — второй секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС, Виктор Васильевич Сидорчев, Валерий Андреевич Чурилов — действовавший первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС.

В ходе обсуждения кандидатур на должность первого секретаря окружкома КПСС А. К. Гуляев, Н. М. Добрынин, В. В. Сидорчев, В. А. Чурилов взяли самоотводы. Итоги голосования по кандидатурам первого секретаря окружкома оказались следующими: в голосовании приняли участие 246 делегатов, за Н. П. Барышникова проголосовало 87 человек, против 159, за кандидатуру А. А. Рыбалова проголосовало 142 человека, против — 104[37]. В результате ни один из кандидатов не набрал необходимого числа голосов.

Избранный первый секретарь в окружкоме появился только в декабре 1990 г. Им стал А. А. Рыбалов. Его биография была во многом типична для партийного функционера 1970-х — 1980-х годов. Он родился в 1950 г., начинал трудовую деятельность столяром, четыре года трудился рабочим, стаж трудовой деятельности на освобожденной комсомольской и партийной работе составлял 17 лет. В 1975 г. закончил заочно Тюменский индустриальный институт, в 1987 г. также заочно — Свердловскую высшую партийную школу. Имел квалификацию горного инженера-электрика. Избирался вторым секретарем Нижневартовского горкома КПСС, первым секретарем Радужнинского горкома КПСС, вторым секретарем Ханты-Мансийского окружкома КПСС.

Симптомами внутрипартийного кризиса можно назвать и снижение мотивации к вступлению в ряды КПСС, внутреннюю дезорганизацию в партийных органах городов и районов. Трудности у ханты-мансийских коммунистов проявлялись и в поддержке со стороны населения. В рамках кампаний по выборам в местные Советы народных депутатов и в народные депутаты РСФСР 1990 г. окружком КПСС подготовил предвыборную платформу. В этой работе принимали участие окружной комитет комсомола и координационный комитет ассоциации «Спасение Югры». Программный документ строился на основе сотен поступивших предложений от жителей округа, итогов четырех социологических исследований, с учетом экспертных оценок специалистов. Однако результаты выборов нельзя воспринимать как однозначную победу коммунистов. По многим округам выдвигалось сразу несколько членов КПСС, которых обстоятельства вынуждали бороться между собой, допускать некорректные выпады в адрес друг друга. Итоги кампаний привели к парадоксу: при наличии численного большинства коммунистов далеко не всегда удавалось провести точку зрения партийного комитета в городском или районном Совете. Между тем в Ханты-Мансийском

[37] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2823. Л. 75.

автономном округе из 34 избранных председателей Советов и их исполкомов 31 являлись членами КПСС[38]. С течением времени становилось понятно, что сами коммунисты не разделяют идейных установок партии, к которой принадлежат.

Коммунистами являлись и руководители советских органов Ханты-Мансийского автономного округа. Председателем окружного Совета народных депутатов избрали первого секретаря окружкома КПСС В. А. Чурилова, председателем исполкома — А. В. Филипенко, которые продолжали после избрания входить в состав бюро окружного комитета КПСС. Главной целью деятельности обновленного органа власти называлась борьба за подлинную автономию округа, полновластие Советов на своей территории, самостоятельность в решении насущных вопросов жизнеобеспечения людей. Депутаты обсудили варианты проектов Закона РСФСР «О Ханты-Мансийском автономном округе» и в порядке законодательной инициативы направили варианты проектов Верховному Совету РСФСР.

Была принята концепция нового механизма хозяйствования Ханты-Мансийского округа на принципах самоуправления и самофинансирования. Она получила развитие в целом ряде решений — «О подготовке округа для работы в условиях рыночной экономики и проектах плана социального-экономического развития и бюджета округа на 1991 год», «О принципах заключения Союзного и Федеративного договоров», «О принципах отношений между Ямало-Ненецкой республикой, Ханты-Мансийским автономным округом и Тюменской областью».

Появилась необходимость в разграничении предметов ведения не только между областным и окружным Советами народных депутатов, но и в определении принципов взаимоотношений округа с городами и районами.

Городам и районам делегировались полномочия по регулированию, в соответствии с законодательством РСФСР, земельных, лесных, горных и водных отношений. Предусматривалось самостоятельное формирование и исполнение местных бюджетов, установление видов и ставок местных налогов и налоговых льгот, осуществление внешнеэкономической деятельности, образование валютных фондов.

Избранный в 1990 г. Ханты-Мансийский окружной Совет народных депутатов на III сессии принял решение «Об окружном бюджете и формировании бюджетов городов и районов в 1991 г.», предусмотрев специальную статью расходов на нужды народов Севера. Финансирование по ней составило свыше 24 млн руб. При окружном Совете народных депутатов и окрисполкоме вводились должности заместителей председателей соответствующих уровней по работе с народами Севера. При райисполкомах были созданы отделы Севера. В Ханты-Мансийском окружном Совете народных депутатов готовились решения о статусе национальных сельских и поселковых Советов, о статусе родовых угодий, закреплявших права малочисленных народов Севера на защиту исторически сложившегося образа жизни, пользования природными ресурсами, развития традиционных отраслей хозяйствования.

При окружном территориально-медицинском управлении ввели должность главного врача по медицинскому обслуживанию национального населения, при управлении культуры окружного исполкома Совета народных депутатов — должность заместителя начальника управления по национальной культуре. Для координации деятельности национальных кооперативов, трудоустройства незанятых общественно-полезным трудом представителей

[38] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2846. Л. 5.

народов Севера и решения социальных проблем при северном фонде Ханты-Мансийского окрисполкома создали многоцелевую хозрасчетную фирму «Торум»[39].

Создавались целевые общеокружные фонды, которые нацеливались на выравнивание темпов социально-экономического развития территорий, защиту от инфляции малообеспеченных слоев населения. Предусматривался поэтапный переход к финансированию строительства жилья и объектов социально-культурного и бытового назначения за счет местных бюджетов.

Председатель окружного Совета народных депутатов В. А. Чурилов негативно оценивал налоговую политику премьер-министра СССР В. С. Павлова в отношении Ханты-Мансийского округа: «С каждой тонны нефти, добытой на территории автономного округа отчислялось в бюджет 12 рублей 47 копеек. Помножьте на 280 миллионов тонн и вы увидите сумму, которую у нас одним махом забирают. У нас — это у трудовых коллективов. У нас — это у местных Советов. У нас — это у всего населения автономного округа»[40].

Партийные руководители Ханты-Мансийского округа в начале 1991 г. сетовали на изменения места и роли партии в политической системе, которые исключили возможность прямого вмешательства партийных комитетов в решение отдельных вопросов. Как отмечал секретарь Ханты-Мансийского окружкома *Терентий Герасимович Харамзин*[41], велся поиск «рычагов воздействия на органы государственной власти и управления для повышения эффективности партийной работы».

Однако роль КПСС как ведущего политического института страны уже подходила к концу. В условиях нараставшей децентрализации экономики, ухудшения социального климата, перетока управленческих кадров из партийного аппарата в советский снижались потенциальные возможности партийных кадров и рядовых коммунистов влиять на государственную политику. Центрами власти стали советские органы, а с августа 1991 г. к ним добавились создаваемые администрации территорий. Деятельность КПСС на территории РСФСР 23 августа 1991 г. была приостановлена, а с 6 ноября 1991 г. полностью запрещена.

[39] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2858. Л. 2.

[40] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2846. Л. 18.

[41] Харамзин Терентий Герасимович в 1988 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук по теме «Основные направления повышения эффективности оленеводства Тюменской области в условиях развития нефтегазового комплекса». В 2003 г. защитил докторскую диссертацию по социологическим наукам на тему «Традиционное природопользование как элемент культуры малочисленных народов Тюменского Севера». См.: Харамзин Терентий Герасимович: библиографический указатель научных трудов и публикаций. Ханты-Мансийск, 2013.

Глава 2

Региональная элита, проблемы взаимоотношений с Центром, механизмы принятия решений

Состав и структура региональной элиты

Круг региональной элиты[42] — партийных, советских, хозяйственных работников — в период 1950–1980-х годов формировался прежде всего по формальному признаку и состоял из людей, должности которых входили в соответствующие перечни (основную и учетно-контрольную номенклатуру) и подлежали утверждению на заседаниях бюро партийных комитетов. Как правило, состав номенклатуры включал максимальное количество руководящих позиций в партийном, советском, хозяйственном аппарате. С прекращением действия номенклатурного механизма в конце 1980-х годов состав элиты меняется: в нее включаются не только руководители, ответственные за принятие политических решений, но и лидеры общественного мнения — представители депутатского корпуса, осуществляющие свои полномочия на неосвобожденной основе, деятели политизированных организаций.

В первой половине 1950-х годов в составе региональной элиты Ханты-Мансийского округа фигурировало значительное количество руководителей, плохо приспособленных к выполнению задач по форсированию экономического развития. Секретарям райкомов партии, председателям райисполкомов недоставало политического опыта, экономических знаний, умения работать с населением. Еще в 1950 г. Тюменский обком ВКП(б) констатировал, что одной из главных причин крупнейших недостатков и ошибок, допущенных в работе партийными, советскими и хозяйственными органами Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов является слабость партийного и советского руководства как в окружных, так и в районных организациях. Кадровую проблему предполагалось решать следующим образом: заменить ряд окружных и районных партийных и советских руководителей опытными работниками, способными самостоятельно решать возникающие перед ними сложные вопросы; создать необходимые условия для закрепления партийных и советских кадров, предоставить им ряд льгот и преимуществ; создать необходимые условия партийным и советским органам для возможно более оперативного руководства

[42] Термин «элита» используется условно — для обозначения круга региональных партийных, советских, хозяйственных руководителей, ответственных за принятие решений и их выполнение.

Рис. 1.14. Депутаты Верховного Совета РСФСР X созыва от Тюменской области на 3-й сессии в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. 1981 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1529

местами; провести ряд специальных мероприятий по более быстрой подготовке руководящих кадров из местных коренных национальностей, оказать им повседневную помощь в работе.

Для привлечения и закрепления кадров в партийном и советском аппарате требовались меры материального стимулирования. Предлагалось приравнять по зарплате райкомы ВКП(б) и райисполкомы Ханты-Мансийского округа к 1-й группе, распространив на партийных и советских работников этого округа 20% надбавку к зарплате, установленную для учителей и медицинских работников. В 1951 г. считалось необходимым ассигновать средства на строительство в каждом райцентре северных округов жилого 8-квартирного дома для работников райкома партии и райисполкома. Высказывалась идея о распространении на партийных работников льгот по коммунальным услугам, предоставленных учителям. Эти идеи отражали сложившееся положение в системе местной власти, когда кадры партийного аппарата в связи с ограничениями бюджетных ассигнований были вынуждены использовать ресурсы колхозов и промышленных предприятий.

В Тюменском обкоме партии были обеспокоены «зависимостью партийных работников от хозяйственников», поэтому предлагали обеспечить окружкомы и райкомы партии,

райисполкомы необходимыми транспортными средствами, покончить с положением, «когда партийный или советский руководитель попадает в зависимость от хозяйственников и вынужден приспосабливать свои выезды на места к сбору рыбы, развозу товаров и т. п.»[43]. Однако данную проблему в первой половине 1950-х годов решить не удалось. Уровень заработных плат в партийно-советском аппарате районного и городского звена был значительно ниже в сравнении с оплатой хозяйственных руководителей крупных промышленных предприятий. Средства партийного бюджета зачастую не покрывали насущных потребностей комитетов на приобретение автотранспорта, мебели, необходимого оборудования.

В числе проблем функционирования ханты-мансийской элиты «ранней оттепели» можно назвать и корпоративную охранительность, нежелание многих партийных работников признавать свои ошибки, стремление блокировать рассмотрение жалоб рядовых коммунистов, поданных на действия секретарей партийных комитетов. В отчетном докладе на V Тюменской областной партийной конференции 26 января 1954 г. первый секретарь Ф. С. Горячев упрекал руководство Ханты-Мансийского окружкома за неоперативность в разборе сигналов из Микояновского (ныне Октябрьского) района, которые касались неправильного поведения секретаря райкома и редактора районной газеты. Констатировалось, что «руководители партийных организаций не прислушиваются к сигналам коммунистов и беспартийных, которые пишут, говорят о плохой работе или неправильном поведении отдельных работников, сигналы не проверяются и недостатки вовремя не вскрываются и не исправляются»[44]. Конечно, информация в жалобах не всегда подтверждалась, однако желание местных работников предотвратить общественный резонанс в процессе разбора поданных заявлений хорошо иллюстрируют документы бюро партийных комитетов.

Помимо активизации работы по подбору кадров, увеличению объёмов финансирования партийно-советского аппарата, обеспечения гласного порядка в рассмотрении жалоб требовалось повысить образовательный уровень функционеров, уже принятых на работу. Для подготовки руководящих партийных и советских кадров из народностей Севера считалось важным разрешить прием в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) окружных и районных партийных и советских работников из числа ненцев, ханты, манси, коми, имеющих среднее образование, но не входящих в номенклатуру приема партшколы (заведующие отделами окружкомов и окрисполкомов, секретарей РК ВКП(б), председателей райисполкомов).

Другой путь виделся в открытии в Свердловской межобластной партийной школе специального северного отделения с ежегодным набором 20–25 человек. Для них требовалось разработать специальную программу (по опыту работы Красноярской краевой партийной школы). С 1951 г. предлагалось реорганизовать годичные окружные партийные курсы в двухгодичные партшколы со специальной программой. До середины 1950-х гг. в таких школах представлялось возможным обучить «всех коммунистов северных национальностей, открыв при них отделения по ликбезу для коммунистов-националов»[45].

---

[43] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 78. Д. 127. Л. 137.

[44] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 86. Д. 5. Л. 40.

[45] Материалы к докладу в ЦК ВКП(б) «О состоянии организационно-партийной и партийно-политической работы в северных округах Тюменской области». 1950 г. // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 78. Д. 127. Л. 138.

Рис. 1.15. Комсомольско-молодежная бригада каменщиков и бетонщиков Урайского строительного управления. Г. Урай. 1966 г. ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 5. Д. 31/32

Эта тема активно поддерживалась в Тюменском обкоме КПСС, который в мае 1953 г. подготовил специальную записку на имя Н. С. Хрущева. Первый секретарь обкома Ф. С. Горячев предлагал открыть в 1953 г. на базе областных девятимесячных курсов в Тюмени трехгодичную партийную школу подготовки руководящих кадров для северных национальных округов. Общий контингент школы планировалось установить в 90 чел. с ежегодным набором по 30 чел. Прием планировалось проводить из числа членов КПСС национальностей народов Севера — ненцев, ханты, манси, коми, селькупов, имеющих семилетнее образование. Окончивших школу предлагалось приравнивать к лицам, получившим среднее образование[46].

В Ханты-Мансийском округе действовала окружная партийная школа, которая готовила низовые партийные, советские кадры, работников культурно-просветительских учреждений. В 1956/57 уч. году в ней обучалось 49 человек, в том числе 18 — из Ямало-Ненецкого округа. Однако окружком КПСС считал, что партийные и советские кадры «достаточно выросли» и нуждаются в переподготовке более краткосрочной, то есть 2–3-месячной. Поэтому пред-

[46] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 78. Д. 126. Л. 59–61.

лагалось реорганизовать окружную партийную школу в краткосрочные курсы переподготовки партийных, советских и комсомольских работников. Другой формой повышения квалификации виделись семинары по обмену опытом работы с работниками райкомов КПСС и секретарями первичных парторганизаций[47]. В конечном итоге уже к началу 1960-х гг. проводимая образовательная политика в отношении партийно-советских кадров значительно повысила уровень их компетентности.

Документы сектора учета руководящих кадров Тюменского обкома свидетельствуют, что в 1960-е годы в структуре региональной элиты произошли значительные качественные изменения. В составе кадров аппарата партийных органов наметилась тенденция к замещению должностей лицами с высшим образованием. Вместе с тем на районном уровне еще существовали комитеты и категории должностей, где количество лиц с высшим образованием незначительно превышало половину состава номенклатурных кадров. Так, в Урайском и Нефтеюганском горкомах КПСС работники с высшим образованием в 1970 г. составляли только 63,6%. В Берёзовском райкоме КПСС не было ни одного секретаря с партийно-политическим образованием, имеющим диплом Высшей партийной школы[48].

Повышение уровня образования фиксировалось и среди председателей городских и районных исполкомов Советов. В целом по Тюменской области в 1966 г. председателей с высшим образованием было 53,4%, в 1968 г. — 72,9%, в 1970 г. — 76,1%.

По состоянию на 1970 г., в номенклатуре Ханты-Мансийского окружкома КПСС числилось 469 должностей (338 утверждаемых и 131 учитываемых)[49]. На 10 января 1970 г. было укомплектовано 335 утверждаемых и 128 учитываемых должностей[50]. (Показательно, что к 1983 г. численность номенклатуры окружкома резко возросла: в нее стало входить 793 должности, в том числе основной номенклатуры 369, учетно-контрольной — 424)[51]. Рост количества должностей номенклатуры, бесспорно, осложнял процесс утверждения номенклатурных кадров на заседаниях бюро, усиливал бюрократизацию кадровой политики, в том числе и в процессе оформления необходимых документов, своевременности подготовки отчетов.

Качественный анализ состава региональной элиты может быть проиллюстрирован данными из статистических отчетов (представлены данные на всех номенклатурных работников окружкома, включая партийных, советских, комсомольских и хозяйственных руководителей и специалистов аппарата).

---

[47] Докладная записка секретаря Ханты-Мансийского окружкома КПСС Г. Я. Кузнецова первому секретарю Тюменского обкома КПСС В. В. Косову «Об окружной партийной школе». 20 июля 1957 г. // ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 1879. Л. 2–3.

[48] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 202. Д. 3. Л. 81–82.

[49] Номенклатурные должности в зависимости от их значимости включались либо в основной, либо в учетно-контрольный список. Кандидатуры на должности основного списка подлежали утверждению на бюро партийного комитета, кандидатуры из учетно-контрольного списка проходили согласование в отраслевом или функциональном отделе соответствующего органа КПСС.

[50] Справка заведующему организационным отделом Ханты-Мансийского окружкома КПСС А. В. Наумову об исполнении номенклатуры окружкома КПСС за 1969 год // ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2215. Л. 43.

[51] О работе коммунистов отдела пропаганды и агитации по совершенствованию работы с кадрами номенклатуры окружкома КПСС: протокол № 2 партийного собрания первичной парторганизации аппарата Ханты-Мансийского окружкома КПСС. 13 января 1983 г. // ГАСПИТО. Ф. П-2132. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

Таблица 1.1

Качественный состав номенклатурных работников Ханты-Мансийского окружкома КПСС по состоянию на январь 1970 г. (чел.)

Параметры качественного состава	Основная номенклатура (утверждаемая)	Учетно-контрольная номенклатура
Партийность		
Членов КПСС	322	119
Кандидатов в члены КПСС	2	0
Членов ВЛКСМ	0	3
Беспартийных	11	6
Национальность		
Русские	268	112
Ханты	17	4
Манси	5	3
Коми	3	3
Другие	42	6
Образование		
Высшее образование	200	45
Неполное высшее образование	28	13
Среднее образование	99	55
Неполное среднее образование	8	13
Начальное образование	0	2
Стаж работы		
До 1 года	16	18
До 2 лет	22	15
До 3 лет	23	8
До 4 лет	10	4
До 5 лет	9	2
От 5 до 10 лет	77	31
От 10 лет и более	178	50
Пол		
Мужчины	279	101
Женщины	56	27

Источник: Справка об исполнении номенклатуры Ханты-Мансийского окружкома КПСС за 1969 год // ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2215. Л. 43–44.

Рис. 1.16. Антонина Георгиевна Григорьева — председатель Сургутского райисполкома (1960–1969), председатель Ханты-Мансийского окружного исполкома Совета депутатов трудящихся/народных депутатов (1969–1982). 1964 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Опись 1. Дело 1466

Рис. 1.17. Валентина Павловна Теленкова — председатель Ханты-Мансийского окружного исполкома (1982–1987). Из открытых источников

Как видно из данных таблицы 1, женщины в составе ханты-мансийской основной номенклатуры составляли 20%, однако в своем большинстве они занимали исполнительские должности — инструкторов функциональных отделов, заведующих парткабинетами, отделами народного образования. В составе первых и вторых секретарей окружкома женщин не было. Тем не менее, женщины занимали руководящие посты в составе советских органов.

С марта 1969 по май 1982 г. исполнительный комитет Ханты-Мансийского окружного Совета депутатов трудящихся (народных депутатов) возглавляла *Антонина Георгиевна Григорьева* (1918–1998). Трудовую деятельность она начала по окончании в 1937 г. Остяко-Вогульского педагогического училища, до 1939 г. была заведующей отделом пионеров и школьников Остяко-Вогульского окружного комитета ВЛКСМ. С 1939 по 1943 гг. работала учителем начальных классов в Ханты-Мансийской средней школе и Берёзовской семилетней школе. В 1943 г. выдвигается на партийную работу, утверждается заведующей отделом Кондинского райкома ВКП(б). В 1947 г. назначается редактором газет — печатных органов Кондинского, а затем Микояновского райкомов ВКП(б) и райсоветов депутатов трудящихся.

С 1950 по 1954 гг. избиралась секретарем Микояновского (Октябрьского) райкома ВКП(б)–КПСС, затем А. Г. Григорьева переводится на хозяйственную работу. В селе Кондинском являлась заместителем директора леспромхоза (1954–1955), уполномоченной районного союза рыболовецких колхозов. В 1956 г. утверждается заведующей отделом культуры Октябрьского райисполкома, в 1960 г. становится председателем Сургутского райисполкома, работая в данной должности вплоть до избрания председателем окрисполкома. Избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР, награждалась орденами Октябрьской Революции (1975), Трудового Красного Знамени (1971), «Знак Почета» (1966).

Преемницей А. Г. Григорьевой стала *Валентина Павловна Теленкова* (род. 1939 г.), уроженка села Нахрачи Кондинского района. В 1959 г. она окончила культурно-просветительское училище, а в 1963 г. — Ленинградский институт культуры им. Н. К. Крупской. Трудовую деятельность В. П. Теленкова начала преподавателем Салехардского культпросветучилища, в 1971 г. была выдвинута на работу в Ямало-Ненецкий окружком КПСС,

где последовательно занимала должности инструктора и заведующей отделом по работе среди женщин. После недолгой работы (1974–1975) преподавателем института культуры в г. Орле вернулась в Ямало-Ненецкий округ, работала заместителем председателя окружного исполкома. В 1979 г. избирается первым секретарем Берёзовского райкома КПСС Ханты-Мансийского автономного округа, а с мая 1982 по март 1987 гг. — председателем Ханты-Мансийского окружного исполкома. Впоследствии В. П. Теленкову рекомендовали на работу в аппарат Совета Министров РСФСР, в 1994–2000 гг. она работала заместителем главы представительства Ямало-Ненецкого автономного округа при Правительстве Российской Федерации.

Рис. 1.18. Афиша худ. фильма «Секретарь обкома». 1964 г. Из открытых источников

В начале 1970-х гг. упрочилась практика перехода специалистов с производства на партийную и советскую работу. В их числе были молодые работники: главного механика треста «Нефтеюганскгазстрой» Н. А. Москаленко избрали вторым секретарем горкома КПСС, начальника планового отдела СУ-10 М. А. Полтавцева — секретарем Урайского горкома КПСС, начальника Леушинского лесопункта Л. В. Никулина — заместителем председателя Кондинского райисполкома.

Несмотря на позитивные изменения в составе номенклатурных кадров в 1970–1980-е гг., в работе партийных органов по подбору и расстановке аппаратных руководителей и специалистов наблюдалось немало проблем. Одна из них — формализация работы по составлению резерва кадров на выдвижение. Как отмечал первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина в 1973 г., «с зачисленными в резерв никто не работает. О каком, например, резерве может говорить Сургутский горком? В городе более 450 коммунистов с высшим образованием в возрасте до 40 лет, а в аппарате горкома партии каждый третий работник со средним и так называемым неполным средним образованием»[52]. Стоит заметить, что негативные оценки по работе с резервом фиксировались в партийных организациях страны повсеместно.

И в 1980-е принципиальных изменений по работе с резервом не произошло. Заведующий организационным отделом Ханты-Мансийского окружкома КПСС В. Д. Анчухин в январе 1983 г. делился с сотрудниками аппарата оценкой положения: «…мы еще не научились работать с резервом, только 10–15% выдвигается и замещается из нашего резерва. Горкомы, райкомы партии ежегодно дают нам резерв, мы знакомимся, всесторонне рассматриваем кандидатуры, соглашаемся, но как дело доходит до выдвижения — результаты желают быть лучше»[53].

[52] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 205. Д. 16. Л. 13.

[53] ГАСПИТО. Ф. П-2132. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

Рис. 1.19. А. Г. Григорьева в бригаде Ерёмина на буровой Сургутской геологоразведочной экспедиции. 1968 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп 1. Д. 2915

Рис. 1.20. А. Г. Григорьева во время поездки в п. Угут. 1969 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 2916

Рис. 1.21. Здание Сургутского горкома КПСС. 1960–1970-е гг. Сургутский краеведческий музей

Традиционно после таких наблюдений и обсуждений принимались постановления: «Обратить серьёзное внимание на создание действенного резерва кадров, улучшение работы с резервом из числа женщин — представителей коренной национальности и молодежи».

В годы перестройки региональная элита кардинально обновляется, о чем свидетельствуют статистические данные. По состоянию на январь 1987 г. в Ханты-Мансийском окружкоме КПСС, горкомах и райкомах партии округа работало 240 человек, из них 54% в возрасте до 35 лет. Средний возраст секретарей горкомов, райкомов партии, пришедших к руководству, составлял 37 лет, заведующих отделами — 33, инструкторов — 32 года. Продолжительность работы секретарей горкомов, райкома партии в среднем составляла 1 год 7 месяцев, заведующих отделами — 1,5 года[54]. Впрочем, в перечисленных цифрах можно видеть и угрозу функционирования аппарата: резко понизился стаж пребывания в должности, что нарушало пропорции в составе номенклатуры между опытными и молодыми работниками.

Повышенное внимание на местах к вопросам кадровой политики наблюдалось после январского (1987 года) пленума ЦК партии. Первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС В. А. Чурилов в этот период выступал за нестандартные формы работы с резервом кадров в партаппарате, включая самовыдвижение. Он был убежден, что работой с кадрами должен заниматься специальный сектор в окружном комитете. Также он полагал, что работники отраслевых отделов окружкома должны были заниматься и курированием партийных комитетов в городах и районах. Институт кураторов требовал создания группы социально-экономического анализа — квалифицированной, комплексной, но вневедомственной.

[54] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 245. Д. 3. Л. 39.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

МАНДАТ № 2680

Товарищ Чурилов В. А.

ИЗБРАН ДЕЛЕГАТОМ XIX ВСЕСОЮЗНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Тюменской организации.

МАНДАТНАЯ КОМИССИЯ КОНФЕРЕНЦИИ

Рис. 1.22. Мандат делегата XIX Всесоюзной партийной конференции В. А. Чурилова — первого секретаря Ханты-Мансийского окружкома КПСС. 1988 г. Музей Природы и Человека. Ханты-Мансийск

СССР

Окружная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия

УДОСТОВЕРЕНИЕ

На основании протокола голосования Окружной избирательной комиссии Ханты-Мансийского избирательного округа №747 по выборам в Совет Национальностей и статей 102 и 103 „Положения о выборах в Верховный Совет СССР", Окружная по выборам в Совет Национальностей избирательная комиссия удостоверяет, что товарищ Григорьева Антонина Георгиевна избран депутатом Верховного Совета СССР от Ханты-Мансийского избирательного округа №747 по выборам в Совет Национальностей.

Председатель Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии Белинин Ю.

Секретарь Окружной по выборам в Совет Национальностей избирательной комиссии В. Хлебникова

13 июня 1966 г.

Рис. 1.23. Удостоверение А. Г. Григорьевой об избрании депутатом Верховного Совета СССР от Ханты-Мансийского избирательного округа № 747. 1966 г. Государственный архив Югры. Ф. 499. Оп. 4. Д. 9. Л. 14

Беспокоил В. А. Чурилова процесс обмена кадрами между партийным и советским аппаратами. Как правило, это происходило на уровне первых руководителей. За период с 1984 по 1987 гг. из 14 сменившихся заместителей председателей окружных, городских и районных исполкомов Советов Ханты-Мансийского округа на вышестоящую работы выдвинули только 5 (36%), а председателями стали только 3 человека (21% от общего числа сменившихся). Только 39% заместителей председателей городских и районных исполкомов Советов, ведавших вопросами строительства, имели строительное образование, 28 не имели даже технического. Каждый третий в своей прошлой работе не имел отношения к строительству[55].

Бюро Ханты-Мансийского окружкома КПСС в 1986–1987 гг. в планах своей работы выделяло специальный раздел по кадрам, на заседаниях утверждались характеристики на работников номенклатуры. За 2 года удалось утвердить 105 характеристик. Впрочем, данный опыт вряд ли можно назвать позитивным: характеристики содержали много шаблонных фраз, данный документ в процессе расстановки кадров не способствовал пониманию конкурентных преимуществ конкретного работника.

В конце 1987 г. бюро окружкома приняло решение о сокращении своей номенклатуры. Причиной такого шага называлось несколько обстоятельств: во-первых, необходимость делегировать полномочия по решению кадровых вопросов на места — в горкомы и райкомы КПСС; во-вторых, потребность предметно разобраться в деловых качествах претендента на соответствие их сложности функциональных задач предполагаемой иерархической номенклатурной ступени. В результате резко снизилось количество должностей как основной, так и учетно-контрольной номенклатуры. Если до 1987 г. в основную номенклатуру Ханты-Мансийского окружкома КПСС входило 411 должностей, а в учетно-контрольную 444 должности, то после сокращения в основную — 214 должностей, учетно-контрольную — 357[56]. Снизилось и количество документов, требуемых для утверждения и согласования номенклатурных работников: если раньше велись личные дела на все категории кадров, то после сокращения дела велись только на кадры основной номенклатуры.

[55] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2726. Л. 24.

[56] Записка сектора кадров Ханты-Мансийского окружкома КПСС о работе с кадрами, резервом номенклатуры должностей бюро окружкома КПСС. 7 декабря 1987 г. // ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2754. Л. 1.

В годы перестройки существенно обновляется состав секретарского корпуса: если в 1986 г. сменяемость составляла 17%, то в 1987 г. она достигла 43,6%. Основной категорией сменяемости стали вторые секретари горкомов и райкомов КПСС Ханты-Мансийского округа (1986 г. — 23,1%, 1987 г. — 61,5%).

В группах заведующих отделами сменяемость колебалась в пределах 20–30%. Напротив, в 1987 г. происходит замедление сменяемости: в 1986 г. среди заведующих организационными отделами горкомов и райкомов КПСС сменилось 53,8%, уже в 1987 г. — 15,4%. Среди заведующих промышленно-транспортными отделами в 1986 г. сменилось 38,5%, в 1987 г. — 15,4%. По должностям инструкторов наблюдалась высокая стабильная сменяемость в отделах пропаганды и агитации: 1986 г. — 45,2%, 1987 г. — 43,8%.

Самым нестабильным партийным комитетом назывался Берёзовский (в 1986 г. сменилось 73,9%, в 1987 г. — 44,4% от всех работников партийного аппарата). При этом в Няганьском и Радужнинском горкомах КПСС в течение 2 лет не сменился ни один работник основной номенклатуры должностей бюро Ханты-Мансийского окружкома КПСС.

Озабоченность вызывал образовательный уровень номенклатуры Ханты-Мансийского окружкома КПСС. По состоянию на 1987 г. из всех должностей номенклатуры бюро окружкома только 46 человек (12%) имели партийно-политическое образование. При этом половина обладателей дипломов высшей партшколы являлись секретарями горкомов, райкомов КПСС, председателями райисполкомов. В группе заведующих отделами городских и районных комитетов КПСС лиц с высшим партийно-политическим образованием насчитывалось только 2%. В конце 1980-х гг. на обучение в Уральский институт социального управления (бывшую высшую партийную школу) нередко направлялись функционеры без необходимой мотивации к управленческой деятельности в органах КПСС. Так, например, в 1988 г. Берёзовский райком КПСС направил на учебу на очное двухгодичное отделение Свердловской ВПШ заведующую партийным кабинетом райкома О. А. Кравченко, которая после окончания школы написала заявление о выбытии из членов КПСС[57].

Таблица 1.2

Динамика сменяемости советских и комсомольских работников по должностям в 1986–1987 гг.

Должностная группа	Номенклатура			Сменилось					
	1986	1987	*Итого*	*1986*	%	1987	%	1986–1987	%
Советские кадры	82	84	166	7	8,5	13	15,5	20	12,0
в т. ч. председатели исполкомов	19	19	38	2	10,5	4	21,1	6	15,8
зам. председателей исполкомов	52	62	114	5	9,6	9	14,5	14	12,3
Комсомольские кадры	39	15	54	6	15,4	2	13,3	8	14,8

Источник: Сменяемость партийных, советских, комсомольских работников по должностям в 1986–1987 гг. 3 декабря 1987 г. // ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2754. Л. 9.

[57] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 257. Д. 52. Л. 3.

Рис. 1.24. Анатолий Константинович Ушаков — председатель Ханты-Мансийского окружного исполкома Совета народных депутатов (1987–1989). Из открытых источников

Рис. 1.25. Александр Васильевич Филипенко — председатель Ханты-Мансийского окружного исполкома Совета народных депутатов (1989–1991). Из открытых источников

В годы перестройки происходит дальнейшее сегментирование региональной элиты. При резком повышении заработной платы в производственном секторе на работу в партийный аппарат хозяйственные руководители переходить не желали. В мае 1989 г. первый секретарь Сургутского горкома КПСС Н. Г. Аникин на пленуме обкома КПСС заявил, что вопрос о необходимости повышения заработной платы партийным работникам «встал остро»[58]. Между тем в структуре кадров партийного аппарата все больше расширялась технократическая прослойка: 50% работников имели техническое образование, 9% функционеров обладали дипломами экономистов, чуть более 20% — педагогов.

Во второй половине 1980-х годов продолжалось использование механизма кадровых перебросок из партийного аппарата в советский. Типичная траектория номенклатурной карьеры председателя исполкома Совета депутатов крупного района или всего автономного округа отражала требование для претендента иметь опыт хозяйственной и партийной работы. Такова, например, трудовая биография *Анатолия Константиновича Ушакова* (род. 1939 г.), избранного председателем Ханты-Мансийского окружного исполкома Совета народных депутатов в марте 1987 г. Уроженец деревни Наумовка Смоленской области, А. К. Ушаков трудовую деятельность начал токарем Верхне-Тавдинского фанерного комбината в 1957 г. После года работы на предприятии поступил на дневное отделение в Уральский лесотехнический институт, который окончил в 1963 г. Отслужив два года в Вооруженных силах СССР, начал работу в Комсомольском леспромхозе (технорук, старший инженер). Вступил в КПСС в 1966 г., после чего уже в 1968-м становится председателем районного комитета народного контроля в посёлке Советский Ханты-Мансийского округа. В 1973 г. А. К. Ушаков переходит на партийную работу, последовательно избирается секретарем Советского райкома КПСС, первым секретарем Кондинского райкома КПСС (1977–1982), вторым секретарем Ханты-Мансийского окружкома КПСС (1982–1987).

Модель выдвижения в советские руководители округа с поста второго секретаря окружкома КПСС использовалась и в конце 1940-х (биография А. Н. Лоскутова), и в 1960-е гг. (в случае с С. А. Комиссаровым), и в конце 1980-х — пример *Александра Васильевича Филипенко*. Вехи его биографии также типичны для председателя

[58] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 251. Д. 74. Л. 137.

окрисполкома и удивительно схожи с карьерой предшественника. А. В. Филипенко, так же как и А. К. Ушаков, поступил в технический вуз (Сибирский автомобильно-дорожный институт в г. Омске) после года работы на промышленном предприятии (настройщик-регулировщик радиоаппаратуры Петропавловского радиозавода). По окончании института в 1973 г. начинает трудовую деятельность в Сургуте на строительстве моста через Обь (инженер производственно-технического отдела, строймастер, старший инженер производственно-технического отдела Мостопоезда № 442 Минтрансстроя СССР).

В 1977 г. (через год после вступления в КПСС) он приглашается на работу инструктором отдела строительства Ханты-Мансийского окружкома КПСС, затем на пленуме партийного комитета утверждается заведующим отделом. В 1982 г. на сессии Ханты-Мансийского окружного Совета избирается первым заместителем председателя исполкома. В 1983 г. А. В. Филипенко избирается первым секретарем Берёзовского райкома КПСС, а в 1987 г. — вторым секретарем Ханты-Мансийского окружкома партии.

По состоянию на 1 января 1991 г. качественный состав работников Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов характеризовалась следующими показателями:

Таблица 1.3

Состав и сменяемость ответственных работников Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов по состоянию на 1 января 1991 г.

Показатели	Ответственные работники аппарата окружкомов КПСС (всего)	В том числе секретари	Из них первые секретари	Председатели контрольных комиссий окружных парторганизаций
Всего должностей на дату составления отчета	30	7	2	2
Из них замещено работниками	29	7	2	2
В том числе женщинами	9	0	0	0
Возраст от 30 до 40 лет	13	5	1	1
Возраст от 40 до 50 лет	14	1	1	1
Возраст от 50 до 60 лет	2	1	0	0
Имеющих высшее образование	29	7	2	2
В том числе инженеров	7	2	2	1
Стаж работы в занимаемой должности до 1 года	10	4	1	0
Стаж работы от 1 года до 5 лет	17	3	1	2
Стаж работы от 5 до 10 лет	1	0	0	0
Стаж работы от 10 лет и более	1	0	0	0

Источник: Статистический отчет о составе и сменяемости кадров Тюменского обкома КПСС на 1 января 1991 г. // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 254. Д. 88. Л. 1–1 об.

Анализ качественного состава номенклатуры по состоянию на 1991 г. свидетельствует о серьёзных негативных изменениях в кадровой структуре партийных органов. Из аппарата, резко сокращенного в период 1988–1990 гг., ушли наиболее опытные функционеры, подавляющее большинство работников находились в должностях до 5 лет. Эти изменения наглядно отражают снижение уровня авторитета и влияния партийных органов в системе власти Ханты-Мансийского автономного округа.

Проблемы взаимоотношений органов власти Ханты-Мансийского окружкома КПСС с руководством Тюменской области, центральными партийными и советскими органами

В отечественной историографии уже обращалось внимание на различия в понимании перспектив развития Ханты-Мансийского округа в группировках местных и региональных руководителей. Тюменский историк И. Н. Стась так видит разницу в приоритетах: «Окружная власть предлагала реализовывать индустриальные проекты в лесной, рыбной и строительной отраслях, в то время как представители Тюменской области связывали надежды с энергетическими и геологическими замыслами»[59]. В период 1950-х — начала 1990-х гг. прослеживаются неоднократные попытки тюменского регионального руководства поставить процессы руководства Ханты-Мансийским округом под неослабный контроль. В то же время наблюдается и стремление партийно-советских лидеров округа с максимально возможной степенью самостоятельности решать проблемы стратегического развития территории напрямую с центральными органами власти.

С начала 1950-х гг. возобладала тенденция подготовки комплексных партийно-правительственных постановлений о развитии национальных округов. Их подготовка велась как в Тюменском обкоме КПСС, так и в Ханты-Мансийском окружкоме партии. Однако записки в ЦК КПСС, Совет Министров СССР, Госплан СССР традиционно подписывали первый секретарь обкома и председатель облисполкома. Особенность технологии подготовки документов состояла в многочисленных согласованиях пунктов проектов постановлений, которые готовились и представлялись в центральные органы региональным руководством, но подвергались предварительным экспертизам в отраслевых отделах ЦК партии, отделах Совета Министров СССР и РСФСР, Госплане СССР и РСФСР. Опыт разработки и принятия ряда документов свидетельствует о наличии многих системных проблем, которые отражались в постановлениях, но не решались десятилетиями.

Поэтому представляется важным обратить внимание на решения, принятые в конце 1940-х — начале 1950-х гг. В послесталинский период не потеряло актуальности постановление ЦК ВКП(б) «О работе Тюменского обкома ВКП(б)» от 28 августа 1949 года[60]. В нем отме-

[59] Стась И. Н. Образ промышленного освоения: Ханты-Мансийский Север в ожидании перемен в послевоенные годы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6. С. 145.

[60] Об истории подготовки и принятия данного постановления см.: Колева Г. Ю. Состояние Тюменской области в оценке комиссии ЦК партии и принятом по итогам ее работы постановлении (1948–1949 гг.) // Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.): сб. науч. ст. Екатеринбург, 2020. С. 10–15.

чалось, что обком партии неудовлетворительно руководил хозяйственным и культурным строительством в районах Крайнего Севера. В числе мер, нацеленных на исправление ситуации, виделось укрепление руководящих кадров северных округов и районов.

Среди приоритетных предусматривалось «решение задачи повышения культурного уровня национального населения Севера», которое требовало создания собственной интеллигенции. Тюменский обком партии после консультаций с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким окружкомами предлагал:

– решить вопрос об осуществлении закона о всеобщем обучении, охватить школой всех детей коренных национальностей;
– разработать наглядные пособия для северных школ, пересмотреть учебный план школы народов Крайнего Севера, разработать и создать методические пособия для учителей, издать учебники ненецкого, хантыйского, мансийского языков для северных педучилищ;
– создать сеть школ ликбеза для молодежи и подростков с отрывом их от производства и с содержанием в интернатах за счет государства.

23 октября 1949 г. Совет Министров СССР принял постановление «О мерах помощи в развитии оленеводства, пушного и рыбного промыслов и улучшении культурно-бытового обслуживания населения районов Крайнего Севера Тюменской области». Уже в 1950 г. отмечалось, что данный документ позволил выделить большие ассигнования на строительство школ, больниц, клубов, направить на север квалифицированные кадры врачей и учителей, повысить заготовительные цены на пушнину и рыбу.

18 ноября 1950 г. Совет Министров РСФСР принял постановление «О мерах помощи местному хозяйству Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского национальных округов», в котором предусматривались капиталовложения на жилищно-коммунальное хозяйство и развитие местной промышленности. В начале 1951 г. на рассмотрении Совета Министров СССР находился проект постановления о мерах помощи национальным округам Тюменской области в работах по оседанию и сселению кочевого населения[61]. Эта тема активно обсуждалась в Ханты-Мансийском округе все 1950-е годы.

Важный региональный интерес был связан с проблемой закрепления кадров специалистов всех отраслей хозяйства и культуры, работающих на Севере. По мнению руководства Тюменского обкома партии, им требовалось предоставить общие льготы — право заключать договоры на месте и с лицами, постоянно живущими в округах, установить надбавку к зарплате за отдаленность (для Ханты-Мансийского округа — 20%), ежегодные надбавки в 10%, льготные отпуска.

В числе направлений развития экономики Ханты-Мансийского округа считалось возможным развитие полеводства (производства картофеля и овощей). Отмечалось, что в южной части Ханты-Мансийского округа могут успешно произрастать зерновые культуры, разведение которых могло сократить завоз зернофуража на Север. Во всех районах национальных округов Тюменской области могли выращиваться овощи в закрытом грунте.

Высказывались претензии к Министерству рыбной промышленности СССР, которое не проявляет «заботы о развитии своих предприятий на Обском Севере, не ищет и не осваивает

[61] Записка «О работе северных округов» [Не ранее конца 1950 г.] // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 78. Д. 127. Л. 159.

новых водоемов, не развивает государственный лов, не вкладывает сколько-нибудь значительные средства в новое строительство и оборудование»[62]. Тюменский обком партии считал это отношение министерства неправильным, мешающим использованию сырьевых богатств области.

Представленные позиции по стратегическому развитию Ханты-Мансийского округа, выявленные проблемы во взаимоотношениях между региональной властью и отраслевыми министерствами ставились в центр внимания первых секретарей Тюменского обкома партии как в 1950-е, так и в 1960-е годы.

В послесталинский период наблюдается усиление критики Тюменского обкома КПСС руководством Ханты-Мансийского округа. Активно использовались публичные трибуны для изложения фактов отрыва региональных аппаратчиков от повседневной жизни в округе. Показательны в этом отношении материалы пленума Тюменского окружкома КПСС, который состоялся 13–14 апреля 1953 г. На нем обсуждался вопрос «О мерах по улучшению подбора, расстановки и воспитания кадров в Тюменской областной партийной организации». Критиковался сложившийся стиль партийного руководства. Первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС А. С. Золотухин привел пример: обком решил обсудить передовой опыт работы первичной партийной организации рыболовецкой артели, не посоветовался с окружкомом и неудачно избрал первичную парторганизацию. В обкоме выяснилось, что в работе этой организации положительного мало, а больше недостатков, окружком мог указать на лучшую партийную организацию, опыт которой можно было бы передать другим»[63]. Помимо аппарата обкома КПСС критиковались и другие областные организации.

В июле 1953 г. на пленуме Ханты-Мансийского окружкома КПСС отмечалось слабое руководство предприятиями со стороны областного союза потребительских обществ и областного рыболовецкого союза потребительских обществ, указывалось на несвоевременный завоз товаров, на непринятие мер по их качественному хранению[64]. Бесспорно, отчасти критика носила объективный характер и обусловливалась отдаленностью территории округа от областного центра, сложными природно-климатическими условиями. С другой стороны, подобные замечания высказывались многократно на совещаниях различного уровня и нацеливали региональное руководство Тюменской области обратиться в ЦК КПСС с предложением изменений административно-территориального устройства.

Впрочем, сложности во взаимоотношениях проявлялись не только между руководством Тюменского обкома КПСС и Ханты-Мансийского окружкома партии. Трудности возникали и с кураторами Тюменской области в ЦК КПСС. В декабре 1953 г. секретарь Тюменского обкома КПСС И. П. Игнатов писал первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву: «За 9 лет существования области сменилось немало инструкторов ЦК, ее обслуживающих, но связь их с областью, особенно за последние годы, крайне слабая»[65]. Представитель регионального руководства сетовал, что инструкторы ЦК, бывая в областях, по существу никого не инструк-

[62] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 78. Д. 127. Л. 148.
[63] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 78. Д. 126. Л. 54.
[64] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 78. Д. 126. Л. 115.
[65] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 488. Л. 34.

тируют, не рассказывают, как лучше строить работу бюро, секретариата, отделов, как она строится в других областях. Когда инструкторы находятся в Москве (это львиная доля их рабочего времени), то вся связь с областью осуществлялась при помощи телефонных разговоров, преимущественно о ходе текущих дел и состоянии ответов на те или иные жалобы, поступившие в ЦК КПСС.

В мае 1955 г. аппаратом Тюменского обкома КПСС были подготовлены предложения о развитии экономики районов Крайнего Севера. Предлагалось выделить северные национальные округа в самостоятельную северную область РСФСР, которая могла бы «повседневно решать специфические для нее вопросы». В числе вариантов виделись следующие:

– образование области с центром в г. Салехарде или г. Игарке за счет объединения Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского, Таймырского и Эвенкийского национальных округов;
– включения Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов в Коми АССР с центром в г. Воркуте;
– образование Тобольской области с включением в нее Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского национальных округов, пяти районов Тюменской области и 3 районов Омской области с центром в г. Тобольске (Как отмечали первый секретарь Тюменского обкома КПСС Ф. С. Горячев и председатель облисполкома Д. Н. Крюков, этот вариант являлся наиболее реалистичным).

Предлагалось в кратчайший срок построить железную дорогу Тавда — Тобольск — Ханты-Мансийск для вывоза на Урал и центральные районы страны сибирского леса, зерна и других сельскохозяйственных продуктов из бассейна рек Иртыша и Оби. Ввод дороги в эксплуатацию позволял освоить сельскохозяйственные угодья для организации новых совхозов и колхозов на территории между Тобольском и Ханты-Мансийском.

Для использования лесосырьевых ресурсов Ханты-Мансийского округа Министерству лесной промышленности СССР и Министерству бумажной и деревоперерабатывающей промышленности предлагалось приступить к проектированию, организации и строительству новых леспромхозов, лесопильных заводов, домостроительного и целлюлозного комбинатов, лесохимического и гидролизного заводов с общей мощностью по переработке древесины и отходов в размере 8–9 млн кубометров в год.

Однако уже в 1957 г. преемник Ф. С. Горячева на посту первого секретаря Тюменского обкома КПСС В. В. Косов вынужден был признать: «планы эти остались только на бумаге, несмотря на постановление XIX съезда КПСС о перебазировании лесной промышленности в районы Сибири»[66].

С записками о комплексном развитии территорий национальных округов региональные руководители обращались к руководителям РСФСР. В 1959 г. вновь ставился вопрос о развитии лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности. Предлагалось предусмотреть наряду со строительством новых леспромхозов на Севере строительство в городах Тюменской области домостроительного и целлюлозно-бумажного комбинатов, гидролизного и картонного заводов, завода искусственного волокна, лесопильных заводов,

[66] Косов В. В. Рукопись статьи «Полнее использовать природные богатства Тюменской области» // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 117. Д. 80. Л. 87.

Рис. 1.26. Василий Владимирович Косов — первый секретарь Тюменского обкома КПСС (1955–1961). Из открытых источников

мебельной фабрики и лесохимического завода[67]. После открытия Берёзовского месторождения ставилась задача продолжить геологоразведочные работы.

Планировалось реконструировать Берёзовский стекольный завод, который при наличии дешевого топлива и местных кварцевых песков мог выпускать оконное стекло в размере 60 тыс. т продукции в год для потребителей областей Западной Сибири. Также предлагалось осуществить в Берёзовском районе строительство завода кирпича и стеновых блоков мощностью 20 млн штук условного кирпича в год, известкового завода мощностью 20 тыс. т извести в год.

Отмечалось, что «в настоящее время в Ханты-Мансийском округе автодорог нет. Перевозка грузов осуществляется только водным транспортом»[68]. Виделась необходимость в организации в 1956 г. машинно-дорожной станции для строительства грунтовой профилированной автодороги Уват — Ханты-Мансийск с целью созданий условий перевозки грузов в течение всего года. Развитие транспортного сообщения региональное руководство рассматривало как одну из приоритетных задач: предлагалось построить речной вокзал и аэропорт в г. Ханты-Мансийске, а также аэропорты в р.п. Берёзово и с. Тазовское, чтобы обеспечить круглогодичное авиасообщение национальных округов с Тюменью и Москвой. Обосновывалась инициатива строительства телефонно-телеграфной линии Ханты-Мансийск — Салехард протяженностью 940 км.

В области культуры выдвигались аргументы в пользу восстановления расформированной в 1948 г. труппы Ханты-Мансийского окружного драматического театра и плановой дотации на ее содержание, открытию детской музыкальной школы с классами фортепиано и баяна.

В результате было подготовлено постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах помощи в развитии экономики и культуры народностей районов Крайнего Севера и приравненных к ним отдаленных местностей». Впрочем, множество предложений так и не было реализовано (включая идеи административно-территориального переустройства).

---

[67] Докладная записка первого секретаря Тюменского обкома КПСС В. В. Косова, председателя Тюменского облисполкома Д. Н. Крюкова, председателя Тюменского совнархоза А. Л. Козлова заместителю председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР А. Б. Аристову, председателю Госплана СССР И. И. Кузьмину, председателю Совета Министров РСФСР Д. С. Полянскому, председателю Госплана РСФСР В. Н. Новикову «Об освоении естественных богатств и заселении малообжитых районов Тюменской области». 19 января 1959 г. // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 134. Д. 88. Л. 6.

[68] Записка первого секретаря Тюменского обкома КПСС Ф. С. Горячева и председателя Тюменского облисполкома Д. Н. Крюкова в ЦК КПСС и Совет Министров СССР «О развитии народного хозяйства и культуры северных национальных округов Тюменской области». Май 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 27. Л. 31.

С возникновением в 1957 г. Совета народного хозяйства Тюменского административного экономического района критики по отношению к хозяйственному руководству со стороны партийных функционеров Ханты-Мансийского округа не стало меньше. На областных форумах коммунистов отмечалось, что руководители совнархоза, начальники управлений в своей работе повторяли, копировали канцелярские, бумажные методы руководства бывших министерств и главков.

Рис. 1.27. Геннадий Павлович Богомяков — первый секретарь Тюменского обкома КПСС (1973–1990). Из открытых источников

На VIII Тюменской областной партконференции первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома Г. Я. Кузнецов оценил стиль руководства совнархоза и его председателя А. Л. Козлова как кабинетный, что лишало его «возможности знать состояние дел на местах и мешало оперативному решению вопросов»[69]. Беспокоили перспективы развития лесозаготовок: семилетним планом предусматривалось увеличение заготовок леса в округе до 6,5 млн кубометров, а это требовало значительного расширения Сургутского, Красноленинского и Урманного леспромхозов. Однако совнархоз не озаботился подготовкой карт освоения запасов древесины, проектов дорог и многих объектов. По мнению первого секретаря окружкома, незнание сырьевых запасов и недооценка освоения лесов северных районов Тюменской области со стороны совнархоза привели к крупным ошибкам и большим непроизводительным затратам. Впрочем, критика хозяйственных руководителей не мешала системе пропаганды формировать в общественном мнении представления об эффективности экономики совнархозовского периода, отмечая ее недостатки как частности. Не публиковались в 1960-е — 1970-е гг. в газетах и материалы, характеризующие конфликты руководства Тюменской области с лидерами Ханты-Мансийского округа.

Отчасти противоречивые взаимоотношения первого секретаря Тюменского обкома КПСС с руководителями Ханты-Мансийского округа прослеживаются во время проведения окружных партийных конференций. Традиционно, кроме положительных оценок проделанной работы, руководитель области акцентировал внимание на проблемах и критиковал конкретных партийно-советских и хозяйственных функционеров. В 1983 г. Г. П. Богомяков на XXVIII Ханты-Мансийской окружной партийной конференции указывал: «Возможности окружных организаций в решении многих вопросов теперь неизмеримо выросли, надо проявлять больше самостоятельности, организованности, предприимчивости. Взять хотя бы проблему снабжения населения продовольствием. Очень часто срывы, сбои в том или ином месте происходят не потому что округу не выделили фонды на продукты, государство оказывает нам в этом деле большую постоянную помощь, а потому что допускается элементарная нераспорядительность, нерасторопность, а порой и безответственность тех или иных работников в организации торговли и общественного питания»[70]. Партийный

[69] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 134. Д. 83. Л. 23.

[70] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2574. Л. 80.

Рис. 1.28. Участники демонстрации в честь празднования 61-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Ханты-Мансийск. 1978 г. ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 789

лидер региона упрекал окружной актив, но при этом все понимали, что в вопросах бытового обслуживания и торговли решающую роль играли лимиты по товарным фондам, которые выделялись на основе заявок облисполкома. Нередко к решению вопросов продовольственного снабжения приходилось подключаться и Тюменскому обкому КПСС, но и вмешательство регионального аппарата успеха в продовольственном обеспечении округа не гарантировало.

В период перестройки о проблемах влияния партийного руководства Ханты-Мансийского округа на корректировку социально-экономической политики открыто говорилось на пленумах Тюменского обкома КПСС. Первый секретарь окружкома В. А. Чурилов на пленуме обкома в марте 1987 г. критиковал произвол, допускаемый областными органами управления экономикой в отношении городов округа: «...сидят секретарь горкома КПСС и председатель исполкома и буквально на "ромашках гадают", дадут или не дадут, включат или не включат в план тот или иной объект. Это характерно для Нягани и Радужного, Когалыма и Нижневартовска. Я уже не говорю о "бедном" Ханты-Мансийске. Просителям из этого города достается больше всего [в смысле трудностей при решении вопросов — *авт.*], ведь у них нет нефти, и за них вступиться некому»[71]. Выход виделся в принятии программ перспективного и текущего планирования с оптимальным сочетанием территориальных и отраслевых интересов.

[71] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 245. Д. 3. Л. 39.

Рис. 1.29. Дети во время прогулки по Ханты-Мансийску. 1970 г. Фото: И. И. Сапожков. ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1515

В выступлении на пленуме Ханты-Мансийского окружкома в марте 1987 г. В. А. Чурилов отмечал, что в округе очень острой остается проблема обеспечения жильем, детскими садами, объектами культуры, здравоохранения: «На все эти вопросы у исполкомов нередко один ответ: министерства не выделяют средства»[72]. В структуре выделяемых капиталовложений на жилищное и социально-культурное строительство возможности местных Советов заметно уступали возможностям министерств и ведомств. Сложившиеся диспропорции увеличивали сроки получения квартир работниками бюджетной сферы, затрудняли закрепление квалифицированных кадров учителей и врачей. Местные лидеры округа полагали необходимым вмешательство в ситуацию представителей республиканского руководства. В конце 1988 г. первый секретарь Ханты-Мансийского горкома КПСС Н. П. Барышников предложил вопрос комплексного развития окружного центра рассмотреть на расширенном заседании бюро окружкома с привлечением не только руководителей областных организаций, но и Совмина РСФСР. Городское начальство видело насущную потребность в ускорении строительства социальных объектов.

Вплоть до конца 1980-х гг. в документах наблюдается взаимная критика партийных руководителей Тюменской области и Ханты-Мансийского окружкома КПСС, которая порождалась несовершенством системы взаимоотношений региональных и территориальных органов власти.

[72] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2726. Л. 24.

Механизмы принятия решений. Одной из форм поддержки территорий в советское время являлось празднование юбилейных дат с момента образований административных единиц. В региональных комитетах КПСС готовились ходатайства в аппарат Центрального Комитета, в которых отмечалась необходимость использования юбилея как повода для награждения передовиков производства, руководителей партийных и советских органов национальных округов орденами и медалями СССР. В 1955 г. в связи с 25-летием образования Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов первый секретарь Тюменского обкома КПСС Ф. С. Горячев предлагал издать сборник статей и очерк по истории народов, населяющих национальные округа, произвести съёмки документального фильма, отображающего жизнь народов Севера, развитие экономики и культуры[73]. Свои предложения он изложил в специальной записке, направленной в Отдел парторганов ЦК КПСС по РСФСР.

В документе назывались конкретные результаты развития ХМНО. За период с 1951 по 1955 гг. выпуск рыбных консервов вырос на 60%, создана лесная отрасль промышленности, которая давала более 1 млн кубометров леса. На 26% расширились посевные площади. Округ полностью обеспечивал население картофелем и овощами, на 45% увеличилось поголовье крупного рогатого скота, в 3,7 раза выросло клеточное звероводство.

Однако Отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР посчитал нецелесообразным широко отмечать юбилей округов, поскольку еще постановлением ЦК партии от 10 апреля 1941 г. определялось, что юбилейные даты надлежит отмечать в связи с двадцати-, пятидесяти- и столетием, а после 100 лет через каждые 50 лет. Предлагалось ограничиться освещением даты в местной печати Тюменской области и проведением юбилейных сессий городских, районных и окружных Советов этих округов без приглашения на них гостей из других городов и районов области[74]. Отказ в проведении подобного юбилея блокировал возможности решить ряд насущных вопросов, которые не решались путем направления обычных ходатайств.

Партийные и советские органы регионов Крайнего Севера, национальных округов участвовали в подготовке проектов совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР о комплексном развитии экономики и культуры народностей Севера. В преамбуле одного из таких документов, подготовленного к маю 1956 г., отмечалось, что «за последнее время Совет Министров РСФСР, Министерство сельского хозяйства СССР, Министерство торговли СССР, Министерство здравоохранения СССР, Министерство культуры СССР и другие министерства, а также местные советские и партийные органы ослабили внимание к районам Севера и допустили крупные недостатки в деле хозяйственного и культурного строительства и особенно среди малых народностей, населяющих эти районы».

Такая оценка касалась не только Тюменской области, но и других регионов — Бурят-Монгольской АССР, Якутской АССР, Коми АССР, Красноярского, Хабаровского, Приморского краев, Архангельской, Мурманской, Томской, Иркутской, Амурской, Магаданской, Камчатской, Сахалинской, Читинской областей. Отмечалось, что допущено много ошибок и извращений при укрупнении колхозов, переводе на оседлость кочевого и полукочевого населения[75].

---

[73] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 27. Л. 46.

[74] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 27. Л. 47.

[75] Проект постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах помощи в развитии экономики и культуры народностей Севера». 1956 г. // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 898. Д. 80. Л. 63.

В числе проблем назывались неудовлетворительный уровень медицинского обслуживания населения, отсутствие необходимых квалифицированных кадров социальной сферы. Констатировалось, что крайне мало готовилось учителей из народностей районов Севера, мало выдвигалось представителей коренного населения на руководящую работу в местные партийные, советские и хозяйственные органы.

В проекте документа предлагалось считать основным направлением в развитии общественного хозяйства колхозов в районах Севера — промыслово-охотничье хозяйство, оленеводство и пушное звероводство. Животноводство, производство картофеля и овощей рассматривались как дополнительные направления только при наличии благоприятных условий. Также предлагалось с 1956 г. освободить колхозы Крайнего Севера от всех видов государственных налогов, сборов и обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов, перейти в этих районах от обязательных поставок государству к государственным закупкам продуктов. Планировалось предоставить исполкомам Советов право устанавливать закупочные и розничные цены на картофель, овощи, молоко для районов Севера.

Отмечалась необходимость проведения систематического изучения экономики, культуры и быта народностей Севера. Предлагалось возложить на Академию наук СССР координацию научно-исследовательских работ по районам Крайнего Севера и отдаленным местностям, приравненным к ним.

Высказывалась просьба к ЦК КПСС и Совету Министров СССР обязать министерство нефтяной промышленности построить водные нефтебазы в Сургуте, Берёзове, Кондинском, Нахрачах с годовым оборотом 2–3 тыс. т нефтепродуктов каждая. Считалось необходимым выделить средства на строительство пристаней и речных вокзалов в Ханты-Мансийске, а также аэропорты в Ханты-Мансийске и рабочем посёлке Берёзово. В сфере транспортных коммуникаций ставилась задача по строительству автомобильной дороги Уват — Ханты-Мансийск, телефонной линии Ханты-Мансийск — Берёзово — Салехард[76].

16 марта 1957 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». Как отмечал в 1960 г. первый секретарь Тюменского обкома КПСС В. В. Косов, в Ханты-Мансийском округе получили дальнейшее развитие промышленность и сельское хозяйство, повысилось материальное благосостояние и культурный уровень малых народностей, увеличилось количество школ, интернатов, больниц, клубов и других учреждений культуры.

Однако, по мнению партийного лидера региона, мало уделялось внимания бытовому устройству коренного населения и переводу его на оседлый образ жизни. Задачами окружной партийной организации называлось «принятие решительных мер к дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера, усилению политической работы среди коренного населения и улучшению медицинского и культурно-бытового обслуживания»[77].

---

[76] Докладная записка первого секретаря Тюменского обкома КПСС В. В. Косова и председателя Тюменского облисполкома Д. Н. Крюкова первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву и председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину «О комплексном развитии производительных сил Тюменской области». 13 февраля 1956 г. // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 98. Д. 80. Л. 22, 24–25, 30, 37.

[77] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 150. Д. 2. Л. 64.

Рис. 1.30. Председатель Сургутского райисполкома А. Г. Григорьева во время беседы с работником буровой установки на месторождении нефти [не ранее 1965 г.]. Фото: И. И. Сапожков. ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1387

С середины 1960-х годов интенсивное нефтегазовое освоение Ханты-Мансийского округа не только меняет приоритеты в социально-экономическом развитии территории, но и усложняет систему взаимоотношений между руководством округа и области. В механизм принятия решений включается важный участник — Главтюменнефтегаз. Начальник данного управления В. И. Муравленко во многом обеспечивал согласованность действий министерств, принимавших участие в освоении нефтегазоносных территорий Тюменского Севера. Его биографы отмечают, что в период пребывания В. И. Муравленко в данной должности «…как единый механизм действовали руководители всех подразделений главка, городов и округов области. И Муравленко был бесспорным лидером, душой, главным двигателем этого огромного по важности и неимоверного по труду дела». С его именем связано активное социальное развитие и благоустройство Нижневартовска, в перспективы которого многие не верили[78].

Помимо В. И. Муравленко проблемы индустриального и социального развития Ханты-Мансийского округа активно решали руководители других крупных структур — Главного Тюменского геологического управления Ю. Г. Эрвье и Главного управления по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири (Главтюменнефтегазстрой) А. С. Барсуков. Эти должностные лица становились посредниками между партийно-советским руководством округа, с одной стороны, и союзно-республиканским, региональным руководством, с другой. Несмотря на возрастающую роль ХМНО в экономике Тюменской области во второй половине 1960-х — конце 1980-х гг., сохранялось традиционное разграничение зон ответственности между властями округа и области. Первый секретарь окружкома КПСС и председатель окрисполкома — в своей сфере управления и контроля продолжали держать преимущественно вопросы развития соцкультбыта, местной промышленности, жизнеобеспечения коренных народов Севера. Стратегически значимые вопросы развития региона с точки зрения его нефтегазового потенциала находились в приоритете полномочий первых секретарей Тюменского обкома КПСС и начальников территориальных главков союзных министерств и ведомств.

Важный путь лоббирования интересов территорий связывался с обсуждением проектов директив пятилетних планов развития народного хозяйства СССР, которые готовились к съездам КПСС. Традиционно помимо положительных оценок опубликованных документов партийные руководители в регионах готовили предложения, с которыми выступали трудящиеся городов, районов, национальных округов. В феврале 1956 г. высказывалась идея «для обеспечения дальнейшего развития лесной промышленности в области и использования

[78] Трапезников А. А. Виктор Муравленко. М., 2007. С. 181, 202, 215.

богатых лесных ресурсов Ханты-Мансийского округа увеличить по системе комбината "Иртышлес" заготовку и вывозку древесины к 1960 году до 4500 тысяч кубометров, для чего организовать строительство 24 новых лесозаготовительных предприятия, 10 узкоколейных железных и 14 автомобильных дорог»[79].

Рис. 1.31. Виктор Иванович Муравленко — руководитель Главного тюменского управления по нефтяной и газовой промышленности — «Главтюменнефтегаз» (1965–1977). Из открытых источников

В 1966 г. при подобном обсуждении директив поступали предложения о строительстве железнодорожного перехода и железной дороги Сургут — Нижневартовск, пересмотре сроков строительства мостового перехода через реку Обь в районе Сургута. Руководство региона выступало за начало строительства перехода через реку Обь и продолжение дороги Тюмень — Сургут до Нижневартовска в 8-й пятилетке с окончанием сроков не позднее 1972–1973 г.[80] Предлагалось ускорить строительство Сургутской ГРЭС с вводом ее в эксплуатацию в 1972 г., установить льготы для работающих в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском национальных округах в тех размерах, которые существовали до 1960 г.

Для тюменского регионального руководства экономический потенциал национальных округов стал дополнительным аргументом в лоббировании территориальных интересов. Впрочем, воздействие на центры принятия решений проводилось непосредственно из Тюмени. Первый секретарь обкома КПСС, по статусу входивший в состав Центрального Комитета партии, избиравшийся депутатом Верховного Совета СССР, представлял интересы Ханты-Мансийского округа в министерствах и ведомствах, акцентировал внимание на проблемах и путях их решения. Апеллирование к перспективам роста экономического потенциала Тюменского Севера позволяло сориентировать внимание высшего руководства страны на расстановке приоритетов в выделении капиталовложений. В 1966 г., например, отмечалось, что добыча нефти к 1980 г. может составить 200 млн т в год за счет ввода в разработку месторождений, расположенных в Шаимском районе, на Сургутском и Нижневартовском сводах, на Салымском и Южно-Балыкском куполовидных поднятиях. Руководитель региона Б. Е. Щербина полагал необходимым именно на освоении этих районов «сосредоточить основные материально-технические и денежные ресурсы, вкладываемые в развитие нефтедобывающей промышленности Западной Сибири в новой пятилетке»[81].

Новые ориентиры в развитии Тюменской области определялись в комплексном долгосрочном плане, разработку которого Политбюро ЦК КПСС 30 апреля 1971 г. поручило Госплану СССР, Совету Министров СССР совместно с областными организациями. В предложениях,

---

[79] Записка первого секретаря Тюменского обкома КПСС В. В. Косова в ЦК КПСС об обсуждении проекта директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР. 5 февраля 1956 г. // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 98. Д. 79. Л. 13.

[80] Информация о ходе обсуждения проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 годы. 14 марта 1966 г. // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 182. Д. 56.

[81] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 182. Д. 62 Л. 55–56.

которые сформулировали в Тюменском обкоме КПСС, отмечалась возможность к 1980 г. выйти на добычу 300 млн, а к 1990 г. 550–600 млн т. Кратный рост предполагался и в добыче газа — с 19 млрд кубометров в 1973 г. до 200–220 млрд в 1980-м и 600–700 млрд кубометров в 1990 г.[82] Партийный руководитель региона вселял уверенность в Л. И. Брежнева, что за счет Западно-Сибирского района страна может ускорить развитие нефтяной промышленности, удовлетворить потребности народа и обеспечить «осуществление необходимых экономических акций».

Рис. 1.32. Вручение бригаде Савельева переходящего Красного знамени в связи с победой в социалистическом соревновании комсомольско-молодежных коллективов на строительстве Сургутской ГРЭС. 1972 г. Фото: И. И. Сапожков. ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1509

[82] Записка первого секретаря Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербины Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу «О комплексном долгосрочном плане развития народного хозяйства Тюменской области». 27 марта 1973 г. // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 205. Д. 98. Л. 7–8.

Рис. 1.33. Секретарь парткома Мегионской нефтеразведочной экспедиции Николай Николаевич Бутенко во время проведения политинформации среди испытателей разведочных скважин. 1973 г. Фото: И. И. Сапожков. ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 2. Д. 556

Рис. 1.34. Бурение скважин сейсморазведчиками Шаимской промыслово-геофизической конторы треста «Тюменьнефтегеофизика». 1975 г. Фото: И. И. Сапожков. ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1535

Интенсивное промышленное освоение округа, бесспорно, позитивно сказывалось на социально-экономическом развитии городов и районных центров ХМНО. Однако в вопросах жизнеобеспечения и благоустройства нельзя сбрасывать со счетов и субъективный фактор. Так, развитие Сургута в 1960-е — начале 1970-х гг. во многом связывается с организаторскими качествами первого секретаря горкома КПСС *Василия Васильевича Бахилова* (1920–1983). При нем в городе открылись музыкальная и художественная школы, начали строиться первые многоэтажные дома, начала работу система связи «Орбита». Решение многих стратегически значимых вопросов удавалось обеспечить во время визитов в Сургут руководителей Совета Министров СССР, включая А. Н. Косыгина и Н. К. Байбакова. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 марта 1971 г. за выдающиеся заслуги в выполнении заданий пятилетнего плана по добыче нефти и достижение высоких технико-экономических показателей В. В. Бахилову было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В период 1970–1973 гг. он работал первым секретарем Нижневартовского горкома КПСС, два года руководил всей Ханты-Мансийской окружной партийной организацией.

Партийное руководство Тюменской области стремилось усилить воздействие на центры принятия решений за счет привлечения сил академической науки. Предлагалось развернуть и провести большие комплексные, научные и геологоразведочные работы силами Академии наук СССР, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, других научных и образовательных учреждений с целью составить и утвердить план освоения естественных богатств области. Однако между партийно-советским руководством Тюменской области и академическими учреждениями нередко возникало недопонимание, а то и открытые конфликты. В январе 1959 г. в ЦК КПСС из Тюмени была направлена записка, подписанная региональными руководителями, о «неправильной постановке вопроса о производственно-культурном освоении районов Севера и дальнейшего поднятия культурно-производственного уровня народов Севера». По мнению первого секретаря обкома В. В. Косова и председателя облисполкома Д. Н. Крюкова, Ученый совет Института этнографии Академии наук СССР, комиссия по проблемам Севера напрасно требуют сохранения «кочующего образа жизни на базе оленеводства и пушного промысла» вместо организации большой вдумчивой работы по приобщению народов Севера к современному уровню производства и культуры[83].

О последовательной политике по переводу кочевого населения на оседлый образ жизни первый секретарь обкома В. В. Косов заявлял на IX областной партийной конференции в феврале 1960 г.: «Включить народы Севера в производство — единственно правильный путь. Это предложение было одобрено Бюро ЦК КПСС, когда слушался наш вопрос о развитии рыбной промышленности»[84]. Предлагалось создать новые совхозы на базе колхозов, передать некоторые колхозы рыбозаводам.

Имели место ситуации, когда руководство Академии наук СССР обращалось к партийно-советским лидерам Тюменской области для поддержки важных проектов развития Ханты-Мансийского автономного округа. В их числе вопрос о возобновлении работы Кондо-Сосьвинского заповедника, задачей которого ставилось сохранение типичного природного комплекса равнинной западносибирской тайги, восстановление запасов соболя, речного бобра, других ценных животных, создание базы для их размножения. В 1951 г. заповедник упразднили, что создало угрозу ухудшения условий обитания ценнейших охотничье-промысловых животных.

---

[83] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 34. Д. 84. Л. 42.

[84] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 150. Д. 2. Л. 158.

Рис. 1.35. Василий Васильевич Бахилов — первый секретарь Сургутского горкома КПСС (1960–1970), первый секретарь Нижневартовского горкома КПСС (1970–1973), первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС (1973–1975). Из открытых источников

Рис. 1.36. Бригада бурильщиков Ершовского управления буровых работ по бурению нефтяных скважин в Западной Сибири производственного объединения «Саратовнефтегаз». Сургут. 1982 г. Фото: И. И. Сапожков. ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 2. Д. 898

Тюменский облисполком в июле 1956 и октябре 1958 гг. ставил перед центральными органами вопрос о необходимости восстановления южной части (площадь примерно 450 тыс. га) Кондо-Сосьвинского заповедника. Это предложение поддерживало Отделение биологических наук АН СССР и Президиум Академии наук. Вице-президент Академии А. В. Топчиев полагал, что восстановление Кондо-Сосьвинского государственного заповедника не терпит отлагательств и просил Тюменский обкома КПСС положительно решить этот вопрос[85].

Позиция Академии наук СССР разделялась руководством региона, которое также считало целесообразным восстановить заповедник, сохранив его северную часть и прирезав новую территорию по верхнему течению рек Пунга и Висим. Сложность решения вопроса состояла в том, что значительная часть лесов бывшего заповедника Министерством сельского хозяйства предназначалась к передаче в качестве лесосырьевой базы комбинату «Тюменьлес». Во второй половине 1950-х гг. уже приступили к реализации строительства лесовозной железной дороги широкой колеи «Полуночное — Нарыкары», которая разрезала территорию бывшего заповедника на две равные части. На территории земель бывшего заповедника планировалось производить лесозаготовки с ежегодной рубкой в объёме до 10 млн кубометров в год[86].

Руководители Тюменской области выступали за проведение конференции по изучению производительных сил Тюменского экономического района в 1959 г. под эгидой Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР. Однако президент Академии А. Н. Несмеянов такое предложение не поддержал, поручив проведение мероприятия президиуму Уральского филиала Академии наук СССР (Совет по изучению производительных сил в то время готовил конференции в других экономических районах). В свою очередь первый секретарь Тюменского обкома КПСС В. В. Косов посчитал, что подобная конференция с участием только уральских специалистов пользы не принесет и предложил отложить организацию мероприятия[87]. К этой идее в Академии наук СССР вернулись в 1960 г: президент А. Н. Несмеянов полагал, что в Тюменской области имеются многие сложные народнохозяйственные проблемы, требующие серьёзного изучения[88].

В 1960 г. представители партийной и хозяйственной элиты Тюменской области считали необходимым просить Президиум Сибирского отделения АН СССР расширить перспективный план развития науки в Сибири и на Дальнем Востоке за счет предложений о создании академических учреждений в Тюменском регионе и в частности в Ханты-Мансийске[89]. В 1967 г. Тюменский обком КПСС одобрил инициативу института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР об организации лаборатории института в г. Тюмени по изучению проблем экономического развития производительных сил области. В числе задач — разработка оптимальных планов развития территориально-производственных комплексов и отдельных отраслей промышленности, изучение вопросов привлечения и использования трудовых ресурсов[90].

---

[85] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 134. Д. 85. Л. 17–18.

[86] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 134. Д. 85. Л. 19.

[87] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 134. Д. 88. Л. 15.

[88] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 150. Д. 80. Л. 130.

[89] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 50. Д. 80. Л. 80.

[90] Записка первого секретаря Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербины президенту Сибирского отделения АН СССР М. А. Лаврентьеву об организации в г. Тюмени лаборатории института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. 15 июля 1967 г. // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 184. Д. 69. Л. 50.

Для регионального руководства «нефтяной фактор» становился дополнительным аргументом при формулировке просьб по созданию областных научных, образовательных и социально-культурных учреждений. В записках, направляемых руководителям органов власти и управления, лидерам советской науки нередко отмечалась возрастающая роль Тюменской области в экономике страны. Например, Б. Е. Щербина в письме к президенту Академии наук СССР М. В. Келдышу (июнь 1969 г.) отмечал, что в соответствии с решениями XXIII съезда КПСС на территории Западной Сибири, 3/5 которой занимает Тюменская область, на базе открытых месторождений нефти и газа, а также лесных богатств создается крупный народнохозяйственный комплекс[91]. Этот мотив позволял просить Президиум Академии наук СССР создать в городе Тюмени научно-исследовательский институт комплексных экономических проблем. Основной задачей этого учреждения виделась разработка программы освоения ресурсов и развития экономики, определение организационных форм координации и контроля решений по ее выполнению.

Большое значение для понимания перспектив регионального развития сыграла конференция по проблемам развития и размещения производительных сил Тюменской области, проведенная 15–18 апреля 1969 года. В ее организации и проведении принимали участие представители Госплана СССР и РСФСР, министерств и ведомств, всего более 1200 человек[92]. Определяющим направлением территориальной специализации признавалось ускоренное развитие нефтегазодобывающей промышленности на базе разработки природных ресурсов.

Во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. принимались совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, выполнение которых способствовало развитию индустриального потенциала Ханты-Мансийского округа. В их числе постановление № 967 от 11 декабря 1969 года «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири», правительственное постановление № 919 от 21 декабря 1971 г. «О мерах по дальнейшему развитию городов и посёлков в районах добычи нефти и газа Тюменской области». Несмотря на очевидные результаты в реализации поставленных задач, отдельные задания по комплексному развитию хозяйства выполнялись неудовлетворительно. Вместе с тем в аппарате Совета Министров СССР, Госплане СССР полагали необходимым создать в Тюменской области крупнейшую в стране базу нефтяной, газовой, а также лесной промышленности с организацией на месте переработки древесины[93].

В это время началась разработка проекта постановления «О комплексном долгосрочном плане развития народного хозяйства Тюменской области». Предложения для этого документа готовились в том числе и Президиумом Сибирского отделения АН СССР. Ученые осторожно оценивали перспективы развития на севере Тюменской области глубокой переработки древесины, поскольку считалось, что более эффективным будет создания Асиновского лесопромышленного комплекса в Томской области. Более категорично высказывалась позиция по поводу Сургута: строительство в нем лесопромышленного комплекса не могло быть признано первоочередной задачей из-за дефицита рабочей силы и повышенных издержек на ее воспроизводство. Предлагалось сохранить развитие объектов, связанных с добычей нефти.

---

[91] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 195. Д. 76. Л. 18.

[92] Андриянов В. И., Чирсков В. Г. Борис Щербина. М., 2009. С. 177.

[93] Проект совместного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об основных направлениях комплексного развития народного хозяйства Тюменской области на период до 1990 года» [1973 г.] // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 205. Д. 97. Л. 12.

Нерациональным признавалось строительство в районе г. Сургута нефтехимического комплекса, поскольку это привело бы к распылению людских и материальных ресурсов этого района (в частности стройбазы) и поставило бы под угрозу выполнение работ по объектам нефтепромыслового строительства. Размещение нефтехимического комплекса в этом районе также связывалось с большим удорожанием строительно-монтажных работ[94]. В перспективе это привело бы к ухудшению всех технико-экономических показателей нефтехимических производств.

В декабре 1971 г. на Секретариате ЦК КПСС был заслушан отчет о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири». Его приняли в конце 1969 г. Несмотря на рост общих объёмов промышленного производства, планы социально-культурного и бытового строительства полностью не выполнялись. Сооружение железной дороги Сургут — Нижневартовск тормозилось вследствие недостаточного финансирования. Не строился речной порт в Нижневартовске, куда завозилось более миллиона тонн грузов[95].

Были сорваны планы строительства Нижневартовского газоперерабатывающего завода, не начато строительство основных газопроводов. Неудовлетворительно выполнялось постановление и в части использования попутного газа. Его потребление лишь незначительно возросло в связи с вводом в декабре 1971 г. пускорезервной станции на строящейся Сургутской ГРЭС.

Отдел строительства Тюменского обкома КПСС после завершения строительства электростанции предлагал обязать Минэнерго СССР ускорить обеспечение Сургута электроэнергией ГРЭС, поскольку теплоснабжение города велось от многочисленных ведомственных котельных[96].

В годы перестройки с особой силой зазвучали вопросы развития экономики и культуры на территориях проживания малочисленных народностей Севера. Как отмечалось в записке Тюменского обкома в ЦК КПСС (июль 1989 г.), острота проблемы «упирается в слабую материальную базу, корнями уходит в отсталость оснащения традиционных отраслей. Ведомства, в которых в основном занято коренное население, Минрыбхоз РСФСР, Госагропром РСФСР, Роспотребсоюз, Главохота слабо занимаются укреплением материальной базы, строительством жилья и соцкультбыта»[97].

Руководство Тюменского обкома КПСС полагало, что дальнейшее развитие малочисленных народностей Севера должно осуществляться с обязательным расширением прав автономных округов на принципах самоуправления, хозрасчета, обеспечения полновластия Советов народных депутатов.

В 1989 г. многие ханты и манси, ненцы высказывали предложения о необходимости принятия специальных законов о социально-экономическом и административном устройстве Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов. Обращалось внимание на необходимость повышения контроля за работой хозяйственных организаций. Представители коренных народов требовали законодательно закрепить право компенсации им ущерба, причиненного деятельностью промышленных предприятий.

---

[94] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 202. Д. 85. Л. 64, 69.

[95] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 200. Д. 77. Л. 123.

[96] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 209. Д. 68. Л. 17.

[97] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 251. Д. 74. Л. 145.

Рис. 1.37. Въездной знак «Сургут — Всесоюзная ударная комсомольская стройка». Сургут. 1971 г.
Фото: И. И. Сапожков. ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 2. Д. 1075

Считалось также справедливым установление единых принципов компенсации трудящимся за работу в северных условиях, независимо от ведомственной принадлежности (По состоянию на 1989 г. в организациях нефтегазового комплекса районные коэффициенты были установлены выше, чем в традиционных отраслях и сфере обслуживания).

Партийные работники округа высказывали предложения по изменению механизмов его экономического развития и формированию бюджета. Второй секретарь Нижневартовского горкома КПСС Ю. И. Тимошков предлагал предоставить предприятиям право реализации сверхплановых нефти, газа и продуктов их переработки за рубежом с целью получения валюты для создания мощностей по выпуску товаров народного потребления[98].

В документах 1989 г., которые готовились в Тюменском обкоме для ЦК КПСС, отмечается нарастание социальной напряженности в городах нефтегазового комплекса. Коллективы предприятий были полностью лишены права самостоятельно распоряжаться даже небольшой частью прибыли от реализации производимой ими продукции, даже сверхплановой. Высказывались соображения об установлении государственного заказа на нефть и газ в размере не более 90%. Экономисты предприятий выступали за немедленный пересмотр оптовых цен на нефть и газ с целью их повышения.

[98] Предложения и замечания, высказанные на совещании секретарей окружкомов, горкомов и райкомов партии в адрес ЦК КПСС, центральных хозяйственных органов. 18 августа 1989 г. // ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 251. Д. 74. Л. 150.

Рис. 1.38. Работники товарного парка Самотлорского нефтепромысла на фоне транспаранта с лозунгом «Родине — наш Самотлорский миллиард!». 1981 г. Фото: И. И. Сапожков. ГАСПИТО. Фотофонд. Оп. 4. Д. 1981

В обществе зрело недовольство нарастанием дефицита товаров повседневного спроса — моющих средств, сахара, продовольственных и промышленных товаров, резким ростом цен на овощи и фрукты, которые завозились потребительской кооперацией и торгово-закупочными кооперативами из южных районов страны.

После шахтерских забастовок в июле 1989 г., которые завершились удовлетворением ряда требований, рабочие предприятий нефтегазового сектора стали предъявлять ультиматумы местным и центральным партийным, советским и хозяйственным органам, призывать к акциям протеста[99]. Нарастание общественного недовольства привело к отставке первого секретаря Тюменского обкома КПСС Г. П. Богомякова, изменению всей системы взаимоотношений между тюменским региональным руководством и лидерами Ханты-Мансийского автономного округа. Демонтаж партийной системы открывал путь к новым технологиям принятия решений, обновлению способов согласования региональных и отраслевых интересов.

[99] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 251. Д. 74. Л. 224.

Глава 3

Социально-экономическая политика второй половины 1980-х гг. как фактор перестройки

Курс на ускорение социально-экономического развития и его влияние на экономику округа

К середине 1980-х гг. советская экономика продолжала развиваться по инерции, в значительной мере на экстенсивной основе, ориентируясь на вовлечение в производство дополнительных трудовых и материальных ресурсов, как следствие стали нарастать трудности, снизились темпы роста[100].

Первоочередную задачу партии в области экономики руководство страны и КПСС видело в решительном переломе неблагоприятных тенденций, придании ей должного динамизма, открытии простора инициативе и творчеству масс, революционным преобразованиям[101]. На пленуме ЦК в апреле 1985 г. вновь избранный Генеральный секретарь М. С. Горбачев поставил задачу ускорения социально-экономического развития страны[102].

Кроме того, Генеральный секретарь ЦК КПСС с трибуны XXVII съезда в 1986 г. публично провозгласил, что составной частью экономической стратегии партии было и остается ускоренное развитие производительных сил Сибири и Дальнего Востока[103]. Одной из главных задач, обозначенных М. С. Горбачевым, было эффективное развитие топливно-энергетического комплекса страны[104].

Важное значение в вопросе ускоренного развития нефтяной промышленности региона имело постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1985 г. № 797 «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986–1990 годах», где определялись задачи по наращиванию производительных сил, улучшению со-

---

[100] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 22.

[101] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 23.

[102] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Т. 1. М., 1995. С. 280.

[103] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 146.

[104] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 144.

Рис. 1.39. Встреча М. С. Горбачева, генерального секретаря ЦК КПСС с энергостроителями. Сургут. 1985 г. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85

Рис. 1.40. М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин на центральной базе производственного обслуживания электропогружных установок при осмотре нефтегазопромысловой техники. Сургут. 1985 г. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 216

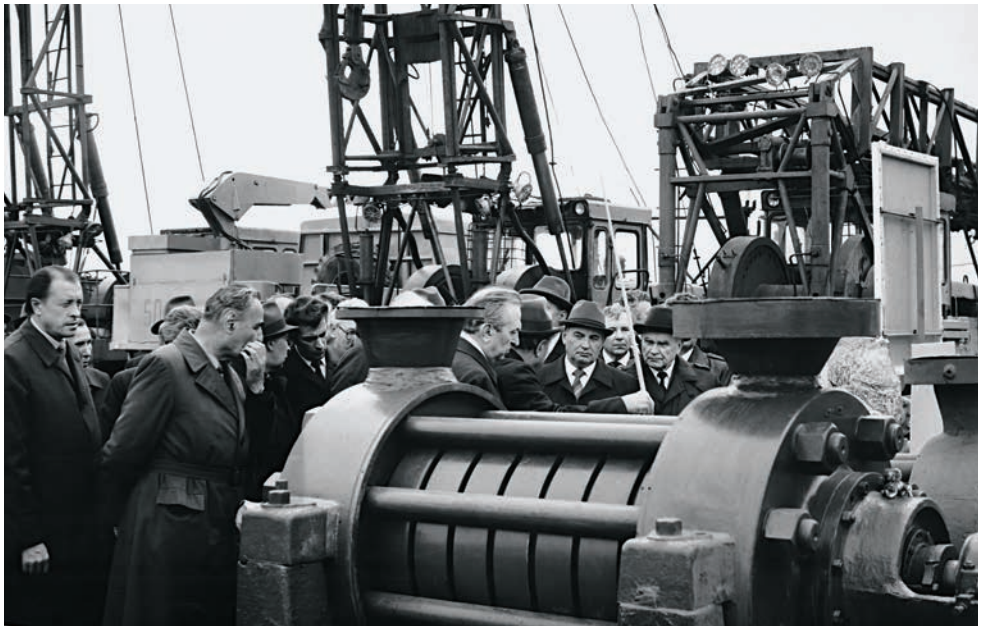


Рис. 1.41. М. С. Горбачев на центральной базе производственного обслуживания электропогружных установок. Сургут. 1985 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1506

Рис. 1.42. М. С. Горбачев во время встречи с трудящимся Сургута на площади у Дома Советов. 5 сентября 1985 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 711

стояния нефтяных и газовых промыслов, расширению объёмов капитального строительства[105]. Это постановление сыграло решающую роль в распределении бюджетных средств всех уровней в пользу ТЭК.

Следствием повышенного внимания партии к топливно-энергетическому комплексу Ханты-Мансийского автономного округа стал тот факт, что с начала освоения недр удельный вес СССР в мировой добыче нефти возрос с 19% в 1965 г. до 22% в 1985 г.[106] На севере Западной Сибири к середине 1980-х гг. добыча нефти, включая газовый конденсат, превысила 350 млн т нефти[107]. В конце 1980-х гг. нефтегазодобывающие районы Ханты-Мансийского автономного округа были крупнейшей в стране базой по извлекаемым запасам нефти, обеспечивающей получение более 63% этой важнейшей для народного хозяйства продукции. За 1986–1990 гг. в округе было введено в эксплуатацию 38 576 нефтяных скважин, 7854 км магистральных газопроводов, построено 4645 км дорог с твердым покрытием[108]. В июле 1990 г. на заседании правительственной комиссии Госплана СССР отмечалось, что за 1986–1989 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе добыли 3,9 млрд т нефтяного сырья. За этот период открыли 140 новых месторождений нефти и газа, в том числе такие, как Сургутское, Тяновское, Приобское, с перспективными запасами нефти 350–550 млн т нефти каждое[109].

Вместе с тем к середине 1980-х гг. промышленность округа стала испытывать серьёзные трудности. В нефтедобывающей отрасли симптомы кризиса проявились ещё в 1982 г., когда впервые не удалось выполнить план добычи нефти. Нефтяники севера Западной Сибири, поставив в 1980–1985 гг. народному хозяйству свыше 1 млрд 740 млн т нефти, не выполнили план на 37 млн т.[110].

Сложившееся положение имело ряд причин. Среди них следует отметить отставание в развитии и обновлении материально-технической базы нефтяной промышленности от темпов добычи сырья. В 1985 г. уровень автоматизации производственных процессов на промыслах Главтюменнефтегаза был уже ниже, чем в старых нефтяных районах — Татарии и Башкирии и отставал от среднеотраслевых показателей. Удельный вес добычи нефти с автоматизированных промыслов в общем объёме добычи по Миннефтепрому СССР составлял 88%, в управлениях Татнефть и Башнефть — 98,5 и 99,6%, а в Главтюменнефтегазе — 86%[111].

Неэффективное использование основных производственных фондов отразилось на себестоимости продукции, которая превышала норматив на 30%. В целом по округу складывалось тревожное положение с введением новых месторождений. Из 29 месторождений, введенных в эксплуатацию 1985–1986 гг., лишь на 11-ти достигли запланированного отбора нефти, на 7-ми справились с планом бурения, только на 10-ти осуществлялась закачка воды в пласт[112].

---

[105] Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГАСПИТО). Ф. П-124. Оп. 242. Д. 183. Л. 44.

[106] Очерки истории Тюменской области / под ред. В. М. Кружинова. Тюмень, 1994. С. 221.

[107] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 32.

[108] Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. 1112. Оп. 2. Д. 3224. Л. 80.

[109] ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 33. Л. 198.

[110] Доклад первого секретаря обкома КПСС Г. П. Богомякова о работе областного комитета КПСС // Тюменская правда. 1985. 21 декабря. С. 2.

[111] Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень, 2005. С. 87.

[112] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2726. Л. 5.

Поставленная ЦК КПСС задача ускорения добычи углеводородного сырья значительно осложнялась серьёзным падением мировых цен на нефть. Ситуация на международных рынках вынуждала советское руководство компенсировать выручку, увеличивая долю экспортируемой нефти. Несмотря на то, что нефтяники старались удержать уровень добычи на прежнем уровне, в масштабе СССР объёмы нефтедобычи снижались — с 595 млн т в 1985 г. до 580 млн т в 1990 г.[113]

Помимо ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры, налицо было отсутствие эффективной управленческой стратегии. Начавшийся демонтаж сложившейся системы управления затронул и нефтегазовый комплекс, привел к резкому ухудшению материально-технического снабжения. В 1989–1990 гг. состоялось пять заседаний правительственной комиссии СССР по нефтегазовой промышленности Западной Сибири. Были приняты решения: 1. Установить обоснованные цены на нефть и газ; 2. Предоставить предприятиям реальную хозяйственную самостоятельность и право реализации части продукции; 3. Улучшить обеспечение материально-техническими ресурсами[114].

Однако эти решения практически не выполнялись. Реально в решении вопроса распоряжения нефтяными ресурсами предприятия и региональные партийно-государственные структуры не принимали участия. Проблемы ценовой политики находились в руках высших органов власти, которые принимали неадекватные решения. Так, на протяжении 1986–1990 гг. государственная отпускная цена на тонну нефти колебалась в районе 25 рублей. В октябре 1990 г. Совмин СССР принял решение о повышении оптовой стоимости до 65 рублей за тонну нефти. Несмотря на корректировку, цены всегда занижались.

В то же время, плановые задания по нефтедобыче партийно-государственными органами необоснованно завышались[115]. Так, по решению бюро Тюменского обкома КПСС на 1986 г. было установлено плановое задание по добыче нефти в Ханты-Мансийском автономном округе в объёме 354,8 млн т[116] — в условиях, когда в автономном округе к концу 1980-х гг. темпы извлечения нефтяного сырья существенно замедлились[117]. Фактически, в 1990 г. в округе смогли добыть чуть более 300 т нефти. Партийные установки «стахановского» характера стали приводить к снижению эффективности в нефтедобыче округа. В качестве основных причин невыполнения плана по добыче нефти назывались: отключение электроэнергии на линиях ЛЭП-500, аварии на кустах, необоснованные графики сдачи новых скважин, необеспеченность госзаказа материально-техническими ресурсами, реагентами и подрядными строительно-монтажными работами[118].

Одной из серьёзных проблем стала наметившаяся с 1989 г. тенденция к снижению количества разведанных запасов нефти. Значительно усложнилась структура запасов за счет

---

[113] Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень, 2005. С. 297.

[114] Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). С. 77.

[115] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2714. Л. 12.

[116] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2689. Л. 11.

[117] Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (далее — ГАЮ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1621. Л. 50.

[118] Архивный отдел администрации города Нижневартовска (далее — АОАГН). Ф. 48. Оп. 1. Д. 676. Л. 52.

увеличения доли истощенных, «низкодебитных» и более сложных для промышленного освоения нефтяных залежей. К тому же, вступили в заключительную стадию разработки крупнейшие и наиболее продуктивные месторождения региона, значительно возросла их «обводненность». А разработка новых месторождений, как правило удаленных от сложившихся производственных баз, требовала крупных капитальных затрат и значительных материально-технических ресурсов для создания соответствующей инфраструктуры[119].

Из-за низкой разрешающей способности соответствующей аппаратуры и несовершенства методов определения расчетных параметров, некачественного выполнения работ по ряду месторождений были допущены большие погрешности в определении ресурсов углеводородного сырья. С государственного баланса за 1986–1989 гг. было списано более 2,4 млрд т запасов нефти, не подтвердившихся при освоении месторождений, а также с месторождений, признанных нерентабельными для эксплуатации[120].

Развитие топливно-энергетического комплекса являлось делом первоочередным, приоритетным. Вместе с тем, на территории региона функционировали и другие отрасли народного хозяйства. Официальные источники утверждали, что предприятия включились в процесс перехода к большей самостоятельности и хозрасчету. Действительно, в эти годы активно набирало силу кооперативное движение. В 1988 г. в округе действовало 1076 кооперативов[121]. Были сделаны первые шаги по внедрению арендных форм в агропромышленном комплексе, строительстве, на промыслах, в других сферах производства.

Однако в целом хозрасчет практически не затронул структуру и особенности работы наиболее значимых промышленных предприятий региона. По итогам перестройки, в Ханты-Мансийском автономном округе сократилось число действующих предприятий. Так, если в 1985 г. в округе функционировало 1520 промышленных организаций, то в 1991 г. их осталось 1086[122]. Показательно и то, что количество предприятий, состоящих на самостоятельном балансе, в первый год перестройки и в последний год оставалось практически на одинаковом уровне. Так, в 1985 г. в Ханты-Мансийском автономном округе на самофинансировании находилось 149 предприятий, а в 1991 г. — 152[123]. Поэтому можно говорить лишь об ограниченном внедрении хозрасчетных отношений на предприятиях округа в этот период.

В условиях напряженной работы всех отраслей экономики региона, остро встала проблема их энергообеспечения. В середине 1980-х гг. развернулись работы по сооружению нескольких крупных электростанций в угловых точках гигантского параллелограмма со сторонами 600–700 км. На северо-западе, в районе конечного участка железной дороги Ивдель — Обь и Красноленинского нефтяного свода на границе со Свердловской областью, были начаты подготовительные работы по строительству Няганской ГРЭС мощностью 3200 МВт, с перспективой расширения электростанции до 4800 МВт[124]. По сравнению с 1985 г. в 1987 г. произ-

---

[119] ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 33. Л. 206.

[120] ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 33. Л. 199.

[121] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2811. Л. 29.

[122] Статистический ежегодник (1990–2004): Стат. сб.: В 4 ч. Ч. 2. Ханты-Мансийский автономный округ. Тюмень, 2005. С. 312; 65 лет ХМАО: Инф.-стат. сб. Ханты-Мансийск, 1995. С. 212.

[123] 65 лет ХМАО: Инф.-стат. сб. Ханты-Мансийск, 1995. С. 212.

[124] Боган В. Ф. Этапы создания Тюменской энергосистемы / сост. И. Г. Каштанов // Тюменская энергосистема. Героические будни созидания: сб. ст. М., 1998. С. 17.

водство электроэнергии в округе увеличилось на 60 млн т, а стоимость основных производственных фондов выросла на 21 млн руб[125].

Между тем, общесистемные проблемы проявились и в энергетическом секторе. В 1987 г. председатель межведомственной комиссии Госплана СССР Е. Н. Алтунин отмечал, что в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе сложилась устойчивая диспропорция между развитием нефтегазодобывающих отраслей и строительством электрических сетей. Проведенная комиссией Госплана и РЭУ «Тюменьэнерго» предварительная оценка объёмов строительства электрических сетей выявила на 1988 г. разрыв между мощностью местных строительно-монтажных организаций Минэнерго СССР и необходимыми объёмами строительства в 87 млн рублей[126].

Ввод генерирующих мощностей на электростанциях севера Западной Сибири, в первую очередь на Сургутской ГРЭС-2, позволил частично ликвидировать дефицит мощности в 1987 г. Однако в течение шести лет план по строительству сетей не выполнялся[127]. Было допущено отставание и в строительстве Нижневартовской ГРЭС. В 1987 г. объём строительно-монтажных работ на электростанциях региона составил 571,92 млн руб., что было на 61,4 млн руб. ниже показателей пятилетнего плана и на 254 млн руб. ниже показателей, установленных постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 797. Ввод генерирующих мощностей на электростанциях был ниже показателей пятилетнего плана на 1220 МВт, а линий электропередачи — на 787,4 км[128].

Складывалась противоречивая ситуация. Нефтегазовая и другие отрасли региона, перед которыми ставилась задача ускорения темпов промышленного развития, остро нуждались в новых источниках электроэнергии. Но цифры статистики показывают, что с 1985 по 1991 гг. количество электростанций в Ханты-Мансийском автономном округе сократилось, одновременно происходило существенное падение их мощностей. Так, если в 1990 г. в округе было произведено 61 441 млн кВт·ч электроэнергии, то в 1991 г. объём упал до 59 596 млн кВт·ч[129].

Для вывода энергетической отрасли на плановые показатели, по расчетам комиссии Госплана СССР, требовались дополнительные денежные средства в размере 115 млн рублей, в том числе на строительство электростанций 100 млн рублей и электросетей — 15 млн рублей[130]. Однако вместо этого в конце 1987 г. Минэнерго СССР было принято решение о переносе ввода генерирующих мощностей на Нижневартовской ГРЭС с 1988 на 1989 г. Ограничение объёмов строительно-монтажных работ на электростанциях в 1988 г. привело к ухудшению энергообеспечения нефтегазодобывающих предприятий. Вследствие отставания в строительстве электрических сетей был перегружен ряд системных линий электропередачи напряжением 500 кВт, оказалась затруднена выдача мощностей с Сургутской ГРЭС-2[131].

---

[125] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2646. Л. 7.

[126] ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

[127] ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 11. Л. 15, 58.

[128] ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 11. Л. 46, 58.

[129] 65 лет ХМАО: Инф.-стат. сб. Ханты-Мансийск, 1995. С. 236.

[130] ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 11. Л. 46.

[131] ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 11. Л. 48.

Рис. 1.43. ГРЭС-2 — главная стройка города, идет монтаж главного корпуса. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43

Рис. 1.44. ГРЭС-2. Пуск блока № 2. Общий вид. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 52

Задачи ускоренного развития нефтяной и газовой индустрии активизировали темпы промышленного строительства. За 1985–1987 гг. в округе было освоено свыше 9 млрд рублей капитальных вложений, выполнено строительно-монтажных работ на сумму более 4,5 млрд рублей. С 1987 по 1988 гг. объём основных фондов Ханты-Мансийского автономного округа вырос на 106%[132]. Однако по оптимистическим планам партийного руководства еще предстояло существенно поднять технико-экономический уровень строительства, превратить строительное производство в единый индустриальный процесс, повысить качество и снизить стоимость проектных и строительных работ, сократить сроки сооружения объектов и освоения производственных мощностей[133].

Вместе с тем в годы перестройки продолжали нарастать трудности в строительной индустрии региона. В первые годы перестройки еще удавалось удержать необходимые количественные показатели. Однако партийные руководители признавались в том, что прирост производства происходил не вследствие совершенствования технологического процесса, а за счет увеличения численности работников. Отмечалось, что производительность труда в промышленности Ханты-Мансийского автономного округа не росла. За 1986 г. она упала на 1%. Объемы производства были сохранены лишь за счет роста численности промышленно-производственного персонала на 8%[134].

---

[132] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1621. Л. 52.

[133] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 145.

[134] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2726. Л. 6.

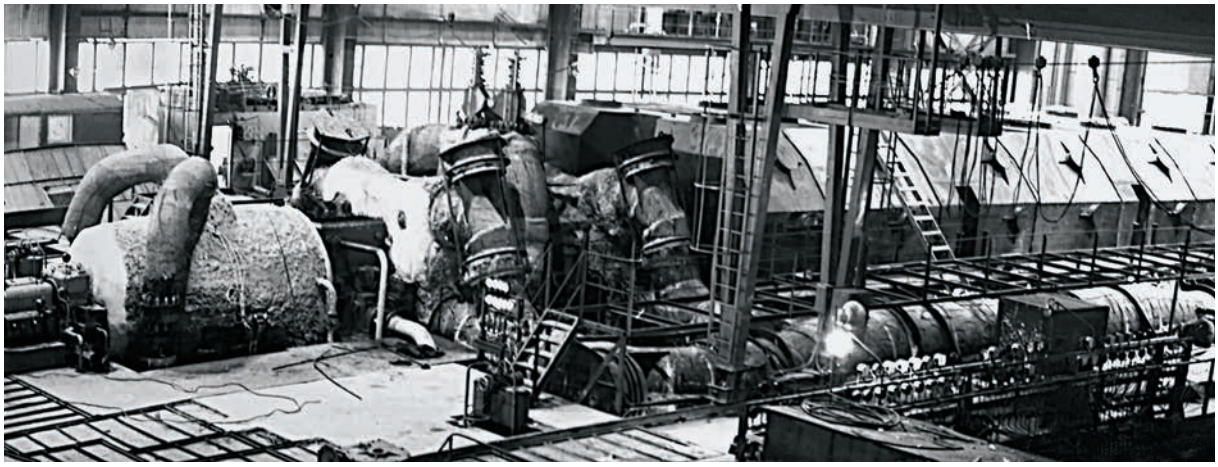


Рис. 1.45. Машинный зал — турбина II энергоблока мощностью 800 МВт. Общий вид. Сургут. 1985 г.
Фото: В. Зарубин. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 53

В округе продолжалось распыление материальных и трудовых ресурсов. Более половины трестов не справились с планами по производительности труда, в большинстве из них было допущено опережение роста заработной платы. При значительном росте освоения капитальных вложений в 1986 г. с вводом основных фондов справились только в г. Нефтеюганске и Берёзовском районе[135]. Непроизводительные потери рабочего времени составили 145 тыс. человеко-дней. Только из-за прогулов и простоев в 1986 г. не было выполнено строительно-монтажных работ на сумму более 10 млн рублей, что равнялось годовой программе крупного общестроительного управления[136].

На завершающем этапе перестройки обнаружилось падение производственных объёмов и в промышленности строительных материалов. Так, если в 1990 г. в округе выпускалось 1117,5 тыс. м^3 железобетонных конструкций, то уже в 1991 г. произошло их сокращение до 926 тыс. тыс. м^3 [137]. Такая же негативная тенденция сформировалась и в производстве других строительных материалов, таких как кирпич, нерудные строительные материалы, заполнители и т. д.

Снижение объёмов финансирования привело к резкому увеличению масштабов консервации строительства. Большое количество организаций не справилось с плановым заданием по вводу в действие основных фондов, среди которых были: Сургутское дорожно-строительное производственное предприятие, выполнившее план на 49%, Обьнефтегазгеология — на 57%[138].

Одной из традиционных отраслей экономики округа оставалась деревообрабатывающая промышленность. Ее центром являлся Советский район округа: здесь в лесной, деревообрабатывающей промышленности и обслуживающих ее сферах в 1985 г. было занято более

[135] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2726. Л. 6.

[136] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2726. Л. 7.

[137] Статистический ежегодник (1990–2004): Стат. сб.: в 4 ч. Ч. 2. С. 323.

[138] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 3147. Л. 119.

половины работающих[139]. Ежегодный прирост производительности труда в леспромхозах Ханты-Мансийского автономного округа в 1985–1988 гг. составлял 3%[140].

Лесозаготовительные предприятия округа находились в жесткой зависимости от директив союзного руководства. В 1990 г. на заседании социально-экономической комиссии окружкома КПСС было высказано мнение о том, что в округе фактически нет хозяина лесной отрасли. Несмотря на большое количество планов, никто не занимался вопросом, сколько древесины вывезти на продажу, а сколько оставить для внутреннего пользования. Например, только со станции Нягань в 1990 г. за полгода было вывезено 1400 вагонов леса по прямым договорам. В целом из округа, где наблюдался острый дефицит древесины[141], за 1988 г. было вывезено 11400 тыс. кубических метров леса[142].

Окружком КПСС, понимая критичность сложившейся в лесоперерабатывающей промышленности ситуации, обращался к Президенту СССР М. С. Горбачеву с жалобами, что большинство предприятий округа не имеют самостоятельности. Сформированный на 1990 г. госзаказ в лесной промышленности не был обеспечен финансовыми и материально-техническими ресурсами. Это серьёзно препятствовало развитию новых форм хозяйствования, основанных на аренде, коллективном подряде и иных формах собственности[143].

Однако эти, как и другие неоднократные обращения к вышестоящему руководству, не принесли положительных результатов. Реального изменения ситуации в лучшую сторону не произошло. Более того, лесоперерабатывающие предприятия округа загружались различными дополнительными заданиями, например, по выпуску товаров культбыта. Естественно, леспромхозы не справлялись с такой нагрузкой. Так, Зеленоборский леспромхоз за 1986–1988 гг. недопоставил продукции на 1 млн руб. Аналогичное положение наблюдалось на Кондинском лесопромышленном комбинате. В 1987 г. Советский район недопоставил населению товаров на 1,5 млн руб. Более половины районных предприятий регулярно не справлялись с установленными заданиями[144].

Не менее серьёзное положение дел складывалось в сельском хозяйстве округа. Его руководство отмечало, что на сельскохозяйственных предприятиях округа не была создана необходимая база для успешного выполнения государственного плана по производству и продаже продуктов питания. Так, за 1980–1985 гг. численность населения в Сургутском и Нижневартовском промышленных узлах увеличилась на 242 тыс. чел., а пашня — лишь на 125 га. Диспропорция в сельском хозяйстве региона продолжила усиливаться и в годы перестройки[145].

В 1986 г. в совхозах и колхозах Ханты-Мансийского района недоставало более 800 скотомест для коров, 320 мест для молодняка, 9 гаражей, 12 площадок для хранения сельскохозяйственной техники, 7 корнеплодохранилищ, на строительство которых необходимо было выделить 12 млн руб. Производство молока на 100 га сельхозугодий составляло 58%, а вложения

---

[139] ГАСПИТО. Ф. П-2049. Оп. 26. Д. 1. Л. 8.

[140] ГАСПИТО. Ф. П-93. Оп. 87. Д. 1. Л. 5.

[141] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2835. Л. 5.

[142] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1621. Л. 50.

[143] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2827. Л. 22.

[144] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1621. Л. 38.

[145] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1616. Л. 46.

в пашню для формирования кормовой базы достигли фантастических 2000%. Можно сделать вывод, что сельхозугодия в районе бедствовали, а имеющаяся пашня не обеспечивала необходимый баланс кормов[146].

Даже в передовых хозяйствах не было хорошо отработанной системы земледелия[147]. По итогам работы за 1986 г. 8 из 16-ти совхозов работали убыточно, в 9-ти хозяйствах существенно возросли издержки производства и заработная плата, в половине снизилась производительность труда[148]. Попытки хозяйствовать в суровых климатических условиях, несмотря на стимулирующее воздействие закупочных цен, надбавок и государственных дотаций, не привели к увеличению производства сельскохозяйственной продукции. В 1986–1987 гг. производственные расходы и потери в системе агропромышленного комплекса округа превысили 1 млн руб., в том числе от падежа скота 524,1 тыс. руб., от уплаты штрафов, неустоек, процентов за просроченные ссуды около 300 тыс. руб.[149]

Таким образом, экономическая политика КПСС в середине 1980-х гг. подстраивала все отрасли народного хозяйства региона под нужды нефтегазового комплекса, регламентировала объёмы и методы работы в строительной индустрии, электроэнергетике, лесозаготовительной и других промышленных секторах региона. Доходы от продажи энергоресурсов тратились не на развитие прогрессивных наукоемких технологий, а на закупку продовольствия, потребительских товаров, обеспечение оборудованием все тех же традиционных, а не новейших отраслей, и в особенности, на дотации сельскому хозяйству. Между тем кризисное положение в регионе продолжало усугубляться. Большинство предприятий в округе не имели реальной самостоятельности. Неуклонно ухудшалось их финансовое положение, уменьшались фонды экономического стимулирования. Доходная часть бюджета округа на 1990 г. составляла 3 млрд рублей, расходная — 6 млрд[150]. Последствия кризиса серьёзно отразились на всех смежных производствах и экономике региона в целом.

Состояние социально-культурной и бытовой инфраструктуры

1985 г. был связан с принятием Комплексной программы развития нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири, которая включала содержательный социальный раздел. К середине 1980-х гг. в городах и посёлках, входящих в состав Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, проживало 2100,7 тыс. чел. Из них большое количество трудоспособного населения сконцентрировалось в Ханты-Мансийском автономном округе. В 1985 г. число его жителей составляло 978,9 тыс. чел.[151], а к 1988 г. количество проживающих в Среднем Приобье увеличилось до 1175,8 тыс. чел. Удельный вес городских жителей округа с 78% в 1979 г. увеличился к 1989 г. до 90,6%[152].

---

146 ГАСПИТО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 1195. Л. 7.

147 ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1616. Л. 46.

148 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1.Д. 2728. Л. 9.

149 ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1621. Л. 94.

150 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2835. Л. 4.

151 ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1332. Л. 17.

152 ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 2936. Л. 167–168, 176.

Развитие нефтегазового комплекса сопровождалось бурным строительством новых городов и рабочих посёлков, вследствие чего изменились пропорции расселения жителей округа. Если в середине 1970-х гг. в двух базовых городах округа, Сургуте и Нижневартовске, проживала основная масса горожан, то к началу 1980-х гг. активно разрастаются рабочие посёлки и появляются новые города. Так, с начала 1980-х гг. в Ханты-Мансийском автономном округе статус города получили: Лангепас, Когалым, Нягань, Радужный, Мегион[153].

Рост населения в регионе требовал развития социальной инфраструктуры. В 1988 г. в Ханты-Мансийском автономном округе произошло увеличение объёмов строительства непроизводственных объектов по сравнению с 1986 г. на 115%, их было построено на 1147 млн руб. Капитальные вложения в объекты коммунального хозяйства составили 140 млн рублей, рост по сравнению с 1986 г. составил 103%. К 1988 г. было сдано 1574 тыс. кв. м жилых фондов. Рост по сравнению с 1986 г. составил 110%. Общеобразовательных учреждений за этот же период было введено на 15600 мест, детских дошкольных учреждений — на 16600 мест. К 1988 г. строители округа запустили в действие больниц на 1075 коек, поликлиник — на 1415 мест, 7 спортивных комплексов, 312 детских музыкальных школ, объектов культуры на 3750 человек[154]. С 1987 г. постепенно начали увеличиваться размеры жилых помещений. Если в 1987 г. на одного жителя округа приходилось 11,1 кв. м общей площади, то в 1989 г. она составила 12,3 кв. м[155]. Объем оказанных населению транспортных услуг за 1988 г. составил 13,4 млн руб. Прирост по отношению к уровню 1987 г. достиг 26%[156].

Однако, несмотря на развитие социальной инфраструктуры, ускоренный прирост населения в результате форсированного промышленного освоения региона привел к возникновению множества нерешенных социальных вопросов. В 1987 г. бюро обкома КПСС признавало, что обком, окружкомы, горкомы, советские и хозяйственные органы области не проявляют должной озабоченности состоянием развития социальной сферы. Крайне медленно устраняются сложившиеся диспропорции между ростом производства и формированием социально-бытовой инфраструктуры нефтегазового комплекса[157].

Главной проблемой региона оставался «квартирный вопрос». В 1989 г. комиссия Госплана СССР в области признавала, что в нефтедобывающих районах Западной Сибири установленные постановлением ЦК КПСС и Совета Министров от 20 августа 1985 г. № 797 задачи по строительству и вводу в эксплуатацию в 1986–1990 гг. жилых домов и других объектов непроизводственного назначения выполнялись неудовлетворительно[158].

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Ханты-Мансийском автономном округе из 1000 семей только 806 проживали в отдельных квартирах. Во временных жилых помещениях жили 171,1 тыс. чел., или 14,1%. По статистике, в регионах Севера Западной Сибири каждый второй житель, стоявший в очереди на получение жилья, являлся жителем Ханты-Мансийского автономного округа[159]. Более половины площади жилых домов с высоким

---

[153] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень, 2002. С. 37–38.

[154] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1621. Л. 52.

[155] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1621. Л. 54.

[156] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 2936. Л. 1.

[157] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 245. Д. 43. Л. 4.

[158] ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д 33. Л. 189.

[159] ГАТО Ф. 1112. Оп. 2. Д. 3147. Л. 29–30.

процентом износа находилось в районах Крайнего Севера. Наибольшее количество такого жилья числилось в городах Ханты-Мансийске, Нижневартовске, Мегионе, Советском и Октябрьском районах[160].

В Нижневартовске только в балках к середине 1980-х гг. проживало более 6500 семей, своей очереди на получение жилья ожидало 48 тыс. семей[161]. Из 14 тыс. балков и вагончиков, определенных под снос, в Сургуте в конце 1988 г. оставалось около 3600. В срочном переселении из временного жилья нуждались 4 тыс. семей[162]. В Мегионе в 1987 г. около 9,5 тыс. чел. проживали в балках[163]. В Лангепасе в том же году в очереди на получение жилья стояли 9235 семей, из них 2157 семей проживали в балках и вагончиках[164]. При этом, несмотря на разрабатываемые программы по сносу балков и вагонов-домиков, в городах округа продолжалось строительство временного жилья (балков)[165]. В Урае к 1988 г. около 5 тыс. горожан, т. е. почти каждый четвертый работающий, нуждались в улучшении жилищных условий[166].

Рис. 1.46. Жители города Лангепаса переходят дорогу у строящего дома № 5 по ул. Парковой. 1987 г.
Отдел по делам архивов администрации г. Лангепаса. Ф. 100. Оп. 1. Ед. уч. 137

В результате постоянного несоответствия темпов строительства объектов жилья и соцкультбыта, с одной стороны, и объектов инженерного обеспечения, с другой, округ находился в условиях постоянного дефицита питьевой и горячей воды, средств связи, мощностей энергоснабжения и других видов инженерного обеспечения[167].

---

[160] ГАТО Ф. 1112. Оп. 2. Д. 3147. Л. 32.

[161] АОАГН. Ф. 48. Оп. 1. Д. 726. Л. 128.

[162] Аникин Н. Г. Продолжить начатое дело // К победе коммунизма. 1988. 1 ноября. С. 2.

[163] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1621. Л. 13.

[164] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2738. Л. 48.

[165] Из выступления генерального директора производственного объединения Сургуттрансгаз Л. Г. Рафикова: материалы пленума Сургутского городского комитета партии // К победе коммунизма. 1988. 14 января. С. 6.

[166] ГАСПИТО. Ф. П-2043. Оп. 1. Д. 531. Л. 15, 23.

[167] АОАГН. Ф. 48. Оп. 1. Д. 566. Л. 40.

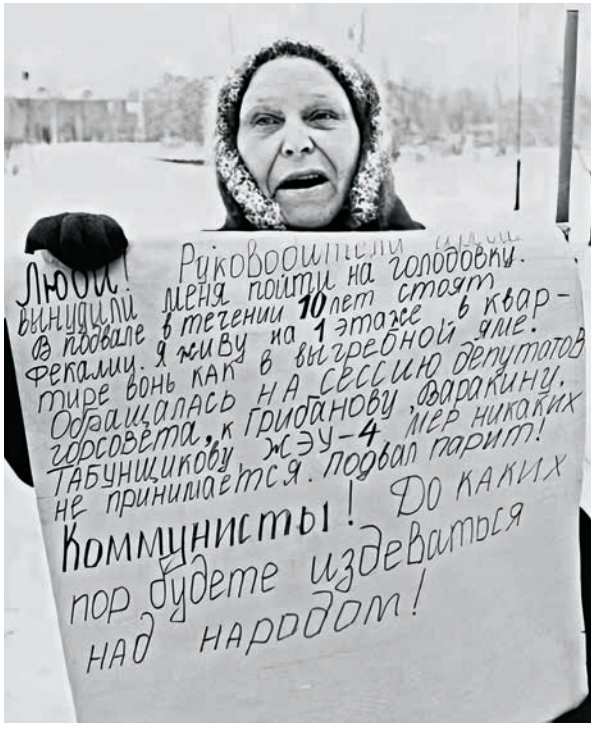


Рис. 1.47. В. А. Воробьева — пенсионерка, объявившая голодовку на площади города с плакатом. Нефтеюганск. Ноябрь 1991 г. Отдел по делам архивов департамента по делам администрации г. Нефтеюганска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 436

На протяжении 1980-х гг. регулярно происходило отключение тепло- и электроснабжения домов и микрорайонов. Число писем в партийные инстанции по этим вопросам в 1985 г. увеличилось по сравнению с 1984 г. в 1,8 раза. Лишь после неоднократных обращений жильцов в вышестоящие органы были приняты меры по нормализации работы системы отопления руководителями жилищно-коммунальной конторы НГДУ «Урайнефть»[168]. Однако жалобы на отсутствие нормальных бытовых условий продолжались на протяжении всех лет перестройки[169].

За годы перестройки сформировалось неоднозначное положение в сфере обеспечения жителей Ханты-Мансийского автономного округа объектами социально-культурного и образовательного назначения. Если в 1985 г. в округе насчитывалось 302 общеобразовательных учреждения, то к 1991 г. стало 378 школ, что не соответствовало потребностям быстрорастущего населения Севера[170]. В регионе ощущалась нехватка школьных помещений. Почти 36% учащихся занимались в 1985 учебном году во вторую смену, а 2,4 тыс., или 0,9%, — в третью. В городах Мегионе, Нефтеюганске, Сургуте количество занимающихся в третью смену доходило до 4%. Более половины учащихся там занимались во вторую смену[171]. В конце 1980-х гг. по-прежнему в большинстве населённых пунктов округа более 45% школьников учились во вторую и третью смену. В 1985–1990 гг. на 70 мест в общеобразовательных школах округа приходилось 100 учащихся[172]. В 1989 г. в Ханты-Мансийском автономном округе для организации односменных занятий не хватало 38 тыс. ученических мест, а в 1990 г. дефицит увеличился до 45 тыс. Тем самым, нарушалось одно из главных условий реализующейся школьной реформы[173].

Из школ ежегодно увольнялось около 700–750 человек. Среди библиотечных работников сменяемость составляла 50%. Причиной такого положения являлось отсутствие жилья. Среди учителей округа каждый третий, т. е. 3,4 тыс. чел., нуждался в улучшении жилищных условий, около 1 тыс. педагогов проживали в общежитиях[174].

---

168 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 239. Д. 87. Л. 5.

169 ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7424. Л. 193.

170 65 лет ХМАО: Инф.-стат. сб. Ханты-Мансийск, 1995. С. 161.

171 ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1332. Л. 26.

172 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2742. Л. 60.

173 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2690. Л. 7.

174 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2742. Л. 63.

Необходимо отметить, что большинство крупнейших производственных объединений, на которые были возложены обязанности по развитию социальной и культурной инфраструктуры округа, на деле не справлялись с планами по строительству общеобразовательных учреждений. Так, еще в 1986 г. Управление магистральных нефтепроводов из запланированных 576 учреждений построило только 384, объединение «Нижневартовскнефтегаз» в 1987 г. ввело в действие только 1376 образовательных учреждений вместо 2008 по плану, а объединение «Красноленинскнефтегаз» не построило ни одного учреждения из 192 запланированных. Подобная тенденция наблюдалась и в последующие годы. В 1989 г. ПО «Юганскнефтегаз» из обязательных 1496 общеобразовательных объектов смогло возвести только 1300[175]. Очевидно, что строительная индустрия округа не справлялась с поставленными задачами по социальному развитию Среднего Приобья.

На протяжении всей второй половины 1980-х гг. не снижалась, а даже увеличивалась диспропорция между ростом населения и количеством мест в клубных учреждениях. При планируемом увеличении населения в районах нефтедобычи на 36% число мест в клубах должно было возрасти лишь на 32%. Всего на 30% была удовлетворена потребность в посадочных местах в кинотеатрах[176]. Строительство учреждений культуры почти прекратилось, появилось множество «замороженных» объектов[177].

Развитие сети лечебно–профилактических учреждений в населённых пунктах нефтегазового комплекса также отставало от темпов быстрорастущего населения. Если к середине 1980-х гг. произошло увеличение количества больничных учреждений области на 73%[178], то к 1987 г. обеспеченность койко-местами в округе составила лишь 70%, медицинским персоналом — только 72%[179]. В 1985 г. в округе функционировало 76 больничных учреждений, к 1991 г. их количество увеличилось до 82. Число амбулаторно-поликлинических учреждений увеличилось за этот же период со 127 до 144[180].

Серьезной проблемой по-прежнему был дефицит медицинских учреждений. Например, в рабочих посёлках Мамонтово, где на начало 1985 г. проживало 12,3 тыс. чел., Барсово, где было 10,6 тыс. чел., вообще отсутствовали больничные учреждения. Такой же низкой была обеспеченность больничными койками в районных посёлках. Так, например, в посёлке Комсомольский, Советского района, было всего 55 коек. Планы ввода больниц ежегодно не выполнялись[181]. В целом по округу обеспеченность больничными койками продолжала снижаться: с 106 коек на 10 тыс. населения в 1985 г. до 101 в 1987 г.[182]

Не лучшим образом осуществлялось и строительство поликлинических учреждений. План ввода поликлиник в 1985 г. был выполнен менее чем на 71%. В 1988 г. обеспеченность амбулаторно-поликлиническими учреждениями в округе составляла 200 на 10 тыс. населения,

---

[175] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 3147. Л. 129.

[176] Ташлыкова М. И. Развитие сети учреждений культуры в северных округах Тюменской области в 1985–1990 гг. // Сургут в отечественной истории: сб. тез. докл. ист. чтений. Сургут, 2005. С. 18.

[177] Ташлыкова М. И. Развитие учреждений культуры и искусства севера Западной Сибири (1965–1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. С. 13–14.

[178] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1332. Л. 23.

[179] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2742. Л. 61.

[180] 65 лет ХМАО: Инф.-стат. сб. Ханты-Мансийск, 1995. С. 169.

[181] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1332. Л. 23, 25.

[182] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2815. Л. 38.

в области — 210 на 10 тыс. Особенно не хватало площадей поликлинических учреждений в городах Когалыме, Радужном, Нягани, Нефтеюганском районе[183].

В середине 1980-х гг. численность врачей всех специальностей в лечебно-профилактических учреждениях увеличилась всего на 26%, или на 2,2 тыс. специалистов. Показатели обеспеченности жителей врачами в большинстве населённых пунктов нефтегазового комплекса продолжали оставаться крайне низкими. Так, если в 1984 г. в целом по комплексу такой показатель был 49,7 врачей на 10 тыс. жителей[184], то к 1988 г. обеспеченность врачами составила всего 28,9 медиков на 10 тыс. чел., а средним медперсоналом — 98 на 10 тыс. чел.[185]. В системе здравоохранения округа только половина врачей оставалась работать постоянно, а среди среднего медперсонала текучесть кадров была еще выше. Причина такой подвижности кадров среди этой категории работников, как и среди учителей, заключалась прежде всего в отсутствии жилья.

Эффективность труда рабочих нефтегазового комплекса во многом зависела от уровня их социально-бытового обслуживания, которое на протяжении всего исследуемого периода оставляло желать лучшего. Так, житель рабочего посёлка Барсово мог реализовать свои потребности в бытовых услугах в среднем только на 1 рубль 75 копеек, посёлка Пойковского — на 4 рубля 86 копеек, Мамонтово — на 14 рублей 96 копеек[186].

В первые годы перестройки качество торговли в округе по-прежнему оставалось на низком уровне. Например, товарооборот ниже планового оставался в городах Нижневартовске — на 30,6 млн руб., Нефтеюганске — на 18, 9 млн руб., Сургуте — 9,5 млн руб.[187] Бытовыми предприятиями региона в 1986–1990 гг. плохо оказывались услуги по ремонту телевизоров, бытовой техники, фотографии, химчистки[188]. Систематически не выполнялся план по ремонту обуви. Наибольшее отставание от плана наблюдалось в Ханты-Мансийске, Мегионе, Урае, Нижневартовском районе. В округе действовал только 1 кооператив по ремонту обуви, в Сургуте[189]. Отмечалась низкая обеспеченность населения торговыми площадями магазинов в рабочем посёлке Барсово Сургутского района, городе Лангепасе, где в расчете на 1000 жителей приходилось соответственно 44 и 52 кв. м торговой площади[190].

В условиях сурового климата, низких температур, продолжительной зимы недостатки в обеспечении качественными продуктами питания особенно пагубно сказывались на жизнедеятельности северян. Регион систематически испытывал дефицит продуктов животноводства. Это было связано с особенностями их использования в регионе. Так, через специализированную сеть общественного питания — рабочие, школьные, студенческие столовые, буфеты строительных трестов, буровых, компрессорных станций — потреблялось до 70% фонда мяса[191]. Мясопродукты в основном завозили в больницы, детские учре-

---

[183] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Л. 38.

[184] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1332. Л. 25.

[185] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2815. Л. 38.

[186] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1332. Л. 22, 23.

[187] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1332. Л. 22.

[188] ГАСПИТО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 1195. Л. 11.

[189] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 2936. Л. 290–291, 293.

[190] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1332. Л. 23.

[191] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 2936. Л. 185–186.

ждения, для льготного контингента. Их реализация в свободной продаже на севере практически отсутствовала[192].

Факты плохого обеспечения жителей Ханты-Мансийского автономного округа подтверждают выступления партийных руководителей. В марте 1988 г. второй секретарь окружкома КПСС А. В. Филипенко на окружном пленуме признавал, что на одного жителя в округе производилось 41 кг цельного молока в год, мяса — 10 кг, картофеля — 45 кг, овощей — 17 кг. Это, по его словам, означало, что среднестатистический житель округа из произведенных в округе продуктов мог выпить стакан молока и съесть пару котлет в неделю[193]. В Нефтеюганске только в 1990 г. недопоставка мясопродуктов по городу составила 1361 т.[194]. В целом, в годы перестройки плохо обеспечивался план по товарообороту предприятиями торговли в городах Нижневартовске, Лангепасе, Сургуте, Урае, в Советском, Ханты-Мансийском, Нижневартовском, Октябрьском районах[195].

Экономическая реформа начала 1990-х гг. еще более усугубила сложное социальное положение жителей региона. Ее негативное влияние делегаты окружного пленума КПСС предвидели еще в марте 1990 г. На пленуме высказывалось серьёзное опасение, что программа «500 дней» в части перехода к рыночной экономике предприятий нефтегазодобычи и лесозаготовки приведет к резкому падению жизненного уровня занятых в этой сфере, к сокращению объёмов работ, ликвидации предприятий и безработице[196]. К 1991 г. дефицит средств, необходимых для развития социальной сферы округа, достиг 23 млрд рублей[197].

В 1991 г. на объединенном пленуме Берёзовского райкома партии первый секретарь райкома КПСС М. В. Кайгородов заявил делегатам, что по всем показателям социальной сферы регион откатился к уровню 1981 г. Под угрозой провала находились программы «Здоровье» и «Образование»[198].

Таким образом, главным направлением социально-экономической политики КПСС на территории автономного округа периода перестройки являлся курс на ускоренное развитие нефтяной отрасли. В Ханты-Мансийском автономном округе нефтедобывающая отрасль занимала более 72% в объеме всей промышленной продукции предприятий региона[199]. Этот курс продемонстрировал не только дисбаланс между положением дел в различных отраслях, но и привел к отставанию развития социальной инфраструктуры, ухудшению социально-бытовых и культурных условий жизни местного населения. Обострилось положение с обеспечением нефтяников, газовиков, строителей, энергетиков, транспортников, работников других отраслей народного хозяйства жильем, детскими дошкольными учреждениями, школами, объектами здравоохранения, культуры, другими объектами социальной сферы. Провозглашенный лозунг о комплексном социально-экономическом развитии севера Западной Сибири остался в основном на уровне деклараций.

---

[192] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 2936. Л. 185–186.

[193] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2768. Л. 4.

[194] ГАСПИТО. Ф. П-2044. Оп. 1. Д. 971. Л. 4.

[195] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2728. Л. 4.

[196] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2827. Л. 85.

[197] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2848. Л. 76.

[198] ГАСПИТО. Ф. П-68. Оп. 133. Д. 42. Л. 6.

[199] Статистический ежегодник (1990–2004): Стат. сб.: В 4 ч. Ч. 2. Ханты-Мансийский автономный округ... С. 319.

Глава 4

Общественно-политическая жизнь в Ханты-Мансийском автономном округе в 1985–1990 гг.

Партийные организации в первые годы перестройки, попытки усиления влияния

На фоне «застойных» тенденций, господствовавших в 1970-х — начале 1980-х гг., приход к власти новых сил в лице М. С. Горбачева был воспринят общественностью с оптимизмом и воодушевлением. На апрельском (1985 г.) пленуме ЦК КПСС вновь избранный Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев провозгласил курс на перестройку и ускорение социально-экономического развития советского общества[200].

Первые годы перестройки в Ханты-Мансийском автономном округе протекали в условиях эмоционального подъема[201]. После XXVII съезда КПСС и последующих пленумов окружной комитет КПСС, городские и районные комитеты партии Ханты-Мансийского автономного округа предприняли ряд мер по перестройке стиля и методов работы с целью овладения новыми подходами к ней. Были определены два основных направления: формирование качественно нового аппарата партийных комитетов, способного эффективно работать в изменившихся условиях; активизация деятельности выборных органов[202].

В августе 1986 г. бюро окружкома КПСС приняло решение о создании пяти зональных секторов, поручив им курирование городских и районных комитетов партии по всем вопросам идеологического и организационного обеспечения хозяйственной и культурной политики. Этот шаг позволил приблизить центр тяжести управления к низовым партийным звеньям, увеличить практическую помощь, в целом повысить ответственность аппарата за положение дел на местах. Институт кураторства являлся попыткой совместить в одном лице (куратора) территориальное, отраслевое и партийное руководство[203].

---

[200] КПСС в резолюциях и решениях: XXVII съезд КПСС. М., 1989. С. 78.

[201] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2646. Л. 6–7.

[202] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2811. Л. 2.

[203] Чурилов В. А. Путь к человеку. Свердловск, 1989. С. 35.

В июле 1987 г. решением бюро окружкома была проведена еще одна реорганизация структуры партийного аппарата, когда отказались от его деления по отраслевому принципу. Предполагалось, что аппарат должен стать инструментом, с помощью которого выборные партийные органы станут выполнять свои политические, организационные и идеологические функции, осуществлять контроль за исполнением принятых решений, оказывать помощь нижестоящим партийным организациям в их деятельности. В этой связи были созданы экономический отдел, группа работы с кадрами, институт парторганизаторов[204].

Рис. 1.48. Колонная СУБР-1 объединения «Сургутнефтегаз» — победителя социалистического соревнования на демонстрации 7 ноября 1985 г. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50

В 1986–1987 гг. в планах работы окружкома КПСС выделялся специальный раздел по работе с кадрами, утверждались характеристики на работников номенклатуры. Всего за 1986–1987 гг. было утверждено 105 характеристик, что составляло около 50% от общего числа работников окружкома. В 1987 г. бюро окружкома КПСС приняло решение о сокращении своей номенклатуры. Если раньше в основную номенклатуру входило 411 должностей, а учетно-контрольную 444, то после принятия этого решения в основную номенклатуру стало входить 214 должностей, в учетно-контрольную — 357[205]. При подборе кадров стали использоваться элементы социологического подхода — проводилось тестирование, анкетирование действующих сотрудников и кадрового резерва в целях их более детального изучения. За 3–4 месяца 1987 г. было протестировано 40% работников номенклатуры[206].

В вопросе подбора и расстановки кадров окружком определил ключевые направления. К ним относились: собеседование, изучение мнений; утверждение в должности, выборы; общеобразовательная, партийная и другая учеба; выполнение практических поручений; отчеты; стажировка, замещение в должности; утверждение характеристики; аттестация; зачисление в резерв[207].

---

[204] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2811. Л. 2.
[205] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2754. Л. 1.
[206] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2754. Л. 2.
[207] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2754. Л. 3.

Рис. 1.49. Колонна коллектива Ханты-Мансийского рыбоконсервного комбината на праздничной демонстрации, посвященной празднованию Великой Октябрьский социалистической революции. 7 ноября 1986 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 3747

Рис. 1.50. Праздничная колонна демонстрации, посвященной Дню Международной солидарности трудящихся. Сургут. 1 мая 1987 г. Фото: Л. Березницкий. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 135

Рис. 1.51. Делегаты XXVII съезда КПСС. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61

Рис. 1.52. Ветераны войны и труда Ханты-Мансийского автотранспортного предприятия. Февраль 1986 г.
Государственный архив Югры. Ф. 410. Оп. 11. Д. 45

В аппарате окружкома был создан сектор по работе с кадрами. За 1986–1988 гг. 45 партийных работников прошли стажировку в обкоме, окружкоме, горкомах и райкомах КПСС. В 1986–1989 гг. на краткосрочных курсах при обкоме КПСС, в Свердловской высшей партийной школе прошли переподготовку более 250 человек, 30 человек были направлено туда на длительное обучение[208]. В целом в округе в эти годы около 70% партийных работников имели высшее образование, более 40% секретарей горкомов и райкомов — специальное партийно-политическое.

Многие хозяйственные руководители участвовали в массово-политической работе в качестве докладчиков, лекторов, часто выступали в трудовых коллективах[209]. В целях повышения ответственности за свои поручения бюро окружкома КПСС в 1986 г. заслушало 9 отчетов коммунистов-руководителей. На бюро окружкома КПСС был рассмотрен вопрос «Об идеологической работе первичной партийной организации аппарата окрисполкома»[210].

После XXVII съезда особое внимание в округе стало уделяться средствам массовой информации и пропаганды, учреждениям культуры и спорта, народного образования. В СМИ анализировалась практика идеологической работы в каждом городе и районе Ханты-Мансийского автономного округа, вырабатывалась программа, определялись направления по ее совершенствованию. С начала перестройки заметно активизировалась деятельность газеты «Ленинская правда» и окружного радио. Вопросы совершенствования работы СМИ и перестройки партийного руководства печатью рассматривались на окружном семинаре-совещании секретарей по идеологии горкомов, райкомов партии, журналистов округа в 1986 г. В том же году при содействии окружкома был проведен учебно-ролевой практикум «Газета»[211].

На практике проверялись новые подходы к организации и проведению семинаров пропагандистов. За 1986 г. было проведено 6 окружных отраслевых семинаров пропагандистов, работавших в нефтяной промышленности, геологии, сельском хозяйстве, строительных организациях. В округе организовались школы членов окружкома, горкомов, райкомов КПСС; большая часть членов окружкома КПСС предыдущего созыва принимала участие в подготовке пленумов, бюро окружного комитета КПСС, рассмотрении писем трудящихся. Всего за 1986 г. в окружком поступило 400 рекомендаций и предложений от членов выборных органов окружной парторганизации[212].

Серьезные усилия в первые годы перестройки направлялись на внедрение новых пропагандистских методов работы с партийным активом. В 1986–1987 гг. была организована методическая помощь горкомам КПСС, проведены совещания, семинары, круглые столы с председателями советов по экономическому образованию, председателями профсоюзных комитетов, секретарями комитетов комсомола, работниками библиотек всех ведомств. В практической работе окружной партийной организации стали широко внедряться такие формы как дни окружкома, дискуссии, обучение кадров, деловые игры, решение проблемных ситуаций, круглые столы и др[213]. Только в сентябре 1986 г. информационно-пропагандистские группы окружкома партии провели 23 семинара в новых форматах. Стремясь

---

[208] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2811. Л. 49.

[209] Аникин Н. Г. Генеральная проверка // К победе коммунизма. 1986. 20 ноября. С. 2.

[210] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2811. Л. 49.

[211] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2811. Л. 15, 31.

[212] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2811. Д. 2811. Л. 16, 48.

[213] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2748. Л. 33.

Рис. 1.53. Делегаты XXVII съезда КПСС на пресс-конференции с журналистами города. Сургут. 1986 г.
Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62

Рис. 1.54. В. П. Теленкова — председатель окрисполкома, А. К. Ушаков — второй секретарь окружкома КПСС, Н. Б. Патрикеев — главный редактор газеты «Ленинская правда». Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 2902

Рис. 1.55. Валерий Андреевич Чурилов. 1989 г.
Музей Природы и Человека. Ханты-Мансийск

повысить активность коммунистов, Сургутский городской партком проводил дискуссии с рабочими, руководителями, главными специалистами по актуальным проблемам перестройки[214]. В Нижневартовске в 1988 г. горкомом КПСС был разработан специальный учебный курс «Демократизация общества и актуальные проблемы Нижневартовского региона»[215].

Особое внимание окружком уделял востребованной экономической проблематике. Действовали народные университеты технико-экономических знаний в Урае, Нефтеюганске, Нижневартовске, Сургуте[216]. Так, в 1985–1986 гг. в округе было прочитано около 100 циклов лекций на экономические темы. В условиях завышенных ожиданий от перестройки и благодаря внедрению новых форм пропагандистской работы в системе экономического образования число обучающихся увеличилось по сравнению с 1984 г. почти на 70 тыс. чел.[217].

Одной из эффективных инноваций, внедренной на практике в 1986–1988 гг. первым секретарем окружкома КПСС В. А. Чуриловым, была игра «Тезис», основанная на принципах политического моделирования. Игра являлась попыткой определить жизнеспособность и эффективность текущей политики ЦК. За 1986–1988 гг. в округе провели 12 таких игр для работников партийных аппаратов всех уровней. В 1987 г. впервые проводились общие совещания аппарата всех горкомов и райкомов. В Лангепасе провели тренинг-семинар, два дня работали с первыми секретарями, два дня — с секретарями по идеологии, еще два дня — со вторыми секретарями. Все встречи были направлены на разрушение стереотипных методов партийного руководства и активизацию инициативы партийных работников. Окружком стремился научить руководителей партийных структур работать в условиях расширяющейся демократии[218].

Еще одним интересным экспериментом В. А. Чурилова являлось введение в практику окружкома системы оценок работников по коэффициенту полезности для нижестоящих организаций. В среде руководящих партийных работников Ханты-Мансийского автономного округа возникла идея закрепления работников аппарата за территориями: за положение дел на территории должен был отвечать конкретный работник окружкома наряду с местными партийными органами. После долгих дебатов в бюро окружкома возник институт кураторов, в задачи которых, в том числе, входил контроль и за идеологической работой партийных организаций[219].

---

[214] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2811. Л. 49.
[215] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2800. Л. 86.
[216] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2811. Д. 2661. Л. 4.
[217] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2748. Л. 33.
[218] Чурилов В. А. Путь к Человеку. Свердловск, 1989. С. 12, 15.
[219] Чурилов В. А. Путь к Человеку. С. 35, 45.

Новшеством партийной работы в округе стало введение КТУ — коэффициента творческого участия, в соответствии с которым каждый оценивал каждого. Основным критерием оценки выступало отношение к должностным обязанностям. Результаты данных оценок не могли быть объективными, но способствовали формированию открытости и гласности в работе партийных комитетов. Данная оценка применялась, в частности, и к начислению годовой премии[220].

Деятельность партийного руководства в первые годы перестройки способствовала укреплению структуры окружной организации КПСС. По данным окружкома КПСС, объявленным на XXIX окружной партийной конференции 7 декабря 1985 г., в округе функционировало 3 партийных комитета на правах райкомов, 2630 первичных и цеховых организаций, 240 партгрупп, 2900 парторганизаторов. За 1985 г. было создано 18 партийных комитетов, 900 первичных парторганизаций и партгрупп. В городах Нягани, Когалыме, Лангепасе, Радужном были созданы городские комитеты партии[221]. Структурные изменения в партийной организации округа положительно влияли на эффективность ее идеологической работы.

Эпоха покорения «нефтегазоносных вершин» перестройки в 1980-е гг. требовала формирования оптимистичного, жизнеутверждающего идеологического и психологического климата. В региональной партийной прессе стали тиражироваться заявления о вступлении в КПСС, наполненные глубоким патриотическим содержанием. Например, в Нефтеюганске слесарь треста «Нефтеюганскспецгидромеханизация» С. В. Заболотный принес в партком заявление, в котором было написано: «Прошу принять меня в члены КПСС. Обязуюсь с полной отдачей сил включиться в выполнение решений нашей партии, указаний Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева»[222].

Созданный усилиями партийных органов в первые годы перестройки позитивный эмоциональный фон, а также внедрение новых форм идейно-пропагандистской работы способствовали укреплению партийных структур и росту рядов КПСС. По сравнению с 1984 г. произошло существенное увеличение количества членов партии. Так, в протоколе VI пленума Ханты-Мансийского окружкома КПСС от 28 марта 1987 г. отмечалось, что в данный период на учете в окружной партийной организации состояло 62758 человек. За этот период население округа возросло на 6,7%, а численность коммунистов увеличилась на 8,7%[223]. Нужно отметить, что с начала перестройки до 1987 г. наблюдалась устойчивая тенденция роста партийных организаций округа. В 1984 г. количество членов компартии в Ханты-Мансийском автономном округе составляло 47984 человек, в 1985 г. — 51968, а в 1986 г. — 56362 человек[224].

В эти годы набирала силу кампания по максимальному привлечению в ряды КПСС рабочих, комсомольцев и женщин. Наиболее интенсивно увеличивались партийные ряды за счет работников нефтяной промышленности[225]. В 1985 г. число коммунистов среди нефтяников возросло на 6 тыс. чел. и достигло 26 тыс. чел.[226]. В 1986–1988 гг. доля рабочих среди коммунистов округа составляла 71%, комсомольцев — 68%, а женщин — около 30%.

---

[220] Чурилов В. А. Путь к Человеку. С. 46.

[221] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2646. Л. 28.

[222] Китаев В. В. Второе дыхание. Свердловск, 1987. С. 71.

[223] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Л. 74.

[224] Информация Ханты-Мансийского окружкома КПСС // Ленинская правда. 1988. 29 ноября. С. 3.

[225] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2726. Л. 74.

[226] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 239. Д. 13. Л. 19.

Происходили позитивные изменения и в возрастном составе руководства партийными организациями. Большинство окружных руководителей (56%), находились в молодом, трудоспособном возрасте до 40 лет[227]. По данным мандатной комиссии XXIX окружной партконференции, среди приглашенных участников 34% были коммунистами в возрасте до 35-ти лет, от 36-ти до 50-ти лет — 56%[228]. В окружкоме, горкомах, райкомах партии в 1987 г. работало 240 человек, более половины из них были моложе 35-ти лет. Средний возраст секретарей горкомов, райкомов партии, пришедших за последние годы, составлял 37 лет, заведующих отделами и инструкторов — 32–33 года[229].

Итак, в атмосфере эмоционального подъема в округе активизировалась работа по совершенствованию подходов к управлению партийными комитетами. Применение новых демократических методов в политической и идеологической работе партийных органов Ханты-Мансийского автономного округа, укрупнение парторганизаций и количественный рост партийных рядов позволяют сделать вывод об укреплении положения КПСС в первые годы перестройки.

Начало общественной дискуссии и изменение общественно-политической ситуации в округе

Модернизационные шаги партийного руководства страны были продолжены на январском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС и нашли наиболее яркое воплощение в глубоких политических преобразованиях, которые были инициированы в 1988 г.[230] XIX Всесоюзная партийная конференция вскрыла серьёзные противоречия советской политической системы и приняла важные решения по ее реформированию. Прежде всего, речь шла о разграничении функций партийных и советских органов. В работу Советов предлагалось вдохнуть новую жизнь, начав формировать их на альтернативной основе. На конференции была предложена новая структура высших органов власти: Съезд народных депутатов и действующий на постоянной основе Верховный Совет СССР. Однако это были запоздалые решения. Демократизация и гласность за три года перестройки коренным образом изменили идейно-политическую и нравственную атмосферу в партии и советском обществе[231].

XIX Всесоюзная партийная конференция явилась отправной точкой идеологического и организационного кризиса КПСС. Ее работа и принятые решения отразилась на политической деятельности местных партийных организаций. Отношение человека к перестройке, гласности, критике и самокритике, процессу углубления демократии, практическое участие в начатых преобразованиях на местах становится важнейшим критерием приема в партию и оценки работы коммунистов[232]. В первичных партийных организациях формируется

---

[227] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2648. Л. 5.

[228] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2646. Л. 51.

[229] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2726. Л. 18.

[230] Боффа Д. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964–1994. М., 1996. С. 175.

[231] XIX Всесоюзная партийная конференция // КПСС в резолюциях и решениях. Т. 15. М., 1989. С. 619.

[232] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 245. Д. 43. Л. 14.

новый стиль и характер публичных выступлений, в которых основной темой становятся вопросы обновления партии и советского общества. Повсеместно в партийных организациях идет откровенный диалог об истоках проблем и трудностей перестройки[233].

Особенно острой критике подвергалась идеологическая работа КПСС. Откровенно говорилось, что в ней преобладает формализм, упрощенные подходы, явный отрыв от реальных потребностей политической, социально-экономической и духовной жизни народа[234]. У рядовых коммунистов особое недовольство вызывали заорганизованность и бюрократизм в руководстве КПСС. Коммунисты округа в своих выступлениях смело говорили об отрыве его руководства от партийной массы, невнимании к нуждам простых людей, бюрократизме большинства партийных руководителей округа. Рядовые партийцы заявляли, что большинство партийных руководителей еще не умеют жить и работать в условиях демократии, когда широкие массы людей принимают непосредственное участие в подготовке, принятии и исполнении решений[235].

Рис. 1.56. Интервью делегата XIX Всесоюзной партконференции Н. А. Анкер (слева) сотруднику многотиражной газеты «Газопереработчик» В. П. Мальцевой о работе конференции. Нижневартовск. 1988 г. Из открытых источников

Весьма показательными являются результаты анкетирования делегатов окружных пленумов в различные годы перестройки, отражающие нарастание негативного отношения рядовых членов к партийному руководству округа. Уже в 1987 г. 87% участников окружного пленума считали, что перестройка в партии идет, но ее результаты незначительны. Если в этом году только 4% делегатов с мест возлагали вину за низкие темпы перестройки на руководство окружной и областной парторганизации, а ответственные работники окружкома, напротив, утверждали, что население еще не готово активно участвовать в этом процессе, то в 1989 г. более 60% делегатов считали, что именно обком и окружком партии неудовлетворительно осуществляют руководство перестройкой и не перестраиваются сами[236].

После всплеска энтузиазма первых лет перестройки в первичных партийных организациях проявились упаднические настроения и пассивность рядовых коммунистов. В. А. Чурилов признавал, что безынициативность стала характерным явлением в работе большинства

---

[233] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2805. Л. 5.

[234] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2800. Л. 87.

[235] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2726. Л. 3.

[236] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2726. Л. 18.

партийных организаций округа. Трудовые коллективы не имели полной информации о деятельности окружкома. Общий скептицизм по отношению к пропагандируемым идеям партии выражался в угасании инициативы коммунистов. На окружных пленумах выступал относительно узкий круг критически настроенных ораторов, а окружком оказался неспособен мобилизовать коммунистов на эффективную работу. В городских и районных организациях округа партийные заседания проводились при низкой явке, без привлечения значительной части их членов к проверке фактического состояния дел[237].

Характерной чертой того времени стало равнодушное отношение к партийным и государственным символам. Росло число коммунистов, утерявших партийные билеты. В 1988 г. только в Нижневартовске было официально зафиксировано 29 таких случаев. Основной причиной утраты партбилетов считалось «халатное отношение» к их хранению[238]. Наблюдалось общее снижение ценности партийных ритуалов, партийной и советской символики. В НГДУ «Нижневартовскнефть» в большом зале было вывешено на всеобщее обозрение находящееся в ветхом состоянии единственное панно с изображением классиков марксизма-ленинизма. В то же время в крохотной комнате площадью 10 кв. м^2 складировали 15 барельефов В. И. Ленина, которым не нашлось достойного места[239].

Процесс политической девальвации и демифологизации советской символики происходил и на бытовом уровне. Так, одна из сотрудниц объединения «Тюменьтрансгаз» член партии Л. К. Чикатуева в 1989 г. принесла в ателье дома быта несколько новых флагов союзных республик и попросила сшить из них блузку. Первоначально «провинившейся» объявили выговор за снижение идейно-нравственного уровня, выразившемся в неуважении к государственной символике, а затем партсобрание отменило решение партбюро в связи с подачей Л. К. Чикатуевой заявления о выходе из партии. Более того, секретарь партбюро В. В. Власенко извинился перед ней за допущенную «нетактичность»[240]. Подобные примеры свидетельствовали о серьёзном ценностном и идеологическом кризисе в коммунистической партии.

В открытых внутрипартийных дискуссиях много внимания уделялось вопросу распределения партвзносов на местах. Примеры плохого сбора взносов наблюдались и в более ранний период. Однако нигилистические настроения, усилившиеся в 1988 г., нашли свое выражение в игнорировании членами КПСС своих обязанностей по уплате членских взносов. В ноябре 1988 г. окружная ревизионная комиссия констатировала, что за 2 года было зафиксировано более 700 случаев отказа от уплаты взносов по идейным соображениям[241].

В 1989 г. в газете «Ленинская правда» появилась злободневная статья, затрагивавшая этот вопрос. Ее автор — В. Рублев из посёлка Советского — спрашивал: «Наша партийная организация вообще не может воспользоваться карманом бюджета, хотя ежемесячно мы перечисляем свыше 500 рублей партвзносов. И остается открытым вопрос: куда уходят миллионы рублей и долго ли еще будут первичные парторганизации находиться на правах Золушки?

---

[237] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2646. Л. 16, 29, 33.

[238] ГАСПИТО. Ф. П-96. Оп. 64. Д. 13. Л. 30.

[239] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2702. Л. 70.

[240] Касьянц Л. Флажно-бумажный плюрализм, или о ценностях подлинных и мнимых // Ленинская правда. 1990. 17 февраля. С. 2.

[241] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2766. Л. 32.

Конечно же, на содержание многочисленного партийного аппарата»[242]. В это время в заявлениях коммунистов часто встречались формулировки, которые свидетельствовали о размывании идеологических ориентиров и утрате доверия к партии среди ее рядовых членов: «Не хочу платить взносы, так как не знаю, куда они идут»[243].

По первоначальным замыслам высшего политического руководства гласность должна была ускорить реформы и повысить их эффективность. Инициаторы перестройки рассчитывали, что процесс расширения гласности развернется под контролем партии и государства[244]. Однако эти ожидания не оправдались. Рост идеологического плюрализма в партии в 1988 г. привел к столкновению различных взглядов по вопросу перспектив общественно-политического развития страны. Так, 13 марта 1988 г. в газете «Советская Россия» появилась знаковая публикация того времени — статья Н. Андреевой «Не могу поступаться принципами». В ней была сформулирована позиция консервативно настроенной части КПСС и советского общества. По мнению автора, И. В. Сталин являлся самым мудрым правителем России, сумевшим в тяжелейших условиях создать мощную индустриальную державу[245]. Статья Н. Андреевой была написана с ортодоксально-коммунистических позиций и отрицала новые, перестроечные ценности.

После этой публикации в региональной прессе начинается полемика по основным вопросам перестройки. Так, в июле 1988 г. в газете «Ленинская правда» публикуются письма жителя Ханты-Мансийска Е. А. Алексеева. В послании, адресованном ведущему телепередачи «Позиция» Г. Боровику, он писал: «Мы с вами живем в стране беззакония, бесправия, в стране, где все построено на авантюризме и приспособленчестве. В. Ленин, конечно, не знал, что его соратники будут беспощадно уничтожаться в стране, которую он создал. Идет болтовня о революционной перестройке, а на самом деле все стоит на месте». Весьма критично автор оценивал перестроечные процессы: «Ведь это стыд и позор на весь мир, что в СССР через 70 лет советской власти еще существует карточная система. Развал экономики и карточная система. Подрыв веры во все святое». В письме М. С. Горбачеву столь же резко Алексеев высказался о переоценке советского прошлого: «Сейчас в моде книга А. Рыбакова ”Дети Арбата”, ее читают, ею восхищаются. Но ведь это огромная подлость, когда бесстыже обливают грязью мертвеца. Наши советские фальсификаторы вобрали в себя весь передовой международный опыт по фальсификации фактов, умножили на свое прилежание и старание»[246].

В ответ на эти письма редакция опубликовала мнение оппонирующей стороны. Инженер Ханты-Мансийского речного порта С. Бондарев писал: «Третий год у нас работает преподавателем в учебно-консультационном пункте речного училища Евгений Алексеевич Алексеев. Этот человек, очевидно, решил, что в эпоху перестройки и гласности можно болтать что угодно. Он неодобрительно, а зачастую и клеветнически-злостно отзывается о руководстве партии и правительства. Алексеев часто пытается облить грязью и наше правительство. Все новшества в жизни нашей страны Алексеев воспринимает иначе, чем подавляющее большинство граждан СССР. Он говорит, что перестройка — это не больше, чем болтовня. Когда все советские

---

[242] Рублев В. У кого деньги парии? // Ленинская правда. 1989. 16 декабря. С. 2.

[243] Ганьковский Ю. Вернуть доверие народа // Ленинская правда. 1990. 10 февраля. С. 2.

[244] Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 89. Оп. 4. Д. 22, 38; Оп. 12. Д. 4.

[245] Андреева Н. Не могу поступаться принципами // Советская Россия. 1988. 13 марта. С. 2.

[246] Алексеев Е. Открытые письма //Ленинская правда. 1988. 16 июля. С. 4.

люди с энтузиазмом воспринимают перемены в жизни нашего общества, находятся такие негодяи, как Алексеев, которые пытаются под видом причастности к гласности все охаять»[247].

Включились в дискуссию о достоинствах и недостатках перестройки и сами редакторы окружной газеты «Ленинская правда». Так, в публикации Н. Патрикеева «Отчет редакции» отмечалось: «Нравится гласность или не нравится — к старому возврата нет и не будет. Поэтому странно было слышать накануне XXX окружной партийной конференции высказывания отдельных партийных работников, что печать якобы все расшатывает, подрывает их авторитет, что, мол, после конференции придет конец вольностям журналистов. В какой-то мере это отношение к партийной печати проявилось и у некоторых делегатов. Казалось бы, именно партийные работники лучше других должны понимать роль партийного органа в развертывании гласности, опираться на него, а факты говорят о другом, кое-где по отношению к журналистам проскальзывает явная неприязнь»[248].

Дискуссия продолжалась на протяжении всех последующих лет перестройки. Так, уже в 1990 г. в окружной прессе появилась статья секретаря парторганизации торгово-кооперативного техникума О. Савиных, которая призывала «защищать в Ханты-Мансийске и в целом по стране идеалы социализма, бороться за утверждение социальной справедливости, сказать нет частной собственности, решительно бороться против реставрации капитализма в СССР», а партия, — по мнению автора, — «должна препятствовать ограблению граждан через продажу госсобственности в частные руки»[249].

Таким образом, внутрипартийная дискуссия о недостатках и проблемах деятельности КПСС, критика организационных основ партийной жизни стимулировала полемику в региональных СМИ. Вместе с тем необходимо признать, что со временем массив критических публикаций перестал вызывать серьёзный резонанс. Однако многообразие и полярность публикуемых мнений продолжали размывать представления о сути социализма, усиливали идеологическую дезориентацию в обществе.

Обострение идеологического кризиса и организационные сбои в деятельности окружной и местных партийных организаций. 1989–1990 гг.

Накопившееся за многие годы и открыто заявившее о себе в атмосфере перестройки недовольство политикой двойных стандартов партийного и хозяйственного руководства, фактическое расслоение в партии и обществе, способствовали формированию в массовом сознании негативного отношения к партийной и советской элите разного уровня. КПСС, ее представители и структуры на местах становились главными объектами критики.

В начале 1990 г. новым политическим силам был представлен очередной повод ударить по партии. Тогда во всех региональных газетах было опубликовано обращение заведующего идеологическим отделом обкома партии М. М. Метакова. В заявлении шла речь о кризисе

---

247 Бондарев С. Открытые письма // Ленинская правда. 1988. 16 июля. С. 4.

248 Патрикеев Н. Отчет редакции // Ленинская правда. 1988. 21 июля. С. 2.

249 Савиных О. Не дадим реставрировать капитализм в СССР // Ленинская правда. 1990. 20 октября. С. 3.

политического руководства области. М. М. Метаков обвинял первого секретаря обкома Г. П. Богомякова в проведении политики диктата, грубости и хамстве, культивировании личного угодничества и страха[250].

Негативное отношение к политике бюро обкома спроецировалось и на местный уровень. В Сургуте с первых же заседаний недавно образованного «Партийного клуба» главной темой дискуссий стал вопрос об авторитете партийного аппарата на всех уровнях. Выступление заведующего идеологическим отделом обкома КПСС было обсуждено на очередном заседании клуба. Его члены приняли решение направить в адрес обкома партии следующее заявление: «Сургутский партийный клуб поддерживает М. М. Метакова. Предлагаем всем нынешним членам бюро обкома КПСС подать в отставку, поскольку стиль и методы первого секретаря полностью зависят от позиции членов бюро»[251]. Попали под огонь критики местные партийные функционеры. В январе 1990 г. в прессе было растиражировано заявление, рожденное в стенах Сургутского партклуба, в котором первый секретарь горкома КПСС Н. Г. Аникин обвинялся в авторитарном стиле и методах руководства, в связи с этим «внутрипартийные оппозиционеры» требовали досрочной отставки бюро горкома[252].

Не обошла критика стороной и окружное партийное руководство. Так, в статье «С первым секретарем мы не встречались» житель Ханты-Мансийска, член КПСС с 1961 г. А. Заев отмечал: «В отчетах о пленумах окружкома партии, в выступлениях товарища (первого секретаря окружкома КПСС) В. А. Чурилова не вижу никаких личных практических шагов, кроме теоретических тезисов по усилению боевитости партийной организации округа. Я ни разу не видел товарища В. А. Чурилова в стенах нашего объединения. Я не видел, чтобы он поприсутствовал у нас на партийном собрании или побеседовал с членами партбюро на тему: как ваши дела, коммунисты управления, чем живете, за что сражаетесь»[253]. Выражая настроения рядовых партийцев, житель посёлка Лянторского коммунист У. Файзуллин предложил сургутским партаппаратчикам отказаться от получения квартир вне очереди, а первому секретарю Сургутского горкома КПСС Н. Г. Аникину и работникам аппарата рекомендовал переселиться в вагончики на окраину Сургута, и не получать квартиры до тех пор, пока последний житель в городе не переселится в благоустроенное жилье. У. Файзуллин заметил, что такой поступок отвечал бы идеалам марксизма-ленинизма, заявлениям о том, что коммунисты живут для народа[254].

Идеологическая дезориентация усилила настроения политической безысходности в рядах партии. Второй секретарь окружкома А. А. Рыбалов говорил: «Многие из нас, к сожалению, стали жить по принципу — будь, что будет. Политическая апатия тяжелым грузом давит на самих коммунистов. Сегодня ряды КПСС покидают не только «случайные» для партии люди, но и в недавнем прошлом активные товарищи, потерявшие веру в способность партоорганизаций КПСС в целом добиться позитивных сдвигов в жизни»[255].

---

[250] Кризис стал гласным // Ленинская правда. 1990. 9 января. С. 1.

[251] Цареградская Л. Предлагаем подать в отставку // Ленинская правда. 1990. 18 января. С. 2.

[252] Обращение к коммунистам Сургутской городской партийной организации // К победе коммунизма. 1990. 16 января. С. 1; Ленинская правда. 1990. 20 января. С. 2.

[253] Заев А. С первым секретарем мы не встречались // Ленинская правда. 1990. 1 февраля. С. 2.

[254] Файзуллин У. Открытое письмо В. П. Замятину // К победе коммунизма. 1990. 21 марта. С. 2.

[255] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2827. Л. 16.

Рис. 1.57. Алексей Аркадьевич Рыбалов — второй (1989–1990), первый (1990–1991) секретарь Ханты-Мансийского окружного комитета КПСС. 1970-е гг. ГАСПИТО. Фотофонд

Сложившаяся негативная внутрипартийная и общая социально-экономическая ситуация активизировала массовый выход из партии по идейным соображениям. Например, в Сургуте старый коммунист Анатолий Жердев в заявлении о выходе из КПСС написал: «Прошу меня считать выбывшим из партии по идейным и нравственным убеждениям». На заседании бюро парткома, объясняя мотивы своего решения, он сказал: «Семнадцать лет назад я написал другое заявление, и отнюдь не из корыстных побуждений. Был избран партгрупоргом. Окончил университет марксизма-ленинизма, факультет партийно-политической работы и факультет основ марксизма-ленинизма. По мере накопления знаний появлялось все больше вопросов, росла неудовлетворенность происходящим в партии. Во многом стал сомневаться, старался отвечать на вопросы. Все сомнения еще острей ощутил в Афганистане. Был секретарем первичной партийной организации, активно вскрывал недостатки в идеологической работе и боролся против тех, кто дискредитировал высокое звание коммуниста, в результате чего опять же местной печатью вначале был обрезан, а затем слегка отмыт от клейма клеветника»[256].

В этот период основной причиной выхода из парторганизации стало идейное несогласие с политикой КПСС. В Нефтеюганске работник центральной базы производственного обслуживания В. А. Осипов написал в заявлении: «Отказываюсь от коммунистических идеалов». Другой житель Нефтеюганска Р. Ю. Еникеев выход из рядов партии объяснял тем, что перестал понимать ее политику и поэтому «чувствовал себя лишним»[257].

Секретарь Нижневартовского горкома В. В. Сидорчев признавал: если несколько лет назад можно было однозначно ответить, что выходящие из партии — это случайные люди, то в последние годы перестройки трудно дать однозначный ответ, почему это происходит. По его мнению, сформировались три категории членов КПСС, принявших решение выйти из ее рядов. К первой категории относились те, кто сам нашел мужество признаться, что он является балластом для партии. Вторая категория состояла из людей, которые потеряли веру в партию, не выдержав обрушившегося на них со стороны газет, журналов, книг, по телевидению и радио потока негативной информации. Третья категория коммунистов выходила из партии по меркантильным соображениям[258].

А. Лошкарев из Нефтеюганского района в своей публикации в газете «Ленинская правда» писал: «За два с лишним года из буровиков в члены партии принято всего лишь два помощника бурильщика. На вопрос, почему не вступали в партию, рабочие прямо заявляли, что не видели смысла и не считали, что работающие рядом с ними члены КПСС отличались от них политической или трудовой активностью. Принадлежность к КПСС для многих в управле-

[256] Цареградская Л. Почему выбывают из рядов КПСС? // Ленинская правда. 1989. 16 декабря. С. 2.
[257] ГАСПИТО. Ф. П-2044. Оп. 32. Д. 6. Л. 14.
[258] ГАСПИТО. Ф. П-96. Оп. 64. Д. 13. Л. 25.

нии стала уже формальной, номинальной. Для одних — обуславливалась занимаемой должностью, для других — просто по инерции»[259].

Серьезным ударом по партийным организациям округа в конце 1990 г. стало решение о прекращении финансирования «идеологического рупора» — газеты «Ленинская правда». В регионе выходило 46 окружных, городских и районных газет общим тиражом около полумиллиона экземпляров. До недавнего времени их учредителями были партийные комитеты и Советы народных депутатов. Уже на первых сессиях местных Советов и партийных конференциях встал вопрос о возможном разделении печати на партийную и советскую. В ряде городов и районов были приняты решения оставить только одного учредителя газеты — Советы народных депутатов. Мотивировалось это тем, что финансирование газет производилось из государственного бюджета. В начале 1991 г. Совет народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа самостоятельно учредил новый печатный орган — «Новости Югры»[260], вследствие чего с начала нового года и до полной ликвидации органов КПСС в окружной прессе практически не появлялось информации о жизни окружной партийной организации, сообщения носили краткий, эпизодический характер.

Рис. 1.58. В рабочем кабинете редакции газеты «Нефтеюганский рабочий». Нефтеюганск. 1990 г.
Отдел по делам архивов департамента по делам администрации г. Нефтеюганска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 904

Вследствие усиления позиций Советов в городах и районах округа партийная печать была также ликвидирована. Так, осложнилась ситуация в Сургутском горкоме КПСС в связи с передачей газеты «Сургутская трибуна» в подчинение районного и городского Советов народных депутатов. Для обеспечения нормальной работы городской партийной организации был

[259] Лошкарев А. Поиск точки опоры // Ленинская правда. 1988. 30 августа. С. 2.

[260] На сессии Совета народных депутатов // Тюменская правда. 1990. 2 июня. С. 3; Тюменская правда. 1990. 23 октября. С. 3.

необходим свой печатный орган, функционирование которого требовало больших финансовых затрат: в 1990 г. — около 100 тыс. руб., в 1991 г. — более 300 тыс. Поэтому горком КПСС обратился к партийным организациям, ко всем коммунистам с призывом решить на своих собраниях вопрос о перечислении партийных взносов на создание своего печатного органа[261]. Однако средств хватило лишь на то, чтобы выпустить малотиражную (однотысячную), не выходившую регулярно газету «Товарищ», которая не смогла полноценно выполнять идеологические функции прежней, почти 50-тысячной «Сургутской трибуны». Нижневартовский горком КПСС пытался исправить аналогичную ситуацию, учредив газету «Наша позиция». Однако финансовый кризис не позволил и этому печатному органу полноценно работать.

Решающую роль в демонтаже КПСС сыграло решение о ликвидации партийной монополии на власть. К удивлению даже некоторой части демократически настроенных коммунистов предложение об отмене 6-й статьи Конституции о руководящей роли партии было поддержано на февральском (1990 г.) пленуме ЦК[262]. Пленум обратился к III съезду Советов народных депутатов СССР с данной инициативой. В заявлении подчеркивалось, что партия отказывается от государственных властных полномочий и освобождается от несвойственных ей как политическому и общественному институту функций[263].

Добровольный отказ от политической монополии сказался на единстве и массовости партийных организаций. Для сравнения, в конце 1988 г. в окружной парторганизации состояло 64 186 человек. Основной приток членов КПСС обеспечивался за счет крупнейших городов Нижневартовска и Сургута, где в это время числилось соответственно 15 297[264] и 15 856 коммунистов[265]. А уже в начале 1991 г. в округе оставалось 41 392 коммуниста[266]. То есть по сравнению с пиковыми показателями 1988 г. окружная парторганизация сократилась на 35%. В Нижневартовской парторганизации осталось на учете 7 745[267], а в Сургутской 7 600 человек[268]. В этих крупнейших городах партийные ряды сократились наполовину, и тенденция распада КПСС стала необратима.

В условиях усиления негативных явлений в КПСС ревизионная комиссия окружкома констатировала наличие финансовых проблем в парторганизациях. В течение трех лет, к 1989 г. в доходную часть партийного бюджета от коммунистов округа поступило членских взносов на сумму 31 млн 189 тыс. руб. На содержание партийных органов округа в этот период выделялось 10 млн 356 тыс. руб., из которых на содержание аппарата окружкома было израсходовано 1 млн 262 тыс.[269] В первом квартале 1990 г. 2 478 коммунистов отказались платить взносы. По данным на 1 апреля 1990 г. число задолжников увеличилось более, чем вдвое, и составило 5 742 чел., или 9,6% от состава парторганизаций округа[270].

---

[261] Обращение горкома КПСС к коммунистам городской партийной организации Сургута // Сургутская трибуна. 1990. 23 июня. С. 1.

[262] Собчак А. А. Хождение во власть. М., 1991. С. 134.

[263] Материалы Пленума ЦК КПСС. М., 1990. С. 376–377.

[264] ГАСПИТО. Ф. П-96. Оп. 64. Д. 24. Л. 2.

[265] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 51. Д. 2. Л. 11.

[266] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2795. Л. 16.

[267] ГАСПИТО. Ф. П-96. Оп. 64. Д. 40. Л. 1.

[268] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 51. Д. 37. Л. 7.

[269] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2766. Л. 31.

[270] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2823. Л. 24.

Много недостатков было выявлено и в первичных партийных организациях. Так, в начале 1990 г. в 1078 проверенных первичных организациях количество задолжников по сравнению с 1989 г. увеличилось более чем в два раза и составляло 3703 чел. Особенно много их было в Лангепасской, Радужнинской и Когалымской городских партийных организациях. Грубые нарушения в порядке уплаты членских взносов были выявлены у 2892 коммунистов в 435 парторганизациях, т. е. в каждой второй проверенной, ущерб составил 33 тыс. руб., рост которого по отношению к предыдущему году составил 42,7%. Самые большие суммы недоплат были обнаружены в Кондинском, Няганьском и Ханты-Мансийском партийных комитетах, где они возросли в 2–3 и более раз[271].

Требуя расширения самостоятельности, 39 партийных организаций округа решили полностью не перечислять партийные взносы на текущий счет обкома, а оставлять у себя на счетах в сбербанках с последующим использованием на месте. Партийные организации Сургутского предприятия пассажирского автотранспорта и «Востокбурвода» приняли решение оставлять в своем распоряжении 100% взносов, объединения «Варьеганнефтегаз» — 70%, Кондинского лесокомбината — 75%, Берёзовского авиаотряда — 70%, Пионерского леспромхоза и Советского ЛДП — по 50%, 9 организаций Ханты-Мансийска и 6 организаций Нижневартовска — по 50%[272].

Теряя контроль над первичными партийными организациями, окружная ревизионная комиссия посчитала целесообразным ускорить реализацию предложений коммунистов по пересмотру порядка распределения взносов. В сложившихся условиях ревизионная комиссия рекомендовала дать больше самостоятельности и предоставить горкомам, райкомам и первичным парторганизациям право концентрировать взносы у себя, а на содержание вышестоящих органов отчислять определенный процент[273].

К середине 1990 г. в окружной партийной организации сложилась критическая финансовая ситуация. Дефицит партийной кассы составил 2,6 млн руб.[274] Напряженная финансовая ситуация в партийных организациях способствовала распространению общественного мнения о необходимости скорейшей ликвидации горкомов, райкомов и упразднения аппарата[275].

Отдельной проблемой в комплексе кризисных явлений в КПСС была кадровая политика. Еще в первые годы перестройки отмечалось, что в округе наблюдается высокий процент текучести кадров. В 1988 г., по сравнению с 1985 г. сменяемость кадров выросла на 24,3%[276]. Также снижалась степень ответственности кадров за порученное дело, ослабилась исполнительская дисциплина[277]. Самым нестабильным по кадровому составу комитетом являлся Берёзовский райком партии, хотя у него наблюдалось сокращение сменяемости с 73,9% в 1987 г. до 44,4% в 1988 г., однако в целом эти показатели были выше окружных[278].

---

[271] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2823. Л. 22.
[272] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2823. Л. 23.
[273] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2823. Л. 24.
[274] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2846. Л. 35–36.
[275] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 254. Д. 1. Л. 26.
[276] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2754. Л. 4.
[277] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2712. Л. 86.
[278] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2754. Л. 5.

При оценке качества партийных кадров округа можно выделить несколько особенностей. Так, в годы перестройки на номенклатурных должностях окружкома процент относительно молодых людей (до 40 лет) традиционно держался в пределах 70%. Однако более 80% работников номенклатуры окружкома имели стаж работы в должности не более 1–3 лет. Таким образом, наряду с относительной молодостью руководящего состава окружкома наблюдался серьёзный дефицит опытных работников. Из сменившихся кадров основной номенклатуры окружкома КПСС 62% пришли из резерва. В целом же в округе использовались только 9,8% «резервистов»[279].

Руководство партии в центре прорабатывало варианты по реорганизации структур и сокращению аппарата. Были упразднены отраслевые структуры ЦК[280]. У многих работников горкомов, райкомов КПСС, поставленных в подобные условия, снизилась эффективность работы. Начиная с 1989 г. тенденция уменьшения партаппарата распространилась на местные организации. Практически во всех горкомах, райкомах КПСС численность аппарата сократилась на 40–50%, и отдельные аппараты стали по существу неработоспособными. К середине 1990 г. в аппарате Берёзовского райкома КПСС осталось 6 работников, Кондинского — 7, Урайского горкома — 8, Нижневартовского — 12. В целом по округу из 260 должностей ответственных работников аппарата было замещено 150[281].

Кадровая чехарда процветала во всех партийных организациях округа. Так, например, очень тревожная ситуация наблюдалась в Лангепасском горкоме КПСС. В марте 1990 г. на пленуме горкома коммунисты А. П. Ванчиков, О. В. Пузанов, Ю. А. Жуков, будучи кандидатами на должность первого секретаря, решительно отказались от такой ответственной работы[282]. После ухода с должности первого секретаря Лангепасского горкома А. И. Григорьева приемником был избран Ю. К. Шафраник. Но спустя 23 дня под предлогом того, что трудовые коллективы «Лангепаснефтегаза», где Ю. К. Шафраник являлся генеральным директором, стали возражать против его избрания первым секретарем горкома КПСС, он отказался от этой «почетной» обязанности. Однако пошел навстречу предложениям тех же трудовых коллективов и был избран председателем областного Совета народных депутатов.

Месяц спустя пленум выбрал первым секретарем Лангепасской партийной организации Б. И. Иванова. В марте этого же года была освобождена от обязанностей второго секретаря Н. П. Захарова в связи с переходом в обком КПСС на другую работу. Затем в июне секретарь по идеологии О. В. Антакова перешла на должность заместителя председателя горисполкома. Таким образом, в результате кадровой сумятицы на 2/3 поменялся руководящий состав Лангепасского горкома КПСС. И только на XIII пленуме горкома КПСС на должность первого секретаря выбрали В. А. Кущева, который находился в этой должности до полной ликвидации партийной организации. Однако аппарат горкома под давлением кризиса был сокращен с 14 до 5 работников[283]. Все это, безусловно, отрицательно сказалось на работе партийной организации.

---

279 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2754. Л. 5–7.

280 РГАНИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 9. Л. 2–20.

281 ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 51. Д. 37. Л. 60.

282 Материалы пленума горкома КПСС // Звезда Лангепаса. 1991. 9 апреля. С. 1.

283 Партийная жизнь // Звезда Лангепаса. 1990. 13 ноября. С. 1.

Рис. 1.59. Члены Лангепасского горкома КПСС у здания горкома (исполкома). Первый ряд: в центре А. И. Григорьев — первый секретарь горкома КПСС, Н. М. Захарова — второй секретарь горкома КПСС; второй слева Ю. К. Шафраник — директор НГДУ «Урьевнефть», глава администрации Тюменской области (1991–1993), министр топлива и энергетики (1993–1996). Отдел по делам архивов администрации г. Лангепаса. Ф. 100. Оп. 1. Д. 89

Идейно-политические и структурно-функциональные трансформации в комсомольских и профсоюзных организациях

В 1980-е гг. север Западной Сибири называли «краем комсомольского подвига». Это было время всесоюзных ударных комсомольских строек. Молодежь региона принимала участие в работе девяти всесоюзных комсомольских отрядах[284]. В 1985 г. в округе работали 1176 комсомольско-молодежных коллективов[285]. Комсомол оказал существенную помощь в экономическом и социальном подъеме округа.

Новое время, изменение социально-экономической ситуации в стране требовали от комсомольских лидеров поиска новых методов и форматов деятельности. Одной из перспективных и действенных моделей в первые годы перестройки считалась коммерческо-досуговая деятельность. Толчком к активной коммерческой деятельности комсомола в регионе послужило постановление бюро обкома ВЛКСМ от 15 июня 1987 г. о создании добровольного общества «Центр реализации молодежных идей». Целью центра провозглашалось содействие

[284] ГАСПИТО. Ф. П-1444. Оп. 56. Д. 4. Л. 10.

[285] Молодежь и время: Сб. док-тов и мат-лов из истории молодежных движений Тюменской области 1917–1985. Ч. III. Тюмень, 1993. С. 88.

развитию молодежной инициативы, молодежных клубов по интересам, реализация общественно значимых предложений по организации свободного времени молодежи[286]. Спустя некоторое время был создан областной координационный совет научно-технического творчества молодежи.

В окружных комсомольских организациях с энтузиазмом была воспринята открывшаяся перспектива расширения своей коммерческой самостоятельности путем перехода на хозрасчетный принцип работы. В Сургуте крупнейшим хозрасчетным предприятием комсомольской организации города стал созданный в марте 1988 г. городской «Центр реализации молодежных идей». В нем работало около 260 человек. За счет своих средств центр обустраивал детские площадки, реставрировал молодежные кафе, проводил массовые праздники. Успехом пользовалась программа внедрения новых форматов организации свободного времени молодежи, в их числе, например, создание видеосалонов. В 1989 г. в Сургуте действовало 12 салонов[287].

Свои доходы комсомольские предприятия в основном вкладывали в решение социальных проблем молодежи. Если в 1989 г. на эти цели предприятиями Сургутской комсомольской организации было израсходовано 420 тыс. руб., то в первом полугодии 1990 г. — уже 632 тыс. руб.[288] Центр организовал для молодежной аудитории Сургутского района концерты московских и ленинградских рок-групп «Рондо», «Мистерия-Буфф», «Окно», а также выступления писателя-сатирика Леонида Натапова и артиста Михаила Евдокимова[289].

Однако коммерциализация деятельности ВЛКСМ неоднозначно воспринималась общественностью. Отдавая дань моде, комитеты комсомола нередко увлекались созданием все новых и новых хозяйственных формирований, рассматривая их исключительно как источник финансовых средств. В работе хозрасчетных центров существовали серьёзные проблемы и в связи с отсутствием стратегии экономической деятельности. Получалось так, что первичные организации были заинтересованы в создании центра и делали все, чтобы он был финансово независимым, а хозрасчетные объединения тяготились сотрудничеством с комсомолом. Были случаи, когда хозрасчетные предприятия отказывались функционировать при комитетах комсомола[290].

Привыкшее «опекать» комсомол консервативное крыло компартии считало, что «помощник партии» пошел по неправильному пути. Утверждалось, что в ущерб идеологической работе организации ВЛКСМ стали развивать индустрию отдыха и развлечений, причем однообразную и весьма низкопробную[291]. Самостоятельность и бесконтрольность хозрасчетных центров приводили к двойственному пониманию их деятельности и со стороны правоохранительных органов. С одной стороны, их коммерческая работа не являлась «прозрачной» и выглядела сомнительно с точки зрения законности. С другой — она официально пропагандировалась окружными комсомольскими комитетами как передовой

---

[286] Молодежь и время: Сб. док-тов и мат-лов из истории молодежных движений Тюменской области 1917–1985. Ч. III. Тюмень, 1993. С. 12.

[287] ГАСПИТО. Ф. П-1522. Оп. 35. Д. 1. Л. 6.

[288] Васильев В. Комсомол и капитал // Сургутская трибуна. 1990. 30 октября. С. 3.

[289] ГАСПИТО. Ф. П-1522. Оп. 34. Д. 1. Л. 8.

[290] ГАСПИТО. Ф. П-1522. Оп. 35. Д. 1. Л. 7.

[291] ГАСПИТО. Ф. П-1444. Оп. 62. Д. 313. Л. 19.

опыт. Естественно, что такая молодежная экономическая политика находилась в явном противоречии с канонизированным образом ВЛКСМ и поэтому не всегда находила понимание в обществе. Так, например, сургутский «Центр молодежных инициатив» увлекся посреднической деятельностью, которая по советским нормам вполне могла бы квалифицироваться как «спекуляция»: при продаже видеоаппаратуры Центр получал комиссионные в размере 7%, что составляло 12 695 руб.[292] Кроме того, коммерческая деятельность комсомола имела, по сути, полулегальный статус. Самый наглядный пример — видеокооперативы, которые были запрещены законом, но в то же время создавались и функционировали под эгидой ВЛКСМ.

Не менее двусмысленно выглядела и роль хозрасчетных центров, которые, приглашая артистов филармоний, кино и эстрады, заключали с ними прямые договоры, что нарушало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 апреля 1986 г. № 442 «О мерах по дальнейшему улучшению концертной деятельности в стране и укреплению материально-технической базы концертных организаций»[293]. Экономическая и политическая свобода в комсомоле помогала реализовать многие молодежные проекты. Однако экономическая деятельность комсомольских организаций выходила за рамки легальности, при этом увеличивалось число финансовых правонарушений и обострялся кризис в коммунистическом союзе молодежи.

Несмотря на активную коммерческую деятельность окружного комсомола, бюджет комсомольских организаций испытывал проблемы. Если в целом по Ханты-Мансийскому автономному округу часть бюджета, формировавшаяся от поступления членских взносов в 1985 и 1986 гг., выполнялась на 100%, в размере 5 295 тыс. руб. ежегодно[294], то в 1987 г. поступление членских взносов сократилось. В этом году собрали только 86,7% от плана, а в 1989 г. — всего 63,8%[295]. На протяжении двух лет комсомольской организацией округа не выполнялся план по привлечению внебюджетных средств. Так, в 1985 г. при плане 558 тыс. руб., поступило 147 тыс. руб. Выполнение составило 48,6%. За 11 месяцев 1986 г. на счета горкомов и райкомов поступило 53 тыс. руб., т. е. только 9% годового плана[296]. В 1990 г. в каждом горкоме и райкоме по-прежнему сохранялся дефицит бюджета, мало перечислялось средств от молодежных центров[297].

Рядовые комсомольцы принципиально и честно критиковали финансовую неразбериху в руководящих окружных структурах ВЛКСМ. Например, на окружной комсомольской конференции, проходившей 21 декабря 1989 г., директор клуба ПО «Когалымнефтегаз» С. И. Калак возмущался: «Наши деньги, которые мы с таким трудом, кровью и потом выпросили у руководителей хозяйственных предприятий на строительство наших МЖК, растранжирены»[298]. Не менее жестко этот вопрос был поставлен на областной конференции ВЛКСМ в 1990 г. делегатом от Сургутской комсомольской организации И. В. Лысогором, который

---

[292] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2839. Л. 46.
[293] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2839. Л. 46.
[294] ГАСПИТО. Ф. П-1490. Оп. 1. Д. 915. Л. 19.
[295] ГАСПИТО. Ф. П-1490. Оп. 1. Д. 939. Л. 13.
[296] ГАСПИТО. Ф. П-1490. Оп. 1. Д. 915. Л. 19.
[297] ГАСПИТО. Ф. П-1490. Оп. 1. Д. 945. Л. 2, 4.
[298] ГАСПИТО. Ф. П-1490. Оп. 1. Д. 939. Л. 30.

считал: «Честно говоря, мне больно смотреть, как сейчас тратятся наши комсомольские взносы. Это постановление ЦК комсомола о 40% использования денег первичными комсомольскими организациями, лучше бы эти деньги заплатил людям, которые бы работали с молодежью»[299].

В последние годы перестройки, стремясь сохранить идеологический контроль над комсомолом, партийные организации инициировали новые формы привлечения молодежи к политической и общественной жизни. Ими стали обновленные школы политучебы и молодежные клубы. Старые формы политучебы не отвечали интересам слушателей. Занятия проходили нерегулярно, бессистемно, при небольших аудиториях. Число же дискуссионных клубов росло. Если в 1988/89 учебном году в Сургуте работало 48 дискуссионных клубов, то в 1989/90 уч. г. их было уже 67. Однако и эта живая форма работы с молодежью подвергалась закоренелой болезни советского комсомола — формализму и имитации деятельности. Например, в тресте «Запсибэнергострой» в 1989 г. по всем статистическим данным функционировало 9 политклубов. Фактически же их не было ни одного[300].

В целом эффективность работы окружных комсомольских организаций к концу 1980-х гг. значительно снизилась. В Сургуте, например, на заседания сессии и комсомольской группы из 45 человек приходило максимум 6–8 комсомольцев. Такая же картина наблюдалась на заседаниях комиссии по делам молодежи[301]. Рост пассивности и падение интереса к общественной работе наблюдались повсеместно во всех организациях ВЛКСМ.

По мере обострения кризисных явлений отношение к реформированию ВЛКСМ становилось все более радикальным. На областной конференции ВЛКСМ в 1990 г. делегат от Сургутской комсомольской организации В. А. Шевалдин заявлял: «Сколько у нас иждивенцев в ВЛКСМ, освобожденных и не освобожденных функционеров? Вот всю эту номенклатуру надо распустить. Никакого аппарата, никаких функционеров, только на общественных началах. Изменить название или распустить ВЛКСМ, как дискредитирующий себя. Создать на добровольных началах Союз Свободной молодежи как альтернативу ВЛКСМ»[302]. В 1990 г. было приято решение о сокращении номенклатуры окружной организации ВЛКСМ.

Под давлением демократической оппозиции в ВЛКСМ повсеместно шло сокращение штатов номенклатурных работников. В связи с этим в мае 1990 г. окружные комсомольские комитеты приняли решения о сокращении штатов, а многие комитеты были ликвидированы. Так, например, в мае 1990 г. пленум Сургутской комсомольской организации принял решение о сокращении ставок заведующих секторами учета комитетов ВЛКСМ треста «Сургуттрубопроводстрой», отделения железной дороги, Сургутского объединенного авиаотряда, УРСа ПО «Сургутнефегазжилстрой», треста «Сургтэнергострой», ПО «Сургутгазпром». Кроме того, он постановил ликвидировать комитеты ВЛКСМ треста «Сургуттранстрой», СПТУ-17, СПТУ-56, треста «Сургутдорстрой»[303].

---

[299] ГАСПИТО. Ф. П-1444. Оп. 62. Д. 313. Л. 29.
[300] ГАСПИТО. Ф. П-1522. Оп. 35. Д. 1. Л. 5.
[301] ГАСПИТО. Ф. П-1522. Оп. 35. Д. 1. Л. 4.
[302] ГАСПИТО. Ф. П-1444. Оп. 62. Д. 313. Л. 20.
[303] ГАСПИТО. Ф. П-1522. Оп. 36. Д. 1. Л. 9.

Демократизация внутрисоюзной жизни предоставила больше свободы общественным объединениям страны, но вместе с тем она принесла им финансовые и организационные проблемы. В последние годы перестройки комсомол, как и коммунистическая партия, стал терять большое количество своих членов. Если в 1986 г. в окружной комсомольской организации состояло 112 тыс. комсомольцев[304], то к 1990 г. на учете оставалось 90 тыс. чел[305].

Кроме тех комсомольцев, которые официально покинули ряды ВЛКСМ, было много выбывших без снятия с учета в организации. В 1986 г. в округе по данным годовой сверки, выбыли без снятия с учета 11 046 комсомольцев[306]. В 1989 г. выбыло без снятия с учета 11 256 членов ВЛКСМ. За время проведения годовой сверки 1989 г. в округе было выявлено 15 923 комсомольца, не состоявших на учете[307].

Организационный распад в коммунистическом союзе молодежи в 1991 г. произошел еще более стремительно, чем в КПСС. После самороспуска Всесоюзной организации молодежи остатки российских комсомольских структур приняли решение о создании новой молодежной организации с неполитизированными целями и названием — Российский союз молодежи.

Другой влиятельной структурой политической системы СССР являлись профсоюзы. Они были крупнейшей советской общественной организацией и строили свою работу на основе территориально-производственного принципа. Руководящей структурной единицей в регионе был обком профсоюза, ему подчинялись отраслевые советы, отраслевые профорганы, отраслевые горкомы и райкомы, профкомы производственных объединений. В 1980-х гг. действовало 18 обкомов и теркомов профсоюзов, 8 горрайсоветов, 240 окружных, городских и районных комитетов, 76 групповых и объединенных комитетов, 6 180 цеховых профорганизаций, 6 268 фабричных, заводских и местных комитетов профсоюзов[308].

Самым многочисленным в регионе был профессиональный союз нефтегазовой и строительной промышленности, который осуществлял свою деятельность в нефтедобывающих районах Западной Сибири, т. е. преимущественно в Ханты-Мансийском автономном округе. В 1989 г. из 694 тыс. работающих в этой отрасли 693 тыс. являлись членами профсоюза. Среди 87 707 работников геологоразведочных предприятий области 87 536 состояли на учете в первичных профсоюзных организациях[309]. К многочисленным организациям, работающим на территории Ханты-Мансийского автономного округа, относились также профсоюзы рабочих строительства и промстройматериалов, западно-сибирских транспортных строителей, профсоюз рабочих электростанций и ЭТП, работников лесных отраслей, в которых в общей сложности насчитывалось более 200 тыс. чел.

На протяжении многих десятилетий профсоюзы стремились выглядеть социально ориентированными, своей деятельностью отстаивая и защищая интересы трудящихся. Однако уже

---

[304] ГАСПИТО. Ф. П-1490. Оп. 1. Д. 915. Л. 5.

[305] ГАСПИТО. Ф. П-1490. Оп. 1. Д. 939. Л. 13.

[306] ГАСПИТО. Ф. П-1490. Оп. 1. Д. 915. Л. 18.

[307] ГАСПИТО. Ф. П-1490. Оп. 1. Д. 939. Л. 13.

[308] Дорога длиною в век: Юбилейный сб., посвященный 100-летию Тюменских профсоюзов / под ред. Д. И. Крюкова, В. М. Быкова. Шадринск, 2005. С. 73–112.

[309] ГАСПИТО. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 1769. Л. 12–68.

к началу перестройки становилось очевидным, что в практической работе профкомы стали упускать из виду социальные ориентиры, уходить от своих традиционных обязанностей.

Так, в сентябре 1985 г. комиссия во главе с заведующим отделом областного профсоюза работников нефтегазовой промышленности В. Я. Плоховым провела проверку в тресте «Юганскгрубопровод», в результате которой были выявлены грубые нарушения прав рабочих на производстве. Они заключались в том, что в организации не проводились собрания трудового коллектива, коллективный договор не обсуждался и не доводился до сведения работавших. Поступившие предложения коллектива, направленные на улучшение организации труда, создание нормальных производственно-бытовых условий, не рассматривались и не выполнялись. Не обеспечивалось выполнение пунктов коллективного договора в вопросах охраны труда, техники безопасности, обеспечения работающих спецодеждой, спецпитанием[310]. Комиссия обнаружила многочисленные нарушения в сфере оплаты труда. Регулярно нарушался график проведения профсоюзных собраний, более половины намеченных мероприятий были сорваны[311].

Подобные проблемы наблюдались и на предприятиях ПО «Нижневартовскнефтегаз». В его первичных организациях профкомы не проявляли должной настойчивости и принципиальности в улучшении условий охраны труда и здоровья, не реагировали на допускаемые нарушения трудового законодательства[312].

На нефтегазодобывающих предприятиях региона в результате проверок облпрофсоюза выяснилось, что местные профсоюзные организации не справлялись с поставленной задачей по улучшению общественного питания рабочих. Многие столовые не были укомплектованы персоналом, отсутствовало питание рабочих в выходные и праздничные дни[313]. Помимо этого, имели место случаи несвоевременного завоза питьевой воды, отсутствовали горячие блюда, неудовлетворительно осуществлялся завоз продуктов на месторождения.

Профсоюзные комитеты транспортных строителей допускали аналогичные просчеты. Только в 1986 г. профкомы дорожных строителей не провели более 200 мероприятий, включенных в коллективные договоры, значительная часть которых касалась улучшения условий и организации труда, жилищных условий. На многих предприятиях еще не был изжит формальный подход к заключению и выполнению коллективных договоров. Так, на предприятиях округа, таких как трест «Запсибгидрострой», завод ЖБИ, трест «Нижневартовсктрансгидромеханизация», СМП-611, СУ-80, в 1987 г. не были вообще оформлены коллективные договоры[314]. Несмотря на существующие комплексные планы по охране труда, в большинстве организаций остро стояла проблема соблюдения санитарно-бытовых норм.

Схожие проблемы встречались в профсоюзных организациях геологов. Например, в 1987 г. президиум территориального комитета отмечал недостатки в стиле и методах работы профкома ПО «Тюменьпромгеофизика»: отсутствовала система в работе с кадрами и активом, она подменялась общими указаниями и распоряжениями, не проявлялось должной

---

[310] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 745. Л. 4.
[311] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 745. Л. 5.
[312] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 750. Л. 8.
[313] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 878. Л. 13–14.
[314] ГАСПИТО. Ф. 4044. Оп. 1. Д. 24. Л. 10.

настойчивости и принципиальности со стороны профкомов по выполнению двусторонних обязательств, включенных в коллективный договор, имели место случаи несвоевременной выдачи заработной платы рабочим, срывались мероприятия по улучшению условий их труда и быта[315].

Отдельной болезненной проблемой в трудовых коллективах стали финансовые злоупотребления в профсоюзных комитетах. Например, после проверки финансовым отделом обкома профсоюза работников нефтегазовой промышленности предприятий Нефтеюганска был сделан вывод, что действующие положения и инструкции не всегда исполнялись. Имелись случаи неправильного оформления актов на проведение мероприятий. Допускались случаи использования средств без утвержденных смет[316].

В результате проверки было обнаружено, что на балансе объединенного Нефтеюганского профсоюза числился дорогостоящий инвентарь на общую сумму 12 522 руб., который находился в реальном пользовании у руководителей предприятий города. Слабо осуществлялся контроль над распределением и выдачей путевок на санаторно-курортное лечение и отдых. В объединенном профсоюзном комитете в 1985 г. не было использовано 11 санаторных и 11 туристических путевок на сумму 2 926 руб. Нарушалась норма выдачи бесплатных санаторных путевок[317]. Проверка в ПО «Юганскнефтегаз» установила, что в профкоме не обеспечивалась сохранность денежных средств, путевок, чековых книжек. Похожие случаи наблюдались и в других объединениях[318].

Подобные проверки регулярно обнаруживали финансовые нарушения во многих профкомах предприятий региона. Например, в 1987 г. проверка в Нефтеюганском райкоме профсоюзов рабочих нефтяной и газовой промышленности выявила нарушение финансовой дисциплины и расходования средств профсоюзного бюджета. Результаты проверки показали, что отсутствовал контроль за расходованием финансовых средств со стороны председателей и старших бухгалтеров профсоюзных комитетов. Были зафиксированы факты несвоевременного составления авансовых отчетов. Только по дворцу спорта «Сибиряк» к зачету не была принята сумма 441 руб. Во всех организациях отсутствовали сметы расходов на проведенные мероприятия, превышались допустимые лимиты. В связи с этим к зачету не было принято 704 руб. по профкому НГДУ «Мамонтовнефть»[319].

К 1980-м гг. профсоюзы возложили на себя задачу обеспечения рабочих жильем, автомобилями, мебелью и другими предметами быта. Достаточно остро на предприятиях региона стоял вопрос о справедливом распределении квартир. Многократно указывалось на ослабление контроля со стороны профсоюзных комитетов нефтедобывающих предприятий в этом деле[320].

С целью смягчения последствий острого дефицита было принято решение о распределении продовольственных и продуктовых товаров непосредственно на предприятиях нефтегазо-

---

[315] ГАСПИТО. Ф. 3967. Оп. 2. Д. 277. Л. 11.
[316] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 745. Л. 10.
[317] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 745. Л. 10–11.
[318] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 745. Л. 11–13.
[319] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 985. Л. 3–4.
[320] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 750. Л. 39.

вой отрасли. Это ознаменовало возрождение распределительных структур советской эпохи — управлений рабочего снабжения (УРСов) и отделов рабочего снабжения (ОРСов).

Такие шаги должны были улучшить положение рабочих и повысить престиж профсоюзных организаций. Однако созданная система социалистического распределения дискредитировала это внешне социально-ориентированное мероприятие. Например, в ПО «Нижневартовскнефтегаз», несмотря на принятое решение о накоплении товаров на базе УРСа в связи с приближающимся новым 1989 годом, были обнаружены факты реализации товаров «особо избранным» работникам. Неоднократно выявлялись случаи, когда без оформления документов сотрудники базы вывозили с территории многочисленные коробки с кондитерскими изделиями. Также фиксировались факты длительного удержания товаров на базе. В течение 1988 г. на базу регулярно поступала верхняя одежда и обувь импортного производства, но значительная часть этих товаров реализовывалась без составления необходимых документов[321].

Примеры такого «распределения» можно было наблюдать практически на всех предприятиях. Так, например, в тресте «Сургутнефтепромстрой» были отмечены случаи самовольного дележа дефицитных товаров и легковых автомобилей[322]. В ОРСе ПО «Варьеганнефтегаз» в 1988 г. из 49 поступивших по профсоюзной линии кухонных гарнитуров 10 были реализованы по личному усмотрению руководства ОРСа[323]. Такая практика распространялась на все поступившие товары народного потребления.

Еще одной серьёзной проблемой, мотивировавшей негативное отношение к профсоюзам, являлось увеличение численности безработных. Только на предприятиях электроэнергетики за 1988–1989 гг. высвободилось почти 2,5 тыс. чел. Такие явления способствовали росту конфликтов между гражданами и руководством предприятий. Профсоюзы должны были стать арбитром в этих трудовых спорах. Но профкомы энергетиков признавались в своем бессилии, понимая, что тенденция к увольнению работников стремительно набирает силу[324].

В условиях падения авторитета профсоюзной организации VI пленум ВЦСПС в 1988 г. активно поддержал создание нового органа самоуправления трудящихся, так называемый СТК — Совет трудовых коллективов. Таким образом, профсоюзы признались в своей недееспособности, передав многие функции СТК, в их числе организацию труда и производства, борьбу за научно-технический прогресс, подготовку и повышение квалификации кадров, организацию соцсоревнований и другие направления деятельности[325].

В 1989 г. состоялась XVIII областная межсоюзная конференция, которая резко отличалась от всех профсоюзных конференций, проводившихся ранее. На ней впервые были апробированы альтернативные выборы председателя областного Совета профсоюзов. На две должности секретарей были выдвинуты три кандидатуры[326]. Совет сформировался на основе принципа прямого и равного делегирования от всех отраслевых профсоюзов.

---

[321] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 987. Л. 193–194.

[322] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 1197. Л. 25.

[323] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 1117. Л. 5.

[324] ГАСПИТО. Ф. 3970. Оп. 1. Д. 322. Л. 13.

[325] ГАСПИТО. Ф. 3970. Оп. 1. Д. 322. Л. 14.

[326] Дорога длиною в век: Юбилейный сб., посвященный 100-летию Тюменских профсоюзов / под ред. Д. И. Крюкова, В. М. Быкова. Шадринск, 2005. С. 119.

На конференции областной Совет профсоюзов был подвергнут острейшей критике за бюрократический стиль работы с отраслевыми комитетами, неумение решать острые вопросы с облисполкомом, слабую координацию межотраслевой деятельности профсоюзов. Резко критиковали деятельность председателя облсовпрофа Ю. А. Долгих. Были предложения признать работу областного союза неудовлетворительной, что являлось беспрецедентным случаем за всю его историю[327].

В условиях потери авторитета на большинстве предприятий произошло снижение численности членов профсоюзов. Так, самый крупный профессиональный союз области — работников нефтегазовой и строительной промышленности — по сравнению с 1989 г. сократился в своей численности на 55 тыс. чел., к 1991 г. профсоюз рабочих строительства и промстройматериалов сократился на 11 тыс. чел. В профсоюзе геологов в 1989 г. состояло 87 536 членов, а к 1991 г. их осталось 70 тыс. чел[328]. Подобная тенденция сокращения членов профсоюзных организаций в конце 1980 — начале 1990-х гг. наблюдалась в большинстве промышленных районов севера Западной Сибири.

Серьезному обсуждению в последние годы перестройки подвергся вопрос о финансировании профкомов. Так, дорожные профсоюзы предложили перечислять в ЦК не 16%, а 8% от взносов, в связи с тем, что на протяжении многих лет отсутствовала обратная связь и профкомы недофинансировались из центра. Предлагалось облсофпрофу и ЦК работать лишь на договорной основе[329]. А профсоюз «Нефтегазстроя» в начале 1991 г. принял решение перечислять областному Совету профсоюзов только 1%. Главной причиной такого решения называли значительный перерасход средств на содержание профаппарата. Сокращались доходы от членских взносов: если в 1989 г. собрали 45 млн руб., то в 1990 г. — только 37 млн[330]. Поэтому образовался значительный дефицит бюджета. Теперь первичные профорганизации оставляли себе 87% взносов, а в бюджет облсовпрофа отчисляли 9%. Это привело к невозможности финансирования клубных, спортивных и внешкольных учреждений, которых в 1989 г. насчитывалось 860 единиц. В августе 1989 г. были упразднены два областных отраслевых комитета, 160 горкомов и райкомов профсоюзов. Численность профаппарата на всех уровнях профсоюзной структуры была сокращена на 12%. Обком облсовпрофа в 1990 г. вынужден был пойти на сокращение отделов с 9 до 5, а численность аппарата уменьшили на 8 чел[331]. Во многих организациях профсоюзы не выдержали пресса текущих проблем. Так, в объединениях «Сургутстройиндустрия», НПСО «Запсибнефтегазстрой», в трестах «Сургутпромжилстрой», «Сургуттрубопроводстрой» были упразднены профсоюзные комитеты[332].

В 1990 г. были созданы независимые профсоюзы — ФНПР. XIX съезд профсоюзов СССР в октябре 1990 г. упразднил ВЦСПС. Вместо этого появилась Всеобщая конфедерация профсоюзов СССР — ВКП[333]. В течение 1990–1991 гг. безрезультатно дебатировались вопросы: нужен

---

[327] Дорога длиною в век: Юбилейный сб., посвященный 100-летию Тюменских профсоюзов / под ред. Д. И. Крюкова, В. М. Быкова. Шадринск, 2005. С. 120.

[328] ГАСПИТО. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 1769. Л. 12–68; Д. 1876. Л. 23–94.

[329] ГАСПИТО. Ф. 4044. Оп. 1. Д. 100. Л. 9.

[330] ГАСПИТО. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 1861. Л. 21.

[331] Дорога длиною в век: Юбилейный сб., посвященный 100-летию Тюменских профсоюзов / под ред. Д. И. Крюкова, В. М. Быкова. Шадринск, 2005. С. 120, 190–191.

[332] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 1243. Л. 26.

[333] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 1243. Л. 23.

или нет тот или другой совет, комитет профсоюза? Какая структура лучше: региональная или отраслевая? В первичных организациях спорили: отчислять или не отчислять средства на содержание аппаратов этих органов, а если отчислять, то сколько? В конце 1991 г. на заседании областного Совета профсоюзов было заявлено, что наступила полная раздробленность[334].

Таким образом, по мере углубления кризиса в КПСС вскрылись проблемы в функционировании всей партийно-государственной системы управления, зависимость от партийных органов так называемых «приводных ремней партии» — комсомола и профсоюзов. Возникли трудности в работе по подготовке комсомольских кадров, «текучка» и дефицит активистов. В результате деградации роли и задач профессиональных союзов к концу перестройки их численность заметно сократилась, а в ряде отраслей они были полностью ликвидированы.

[334] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 1243. Л. 16, 24.

Глава 5

Перестройка советской системы государственного управления и демонтаж партийной надстройки в 1990–1991 гг.

Попытка модернизации органов советского народовластия

Новый этап в развитии органов власти в СССР был инициирован решениями XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС (1988 г.), где была провозглашена цель обеспечить полновластие Советов как основы социалистической государственности и самоуправления. Последующие новеллы были реализованы в Законе об изменениях и дополнениях Конституции СССР, принятом 1 декабря 1988 г. на XII внеочередной сессии Верховного Совета СССР XI созыва. Этот Закон можно охарактеризовать как начало конституционной реформы в СССР[335].

Теперь должностные лица, избираемые или назначаемые Советами, не могли занимать свои должности более двух сроков подряд. Другое нововведение — избрание не только от территориальных и национально-территориальных общностей, но и прямое представительство от общественных организаций. В ст. 95 Конституции СССР компартия впервые называлась общественной организацией. Право на выдвижение кандидатов в депутаты получили трудовые и территориальные коллективы, предусматривалась возможность самовыдвижения. Значительный шаг в направлении разграничения представительной и исполнительной власти был сделан в связи с утверждением принципа несовместимости депутатского мандата с исполнением должностных обязанностей в органах, подотчетных Совету (ст. 96 Конституции). На местном уровне предусматривалось создание новых звеньев в системе органов государственной власти — председателей Советов и президиумов Советов[336].

Сразу после принятия изменений Конституции в Ханты-Мансийском автономном округе началась работа по реформированию структуры власти. К работе над проектом Закона

---

[335] Лазарев Л. В. Слива А. Я. Конституционная реформа — первый этап. Анализ Закона от 1 декабря 1988 г. // Советское государство и право. 1989. № 3. С. 3–14.

[336] Об изменениях и дополнениях Конституции СССР: Закон СССР от 1 декабря 1988 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 49. Ст. 727.

о Ханты-Мансийском автономном округе были привлечены широкие слои населения и различные общественные силы. В окружной газете было опубликовано немало материалов и выступлений граждан. В окрисполкоме была образована комиссия из представителей трудящихся, общественных организаций, госорганов, которая обобщила все предложения в единый проект Закона. Он должен был разграничить полномочия исполкома и президиума Советов. В перечень вопросов, решаемых исключительно на сессиях окружного Совета, были включены обсуждение и принятие решений по вопросам административно-территориального устройства округа, касающихся образования новых и упразднения существующих единиц, изменения границ районов, районирования городов окружного подчинения, размещения и строительства на территории округа предприятий, влияющих на изменение экологической обстановки в регионе[337].

Существенные изменения в сложившемся «двоевластии» стали происходить в 1990 г. Ослабление позиций КПСС, углубление идеологического кризиса, организационный хаос в партийных структурах привели к выдавливанию парторганизаций на «обочину» политической жизни. Так, уже в ноябре 1990 г. первый секретарь Советского райкома КПСС заговорил о том, что работа партийных организаций, райкома партии, любого коммуниста должна строиться, исходя из решений Советов[338]. Появился реальный шанс превратить Советы в самостоятельный и основной орган власти.

Можно предположить, что уже к 1990 г. партийные органы в округе фактически утратили былое политическое влияние. В это время региональный и местные комитеты КПСС стали устраняться от решения многих политических и хозяйственных вопросов. Вместе с тем, в данный момент еще не сформировался новый центр политического влияния. Партийное руководство не видело реального способа сохранить свои позиции только в рамках КПСС. Поэтому парткомы, участвуя в избирательной кампании, объединялись с общественными организациями. Так, в 1990 г. перед выборами в Советы народных депутатов была выработана совместная платформа Ханты-Мансийского окружкома КПСС, ВЛКСМ, координационного комитета ассоциации «Спасение Югры»[339].

Новая общественно-политическая ситуация предопределила усложнение избирательного процесса. Обстановка в ходе выборов народных депутатов приобрела напряженный характер. С одной стороны, после изменения статуса Советов значительно возросла их роль, что способствовало высокой конкуренции среди кандидатов. По избирательным округам в начале 1990 г. было зарегистрировано от 2 до 15 кандидатов в депутаты, а по отдельным округам и больше. Трудовыми коллективами, общественными организациями и по месту жительства в окружной Совет было выдвинуто 507 кандидатов, из них было зарегистрировано 462 кандидата[340]. С другой стороны, в ряде территорий при проведении предвыборной кампании были допущены нарушения. Например, в Нижневартовске в связи с фальсификацией были отменены результаты выборов по 31-му округу[341].

---

[337] Из материалов работы комиссии // Ленинская правда. 1988. 17 декабря. С. 4.

[338] ГАСПИТО. Ф. П-2049. Оп. 32. Д. 31. Л. 54.

[339] Совместная платформа к выборам // Ленинская правда. 1989. 23 декабря. С. 2.

[340] Представительные и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе. 1930–2001 гг.: Полномочия, функции, структура: Сборник документов / сост.: Е. М. Брагина, Н. П. Мирошниченко, Л. В. Набокова. Ханты-Мансийск, 2002. С. 61.

[341] АОАГН. Ф. 48. Оп. 1. Д. 732. Л. 78.

Рис. 1.60. В. А. Чурилов — кандидат в народные депутаты окружного Совета по 98-му Сургутскому избирательному округу во время встречи с рабочими Восточно-Сургутской геологоразведочной экспедиции. Сургут. Февраль 1990 г. Фото: Л. Березницкий Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 349

Рис. 1.61. Окружное предвыборное собрание по 325-му Сургутскому округу во Дворце культуры «Энергетик». Сургут. Февраль 1989 г. Фото: Л. Березницкий. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 299

Сложившаяся ситуация привела к проведению перманентной избирательной кампании в течение 1990–1991 гг. Так, в разных городах и районах округа пришлось проводить выборы окружных депутатов 4 марта 1990 г. и серию довыборов (повторные голосования) 18 марта, 22 апреля, 4 мая, 3 июня, 3 августа, 14 октября, 9 и 23 декабря 1990 г., а также 10 февраля, 17 марта, 12 и 14 июня 1991 г. Основная причина проведения повторных голосований была связана с невозможностью кандидатов набрать более 50% голосов избирателей в соответствии с действующими избирательными нормами. Такая частота выборов показательно характеризует уровень доверия как к Советам, так и к избирательной системе данного периода[342].

По итогам основных выборов 1990 г., в составе Совета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа коммунисты составляли более 75% избранных, в большинстве местных Советов округа — около 60%[343]. Партийные комитеты, используя свои ресурсы, активно внедряли членов КПСС в Советы. Однако, под давлением критики даже те коммунисты, которые шли на выборы под лозунгами КПСС, после получения мандата начали отказываться от партийной платформы и выходить из КПСС.

Большинство местных Советов были сформированы до легитимного уровня к концу 1990 г. В декабре 1990 г. в Сургутский городской Совет было выбрано 190 депутатов, в Нижневартовский — 97. Состав окружного Совета приблизился к нормативной численности 150 чел. только в 1991 г.[344]

В обязанности президиума окружного Совета входили координирующие функции, в том числе он рассматривал и устанавливал сроки созыва сессии, изучал наказы избирателей, вопросы социально-экономического развития и обеспечения населения, вопросы экономической самостоятельности и самоуправления[345]. В августе 1990 г. Совет утвердил основные положения, регламентирующие деятельность президиума. В соответствии со ст. 140, 145 Конституции РСФСР, руководящим органом государственной власти на территории округа в период между сессиями признавался президиум Совета. Решения президиума окружного Совета являлись обязательными для выполнения всеми Советами округа, их исполнительными комитетами, предприятиями, организациями, расположенными на его территории, а также должностными лицами и гражданами. Заседания президиума проводились не реже одного раза в месяц[346]. В октябре 1990 г. был упразднён комитет народного контроля и образован отдел исполкома по внешнеэкономическим связям[347]. Чуть позже у президиума Совета появился аппарат. В него входили 19 человек: председатель, два заместителя, два помощника, один по связям со СМИ, два консультанта, организационный отдел — 4 чел., общий отдел — 5 чел., отдел науки — 1 чел., государственно-правовой отдел — 1 чел[348].

Нарастание политического кризиса привело к образованию разных центров влияния. На первоначальном этапе модернизации государственной системы управления властные ресурсы вернулись в коллегиальные Советы, затем центр принятия решений стал смещаться

---

[342] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1777. Л. 19–135; ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 51. Д. 24. Л. 19.

[343] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2823. Л. 14.

[344] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1736. Л. 6.

[345] Президиум окружного совета за работой // Ленинская правда. 1990. 30 июня. С. 1.

[346] Президиум окружного совета за работой // Ленинская правда. 1990. 11 августа. С. 3.

[347] Сессия окружного Совета // Ленинская правда. 1990. 20 октября. С. 1.

[348] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1736. Л. 24, 30, 51–64, 142.

Рис. 1.62. На 5-й сессии городского Совета народных депутатов г. Сургута в момент голосования. Апрель 1990 г. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 403

в сторону более профессиональных президиумов. Когда функции исполнительных комитетов стали дублироваться с президиумами, некоторые местные Советы упразднили исполкомы[349]. Так, например, поступил Ханты-Мансийский городской Совет. В целях устранения дублирования в работе президиума и исполкома он пошел на ликвидацию исполнительного комитета как коллегиального органа[350].

В начале 1990-х г. были приняты законы СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (9 апреля 1990 г.) и закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» (6 июля 1991 г.), которые формально предоставили местным Советам широкий спектр прав, сохраняя соподчиненность местных органов по вертикали. Верховный Совет законодательно не разграничивал компетенцию между местными Советами, которые определялись теперь как органы местного самоуправления, отнесенными краевыми, областными и окружными Советами к органам государственной власти. Фактически и местные, и региональные Советы осуществляли одни и те же функции, имели аналогичные полномочия: управляли региональным и местным бюджетом; организовывали проведение хозяйственных, природоохранных и иных мероприятий на региональном и местном уровне и т. д. Подобное противоречие не позволяло реально закрепить муниципальную собственность как экономическую основу местного самоуправления. Все это, безусловно, отразилось на способности местных Советов реально выполнять свои обязательства перед населением[351].

---

[349] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7669. Л. 113–116.

[350] Корнеев А. Власть должна быть властью // Ленинская правда. 1990. 11 октября. С. 2.

[351] Иванов А. М. Общественно-политические процессы на территории Смоленской области в период перестройки: 1985–1991 гг.: дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2015. С. 96.

У местных Советов с переходом на рыночную экономику так и не появились финансовые и экономические ресурсы, чтобы стать полноценным органом управления. А у депутатов угасал интерес к общественной деятельности, так как с Советами мало кто считался.

Совет народных депутатов автономного округа в условиях демократизации общественных отношений в 1990–1991 гг. стал основной площадкой для обсуждения актуальных вопросов и приоритетных проблем развития Ханты-Мансийского автономного округа. Именно в это время в публичную плоскость вышла тема взаимоотношений автономных округов с Тюменской областью. Уже на первых заседаниях окружного Совета народных депутатов XXI созыва депутаты приступили к обсуждению концепции перехода автономного округа на принципы самоуправления и самофинансирования[352]. Начиная с весны 1990 г. в прессе, органах власти и общественных организациях региона активно обсуждался проект закона о Ханты-Мансийском автономном округе, в котором красной линией проходила тема национальной, культурной и, главное, экономической автономии[353]. В ходе бурных обсуждений будущего округа удалось заложить основу новой модели взаимоотношений «Юга» и «Севера». Предполагалось заключить многостороннее соглашение, по которому область и автономные округа должны были получить статус равноправных субъектов Российского федеративного договора[354].

В региональной печати всё чаще стала звучать критика в адрес Советов как нового центра принятия важных для населения решений. Так, в течение 1990–1991 гг. на страницах 12 региональных и местных газет были проведены опросы читателей по различным социально-экономическим и политическим проблемам. Ответы на вопросы в редакции отправили более 2,5 тысяч жителей округа. На вопрос, удовлетворены ли жители деятельностью нынешнего состава Совета народных депутатов округа, более 60% ответили отрицательно[355]. 40% граждан полностью не устраивал новый состав окружного Совета. На вопрос, довольны ли вы результатами выборов в местные Советы, более 50% ответили, что не удовлетворены, так как выборы были недемократическими и столь же формализованными, как и в предшествующие «застойные» времена[356].

Реформирование советских органов государственного управления проходило в условиях недоверия и разочарования всеми элементами партийно-государственной политической системы. Ключевой причиной недоверия населения к Советам являлось сохранение отношения к ним как к структуре, ассоциируемой с коммунистическим режимом.

Как уже отмечалось, перестройка способствовала росту общественной инициативы. Однако по мере нарастания кризиса в партии и обществе центр политической активности планомерно смещался из партийных организаций в альтернативные общественные объединения. Различного рода самодеятельные формирования демократической направленности стали появляться в округе ещё в ноябре–декабре 1988 г.[357] Более того, сами партийные организации

---

[352] Сессия окружного Совета // Ленинская правда. 1990. 7 июня. С. 1.

[353] В окружном Совете // Ленинская правда. 1990. 8 февраля. С. 5–6; Ленинская правда. 1990. 2 октября. С. 1.

[354] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7666. Л. 87: ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1796. Л. 187–189.

[355] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1726а. Л. 1.

[356] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1769б. Л. 23–24.

[357] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2800. Л. 23.

в соответствии с принятым 27 февраля 1989 г. постановлением бюро окружкома КПСС «О мерах по совершенствованию работы партийных комитетов с самодеятельными общественными формированиями» способствовали развитию новых идейно-политических объединений. Так, к концу 1989 г. в округе наиболее целостную структуру имели 17 организаций, действующих в 8-ми территориях. Кроме таких объединений, в ходе политических акций и митингов постоянно возникали неформальные группировки без программных документов[358].

Рис. 1.63. Участники шествия и митинга, организованных Нижневартовской городской организацией Демократической партии России и посвященных памяти жертв политических репрессий. 7 ноября 1990 г. Нижневартовск. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска. Фотофонд. Оп. 1. Д. 661

Многие неформальные структуры спонтанно возникали в различных районах округа. Так, в Кондинском районе к началу 1990 г. существовало более двадцати любительских объединений и клубов по интересам, которые действовали в основном при Домах культуры. В районе работали два неформальных объединения — инициативная группа «Ассоциация спасения Югры» и «Кедр». В Белоярском районе было зарегистрировано военно-патриотическое объединение воинов запаса «Рейд». Им руководил член бюро горкома КПСС Б. В. Заболотский. В Берёзовском районе в посёлке Саранпауль была создана культурно-просветительская организация коми-зырян[359].

В городе Сургуте в 1989 г. активизировалась работа новых общественных формирований. В мае 1989 г. было зарегистрировано Народное экологическое общество, в сентябре — «Народный фронт». Начали свою работу ассоциация «Спасение Югры» и Ассоциация промышленных предприятий. Организовались политические клубы: «Поиск», ставивший своей целью поддержку межрегиональной депутатской группы народных депутатов СССР, «Партийный клуб», «Молодежная инициатива», «Демократический фронт». В работе почти каждого клуба принимали участие работники городского комитета партии. Они участвовали в собраниях и митингах «Народного фронта», Народного экологического общества, Ассоциации промышленных предприятий[360].

---

[358] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2841. Л. 1.

[359] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2841. Л. 9, 11, 21.

[360] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2841. Л. 15.

При окружкоме КПСС для анализа деятельности самодеятельных формирований, оценки их документов, печатных изданий и публичных заявлений была создана группа консультантов. В неформальные объединения для постоянной идеологической работы направлялись коммунисты — члены окружкома КПСС, работники его аппарата. Они также принимали участие в митингах и собраниях «Народного фронта», Народного экологического общества, партийных клубов городов Сургута и Ханты-Мансийска, клуба гражданских инициатив города Мегиона, общественного комитета в городе Нижневартовске и др. На базе Домов и кабинетов политического просвещения городских райкомов КПСС работали около 40 политических дискуссионных клубов, трибун, не входивших в систему политического образования. Особое внимание в их работе уделялось вопросам сущности социалистической демократии, социалистическому плюрализму, национальным проблемам, однопартийной и многопартийной системам[361].

Рис. 1.64. Выступление представителя «Народного фронта» на митинге в поддержку Российского правительства и программы «500 дней». Сургут. 28 октября 1990 г. Фото: Л. Березницкий. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 419

Очевидно, что причиной возникновения неформальных общественных объединений являлась возросшая политизация населения, стремление людей участвовать в управлении и принятии политических решений, а также недовольство консервативными методами работы парткомов. Одним из отправных моментов формирования клубов, комитетов, инициативных групп, как правило, являлась какая-либо актуальная местная проблема. Недовольство темпами перестройки на местах, желание внести свой вклад в ее ускорение инициировали возникновение комитета «Гражданская справедливость» в Нижневартовске, инициативной группы по созданию ассоциации «Спасение Югры», объединившей представителей молодой национальной интеллигенции округа[362].

---

[361] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2841. Л. 1.

[362] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2800. Л. 23.

Несмотря на постоянное участие в деятельности альтернативных объединений партийных органов и контроль, в их взаимоотношениях чаще всего присутствовали напряженность и недоверие. Горкомы, райкомы КПСС либо «заигрывали» с неформалами, либо находились в позиции полного непринятия факта их существования[363].

В среде окружных партийных руководителей доминировало мнение о необходимости последовательной передачи самодеятельным общественным формированиям, органам общественного территориального самоуправления отдельных социальных функций — вопросов организации обслуживания населения, строительства некоторых объектов, решение экологических вопросов и т. д. Планировалось привлекать членов самодеятельных общественных формирований к работе в государственных приемочных комиссиях, к участию в контроле над состоянием учета граждан, нуждавшихся в жилье, благоустройстве, к охране общественного порядка[364].

Однако, повышая социальный статус некоторых неформальных общественных объединений, партийные органы ослабляли тем самым позиции собственных структур. Со своей стороны появившиеся благодаря поддержке партии новые общественные объединения активно включались в борьбу за ликвидацию партийных организаций.

Таким образом, общественно-политическая обстановка в округе в 1990–1991 гг. характеризовалась не только кризисными процессами в КПСС, но и падением уровня доверия к советской системе управления, происходили драматические изменения во всех государственно-общественных структурах. На этом фоне получили импульс к развитию неформальные объединения демократической направленности, которые активно включились в борьбу за влияние в регионе.

Ликвидация структур КПСС и формирование нового центра власти в автономном округе

В условиях структурной и организационной перестройки негативное влияние на ситуацию в парторганизациях региона оказали сепаратистские решения руководства Компартии РСФСР. В январе 1991 г., в соответствии с решением учредительного съезда Компартии РСФСР, все организации КПСС на территории республики структурно оказались в составе Компартии РСФСР. В связи с этим необходимо было внести соответствующие изменения в названия печатных органов, вывесок, учетно-контрольную документацию, печати и штампы партийных комитетов[365]. Так, вместо реальной работы, парторганизации вынуждены были заниматься второстепенными бюрократическими проблемами.

Негативным фактором, сдерживающим процессы обновления работы партийных организаций округа, являлось противостояние союзного и республиканского центров. При этом, бюро обкома КПСС не разделяло позиций Б. Н. Ельцина. В частности, осуждались его при-

[363] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2800. Л. 24.
[364] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2800. Л. 25.
[365] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 257. Д. 10. Л. 3.

зывы не подписывать союзный договор, так как обком считал, что такое решение создает угрозу распада Союза ССР[366]. Члены обкома считали, что слишком большие партийные ресурсы, время, деньги и кадры были брошены на организацию референдума по сохранению СССР. Работники аппарата окружкома приняли участие в совещаниях с активом в десяти городских и районных комитетах КПСС по вопросам организационного и идеологического обеспечения референдума. Позиция окружкома КПСС по отношению к референдуму была обсуждена на пленуме 1 марта 1991 г. Большинство работников окружкома КПСС выступали по вопросам референдума в печати, на радио, в трудовых коллективах округа. Аналогичная работа проводилась в городских и районных комитетах КПСС[367].

Няганьский, Сургутский, Урайский, Кондинский и некоторые другие комитеты КПСС пытались оказать опережающее воздействие на местные Советы народных депутатов, побуждая их к своевременной организаторской работе по подготовке референдума. В Советском, Нижневартовском, Ханты-Мансийском комитетах КПСС состоялись встречи с депутатами местных Советов с целью объединения усилий для успешного проведения референдума. Некоторые партийные комитеты оказали Советам помощь в обучении депутатов, членов участковых комиссий[368].

Для проведения разъяснительной работы в ряде горкомов и райкомов КПСС были созданы соответствующие агитационно-пропагандистские группы. Использовались разнообразные формы работы: беседы, лекции, прямые телефонные линии, теледебаты, открытые дискуссии и т. п. Как правило, в коллективах со сложной морально-политической обстановкой побывали секретари городских комитетов КПСС, авторитетные работники партаппарата. Повсеместно использовался «залповый выброс» информации в форме листовок, прокламаций, разъясняющих позицию коммунистов по отношению к референдуму о сохранении СССР[369]. Референдум состоялся 17 марта 1991 г. На территории автономного округа в нем приняло участие более 460 тыс. чел., или 60,0% граждан, имеющих право голоса. 62,6% голосовавших выступили за сохранение обновленного Союза ССР[370].

Заметный спад общественной активности, «эффект усталости» парторганизаций проявился уже в процессе проведения референдума. Многие горкомы, райкомы КПСС затянули период формирования и подготовки пропагандистского актива и начало активной разъяснительной работы. Стихийно прошло выдвижение коммунистов в составы участковых комиссий, дальнейшая работа с ними не проводилась. Имелись случаи откровенного невмешательства коммунистов — должностных лиц местных Советов в процесс подготовки референдумов, замалчивание позиции Советов по отношению к референдуму СССР. Встречи депутатов с людьми в избирательных округах проходили по этому вопросу бесконтрольно.

Агитационно-пропагандистская работа, как и ранее, в основном проводилась в трудовых коллективах. В то же время работа по месту жительства осталась в сфере влияния политических оппонентов КПСС. Практически не использовались такие формы агитации, как посещение партийным активом квартир, телефонные опросы и оповещения. Встречались

---

366 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 257. Д. 10. Л. 3.

367 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2848. Л. 56.

368 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2848. Л. 56.

369 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2848. Л. 57.

370 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2848. Л. 56.

многочисленные факты, когда участковые комиссии референдума работали хуже, чем во время выборов в Советы. Многие комиссии не уточнили списки граждан, не пригласили их к участию в референдуме, не разъяснили правила работы с бюллетенями, не позаботились о культурном и торговом обслуживании людей[371].

Негативное влияние на организационную целостность КПСС оказало введение нового политического института в России — поста Президента РСФСР. Силами городских и окружного комитетов КПСС, партактивом первичных парторганизаций был проведен комплекс агитационных мероприятий за кандидатуру, поддерживаемую КПСС, — Н. И. Рыжкова. Были организованы беседы в коллективах в поддержку Н. И. Рыжкова, распространены листовки и агитплакаты[372]. Однако отсутствие единой позиции в партийных организациях округа не позволило должным образом организовать выборную кампанию. В результате в округе убедительную победу одержал Б. Н. Ельцин, набрав 68,7%. Для сравнения, по республике результат составил 58%[373].

Рис. 1.65. Б. Н. Ельцин во время встречи с жителями Ханты-Мансийска. 7 августа 1991 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 2. Д. 47

К середине 1991 г. наметился очередной виток трансформации региональной властной системы. После победы на выборах Президента РСФСР Б. Н. Ельцина происходит смещение центра властных полномочий. Пытаясь найти твердую опору в регионах, Президент России сделал ставку на исполнительные органы. В соответствии с Указом от 25 ноября 1991 г. «О порядке назначения глав администраций» в регионах были назначены главы администраций.

---

371 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2848. Л. 57.

372 ГАСПИТО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 1342. Л. 11.

373 ГАСПИТО. Ф. П-2049. Оп. 32. Д. 48. Л. 2–3.

18 декабря главой администрации Ханты-Мансийского автономного округа был назначен Александр Васильевич Филипенко. Он в свою очередь в целях проведения единой социально-экономической политики назначил глав районов и городов[374].

Последний решающий удар по единству парторганизации нанесли события августа 1991 г. Реагируя на положение в Москве, бюро обкома КПСС 23 августа 1991 г. распространило заявление, в котором сообщило о необходимости незамедлительного созыва пленумов ЦК КПСС и ЦК КП РСФСР. В заявлении также присутствовало обращение в прокуратуры СССР и РСФСР с просьбой провести расследование причастности всех членов ЦК КПСС и КП РСФСР к государственному перевороту[375].

Рис. 1.66. Лозунги на борту машины. Митинг в поддержку Б. Н. Ельцина. Нижневартовск. 3 марта 1991 г.
Фото: Р. Путкарадзе. Нижневартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева

В дни переворота окружком оказался в обстановке информационного вакуума, попытки прояснить позицию центральных органов партии оставались безуспешными вплоть до 23 августа. Однако председатель Совета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа В. А. Чурилов 19 августа в окружном радиоэфире осудил ГКЧП, призвал жителей к соблюдению Конституции[376]. В поддержку законных властей России без чьей-либо указки

[374] Представительные и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе. 1930–2001 гг.: Полномочия, функции, структура: Сборник документов / Сост.: Е. М. Брагина, Н. П. Мирошниченко, Л. В. Набокова. Ханты-Мансийск, 2002. С. 145.

[375] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 157. Д. 31. Л. 2–3.

[376] Прищепа А. И. Формирование политической структуры Ханты-Мансийского автономного округа в 1990-е годы // Северный регион. 2000. № 2. С. 69.

выступили секретари партийных комитетов округа[377]. 23 августа бюро Ханты-Мансийского окружкома КПСС заявило, что партийные организации округа не принимали никаких решений, которые можно было истолковать как требование неконституционного смещения Президента СССР.

Рис. 1.67. Александр Васильевич Филипенко — председатель окрисполкома (1989–1991), глава администрации автономного округа (1991–1995), губернатор автономного округа (1996–2010). Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 2903

Устранение ГКЧП было воспринято позитивно. В. А. Чурилов после завершения кризисных событий произнес слово «Победа!»[378]. По этому поводу заведующий Домом политпросвещения окружкома КПСС А. К. Мишунин вспомнил слова В. И. Ленина, который пророчески заявлял, что большевикам ничего не грозит, никто их с политической арены не уберет и не уничтожит, они могут сделать это только сами. Цитируя эти слова, он отметил, что слова вождя оказались пророческими: «Мы понимаем, что хороним сами себя»[379].

Ответ на вопрос о причинах подобной реакции кроется в той атмосфере, которая господствовала в среде партийных работников. Так, например, В. А. Чурилов, предчувствуя эти события, подчеркивал неизбежность крушения КПСС. По его словам, еще в 1989 г. в Москве проводилась деловая игра, на которой присутствовали работники ЦК КПСС и Московского горкома партии. В ходе этой деловой игры был сделан вывод: КПСС распадется на шесть платформ, и потребуется немало усилий, чтобы их объединить. Об этом В. А. Чурилов написал в докладной записке в адрес ЦК, предсказывая возможный вариант развития событий[380]. Можно сделать вывод, что партийное руководство в центре и на местах было готово к распаду КПСС. Поэтому в партийных организациях округа царила обстановка ожидания и бездействия.

После упразднения ГКЧП Президент Б. Н. Ельцин приостановил деятельность КПСС на территории Российской Федерации, а в ноябре 1991 г. она была запрещена[381]. Процесс ликвидации компартии носил юридически поэтапный характер. 19 августа вышел целый ряд указов Президента РСФСР, обличающих антиконституционный характер деятельности компартии. Указ № 59 объявил деятельность ГКЧП антиконституционной, а указы № 61, 63 о государственном перевороте отменяли предыдущие незаконные распоряжения ГКЧП[382]. Б. Н. Ельцин последовательно воплощал идею о ликвидации КПСС.

---

[377] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2848. Л. 87.

[378] ГАСПИТО. Ф. П-1259. Оп. 61. Д. 39. Л. 26.

[379] ГАСПИТО. Ф. П-1259. Оп. 61. Д. 39. Л. 26.

[380] Чурилов В. А. В театре манекенов // Новости Югры. 1991. 23 ноября. С. 3.

[381] Прищепа А. И. Формирование политической структуры Ханты-Мансийского автономного округа в 1990-е годы // Северный регион. 2000. № 2. С. 68.

[382] О государственном перевороте: Указ Президента РСФСР от 19.08.91 № 61, 63 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 34. Ст. 1134, 1146.

Рис. 1.68. Надпись на 7-й школе Сургута «Свободу Горбачёву». 8 сентября 1991 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 474. Л. 1

В Указе от 23 августа 1991 г. говорилось о том, что действующая на территории РСФСР и незарегистрированная в установленном порядке Коммунистическая партия РСФСР поддержала так называемый государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР, совершивший государственный переворот и насильственно отстранивший от должности Президента СССР. До окончательного разрешения в судебном порядке вопроса деятельность компартии была приостановлена[383]. Указ Президента Б. Н. Ельцина от 25 августа 1991 г. об имуществе Компартии РСФСР объявил государственной собственностью РСФСР все принадлежащее КПСС и Коммунистической партии РСФСР недвижимое и движимое имущество, включая денежные средства. И уже в конце августа окружные партийные комитеты прекратили свое существование, кабинеты были опечатаны, имущество арестовано[384].

На местах ликвидация партийных организаций проходила спокойно. Так, в воскресенье 25 августа кабинеты окружкома были опечатаны. В понедельник комиссия их вскрыла и осмотрела. От первого секретаря окружкома КПСС А. А. Рыбалова потребовали выдать все документы, касающиеся ГКЧП, но отдавать было нечего: никаких секретных директив окружком не получал. Без видимого сопротивления прекратили свою деятельность практически все партийные организации округа. Например, в Сургутском горкоме в понедельник 26 августа запасный вход на этаж был «опечатан», точнее, просто закрыт вмонтированной в ручку ножкой стула. Центральный же вход был под надежной охраной двух сотрудников внутренних дел. Здесь, в обычном рабочем кабинете управляющего делами горкома КПСС В. П. Крайнова находились представители депутатской комиссии, сформированной по распоряжению председателя горсовета А. Е. Лошакова. Только В. П. Крайнов заметил, что эксцессы могут бросить тень на горком, который будет обвинен в подстрекательстве. Охрана,

[383] О приостановлении деятельности компартии РСФСР: Указ Президента РСФСР от 23.08.91 № 79 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 24. Ст. 1140.

[384] Об имуществе компартии РСФСР: Указ Президента РСФСР от 25.08.91 № 90 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1164.

похоже, устраивала обе стороны[385]. Впоследствии городская комиссия признала, что действия городских коллегиальных органов власти в дни ГКЧП были правомочными, а городской комитет партии бездействовал.

В Ханты-Мансийске в связи с Указом Президента РСФСР о прекращении деятельности КПСС первичным партийным организациям было рекомендовано самостоятельно с учетом конкретных условий определить наиболее приемлемые варианты своей деятельности: по профессиональному признаку — на территории города, по месту жительства — на базе микрорайонов, на территории населённых пунктов, а также другие варианты и их сочетания. Таким образом, руководство горкома отказалось от «руководящей и направляющей» функции, прекратило оказывать какую-либо помощь партийным организациям города. Более того, бюро горкома КПСС в связи с этими событиями и по причине отсутствия собственной материальной базы приняло решение ликвидировать аппарат горкома с 23 сентября 1991 г.[386]

Созданная комиссия по расследованию причастности окружных парторганов к деятельности ГКЧП не выявила нарушений закона. Председатель окружной комиссии по расследованию Г. Тихонов сообщил, что не было выявлено никаких документов, а также действий со стороны работников аппарата, указывающих на их причастность к деятельности ГКЧП[387]. Вывод комиссии подтвердил, что окружная партийная организация, ее аппарат на местах не оказались замешанными ни в чем предосудительном.

Весьма интересным вопросом является сюжет о дальнейшей судьбе имущества партии в Ханты-Мансийском автономном округе. Имущество КПСС и КП РСФСР на территории РСФСР передавалось в собственность государства. Соответствующим государственным органам исполнительной власти, субъектам в составе РСФСР было предписано принять необходимые меры по незамедлительному и исчерпывающему исполнению настоящего указа. После этого были приняты распоряжения региональных и местных органов власти по вопросу о передаче имущества компартии в фонды социальной защиты[388].

После упразднения органов компартии в целом общественно-политическая обстановка в округе оставалась спокойной. Но вопросы о судьбе работников партийных структур и имуществе партии нередко поднимались на страницах печати. Порой они приобретали анекдотические формы. Например, Няганьский горсовет и горком КПСС располагались в одном здании. Партийные кабинеты передали Совету. В окружкоме КПСС была уверенность, что вместе с кабинетами в новый штат перейдет и уборщица. Но оказалось «партийная» уборщица не подошла советским функционерам. Они заявили, что возьмут другую[389].

В Ханты-Мансийске под предлогом выполнения Указа Президента РСФСР Б. Н. Ельцина «Об имуществе КПСС» по решению облисполкома фонды библиотеки Дома политпросвещения передали окружной библиотеке, а помещение освободили для отдела культуры. Но в окружной библиотеке не оказалось свободного места для литературы. Таким образом, един-

---

[385] Кондрякова Г. Горком закрыт. Все ушли домой // Сургутская трибуна. 1991. 28 августа. С. 1.

[386] ГАСПИТО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 1342. Л. 24, 29.

[387] Донская О. Дело ГКЧП. Наши не причастны? // Новости Югры. 1991. 21 сентября. С. 1.

[388] Распоряжение № 184-рп / 215-р от 29 декабря 1991 г. и. о. Председателя Тюменского областного Совета народных депутатов В. В. Ульянова и Главы администрации Тюменской области Ю. К. Шафраника // Тюменская правда. 1992. 9 января. С. 1.

[389] Рыбалов А. А. Диалоги // Новости Югры. 1991. 21 сентября. С. 4.

ственная в городе библиотека общественно-политической тематики прекратила свое существование[390]. Сургутский городской Совет народных депутатов принял решение передать транспорт горкома партии горисполкому, а помещение горкома передали райисполкому[391].

Но, пожалуй, самое заметное возмущение по вопросу «экспроприации» партийного имущества наблюдалось в г. Нижневартовске. Местный городской Совет народных депутатов 25 сентября 1991 г. принял решение передать здание горкома партии по адресу Проспект Победы, 4 в полное хозяйственное ведение городского народного суда; гаражные помещения распределить между горисполкомом, горсоветом, райисполкомом и горнарсудом[392].

Однако такое решение вызвало протест со стороны руководителей бывшего горкома партии. В городской Совет поступило обращение первого секретаря Нижневартовского горкома КПСС А. В. Смирнова. В нем он излагал свое несогласие с приемом в собственность горсоветом имущества КПСС. В письме он указал ряд причин, по которым считал такое решение незаконным. В частности, он отмечал, что 15 августа 1990 г. исполком решил зарегистрировать Нижневартовскую городскую партийную организацию как составную часть КПСС, которая действует на территории города в рамках устава КПСС. Партийные комитеты осуществляли оперативное управление имуществом. А. В. Смирнов указывал, что в Уставе КПСС (раздел 3 «Организационное строение партии» § 16) сказано: КПСС строится по территориально-производственному принципу, и основу партии составляют первичные организации, которые создаются по месту работы или жительства коммунистов. На 9 октября 1991 г. была назначена городская партийная конференция по изменению структуры городской парторганизации. Также А. В. Смирнов считал, что Указ Президента от 23 августа 1991 г. представляет собой огульное обвинение в адрес миллионов честных коммунистов страны[393].

В своей аргументации он подчеркивал, что органами прокуратуры и депутатами горсовета обвинения в адрес горкома партии в том, что он поддерживал антиконституционный путч, не предъявлены. ГК КПСС осуществлял свою деятельность в соответствии с конституциями СССР и РСФСР. Нижневартовский городской комитет КПСС осудил действия тех руководителей государства и партии, которые стали участниками заговора. Нижневартовский горком КПСС свою деятельность не прекратил, а приостановил. Поэтому А. В. Смирнов считал, что президентские указы не соответствовали конституциям СССР и РСФСР и требовал отменить решение, где имущество ГК КПСС признано противозаконным[394].

Ответ первый секретарь Нижневартовского горкома КПСС А. В. Смирнов получил от прокурора города А. В. Ануфриева. В нем констатировалось, что решение об имуществе горкома КПСС было принято в соответствии с Указом Президента РСФСР № 90 от 25.08.91 «Об имуществе КПСС и КП РСФСР». Указ Президента РСФСР, в соответствии с 8-й статьей Закона РСФСР «О Президенте РСФСР», мог быть отменен съездом народных депутатов РСФСР или Верховным Советом РСФСР. А до такого решения Указ Президента РСФСР № 90 должен был исполняться в обязательном порядке[395]. Любые робкие попытки восстановить работоспособность партийных структур на местах решительно пресекались.

---

[390] Косак А. Выселяют библиотеку // Новости Югры. 1991. 14 сентября. С. 1.

[391] МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 534. Л. 132.

[392] АОАГН. Ф. 48. Оп. 1. Д. 947. Л. 305, 308.

[393] АОАГН. Ф. 48. Оп. 1. Д. 816. Л. 196.

[394] АОАГН. Ф. 48. Оп. 1. Д. 816. Л. 197–198.

[395] АОАГН. Ф. 48. Оп. 1. Д. 816. Л. 193.

В конце 1991 г. в процессе разделения исполнительных и представительных функций между администрацией и Советом народных депутатов округа прошла завершающая структурная трансформация органов власти. В составе Совета был ликвидирован президиум, вместо которого образован малый Совет. В связи с назначением главы администрации округа были прекращены полномочия исполнительного комитета Совета, а также утверждена структура администрации округа со штатной численностью 305 чел[396]. Несмотря на попытки структурно-функционального усовершенствования института советов, в этот переходный период администрация перехватила инициативу по формированию новой системы управления регионом.

Таким образом, несмотря на имеющиеся трудности в ключевых отраслях экономики автономного округа, отставание в развитии социальной инфраструктуры от потребностей быстрорастущего населения, начало перестройки было воспринято с воодушевлением и большими надеждами на скорейшее улучшение жизни. В атмосфере эмоционального подъема в округе активизировалась работа по совершенствованию подходов к управлению партийными комитетами. Активное применение новых демократических методов в политической и идеологической работе и рост партийных структур позволили на время продемонстрировать укрепление позиций КПСС.

Однако начавшаяся внутрипартийная дискуссия о недостатках и проблемах деятельности КПСС, критика организационных основ партийной жизни, острая полемика в региональных СМИ внесли в жизнь югорчан элементы идейной дезориентации. Появились упаднические настроения, пассивность рядовых коммунистов и разложение партийного единства, а также ориентированных на КПСС советских органов и общественных структур: комсомола и профсоюзов. А резко изменившаяся политическая ситуация 1991 г. ускорила процессы ликвидации партийных структур и начало формирования новых общественно-политических институтов на территории автономного округа.

[396] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1849. Л. 43–49.

Часть 2

Экономика округа в процессе нефтегазового освоения

Глава 1

Поисково-разведочные работы на нефть и газ на территории Югры в 1953–1991 гг.

Открытие Берёзовского газового месторождения сыграло решающую роль в активизации поисково-разведочных работ на территории Ханты-Мансийского округа и кардинальном изменении географии поиска. «Берёзовский фонтан, — отмечал министр геологии СССР в 1975–1989 гг. Е. А. Козловский, — практически спас положение дел — он позволил продолжить геологоразведочные работы в регионе. Следует признать, что не будь этого открытия, поисково-разведочные работы были бы свернуты на долгие годы. Открытие Берёзовского газа предельно повысило веру в ранее только предполагаемую перспективу Западно-Сибирской провинции, оно способствовало резкому увеличению объёмов геологоразведочных работ, укреплению кадрового состава, лучшему обеспечению партий и буровых бригад техникой, оборудованием. Геологи стали “оживать”»[1].

В дискурсе об открытии Берёзовского месторождения полемическую остроту приобрели два основных вопроса: о его «случайности» и значении в открытии Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. Стоит отметить, что открытие газа в Сибирском Приуралье стало сенсацией в геологической среде, поскольку на протяжении 1948–1953 гг. основной объём разведочных работ был выполнен в южной части Западно-Сибирской низменности, а месторождение открыли на северо-западе территории. Это обстоятельство послужило основанием для заключения, что «фонтан газа в Берёзове является случайностью и приятной неожиданностью, как для геологов-практиков, так и для геологов-учёных»[2]. При этом авторы многих работ, акцентируя внимание на случайности появления берёзовского газа, как правило, имеют в виду тот факт, что газовый фонтан был получен из скважины, место бурения которой по инициативе начальника Берёзовской партии А. Г. Быстрицкого было перенесено. По мнению самого Быстрицкого, это было сделано из соображений удобства проведения работ и минимизации затрат, что было вполне допустимо, поскольку разница в километр-полтора в данном случае особой роли не играла[3].

---

[1] Козловский Е. А. Уроки великой войны. Геология и национальная безопасность. М., 2009. С. 181–182.

[2] Геологическое строение и перспективы нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности / под ред. Н. Н. Ростовцева. Л., 1958. С. 253.

[3] Разбудившие землю. Документальная повесть о первооткрывателях тюменской нефти и газа. Свердловск, 1965. С. 44.

Рис. 2.1. Нефть Сибири. Автор: Александр Птицын. Золотая медаль выставки «50 лет Октября» (Москва, 1967), бронзовая медаль «Интерпрессфото-77». Из открытых источников

Если бы скважина была пробурена в первоначальном месте, считал начальник Тюменского геологического управления Ю. Г. Эрвье, то она дала бы только воду. Как известно, Эрвье был противником реализации в Западной Сибири плана опорного бурения и называл скважины, которые бурились без достаточных геолого-геофизических обоснований, «дикими кошками»[4]. «Переоценка значения опорного бурения и недооценка предварительного изучения территории региональными геофизическими методами принесли государству не пользу, а вред», — резюмировал он[5].

Получалось, что «не предвидение учёных-геологов, а *простой случай* привел к открытию Берёзовского месторождения газа»[6]. Этот вывод был растиражирован во многих публикациях. Однако документы, связанные с проводкой скважины, свидетельствуют об обратном. Берёзовская площадь была определена к бурению в генеральном плане опорного бурения ВСЕГЕИ 1950 г., намечена к бурению Межведомственным учёным советом по опорному бурению согласно рекомендации Технического совета Министерства геологии СССР и геологическому обоснованию треста «ЗапСибнефтегеология». Положение Берёзовской структуры и место заложения Берёзовской опорной скважины было уточнено в результате полевых исследований, проведенных сотрудниками Западно-Сибирской экспедиции ВСЕГЕИ И. Н. Казаковым и П. Ф. Ли. Акт о заложении скважины был подписан начальником Берёзовской

[4] Эрвье Ю. Г. Сибирские горизонты. Екатеринбург, 1999. С. 67.

[5] Разбудившие землю. Документальная повесть о первооткрывателях тюменской нефти и газа. Свердловск, 1965. С. 19.

[6] Разбудившие землю. Документальная повесть о первооткрывателях тюменской нефти и газа. С. 18.

Рис. 2.2. Александр Григорьевич Быстрицкий — начальник Берёзовской геологоразведочной партии. Нач. 1950-х гг. Музейный фонд РФ. Госкаталог

партии А. Г. Быстрицким, геологом А. Г. Дунаевским, старшим инженером по бурению Б. С. Орловым и утвержден главным геологом треста «ЗапСибнефтегеология» И. П. Карасевым. 1 июля 1952 г. «точка» в натуре была указана А. Г. Быстрицким мастеру буровой В. В. Барышеву.

В апреле 1953 г. за якобы «самовольный» перенос первоначально намеченного места бурения А. Г. Быстрицкий был освобожден от должности начальника Берёзовской партии. Такое запоздалое (спустя девять месяцев!) наказание за проявленное самовольство сын А. Г. Быстрицкого объясняет тем, что скважина оказалась «сухой», и для людей из органов, не знающих геологию, все выглядело как вредительство. И только удаленность Берёзово от областного центра и отважное заступничество секретаря райкома Шестакова, который обрадовался, что скважину не будут бурить на территории больницы, как планировалось, позволило отцу избежать ареста и статуса «врага народа»[7]. При отсутствии данных сейсморазведки перенос был выполнен «геологически абсолютно осознано и в инженерном смысле грамотно», согласован с местными партийными властями и утвержден вышестоящим начальством. Таким образом, ни о каком «самоуправстве», упомянутом в многочисленных мемуарах, речь не может идти, — считает Г. А. Быстрицкий[8].

Рис. 2.3. А. Г. Быстрицкий. 1960-е гг. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Персонализация открытия Берёзовского газа на первый взгляд кажется вполне оправданной. Однако, по нашему мнению, стоит согласиться с мнением Н. Н. Ростовцева, утверждавшего, что на самом деле получение Берёзовского фонтана «является не заслугой какого-либо лица, удачно наметившего точку под опорную скважину, так как эта точка могла быть впоследствии и смещена, а результатом правильного общего направления работ, выразившегося в бурении целой сети

[7] Быстрицкий Г. А. Игра без правил // Энергия Ямала / сост. А. М. Брехунцов, В. Н. Битюков. Тюмень, 2000. С. 563.

[8] Быстрицкий Г. А. Мальбрук в поход собрался… // Тюменский курьер. 2011. 25 авг.

опорных скважин, более или менее равномерно размещенных на всей территории Западно-Сибирской низменности»[9]. Причем, в случае смещения места заложения скважины хотя бы на два километра южнее, где позже бурилась вторая роторная скважина, удалось бы избежать и аварийного фонтанирования, а полученные данные, несомненно, *доказали бы наличие газовой залежи*[10].

Рис. 2.4. Берёзовская опорная скважина — ударил газовый фонтан. Сентябрь 1953 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

«Случайно» ли был открыт Берёзовский газ? — задавался вопросом первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина. «В какой-то мере да, но случай этот не беспричинный, то не была слепая удача. Искатели шли по следу, указанному учёными; не будь фонтана в сентябре 1953 года, он, безусловно, ударил бы из скважины, пробуренной немного позже»[11]. С ним солидарен известный тюменский геолог А. М. Брехунцов: «Про Берёзово порой вскользь говорят: счастливое, но случайное открытие. Нет, не случайное. Оно предопределило дальнейшую тактику, появились предпосылки для системного бурения параметрических скважин. Геологи, уверенные в потаенной мощи Сибири, пошли в Среднее Приобье. До тюменского нефтяного взрыва оставались считанные годы»[12].

Любопытно, что и сам А. Г. Быстрицкий на вопрос, верил ли он в счастливую случайность Берёзовского открытия, отвечал: «Нет, не верил. Слишком много было задействовано научных версий, прогнозов. Притом, очень профессионально велась геофизическая разведка. Вот некоторые утверждают: открытия тюменских геологов — это цепь случайностей. Чепуха! Это закономерность, приведшая к открытию века. В счастливую случайность Берёзовского фонтана я не верил»[13].

---

[9] Сводный геологический отчет «ЗапСибнефтегеологии», Западно-Сибирской комплексной тематической экспедиции и треста «Тюменьнефтегеология» за 1953 г.: Т. 1.: Ч. 2. Ленинград–Новосибирск–Тюмень, 1954. С. 215.

[10] Геологическое строение и перспективы нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности / под ред. Н. Н. Ростовцева. Л., 1958. С. 251.

[11] Комгорт М. В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень, 2008. С. 98.

[12] Меньшиков А. Офицер нефтегазовой гвардии // Литературно-краеведческий альманах. 2014. № 9. (1). С. 221.

[13] Быстрицкий А. В счастливую случайность Берёзовского фонтана я не верил // Московский комсомолец. 2003. 3–10 сент.

Рис. 2.5. Лев Иванович Ровнин, главный геолог треста «Тюменьнефтегеология» и Василий Иванович Кулявин, главный инженер «Главнефтегазразведки» на фоне первого газового фонтана из скважины № 1, п. Берёзово. Сентябрь 1953 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Можно согласиться, что подтверждение нефтегазового потенциала региона могло появиться и позже, однако в тех условиях фактор времени был решающим. Оценивая значение этого открытия, следует признать, что оно явилось весьма своевременным аргументом в споре о перспективах нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности. Как позже признавался академик А. А. Трофимук, если бы не Берёзово, история поиска нефти в Западной Сибири «возможно, на этом бы и закончилась». Берёзовский фонтан «лучше всяких аргументов подействовал на правительственные органы», в результате чего «сплавляемое по рекам на юг геофизическое и буровое оборудование было повернуто на север для усиления поисков газа на отрогах восточного склона Урала»[14]. Уже в начале октября 1953 г. в составе Тюменской геофизической экспедиции на базе партий и кадров бывшей Ханты-Мансийской геофизической экспедиции была организована Берёзовская комплексная геофизическая партия, задачей которой являлось дальнейшее изучение площади.

Является ли открытие Берёзовского газового месторождения свидетельством открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции в целом? Мнения по этому вопросу расходятся. Так, специалисты геологической отрасли в коллективной статье, посвященной открытию, освоению и перспективам провинции, признают, что «открытие провинции произошло 21 сентября 1953 г.»[15]. Этой же точки зрения придерживаются авторы фундаментального издания, вышедшего в 2003 г. и приуроченного к 50-летию открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции[16]. Свидетельством «рождения» новой нефтегазоносной провинции считает Берёзовский фонтан академик В. В. Алексеев[17]. С ним солидарны тюменские историки, полагающие,

[14] Западная Сибирь — крупнейшая нефтегазоносная провинция мира. Этапы открытия и освоения: материалы юбилейной науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 101.

[15] Бочкарев В. С., Бородкин В. Н., Дещеня Н. П., Нестеров И. И. (мл.), Нечипорук Л. А., Кекух С. Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция — открытие, освоение, перспективы // Горные ведомости. 2004. № 2. С. 28.

[16] История геологического поиска. К 50-летию открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. М., 2003. С. 56.

[17] Алексеев В. В. Открытие сибирской нефти // Вопросы истории. 1986. № 5. С. 75.

что планомерное изучение недр Западной Сибири, начатое в 1948 г., привело к открытию в 1953 г. крупнейшей в мире нефтегазоносной провинции[18].

На наш взгляд, при всей значимости данного события, стоит все-таки признать, что Берёзовское месторождение, подтвердив газоносность Сибирского Приуралья, тем самым только положило начало ее открытию. Согласно официальному Заключению комиссии Министерства нефтяной промышленности СССР о состоянии Берёзовской скважины треста «Тюменьнефтегеология», принятому 1 ноября 1953 г., фонтан газа свидетельствовал «о большой перспективности северо-западного борта Западно-Сибирской впадины»[19]. Можно согласиться с мнением авторитетных тюменских геологов, что «первое промышленное месторождение газа было открыто в сентябре 1953 г. в пос. Берёзово, однако определение контуров новой богатейшей нефтегазоносной провинции можно датировать 1961 г., когда промышленная нефть была получена не только в Сибирском Приуралье (Шаимское месторождение), но и в Среднем Приобье (Мегионское месторождение)»[20]. «Открытие века» состоялось в 1961 г. — подтверждает и Ф. Г. Гурари[21].

Также не верифицируется источниками утверждение, что «газ Берёзова поставил последнюю точку в спорах учёных о перспективах Западной Сибири», а геологоразведочные работы, получившие благодаря этому открытию новый импульс, «переместились в Среднее Приобье»[22]. Напротив, открытие Берёзовского месторождения способствовало локализации дальнейшего нефтегазового поиска в районе Приуралья, что, в свою очередь, затормозило освоение центральных районов округа. В результате длительной концентрации работ в Берёзово открытие самой продуктивной части Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции — Широтного Приобья было отложено на многие годы[23].

Масштабные поисково-разведочные работы, проведенные тюменскими геологами в Сибирском Приуралье в 1953–1965 гг., были обусловлены необходимостью выполнения партийно-правительственных постановлений и соответствующих министерских приказов по промышленному освоению Берёзовского месторождения. Подготовка к этому, включавшая в том числе и строительство газопровода Берёзово–Свердловск, определялась Директивами по шестому пятилетнему плану на 1956–1960 гг.[24] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии газовой промышленности и газоснабжения предприятий и городов СССР» (15 августа 1958 г.) ставило в числе прочих задач обеспечение в 1959–1965 гг. прироста промышленных запасов газа по Тюменской области в объёме 100 млрд куб. м[25].

---

[18] Гаврилова Н. Ю., Карпов В. П. Нефтепоисковые работы в Сибири // Словцовские чтения — 2001. Тюмень, 2001. С. 82.

[19] Нефть и газ Тюмени в документах. 1901–1965. Свердловск, 1971. С. 98.

[20] Нестеров И. И., Острый Г. Б., Ростовцев Н. Н., Рудкевич М. Я. Основные проблемы нефтяной геологии в Западно-Сибирской низменности // Проблемы геологии Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции / под ред. Н. Н. Ростовцева. Труды ЗапСибНИГНИ. Вып. 11. С. 410.

[21] Гурари Ф. Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция — открытие века! Новосибирск, 1996. С. 9.

[22] Байбаков Н. К. Дело жизни. Записки нефтяника. М., 1984. С. 268; Карпов В. П. Создание и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.): автореф. дис. … д-ра. ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 25.

[23] Из истории отечественной геологии нефти и газа / под ред. А. Е. Конторовича, А. А. Трофимука, Г. С. Фрадкина. Вып. 1. Новосибирск, 1998. С. 44.

[24] XX съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. II. М., 1956. С. 484.

[25] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 4. М., 1968. С. 446.

На выбор основного направления поиска, сосредоточенного, как выяснилось позже, на периферии нефтегазоносной провинции, повлияла также и «архаичная структура топливного баланса страны», вынуждавшая правительство решать неотложные задачи преодоления «топливного голода» Среднего Урала и Кузбасса в ущерб перспективе[26]. Важным обстоятельством была и ориентация руководства Средне-Уральского совнархоза на максимальное использование месторождений Берёзовского газоносного района. К этому времени оно разработало планы перестройки топливного баланса региона с учетом подачи газа в города северного Урала: Серов, Ивдель, Североуральск, Краснотурьинск, Верхотурье, Качканар, Алапаевск и др.[27]

Длительную концентрацию работ в Сибирском Приуралье, кроме необходимости реализации соответствующих правительственных решений, объясняет и преобладавшее в геологических кругах мнение о наличии в пределах Западно-Сибирской низменности единственного нефтегазоносного этажа — юрского. Поскольку до конца 1950-х гг. на ее территории были выявлены только газовые месторождения, это дало основание ряду учёных сделать вывод о необходимости прекращения поисков нефти в связи с их бесперспективностью и сосредоточиться только на поисках газа[28].

Во второй половине 1950-х гг. основной объём работ треста «Тюменьнефтегеология»» был сконцентрирован в западной части Ханты-Мансийского округа в пределах Берёзовского, Кондинского, Октябрьского и Самаровского районов. В 1957 г. начальник треста Ю. Г. Эрвье с неуверенностью говорил о нефтяных перспективах области. У него не было определенности и относительно возможных нефтеносных районов. Так, наряду с Берёзовским, Микояновским, Уватским, Сургутским и Нахрачинским районами, Ю. Г. Эрвье «не исключал возможность встречи нефтяных залежей в Абатском, Викуловском и Тобольском районах»[29]. Аналогичного мнения придерживались и другие специалисты треста. Так, в январе 1957 г. в письме, адресованном в «Тюменскую правду», главный геолог Л. И. Ровнин и его коллеги утверждали, что прямые признаки нефтегазоносности, обнаруженные в Берёзовском, Уватском, Тобольском и других районах, «вселяют надежду, что в ближайшие годы будут открыты залежи нефти и газа в *более южных* районах Тюменской области»[30].

В плане работ Тюменского геологоразведочного треста на 1958 г., утвержденном Главнефтеразведкой, первоочередными задачами значились: выяснение промышленной газоносности ряда площадей в Берёзовском районе, изучение геологического строения и перспектив нефтегазоносности на площадях, примыкающих к нему, и в Уват-Тобольском районе[31]. Неудивительно, что основная часть доклада Ю. Г. Эрвье на собрании актива Тюменской областной и городской партийных организаций в июле 1959 г. была посвящена доведению разведанных запасов березовского газа до 50 млрд куб. м в рамках реализации подготовленного ВНИИГАЗом технико-экономического обоснования его промышленного использования[32].

---

[26] Панарин С. М. Создание минеральной базы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1961–1975 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995. С. 15.

[27] Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1903. Оп. 1. Д. 115. Л. 124–125.

[28] Западная Сибирь — крупнейшая нефтегазоносная провинция мира. Этапы открытия и освоения: материалы юбилейной науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 101.

[29] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 117. Д. 4. Л. 73.

[30] Тюменская правда. 1957. 8 янв.

[31] Нефть и газ Тюмени в документах. 1901–1965. Свердловск, 1971. С. 143.

[32] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 134. Д. 76. Л. 59–63.

Анализ распределения объёмов разведочного бурения и капиталовложений по управлению на 1958–1959 гг. показывает, что на первом плане по-прежнему был Берёзовский, на втором — Уватско-Тобольский, третьем — Вагайско-Ишимский районы. На них приходилось почти 80% объёма разведочного бурения управления[33]. Ориентация на Берёзово-Игримский район сохранилась и при планировании глубокого бурения на 1960 г.: здесь необходимо было обеспечить в три раза больший метраж, чем во всех остальных районах низменности[34]. Перед геофизической службой управления ставилась задача подготовки в 1960 г. двадцати восьми структур для постановки глубокого разведочного бурения, двадцать четыре из которых приходились на Берёзово[35]. К началу 1961 г. в Сибирском Приуралье были задействованы шесть из восьми экспедиций управления[36].

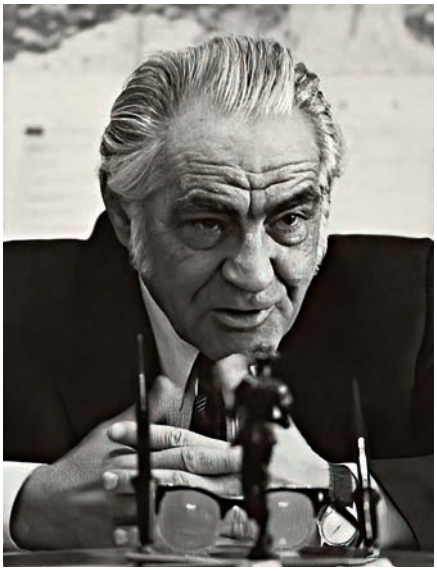


Рис. 2.6. Рауль-Юрий Георгиевич Эрвье — управляющий трестом «Тюменьнефтегеология» (1956–1966), начальник Главного Тюменского геологического управления (1966–1977). 1968 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

По мнению специалистов, Г. Ю. Эрвье, как начальника Тюменского геологического управления, «прочно привязывали к этому району многочисленные постановления, решения партийных и государственных органов. Под березовский газ управлению выделялись немалые финансовые средства»[37]. При обсуждении плана работ организации на 1961 г. он уверенно подтвердил, что «управление идет по правильному пути», выполняя правительственные решения по освоению Берёзовского газоносного района. Он имел в виду прежде всего постановление Совета Министров СССР «Об использовании природного газа Берёзовского газоносного района Тюменской области», принятое 6 июня 1960 г. Документ предусматривал ускорение темпов геологоразведочных работ в районе, завершение разведки Игримского газового месторождения, окончание проектно-изыскательских работ и строительство газопровода Игрим–Серов. К этому времени в Игримской зоне было открыто семь газовых месторождений, запасы самого крупного из них — Южно-Игримского определились в размере 11,5 млрд м^3.

21 июня 1960 г. решением бюро Тюменского обкома КПСС Тюменскому геологическому управлению было предложено принять данное постановление к «руководству и исполнению». Конкретизация постановочных задач означала необходимость доведения запасов природного газа по всем категориям (А+В+С) к 1 январю 1961 г. до 80 миллиардов кубометров, к 1 января 1962 г. — до 120 миллиардов кубометров и к 1 января 1963 г. до 150 миллиар-

---

[33] Колева Г. Ю. История отраслей специализации Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1960–1980-е гг.). Тюмень, 2007. С. 40.

[34] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 115. Л. 22.

[35] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 67. Л. 113.

[36] Биография Великого Подвига. Тюменская геология: Годы. Люди. События (1953–2003) / сост. В. М. Калин. Екатеринбург, 2003. С. 15.

[37] Биография Великого Подвига: Тюменская геология: Годы, люди, события (1953–2011). Тюмень, 2011. С. 38.

Рис. 2.7. Лев Иванович Ровнин — главный геолог треста «Тюменьнефтегеология» (1953–1958), главный геолог, заместитель начальника Главного Тюменского геологического управления (1958–1966), министр геологии РСФСР (1970–1987). Музейный фонд РФ. Госкаталог

дов кубометров. К концу 1960 г. управление должно было закончить разведку Игримского месторождения и подготовить не менее 25 миллиардов кубометров газа для утверждения в Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых, в том числе не менее 15 миллиардов кубических метров газа категорий А+Б[38].

В этих обстоятельствах становится понятной и позиция главного геолога управления Л. И. Ровнина, который, не отрицая перспективности всей Тюменской области, в то же время считал необходимым в ближайшие два года «сконцентрировать основные объёмы работ вдоль трассы будущего газопровода»[39]. «Нам нужен газ в Зауралье… Поиски месторождений в этой зоне — задача номер один», — убеждал он делегатов партийно-хозяйственного актива Тюменского геологического управления в феврале 1961 г. Стоит отметить, что позже, в своих воспоминаниях, Л. И. Ровнин отмечал, что он тогда уже понимал, что «главное там, на севере, а березовский газ не имел перспектив развития, не было крупных поднятий»[40].

Серьезным предупреждением геологам в случае невыполнения правительственных решений прозвучало выступление на активе зампредседателя Средне-Уральского СНХ Е. И. Голдырева: «Если в ближайшее время запасы тюменского газа не будут увеличены до необходимого объёма, то придется строить газопровод Газли–Свердловск»[41]. В решении коллегии Министерства геологии и охраны недр СССР в августе 1961 г. отмечалось невыполнение Тюменским геологическим управлением практических задач по приращению запасов газа промышленных категорий в Берёзовском районе, предусмотренных правительственным постановлением от 6 июня 1960 г. Первоочередной задачей управления на 1962–1963 гг. министерство определило «выявление новых месторождений газа в районе Казымского и Шухтунгортского поднятий, районах, прилегающих к Игримскому и Похромскому месторождениям»[42].

На длительную локализацию поисково-разведочных работ в Берёзово-Шаимском районе, несомненно, повлияло и проектирование Нижне-Обской ГЭС. Государственная экспертная комиссия при Госплане СССР в июле 1963 г. представила заключение, в котором было предложено до разработки генеральной схемы комплексного освоения природных ресурсов Тюменской области форсировать геолого-поисковые работы в районах Нижней Оби, максимально сосредоточив все силы и средства на участке Ханты-Мансийск — Берёзово. По мнению экспертов, определяющим при оценке необходимости строительства ГЭС должно было

[38] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 150. Д. 37. Л. 34.

[39] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 115. Л. 124–125.

[40] Ровнин Л. И. Есть шанс вновь удивить мир // Кристалл. Региональный научно-популярный журнал. 2004. Сент. С. 37.

[41] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 150. Л. 88, 108.

[42] Нефть и газ Тюмени в документах. 1901–1965. Свердловск, 1971. С. 225.

стать доказанное отсутствие в данной зоне нефтяных и крупных газовых месторождений. В заключении также предлагалось усилить проектные и строительные работы по освоению месторождений Берёзовского газоносного района, а заполнение водохранилища построенной ГЭС предусмотреть только после отработки запасов, попадающих в его ложе. Основные капиталовложения, предназначенные для развития добычи нефти в Тюменской области, комиссия считала нужным направить, в первую очередь, на работы по освоению Средне-Обского нефтеносного района[43].

В июне 1964 г. в Тюмени была проведена выездная сессия Технического совета Газпрома СССР по вопросу развития газовой промышленности Тюменской области. В докладе «О направлении геологоразведочных работ на газ в Тюменской области и перспективах прироста запасов газа на 1965–1970-е гг.» главный геолог ТТГУ Л. И. Ровнин подтвердил, что с целью подготовки промышленных запасов газа и обеспечения проектной мощности газопровода Игрим-Серов «основной объём разведочного метража на газ на 1964–1965 гг. будет сосредоточен в Берёзовском газоносном районе». На 1964–1970 гг. здесь планировалось пробурить 435 тыс. м и обеспечить прирост запасов газа в объёме 102 млрд куб. м[44].

Спустя десять лет после открытия Берёзовского месторождения были введены в эксплуатацию первая промысловая скважина и газопровод протяженностью 12 км, построенный для газификации промышленных предприятий посёлка, в том числе консервного комбината, кирпичного завода, пекарни и восьми квартир. Поскольку запасы газа в самом Берёзово оказались недостаточными для магистрального газопровода, в конце 1963 г. было начато сооружение газопровода Игрим — Серов. Задержка с началом его строительства объяснялась, в том числе и тем обстоятельством, что долго не могли определиться с оптимальным вариантом транспортировки сибирского газа. В частности, обсуждался вопрос сжижения его на месте и перевозки в цистернах. Специалисты отмечают, что с использованием запасов газа Берёзово-Игримской группы сложилась «парадоксальная, странная и непонятная ситуация». А когда в 1966 г. с немалыми трудностями построили первый в области магистральный газопровод Игрим–Серов оказалось, что «потребители газ… не ждали!»[45].

Занятые на трассе газопровода строительные организации столкнулись с серьёзными природными, организационными и техническими проблемами. Как признавался заместитель министра газовой промышленности Ю. И. Боксерман, «даже в пустынях Кузылкумы и Каракумы ничего похожего не пришлось преодолевать, как приходится преодолевать при сооружении газопроводов и нефтепроводов в Тюменской области»[46]. В марте 1966 г. газопровод Игрим — Серов протяженностью 528 км был введен в строй, в сентябре он был продлен до Нижнего Тагила и закольцован с газопроводом Бухара-Урал.

Таким образом, расчеты на открытие крупных месторождений в Сибирском Приуралье, способных обеспечить планируемый прирост промышленных запасов газа, не оправдались. В 1953–1963 гг. в результате интенсивных поисково-разведочных работ в Берёзовском

---

[43] Комгорт М. В. Сибирская нефть против «Сибирского моря» (к истории проектирования Нижне-Обской ГЭС) // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времен до наших дней: материалы IX Сибирского исторического форума. Красноярск, 14–16 сентября 2022 г. / гл. ред. Н. И. Дроздов. Красноярск, 2022. С. 1334.

[44] ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 8. Л. 43 об.

[45] Китаев В. В. Второе дыхание. Свердловск, 1987. С. 53.

[46] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4506. Л. 156.

районе было выявлено двадцать два газовых месторождения с разведанными запасами 200 млрд м^3 [47]. Анализ распределения затрат на различные виды работ по отдельным районам низменности показал, что на протяжении 1953–1960 гг. 22,4% всех капиталовложений было выделено на поиск и разведку месторождений на территории Берёзовского района, где на каждый процент вложений было получено всего 4,3% прироста запасов[48].Только в одном этом районе было сосредоточено более половины общего объёма бурения в низменности[49].

На фоне открытых к этому времени таких газовых гигантов как Шебелинское (527 млрд м^3) и Газлинское (600 млрд м^3) месторождения, весьма небольшие газовые залежи Сибирского Приуралья, к тому же лежащие вдали от потребителей, в необжитом краю с очень суровым климатом, среди болот и тайги, «выглядели не очень-то привлекательно»[50]. Запасы газа Берёзовского месторождения составляли около 4 млрд м^3, Деминского — около 5 млрд м^3, Южно-Алясовского и Северо-Алясовского — около 3,7 млрд ^{3}, Южно-Игримского — 11,5 млрд м^3, Пунгинского — около 50 млрд м^3 [51].

Только в 1965 г. руководство Тюменского геологического управления признало низкую эффективность работ на газ в Берёзовском районе и при планировании объёмов поисково-разведочного бурения на 1966 г. приняло решение резко их сократить и в дальнейшем уже не планировать[52]. Основным перспективным районом для выявления крупных запасов газа была признана северная часть Тюменской области. В соответствии с этим решением в 1966 г. туда было направлено 60% газового метража управления[53].

Время показало, что длительная концентрация основного объёма поисково-разведочных работ в северо-западной части низменности была несомненным просчетом руководства Тюменского геологического управления. Низкая эффективность нефтепоисковых работ на территории Западной Сибири неоднократно подвергалась критике Министерств геологии СССР, РСФСР и Министерства нефтяной промышленности. В частности, министр геологии СССР П. Я. Антропов в январе 1959 г. заключил, что в результате неправильного выбора направления геолого-поисковых и разведочных работ в Сибири практические результаты «оказались несоответствующими затраченным усилиям и средствам»[54]. «Малоэффективными» признал геологоразведочные работы в Сибири и начальник Геологического управления Министерства нефтяной промышленности М. Ф. Мирчинк. По его мнению, разбуривание целого ряда локальных поднятий в южной части Западно-Сибирской низменности, не подготовленных к бурению региональными исследованиями, оказалось «безрезультат-

---

[47] Нестеров И. И., Ростовцев Н. Н., Рудкевич М. Я. Клады земли твоей. Нефть и газ Западной Сибири. М., 1966. С. 24.

[48] Геолого-экономическая эффективность геолого-поисковых и разведочных работ на нефть и газ в Западно-Сибирской низменности / Труды ВНИГРИ. Л., 1963. Вып. 206. С. 144, 146. 148.

[49] Проблемы геологии Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции // Труды Западно-Сибирского научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института (ЗапСибНИГНИ) / под ред. Н. Н. Ростовцева. М., 1968. Вып. 11. С. 215.

[50] Гурари Ф. Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция — открытие века! Новосибирск, 1996. С. 3

[51] Нестеров И. И., Ростовцев Н. Н., Рудкевич М. Я. Нефть Сибири. М., 1963. С. 24–26.

[52] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 487. Л. 1.

[53] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 400. Л. 1, 2, 17.

[54] Комгорт М. В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень, 2008. С. 101.

ным»[55]. Сомнения в необходимости «затрачивать десятки миллионов рублей на нефтепоисковые работы в Сибири» высказывал и начальник Главгеологии РСФСР С. В. Горюнов[56].

Интенсивные поиски новых газоносных структур в Сибирском Приуралье не привели к открытию крупных месторождений газа, зато увенчались открытием нефти. В апреле 1958 г. в Мало-Атлымской опорной скважине в двухстах километрах южнее Берёзово в песчаниках юрского возраста была обнаружена первая непромышленная залежь нефти. Дебит скважины был небольшим: за несколько месяцев удалось накачать только 40 ведер нефти. Однако во многом благодаря этому открытию удалось продолжить нефтяной поиск, который в отличие от поиска газа, многими геологами признавался тогда неперспективным.

Стоит признать, что вопрос о времени открытия первого месторождения, «распечатавшего» недра Тюменской области и подтвердившего потенциальную нефтеносность Западно-Сибирской низменности, не является бесспорным. Принято считать, что *первая промышленная* нефть с суточным дебитом десять-двенадцать тонн была получена из скважины № 7 Мулымьинской площади 25 *апреля 1960 г.* Об этом, в частности, свидетельствует докладная записка Тюменского территориального геологического управления, адресованная в областной комитет партии[57].

Как стало известно позже, во время бурения данной скважины случился конфуз. Вспоминает начальник участка Шаимской НРЭ Г. А. Махалин: «Вызвали приток. Нефть переливает. Шалавин (начальник Шаимской НРЭ — *авт.*) обеспокоен, ему надо сообщать в управление — сколько поступает нефти. Он ходил и искал тех, кто сталкивался в жизни с нефтью. Шалавин работал в Баку, в Грозном, в других районах, но никогда не видел, как по-настоящему переливает, фонтанирует нефть. Это его беспокоило, чувствовалась в нем неуверенность. Все же он решился и сообщил в управление, что скважина дает триста тонн в сутки. Зная, что радиостанции прослушиваются всеми экспедициями, решили дебит зашифровать цифрами на азербайджанском, а вдруг он ошибся? Интуиция его не подвела. Под обрывом реки установили самую большую емкость, проложили к ней трубопровод и стали ждать начальство. Прилетел вертолет. Вышли первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина, начальники Тюменьлеспрома, Тюменьрыбпрома, управления КГБ по Тюменской области и другие сопровождающие лица. Все разместились у берега возле емкости, дали команду открыть задвижку. Нефть потекла в емкость, и все стали друг друга поздравлять, строить планы на будущее. Пока сидели рядом, разговаривали, нефть перестала течь. В чем дело? Кто задвижку перекрыл? Проверили — задвижка открыта. Впоследствии выяснили, что дебит нефти всего три с половиной тонны в сутки, а не триста тонн — как сообщалось. Произошел страшный конфуз. Делегация улетела разочарованная. Шалавину от Эрвье досталось по первое число. Надо было дать скважине поработать, все тщательно замерить, а потом сообщать, — зачем торопиться?»[58]. Пессимисты, не верившие в большую тюменскую нефть, по этому поводу язвили, что нефть на скважину Эрвье привез с собой на самолете[59].

---

[55] Комгорт М. В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень, 2008. С. 101.

[56] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 5. Л. 143.

[57] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 140. Д. 9. Л. 64.

[58] Махалин Г. А. Хроника исторического открытия // Биография Великого Подвига: Тюменская геология: Годы. Люди. События (1953–2011). Тюмень, 2011. С. 28.

[59] 70 лет тюменской геологии: служа Отечеству: в 2 томах. Т. 1 / под общ. ред. А. М. Брехунцова, В. Н. Битюкова. Тюмень, 2018. С. 85.

Рис. 2.8. Трехозерная площадь Шаимского месторождения. Музей геологии, нефти и газа.

Ожидание нефти действительно было настолько большим, что, судя по документам, как минимум дважды до 25 апреля 1960 г. (16 июля и 4 октября 1959 г.), уже сообщалось о получении *первой* в области нефти. В одном случае это следует из контекста доклада Тюменского обкома КПСС на собрании актива областной и городской партийных организаций: «при испытании Мало-Атлымской скважины получена *первая* в области нефть, содержащая до 62 процентов светлых нефтепродуктов»[60]. В другом — об «открытии *первой* тюменской нефти» проинформировала областная газета «Тюменская правда» в номере за 4 октября 1959 г.: «25 сентября на Мулымьинской структуре, вблизи села Шаим, на глубине 1405 метров был открыт нефтеносный пласт, суточный дебит которого по предварительным данным составляет свыше одной тонны легкой нефти». Заключение статьи звучало весьма оптимистично: «Тюменская область в скором будущем может стать новым советским Баку!»[61]. Обратите внимание на даты: открытие случилось 25 сентября, а информация в газете появилась только спустя десять дней. Стоит заметить, что первая скважина на Мулымьинской площади закладывалась с целью выявления именно газовых залежей.

Прошло менее двух месяцев и 20 июня 1960 г. с открытием в Кондинском районе Ханты-Мансийского округа Шаимского нефтяного месторождения с суточным дебитом в 350 т была окончательно подтверждена промышленная нефтеносность региона. С целью дальнейшего разворота поисково-разведочных работ на нефть была создана Шаимская нефтеразведочная экспедиция, которую возглавил М. В. Шалавин. В последующем эта экспедиция станет самой крупной не только в Тюменской области, но и в СССР[62].

Открытие Шаимского нефтяного месторождения развеяло сомнения работников Госплана РСФСР и СССР относительно наличия нефти в Сибири[63]. Шаим действительно «пресек все разговоры о том, нефтеносна ли Западная Сибирь, но вскоре им на смену появились предложения — остановиться на Шаиме...»[64]. А для усиления работ в Шаимском районе — перебросить сюда оборудование из нефтеразведок Среднего Приобья[65]. Наряду с Берёзово, Шаим

[60] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 134. Д. 76. Л. 8.

[61] Тюменская правда. 1959. 4 окт.

[62] Сторожев А. Шаим выбирает сильных // Западная Сибирь: история поиска. С. 94.

[63] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 150. Д. 81. Л. 68.

[64] Огнев И. Постижение открытия // Экономика и организация промышленного производства. 1976. № 3. С. 136–168; № 4. С. 167.

[65] Колева Г. Ю. История отраслей специализации Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1960–1980-е гг.). Тюмень, 2007. С. 43.

Рис. 2.9. На скважине № 6 — первооткрывательнице Шаимского нефтяного месторождения: Г. А. Махалин, Ю. Г. Эрвье, В. В. Ансимов, А. А. Трофимук, Л. И. Кудрявцев. 1960 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Рис. 2.10. Начальник участка бурения Шаимской НРЭ Г. А. Махалин с нефтью скважины № 6. Музей геологии, нефти и газа

Рис. 2.11. Первая нефть Шаима. Бакенщики Самаровского обстановочного участка Иртышского пароходства Г. Какшеров, Г. и А. Вискуновы у нефтяного озера. 1960 г. Музей геологии, нефти и газа

Рис. 2.12. Мальчику наливают нефть в бутылку. Шаимское месторождение. 1964 г. Музей геологии, нефти и газа

стал очередным приоритетным районом для Тюменского геологического управления. Если в 1959 г. удельный вес Шаимского района в общей проходке по низменности составлял немногим более 1%, то уже на следующий год после открытия здесь первого нефтяного месторождения достиг 17,6%[66].

По воспоминаниям одного из участников партийно-хозяйственного актива Тюменского геологического управления в феврале 1961 г., из общего характера выступлений руководства управления становилось ясно, что по-прежнему «все силы будут сконцентрированы в Берёзовском газоносном районе… Одновременно планировалось увеличить объёмы поисково-разведочных работ в Шаимском нефтеносном районе. Концентрация поиска в западной Приуральской части Западной Сибири предусматривала свертывание нефтепоисковых работ в Широтном Приобье»[67]. Не соглашавшиеся с этой позицией геологи говорили о необоснованно большом объёме работ в Шаимском районе, дискриминации северных разведок, не получавших необходимого оборудования и материалов, по-прежнему уходивших в Берёзово и Шаим[68]. Передислокация техники и ресурсов в Кондинский район свидетельствовала, что «над работами в Приобье реально нависла угроза закрытия»[69].

В этой ситуации забили тревогу и учёные, поскольку концентрация разведки в Берёзовском и Шаимском районах происходила за счет сокращения опорного бурения и геофизических исследований в центральной части низменности. В начале 1961 г. начались разговоры о ликвидации экспедиций,

---

[66] Комгорт М. В. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень, 2008. С. 103.

[67] Запивалов Н. П. О Николае Никитиче Ростовцеве — выдающемся геологе и учителе // Горные ведомости. 2007. № 8.

[68] ГАТО. Ф. 1903, Оп. 1. Д. 150. Л. 86, 113, 58.

[69] Черное золото Югры. Фотоальбом / авт. текста Ю. И. Переплеткин. Тюмень, 2008. (б/с).

работавших в Сургутском и Нижневартовском районах[70]. В то же время в экспедиции, работавшие в Берёзово-Шаимском районе, было направлено более 90% тракторов и вездеходов и 75% станков для сейсморазведочного бурения, полученных Тюменским геологическим управлением[71]. По признанию начальника Сургутской экспедиции Ф. К. Салманова, именно это стало причиной плохого материально-технического снабжения экспедиции, в результате которой произошла «задержка» с открытием мегионской нефти. «Сначала нас передавали из Новосибирска; шло время, — пишет он, — а потом и тюменцы не дали нам трубы («своим» не хватало), и мы стояли почти год»[72]. Все чаще стали раздаваться призывы расформировать Сургутскую экспедицию и некоторым ее руководителям переехать в Шаим[73]. «Создавалась нервозная ситуация в коллективе, — дополняет картину происходящего коллега Ф. К. Салманова Е. П. Малых, — в верхах уже стали всерьез поговаривать о бесперспективности поисково-разведочных работ в районах Среднего Приобья. Хору неверующих стали подпевать и люди с учёными степенями. Одно время все висело на волоске. Поступи тогда приказ о закрытии нефтеразведки и неизвестно еще, когда бы случилось открытие Третьего Баку»[74]. Несмотря на эти обстоятельства, а также «постоянный недостаток в обеспечении материально-техническими ресурсами, в финансировании, в специалистах Сургутская экспедиция продолжала наращивать объёмы геологоразведочных работ»[75].

Рис. 2.13. Бригада бурового мастера Семена Никитича Урусова. 1963 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Рис. 2.14. Фарман Курбанович Салманов — начальник Сургутской комплексной геологоразведочной экспедиции (с 1959 г.), главный геолог (1970–1978), начальник Главтюменьгеологии, заместитель министра геологии СССР (1987–1991). 1960-е гг. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Об условиях жизни и работы геологов этого периода можно составить представление на основе воспоминаний старшего инженера-геолога Усть-Балыкской партии глубокого бурения

---

[70] Ростовцев Н. Н. Север зовет // Тюменская правда. 1966. 9 авг.

[71] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 150. Л. 18.

[72] Открытые горизонты. Т. 5 / сост. А. М. Брехунцов, В. Н. Битюков. Тюмень, 2005. С. 90.

[73] Биография Великого Подвига: Тюменская геология: Годы. Люди. События. (1953–2011). Тюмень, 2011. С. 273.

[74] Первопроходцы — события, время, геологи, люди, годы...: сб. / сост. А. К. Ягафаров. Тюмень, 2017. С. 101.

[75] Ким Анатолий Индекович — эпоха и легенда геологии. Салехард, 2019. С. 20.

А. И. Кима, семья которого с маленьким сыном август 1962 г. прожила на барже, затем до октября в палатках, а зиму 1962 г. вплоть до осени 1963 г. — в вагоне типа ППВТ и только после этого переехала в барак на шесть семей. «Не забыть мне, — пишет сын Анатолия Индековича, — и обеды на буровой в самый разгар зимы — работы нельзя было остановить ни на час, все замерзало на ходу. Еду тоже готовили на ходу: в одном ведре варилась тушенка с картошкой, в другом — чай со сгущенным молоком. Только перед разливанием по мискам повар должен был не забыть вытащить из ведер разрубленные пополам жестяные консервные банки, отправленные до варки в ведро в замороженном виде! Хлеб тоже рубился топором, а потом уже каждый или грел свой кусок, или грыз так, мерзлым! Ворчали, ругались, но работу не прекращали»[76].

Как и в случае с Берёзово, Тюменское геологическое управление было связано производственными обязательствами по ускорению разведки Шаимского нефтяного месторождения соответствующим постановлением обкома КПСС от 4 июля 1960 г. Тем более, что в этом документе Ю. Г. Эрвье в составе группы ответственных работников было поручено подготовить записку в ЦК КПСС по вопросу его промышленного освоения[77]. Проект постановления «О мерах по ускорению подготовки к использованию промышленных запасов нефти Шаимского месторождения Тюменской области», направленный Тюменским обкомом в Бюро ЦК КПСС по РСФСР, предусматривал усиление геологоразведочных работ в Шаимском районе, выделение техники и оборудования геологическому управлению, проведение проектно-изыскательских работ по строительству нефтепровода, развитию железнодорожного, автомобильного, речного транспорта и др.[78]

Постановление не было принято по причине отсутствия достаточной геологической информации по промышленным запасам нефти в регионе[79]. При этом стоит заметить, что для обеспечения испытания нефтяных скважин Шаимской площади уже начиная с 1961 г. Тюменский совнархоз предусматривал отправку нефти на Омский нефтеперерабатывающий завод в объёме 30 тыс. т, с последующим увеличением в 1962 г. до 60 тыс., в 1963 г. — до 90 тыс., в 1964 г. — до 120 тыс. т.[80] В письме, адресованном заместителю председателя ВСНХ А. Т. Шмареву, заместитель председателя Тюменского совнархоза С. А. Афанасьев просил «обязать Омский совнархоз к навигации 1963 г. подготовиться к приему тюменской нефти», добытой в ходе пробной эксплуатации Шаимского месторождения[81].

Из выступления Эрвье на пленуме Тюменского обкома КПСС в июне 1965 г. становилось очевидно, что для него вопрос о том, где и как усиливать работу, был «совершенно ясен — во-первых, Шаим…»[82]. В 1966 г. из пяти экспедиций треста «Обьнефтегазразведка» (Вахской, Мегионской, Сургутской, Усть-Балыкской и Шаимской) в последней было занято 1600 работников, что составляло почти половину численности треста. На Шаимский район приходился и самый большой метраж поисково-разведочных работ управления — 100 тыс. м.

---

[76] Ким Анатолий Индекович — эпоха и легенда геологии. Салехард, 2019. С. 26, 28.

[77] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 150. Д. 39. Л. 31–32.

[78] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 21. Д. 309. Л. 144–145.

[79] РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 21. Д. 309. Л. 46–47.

[80] ГАТО. Ф. 1724. Оп. 1. Д. 749. Л. 70.

[81] ГАТО. Ф. 1724. Оп. 1. Д. 753. Л. 67.

[82] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4506. Л. 144.

Для сравнения: в Усть-Балыкском районе — 61 тыс. м, Сургутском — 51 тыс. м, Мегионском — 50 тыс. м, Вахском — 20 тыс. м[83].

По мнению главного геолога Шаимской НРЭ А. Д. Сторожева, повышенное внимание руководства управления к району работ экспедиции объяснялось теми обстоятельствами, что в Шаиме можно было быстрее подготовить месторождения к вводу в разработку, нефть по своему качеству превосходила Мегионскую и Усть-Балыкскую и к тому же он был в два раза ближе к Тюмени, крупной железнодорожной станции. Поэтому было принято решение ускорить разведку шаимских месторождений с целью подготовки запасов нефти к защите в ГКЗ. Объем разведочного бурения был доведен до 110 000 м[84].

Берёзовская и Шаимская экспедиции (последняя была самой крупной не только в Тюменской области, но и в СССР) стали настоящими «кузницами» кадров для тюменской геологоразведки. «Все мы вышли из Берёзово» — так могли сказать о себе вслед за А. Г. Быстрицким многие геологи, начинавшие свою производственную деятельность в Берёзовской экспедиции[85]. «Большинство молодых специалистов, — пишет И. Я. Гиря, один из геологов так называемого «березовского призыва», — направлялось в Берёзово, Нарыкары, где проходили трудную школу… Молодым инженерам, техникам доверяли самые ответственные участки работы. Доверие обязывало, и мы полностью отдавались работе. Допускали и промахи, но учились на собственных ошибках. И не зря абсолютное большинство молодых специалистов, прибывших в Берёзово в 1954–1962 годах, стали затем крупными специалистами, золотым фондом Тюменской геологии. Из этих специалистов затем комплектовались вновь создаваемые геологоразведочные экспедиции Среднего Приобья и Заполярья»[86]. По мнению Ю. Г. Эрвье, «значительная часть руководителей Тюменского геологического управления и десять из тридцати буровых мастеров прошли через Берёзовскую экспедицию»[87].

В то время как во второй половине 1950-х гг. в западных районах Ханты-Мансийского округа были сконцентрированы основные капиталовложения, материальные и кадровые ресурсы Тюменского геологического управления, новосибирские геологи активизировали нефтяной поиск в районе Среднего Приобья. По установленному в 1955 г. Министерством нефтяной промышленности разграничению, трест «Тюменьнефтегеология» должен был проводить геологоразведочные работы на нефть и газ в южных районах Тюменской области и на территории Ханты-Мансийского автономного округа до 72-го меридиана на западе и 64-й параллели на севере. К востоку и северу от данных координат на территории Тюменской области, в том числе и в районе среднего течения Оби, нефтепоисковые работы проводило Новосибирское геологическое управление.

---

[83] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 487. Л. 2, 13.

[84] Сторожев А. Д. Это были удивительные годы…/ Кристалл. Региональный научно-популярный сборник. 2006. Сент. С. 17.

[85] Прищепа А. И. Берёзовское месторождение в истории цивилизационного обновления Ханты-Мансийского национального округа: к вопросу о ее периодизации // Сб. материалов Всерос. науч. конф., посвященной 90-летию Ханты-Мансийского округа — Югры. Сургут, 2021. С. 93.

[86] Гиря И. Я. Трудное право первых // Энергия Ямала / сост. А. М. Брехунцов, В. Н. Битюков. Тюмень, 2000. С. 147.

[87] Прищепа А. И. Берёзовское месторождение в истории цивилизационного обновления Ханты-Мансийского национального округа: к вопросу о ее периодизации // Сб. материалов Всерос. науч. конф., посвященной 90-летию Ханты-Мансийского округа — Югры. Сургут, 2021. С. 95.

В октябре 1957 г. Главгеология РСФСР уточнила границы работ трестов «Тюменьнефтегеология», «Сибнефтегеофизика», «ЗапСибнефтегеология» и Красноярского геологического управления в пределах Тюменской области на 1958 г. Севернее 64 параллели и на восток от 72 меридиана поисковые работы по-прежнему должны были осуществлять тюменцы, на участке Тюменской области между 62 и 64 параллелями и восточнее 72 меридиана — геологи и геофизики новосибирских трестов[88].

Судя по воспоминаниям тюменских геологов, у них была масса претензий к Новосибирску. Как пишет Ю. Г. Эрвье, «обеспечивались нефтеразведочные работы очень плохо, работы велись медленно». По этой причине, продолжает автор, «в Тюменский обком непрерывным потоком шли жалобы, и немудрено: за два года (1957–1959 гг. — *авт.*) никто из руководителей Новосибирского геологического управления не побывал в районе разведочных работ»[89]. Аналогичные претензии новосибирцам, которые «явно не спешили с организацией глубокого бурения в Сургуте», предъявляют и историки[90]. По их мнению, Новосибирское геологическое управление уделяло Сургутской экспедиции «минимум внимания, плохо снабжало необходимыми материалами и оборудованием»[91].

Стоит отметить, что одной из причин медленного развертывания поисковых работ в центральных районах округа была неуверенность Министерства геологии в необходимости их продолжения. По воспоминаниям академика А. А. Трофимука, в 1959 г. во время поездки с министром геологии РСФСР в район Сургута, где геологами было пробурено несколько скважин, министр, ссылаясь на то, что «миллионы потрачены, а нефти нет», недолго думая, решил закрыть поиски. И только уверенность начальника экспедиции Ф. К. Салманова в том, что геологи наступили «на хвост залежи», и «поручительство» ученого за успех бурения, данное после предварительного изучения предоставленных материалов, смогли его переубедить[92].

Насколько справедливы были при этом претензии к руководству Новосибирского геологического треста? Судя по архивным документам, районы Среднего Приобья были определены в качестве основного направления работ треста «ЗапСибнефтегеология» на 1958 г.[93] Зимой 1957/1958 г. на территорию Тюменской области трестом были направлены три сейсмические партии Колпашевской экспедиции: Нижневартовская (нач. О. А. Терпеляк), оконтурившая Медведевскую структуру, Мегионская (нач. Ю. Д. Гирявенко) — подготовила Мегионскую структуру и Покурская (нач. С. Ф. Прохоров) — Ореховскую. Летом 1958 г. были проведены работы по рекам Юган и Вах, зимой создана база в Сургуте, откуда были начаты работы на Усть-Балыкской площади. В 1958 г. в Среднее Приобье были направлены главные силы Новосибирского геофизического треста — 23 сейсмических отряда Средне-Обской геофизической экспедиции[94]. В марте 1958 г. на совещании у заместителя начальника Управления по разведке нефти, природного газа, угля и горючих сланцев Г. И. Цантурове перед новосибирскими геологами была поставлена задача заложить и начать бурение Пимской

---

[88] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

[89] Эрвье Ю. Г. Сибирские горизонты. Екатеринбург, 1999. С. 97–98.

[90] Панарин С. М. Открытие Сургутской нефти. Очерки истории Сургута. Сургут, 2002. С. 166.

[91] Древний город на Оби. История Сургута. Научно-художественное издание. Екатеринбург, 1994. С. 296.

[92] Главный геолог / отв. ред. Н. Л. Добрецов, А. Э. Конторович. Новосибирск, 2002. С. 262.

[93] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 67. Л. 137.

[94] Завалишин В. В. История нефтегазопоисковых работ в Западной Сибири. Период первый. Архив СНИИГГиМСа. Дело № 1666. Новосибирск, 1974. С. 198.

и Нижне-Мысовской поисково-структурных скважин. В ходе бурения необходимо было изучить разрез мезозоя с целью установления участков возможной нефтегазоносности и благоприятных пород коллекторов в отложениях средней юры[95].

Для реализации этой программы во втором квартале 1958 г. в районе намечаемых работ Колпашевской конторой разведочного бурения были организованы три самостоятельных буровых участка: Сургутский (с. Сургут), Нижне-Мысовской (д. Локосово) — в 90 км вверх по Оби и Пимский (о-в Солкино) — в 70 км вниз по течению Оби. В сентябре 1958 г. после ликвидации конторы эти буровые участки вошли в состав вновь созданной Сургутской нефтеразведки, в которую позднее на правах участка была передана Юганская разведка структурно-поискового бурения[96]. Последняя была перебазирована в сентябре 1957 г. с Грязненской площади в Кемеровской области в Сургут для проводки Сургутской опорной скважины. Судя по воспоминаниям Ф. К. Салманова, «начальник Тюменского геологического треста Ю. Г. Эрвье появление партизанского» отряда из соседней области воспринял болезненно, хотя внешне вида никак не подавал»[97].

В плане работ на нефть и газ на 1959 г. Новосибирское геологическое управление вновь обозначило район Среднего Приобья как «наиболее перспективный» и поставило перед Сургутской нефтеразведкой следующие задачи: бурение Сургутской опорной скважины, разведочное бурение и обустройство Нижневартовской площади, глубокое бурение и обустройство Мегионской разведочной, Пимской, Нижне-Мысовской и Охтеурской поисково-структурных скважин, а также завоз оборудования для бурения Юганской опорной скважины[98].

Выполнение столь масштабной работы было сопряжено с огромными трудностями, поскольку решение непосредственных геологических проблем предполагалось одновременно с обустройством людей на новом месте. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что прибывшие с началом навигации в апреле 1958 г. первые рабочие Пимского бурового участка вынуждены были построить для себя шалаши из жердей, покрыв их прошлогодней травой. Первый десант в составе семидесяти человек прибыл на Нижне-Мысовской участок в июне, но только к ноябрю на участке были построены дома, и появилась возможность приступить к строительству буровой и необходимых производственных сооружений[99].

Необходимо признать, что в отличие от Новосибирского управления, которое считало данный район перспективным и, хотя и медленно, но разворачивало там работы, тюменское руководство считало такой разворот «преждевременным». Это мотивировалось необходимостью более «тщательного» его изучения, чтобы в дальнейшем, «приступив к разведке с наименьшими материальными затратами, получить наибольший геологический эффект»[100]. В выступлении на собрании актива Тюменской областной партийной организации в июле 1960 г. Ю. Г. Эрвье сообщил, что «управление ведет широкие подготовительные (оценочные) работы в Самаровском, Сургутском и Ларьякском районах, чтобы с большей обоснованностью, меньшими затратами и высокой эффективностью выйти с большими объёмами

---

[95] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 67. Л. 140.

[96] ГАНО. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 274. Л. 58.

[97] Фарман Салманов / авт.-сост. А. Лобов. М., 2009. С. 70.

[98] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 67. Л. 124, 142.

[99] ГАНО. Ф. 1754. Оп. 1. Д. 274. Л. 68.

[100] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 150. Л. 124.

геологоразведочных работ в эти районы после того, как будет решена основная задача: дать газ промышленным районам Урала и нефти — нашей области»[101].

Сравним два архивных документа, датированных 1959 г. Геолого-техническое совещание при начальнике Геологического управления по Сибири Г. Л. Гришине на основании доклада главного геолога Тюменского геологического управления Л. И. Ровнина и главного геофизика В. В. Ансимова постановило считать основным направлением геологоразведочных работ на нефть и газ на 1960 г. «изучение геологического строения и нефтегазоносности мезозойских отложений в Берёзовском газоносном районе». Для реализации этой задачи в данный район планировалось направить 76% оборудования разведочного и структурно-поискового глубокого бурения[102]. Аналогичное совещание, обсудившее доклад главного геолога Новосибирского геологического управления Ю. К. Миронова и начальника отдела Новосибирского геофизического треста М. Н. Птицина, решило «основной объём разведочного бурения приурочить к структурам, расположенным в пределах Среднего Приобья, как в наиболее перспективном регионе территориальной деятельности управления. В соответствии с этим было запланировано начать бурение скважин на Нижне-Вартовской и Мегионской площадях»[103].

Позже в своих воспоминаниях Ф. К. Салманов писал: «У меня возникала в то время масса вопросов. Почему в Приобье не идут тюменские нефтеразведчики? Почему все силы соседи сосредоточили в Приуральском районе...? Почему оставлена без внимания громадная территория площадью около трехсот тысяч квадратных километров, центральной осью которой можно считать русло Оби? Каковы бы ни были причины, факт оставался фактом: наши коллеги из Тюмени явно не спешили высаживаться в Среднем течении Оби...»[104]. Понимая, что одной из причин этого могло быть организационное подчинение геологов, работавших на тюменской земле, Новосибирску, им самим пришлось инициировать передачу Сургутской нефтеразведки в Тюменское геологическое управление. Предложение было поддержано Сургутским райкомом КПСС и Тюменским обкомом партии, которым удалось убедить Главгеологию РСФСР в целесообразности такой передачи.

В истории с переподчинением Сургутской нефтеразведки исследователи, как правило, отдают должное напористости и южному темпераменту Ф. К. Салманова, неоднократно поднимавшему этот вопрос на самых различных уровнях. Так, на одном из совещаний он не смог промолчать о нелепости подчинения геологов Новосибирскому управлению. «Это же смешно, — говорил Салманов, — добираемся до Новосибирска через Тюмень». Не менее абсурдным он считал и другое: сургутским геологам приходилось жить на тюменской земле по новосибирскому времени, т. е. с разницей в два часа, что мешало оперативности в работе при необходимости связаться с областным центром по какому-то срочному поводу.

Судя по воспоминаниям геолога, реакция руководства Новосибирского управления на его предложение о передаче нефтеразведки была жесткой. Один из руководителей с угрозой предупредил «инициатора» о возможных последствиях. «Мы вас породили, мы же и убьем. Идея передачи — ваша, а с такими бунтовщиками поступают, не церемонясь», — вспоминал позже Ф. К. Салманов[105].

---

[101] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 150. Д. 61. Л. 73.

[102] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 67. Л. 107, 108.

[103] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 67. Л. 123, 124.

[104] Салманов Ф. К. Жизнь как открытие. М., 2006. С. 234.

[105] Салманов Ф. К. Сибирь — судьба моя. М., 1988. С. 99, 102.

В августе 1959 г. приказом начальника Главного управления геологии и охраны недр при Совете Министров РСФСР С. В. Горюнова все геологоразведочные работы на нефть и газ, проводившиеся в Сургутском и Ларьякском районах, а также организации, занятые на этих работах, были переданы в ТГУ[106]. Передаче подлежали Сургутская, Нижневартовская и Охтеурьевская нефтеразведки, геофизические партии и отряды, транспортные, ремонтные, строительные и прочие предприятия. Стоит отметить, что распоряжение было телеграфным — по всей видимости, с таким решением явно торопились[107].

Тюменцам была передана и уже начатая строительством Мегионская скважина. Точка под ее бурение была выдана на местности 8 сентября 1958 г. новосибирцами — старшим геологом Н. Д. Семеновым и топографом И. И. Гребенщиковым[108]. К этому времени новосибирские сейсморазведчики подготовили к бурению ряд крупных структур: Сургутский, Нижневартовский, Верхне-Тазовский своды, Александровский и Ново-Васюганский валы, которые впоследствии оказались нефтеносными[109]. Таким образом, не выдерживает критики утверждение, что причиной передачи нефтеразведок Среднего Приобья Тюмени является «неэффективное проведение работ» в этом районе Новосибирским геологическим управлением[110].

Поскольку принятые предприятия не могли обеспечить комплексных геологоразведочных исследований, а также с целью усиления оперативного руководства работами, 10 сентября 1959 г. на базе Сургутской нефтеразведки глубокого бурения была организована Сургутская комплексная геологоразведочная экспедиция (начальник Ф. К. Салманов). Экспедиции, в состав которой вошли и полевые партии Томской геофизической конторы, было поручено руководство всем комплексом геологоразведочных работ в Среднем Приобье. В сентябре 1959 г. после завершения акта приема-передачи организаций Тюменское геологическое управление провело геолого-техническое совещание, обсудившее план глубокого бурения в Сургутском и Ларьякском районах. Изучив полученные к этому времени геофизические материалы и состояние работ по бурению и обустройству, проведенных Новосибирским геологическим управлением, совещание определило основным направлением работ в Среднем Приобье «поиски месторождений нефти и газа в мезозойских отложениях и изучение перспектив нефтегазоносности». Первоочередными объектами поиска были намечены Сургутская, Мегионская, Нижневартовская и Ермаковская площади[111].

О решительном повороте тюменцев на нефтяной поиск свидетельствовал приказ Главгеологии РСФСР от 25 июля 1960 г. о переименовании шести комплексных геологоразведочных экспедиций — Берёзовской, Сартыньинской, Шаимской, Ханты-Мансийской, Сургутской и Нарыкарской в нефтеразведочные. После выяснения бесперспективности района Сартыньи, Сартыньинская экспедиция была понижена до партии[112]. При этом основные объёмы нефтепоисковых работ всех новых экспедиций, кроме Сургутской, были по-прежнему сосредоточены в Сибирском Приуралье.

---

[106] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 57. Л. 400.

[107] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 57. Л. 400.

[108] Запивалов Н. П. К 70-летию западно-сибирской нефти. Новосибирск, 2017. С. 7.

[109] Завалишин В. В. История нефтегазопоисковых работ в Западной Сибири. Период первый (Архив СНИИГГиМСа. Дело № 1666). Новосибирск, 1974. С. 11.

[110] Панарин С. М. Исторический опыт организации геологоразведочных работ на нефть и газ в СССР // Российская нефть: история и современность / сб. ст. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Курган, 2016. С. 148–149.

[111] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 67. Л. 105.

[112] Нефть и газ Тюмени в документах. В 3 т. Т. 1. Свердловск, 1971. С. 196–197.

Рис. 2.15. Проба нефти геологами на Усть-Балыкском месторождении. 1961 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог.

Рис. 2.16. В баки танкера полилась первая Шаимская нефть. 1964 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Таким образом, планомерные нефтепоисковые работы, проведенные на территории Ханты-Мансийского округа в 1950-е гг., завершились открытием нескольких газовых и одного нефтяного месторождений в районе Сибирского Приуралья, а также получением непромышленных притоков нефти в Среднем Приобье. Месторождения Берёзовского района и Шаима оказались некрупными, но это были «первые промышленные объекты, выявление которых подтверждало представления о перспективах нефтегазоносности Западной Сибири»[113]. В 1963 г. Тюменский промышленный обком КПСС и облисполком представили работу «Открытие и подготовка к промышленному освоению нового в стране, первого в Западной

[113] Козловский Е. А. Геологи открывают богатства недр. М., 1980. С. 32.

Сибири Берёзовского газоносного района (Тюменской области)» на соискание Ленинской премии. В окончательный вариант списка, утвержденного постановлением Комитета по Ленинским премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР от 22 апреля 1964 г., были включены: бывший главный геофизик ТГУ В. В. Ансимов, начальник геологического отдела С. Г. Белкина, заместитель начальника А. Г. Быстрицкий, главный геофизик Л. Г. Цибулин, начальник ТГУ Ю. Г. Эрвье и главный геолог Берёзовской НРЭ А. Г. Юдин[114].

Рис. 2.17. Буровой мастер Григорий Иванович Норкин — один из первооткрывателей Самотлора. 1971 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог.

Постепенное изменение географии работ, увеличение объёмов бурения и геофизических исследований свидетельствовали об усилении позиций сторонников поисков нефти и газа в центральных районах Югры. Для полного доказательства их правоты необходимо было открытие в регионе промышленных нефтяных месторождений.

Поисково-разведочные работы, начатые в Среднем Приобье новосибирскими и томскими геологами и геофизиками и продолженные тюменскими специалистами, увенчались успехом, связанным с открытием Мегионского (21 марта 1961 г.) и Усть-Балыкского (15 октября 1961 г.) месторождений нефти. В отличие от Шаимского месторождения, они являлись многопластовыми со значительными запасами, неглубоким залеганием продуктивных горизонтов и этажей нефтегазоносности. При этом нефть Среднего Приобья обладала высоким качеством, что значительно облегчало ее переработку, а также имела высокий газовый фактор и благоприятный для нефтехимической промышленности состав попутных газов[115].

На открытии Мегионского месторождения, которое академик М. В. Келдыш назвал «открытием века», стоит остановиться подробнее. Дело в том, что именно это месторождение (а не Шаимское) должно было стать первым нефтяным месторождением округа. Бурение скважины было начато в январе 1959 г. и к сентябрю, времени передачи района работ из Новосибирского геологического управления в Тюменское, забой составлял 1730 м из проектных 2900 м. В марте 1960 г. бурение завершилось, и в декабре этого года в отчетном докладе Сургутского райкома КПСС на районной партийной конференции было заявлено, что «впервые на Мегионской площади обнаружена нефть»[116].

Однако в течение года (!) буровая бригада под руководством Г. И. Норкина не могла провести испытание скважины по причине отсутствия необходимых механизмов и инструментов, главным образом, насосно-компрессорных труб. «После передачи из Новосибирского управления в Тюмень, — вспоминал он, — буровая вообще осталась без снабжения. А она, матушка, без троса — все равно, что балалайка без струны. Мы тогда крепко закисли...»[117].

---

[114] Комгорт М. В., Колева Г. Ю. Ростовцев и становление геологической науки в Тюмени. Тюмень, 2007. С. 7, 78–79.

[115] Комгорт М. В. Тюменская геология до эпохи «великих геологических открытий». Тюмень, 2019. С. 7, 120–121.

[116] ГАСПИТО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 1. Л. 51.

[117] Мегионские новости. 2004. 27 апр.

«Скважину Р-1 на Мегионской площади, — продолжает он, — до проектной глубины 2870 метров мы бурили шесть месяцев. Не хватало качественных долот, мы не имели возможности подбора их в соответствии с проходимыми породами; бурильные трубы были старые. У нас полностью отсутствовала бентонитовая глина для приготовления глинистого раствора. Не было химреагентов. Мы брали местную глину и из нее готовили раствор с такими параметрами, которые не поддавались замеру нашими приборами… Для частичной обработки раствора применяли торф и каустическую соду. Торф возили на лошадях из Нижневартовска. На каждый рейс уходило двое суток. Добывали тоже вручную»[118]. Трудности при испытании Мегионской скважины подтверждает и старший геолог Сургутской экспедиции Е. А. Тепляков: «Шли они тяжело и долго, и нередко сопровождались авариями: то мост не там установят, то он окажется негерметичен. Подобными технологическими несовершенствами объясняется отставание от Шаима, хотя при других условиях наши скважины могли оказаться одногодками»[119].

При осмотре керна, поднятого при испытании одного из пластов Мегионской скважины с глубины 2175 м, техник Н. Н. Романенко отправил рапорт руководству о песчанике, пропитанном нефтью. В ответ он получил выговор «за халатное отношение к описанию керна» — его обвинили в том, что он промыл принятый керн в ведре, куда ранее наливалась солярка. «А когда ударил фонтан, — вспоминает Е. А. Тепляков, — управление своим приказом выговор отменило и объявило ему благодарность. Кажется, он даже Почетную грамоту получил, словом, было у него какое-то поощрение»[120]. Стоит отметить, что фонтан нефти на Мегионском месторождении в 200 т в сутки был получен при испытании верхнего объекта именно в интервале 2178–2175 м.

К проблемам производственного характера, возникшим при проводке Мегионской скважины, следует добавить и бытовые трудности. «Условия жизни были страшными, — вспоминает Е. А. Тепляков, — точнее сказать, условий не было никаких. Некоторые жили на брандвахте, где жить можно было, по тем временам, если можно так сказать, комфортнее, (конечно, весьма относительно) чем у тех, кто разместился на берегу в палатке. За день палатка накалялась от солнца так, что этим воздухом дышать было невозможно, а открыть палатку было нельзя, тут же все пространство заполнялось комарами, мошками и паутами. Поэтому нужно было умудриться как можно быстрее заскочить под полог и попытаться уснуть в ужасной духоте, да еще с налетавшим гнусом. А комаров было столько, что сложно было даже дышать»[121].

Геологическая информация, накопленная к началу 1960-х гг., и получение промышленных притоков нефти дали серьёзные основания для вывода об открытии в пределах Западной Сибири новой нефтегазоносной провинции. Именно такое заключение в июне 1961 г. сотрудники СНИИГГиМСа, Института геологии и геофизики СО АН СССР и НГУ представили в Министерство геологии и охраны недр СССР. После обсуждения доклада «Оценка запасов и возможной добычи нефти и газа по Западной Сибири» секция нефти и газа Экспертно-геологического совета министерства констатировала, что проведенные геологоразведоч-

---

[118] 70 лет тюменской геологии: служа Отечеству: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. А. М. Брехунцова и В. Н. Битюкова. Тюмень, 2018. С. 114.

[119] Воспоминания Е. А. Теплякова (архив М. В. Комгорт).

[120] Воспоминания Е. А. Теплякова (архив М. В. Комгорт).

[121] Воспоминания Е. А. Теплякова (архив М. В. Комгорт).

ные работы позволяют «высоко оценить перспективы этой провинции и рассматривать ее как новую нефтегазодобывающую базу на востоке страны»[122]. В качестве доказательства была приведена высокая эффективность поисково-разведочных работ: в 1962 г. прирост запасов по категориям $A+B+C_1$ в Тюменской области на один метр проходки составил 724 т и превысил общесоюзный уровень почти в 4 раза. В 1963 г. на территории Западно-Сибирской низменности было пробурено 5% от всего поискового и разведочного бурения по СССР и 7,8% — по РСФСР. При этом прирост запасов нефти и газа по всем категориям составил 26,6% и 45,6% соответственно[123].

Следует признать, что вопрос о датировке открытия провинции, как в геологической, так и в исторической литературе, является дискуссионным. Предметом разногласий служат, как правило, две даты: 1953 г. — открытие Берёзовского газового месторождения и первая половина 1960-х гг., когда были выявлены высокодебитные нефтяные месторождения в Среднем Приобье и первые газовые месторождения на территории ЯНАО.

Важную роль в определении перспектив освоения ресурсной базы провинции должна была сыграть пробная (опытно-промышленная) эксплуатация нефтяных месторождений, целью которой было получение информации, необходимой для составления технологической схемы промышленной разработки месторождения. Как известно, пробная эксплуатация является обязательным этапом работ и проводится либо с использованием разведочных скважин, выполнившими свою функцию, либо опережающими эксплуатационными скважинами[124]. При этом необходимость ее проведения на месторождениях Тюменской области не была обусловлена, как считают некоторые авторы, «сложными природно-климатическими условиями региона, неразвитостью средств сообщения, удаленностью от основных промышленных центров»[125].

В зависимости от ситуации пробная эксплуатация месторождений может быть проведена как геологами, пробурившими разведочные скважины, так и нефтяниками-эксплуатационниками. В конкретных условиях 1964 г., когда нефтедобывающие предприятия находились в стадии формирования, а геологические организации, будучи «старожилами», уже имели обустроенные базы и необходимые кадры, осуществление пробной эксплуатации стало их общей задачей. Однако архивные документы и воспоминания непосредственных участников событий доказывают, что и пробная эксплуатация, и добыча первой тюменской нефти были выполнены, главным образом, силами тюменских геологов.

Подготовка к разработке основных горизонтов Усть-Балыкского, Мегионского и Шаимского месторождений и проведение пробной эксплуатации скважин, законченных бурением, были намечены постановлением Совета Министров СССР от 19 мая 1962 г. «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири»[126].

---

[122] Нефть и газ Тюмени в документах: в 3 т. Т. 1 (1901–1965). Свердловск, 1971. С. 222.

[123] Белорусов Д. В. Проблемы освоения природных богатств севера Западно-Сибирской низменности // Проблемы Севера. Экономика. М., 1965. Вып. 9. С. 222.

[124] Мищенко И. Т. Пробная эксплуатация // Горная энциклопедия: в 5 т. М., 1989. Т. 4. С. 239; Теоретические основы и методы поисков и разведки скоплений нефти и газа / под общ. ред. А. А. Бакирова. М., 1987. С. 219.

[125] Колева Г. Ю. О начале добычи нефти в Западной Сибири (к 50-летию создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса) // Нефтяное хозяйство. 2015. № 3. С. 110.

[126] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 5. М., 1968. С. 88.

С целью создания ресурсных запасов, необходимых для организации в 1966–1970 гг. в Западной Сибири промышленной добычи нефти и газа и доведением ее объёмов к 1970 г. соответственно до 5 млн т и 10 млрд куб. м, документ предусматривал широкое развитие региональных геологических исследований и резкое увеличение глубокого разведочного бурения[127]. Стоит отметить, что принятие подобных постановлений с аналогичными постановочными задачами было обычной практикой после открытия перспективных месторождений в любом регионе страны. Так, например, документ с похожим названием «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в Иркутской области» и такими же постановочными задачами появился в связи с открытием трестом «Востоксибнефтегеология» в 1962 г. Марковского нефтегазоконденсатного месторождения в Иркутской области[128].

Промышленную добычу нефти в правительственном постановлении планировалось начать только в 1966 г. 4 декабря 1963 г. Совет Министров СССР принял новое постановление «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области». В нем проведение пробной эксплуатации открытых месторождений нефти и газа в Тюменской области было намечено на 1964–1965 гг., при этом в ходе ее планировалось получить в 1964 г. 100 тыс. т нефти, а в 1965 г. удвоить эту цифру. К 1970 г. добыча нефти должна была составить 10 млн т и газа — 14 млрд куб. м, что соответственно в 2 и 1,4 раза превышало показатели, намеченные предыдущим постановлением[129]. Стоит отметить, что первоначально в плановые показатели не закладывались конкретные объёмы добычи нефти, поскольку она являлась попутной и не должна была регламентироваться. Однако Госплан РСФСР принял решение включить ее в правительственное постановление. В выступлении на выездном заседании СНХ Средне-Уральского экономического района в январе 1964 г. представитель этой организации мотивировал принятое решение тем обстоятельством, что «без опробования этих скважин не будет проекта разработки, не будет генеральной схемы по этой разработке»[130].

В 1963 г. запасы Усть-Балыкского, Мегионского и Шаимского месторождений были в значительной степени разведаны и утверждены Государственным комитетом по запасам по категории C_1 (Усть-Балыкское месторождение) с оценкой «хорошо» и частично по категории В (Мегионское и Шаимское). После проведения пробной эксплуатации запасы следовало пересчитать и представить на утверждение по более высокой категории (А)[131]. Приказом Главгеологии РСФСР за успешную организацию и проведение подготовительных работ по введению новых площадей в разведку и досрочное выполнение плана прироста запасов нефти за 1963 г. группа работников ТТГУ была премирована[132]. К 1965 г. разведка Усть-Балыкского и Мегионского месторождений была закончена, и ГКЗ утвердила запасы по всем категориям $A+B+C_1$[133].

---

[127] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 5. М., 1968. С. 90.

[128] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 265. Л. 23.

[129] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1280. Л. 12.

[130] ГАСО. Р-1966. Оп. 1. Д. 881. Л. 5.

[131] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 250 а. Л. 17–18.

[132] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 250. Л. 165.

[133] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 400. Л. 2.

Изучение предыстории появления постановления 1963 г. показывает, что принятие документа было инициировано Тюменским промышленным обкомом КПСС и его первым секретарем А. К. Протозановым с «подачи» геологов. Основываясь на геологических данных, представленных учёными, он вышел в ЦК КПСС и Совет Министров СССР с предложением начать пробную эксплуатацию тюменских месторождений уже в 1964 г., используя для этого нефтяные скважины, пробуренные геологами, а добытое сырье доставлять речными танкерами на Омский нефтеперерабатывающий завод[134].

Успешное осуществление пробной эксплуатации должно было стать решающим аргументом, доказывающим, точнее демонстрирующим «маловерам», что тюменскую нефть можно добывать быстро, рентабельно и в промышленных объёмах. Используя административный ресурс, возможности патрон-клиентских отношений и присущую ему настойчивость, первый секретарь обкома в буквальном смысле «пробил» это постановление. «Можно только догадываться, чего это стоило Протозанову — сколько исписано было бумаг, сколько пройдено лестниц и коридоров в высших эшелонах власти и сколько дверей приходилось открывать. Он «приводил такие веские аргументы и был так настойчив, что мог пробить любую столичную дверь», — вспоминает непосредственный свидетель этих событий, в 1991 г. министр нефтяной и газовой промышленности СССР Л. Д. Чурилов. «И во многом благодаря его деловым качествам удалось впервые в мировой практике начать “освоение нового нефтяного месторождения в необжитом районе всего лишь через два с половиной года после его открытия”»[135].

Подготовка к пробной эксплуатации месторождений вызвала необходимость в кратчайшие сроки создать в районах намеченной добычи нефти профильные нефтедобывающие предприятия. 4 декабря 1963 г. совнархоз Средне-Уральского экономического района принял решение об образовании объединения «Тюменнефтегаз», которое возглавил бывший управляющий башкирским трестом «Туймазабурнефть» А. М. Слепян.

Становление нефтедобывающих предприятий осуществлялось весьма непросто. По истечении двух месяцев со времени образования объединение «Тюменнефтегаз» так и не смогло подготовить конкретных предложений по организации добычи нефти на месторождениях, развитию буровых работ, завозу оборудования и материалов на промыслы[136]. Решение о создании в составе объединения «Тюменнефтегаз» нефтепромысловых управлений (НПУ) и контор бурения (КБ) было принято в конце января 1964 г. При этом приказ за № 1 за подписью Слепяна об организации НПУ «Сургутнефть» был подписан только в марте 1964 г. В течение марта–июля решались вопросы создания Усть-Балыкской, Мегионской контор бурения и Шаимского управления буровых работ (УБР).

В апреле 1964 г. ТГУ и объединение «Тюменнефтегаз» провели совещание по вопросу организации пробной эксплуатации Усть-Балыкского и Мегионского месторождений. Обсудив ход подготовительных работ, его участники отметили, что геологическое управление, в соответствии с временными схемами, развернуло работы по прокладке сборных сетей, монтажу резервуаров и оборудования нефтеналивов. В это время объединение «Тюменнефтегаз»

---

[134] Комгорт М. В., Майданов В. С. Лидер нефтегазовой революции (к 100-летию А. К. Протозанова). Тюмень, 2013. С. 123.

[135] Чурилов Л. Д. Моя история советской нефти (записки последнего министра). М., 2016. С. 119.

[136] ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 9. Л. 28.

занималось организацией нефтедобывающих предприятий в районах месторождений. Совещание обязало «Тюменнефтегаз» к 20 мая 1964 г. полностью обеспечить все вводимые в пробную эксплуатацию скважины на Усть-Балыкском и Мегионском месторождениях обслуживающим персоналом. В свою очередь, геологи должны были провести на скважинах комплексные исследовательские работы, по окончании которых «Тюменнефтегаз» обязан был принять скважины и объекты обустройства на свой баланс[137].

В течение первых месяцев после создания нефтедобывающих предприятий их руководителям пришлось, главным образом, заниматься обустройством прибывающих сотрудников. Одновременно со строительством жилья необходимо было строить механические мастерские, электростанции, складские помещения, причалы, а также заниматься погрузкой и разгрузкой оборудования. По причинам организационного характера нефтяники смогли приступить к бурению на Усть-Балыкской и Шаимской площадях только в третьем квартале 1964 г. Мегионская контора бурения, не успевшая завезти в навигацию необходимое оборудование и инструменты, в течение всего года была занята только строительством жилья и созданием временной базы[138].

Пробную эксплуатацию Шаимского и Усть-Балыкского месторождений планировали начать в июле 1964 г., Мегионского — в 1965 г. Судя по докладной записке А. М. Слепяна председателю Средне-Уральского совнархоза В. В. Кротову, нефтяники совместно с Тюменским территориальным геологическим управлением приступили к пробной эксплуатации Усть-Балыкского, Мегионского и Шаимского месторождений в мае 1964 г.[139] Пока «у нефтедобытчиков не было достаточных сил и средств, нефтеразведчикам пришлось самим осуществить пробную эксплуатацию на Усть-Балыкском и Мегионском месторождениях», — утверждают геологи[140].

На Мегионском месторождении «пробная эксплуатация проводилась силами Мегионской НРЭ и НПУ «Мегионнефть», — свидетельствует главный геолог Мегионской экспедиции М. Ф. Синюткин. На Усть-Балыкском работы по подготовке пробной эксплуатации проводились силами Усть-Балыкской НРЭ. Перед главным геологом экспедиции А. И. Кимом была поставлена задача «в кратчайшие сроки до начала навигации 1964 года подготовить к опытно-промышленной эксплуатации шесть разведочных скважин месторождения. Вся добытая нефть должна собираться в четырех вертикальных резервуарах объёмом по 2 тыс. куб. м каждый на строящемся силами геологов резервуарном парке»[141]. «На месторождении к пробной эксплуатации было подготовлено восемь разведочных скважин, — пишет ответственный за проведение этих работ В. С. Головачев. — В посёлке Усть-Балык был возведен специальный причал и проложен временный нефтепровод. И вот мы совместно с В. Ф. Черновым занимаемся в течение четырех месяцев контролем за проведением этой операции...»[142].

---

[137] ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 28. Л. 10, 11.

[138] ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 20. Л. 29.

[139] ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 28. Л. 62.

[140] Биография Великого подвига: Тюменские геологи: Годы. Люди. События (1953–2003 гг.). Екатеринбург, 2003. С. 79.

[141] Ким Анатолий Индекович — эпоха и легенда геологии. Салехард, 2019. С. 32–33.

[142] Первопроходцы — события, время, геологи, люди, годы...: сб. / сост. А. К. Ягафаров. Тюмень, 2017. С. 107, 108.

Этого факта не отрицают и нефтяники. По признанию начальника Нефтеюганской конторы бурения А. Н. Филимонова, к сентябрю 1964 г. его рабочим по причине отсутствия необходимого бурового инструмента удалось забурить только одну скважину, поэтому предприятие продолжало давать нефть за счет скважин, пробуренных разведчиками. О большой тревоге, связанной с подготовкой к эксплуатации Усть-Балыкского месторождения, говорил в конце 1964 г. на партийной конференции и начальник НПУ «Сургутнефть» В. С. Иваненко. «Без помощи территориального геологического управления в решении этого вопроса не обойтись», — констатировал он[143].

Как позже вспоминали руководители первых нефтедобывающих предприятий, у них с самого начала «сложились прекрасные деловые отношения» с начальниками геологоразведочных экспедиций, которые в первую очередь решали совершенно новые для них вопросы пробной эксплуатации месторождений. А сами нефтяники, как позже образно выразился Ф. К. Салманов, приехали на Тюменский Север «только с авторучками». «Сегодня стало как бы правдой, что „черное золото“ добывали нефтяники», — писал он. «Я не хочу умалять их роли, но и нашу умалять не надо: первую добычу нефти в течение двух лет вели именно геологи, своими силами», — заключает Ф. К. Салманов[144].

Несомненным подтверждением этому является и приказ начальника ТГУ Ю. Г. Эрвье от 27 апреля 1964 г. о премировании сотрудников управления за успешное выполнение «правительственного задания по пробной эксплуатации Усть-Балыкского, Мегионского и Шаимского месторождений»[145]. Тот факт, что первую тюменскую нефть дали именно разведочные скважины, признают и историки нефтяной отрасли, однако при этом не уточняют, кем эти скважины были пробурены и подготовлены к эксплуатации[146].

В мае–июне 1964 г. добытая в ходе пробной эксплуатации нефть водным путем была отправлена на Омский нефтеперерабатывающий завод. Объем нефтедобычи на всех месторождениях более чем в два раза превысил запланированный на 1964 г. уровень и составил 208,9 тыс. т. При этом более 60% нефти было отгружено с семи скважин Усть-Балыкского месторождения, пробуренных и подключенных к сборным сетям геологами[147].

Заметим, что согласно распоряжению председателя СНХ СССР В. Э. Дымшица, для проведения подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений в Тюменской области, в 1964 г. необходимо было обеспечить добычу нефти на них в объёме не менее 300 тыс. т.[148] Можно было добыть и больше, но это зависело не от потенциала самих скважин, а от емкости резервуарного парка и возможностей ее транспортировки[149].

---

[143] Редикульцев В. Ф. Начало промышленной добычи нефти Усть-Балыкского месторождения // Открытые горизонты. Тюмень, 2005. Т. 5. С. 245.

[144] Салманов Ф. К. Я всем обязан Сибири // Открытые горизонты. Тюмень, 2005. Т. 5. С. 92.

[145] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 391. Л. 221.

[146] Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления: в 2 ч. Ч. 1. Тюмень, 2005. С. 70.

[147] Комгорт М. В. «А с нефтью как? Да будет нефть!» // Вестник СурГУ. 2014. Вып. 3 (5). С. 40.

[148] ГАСПИТО. Ф. П-2010. Оп. 1. Д. 233. Л. 16.

[149] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 70. Л. 93.

Рис. 2.18. Отправка первой нефти с Усть-Балыкского месторождения. Слева: С. Ф. Соловьев, А. Г. Григорьева, Ю. Г. Эрвье, А. К. Протазанов. 1964 г. Музей Природы и Человека.

Рис. 2.19. А. И. Ким и Ф. К. Салманов во время отправки нефти с Усть-Балыкского месторождения. 1964 г. Из открытых источников

«Скромные» успехи самих нефтяников в пробной эксплуатации признавал начальник «Тюменнефтегаза». «Мы довольны, — говорил А. М. Слепян, — что в какой-то степени приложили и свой труд в той первой нефти, которую дала Тюменская область нашей стране, и в тех баржах, которые сегодня подходят к Омску с нефтью, заложена и частица нашего небольшого труда»[150]. В июле 1964 г. на геолого-техническом совещании Тюменского геологического управления и объединения «Тюменнефтегаз», рассмотревшем результаты пробной эксплуатации, было принято решение о передаче нефтяникам соответствующей геолого-технической документации. Передаче подлежали 42 скважины Усть-Балыкского, Мегионского и Трехозерного месторождений[151]. В соответствии с положением о порядке передачи разведанных месторождений, приказом за подписью Ю. Г. Эрвье и А. М. Слепяна от 13 марта 1965 г. начальникам Усть-Балыкской НРЭ И. Г. Шаповалову, Мегионской НРЭ В. А. Абазарову, Шаимской НРЭ И. Ф. Морозову предлагалось передать, а начальникам НПУ «Сургутнефть» В. С. Иваненко, НПУ «Мегионнефть» Б. И. Осипову и НПУ «Шаимнефть» Э. К. Журавлеву принять для промышленного освоения вышеуказанные месторождения и балансы запасов по ним. Геологи также должны были передать нефтяникам утвержденные в ГКЗ запасы нефти и газа, геологическую и геофизическую документацию по месторождениям в целом и по всем пробуренным скважинам, сами разведочные скважины, керновый материал и объекты пробной эксплуатации со всей проектной документацией и сметами[152].

Вопрос о времени начала промышленной добычи нефти в Тюменской области (1964 г. или 1965 г.) является дискуссионным. Ссылаясь на приказ Главтюменнефтегаза от 20 декабря 1965 г. о начале эксплуатационного бурения, одним из исследователей делается вывод, что именно с 1965 г. необходимо вести отсчет «рождения нефтяной промышленности»

[150] ГАСПИТО. Ф. П-2010. Оп. 1. Д. 131. Л. 91.

[151] ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 8. Л. 80–82.

[152] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 391. Л. 123, 125, 127.

Тюменской области. Нефть, добытая в 1964 г. в ходе пробной эксплуатации, не признается автором промышленной на том основании, что она была добыта из разведочных скважин, транспортировка осуществлялась танкерами, работы велись в аварийном темпе и сбор нефти был проведен по временным схемам[153].

С первым утверждением можно согласиться, но это не отменяет того факта, что в ходе пробной эксплуатации были добыты первые тысячи тонн тюменской нефти, имевшие промышленное значение. Доказательством этому служит, в частности, плакат, установленный на месте бурения Усть-Балыкской скважины, с надписью: «Скважина № 80 первая в Сибири дала *промышленную* нефть. Пущена в эксплуатацию 17 мая 1964 г. в 18 час. 06 мин.»[154].

Таким образом, в результате открытия высокорентабельных нефтяных и газовых месторождений на значительной территории Тюменской области и начала их пробной эксплуатации, были определены географические контуры и перспективы освоения ресурсной базы Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. Мегионское и Усть-Балыкское месторождения доказали присутствие в Западной Сибири промышленной нефти не только в юрских, но и в широко распространенных меловых отложениях. Удаленность месторождений на значительное

Рис. 2.20. Ю. Г. Эрвье, Ф. К. Салманов, В. В. Ансимов, В. В. Бахилов. Открытие задвижки. Отправка первой нефти Усть-Балыкского месторождения. 26 мая 1964 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Рис. 2.21. И. Г. Шаповалов, С. Ф. Соловьев, Ю. Г. Эрвье, А. К. Протозанов на открытии задвижки в танкер «Капитан» для первой тонны нефти Усть-Балыкского месторождения. 1964 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

[153] Колева Г. Ю. К вопросу о начале промышленной добычи нефти в Западной Сибири // Нефть и газ. Известия вузов. 2014. № 6. С. 6–8; Колева Г. Ю. О начале промышленной добычи нефти в Западной Сибири (К 50-летию создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса) // Нефтяное хозяйство. 2015. № 3. С. 110–112; Колева Г. Ю. Нефтегазовый фактор: планы Госплана начала 1960-х гг. и инициативы «тюменцев» (К 55-й годовщине с начала добычи нефти в Тюменской области и 45-летию ее выхода на лидирующие позиции в стране) // Вестник ТГУ. История. 2019. № 60. С. 11.

[154] Открытые горизонты / сост. А. М. Брехунцов, В. Н. Битюков. В 5 т. Т. 5. Тюмень, 2005. С. 228.

расстояние от Шаима наглядно свидетельствовала о региональном проявлении процессов нефтегазонакопления в мезозойских отложениях низменности и наличии в них нескольких самостоятельных, изолированных друг от друга нефтегазоносных этажей. Месторождения не только являлись многопластовыми, характеризовались значительными запасами и неглубоким залеганием продуктивных горизонтов, но и отличались большим вертикальным диапазоном промышленной нефтенасыщенности, а этажи нефтегазоносности имели мощность до 1000 и более метров. При этом среднеобская нефть обладала высоким качеством, а также высоким газовым фактором и благоприятным для нефтехимической промышленности составом попутных газов[155].

В отличие от Берёзовского газа и Шаимской нефти, которые «не вызвали большого энтузиазма в правительственных кругах», — признавался известный тюменский геолог И. И. Нестеров, — открытие нефти в пределах Мегионской и Усть-Балыкской площадей стало «настоящей сенсацией». По мнению ученого, отсутствие «энтузиазма» объяснялось незначительной площадью продуктивных пластов в районе Зауралья, составлявших не более 3 тыс. кв. км. В то же время площадь развития нижнемеловых отложений, из которых была получена среднеобская нефть, была в 1000 раз больше и составляла более 3 млн кв. км[156].

К середине 1965 г. в Западной Сибири было открыто более 70 месторождений нефти и газа, из которых 67% составляли гигантские, крупные и средние по запасам[157]. На территории Ханты-Мансийского округа к этому времени были открыты Мортымьинское (1961 г.), Западно-Сургутское (1962 г.), Тетеревское (1963 г.), Правдинское и Южно-Балыкское (1964 г.), Мамонтовское и Аганское (1965 г.) месторождения. В ноябре 1967 г. приказом по Главтюменьгеологии Правдинское, Мамонтовское и Южно-Балыкское нефтяные месторождения и балансы запасов по ним были переданы Главтюменнефтегазу для промышленного освоения[158].

Особое место среди вновь открытых месторождений занимает Самотлорское месторождение, ставшее крупнейшим в СССР и шестым в мире по запасам нефти. Самотлор, несомненно, стоил тех трудностей, которые пришлось преодолеть на пути к его открытию. В 1962–1963 гг. отрядами геодезической партии Ханты-Мансийского геофизического треста под руководством А. И. Гомберга были выполнены топографические работы на Самотлорской площади. В зимний период 1963–1964 гг. сейсморазведочная партия Л. Н. Кабаева и входящие в нее отряды В. А. Шагандина и М. Н. Черкасова провели исследования по выявлению поднятия на ней.

После получения от геофизиков структурной карты площади было принято решение о бурении на Самотлорской структуре. Начальник Мегионской НРЭ В. А. Абазаров вспоминал: «В конце навигации 1963 г., получив структурную карту Самотлорской площади, мы решили с восстановлением зимника станок тащить на Самотлор из Мегиона… Высадившись на озере в глубокий, до пояса снег, мы с трудом добрались до намеченного места. Убедившись, что там буровую ставить нельзя, перешли на берег небольшого безымянного озера и выдали точку возле небольшого кедрового бора»[159].

---

[155] Козловский Е. А. Геологи открывают богатства недр. М., 1980. С. 33–35.

[156] Нестеров И. И. А. А. Трофимук — участник «открытия века» // Главный геолог. Новосибирск, 2002. С. 172.

[157] Гурари Ф. Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция — открытие века! Новосибирск, 1996. С. 85.

[158] Нефть и газ Тюмени в документах (1966–1970 гг.). Т. II. Свердловск, 1973. С. 125.

[159] 70 лет тюменской геологии: служа Отечеству: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. А. М. Брехунцова, В. Н. Битюкова. Тюмень, 2018. С. 141.

Первый «штурм» Самотлора решили начать в феврале 1964 г. напрямую из Мегиона по кратчайшему пути. Работа по прокладке зимней трассы была поручена главному механику Мегионской НРЭ Капишу Абраеву, который возглавил колонну вездеходов, бульдозеров, тракторов с тяжелым оборудованием. Отряд не достиг цели и вынужден был повернуть назад, потеряв в болотах, которые, как выяснилось, не промерзали даже в сильные морозы, несколько единиц техники. В конце января 1965 г. начался второй «штурм» Самотлора по другому маршруту. За тридцать шесть дней колонна прошла сто пять километров, причем последние двадцать пять — за двадцать пять дней. Во время перехода тридцать раз тонули трактора. Однако в результате вышка, тяжелое оборудование, материалы и ГСМ для бурения скважины были завезены на место и к концу марта вышкомонтажная бригада А. С. Кузякова закончила строительство буровой.

Рис. 2.22. Буровой мастер Григорий Иванович Норкин (в центре) с бригадой.
1960-е гг. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Один из участников «штурма» сварщик-вышкомонтажник С. Мельник вспоминал: «Всю зиму в течение четырех месяцев жили в передвижных за трактором рубленых вагончиках на санях — деревянных полозах. Обогревались избушки буржуйками-печками. Печки топились постоянно, за исключением ночных 5–6 часов, чтобы не угореть во время сна. За ночь тепло прочь выдувало и из приоткрытых спальников утром исходило паровое облачко от дыхания… Тут же на буржуйку ставили банки с тушенкой, колбасным фаршем, консервами рыбы (фрикадельки в томатном соусе). Пока уничтожалось содержимое в банках, поспевал и круто заваренный чай. Для калорийности чай разбавляли сгущенкой. Бутерброд с маслом и сыром венчал утреннюю трапезу геологов… Раз в неделю посылали гонца-закупщика в посёлок для пополнения продуктов и свежего хлеба. Привезенный провиант на наличие спиртного проверял сам начальник отряда Капиш Абраев. На рабочем месте был «сухой закон», но все равно вечером продуктового дня после работы некоторые были изрядно под

Рис. 2.23. Запуск первой эксплуатационной скважины № 200 Самотлорского месторождения. 1969 г. Музей геологии, нефти и газа

хмельком. Закупщик, не доезжая до привала отряда, прятал спиртное в укромном месте в снегу под корягой на обочине. Один раз Капиш проехал по трассе обратно и по следам на снегу, как настоящий охотник, унюхал в скрадке рюкзак со спиртным. Устроил, конечно, разборку на следующий день и сменил заготовителя»[160].

Бурение скважины Р-1 на Самотлорской площади было поручено бригаде Г. И. Норкина, которая благодаря строжайшей дисциплине и четкому соблюдению технологии успешно завершила проходку скважины. Вот как оценивал отношение к работе бригадира начальник Мегионской НРЭ В. А. Абазаров: «Когда в процессе бурения возникали сложности или допускались аварии, он был жестким, не терпящим возражений, а в особо тяжелых случаях и жестоким. Его преданность делу не могла подменяться никакими отношениями. Иногда, во время тяжелых аварий, стоя за тормозом, рисковал собственной жизнью. Его команда и действия были четкими, взвешенными, быстрыми и единственно верными в данной ситуации. Никакого панибратства Норкин не терпел, никому серьёзных ошибок или разгильдяйства не прощал»[161].

Испытание провела бригада П. Г. Безродного под руководством главного геолога Мегионской НРЭ М. Ф. Синюткина. 29 мая 1965 г. из разведочной скважины был получен первый фонтан нефти дебитом более 300 кубометров в сутки. Последующими разведочными и эксплуатационными работами установленная площадь месторождения составила 1500 кв. км, в разрезе было выявлено восемь нефтяных пластов. По запасам нефти (более 3 млрд т) месторождение вошло в десятку уникальных нефтяных месторождений мира.

На фоне столь значимых успехов тюменских разведчиков недр особую актуальность приобрел вопрос о повышении статуса Тюменского геологического управления. Стоит отметить, что еще в конце 1962 г. Госплан СССР предлагал создать в Западной Сибири главк по разведке и добыче газа на базе геологоразведочных организаций Главгеологии РСФСР и назначении уполномоченного ВСНХ для координации работы строительно-монтажных организаций. Тогда руководство управления сочло это предложение преждевременным по причине отсутствия утвержденных запасов и технико-экономического обоснования добычи нефти и газа. Судя по всему, в предлагаемой реорганизации Ю. Г. Эрвье увидел угрозу утраты

[160] Федотов В. А. Самотлорский марафон. Оса, 2015. С. 12.

[161] Буксина О. Счастливый геолог. М., 2018. С. 136.

самостоятельности геологического управления. По его мнению, «объединение разведочных и эксплуатационных организаций в системе одного главка, независимо от того, кому он будет подчинен, приведет к ущемлению поисковых и разведочных работ, а, следовательно, к падению эффективности»[162].

В 1964 г. предложение о создании в Тюмени геологического главка было включено в проект постановления Совета Министров СССР «О дальнейшем усилении геологоразведочных работ на нефть и газ в Тюменской области», представленном в правительство секретарем промышленного обкома КПСС А. К. Протозановым, председателями Госгеолкомов СССР и РСФСР А. И. Сидоренко и С. В. Горюновым. В сопроводительном письме к проекту они предлагали «организовать в составе Государственного производственного геологического комитета РСФСР Тюменское главное геологическое управление „Тюменьглавгеология“ с правами совнархоза». На новый главк планировалось возложить выполнение всех поисковых и разведочных работ на нефть, газ и другие полезные ископаемые в Тюменской области. При этом доразведку вводимых в эксплуатацию месторождений планировалось проводить силами нефтедобывающего объединения «Тюменнефтегаз»[163].

Рис. 2.24. Памятная стела первой скважине Р-1 Самотлорского месторождения. Музей геологии, нефти и газа.

Постановление не получило поддержки «наверху», и предложение о создании в Тюмени геологического главка удалось реализовать только спустя два года, в 1966 г. Создание Главтюменьгеологии (начальник главка — Ю. Г. Эрвье, главный геолог по нефти и газу — Л. И. Ровнин) означало приобретение тюменской геологоразведкой большей самостоятельности в определении стратегии геологического поиска и оперативности в решении тактических задач, приблизило руководство геологоразведочными работами к местам их проведения.

По мнению специалистов, имевшая место до этого «чрезмерная централизация управленческих функций Мингео РСФСР и СССР существенно ограничивала деятельность Тюменского территориального геологического управления», поскольку его руководству приходилось постоянно выезжать в Москву для того, чтобы «согласовывать и пробивать в министерских

[162] Некрасов В. Л. Государственная стратегия становления и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса: от успехов к кризису // Развитие ТЭК Западной Сибири: социальные и экологические последствия и перспективы / под ред. А. Ю. Рыкуна, К. М. Южанинова. Томск, 2010. С. 13.

[163] ГАСПИТО. Ф. П-2010. Оп. 1. Д. 201. Л. 98.

инстанциях» различные вопросы. При этом в самом министерстве часто не имели четкого представления о перспективных структурах, намеченных под поисковое бурение, или участках территории, где планировалось проведение сейсморазведочных работ[164]. В свою очередь, подчинение нефтеразведочных экспедиций напрямую геологическому управлению (главку) лишало их руководителей возможности принимать самостоятельные решения и оперативно реагировать на возникающие производственные проблемы.

Создание главка с подчинением ему всех геологических организаций Тюменской области, расширение географии и увеличение объёмов поисково-разведочных работ в регионе обусловили определённые структурные изменения в геологической службе Тюменской области. 1 января 1967 г., в соответствии с приказом Министерства геологии РСФСР, в Сургуте был организован Обский геологоразведочный трест буровых работ на нефть и газ «Обьнефтегазразведка». Управляющим трестом назначили начальника Мегионской нефтеразведочной экспедиции В. А. Абазарова, начальником геологического отдела — А. И. Кима. В состав треста вошли Усть-Балыкская (Аганская), Сургутская, Мегионская и Вахская нефтеразведочные экспедиции, проводившие работы на территории Сургутского и Нижневартовского районов Ханты-Мансийского округа[165]. Шаимская и Правдинская НРЭ остались в непосредственном подчинении главка. Первая — по причине географической удаленности от районов работ экспедиций Среднего Приобья, вторая сумела сохранить самостоятельность во многом благодаря усилиям ее начальника Ф. К. Салманова.

Организация треста предусматривала не только формирование собственной базы, налаживание надежной координации между подразделениями, решение кадровых проблем, но и более высокую финансовую самостоятельность и материальную заинтересованность коллективов экспедиций. Однако, как считал главный инженер Шаимской НРЭ М. П. Палашкин, «такого времени у трестов (одновременно с трестом „Обьнефтегазразведка“ были созданы тресты „Ямалнефтегазразведка“ и Тюменский геологоразведочный трест) не оказалось, поскольку через несколько лет их начали ликвидировать, очевидно, и по причине возникших в конце шестидесятых трудностей с финансированием разведочных работ»[166].

Структурные изменения стали несомненной составляющей причин успеха геологов в достижении поставленных государством задач по увеличению запасов нефти и газа. К 1970 г. на территории округа было открыто более 60 таких месторождений. В разработке в это время находились 7 нефтяных месторождений: Самотлорское, Усть-Балыкское, Правдинское, Мегионское, Ватинское, Шаимское, Мортымья-Тетеревское, обеспечившие добычу 28 млн т нефти, что в 10 раз превосходило уровень 1966 г. В трехлетний период (1967–1970 гг.) геологами треста «Обьнефтегазразведка» «была разведана и подготовлена к разработке гигантская ресурсная база для организации добычи нефти нефтепромысловыми управлениями „Сургутнефть“, „Мегионнефть“, „Юганскнефть“. Впоследствии с ростом объёмов добычи нефтепромысловые управления превратились в нефтегазодобывающие управления, а потом и в производственные объединения. Эта великолепная тройка стала родоначальницей всей нефтегазодобывающей промышленности Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национального округа»[167].

---

[164] Биография Великого Подвига: Тюменская геология: Годы. Люди. События. (1953–2003). Сост. В. М. Калин. Екатеринбург, 2003. С. 95.

[165] ГАЮ. Ф. 1900. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

[166] Открытые горизонты. Т. 5 / сост. А. М. Брехунцов, В. Н. Битюков. Тюмень, 2005. С. 320.

[167] Ким Анатолий Индекович — эпоха и легенда геологии. Салехард, 2019. С. 52–53.

В годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) запасы нефти и газа превзошли плановые показатели соответственно в два и девять раз. В 1968 г. Главтюменьгеология досрочно выполнила пятилетний план по приросту запасов нефти категории $A+B+C_1$, причем к 1970 г. основной объём прироста запасов обеспечивало одно Самотлорское месторождение. Эффективность прироста запасов нефти на метр проходки составила по Главтюменьгеологии 1765 т, газа — 15,8 млн куб. м. В 1970 г., впервые за всю историю поисково-разведочных работ на нефть и газ в Тюменской области, этот показатель достиг 8252 условных тонн на метр проходки и «никогда больше даже не приближался к этой отметке...»[168].

Время показало, что ликвидация трестов была ошибкой. Подчинение экспедиций непосредственно главку привело к тому, что структура управления стала громоздкой — он фактически взял на себя функции ликвидированных трестов, только с большим радиусом действия телефонной и радиосвязи, транспортных коммуникаций. Главку вновь пришлось заниматься оперативным решением производственных вопросов в ущерб стратегической перспективе, что в результате привело к замедлению темпов геологоразведочных работ.

Во второй половине 1960-х гг. в нефтегазовой геологии Западной Сибири наметилась негативная тенденция: подготовленные и защищенные запасы открытых месторождений обусловили постепенное снижение планируемых объёмов глубокого бурения. Складывалась парадоксальная ситуация — высокая экономическая эффективность геологоразведочных работ первой половины 1960-х гг. привела к ограничению объекта поисковой деятельности геологов в последующий период.

Объяснение этому «феномену» дал директор ЗапСибНИГНИ Н. Н. Ростовцев. Поскольку, как отмечал учёный, открытых запасов нефти вполне хватало под планируемую государством добычу нефти как на уровне 70–80 млн т в 1975 г., так и 150–170 млн т в 1980 г., «возник тезис, стоит ли увеличивать объёмы геологоразведочных работ на нефть?». «Ответ был — не стоит, — продолжал Ростовцев, — и в результате произошло некоторое сокращение объёмов разведочного бурения»[169].

Судя по архивным документам, первые попытки снижения плановых показателей разведочного бурения на нефть для Тюменского геологического управления были предприняты Министерством геологии уже в 1966 г. Так, в выступлении на XII областной партийной конференции (февраль 1966 г.) начальник управления Ю. Г. Эрвье констатировал, что, несмотря на отставание геологоразведочных работ в Тюменской области от запросов добычи нефти, с ТТГУ уже «сняли» 300 тыс. м разведочного бурения и планируется его последующее уменьшение[170].

Начиная с 1968 г. Министерство геологии ежегодно снижало Главтюменьгеологии объёмы глубокого бурения и соответственно финансирование этих работ. В 1967 г. Главтюменьгеология впервые достигла уровня проходки более 500 тыс. м (504,9 тыс. м). В последующие годы началось последовательное снижение объёмов бурения. В 1968 г. проходка составила только 432,2 тыс. м, в 1969 г. — снизилась до 401,6 тыс. м, в 1970 г. — до 392,0 тыс. м, в 1971 г. — до 379,8 тыс. м, в 1972 г. — до 372,1 тыс. м. Только в 1973 г. объём бурения несколько увеличился и достиг уровня 394,7 тыс. м, а в 1975 г. превзошел и уровень 1967 г., составив 555,7 тыс. м.[171]

---

[168] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 200. Д. 5. Л. 124–125.

[169] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 198. Д. 4. Л. 78.

[170] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 182. Д. 3. Л. 270.

[171] Справочник технико-экономических показателей геологоразведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири (1948–1975 гг.) // Труды ЗапСибНИГНИ. Вып. 136 / под ред. И. И. Нестерова. Омск, 1978. С. 251.

Правда, несмотря на министерский запрет на перевыполнение плана бурения, главку все-таки это удавалось благодаря личному разрешению председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова, который по просьбе руководства Тюменского обкома партии, выделял в конце года тюменским геологам необходимые средства на выполнение сверхплановых работ[172].

Во второй половине 1960-х — нач. 1970-х гг. руководство Тюменского обкома КПСС и Главка предпринимало неоднократные попытки обратить внимание Министерства геологии и Госплана на несоответствие объёмов глубокого бурения ближайшим задачам и особенно перспективам развития нефтедобывающей промышленности в регионе. Но, как признавался Ю. Г. Эрвье, «решения не находили — нас не поддерживали ни в Министерстве геологии РСФСР, ни в плановых органах». И это несмотря на расчеты, выполненные специалистами Главтюменьгеологии, которые показывали, что при наличии соответствующих объёмов работ и выделении необходимых материальных ресурсов главк имел возможность подготовить запасы, обеспечивающие добычу нефти в 1980 г. в объёме более 300 млн, в 1985 г. — 440–450 млн и к 1990 г. — свыше 600 млн т[173].

Нестабильность ситуации в области разведочного бурения на нефть вызывала серьёзное беспокойство и партийного руководства Тюменской области. В мае 1969 г. в выступлении на научной конференции СО РАН по развитию производительных сил Сибири первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина признал сокращение объёмов глубокого разведочного бурения «ошибкой, исправлять которую придется потом с большими усилиями»[174]. В начале 1970-х гг. Тюменский обком КПСС дважды (в 1970 и 1972 гг.) выносил вопрос об усилении поисково-разведочных работ и повышении их эффективности на обсуждение бюро[175]. В частности, постановление бюро от 4 октября 1972 г. обязывало Главтюменьгеологию обеспечить с 1973 г. «увеличение объёмов геологоразведочных работ по выявлению запасов нефти с учетом длительной перспективы развития нефтяной промышленности и возможности выбора наиболее выгодных для освоения месторождений»[176].

Решение этой проблемы приобретало особую актуальность в связи с необходимостью выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири», принятому в декабре 1969 г. Документ определил «важнейшей народнохозяйственной задачей» создание в Западной Сибири новой крупной нефтедобывающей базы страны, способной обеспечить добычу к 1975 г. и 1980 г. соответственно 100–120 и 230–260 млн т нефти. Постановление сыграло «большую роль в формировании долгосрочной программы развития комплекса», поскольку цель программы была задана в виде «контрольных цифр» добычи нефти на 1975 и 1980 годы, и к ее реализации было привлечено внимание всей страны, многих министерств и ведомств[177].

В связи с поставленной задачей Министерству геологии СССР было поручено в шестимесячный срок разработать, и после согласования с Госпланом СССР и Госснабом СССР утвердить конкретные мероприятия, направленные на ускорение развития нефтедобывающей промыш-

---

[172] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 200. Д. 5. Л. 128–129.

[173] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. Д. 202. Л. 7, 71.

[174] Нефть и газ Тюмени в документах (1966–1970 гг.). Т. II. Свердловск, 1973. С. 7, 190.

[175] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 198. Д. 27. Л. 4–12; Оп. 202. Д. 40. Л. 21–24.

[176] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 202. Д. 39. Л. 9.

[177] Карпов В. П. О стратегии создания ЗСНГК (исторический аспект) // Нефть и газ. Известия высших учебных заведений. 2006. № 6. С. 102.

ленности в Западной Сибири[178]. Конкретизация постановления 1969 г. предполагала решение тюменской геологией ряда сложных задач: необходимо было расширить геологический поиск с целью открытия новых нефтяных месторождений, обеспечить нефтедобывающую промышленность сырьевой базой, достаточной для достижения запланированных на перспективу объёмов добычи нефти, и подготовить крупные месторождения к промышленной разработке.

Следует отметить, что на день выхода партийно-правительственного постановления, т. е. в декабре 1969 г., разведанные, активные запасы на месторождениях, которые могли быть вовлечены в разработку, обеспечивали добычу только 80–90 млн т нефти. Ближайшей задачей Главтюменьгеологии было подготовить запасы на уже открытых месторождениях и дать возможность нефтяникам запроектировать их разработку с выходом на уровень добычи, установленный для 1975 г. — 100–120 млн т.

Ее решение не представляло особой сложности для геологов, поскольку имевшийся недостаток промышленных запасов покрывался в основном за счет ресурсов гигантского Самотлорского месторождения, сосредоточения разведочного бурения на подлежащих к вводу в разработку месторождений, а также расширения поисков нефти в районах, приближенных к центрам нефтедобычи. Усиление их на севере области позволило главку в течение 1970–1971 гг. значительно перевыполнить план по приросту промышленных запасов. Только в 1971 г. было открыто 12 нефтяных месторождений, причём, два из них — Федоровское и Тюменское — оказались крупными по запасам и, что было не менее важно, оба располагались в непосредственной близости от Сургута и Самотлора. В результате уже к концу 1971 г. разведанные запасы на этих месторождениях позволяли довести добычу нефти в Западной Сибири до 140–150 млн т[179].

Необходимость к 1980 г. обеспечить подготовленными запасами добычу нефти в объёме 230–260 млн т ставила перед Главтюменьгеологией дополнительные задачи. В течение 1972–1975 гг. главку было необходимо прирастить и подготовить запасы в размере более 3 млрд т. Сложность ее решения была обусловлена тем обстоятельством, что сокращение в предыдущие годы объёмов поискового бурения привело к резкому снижению запасов категории C_2 на открытых месторождениях, которые необходимо было доразведывать. При этом было очевидно, что достижение уровня добычи нефти, запланированного на 1980 г., могло быть обеспечено только за счет нефтяных месторождений Среднего Приобья.

Стоит отметить, что рекомендации учёных и геологов-производственников об активизации поисково-разведочных работ не были приняты во внимание. Несмотря на то, что в целом объемы глубокого бурения за восьмую пятилетку (1966–1970 гг.) по Главтюменьгеологии возросли более чем вдвое, это составило только 75% от уровня объемов разведочного бурения, определенных постановлением Совета Министров СССР от 19 мая 1962 г.[180] О недальновидности «некоторых руководящих деятелей» с возмущением писал и академик А. А. Трофимук. «По их представлению, — отмечал учёный, — выявленные резервы нефти и газа в Западной Сибири столь значительны, что их хватит не только до конца этого столетия, но и на все следующее столетие, а позже наступит эра ядерной энергетики»[181].

---

[178] Нефть и газ Тюмени в документах. 1966–1970. Т. 2. Свердловск, 1973. С. 215, 216.

[179] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 202. Д. 7. Л. 69.

[180] Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса (1964–1980 гг.). Томск, 1988. С.26.

[181] Трофимук А. А. Важные уроки истории открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции // Геология и геофизика. 1974. № 5. С. 29.

К сожалению, в этом противостоянии представителей региональной власти, производственной геологии, науки и вышестоящих ведомств одержали верх «предельщики», т. е. те, кто «ратовал за приостановку поиска и сохранение запасов нефти на неопределенном уровне»[182]. А прямым следствием их победы стало сокращение количества буровых бригад, объёмов финансирования бурения и поставок материалов геологам. Наглядным свидетельством этому был, например, тот факт, что в 1972 г. Министерство геологии РСФСР выделило тюменскому главку только три крана КП-25 — на 30 (!) вышкомонтажных бригад и три бульдозера — на 180 (!) новых буровых, удаленных друг от друга на значительные расстояния[183]. И этот год не был исключением, поскольку и в целом в конце 1960-х — начале 1970-х гг. потребности Главтюменьгеологии в поставке техники удовлетворялись Министерством геологии только наполовину[184].

В августе 1973 г. Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть в Тюменской области». Перед Министерством геологии СССР и Министерством нефтяной промышленности была поставлена задача обеспечить в 1976–1980 гг. прирост разведанных запасов нефти по категориям $B+C_1$ в количестве 5400 млн т. Для достижения этой цели Министерство геологии СССР должно было довести объём разведочного бурения на нефть в области в 1974 г. до 570 тыс. м, увеличив его в 1975 г. — до 700 тыс. и в 1980 г. — до 1200–1300 м[185]. Решением Коллегии Министерства геологии СССР (декабрь 1973 г.) эта задача была конкретизирована: Главтюменьгеологии поручалось обеспечить получение «надежных запасов углеводородов с учетом длительной перспективы развития нефтяной и газовой промышленности страны и возможности выбора наиболее экономически выгодных для ввода в разработку месторождений»[186].

С целью выполнения этого постановления в 1974 г. главк значительно увеличил годовые планы по глубокому бурению и приросту запасов. Так, Усть-Балыкской экспедиции при фактически достигнутой в 1973 г. проходке около 64 тыс. м, плановая проходка на 1974 г. была утверждена в объёме 90 тыс. м. «Для выполнения возросших объёмов, — пишет начальник экспедиции М. П. Палашкин, — не было ни людских, ни материально-технических, никаких других ресурсов. Все понимали провальность положения, но изменить ничего не могли. План не выполнялся, коллективы были лишены материального поощрения, поскольку вся система премирования была привязана к объёму проходки»[187].

В условиях резкого увеличения объёмов бурения стала очевидной необходимость вновь приблизить руководство геологоразведочными работами непосредственно к месту их проведения. В 1976 г. на базе бывшего треста «Обьнефтегазразведка» в Сургуте было создано Обское производственное геологическое объединение по разведке нефти и газа «Обьнефтегазгеология» (генеральный директор в 1976–1980 гг. — Н. М. Морозов, в 1980–1981 гг. — Н. М. Перепелюк-Кучеров). В объединение вошли Сургутская, Правдинская, Мегионская, Аганская и Вахская экспедиции с суммарным плановым объёмом бурения около 500 тыс. м. В 1978 г. на базе

---

[182] Андреев С. Ю., Гольдина Н. А. Чрезвычайные люди. Свердловск, 1989. С. 186.

[183] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 202. Д. 7. Л. 74.

[184] Колева Г. Ю. Добывающие отрасли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1977–1989 гг.). Тюмень, 2006. С. 15.

[185] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 205. Д. 10. Л. 47.

[186] Открытые горизонты. С. 449.

[187] Открытые горизонты. С. 320.

Мегионской, Аганской и Вахской экспедиций было создано объединение «Мегионнефтегазгеология». Положительно оценивая создание объединений, М. П. Палашкин, однако, сетует: «пятилетка была потеряна — то, что могли сделать за это время тресты, объединениям пришлось начинать с нуля»[188].

Рис. 2.25. Рабочий кабинет начальника Аганской экспедиции В. М. Пархомовича. Музей геологии, нефти и газа.

В 1981 г. на должность генерального директора объединения «Обьнефтегазгеология» был назначен начальник Аганской НРЭ В. М. Пархомович, который руководил им до 1998 г. О своем назначении Виктор Михайлович позже вспоминал: «5 мая 1981 г. вызывает меня Салманов: “Поедешь в Сургут генеральным!” А я же на совещаниях бываю: бедный тот генеральный директор, что был до меня — как начинают его ругать, так руганью и заканчивают. Но я рискнул, поехал… В Сургуте дома из горбыля, засыпаны песком, опилками. Звоню Фарману: “Плохо дело”. А он в ответ: “Давай план”. Через время опять ему звоню: “План есть — давайте денежек”. И начали мы строить. Запомнился мне момент, что когда дома старые сносили — крысы бежали стадами. Я как в списки очередности на жильё глянул — а там одно начальство. Я в горком: “Дайте простым рабочим жильё, ведь непомерно тяжелый труд у них!”. Выходил, дали. И как поднялись, как начали работать люди!»[189].

К моменту прихода В. М. Пархомовича в составе объединения находились Сургутская, Ноябрьская и Восточно-Сургутская НРЭ. За годы его руководства объединением было открыто 82 месторождения, в том числе Тянское, Сугмутское, Восточно-Сургутское, Угутское, Мало-Балыкское, Мамонтовское, Муравленковское, Тайлаковское и др. Пик нефтегазовых открытий пришелся на 1982–1990 гг. — ежегодно объединение открывало от 8 до 11 месторождений, обеспечивая прирост до 300 млн т нефти. В 1985 г. за досрочное выполнение заданий одиннадцатой пятилетки объединение «Обьнефтегазгеология» было награждено орденом «Дружбы народов».

Перестроечные процессы, начавшиеся в стране во второй половине 1980-х гг., не могли не сказаться на геологической отрасли. В 1987 г. при ликвидации отраслевых министерств одним из первых упразднили Министерство геологии РСФСР. Исчез геологический штаб самой крупной и богатой минерально-сырьевыми ресурсами республики в составе СССР. Казалось, что таким образом будут реализованы на практике идеи об активизации местной инициативы и частичной децентрализации управления отраслью. Л. И. Ровнин, занимавший пост республиканского министра геологии с 1970 г., так прокомментировал эту очеред-

[188] Открытые горизонты. С. 320.

[189] Задорожная Е. Д. Виктор Пархомович. Омск, 2012. С. 11.

ную перестроечную ошибку: «Правительство приняло неграмотные решения по ликвидации геологической службы России. Мол, каждая компания возьмет какой-то участок, сама разведает его, да еще и налоги заплатит. Эта система дурная, она ничего нам не дала и привела к развалу геологоразведочной науки и практики»[190]. В стремлении его предотвратить Лев Иванович предлагал создать вместо упразднённого Министерства геологии хотя бы государственное управление по геологии нефти и газа.

Начиная с 1989 г. объём бурения разведочных скважин в целом по стране снизился более чем на 20%, что, в свою очередь, привело к сокращению на 27% прироста разведанных запасов нефти. При этом половина разведанных запасов была сконцентрирована всего на 46 месторождениях, 30 из которых находились в Тюменской области. В 1989 г., в том числе и по этой причине Главтюменьгеология в порядке исключения была оставлена в системе хозяйствования как промежуточное звено управления. Правительство считало необходимым сохранить главк как координирующий орган, поскольку ни одно другое предприятие не могло тогда выполнить полный цикл геологоразведочных работ — от геофизических исследований до защиты запасов.

Однако уже в течение 1989 г. выяснилось, что у Главтюменьгеологии не оказалось ни административных, ни экономических, ни юридических рычагов воздействия на производственные объединения, которые к этому времени стали самостоятельными. Главку не оставалось ничего другого, как распределять ресурсы, выделяемые Министерством геологии СССР, и требовать обязательного выполнения плановых показателей, не обеспеченных в достаточной мере этими ресурсами.

Постановлением Совета Министров СССР от 30 декабря 1989 г. и приказом по Министерству геологии СССР от 12 января 1990 г. Главное Тюменское производственное геологическое управление (Главтюменьгеология) было упразднено. На базе объединений, организаций и предприятий, ранее входивших в состав главка, на добровольной основе был образован Тюменский геологический концерн (Тюменьгеология). На Учредительной конференции трудовых коллективов председателем Правления концерна был избран Ю. Д. Логанов. «Последний начальник главка Логанов, — вспоминает А. М. Брехунцов, занимавший в то время должность заместителя начальника главка, — собрал часть генеральных директоров в Салаирке, где и был составлен протокол, по которому Главтюменьгеологию решили ликвидировать, вместо нее создать концерн. Мы понимали, чем это может закончиться. Я собрал главных геологов объединений. Написали на имя министра письмо о том, что концерн — это не та организация. В результате ликвидации главка будут реализованы такие центробежные силы, которые разбросают всю систему по кускам. Министр письмо получил и поручил… опять же Логанову (?!) разобраться с геологами. Тогда собрали президиум концерна, генеральных директоров объединений и нас обвинили в том, что мы вонзили нож в спину концерна. Был даже поставлен вопрос о моем увольнении. Голосовали тайно. Предложение не прошло. Но уже ничто не могло остановить процесс распада»[191].

В состав концерна вошли и объединения, работавшие на территории Ханты-Мансийского округа: «Мегионнефтегазгеология» (Мегионская, Аганская и Вахская НГРЭ), «Хантыман-

---

[190] Ровнин Л.: «Без геологии у страны нет будущего» // Тюменские известия. 2008. 12 ноября.

[191] 70 лет тюменской геологии. Служа Отечеству. В двух томах / под общ.ред. А. М. Брехунцова, В. Н. Битюкова. Т. 2. Екатеринбург, 2019. С. 365.

сийскнефтегазгеология» (Правдинская, Красноленинская, Назымская, Берёзовская НГРЭ), «Обьнефтегазгеология» (Сургутская, Ноябрьская, Восточно-Сургутская, Юганская НГРЭ) и «ХантыМансийскгеофизика» (Тромаганская, Ампутинская, Югорская, Обская, Туринская ГФЭ и Ляминская группа партий).

Первый год работы концерна оказался сложным. Несмотря на открытие новых месторождений, государственный план по приросту запасов концерн не выполнил. Во многом это объяснялось изменившейся системой финансирования геологоразведочных работ. Если ранее оно зависело от прироста запасов углеводородного сырья, то теперь — от законченной скважины, пробуренной по определенному проекту в определенном месте и в определённые сроки. С годовым заданием справилось только объединение «Мегионнефтегазгеология».

Понимая сложность ситуации, инициативная группа в составе одиннадцати главных геологов производственных объединений во главе с главным геологом концерна А. М. Брехунцовым выступила с предложением о преобразовании концерна в научно-производственное предприятие, которое могло бы связать существующий производственный комплекс с научно-исследовательскими институтами, Вычислительным центром и Центральной лабораторией, чтобы работать на конечный геологический результат. Инициатива не получила поддержки.

В январе 1991 г. концерн «Тюменьгеология» вышел из состава союзной отрасли и перешёл в подчинение российского правительства, а в ноябре 1995 г. был упразднён. Как и прогнозировали специалисты, «концерн сыграл свою разрушающую роль, и главк, который создавался десятилетиями, утратил практически весь свой научно-производственный потенциал в течение пяти лет»[192].

Производственные объединения, входившие в его состав, акционировались и получили право на самостоятельную добычу углеводородного сырья. Отныне на них возлагалась вся полнота ответственности за определение целесообразности бурения глубоких скважин, выбор районов и объектов концентрации работ, методику поисков и разведки месторождений, а так же экономическую эффективность поисково-разведочных работ.

Таким образом, результатом поисково-разведочных работ 1950–1980 гг. на территории Югры стало открытие новой доминирующей нефтегазоносной провинции и создание надежной сырьевой базы для развития нефтяной и газовой промышленности округа не только в советский, но и постсоветский период. «Наши предприятия, — констатировал в своем выступлении на открытии Всероссийского съезда геологов в октябре 2008 г. министр природных ресурсов и экологии Российской Федерации Ю. П. Трутнев, — используют в основном ту геологическую информацию, результаты тех открытий, которые были сделаны еще в Советском Союзе, до начала 1990-х годов»[193].

Открытие в 1953 г. Берёзовского газового месторождения сыграло «судьбоносную» роль в дальнейшей истории Ханты-Мансийского округа, поскольку не только дало возможность продолжить поиск, что было особенно важно в условиях принятого (и реализуемого!) решения о свертывании работ на севере области, но и интенсифицировать его, кардинально изменив при этом географию разведки. Открытие Шаимского нефтяного месторождения

[192] 70 лет тюменской геологии. С. 365.

[193] Отечественная геология. 2009. № 1. С. 6.

(1960 г.) подтвердило и нефтяные перспективы округа. В течение 1953–1965 гг. основной объём поисково-разведочных работ Тюменского геологического управления в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств был сосредоточен в Берёзово-Шаимском районе. Как показало время, надежды на «большой газ» в Сибирском Приуралье не оправдались. Однако необходимо признать, что Берёзовская и Шаимская экспедиции стали настоящими «кузницами» кадров для тюменских геологов и геофизиков, позволившими многим из них приобрести бесценный производственный опыт.

На территории Среднего Приобья до 1959 г. работы на нефть и газ проводило Новосибирское геологическое управление, специалисты которого подготовили ряд структур и начали бурение опорных и поисковых скважин. Открытие высокодебитных Мегионского и Усть-Балыкского месторождений позволили поставить вопрос о проведении опытно-промышленной (пробной) эксплуатации, которая должна была не только «визуализировать» тюменскую нефть, но и доказать рентабельность ее добычи. Необходимо подчеркнуть, что первая нефть, отправленная на Омский НПЗ в 1964 г., была добыта и отгружена геологами из разведочных скважин.

Дальнейшее расширение географии и увеличение объёмов поисково-разведочных работ обусловили необходимость осуществления соответствующих структурных изменений в геологической службе округа. Геологи созданного в 1967 г. треста «Обьнефтегазразведка» в течение трех лет смогли разведать и подготовить к разработке мощную ресурсную базу для организации добычи нефти нефтепромысловыми управлениями округа — «Сургутнефть», «Мегионнефть» и Юганскнефть». Ликвидация трестов в 1970 г. и возвращение к прежней структуре управления, как выяснилось позже, была ошибкой, которую удалось преодолеть созданием в 1976 г. производственного объединения «Обьнефтегазгеология». Объединение, ставшее самой крупной подобной организацией в стране с численностью в 35 тыс. чел., за годы своего существования подготовило и передало нефтяникам 140 месторождений с запасами 3,773 млрд т углеводородного сырья.

С упразднением в 1990 г. Главтюменьгеологии, а позже и концерна «Тюменьгеология» была решена и судьба объединения «Обьнефтегазгеология», которое в 1996 г. изменило форму собственности на открытое акционерное общество, одним из первых получившее лицензию на проведение геологоразведочных работ, самостоятельную добычу нефти и ее реализацию.

Глава 2

Нефтяная и газовая промышленность региона: становление и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса

Истоки разработки проекта «Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс (ЗСНГК)»

Новые задачи, стоявшие перед страной к началу 1960-х гг. — необходимость обновления материально-технической базы экономики и ускорения темпов научно-технического прогресса — нельзя было решить без перестройки структуры топливно-энергетического баланса в пользу нефти и газа. Она, в свою очередь, должна была привести к отраслевым сдвигам в экономике, изменениям в территориальном развитии производительных сил.

Это обусловило необходимость подготовки «Генеральной схемы развития и размещения производительных сил страны и ее районов», что являлось новым опытом в советской практике планирования. «Генеральная схема» (или «Генеральная перспектива») становилась, по сути, предплановым документом, который характеризовал направления развития единого народнохозяйственного комплекса СССР в отраслевом и территориальном разрезах. Наряду с Комплексной программой научно-технического прогресса СССР, разрабатываемой на 20 лет, «Генеральная схема» служила исходной базой для подготовки Основных направлений экономического и социального развития СССР на 5, 10 и 15 лет[194]. Существенные изменения в системе государственного планирования на рубеже 1960-х гг. объяснялись и переходом на преимущественно территориальный принцип управления в связи с созданием во второй половине 1950-х гг. совнархозов и усилением региональных органов власти.

Составление Генеральной схемы потребовало серьёзного научного сопровождения, поэтому Госпланом СССР к работе над документом была привлечена Академия наук (АН) СССР. Ее орган — Совет по изучению производительных сил страны (СОПС) — в качестве голов-

---

[194] Карпов В. П. Север и Арктика в «Генеральной перспективе» СССР: проблемы комплексного освоения // Уральский исторический вестник. 2016. № 1. С. 91.

ной организации в 1959 г. приступил к исследованиям по проблеме «Генеральная схема размещения производительных сил, обеспечивающая наиболее эффективное использование природных и трудовых ресурсов, всестороннее развитие хозяйства и культуры союзных республик и экономических районов». Научный отчет под названием «Генеральная схема» появился в 1960 г. Этот 500-страничный документ включал три раздела: «Общие проблемы размещения производительных сил в генеральной перспективе»; «Схема размещения основных центров материального производства»; «Проблемы перспективного размещения производительных сил в отдельных зонах СССР».

СОПС, как преемник Комиссии по изучению производительных сил и природных ресурсов России, созданной академиком В. И. Вернадским ещё в 1915 г., был единственным в стране научным органом, накопившим информацию практически о всех районах страны[195]. Он работал в тесном контакте с плановыми, научными и хозяйственными учреждениями в республиках и регионах СССР. Согласно указанию Госплана СССР (в 1960–1966 гг. — Госэкономсовета) уже в 1964 г. СОПС представил проект Генеральной схемы на 1966–1970 гг., а в 1966–1970 гг. разработал, совместно с другими организациями, Генеральную схему развития и размещения производительных сил СССР на 1971–1980 гг.

Особое место в проектировках «Генеральной схемы» занимал Сибирский Север с его громадным природным потенциалом. Разработчиками был учтён опыт советского руководства экономикой Севера, отличавшийся разнообразием институционально-организационных форм. В 1960–80-е гг. главным вектором социально-экономического развития страны становится создание крупных территориально-производственных комплексов (ТПК) в восточных и северных районах СССР. Плановая экономика, наличие всех имеющихся ресурсов в руках государства позволяли сконцентрировать значительные силы на стратегически важных направлениях, решать крупные народнохозяйственные проблемы.

Исходя из вышесказанного, задачу создания нефтяной и газовой промышленности на севере Западной Сибири нельзя рассматривать только как региональную проблему. Она была национальной и по целям, и по масштабам: страна крайне нуждалась в новых источниках энергии. XXII съезд КПСС в октябре 1961 г. назвал ориентиры по добыче нефти и газа на 1980 г., которые исходили из задач социальной и экономической политики страны. Планируемые уровни добычи нефти и газа должны были обеспечить: 1) развитие транспорта, включая такие его нефтяные виды, как автомобильный, авиационный, тепловозный; 2) химизацию народного хозяйства; 3) газификацию теплоснабжения городов и сельских населённых пунктов страны[196].

Таким образом, «открытие века» в Западной Сибири позволяло достойно ответить на новые вызовы времени, появился важнейший ресурс для ускорения социально-экономического роста СССР, для укрепления его внешнеполитических позиций.

Важно отметить и тот факт, что формирование нового нефтегазодобывающего центра СССР было во многом продолжением и развитием предыдущих шагов правительства по обеспечению экономики страны энергией и топливом. Освоение природных ресурсов Коми республики — западного соседа Тюменской области — дало первый и ценный опыт разработки нефтяных богатств в условиях низких температур, в тяжелых климатических условиях.

---

[195] Разработка и реализация проектов экономической и социальной модернизации Сибири в XX веке / Долголюк А. А. [и др.]; Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2015. С. 83.

[196] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 372, 373, 390.

С одной стороны, к нефтяному потенциалу Ханты-Мансийского национального округа всё больше интереса проявлял Центр, а с другой, и местные руководители стремились преодолеть экономическую отсталость округа: колоссальные ресурсные возможности лесной и рыбной отраслей промышленности не могли изменить малоперспективный для государства экономический статус Югры. Его, по мнению руководителей области и округа, могли поднять только нефть и газ, добыча которых способна радикально преобразить экономический ландшафт Ханты-Мансийского национального (с 1978 г. — автономного) округа.

В период разработки «Генеральной схемы» СССР СОПС провел научно-практические конференции и совещания в крупных областных и краевых центрах Сибири и Дальнего Востока с привлечением ведущих учёных страны, представителей министерств, ведомств, плановых органов, местных партийных и советских лидеров. В 1966 и 1968 гг. такие конференции прошли в Томске, в 1968 и 1969 гг. — в Тюмени. В последней приняли участие более 1000 человек — руководители министерств и ведомств, видные учёные страны, ведущие специалисты НИИ. На пленарных и панельных заседаниях конференции было заслушано более двухсот докладов по проблемам развития производительных сил области, размещения основных отраслей хозяйства, формирования и использования трудовых ресурсов, градостроительной политике[197].

Научные конференции и совещания имели важное значение в определении перспектив и основных направлений развития территории. На основании научно выработанных рекомендаций Тюменский обком КПСС неоднократно входил в ЦК КПСС, Госпланы СССР и РСФСР с запросами и предложениями по важнейшим проблемам развития «своего» региона. Тюмень поднимала вопросы не только об использовании месторождений нефти и газа ХМНО, но и о необходимости развития в нем электроэнергетики, о поставке нефтегазопромыслового оборудования и техники в специальном, «северном» исполнении, о развитии магистрального транспорта углеводородов, об усилении геологоразведочных работ на нефть и конденсат, о социальных проблемах освоения новой нефтегазоносной провинции[198]. Предложения региона легли в основу постановлений ЦК КПСС и правительства, распорядительных документов отдельных министерств по ЗСНГК[199]. Рекомендации Тюменской научно-практической конференции 1969 г., в частности, были использованы при подготовке постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 декабря 1969 г. «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири». В нем цель программы создания новой топливно-энергетической базы СССР была задана в виде контрольных цифр по добыче нефти и газа на 1975 и 1980 гг., определялась совокупность сопряженных задач, необходимых для достижения намеченных объёмов производства[200].

Большой резонанс имело обсуждение проблем Тюменского Севера на другой научно-практической конференции, связанной с развитием и размещением производительных сил Сибири, организованной СОПСом совместно с Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения (СО) АН СССР в Новосибирске, в мае 1969 года. В первый день ее работы были заслушаны доклады академиков М. А. Лаврентьева,

---

[197] Тюменская правда. 1969. 18 июня.

[198] ГАСПИТО. Ф. П-2010. Оп. 1. Д. 6. Л. 11; Оп. 9. Д. 49. Л. 14; Ф. П-124. Оп. 200. Д. 16. Л. 15.

[199] Нефть и газ Тюмени в документах. В 3-х тт. Свердловск, 1971–1979. Т. 2. С. 111–112, 245; Т. 3. С. 5–36, 181, 200.

[200] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. Т. 7. М., 1970. С. 579–582.

Н. Н. Некрасова, А. А. Трофимука, Л. А. Мелентьева, чл.-корр. АН СССР (в последующем — академика) А. Г. Аганбегяна о роли науки в развитии производительных сил Сибири, ее месте в общесоюзном разделении труда, топливно-энергетических ресурсах Сибири, ее социально-экономических проблемах.

В 1977 г. по инициативе Президиума СО АН СССР была разработана «Программа научных исследований и разработок по комплексному использованию природных ресурсов и развитию производительных сил Сибири» (Программа «Сибирь»), которая стала играть ведущую роль в определении перспектив развития региона. В разработке и реализации программы принимали участие научные центры в Иркутске, Красноярске, Новосибирске, Томске, Тюмени, Улан-Удэ и Якутске.

В 1979 г. был сформирован Научный совет по программе «Сибирь» во главе с академиком А. А. Трофимуком. Шесть секций Научного совета обеспечивали координацию исследований и разработок специалистов из более 400 организаций 60 министерств и ведомств страны[201]. Секция минеральных ресурсов Сибири объединяла 14 программ, включая программу «Нефть и газ Западной Сибири». Секция регионально-экономических программ определила основы формирования главных ТПК Сибири, включая Западно-Сибирский ТПК[202]. Таким образом, при проектировании ЗСНГК использовался весь научный потенциал страны.

В программе «Сибирь» учёные отстаивали принципы: 1) повышения уровня жизни сибиряков как необходимого условия развития экономики региона и планомерного регулирования демографических процессов; 2) комплексного развития экономики Сибири, подразумевавшего достижение баланса добывающих и перерабатывающих отраслей в регионе при максимально возможной эффективности производства, сокращении транспортных затрат; 3) комплексного решения экологических проблем. Природоохранная тематика программы «Сибирь» впервые задавала экологические ограничения при выборе стратегии освоения новых районов, в процессе использовании нефтегазовых ресурсов[203].

Действовавшая с 1978 по 1995 г. программа «Сибирь» стала важным механизмом координации научных исследований, концентрации усилий на актуальных проблемах социально-экономического развития севера Тюменской области. К сожалению, в практике создания ЗСНГК далеко не всегда учитывались рекомендации учёных, а текущие интересы нередко заслоняли перспективу оптимального развития отечественного Севера.

Тем не менее, первые шаги в формировании крупных ТПК Севера обнадеживали: в 1960-е — 1970-е гг. в европейской части страны складывался Мурманский ТПК, в республике Коми и в Ненецком АО — Тимано-Печорский, в северной части Красноярского края — Норильский, а на севере Тюменской и Томской областей — Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. Тенденции территориального смещения центров роста нового производства в направле-

---

[201] Куперштох Н. А. Программа «Сибирь» и развитие экономического потенциала региона во второй половине XX века // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XI Всерос. науч. конференции / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН. В 2 т. Екатеринбург, 2013. Т. 1. С. 108.

[202] Куперштох Н. А. Интеграционная роль программы «Сибирь» в изучении производительных сил региона // История науки и техники. 2012. № 6. С. 29–30.

[203] Куперштох Н. А. Проблемы природопользования и охраны окружающей среды в программе «Сибирь» // Проблемы территориальной организации природы и общества: материалы Всерос. науч. конф. Иркутск, 2012. С. 200–204.

нии северных широт хорошо видны на примере отдельных государственных субъектов. Так, в республике Коми валовая продукция промышленности выросла в 1960–80 гг. в 2,7 раза, в Якутской АССР — в 4,1, в Эвенкийском автономном округе — в 9,7, в Ямало-Ненецком — в 27,4, а в Ханты-Мансийском автономном округе — в 36,8 раза[204]!

Стратегия создания нефтегазодобывающей промышленности округа

Разработка стратегии создания нового нефтегазодобывающего района предполагала наличие четко сформулированного курса на достижение социально-экономических целей, постановку долгосрочных и среднесрочных задач, определение их иерархии и соподчинения, методов решения и соответствующее распределение ресурсов. Прогнозирование и планирование в условиях создания крупного нефтегазодобывающего района имели особое значение. В 1960-е гг. основными методами такого прогнозирования были экспертные оценки различных организаций, связанных, в первую очередь, с геологоразведкой, а также с добычей нефти и газа, с планированием развития промышленности. На практике плановым органам и проектным организациям приходилось ждать, когда Государственный комитет по запасам (ГКЗ) утвердит запасы нефти в том или ином районе. А он не мог утвердить запасы без получения достаточно полной информации от геологов. Иногда процесс оценки запасов затягивался на долгие годы[205]. В результате невозможно было заблаговременно подготовить всю необходимую инфраструктуру, которая соответствовала бы планам разработки месторождений. Так было и на Самотлоре, и в Мамонтово, и в Салыме, практически везде на Югорском севере.

Рис. 2.26. Карта основных нефтедобывающих районов Ханты-Мансийского автономного округа. Из открытых источников

[204] Летопись Севера. Т. 11. М, 1985. С. 103.

[205] Чурилов Л. Д. Моя история советской нефти (записки последнего министра). М., 2016. С. 89.

Рис. 2.27. Александр Константинович Протозанов — первый секретарь Тюменского промышленного обкома КПСС (1963–1964). 1964 г. Фото из кн.: Комгорт М. В., Майданов В. С. Лидер нефтегазовой революции. Тюмень, 2013. С. 105

Прогнозы геологов и нефтяников о запасах месторождений нередко расходились, так как геологи обычно завышали запасы открытых месторождений, а нефтяники выступали против слишком оптимистичных прогнозов, потому что опасались невыполнимых планов добычи, которые составят разработчикам месторождений плановики на основании геологических оценок. Центральные органы, в свою очередь, недоверчиво относились к тем перспективам, которые рисовали тюменские руководители. Настороженно встречали предложения северян в Госплане РСФСР. Так, на предложение секретаря Тюменского обкома КПСС А. К. Протозанова организовать в области добычу нефти объёмом 10–15 млн т в год заместитель председателя Госплана заявил, что «огромные запасы нефти и газа, о которых много говорят тюменцы, не более чем плод провинциального воображения»[206].

В работах историков нашли освещение разнообразные сценарии освоения нового нефтяного района, обсуждавшиеся в 1960-е гг.[207] В них показано, что в правительстве, наряду с тюменским, рассматривались в тот период и другие перспективы нефтедобычи: в Казахстане, в Коми АССР и Архангельской области, в акватории Каспийского моря. Выбор — на каком направлении сконцентрировать главные силы — не был окончательным даже после принятия принципиального решения о создании Средне-Обского ТПК на базе нефтяной и газовой промышленности Тюменской и Томской областей. По словам Б. Е. Щербины, «масштабы, темпы, география добычи нефти и газа были неопределенными на всем протяжении 60-х годов»[208].

Об этом свидетельствуют и воспоминания экс-министра нефтяной промышленности СССР Л. Д. Чурилова, который утверждал, что, несмотря на интерес руководства страны к новой нефтегазоносной провинции, перспектива освоения открытых месторождений не была очевидной. «У меня сложилось такое впечатление, — писал он, — что в 1964 году, когда мы приступили к обустройству первых месторождений, правительство еще не определило значения Западной Сибири ни в нефтяной отрасли, ни в народном хозяйстве страны в целом»[209]. Существовавшие сомнения Центра по поводу тюменской нефти озвучил на совещании в Тюмени в конце 1967 г. заместитель председателя Совета Министров СССР М. Т. Ефремов: «Сначала — „А есть ли нефть в Тюмени?“. Затем — „Как там строить?“. Наконец, — „Кто туда

---

[206] Комгорт М. В. Александр Константинович Протозанов — секретарь промышленного обкома // Горные ведомости. 2012. № 12. С. 69–70.

[207] Славкина М. В. Как в 1960-е годы принималось решение об освоении Западной Сибири // Нефть, газ и бизнес. 2004. № 8–9. С. 68–72; Карпов В. П. Тюмень в нефтяной политике СССР в 1960-е гг. // Горные ведомости. 2006. № 12. С. 96–101.

[208] Карпов В. П. Б. Е. Щербина — организатор создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Горные ведомости. 2011. № 6. С. 85–86.

[209] Чурилов Л. Д. Моя история советской нефти (записки последнего министра). М., 2016. С. 67.

поедет работать?“»[210]. Во второй половине 1960-х гг. продолжались и дискуссии нефтяников с гидроэнергетиками о приоритетах в развитии промышленности региона: гидроэлектростанции или нефтяная промышленность станет локомотивом региональной экономики? Только в декабре 1969 г., через 5 с лишним лет после начала эксплуатации месторождений ХМНО, было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» и вопрос о строительстве ГЭС был окончательно снят с повестки дня.

Западно-Сибирский нефтегазовый проект был реализован под прямым руководством Политбюро ЦК КПСС. Вопросы ЗСНГК, в числе других, курировал секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих. Он вспоминал позднее: «Нефтяная и газовая промышленность буквально пронизывала экономику страны. В условиях централизованного планирования синхронизировать и скоординировать процессы в экономике Западно-Сибирского нефтегазового комплекса могла только авторитетная и объединяющая сила. В ту пору это была КПСС, ее ЦК, партийные организации на местах. Фактически постановления ЦК КПСС и Совмина СССР по ЗСНГК для внутрихозяйственной жизни страны имели силу закона»[211].

Рис. 2.28. А. Н. Косыгин в Тюмени (на переднем плане). На снимке второй слева — Б. Е. Щербина. 1969 г.
Фото из статьи: Тимошенко В. П., Карпов В. П. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс
в орбите международных отношений: обретения и потери // Горные ведомости. 2014. № 4. С. 84

В. И. Долгих раскрывает технологию подготовки и принятия распорядительных документов Центра по Тюмени, а, значит, и по Югре. «Вопросы ставила сама жизнь. Проблему выдвигал обком КПСС, затем она глубоко изучалась — с привлечением министерств, местных

[210] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 184. Д. 64. Л. 114.

[211] Долгих В. И. Область особой заботы // Нефтегазостроители Западной Сибири. В 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 19.

Рис. 2.29. Геннадий Павлович Богомяков, первый секретарь Тюменского обкома КПСС (1973–1990). Музейный фонд РФ. Госкаталог

Рис. 2.30. Б. Е. Щербина, Н. К. Байбаков и Г. П. Богомяков (на снимке слева направо). 1970 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

органов власти, отделов Госплана, науки. Затем формировалась соответствующая записка по существу проблемы, которая докладывалась Совету Министров, — и далее — если предстояло принять постановление ЦК и Совмина — принималось принципиальное решение Политбюро. Затем шло поручение Госплану для проработки вместе с министерствами, ведомствами, местными советскими, хозяйственными, партийными органами. После того как вопрос был подготовлен, Совет Министров СССР передавал его в ЦК на согласование и утверждение... И пусть схема эта не покажется громоздкой и заорганизованной. В документах такого рода требовалось исходить из реальных возможностей, которыми располагала страна, экономика, из имеющихся ресурсов»[212].

Ответственность за проведение политики Центра на местах несли, в первую очередь, региональные партийные лидеры. Масштаб их личности определял размах задач, которые решались на Севере. Фактически Тюменской областью руководили Б. Е. Щербина (первый секретарь обкома в 1961–1973 гг., в 1963–1964 гг. — первый секретарь сельскохозяйственного обкома КПСС), А. К. Протозанов (в 1963–1964 гг. — первый секретарь Тюменского промышленного обкома КПСС) и Г. П. Богомяков («первый» в 1973–1990 гг.).

Ханты-Мансийский окружком КПСС, который в 1964 г. возглавлял С. Ф. Соловьев, при принятии принципиальных решений по развитию новых в регионе отраслей промышленности следовал в фарватере политики областного комитета партии. По мнению Л. Д. Чурилова, «хотя Ханты-Мансийский округ занимал половину территории Тюменской области, на которой были расположены основные нефтяные месторождения, его столица Ханты-Мансийск была всегда как бы в стороне, может быть, потому, что располагалась вдалеке от нефтяных месторождений»[213]. Но не только поэтому, конечно. Во-первых, Ханты-Мансийский

[212] Долгих В. И. Область особой заботы. С. 20.

[213] Чурилов Л. Д. Моя история советской нефти. С. 116.

Рис. 2.31. С. Ф. Соловьев, первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС (на фотографии 4-й слева) отвечает на вопросы Н. К. Байбакова, председателя Государственного комитета химической и нефтяной промышленности при Госплане СССР. Нижневартовский р-он, раб. пос. Нижневартовский. 1964 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Рис. 2.32. Антонина Георгиевна Григорьева — председатель Сургутского райисполкома (1960–1969), председатель Ханты-Мансийского окружного Совета народных депутатов (1969–1982). 1969 г. Музей геологии, нефти и газа

окружком был под Тюменским обкомом по статусу, во-вторых, среди окружных партийных работников в 1960-е гг. практически не было специалистов нефтяной промышленности. Но со временем и на окружном уровне появились яркие партийные и советские лидеры — А. Г. Григорьева и В. В. Бахилов (Сургут), С. Д. Великопольский (Нижневартовск), В. В. Китаев и В. А. Чурилов (Ханты-Мансийск).

В 1964–1967 гг. главные события нефтяной промышленности Югры разворачивались в Сургуте и нефтяникам очень повезло, что местный райком партии возглавил Василий Васильевич Бахилов. «Первый секретарь райкома знал всех первых руководителей лично, считал своей обязанностью быть в курсе всех дел любой новой организации. Куда шли первые руководители, если что-то тормозилось или не решалось? Естественно — в райком… Интересно было наблюдать, когда происходила встреча В. В. Бахилова с некоторыми высокопоставленными руководителями из Тюмени или Москвы. Вначале этот руководитель (если он встречался с Василием Васильевичем в первый раз) держал себя несколько, я бы сказал, надменно (подумаешь, какой-то секретарь райкома, я, мол, таких знаю сотни!). Но проходил час, другой — несколько очень точных вопросов Бахилова и очень корректных ответов (на вопросы гостей — *авт.*) — и барская спесь слетала с приезжего чиновника. Хорошо, что это было не очень часто: большинство руководителей министерств, ведомств, главков прилетали в Сургут с искренним желанием помочь»[214]. Таким Бахилова запомнил Л. Д. Чурилов, проработавший с ним в одном районе почти 9 лет.

Проблемный анализ постановлений Тюменского обкома КПСС о работе промышленных коллективов и отдельных отраслей промышленности области показывает, какие вопросы были в центре внимания партийных органов. В отраслевом разрезе, бесспорно, главное внимание

[214] Чурилов Л. Д. Моя история советской нефти. С. 122.

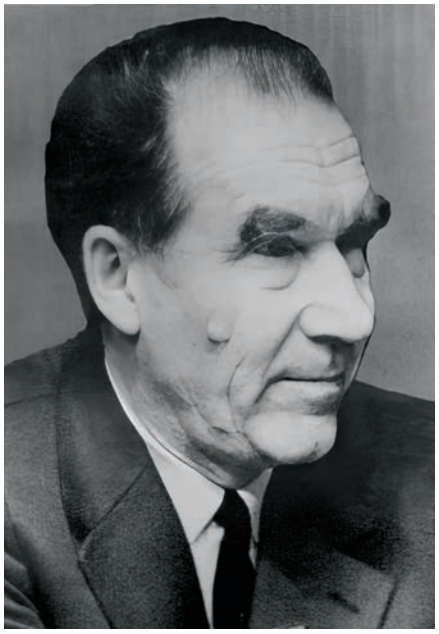


Рис. 2.33. Василий Васильевич Бахилов — первый секретарь Сургутского горкома КПСС (1959–1970). Герой Социалистического Труда. Фото из открытых источников

было уделено нефтегазодобывающей промышленности и производственным коллективам, обслуживающим ее, — геологии, нефтегазового строительства, транспорта, энергетики. В 1971–1975 гг. Тюменский обком КПСС на пленумах, бюро, секретариате и областных партийно-хозяйственных активах рассматривал вопросы развития нефтяной, газовой промышленности и геологии 58 раз[215]. По основной направленности затронутых вопросов постановления обкома могут быть разделены на несколько групп, сопоставление которых ясно показывает, какие проблемы областная партийная организация считала важнейшими. Прежде всего, это капитальное строительство, ввод и освоение новых мощностей ЗСНГК. Непосредственно к этой группе примыкает другая, касающаяся научно-технического прогресса, эффективности производства. Три менее компактные группы постановлений были посвящены: во-первых, анализу повседневной деятельности отдельных предприятий нефтегазовой промышленности; во-вторых, организации соревнования, распространению передового опыта; в третьих, работе нижестоящих партийных органов в центрах нефте- и газодобычи.

В вопросе о том, как формировалась стратегия развития нового нефтяного района, следует обратить внимание и на то, кто определял темп нефтедобычи. Со второй половины 1970-х гг. ускорения требовала Москва. Но на старте проекта неоднократное увеличение плановых цифр нефтедобычи инициировала сама Тюмень[216]. В результате, в 1970 г. в ХМНО было добыто нефти почти в шесть раз больше, чем планировалось в 1962 г. — 28,5 млн т[217]. Если говорить о точности прогнозирования в развитии нового нефтяного района, то такой разрыв в плановых и фактических показателях говорит не в пользу плановиков. Он не мог не сказаться на перспективе и комплексности индустриального освоения северного округа.

Вместе с тем, нельзя говорить об импровизационном характере процесса создания новой топливной базы, так как ясна была цель — обеспечить растущие потребности государства в энергии и топливе. Что касается методов решения этой задачи, то власть с самого начала нацеливала взять богатства региона «не числом, а умением», т. е. с помощью новейших достижений науки и техники. И в Центре, и на месте представлялось невозможным создать новый крупный индустриальный центр традиционными методами, только концентрацией ресурсов в новом нефтяном районе. Вот почему научно-техническую политику[218] следует рассматривать как важнейшую составляющую стратегии создания НГК.

---

[215] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 211. Д. 160. ЛЛ. 4–9. (Подсчет).

[216] Карпов В. П. Б. Е. Щербина — организатор создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Горные ведомости. 2011. № 6. С. 85–86.

[217] Экономика и культура ХМАО за 50 лет (в цифрах). Ханты-Мансийск, 1980. С. 12.

[218] Существуют различные определения научно-технической политики государства, но большинство исследователей рассматривают ее как составную часть социально-экономической политики,

В разработке и реализации научно-технической политики участвовали и Центр, и регион. Тюмень поставила перед Москвой вопрос о создании новых и укреплении имевшихся научно-исследовательских и проектных учреждений непосредственно в РНПО. При активной помощи областного руководства за 1966–1970 гг. в Тюменской области было создано 19 научно-исследовательских институтов и филиалов НИИ нефтегазового профиля из других регионов страны[219]. Научным штабом по изучению геологии и нефтегазоносности Западной Сибири стал Западно-Сибирский научно-исследовательский геологоразведочный нефтяной институт (ЗапСибНИГНИ), образованный летом 1964 г. на базе тюменского филиала Сибирского НИИ геологии, геофизики и минерального сырья (г. Новосибирск). Директором института был назначен профессор Н. Н. Ростовцев — автор плана поисковых работ на нефть в Западной Сибири, один из первооткрывателей новой нефтегазоносной провинции.

К 1971 г. в Тюмени работало уже 25 (вместе с ранее созданными), к 1976-му — свыше 30 научных организаций, связанных с разведкой и освоением недр. В 1970-е гг. в Тюмени, Сургуте и Нижневартовске открывались филиалы всесоюзных отраслевых научно-исследовательских, проектно-конструкторских организаций, самостоятельные НИИ и КБ, такие как Гипротюменнефтегаз, Сибирский НИИ нефтяной промышленности (СибНИИНП), ВНИИ нефтяного машиностроения (ВНИИнефтемаш) и газовой промышленности (ВНИИгаз). Серьезную помощь с самого начала оказывали научные центры страны — более 100 институтов включились в эту работу уже в 1966 г.[220]

Рис. 2.34. Открытие задвижки на Усть-Балыкском месторождении. В центре снимка А. К. Протозанов и В. В. Бахилов. 1964 г. Фото из кн.: Комгорт М. В., Майданов В. Д. Лидер нефтегазовой революции. Тюмень, 2013. С. 130

Рис. 2.35. Сергей Дмитриевич Великопольский — секретарь Нижневартовского ГК КПСС (1969–1978), заместитель начальника объединения «Главтюменнефтегаз» (1983–1986). 1986 г. Фото из кн.: Комгорт М. В., Майданов В. Д. Лидер нефтегазовой революции. Тюмень, 2013. С. 322

которая выражает отношение государства к научной и научно-технической деятельности, определяет цели, направления, формы деятельности органов государственной власти в области науки, техники и реализации достижений науки и техники в народном хозяйстве.

[219] Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень, 2005. С. 46.

[220] Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 1. Свердловск, 1971. С. 9; Т. 3. Свердловск, 1979. С. 9.

Рис. 2.36. Выступает В. В. Китаев, первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома КПСС. Дом культуры «Октябрь». Ханты-Мансийск. 17 декабря 1982 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Если в решении отраслевых проблем регионального масштаба участвовали, главным образом, Центр и регион в лице областного руководства, то непосредственно на нефтегазовом Севере был организован собственный поиск форм и средств решения отраслевых проблем. С 1970 г. во всех центрах нефтедобычи ХМНО создаются органы управления научно-техническим прогрессом (НТП) — Советы содействия техническому прогрессу (ССТП). Структура ССТП определялась спецификой задач нефтегазодобывающего района, а также сложившимися традициями участия местных органов власти в решении задач НТП. В Нижневартовске, например, такой Совет включал секции геологии и разработки, бурения, строительства и обустройства, добычи нефти; в Сургуте ССТП объединил нештатные отделы по добыче нефти и капитальному строительству, районный экономический совет и совет ВОИР (Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов), секции научной организации труда (НОТ), научно-технической информации (НТИ), а также инициативную группу по распространению передового опыта[221]. Активное участие в работе ССТП принимали ведущие отраслевые специалисты. В Нефтеюганске это были Б. А. Барский — главный инженер треста «Нефтеюганскгазстрой», Ю. Д. Лобанов — главный инженер Мамонтовского управления буровых работ, М. Г. Кононенко — заместитель начальника НГДУ «Юганскнефть», В. В. Калмыков — начальник центральной инженерно-технической службы (ЦИТС) этого же управления[222].

Наряду с ССТП в Нижневартовске (1972 г.), Нефтеюганске (1972 г.) и Урае (1975 г.) начали действовать Советы директоров предприятий, в состав которых входили первые руководители: В. И. Хлюпин, А. Г. Исянгулов, В. А. Абазаров, Р. И. Кузоваткин и другие известные нефтяники. Основными направлениями работы стали: координация деятельности отдельных предприятий с учетом рационального использования денежных средств, материалов, механизмов, машин; объединение материальных и людских ресурсов для решения межведомственных вопросов и оказания взаимной помощи; выявление резервов производства, правильное плани-

[221] ГАСПИТО. Ф. П-96. Оп. 37. Д. 17. Л. 102; Ф. П-104. Оп. 21. Д. 7. Л. 53; Ф. П-107. Оп. 35. Д. 20. Л. 43; Ф. П-113. Оп. 22. Д. 2. Л. 130.

[222] ГАСПИТО. Ф. П-2044. Оп. 5. Д. 26. Л. 2.

рование капитальных вложений с целью получения максимального экономического эффекта; комплексное развитие отраслей производства, использующих местные сырьевые ресурсы.

Коллективы нефтяников использовали разнообразные пути и средства движения к общей цели. Сургутские предприятия, например, возглавили работу по применению различных типов турбобуров; промысловики Нефтеюганска отрабатывали вопросы внедрения автоматики в производство, буровики Нижневартовска — методы и технологию скоростной проходки скважин; коллектив управления «Правдинскнефть» — газлифтный способ добычи нефти[223]. Ученые и производственники в короткий срок определили пути комплексной автоматизации и механизации производственных процессов, выработали принципиальные решения по обустройству месторождений, нашли эффективные методы их разработки. Таким образом, совместными усилиями Центра и региона были обеспечены сверхсжатые сроки создания нового нефтегазодобывающего района СССР.

Создание структуры нефтегазовой промышленности округа

Начало освоения месторождений и становление структуры нефтегазовой промышленности Югры сопровождалось обсуждением проблемы выбора приемлемой модели управления и организации производством. Одни специалисты выступали за образование совнархоза, который будет специализироваться только на производстве нефти и газа. Другие предлагали образовать в Тюмени самостоятельное Министерство нефтяной и газовой промышленности[224]. Верх взяла концепция В. Д. Шашина (с 1965 г. — министр нефтяной промышленности СССР), предложившего структуру управления, исходя из опыта организации нефтяного производства в Волго-Уральском районе. Предлагалась организация нефтегазодобывающих объединений сначала в Тюмени, а затем, по мере наращивания работ, создание новых организационных структур на севере области.

Пионером в структуре нефтегазовой промышленности Югры стал Берёзовский укрупненный нефтегазодобывающий промысел, созданный в 1962 г. В июне 1963 г. было образовано производственное управление «Тюменнефтегаз», преобразованное в одноименное производственное объединение (ПО) постановлением Совмина СССР 4 декабря 1963 г. Первостепенной задачей ПО было создание предприятий и организаций на нефтяных и газовых месторождениях и своевременная подготовка к эксплуатации Сургутской, Шаимской и Мегионской групп нефтяных, Игримской и Пунгинской групп газовых месторождений.

В структуре ПО «Тюменнефтегаз» на 1 января 1965 г. насчитывалось 20 подразделений, в том числе 3 нефтепромысловых управления (НПУ) «Шаимнефть», «Мегионнефть», «Сургутнефть», газопромысловое управление (ГПУ) «Игримгаз», впоследствии переданное в подчинение Мингазпрома СССР, Усть-Балыкская, Мегионская и Шаимская конторы бурения, строительно-монтажные управления в Тюмени, Усть-Балыке, Мегионе, Берёзово, Управление рабочего снабжения с отделениями в Игриме, Шаиме, Сургуте и Мегионе.

---

[223] Карпов В. П. Научно-техническая политика создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960-е — 70-е годы // Налоги. Инвестиции. Капитал. 2004. № 5–6. С. 89.

[224] Мальцев Н. А., Игревский В. И., Вадецкий Ю. В. Нефтяная промышленность России в послевоенные годы. М., 1996. С. 124.

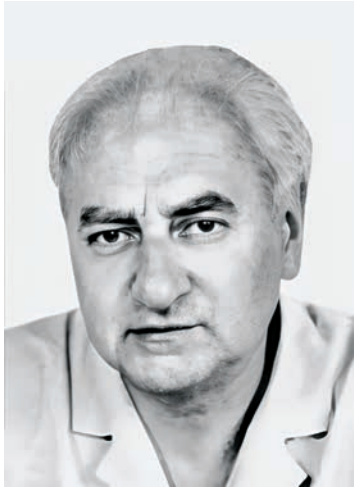


Рис. 2.37. Арон Маркович Слепян — начальник управления «Главтюменнефтегаз» (1964–1966). Из открытых источников

Начальником ПО «Тюменнефтегаз» был назначен А. М. Слепян, буровик-профессионал, хорошо известный в то время в Башкирии, а главным инженером — В. И. Тимонин, не менее известный, как специалист-нефтяник в Татарии. Логично, что А. М. Слепян стал приглашать в новый нефтяной район специалистов-буровиков из Башкирии, а В. И. Тимонин — из Татарии. В марте 1964 г. на должность главного инженера НПУ «Сургутнефть» из Татарии прибыл Л. Д. Чурилов — в последующем министр нефтяной промышленности СССР. В конце марта аппарат НПУ «Сургутнефть» был практически сформирован, началась организация нефтепромыслов в Усть-Балыке и Мегионе. Именно Усть-Балыкское и Мегионское месторождения были к тому времени наиболее разведанными, с них началась пробная эксплуатация. Отправку первой югорской нефти баржами на Омский нефтеперерабатывающий завод было решено отметить торжественными митингами в Усть-Балыке и Мегионе.

23 мая 1964 г. стартовала нефтедобыча в Ханты-Мансийском национальном округе. Первую нефть, как полагалось по традиции, мазали по лицам, фотографировались и снимки эти хорошо известны. Праздничный митинг в Мегионе едва не закончился катастрофой. В посёлке неудачно, с точки зрения гидродинамических процессов, выбрали место для причального дебаркадера. В результате под ним возникли водовороты и вымыло водой песок, образовался своеобразный висячий козырек. Береговая площадка рухнула ночью после митинга, собравшего накануне более 500 человек. Ясно, что случилась бы трагедия, произойди это несколькими часами ранее, во время праздника отправки первой нефти. Так Тюменский нефтегазовый север «предупредил» о том, как много будет неожиданностей на пути к подземным кладовым, — пишет в своих воспоминаниях секретарь Нижневартовского горкома КПСС (в 1970-е гг.) С. Д. Великопольский[225].

В посёлке Усть-Балык, ставшем пионером нефтяной промышленности в округе и области, отличились, наряду с первыми руководителями В. С. Иваненко и Л. Д. Чуриловым, операторы А. К. Пономарев и В. В. Балахонцев, мастер М. М. Фаррахов, заведующий мегионским промыслом Г. С. Арнапольский, старший инженер этого же промысла И. И. Рынковой, руководители Усть-Балыкской конторы бурения А. Н. Филимонов (директор, впоследствии удостоенный звания Героя Социалистического Труда), Л. Г. Савва, П. П. Коровин, Б. М. Бикбулатов, буровые мастера М. И. Сергеев, Р. Х. Аллаяров, В. М. Агафонов, ставшие первопроходцами в создании тюменской (югорской) школы буровиков. Первая наклонно пробуренная скважина, первый «куст» для наклонно направленного бурения пяти скважин[226], первая буровая установка на железнодорожном основании, первые 100 тыс. м проходки в год на 1 буровую бригаду в Среднем Приобье — таков маршрут развития этого знаменитого коллектива.

---

[225] Великопольский С. Д. О товарищах и друзьях с любовью. В 2-х ч. Ч. 2. Тюмень, 2021. С. 40–42.

[226] Постепенно число скважин в кусте выросло до 10-ти, а затем до 16-ти и даже до 24-х.

Матрицу нефтегазового освоения региона задавали геологи, следом приходили нефтяники. Они отвечали за организацию не только нефтедобычи, но и всей жизни на новом месте. «Возьмём, к примеру, начальника любого нефтепромыслового управления — пишет Л. Д. Чурилов. — Его зона ответственности была намного шире непосредственно разработки нефтяного месторождения. Он являлся „отцом-основателем“ нового поселения, даже целого района...»[227]. Поэтому нужно отдать должное первым руководителям нефтедобывающих предприятий — Р. Ш. Мамлееву, В. С. Иваненко («Сургутнефть»), Р. Х. Ханнанову («Шаимнефть»), Л. Д. Чурилову («Юганскнефть»), В. А. Абазарову и Р. И. Кузоваткину («Мегионнефть»)[228] — они отвечали в своём нефтедобывающем районе за всё. Вот как вспоминал о пионерном периоде первый начальник Усть-Балыкской конторы бурения А. Н. Филимонов: «... неторопливый АН-2 долго кружил на малой высоте, выбирая, где приземлиться: никто не ждал гостей... Где я в ту пору жил? Там, где оказывалось сегодня свободное место... Всё было проблемой: и жильё, и питание, и оборудование, и механизмы, и люди. Прибывали рабочие, забот становилось всё больше»[229].

Рис. 2.38. Александр Николаевич Филимонов — директор Усть-Балыкской конторы бурения треста «Тюменьнефтегаз» (1964–1971), начальник Нефтеюганского УБР (1971–1977), начальник ПО «Урайнефтегаз» (1977–1982), управляющий трестом «Юганскнефтеспецстрой» (1982–1987). Музейный фонд РФ. Госкаталог

В январе 1966 г. в округе стартовала и промышленная добыча природного газа: ГПУ «Игримгаз» начало эксплуатацию Пунгинского месторождения. Его продукция по газопроводу Игрим–Серов (завершен в марте 1966 г.) поступала на промышленные предприятия Урала. Однако газовая отрасль промышленности, в отличие от нефтяной, имела слабую ресурсную базу и не оправдала ожиданий, поэтому центр газодобычи стал смещаться на дальний Север — в соседний Ямало-Ненецкий национальный округ (ЯННО). Развитие газовой промышленности ХМНО в последующие пятилетки было связано не столько с добычей, сколько с переработкой попутного нефтяного газа и транспортом природного газа.

О динамике газодобычи в округе можно судить по таблице 2.1, из которой видно, что в 1965–1970 гг. регион обеспечивал практически всю добычу газа в Западной Сибири, но с начала 1970-х гг., когда началось освоение гигантских газовых месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа, удельный вес Югры в сибирской газодобыче стал стремительно падать и в 1975 г. составил 15,2 %, в 1980 г., — 0,8 %, а в 1990 г. — 0,5 %. Конечно, и 28,8 млрд кубометров газа (включая попутный нефтяной газ), добытых предприятиями округа в 1990 г. — это большая цифра. Скромно она выглядит лишь в сравнении с показателями ЯНАО.

---

[227] Чурилов Л. Д. Моя история советской нефти. С. 88.

[228] Главтюменнефтегаз: 40-летняя история Главка в свидетельствах очевидцев, воспоминаниях, документах и фотографиях. Тюмень, 2005. С. 316, 317.

[229] Югра: 75 ступеней вверх. Екатеринбург, 2005. С. 152.

Таблица 2.1

Добыча газа в СССР, Западной Сибири и Ханты-Мансийском автономном округе в 1965–1990 гг., млрд куб. м

Годы	СССР	Западная Сибирь	ХМАО-Югра	ХМАО в % к Западной Сибири
1965	126,7	0,003	**0,003**	100,0
1970	197,9	9,5	**9,3**	97,8
1975	289,0	38,0	**5,8**	15,2
1980	435,0	160,0	**13,3**	0,8
1985	643,0	381,0	**25,3**	0,6
1990	815,0	574,2	**28,8**	0,5

Источник: Социально-экономический паспорт ХМАО. 1986–1990 гг. — ГАТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 1340. Л. 7; Экономика и культура ХМАО за 50 лет (в цифрах). Ханты-Мансийск, 1980. С. 12; Тюменская область в цифрах за 1986–1990 гг.: Стат. сб. Тюмень, 1991. С. 122; Нефтяная промышленность Российской Федерации. 1995: Справочник. М., 1996. С. 24, 29, 32; СССР в цифрах в 1990 году: Крат. стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 208.

Возможности объединения «Тюменнефтегаз» действовать самостоятельно были очень ограничены московскими главками и в таких условиях сложно было решать многие вопросы. Необходимость образования структуры более высокого уровня была обусловлена и появлением на Тюменском севере подразделений многих министерств, с которыми нефтяникам надо было согласовывать свои действия. Проблемы строительства, транспорта, энергетики, связи и другие следовало решать с позиций всех заинтересованных сторон. Эту координацию было логично поручить нефтяному главку, так как именно нефтяники решали главную задачу и являлись основными заказчиками. Учитывая это, Совет Министров СССР в июне 1965 г. постановил организовать Главтюменнефтегаз с непосредственным подчинением его Совету народного хозяйства РСФСР и предоставить новой структуре права Совета народного хозяйства экономического района. Объединение «Тюменнефтегаз», переданное в ведение Главтюменнефтегаза, перевели в Сургут для оперативного руководства действовавшими нефтепромыслами ХМНО.

Первым руководителем нового нефтяного главка стал В. И. Муравленко (1965–1977 гг.). У него были прекрасные отношения с председателем Совмина СССР А. Н. Косыгиным, председателем Госплана СССР Н. К. Байбаковым, министром нефтяной промышленности СССР В. Д. Шашиным, секретарем ЦК КПСС В. И. Долгих. В. И. Муравленко создал команду настоящих профессионалов, в которую входили М. М. Крол, Ю. Б. Фаин, М. Н. Сафиуллин, В. И. Деринговский. Он смог уговорить лучших в своём деле специалистов — Ф. Г. Аржанова, Н. П. Дунаева, Р. И. Кузоваткина, В. В. Корелякова, В. Ю. Филановского — переехать из обжитых районов страны на Тюменский Север. Опираясь на эту команду В. И. Муравленко создал организацию, которая по своему потенциалу нередко превышала возможности Миннефтепрома[230]. В правительственных и в планово-директивных документах Главтюменнефтегаз

[230] Чурилов Л. Д. Моя история советской нефти. С. 105.

шел отдельной строкой под Миннефтепромом СССР, самостоятельно решал стратегические вопросы освоения нефтяного Севера и выстраивал свою производственно-ведомственную иерархию.

Поиск наиболее рациональных форм управления производством проводился с первых лет нефтедобычи. Однако в 1960-е гг. частые перестройки нередко проводились методом проб и ошибок, без достаточного экономического анализа, зачастую волевыми решениями. В первое время каждая контора бурения, каждое НПУ имело свою собственную материально-техническую базу, свое транспортное хозяйство, строительно-монтажный участок. «Местечковые масштабы, кустарщина и отчасти партизанщина», — так характеризовал систему материально-технического снабжения нефтедобывающих предприятий, транспорта, строительства заместитель начальника Главтюменнефтегаза М. М. Крол[231]. Поэтому в новом нефтедобывающем районе во весь рост встала задача совершенствования структуры управления и производства. Если в первой половине 1960-х гг., в виду бездорожья, отсутствия надежной связи и разбросанности производственных объектов, создавались комплексные предприятия, имевшие в своем составе все подсобные подразделения: транспорт, связь, снабжение, жилищно-коммунальное хозяйство и т.д, то в восьмой пятилетке (1966–1970 гг.) начинается новый этап, связанный с созданием многих новых предприятий, углублением специализации, совершенствованием внутрипроизводственных связей всех звеньев. С 1965 по 1970 гг. было ликвидировано 29 самостоятельных структурных подразделений, сокращено 1660 человек с годовым фондом заработной платы свыше 3 млн рублей[232].

Рис. 2.39. Здание Главтюменнефтегаза в Тюмени. 1970-е гг. Из открытых источников

Рис. 2.40. Рабочее совещание. Слева направо: начальник Главтюменнефтегазстроя А. С. Барсуков, начальник Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко, начальник Главтюменьгеологии Ю. Г. Эрвье. 1965 г. Сургутский краеведческий музей

Рис. 2.41. Ф. Г. Аржанов и Л. Д. Чурилов (в центре) на первомайской демонстрации в г. Нефтеюганске. 1967 г. Музей геологии, нефти и газа

[231] Юрасова М., Юрасова Г. В. И. Муравленко. Свердловск, 1986. С. 212.

[232] ГАТО. Ф. 1931. Оп. 1. Д. 104. Л. 9.

Рис. 2.42. Установка буровой вышки на Мегионском месторождении. 1965 г. Музей геологии, нефти и газа

К концу 8-й пятилетки в Ханты-Мансийском национальном округе разрабатывалось 6 нефтяных месторождений: Самотлорское, Усть-Балыкское, Шаимское, Правдинское, Мегионское и Ватинское. На каждом из них работало соответствующее НПУ. В 1970 г. с промыслов округа было получено 28,5 млн т или 90,7 % всей западно-сибирской нефти[233].

Крупные структурные изменения в отрасли произошли в 1970 г., в связи с общей перестройкой управления производством в Миннефтепроме СССР — переходом с 4–5-ти на 2–3-звенную систему. Свое видение организационной реформы в нефтяной промышленности министр В. Д. Шашин изложил на министерском совещании в январе 1970 г. и в статье, опубликованной в журнале «Нефтяное хозяйство»[234]. Основными производственными подразделениями по добыче нефти и бурению стали нефтегазодобывающие управления (НГДУ) и управления буровых работ (УБР), существовавшие до этого конторы и участки бурения, нефтепромысловые управления упразднялись. Для оперативного руководства производственными объектами вводилась система инженерно-технологических служб.

В результате реорганизации вместо пятизвенной (объединение — управление — нефтепромысел — участок добычи — бригада) в Главтюменнефтегазе осталась двухзвенная схема: главк — НГДУ, в бурении — трехзвенная: главк — объединение — УБР. Новая структура управления повысила оперативность руководства, открыла больше возможностей для проведения единой технической политики.

К второй половине 1970-х гг. в округе, как и в Западной Сибири в целом, завершилось, в основном, формирование мощного нефтегазового комплекса. На 17 нефтяных месторождениях действовали 3 825 скважин. В 1975 г. добыча нефти (включая газовый конденсат) в округе составила 143,2 млн т, её удельный вес в общесоюзной и западно-сибирской нефтедобыче составил соответственно 29,2 и 96,7 %[235].

---

[233] Экономика и культура ХМАО за 50 лет (в цифрах). Ханты-Мансийск, 1980. С. 12; СССР в цифрах в 1990 году: крат. стат. сб. М., 1991. С. 208.

[234] Шашин В. Д. Совершенствование организации производства, труда и управления в нефтедобывающей промышленности // Нефтяное хозяйство. 1970. № 1. С. 3–4.

[235] Югра: 75 ступеней вверх. Екатеринбург, 2005. С. 184.

К концу 9-й пятилетки (1971–1975 гг.) в структуре Главтюменнефтегаза действовали 7 НГДУ, 10 УБР, институт «Гипротюменнефтегаз», 13 СМУ, 16 транспортных предприятий, 10 баз производственно-технического обслуживания и комплектации (ПТОиК), 7 геофизических предприятий и другие вспомогательные подразделения[236]. Организационная структура главка представляла собой систему крупных объединений со строгой специализацией.

Рис. 2.43. Роман Иванович Кузоваткин — генеральный директор НО «Юганскнефтегаз» (1977–1983). 1986 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

В 1977 г., в целях укрепления первичного звена структуры управления, создания единых хозяйственных комплексов, несущих полную ответственность за становление и развитие нефтяных районов, в Ханты-Мансийском автономном округе были созданы крупные производственные объединения (ПО) по добыче нефти и газа: «Нижневартовскнефтегаз» (генеральный директор Вязовцев Леонид Иванович), «Сургутнефтегаз» (Захарченко Николай Петрович), «Юганскнефтегаз» (Кузоваткин Роман Иванович), «Урайнефтегаз» (Филимонов Александр Николаевич) с местонахождением соответственно в Нижневартовске, Сургуте, Нефтеюганске и Урае. Переработкой попутного нефтяного газа занималось ПО «Сибнефтегазпереработка» (г. Нижневартовск), транспортом газа — ПО Тюментрансгаз (г. Игрим, Берёзовский район). Самым известным из названных нефтяных «генералов» был Р. И. Кузоваткин, впоследствии назначенный начальником Главтюменнефтегаза. Звёздным часом для него стала работа в Нижневартовске, освоение месторождения Самотлор. «Роман Иванович Кузоваткин… Самотлор Иванович… Эти слова стали синонимами», — вспоминает С. Д. Великопольский[237].

Под началом вновь образованных ПО оказались десятки промышленных предприятий, связанных технологической цепочкой добычи нефти, большой технический и людской потенциал. О величине и структуре ПО, численности персонала, стоимости основных производственных фондов и объёмах валовой продукции предприятий можно судить на основе данных таблицы 2.2, материалы которой свидетельствуют о том, что в 1977 г. в самое крупное из ПО — «Нижневартовскнефтегаз» входили НГДУ «Мегионнефть», «Белозернефть», «Варьеганнефть» и «Нижневартовскнефть», в которых трудились 4 226 человек. Стоимость основных фондов объединения составила почти 1,2 млрд руб. Более 2,2 тыс. работников насчитывали предприятия ПО «Юганскнефтегаз» с фондами более 767 млн руб., почти 1,5 тыс. чел. — ПО «Сургутнефтегаз» (более 440 млн руб.). Общая численность промышленно-производственного персонала в ПО нефтяной и газовой промышленности округа в 1977 г. составила свыше 10 тыс. чел., стоимость производственных фондов — более 2,8 млрд руб., валовая продукция — около 2,4 млрд руб. Эти показатели свидетельствуют о концентрации больших людских и материальных ресурсов на месторождениях Югры.

---

[236] ГАСПИТО. Ф. П-2037. Оп. 1.Д. 19. ЛЛ. 21–23; Ф. П-124. Оп. 209. Д. 69. Л. 3; Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 3. С. 45, 54.

[237] Великопольский С. Д. О товарищах и друзьях с любовью. В 2-х ч. Ч. 2. Тюмень, 2021. С. 215

Таблица 2.2

Производственные объединения нефтяной и газовой промышленности Ханты-Мансийского национального округа в 1977 г.

Наименование и местонахождение предприятия	Год ввода	Численность ППП, чел.	Валовая продукция, в тыс. руб. В оптовых ценах предприятий на 1975 г.	Среднегодовая стоимость основных фондов, тыс. руб.
1. ПО Урайнефтегаз, г. Урай				
1.1. НГДУ Шаимнефть, головное предприятие, г. Урай	1977	771	63 991	230 310
2. ПО Нижневартовскнефтегаз г. Нижневартовск	1977	4 226	1 672 237	1 198 067
2.1. НГДУ Мегионнефть, г. Нижневартовск	1964	965	94 038	152 464
2.2. НГДУ Нижневартовскнефть им. В. И. Ленина, г. Нижневартовск	1971	1 103	821 691	509 400
2.3. НГДУ Белозернефть, г. Нижневартовск	1976	1 144	646 982	407 922
2.4. НГДУ Варьеганнефть, г. Нижневартовск	1976	314	109 526	128 261
3. ПО Сургутнефтегаз, г. Сургут	1977	1 481	284 298	441 071
3.1. НГДУ Сургутнефть им. 50-летия СССР, г. Сургут	1971	1 004	137 884	279 743
3.2. НГДУ Федоровскнефть, Г. Сургут	1977	477	146 414	161 328
4. ПО Юганскнефтегаз, г. Нефтеюганск	1977	2 204	354 639	767 103
4.1. НГДУ Правдинскнефть, п. Покровский, Сург. р-н	1968	822	94 171	332 129
4.2. НГДУ Юганскнефть Ордена Трудового Красного Знамени, г. Нефтеюганск	1971	1 382	260 468	434 974
5. ПО Сибнефтегазпереработка г. Нижневартовск	1974	991	40 584	96 426
6. ПО Тюментрансгаз, г. Игрим, Берёзовский район	1965	329	15 283	101 872
Всего	—	10 002	2 431 032	2 834 849

Источник: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 7531. Л. 3–4.

Быстрорастущие планы по росту добычи нефти обусловили необходимость ускоренного ввода в разработку новых нефтяных месторождений, выполнения значительных объёмов строительно-монтажных работ по сооружению объектов производственной инфраструктуры, строительству жилья в городах нефтяников. Ввод в разработку месторождений, удаленных на значительное расстояние от производственных баз, сосредоточенных в Сургуте,

вызвал необходимость формирования новых нефтедобывающих районов и производственных объединений. К началу 1980-х гг. в округе действовали около 100 ПО и трестов нефтегазовой промышленности, геологии и строительства[238].

В первой половине 1980-х гг. повысилась автономность нефтегазодобывающих управлений Ханты-Мансийского автономного округа в решении всего комплекса вопросов обеспечения запланированных объёмов добычи нефти, в их составе были организованы управления технологического транспорта, управления по эксплуатации электрических сетей и электрооборудования, цеха баз производственного обслуживания, строительно-монтажные управления, службы материально-технического снабжения и комплектации оборудования. В 1989 г. Главтюменнефтегаз (начальник — Валерий Исаакович Грайфер) включал, кроме образованных в 1977 г., ПО «Варьеганнефтегаз» (ген. директор — Анатолий Васильевич Сивак), «Лангепаснефтегаз» (Равиль Ульфатович Маганов) и «Красноленинскнефтегаз» (Борис Исаевич Нуриев). В 1990 г. из состава ПО «Нижневартовскнефтегаз» (ген. директор Виктор Остапович Палий) выделилось ПО «Мегионнефтегаз» (Анатолий Васильевич Фомин)[239].

Об основных показателях работы предприятий нефтегазовой промышленности округа в 1965–1991 гг. можно судить по таблице 2.3, из которой следует, что число предприятий в нефтяной промышленности округа (в 1965 г. — НПУ, в 1991 г. — ПО) выросло с 3-х до 14, численность промышленно-производственного персонала — с 862 до 46 476 человек. Товарная продукция увеличилась с 3 млн до 17,1 млрд рублей[240]. Численность занятых в газовой отрасли выросла в 1965–1991 гг. с 273 до почти 5 тыс. чел., а стоимость товарной продукции за эти же годы увеличилась с 1,1 млн до 1,6 млрд руб.

Таблица 2.3

Основные показатели работы предприятий нефтедобывающей и газовой промышленности Ханты-Мансийского национального/автономного округа в 1965–1991 гг.

Показатели работы предприятий	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1991 г.
Число предприятий в нефтедобывающей промышленности	3	5	6	15	22	14
Среднесписочная численность ППП, чел.	862	2955	5612	14470	29529	46476
Товарная продукция в оптовых ценах предприятий, действовавших в текущем году, млн руб.	3	312	1462	2541	7891	17072
Число предприятий в газовой промышленности	1	1	1	2	7	3
Среднесписочная численность ППП, чел.	273	2811	395	2740	3629	4971
Товарная продукция в оптовых ценах предприятий, действовавших в текущем году, млн руб.	1,1	55,3	22,5	152,7	439,1	1606,8

Источник: Народное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области за годы 8-й пятилетки (1966–1970 гг.). Стат. сб. Ханты-Мансийск, 1971. С. 28; ГАТО. Ф. 112. Оп. 1. Д. 5647. Л. 41; Д. 6708. Л. 4; Д. 9457. Л. 1.

---

[238] Югра: 75 ступеней вверх. Екатеринбург, 2005. С. 184.

[239] Плюс «Ноябрьскнефтегаз» и «Пурнефтегаз», расположенные в ЯНАО.

[240] В оптовых ценах предприятий, действовавших в текущем году.

Газодобыча в округе осуществлялась производственными объединениями «Сургуттрансгаз» (г. Сургут) и «Тюментрансгаз» (г. Игрим, Берёзовский район). Их основной задачей было обеспечение транспортировки газа по территории округа с месторождений ЯНАО. Основной объём газа в округе — 18–20 млрд куб. м ПНГ (попутный нефтяной газ) в год — обеспечивал в 1970-е — 1980-е гг. «Сургуттрансгаз». Добычу природного газа вело ПО Тюментрансгаз на Берёзово-Игримской группе месторождений, но объёмы добычи были незначительными и постоянно сокращались, составляя в 1980-е годы 1,2–0,4 млрд куб. м в год[241].

Успехи югорских нефтяников и газовиков очень зависели от работы строителей, проблемы которых решались с привлечением специалистов из лучших проектных институтов страны. Координировал эту работу коллектив института «Гипротюменнефтегаз». Его ведущие специалисты — О. А. Межлумов, Я. М. Каган, Ю. А. Лукашкин, А. И. Дунюшкин, А. Н. Хренов, С. А. Вассерман и другие — внесли большой вклад в разработку югорских месторождений. Во многом благодаря их усилиям темпы роста строительно-монтажных работ (СМР) были самыми высокими в истории нефтегазовой промышленности СССР — уже в 1973 г. в Среднем Приобье осваивался 1 млн рублей СМР в сутки[242].

В 1966 г. в округе были образованы тресты «Сургутгазстрой», «Нефтеюганскгазстрой» и «Мегионгазстрой». Они подчинялись Главному управлению по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири — Главтюменнефтегазстрою, образованому в феврале 1965 г. (начальник А. С. Барсуков). С созданием названных трестов началось формирование структуры нефтегазовой строительной индустрии в округе.

Организации Главтюменнефтегазстроя стали основными генеральными подрядчиками нефтяников по строительству систем сбора и хранения нефти и попутного нефтяного газа на промыслах, компрессорных станций, комплексных установок подготовки нефти, систем заводнения нефтяных пластов и других объектов промыслового обустройства. Кроме производственного строительства эти предприятия возводили Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск и другие нефтяные города.

В названии первых строительных трестов округа присутствует слово «газ», потому что сначала все строительные подразделения, занятые созданием НГК, собрало под своим началом Главное управление газовой промышленности при Совете Министров СССР (Главгаз СССР). Это было сделано по поручению Председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова. «Я чувствовал, — вспоминал позднее Н. К. Байбаков, — что для Западной Сибири необходима не простая передислокация, а серьёзное наращивание сил строителей. Но сначала их надо было объединить, собрав под мощной дланью, а проще говоря, переподчинив ведомству, на которое можно было рассчитывать всерьез в таком большом деле»[243]. Эту «длань» Н. К. Байбаков увидел в тогдашнем Главгазе СССР. Его возглавлял А. К. Кортунов, который назначил уполномоченным Газпрома по Тюменскому северу А. С. Барсукова. В итоге все строительные организации тюменской геологии оказались в составе Мингазпрома СССР, а Алексей Сергеевич Барсуков с 1965 г. возглавил Главтюменнефтегазстрой, в состав

---

[241] Колева Г. Ю. Нефтяная и газовая промышленность ХМАО — Югры (1964–2020 гг.) // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Проект «Академическая история Югры». Москва, Ханты-Мансийск, 2020. С. 464–465.

[242] Чурилов Л. Д. Моя история советской нефти. С. 79

[243] Байбаков Н. К. В череде великих свершений // Нефтегазостроители Западной Сибири. В 2-х т. М., 2004. Т. 1. С. 12.

которого вошли организации и предприятия Государственного производственного комитета по газовой промышленности СССР в Тюмени, Урае, Сургуте, Нефтеюганске и Нижневартовске.

Пионерный период был недолгим. В течение восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) сформировались крупные строительные коллективы, была создана база строительной индустрии. Много строили собственными силами и сами нефтяники. Главтюменнефтегаз реализовал свою схему организации службы капитального строительства в НГДУ, создав производственные отделы обустройства, численность которых соответствовала объёмам капитального строительства. Особое внимание уделялось подбору кадров для этих служб. В аппарате главка и на предприятиях трудились опытные специалисты, профессионалы капитального строительства: А. С. Парасюк, В. Н. Мусиенко, Г. М. Кукуевицкий, Т. Ш. Булатов, В. А. Шакшин, И. Г. Бакланов, В. Н. Артюхов, В. В. Дремлюга, В. Н. Бессолов, Х. Ш. Бикбов.

В результате, в 1964–1970 гг. было введено в строй около 80 установок подготовки нефти, кустовых и дожимных насосных станций, 1200 км линий электропередач, 4500 км промысловых трубопроводов, 1000-километровый нефтепровод Усть — Балык — Омск (1967 г.), к которому были подключены 8 месторождений Среднего Приобья, что позволило начать круглогодичную добычу нефти. Природный газ по 735-километровому газопроводу Игрим — Серов стал поступать в промышленные центры Урала[244]. За 10 лет объём СМР, выполняемых Главтюменнефтегазстроем для нефтяников, вырос с 1 (1965 г.) до 146 млн рублей (1975 г.)[245].

Рис. 2.44. Нефтеюганск. Суета нефтяного города. Конец 1970-х гг. Фото из статьи: Стась И. Н. Рождение нефтяных городов Ханты-Мансийского округа в период нефтегазового освоения Тюменской области // Архитектура и строительство России. 2013. № 6. С. 36

Рис. 2.45. Трасса нефтепровода Усть — Балык — Омск. 1965 г. Музей геологии, нефти и газа

[244] Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. Томск, 1988. С. 41

[245] Чурилов Л. Д. Моя история советской нефти. С. 78

Рис. 2.46. Первый поезд пришел в Сургут. 1975 г.
Из открытых источников

Еще выше, чем в нефтяной, был объём строительства в газовой промышленности — около 70% всех работ в отрасли. В 1966 г. в Тюмени было создано управление по добыче газа в Тюменской области — «Тюменгазпром» (с 1972 г. — Главтюменгазпром, Всесоюзное производственное объединение «Тюменгазпром»). В том же году появились подразделения Минтрансстроя СССР — управление «Тюменстройпуть» (на базе бывшего управления «Абаканстройпуть»), на которое была возложена задача строительства железной дороги Тюмень — Сургут, а также трест для выполнения работ по строительству автомобильных дорог в районах добычи нефти и газа — «Тюмендорстрой». Для индустриализации Тюменского Севера огромное значение имело сооружение в 1967–1979 гг. железной дороги Тюмень — Тобольск — Сургут — Нижневартовск, ставшей основной транспортной артерией для огромной территории.

Многократно возросшие в 1970-е годы объёмы строительства привели к созданию ещё одной крупной строительной организации — Главного производственного управления по строительству магистральных трубопроводов в районах Севера и Западной Сибири — Главсибтрубопроводстроя (1973 г.)[246]. Его первый начальник В. Г. Чирсков впоследствии стал министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности. За короткий срок было создано более 10 новых организаций главка, что существенно улучшило управление строительством трубопроводов и обустройством промыслов. В 1988 г. главк был преобразован в строительное объединение «ЗапСибтрубопроводстрой».

При организации других главков также были заложены определённые резервы для обеспечения возможности оперативного решения вопросов формирования внутри них новых структурных подразделений — трестов, управлений, объединений — и быстрого наращивания темпов работ. К 1990 г. в нефтяной и газовой промышленности Ханты-Мансийского автономного округа действовали сотни предприятий более двух десятков производственных главков, ведущими из которых были Главтюменнефтегаз, ВПО Тюменгазпром, Главтюменнефтегазстрой, Главтюменьгеология и Главсибтрубопроводстрой.

Комплектование трудовых коллективов и подготовка кадров

Как бы ни была сложна задача непосредственного освоения месторождений, наибольшие трудности, по мнению специалистов, представляла проблема обеспечения нового нефтедобывающего района трудовыми ресурсами. Формирование производственных коллекти-

[246] Нефть и газ Тюмени в документах. 1971–1975. Т. 3. Свердловск, 1979. С. 156.

вов осложнялось не только отсутствием в регионе специалистов нефтяной и газовой промышленности (к началу разработки месторождений в Тюменской области насчитывалось лишь несколько инженеров-нефтяников из бывшего нефтегазопромыслового управления Средне-Уральского СНХ), но и неблагоприятной демографической ситуацией, поскольку плотность населения в РНПО округа была в 38 раз ниже, чем в среднем по РСФСР[247]. Если в основных нефтедобывающих районах Поволжья и Северного Кавказа на 1 км² территории приходилось 44–48 человек, то в ХМНО — 0,05–0,2 человека[248]. Поэтому в начальный период трудовые коллективы должны были комплектоваться преимущественно за счет привлечения работников из других районов СССР. Остроту проблемы смягчало то обстоятельство, что общая ситуация с трудовыми ресурсами в стране была в 1960-е годы менее напряженной, чем в последующие десятилетия.

Другая трудность в решении кадровой проблемы заключалась в отсутствии социальной инфраструктуры в РНПО и невозможности быстро обеспечить нормальный быт и досуг работников в условиях массового образования новых производственных коллективов и быстрого роста их численности при том, что уже к 1970 г. в новых отраслях промышленности округа работало около 100 тыс. чел.[249]. Учитывая эти объективные трудности, правительство

Рис. 2.47. Плакат «Тюмень зовёт!» Худ. Р. В. Сурьянинов. 1980 г. Из открытых источников

Рис. 2.48. Панорама посёлка Нижневартовский. Вид с вертолёта. Весна 1966 г. Фото из статьи: Стась И. Н. Рождение нефтяных городов Ханты-Мансийского округа в период нефтегазового освоения Тюменской области // Архитектура и строительство России. 2013. № 6. С. 33

[247] Нефть Сибири. М., 1973. С. 205.

[248] Калитченко И. А. Трудовые ресурсы Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции // Проблемы освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. Новосибирск,1966. С. 66.

[249] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 202. Д. 6. Л. 23.

в постановлении от 4 декабря 1963 г. обязало руководителей организаций и предприятий оказывать содействие рабочим и специалистам, пожелавшим перейти на работу в нефтегазовую промышленность Западной Сибири. «Тюмень получила уникальную возможность заполучить уже подготовленные и квалифицированные кадры нефтяников, строителей, энергетиков, авиаторов и других специалистов, так как свои, местные кадры появились в регионе только в начале 70-х годов», — отмечал Л. Д. Чурилов[250].

Тюменский промышленный обком КПСС взял под свой контроль прием и трудоустройство прибывающих в РНПО рабочих и специалистов. Рассмотрению этих вопросов были посвящены совместные заседания бюро Тюменского обкома и облисполкома 25 августа и 17 сентября 1964 г. Они приняли решение «О подготовке к приему, размещению, трудовому использованию и бытовому обслуживанию прибывающих в область рабочих»[251]. Немного позже в аналогичную работу включились партийные и советские органы ХМНО.

Для привлечения и закрепления кадров в округе работникам нефтегазовой промышленности и строительства был установлен районный коэффициент к заработной плате 1,7, вместо существовавшего прежде — 1,3. В Сургутском районе в середине 1960-х гг. действовали шесть систем оплаты труда: у лесорубов, рыбаков, советских работников — 30 %-ная надбавка к зарплате; у речников и авиаторов — 50 %; у нефтяников и строителей — 70 %; у геологов — 100 % (вместе с полевыми); у строителей нефтепроводов — 120 % (вместе с полевыми)[252]. Согласно постановлению Совета Министров СССР от 29 января 1965 г. «О льготах для работников, занятых на работах по освоению нефтяных и газовых месторождений в Тюменской области», отбывающим на нефтегазовый север оплачивался переезд к месту работы и выдавались подъемные — в размере двух месячных окладов по прибытии на место.

Печать, радио и телевидение много рассказывали об «открытии века», перспективах развития и значении новой нефтегазоносной провинции. Помочь ее становлению вызвались тысячи квалифицированных рабочих и специалистов из Башкирии, Татарии, Поволжья и других старых нефтяных районов страны. В 1965 г. из 20 тыс. чел., работающих в нефтегазовой промышленности ХМНО, посланцы этих районов составляли 90 %[253]. В последующие годы география районов — источников пополнения кадрами ЗСНГК значительно изменилась. В середине 1970-х гг. более 50 % новых рабочих-нефтяников прибывало из южных районов Западной Сибири, почти 24 % — с Урала, около 8 % — из Поволжья[254].

В новый нефтегазодобывающий район поехали не только отдельные рабочие и специалисты, но и целые производственные коллективы. Уже в 1964–1965 гг. прибыли в полном составе 7 буровых и вышкомонтажных бригад Р. Х. Аллаярова, Я. С. Вагапова, Г. М. Лёвина, Н. И. Литовченко, Г. П. Петрова, В. Г. Тимченко, А. Д. Шакшина. Приехали опытные организаторы нефтяной промышленности В. И. Муравленко, А. Г. Исянгулов, В. И. Хлюпин, А. Н. Филимонов[255]. Специалисты из старых нефтяных районов страны везли с собой богатый профессиональный опыт. Нефтяники Башкирии и Татарии — индустриальные

---

[250] Чурилов Л. Д. Моя история советской нефти. С. 117

[251] ГАСПИТО. Ф. П-2010. Оп. 9. Д. 47. Л. 19; Д. 51. Л. 27, 35–37.

[252] Лагунов К. Нефть и люди // Новый мир. 1966. № 7. С. 213.

[253] Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. Томск, 1988. С. 89

[254] Тюменская правда. 1975. 14 октября.

[255] Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 219.

методы строительства вышек и опыт фонтанной добычи нефти, куйбышевцы — мастерство проходки глубоких скважин, бакинцы — все, что накопила старейшая нефтяная промышленность страны.

Общий поток прибывающих в Тюменскую область работников был столь значительным, что даже в годы становления нового нефтяного района рабочие таких ведущих профессий, как бурильщики, вышкомонтажники, операторы, дизелисты набирались в значительной степени из числа тех, кто приехал в порядке общественного призыва. По оргнабору и переводу прибывали, как правило, только квалифицированные рабочие и специалисты. В 1965 г. на эти формы комплектования кадров приходилось 4–6 %[256].

В 1965 г. ЦК ВЛКСМ объявил объекты по освоению нефтяных и газовых месторождений региона Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. В Тюмени начал работу штаб ЦК ВЛКСМ ударной стройки, а на каждом крупном ее объекте — комсомольские штабы, которые занимались подбором и расстановкой кадров, трудоустройством приезжающей молодежи. В 8-й пятилетке ЦК ВЛКСМ направил на освоение нефтегазовых месторождений региона более 20 тыс. юношей и девушек, в 9-й — 30 тыс. чел[257]. Привлечение молодежи обусловило средний возраст населения нефтяных городов, который составил в 1979 г. в Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске и Урае 26 лет[258].

Рис. 2.49. Встреча в Сургутском аэропорту буровой бригады Героя Социалистического Труда Р. Х. Аллаярова. Пос. Сургут. 1965 г. В центре фото слева направо В. В. Бахилов и Р. Х. Аллаяров. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Рис. 2.50. Актив Штаба ЦК ВЛКСМ на Всесоюзной ударной комсомольской стройке в Тюменской области. 1960-е гг. Фото из кн.: Майданов В. С. Исповедь идеалиста: Кн 1. Тюмень, 2007. С. 40

Рис. 2.51. Бойцы Всесоюзной ударной комсомольской стройки «Железная дорога Сургут — Новый Уренгой». Фото из кн.: История Ямала. Т. 2. Кн. 2. Екатеринбург, 2010. С. 158

[256] Пилипенко Е. И. Формирование кадров строителей в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири // Из истории партийных организаций Западной Сибири и Урала. 1917–1980 гг. Тюмень, 1981. С. 68–70.

[257] Ежов В. А., Ваксер А. З., Труфанов И. П. Рабочий класс СССР в годы 9-й пятилетки. М., 1978. С. 55.

[258] Гаврилова Н. Ю., Карпов В. П., Голованова О. И. Государственная политика по формированию социокультурного пространства в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980-е гг.) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2021. Т. 14. № 3. С. 49–50.

Рис. 2.52. Студенческие строительные отряды на Тюменском ж/д вокзале перед отправкой на Север. 1974 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Заметную помощь нефтяникам оказали студенческие строительные отряды (ССО), первые из которых прибыли в Тюменскую область летом 1965 г.[259] За этот сезон ССО общей численностью 1600 человек выполнили работ почти на 4 млн рублей, соорудив более 100 производственных и жилищно-бытовых объектов. Летом 1967 г. прибыло уже более 8 тыс. студентов из 83 вузов РСФСР и Украины. Они построили 547 объектов, освоив около 22 млн рублей капиталовложений[260]. В последующие годы численность ССО на стройках комплекса составляла ежегодно 18–20 тыс. чел.[261].

Удельный вес форм привлечения кадров различался как по предприятиям производственных главков, так и по периодам создания нового нефтегазодобывающего района. Тем не менее можно назвать основные, к которым следует отнести: 1) перевод из других предприятий министерства, сыгравший большую роль в пионерный период; 2) вольный наём (прием работников предприятиями на месте); 3) общественный призыв, включая молодёжь, направленную по комсомольским путёвкам; 4) организованный набор (как правило, в трудоизбыточных районах страны); 5) привлечение спецконтингента (условно-осужденные и досрочно освобожденные из исправительно-трудовых лагерей и колоний). Последняя из названных форм в первые годы использовалась достаточно широко, главным образом, в строительстве. В 1964–1966 гг. спецконтингент составлял на стройках севера Тюменской области до половины от общего числа работающих[262]. Во второй половине 1960-х гг. на работу в подразделения Главтюменнефтегазстроя было привлечено 8,3 тыс. чел. спецконтингента, в то время как по оргнабору этот главк получил вместе с демобилизованными воинами

[259] Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 1. Свердловск, 1971. С. 427.

[260] Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 1. С. 427; Т. 2. С. 114; Тюменская правда. 1967. 23 ноября.

[261] Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. Томск, 1988. С. 91.

[262] Очерки истории Тюменской области. С. 219.

8,5 тыс. чел.[263]. К середине 1970-х гг. использование труда заключенных на обустройстве месторождений было сведено до минимума. Тем не менее и в более поздний период их труд использовался на строительстве кирпичного завода в посёлке Локосово и газоперерабатывающих предприятий в городе Нижневартовск, а также на трассах трубопроводов[264].

Таким образом, задача обеспечения нового нефтегазодобывающего района кадрами была решена. О росте численности занятых в новых отраслях промышленности округа можно судить по таблице 2.4, из которой следует, что в 1965–1979 гг. численность нефтяников округа выросла с 2,9 до 23,6 тыс. чел., геологов — с 3,8 (1970 г.) — до 15,7 тыс. чел., строителей — с 14,5 до 111,5 тыс. чел., работников транспорта — с 4,7 до 60,4 тыс. чел. Быстрое увеличение тружеников строительства и транспорта было напрямую связано с ростом нефтедобычи в округе. А вот газовиков к 1980 г. стало в 2,5 раза меньше — 700 человек против 1800 в 1965 г., что объясняется перемещением основных объёмов газодобычи в Ямало-Ненецкий автономный округ.

Таблица 2.4

Динамика численности работающих по отраслям народного хозяйства Ханты-Мансийского национального/автономного округа, тыс. чел.

Численность работающих	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1979 г.
Всего по округу	83,5	136,8	239,1	363,7
В том числе:				
В промышленности	32,4	36,5	55,2	70,9
Из них:				
в нефтяной	2,9	3,7	10,3	23,6
в газовой	1,8	2,3	4,9	0,7
в геологии	–	3,8	11,4	15,7
в строительстве	14,5	28,6	69,7	111,5
на транспорте	4,7	11,2	28,6	60,4

Источник: Экономика и культура Ханты-Мансийского автономного округа за 50 лет (в цифрах). Ханты-Мансийск, 1980. С. 8.

К концу 1980-х гг. на предприятиях и стройках нефтегазового комплекса Западной Сибири было занято около 800 тысяч человек[265], но это уже нельзя назвать успехом: со второй половины 1970-х гг. лавинообразный рост трудовых коллективов был обусловлен замедлением темпов автоматизации промыслов и научно-технического прогресса в целом, ухудшением организации управления, производства и труда.

---

[263] Карпов В. П. Западно-Сибирский нефтегазовый проект… С. 283.

[264] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 205. Д. 96. Л. 78; Оп. 207. Д. 99. Л. 89.

[265] Очерки истории Тюменской области. С. 219.

Рис. 2.53. Буровой мастер С. Н. Урусов (в центре) делится опытом с молодёжью. 1975 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Одновременно с привлечением кадров из-за пределов Тюменской области большое внимание уделялось организации их подготовки на месте. Учитывая остроту проблемы, Тюменский промышленный обком КПСС в 1964 г. принял постановление о развитии в области системы профессионально-технического образования. Он обязал управление профтехобразования, объединение «Тюменьнефтегаз» и геологоуправление обеспечить в 1964–1966 гг. строительство 5 типовых профтехучилищ в Тюмени и Сургуте на 3 600 мест, укомплектовав их квалифицированными педагогическими кадрами и создав необходимую материальную базу[266]. В 1966 г. Главтюменнефтегазстрой открыл 5 ПТУ на более чем 1000 обучающихся. Для нефтяников начали подготовку кадров базовые училища в Ханты-Мансийске и Тобольске, ежегодно выпуская более 500 молодых рабочих. В Тюмени было открыто училище геологов, ежегодно выпускавшее в 1966–1970 гг. 250 буровиков, монтажников, электриков, взрывников, слесарей по ремонту оборудования. В итоге, к концу 8-й пятилетки действовали 9 ПТУ с контингентом 2 357 человек[267].

В 9-й пятилетке ПТУ увеличили ежегодный выпуск специалистов почти на 6 тыс. чел.[268]. Однако, несмотря на рост системы профтехобразования, предприятия ЗСНГК удовлетворяли за счет выпускников ПТУ лишь незначительную часть своей потребности в рабочей силе — не более 3–5 %[269]. Учитывая это, Тюменский обком КПСС ориентировал руководителей предприятий на развертывание профучебы кадров непосредственно на производстве, поставив задачу подготовить таким образом уже в 8-й пятилетке 20 тыс. чел.[270]. Важной фор-

---

[266] Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 1. С. 407–408, 414.

[267] Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. С. 93

[268] Подсчитано по: Тюменская область в цифрах. 1971–1975 гг.: Стат. сб. Свердловск, 1976. С. 102; Народное хозяйство Томской области за 1971–1975 гг.: Стат. сб. Новосибирск, 1976. С. 64.

[269] Пилипенко Е. И. Формирование кадров строителей в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири // Из истории партийных организаций Западной Сибири и Урала. 1917–1980 гг. Тюмень, 1981. С. 68.

[270] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 182. Д. 54. Л. 283.

мой подготовки кадров становятся учебно-курсовые комбинаты (УКК) при нефтепромысловых управлениях, строительных и геологоразведочных трестах. Первые УКК были созданы в 1965 г. при управлениях «Игримгаз», «Сургутнефть», «Шаимнефть» и «Мегионнефть» с числом обучавшихся до 400 человек в каждом. К концу 8-й пятилетки работали 13 УКК, в которых было обучено 7,5 тыс. рабочих по 30 специальностям[271].

Одновременно принимаются меры по организации индивидуального и бригадного обучения при НПУ и конторах бурения с числом обучающихся соответственно в 200–250 и 100–150 человек в каждом производственном подразделении. С середины 1960-х гг. буровые мастера Г. И. Норкин, С. Н. Урусов, Н. У. Жумажанов, Н. Б. Карамов, И. И. Иванов, Е. М. Ткачев, Е. Т. Ушаков и другие передавали свой опыт молодежи[272]. Так были подготовлены сотни буровиков, механиков, операторов по добыче нефти. Если у нефтяников и газовиков преобладало обучение через УКК (соответственно 52,0 и 80,0 % к общему числу), то у строителей — индивидуальное и бригадное обучение (65,0 %)[273]. В последующие годы эти формы подготовки новых рабочих оставались ведущими.

В начале 1970-х гг. для подготовки кадров в условиях производства сложились более благоприятные возможности: во-первых, завершилось в основном формирование трудовых коллективов; во-вторых, была создана материальная база для производственной учебы; в-третьих, предприятия располагали уже большим количеством дипломированных специалистов, а большую часть рабочих составляли люди с высоким уровнем общеобразовательной подготовки. В подразделениях Главтюменнефтегаза специалисты с высшим образованием составляли в 1971 г. 15,8 %, Главтюменнефтегазстроя — 13,5 % к общему числу работающих[274], более 80 % рабочих-нефтяников имели полное и неполное среднее образование. Используя индивидуальное, бригадное и курсовое обучение, предприятия нефтегазовой промышленности подготовили в 1971–1975 гг. более 13 тыс. нефтяников, 12,6 тыс. строителей, более 2 тыс. газовиков[275].

Одновременно большое внимание уделялось повышению квалификации тех работников, которые уже овладели нужной профессией. С 1964 г. при нефтепромысловых управлениях и конторах бурения было организовано обучение вторым профессиям, открылись на общественных началах школы по изучению передовых методов труда и производственно-технические курсы[276]. В последующие годы повышение профессионального мастерства рабочих обеспечивала ведомственная учебно-производственная база. Повышение квалификации осуществлялось в УКК и непосредственно на производстве: через школы коммунистического труда и передового опыта, производственный инструктаж на рабочем месте, наставничество, курсы целевого назначения, курсы по изучению смежных специальностей и др. Через различные

---

[271] Алексеев В. В., Пашков Н. М. Партийное руководство созданием и развитием нефтегазового комплекса Западной Сибири // Вопросы истории КПСС. 1983. № 6. С. 62.

[272] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 400. ЛЛ. 434, 436, 438.

[273] РГАЭ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 482. Л. 185; Д. 1021. Л. 127; Д. 1553. Л. 145; Д. 2137. Л. 158; Д. 2739. Л. 180.

[274] Ним Б. А. Изменение численности и состава нефтяников Западной Сибири // Численность и состав рабочих Сибири в условиях развитого социализма. 1959–1975 гг.: материалы к истории рабочего класса Сибири. Новосибирск, 1977. С. 75.

[275] Карпов В. П. Экономическая подготовка в трудовых коллективах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Трудовые коллективы Сибири: проблемы формирования и развития. Новосибирск, 1985. С. 85.

[276] Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 1. С. 347.

формы подготовки в 1970-е годы повысили квалификацию тысячи рабочих округа. В результате, за десятилетие удельный вес рабочих-нефтяников с 4–6 разрядами вырос с 56,2 до 76,4 %[277].

Много внимания уделялось подготовке руководителей, инженерно-технических работников (ИТР). К 1966 г. в геологоразведочных, нефтедобывающих, буровых и строительных предприятиях трудилось около 6 тыс. ИТР, прибывших из старых нефтяных районов СССР. Недостаток специалистов только на предприятиях Главтюменнефтегаза составлял свыше 1100 человек, 40 % должностей замещались практиками. Из 60 руководителей предприятий главка треть не имели не только высшего, но и среднего специального образования. Такое же положение сложилось и в Главтюменнефтегазстрое[278].

Большую роль в преодолении дефицита кадров ИТР сыграло открытие в Тюмени Индустриального института (ТИИ), который стал готовить инженеров по 9 специальностям нефтегазового профиля. По просьбе нефтяников институт в 1964 г. открыл учебно-консультационный пункт (УКП) в г. Сургуте, в последующие годы — в Тобольске, Нижневартовске, Нефтеюганске, Когалыме и других городах. Это приблизило подготовку специалистов к местам добычи нефти и газа. Укрепив материальную базу и кадровый потенциал, УКП превратились в филиалы, а Тобольский УКП получил статус Индустриального института. После решения проблемы подготовки специалистов в крупных городах были организованы нестационарные филиалы Тюменского нефтегазового вуза в малых городах Тюменского Севера — Урае, Лангепасе, Нягани, Муравленко, Покачах, Советском. Наряду с ТИИ существенный вклад в решение кадровой проблемы внесли машиностроительный техникум и инженерно-строительный институт в Тюмени, открытые соответственно в 1956 и 1971 гг., геологоразведочный техникум в Томске и нефтяной техникум в Сургуте, созданные в 1964 и в 1973 гг.[279]

К 1976 году в нефтегазодобывающей промышленности и строительных организациях Тюменской области работали свыше 30 тыс. ИТР — в 4,5 раза больше, чем в 1966 г. При этом сократилось количество практиков: среди газовиков — с 35,4 до 23,6 %, строителей — с 29,7 до 18,8, нефтяников — с 41,5 до 13,1 %[280]. Удельный вес дипломированных специалистов Главтюменнефтегаза был выше, чем в любом другом нефтяном районе страны.

Созданный резерв для комплектования кадров руководящего звена позволил в 1970-е — 1980-е гг. отказаться от массового приглашения специалистов из других районов страны, комплектовать руководство вновь организуемых предприятий в основном за счет собственных кадров. Таким образом был сформирован аппарат управления Мамонтовского УБР, треста «Тюменнефтестрой», транспортного управления, нового главка — «Главсибтрубопроводстрой» и многих других предприятий и организаций.

Если за 8-ю пятилетку в резерв на руководящие должности было зачислено 560 специалистов Главтюменнефтегаза, из которых 320 чел. были на них впоследствии назначены[281],

---

[277] Карпов В. П. Экономическая подготовка в трудовых коллективах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Трудовые коллективы Сибири: проблемы формирования и развития. Новосибирск, 1985. С. 91.

[278] Тюменская правда. 1966. 8 марта, 8 мая.

[279] Тюменская правда. 1966. 8 марта; 1971. 27 февраля; 1973. 2 сентября; Северная звезда. 1966. 30 августа.

[280] РГАЭ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 482. Л. 187; Д. 2739. Л. 177; Ф. 458. Оп. 1. Д. 237. Л. 20; Д. 2221. Л. 39; Д. 2108. Л. 116.

[281] Нефть Сибири. С. 208.

то в 9-й пятилетке на вышестоящие должности предприятий Главтюменнефтегаза было выдвинуто уже свыше 1,5 тыс. ИТР[282]. Тюменскую школу руководящих кадров прошли многие специалисты нефтегазовой промышленности, выросшие до руководителей крупных коллективов и даже отраслей. Среди них Ю. Г. Эрвье, Л. И. Ровнин, Б. Е. Щербина, Ю. П. Баталин, В. Г. Чирсков, Ф. Г. Аржанов, Р. И. Кузоваткин, Ю. Н. Вершинин, В. Л. Богданов, В. И. Муравленко, В. А. Городилов, В. И. Грайфер, Ю. К. Шафраник и другие. Л. И. Филимонов и Л. Д. Чурилов были переведены из Тюмени в Москву на должность министра нефтяной промышленности страны. Первым заместителем министра геологии СССР стал преемник Ю. Г. Эрвье на посту начальника Главтюменьгеологии Ф. К. Салманов. Б. Е. Щербина возглавил Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР.

Кадровая политика создания нового нефтяного района позволила сформировать трудовые коллективы необходимой численности, способные решать поставленные задачи. Однако проблема текучести кадров не была решена ни на первом, ни на втором этапах. Нестабильность трудовых коллективов увеличивала расходы на подготовку новых работников. Хотя предприятия нефтегазовой промышленности готовили рабочих в количестве, превышающем потребности, все отрасли комплекса испытывали их нехватку. В Главтюменнефтегазе обеспеченность рабочими кадрами в 1980 г. составляла 82,0 %[283]. Если в 1966–1980 гг. текучесть рабочих среди нефтяников снизилась с 75 до 24 %, газовиков — с 82 до 29,7 %, строителей — с 89 до 30 %, то уже в 1981 г. она вновь превышала 30 % и в Главтюменнефтегазе, и в Тюменгазпроме, и в Главтюменнефтегазстрое[284].

Несмотря на то, что в пионерный период проблема ИТР в нефтяной промышленности округа была в целом решена, в 1980 г. укомплектованность специалистами-нефтяниками составила 89 %, при этом высокой была их сменяемость[285]. Главной причиной этого стало быстрое увеличение объёмов нефтедобычи со второй половины 1970-х гг. в условиях уже имевшегося отставания социальных «тылов». Не останавливал отток кадров и «рублевый фактор», действовавший довольно эффективно в 1960-е годы.

Социалистическое соревнование

Важную роль в мобилизации трудящихся на выполнение поставленных перед округом задач играло социалистическое соревнование. Особую роль этого движения на нефтегазовом Севере обусловил ряд факторов: ответственность за оперативное решение общегосударственных задач, масштабы геологоразведки, строительства, нефте- и газодобычи; сложные природно-климатические условия, широкий приток молодежи. Многочисленные документы отражают повседневную работу партийных, профсоюзных, комсомольских организаций по руководству трудовым соперничеством. Вопросы социалистического соревнования,

---

[282] Сибирская нефть. М., 1977. С. 14.

[283] Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. С. 123.

[284] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 229. Д. 78. Л. 6; Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. С. 123.

[285] Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. С. 124

Рис. 2.54. Очередная трудовая победа на Самотлоре буровой бригады Г. М. Лёвина. 1976 г. Музей геологии, нефти и газа

Рис. 2.55. Буровые мастера: слева направо: А. Д. Шакшин, С. Ф. Ягофаров, Г. К. Петров. Кондинский р-он, с. Шаим. 1961 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

выполнения соцобязательств регулярно рассматривались Тюменским обкомом КПСС, не сходили с повестки дня окружных, городских и районных партийных комитетов. В 1966–1970 гг. Ханты-Мансийский окружком КПСС принял более десятка постановлений по вопросам соревнования. В 1970–1971 гг. на пленумах и бюро партийных комитетов нефтегазового комплекса было рассмотрено около 250 вопросов, связанных с трудовым соперничеством, из них 90 — по поддержке инициатив передовых коллективов и 60 — по контролю за выполнением принятых обязательств[286].

В 8-й — 9-й пятилетках благодаря соревнованию именно на территории Среднего Приобья родились многие рекорды отечественной нефтяной промышленности. В 1967 г. вышкомонтажная бригада А. Г. Тимченко демонтировала и собрала на новом месте буровую установку всего за 5,5 часа. В том же году бригада Н. Исламгулова на бурение скважины затратила 7 суток вместо 29 по плану, а буровые бригады Г. К. Петрова, А. Д. Шакшина и С. Ф. Ягофарова прошли по 50 тыс. м скважин вместо плановых 35 тыс. м. По сравнению с 1965 г. производительность труда этих бригад выросла вдвое[287].

В бурении — основном процессе по созданию новых мощностей добычи нефти и газа — рекорды получали особенно широкий резонанс, была организована работа по распространению передового опыта лучших бригад. Творческий поиск, ставший обязательным элементом соревнования, позволил выявить крупные резервы организации производства. В результате стремительно росли объёмы работ. В 1966–1975 гг. проходка скважин на нефть и газ в регионе возросла в 9 раз, в то время как в целом по стране — в 1,3 раза. Средняя проходка на бригаду по Главтюменнефтегазу увеличилась с 19 до 53 тыс. м[288]. «В Приобье, — писала газета „Правда“, — достигнуты самые высокие скорости и освоен кустовой метод бурения. Классическое решение сложных технических проблем бурения, найденное прославленными бригадами Г. Левина, Г. Петрова, Г. Еремина и многими другими, знакомы всем нефтяникам страны»[289].

---

[286] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 245. Д. 126. Л. 21–22.

[287] ГАРФ. Ф. Р-5470. Оп. 29. Д. 3570. Л. 12.

[288] Карпов В. П. Трудовое соперничество буровых коллективов Западной Сибири в 1960–80-е годы // Горные ведомости. 2007. № 3. С. 84–93.

[289] Правда. 1975. 2 февраля.

Оценивая достигнутое, бригады-передовики, однако, видели, что пробуренные скважины месяцами простаивают в ожидании освоения и, в конечном счете, обесценивают напряженный труд буровиков. Поэтому бригада Г. К. Петрова выступила с инициативой взять на себя не только бурение, но и освоение скважин с передачей их эксплуатационникам. Не сразу этот почин получил поддержку со стороны руководства буровых предприятий, привыкших рапортовать об успехах количеством пройденных метров. Однако в поддержку почина выступила газета «Правда»[290], после чего в качестве основного показателя оценки работы стали использовать не метры, а сданные в эксплуатацию скважины.

Учитывая, что высокие обязательства требуют согласованной работы коллективов многих предприятий, были приняты меры по развертыванию соревнования на основе взаимных договоров. Так, инженерные службы предприятий нефтегазовой промышленности, разрабатывая организационно-технические мероприятия по увеличению проходки на буровую бригаду, определяли в них задачи вышкомонтажников и строителей, которые на этой основе заключали договор о соревновании с буровиками. Бригада Г. Петрова, например, заключила договор о творческом содружестве с вышкомонтажной бригадой Я. Вагапова и бригадой строителей площадок и лежневых оснований И. Князева. Аналогичный договор подписали буровая и вышкомонтажная бригады Г. Лёвина и В. Дмитриева, многие другие коллективы. В общей сложности в объединении «ЗапСиббурнефть» между бригадами было заключено 66 договоров[291], что нацеливало трудовые коллективы на высокий конечный результат.

После известного постановления ЦК КПСС «О широком распространении опыта работы передовых буровых бригад в нефтяной промышленности и геологоразведочных организациях» (январь 1971 г.) 15 буровых бригад Главтюменнефтегаза и Главтюменьгеологии призвали буровиков развернуть соревнование за увеличение в нефтяной промышленности проходки до 80–100 тыс. м, в геологоразведке — до 30–40 тыс. м на бригаду в год. В 1971 г. 7 из 15 бригад Главтюменнефтегаза превысили рубеж в 50 тыс. м, а в 1975 г. — 34 из 60. Двенадцать бригад

Рис. 2.56. Геннадий Михайлович Лёвин — буровой мастер УБР-1, Герой Социалистического Труда. 1973 г. Нижневартовск. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Рис. 2.57. Григорий Кузьмич Петров — буровой мастер УБР-2, Герой Социалистического Труда. 1973 г. Нижневартовск. Музейный фонд РФ. Госкаталог

[290] Правда. 1976. 15 января.

[291] Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. С. 175

Рис. 2.58. Генеральный директор ПО «Юганскнефтегаз» Ю. Н. Вершинин (справа) награждает передовиков производства на территории скважины Р-63. Нефтеюганск. 1984 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Рис. 2.59. Медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири». 1978 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

пробурили по 65 тыс. м и более. В конце пятилетки все бригады выполнили плановые задания и 55 — соцобязательства[292]. Бригады Г. Петрова, Г. Лёвина и Г. Еремина в 1974 г. вышли на казавшийся недостижимым ранее заветный рубеж — 100 тыс. м проходки в год[293].

Государство щедро награждало отличившихся. За успехи, достигнутые в разведке и разработке нефтяных месторождений первые золотые звёзды Героев Социалистического Труда в 1966 г. получили геологи Ф. К. Салманов и Н. Ю. Мелик-Карамов, буровой мастер А. Д. Шакшин. По итогам 8-й пятилетки звание Героя Социалистического Труда получили Г. М. Лёвин из Нижневартовска и В. А. Леванов из Нефтеюганска[294]. В декабре 1970 г. орденом Ленина был награжден Ханты-Мансийский национальный округ. В Указе Президиума Верховного Совета СССР отмечалось: «За большие заслуги, достигнутые трудящимися округа в выполнении заданий 5-летнего плана по освоению месторождений и увеличению добычи нефти...»[295].

Победители в соревновании поощрялись не только морально, но и материально. Однако многие нефтяники и газовики «первой волны» позже вспоминали о том, что значки и почетные грамоты имели для них гораздо большее значение, чем очередная премия или северная надбавка»[296]. «Соревнование, Красные знамена... Сейчас как смотрите на те годы?» — спросил в 2002 году Героя Социалистического Труда Г. М. Лёвина корреспондент журнала «Элита-регион» (Тюмень). «Все свои 12 Красных знамен, — ответил буровой мастер (с 1981 г. — начальник Сургутского управления буровых работ (УБР) № 2), — мы по-прежнему храним. В Сургуте этого никогда не отбрасывали...»[297].

---

[292] ГАТО. Ф. 1895. Оп. 1. Д. 30. Л. 7; Д. 33. Л. 11; Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. С. 175.

[293] Нефтяник. 1975. № 2. С. 10.

[294] Югра: 75 ступеней вверх. Екатеринбург, 2005. С. 178.

[295] Экономика и культура Ханты-Мансийского автономного округа за 50 лет. С. 3.

[296] Славкина М. В. Тюменская эпоха России // National Business. 2010. № 7. С. 68.

[297] Левин Г. М. Бурить надо честно // Элита-регион. 2002. № 3 (9). С. 7.

В 9-й пятилетке (1971–1975 гг.) 85 предприятий и организаций Главтюменьгеологии были признаны победителями во Всесоюзном и Республиканском социалистическом соревновании, многие неоднократно награждались переходящим Красным знаменем Министерства геологии СССР или РСФСР. В том числе Сургутская нефтеразведочная экспедиция (НРЭ) — 10 раз, Ханты-Мансийский геофизический трест — 9 раз, Правдинская НРЭ — 6 раз, Мегионская НРЭ — 4 раза[298]. К 1975 г. среди тружеников Ханты-Мансийского национального округа насчитывалось 44 Героя Социалистического Труда и 6 лауреатов Ленинской и Государственной премий[299].

В начале 11-й пятилетки (1981 г.) многие коллективы нефтегазового комплекса, поддержав почин производственного объединения (ПО) «Юганскнефтегаз» о досрочном выполнении пятилетнего плана, пересмотрели свои обязательства и выдвинули встречные планы, а производственные объединения «Нижневартовскнефтегаз» и «Уренгойгаздобыча» были названы инициаторами соревнования за досрочное достижение в одиннадцатой пятилетке суточной добычи в 1 млн т нефти и 1 млрд кубометров газа[300]. Было очевидно, что за почином трудовых коллективов Тюменской области, одобренным ЦК КПСС, стоял Тюменский обком КПСС, о чём историк Н. М. Пашков писал прямо: «В 1981 г. *по инициативе Тюменского обкома* КПСС развернулось соревнование за обеспечение добычи 1 млн т нефти и 1 млрд кубометров газа в сутки»[301]. Очевидно и то, что условий для форсирования темпов добычи не было, а партийная инициатива объяснялась горячим желанием руководителей в Центре и в регионе увеличить нефте- и газодобычу любой ценой.

В организации соревнования к тому времени накопилось немало проблем, имелись серьёзные недостатки, обусловленные причинами как объективного, так и субъективного характера. Результативность этого движения зависела от широкого комплекса социально-экономических и социально-психологических факторов. На трудовое поведение очень влиял морально-психологический климат в рабочих коллективах. А он ухудшался из-за нерешенности многих социальных проблем.

Во второй половине 1970-х гг., с резким увеличением масштабов работ возрастали и диспропорции в развитии комплекса, нарастала нехватка жилья, объектов соцкультбыта. Отставание производственных «тылов» ухудшало материально-техническое снабжение, культуру производства, организацию труда. Стремительный рост трудовых коллективов за счет миграции трудовых ресурсов и сопутствующие им текучесть кадров, нестабильность коллективов, ухудшение дисциплины также сказались на развитии соревнования. Нарастали формализм и заорганизованность: *Почетные грамоты пересылались на буровые вместе с почтой*[302]. Имели место подлог и приписки, фальсификация результатов трудового соперничества.

За неполадки у передовиков с руководителей главков и предприятий соответствующие министерства и парторганы спрашивали строго, поэтому передовым коллективам «помогали», нарушая не только принципы соревнования, но и закон. «Вели на рекорды», как выразился журналист в беседе с Г. М. Лёвиным[303]. В 1980 г. проверкой Комитета партийного контро-

---

[298] ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 1255. Л. 176–177.

[299] Югра: 75 ступеней вверх. Екатеринбург, 2005. С. 178.

[300] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 225. Д. 3. Л. 14.

[301] Очерки истории Тюменской области. Тюмень,1994. С. 221.

[302] Карпов В. П. Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта / В. П. Карпов, Г. Ю. Колева, Н. Ю. Гаврилова, М. В. Комгорт, А. И. Тимошенко. Тюмень, 2011. С. 198.

[303] Левин Г. М. Бурить надо честно // Элита-регион. 2002. № 3 (9). С. 7.

ля при ЦК КПСС было установлено, что руководители Нижневартовского УБР № 1 при попустительстве ПО «Нижневартовскнефтегаз» и Главтюменнефтегаза допускали приписки и другие нарушения в целях приукрашивания работы этого управления. В результатах проверки отмечалось, что при планировании основных показателей в 1977–1978 гг. руководство производственного объединения создавало льготные условия УБР № 1. Так, если большинству управлений план по общей проходке устанавливался, как правило, выше фактически достигнутого в предыдущем году, то для него — ниже. В 1979 г., видя, что УБР № 1 срывает плановые задания и социалистические обязательства, руководители Главтюменнефтегаза и объединения передали этому управлению из других УБР две буровые бригады. Кроме того, по указанию руководства главка, в декабре управление оформило сдачу в эксплуатацию 11 скважин, работы на которых УБР продолжало фактически до 6–21 января 1980 г., что являлось прямой припиской к плану[304].

То, что подобных фактов не обнаружено в архивных документах, отражающих предыдущий этап развития соревнования в ЗСНГК, не значит, что их не было в жизни — «помогали лучшим» и прежде. Но следов столь откровенной фальсификации соревнования нет. Нет, очевидно, потому, что не началась еще тюменская гонка, приведшая к штурмовщине и бестолковщине (по выражению заместителя председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербины[305]), извратившая и принципы соревнования, и трудовое поведение в целом.

С каждым годом критика в адрес организаторов соревнования и соревнующихся усиливалась. Движение, судя по цифрам отчетов, стало массовым, но результативность его снижалась. Собрание партактива Тюменской области в январе 1977 г. отметило, что часто даже лучшие коллективы буровиков не обеспечиваются фронтом работ. Практически те же упущения вскрывались на бюро Тюменского обкома КПСС в июне 1978 г. Однако ситуация не менялась в лучшую сторону, судя по той критике, которая прозвучала в адрес буровых коллективов Тюменской и Томской областей в постановлении ЦК КПСС «О мерах по повышению эффективности буровых работ в нефтяной, газовой промышленности и геологии» (декабрь 1979 г.). В нем, в частности, указывалось на существенные упущения в распространении передового опыта, отмечалось значительное увеличение числа бригад, не выполняющих плановые задания и соцобязательства, подчёркивался большой разрыв между показателями работы передовых и отстающих бригад. В 1979 г. из 188 буровых бригад Тюменской области не выполнили обязательства и план 70[306]. А ведь смысл социалистического соревнования, как известно, заключается в подтягивании отстающих коллективов к передовым.

Среди причин объективного порядка, снижающих действенность соревнования, следует назвать как одну из первых, торможение научно-технического прогресса как в отрасли и регионе, так и стране в целом. В 1980-е годы нефтяников всё чаще подводили техника и оборудование. Казалось бы, простое оборудование — трубы. Но и они были низкого качества, вызывали жалобы соревнующихся. Беря с бригадой обязательство пройти в год 100 тыс. м горных пород, буровой мастер, Герой Социалистического Труда А. Д. Шакшин просил как о самом главном условии: «Только сумгаитских труб нам не надо». Но поставили именно бракованные сумгаитские. Пробурили скважину, стали нагнетать в нее цементный раствор по трубам, которые должны выдерживать давление в 200 атмосфер. А сумгаитские не выдержали и 17. Загублена скважина, пропало 25 т металла, 70 т цемента. Пропал двухнедельный

[304] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 222. Д. 91. Л. 49.

[305] Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта С. 199.

[306] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 219. Д. 56. Л. 2.

труд. Пришлось бурить второй ствол[307]. Такие случаи не были единичными и могли выбить из колеи не только бригаду-середняка, но и коллектив заслуженного и старейшего в Тюменской области бурового мастера.

В развитии соревнования югорских нефтяников можно выделить два этапа, которые соответствуют периодизации истории ЗСНГК. На первом, до середины 1970-х гг., были успешно решены многие проблемы организации этого движения. В него удалось широко вовлечь инженерно-технических работников, что усилило элемент творчества в соревновании, и молодежь, благодаря чему с начала 1970-х гг. соревнование стало массовым.

На втором этапе, в связи с погоней за наращиванием темпов добычи нефти и газа любой ценой, усилились негативные тенденции, которые имели место в начальный период. Снизилась эффективность руководства соревнованием. Во главе его шли парторганизации, которые были ядром властно-распорядительных структур. Но штурмовой ритм освоения оставлял партийным органам все меньше времени на массово-политическую работу — то, чем они должны были заниматься в первую очередь. Партийные работники делили технику и машины, устанавливали графики работ, «выколачивали» фонды.

В условиях, когда для всей страны были типичны низкое качество и частые отказы оборудования, неритмичные поставки материалов, просчёты в инженерном обеспечении и принятии управленческих решений, высокие результаты обеспечивались во многом за счёт большого напряжения сил рядовых тружеников. Социалистическое соревнование и сопутствующие ему меры стимулирования стали важным инструментом партийных органов в мобилизации трудящихся на выполнение растущих производственных планов. Но на соревновании не могли не сказаться перемены в обществе, ухудшение нравственной атмосферы. Если нефтяники «первой волны» (1960-е гг.) чувствовали себя первопроходцами, то покорители недр, пришедшие им на смену в 1980-е гг., ощущали себя скорее заложниками мобилизационной модели освоения. На новом этапе темпы и объёмы нефте- и газодобычи полностью поглотили внимание руководящих органов, что отразилось и на организации соревнования. Во второй половине 1970-х — 1980-е гг. в его организации отчетливо проявились формализм и показуха. Нарушались не только принципы социалистического соревнования, но и закон, что не позволило в полной мере использовать возможности этого движения для роста производительности труда.

Научно-технический прогресс

Наряду с соревнованием, большие надежды возлагались на ускорение научно-технического прогресса, потому что задачи, которые решал СССР на севере Западной Сибири в 1960–1980-е гг., не имели аналогов не только в советской, но и в мировой практике. «Во всем мире, — отмечал первый заместитель начальника Главтюменнефтегаза М. М. Крол, — не было другого такого случая, чтобы люди высадились в неприспособленном для жизни районе и построили за 10 лет крупнейшую в мире топливную базу»[308]. То есть, человек, конечно, приходил в безлюдные районы с суровым климатом и прежде, но не с целью создания

[307] Известия. 1985. 8 июня.

[308] Крол М. М. Тюменское сражение // Ветеранская слава. Из истории развития нефтяной индустрии Самарской области: сб. воспоминаний. Вып. 10. Самара, 2012. С. 28.

«с нуля» (без предварительно подготовленных условий) крупного нефтегазодобывающего района. У первопроходцев, в буквальном смысле слова, не было твердой почвы под ногами, так как Тюменский Север — это сплошные болота и сотни тысяч озер.

В 1960-е гг. отсутствовали готовые решения и необходимые рекомендации по применению тех или иных технических средств и методов в столь сложных условиях. Диапазон развернувшегося научно-технического поиска характеризует перечень обсуждавшихся в начальный период предложений по разработке месторождений региона: создание сети каналов с плавучими буровыми установками, осушение территорий, строительство эстакадных дорог и площадок и др. Со стороны учёных, пишет В. И. Грайфер, последний начальник Главтюменнефтегаза, было выдвинуто предложение осваивать месторождения с помощью каналов, на манер строительства Венеции. От основной водной артерии — Оби — должны были расходиться рукотворные каналы, а по ним на платформах двигались бы буровые станки, и шло освоение по примеру «Нефтяных Камней» (морское месторождение в Азербайджане — *авт.*). Эта идея в какой-то мере сопрягалась с предложением строительства на Оби каскада гидроэлектростанций. В этом случае Западно-Сибирская низменность была бы затоплена, месторождения оказались бы под толщей воды, и разрабатывать их волей-неволей пришлось бы с плавучих платформ[309].

В итоге был принят другой вариант: на севере Западной Сибири много песка, карьерного и в виде отложений на дне рек и озер. Нужно создавать искусственную твердь и идти по ней. Для того, чтобы построить посёлки, города, промыслы, дороги, приходилось перемещать десятки и сотни миллионов кубометров грунта. «По 200 млн кубометров песка намывали в год. Всё на нем и стоит...», — пишет М. М. Крол[310]. Широкое применение нашли ледовые дороги и ледовые основания под буровые. Кроме того, проблему болот помогло решить наклонно направленное бурение нескольких скважин с одной буровой площадки.

Северяне в то время были лишены многого, но в Югре создавалась новая технология бурения и добычи, по-новому решались сложные технические проблемы. Экспериментировали много. Пример — буровая на воздушной подушке. Идеей увлеклись, но оказалось, что двигаться такая буровая могла только по ровному месту. Или многоэтажная буровая: внизу насосы, потом лебедка и так далее — тоже не оправдала себя. Зато бурение с ледовых оснований позволило буровикам работать круглогодично, в отличие от Канады, где проходку скважин в заболоченных местах вели только зимой. Югорские нефтяники создавали искусственные острова зимой, когда болота промерзали. Бульдозерами ровняли выбранную площадку, при этом снимали часть земли, чтобы на промерзший участок положить лес, засыпать привезенным песком и таким образом его изолировать. Наступало лето, болота оживали, а искусственный остров стоял. С него и велось бурение. Причем не вертикальное, а направленное под углом. С одной площадки бурилось до 16 скважин. Бывало и по-другому: промораживали болотистый грунт на метр в глубину (в естественных условиях он промерзает не более, чем на 10–15 см даже в крепкие морозы), изолировали торфом. Такое искусственное ледовое основание выдерживало буровую установку весом в 150 т плюс вибрацию работающих механизмов[311].

---

[309] Соратники: Поколение Виктора Муравленко. Тюмень, 2002. С. 6.

[310] Соратники: Поколение Виктора Муравленко. Тюмень, 2002. С. 6.

[311] Крол М. М. Тюменское сражение // Ветеранская слава. Из истории развития нефтяной индустрии Самарской области: сб. воспоминаний. Вып. 10. Самара, 2012. С. 30–31

Ускоренное освоение месторождений требовало крупной энергетической базы, которой в 1960-е гг. в безлюдном краю, естественно, не было. Использовали энергопоезда. «На свой страх и риск в Запорожье изготовили две передвижные газотурбинные электростанции (в качестве генераторов решили использовать мощные самолетные газовые турбины — *авт.*). Испытания прошли успешно, и началось серийное производство. Были изготовлены десятки таких электростанций»[312].

В новом нефтяном районе порой трудно было определить, где кончается «чистая» наука и начинается производство. Многие инженеры, техники, мастера становились авторами и соавторами научных разработок, а сами промыслы становились рабочим местом учёных, изобретателей и рационализаторов. Это было, можно сказать, вынужденное научно-техническое творчество, так как готовых решений не было. О широком его развитии свидетельствует тот факт, что уже в 8-й пятилетке на всех предприятиях нефтяной промышленности округа были созданы творческие бригады изобретателей и рационализаторов (ВОИР), сформированы общественные конструкторские бюро (ОКБ), бюро экономического анализа (ОБЭА), технической информации (ОБТИ), группы научной организации труда (НОТ), в которых научно-техническим творчеством занимались сотни ИТР и рабочих. В НПУ «Сургутнефть», «Юганскнефть», «Мегионнефть» и подразделениях треста «Мегионгазстрой» активными членами названных выше бригад и групп стали каждый второй или третий работник. В 1970 г. две трети ИТР нефтегазового комплекса состояли в научно-техническом обществе (НТО) нефтяников и газовиков[313].

На промыслах Югры в широких масштабах требовалось проверить и осуществить новые инженерные и технические идеи, решить сложные организационные и управленческие проблемы. Во многом движению новаторов способствовало то, что на новом месте, во-первых, меньше давил груз прошлого, во-вторых, отсутствовала специальная северная техника, поэтому приходилось улучшать серийно выпускаемую для районов средней полосы страны, в-третьих, важную роль сыграл синтез опыта тысяч специалистов и рабочих, прибывших в регион из всех нефте- и газодобывающих районов СССР.

Благодаря изобретателям и рационализаторам были решены многие задачи как на уровне предприятий, так и нефтегазового региона в целом. Группа рационализаторов аппарата Главтюменнефтегаза из 12 авторов в составе Е. И. Голдырева, В. И. Тимонина, Ю. Б. Фаина и других специалистов предложила использовать для поддержания пластового давления термальные воды. Внедрение этого предложения позволило отказаться от применения речной воды, требующей громоздкой очистной системы[314]. Другое ценное решение было найдено творческой группой НГДУ «Шаимнефть» в составе Л. Овсия, М. Шагалова, В. Чурикова и И. Мансурова: впервые в СССР было проведено опытно-промышленное испытание газотурбинной электростанции на базе авиационных двигателей с использованием дешевого попутного газа. В том же НГДУ нашли новую технологию обезвоживания нефти, в результате чего появилась возможность сдачи продукции по техническим условиям поставки на экспорт[315]. Для зон, затапливаемых паводковыми водами и низкой несущей способно-

---

[312] Крол М. М. Тюменское сражение. С. 32

[313] Тюменская правда. 1970. 27 марта.

[314] Из истории развития изобретательского движения в Тюменской области (2-я половина XX века: Документы и материалы / авт.-сост. С. Ф. Скифский, Л. С. Иванова. Тюмень, 2004. С. 191.

[315] Тюменская правда.1971. 3 февраля; 1976. 12 сентября.

стью, было внедрено предложение В. И. Муравленко по монтированию буровой установки на специальную железнодорожную платформу, которая перемещалась по рельсовому пути[316]. Технологическая схема безрезервуарной сдачи нефти, поточный метод строительства трубопроводов, новые способы антикоррозийного покрытия труб и сооружения дорог, десятки других проектов и решений сберегли государству только за 9-ю пятилетку свыше 80 млн рублей[317].

Труд новаторов стал одним из важнейших слагаемых успеха. Заметнее всего это проявилось в бурении — переднем крае борьбы за нефть. Работа на форсированных режимах, применение гидромониторных долот и других новинок позволили бригадам мастеров М. И. Сергеева, А. Д. Шакшина, С. Ф. Ягофарова, Г. К. Петрова резко повысить скорость бурения скважин. В 1967–1968 гг. среди мастеров скоростной проходки появляются новые имена: Г. П. Еремин, С. Н. Аслаев, В. М. Агафонов, Н. А. Исламгулов, С. А. Повх, В. А. Леванов, Г. М. Лёвин и др. К концу 8-й пятилетки средняя проходка на буровую бригаду в эксплуатационном бурении составила 32 тыс. м — в 2,5 раза больше, чем в среднем по отрасли[318].

В 1970-е гг. существенные сдвиги произошли в техническом оснащении буровых предприятий: на вооружение стала поступать современная буровая техника. Были решены проблемы перевода станков на электропривод за счет энергоснабжения от автономных электростанций, работающих на природном газе. Но главные надежды связывались со строительством и пуском Сургутской ГРЭС. По рекомендации учёных было принято смелое решение о сооружении её задолго до прихода железной дороги в Сургут. Первый энергоблок электростанции вступил в строй в конце 1971 г., а в 9-й пятилетке суммарная мощность ГРЭС превысила 1 млн 200 тыс. кВт, в 11-й — 2 млн 825 тыс. кВт[319]. В качестве топлива использовался попутный нефтяной газ. С созданием мощной Сургутской энергосистемы (ГРЭС-1 в 1971 г. и ГРЭС-2 в 1985 г.) дефицит энергетической мощности стал быстро снижаться, Сургут и Тюменская область вошли в число лидеров СССР по выработке электроэнергии.

Ключевой задачей ускорения научно-технического прогресса в 1960-е — 1980-е гг. была автоматизация производства, которая для нефтегазовой Югры имела особое значение в силу отдаленности от «материка», бездорожья, дефицита работников. С помощью автоматики предполагалось взять нефть в короткие сроки и избежать больших затрат при освоении территории. Поэтому «главная задача в семидесятые годы, — отмечал председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков, — состояла во всемерной автоматизации промыслов...»[320].

Однако к началу нефтегазовой сибириады СССР еще не располагал ни сколько-нибудь существенным опытом автоматизации производственных процессов, ни необходимой материально-технической базой для этого. Первый опыт в области автоматизации промыслов на Тюменском севере приобретался параллельно с началом разработки месторождений. К решению задачи был привлечен целый ряд научно-исследовательских институтов (НИИ) и организаций. Работы проводились в двух направлениях: 1) создание новых, недостающих средств автоматики и телемеханики; 2) модернизация существующих серийно выпускае-

---

316 Из истории развития изобретательского движения в Тюменской области. С. 191.

317 ГАТО. Ф. 1925. Оп. 1. Д. 194. Л. 153; Тюменская правда.1971. 3 февраля; 1976. 12 сентября.

318 Нефть и газ Тюмени в документах. 1966–1970. Т. 2. Свердловск, 1973. С. 7.

319 Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. С. 300.

320 Нефтяная эпопея Западной Сибири. М, 1995. С. 11.

мых средств автоматики. Учеными института «Гипротюменнефтегаз» (генерального проектировщика нефтяной промышленности региона) проводились промышленные испытания установок «Спутник» для автоматизации замера дебита скважин, блочных дожимных насосных станций, блочных кустовых насосных станций типа «Рубин», системы телемеханики «ПАТ — нефтяник». Некоторые средства автоматики и оборудования разрабатывались непосредственно в Гипротюменнефтегазе.

Полигоном для испытаний нового оборудования стали нефтепромысловое управление (НПУ) «Шаимнефть» и газопромысловое управление (ГПУ) «Игримгаз». На Пунгинском промысле ГПУ «Игримгаз» впервые применили систему автоматизации технологического процесса для северных газопромыслов. Специалисты управления разработали собственную схему на основе предложений и рекомендаций Краснодарского филиала Всесоюзного НИИ комплексной автоматизации нефтегазового производства. Пунгинский газовый и Шаимский нефтяной промыслы к началу 1970-х гг. стали одними из лучших в стране по уровню автоматизации. В 1966–1970 гг. нефтяники автоматизировали 4 десятка крупных замерных установок и 13 кустовых насосных станций (КНС)[321].

Рис. 2.60. Здание первого в Ханты-Мансийском национальном округе нефтепромыслового управления (НПУ) «Шаимнефть». 1970 г. Фото из кн.: Комгорт М. В., Майданов В. Д. Лидер нефтегазовой революции. Тюмень, 2013. С. 374

И всё-таки темпы внедрения автоматики и телемеханики не соответствовали масштабам работ. Автоматизация нефтегазодобывающей промышленности велась лишь по отдельным объектам и операциям, в результате чего на многих участках производства была велика численность работающих — в расчете на одну скважину она к началу 1970-х гг. в 1,5 раза превышала среднеотраслевую[322].

[321] РГАЭ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2739. Л. 117, 118, 121.

[322] Нефть и газ Тюмени в документах. 1971–1975. Т. 3. Свердловск, 1979. С. 38.

Автоматизация по отдельным объектам в отрыве от комплекса мероприятий по улучшению техники и технологии добычи нефти и мер по совершенствованию организации управления производством существенного эффекта принести не могла. На это обращали внимание специалистов и главный инженер нефтяного главка Ф. Г. Аржанов, и начальник объединения «Тюменгазпром» Е. Н. Алтунин[323]. В конце октября 1970 г. Главтюменнефтегаз совместно с представителями Министерства приборостроения (Минприбора) и Министерства нефтяной промышленности (Миннефтепрома) СССР подготовил совместный приказ двух министров о комплексной автоматизации предприятий нефтяного главка. Этим приказом были определены задания по разработке и освоению промышленного производства автоматизированного технологического оборудования, средств и систем автоматики и телемеханики повышенной надежности по годам, план по комплексной автоматизации новых и действующих месторождений на пятилетку. В феврале 1971 г. Миннефтепром СССР, Минприбор СССР и Минхиммаш СССР (Министерство химического машиностроения, ответственное за разработку и производство нефтепромыслового и бурового оборудования для Западной Сибири) подписали совместный приказ «О дальнейшем развитии комплексной автоматизации, создании автоматизированных систем управления технологическими процессами (АСУТП) и строительстве нефтегазодобывающих предприятий с применением индустриальных методов». Документом предусматривался большой объём работ по созданию средств и систем автоматизации для нефтегазодобывающих предприятий Западной Сибири. В частности, подлежали разработке и производству 4 модификации установок типа «Спутник» для раздельного сбора нефти и скважин с дебитами до 1500 т/сут., сепарационные установки, установки подготовки воды и газа, установки сдачи товарной нефти. Все они проектировались с полным комплектом автоматики[324].

С целью координации работ, обобщения и распространения передового опыта по автоматизации и механизации производства в регионе были приняты привычные в то время меры: при Тюменском обкоме КПСС создан Совет по комплексной автоматизации и механизации на предприятиях ЗСНГК. Новый орган в составе более 20 специалистов возглавил секретарь обкома КПСС Г. П. Богомяков, кандидат геолого-минералогических наук. Контроль за выполнением организационно-технических мероприятий по автоматизации работ осуществляли созданные при райкомах и горкомах КПСС специальные комиссии, а также Советы содействия техническому прогрессу при партийных комитетах нефтегазодобывающих районов.

В 1971 г. на базе цехов научно-исследовательских и производственных работ и лабораторий контрольно-измерительных приборов были созданы цеха автоматизации производства, которые комплектовались из высококвалифицированных инженеров. Их основной задачей стало выполнение принятых предприятиями перспективных планов по комплексной автоматизации месторождений, повышение надежности и эффективности средств автоматики и телемеханики.

Наряду с организацией функциональных инженерных и производственных служб на предприятиях появились группы содействия техническому прогрессу, бригады по автоматизации, участки по внедрению новой техники. Для успешного решения задач автоматизации лучшие силы специалистов и рабочих были сосредоточены на ключевых участках этой

[323] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 198. Д. 8. Л. 57, 63.

[324] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 200. Д. 80. Л. 66, 67.

работы — в районных инженерно-диспетчерских службах, цехах поддержания пластового давления, цехах автоматизации и цехах ремонта скважин. В январе 1972 г. первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина сообщил, что комплексно автоматизированы Шаимское и Усть-Балыкское месторождения, введены системы автоматики на Западно-Сургутском и Мегионском месторождениях. По данным руководителя обкома КПСС, в автоматическом режиме работало 70 % промысловых объектов[325].

Согласно отчётности, в 1971–1975 гг. нефтяники Югры комплексно автоматизировали 12 месторождений из 18, построили 17 систем телемеханики, которыми контролировалось 75 % всех промысловых объектов[326]. За счет этого было условно высвобождено свыше 1100 работающих, сэкономлено более 70 млн рублей[327]. Если в 1970 г. на 1 скважину приходилось 3,77 человека производственного персонала, то в 1975 г. — 1,87[328]. Не отставали от нефтяников и газовики, которые в 1972 г. на Пунгинском, Похромском и Игримском месторождениях в основном завершили автоматизацию всех технологических процессов[329]. Всего же в 9-й пятилетке было автоматизировано 5 газопромыслов из 6, 12 компрессорных станций, 5 установок комплексной подготовки газа (УКПГ).

Несмотря на то, что приборо- и машиностроители СССР не смогли предложить сибирякам готовый комплект оборудования, благодаря настойчивости местных органов, координации усилий учёных и производственников удалось приспособить импортное оборудование и серийно выпускаемые промышленностью СССР средства автоматики для промыслов Тюменского Севера. К началу 10-й пятилетки (1976–1980-е гг.) темпы автоматизации объектов ЗСНГК почти втрое превышали среднесоюзные показатели, в результате чего промыслы Югры по уровню технической оснащенности стали лидером в отрасли.

Во многом благодаря успешному решению научно-технических проблем, всего за две пятилетки Югра превратилась в ведущий нефтедобывающий район страны. Еще актуальнее задача ускорения НТП становилась на следующем этапе, в условиях ввода в эксплуатацию десятков новых месторождений, перехода от фонтанной к механизированной добыче нефти. Однако темпы НТП стали снижаться. Об этом красноречиво свидетельствуют цифры. Если в 9-й пятилетке (1971–1975 гг.) в Тюменской области было освоено производством и начат серийный выпуск 148 видов новой промышленной продукции, то в 10-й (1976–1980 гг.) — 109, а в 11-й (1981–1985 гг.) — только 26 (!)[330].

Заметнее всего торможение НТП проявилось именно в автоматизации нефтепромыслов. Ситуация здесь быстро ухудшалась со второй половины 1970-х гг. Проверки югорских промыслов, проведенные Миннефтепромом СССР в 1982 г., показали, что в ведущих производственных объединениях Ханты-Мансийского автономного округа, еще недавно лидировавших по внедрению автоматики в отрасли, состояние автоматизации неудовлетворительное. В ПО «Нижневартовскнефтегаз», «Сургутнефтегаз» и «Юганскнефтегаз» контролировалось

---

325 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 202. Д. 6. Л. 23, 25.

326 Нефть и газ Тюмени в документах. 1971–1975. Т. 3. С. 270.

327 Гужновский Л. П., Кузьмина Е. З. Итоги развития нефтедобывающей промышленности Западной Сибири в 9-й пятилетке // Проблемы нефти и газа Тюмени. Вып. 29. Тюмень, 1976. С. 33.

328 Тюменская правда. 1975. 25 декабря.

329 РГАЭ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 3082. Л. 84–88.

330 ГАТО. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1299. Л. 28.

с помощью систем телемеханики лишь около 40% фонда скважин. Если, например, промысел ПО «Сургутнефтегаз» считался к 1975 г. полностью автоматизированным, то в 1983 г. линии связи телеконтроля почти наполовину вышли из строя, устарели морально и физически автоматизированные групповые замерные установки АГЗУ «Спутник», выпущенные в 1967–1970 гг.[331]

В записке Тюменского статистического управления в Госкомстат РСФСР, датированной 1988 годом, указывалось, что «…наибольший прирост прибыли за счет внедрения различных направлений НТП достигли предприятия Главтюменнефтегаза (85,7 млн руб.) и Главтюменгазпрома (15,1 млн руб.). Впервые в СССР освоено 26 новых видов продукции»[332]. Но конкретным воплощением науки является техника, а в ее развитии ничего принципиально нового в 1980-е гг. не появилось ни в стране, ни в регионе. Это касалось не только сложной техники, но и бурильных труб, требования к которым элементарны: ровные стенки, надежные резьбовые соединения. Тем не менее, сумгаитские, первоуральские, руставские трубопрокатчики их не соблюдали. Брак приводил к авариям, простоям, потерям значительных средств. Примерно десятая часть всех поступавших на нефтегазовый Север труб была непригодна для бурения, о чем в 1979 г. сообщал академик А. Г. Аганбегян в письме «Об узловых вопросах развития ЗСНГК». В отдельных партиях более половины новых моторов для электропогружных насосов нуждались в ремонте[333]. До трети поставляемых машин и механизмов по качеству не выдерживали никакой критики, как отмечала газета «Известия» в 1985 г.[334] Прежде чем работать с такой техникой, ее надо было разобрать, проведя полную ревизию.

На такие ревизии нефтяники приглашали представителей Минхиммаша СССР и его института «ВНИИкомпрессормаш». В Нижневартовске устроили даже специальную выставку бракованных изделий — компрессоров, насосов, подъемников, водили по ней изготовителей. Нефтяники выезжали и в Баку, на предприятия объединения «Союзхиммаш», где убедились, насколько их производственные площади, технический уровень отстают от требований, предъявляемых масштабом работ на нефтегазовом Севере. А. Г. Аганбегян, обеспокоенный ценой вопроса, предложил ввести на заводах-изготовителях контроль заказчиков с правами военной приемки[335]. Реакцией на это предложение стало совместное решение Комиссии Президиума Совета Министров СССР по машиностроению и Миннефтепрома СССР от 1 июля 1985 г. об организации в ПО «Сургутнефтегаз» отдела по приемке и повышению надежности оборудования, который возглавил М. М. Юсупов, в прошлом инженер Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) этого объединения. Отдел просуществовал до 1987 г. и, по свидетельству его бывшего начальника, добился существенного снижения поставок на Север бракованного оборудования. Десять работников отдела находились в Сургуте, столько же — в Баку, работая непосредственно на заводах нефтяного машиностроения «Баррикады», заводе им. лейтенанта Шмидта, заводе им. Феликса Дзержинского. Как утверждает М. М. Юсупов, отдел был закрыт по настоянию руководства Мингазпрома СССР, так как отбракованная нефтяниками продукция стала поступать газовикам[336].

---

[331] ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 2615. Л. 20; Д. 2909. Л. 52.

[332] ГАТО. Ф. 112. Оп. 2. Д. 2936. Л. 137, 138.

[333] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 219. Д. 107. Л. 116.

[334] Заказ на технику // Известия. 1985. 8 июня.

[335] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 219. Д. 107. Л. 116.

[336] Из личного архива автора.

Таким образом, надежной техникой машиностроение нефтяников не обеспечило. В 1985 г. на вопрос корреспондентов «Известия» о том, что изменилось в технике за 20 лет, старейший в Югре буровой мастер А. Д. Шакшин ответил: «Ничего. А если что и появилось нового, то оно ничем не лучше старого. Возьмите долота. Раньше с ними можно было проходить 100 метров, а теперь меняй через 20–25. А где автоматизированная буровая, турбобур, легкие трубы?»[337].

Кризис в отрасли

Если на пионерном этапе создания нефтяной промышленности региона одним из важнейших слагаемых успеха стал научно-технический прогресс, то в последующем именно невнимание к проблемам науки и техники во многом объясняет кризисные явления в отрасли. Новый этап развития НГК характеризовался тем, что на лучших месторождениях округа, открытых геологами в 1960-е гг., нефтяники прошли пик добычи, началось её снижение. Нужно было выходить на новые, менее крупные месторождения и переходить от фонтанной к принудительной добыче нефти на старых промыслах. В этих условиях главным помощником нефтяников должны были стать новые технологии и техника. Но нефтяная Югра стремительно утрачивала свой новаторский облик. Словно новые идеи нужны были лишь для того, чтобы дотянуться до большой нефти.

С каждой новой пятилеткой всё меньше надежд оставалось у нефтяников и газовиков региона на профильные министерства. Всё длиннее становился цикл наука — производство. Президент АН СССР М. В. Келдыш не ошибся в прогнозе, утверждая, что предлагаемые министерствами сроки освоения новых приборов создадут такой разрыв между разработкой и серийным выпуском продукции, который фактически обесценит конструкторскую работу (разработки морально устареют)[338].

Погоня за темпами добычи нефти, невзирая на отставание «тылов», привела к тому, что в 1985 г. уровень автоматизации производственных процессов на промыслах Главтюменнефтегаза был ниже, чем в старых нефтяных районах. Потому что при расширении югорских нефтепромыслов на их автоматизацию уже обращали гораздо меньше внимания, чем прежде. Если в Татарии и Башкирии к 1986 г. было телемеханизировано 89 % фонда скважин, то в Сургутнефтегазе — 65 %[339]. Но и этот относительно невысокий показатель не отражал реального положения дел на промыслах Ханты-Мансийского автономного округа. Если судить по отчетам, то более 70 % нефти в середине 1980-х гг. добывалось с автоматизированных промыслов. Однако при ближайшем рассмотрении картина выглядела намного хуже. К системе телеконтроля в 1985 г. было подключено менее 1/3 эксплуатируемых скважин. Причем показаниям приборов нельзя было доверять на 100 %: автоматика оставалась ненадежной, часто подводила. К каждой АГЗУ «Спутник» было подключено до 10 скважин. В случае непредвиденной поломки (например, пробило кабель электронасоса) оператор, дежуривший

---

[337] Заказ на технику // Известия. 1985. 8 июня.

[338] Бодрова Е. В. и др. Нефтегазовый комплекс в контексте реализации государственной научно-технической и промышленной политики СССР и Российской Федерации (1945–2013 гг.). М., 2013. С. 183–184.

[339] Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. С. 310.

круглосуточно у экрана дисплея (на него поступал сигнал со «Спутника»), не знал, какая из них остановилась. В таких условиях нефтяники работали практически вслепую. В сентябре 1985 г. начальник Главтюменнефтегаза В. И. Грайфер рассказал о реальном положении дел на совещании областного партийно-хозяйственного актива: «Сегодня на промыслах нет даже датчиков, которые контролировали бы работу скважин, поэтому мы не знаем, работает скважина или нет»[340].

К началу XII пятилетки у Минхиммаша по-прежнему не было четкой целевой программы создания новой технологической системы оборудования для нефтяников. Отдельные институты и предприятия делали её по частям, которые плохо стыковались. Примером тому может служить газлифтная компрессорная станция (КС). Этот объект стоимостью в 1 млн рублей так и не смогли в 1984–1985 гг. вывести на нормативный режим. Многие узлы оборудования оказались ненадежными[341].

Нефтяники очень сильно зависели от машиностроителей, а машиностроение, приборостроение и другие отрасли промышленности СССР, работавшие в связке с нефтяниками, остановились в своём развитии. Небольшие технологические улучшения были сделаны лишь в 1960-е гг., а когда в 1970-е гг. темп разработки югорских месторождений достиг пика, стала очевидной неспособность смежных отраслей удовлетворить потребности нефтяной промышленности.

Нерешенность задачи автоматизации нефтепромыслов привела к катастрофическому росту числа работников. Весь прирост добычи нефти в 1980-е гг. обеспечивался в основном путем увеличения трудовых коллективов. В 1980–1985 гг. численность промышленно-производственного персонала в нефтедобывающей промышленности региона возросла в 2,2 раза, в то время как объём товарной продукции в этой отрасли увеличился лишь на 18,6 %. «При такой ситуации, как она формируется, — отмечал заместитель председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина (в 1961–1973 гг. партийный руководитель Тюменской области), — нам надо завозить на будущую пятилетку (двенадцатую, 1986–1990 гг. — *авт.*) 555 тыс. чел. А это снова проблемы жилья, развития инфраструктуры, снабжения»[342].

Кризис в нефтяной промышленности региона и невыполнение производственных планов руководящие партийно-государственные органы объясняли, прежде всего, неготовностью нефтяников к переходу от фонтанной к механизированной добыче нефти после того как лучшие месторождения — Самотлорское, Фёдоровское и другие гиганты «состарились». Действительно, пора фонтанной добычи прошла. Если в 1965–1980 гг. удельный вес фонтанирующих скважин оставался высоким — от 99 до 80 %, то затем стал быстро снижаться и в 1985 г. 72,2 % нефти приходилось извлекать уже принудительным способом[343]. Однако, если разобраться, к новым условиям работы на месторождениях оказались не готовы не столько нефтяники, сколько научно-исследовательские и проектные институты, министерства, от которых зависело научно-техническое обеспечение нефтяников — приборостроения, машиностроения, чёрной металлургии, энергетики, транспорта.

---

[340] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 239. Д. 169. Л. 26.

[341] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 239. Д. 170. Л. 64.

[342] Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. С. 90, 114.

[343] Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. С. 307

Одним из самых перспективных механизированных способов нефтедобычи с начала 1970-х гг. в СССР и США считался газлифтный метод, т. е. выталкивание газом нефти из пласта. В Ханты-Мансийском национальном округе первый газлифтный комплекс был построен на Правдинском месторождении в 1971 г. Он доказал своё превосходство над другими приёмами. Решено было сооружать такие же комплексы на Самотлорском, Фёдоровском, позднее Варьёганском месторождениях. Но на Самотлоре к 1985 г. на газлифт перевели 1,5 тыс. скважин — около половины, остальные простаивали, в результате чего в 1984 г. нефтяники недодали к плану 9 млн т нефти. Тысячи скважин — основных производственных объектов по добыче нефти — простаивали. Но вместо того, чтобы оживить «мертвые» скважины, бурили тысячи новых, вводили в действие дополнительно десятки месторождений.

Почему так тяжело внедрялся газлифт? Потому что прогрессивное новшество не вписывалось в традиционную технологическую и организационную схему. Министерство черной металлургии не обеспечило поставку необходимых для газлифта труб нужного сортамента и качества, министерство химического машиностроения так и не освоило производство оборудования для газлифтных скважин, рассчитанное на низкие температуры. Сбои происходили и по линии Внешторга: из Италии не поступили задвижки, из Венгрии — газоманифольды, и т. д. Поэтому обвинять только югорских нефтяников в невыполнении планов нефтедобычи не совсем справедливо — сбои происходили на стыке министерств и научных институтов, внешней торговли и других организаций. Преодоление этих сбоев требовало изменения самой системы хозяйствования, смены подходов к управлению и организации производства. Но сроки, как и прежде, поджимали, поэтому «штопали» и «латали», а о кардинальной перестройке дела и речи не было. Подвел, в конечном счёте, принцип, взятый на вооружение на старте освоения месторождений: делать лишь то, без чего сегодня нельзя обойтись, откладывая всё остальное до лучших времён, или, иначе говоря, работа по «временной схеме»[344].

Долгое время в передовиках отрасли ходило ПО «Нижневартовскнефтегаз», а в отстающих — ПО «Юганскнефтегаз». Но когда прошла пора фонтанов, оказалось, что нефтеюганцы лучше, чем нижневартовцы подготовлены к новым условиям работы. Неизбалованные самотлорской нефтью, они больше внимания уделяли научно-техническому прогрессу. А Самотлорское месторождение разрабатывал «Нижневартовскнефтегаз», рапортовавший об очередных трудовых победах благодаря фонтанам Самотлора. Быстрый взлет нефтедобычи в регионе был обеспечен, главным образом, благодаря разработке этого гиганта, открытого в 1965 г. и запущенного в эксплуатацию в 1969 г. Уникальная кладовая нефти открывала огромные возможности в наращивании советского экономического и геополитического потенциала. Однако история Самотлора лучше других показала ущербность негласного принципа разработки югорских месторождений: «минимум подготовленных условий — максимум добычи».

В 1960-е гг. основополагающий экономический критерий нефтедобычи в СССР звучал так: «удовлетворение общественной потребности в нефти и нефтепродуктах при *наименьших* затратах и наиболее полном отборе нефти из запасов». Но понятие «*наименьшие* затраты»

---

[344] Карпов В. П. По временной схеме: освоение советского Севера (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа) // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. С. 399.

обосновать инженерными расчетами практически невозможно. На практике разъяснение термина «*наименьшие* затраты» сводилось к ответу на вопрос: дадут или нет в правительстве предусмотренный проектом объём капитальных вложений[345]. На освоение Самотлорского месторождения не дали, «сэкономили». Поэтому не было построено объектов, предусмотренных проектом, почти на 1,5 млрд рублей (!)[346].

Пробная эксплуатация скважин была слишком короткой, чтобы провести необходимые исследования: при составлении «Принципиальной схемы разработки Самотлорского нефтегазового месторождения» площадью 1200 квадратных километров были пробурены всего 33 разведочных скважины. С первых дней освоения началось невиданное ускорение нефтедобычи, в результате чего она вышла в 1980 г. на свой максимальный уровень — 155 млн т. Но в следующем, 1981 г. началось снижение добычи нефти и уже в 1988 г. её получили на 1/3 меньше проектного уровня. А соблюдение проектной цифры в 130 млн т в год позволило бы эксплуатировать Самотлор на этом уровне, по оценкам специалистов, 19 лет[347].

Проект разработки Самотлорского месторождения, подготовленный в 1968–1970 гг., впоследствии постоянно нарушался из-за стремления быстрее извлечь максимальный объём нефти. Ученые и специалисты не раз обращали внимание руководства отрасли на опасность такого подхода. В 1977 г. была подготовлена записка для министра нефтяной промышленности СССР Н. А. Мальцева, в которой директор Всесоюзного нефтегазового научно-исследовательского института (ВНИИнефть, Москва) Г. Г. Вахитов и его заместитель М. Л. Сургучев предупреждали: «…отклонение от проектной технологии разработки всех пластов, которое имеет место в настоящее время на практике … может еще больше осложнить не только динамику добычи нефти, но и извлечение запасов… Если исходить из условия обеспечения на месторождении устойчивой добычи нефти в течение 10–12 лет, то следовало бы ограничить максимальную добычу нефти на уровне 100–110 млн т в год. Даже утвержденный проектный уровень добычи нефти в 130 млн т в год не отвечает этому условию»[348].

О грубых нарушениях всей технологической схемы эксплуатации Самотлорского месторождения говорили не только московские, но и тюменские учёные. В 1978 г. Е. П. Ефремов, тогда заместитель директора Сибирского научно-исследовательского института нефтяной промышленности (СибНИИНП, Тюмень), в докладе о нарушениях проекта разработки Самотлора заместителю министра нефтяной промышленности СССР Э. М. Халимову с тревогой сообщал о чрезмерной перегрузке наиболее известных и доступных залежей и пренебрежении остальными[349]. Компетентное мнение учёных в правительстве не было услышано.

Уточненный проект разработки Самотлорского месторождения в 1981 г. подготовили институты «ВНИИнефть» и «СибНИИНП». Авторы «Проекта-81» предложили пробурить 18 900 скважин на основных объектах месторождения, вместо 7 780 скважин, запроекти-

---

[345] Вахитов Г. Г. Нефтяная промышленность России: вчера, сегодня, завтра. Опыт разработки месторождений углеводородов в 1950–2012 гг. М., 2012. С. 22.

[346] Известия. 1985. 28 мая.

[347] Карпов В. П., Гаврилова Н. Ю. Нефть во внешней политике и торговле Советского Союза в 1960–1980-е годы // Известия высших учебных заведений. Нефть и газ. 2002. № 4. С. 119.

[348] Вахитов Г. Г. Нефтяная промышленность России: вчера, сегодня, завтра. Опыт разработки месторождений углеводородов в 1950–2012 гг. М., 2012. С. 343

[349] Известия. 1985. 28 мая.

рованных ранее. Чтобы реализовать эти и другие изменения, потребовалось около 7 млрд рублей (в ценах 1980 г.) капиталовложений, что вызвало отрицательное отношение Госплана СССР к проекту. Его экспертиза продолжалась почти полтора года в течение января 1982 г. — мая 1983 г. и закончилась принятием половинчатого решения, не совпадающего с рекомендациями учёных. Аргументы плановиков сводились к тому, что реализация предложенных в проекте технологических решений затянется на многие годы из-за недостатка средств[350].

Говоря о форсировании темпов нефтедобычи, не следует забывать, что проект «ЗСНГК» воплощался в условиях холодной войны и гонки вооружений, которые вынуждали, во-первых руководителей страны действовать в обстановке хронического дефицита времени, во-вторых, уделять главное внимание в финансировании отраслей экономики военно-промышленному комплексу. «Мы не заботились о том, чтобы разрабатывать новое оборудование для нефтяных месторождений, — вспоминал позже Л. Д. Чурилов. — Всё, чего хотели от нас руководители страны — объёмы добычи, объём и ещё раз объём! Качество не играло никакой роли»[351].

Во второй половине 1970-х гг., когда началось снижение эффективности нефтедобычи в Ханты-Мансийском автономном округе, следовало внести коррективы в стратегию освоения региона в целом и разработки месторождений, в частности. Но высшее руководство страны продолжало настаивать на увеличении темпов добычи нефти, не обращая должного внимания на нарастающий вал проблем в отрасли и регионе. Многочисленные мероприятия по выводу нефтяной Югры из кризиса, разработанные в министерствах, главках и их объединениях, были традиционными, сохранялись прежние принципы разработки месторождений. Но и эти мероприятия не подкреплялись должной организаторской работой, а поэтому не выполнялись в полной мере. Одного за другим Миннефтепром СССР и Тюменский обком КПСС меняли начальников Главтюменнефтегаза: Ф. Г. Аржанов, Р. Т. Булгаков, Р. И. Кузоваткин, В. И. Грайфер. ЦК КПСС и Совет министров СССР пытались переломить ситуацию, сменяя руководителей нефтяной промышленности: Н. А. Мальцев, В. А. Динков, Л. И. Филимонов, Л. Д. Чурилов. Однако взыскания и отставки не могли улучшить ситуацию принципиально.

В сентябре 1985 г. Тюменскую область посетил генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Его сопровождали ответственные работники ЦК В. И. Долгих и Б. Н. Ельцин, заместители Председателя Совмина СССР Н. К. Байбаков и Б. Е Щербина, министры В. А. Динков, В. С. Черномырдин, В. Г. Чирсков. Делегация посетила Нижневартовск, где побывала на Самотлорском месторождении, в Сургуте, где гости осмотрели Сургутскую ГРЭС.

Министр нефтяной промышленности В. А. Динков организовал членам делегации показ выставок в Сургуте и Нижневартовске, чтобы продемонстрировать на них устаревшее нефтепромысловое оборудование, производимое в СССР. В завершение поездки, 6 сентября состоялось совещание партийно-хозяйственного актива Тюменской и Томской областей, на котором были рассмотрены задачи дальнейшего развития ЗСНГК. Вскоре после возвращения М. С. Горбачева из Тюмени было издано правительственное постановление, пред-

[350] Карпов В. П. Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень, 2014. С. 87.

[351] Чурилов Л. Д. Моя история советской нефти. С. 24.

усматривающее техническую модернизацию нефтяной промышленности. Однако визит М. С. Горбачева не оправдал ожиданий нефтяников: ни одна из программ, разработанных по результатам этой поездки, не была выполнена.

Во второй половине 1980-х гг. выход из кризиса руководители страны пытались найти не в корректировке стратегии развития НГК, а привычным путём — вводом в разработку новых месторождений, привлечением в регион всё бóльших по количеству ресурсов — финансовых, материальных, людских. Эти меры, в реализации которых участвовала практически вся страна, позволили ненадолго увеличить добычу нефти: в 1988 г. был получен самый высокий за историю ЗСНГК результат — 405,7 млн т нефти, в том числе предприятиями Ханты-Мансийского автономного округа — 349,1 млн т (пик нефтедобычи в округе пришёлся на предыдущий, 1987 год — 354,8 млн т)[352]. Но в 1989 г. наметился новый, более глубокий спад: добыча нефти в Западной Сибири уменьшилась почти на 11 млн т, в 1990 г. — уже на 29 млн т[353]. В Ханты-Мансийском автономном округе нефтедобыча упала на 17 млн т в 1989 г. (332,1 млн т) и на 30,7 млн т в 1990 г. (301,4 млн т)[354].

Быстрое развитие промышленности округа с преимущественно моноотраслевой структурой было возможно за счет использования, в основном, внешних ресурсов — финансовых, материальных, трудовых. Первые сбои в системе «СССР — ЗСНГК» привели к спаду нефтедобычи, дестабилизации ситуации в РНПО, отрасли в целом. В результате «углубления» перестройки М. С. Горбачева в стране началась анархия. Набравшие силу в «недрах» советской системы отраслевые и территориальные корпоративные группировки не реагировали на санкции сверху, начали активно выступать за самостоятельность. Именно они на рубеже 1980-х — 1990-х гг. стали инициаторами роспуска Госплана, Госснаба СССР и других структур, ограничивавших их экономическую свободу. В 1989–1990 гг. ликвидируются производственные главки ЗСНГК, меняются организационно-правовые формы предприятий, происходит свертывание экономической активности государства на территории Севера.

Таким образом, взаимовлияние общегосударственных и региональных процессов в разработке и реализации стратегии освоения нефтегазовых ресурсов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры очевидно. В 1960-е — 1970-е гг. югорская нефть придала новый импульс развитию советской экономики, однако неспособность руководства страны своевременно перейти на интенсивный путь индустриального развития, адекватно ответить на новые вызовы времени привела к тому, что экономика оказывалась во все более критическом положении. Форсированное развитие нефтедобычи в 1970-е — 1980-е гг. компенсировало низкую эффективность общественного производства, помогало снять напряжение внутри страны, обеспечивая занятость, стабильный поток валюты от экспорта углеводородов. Но сверхбыстрые темпы развития отрасли, обеспечивавшей почти весь прирост нефтедобычи в СССР со второй половины 1970-х гг., сделали практически невозможным создание в округе нормальной производственной и социальной инфраструктуры, что, в конечном счете, привело к кризису в нефтяной промышленности, потянуло назад всю советскую экономику.

---

[352] ГАТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 1340. Л. 6.

[353] Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. С. 297.

[354] ГАТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 1340. Л. 6.

В нефтяной истории Югры можно выделить 3 этапа. На первом — с 1964 г. до середины 1970-х гг. — началась промышленная эксплуатация месторождений и была создана крупная нефтедобывающая база, построена трубопроводная система для транспорта нефти в районы Сибири и Дальнего Востока, газа — на Урал.

Второй этап охватывает время с середины 1970-х до конца 1980-х гг. В эти годы, несмотря на нарастание отмеченных выше негативных явлений в развитии отрасли, благодаря концентрации огромных ресурсов в Тюменской области и Ханты-Мансийском автономном округе, удалось сохранить высокие темпы производства нефти, обеспечить её широкий выход в центральные районы страны и за рубеж, начать нефте- и газопереработку в РНПО.

Третий этап начался в конце 1980-х гг., когда снижение нефтедобычи стало устойчивой тенденцией, отрасль накрыл тяжелый кризис, как и общероссийскую экономику в целом.

Несмотря на многочисленные трудности, издержки не очень рациональной системы хозяйствования, неимоверно тяжелые условия труда и быта нефтяников, новый нефтегазодобывающий район СССР был создан и к середине 1970-х гг. превращен в главный нефтедобывающий центр страны. Бурное развитие нефтедобычи обусловило настоящий индустриальный «взрыв» в Ханты-Мансийском автономном округе. Валовый объём промышленности вырос за четверть века почти в 40 раз. Нефтегазовый профиль индустриализации кардинально изменил структуру промышленности региона. Как видно из таблицы 2.5, удельный вес нефтедобывающей отрасли в промышленности округа вырос с 4,3 % в 1965 г. до 83 % в 1979 г. В то же время удельный вес традиционных отраслей хозяйства, ключевых в экономике округа к началу создания нефтегазового комплекса, значительно упал: лесной и деревообрабатывающей промышленности — с 64 до 5 %, рыбной — с 26 до 0,4 %.

О динамике нефтедобычи в регионе и изменении удельного веса югорской нефти в западносибирской и общесоюзной добыче можно судить на основе данных таблицы 2.6.

Таблица 2.5

Изменение структуры промышленности Ханты-Мансийского национального/ автономного округа (уд. вес в %)

Отрасли промышленности	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1979 г.
Вся промышленность	100	100	100	100
В том числе:				
нефтедобывающая	4,3	57	80	83
газовая	—	2	1,8	0,2
строительная индустрия	1,4	10	5	1
лесная и деревообрабатывающая	64	24	10	5
рыбная	26	4,2	2	0,4

Источник: Экономика и культура Ханты-Мансийского автономного округа за 50 лет (в цифрах). Ханты-Мансийск, 1980. С. 10.

Таблица 2.6

Добыча нефти в СССР, Западной Сибири и Ханты-Мансийском национальном/автономном округе в 1965–1990 гг., млн т

Годы	СССР	Западная Сибирь	ХМАО-Югра	ХМАО в %% к СССР	ХМАО в %% к Западной Сибири
1965	242,8	0,9	**0,9**	0,37	100,0
1970	359,0	31,4	**28,5**	7,9	90,7
1975	490,0	148,0	**143,2**	29,2	96,7
1980	603,0	312,6	**307,9**	51,1	98,5
1985	595,0	368,0	**361,0**	60,7	98,1
1988	589,0	405,7	**360,0**	61,1	88,7
1990	570,5	380,1	**311,3**	54,6	81,9

Источник: ГАТО. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 1340. Социально-экономический паспорт ХМАО. 1986–1990. Л. 7; Экономика и культура ХМАО за 50 лет (в цифрах). Ханты-Мансийск, 1980. С. 12; Нефтяная промышленность Российской Федерации. 1995: Справочник. М., 1996. С. 24, 29, 32; СССР в цифрах в 1990 году: Крат. стат. сб. М., 1991. С. 208; Тюменская область в цифрах за 1986–1990 гг.: Стат. сб. Тюмень, 1991. С. 122; Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. Томск, 1988. С. 53.

В 1965 г. Югра произвела 0,37 % нефти в СССР и 100 % — в Западной Сибири, в 1975-м — соответственно 29,2 и 96,7, в 1985-м — 60,7 и 96,7, в 1988-м — 61,1 и 88,7, в 1990-м — 54,6 % и 81,9 %. Благодаря бурному развитию нефтяной промышленности кардинально изменился экономический профиль не только Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, но и страны в целом.

Можно ли было достичь большего в 1960-е — 1980-е гг. при меньших затратах людских, материальных и природных ресурсов? Хочется ответить «да», ошибок и издержек было бы меньше при более продуманной стратегии и более последовательном её воплощении. Но это ответ задним числом и без учёта конкретных условий места и времени. Реальные возможности государства зависели от уровня социально-экономического развития страны, международной обстановки, от способности институтов власти адекватно отвечать на вызовы времени. Дефицит времени и ресурсов, кризис советской экономики, нараставший с начала 1970-х гг., объясняют, почему интересы текущего дня заслонили долговременную перспективу. Поэтому сделали как смогли, а не так, как предполагали на старте проекта.

Глава 3

Внешнеэкономические связи региона в годы создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса

Внешнеэкономические связи Ханты-Мансийского автономного округа в 1950–1980-е гг. включали в себя преимущественно вопросы экспорта углеводородного сырья и нефтепродуктов, импорта трубопрокатной продукции, современных землепроходческих механизмов и грузовых автомобилей, а также обеспечения региона трудовыми ресурсами.

В начале 1950-х гг. Советский Союз экспортировал топливно-энергетические ресурсы в незначительном количестве. Их доля в совокупном экспорте СССР в 1955 г. составляла 9,6%. В нефтеэкспорте преобладал вывоз нефтепродуктов, превышая вывоз сырой нефти почти в 3 раза[355].

Во второй половине 1950-х гг. после XX съезда КПСС, поддерживая «страны народной демократии», в том числе в ущерб собственным интересам, СССР начал поставлять сырую нефть в страны Восточной Европы. В 1964 г. по нефтепроводу «Дружба» пошла нефть из Волгоуральского нефтегазоносного района. С помощью Советского Союза были построены нефтезаводы в Плоцке (Польша), Братиславе (Чехословакия), Сизхаломбате (Венгрия), Шведте (ГДР)[356].

Открытие и освоение крупнейших в стране месторождений углеводородного сырья в Ханты-Мансийском автономном округе в впервой половине 1960-х гг. открывали перед СССР новые внешнеэкономические перспективы.

Основываясь на обнаруженном в Российском Государственном архиве экономики документе, историк В. Л. Некрасов утверждает, что в 1964 г. группой «нефтегазовых» плановиков и ответственных работников топливных министерств был подготовлен проект организации экспорта природного и сопутствующего газа в Австрию, Англию, Италию, Швецию, Финляндию и Японию. По его мнению, этот документ представлял собой первый проект экспорта Западно-Сибирского природного газа, который показывает, что уже в 1964 г. углеводородное сырье Югры рассматривалось советскими экономистами как важный стратегический ресурс, а нефтегазовая рента как источник формировании доходов СССР[357].

---

[355] Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. 1918–1966 гг. М., 1967. С. 73.

[356] Иголкин А. А. Нефтяной фактор во внешнеэкономических связях России за последние 100 лет // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 1. С. 90.

[357] Некрасов В. А. «Нефтегазовый приз», групповые интересы, ресурсная рента и проект экспорта природного газа // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (57). С. 179–180.

Можно согласиться с автором в том, что в эти годы у политического руководства страны возникает новый взгляд на природные ресурсы как на источник богатства и укрепляется убежденность в том, что Советский Союз не только становится лидером по запасам материальных ресурсов среди стран СЭВ, но и может стать крупным игроком на мировом рынке нефти, газа и нефтепродуктов[358].

Оптимизм таких амбициозных прогнозов политического руководства в значительном мере усилили последствия энергетического кризиса 1973 г., которые историк М. В. Славкина называет «роковыми». Она показывает, что в 1970–1980 гг. на фоне стремительно растущих мировых цен на нефть ее советский экспорт вырос в 1,5 раза — с 44 до 63,6 млн т. Еще через пять лет он достиг 80,7 млн т. Валютные поступления в СССР стремительно росли. Если в 1970 г. выручка СССР составляла 1,05 млрд долларов, то в 1975 году — уже 3,72 млрд долларов, а к 1980 г. достигла 15,74 млрд долларов. То есть, увеличилась почти в 15 раз![359]

Это был новый фактор развития страны, главным актором которого суждено было стать Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре. В 1975 г., благодаря югорским открытиям, СССР добывал почти 500 млн т нефти и обогнал многолетнего лидера США. Прорыв к богатейшим месторождениям севера Западной Сибири порождал надежды на светлое будущее страны. Не скупились на оптимистичные прогнозы и американские аналитики, которые под влиянием «Югорской эпопеи» так рисовали перспективы развития СССР: «Через два десятилетия Советский Союз, оставаясь сверхмощной военной державой, будет иметь самый высокий уровень жизни». Они предсказывали отсутствие каких-либо отрицательных тенденций в развитии Советского Союза по крайней мере до 2000 г.[360]

Однако этому не суждено было сбыться. По мере развития нефтяной отрасли она окончательно обретала экспортную ориентацию, а в структуре общесоюзного экспорта доля нефти и нефтепродуктов в 1980 г. составляла уже 36,4% и ещё 7,4% давал газ[361]. В том же году из СССР было вывезено 119 млн т сырой нефти и 41,3 млн т нефтепродуктов при общей добыче, равной 603 млн т[362].

При этом в Советском Союзе экспорт незначительно, процентов на 5–10, превышал импорт. Все нефтедоллары тут же тратились на закупку зерна, продовольствия и товаров народного потребления. По мнению А. А. Иголкина, «если бы средства, вложенные в добычу и транспортировку экспортируемой нефти, дававшей валюту на покупку зерна, удалось инвестировать в аграрный сектор, то „продовольственная зависимость“ от Запада была бы преодолена или, уж во всяком случае, существенно ослаблена»[363].

М. В Славкина подчеркивает, что закупая за валюту продовольствие и товары народного потребления, советское руководство практически не использовало нефтегазовые доходы

---

[358] Некрасов В. А. «Нефтяной приз», групповые интересы, ресурсная рента и проект экспорта природного газа. С. 180.

[359] Славкина М. В. Острые грани «черного золота». История «нефтяной иглы» в Советском Союзе // Родина. 2016. № 4. С. 128.

[360] Цит. по: Славкина М. В. Острые грани «черного золота». История «нефтяной иглы» в Советском Союзе. С. 128.

[361] Внешняя торговля СССР в 1981 г. Статистический сборник. М.,1981. С. 19.

[362] Народное хозяйство в 1990-е гг. М., 1991. С. 397.

[363] Иголкин А. А. Нефтяной фактор во внешнеэкономических связях России за последние 100 лет. С. 91.

для широкомасштабной технологической модернизации. В условиях научно-технической революции следовало коренным образом переориентировать импорт и вложиться в современное оборудование и технологии. Но этого не происходило. Под влиянием новых финансовых источников у советского политического руководства сложилось стойкое представление о том, что теперь острейшие экономические и социальные проблемы можно решать не за счет повышения эффективности хозяйственной системы, а за счет растущих доходов от экспорта нефти и газа.

Ссылаясь на исторические источники, она свидетельствует, что Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин, имевший непосредственные контакты с начальником Главтюменнефтегаза В. И. Муравленко, лично обращался к нему примерно с такими просьбами: «С хлебушком плохо — дай 3 млн т сверх плана», а рассекреченные рабочие записи заседаний Политбюро ЦК КПСС показывают, как высшее руководство при обсуждении экспорта углеводородов напрямую связывало его с продовольственным импортом и закупками товаров народного потребления. Так, например, в мае 1984 г. на заседании Политбюро председатель Совета министров СССР Н. А. Тихонов констатировал: «Главным образом нефть, которую мы продаем в капиталистические страны, идет на оплату продовольственных и некоторых других товаров. В связи с этим, видимо, целесообразно при разработке нового пятилетнего плана предусмотреть резерв для возможной дополнительной поставки нефти в количестве 5–6 млн т за пятилетие»[364].

Руководители министерства нефтяной промышленности СССР вспоминали: «Все возникающие проблемы рассматривались в первую очередь с позиции — сколько надо продать тюменской нефти, чтобы купить необходимое оборудование, продукты питания, зерно и т. д.»[365]. Тогда казалось, что альтернативы «нефтегазовому решению» не существовало вовсе.

Закупая за валюту продовольствие и товары народного потребления, советское руководство практически не использовало нефтегазовые доходы для широкомасштабной технологической модернизации. В условиях научно-технической революции следовало коренным образом переориентировать импорт и вложиться в современное оборудование и технологии. Но этого не происходило. Роковыми последствиями для Советского Союза стало игнорирование мировых достижений в сфере развития вычислительной техники — именно в этой области произошли те глобальные изменения, которые впоследствии привели к формированию информационного общества.

В результате «ресурсного проклятия» Советский Союз попадал не только в продовольственную, но и технологическую зависимость от Запада.

Так, в ходе строительства нефтегазопроводов отечественная промышленность столкнулась с дефицитом труб большого диаметра и прочности, которые в СССР не производили. Представленные в таблице № 2.7 данные свидетельствуют о значительном расхождении диаметра труб, используемых при строительстве Игримской магистрали в самый плодотворный для строительства 1965 год. Испытывая существенный дефицит в трубах большого диаметра, строители газопроводов были вынуждены использовать трубы меньших размеров по сравнению с проектными данными.

---

[364] Славкина М. В. Острые грани «черного золота». История «нефтяной иглы» в Советском Союзе. С. 129.

[365] Иголкин А. А. Нефтяной фактор во внешнеэкономических связях России за последние 100 лет. С. 91.

Таблица 2.7

Выполнение основных линейных работ газопровода Игрим — Серов в 1965 г.

№ пп	Наименование работ	Единица измерения	По проекту	Выполнено с начала строительства	Выполнено за 1965 год	Оставшийся объём работ
1	Сварено труб в «нитку»					
	ДУ 1000	км	484,2	463,7	210,5	20,5
	ДУ 700	км	18,5	17,5	6,3	1,0
	ДУ 500	км	10,7	10,7	4,0	нет
2	Заизолировано труб					
	ДУ 1000	км	484,2	444,2	290,1	39,5
	ДУ 700	км	18,5	17,5	7,6	1,0
	ДУ 500	км	10,7	10,7	4,0	нет
3	Разработано траншей	км	513,4	475,5	255,9	37,9
4	Засыпано труб	км	513,4	432,0	269,3	81,4
5	Продувка газопровода	км	503,5	264,75	264,75	238,75
6	Монтаж линейных кранов					
	ДУ 1000	км	22	12	12	10
	ДУ 700	км	21	16	16	5

Источник: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 279. Оп. 1. Д. 2595. Л. 29–53.

Данные таблицы 2.7 свидетельствуют о значительном отставании в выполнении плановых заданий линейных работ фактически по всем их направлениям. Главная причина их невыполнения состояла в недостаточном обеспечении трубной продукцией.

Таблица 2.8

Производство труб большого диаметра в СССР в 1968 г.

Наименование заводов	Диаметр труб в мм	К-во (тыс. т.)	К-во (тыс. м)	Примечание
Челябинский трубный	529–820 1020–1220	704,7 816,0	5285,2 2174,8	Около 90% всех труб газопроводные
Харцызский трубный	529–1420	478,2	2111	Только 15% газопроводные
Новомосковский	1020	271,6	974	80–85% газопроводные
Завод им. Ильича	650–1020	239,7	1388	Нет данных

Источник: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 101. Д. 546. Л. 29.

Трубы большого диаметра выпускались только на четырех предприятиях страны. Их общее количество составляло 1702,36 тыс. т труб, из которых газовых труб производилось приблизительно без учета завода им. Ильича 1664,43 тыс. т, что составляло протяженность 11933 тыс. м. Из них протяженность газовых труб составляла только 8362,72 тыс. м.

Советские трубы по своим качественным характеристикам значительно уступали импортным аналогам. Если в США, Швеции, Японии выпускали трубы с заделом прочности 65–70 мм^2, то в СССР этот показатель был ниже — 52–55 кг/мм^2. В США было успешно освоено производство труб из стали следующих марок: Х60 с временным сопротивлением 55–57 кг/см^2, Х65 с временным сопротивлением 60 кг/мм^2, Х70 с сопротивлением 65 кг/мм^2. Применение такого металла давало возможность уменьшить толщину стенки труб и увеличить давление передаваемого газа. В 1968 г. трубной промышленностью СССР производились трубы с временным сопротивлением до 52 кг/мм^2, что вызывало перерасход металла на 10–15% и свидетельствовало о его более низком качестве[366].

Кроме того, климатические условия Западной Сибири предъявляли особые условия к качеству металла прокладываемых труб. Основным показателем металла труб для районов Западной Сибири, являлась ударная вязкость металла труб при температуре — 70° С, которая не должна быть меньше 0,03 кг/мм^2. Поэтому в 1968 г. УралНИТИ (Уральский научно-исследовательский технологический институт) совместно с Челябинским трубопрокатным заводом приступили к изготовлению опытных образцов армированных труб. Технические эксперименты в ВНИИСТ (Всесоюзный научно-исследовательский институт по строительству и эксплуатации трубопроводов, объектов ТЭК) показали перспективность, а главное, простоту их производства, когда не требовалось сложного и дорогостоящего оборудования. В связи с этим незамедлительно было принято решение организовать во II квартале 1969 г. производство труб диаметром 1220 мм с расчетом удержания давления до 100 атмосфер, необходимых для безаварийной работы газотранспортной системы Западной Сибири.

Следует отметить, что для северных газопроводов рассматривались и другие технологические варианты производства труб диаметром 1220 мм, к которым относились выпуск труб прядью и производство бесшовных труб. На Волжском заводе наладили выпуск спиралешовных труб диаметром 1420 мм, из рулонного металла толщиной 12,5 мм с требуемыми механическим свойствами. На Харцызском трубном заводе производились прямошовные газопроводные трубы[367].

Положительный опыт производства труб большого диаметра позволил завершить в 1977 г. строительство системы газопроводов Медвежье — Пунга — Ухта и далее в сторону Торжка протяженностью 2466 км, значительная часть которой располагалась на территории Ханты-Мансийского автономного округа, в большей части из труб диаметром 1420 мм отечественного производства.

Однако в 1960-е — 1970-е гг. трубопрокатная промышленность СССР была не в состоянии в полной мере удовлетворить потребность сибирских нефтяников и газовиков в поставках труб диаметром 1220 и 1420 мм. Важным финансовым, производственным и технологическим резервом строительства газопроводного транспорта в Западной Сибири являлись внешнеэкономические связи. Еще в 1949 г. для ограничения технического развития и со-

---

[366] РГАЭ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 2595. Л. 27.

[367] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 10. Д. № 461. Л. 15

трудничества со странами социалистического лагеря по инициативе США был создан Координационный комитет по экспортному контролю — «КОКОМ». Тем не менее, в 1962–1964 гг. СССР удалось подписать взаимовыгодные контракты импорта туб с такими фирмами ФРГ, как Hoesch, Mannesman, Phoenix–Rheinrohr. Менее значимые договора поставки труб были заключены с Италией и рядом других западноевропейских стран.

Правительство США усмотрело в этих сделках усиление экономического влияния СССР на Европейском континенте и увеличение его военного потенциала. Уже в ноябре 1962 г. под давлением США было объявлено одобренное советом НАТО эмбарго на поставку труб. ФРГ и другие западноевропейские страны вынуждены были на некоторое время прекратить поставки в СССР труб большого диаметра[368].

Вместе с тем в эти годы экономика Западной Европы остро нуждалась в советском газе и уже в 1968 г. состоялись переговоры СССР с компанией Ругаз о поставках советской стороне газовых труб в обмен на газ. Но такие поставки были сопряжены с большими техническими и логистическими проблемами. Как отмечал начальник отдела новой техники министерства газовой промышленности С. Р. Дережков, СССР в 1970-е гг. располагал большим запасом исследованного газа, однако не имел необходимых собственных средств, материалов и оборудования для экспорта[369].

В этой связи, в 1970 г. было подписано историческое соглашение между СССР и ФРГ. Это была грандиозная взаимовыгодная сделка «Газ в обмен на трубы». Согласно данному договору, СССР на протяжении более двадцати лет обязался поставлять газ в ФРГ в объёме 52,5 млрд м^3. В свою очередь фирмы «Маннесман» и «Тиссен» должны были поставить 1,2 млн т труб. В 1973 г. газ Оренбургского месторождения начал поступать в Австрию, ФРГ, в 1974 г. в Италию и в 1976 г. во Францию[370].

Такая долгосрочная политика получила название *Ostpolitik* (восточная политика). Сотрудничество с иностранными партнерами затрагивало не только вопросы поставки трубной продукции, но и предполагало развитие научно-технического сотрудничества в совершенствовании технологии производства трубопрокатной продукции. Были осуществлены научно-исследовательские работы по производству труб диаметром 2020–2520 мм на Новомосковском металлургическом комбинате, где монтировался трубный стан, запущенный в III квартале 1969 г. Трубный стан был поставлен в результате заключения соглашения о научно-техническом сотрудничестве от 28 апреля 1969 г. между всесоюзным объединением «Внештехника» и фирмой «Тиссен-Роренверке» ФРГ. Стоит отметить, что и Харцызский завод также освоил выпуск труб диаметром 1420 мм из импортного листа. Уже в начале 1970-гг. часть газопровода Надым — Ухта — Торжок была запроектирована из труб диаметром 1400 мм импортной поставки из ФРГ[371].

На закупку импортных труб для строительства магистрали Надым–Ухта, строительство и технической обслуживание значительной части компрессорных станций которой осу-

---

[368] Егоров В., Литвинова Н. Постсоветский материк, Автономная некоммерческая организация Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) № 3 (23). С. 122.

[369] Косторниченко В. Н. Газ — трубы: Советские газопроводы в Западную Европу // Родина. 2010. № 10. С. 51.

[370] Косторниченко В. Н. Газ — трубы… С. 51.

[371] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 109. Д. 437. Л. 109.

ществляли предприятия и организации, дислоцированные на территории Югры, в 1971 г. было использовано 55,7 млн рублей, выделенных «Стройбанком СССР» (58 тыс. т труб), а в 1972 г. были осуществлены поставки на сумму 51,1 млн рублей и куплено 167 тыс. т труб. При строительстве начатой в 1971 г. магистрали Медвежье — Надым для технологической обвязки нагнетателей использовались трубы диаметром 1020 мм иностранного производства. В 1970-х гг. значительная часть трубопроводов Ямальских газовых месторождений, пересекающих территорию Ханты-Мансийского национального округа, были построены из труб производства ФРГ, Франции, и Италии[372].

Представляет интерес доверительный характер экономических отношений с западными странами в 1970-е гг., когда иностранные партнеры в большинстве случаев заранее поставляли трубы до оплаты их закупок Стройбанком СССР, который осуществлял кредитование Министерства газовой промышленности. Так, например, в 1971 г. кредит Мингазпрому составил 51,1 млн руб. Такие масштабы кредита объяснялась тем, что в 1970 г. было закуплено 225 тыс. т импортных труб протяженностью 347 км стоимостью 66,8 млн руб.[373]

На заседании Совета министров СССР 26 октября 1970 г. обсуждался вопрос о предоставлении кредита организациям за получаемые импортные трубы на срок до начала сварки. Стройбанк СССР, на основании распоряжения Совета Министров от 16 ноября 1970 года, предоставил кредит на сумму 33 млн руб. для оплаты досрочно завезенных в 1970 г. труб, которые были уложены во второй половине 1971 г. Кроме того, Стройбанк выделил на закупку импортных труб в каждом квартале 1971 г. по 20 млн руб. В 1971 г. на закупку импортных газовых труб Стройбанк СССР дополнительно выделил краткосрочный кредит на сумму 101 млн руб.[374]

В 1974–1975 гг. западногерманская фирма «Маннесман» поставила в СССР 500–600 тыс. т стальных труб различного диаметра, которые использовались для строительства газопроводов в условиях низких температур. Для закупки этих труб СССР в очередной раз был предоставлен кредит на сумму 1,2 млрд западногерманских марок, который составлял 85% взаиморасчета. Стоимость труб производства ФРГ диаметра 1420 мм и 1020 мм в 1972–1975 гг. составляла от 240 до 270 руб. за т[375].

В мае 1977 г. был подписан крупный контракт между СССР и Австрией на поставку 520 тыс. т труб, а уже в 1981 г. заключен еще более крупный договор с компанией «Фёст Альпине» на поставку 800 тыс. т труб. Следует отметить, что и с австрийскими партнерами специфика продажи природного газа имела частично форму обмена топлива в счет поставок труб большого диаметра. В 1979 г. был заключен торгово-экономический договор между СССР и ФРГ сроком на 25 лет. Вслед за данными соглашениями аналогичные договора были заключены с Францией, Италией, Австрией, Бельгией, Голландией, Швейцарией, Грецией. Основной темой договора являлись долгосрочные поставки советского газа на внутриевропейский рынок, что подразумевало строительство специального газопровода Уренгой — Ужгород протяженностью в 4,5 тыс. км[376]. При строительстве газопровода Уренгой — Ужгород СССР получил возможность закупить частично трубы, оборудование, арматуру, строительную

---

372 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 109. Д. 437. Л. 83.

373 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 105. Д. 461. Л. 57.

374 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 105. Д. 461. Л. 8.

375 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 105. Д. 461. Л. 16.

376 Косторниченко В. Н. Газ — трубы… С. 51.

технику в счет оплаты природным газом в Западной Европе, Северной Америке, Японии. Рост общих объёмов капиталовложений в промыслы и газопроводы Тюменского Севера составил 12 млрд руб.[377]

Несмотря на столь успешное экономическое сотрудничество, в 1976–1980 гг. стройки трубопроводных траекторий Западной Сибири нуждались в поставках 15,6 млн т труб диаметром 1420 мм. При этом в эти годы в СССР рассматривался весьма амбициозный проект поставки в течение 25 лет «голубого топлива» в США в объёме 20 млрд куб. м природного газа. Предполагалось построить трубопровод «Северная звезда» от Уренгойского газового гиганта до Мурманска, протяженностью в 3 тыс. км. Американцы выразили готовность помогать оборудованием в счет поставок «голубого топлива»[378].

Но реализации проекта мешала поправка Джексона — Вэника. Из-за внутриполитического давления в условиях холодной войны, газовый гигант построен не был. Американские кампании пытались его интернационализировать за счет привлечения британского, французского, западногерманского и бельгийского капиталов, однако проекту не суждено было быть реализованным.

Из-за нереализованного газотранспортного проекта «Северная звезда» возникли определённые трудности в контактах с США и Великобританией. Однако остальные страны Западной Европы сохраняли готовность поставок труб, как непосредственно для осуществления этого проекта, так и для газопроводов внутри государства. Западногерманская фирма «Маннесман» обеспечивала поставку труб и компрессорных станций.

Таблица 2.9

Поставка советского газа в Западную Европу

Страна	Период	Количество газа (млрд м^3)
Австрия	1968 г.	1,5
Италия SNAM	1969–2000 гг.	6
ФРГ Ruhrgas	1979–2004 гг.	11,5
Финляндия	1973–1993 гг.	4

На основании данных, отраженных в таблице, можно судить о наращивании продолжительных и внушительных по объёмам поставок газа в страны Западной Европы. Ведущим потребителем выступала ФРГ (Рургаз), в адрес которой в период 1979–2004 гг. было поставлено 11,5 млрд куб. м газа. Вторым европейским потребителем газа выступила Италия (СНАМ), получившая 6 млрд м^3 газа в 1969–2000 гг. Финляндии за 20 лет с 1973 по 1993 гг. было поставлено 4 млрд м^3 газа.

Материалы таблицы свидетельствуют также о том, что Советский Союз до 2004 г. должен был поставить в Западную Европу 23 млрд м^3 газа. Трубы большого диаметра поставлялись

[377] Баграмян И. С., Шакай А. Ф. Контракт века: (О газопроводе Западная Сибирь — Западная Европа). М., 1984. С. 94.

[378] Ядгаров Я. С. История экономических учений. М., 2009. С. 26.

фирмой «Маннесман», ФРГ. Помимо труб, Западная Германия поставляла и специальное оборудование, способное работать в сложных климатических условиях Тюменского Севера.

В ходе дальнейшего газотранспортного строительства СССР продолжал закупать трубы для магистралей Западной Сибири. Трубы и необходимое оборудование были поставлены западными фирмами в счет долгосрочных кредитов. Комплектованием и поставками оборудования со стороны СССР для Уренгойского гиганта осуществлял «Союзгазкомплект». Начало поставок «голубого топлива» по газопроводу началось в 1984 г. Начиная с 1986 г. велась комплектация и всех других газопроводов, в том числе: Ямбург–Елец с одной ниткой протяженностью 3000 км с 25 компрессорными станциями, Ямбург — Елец с двумя нитками протяженностью 3491 км с 29 компрессорными станциями, Ямбург — Западная граница СССР протяженностью 5122 км с 40 компрессорными станциями, Ямбург–Тула с одной ниткой протяженностью 3306 км с 28 компрессорными станциями. Для строительства Ямальской газотранспортной системы в Германии было закуплено 1200 км трубы диаметром 1420 мм. Минвнешторг завершил в III квартале 1986 г. отгрузку годовых фондов труб диаметром 1420 мм и поставил июне–июле 400 тыс. т и августе–ноябре 500 тыс. т. А в IV квартале 1986 г. закупили 600 тыс. т труб импортного производства диаметром 1420 мм в счет экспортно-импортных поставок[379].

Следовательно, СССР в 1980-х гг. продолжал промышленное освоение газоносной провинции Западной Сибири от Берёзово до Ямала, используя трубы зарубежного производства стран, остро нуждавшихся в газовых поставках из СССР.

Для Советского Союза такое сотрудничество имело противоречивые последствия. С одной стороны, оно позволяло осуществлять газодобычу и транспортировку топлива высокими темпами. С другой же стороны, долгосрочные перспективные соглашения сроком на 25 и более лет касались, прежде всего, кредитной схемы закупок труб — «газ в обмен на трубы». Негативные последствия реализации указанной схемы заключались в том, что эти договоры не стимулировали развитие технологии производства труб непосредственно в СССР. В страну поступал готовый товар, а не технологии.

Отметим, что производство труб является важной составляющей производственного процесса строительства топливных магистралей, но не единственной. Без механизмов, машин, транспорта, выстроенной системы логистики, их невозможно построить. Комплексная механизация и индустриализация строительства нефтегазопроводов имеет особое значение для повышения его экономической эффективности. В этих целях было необходимо максимально рационально использовать существующий парк машин и механизмов. Хозяйственные органы строительных подразделений принимали соответствующие меры для решения этой принципиально важной непростой задачи.

Ее сложность усугублялась рядом обстоятельств. В связи с расширением масштабов освоения нефтегазовых месторождений на севере Западной Сибири в начале 1970-х гг. возник острый дефицит строительной техники. В недостаточном количестве поступали бульдозеры, рыхлители, экскаваторы, бетоносмесители, растворосмесители, бетономешалки, механизированные складные погрузчики[380]. К 1971 г. было поставлено только 200 штук трубоуклад-

[379] Тарасов Е. А. Работа у нас такая… Тюмень, 2009. С. 67.

[380] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 10. Д 546. Л. 123.

чиков, что составляло лишь 67% производственных потребностей[381]. Из этого следует, что строительная индустрия ЗСНГК столкнулась с серьёзными проблемами производства и поставки техники и механизмов, предназначенных для обустройства нефтяных и газовых месторождений и строительства трубопроводов[382].

Таблица 2.10

Потребность в технике при строительстве газопроводов Медвежье — Надым и Надым — Пунга в 1971 г.

п\п	Техника	Необходимая техника	Поступившая техника	Соотношение необходимой и поступившей техники (%)
1	Э — 652 (экскаватор 0,65 м³)	200	81	40
2	Бульдозеры (на базе трактора 100–130 л.с.)	510	250	49

Для строительства магистралей Медвежье — Надым и Надым — Пунга в 1971 г. не хватало 60% экскаваторов и 51% бульдозеров. В целом, министерству не доставало 700–800 штук экскаваторов, а бульдозеров свыше 1000 штук[383].

В начале 1972 г. в Министерствах внешней торговли СССР, газовой промышленности и флота, а также Государственном Комитете Совета Министров СССР по науке и технике, Государственном плановом комитете Совета Министров СССР состоялся ряд встреч с руководителями и специалистами американских компаний «Тексас истерн», «Теннеко» и английской фирмы «Браун энд Рут». На них обсуждались вопросы поставки техники и механизмов для освоения топливных месторождений в Западной Сибири[384]. В 1970-х гг. фирма «Фаун» из ФРГ, поставляла для тяжелых грузовиков МАЗ прицепы грузоподъемностью 50 и 90 т[385].

Из ФРГ поставлялись также известные каждому сибиряку автомобили как «Магирус» фирмы Magirus Deutz (с 1974 г. принадлежал Iveco). Согласно крупнейшему контракту, заключенному 2 октября 1974 г., в СССР на стройки Сибири от БАМа до Северных трубопроводов было поставлено около 9,5 тыс. автомобилей[386].

Чехословакия поставляла на сибирские стройки автомобили «Татра». С 1962 по 1972 гг. в СССР поступило более 8000 единиц этих машин модификации Т-138[387].

---

[381] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 105. Д. 460. Л. 55.

[382] ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 105. Д. 460. Л. 55.

[383] Артеменко Р. В. Механизмы и транспорт на стройках газопроводных траекторий Западной Сибири 60–80-х годов XX столетия // Исторический бюллетень. ДГПУ. 2020. Т. 3. № 4. С. 12.

[384] Баграмян И. С., Шакай А. Ф. Контракт века. С. 23.

[385] Тарасов Е. А. Работа у нас такая… С. 104–105.

[386] Magirus Deutz. Легендарный грузовик сибирских строек. URL: https://dzen.yandex.ru/media/oldtimer/magirus-deutz-legendarnyi-gruzovik-sibirskih-stroek-5c3765e02fe7ad00aa078b98 (дата обращения: 25.05.2023)

[387] Соколов М. «Сто тридцать восьмые» на советских просторах. История автомобилей Tatra серии Т-138 в СССР. URL: http://www.gruzovikpress.ru/article/13675-istoriya-avtomobiley-tatra-serii-t-138-v-sssr-sto-tridtsat-vosmye-na-sovetskih-prostorah (дата обращения: 25.05.2023).

В 1970-х гг. для освоения севера японская фирма «Kato Works» поставляла в СССР строительную технику, включающую гидравлические экскаваторы, буровые установки, мобильные краны[388]. Некоторое время активное участие в поставках техники и механизмов принимали фирмы «Катерпиллар» (США) и «Комацу» (Япония), производившие крупные бульдозеры, трубоукладчики и другую технику. Однако в июне 1982 г. Вашингтон запретил поставки в СССР нефтегазового оборудования и технических средств, производимых зарубежными филиалами американских компаний и иностранными компаниями по американским лицензиям. Беспрецедентное давление было оказано и на собственный бизнес, в результате чего пострадали фирмы «Катерпиллар» и «Дженерал электрик»[389].

Несмотря на экономические санкции, американские и японские компании продолжали поставлять трактора и трубоукладчики. К 1982 г. американская фирма «Катерпиллар» поставила в СССР около 100 трубоукладчиков. Помимо европейских стран, несмотря на давление США, в обустройстве месторождений участвовала и Япония, продолжая поставлять строительную технику в Сибирь через порт Владивосток[390].

Влияние американской администрации на английский бизнес также значительного успеха не имело. Компания «Браун энд Рут» в полном объёме обеспечивала поставку трубоукладчиков[391]. В ноябре 1982 г. были заключены дополнительные контракты на поставку оборудования и техники с ФРГ, Францией, Голландией, Бельгией, Италией[392].

Таблица 2.11

Количество организаций, взаимодействовавших с СССР в 1980 г.

Страна	Количество фирм
ФРГ	1500
Финляндия	600
Италия	300

Источник: Баграмян И. С., Шакай А. Ф. Контракт века: (О газопроводе Западная Сибирь–Западная Европа). М., 1984. С. 24.

Наибольшее количество компаний, сотрудничавших с СССР в поставках строительной техники для ЗСНГК, являлись фирмами ФРГ.

Таким образом, в 1960–1980 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе за счет экономических связей с зарубежными странами удалось ликвидировать дефицит труб большого диаметра, нефтяного оборудования и строительных механизмов, основная часть которых

[388] Японские краны Kato, поставлявшиеся в СССР. URL: https://dzen.yandex.ru/media/technostory/iaponskie-krany-kato-postavliavshiesia-v-sssr-5e8856b3eb765756c9036c51 (дата обращения: 25.05.2023).

[389] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 109. Д. 437. Л. 88.

[390] Тарасов Е. А. Работа у нас такая… С. 352.

[391] Баграмян И. С., Шакай А. Ф. Контракт века. С. 23.

[392] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 456. Л. 34.

в ходе совершенствования трубопрокатного и машиностроительного производства стала производиться на отечественных промышленных предприятиях.

В контексте экономической интеграции Ханты-Мансийского национального округа с зарубежными государствами особое место занимали отношения со странами социалистического лагеря, для которых особенно показательно сотрудничество с Народной Республикой Болгария в решении кадрового обеспечения промышленного и жилищного строительства округа.

Идея создания болгарской строительной группы для работы в Ханты-Мансийском автономном округе возникла в середине 1970-х гг. в рамках экономических соглашений между Советским Союзом и Народной Республикой Болгария. К этому времени болгарские строители уже не первый год успешно работали на объектах Курской магнитной аномалии, лесодобычи в Коми АССР, где было создано несколько болгарских посёлков. Они работали на возведении Архангельского целлюлозно-бумажного комбината. После его успешного завершения летом 1976 г. отряд квалифицированных болгарских специалистов был перемещен на гражданское и жилищное строительство в областной центр и ряд городов ХМНО[393].

В том году на сессии Сургутского городского Совета депутатов трудящихся управляющий трестом «Сургутгазстрой» говорил: «В тресте налицо проблема увеличения рабочих на 1000 человек. Половину мы решаем за счет болгарских товарищей… В сентябре мы ожидаем прибытия трехсот человек и далее еще двухсот»[394].

Первоначально они были задействованы на строительстве социально-культурных объектов, возводимых «Сургутгазстроем», и монтаже «хрущевских» пятиэтажек. Однако память о себе болгарские строители оставили, главным образом, возведением ярких для архитектурных стандартов тех времен домов на Набережном проспекте, напротив бывшего завода арбоблоков «Арболит». Эти восьмиэтажные здания, с некоторыми изменениями летнего варианта первоначального проекта, долгое время считались гордостью Сургута. В одном из них была размещена самая комфортабельная в те времена в городе гостиница «Обь».

Болгарская строительная группа, насчитывавшая в 1980-е гг. около 3 тыс. строителей[395], принимала активное участие и в изготовлении комплектующих строительных конструкций. Основным их поставщиком в Сургуте был завод железобетонных изделий Сургутского ДСК. В 1978 г. из-за допущенного работавшими там заключенными местных исправительных учреждений брака произошло обрушение одного из готовых к сдаче строительных объектов, расположенных на «Арболите». Комиссия, расследовавшая причины обрушения, приняла решение о разборке нескольких уже возведенных домов и отстранении от работы на ЖБИ полуторатысячного «спецконтингента» заключенных. Операция замены заключенных была проведена в короткие сроки. Они срочно были заменены болгарскими рабочими, сумевшими без заметного перерыва обеспечить сохранение темпов и объёмов производства промышленной продукции завода железобетонных изделий Сургутского ДСК[396].

Кроме Сургута, болгарские строителя трудились на многочисленных объектах Тюмени, Нефтеюганска, Нижневартовска, Урала, Нового Уренгоя и Надыма.

---

[393] Новый город. 2004. 18 февраля.

[394] Введенский В. В. Как болгары Сибирь покоряли // Югра. 2004. № 7. С. 29.

[395] Архивный отдел администрации города Сургута (АОАГС). Ф. 3. Оп. 1. Д. 101. Л. 225.

[396] Введенский В. В. Как болгары Сибирь покоряли. С. 29.

Совместное югорско-болгарское сотрудничество продолжалось до января 1991 г. После известных политических изменений в странах Восточной Европы конца 1980-х — начала 1990-х г. оно было прервано, и около 48 000 болгарских строителей покинули страну. В Сургуте, в соответствии со специальным постановлением Правительства России, осталось проживать около 440 болгар — членов образованных за годы их пребывания в Югре интернациональных семей[397].

Обращение к истории внешнеэкономических связей Ханты-Мансийского автономного округа — Югры свидетельствует об их разностороннем характере и широком охвате ими заинтересованных государств, что позволило успешно решить многие задачи масштабного Югорского топливного проекта.

[397] Введенский В. В. Как болгары Сибирь покоряли. С. 29.

Глава 4

Транспортная инфраструктура и логистика: речной, автомобильный, железнодорожный, трубопроводный транспорт, малая авиация

Транспортная инфраструктура Ханты-Мансийского автономного округа — Югры формировалась как система речных, авиационных, железнодорожных и автодорожных коммуникаций, а также магистральных нефтепроводов. В соответствии с видовой классификацией путей сообщения, пассажирские и грузовые перевозки в округе осуществляли предприятия речного, железнодорожного, автомобильного и воздушного транспорта. Специфической чертой трубопроводного транспорта являлась транспортировка нефти и нефтепродуктов, газообразных веществ, преимущественно метана[398]. То есть нефтепроводы и газопроводы совмещали в себе функции подвижного состава и подготовленные для этого пути сообщения, характеризуемые единым понятием — «трубопровод»[399].

В процессе индустриализации строительство железных и автомобильных дорог, портов и каналов осуществляется с целью ускорения перевозки пассажиров вследствие расширения коммуникации населения, доставки различных грузов и материалов, необходимых промышленным предприятиям для производства продукции или добычи полезных ископаемых. Это во многом объясняет «погоню за пространством»[400] в транспортном освоении Ханты-Мансийского округа в исследуемый период, который в территориально-производственном отношении являлся сначала традиционным лесосырьевым и рыбопромышленным придатком Уральского экономического района, а затем частью крупнейшего индустриального Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Ханты-Мансийский национальный округ в начале 1950-х гг. не имел круглогодичных транспортных коммуникаций. Традиционными видами транспорта являлись гужевой и речной транспорт.

Единственный город округа — Ханты-Мансийск был отрезан от «большой земли» и подавляющего числа административных районов округа. В процессе развития региона росла по-

---

398 Зотов Д. К., Ушаков С. С. Проблемы развития транспорта СССР. М., 1990. С. 190–191.

399 Артемов С. Н., Лескин А. И. Общий курс путей сообщения. Волгоград, 2010. С. 58.

400 Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. С. 149–150.

требность в сооружении круглогодичной грунтовой дороги до Увата, с последующим выходом на областную сеть дорог. В июне 1951 г. Ханты-Мансийский окружной дорожный отдел обратился с просьбой к Главному дорожному управлению при Совете Министров РСФСР включить дорогу Ханты-Мансийск — Уват в объекты капитального строительства 1952–1955 гг. Однако получил отказ в связи с ограниченностью капитальный вложений, отпускаемых на дорожное строительство в стране[401].

Его недостаточное финансирование предопределило в 1950-е гг. устойчивое снижение качества грунтовых дорог в Ханты-Мансийском округе. В 1952–1953 гг. автогужевые дороги округа были непригодны для интенсивной эксплуатации. Большую транспортную опасность представляло состояние спусков и подъемов холмистой территории, ограждение опасных мест пересечения и сопряжения с многочисленными реками и озерами. Поэтому в феврале 1953 г. Ханты-Мансийский окрисполком просил руководство области восстановить должности дорожных инспекторов в Самаровском, Кондинском, Сургутском, Берёзовском и Микояновском районах[402].

О состоянии механизмов строительства и ремонта дорог в округе свидетельствует борьба за единственный грейдер, который получил Тюменский областной дорожный отдел. Ханты-Мансийский окружной исполнительный комитет Совета депутатов трудящихся настоятельно апеллировал к хозяйственным инстанциям: «С открытием навигации 1953 года, просим отгрузить окружному дорожному отделу грейдер, выделенный Главдорупром в 1952 году, но оставленный облдоротделом для южных районов». Однако эта просьба также не получила удовлетворительного ответа[403]. Нехватка дорожно-строительных машин приводила к сдерживанию в округе ремонта и строительства грунтовых дорог общего пользования.

В середине 1950-х гг. преобладающим средством передвижения в Ханты-Мансийском округе оставался ***гужевой транспорт***. Известный сургутский краевед И. П. Захаров отмечал: «Чтобы добраться от одного населенного пункта до другого нужно было обращаться к возчикам. Этот способ перевозок в Сургутском районе именовался нежным словом «веревочка»[404]. Перевозки пассажиров на лошадях по зимним дорогам района являлись повседневностью жителей района. В то время, по «веревочке» можно было добраться до Самарово, Тобольска или Томска. «В каждой деревне на постоялом дворе, — вспоминал И. П. Захаров, — пассажир пересаживался в другую пролетку или кошевку, к новому возчику, свежей лошади, и дорога продолжалась»[405].

Однако перевозки пассажиров на большинстве участков были затруднены ограниченным количеством лошадей, выделяемых колхозам для пассажирских перевозок. В большинстве случаев они были вынуждены ехать с извозчиками, доставлявшими почту. В пути пассажиры были лишены каких-либо удобств. Лошади запрягались в розвальни и сани, предназначенные для перевозки сена и дров. В населённых пунктах, где требовалась смена лошадей, не было создано условий для отдыха путников. Помещения для отдыха находились в удручающем состоянии: отсутствовали кровати, постельные принадлежности. В них не было

---

401 Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 443. Л. 33.

402 ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 491. Л. 209–210.

403 Веселов С. И. Предпосылки формирования дорожно-строительной отрасли в Ханты-Мансийском национальном округе в 1930–1950-е гг. // Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.): сб. науч. ст. Екатеринбург, 2020. С. 69.

404 Захаров И. П. Моя земля. Сургут, 1999. С. 66–68.

405 Захаров И. П. Моя земля. С. 181.

мест для приема пищи. Осложняло движение по сухопутным дорогам округа отсутствие указателей о протяженности пути и ближайших поселениях. Так, например, результаты проверки сведений о расстояниях и направлениях между населенными пунктами, проведенные окружными властями в 1954 г., показали, что отдельные колхозы самовольно увеличивали протяженность дорог, не осуществляя их фактического измерения[406].

В мае 1956 г. Ханты-Мансийский окружной комитет партии и окрисполком предпринял очередную попытку обратить внимание ЦК КПСС на необходимость развития в округе сети дорог с твердым покрытием. В справке, представленной высшему партийному руководству, отмечалось, что «после Великой Отечественной войны дополнительных средств на строительство новых дорог не выделялось. Несмотря на неоднократные ходатайства в течение десяти лет о помощи в организации дорожных работ ни Тюменский облисполком, ни Министерство автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР не оказывали и не оказывают существенной помощи»[407].

Начало перспективного транспортного освоения Ханты-Мансийского национального округа было связано с успехами геологоразведочных работ на нефть и газ. Оживлению экономической и социальной жизни населения ХМНО способствовало открытие Берёзовского газового месторождения в 1953 г.[408] Геологи первыми столкнулись с непроходимыми болотами и таежными урманами, преодолеть которые было возможно только с помощью современных транспортных механизмов после сооружения надежных автомобильных дорог. Усилиями геологов на территории ХМНО к 1960–1961 гг. было открыто 18 газовых и 9 нефтяных высокодебитных месторождений, которые стали основой формирования главной топливно-энергетической базы страны — «третьего Баку»[409].

Тем не менее, заметных перемен в транспортной инфраструктуре округа в эти годы не происходило. Локальные изменения в работе системы транспортного обеспечения имелись лишь в развитии автобусного движения в посёлках, где обосновались геологи. Так, например, в 1958 г. было открыто автобусное сообщение в рабочем посёлке Сургут. Маршрут проходил от Черного Мыса до р. Саймы. Согласно воспоминаниям председателя исполнительного комитета Сургутского городского Совета депутатов трудящихся в 1965–1973 гг. П. А. Мунарева, «в посёлке тогда, преимущественно в сухую погоду, курсировало 2 автобуса». Однако, как он писал, «в зимний период, до января–февраля, шли дожди, раскисали дороги, с половины зимы задували ветры-бураны, дороги заметало, а расчищать было нечем, поэтому в движении автобусов наступал длинный перерыв, снова приходилось шагать пешком»[410].

Своеобразной характеристикой состояния транспорта в Сургуте начала 1960-х гг. является популярная в то время у его жителей идея создания конно-прокатной станции. 12 января 1962 г. об этом предложении сообщалось в районной газете «К победе коммунизма». В ней с оптимизмом утверждалось, что численность лошадей в организациях и учреждениях Сургута вполне

---

[406] Веселов С. И. Предпосылки формирования дорожно-строительной отрасли в Ханты-Мансийском национальном округе в 1930–1950-е гг. С. 69.

[407] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 598. Л. 67–68.

[408] Колева Г. Ю., Колев Ж. М. Газовая промышленность Тюменской области: от Берёзовского до Медвежьего. Тюмень, 2022. С. 44.

[409] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Сборник документов за 50 лет. 1962–1965 гг. Т. 5. М., 1968. С. 427.

[410] Мунарев П. А. Так было, так начиналось (записки председателя). Воспоминания о становлении Сургута в 60–70-х годах. / сост. В. В. Киселев, Г. В. Кондрякова; ред. Г. В. Кондрякова. Сургут, 2008. С. 89.

достаточна для организации поездок их работников в командировки, а также и для подвозки дров[411]. Согласно воспоминаниям В. В. Бахилова, «геологам ездить поначалу было не на чем. Тогда Ф. К. Салманов приобрел себе в колхозе „Верный путь“ выездного коня Казбека»[412].

Таким образом, гужевой транспорт в качестве надежного вида транспорта, рассматривался местными жителями и геологами как альтернатива автобусам, которые нерегулярно выходили на маршруты и нередко буксовали в городском бездорожье весенне-осенней распутицы[413].

В начале 1960-х гг. в период навигации на Обь-Иртышском Севере основную часть грузов и пассажиров перевозил ***речной транспорт***. На территории ХМНО деятельность в области водного транспорта осуществляли Иртышское речное пароходство (ИРП) и Тюменское линейное речное пароходство (ТЛРП)[414] Министерства речного и морского флота РСФСР. Общая длина рек, по которым курсировали в 1960 г. пароходы, катера и сплавлялся лес, достигла 8 тыс. км, а грузооборот — 3 млн т. Свыше 20 пассажирских судов были заняты перевозками по водным артериям округа. В 1960 г. 8 катеров «Москвич» перевезли более 100 тыс. пассажиров[415].

В 1961–1965 гг. протяженность эксплуатационных речных путей в Тюменской области увеличилась с 9,5 до 10,6 тыс. км[416]. Существенную роль в организации перевозок речным транспортом на Север области играло ТЛРП. В 1963–1964 гг. пароходство осуществляло перевозки сухогрузов и строительных материалов в Ханты-Мансийск, Сургут, Усть-Балык и Мегион. Основные трудности в работе речного флота были связаны с частыми простоями из-за неготовности пристанного хозяйства к принятию возрастающего количество барж и отсутствия механизированного оборудования для погрузочно-разгрузочных работ[417].

В целях расширения производственных возможностей обеспечения портовыми службами необходимого объёма снабжения нефтегазовых и строительных предприятий материалами, оборудованием и продовольствием 17 декабря 1964 г. последовал приказ министра речного флота РСФСР, в котором утверждалось: «В связи с ростом объёма грузопассажирских перевозок в Сургуте на базе местной пристани организовать речной порт второго разряда»[418]. Генподрядчиком строительства Сургутского речного порта являлся Строительно-монтажный поезд № 330 (СМП-330) управления строительства «Тюменьстройпуть». К Сургутскому порту были отнесены приписные пристани Нижневартовска, Мегиона и Нефтеюганска. В декабре 1965 г. Министерство речного флота РСФСР совместно с Миннефтедобычи и Мингазпромом СССР выделили средства на сооружение дополнительных причалов и покупку оборудования для Сургутского речного порта.

---

[411] Рабочему посёлку нужна конно-прокатная станция (Читатели предлагают) // К победе коммунизма. 1962. 12 января. № 5 (2397).

[412] Бахилов В. В. Дорога к нефти. Нижневартовск, 2015. С. 24.

[413] Заложены основы новой нефтяной базы страны // К победе коммунизма. 1962. 19 января. № 8 (2310). С. 1, 3.

[414] В 1983 г. реорганизовано в Обь-Иртышское объединенное речное пароходство в г. Тюмени.

[415] Тарасенков Г. Н. На просторах Обь-Иртышья (Природа, хозяйство, культура Тюменской области). Свердловск, 1964. С. 341.

[416] Народное хозяйство Тюменской области за 50 лет Советской власти: стат. сб. / ЦСУ РСФСР, Стат. упр. Тюм. обл.; отв. за вып.: М. И. Кружинов. Омск, 1967. С. 207.

[417] Государственный архив социально-политической истории (ГАСПИТО). Ф. П-2776. Оп. 1. Д. 26. Л. 83, 97.

[418] 1964 г. — создан Сургутский речной порт. Старый Сургут. URL: https://stariy-surgut.ru/turistsko-informatsionnyy-tsentr/art-obekt-naberezhnaya-zhizni/1964-g—-sozdan-surgutskiy-rechnoy-port/ (дата обращения: 06.12.2023).

Рис. 2.61. Панорама речного порта во время разгрузки барж.
Фото: А. Ф. Мясников. 1964 г.
Муниципальный архив города Сургута. Ф1. Оп. 2. Д. 58

Рис. 2.62. Речной вокзал. Пристань Сургута. 1970 г.
Государственный архив Югры. Ф. 298. Оп. 1. Д. 46. Л. 1

В конце 1965 г. институтом «Сибгипроречтранс» была подготовлена проектно-сметная документация на строительство железобетонной причальной стенки Сургутского речпорта протяженностью полтора километра[419]. Летом 1966 г. началось строительство причальной шпунтовой стенки Сургутского речного порта на торфяном берегу ниже речки Черная. Сооружение причальной стенки осуществлял Мостопоезд № 442 треста «Мостострой № 2» и субподрядчик СМП-330. В ходе сооружения причальной стенки отличилась бригада монтажников В. Г. Лендика[420]. В навигацию 1970 г. были введены в эксплуатацию 5 портальных кранов первой очереди Сургутского речного порта. Одновременно обработка тарно-штучных грузов проводилась на речных берегах с согласия получателей[421].

Наряду с реорганизацией портового хозяйства Обь-Иртышского речного бассейна, не менее актуальной проблемой являлось обновление пароходного парка. Для отгрузки нефти на Омский нефтеперерабатывающий завод требовалось более сотни самоходных и прицепных судов.

Модернизацию и переоборудование флота Тюменской области и судов окружного базирования осуществляли Омский и Тюменский судоремонтные заводы. В 1964 г. Омский судоремонтный завод смонтировал упоры для толкания загруженных барж, перекачивающие и дымонагнетательные станции, специальный дежурный пожарный пароход и средства пожаротушения. Осуществив все мероприятия и подготовку плавсостава, речники Иртышского речного пароходства (ИРПа) 23 мая 1964 г. из Сухого Бора верховьев реки Конды отправили в путь первый рейс танкера с сырой нефтью ТН-652 под руководством К. Ф. Третьякова. А 28 мая в Усть-Балыке был загружен нефтью состав парохода «Капитан» во главе с Н. П. Луниным[422].

---

[419] Захарова Л. Водные ворота Сургута. СИА-ПРЕСС. 26.11.2017 URL: https://siapress.ru/oldsurgut/74417-vodnie-vorota-surguta (дата обращения: 19.10.2022).

[420] Спивак И. Впереди много дел // К победе коммунизма. 1970. 14 ноября. № 137. С. 2.

[421] Текущий архив ООО «Сургутский речной порт». Эксплуатационный отчет Сургутского речного порта за навигацию 1970 г. Л. 11.

[422] Бесчетных В. Нефтяные навигации // Речник Иртыша. 1975. 22 января. № 6. С. 2.

Кроме того, на Тюменском судоремонтном заводе (СРЗ) в течение 1965 г. активно велись работы по переоборудованию семнадцати пароходов 732 проекта[423]. На реку Конду в 1965 г. пароходству было поставлено 6 танкеров. Всего в течение 1965 г. пароходству было направлено 45 барж-нефтевозов[424]. В 1964–1965 гг. на пристанях Сургута, Ханты-Мансийска, Сотника и Игрима был осуществлен ввод в строй топливных хранилищ и заправочных станций для речного транспорта[425].

Рис. 2.63. Панорама на стоянке катеров в речпорту во время подготовки к навигации. 1969 г. Муниципальный архив города Сургута. Ф1. Оп. 2. Д. 248

Одной из ключевых задач пароходства во второй половине 1960-х гг. являлось создание глубоководного пути для безопасного движения транзитного флота на реках Конда, Средняя и Юганская Обь. Для улучшения судоходных условий по Оби был создан Сургутский технический участок с задачей улучшения речного фарватера Оби. С целью ускорения землечерпательных работ участку было направлено три новых теплохода, а в верховьях Оби и на реке Конде установлены плавучие судоходные знаки в количестве 100 и 80 единиц соответственно. Здесь так же были организованы обстановочные посты[426]. Во второй половине 1960-х гг. на Севере возрос уровень протяженности путей, составивший 3059 км. К 1971 г. увеличились гарантированные глубины на реках Иртыш, Обь. В то же время были освоены Конда, Казым, Пур и другие небольшие, ранее ограниченно используемые для судоходства реки.

Доставка грузов водным транспортом зависела от времени года и погодных условий. Продолжительность его работы была ограничена. Навигационный период начинался одновременно со вскрытием рек в мае и заканчивался после покрытия их льдом в октябре. В 1960-е гг. иртышские речники стали внедрять проводку большегрузных судов методом толкания, что стало возможно после углубления дна эксплуатируемых рек. Одновременно для расширения грузопассажирских перевозок сибирских рек осуществлялось увеличение грузоподъемности судов. Первоначально буксирные тягачи 428 проекта мощностью 2 тыс.л.с. тянули составы грузоподъемностью в 12, 18 и 24 тыс. т на участке Омск — Тобольск — Сургут общей протяженностью пути 2400 км. Один буксир способен был толкать две груженые баржи Р-56 общим весом 6 тыс. т. В 1971 г. дистанция работы толкачей 438 проекта была продлена до Нижневартовска и ее протяженность от Тобольска составила 1209 км. Речная буксировочная эскадра была усилена четырьмя толкачами Р-56, способными транспортировать двухниточные составы из четырех барж грузоподъемностью 12 тыс. т[427].

---

[423] Киреев А. Нефтевозы — ударный объект // Речник Иртыша. 1965. 27 февраля. № 11. С. 3.

[424] Бесчестных В. А время уходит // Речник Иртыша. 1965. 20 февраля. № 8. С. 3.

[425] Прищепа А. И. Материально-техническое снабжение промышленного освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции в 1960-е гг. // III Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию образования СССР (VI Губкинские гуманитарные чтения). М., 2022. С. 133.

[426] Пути будут безопасными (из доклада начальника бассейнового управления пути т. А. И. Седых) // Речник Иртыша. 1965. 10 апреля. № 15. С. 3.

[427] Яновский И. И., Вставский Г. К. Иртышское пароходство: годы и люди. Омск, 2001. С. 137–138.

Рис. 2.64. Олег Борисович Рихтер, первый управляющий трестом «Запсибгидрострой» (1977–1982). 2007 г. Фото из кн.: Трест Запсибгидрострой: 15 лет в СССР — 15 лет в России / гл. ред. А. В. Бруй; ред. Н. Пояркова. М., 2007. С. 26

К 1973 г. экипажи теплоходов Иртышского речного пароходства под руководством капитанов М. Листопадова, А. Долгих, Н. Афанасьева приступили к освоению нового речного маршрута Сургут — Томск протяженностью 1240 км. В период навигации речники поставляли строителям гравий и другие строительные материалы для новостроек Нижневартовска, Сургута и Нефтеюганска[428].

В конце 1970-х гг. активизируется работа по расширению гидротехнического строительства. 28 сентября 1977 г. Минтрансстрой СССР издал приказ, в котором содержались указания о создании треста «Запсибгидрострой» для организации и проведения работ по возведению гидротехнических сооружений и формированию плавучих строительно-монтажных отрядов в Нижневартовске (ПСО № 33) и Сургуте (ПСО № 34)[429]. Его управляющим был назначен опытный гидростроитель, длительное время работавший заместителем управляющего трестом «Мурманскморстрой», О. Б. Рихтер[430].

После назначения О. Б. Рихтер прибыл в Тюмень, однако из-за ведомственной несогласованности необходимой поддержки в тюменском областном комитете КПСС он не получил, руководители которого высказали сомнения по поводу возможности организации треста вдали от Сургута, самого крупного промышленно-транспортного узла Севера Западной Сибири.

Ознакомившись с производственными возможностями Мостоотряда № 69 в Нижневартовске, О. Б. Рихтер пришел к выводу, что техническая база не позволяет создать трест в этом городе и на свой страх и риск со своими единомышленниками, приехавшими с ним опытными работниками «Мурманскморстроя», начал формировать аппарат треста в г. Сургуте[431]. Трест «Запсибгидрострой» возводил причалы для нефтяников ускоренными методами. Как вспоминал главный механик треста в 1977–1982 гг. В. Н. Слинко, предприятие стало применять «самобытное техническое творчество». Для возведения причала использовалась баржа длиной 80 м, на которой снималась палуба, в результате чего создавался резервуар, который наполнялся железобетоном, и опускался на воду. После этого буксировался на нужно место и там затоплялся. Потом на нем делалась надстройка и производилась отсыпка грунтом. Таким образом, после осуществления вышеуказанных производственных процессов причал можно было вводить в эксплуатацию[432].

По мере приобретения опыта строительства в северных широтах гидростроители «Запсибгидрострой» осваивали и другие новые технологии, среди которых заслуживает внимания,

[428] Яновский И. И., Вставский Г. К. Иртышское пароходство: годы и люди. С. 139.

[429] Трест Запсибгидрострой: 15 лет в СССР — 15 лет в России. М., 2007. С. 26–27.

[430] Трест Запсибгидрострой: 15 лет в СССР — 15 лет в России. С. 26–27.

[431] Трест Запсибгидрострой: 15 лет в СССР — 15 лет в России. С. 26–27.

[432] Трест Запсибгидрострой: 15 лет в СССР — 15 лет в России. С. 33–34.

в частности, знаменитый «трубошпунт». Его использовали в пакетном виде, ранее не применявшемся ни в одной организации гидростроителей. «Забивка одиночных шпунтин — это долгий процесс, а мы вбивали сразу несколько шпунтин, соединенных между собой», — разъяснял главный механик треста В. Н. Слинко. Новые технологии позволили уже в 1978 г. ввести в эксплуатацию пусковой комплекс Нижневартовского речного порта с причальной стенкой длиной 200 м[433]. С применением трубчатых шпунтовых свай (ШТС) был возведен причал в Берёзово в 1988–1990 гг.[434]

Всего в 1977–1992 гг. трест «Запсибгидрострой» построил 10 тыс. погонных метров причалов и берегоукреплений в п. Локосово, Нефтеюганске и Тюмени. В этот период трест ввел в эксплуатацию промышленные порты в Урае, Устье-Ахе и Белоярске. К заслугам производственной деятельности «Запсибгидростроя» относятся механизированные причалы и причальные стенки в п. Сергино, гг. Сургуте и Нижневартовске[435].

В 1980-е гг. речной транспорт Западной Сибири продолжал наращивать объёмы доставки грузов на промышленные и социальные строительные объекты Ханты-Мансийского автономного округа. В этот период активного нефтегазового освоения Иртышское и Западно-Сибирское речные пароходства доставляли на территорию ЗСНГК более 50 млн т грузов[436].

Однако руководство страны добивалось увеличения объёма их перевозок. Так партийно-правительственное постановление, принятое 17 сентября 1979 г. «О мерах по развитию речного транспорта в 1981–1985 гг.» ставило задачу довести перевозку грузов в Западной Сибири до 70 млн т[437].

Таблица 2.12

Отправка нефтепродуктов из портов Ханты-Мансийского автономного округа в 1982 г.

Порт	План в тыс. т	Факт в тыс. т
Ханты-Мансийск	270	224,6
Сергино	—	1,9
Нижневартовск	100	140,5
Сургут	130	165,6
Нефтеюганск	26	11,7
Всего	526	544,3

Источник: ГИАОО. Ф. 1853. Оп. 1. Д. 2566. Л. 16.

[433] Муниципальный архив г. Сургута (МАГС). Ф. 129. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

[434] Трест Запсибгидрострой: 15 лет в СССР — 15 лет в России. С. 192.

[435] Трест Запсибгидрострой: 15 лет в СССР — 15 лет в России. С. 191.

[436] Масленников С. Н., Никифоров В. С., Субботин Ю. А., Елисеева Д. А., Кравчук А. С., Чикулаева Н. В. Опыт и тенденции организации грузовых перевозок в Обь-Иртышском бассейне // Научные проблемы транспорта Сибири и Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 6.

[437] Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1853. Оп. 1. Д. 2566. Л. 198.

Данные таблицы 2.12 свидетельствуют о напряженной работе портовых рабочих округа. В 1982 г. превышение плана перевозок составило 18,3 тыс. т. Среди грузоотправителей на территории Ханты-Мансийского автономного округа лидировали ведомства Миннефтегазстроя, отправившего 2 млн 823 тыс. т грузов, Мингеологии — 839,8 тыс. т, Миннефтепрома — 783,1 тыс. т, Минтрансстроя — 622,7 тыс. т и Мингазпрома — 394,9 тыс. т[438].

Министерства, участвовавшие в создании и развитии ЗСНГК, располагали и своим ведомственным флотом. В 1982 г. Минречфлот РСФСР выступил с обращением к министерствам, имеющим свои производственные структуры на севере Тюменской и Томской областей, с предложением начать 1 января 1985 г. передачу всех ведомственных судов Минречфлоту. Однако, кроме нефтяников, остальные министерства не поддержали эту инициативу[439].

Тогда с целью координации речных перевозок и преодоления ведомственной разобщенности в 1983 г. было создано Обь-Иртышское объединенное речное пароходство (ОИОРП) на базе Иртышского речного и Тюменского линейного пароходств. В результате этого в 1985 г. был достигнут наибольший показатель перевозок грузов флотом ОИОРП, составивший 35 млн т.

В 1987 г. ОИОРП было разделено на два самостоятельных пароходства: Обь-Иртышское (ОИРП) с управлением в г. Тюмень и Иртышское в Омске (ИРП). К 1990 г. общий объём грузовых перевозок в Обь-Иртышском бассейне составил свыше 61 млн т, в том числе флотом ОИРП — 14,9 млн т, ИРП — 18,4 млн т. Основную массу грузов составляли строительные материалы, необходимые для обустройства месторождений, сооружения городов и автодорожного строительства[440].

Таким образом, в годы активного нефтегазового освоения на территории Ханты-Мансийского автономного округа была создана портовая инфраструктура, оснащенная современными причальными стенками с портальными кранами, обеспечивающими своевременные погрузочно-разгрузочные работы. Только в 1981–1985 гг. было введено в эксплуатацию более 6,2 тыс. погонных метров механизированных причалов общей мощностью 14 млн т грузов в год[441].

Важное место в транспортной структуре региона занимала ***авиация***. В 1950-е гг. гражданская авиация в Ханты-Мансийском округе была развита очень слабо. Здесь имелось несколько маломощных гидропортов, которые были построены в 1930-х гг., когда на севере Тюменской области действовала «Обская воздушная линия», связывающая Тюмень, Тобольск, Самарово (Ханты-Мансийск), Берёзово и Обдорск (Салехард)[442].

В округе имелись и сухопутные взлетные полосы, позволявшие самолетам гражданской авиации доставлять пассажиров и почту в административные центры округа. Однако не

---

[438] ГИАОО. Ф. 1853. Оп. 1. Д. 2566. Л. 40.

[439] Карпов В. П., Колева Г. Ю., Гаврилова Н. Ю., Комгорт М. В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. Тюмень, 2011. С. 193–194.

[440] Масленников С. Н., Никифоров В. С., Субботин Ю. А., Елисеева Д. А., Кравчук А. С., Чикулаева Н. В. Опыт и тенденции организации грузовых перевозок в Обь-Иртышском бассейне. С. 6.

[441] Бирюков В. Е. Транспорт в двенадцатой пятилетке. М., 1986. С. 5–6.

[442] Исмагилов А. А. Строительство аэропортов на севере Тюменской области в 1950–1970-е гг. на примере г. Сургута // Вестник Сургутского государственного университета. 2015. Вып. 4 (10). С. 96.

все из них были удачно расположены. Так, например, взлетно-посадочная полоса Сургута находилась в пойме реки этого посёлка. Однако, на ней пасли скот, и это создавало серьёзные трудности для осуществления полетов. Поэтому была оборудована новая площадка, использовать которую можно было только зимой. В начале 1950-х гг. аэродром перебазировали на участок, где сегодня расположена школа № 4. В этом здании размещались все его службы: метеостанция, кабинет начальника, бывшего военного летчика И. К. Шагунова. Этот аэродром принимал небольшие самолеты По-2, рассчитанные на двух пассажиров. Чуть позднее на нем стали приземляться самолеты Ан-2[443], которые имели технические возможности взлета и посадки на воду. «Такие Ан-2, надо сказать, оказали большую помощь геологам, особенно сейсморазведчикам», — вспоминал П. А. Мунарев[444].

Рис. 2.65. Ханты-Мансийский гидропорт. Апрель 1964 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 4. Д. 11

Одновременно с развернувшимися в конце 1950-х гг. геологоразведочными работами в округе предпринимались шаги по поиску подходящих площадок под новые взлетно-посадочные полосы и строительство аэропортов. В 1960 г. Тюменский облисполком утвердил план строительства аэродромов и направления развития местных воздушных авиалиний на 1961–1965 гг. Однако в начале его выполнения возникли проблемы с финансированием строительства этих объектов. Тюменская авиагруппа Уральского управления гражданской авиации ежегодно в 1959–1964 гг. ходатайствовала перед Тюменским облисполкомом о выделении средств из местного бюджета для этих целей. Вскоре облисполком открыл финансирование строительства некоторых сооружений. Но они были направлены на проектирование, реконструкцию и оснащение лишь существующих устаревших аэродромов округа. К тому же эти работы предписывалось проводить в основном за счет сэкономленных средств окружного бюджета. Все полученные средства были освоены полностью, за счет чего удалось в некоторой степени улучить аэродромное хозяйство региона. Но объёмы финансирования не могли обеспечить создания даже отдельных современных аэропортовых комплексов[445].

Эта работа заметно активизировалась в 1966 г., когда 3 февраля было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию нефтедобывающей промышленности в Тюменской области в 1966–1970 годы», в соответствии с которым заказчиком строительства аэродромов назначалось Министерство гражданской авиации СССР. Ему ставилась задача улучшить организацию грузовых, пассажирских и вахтовых перевозок в нефтегазоносных районах Тюменской области[446].

---

[443] Прищепа А. И. Страницы истории сургутской авиации // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 9–5. С. 115.

[444] Мунарев П. А. Так было, так начиналось. С. 83.

[445] Исмагилов А. А. Развитие гражданской авиации Тюменской области в 1964–1991 гг.: дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. С. 19.

[446] Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1933. Оп. 1. Д. 14. Л. 50, 56.

Рис. 2.66. Ханты-Мансийский аэропорт (общий вид). 1976 г.
Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 297

Рис. 2.67. Аэровокзал г. Ханты-Мансийска. 1980 г.
Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 4. Д. 11

В соответствии с решениями партии и правительства новый импульс получило строительство аэропорта в Ханты-Мансийске, где проектно-изыскательские работы были начаты еще в 1964 г. Для строительства первого сухопутного аэропорта в северной части города было определено место, принадлежащее Ханты-Мансийскому лесхозу, общей площадью 300 га. Эту территорию получил Ханты-Мансийский объединенный авиаотряд. В 1964 г. после проведения изыскательских работ было предложено несколько проектов аэропорта. Комиссия утвердила расположение аэропорта на территории, прилегающей к г. Ханты-Мансийску с северо-востока и вытянутой в восточном направлении. Аэропорт было решено строить в 2 км от городской черты. Но его строительство откладывалось в связи с рядом причин, в том числе в связи с дискуссией о перспективах хозяйственно-экономического развития Севера Западной Сибири.

Перелом наступил в 1967 г., после того как проектно-сметную документацию строительства аэропорта в г. Ханты-Мансийске, подготовленную Ленинградским филиалом ГПИ НИИ «Аэропроект», 5 апреля 1967 г. утвердило Министерство гражданской авиации[447].

Сургутский аэропорт, где отмечались наиболее интенсивные пассажирские и грузовые перевозки, претерпевал более активное совершенствование своего авиамоторного и аэродромного хозяйства в ходе формирования в нем административного центра нефтегазового освоения Среднего Приобья. В начале 1960-х гг. в восточной части Сургута был построен второй сухопутный аэропорт, размещавшийся на колхозном поле сельхозартели «Ленинский путь». В 1963 г. Сургутский аэропорт включал в себя: взлетно-посадочную полосу (ВПП) размером 1600×1200 м, аэровокзал с пропускной способностью 10 человек, моторную электростанцию, обеспечивающую связь аэропорта, одно здание водохранилища 25 м^2, два временных бензосклада на 2650 м^3, два временных щитовых ангара под вертолеты Ми-1 и самолеты Ан-2. К 1967 г. ВПП аэропорта была расширена до 2600 м.

Однако грунтовой аэродром отрицательно влиял на состояние самолетно-моторного парка. При взлете машин все поле аэродрома и небольшую территорию рабочего посёлка Сургут затягивало тучей пыли и песка, вследствие чего двигатели воздушных судов

[447] Исмагилов А. А. Развитие гражданской авиации Тюменской области в 1964–1991 гг. С. 29.

Рис. 2.68. В. В. Гаврилов. Ханты-Мансийский аэропорт. 1963 г. Из открытых источников

преждевременно утрачивали свои эксплуатационные возможности. Слабая материально-техническая база, короткая грунтовая ВПП не обеспечивали необходимых условий организации полетов. Проектную документацию для сооружения нового третьего Сургутского аэропорта подготовил Ленинградский проектный институт гражданского воздушного флота. Аэропорт планировали построить в 13 км севернее города[448]. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 декабря 1969 «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» Министерству гражданской авиации и Министерству транспортного строительства СССР ставилась задача обеспечить ввод в действие аэродромов в 1970 г. в Сургуте и в 1971 г. в пос. Нижневартовском. Координатором строительства аэродромной инфраструктуры выступал Тюменский обком КПСС[449].

Одной из ключевых задач создаваемых аэродромных комплексов в климатических и почвенных условиях северного региона являлось совершенствование строительства ВПП. Их основным видом являлись грунтовые стартовые площадки, которые в период переувлажнения грунтов весной, осенью и после летних затяжных дождей имели низкую прочность и не могли обеспечить нормальную работу авиации, особенно воздушных судов с большой массой[450].

Во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х гг. строительством взлетно-посадочных полос в округе занималась специализированная колонна № 53 (СК-53) треста «Тюмендорстрой» во главе с талантливым организатором транспортного строительства Ж. Г. Евстафьевым. Первым крупным объектом СК-53 стал Сургутский аэропорт. Назначенные сроки его сооружения были предельно сжатыми. Однако коллективу треста удалось в процессе применения новых технологий строительства построить в Сургутском аэропорту надежную взлетно-посадочную полосу[451].

Не менее успешно новые технологии строительства взлетно-посадочных полос внедрялись и в других населённых пунктах округа. Протяженность усовершенствованного аэродром-

[448] Исмагилов А. А. Развитие гражданской авиации Тюменской области в 1964–1991 гг. С. 37.

[449] КПСС в резолюция и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1972. Т. 10. С. 132.

[450] Исмагилов А. А. Развитие гражданской авиации Тюменской области в 1964–1991 гг. С. 24.

[451] Майданов В. С. Дороги за горизонт. Тюмень, 2009. С. 79.

ного покрытия в девятой пятилетке (1971–1975 гг.) по сравнению с восьмой (1966–1970 гг.) увеличилась в 1,2 раза (см.: таблицу № 2.13). Это произошло вследствие ликвидации в девятой пятилетке «Тюмендорстроем» отставания в строительстве аэродромного покрытия. В результате этого в 1971–1975 гг. трест ввел в эксплуатацию аэродромы в городах Нижневартовске, Ханты-Мансийске, Надыме, Нефтеюганске. «Тюмендорстрой» 13 раз занимал первые места среди дорожно-строительных организаций Минтрансстроя СССР с вручением Переходящих знамен Совета Министров СССР и ВЦСПС[452].

Таблица 2.13

Ввод в эксплуатацию аэродромного покрытия транспортных объектов предприятиями Минтрансстроя СССР в Тюменской области

Тип объекта	*Пятилетние планы*		
	1966–1970	1971–1975	1976–1980
Аэродромное покрытие, тыс. м^2	550	644	505,3

Источник: ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 6141. Л. 64; ГАТО. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 263. Л. 143; Д. 299а. Л. 10; Д. 328. Л. 76; АОАГН. Ф. 79. Оп. 1. Д. 23. Л. 148; Д. 66. Л. 1, 172; Д. 116. Л. 169; Д. 161. Л. 1, 193; Д. 196. Л. 1, 223; РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 2728. Л. 93–94; ГАСПИТО. Ф. П-2836. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

В 1976–1980 гг. в Тюменском управлении гражданской авиации сохранялись высокие темпы ввода в эксплуатацию ВПП с твердым покрытием на аэродромах округа.

Для улучшения работы гидропортов и аэродромов округа формировались собственные летные подразделения. Сначала создавались авиазвенья вертолетов и самолетов, а затем авиаэскадрильи и летные отряды. Последним этапом было образование объединенного авиаотряда (ОАО), который в комплексе обеспечивал авиационное обслуживание ЗСНГК. По такому принципу появились Берёзовский ОАО (1963), Сургутский ОАО (1964), Ханты-Мансийский ОАО (1966), Тазовский ОАО (1968), Мыс Каменский ОАО[453].

Особая сложность при формировании авиапредприятий заключалась в комплектовании квалифицированными кадрами новых подразделений. Существенные изменения в Тюменской области и в авиаотрядах, базировавшихся в ХМНО, произошли в 1967 г., когда приказом министра гражданской авиации Тюменская авиагруппа Уральского управления гражданской авиации была преобразована в самостоятельное Тюменское управление гражданской авиации (ТУГА) с наличием собственного самолетно-вертолетного парка и объединенными авиаотрядами. Его первым начальником был назначен К. А. Лужецкий. Основными формами комплектования кадров в ТУГА являлись привлечение выпускников вузов, училищ, школ, перевод из других управлений гражданской авиации. При этом предпочтение при приеме на работу отдавалось демобилизованным военнослужащим из рядов Советской армии[454].

---

[452] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5637. Л. 273–274.

[453] Исмагилов А. А. Строительство аэропортов на севере Тюменской области в 1950–1970-е гг. на примере г. Сургута // Вестник Сургутского государственного университета. 2015. Вып. 4 (10). С. 96.

[454] Исмагилов А. А. Источники формирования кадров Тюменского управления гражданской авиации в начале 1960–1970-х гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 2. С. 30–31.

Подготовка кадров инженерных специальностей для гражданской авиации осуществлялась преимущественно в Московском инженерно-экономическом институте имени Серго Орджоникидзе, Иркутском политехническом институте и Кировоградской школе высшей летной подготовки. Немалую роль в подготовке таких специалистов среднего звена играли летно-технические училища. Так, например, в Кременчуге и Бугуруслане были созданы летные училища гражданского воздушного флота (ГВФ), в Омске — летно-техническое училище, а в Рыльске — техническое училище ГВФ, которое готовило специалистов технического обслуживания эксплуатации самолетов и двигателей. В 1960 г. в г. Сасово Рязанской области было образовано Сасовское летное училище ГВФ с учебными эскадрильями переподготовки пилотов и техников вертолетов Ми-4 и Ми-1[455].

В начале 1970-х гг. пассажиры, отправлявшиеся через Сургутский аэропорт, испытывали немалые трудности. В репортаже газеты «К победе коммунизма» в 1971 г. отмечалось, что единственное служебное помещение, где находились диспетчерские службы и зал ожидания пассажиров, не располагало кровлей и отоплением[456]. Сургутский аэровокзал, по общему признанию более комфортабельный, чем аэропорт в Тюмени, был открыт 12 июня 1975 г.[457]

14 апреля 1972 г. в Сургутском аэропорту впервые приземлился самолет Ту-134 из Москвы. Интенсификация авиаперевозок требовала расширения и совершенствования работы структур аэровокзала. Долгое время его работу возглавляла ветеран Великой Отечественной войны А. М. Губарева, а начальником службы организации перевозок пассажиров являлась Г. Д. Гуменникова.

Рис. 2.69. Здание аэропорта г. Сургута. 1976 г.
Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 355

Рис. 2.70. Аэропорт в Сургуте. 1960 г. Из открытых источников

Рис. 2.71. Г. Д. Гуменникова — начальник Сургутского аэровокзала вручает авиабилет миллионному пассажиру. 12 апреля 1981 г.
Муниципальный архив города Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33

[455] Исмагилов А. А. Источники формирования кадров Тюменского управления гражданской авиации в начале 1960–1970-х гг. С. 32.

[456] Шарипова Т. Дорогая забывчивость // К победе коммунизма. 1971. 28 сентября. № 114. С. 1.

[457] Григорьев И. Лайнеры уходят в небо: новый аэровокзал принял пассажиров // К победе коммунизма. 1975. 15 июля. № 85. С. 1.

Рис. 2.72. Самолёт Як-40 в небе. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 4. Д. 39

Рис. 2.73. Мужчина за пультом диспетчера в здании командно-диспетчерского пункта аэропорта г. Ханты-Мансийска. Надпись под фотопозитивом «Глаза и уши аэропорта». 1976 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 4. Д. 13

Затем эту службу возглавляла С. Г. Григорьева. В 1981 г. автодорожники СУ-904 треста «Сургутдорстрой» осуществили реконструкцию и удлинение ВПП Сургутского аэропорта[458]. В 1982 г. начали осуществляться регулярные рейсы самолетов Як-42 и Ту-154[459].

В 1970–1971 гг. тресты «Тюмендорстрой» и «Мегионгазстрой» вели строительство Нижневартовского аэропорта. Однако в процессе его проектирования были допущены серьёзные технические ошибки. В ходе изыскательских работ было неправильно определено качество грунта. На месте нового аэропорта местный грунт (суглинок) обладал повышенной влажностью, что не позволяло его использовать при строительстве ВПП. Поэтому первый секретарь Нижневартовского горкома В. В. Бахилов после обсуждения проблем сооружения ВПП поставил задачу начальникам СК-53 Ж. Г. Евстьфьеву, СУ-909 Ю. Г. Шереметьеву и АБ-95 А. Г. Лоцу осуществлять вывоз грунта в три смены[460]. «На этой стройке, — вспоминал А. Г. Лоц, являвшийся тогда начальником автобазы № 95, — образно выражаясь, руководство стройуправления и автобазы дневало и ночевало, ибо работа шла не в две смены, а круглые сутки»[461]. Строительство аэропорта осуществлялось под непосредственным руководством главного инженера треста «Тюмендорстрой» Б. Ф. Илясова.

В 1970 г. на базе авиазвена Сургутского ОАО была организована Нижневартовская объединенная авиаэскадрилья численностью 256 человек под командованием В. Г. Пысенка. В течение лета 1971 г. в эксплуатацию были введены взлетно-посадочная полоса и слу-

[458] МАГС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 34. Л. 259.

[459] Прищепа А. И. Страницы истории сургутской авиации // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 9–5. С. 114–117

[460] Бахилов В. В. Дорога к нефти. Нижневартовск, 2015. С. 80.

[461] Лоц А. Г. За весну я «оставил» там две пары ботинок // Сибирское богатство. 2009. № 3. С. 47.

жебно-пассажирское здание аэропорта с общим объёмом освоения в размере 8,1 млн руб.[462] Ввод аэропорта позволил установить транспортное сообщение с областным центром и заметно сократить сроки перевозки грузов, что имело большое значение для освоения Самотлорского месторождения нефти. В 1972 г. после завершения общестроительных работ аэропорт был перебазирован на новое место его современной дислокации. В октябре того же года из него вылетел пассажирский самолет Ту-134 по маршруту «Нижневартовск — Москва»[463].

Улучшение материально-технического состояния наземных служб аэродромов являлось надежной основой выполнения авиаторами своих многочисленных задач. Так, благодаря авиасейсморазведке была выявлена Шухтунгортская зона поднятий, Красноселенский, Сургутский, Нижневартовский, Салымский и Ляминский своды, Губкинская и Уренгойские структуры. В комплексе работ, производимых ТУГА по применению авиации в народном хозяйстве, значительный удельный вес занимало обслуживание и строительство линий электропередач в нефтедобывающих районах, аэромагнитные съёмки, перевозка вахт и оборудования, участие в монтаже буровых установок, строительстве газо- и нефтепроводов[464]. В 1965 г. вертолеты Тюменской авиагруппы гражданской авиации участвовали в строительстве газопровода Игрим — Серов. В том же году во время прокладки нефтепровода Шаим — Тюмень на Ми-6 осуществлялись экспериментальные работы по перевозке труб большого диаметра. Кроме того, вертолеты привлекались к электросетевому строительству. Так, например, во время сооружения сургутской ЛЭП, по предложению И. А. Киртбая был опробован вариант монтажа сваи с помощью внешней подвески к вертолету[465]. Наиболее востребованными среди авиапредприятий Югры в конце 1960-х — начале 1980-х гг. являлись вертолёты Ми-6 и Ми-8.

На фоне успешного технического совершенствования окружных аэродромов менее благоприятное впечатление производило состояние социально-бытовых усло-

Рис. 2.74. Владимир Григорьевич Пысенок — командир Нижневартовского авиапредприятия. 1998 г. Фотоальбом: Золото Самотлора / ред. В. Палия. М., 1998. С. 200

Рис. 2.74. Александр Николаевич Романов — начальник смены службы движения Игримского аэропорта в рабочем кабинете за пультом управления. Игрим. 1980-е гг. Государственный архив Югры. Фотофонд

[462] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5622. Л. 5.

[463] Нижневартовск: прошлое и настоящее: Коллективная монография / под общ. ред. проф. Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2017. С. 124.

[464] Исмагилов А. А. Создание Тюменского управления гражданской авиации // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 83–84.

[465] Исмагилов А. А. Применение авиации в народном хозяйстве Тюменской области в 1960–1980-е гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2016. С. 70.

Рис. 2.76. МИ-8 на буровой. 1980 г.
Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 4. Д. 11

Рис. 2.77. Аэропорт г. Урай. 1980 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 173

вий повседневной жизни пилотов и техников. Особое беспокойство у авиаторов вызывала обеспеченность жильем. В 1977 г., например, строительные главки в Сургуте и Ханты-Мансийске не выделили ни одной квартиры работникам авиации. Медленно сооружались жилые дома для Урайского ОАО[466]. В 1981 г. на заседании партийно-хозяйственного актива начальник управления Г. П. Ласкин отмечал, что «хозяйственные руководители Берёзовского, Нижневартовского ОАО выпрашивали финансирование на строительство жилья для семей летного состава». Но большинство их просьб оставались без ответа. По управлению было недополучено 7 тыс. м^2 жилой площади[467].

Таким образом, авиаторы в условиях стремительного развития ЗСНГК, обеспечивали необходимые перевозки грузов в отдаленные районы округа, осуществляли уникальные аэрофотосъёмки нефтегазоносной территории, производили ремонт и укладку газопроводов, монтаж линий электропередач.

В создании транспортной инфраструктуры ЗСНГК с точки зрения объёмов грузоперевозок, климатических и географических условий Севера Западной Сибири первоочередное значение имело развитие ***железнодорожного транспорта***. В 1959 г. транспортные строители приступили к сооружению первой лесовозной железнодорожной магистрали Ивдель — Обь общей протяженностью 380 км. Она должна была соединить территорию Советского и Октябрьского районов ХМНО, где в то время добывалась наиболее качественная древесина, и способствовать ликвидации дефицита пиломатериалов на предприятиях Урала и европейской части СССР. Ее сооружение велось силами военных железнодорожников, дислоцированных в г. Серов под командованием И. В. Голштейна. Позднее его сменил

[466] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2399. Л. 28.
[467] ГАСПИТО. Ф. П-2659. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

потомственный железнодорожник В. А. Казимирчук[468]. Главной проблемой строительства северной магистрали являлась сплошная заболоченность территории прокладываемого маршрута. По воспоминаниям В. А. Казимирчука, «для того, чтобы проложить трассу, приходилось специальную автодорогу строить. А с нее не сойдешь. Не сделать шаг ни вправо, ни влево — провалишься в болото»[469].

Руководители Тюменской области оказывали всестороннее содействие железнодорожным строителям. В связи с тем, что строительство велось в районах, приравненных к Крайнему Северу, Тюменский областной комитет КПСС в 1965 г. просили распространить льготы на транспортных строителей — военнослужащих войсковой части 01662 Пятой отдельной железнодорожной Познанской Краснознаменной бригады, установленные постановлением Совета Министров СССР от 10 февраля 1960 г. Просьба обкома была удовлетворена, и на военнослужащих-железнодорожников льготы были распространены[470]. Это способствовало привлечению квалифицированных кадров на строительство железнодорожной магистрали и ускорению ее сооружения.

В ноябре 1967 г. Тюменский обком КПСС отчитывался перед управлением делами Совета Министров СССР о завершении строительства железных дорог Ивдель — Обь до ст. Сергино, Тавда — Сотник и было открыто рабочее движение на магистрали Тюмень — Тобольск[471]. Вывозка леса и освоение новых лесных массивов западной части округа требовало дальнейшего охвата территории. К 1976 г. железная дорога была продлена до ст. Приобье. Наряду с нуждами лесной промышленности, железная дорога приобретала еще большее значение в связи с открытием в 1962 г. Каменного месторождения нефти в Октябрьском районе. А в 1963 г. были открыты еще 4 месторождения Красноленинского свода — Ем-Еговское, Елизаровское, Лорбинское и Пальяновское. Таким образом, по железной дороге стали интенсивно осуществляться перевозки пассажиров, лесоматериалов и стратегических грузов для нефтегазового комплекса — оборудования для обустройства месторождений, прокладки нефте- и газопроводов. Железная дорога вдохнула новую жизнь в глухую тайгу Нижнего Приобья.

В 1959–1961 гг. в южной части округа при этом активизировалось строительство железной дороги Тавда — Сотник (Устье-Аха) для вовлечения в эксплуатацию лесных массивов бассейна рек Конды и Тавды и развития целлюлозно-бумажной промышленности Тюменской области.

Необходимость протяженной железной дороги в Тюменской области приобретала исключительно актуальное значение после открытия крупных месторождений нефти в Среднем Приобье. В мае 1962 г. Совет Министров принял постановление «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири». Этот документ предоставлял право геологоразведочным и иным организациям приступать к проектно-изыскательским работам и в транспортном строительстве[472]. Однако в постановлении не обозначались терминами «генеральный заказчик», «генеральный подрядчик» или «министерство, ответственное за выполнение правительственного задания», т. е. не назначались конкретные исполнители этих работ.

---

[468] Казимирчук В. Счастье трудных дорог // От Урала до Оби. Свердловск, 1969. С. 5.

[469] Казимирчук В. Счастье трудных дорог. С. 7

[470] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4576. Л. 32.

[471] ГАСПИТО. Оп. 1. Д. 4821. Л. 230.

[472] Нефть и газ Тюмени в документах (1901–1965 гг.). Т. I. Свердловск, 1971. С. 239.

Рис. 2.78. Железнодорожная станция Устье-Аха. Кондинский район. 1980 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 150

Основополагающим документом, который стал отправной точкой масштабного строительства железных дорог в северных районах Западной Сибири явилось постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. № 1208 «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области»[473]. Постановление очертило круг задач, которые предстояло решить транспортным строителям в ходе промышленного освоения новой топливно-энергетической провинции. В частности, Совету Министров РСФСР и Государственному производственном комитету по транспортному строительству СССР (Гострансстрой, а затем с ноября 1965 г. был восстановлен Минтрансстрой СССР) поручалось рассмотреть вопрос о проектировании и строительстве железной дороги Тюмень — Тобольск — Сургут.

Организацией, занимавшейся проектным обеспечением железной дороги, связывающей ЗСНГК с экономическими центрами страны, являлся научно-исследовательский и проектный институт «Сибгипротранс» Министерства транспортного строительства СССР. Его сотрудникам предстояло выполнить огромный объём изыскательских работ в короткие сроки в экстремальных климатических условиях необжитой территории севера Тюменской области.

Учитывая экономические и геологические факторы, проектный институт «Сибгипротранс» рассматривал два принципиальных направления железной дороги Тюмень — Тобольск — Сургут — Нижневартовск. Первый — западный маршрут — привязывался к участкам построенной железнодорожной сети Северного Урала и Тюменской области. Второе — восточное направление — ориентировалось на выход железнодорожной магистрали в районы Томской, Новосибирской областей для связи с промышленностью Кузбасса.

В западной группе проектов рассматривалось несколько подвариантов: Тюменский, Кондинский, Ханты-Мансийский, Каменский. Вторая, восточная модель, включала Белоярскую, Новосибирскую и Приобскую железнодорожные магистрали. Наиболее конкурентоспособными оказались Тюменская и Кондинская альтернативы. Но Кондинское направление базировалось на железнодорожной магистрали Тавда — Сотник протяженностью всего 158 км, и не обеспечивала предполагаемую возрастающую пропускную способность. В ближай-

[473] Нефть и газ Тюмени в документах (1901–1965). Т. I. С. 294–299.

шем будущем она требовала необходимой реконструкции и дополнительного финансирования. В результате продолжительных совещаний проектировщики института «Сибгипротранс» приняли решение строить железную дорогу Тюмень — Тобольск — Сургут и далее на север[474].

Рис. 2.79. Начальник управления «Тюменстройпуть» Дмитрий Иванович Коротчаев (слева) и редактор журнала «Юность» Борис Николаевич Полевой (справа). Государственный архив Тюменской области. Фотофонд. Оп. 1. Д. 958

Не менее острые споры вызвали проектно-изыскательские работы будущей железной дороги Сургут — Уренгой. В 1975 г. начались подготовительные мероприятия по проведению полевых работ и сбору геологических и гидрологических данных прокладки будущей магистрали. Она на протяжении 200 км проходила по территории ХМНО, а по ЯНАО — 400 км. Район строительства изобиловал большим количеством торфяно-болотных озер, затопляющих около 80% территории. Ученые института «Сибгипротранс» представили варианты направления линии железной дороги. Основополагающим стало Ульт-Ягунское направление в связи с лучшими перспективами выхода этой магистрали к Салехарду и Норильску для установления круглогодичного железнодорожного сообщения Заполярья с остальными районами СССР[475]. Задача сооружения железной дороги Тюмень — Сургут протяженностью 700 км была возложена на строительный коллектив управления «Тюменстройпуть», который принял на себя функции генерального подрядчика.

Рис. 2.80. Отсыпка земляного полотна механизированной колонной № 21 на 634 км для строительства железной дороги Тюмень — Сургут. 1973 г. Муниципальный архив города Сургута. Ф1. Оп. 1. Д. 686

Особенно стоит отметить руководящий состав управлений и трестов Минтрансстроя СССР, привлеченных к созданию сети железных дорог. Управление «Тюменстройпуть» в 1966–1981 гг. возглавлял талантливый транспортный строитель Дмитрий Иванович Коротчаев, имевший до приезда в Тюменскую область богатый практический опыт руководства управлением строительства «Абаканстройпуть» в 1952–1966 гг., которое проложило железные дороги Абакан — Новокузнецк и Абакан — Тайшет.

Время сооружения железнодорожной магистрали, построить которую предстояло управлению под руководством Д. И. Коротчаева, было ограничено Минтрансстроем СССР сроком в 7 лет: начало в 1966 г., а окончание — в 1972 г. В ходе строительства железнодорожного

[474] Авимская М. А. Стальной путь к сибирской нефти. Сургут, 2017. С. 33–37.

[475] Авимская М. А. Стальной путь к сибирской нефти. С. 43.

Рис. 2.81. Строители железнодорожной трассы Сургут — Уренгой — участники митинга, посвященного укладке первых рельсов дороги (на рельсоукладочной машине). 1976 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1097

полотна транспортным рабочим Западной Сибири предстояло решать задачи, не имевших аналогов в мировой практике железнодорожного и мостового строительства. Это являлось объективной причиной корректировки сроков ввода в эксплуатацию долгожданной железнодорожной магистрали. Рабочее движение по участку железной дороги Тюмень — Тобольск длиной 222 км было открыто в 1967 г. Однако только в 1972 г. этот участок был введен в постоянную эксплуатацию[476]. После завершения возведения мостового перехода через Обь 5 августа 1975 г. на станцию Сургут прибыл первый поезд. Возводился переход мостоотрядами № 15 и № 29 треста «Мостострой-11». Управляющий трестом В. Ф. Солохин отмечал: «тысячи дней и ночей длилась битва в таежных урманах, в болотных хлябях, прежде чем в августе 1975 г. первый поезд прибыл в Сургут. А строители, механизаторы и мостовики отправились без перекура на восток — на Самотлор и на север — к Уренгою»[477].

Однако после открытия постоянного движения по железной дороге Тюмень — Тобольск — Сургут обнаружились ряд проблем дальнейшего транспортного освоения и развития стратегического железнодорожного полотна Западной Сибири. Давала о себе знать ведомственная разобщенность и отсутствие координации приема и отправки грузов различными министерствами и главками, в силу чего Сургутское отделение не справлялось со своевременной отправкой грузов различных ведомств, осваивавшими ЗСНГК. На станции Сургут производили самостоятельно разгрузочные операции 13 организаций Миннефтегазстроя и 12 — Минтрансстроя без совместной координации. Одновременно отсутствовала координация в работе между Сургутским и Тюменским отделениями Свердловской железной дороги[478].

Недостаточная оперативность доставки грузов на север была связана и с незавершенностью развития путевого хозяйства станций и разъездов Сургутского отделения железной дороги, вследствие чего в конце 1970-х гг. стало очевидно, что строившаяся железная дорога Сургут — Уренгой не сможет решить проблему создания надежных транспортных коммуникаций из-за низкой пропускной способности железнодорожной линии Тюмень — Тобольск —

[476] Западно-Сибирский железнодорожный меридиан: люди, факты, события. Методы строительства сложных участков. Новосибирск, 2007. С. 43.

[477] Цит. по: Авимская М. А. Стальной путь к сибирской нефти. С. 75.

[478] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6098. Л. 51.

Рис. 2.82. Митинг на ст. Сургут, посвященный прибытию первого рабочего поезда 5 августа 1975 г. Муниципальный архив города Сургута. Ф1. Оп. 1. Д. 4

Сургут. Необходимость ее резкого усиления в перспективе вызывалась тем, что она была призвана соединить Транссибирскую и будущую Северо-Сибирскую магистраль[479]. Увеличение нефтегазодобычи в десятой пятилетке выдвигало в качестве ключевой задачи формирование опорной транспортной сети ЗСНГК. Это могло быть достигнуто за счет завершения строительства железной дороги Сургут — Нижневартовск, в результате которого выстраивалась взаимосвязанная транспортная система Сургутского и Нижневартовского нефтедобывающих районов[480]. В конце 1979 г. была введена в постоянную эксплуатацию железнодорожная линии Сургут — Нижневартовск (216 км)[481].

Отсутствие ведомственной согласованности являлось характерной чертой развития транспортной инфраструктуры округа, где не было должной координации между руководителями автомобильного и железнодорожного транспорта и речного судоходства. Очевидными были диспропорции капиталовложений в развитие различных видов транспорта на севере Тюменской области.

Таким образом, в конце 1950-х гг. ключевой задачей транспортных строителей в Югре являлось создание опорной сети железных дорог, осуществляемое в западных и юго-западных районах округа, главным образом, в целях развития лесной промышленности севера Тюменской области. Новые железнодорожные магистрали Ивдель — Обь (Приобье) и Тавда — Сотник (Устье-Аха) выполняли функцию лесопромышленного освоения региона.

В начале 1960-х гг. после открытия Шаимского, Усть-Балыкского и Западно-Сургутского нефтяных месторождений и ввода их в эксплуатацию железные дороги стали играть определяющую роль в доставке на север трудовых ресурсов, снабжении геологоразведчиков, нефтяни-

[479] Аганбегян А. Г., Орлов Б. П., Бызов С. В., Харитонова В. Н. Новый этап развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе. Новосибирск, 1980. С. 252.

[480] Кобылковский Г. П., Шишков Ю. Ф., Лисов В. А. Комплексное развитие транспорта нефтегазоносных районов Западной Сибири // Промышленный транспорт. 1979. № 5. С. 4.

[481] Авимская М. А. Стальной путь к сибирской нефти. С. 81.

ков, газовиков, энергетиков и строителей Тюменского Севера оборудованием, материалами и продовольствием. Опорная железнодорожная магистраль Тюмень — Тобольск — Сургут с ответвлениями Сургут — Нижневартовск и Сургут — Новый Уренгой включила в единую хозяйственно-экономическую систему нефтегазовый комплекс Среднего Приобья, а в административно-территориальном отношении железнодорожная сеть в Сургутском и Нижневартовском районах стала главной транспортной артерией урбанизации Ханты-Мансийского автономного округа. Плотность железных дорог на 1000 км^2 на Тюменском Севере в 1986 г. составляла 1,7 км, что превышало аналогичную концентрацию в Томской области в размере 0,6 км, и незначительно уступала удельному весу железнодорожных путей в районах Сибири и Дальнего Востока — 1,9 км при плотности 5 км в целом по РСФСР[482].

Начавшееся в 1960-е гг. интенсивное промышленное освоение округа требовало не только больших объёмов перевозок грузов, но и оперативности их доставки. В этом отношении преимуществами перед всеми видами их транспортировки обладал ***автомобильный транспорт***. В отсутствие на начальном этапе создания ЗСНГК железной дороги и прекращения судоходного сообщения зимой он являлся единственным каналом связи с «большой землей».

Прокладка автомобильных дорог осуществлялась через замерзшие болота и ледовые переправы, получивших название «зимники». Такой первой транспортной артерией, соединявшей округ с «большой землей», стал «зимник» Сургут — Тюмень. 10 января 1965 г. нефтяники НПУ «Сургутнефть» совместно с Сургутской дорожной ремонтно-строительной конторой (ДСРК) треста «Тюменнефтегазразведка» завершили его прокладку. Общее руководство работами осуществлял главный механик НПУ «Сургутнефть» Н. Е. Дурасов[483]. Кроме этого, Сургутская ДСРК, объединившись с НПУ «Сургутнефть», участвовала в прокладке автозимника Сургут — Нижневартовск[484].

Таблица 2.14

Протяженность автозимников по трестам объединений Главтюменнефтегаза в 1983–1988 гг.

Наименование треста	Годы					
	1983	1984	1985	1986	1987	1988
Сургутнефтедорстройремонт (ПО «Сургутнефтегаз»), в км	171	173	103	64	78	59
Юганскнефтедорстройремонт (ПО «Юганскнефтегаз»), в км	—	1087	859	556	621	653

Источник: МАГС. Ф. 137. Оп. 1. Д. 406. Л. 12; Д. 485. Л. 9; Д. 564. Л. 55; Д. 756. Л. 7; Д. 793. Л. 7; Отдел по делам архивов департамента по делам Администрации г. Нефтеюганска. Ф. 97. Оп. 1. Д. 9. Л. 10; Д. 31. Л. 8; Д. 44. Л. 9; Д. 64. Л. 10; Д. 76. Л. 12.

---

[482] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7387. Л. 105.

[483] Коваленко Е. П. Главная дорога: посвящ. 25-летию тр. «Сургутнефтедорстройремонт» ОАО «Сургутнефтегаз». Сургут, 2006. С. 23.

[484] Захаров И. По дороге идут машины // К победе коммунизма. 1965. 15 января. № 6 (2776).

В ноябре 1965 г. на базе Сургутской ДСРК был создан дорожный строительно-ремонтный трест «Тюменнефтедорстройремонт»[485], который во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. специально занимался прокладкой зимников на территории севера Тюменской области. Управляющий трестом Н. И. Антропов в ноябре 1965 г. планировал формировать небольшие комплексы на трассах, в которых «будет сосредоточена техника по расчистке, ремонту и подготовке зимних автодорог»[486]. Содержание таблицы № 2.14 свидетельствует о масштабах протяженности «зимников», в прокладку которых самый большой вклад внесли труженики производственного объединения «Юганскнефтедорстройремонт» (ПО «Юганскнефтегаз»).

Непосредственный свидетель подготовки и отправки этих рискованных северных экспедиций ветеран сургутской журналистики А. П. Зубарев в свое время так писал о них: «Зимники и сегодня — одна из козырных карт для всех, кто осваивает кладовые Севера»[487].

Вместе с тем, возрастающая потребность организаций и предприятий формирующегося ЗСНГК в оборудовании и строительных материалах настоятельно диктовала необходимость организации регулярных перевозок, обеспеченных дорогами с твердым покрытием. Воспоминания современников тех эпохальных событий воссоздают трагическую картину состояния югорских дорог того времени: «Дороги, где могли застрять даже могучие тягачи, выстилались бетонными плитами, которые тут же разбивались этой могучей техникой и превращались в сплошные колдобины»[488].

Для севера Западной Сибири строительство автомобильных дорог было особенно необходимо в силу того, что среди областей и краев РСФСР территория округа отличалась их наименьшей плотностью в расчете на 1000 км^2. Так, даже в 1980 г. плотность автодорог на территории Ханты-Мансийского автономного округа составляла всего 0,02 км при плотности в 1 км по Тюменской области в целом. В соседних областях плотность автодорог к 1980 г. была несравнимо выше: в Свердловской области она составляла 31 км на 1000 км^2, Красноярском крае — 4,5 км, Республике Коми — 4,1 км, Томской — 2,6 км[489].

Программным документом развертывания крупномасштабного автодорожного строительства в ХМНО стало упомянутое постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. № 1208 «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области»[490], в котором Совету Министров РСФСР и Гострансстрою поручалось рассмотреть вопрос о проектировании и строительстве автомобильной дороги Тюмень — Тобольск — Сургут и создать научно-исследовательский и проектный институт нефтегазовой промышленности с дислокацией в г. Тюмени — Гипротюменнефтегаз[491]. В 1964–1965 гг. проектированием автодорог для нефтегазовых месторождений занимались, кроме специалистов тюменского института, инженеры «Союздорпроекта» и «Востокгипрогаза»[492].

---

[485] МАГС. Ф. 102. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

[486] Зубарев А. Зимник // Югра. 1996. № 2. С. 20.

[487] Зубарев А. Зимник // Югра. 1996. № 2. С. 21.

[488] Вспоминает Валентин Владимирович Ямзин // Нефтеюганск: воспоминания, документы, публикации. Екатеринбург, 1997. С. 50.

[489] Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием по регионам Российской Федерации, км дорог на 1000 км^2 территории (по данным Госкомстата) // География. 2001. № 4. URL: https://geo.1sept.ru/article.php? ID=200100410 (дата обращения: 11.01.2023).

[490] Нефть и газ Тюмени в документах (1901–1965). Т. 1. С. 294–299.

[491] Нефть и газ Тюмени в документах (1901–1965). Т. 1. С. 295–296.

[492] Освоение нефтяных месторождений Западной Сибири. М., 1972. С. 120–121.

По воспоминаниям главного инженера института «Гипротюменнефтегаз» Я. М. Кагана, дополнительно «для проектирования обустройства первых месторождений были привлечены институты „Гипровостокнефть“ и „Башнефтепроект“, занимавшиеся обустройством Шаимского и Усть-Балыкского нефтяных месторождений, а также „Татнефтепроект“, проектировавший дороги для Мегионского месторождения[493].

Во второй половине 1960-х гг. работа проектировщиков стала приобретать еще более интенсивный и целеустремленный характер в связи с принятием ЦК КПСС и Советом Министров СССР 3 февраля 1966 г. постановления «О мерах по дальнейшему развитию нефтедобывающей промышленности в Тюменской области в 1966–1970 годы», которое поставило задачу перед Минтрансстроем СССР ввести в эксплуатацию 300 км автодорог в нефтедобывающих районах Тюменской области[494].

Таблица 2.15

Проектирование автодорог для нефтедобывающей промышленности Тюменской области в 1966–1970 гг.

Наименование объекта	Проектная организация	Протяженность участков, в км	Сроки выдачи чертежей
А/д Нефтеюганск — Сургут	ГПИ «Гипротюменнефтегаз»	27,7	1966–1967 гг.
	Киевский филиал ГПИ «Союздорпроект»	65,3	1965–1967 гг.
А/д Нижневартовское — Нефтесборный парк	ГПИ «СИБЗНИИЭП	3,2	1965 г.
	Киевский филиал ГПИ «Союздорпроект»	9,4	1966 г.
А/д Нижневартовское — Урьевские	Киевский филиал ГПИ «Союздорпроект»	80	1966–1969 гг.
А/д Урай — нефтепромысел Трехозерный	ГПИ «Гипровостокнефть»	1,7	1966 г.
	Киевский филиал ГПИ «Союздорпроект»	20,1	1965–1967 гг.
А/д к п. Мегион, Вата и Урьевские	Киевский филиал ГПИ «Союздорпроект»	17	1967–1968 гг.
Товарный парк Западно-Сургутского месторождения — г. Сургут	ГПИ «Гипротюменнефтегаз»	25	
А/д по Мегионскому месторождению	ГПИ «Татнефтепроект»	22	1967–1969 гг.
А/д по Усть-Балыкской нефтеносной площади	ГПИ «Башнефтепроект»	25	1967–1969 гг.
А/д Шаимской площади	ГПИ «Гипровостокнефть»	8,6	1967–1969 гг.
А/д по Быстринскому, Западно-Сургутскому месторождениям	ГПИ «Гипротюменнефтегаз»	20	1967–1969 гг.

Источник: МАГС. Ф. 103. Оп. 1. Д. 24. Л. 113–117.

[493] Каган Я. М. Все начинается с проекта // Нефтегазостроители Западной Сибири. Кн. 2. М., 2004. С. 223.

[494] ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 14. Л. 60.

К подготовке возросшего массива проектно-сметной документации были привлечены ведущие академические институты страны. Значительная часть территориальных изысканий пяти межпромысловых автодорог ХМНО протяженностью 191,8 км была выполнена специалистами авторитетного Киевского филиала ГПИ «Союздорпроект».

Основными заказчиками строительства автодорог в 1960–1980-х гг. выступали Миннефтедобычи (затем Миннефтепром) и Мингазпром СССР, а подрядчиками являлись автодорожные тресты Минтрансстроя СССР — «Тюмендорстрой» (1965 г.) и «Нижневартовскдорстрой» (1976 г.), структурные подразделения которых были расположены в ХМНО и частично на юге Тюменской области. С 1980 г. функции генерального подрядчика стало осуществлять производственное строительно-монтажное объединение «Запсибдорстрой», базировавшееся в Нижневартовске.

Рис. 2.83. Юрий Владимирович Юшков — управляющий трестом «Тюмендорстрой» (1965–1976). Из личного семейного архива сына Ю. В. Юшкова — А. Ю. Юшкова

На пионерном этапе нефтегазового освоения создание сети автодорог на территории округа возлагалось на структуры треста «Тюмендорстрой» в составе СУ-904, СУ-905, АБ-92 и АБ-93 и субподрядные организации мостостроителей и гидромеханизаторов, которые осуществляли прокладку внутрипромысловых и межпромысловых автодорог Западно-Сургутского, Трехозерного, Мегионского, Быстринского, Правдинского, Советско-Соснинского месторождений. Урайское СУ-905 также прокладывало автодороги до головных сооружений нефтепровода Шаим — Тюмень[495].

В период становления и развития межпромысловой сети автодорог округа трестом «Тюмендорстрой» в 1965–1976 гг. руководил участник Великой Отечественной войны и освоения целинных земель в Казахстане Юрий Владимирович Юшков. В системе Минтрансстроя СССР он работал с 1956 г. на должностях главного инженера, начальника управления № 810 и Управления строительства № 1 Главдорстроя (позднее трест «Петропавловскдорстрой») и имел большой производственный опыт строительства автодорог в сложных природно-климатических условиях[496].

Одновременно Миннефтепром наряду с развитием материальной базы транспортного строительства Минтрансстроя СССР на севере Тюменской области создавал в составе собственного главка «Главтюменнефтегаз» самостоятельные предприятия по строительству, ремонту и содержанию автодорог круглогодичного и сезонного действия (зимников). Так, например, в 1965 г. был создан трест «Тюменнефтедорстройремонт» для прокладки автодорог к буровым площадкам и ледовым переправам. В дальнейшем по мере нарастания масштабов транспортного освоения округа для организации ремонта и содержания по-

[495] ГАТО. Ф. 1952. Оп. 1. Д. 121. Л. 95.

[496] Майданов В. С. Дороги за горизонт. Тюмень, 2009. С. 7.

строенных автодорог в конце 1970-х — середине 1980-х гг. были созданы автодорожные ремонтно-строительные тресты:

1. «Нижневартовскнефтедорстройремонт» (1979).
2. «Сургутнефтедорстройремонт» (1981).
3. «Юганскнефтедорстройремонт» (1984).
4. «Когалымнефтедорстройремонт» (1985).

Характерной особенностью вновь построенных автомагистралей являлась универсальность их трассирования. В связи с поиском кратчайших путей к месторождениям углеводородов, сокращения капитальных вложений и ускорения строительства наземных путей сообщения, автодорожники соединяли транспортными коммуникациями, в первую очередь, опорные пункты автодорожного сообщения, включающие нефтепромысловые объекты, речные причалы, аэродромы и вертолетные площадки. В частности, так осуществлялось линейное строительство автодороги Сургут — Нефтеюганск, которая была разделена на опорные участки и согласно проекту «Гипротюменнефтегаза» 1965 г. была максимально приближена к Солкинскому и Быстринскому нефтяным месторождениям.

В декабре 1968 г. на собрании партийно-хозяйственного актива работников промышленности, транспорта и строительства, второй секретарь Тюменского обкома КПСС А. К. Протозанов отмечал, что трест «Тюмендорстрой», наряду с такими строительными организациями, как «Главтюменнефтегазстрой» и управлением «Тюменстройпуть» успешно выполнили план подрядных работ. Получила высокую оценку и деятельность треста «Тюмендорстрой» по развитию сети внутрипромысловых и межпромысловых автодорог ЗСНГК[497].

Однако в конце 1960-х гг. для тюменского партийного руководства стало очевидно, что возложенные на один трест обязательства по форсированному созданию сети автодорог с твердым покрытием на огромной территории области будут не выполнены в силу объективных обстоятельств. В августе 1969 г. Б. Е. Щербина в своем докладе на партийно-хозяйственном активе подверг критике деятельность аппарата управления Минтрансстроя СССР и треста «Тюмендорстрой» во главе с Ю. В. Юшковым. Являясь фактически до 1976 г. единственным трестом Минтрансстроя, специализировавшимся на сооружении автодорог на севере Тюменской области, и построив для нефтегазодобывающей промышленности за годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) 156,4 км межпромысловых и внутрипромысловых автодорог, трест не выполнил планового задания пятилетки по строительству 300 км автодорог в нефтегазоносных районах.

В конце 1960-х — середине 1970-х гг. учёные научно-исследовательских институтов и инженеры строительных подразделений Тюменской области в процессе решения организационно-технологических задач совершали серьёзные научно-технические открытия. Таковым являлась технология возведения земляного полотна автодороги на торфяных основаниях, разработанная институтом «Гипротюменнефтегаз», Омским филиалом СоюздорНИИ совместно с трестом «Тюмендорстрой» и получившая наименование «плавающая насыпь». В её разработке сыграли выдающуюся роль тюменские и омские инженеры-проектировщики (Н. В. Табаков, Я. М. Каган, Г. Д. Михайлов, Г. В. Леменков, Е. Г. Пешкова, В. Я. Солодовникова, Н. Я. Фетисов, А. Г. Лушников, З. Р. Шадури, Н. Ф. Совко, Н. М. Тупицын)[498] и производствен-

[497] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4958. Л. 43.

[498] Каган Я. М. Все начинается с проекта // Нефтегазостроители Западной Сибири. Кн. 2. М., 2004. С. 229

ники треста «Тюмендорстрой» и Главтюменнефтегаза (Ю. В. Юшков, Б. Ф. Илясов, Ю. Г. Шереметьев, П. В. Бессолов, В. Г. Рябченюк)[499]. Она была апробирована в 1971 г. в ходе строительства первого кольца автодороги вокруг озера Самотлор протяженностью 3,5 км.

Рис. 2.84. Юрий Георгиевич Шереметьев — начальник СУ-909 треста «Тюмендорстрой». Фотоальбом: Золото Самотлора. М., 1998. С. 243

Заметные совершенствования в разработку технологии намыва грунта методом гидромеханизации были внесены строительными подразделениями в ходе строительства автодороги Сургут — Нефтеюганск. 1 января 1966 г. приказом Минтрансстроя СССР в Сургуте было организовано СУ-489 (с 1981 г. трест «Сургуттрансгидромеханизация») для ведения гидромеханизированных работ на объектах строительства транспортной инфраструктуры. Его руководителем в 1966–1990 гг. являлся Евгений Михайлович Жуков[500]. Этот трест оказывал неоценимую помощь автодорожникам в применении намыва земляного полотна автодороги Нефтеюганск — Сургут в 1965–1972 гг.

Рис. 2.85. Бригада укладчиков на строительстве автодороги от Сургута до Нефтеюганска. 1969 г. Муниципальный архив города Сургута. Ф1. Оп. 2. Д. 325

Однако следует признать, что этот новаторский технологический прием внедрялся с немалыми трудностями. При строительстве автодорожных насыпей строители испытывали хронический недостаток песка и грунта для отсыпки на болотах площадок под кусты скважин, промысловых сооружений, строительства постоянных и временных автодорог. «Ежегодная потребность в песке и грунте только для объектов нефтяной промышленности составляла более 100 млн куб. метров»[501]. Для выполнения этого объёма работ требовалось ежегодное пополнение парка импортных экскаваторов, бульдозеров и автосамосвалов «Татра» на 3–4 тыс. единиц, способных работать при низких температурах на строительстве автодорог. «В то время для нефтяников строилось 170 км дорог в год, — вспоминал Ш. С. Донгарян, — а нужно было 750»[502].

Вместе с тем, несмотря на имеющиеся проблемы начального периода применения метода гидронамыва, уже в девятую пятилетку (1971–1975 гг.) земснаряды СУ-489 на полную мощ-

[499] Сибирская нефть. Под ред. В. И. Муравленко, В. И. Кремнева. М., 1977. С. 114.

[500] Лыков А. М. Трансгидромеханизация. История. Дела и люди. Новосибирск, 2003. С. 437.

[501] Донгарян Ш. С. Подвиг созидателей: к сорокалетию нефти в Западной Сибири // Ветераны: из истории нефтяной и газовой промышленности. Вып. 19. М., 2006. С. 113.

[502] Донгарян Ш. С. Подвиг созидателей: к сорокалетию нефти в Западной Сибири. С. 113–114.

ность работали на сооружение ключевых объектов транспортного строительства: подъездов к путям железнодорожной магистрали Тюмень — Тобольск — Сургут и ее мостовым переходам, плотинам водохранилищ Сургутской ГРЭС-1 и ГРЭС-2, а также к территории Сургутского речного порта. Общий объём намытого грунта составлял 11,5 млн кубометров[503].

На территории ХМНО в девятой пятилетке (1971–1975 гг.) стремительно развивались наземные транспортные коммуникации, которые соединяли новые города и посёлки сетью современных автобанов. В 1972 г. были сданы в эксплуатацию автодороги Нефтеюганск — Сургут и Нижневартовск — Мегион. В конце 1975 г. была введена в строй автодорога Нефтеюганск — Пойковский[504]. Сеть автодорог с железобетонным покрытием в Нижневартовском районе в 1971–1977 гг. увеличилась с 30,4 до 373 км, т. е. в 12,4 раза[505]. В Сургутском районе их протяженность возросла с 1969 г. по 1976 г. с 14,7 км[506] до 130,2 км, т. е. в 8,9 раза[507].

Однако такие темпы автодорожного строительства на территории крупнейшего в стране нефтегазового комплекса не устраивали партийное и государственное руководство. Неслучайно 20 марта 1980 г. было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса»[508]. Неудовлетворительная динамика строительства автодорог называлась в числе основных причин, сдерживающих поступательное развитие ЗСНГК.

В соответствии с этим постановлением, в Нижневартовске планировалось создать производственное строительно-монтажное объединение в структуре Главзапсибдорстроя Минтрансстроя СССР. К автодорожному строительству в округе привлекались строительные предприятия 8 союзных республик: РСФСР, Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской, Эстонской, Узбекской и Казахской ССР. Минтрансстрою СССР совместно с союзными республиками поручалось построить дороги с твердым покрытием общей протяженностью в 1981 г. — 665 км, в 1982 г. — 830 км, а в 1983 г. — 830 км[509].

На территории Ханты-Мансийского автономного округа насчитывалось 3 дорожно-строительных треста и 1 управление Совета Министров союзных республик: Белорусской ССР — «Белнефтедорстрой», располагавшегося в городе Нижневартовск, Литовской ССР — ДСУ-12, размещавшегося в посёлке, а с 1985 г. городе Когалым, Эстонской ССР — «Эстсургутдорстрой», дислоцировавшегося сначала в посёлке Пим, а с 1992 г. в городе Лянтор, Узбекской ССР — «Узтюмендорстрой», базировавшегося сначала в посёлке Нях, а с 1985 г. в городе Нягань.

Механизм взаимодействия союзных и республиканских строительных подразделений в ходе автодорожного строительства на территории ЗСНГК выстраивался на основе специальных субподрядных договоров. Генеральным подрядчиком строительства автодорог в Ханты-Мансийском автономном округе являлся Минтрансстрой СССР, а координировало эту работы ПСМО «Запсибдорстрой», располагавшееся в Нижневартовске[510].

---

[503] Лыков А. М. Трансгидромеханизация. История. Дела и люди. С. 441.

[504] Цифры и факты // Нефтеюганский рабочий. 1978. 18 марта. № 34. С. 2.

[505] Архивный отдел Администрации г. Нижневартовска (АОАГН). Ф. 126. Оп. 1. Д. 104. Л. 1.

[506] МАГС. Ф. 102. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

[507] ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 1534. Л. 18.

[508] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1673. Л. 202–227.

[509] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1673. Л. 205–206.

[510] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9538. Оп. 16. Д. 3346. Л. 298.

В 1981–1983 гг. почти все союзные республики выполнили плановое задание по строительству автодорог. Из 2020 км автодорог, введенных в строй ПСМО «Запсибдорстрой» по субподряду, союзные республики построили 811,1 км автомобильных путей, что составило 40% общего объёма строительства объединения, включая 408,3 км (20,2%) построенных автомагистралей на территории Ханты-Мансийского автономного округа[511].

Рис. 2.86. Александр Исакович Каспаров — начальник объединения, генеральный директор «Запсибдорстрой» (1980–1999). 2008 г. Фото из кн.: Каспаров А. И. Дорога длиною в жизнь. М., 2008. С. 129

В 1980-е гг. флагманами транспортного строительства в Югре являлись ПСМО «Запсибдорстрой», «Тюменстройпуть», тресты «Мостострой-11», «Сургуттрансгидромеханизация», «Нижневартовсктрансгидромеханизация», «Запсибгидрострой», относившиеся к различным главкам Минтрансстроя. В первой половине 1980-х гг. немаловажную роль в строительстве автодорог играли также автодорожные ремонтно-строительные тресты Миннефтепрома СССР, входивших в состав крупных производственных объединений Главтюменнефтегаза: «Нижневартовскнефтедорстройремонт», «Сургутнефтедорстройремонт» и «Юганскнефтедорстройремонт».

Основной объём строительства транспортной инфраструктуры выполняло объединение «Запсибдорстрой», которое с 1980 г. возглавлял опытный руководитель Минтрансстроя, заместитель начальника «Главзапсибдорстроя» Александр Исакович Каспаров. Он позже вспоминал: «Прибыв в Нижневартовск, я тут же приступил к сколачиванию управленческой команды. На командный пункт объединения мне в начальный период потребовалось около 70 человек»[512].

Объединение выполняло работы по сооружению автодорог для Миннефтепрома, Мингазпрома, Миннефтехимпрома СССР, а также для Минавтодора РСФСР. Оно осуществляло строительство автодороги Тюмень — Тобольск. В 1981 г. ПСМО «Запсибдорстрой», несмотря на недостаточное оснащение механизмами строительных трестов «Тюмендорстрой» и «Сургутдорстрой», повсеместную нехватку кадров механизаторов, водителей автомобилей и дефицит запчастей, трудностей организационного оформления треста «Сургутдорстрой»[513], сумел ввести в постоянную эксплуатацию 542,6 км автодорожного полотна, из которых 473,2 км являлись межпромысловыми и внутрипромысловыми автодорогами[514].

В 1982–1985 гг. объединение, совершенствуя производственную технологию, целеустремленно наращивало темпы строительства автодорог. Его техническое и технологическое совер-

---

[511] Подсчитано по: Веселов С. И. О некоторых направлениях деятельности союзных республик СССР в транспортном освоении Западно-Сибирского нефтегазового комплекса: организационно-производственный механизм и решение социально-бытовых проблем (1980-е — начало 1990-х гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 98–99.

[512] Каспаров А. И. Дорога длиною в жизнь. М., 2008. С. 87.

[513] АОАГН. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. Л. 130.

[514] АОАГН. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. Л. 40–44.

шенствование в автодорожных трестах «Запсибдорстроя» координировал главный инженер В. М. Абрамов. По его инициативе в первой половине 1980-х гг. на территории ЗСНГК автодорожники стали активно применять двухстадийный метод, согласно которому технология строительства автодороги разделялась на два этапа: на первом осуществлялись проектно-изыскательские работы и строительство временной автомагистрали, а на втором выполнялось ее доведение до необходимых проектировочных параметров. Двухстадийное строительство, практиковавшееся объединением «Запсибдорстрой», способствовало значительному снижению первоначальных капитальных вложений, что позволяло уменьшить объём общего финансирования и увеличить ежегодный ввод автодорог[515].

Данные таблицы 2.16 свидетельствуют о том, что в одиннадцатой пятилетке (1981–1985 гг.) тресты, базировавшиеся в Ханты-Мансийском автономном округе, и их структурные подразделения построили 2935,6 км автодорог. Среди автодорожных трестов лидером являлся «Сургутдорстрой», бессменным руководителем которого в 1980–1998 гг. был опытный инженер-строитель Анатолий Анисимович Горячев, ранее трудившийся в тресте «Камдорстрой» Минтрансстроя СССР[516]. Кроме межпромысловых и внутрипромысловых автодорог на месторождениях, тресту «Сургутдорстрой» принадлежит заслуга строительства центральной автомагистрали города Сургута — проспекта Мира[517].

Таблица 2.16

Ввод в эксплуатацию автодорог с твердым покрытием на территории Ханты-Мансийского автономного округа

Наименование организации	Ед. изм.	1981	1982	1983	1984	1985	Всего
ПСМО «Запсибдорстрой», в том числе	км	542,6	701,0	776,4	780,6	916,4	3716,9
«Тюмендорстрой»	км	158,8	172,4	159,6	129,4	140,2	760,3
«Нижневартовскдорстрой»	км	161,9	202,2	194,6	179,0	209,6	947,3
«Сургутдорстрой»	км	221,9	263,8	316,7	212,1	213,5	1228

Источник: Веселов С. И. Форсирование автодорожного строительства в северных районах Западной Сибири (1980-е — начало 1990-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 91.

Знаменательным событием для Ханты-Мансийского автономного округа стало включение сети автодорог общего пользования в единую транспортную сеть СССР. В декабре 1991 г. трест «Сибдорстрой» концерна «Росавтодор» (бывший Минавтодор РСФСР) ввел в постоянную эксплуатацию автодорогу Тобольск — Южный Балык (Пыть-Ях), общей протяженностью 510 км[518]. Эта автодорога открывала путь на Нефтеюганск и Сургут. В перспективе эта

[515] Казарновский В. Д., Табаков Н. В., Лейтланд В. Г. Двухстадийный метод строительства промысловых дорог // Автомобильные дороги. 1985. № 12. С. 27.

[516] Майданов В. С. Дороги за горизонт. Тюмень, 2009. С. 127.

[517] Майданов В. С. Дороги за горизонт. С. 128.

[518] ГАЮ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

она должна была соединить с «большой землей» окружную столицу — Ханты-Мансийск[519]. Таким образом, автомагистраль Тюмень — Тобольск — Нефтеюганск (с выходом на Сургут и Ханты-Мансийск) связала юг и север Тюменской области. Локальные автодорожные кластеры имелись в Октябрьском, Берёзовском, Кондинском и Белоярском районах, обслуживавшие ведомственные запросы нефтяников и газовиков.

Таблица 2.17

Список ведомственных автодорог Миннефтепрома, переданных в сеть автодорог общего пользования Минавтодора РСФСР в 1987 г.

№ п/п	Наименование автодороги	Протяженность дорог, всего в 1987–1990 гг., в км	В том числе в 1987 г., км
1	Сургут — Южный Балык на участке Сургут-Мамонтово	125	125
2	Сургут — Ново-Федоровский на участке 22 км дорог Сургут — Южный Балык — Ново-Федоровский	71	71
3	Сургут — Лянторский на участке 44 км дороги Сургут — Южный Балык — Лянторский	51	51
4	Нефтеюганск — Пойковский (от автодороги Сургут — Южный Балык)	42	42
5	Нефтеюганск — Островная (от автодорог Сургут — Южный Балык)	34	34
6	Нижневартовск — Радужный (без мостов через р. Негус и Аган)	179	179
7	Нижневартовск — Мегион — Покачи (без моста через р. Аган)	118	118
8	Сургут — ст. Пурпе	475	—
10	Мегион — Лангепас	38	—
11	Лангепас — Покачи	49	—
12	Нижневартовск — Стрежевой (до р. Вах)	8	—
Итого			620

Источник: АОАГН. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1605. Л. 153.

В годы перестройки в округе предпринимаются попытки преодоления ведомственного разобщения и концентрации управления строительством и эксплуатацией сети отраслевых автодорог в едином центре. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1985 г. «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986–1990 годах» ставило задачу транспортным строителям совместно с Миннефтепромом и Мингазпромом СССР осуществить передачу построенных и вводимых в эксплуатацию ведомственных автодорог с твердым покрытием в ведение Минавтодора РСФСР. Выполняя

[519] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 8079. Л. 70–71.

его, 24 февраля 1987 г. Миннефтепром и Минавтодор РСФСР издали совместный приказ, в соответствии с которым регламентировалась передача ведомственных межпромысловых и магистральных автодорог Главтюменнефтегаза в ведение ПРСО «Тюменьавтодор». Общая протяженность передаваемых автодорог составляла 1743 км,[520] в том числе на территории округа в 1987 г. планировалось передать 620 км (см. таблицу 2.17)[521]. Фактически было передано созданному управлению «Северавтодор» 608 км автомобильных дорог[522].

Основной задачей работников нового управления являлся ремонт и содержание автодорог общего пользования[523], состояние которых в конце 1980-х гг. повсеместно ухудшалось. Согласно воспоминаниям начальника управления «Северавтодор» в 1990–1995 гг. В. А. Беца, сеть автодорог, представленная нефтяниками к передаче, являла собой «не дороги, а своего рода пролазы к местам добычи нефти. Пришлось не один год заниматься их реконструкцией: доводить ширину проезжей части с шести до восьми метров, плиты перекрывать асфальтобетоном, отсыпать обочины, ликвидировать провалы»[524].

Тем не менее, в условиях вынужденного форсирования автодорожного строительства, благодаря внедрению передовых технологических решений и самоотверженному труду дорожных строителей, протяженность возведенных автомобильных путей в округе увеличилась со 156 км в восьмую пятилетку (1966–1970 гг.) до 2935,6 км в одиннадцатую (1981–1985 гг.), т. е. в 19 раз.

На территории Ханты-Мансийского округа в исторически короткий срок был выполнен не имеющий в мировой практике автодорожного строительства объём работ, позволивший заложить основы транспортной системы, развившейся позднее в современный комплекс автодорожных магистралей.

Становление автотранспортной отрасли в Ханты-Мансийском округе сопровождалось последовательным совершенствованием его ***автомобильного парка***.

Автомашины появились в округе в послевоенный период. В 1960 г. Ханты-Мансийск, Сургут и Берёзово уже имели автобусное движение. Накануне активного нефтегазового освоения на территории округа работало 1100 автомашин, из которых свыше 700 являлись грузовыми[525]. На Тюменском севере автотранспортные предприятия общего пользования подчинялись Тюменскому транспортному управлению (ТТУ). В 1962 г. в Сургуте была создана автоколонна, являвшаяся подразделением Ханты-Мансийской транспортной конторы ТТУ. Ее основной задачей являлось обеспечение населения рабочего посёлка пассажирскими и грузовыми перевозками[526]. В 1964 г. на балансе автоколонны находилось 9 автобусов ЛАЗ-651, 6 грузовых автомобилей ГАЗ-51 и 2 легковых такси. Однако, в то время у автоколонны не имелось производственной базы, отсутствовали мастерская для проведения ремонтных работ и гараж

---

[520] Веселов С. И. Форсирование автодорожного строительства в северных районах Западной Сибири (1980-е — начало 1990-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 92.

[521] АОАГН. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1605. Л. 153.

[522] ГАТО. Ф. 1790. Оп. 1. Д. 1122. Л. 182.

[523] Северавтодор: буклет. Сургут, 1997. С. 1.

[524] Дороги Югры: прошлое, настоящее, будущее. Тюмень, 2004. С. 97.

[525] Тарасенков Г. Н. На просторах Обь-Иртышья (Природа, хозяйство, культура Тюменской области). Свердловск, 1964. С. 341.

[526] Прищепа А. И. Возрождение Сургута. Вторая половина XX века. Сургут, 2015. С. 211.

для постоянной стоянки автобусов. В зимнее время с этим были связаны трудности запуска двигателей транспортных средств, многочисленные поломки и нерегулярные выезды автобусов на городские маршруты[527]. Организованные во второй половине 1960-х гг. Сургутское АТП и Урайский филиал Ханты-Мансийской транспортной конторы, как и прежде, не имели производственной базы для обслуживания автобусов и грузовых автомобилей.

Перезагрузка транспортного автохозяйства, пополнение его многочисленным парком современных автобусов и автомобилей, обладавших высокой проходимостью и надежной конструкцией, с каждым годом становилась все более актуальной проблемой для «генералов нефтяных месторождений». В этих целях создавались самостоятельные автотранспортные предприятия. В июле 1968 г. Нефтеюганский горисполком обратился к Тюменскому облисполкому с предложением создать в Нефтеюганске городскую транспортную контору для организации городских кольцевых маршрутов и автодорожного сообщения между Нефтеюганском, Сингапаем и Каркатеево. Однако «из-за отсутствия производственной базы, дорог и достаточного объёма работ»[528] это предложение положительного ответа не получило.

Скорейшее улучшение технического оснащения автохозяйств округа диктовал и рост населения. В Сургуте, например, его численность к 1970 г. по сравнению с 1965 г. возросла с 11 тыс. чел. до 34 тыс. чел., т. е. в 3 раза[529]. Поэтому неслучайно жители Сургута постоянно жаловались на организацию автобусного движения. В 1970 г. в письмах, адресованных администрации, неоднократно указывали на то, что пассажирское автохозяйство, несмотря на ввод в эксплуатацию в 1969 г. бетонной дороги, пересекающей весь город от посёлка Нефтяников через Старый Сургут и до Черного Мыса, не способно организовать движение автобусов по расписанию[530].

Руководство города разделяло озабоченность его жителей. В 1968 г. Председатель городского исполкома депутатов трудящихся П. А. Мунарев настоятельно просил руководителей ТТУ выделить 10 автобусов для расширения парка пассажирских машин. Однако, в силу «ограниченности фондов управления»[531], Сургут получил только 6 автобусов.

Увеличение парка городского автотранспорта произошло в первой половине 1970-х гг., о чем убедительно свидетельствуют материалы таблицы № 2.18. В ХМНО количество автобусов в этот период возросло в 2,6 раза. В 2,5 раза увеличилось число автобусов в Нефтеюганске, Сургуте — в 3,4 раза. Нижневартовском районе — в 5 раз.

Существенную роль в транспортном обслуживании трудящихся округа и его промышленном освоении играл ведомственный автотранспорт. Во второй половине 1960-х — середине 1970-х гг. при каждом НГДУ, НПУ, строительно-монтажном тресте или производственном

---

[527] Прищепа А. И. Из истории развития городского транспорта Сургута (начало 1960-х — конец 1990-х гг.) // Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы: Материалы I Конгресса / под ред. В. В. Мархинина, Г. И. Назина. Сургут, 2004. С. 310.

[528] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4709. Л. 259–260.

[529] Прищепа А. И. Возрождение Сургута. Вторая половина XX века. Сургут, 2015. С. 117.

[530] Михайлов А. В пассажирском все... без перемен // К победе коммунизма. 1970. 9 июня. № 69.

[531] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4709. Л. 282.

объединении имелись автотранспортные предприятия, на которые возлагались обязанности вахтовой доставки рабочих и перевозка различных грузов.

Таблица 2.18

Наличие автобусов в городах и районах ХМНО (1970–1975 гг.)

Годы	1970	1971	1972	1973	1974	1975
Всего по округу, штук	604	733	920	1127	1358	1619
г. Ханты-Мансийск	50	55	61	66	73	74
г. Урай	56	62	60	55	64	73
г. Нефтеюганск	99	119	145	180	227	244
г. Сургут	132	169	222	309	357	454
Нижневартовский район	64	113	195	252	339	447
Берёзовский район	6	8	11	15	17	22

Источник: Экономика и культура Ханты-Мансийского округа за годы десятой пятилетки (в цифрах). Тюмень, 1976. С. 131,137; Экономика и культура Ханты-Мансийского округа за годы одиннадцатой пятилетки (в цифрах). Ханты-Мансийск, 1986. С. 206.

Уже в начале нефтегазового освоения Главтюменнефтегаз, Главтюменнефтегазстрой создали АТП в городах и посёлках Ханты-Мансийского национального округа. Так, например, во второй половине 1960-х гг. в Нижневартовске строители Главтюменнефтегазстроя имели два АТП — Автобазы № 9 и № 10. А Главтюменнефтегаз разместил в Нижневартовске АТП Производственного управления автомобильного транспорта — Нижневартовское АТК[532].

По мере усложнения производственных задач и возрастающей необходимости укрепления хозяйственных связей в целях усиления координации работы всех транспортных средств и механизмов, привлеченных к промышленному и гражданскому строительству, создавались Управления технического транспорта (УТТ). В Нижневартовском районе в 1966–1977 гг. было сформировано 6 управлений технологического транспорта[533]. 5 сентября 1977 г. последовал приказ Миннефтепрома СССР, согласно которому в структуре «Нижневартовскнефтегаза», «Сургутнефтегаза», «Урайнефтегаза» и других производственных объединений «Главтюменнефтегаза» создавались Управления технологического транспорта, спецтехники и автомобильных дорог, поглотившие все автотранспортные и специализированные предприятия по обеспечению деятельности нефтяников. В соответствующие объединения вошли Нижневартовское, Сургутское и Нефтеюганское управления автомобильных дорог[534].

---

[532] Цысь В. В., Алексеева Л. В., Цысь О. П [и др.] Самотлор: первые из первых: (о строительстве внутрипромысловых дорог, оснований кустовых площадок и о роли транспортников в подготовительных работах на месторождении в 1960–1980 гг.) / отв. ред. В. В. Цысь. Нижневартовск, 2015. С. 24.

[533] Цысь В. В., Алексеева Л. В., Цысь О. П. [и др.] Самотлор: первые из первых. С. 26–29.

[534] АОАГН. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 8–17.

В конце 1970-х гг. ведомственные УТТ последовательно расширяли масштабы транспортного обслуживания. Ими была организована централизованная перевозка грузов на городских маршрутах и доставка рабочих к месту работы. Крупнейшим производственно-хозяйственным и автотранспортным комплексом Главтюменнефтегаза являлось ПО «Нижневартовскнефтегаз». В 1977 г. на балансе этого объединения числилось 6225 единиц автотранспортной техники, которая позволяла решать задачи разного уровня: легковые и грузовые автомобили, специальные и транспортные тракторы, спецмашины и тягачи[535]. В 1980 г. парк автотракторной техники ПО «Нижневартовскнефтегаз» составлял 9861 единиц[536].

Производственное объединение «Сургутнефтегаз» располагало 4405 единицами различных видов транспортной и строительной техники. В структуре перевозок наибольший объём приходился на обслуживание бурения и добычи нефти, составлявший 50% выполняемых работ. Остальной объём включал перевозку строительных материалов и промысловых рабочих. Ежегодно «Сургутнефтегаз» перевозил более 4,5 млн человек[537]. В 1980 г. парк автотракторной техники «Сургутнефтегаза» возрос до 6490 единиц[538].

Деятельность работников транспортных предприятий была неразрывно связана с совершенствованием социального обеспечения тружеников Ханты-Мансийского автономного округа. Созданное в 1985 г. в Сургуте территориальное объединение «Севертюменьавтотранс», включившее в свой состав 10 автотранспортных предприятий Нягани, Когалыма, Нефтеюганска, Лангепаса и других городов Тюменского Севера, включая ЯНАО[539], выполняло функции перевозчика общего пользования и осуществляло централизованную доставку хлеба, мясо-молочных продуктов, безалкогольных напитков, пива, а в Нижневартовск — хлеба.

В связи с ростом миграционных потоков и интереса жителей округа к межрегиональному перемещению, ТО «Севертюменьавтотранс» приступило к созданию агентств автотранспортных перевозок. В 1986 г. в Сургуте было создано «Сургуттрансагентство» и приемный пункт в Когалыме. Руководство объединения стремилось преодолевать межведомственную разобщенность в их организации. Для координации функционирования автотранспорта в Сургуте была создана межведомственная служба с филиалами в Нефтеюганске, Нижневартовске и Ханты-Мансийске. Кроме того, в Когалыме, Нефтеюганске и Мегионе было налажено таксомоторное обслуживание[540].

Статистические данные, представленные в таблице № 2.19, позволяют сделать вывод о стремительном росте числа автомобильного транспорта и грузовых перевозок в организациях и промышленных предприятиях Югры, увеличившихся в 1975–1985 гг. соответственно в 3,3 и 2,7 раза. Это является убедительным свидетельством незаменимого вклада строителей автодорог и водителей транспортных средств в создание ЗСНГК.

---

[535] АОАГН. Ф. 126. Оп. 1. Д. 67. Л. 203.

[536] АОАГН. Ф. 126. Оп. 1. Д. 541. Л. 183.

[537] МАГС. Ф. 137. Оп. 1. Д. 38. Л. 273–279.

[538] МАГС. Ф. 137. Оп. 1. Д. 183. Л. 268.

[539] МАГС. Ф. 207. Оп. 1. Д. 17. Л. 187–188.

[540] МАГС. Ф. 207. Оп. 1. Д. 17. Л. 188–189.

Таблица 2.19

Основные показатели автомобильного транспорта Ханты-Мансийского автономного округа в 1975–1985 гг.

Годы	*Показатели*	
	Наличие всех автомобилей (без индивидуальных), штук	**Перевезено грузов, тыс. т**
1975	17766	115901
1976	21933	129422
1977	25707	176057
1978	30270	207374
1979	36016	225381
1980	36016	241636
1981	41158	263942
1982	46971	321431
1983	52915	286820,8
1984	56156	284768,9
1985	62488	321505,4

Источник: Экономика и культура Ханты-Мансийского округа за годы десятой пятилетки (в цифрах). Тюмень, 1981. С. 131; Экономика и культура Ханты-Мансийского округа за годы одиннадцатой пятилетки (в цифрах). Ханты-Мансийск, 1986. С. 206.

С начала нефтегазового освоения северных районов Тюменской области пристальное внимание уделялось развитию ***трубопроводного транспорта***. В связи с отсутствуем резервуаров по хранению нефти и сезонной ограниченностью судоходной навигации, создание системы нефтепроводов на территории ХМНО являлось насущной необходимостью. Она играла особую роль в доставке «черного золота» непосредственно на нефтеперерабатывающие предприятия.

Идея строительства нефтепроводов руководителями Тюменской области обсуждалась уже в 1960 г. после открытия Шаимского месторождения. 3 июля того года в Тюмени состоялось совещание, в котором приняли участие второй секретарь обкома партии Ф. П. Щуров, руководитель Тюменского совнархоза А. Л. Козлов, начальник Главнефтегеологии С. В. Горюнов, начальник ТТГУ Ю. Г. Эрвье и председатель Тюменского облисполкома А. К. Протозанов. На нем были рассмотрены наиболее актуальные вопросы освоения нефтегазоносных районов и было решено подготовить до пленума ЦК КПСС к 11 июля 1960 г. записку, отражающую мнение участников совещания о перспективах развития нефтегазодобычи в Тюменской области. Для Бюро ЦК КПСС по РСФСР был подготовлен проект постановления «О мерах по ускорению подготовки к использованию промышленных запасов нефти Шаимского месторождения Тюменской области», в котором предусматривалось предоставле-

ние в Совет Министров РСФСР предложений по освоению Шаимского месторождения нефти и строительству нефтепровода от него[541].

19 мая 1962 г. Советом Министров СССР было принято постановление «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири». В нем ставилась задача начать проектно-изыскательские работы по строительству нефтепровода для транспортировки нефти с Усть-Балыкского, Сургутского и Мегионского месторождений нефти на Омский НПЗ[542].

Принятое постановление еще более укрепило руководство Тюменской области в необходимости ускорить работы по обустройству открытых и разведке новых нефтяных месторождений. Особенно уверенно выражал это мнение, возглавивший в мае 1963 г. Тюменский промышленный обком КПСС А. К. Протозанов. Можно предположить, что инициативные предложения тюменских коммунистов были услышаны и вскоре 4 декабря 1963 г. Советом Министров СССР было принято решение о строительстве первых нефтепроводов Усть-Балык — Омск и Шаим — Тюмень[543].

25 января 1964 г. в Тюменском обкоме КПСС председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков провел расширенное совещание по проекту их строительства, поставив задачу определить ориентировочную стоимость. Для нефтепровода Усть-Балык — Омск первоначально финансирование предполагалось осуществить в размере 175 млн руб., которое было увеличено до 206 млн руб., включая 5 млн руб., добавленные по просьбе Тюменского обкома КПСС для нужд области[544].

Практически сразу после этого совещания под руководством главного инженера М. С. Кудасевича начались проектные и изыскательские работы. Они были осложнены беспрецедентной 1000-километровой протяженностью трассы со сложной топографией Тюменской области. На пути будущего нефтепровода располагалось многочисленное количество болот и рек, в том числе очень крупных, таких как Юганская Обь и Иртыш. От Тобольска необходимо было пробить общий коридор просеки для идущих параллельно с нефтепроводом железной дороги и ЛЭП-500 «Тюмень — Сургут»[545].

Строительство нефтепровода Шаим — Тюмень началось 13 июля 1964 г. и закончилось 27 ноября 1965 г. Оно осуществлялось коллективами трестов «Союзпроводмеханизация» и «Татнефтепроводстрой», а также Управлением подводно-технических работ и другими организациями Министерства газовой промышленности. 18 июля 1964 г. бригада сварщиков В. Кузмина наложила первые швы на трубопроводе. Летом работы велись на сухих южных участках, а с наступлением холодов развернулись по всей длине трассы. Несмотря на наличие современных механизмов и технического обеспечения трубоукладки, включающего

---

[541] Колева Г. Ю. А. К. Протозанов и создание Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 209.

[542] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Сборник документов за 50 лет в 5-ти т. Т. 5. 1962–1965 гг. М., 1968. С. 631.

[543] Юганскнефтегаз. Рубрика «Хроника славных лет...». Строительство нефтепровода Усть-Балык — Омск. URL: https://ugansknefteg az.livejournal.com/1419.html (дата обращения: 27.01.2023).

[544] Юганскнефтегаз. Рубрика «Хроника славных лет...». Строительство нефтепровода Усть-Балык — Омск.

[545] Юганскнефтегаз. Рубрика «Хроника славных лет...». Строительство нефтепровода Усть-Балык — Омск.

использование на трассе водоотливных агрегатов, болотных трубоукладчиков, автомашин большой проходимости и грузоподъемности и даже вертолетов МИ-6, форсирование незамерзающих топей Тангульских и Куминских болот потребовало от строителей трубопроводов незаурядного профессионального мастерства, а порой и трудового героизма. 27 декабря 1965 г. сварщики Ю. А. Беляев и В. Н. Каленов заварили последний «красный» стык нефтяной магистрали. Впереди трубоукладчиков ожидало новое строительство — нефтепровод Усть-Балык — Омск[546].

Рис. 2.87. Красный стык нефтепровода Усть-Балык — Омск. 1967 г. Фотоальбом: Черное золото Югры. Тюмень, 2009

Его начали прокладывать отряды строителей, пришедшие с трубопровода Шаим — Тюмень. Первый стык магистрали заварил электросварщик В. А. Олексюк. Этот нефтепровод обеспечивал доставку нефти месторождений Среднего Приобья непосредственно на Омский нефтеперерабатывающий завод. Первый этап развернувшейся грандиозной стройки завершился весной 1967 г. прокладкой 266-километрового плеча от Усть-Балыка до села Демьянское на Иртыше, где был создан временный нефтеналивной причал. Это сократило водный путь перевозки нефти из Среднего Приобья в Омск на 600 км. При укладке труб существенную помощь оказали речники и авиаторы. Самолеты Ан-12 с трубами из Тюмени совершили сотни рейсов, а речники ТЛРП провели баржи с трубами по реке Южный Балык. Ими было доставлено 40 км труб. 26 августа 1967 г. был закончен монтаж последнего «красного» стыка на трассе Усть-Балык — Омск. А 30 октября 1967 г. нефть Среднего Приобья была доставлена в Омск[547].

Специалисты подсчитали, что в ходе строительства нефтепровода Усть-Балык — Омск было преодолено 85 водных преград и 200 километров труднопроходимых болот, заварено 107200 стыков стальной нитки нефтепровода. Чтобы его заполнить, необходимо было закачать 856 720 т нефти. Для перевозки такого количества сырья потребовалось бы 13612 железнодорожных цистерн. Стоимость транспортировки нефти уменьшилась в 2–3 раза. За самоотверженный труд при сооружении нефтепровода Усть-Балык — Омск Указом Президиума

[546] Нефть Сибири. М., 1973. С. 130–131.

[547] Нефть Сибири. С. 132.

Верховного Совета СССР от 23 августа 1968 г. орденами и медалями были награждены 199 человек, в том числе орденом Ленина — 7 человек, включая главного инженера проекта Мечислава Станиславовича Кудасевича, орденом Трудового Красного Знамени — 22, орденом «Знак Почета» — 72, медалью «За трудовую доблесть» — 48 и медалью «За трудовое отличие» — 50 человек[548].

Практически одновременно с весны 1964 г. по январь 1966 г. был построен газопровод Игрим — Серов. По нему с Пунгинского месторождения пошел газ на Урал[549]. Это были первые трубопроводные системы в рамках нового нефтегазодобывающего района. В последующем трубопроводное строительство постоянно территориально расширялось.

Каждая из введенных трубопроводных систем была уникальна. В марте-апреле 1968 г. к магистрали Усть-Балык — Омск были проложены трубопроводы от Западно-Сургутского и Правдинского месторождений. Одновременно начались работы по строительству магистрали Александровское — Усть-Балык. В мае 1969 г. новый нефтепровод вступил в строй. К концу второй половины 1960-х гг. к магистральному нефтепроводу были подключены 8 нефтяных месторождений. Для эксплуатации развивавшейся сети нефтепроводов 19 октября 1967 г. было создано Управление магистральных нефтепроводов Западной и Северо-Западной Сибири в г. Тюмени с тремя нефтепроводными управлениями — Сургутским, Тобольским и Шаимским[550].

Рис. 2.88. Строительство и ввод в эксплуатацию нефтепровода Усть-Балык — Омск. 1967 г. Фотоальбом: Черное золото Югры. Тюмень, 2009

Рис. 2.89. Рабочие СМУ № 5 треста «Севертрубопроводстрой» во время сварки последнего стыка 57-километрового отрезка нефтепровода Самотлор — Куйбышев. Апрель 1976 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1079

[548] Юганскнефтегаз. Рубрика «Хроника славных лет...». Строительство нефтепровода Усть-Балык — Омск. URL: https://ugansknefteg az.livejournal.com/1419.html (дата обращения: 27.01.2023).

[549] Щербина Б. Е. Тюменский меридиан. Свердловск, 1966. С. 53.

[550] Сквозь призму истории. Транснефть АО «Транснефть — Сибирь». URL: https://siberia.transneft.ru/about/history/ (дата обращения: 13.01.2023).

Рис. 2.90. Бригада сварщиков Григория Ивановича Лемешко — одна из самых лучших на сооружении нефтепровода Самотлор — Нижневартовск. 5 апреля 1976 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1084

Построенные в восьмой пятилетке нефтепроводы обеспечили перекачку 100 тыс. т сибирской нефти в сутки. Однако дальнейший рост добычи нефти требовал прокладки новых нефтяных магистралей. Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 декабря 1969 г. «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» в период с 1971 по 1974 гг., Министерство газовой промышленности должно было ввести в строй следующие магистральные нефтепроводы: Александровское — Анжеро-Судженск, Усть-Балык — Курган — Уфа — Альметьевск, Усть-Балык — Нижневартовский, Самотлорск — Александровское. Таким образом, сеть нефтепроводов должна была покрыть весь Север Западной Сибири[551].

Эта программа успешно выполнялась. Нефтепровод Александровское — Анжеро-Судженск был построен за полтора года и был введен уже в 1972 г. Он стал первым в мире трубопроводом, смонтированным из труб диаметром 1220 мм. Соединенный с нефтепроводом от Нижневартовска, он открыл путь нефти Самотлора и протянулся до Красноярска и Иркутска. После ввода его в эксплуатацию почти полностью был прекращен вывоз нефти речным транспортом в восточные районы страны[552].

За 18 месяцев вместо 48 по норме был возведен в 1972–1973 г. нефтепровод Самотлор — Усть-Балык — Курган — Уфа — Альметьевск. Он обеспечил выход сибирской нефти к головным сооружениям нефтепровода «Дружба», то есть открыл возможность ее экспорта. Этот нефтепровод примыкал к Тобольскому нефтехимическому комплексу, формируя к середине 1970-х гг. на севере Тюменской области 13 трубопроводных систем, транспортирующих сибирские нефть и газ потребителям[553].

Значительно возросшие в 1970-е гг. объёмы строительства нефтепроводов привели к образованию в 1973 г. новой крупной строительно-монтажной организации — Главного производственного управления по строительству магистральных трубопроводов в районах Севера и Западной Сибири» — «Главсибтрубопроводстроя» с дислокацией в Тюмени. Его создание способствовало совершенствованию строительства нефтепроводов, что знаменовалось вводом в строй в 1976 и 1978 гг. мощных трансконтинентальных нефтепроводных систем Нижневартовск — Курган — Куйбышев и Сургут — Полоцк.

---

[551] Мостовенко М. С. Транспортное освоение Сибирского Севера: взаимоотношения власти и природы // Экологическая история России: локальные измерения и перспективы интегральных исследований. Материалы Всерос. (с межд. уч.) науч. конференции / отв. ред. О. Ю. Солодянкина. 2017. С. 192.

[552] Карпов В. П., Колева Г. Ю., Гаврилова Н. Ю., Комгорт М. В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. Тюмень, 2011. С. 171.

[553] Карпов В. П., Колева Г. Ю., Гаврилова Н. Ю., Комгорт М. В. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. С. 171.

Таблица 2.20

Нефтепроводы Ханты-Мансийского округа в 1965–1984 гг.

Наименование	Диаметр, мм	Протяженность, км	Год ввода в эксплуатацию
Шаим — Тюмень	530	410	1965
Усть-Балык — Омск	1020	964	1967
Александровское — Усть-Балык	720	327	1969
Александровское — Анжеро-Судженск	1220	818	1972
Самотлор — Усть-Балык	1020	278	1973
Усть-Балык — Курган — Уфа–Альметьевск	1220	1836	1973
Самотлор — Александровское	1020	64	1975
Самотлор — Нижневартовск	1220	65	1976
Холмогоры — Сургут	820	265	1976
Нижневартовск — Курган — Куйбышев	1220	2246	1976
Сургут — Полоцк	1220	3252	1978
Урьевские — Южный Балык	1220	196	1980
Шаим — Конда	530	108	1984

Источник: Малюшин Н. А. Нефтепроводный транспорт региона // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 2. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2000. С. 254.

Таким образом, на территории округа к середине 1980-х годов было построено 13 нефтепроводов. Каждый из них включал в себя непосредственно металлический коллектор трубопровода, а также перекачивающие станции, резервуарные парки, линии электропередач и связи, средства автоматики и телемеханики. Были созданы уникальные в мировой практике строительства трубопроводов стальные каналы транспортировки нефти, к которым следует отнести нефтепроводы Александровское — Анжеро-Судженск, Усть-Балык — Курган — Уфа — Альметьевск, Нижневартовск — Курган — Куйбышев и ряд других нефтяных каналов, являющихся гордостью отечественного трубопроводного строительства.

Глава 5

Развитие электроэнергетики

Ни одна страна не может успешно развиваться не наращивая свой энергетический потенциал. Интенсивное развитие энергетики в СССР являлось залогом максимального роста объёмов производства и производительных сил страны. Становление энергетической отрасли в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре во второй половине XX века стало доказательством того, что темпы роста добычи и производства первичных энергетических ресурсов должны соответствовать темпам роста производства электроэнергии. Создание крупных электроэнергетических мощностей в округе стало основой для развития на базе дешевой электроэнергии крупнейшего Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) и еще целого ряда сопряженных промышленных отраслей. Реализация в округе, не имевшем в конце 1960–1980-х гг. индустриальной базы, проектов возведения крупнейших районных тепловых электростанций, впоследствии получивших название государственных районных электростанций (ГРЭС), значительно трансформировало территориальную структуру хозяйства и интенсифицировало развитие промышленного сектора, снизило накал многих социально-экономических проблем.

С начала 1950-х гг. в СССР темпы выработки электроэнергии для промышленных предприятий отставали от запланированных показателей на 8–16%. Это приводило к сдерживанию развития электроемких производств, снижению электровооруженности труда, механизации производства. В этой ситуации появилась потребность в создании новых электроэнергетических баз. Основой их должны были стать электростанции в восточных районах страны, где имелись недорогие энергоресурсы и большие объёмы гидроресурсов[554].

В процессе генезиса электроэнергетической отрасли в Ханты-Мансийском автономном округе можно выделить три основных периода. При этом необходимо отметить, что во все периоды на планы развития окружной электроэнергетики оказывала влияние региональная политика партийного руководства Тюменской области. Решения партийного и хозяйственного руководства Ханты-Мансийского национального округа (позднее Ханты-Мансийского автономного округа) принимались в русле хозяйственной политики областных властей. Хозяйственные инициативы окружных властей чаще всего не учитывались. Партийное и хозяйственное руководство округа часто находилось под давлением тюменских властей. Показательными являлись факты фальсификации плановой отчетности («приписки») в округе, которые имели место под давлением областного руководства[555]. Противоречия между окруж-

---

[554] Некрасов Н. Освоение природных ресурсов восточных районов СССР // Коммунист. 1959. № 6. С. 70.

[555] Бирюков В. П. Годы и люди земли тюменской: Книга в трех частях. Тюмень, 2000. С. 211, 212.

ными и областными властями проявились при выборе стратегии будущего хозяйственного развития округа. Например, в конце 1950-х гг. окружные власти все больше внимания стали уделять перспективе развития территории за счет организации добычи нефти. О важности этого хозяйственного направления для округа свидетельствовало усиление партийного руководства работой экспедиций, частые случаи избрания в состав бюро райкомов руководителей экспедиций, включение в состав членов райкомов и окружкомов активистов из геологов[556]. В то же время отдельные партийные и хозяйственные руководители Тюменской области не верили в перспективы открытия в области крупных запасов нефти[557]. На начальном этапе тюменское руководство поддержало вариант строительства Нижне-Обской ГЭС. Узкое совещание в областном обкоме, проведенное в 1957 г., «санкционировало дальнейшую работу над проектом»[558], что вошло в противоречие с хозяйственными интересами властей ХМНО. По воспоминаниям начальника Тюменского геологического управления Ю. Г. Эрвье, в области «настроение стало меняться»[559] только в 1963 г., когда против строительства ГЭС выступил промышленный обком и облисполком[560]. Особенно сложная ситуация в коммуникации между окружными властями и вышестоящими хозяйственными структурами наблюдалась на этапе нахождения Тюменской области в Средне-Уральском совнархозе, в который Тюменский совнархоз вошел в конце 1962 г. При принятии решений совнархоз не учитывал специфику северных условий, влияющих на промышленное развитие округа[561].

В рамках первого периода (начало 1950-х — конец 1950-х гг.) местные партийные и хозяйственные власти ХМНО были вынуждены поддерживать инициативы индустриального развития территории, выдвигаемые на областном уровне. В зависимости от выдвигаемых на областном уровне планов промышленного освоения округа менялась и ситуация с развитием электроэнергетики.

При этом руководители Тюменской области в своей региональной промышленной политике исходили из необходимости реализации на территории области, включающей юг области, Ханты-Мансийский национальный округ, Ямало-Ненецкий национальный округ (ЯНАО), значимых индустриальных проектов на основе использования имеющегося ресурсного потенциала. В 1950-е гг. Тюменская область намного отстала в промышленном развитии от других сибирских областей[562]. Учитывая экономические показатели, областные власти в 1950-е гг. стали выдвигать инициативы по реализации на территории северных национальных округов крупных хозяйственных проектов. Во-первых, к ним следует отнести проект возведения гидроэлектростанций. Вырабатываемая ими электроэнергия должна была обеспечивать промышленность Урала и, в случае реализации угольного проекта на севере области, шахты нового угольно-металлургического бассейна[563]. Территория области обладала значительными гидроресурсами рек Иртыш и Обь[564]. Во-вторых, им являлся проект развития газовых месторождений Берёзовского района.

---

[556] Бирюков В. П. Годы и люди земли тюменской. С. 188.

[557] Эрвье Ю. Г. Сибирские горизонты. Свердловск, 1968. С. 104.

[558] Эрвье Ю. Г. Сибирские горизонты. С. 104.

[559] Эрвье Ю. Г. Сибирские горизонты. С. 108.

[560] Проблема освоения Западно-Сибирской низменности // Коммунист. 1963. № 9. С. 124.

[561] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4493. Л. 39, 49–50.

[562] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 3497. Л. 11.

[563] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 3499. Л. 43.

[564] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4000. Л. 2.

В 1950-е гг. не было единой схемы энергоснабжения районов ХМНО. Это было связано с отсутствием утвержденных планов социально-экономического развития этой территории. Происходило медленное освоение ресурсной базы округа за счет традиционных отраслей: лесной, рыбной, сельскохозяйственной. Соответственно, в условиях традиционной социально-экономической парадигмы развития не требовались значительные электроэнергетические мощности. Окружная промышленность развивалась за счет местных нестационарных и децентрализованных электроэнергетических мощностей, которые были представлены мелкими дизельными электростанциями, энергопоездами и энергобаржами, работающими на нефти местных месторождений и дизельном топливе Омского нефтеперерабатывающего завода[565].

В 1959 г. в связи с формированием семилетнего плана народного хозяйства тюменские областные власти направили в центральные планирующие органы докладную записку «Об освоении естественных богатств и заселении малообжитых районов Тюменской области». В этом документе был выдвинут на первый план новый проект развития Севера Западной Сибири — нефтегазовый[566]. При этом областные власти не исключали и реализацию на Тюменском Севере гидроэнергетического проекта.

Исходя из варианта интенсификации социально-экономического развития округа за счет развития нефтегазодобывающей промышленности, принципиально должна была измениться схема электроснабжения промышленности и социально-бытовой инфраструктуры. Очевидным являлось то, что имевшиеся в округе электроэнергетические мощности не смогли бы обеспечить электроэнергией электроемкие предприятия нефтегазодобывающей промышленности. По расчетам специалистов, годовое потребление электроэнергии составило бы от 1,8 до 18 млрд кВт-ч, в зависимости от степени увеличения объёмов добычи нефти и газа[567]. Более интенсивное хозяйственное развитие ХМНО не могло быть обеспечено и за счет электроэнергетических мощностей юга Тюменской области. Область играла незначительную роль в энергобалансе страны. Даже позднее, в 1965 г. общее производство электроэнергии в области составляло 0,2% общесоюзного, на душу населения — менее 500 кВт-ч, в то время как по стране данный показатель составлял 2225 кВт-ч[568].

В рамках этого периода необходимо особо остановиться на проекте Нижне-Обской ГЭС, реализация которого планировалась на севере Тюменской области. Проект был предложен в начале 1950-х гг. институтом «Гидропроект» Министерства строительства электростанций СССР и активно стал лоббироваться во второй половине 1950-х гг. Она должна была стать одной из самых крупных гидроэлектростанций Сибири[569]. Ее возведение расширило бы энергетическую базу Урала и покрыло все возрастающие потребности в электроэнергии промышленности региона. В 1961 г. отдел размещения производительных сил и комплексного использования природных ресурсов Госэкономсовета СССР предлагал для покрытия дефицита энергоресурсов Урала форсировать проектирование и строительство

---

[565] Шелест Л. Н. Некоторые вопросы развития электроэнергетики в северных районах Тюменской области // Академия наук СССР. Госплан СССР. Проблемы Севера. Вопросы промышленного развития районов Севера. Вып. 12. М., 1967. С. 137, 138.

[566] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4000. Л. 4.

[567] Шелест Л. Н. Некоторые вопросы развития электроэнергетики в северных районах Тюменской области. С. 138.

[568] Шелест Л. Н. Некоторые вопросы развития электроэнергетики в северных районах Тюменской области. С. 137.

[569] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 399. Оп. 1. Д. 1015. Л. 153.

Нижне-Обской ГЭС. Расчеты показывали (см. табл. 2.21), что передача электроэнергии Нижне-Обской ГЭС на Урал являлась эффективной в сравнении с вариантами энергоснабжения от тепловых электростанций.

Таблица 2.21

Показатели эффективности передачи энергии Нижне-Обской ГЭС на Урал

Показатели	Единица измерения	Передача от Нижне-Обской ГЭС	*Варианты*			
			ГРЭС на Урале на бухарском газе	ГРЭС на Урале на кузнецком угле	ГРЭС на Урале на мазуте	ГРЭС в районах Бухары с передачей на Урал
Передаваемая от ГЭС мощность	тыс кВт	5790				
Заменяемая мощность ТЭС	тыс кВт		5960	6040	5950	6660
Передаваемая от ГЭС энергия	млн кВт-ч	30300				
Заменяемая энергия ТЭС	млн кВт-ч		29300	29485	29200	31400
Капиталовложения в электростанции	млн руб.	635	259	329,2	259	300
То же в линии электропередачи	млн руб.	141	—	—	—	275
То же в топливную базу и транспорт топлива	млн руб.	—	382,0	313,4	200	117
Всего капиталовложений	млн руб.	776	641	642,6	559	692
Ежегодные издержки по электростанции	млн руб.	10,7	68,2	82,4	60	43,4
То же с учетом линий электропередачи	тыс. кВт	17,5	68,2	82,4	60	67
Дополнительные по сравнению с вариантом тепловой электростанции капиталовложения по ГЭС	млн руб.		135	133,4	217	84
Экономия ежегодных издержек по варианту ГЭС	млн руб.		50,7	64,9	42,5	39,5
Срок окупаемости дополнительных капвложений ГЭС по сравнению с ТЭС	лет		2,9	2,1	5,1	2,1
Себестоимость энергии в энергосистеме	коп./кВт-ч	0,062	0,23	0,28	0,20	0,182

Источник: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 426. Л. 7, 8.

Данные таблицы 2.21 свидетельствуют, что проект возведения Нижне-Обской ГЭС являлся наиболее экономически обоснованным с точки зрения электроснабжения Урала в сравнении с другими вариантами тепловых электростанций на разных видах топлива.

Исходя из экспертного заключения Гидропроекта, при сооружении ГЭС возникло бы водохранилище площадью 113 тыс. км^2, объёмом 1600 м^3 [570]. Мощность электростанции равнялась 6000–7000 тыс. кВт. Схема расположения ГЭС подробно рассматривалась в двух вариантах: одноступенчататом — у Салехарда и двухступенчатом — с расположением ГЭС в Андринском и Салехардском створах. Основные показатели сравниваемых вариантов с принятыми в схеме отметками нормального подпорного горизонта представлены в таблице 2.22.

Таблица 2.22

Технико-экономические показатели вариантов возведения Нижне-Обской ГЭС

Показатели	Единица измерения	Двухступенчатый вариант		Всего	Одноступенчатый вариант
		Андринский створ НПГ 45 м	*Салехардский створ НПГ 15 м*		*Салехардский створ НПГ 42 м*
Установленная мощность	тыс. кВт	4900	1550	6450	7430
Среднемноголетняя выработка электроэнергии	млн кВт-ч	23200	10500	33700	35500
Сметная стоимость	млн руб.	933	485	1418	839
Удельные капиталовложения	руб./кВт	172	275	—	102,5
Себестоимость электроэнергии	коп./кВт-ч	0,055	0,068	—	0,035

Источник: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 426. Л. 54.

Данные таблицы 2.22 показывают, что ориентировочные технико-экономические показатели одноступенчатого варианта возведения Нижне-Обской ГЭС — у Салехарда были лучше двухступенчатого.

Исходя из представленных Гидропроектом технико-экономических показателей, наиболее обоснованным являлся одноступенчатый вариант строительства Нижне-Обской ГЭС южнее Салехарда.

При этом необходимо отметить, что хотя возведение ГЭС предполагалось у г. Салехарда Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской области, создаваемое для функционирования гидроэлектростанции водохранилище должно было привести к значительному

[570] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 423. Л. 56.

затоплению площадей севера Западной Сибири. Именно там располагались значительные лесные ресурсы, доказанные и потенциальные запасы нефти, газа и другие ресурсы. Таким образом, реализация этого проекта несла ряд угроз для создания в округе значительных мощностей электроэнергетической отрасли. Во-первых, возведение в соседнем национальном округе столь мощной ГЭС могло стать препятствием для более поздней реализации в Ханты-Мансийском национальном округе проектов по строительству ГРЭС. Ретроспективный сравнительный анализ показывает, что, к примеру, имеющиеся в начале 1990-х гг. электроэнергетические мощности Сургутских ГРЭС-1 и ГРЭС-2 по показателю «годовая выработка электроэнергии» в млн кВт-ч незначительно уступали аналогичному показателю планируемой Нижне-Обской ГЭС. Согласно данным института «Гидропроект», годовая выработка электроэнергии станции должна была составить 35500 млн кВт-ч. Соответственно, создаваемая позже в ХМНО промышленная база обеспечивалась бы электрической энергией Нижне-Обской ГЭС, расположенной в ЯНАО, Тюменской ТЭЦ, расположенной на юге Тюменской области и, возможно, Томской ГРЭС-2.

Во-вторых, затопление территорий севера Тюменской области при возведении ГЭС привело бы, как уже было отмечено, к затоплению значительных доказанных и потенциальных запасов нефти, газа, ликвидных запасов древесины. В перспективе ситуация могла только ухудшиться, так как проектировщики водохранилища ГЭС считали, что площадь затопления определена с возможной ошибкой до 25%, т. е. около 30 тыс. км[571]. В итоге, на данных территориях не сформировались бы многие крупные промышленные потребители электрической энергии и были бы ликвидированы имеющиеся потребители. В первую очередь должны были пострадать лесозаготовительные, деревообрабатывающие предприятия, предприятия нефтегазового комплекса. Происходило бы уменьшение потребителей электроэнергии и снижение планируемых объёмов ввода новых генерирующих мощностей в электроэнергетической отрасли ХМНО.

Можно сделать вывод, что инициатива тюменских партийных и хозяйственных властей по реализации руководством страны на территории севера Западной Сибири проекта Нижне-Обской ГЭС и нефтегазового проекта стала ключевым моментом в истории развития электроэнергетической отрасли в Югре. Реализация одного из указанных конкурирующих проектов приводила к принципиально разным вариантам развития электроэнергетики в округе.

Второй период формирования электроэнергетической отрасли в Ханты-Мансийском национальном округе стартует с начала 1960-х гг. и длится до первой половины 1970-х гг. В рамках этого периода тюменские власти окончательно останавливаются на нефтегазовом варианте развития Тюменского Севера как основном, что предопределило развитие электроэнергетической отрасли в округе на основе крупных ГРЭС. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, в период семилетнего плана развития народного хозяйства 1959–1964 гг. в стране недовыполнялся геологоразведочный план по приросту нефти и газа[572]. Отсутствие необходимых объёмов разведанных запасов углеводородов сдерживало поставленную руководством государства на центральном уровне задачу по ускоренному росту нефтяной и газовой промышленности. Старые нефтегазовые районы истощались[573]. На территории, подчинен-

[571] РГАЭ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 1086. Л. 30.

[572] РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 469. Л. 5.

[573] РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 469. Л. 11, 12.

ной Тюменскому территориальному геологическому управлению, плановые показатели по приросту запасов нефти и газа были перевыполнены[574]. Во-вторых, в результате ведомственной коалиционной борьбы на сторону противников строительства Нижне-Обской ГЭС перешло руководство Тюменской области[575]. В качестве основного варианта развития Тюменского Севера был выбран нефтегазовый[576]. При этом только к концу 1960-х гг. окончательно были сняты ограничения на промышленное освоение территорий ХМНО, связанные с возможным возведением ГЭС, после выработки нефтегазовых месторождений и лесосводки[577]. Таким образом, в рамках второго периода была снята потенциальная угроза формированию электроэнергетической отрасли в ХМНО со стороны Нижне-Обской ГЭС.

В виду отсутствия в округе в 1960-х гг. крупных электроэнергетических мощностей, промышленность, транспортная отрасль, коммунально-бытовое хозяйство территории испытывали постоянный дефицит электроэнергии и другие проблемы. В справке от 1960 г., посвященной недостаткам в использовании электрической энергии в округе, отмечалось, что в г. Ханты-Мансийске, рабочих посёлках Сургут, Берёзово, Октябрьское имелось большое количество ведомственных мелких электростанций, расход энергии которых производился нерационально[578]. В Ханты-Мансийске имелось две крупных электростанции (городская и рыбоконсервного комбината), которые по своей мощности не могли удовлетворить потребностей населения, культурно-бытовых учреждений, школ, предприятий. В результате было установлено еще 11 мелких электростанций, которые работали с неравномерной нагрузкой. На предприятиях и учреждениях, находившихся в населённых пунктах округа, зачастую отсутствовало специализированное электроэнергетическое оборудовании и приборы, позволяющие измерять объём потребляемой электроэнергии. Осветительная сеть часто была выполнена не из алюминиевого или медного провода, а из железного крупного сечения. Все это вело к нерациональному электропотреблению и частым авариям. Имевшиеся в населённых пунктах округа электростанции часто были в плохом техническом состоянии. Согласно докладной записке 1960 г. секретаря Сургутского районного комитета КПСС в областной комитет КПСС, электростанция п. Сургута имела силовые агрегаты: дизель В2–300–1 шт, дизель КДП-46–2 шт, дизель Д-54–1 шт. При этом дизель В2–300 в 1959 г. потерпел аварию и к дальнейшей работе был не пригоден, а дизели КДП-46, Д-54 имели общую мощность всего 210 л.с. и скомплектованы они были из выбракованных тракторных двигателей, имели низкое техническое состояние[579]. Сургутская электростанция работала с перебоями, потребности населения и местной промышленности не удовлетворяла. Как следствие — неэффективная работа предприятий. Ситуация не изменилась и к середине 1960-х гг. В 1964 г. секретарь Сургутского райкома КПСС В. В. Бахилов на совещании в области отмечал, что в «Сургуте и Нефтеюганске нет нормального электроосвещения. У нас электросвета постоянного нет, люди часто сидят при керосиновых лампах»[580]. Он призвал областные власти обязать руководителей нефтяников, строителей, геологов, рыбаков, лесников решить вопросы элек-

---

574 РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 469. Л. 5.

575 Хромов Е. А. Экономический аспект гидроэнергетического варианта хозяйственного освоения севера Западной Сибири в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6(57). С. 174–175.

576 ГАСПИТО. Ф. П-2010. Оп. 1. Д. 117. Л. 54.

577 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 423. Л. 262.

578 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2006. Л. 1–2.

579 ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 12. Д. 9. Л. 17.

580 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4486. Л. 84.

троосвещения в подведомственных им предприятиях, обеспечить их электропроводкой, трансформаторами, электрооборудованием. По воспоминаниям председателя горисполкома П. А. Мунарева, после того как зимой 1964 г. сгорела дизельная электростанция в Сургуте было принято решение использовать маломощную электростанцию рыбокомбината[581]. В короткие сроки от станции до потребителей электроэнергии построили соединительную линию, наладили электроснабжение, но предприятиям все равно приходилось значительно ограничивать потребление электроэнергии. Показательно, что выход из этой ситуации руководители промышленных производств видели в выделении и доставке в посёлок энергопоезда, а как временное решение — приобретение дизельных электростанций. На совещании 1965 г. в Сургутском райкоме КПСС было высказано мнение, что не следует распылять государственные деньги на строительство мелких энергобаз, в частности на строительство дизельэлектростанций[582]. Такими способами решали нехватку электроэнергии в большинстве поселений и в районах добычи нефти Ханты-Мансийского округа.

Нефтяники использовали в качестве источников электроэнергии дизельные электростанции мощностью 50–200 и 630 кВт-ч, паротурбинные энергопоезда мощностью до 4000 кВт, передвижные газотурбинные электростанции[583]. Выдвигались и инновационные варианты преодоления электродефицита. В 1969 г. на конференции по проблемам развития и размещения производительных сил в г. Тюмени первым секретарем Б. Е. Щербиной был озвучен вариант электрификации разведочного и эксплуатационного бурения за счет станций «Северное сияние» на газовом и атомном топливе[584]. Станции подобного типа так и не были изготовлены.

Для устранения имеющегося дефицита электроэнергии имелся вариант подключения округа к государственной энергосистеме. Но, необходимо отметить, что имеющиеся мощности электростанций, расположенных на юге Тюменской области и на Урале, не могли в полной мере удовлетворить интенсивно возрастающие потребности округа в электроэнергии. На указанных территориях имелся собственный нарастающий объём промышленного производства, растущее коммунально-бытовое хозяйство. По воспоминаниям первого заместителя министра строительства электростанций СССР П. С. Непорожнего, еще в 1959 г. партийные и советские власти Тюменской области осознавали проблему нехватки электроэнергии в условиях нарастания геологоразведочных работ на территории ХМНО. Тюменские власти стремились расширить мощности Тюменской ТЭЦ еще на 200 тыс. кВт к третьему кварталу 1960 г., но тогда «еще не все соответствующие органы в Москве разделяли мнение местных партийных органов»[585], что препятствовало реализации плана по перспективному освоению нефтегазовых месторождений. Схема электроснабжения энергопотребителей ХМНО за счет подключения к единой энергосистеме области, по которой электроэнергия с Тюменской ТЭЦ поставлялась в округ, стала активно развиваться с конца 1960-х гг. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. потребители округа начали получать электроэнергию по межрегиональным линиям электропередач (ЛЭП): линия 500 кВ Тюмень — Сургут; линия 500 кВ

---

581 Мунарев П. А. Так было, так начиналось (записки председателя). Воспоминания о становлении Сургута в 60–70-х годах / сост. В. В. Киселев, Г. В. Кондрякова; ред. Г. В. Кондрякова. Сургут, 2008. С. 77.

582 ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 16. Д. 58. Л. 35.

583 В. П. Карпов, Г. Ю. Колева, Н. Ю. Гаврилова, М. В. Комгорт, А. И. Тимошенко. Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта. Тюмень, 2011. С. 144–145.

584 Материалы конференции по проблемам развития и размещения производительных сил Тюменской области. В 2-х т. Т. 1. Тюмень, 1970. С. 28.

585 Непорожний П. С. Энергетика страны глазами министра. Дневники 1935–1985 гг. М., 2000. С. 52.

Рис. 2.91. Строительство ЛЭП. Сборка первой опоры. Монтажники МУ-6. 1970-е гг. Сургутский краеведческий музей

Рис. 2.92. Прокладка линии электропередач на Западно-Сургутском месторождении. 1966–1967 гг. Сургутский краеведческий музей

Тюмень — Усть-Балык; линия 220 кВ Тюмень — Тавда и 110 кВ Тавда — Урай; линия 220 кВ Сургут — Мегион и др[586]. Надо отметить, что ЛЭП 500 тыс. вольт являлись в тот период наиболее эффективными линиями электропередачи. До 1960-х гг. в области преобладали ЛЭП 220, 110, 35 и 11 кВт. ЛЭП разного напряжения позволяли сократить перевозки топлива на разных видах транспорта, укрупнить мощности электростанций и повысить общую эффективность электроэнергетического хозяйства[587].

Строительство новых линий электропередач и поставка по ним электроэнергии из близлежащих регионов было лишь одним из способов снизить остроту нехватки электроэнергии в округе. При этом в начале 1960-х гг. в стране проявился дефицит электроэнергии[588], что снижало возможности близлежащих к округу территорий компенсировать имеющийся недостаток электроэнергии сверхплановыми мощностями. Например объёмы вырабатываемой электроэнергии в рамках Уральской энергосистемы падали, образовывался дефицит электроэнергии[589], выпадающие объёмы необходимо было компенсировать за счет других регионов. В целом по регионам страны не наблюдался переизбыток электроэнергетических мощностей. Намеченные плановые показатели производства электроэнергии в стране выполнялись в рамках установленных. Так, в 1959 г. был установлен показатель выработки электроэнергии в 500–520 млрд кВт-ч, а произведено было электроэнергии в объёме 506,7 млрд кВт-ч[590].

---

[586] Тюменская энергосистема. Героические будни созидания: сбор. ст. / сост. И. Каштанов. М., 1998. С. 28, 73, 79.

[587] Морозова Т. Г. Экономическая география Сибири : учеб. пособие. М., 1975. С. 82.

[588] РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 7. Д. 467. Л. 15.

[589] РГАЭ. Ф. 355. Оп. 1. Д. 381. Л. 13.

[590] Народное хозяйство в СССР в 1959 г. М., 1960. С. 176–193; Народное хозяйство в СССР в 1965 г. М., 1966. С. 169–181.

Следовательно, план развития электроэнергетической отрасли в ХМНО ориентировался на потребности формирующегося ЗСНГК, промышленности Урала, растущей социальной инфраструктуры и коммунально-бытового хозяйства. Интенсивное развитие в 1960-е гг. нефтедобычи и развитие сопутствующих отраслей потребовали иной схемы электроснабжения округа. Обеспечение электроэнергией за счет временных источников и электромощностей соседних территорий уже не могло в полной степени удовлетворять имеющиеся потребности. Тюменское руководство обращалось в Госплан СССР с целью планирования новых электрогенерирующих мощностей в области. В Госплане СССР предполагали, что для обеспечения предприятий нефтегазодобывающей промышленности на 1964–1970 гг. достаточно будет построить ТЭЦ мощностью 150 тыс. кВт в районе Сургута и соответствующих понизительных установок и линий электропередач[591]. Но при составлении схемы электрификации Тюменской области Министерство энергетики и электрификации не могло длительное время получить от Госплана СССР исходных данных, где и в каком количестве строить в области генерирующие энергообъекты с учетом развития нефти и газа[592]. Подобные ситуации сдерживали развитие электроэнергетики. В начале 1964 г. проектной организацией Уралэлектросетьпроект была разработана схема энергоснабжения Сургутского нефтяного района[593]. Схема предусматривала строительство крупной тепловой электростанции в среднем течении р. Обь или в низовьях р. Иртыш. Летом 1964 г. Государственная комиссия под руководством академика М. А. Лаврентьева прибыла в Тюмень с целью определения наиболее подходящей локации для строительства ГРЭС[594]. В выводе комиссии наиболее обоснованным с точки зрения технико-экономических показателей был назван вариант возведения ГРЭС вблизи Сургута, хотя имелись и другие варианты. Осенью того же года Уральскому отделению института «Теплоэнергопроект» было поручено определить площадку для возведения новой ГРЭС. Мощность станции должна была составить 1,2–2,4 млн кВт. В результате долгих изысканий, в 1966 г. местом для строительства электростанции была определена территория в пяти километрах от г. Сургута. Планируемая электростанция своей топливной базой значительно отличалась от станций области. Если Тюменская ТЭЦ функционировала за счет использования торфа[595], то на ГРЭС, расположенной в ХМНО, в качестве основного вида топлива планировалось использовать попутный нефтяной газ приобских месторождений. Это было закономерное решение, так как на Тюменском Севере создавалась самая мощная нефтегазодобывающая промышленность. Новая ГРЭС должна была устранить имеющийся дефицит электроэнергии, обеспечить ею плановые потребности развития ЗСНГК на долгосрочную перспективу. Процесс проектирования станции, по мнению тюменских властей, затягивался. Первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина в своем докладе на XII областной партийной конференции в 1966 г. обратил внимание на тот факт, что темпы строительства новых электрических линий и энергомощностей в области отстают от потребностей народного хозяйства, особенно в нефтедобывающих районах[596]. В этой связи нефтяники были вынуждены завозить на Тюменский Север большое количество

---

[591] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 65. Д. 423. Л. 61.

[592] Непорожний П. С. Энергетика страны глазами министра. С. 52.

[593] Подвиг на речке Черной // К победе коммунизма. 1972. 6 января. С. 3.

[594] Нечушкин А. Ф. История создания Сургутских ГРЭС // Тюменская энергосистема. Героические будни созидания: сборник статей / сост. И. Каштанов. М., 1998. С. 142.

[595] Ильичев А. И., Бурындин Р. М. Западная Сибирь. Ресурсы. Проблемы. Перспективы. Новосибирск, 1971. С. 49.

[596] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4626. Л. 54.

Рис. 2.93. Начало строительства Сургутской ГРЭС. Геодезист с теодолитом. 1968 г. Сургутский краеведческий музей

Рис. 2.94. Во время съёмки грунта с Марийной горы. Общий вид. Фото: А. Ф. Мясников. 1967 г. Муниципальный архив города Сургута. Фотофонд. Оп. 2. Д. 83

Рис. 2.95. Момент выемки грунта под строительство платины ГРЭС. Фото: А. Ф. Мясников. 1965 г. Муниципальный архив города Сургута. Фотофонд. Оп. 2. Д. 311

неэкономичных энергопоездов. В этой связи он предложил ускорить проектирование и строительство Сургутской ГРЭС. В 1968 г. на XIII областной партийной конференции первый секретарь предложил ускорить проектно-строительные работы и ввести в действие первый энергоблок уже в 1971 г.[597] Затягивание проекта могло привести к проблемам снабжения электроэнергией инфраструктуры формирующегося ЗСНГК и срыву поставленных в конце 1960-х гг. на центральном уровне плановых показателей по разведке, добыче нефти и газа в области[598].

Строительство новой ГРЭС в ХМНО стало основным вариантом, способным обеспечить электроэнергией бесперебойное снабжение окружных потребителей. Строительство Сургутской ГРЭС началось в 1967 г. силами Управления строительства Сургутской ГРЭС в составе строительно-монтажного треста «Уралэнергострой». Главным инженером проекта ГРЭС-1 в 1964 г. стал А. Ф. Нечушкин, в 1971 г. он был назначен заместителем директора станции по капитальному строительству. Коллеги вспоминали Анатолия Федоровича как бескомпромиссного в своей работе человека, с непререкаемым авторитетом и большим инженерным даром[599].

Должность начальника управления строительства Сургутской ГРЭС занял И. Н. Каролинский. До этого назначения он являлся главным инженером стройки на Джамбульской ГРЭС. Коллегам он запомнился хорошим организатором, талантливым инженером, принципиальным человеком, который заботился о своем коллективе[600].

---

[597] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4896. Л. 53.

[598] РГАЭ. Ф. 9571. Оп. 8. Д. 1518. Л. 4.

[599] Губачев В. Г. 25 лет Сургутской ГРЭС-1 // Тюменская энергосистема. Героические будни созидания: сборник статей / сост. И. Каштанов. М., 1998. С. 155.

[600] Нечушкин А. Ф. Комментарии и воспоминания // Годы и люди Сургутской ГРЭС-1. М., 1997. С. 26, 27; Губачев В. Г. 25 лет Сургутской ГРЭС-1. С. 157.

К 1971 г. сформировался рабочий коллектив Управления, который насчитывал около 1365 человек[601]. Была создана необходимая материально-техническая база, транспортная инфраструктура, возведены первые дома для создания нормальных жилищных условий рабочих. Возведение ГРЭС сопровождалось рядом проблем, в частности нарушался график строительства. В виду отсутствия транспортной инфраструктуры (грузы доставлялись только в период навигации) в округе не соблюдались сроки доставки строительных материалов, машин, оборудования. Начальник Главного управления энергосистем Урала Минэнерго СССР В. А. Лукин вспоминал, что учитывая отдаленность электростанции от центра, серьёзные проблемы были с набором квалифицированного эксплуатационного персонала[602]. Только благодаря содействию руководства Свердловэнерго на Сургутскую ГРЭС стал активно прибывать квалифицированный персонал. В 1968 г. на должность директора был назначен Л. Т. Наумов. В 1971 г. эту должность занял опытный и высококвалифицированный специалист В. Г. Голиков.

Рис. 2.96. Анатолий Федорович Нечушкин — главный инженер, заместитель директора по капитальному строительству Сургутской ГРЭС-1 (1971–2001). Сургутский краеведческий музей

Должность главного инженера занял Г. А. Давидовский, который позднее стал главным инженером Тюменской энергосистемы.

В 1981 г. станцию возглавил В. Г. Губачев, который в 1984 г. стал директором Объединенной Сургутской ГРЭС[603]. Главным инженером станции был назначен С. И. Третьяков, позже ставший директором ГРЭС-2.

Рис. 2.97. Иосиф Наумович Каролинский — начальник управления строительства Сургутской ГРЭС-1 (1968–1976). Сургутский краеведческий музей

В 1972–1974 гг. были введены в эксплуатацию первые энергоблоки Сургутской ГРЭС.

Мощность каждого из трех блоков составляла 200 тыс. кВт[604]. Всего станция должна была состоять из шестнадцати энергоблоков, которые вводись в строй поэтапно. Постепенное налаживание производственных процессов, укрепление трудового коллектива, отладка логистики доставки необходимого оборудования дали возможность ускорить плановый ввод в действие следующих энергоблоков станции.

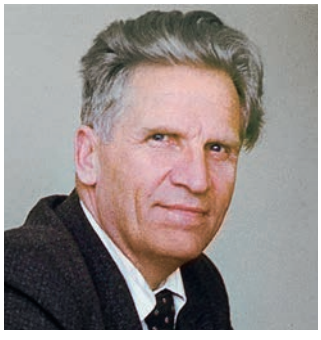


Рис. 2.98. Василий Григорьевич Голиков — директор Сургутской ГРЭС-1 (1971–1981). Сургутский краеведческий музей

---

601 ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 23. Д. 8. Л. 2.

602 Лукин В. А. Большая энергетика Западной Сибири // Тюменская энергосистема. Героические будни созидания: сборник статей / сост. И. Каштанов. М., 1998. С. 29.

603 Каштанов И. Г. П. С. Непорожний и его время // Тюменская энергосистема. Героические будни созидания: сб. ст. / сост. И. Каштанов. М., 1998. С. 65.

604 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5822. Л. 185.

Рис. 2.99. Гарольд Александрович Давидовский — главный инженер Сургутской ГРЭС-1 (1972–1979), главный инженер «Тюменьэнерго» (1979–1988). Сургутский краеведческий музей

Рис. 2.100. Владимир Георгиевич Губачёв — директор Сургутской ГРЭС-1 (1981–2001). Сургутский краеведческий музей

Рис. 2.101. Станислав Иванович Третьяков — главный инженер Сургутской ГРЭС-1 (1981–1987), директор Сургутской ГРЭС-2 (1987–1988 гг.). Фото из кн.: Бокова Л. В., Подкорытов А. А. Годы и люди Сургутской ГРЭС-1. М., 1997. С. 101

К концу первой половины 1970-х гг. ситуация с электрообеспечением в Тюменской области в целом улучшилась. На XV областной партийной конференции первый секретарь Тюменского обкома КПСС Г. П. Богомяков заметил, что производство электроэнергии увеличилось в 2,3 раза, протяженность линий электропередачи — на 4 тыс. км[605]. В связи с тем, что досрочно были введены мощности Сургутской ГРЭС, область не только стала удовлетворять свои потребности в электроэнергии, но и имела возможность во все возрастающем количестве передавать ее в другие регионы. Положение с профицитом электроэнергии в области продлилось недолго, так как интенсивный рост объёмов добычи нефти, промышленной и городской инфраструктуры в Ханты-Мансийском округе требовал все возрастающего объёма дополнительной электроэнергии.

Таким образом, в рамках второго периода были заложены основы Средне-Обского территориально-промышленного комплекса (ТПК). Основной отраслью его специализации стала нефтегазодобывающая промышленность. Структура Средне-Обского ТПК состояла из трех промышленных узлов: Сургутского, Нефтеюганского, Нижневартовского. Сургутский промышленный узел стал играть роль центра районной электроэнергетики[606]. Электроэнергетика в округе приобрела качество обслуживающей отрасли. Ее основной задачей было создание и поддержание в рабочем состоянии электроэнергетических мощностей, линий электропередачи для бесперебойного функционирования производственных процессов в нефтегазодобывающей промышленности Средне-Обского ТПК. Выделились основные районы энергопотребления: Сургутский, Шаимский, Берёзовский, район, примыкающий к железной дороге Ивдель-Обь. Следовательно, формирование электроэнергетической отрасли в ХМНО проходило с учетом хозяйственных нужд интенсивно формирующегося ЗСНГК, лесозаготовительной и лесоперерабатывающей, транспортной отраслей и сопутствующей социальной, бытовой инфраструктуры.

Ввод в начале — середине 1970-х годов первых энергоблоков Сургутской ГРЭС частично решил проблему дефицита электроэнергии в округе, но не полностью. Проблема заключалась в том, что темпы создания предприятий формирующих ЗСНГК были выше темпов ввода в эксплуатацию электромощностей. В это время электроэнергетическая отрасль в округе окончательно встала на траекторию развития за счет государственных районных электростанций, работающих за счет попутного природного газа.

---

[605] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5822. Л. 16.

[606] Тенденции экономического развития Сибири (1961–1975 гг.). Новосибирск, 1980. С. 207.

Изменяется схема снабжения потребителей, среди которых основными были предприятия ЗСНГК. Происходит переход снабжения электроэнергией за счет временных источников электроэнергии к снабжению за счет электроэнергии, поставляемой по линиям передач высокого напряжения с юга Тюменской области. Постепенно формируется окружная сеть линий электропередач, по которым электроэнергия поставляется от Сургутской ГРЭС к основным потребителям.

Рис. 2.102. Строительство водохранилища Сургутской ГРЭС-1. Сургутский краеведческий музей

Третий период формирования электроэнергетической отрасли в Югре начинается со второй половины 1970-х гг. и завершается в начале 1990-х гг. В этом периоде электроэнергетическая отрасль продолжает укрепляться за счет ввода все новых мощностей Сургутских ГРЭС, строительства новых ГРЭС и большого числа линий электропередачи в районах округа. С 1975 по 1980 гг. электропотребление по Тюменской области увеличилось более чем в два с половиной раза и достигло 21 млрд кВт часов. Минэнерго СССР в 1976–1980 гг. наметило ввести в эксплуатацию вторую очередь Сургутской ГРЭС-1 мощностью 1260 МВт, а также приступить к строительству Сургутской ГРЭС-2 проектной мощностью 2400 МВт. В 1981–1985 гг. планировалось ввести на Сургутской ГРЭС-2 мощности в размере 1800 МВт[607]. Новые электроэнергетические мощности должны были удовлетворить все возрастающие потребности не только местных потребителей — предприятий ЗСНГК, но и соседних регионов, в частности Урала. В докладе Минэнерго отмечалось, что «основным источником электрической энергии для Тюменской области на уровень 1980–1985 гг. является район Сургута»[608]. Это требовало интенсивного строительства линий электропередач для снабжения периферийных северных нефтегазодобывающих районов и южных районов области. Планировалось, что в 1985 г. из района Сургута в Уренгой должно было передаваться 550 МВт и в район Тюмени — около 1500 МВт электрической мощности. Были созданы профессиональные коллективы, получившие значительный опыт в электроэнергетическом строительстве. На возведенных электроэнергетических объектах устанавливалось современное электротехническое оборудование. Почти на всех электростанциях применялись новые в отрасли энергоблоки: 800,

Рис. 2.103. Планы по вводу энергоблоков Сургутской ГРЭС-1. Сургутский краеведческий музей

[607] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 712. Л. 67.

[608] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 712. Л. 68.

1200 мегаватт, ПГУ-225 и другие. К началу 1980-х гг. на территории Ханты-Мансийского автономного округа сформировались большие мощности электроэнергетики. Были отлажены связи с поставщиками, проектировщиками в сфере электроэнергетического строительства, что существенно снижало временные издержки возведения объектов и способствовало перевыполнению планов электроэнергетического строительства в округе. Основным потребителем вырабатываемой электроэнергии становится ЗСНГК. В эксплуатацию вводятся десятки менее продуктивных месторождений нефти. При этом плановые цифры добычи нефти и газового конденсата с фактических 595,1 млн т в 1985 г. должны были возрасти до 635 млн т в 1990 г.[609] В этих условиях нефтяники пытаются отказаться от использования временных схем электроснабжения ввиду невозможности их использования в условиях множественности и значительной удаленности месторождений нефти от базовых городов. Представители нефтяной отрасли поддерживают проекты новых крупных ГРЭС на территории Ханты-Мансийского автономного округа, а также выступают за интенсификацию строительства линий электропередач и подстанций. В итоге к концу периода объёмы выработки электроэнергии ГРЭС округа дали возможность тюменским властям планировать снабжение электроэнергией потребителей не только собственной территории, но и соседних регионов. Появляются планы энергоснабжения потребителей соседнего Ямало-Ненецкого автономного окурга — нового центра газодобычи в стране, за счет электроэнергии вырабатываемой на энергетических объектах Ханты-Мансийского автономного округа[610]. Они включали в себя Сургутскую ГРЭС-1 и Сургутскую ГРЭС-2.

Программным документом, определившим развитие электроэнергетики в регионе в 1980-е гг. стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 337 от 24 апреля 1980 г. «О развитии в Тюменской области электроэнергетики на базе местного природного газа и попутного нефтяного газа в 1981–1990 годах»[611]. Для уточнения задач развития электроэнергетики в Тюменской области в свете этого постановления 5 августа 1980 г. в Тюменском обкоме КПСС было проведено совещание работников партийных, советских органов, предприятий энергетики, строительных и проектных организаций по вопросу «О мерах по выполнению решений XXV съезда партии, указаний Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева о развитии электроэнергетики и улучшении топливно-энергетического баланса»[612]. На нем были подведены итоги и обозначены проблемы, намечены пути их решения и очерчены планы развития электроэнергетики в Тюменской области на долгосрочную перспективу. В них ставились задачи расширить Сургутскую ГРЭС-1, построить Сургутскую ГРЭС-2 мощностью 3,2 млн кВт, ввести энергообъекты Нижневартовской ТЭЦ, начать строительство Сургутской ГРЭС-3, с планируемой мощностью 7,2 млн кВт, соорудить линии электропередач и электроподстанции, ремонтно-производственные и комплектовочно-накопительные базы в городах Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск[613].

---

[609] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 8649. Л. 13.

[610] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 222. Д. 83. Л. 48.

[611] Постановление Центрального комитета КПСС и Совета Министров СССР № 337 от 24 апреля 1980 г. «О развитии в Тюменской области электроэнергетики на базе местного природного газа и попутного нефтяного газа в 1981–1990 годах» / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/765708058 (дата обращения: 26.08.2022).

[612] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 1–48.

[613] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 5.

В соответствии с решениями этого совещания к 1985 г. электропотребление должно было возрасти до 37 млрд кВт часов, а к 1990 г. до 59 млрд кВт часов[614]. Резко возрастающее электропотребление предполагалось обеспечить за счет ввода новых энергетических мощностей. В период 1981–1985 гг. электроэнергетической отрасли Тюменской области планировалось выделить 2,6 млрд рублей, т. е. в четыре раза больше достигнутого уровня десятой пятилетки. Значительная часть этих средств должна была пойти на реализацию электроэнергетических проектов в Ханты-Мансийском автономном округе. Предусматривалось увеличить объёмы строительно-монтажных работ по строительству электростанций, жилья и стройиндустрии с 27 млн руб. в 1980 г. до 330 млн руб. в 1985 г., в том числе по г. Сургуту с 18 млн руб. до 200 млн руб[615].

Большое внимание уделялось улучшению жилищных условий работников электроэнергетической отрасли. В частности, в одиннадцатой пятилетке планировалось ввести 556 тыс. кв. метров жилья[616], что было гораздо больше, чем в предыдущие годы, когда было введено всего 262 тыс. кв. м жилья. Следует при этом отметить, что до конца 1970-х гг. обеспеченность жильем работающих в электроэнергетической отрасли была одна из самых низких в округе. Планы по строительству жилых домов из года в год не выполнялись. Программа по жилищному строительству по Сургутской ГРЭС-1 за десятую пятилетку была выполнена всего на 60%. Для того чтобы хоть как-то обеспечить жильем рабочих, строилось временное жилье из вагончиков и балков. Этот жилой фонд планировалось быстро заместить на капитальное жилье, но ситуация только усугублялась. К примеру, жилищный фонд временного жилья из вагончиков и балков в Сургуте, созданный еще в 1968 г., не уменьшился к 1980 г., а продолжал увеличиваться. Жилищный вопрос был довольно острым. В 1980 г. на совещании в Тюменском обкоме КПСС, посвященном проблемам развития электроэнергетики в области, по поводу сложившейся ситуации со строительством жилья выступил В. П. Соколов — управляющий Тюменским районным энергетическим управлением «Тюменьэнерго». Он попросил Министерство энергетики и электрификации оказать Тюменьэнерго экстренную помощь в строительстве жилья: направить в Сургут домостроительные подразделения министерства из других областей страны, которые из собственных конструкций домостроения, своим персоналом, техникой и материалами быстро построили бы необходимые 20–30 тыс. кв. м жилья[617].

Не лучше обстояло дело с объектами социального, культурного и бытового назначения для работников электроэнергетической отрасли в округе. В десятой пятилетке (1976–1980 гг.), например, работники Сургутской ГРЭС-1, которая уже строилась более десяти лет, не имели предусмотренных планом социального развития на пятилетку профилактория, Дворца культуры, стадиона, музыкальной школы, бани. Медленно велись работы по тепличному хозяйству для выращивания свежих овощей. Не обеспечены были местами в дошкольных учреждениях 250 детей энергетиков.

Имелись и другие существенные проблемы социально-бытового обеспечения энергетиков, из которых наиболее острой являлось снабжение рабочих спецодеждой в зимнее время. Об этом с горечью говорил бригадир электролинейщиков мехколонны № 111 треста «Запсибэлектросетьстрой» Б. В. Цяпкало в своем докладе на совещании в Тюменском обкоме КПСС,

---

[614] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 16, 37.

[615] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 19.

[616] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 6.

[617] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 16.

посвященному проблемам развития электроэнергетики в области: «вместо ватных курток нам привозят армейские подшинельники, валенки все маломерки, одного размера и причем, очень низкого качества. А говорить о полушубках даже смешно, их настолько не хватает, что руководители их распределяют и выдают как бы в порядке поощрения»[618].

Тем не менее, медленно, но последовательно социальное положение работников ГРЭС улучшалось. К 1980 г. была построена больница на 200 коек, поликлиника на 500 посещений, аптека, два магазина на 10 рабочих мест, комбинат бытового обслуживания на 35 рабочих мест, два дошкольных воспитательных учреждения на 560 мест[619].

Однако введенные объекты соцкультбыта не могли удовлетворить весь объём социальных, культурных и бытовых потребностей людей. Из-за социально-бытовой неустроенности на электроэнергетических предприятиях округа имела место большая текучесть рабочих кадров. В Сургутских и Нижневартовских электрических сетях не было и половины плановой численности[620]. В 1971 г. на Сургутской ГРЭС-1 было принято 1297 человека, а выбыло 643 человека[621].

Таблица 2.23

Причины текучести кадров по Управлению строительством Сургутской ГРЭС на 1971 г.

Причины	Количество человек
По собственному желанию	128
По семейным обстоятельствам	69
Призвано в армию	12
Ушло на пенсию	14
На учебу	2
Из-за отсутствия детских учреждений	94
Из-за отсутствия жилья	190
По состоянию здоровья	21
За прогулы и другие нарушения	16
Самовольно оставившие производство	8
Переведены на другие предприятия	81

Источник: ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 23. Д. 8. Л. 4, 5.

Данные таблицы 2.23 показывают преобладание социально-бытовых причин текучести кадров по Управлению строительством Сургутской ГРЭС на 1971 г.

---

618 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 36.
619 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 24.
620 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 8, 40.
621 ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 23. Д. 8. Л. 4.

Среди мотивов увольнения рабочих кадров можно отметить такие: поступление на работу главным образом на летний период, отсутствие согласия членов семей на выезд в Сургут из других районов страны, отсутствие возможности в короткие сроки получить благоустроенное жилье. Недокомплект персонала станции в 1980 г. составлял 300 человек, из которых 250 чел. непосредственно были связаны с ремонтом[622].

Персонала не только не хватало, но он был и низкой квалификации[623]. Это приводило к неудовлетворительной комплектации оборудованием электрических подстанций. Частыми были случаи нарушения трудовой дисциплины. За 1971 г. прогулы допустили 466 человек, в медвытрезвитель попали 88 человек[624]. Ситуация мало изменилась в последующие годы.

Руководители округа осознавали эти проблемы и в одиннадцатой пятилетке (1981–1985 гг.) планировали построить в г. Сургуте детские дошкольные учреждения на 3640 мест, торговый центр, Дворец культуры и спортивный комплекс[625].

Администрация строительства и эксплуатации электроэнергетических объектов большое внимание уделяла совершенствованию системы подготовки и повышения квалификации рабочих кадров и инженерно-технических работников. В этих предприятиях создавались центры, где осуществлялось не только повышение квалификации, но и изучение их передового опыта.

При управлении Сургутской ГРЭС-1 был создан университет технического прогресса. В 1971 г. в нем было подготовлено рабочих с новыми профессиями — 147 человек, ИТР — 43[626]. Всего повысили квалификацию и получили новые профессии около 500 человек. Реализация программ повышения профессионально-технического уровня работников строительства Сургутской ГРЭС-1 положительно сказалась на формировании его кадрового потенциала. Кроме этого, Сургутская ГРЭС-1 стала базовой организацией комплектования кадров ГРЭС-2 и планируемой ГРЭС-3. Ее администрация систематически занималась работой по подготовке резервов на выдвижение. О хорошем кадровом потенциале управленцев Сургутской ГРЭС-1 свидетельствовал тот факт, что при создании районного энергетического управления «Тюменьэнерго» в 1979 г. основой его кадрового комплектования стали ведущие специалисты станции[627].

Рост технической квалификации работников способствовал повышению производственной активности и инициативы трудовых коллективов электроэнергетической отрасли округа. На территории Ханты-Мансийского автономного округа энергостроители применяли технические новшества, увеличивающие пропускную способность линий электропередач и ускоряющие их строительство. Ими были разработаны и активно внедрялись методы монтажа опор, раскатки проводов и тросов с применением вертолетов. Новый поточный метод строительства линий электропередач был разработан в тресте «Запсибэлектросетьстрой», который увеличивал производительность бригад по установке опор в 2–3 раза, значительно сокращая сроки возведения объектов. Впервые в практике энергостроительства на Сургутской

---

622 ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 23. Д. 8. Л. 4.

623 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 28.

624 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 25.

625 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 6.

626 ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 23. Д. 17. Л. 130.

627 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 23.

Рис. 2.104. Установление ЛЭП-500 вертолетом МИ-10. 1970–1980-е гг. Сургутский краеведческий музей

Рис. 2.105. Первый блочный щит и вид на Сургутскую ГРЭС-2. 1980-е гг. Сургутский краеведческий музей

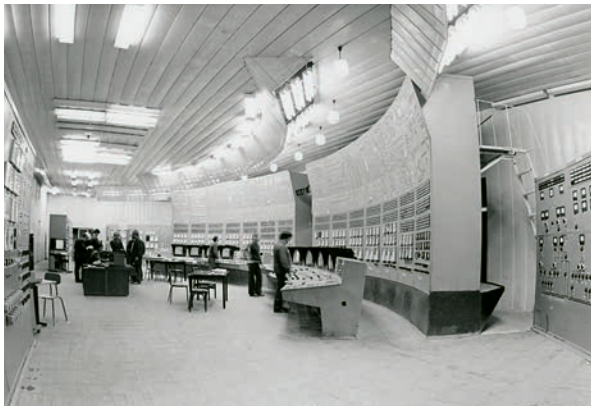


Рис. 2.106. Блочный щит управления блока № 1 Сургутской ГРЭС-2. 1987 г. Сургутский краеведческий музей

ГРЭС-1 трестом «Электроуралмонтаж» были внедрены блочные электротехнические устройства с полностью смонтированным и налаженным оборудованием. Такое решение было разработано в связи с удаленностью от транспортных путей мест строительства новых энергетических объектов, невозможностью доставки тяжелых грузов. Применение подобных блочных устройств снизило трудозатраты на 25–30%, уменьшило вес строительных конструкций зданий и сооружений в семь раз, в целом на подстанцию сократило продолжительность строительства в 2,2 раза[628]. По воспоминаниям главного инженера проекта ГРЭС-1 А. Ф. Нечушкина, при проектировании электростанции «заранее ставилась задача воплотить в ней максимум новинок отечественного и зарубежного энергостроения»[629]. На сооружении электростанции было применено более тридцати технических новинок и передовых методов труда[630]. Например, надежность работы оборудования обеспечивалась внедрением автоматической системы аварийной разгрузки блоков. Она обеспечивала разгрузку блоков без гашения факела котла, что повышало маневренность блоков и сокращало время на ликвидацию последствий аварий на энергоблоке. При строительстве использовались высокопрочные легированные стали, выдерживавшие самые низкие температуры. Специально для Сургутской ГРЭС Таганрогский завод впервые изготовил котлоагрегаты барабанного типа. Из-за тяжелых климатических условий проект электростанции предусматривал уникальное решение строительства пускорезервной ТЭЦ — ПРТЭЦ с двумя турбинами по 12 МВт, что обеспечивало пуск электростанции при потере связи с энергосистемой[631].

---

[628] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 26.

[629] Степанов Ю. Поэма о ГРЭС // Тюменский самородок. М., 1974. С. 303.

[630] Губачев В. Г. 25 лет Сургутской ГРЭС-1. С. 164, 165.

[631] Лукин В. А. Большая энергетика Западной Сибири // Тюменская энергосистема. С. 29.

Основную нагрузку по строительству электрических сетей и подстанций в округе взяла на себя механизированная колонна по электросетевому строительству в Сургуте, преобразованная позже в трест «Запсибэлектросетьстрой». Первым руководителем данной организации стал И. А. Киртбая, а главным инженером А. Н. Щепеткин. По воспоминаниям современников, И. А. Киртбая был очень энергичным, самостоятельным и инициативным инженером, талантливым организатором энергетического строительства[632].

Рис. 2.107. Игорь Алексеевич Киртбая — главный инженер (1968–1971), начальник мехколонны № 14 треста «Уралэлектросетьстрой» (1971–1974), руководитель треста «Запсибэлектросетьстрой» (1974–1979.). 1970-е гг. Сургутский краеведческий музей

К началу 1980-х гг. основные объёмы электросетевого строительства на территории Ханты-Мансийского автономного округа выполняли тресты «Запсибэлектросетьстрой», «Мегионэлектросетьстрой». Значительный вклад в организацию электросетевого строительства и налаживание эксплуатации энергосетей в округе внесли управляющий трестом Запсибэлектросетьстрой Н. Н. Липатов, управляющий Мегионэлектросетьстрой Ю. В. Чекрыгин[633].

С середины 1970-х гг. объёмы строительства линий высокого напряжения трестами «Запсибэлектросетьстрой», «Мегионэлектросетьстрой» на территории региона увеличились почти в четыре раза, но и этого было недостаточно, так как имевшиеся мощности строительных организаций не обеспечивали потребности нефтяной и газовой промышленности. В итоге вводимые в эксплуатацию нефтяные месторождения испытывали острый дефицит электроэнергии. Например по временным схемам снабжались электроэнергией введенные в 1979 г. Тепловское, Нонг-Еганское, Тагринское, Поточное и Лянторское нефтяные месторождения[634]. Главной причиной такого положения дел на местах, по мнению первого секретаря Ханты-Мансийского окружкома КПСС В. С. Петрова, была практика планирования, которая сложилась таким образом, что «она не учитывает все маневры нефтяников с выходом на новые площади и в результате последним приходится самим создавать временное энергетическое хозяйство, отвлекая на эти цели людей с основного производства»[635]. Наиболее сложная ситуация складывалась с обеспечением электроэнергией окружных центров, городов, посёлков, промышленных объектов, которые вообще не имели устойчивого энергоснабжения и использовали автономные станции. Даже в тех населённых пунктах округа, где были сданы в эксплуатацию трансформаторные подстанции, постоянно сохранялась угроза срыва в обеспечении электроэнергией как производственных, так и жилищно-гражданских объектов. Это было связано с тем, что энергостроители сдавали трансформаторные подстанции с одной трансформаторной группой, ввод второй зачастую откладывали на неопределенное время. Следовательно, отсутствовал запасной вариант электроснабжения потребителей в случае аварии на трансформаторной подстанции. Особо сложная ситуация с электроснабжением складывалась в городах округа

[632] Лукин В. А. Большая энергетика Западной Сибири. С. 41.

[633] Лукин В. А. Большая энергетика Западной Сибири. С. 41.

[634] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 9.

[635] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 14.

в зимний период. Например, в конце 1970-х гг. произошел ряд аварийных отключений на Сургутской ГРЭС-1. В результате население самых крупных окружных городов Сургут и Нижневартовск оставалось без воды и электроэнергии[636]. В этой связи областные власти внесли предложение при разработке схемы развития электроэнергетики области предусмотреть сетевое строительство, обеспечивающее подключение к постоянным источникам питания населенные пункты на территории округа.

На 1976–1980 гг. на территории Западно-Сибирского комплекса намечалось сооружение линий электропередачи напряжением 35–500 кВ, общей протяженностью 10720 км.[637] Наиболее значительными электросетевыми объектами в этот период являлись ЛЭП 500 Сургут-Уренгой, ЛЭП 220 кВ Сургутская ГРЭС–Холмогоры, а также линии 110 и 220 кВ в районе газовых месторождений. Так же были введены в эксплуатацию ЛЭП 500 кВ Сургут-Нижневартовск, Сургут-Мегион, Сургутская ГРЭС-Усть-Балык, подстанция 500 кВ в Нижневартовске, 220 кВ в Пыть-Яхе, Холмогорах, на КС-3, КС-5; 110 кВ Северный Варьеган, Лянторская, Тепловская, Молодежная и другие объекты[638]. При этом наблюдалась неоперативность в осуществлении своевременной поставки оборудования и расходного материала для электроподстанций, что приводило к срыву их ввода в намеченные сроки.

В целом необходимо отметить, что имевшаяся у Тюменьэнерго и его трестов материально-техническая база с трудом обеспечивала выполнение плановых заданий развития электроэнергетической отрасли. Предприятие выполнило десятый пятилетний план (1976–1980 гг.) по выработке электроэнергии, но у него имелись существенные трудности с реализацией поставленных перед ним среднесрочных задач по развитию электроэнергетики в северных районах области. Особые проблемы имелись в сфере материально-технического обеспечения. В этой связи управляющий «Тюменьэнерго» В. П. Соколов отмечал, что огромные масштабы строительства электростанций, ЛЭП и подстанций, расширение зоны эксплуатационного обслуживания в труднопроходимых и суровых условиях Тюменского Севера требуют, чтобы Госплан СССР и Минэнерго СССР выделяли энергетикам и энергостроителям Тюменской области необходимое количество высокопроходимой автотехники, тяжелых тракторов и бульдозеров, мощностью 250–330 лошадиных сил[639]. Для перевозки оборудования по воде «Тюменьэнерго» просило выделить баржи и катера.

Объем капитальных вложений в энергетическое строительство в Тюменской области в 1981–1985 гг. планировался в сумме 2,6 млрд рублей, в 1986–1990 гг. — 2,65 млрд рублей. Столь значительные объёмы капиталовложений должны были обеспечить опережающие темпы электроэнергетического строительства и снизить возможные последствия энергодефицита. Учитывая темпы роста электрических нагрузок в 1983 г. ожидался дефицит мощности в области до 1 млн кВт[640]. В 1984 г. в Тюменской области наблюдался дефицит электроэнергии, о чем свидетельствовали факты увеличения числа случаев ограничений и отключений предприятий, вводились лимиты потребления электрической мощности[641]. Одной из

---

[636] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 14.

[637] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 712. Л. 68.

[638] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 17.

[639] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 18.

[640] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 38.

[641] Винников Б. Энергоснабжение: проблемы и перспективы // Тюменская правда. 1985. 6 января. С. 1.

основных причин дефицита электроэнергии в области был непрерывный характер добычи и транспорта нефти, газа на севере области. В этих условиях необходимо было вводить новые энергетические мощности. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986–1990 годах» № 797 от 20 августа 1985 г. в целях ликвидации отставания в развитии электроэнергетики в районе ЗСНГК на территории Ханты-Мансийского автономного округа в период 1986–1990 гг. планировалось построить и ввести в действие ряд крупных ГРЭС: Сургутскую ГРЭС-2, Нижневартовскую ГРЭС, Няганьскую ГРЭС[642].

Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 337 от 24 апреля 1980 г. «О развитии в Тюменской области электроэнергетики на базе местного природного газа и попутного нефтяного газа в 1981–1990 годах»[643] в 1980 г. начались подготовительные работы по строительству Сургутской ГРЭС-2. Сургутская ГРЭС-1 выступила заказчиком строительства ГРЭС-2[644]. На должность главного инженера проекта Сургутской ГРЭС-2 был назначен В. С. Глухов.

Проект предполагал строительство одной из самых мощных тепловых электростанций в стране. Суммарная мощность энергоблоков, планируемых к возведению в 1981–1985 гг. должна была составить 3200 МВт[645]. При этом сроки строительства затягивались. Связано это было с очень низкими темпами проектирования. Согласно докладу управляющего трестом «Запсибэнергострой» Е. М. Зевакова на совещании в Тюменском обкоме КПСС от 5 августа 1980 г., сроки строительства станции были упущены. Он отметил, что «на ее строительство по директивным нормам требуется 55 месяцев, фактически имеется три года»[646]. Построить за этот срок станцию можно было при условии одновременного возведения всех объектов, но трест не имел ни мощностей для ее строительства, ни проектов. Только в 1982 г. началось строительство Сургутской ГРЭС-2. Ситуацию осложнял тот факт, что еще продолжалось возведение последних энергоблоков Сургутской ГРЭС-1 и большой объём кадров и строительных мощностей был занят на этом объекте. В 1983 г. возведение Сургутской ГРЭС-1 завершилось вводом в эксплуатацию шестнадцатого энергоблока, и станция достигла проектной мощности. Все силы были брошены на строительство Сургутской ГРЭС-2. Темпы строительства станции были форсированы. Оборудование для электростанции поставляли более пятидесяти заводов со всего СССР. В поставках были задействованы: ТКЗ ПО «Красный котельщик», ПО «Электросила», ПО Запорожский трансформаторный завод и другие. Уникальными были энергоблоки 800 МВт, так как работали на сверхкритическом давлении[647]. Их было не более десятка в стране. Впервые на электростанции подобного типа был сделан выносной пульт в отдельно стоящем выносном блочном здании, который традиционно находится между турбинным и котельным отделениями[648]. На четвертом энергоблоке станции при сооружении фундамента здания блочного щита управления вместо кирпича использовали железо-

---

642 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7945. Л. 56.

643 Постановление Центрального комитета КПСС и Совета Министров СССР № 337 от 24 апреля 1980 г. «О развитии в Тюменской области электроэнергетики на базе местного природного газа и попутного нефтяного газа в 1981–1990 годах» / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/765708058 (дата обращения: 26.08.2022).

644 Нечушкин А. Ф. История создания Сургутских ГРЭС // Тюменская энергосистема. С. 148, 158.

645 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 37.

646 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 22.

647 Румянцев Ю. В. Сургутская ГРЭС-2 — флагман энергосистемы // Тюменская энергосистема. С. 172.

648 Губачев В. Г. 25 лет Сургутской ГРЭС-1. С. 164.

бетонные плиты, что позволило сократить сроки возведения здания. Пять блоков строили одновременно, параллельно шло формирование цехов блоков[649]. Частично штат новых цехов был сформирован из опытных специалистов, перешедших с Сургутской ГРЭС-1. С ГРЭС-1 была переведена «испытанная группа «пускачей»»[650]. Более 70 специалистов высшей квалификации были направлены с ГРЭС-1 на ГРЭС-2[651]. Формированием кадров для новой станции занимался начальник объединения Союзтапсибэнерго И. Г. Каштанов. По его рекомендации на станцию прибыли ведущие специалисты с Ириклинской ГРЭС из Оренбургской области, всего около 70 специалистов. Среди них необходимо отметить Ю. В. Румянцева — главного инженера (в 1990 г. стал директором ГРЭС-2), заместителя главного инженера электростанции В. Г. Булгакова, Ю. Н. Смирнова — заместителя главного инженера, В. П. Царапкина, начальника КТЦ, В. Г. Петрякова — начальника цеха тепловой автоматики, Е. Д. Пичугина — ставшего главным инженером ГРЭС позже, и многих других[652]. Из Твери прибыла группа специалистов во главе с В. С. Хариным — начальником электрического цеха. На должность заместителя директора приехал В. С. Козырев, бывший директор Кармановской ГРЭС. Для строительства станции было привлечено 24 подрядные организации, строительные мощности были переброшены с завершенного объекта — Сургутской ГРЭС-1. Это дало возможность сократить нормативный срок строительства и уже в марте 1985 г. был введен в строй первый энергоблок мощностью 800 МВт. В 1988 г. началась эксплуатация шестого энергоблока, мощность станции достигла 4800 МВт. Соответственно, в совокупности мощности всех энергоблоков Сургутских ГРЭС дали возможность еще в 1987 г. преодолеть дефицит электроэнергии. Электроэнергетика фактически стала отраслью специализации ЗСНГК[653].

В начале 1980-х гг. возникли проблемы с реализацией проекта строительства Сургутской ГРЭС-3. Министерство энергетики и Совет Министров СССР приняли решение о сооружении станции во второй половине 1970-х гг. Ее технико-экономическое обоснование было подготовлено в 1978 г. Возведение станции планировалось в непосредственной близости от ГРЭС-1 и ГРЭС-2, в районе речного порта. Проектирование ГРЭС-3 не начиналось в связи с тем, что отсутствовало согласование технико-экономического обоснования Минздравом РСФСР, Минводхозом РСФСР, штабом гражданской обороны СССР и межведомственной комиссией Госплана РСФСР. Против строительства станции выступили Минздрав СССР и комитет по охране природы. Из-за большой концентрации энергетических мощностей в Сургуте перечисленные республиканские и общесоюзные министерства и ведомства считали не целесообразным строительства в нем ГРЭС-3[654]. В итоге такое решение и было принято.

Крупным источником электрической энергии в округе должна была стать Нижневартовская ГРЭС. Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР еще в 1975 г. в рамках схемы формирования и развития Западно-Сибирской равнины предлагал возвести еще одну ГРЭС в Нижневартовском районе в 1982 г.[655] По проекту на первом этапе должно было войти в строй три энергоблока мощностью 800 МВт каждый. Вторая очередь предусма-

---

[649] Сургутской ГРЭС-1 20 лет. М., 1992. С. 6.

[650] Нечушкин А. Ф. История создания Сургутских ГРЭС // Тюменская энергосистема. С. 149.

[651] Каштанов И. Г. П. С. Непорожний и его время. С. 65.

[652] Румянцев Ю. В. Сургутская ГРЭС-2 — флагман энергосистемы // Тюменская энергосистема. С. 174, 175.

[653] Колева Г. Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири (1964–1989 гг.): автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Томск, 2007. С. 30.

[654] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7073. Л. 39, 46.

[655] Карпов В. П., Колева Г. Ю., Гаврилова Н. Ю., Комгорт М. В., Тимошенко А. И. Тюменский индустриальный «взрыв». С. 114.

тривала ввод еще трех энергоблоков по 800 МВт. Согласно технико-экономическому обоснованию, расположение станции было определено в районе реки Вах, вблизи города Нижневартовска. Экономическая целесообразность строительства ГРЭС определялась наличием в районе крупного Самотлорского месторождения нефти и добычей в нем двух третей нефти Западной Сибири. В Нижневартовском промышленном узле планировалось сосредоточить около 90% мощностей по первичной переработке нефтяного газа[656]. Строительство объекта началось в 1986 г. Финансирование велось по остаточному принципу. Основной объём капиталовложений направляли на строительство Сургутской ГРЭС-2. К концу 1980-х гг. удалось частично создать только инфраструктуру строительства и объекты социально-бытового назначения для строителей. В декабре 1990 г. утвердили Государственный план ввода в эксплуатацию энергоблока № 1[657]. В начале 1990-х гг. строительство было частично заморожено из-за отсутствия финансирования. Первый энергоблок ввели только в 1993 г.

При этом необходимо отметить, что строительство ГРЭС-1 и ГРЭС-2 сдерживало развитие электроэнергетической отрасли в соседних регионах. Постоянно на более поздние сроки переносился ввод Уренгойской ГРЭС, строительство которой началось в 1982 г., а закончилось в 1987 г., вместо планового ввода первого энергоблока в 1986 г. В начале 1980-х гг. было принято решение поставлять необходимый объём электроэнергии по линии электропередачи ВЛ-500 Сургут-Уренгой. Эта линия должна была обеспечить электроэнергией Уренгойское и Ямбургское месторождения, но пропускная способность этой линии электропередачи не закрывала потребности даже одного Уренгойского газового месторождения.

Во второй половине 1980-х гг. на Тюменском Севере продолжали иметь место случаи невыполнения плана строительства энергетических и особенно сетевых объектов. По сообщениям секретаря Тюменского обкома КПСС Г. П. Богомякова в Министерство энергетики и электрификации СССР, в 1986 г. значительно недовыполнялся план по вводу линий электропередач. Вместо планируемых к вводу в первом квартале 1479 км линий электропередач было введено менее тысячи километров[658]. В обеспечении электроснабжения новых месторождений преобладали временные решения. Новые сетевые строительные подразделения создавались медленно, не имели проектов и средств на строительство баз, объектов жилья, не комплектовались в полном объёме техникой и механизмами. Например, электросетевые тресты на начало зимнего строительства сезона 1986 г. не имели необходимого запаса строительных конструкций из-за недопоставки Минчерметом 10 тыс. т низколегированного металлопроката, электросетевые подразделения были недозагружены из-за неритмичной поставки свай, металлоконструкций, комплектующих изделий[659]. Отсутствовала техника для эксплуатации и ремонта электрических сетей в условиях болот, не была механизирована очистка трасс от поросли[660]. Все это создавало угрозы для надежного энергоснабжения нефтегазового комплекса.

На надежность электроснабжения нефтяных месторождений оказывали влияние аварии, которые возникали по вине работников различных министерств и ведомств, не соблюдав-

---

656 Тенденции экономического развития Сибири (1961–1975 гг.). Новосибирск, 1980. С. 208.

657 История Нижневартовского района / Л. В. Алексеева, Я. Г. Солодкин, В. В. Цысь и др.; под общ ред. Л. В. Алексеевой. Екатеринбург, 2013. С. 239.

658 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 8200. Л. 34.

659 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 8200. Л. 32, 34

660 Зырянов В. П. Тюменская энергосистема создана в рекордные сроки // Тюменская энергосистема. С. 128.

ших правила эксплуатации специализированного транспорта и строительных механизмов. В 1985 г. произошло 102 аварийных отключения, в результате чего не было добыто свыше 100 тыс. т нефти[661]. Сокращение объёмов потребления электроэнергии предприятиями всех отраслей народного хозяйства на территории региона во втором полугодии 1986 г. и в первом квартале 1987 г. было вызвано чрезвычайными мерами, инициированными Министерством энергетики и электрификации СССР. Чрезвычайное положение в электроэнергетической отрасли СССР сложилось в связи с выходом из строя Чернобыльской АЭС, снижением выработки электроэнергии атомными электростанциями, а также низкой водностью в бассейнах Волги, Днепра, рек Северного Кавказа, Закавказья, Северо-Запада, Средней Азии[662]. Дефицит мощности должен был составить 8 млн кВт. Минэнерго СССР просило областные власти оказывать помощь Тюменьэнерго в строгом соблюдении всеми потребителями заданий по предельному потреблению электроэнергии и мощности. Подобные меры оказывали негативное влияние на потребителей в ЗСНГК, особенно в условиях существовавшего дефицита электроэнергии.

Специально для решения проблемы электрообеспечения Самотлорского месторождения в 1982 г. была введена линия 500 кВ Сургут-Белозерная с подстанцией 500 кВ Белозерная, в 1984 г. линия 500 кВ Сургут-Нижневартовск с подстанцией 500 кВ Сибирская[663]. Обеспечить месторождение бесперебойным источником электроэнергии было крайне необходимо. Рост нагрузок на месторождении был значительным. Он был обусловлен сокращением фонтанного способа добычи, применением механической добычи, увеличением объёмов закачки воды в пласт, а также переводом центральной части месторождения на газлифтный способ добычи и закачку в пласт газа высокого давления[664]. Величина удельных расходов на добычу одной тонны нефти в 1985 г. составляла 34 кВт-ч, а к 1990 г. уже 100 кВт-ч[665]. В 1986 г. была сооружена ВЛ 500 кВ Сургутская ГРЭС-2 — Нижневартовск (IV цепь). В 1988 г. была введена в эксплуатацию линия электропередач 500 кВ Сургут-Пыть-Ях, Луговая-Нягань[666], в 1989 г. ВЛ 500 кВ Сургутская ГРЭС-2 — Пять-Ях и др[667]. Ввод перечисленных линий электропередач повысил надежность электроснабжения нефтяных месторождений в Ханты-Мансийском автономном округе путем создания централизованной системы.

Таким образом, можно сделать вывод, что становление электроэнергетической отрасли в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре было сопряжено с развитием ЗСНГК. Начатая в 1964 г. разработка небольшого количества крупных нефтяных месторождений в округе вблизи имевшихся населённых пунктов давала возможность нефтяникам использовать местные нестационарные и децентрализованные электроэнергетические мощности. В целом имевшийся небольшой дефицит электроэнергии, периодически возникающий вследствие аварий на объектах временных источников электроэнергии, не мешал производственному процессу добычи нефти. Все возрастающие объёмы добычи нефти

---

[661] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 7978. Л. 40.

[662] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 8200. Л. 61–62.

[663] Тюменская энергосистема. Героические будни созидания: сб. ст. / сост. И. Каштанов. М., 1998. С. 329, 330.

[664] Булага Э. П. Состояние и проблемы развития энергетики нефтегазового комплекса Западной Сибири // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Новосибирск, 1983. С. 181.

[665] Зырянов В. П. Тюменская энергосистема создана в рекордные сроки. С. 126.

[666] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 8654. Л. 75.

[667] Тюменская энергосистема. С. 331.

в конце 1960-х — начале 1970-х гг. потребовали создания крупных электроэнергетических мощностей в округе. Первым подобным проектом стала Сургутская ГРЭС, первые энергоблоки которой были введены в эксплуатацию в 1972–1974 гг. Временным вариантом электроснабжения нефтедобывающих подразделений объединения Главтюменнефтегаза стало поступление электроэнергии по межрегиональным линиям электропередач, в основном с Тюменской ТЭЦ. С этим было связано расширение мощностей данной станции во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг.

Во второй половине 1970-х гг. стратегия электроснабжения нефтедобывающих подразделений в Ханты-Мансийском автономном округе изменилась. Связано это было с тем, что наступил второй этап развития нефтяной промышленности Тюменской области. В разработку стали вовлекаться десятки менее продуктивных нефтяных месторождений, расположенных на больших расстояниях от городов, транспортных коммуникаций, источников электроснабжения. Нефтяники в этих условиях уже не могли, как раньше, при отставании строительства проектных энергообъектов собственными силами сооружать временные линии электропередач и подстанции. Теперь технические и организационные возможности не позволяли им использовать временные варианты электроснабжения из-за больших расстояний. В конце 1970-х гг. проявился острый дефицит электроэнергии. В 1979 г. выделяется самостоятельная Тюменская энергосистема, создается РЭУ «Тюменьэнерго». Приоритетными направлениями развития электроэнергетической отрасли в Ханты-Мансийском автономном округе стало строительство новых крупных ГРЭС, увеличение темпов строительства окружных линий электропередач и подстанций. К началу 1980-х гг. была создана мощная электрическая система для электроснабжения нефтяной и газовой промышленности Тюменской области, подключенная к государственной энергосистеме. Основным объектом этой энергосистемы стали Сургутская ГРЭС-1 мощностью 2×544 млн Вт, а также Тюменская ТЭЦ мощностью 360 млн Вт, электрические сети напряжением 110, 220, 550 киловольт в несколько тысяч километров, подстанции тех же напряжений более 100 единиц. В первой половине 1980-х гг. были введены в эксплуатацию все энергоблоки Сургутской ГРЭС-1, в строй вошли первые энергоблоки Сургутской ГРЭС-2. Во второй половине 1980-х гг. в округе был полностью ликвидирован дефицит электроэнергии. Благодаря генерирующим мощностям Сургутской ГРЭС-1 и ГРЭС-2 в Тюменской энергосистеме появилась избыточная электроэнергия, которая начала передаваться в другие энергосистемы, в частности на Урал[668]. В тот же период началось строительство Нижневартовской ГРЭС, пуск первого энергоблока которой состоялся в 1993 г. К началу 1990-х гг. в округе была создана мощная электроэнергетическая отрасль, базирующаяся на крупнейших ГРЭС, разветвленной сети линий электропередач. Особую роль в энергетической системе округа стал играть Сургутский промышленный узел. Он стал центром районной электроэнергетики. Мощности отрасли позволили не только полностью удовлетворить потребности ЗСНГК в электроэнергии, но и потребности других отраслей народного хозяйства, объекты социального, культурного и бытового назначения населённых пунктов, населения округа в целом. Электроэнергетика стала не только катализатором индустриального развития округа, но и всецело проявила свой модернизационный потенциал. Возведение электростанций в округе привнесло новые технологии строительства не только промышленных объектов, но и жилого фонда. На

[668] Зырянов В. П. Тюменская энергосистема создана в рекордные сроки. С. 126.

новых энергообъектах было установлено современное автоматизированное оборудование, что способствовало привлечению в регион квалифицированных специалистов, потребовало создания системы повышения квалификации на предприятиях. Прокладка линий электропередач к местам добычи, транспортировки, переработки нефти и газа способствовала электрификации населённых пунктов округа, налаживанию централизованного теплоснабжения в городах. В условиях наличия электроэнергетических мощностей в округе была создана передовая электрифицированная железнодорожная сеть. В населенные пункты районов округа за счет возведения новых энергетических объектов увеличился приток рабочей силы и членов их семей. Это привело к необходимости создания нового жилого фонда, объектов социального, бытового, культурно-спортивного назначения. Значительная часть энергостроителей и специалистов, привлеченных на работу в подразделения уже сданных в эксплуатацию ГРЭС, остались проживать на постоянной основе. Они внесли значительный вклад в увеличение численности городского населения, что способствовало развитию урбанизационных процессов в округе.

Глава 6

Создание индустрии строительства

Сенсационное открытие Берёзовского газового месторождения в 1953 г. и последовавшее в первой половине 1960-х гг. обнаружение крупнейших в стране запасов углеводородного топлива актуализировали вопрос организации здесь масштабного промышленного и гражданского строительства.

Но сделать это в Тюменской области в то время было исключительно трудно. В 1950-е гг. основными отраслями народного хозяйства, определявшими экономическое развитие Тюменской области, являлись лесная и рыбная отрасли. Промышленность строительных материалов Ханты-Мансийского национального округа, как и всей Тюменской области, в 1950-е — начале 1960-х гг. была представлена несколькими мелкими, порой полукустарными предприятиями, производящими преимущественно кирпич и незначительное количество черепицы, силиката и некоторых других компонентов строительного производства. В области складывалось крайне тяжёлое положение с обеспечением строек необходимым материалом. В ней насчитывалось 79 кирпичных заводов, но только два из них являлись заводами круглогодового действия. Без них 77 мелких кустарных заводов в 1959 г. произвели 60 млн штук кирпича, т. е. по 770 тыс. штук за сезон на один завод[669]. Многие предприятия области из года в год не выполняли плановых заданий производства кирпича. В 1959 г. годовой объём его выполнения составил 60%. Кирпичные заводы не додали более 70 млн штук условного кирпича[670]. В 1948–1956 гг. существовал Тюменский черепичный завод, он производил черепицу и гончарную посуду[671]. В 1961–1962 гг. в Тюменской области действовал небольшой силикатный завод[672]. В силу неэффективности работы они были ликвидированы: черепичный завод в 1956 г., а силикатный — в 1962 г.[673] Тюменский завод «Строитель», переданный от Свердловской железной дороги Тюменскому областному управлению стройматериалов, был ликвидирован в 1955 г.[674]

Кирпичные заводы носили преимущественно сезонный характер и были оснащены устаревшим оборудованием с небольшой производительностью труда, использовались

---

669 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 91. Д. 75. Л. 74–75.

670 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 91. Д. 75. Л. 74–75.

671 Краткий справочник по фондам Государственного архива Тюменской области. Тюмень, 2002. С. 121.

672 Краткий справочник по фондам Государственного архива Тюменской области. С. 120.

673 Краткий справочник по фондам Государственного архива Тюменской области. С. 121

674 Краткий справочник по фондам Государственного архива Тюменской области С. 121.

Рис. 2.108. Кирпичный завод в Остяко-Вогульске. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1598

отсталые технологии. Обжиг основной части кирпича осуществлялся в напольных печах, где топливом являлись дрова. Из-за плохого качества перерасход топлива против нормы на 1 тыс. штук кирпича составлял 1 м^3 древесины.

Кольцевые же печи давали большой перерасход каменного угля и значительную часть времени простаивали из-за недостаточного количества его поставок и низкого качества[675].

Для них было характерно несоответствие основных производственных мощностей. Если обжиг кирпича позволял производить до 30 млн штук условного кирпича в год, то сушка была рассчитана только на 18 млн шт[676].

Среди многочисленных ведомственных полукустарных производств кирпича к 1965 г. в Тюменской области наиболее предпочтительно выглядели пять его производителей: Тюменский завод «Труд», насчитывавший в январе 1965 г. 266 работников, Тюменский завод № 1 с 249 работающими, Ишимский кирпичный завод, насчитывавший в своем штате 63 человека, Тобольский кирпичный завод, на котором трудилось 34 человек и Тюменский завод селикатных изделий, обеспечивавший работой 76 человек. Они входили в состав Областного управления промышленности строительных материалов, возглавляемого В. М. Хабаровым[677].

Как видим, эти тюменские предприятия не поражали своей численностью. Самым большим и стабильно работающим производственным коллективом в то время являлся Тюменский кирпичный завод «Труд», расположенный в посёлке Богадинский. Он был основан еще в досоветский период и национализирован в 1917 году. Первые упоминания о нем, относящиеся к советскому периоду, содержат ведомости о выплате заработной платы, датированные 1931 годом. Они хранятся в архиве администрации Тюменской области[678].

Еще с 1950-х гг. в структуру кирпичного завода «Труд» входили глиняный и песчано-гравийный карьеры, а также формовочный, черепичный, электро- и механический цеха, цех сушки, обжига, строительства и снабжения, МОП, ЖКО, гараж, четыре участка, включая гипсовый. Завод успешно справлялся с плановыми заданиями, обеспечивая потребности местной промышленности в удовлетворительной по качеству кирпичной и иной продукции[679].

Но этого оказалось крайне недостаточным к середине 1960-х гг. В 1966 г. в связи с ускоренным развитием нефтегазового освоения территории севера Западной Сибири и бурным ростом

---

675 ГАТО. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 266. Л. 7.

676 ГАТО. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 266. Л. 23.

677 ГАТО. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 266. Л. 22.

678 Краткий справочник по фондам Государственного архива Тюменской области. С. 121.

679 Архивный отдел Управления по обращению граждан и делопроизводству Административного департамента Администрации города Тюмени. Ф. 178.

промышленного и гражданского строительства дефицит кирпича в Тюменской области составил 504 млн штук. Важнейшие стратегические объекты промышленного и гражданского строительства нового крупнейшего в стране нефтегазоносного региона не обеспечивались в полной мере стеновыми материалами и особенно кирпичом.

Рис. 2.109. Разгрузка кирпича в речпорту г. Сургута. 1991 г. Муниципальный архив города Сургута. Фотодокументы личного фонда А. Ф. Мясникова

Отсталость строительной индустрии в округе и области характеризовалась основным показателем, определяющим уровень индустриального строительства и фиксирующим расход сборного железобетона на миллион рублей выполненных строительных работ. Если в целом по стране расход сборного железобетона в 1959 г. на один миллион рублей строительно-монтажных работ составил 175 кубометров, то в Тюменской области производство сборного железобетона в 1959 г. достигло всего лишь 59 кубометров на один миллион рублей стоимости строительно-монтажных работ. При этом строительные организации, подведомственные облисполкому, сборный железобетон почти не применяли[680].

Для создания собственной индустрии строительства на севере Западной Сибири были мобилизованы все источники обеспечения техникой, материалами и конструкциями, имевшиеся в распоряжении предприятий Министерства промышленного строительства и Министерства промышленности строительных материалов.

Совет Министров РСФСР 16 сентября 1964 г. в своем специальном постановлении «О мерах по оказанию помощи в освоении нефтяных месторождений в Тюменской области» настоятельно потребовал от совнархозов, министерств и ведомств РСФСР, крайисполкомов и облисполкомов «принять необходимые меры по оказанию помощи в обустройстве этих районов и усилению контроля за своевременной поставкой строительного сырья, материалов и оборудования, выделяемых для этой цели»[681]. В соответствии с этим постановлением, Министерство строительства РСФСР планом на 1965 г. предусматривало изготовление и поставку сборного железобетона и деталей крупного домостроения для обустройства нефтяных районов Тюменской области в объёме 60 тыс. м^3, в том числе планировалось ввезти в 1968 г. в Тюменскую область 100 млн штук кирпича[682].

Для выполнения этой задачи первоначально в условиях отсутствия сухопутных транспортных магистралей решающую роль играла ритмичная работа судоходных артерий и портовых хозяйств Обь-Иртышского речного бассейна. Стратегическое значение для поставок речным флотом имело сооружение в Новосибирске, Томске, Омске, Тюмени, Тобольске, Лабытнангах и ряде других, менее крупных населённых пунктах, расположенных по маршруту следования

680 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2142. Л. 15

681 ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 129. Л. 44.

682 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4065. Л. 106.

грузовых караванов, опорных баз материально-технического снабжения с подъездными железнодорожными путями, причальными сооружениями и автотранспортными участками.

Обь-Иртышское речное пароходство для успешной навигации судов с большой осадкой на реке Обь и ее притоках произвело работы по углублению их фарватера. На пристанях Сургута, Ханты-Мансийска, Тазовска, Сотника и Игрима осуществлялся ввод в строй топливных хранилищ и заправочных станций. Кроме того, в 1964–1965 г. на Тюменском судостроительном заводе Среднеуральского СНХ для Обь-Иртышского пароходства было начато строительство 30 нефтеналивных барж и 10 грузовых барж с большой осадкой[683].

Однако из-за отсутствия должной согласованности Министерства речного флота РСФСР, Министерства путей сообщения и Министерства газовой промышленности в выполнении задач по организации и осуществлению поставок перевозками в период навигации возникали большие проблемы. Кроме того, ведомственная несогласованность на местах между руководителями опорных баз «Главтюменнефтегазстроя» и портовыми управлениями еще более усугубляла эти трудности в осуществлении погрузочно-разгрузочных работ и своевременной доставки грузов. В результате этого нередко создавались большие скопления грузов в портах перевалки, а после ввода в эксплуатацию железной дороги Тюмень — Сургут это приводило к задержке вагонов для отправки необходимых материалов, а порой и к запрету поставщиков производить их перевалку и отгрузку.

Низкая пропускная способность речных коммуникаций, недостаток средств речного транспорта в бассейнах Оби и Иртыша, отсутствие перевалочных баз в Новосибирске и Омске не позволяли доставлять их на объекты в заданные сроки. Грузы везли из десятков областей, с сотен тысяч предприятий на практически неприспособленные перевалочные базы. Берег в районе Сургута, Нефтеюганска и Нижневартовска в продолжение нескольких месяцев и на протяжении десятков километров превращался в один гигантский склад строительных и других материалов, деталей и конструкций. Летом в окружении болот лишь узенькая полоска берега выручала строителей. И только зимой по замерзшим гатям возможен был их вывоз на строительные площадки.

Неудивительно, что первая баржа со строительными материалами и инструментами, предназначенными для обустройства Усть-Балыкского месторождения по плану должна была пришвартоваться в Сургуте еще в мае 1964 г. Но необходимый груз прибыл только 26 июля 1964 г. Основное же поступление материалов началось лишь в середине августа и сентябре того года. Но в силу отсутствия помещений для размещения и складирования они были брошены на берегу реки Обь в 12 км от Сургута[684].

Доставка материалов водным транспортом проходила в неблагоприятных для транспортировки грузов климатических условиях. Она осуществлялась в основном в летнее время, и ее сроки были весьма непродолжительными. Навигационный период начинался одновременно со вскрытием рек в мае и продолжался до покрытия их льдом в октябре.

К этому следует добавить, что и принимающие организации не всегда были готовы в достаточной мере к масштабным разгрузочным и такелажным работам. Вследствие этого нередко происходили внеплановые зимовки судов. Так, в 1965 г., когда зима в Сибири оказалась

683 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2142. Л. 15.

684 ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 6. Л. 5

очень суровой, и Обь уже в начале октября была скована льдом, средства береговой механизации Сургута и Нефтеюганска не смогли принять значительные объёмы материалов и оборудования, что привело к длительному простою барж с необходимым грузом[685], в ходе которого протяженный караван судов попал в ледяной плен невдалеке от пунктов доставки. Весной же из-за отсутствия портового хозяйства и помещений для временного хранения строительных материалов и механизмов они были сложены навалом в грязь и оставались там в течение нескольких месяцев[686].

Немаловажным фактором, снижающим эффективность судоходных перевозок, являлось то, что субподрядные организации, находящиеся в сфере влияния Обь-Иртышского речного пароходства, не располагали необходимой портовой инфраструктурой для сохранности доставленного груза, а налагаемые на них штрафы были несоразмерны с затратами на добычу и производство поставляемых материалов. Так, например, штраф за потерянный кубометр древесины составлял всего 60 копеек, а его добыча обходилась в 18 рублей[687]. Заказчики постоянно подавали рекламации за порчу грузов, однако частично или полностью сменить подрядчиков не представлялось возможным ввиду того, что других пароходств в регионе не было.

Кроме трудностей осуществления доставки строительных материалов из других экономических районов Советского Союза, в 1965 г. стало окончательно очевидным, что Главснабсбыт РСФСР в значительной мере ограничен в такого рода поставках из-за дефицита производства железобетонных конструктивных материалов стеновых панелей на предприятиях стройиндустрии Российской Федерации.

Поэтому для полного удовлетворения потребностей промышленного и жилищного строительства Западной Сибири в стеновых железобетонных металлоконструкциях Совет Министров СССР принял решение сконцентрировать на севере Западной Сибири стратегическое управление производством строительных материалов и создать там собственную индустриальную базу.

Однако, как вспоминал Ю. П. Баталин, стоявший у истоков создания нового управленческого центра, Главуралстрой, расположенный в Свердловске, в состав которого входили тюменские тресты, при поддержке Свердловского обкома КПСС наотрез отказался развернуть строительные работы на нефтяных месторождениях. Минтяжстрой, самое сильное в то время союзное строительное министерство, в чью зону входила Тюменская область, также не согласился сделать это, мотивируя свой отказ задачами по развитию черной металлургии. В чем, кстати, получило поддержку «металлурга» Л. И. Брежнева. Поочередно взять на себя ответственность за создание строительной индустрии в Западно-Сибирской нефтегазовой провинции отказались и другие министерства — Минтрансстрой и Минмонтажнефтестрой[688].

В то же самое время успешно развивалась газовая промышленность. Решающим организационным фактором ее ускоренного развития в первой половине 1960-х гг. явилось то, что в условиях перестройки системы управления народным хозяйством, начавшейся в 1957 г., газостроительные организации после длительной борьбы, в отличие от нефтяных ведомств, не были переданы совнархозам. Нефтестроительные же организации

---

[685] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2142. Л. 15

[686] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4065. Л. 106.

[687] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2142. Л. 15.

[688] Баталин Ю. П. Воспоминания и взгляды // История и перспективы градостроительного освоения территории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. М., 2004. С. 32.

Рис. 2.110. Алексей Сергеевич Барсуков — директор института «Роспроект» (1963–1964), уполномоченный Газпрома СССР по Тюменской области (1964–1965), начальник Главтюменнефтегазстроя (1965–1970). Из открытых источников

Рис. 2.111. Юрий Петрович Баталин — главный инженер и первый заместитель начальника Главтюменнефтегазстроя (1965–1970), заместитель министра газовой промышленности (1970–1972), первый заместитель министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности (1973–1984), заместитель Председателя Совета министров СССР (1985–1989). Фото из кн.: История и перспективы градостроения в Западной Сибири. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 30

в территориальных строительных главках утратили свои ведущие позиции, что отрицательно сказалось в целом на развитии нефтяной промышленности в первой половине 1960-х гг.

В этой ситуации по инициативе Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина было создано новое структурное подразделение — «Главгаз», во главе с А. К. Кортуновым. Под его начало было передано 12 нефтестроительных трестов, после чего он был преобразован в Комитет по газовой промышленности — «Газпром»[689].

Следующим судьбоносным шагом в становлении строительной индустрии округа стало решение о создании в Тюмени специального главка, наделённого чрезвычайными полномочиями, в задачу которого входило формирование в кратчайшие сроки фундамента становления строительной индустрии на территории севера Западной Сибири для обустройства нефтяных и газовых месторождений, а также развёртывание уникального в мировой практике градостроительства в сложных природно-климатических условиях необжитого региона. На основании распоряжения Совета Министров СССР от 6 февраля 1965 г. № 209-р и в соответствии с приказом Государственного производственного комитета по газовой промышленности СССР от 16 февраля 1965 г. № 114 было учреждено Главное управление по строительству предприятий нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири с местоположением в г. Тюмени — «Главтюменнефтегазстрой»[690].

Его руководителем был назначен опытный высококвалифицированный специалист промышленного и гражданского строительства А. С. Барсуков.

Надёжным соратником А. С. Барсукова стал многое воспринявший от него переведенный из Башкирии на должность главного инженера главка Ю. П. Баталин, будущий заместитель председателя Совета Министров СССР и одновременно председатель Госстроя страны в непростые 1980-е годы.

Молодой Ю. П. Баталин и зрелый А. С. Барсуков, разные по характеру, взрывной Ю. П. Баталин и спокойный, основательный А. С. Барсуков, удачно дополняли друг друга в процессе формирования структуры нового главка и его системы управления.

---

[689] Баталин Ю. П. Воспоминания и взгляды. С. 32.

[690] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 84. Д. 64. Л. 35.

Новый главк, наделенный чрезвычайными полномочиями, был сформирован в кратчайшие сроки. В 1970 г. он насчитывал уже 4000 человек руководящего управленческого состава, сформированного из числа 18000 специалистов, прошедших «школу А. С. Барсукова», которого коллеги уважительно называли «дед». 14000 человек не справились с поставленными задачами — ушли или были уволены[691]. Позже Алексей Сергеевич вспоминал: «Я в Тюмени прожил около 7 лет. Когда оттуда уходил, это было в семидесятом году, то оставил двенадцать трестов, тридцать пять тысяч человек. Хозяйство огромное. Тюмень есть Тюмень. Ох, какая это была работа! Страшно просто…»[692].

Одним из главных направлений индустриализации строительства руководители главка рассматривали концентрацию высокопроизводительной монтажной техники — машин и механизмов для создания баз строительства в округе. На начальном этапе формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса центральной задачей главка А. С. Барсуков считал создание собственного парка транспортных средств и механизмов, а также собственного резерва стройматериалов. В июне 1965 г. на пленуме Тюменского областного комитета КПСС А. С. Барсуков уверенно заявлял: «Базы — это основа плодотворной работы, это начало начал!». Он выражал неудовлетворение тем, что строительные организации «Главтюменнефтегазстроя» не вели в первые пять месяцев текущего года строительство первоочередных объектов производственных баз бурения, энергопоездов и промыслов геофизики в Урае, Сургуте и Нефтеюганске. Он выражал большую обеспокоенность тем, что в текущем году не на все базы было предусмотрено выделение необходимых финансовых средств. «Мы, например, ничего не строим из баз заказчику в Урае, то же и в Сургуте», — с горечью констатировал он[693].

Актуальность создания баз стройиндустрии в Западной Сибири А. С. Барсуков связывал с опасным, по его мнению, форсированием темпов и объёмов нефтедобычи. Программа работ только для собственных подразделений главка составила в 1966 г. 98 млн руб. «Можем ли мы поднять эту программу?» — обращался он как признанный авторитет строительного производства страны с далеко не риторическим вопросом к залу на пленуме Тюменского обкома КПСС в июне 1965 г.

Отвечая на него, он разъяснял: «Для этого надо 2000–2200 автомобилей, 120–140 бульдозеров, 100–120 единиц экскаваторов, а мы имеем только 25% от их количества. И самое главное, для того чтобы ее выполнить, нужно по подсчетам специалистов главка 16–18 тыс. рабочих»[694].

По мнению А. С. Барсукова, существовало два пути развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Первый путь он называл «программа-минимум», которая заключалась в том, чтобы «на 1,5–2 года отказаться от многого и оставить только самое необходимое для добычи нефти». Создав запас скважин в Сургуте и Усть-Балыке, он полагал возможным «сократить капиталовложения и перебросить их на строительство промышленных баз. А за это время будет построен нефтепровод Усть-Балык — Омск, который быстро восполнит недоданную нефть, резко удешевит стоимость нефти и окупит затраты на предлагаемые мероприятия…»[695].

---

691 Баталин Ю. П. От игр в кубики к «суперблокам» // Соратники. Тюмень, 2002. С. 79.

692 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4506. Л. 4.

693 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4506. Л. 4 (об).

694 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4506. Л. 5

695 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4506. Л. 5

Обосновывая необходимость первого пути, Алексей Сергеевич говорил: «Институтами подсчитано и спрогнозировано, что для того чтобы добыть и передать на переработку 70 миллионов тонн нефти к 1975 году и довести добычу до 200 млн т к 1980 году, нужно затратить до 4 млрд рублей, нужно привлечь для этого сотни тысяч человек населения». Это целесообразно ещё и потому, подчеркивал А. С. Барсуков, что освоение природных ресурсов нашей области усложняется суровыми климатическими условиями, отсутствием транспортных связей, кроме рек, эксплуатация которых продолжается всего 4–4,5 месяца в году.

Второй путь А. С. Барсуков ассоциировал с «программой максимум». «Для её выполнения нужно дать средства и материальные ресурсы, механизмы и оборудование и идти развёрнутым фронтом… Для этого нужно, чтобы тюменской целине отдавалось столько и так, как это делалось, скажем, на строительстве Братской или Волгоградской ГЭС», — утверждал он[696].

В 1971 г. главк «Главтюменнефтегазстрой» располагал 1370 единицами строительных машин, в том числе 162 экскаваторами, 75 башенными кранами, 149 автомобильными кранами, 168 трубоукладчиками, 213 бульдозерами, 360 тракторами. Кроме того, он имел в распоряжении 339 единиц флота, в том числе 102 мелкотоварных баржи, 62 единиц мелких самоходок, 129 буксирных катеров и 12 плавкранов[697].

Создание в округе собственной индустрии строительства невозможно было осуществить без наличия достаточной сырьевой базы для производства строительных материалов и конструкций. В 1960 г., накануне открытия «большой нефти» в Нефтеюганске, для всех строек Тюменской области требовалось 640 тыс. кубометров камня, щебня и гравия. Эта потребность за счёт областного производства обеспечивалась только на 50%. Основной поставщик гранитного камня Тюменский межкарьер был слабо оснащён механизмами, имел экскаваторы небольшой ёмкости, не соответствующие работе в скальном грунте. Дробильно-сортировочное хозяйство было также маломощно, установка дробилок и сортировок носила временный характер, их недостаточное количество не позволяло организовать приготовление и сортировку щебня по фракциям, тщательную их очистку от примесей.

Кулаковское месторождение, расположенное возле города Тюмени, имело незначительный запас гравия. Он залегал на небольшой глубине, но размещался тонкими пластами, затрудняющими его механическую разработку. Возрастающую потребность строительства в гравии это месторождение обеспечить не могло[698].

Откликаясь на обеспокоенность и настоятельные запросы Управления предприятий стройиндустрии Газпрома СССР и Главтюменнефтегазстроя, выполняя решения бюро Тюменского обкома КПСС, Тюменское геологическое управление осуществляло интенсивные геологоразведочные работы на наличие месторождений сырья на осваиваемых территориях Ханты-Мансийского автономного округа.

В 1965 г. ему было ассигновано 275 тыс. руб. на проведение поисковых разведочных работ и на строительные материалы[699]. Наиболее активно поисковые работы осуществлялись в Сургутском нефтяном районе, в бассейнах рек Лямин и Вах, где имелись перспективы выявления месторождений качественных строительных песков и песчано-гравийных смесей, а также

---

696 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4506. Л. 5.

697 ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 601. Л. 42.

698 ГАСПИТО. Ф. П-124. Лп. 1. Д. 4506. Л. 4.

699 ГАТО. Ф. 1864. Оп. 1. Д. 58. Л. 14.

в окрестностях посёлка Охтеурье, где проектировался ввод в эксплуатацию нескольких предприятий строительной индустрии. Всего по состоянию на 1 июня 1965 г. в области было разведано 63 месторождения строительных материалов, из которых 49 месторождений кирпичных и керамзитовых глин, 13 месторождений песка и песчано-гравийной смеси и 1 месторождение бутового камня. Общие запасы разведанных месторождений глин по сумме категорией $A+B+C_1$ составляли 38973 тыс. $м^3$. Запасы песка и песчано-гравийной смеси на 13 разведанных месторождений в сумме промышленных категорий составляли 63824 тыс. куб. м.[700]

Эти месторождения нерудных ископаемых открывали перспективу создания собственного производства строительных материалов и конструкций. Перенос большей части строительно-монтажных работ со строительных площадок на заводы стройиндустрии руководители Главтюменнефтегазстроя рассматривали как важнейшее направление индустриализации строительства в Западной Сибири.

Строительство собственных заводов главка началось в 1965 г. На основании приказа Мингазпрома СССР от 6 июня 1965 г. был заложен фундамент Комбината промышленных предприятий (КПП) в Тюмени, в состав которого входили цех ЖБИ, арматурная мастерская, бетонорастворный узел, котельная, полигон и склад готовой продукции. Затем в соответствии с приказом Мингазпрома СССР от 1 мая 1966 г. было организовано строительство КПП в Ханты-Мансийске, включавшее лесопильный цех, столярную мастерскую, арматурную мастерскую, бетонорастворный узел, котельную и склад готовой продукции. Он выпускал железобетонные изделия, цементный раствор и обеспечивал им все стройки округа. Кроме того, Ханты-Мансийский КПП занимался обработкой древесины и выпуском столярных изделий, являясь их крупнейшим производителем в Тюменской области.

Для ускорения строительства собственных промышленных предприятий в 1968 г. была создана Дирекция строящихся промышленных предприятий, основными подрядчиками которой стали СУ-9, СУ-14, СУ-28 треста Сургутгазстрой и СУ-4 треста Тюменгазстрой[701]. В соответствии с приказом министерства № 282 от 19 июня 1967 г. при тресте Шаимгазстрой был создан Урайский Комбинат промышленных предприятий, специализировавшийся на создании крупноблочных строительных конструкций[702] и имевший в своей структуре четыре основных производственных цеха[703].

В 1967 г. в состав Тюменского КПП вошел комплекс цехов в посёлке Сокур. В его состав вошли цех ЖБИ, бетоносмесительный узел, арматурная мастерская, полигон и котельная[704]. В Сургуте был образован Комбинат производственных предприятий на базе подсобных площадей треста Сургутгазстрой.

Важное место в структуре промышленных подразделений Главтюменнефтегазстроя занимал Комбинат производственных предприятий треста «Тюменгазстрой», в состав которого входили цех ЖБИ-2 в Тюмени и цех ЖБИ-1 в Новосибирске. Он являлся базовым предприятием и обеспечивал железобетонными изделиями, товарным бетоном, раствором, пиломатериалами, асфальтом и индивидуальными столярными изделиями промышленные объекты округа[705].

---

[700] ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 31. Л. 132.

[701] ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 781. Л. 83.

[702] ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 628. Л. 1.

[703] ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 505. Л. 1.

[704] ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 269. Л. 2.

[705] ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 1345. Л. 88.

По мере увеличения объёмов добычи нефти и масштабов городского строительства потребность нефтяных управлений в строительных материалах стремительно росла. Главк прилагал максимум усилий для удовлетворения их запросов. В составе КПП главка к 1969 г. насчитывалось шесть структурных подразделений: Тюменский, Урайский, Сургутский, Батуринский и Нефтеюганский, каждый из которых стабильно выполнял намеченные планы по выпуску собственных строительных материалов и конструкций.

В Тюмени было возведено два мощных завода крупнопанельного домостроения, завод комплектно-блочных устройств и ремонта машин и механизмов, цех стеклопрофилита и мозаичный плитки, в посёлках Локосово и Советском было построено 2 кирпичных завода, в Богандинском — завод по производству керамзитового гравия. Для обеспечения строящихся объектов исключительно важную роль играл ввод в эксплуатацию в 1971 г. в посёлке Харп дробильно-сортировочной фабрики по производству щебня, одновременно вводились в строй и другие, менее мощные, предприятия различной ведомственной принадлежности[706]. Крупнейшие предприятия строительной индустрии Главтюменнефтегаза дислоцировались в городах Сургуте, Нижне-Вартовске и посёлке Локосово, они осуществляли почти половину запланированных годовых строительно-монтажных работ: в 1973 г., например, на сумму 9100 из 18777 тыс. руб.

Таблица 2.24

Структура объектов базы строительной индустрии Главтюменнефтегазстроя и выполнение ими строительно-монтажных работ в первом полугодии 1973 г. (тыс. руб.)

№ п/п	Наименование предприятия	План 1973 г.	План 6 мес.	Факт 6 мес.	% /тыс. руб./ Полуг.
1	Комбинат строительных материалов в г. Сургуте	4000	2104	822	39
2	Комбинат строительной индустрии в г. Сургуте	3000	1365	653	48
3	Кирпичный завод в п. Локосово	300	1378	1242	90
4	Комбинат строительной индустрии в г. Нижне-Вартовске	1800	762	960	126
5	Объединенное производст. предприятие в п. Харп	3500	1575	1357	86
6	Завод по производству ЖБИ в д. Воронино	87	87	100	115
7	Завод стеклопрофилита и коврово-мозаичн. плитки	50	50	71	142
8	Завод блочно-плиточных устройств в г. Тюмени	2340	1068	947	90
9	Завод керамзитового гравия в г. Тюмени	1000	472	—	—
	Итого по важнейшим стройкам	18777	8861	6152	69

Источник: ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5797. Л. 51.

[706] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 191. Д. 27. Л. 17.

Рис. 2.112. Сургутский завод железобетонных изделий. Из открытых источников

Последовательный ввод промышленных предприятий строительной индустрии в Тюменской области предопределил неуклонный рост мощностей по производству бетонных и железобетонных изделий, основной объём которого обеспечивали предприятия Ханты-Мансийского автономного округа (таблица № 2.25), причем в рекордно короткие сроки, что убедительно подтверждает спринтерскую скорость нарастания темпов производства железобетона в регионе, когда оно увеличилось только за три года в 1,5 раза.

Таблица 2.25

Производство бетонных и железобетонных изделий (тыс. куб. м) — по данным на 1 января

1973 г.	476
1974 г.	501
1975 г.	658
1976 г.	711

Источник: ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5797. Л. 39.

В сферу ответственности Главтюменнефтегазстроя входили крупнейшие домостроительные комбинаты севера и юга Западной Сибири, наиболее производительные из которых также располагались в административных центрах Югры. Домостроительные комбинаты, расположенные в Сургуте и Урае, выпускали подавляющую часть конструкционных материалов, производимых главком. В 1973 г., например, объём их продукции составил 140 из 200 тыс. куб. м, т. е. почти 3/4 общего производства комбинатов Главтюменнефтегазстроя.

Таблица 2.26

Домостроительные комбинаты Тюменской области и выпуск ими промышленной продукции

Наименование строительных организаций	Объемы выпуска продукции по годам (тыс. куб. м)		
	1973 г.	1974 г.	1975 г.
Главтюменнефтегазстрой			
Сургутский домостроительный комбинат	115	140	170
Тюменский домостроительный комбинат	60	80	90
Урайский домостроительный комбинат	25	25	25
Итого:	200	245	285
Тюменьпромстрой			
ЖБИ № 3	30	60	95
Домостроительный (реконструкция)	60	80	90
Итого:	90	145	180
Тюменьсельстрой			
Тарманский завод	8	15	30
Облмежколхозстрой			
Багадинский завод	8	15	15
Тюменьстройпуть			
Тобольский	—	15	20
ВСЕГО:	306	436	521

Источник: ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5797. Л. 48.

Объективные природно-климатические и географические факторы строительства на Севере Западной Сибири делали проблему создания индустриальной технологической базы на территории нового освоения особенно актуальной. Эффективным решением, обеспечивающим прорыв в ее развитии, являлся комплектно-блочный метод строительства. Этот метод представлял собой строительство объектов из укрупненных частей полной заводской готовности. На строительную площадку поставлялись укрупненные монтажные блоки, пространственные строительно-технологические блоки, высокоиндустриальные строительные конструкции. И не в розницу, а комплектно. Освоение нового метода строительства в Ханты-Мансийском автономном округе связано с именами руководителей Главтюменнефтегазстроя А. С. Барсукова и Ю. П. Баталина и небольшой группы молодых высококвалифицированных специалистов главка. Первоначально в нее входило несколько человек: Леонид Бабиков, Михаил Ройтер, Юрий Пермикин, Леонид Чижов[707]. Большой вклад в совершен-

[707] Баталин Ю. П. От игр в «кубики» к суперблокам. С. 80.

ствование комплектно-блочной технологии строительства внесли опытные инженеры И. А. Шаповалов, В. Г. Жевтун, Г. И. Шмаль, А. Я. Беккер, Я. М. Каган, М. С. Ройтер[708] Ее внедрение дало возможность сократить привлечение рабочих на стройки в 3–5 раз, что явилось важным фактором увеличения объёмов добычи нефти и газа[709].

Обратим внимание на то, что именно в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре были освоены и другие эффективные методы индустриального строительства. Здесь были введены в эксплуатацию первые установки по выпуску перлита, изоляции труб теплотрасс в битумно-керамзитовой оболочке. Здесь же были внедрены передовые инженерные решения по освоению нулевых циклов обустройства месторождений, возведения зданий и сооружений. Среди новаторов индустриального строительства выделялись тогда молодые специалисты и руководители производства, такие как А. Касьянов, Л. Рокецкий, М. Собсович, В. Павлов, А. Холмогоров, М. Чижевский. В Сургуте была создана первая в стране научно-производственная фирма «Сибиргазстрой»[710]. Ее инженеры существенно продвинулись во внедрении прогрессивных технологических методов строительства. Но произошло это в значительной мере благодаря их энтузиазму, реализованному в условиях полукустарного проектирования и почти ремесленного производства в неприспособленных цехах непрофильных предприятий.

Должной поддержки со стороны государственных хозяйственных органов их инициативы не получили. Руководство страны не смогло найти необходимых средства для обеспечения многих передовых инженерных решений в строительной индустрии. Таких, например, как получение прогрессивных полимерных материалов, новых утеплителей и производства качественного алюминия.

После знакомства с американскими суперблоками массой 1300 т Ю. П. Баталин, оценивая разработанный в годы совместной работы с А. С. Барсуковым комплектно-блочный метод, отмечал, что просчет государственного руководства по отношению к индустриализации строительства главного топливного региона страны дорого обошёлся обществу и самой Западной Сибири. По его мнению, «обустройство могло и должно было быть, как задумывал А. С. Барсуков, более экономически корректным, менее ресурсозатратным, а самое главное — менее трудоемким, что позволило бы избежать привлечения в Сибирь десятков тысяч рабочих»[711].

Тем не менее, предприятия строительной индустрии Ханты-Мансийского автономного округа и Тюменской области в 1970–1980-е гг. становились самодостаточным субъектом производства строительных материалов и стеновых конструкций. При этом в ходе создания новых заводов и восстановления ранее существовавших значительно возрастал объём выпускаемой продукции и обновлялся её ассортимент. Например, поиск оптимальной организации управления и производства существовавшего еще до Октябрьской революции, национализированного в 1917 году ветерана строительного производства Западной Сибири кирпичного завода «Труд» завершился преобразованием ТПКО «Тюменьстройматериалов»

---

[708] Чинчевич А. Все остается людям // Соратники. Поколение Виктора Муравленко. Тюмень, 2002. С. 77.

[709] Баталин Ю. П. Вместо предисловия // История и перспективы градостроительного освоения территории севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 34.

[710] Чинчевич А. Все остается людям. С. 77

[711] Баталин Ю. П. От игр в «кубики» к суперблокам. С. 81.

в товарищество с ограниченной ответственностью (ТОО) «Комбинат строительных материалов», а в апреле 1997 г. на его основе было создано открытое акционерное общество (ОАО) «Комбинат строительных материалов».

В настоящее время Тюменский комбинат строительных материалов представляет собой современное производство, выпускающее свыше 300 наименований железобетонных изделий, включающих многопустотные плиты перекрытий шириной 1,5 м, лестничные ступени, марши и площадки, перемычки и прогоны, фундаментные блоки, плиты и ленточные фундаменты, приставки для опор ЛЭП и другие важнейшие строительные конструктивные элементы[712].

Крупные задачи в ходе эволюции своего производства решал трудовой коллектив Винзилинского завода силикатных изделий. Отметив его стремительную эволюцию в 1965–1967 гг. как производителя кирпича, обратим внимание на развитие индустриального потенциала этого предприятия и его вклад в технологическую трансформацию строительной отрасли Западной Сибири в последующие годы.

В 1973 г. Всесоюзным государственным институтом по проектированию предприятий промышленности строительных материалов «НИИКерамзит» был разработан проект строительства завода керамзитового гравия. На основе этого проекта работы по строительству завода в посёлке Винзили были начаты в апреле 1976 г. и завершены в декабре 1980 г. Свой двадцатилетний юбилей в 1985 г. Винзилинский завод силикатных изделий знаменовал выпуском 2 млрд 100 млн штук силикатного кирпича и 240 тыс. кв. м облицовочной плитки. Переход к рыночной экономике Винзилинский завод осуществлял очень болезненно. В ходе реорганизации системы управления, обновления руководящего кадрового состава и большой части управленцев среднего звена произошел спад производства и строительной активности предприятия, начался переход на бартерные сделки.

Наряду с этим, заводу на базе созданного в 1960–1980-е гг. промышленного потенциала удалось сохранить динамику производства и выйти на высокие экономические показатели[713].

30 декабря 1971 г. в Тюмени начал функционировать завод ЖБИ-3 как экспериментальный завод, построенный по специальному проекту, разработанному Куйбышевским государственным проектным институтом «Гипронефтестрой» в целях ускоренного развития Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса. Его производственная мощность выпуска железобетонных изделий была рассчитана на 108,5 тыс. куб. м в год. Проект завода предусматривал широкую номенклатуру выпускаемых изделий, включавшую железобетонные блоки для строительства промышленных и жилищных объектов. Трудно переоценить экономический вклад завода и его правопреемника современного ООО «Завод ЖБИ-3» в промышленное обустройство нефтяных и газовых месторождений, а также городское строительство в округе, осуществленный им в ходе его пятидесятилетней деятельности[714].

---

[712] Архивный отдел Управления по обращениям граждан и делопроизводству Административного департамента Администрации города Тюмени. Фонд № 178.

[713] История промышленности в фотографиях: ООО «Инвест-селикат-стройсервис» // URL: https://zavodfoto.livejournal.com/5667858.html (дата обращения: 17.10.2022).

[714] ЖБИ-3//URL: http// jbi — 3/about/ (дата обращения: 20.10.2022)

Рис. 2.113. Завод стеновых материалов «Поревит» (бывш. Ялуторовский кирпичный завод). Современное фото из открытых источников

Заметный след в истории промышленного и городского строительства Ханты-Мансийского автономного округа оставил Ялуторовский завод, начавший свою деятельность с производства кирпича еще в 1971 г. и ставший основой современного холдинга «Поревит» — модернизированного предприятия по производству стеновых блоков из автоклавного газобетона, силикатного кирпича и силикатных пазогребневых блоков. Современная производственная мощность завода составляет 300 тыс. м^3 газобетона и 110 млн штук условного кирпича в год. Завод оснащен автоматизированными линиями производства немецкой фирмы MASA HENKE Maschinenfabrik GmbH[715].

В добавление к названным предприятиям строительной индустрии, осуществлявших обустройство месторождений и городское строительство непосредственно на территории Ханты-Мансийского автономного округа, подчеркнем, что выпуск железобетонных конструкций и изделий на территории Тюменской области и Ханты-Мансийского автономного округа как ее субъекта осуществляли 13 крупных промышленных предприятий, обеспечивших высокий уровень индустриализации строительства Ханты-Мансийского автономного округа, который составил к 1990 г. 68%, в то время как по стране он равнялся 60%[716].

[715] Поревит. Завод стеновых материалов // URL: http// porevit. ru / o-zavode/ (дата обращения: 20.10.2022)

[716] Индустриализация строительных объектов нефтяной и газовой промышленности. М., 1985. С. 6.

Таблица 2.27

Промышленность строительных материалов Ханты-Мансийского национального / автономного округа. 1965–1990 гг.

Строительные материалы	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.
Сбор. железоб. изд. (тыс. куб. м)	1	40	198	337,2	814,3	1117,5
В т. ч. по пром. предприятиям	1	40	189	297	680	795,3
Кирпич строит. (млн штук)	5,2	4,2	11,7	13,4	31,4	60,1
Керамзит (тыс. куб. м)			64	81,4	91,8	222,8
Песок строительный (тыс. куб. м)				1014,5	1665	2468
Конструкции стальные (тыс. т)						22,9

Источник: 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу Югра (Информационно-статистический сборник). Сургут, 1995. С. 227.

Сегодня строительная промышленность Тюменской области, включая предприятия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, производит подавляющую часть строительных материалов и конструкций, тем самым удовлетворяя значительную часть потребностей северных территорий Западной Сибири в ее продукции.

Таким образом, в процессе производственного и социального освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции трудовым коллективам предприятий промышленного производства материалов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Тюменской области, несмотря на огромные трудности их организационного, производственного и социального развития, удалось заложить основы индустриализации промышленного и гражданского строительствана Севере Западной Сибири, а в последующие годы существенно приумножить его экономический потенциал.

Глава 7

Лесная промышленность: от лесозаготовок до создания лесопромышленного комплекса

Лесная промышленность являлась одной из ведущих отраслей народного хозяйства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. В начале 1950-х гг. по стоимости выпускаемой ею продукции она занимала второе место в экономике округа[717]. В 1958 г. ее удельный вес в общем выпуске промышленной продукции округа составлял более 25%[718].

Развитие лесной промышленности в СССР в 1950-е гг. осуществлялось быстрыми темпами. В 1956 г. XX съезд КПСС принял решение ускорить освоение богатых природных ресурсов восточных районов. В последующие десятилетия на востоке страны реализовывались такие экономические программы, как сооружение крупнейших электростанций, создание металлургической и нефтедобывающей базы, строительство Байкало-Амурской магистрали. Это движение на восток коснулось и лесной промышленности[719]. Началось перебазирование лесозаготовок в восточные, более многолесные районы страны, и, в первую очередь, в таежную зону Севера Западной Сибири.

Надо было не просто перенести лесозаготовки из европейской части страны, где лесные ресурсы неумолимо сокращались, в богатую лесом Сибирь, а делать это на современной, более совершенной технической, технологической и организационной базе. Поэтому большое внимание уделялось развитию технической базы лесной промышленности. Эти задачи были поставлены в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 октября 1953 г. «О ликвидации отставания лесозаготовительной промышленности» и от 6 августа 1955 г. «О мерах по коренному улучшению работы лесозаготовительной промышленности». В леспромхозы округа высокопроизводительная техника стала поступать еще в 1946 г. На протяжении 1950-х гг. значительная часть трудоемких работ была механизирована.

Если в довоенные годы механизация лесозаготовок проводилась за счет применения и приспособления к эксплуатации в лесах машин и механизмов общего назначения, то с 1950-х гг.

---

[717] Кокосов Н. М., Никулин В. И., Харин В. И. Ханты-Мансийский национальный округ (Очерки природы и хозяйства). Свердловск, 1956. С. 68.

[718] Судаков А. В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в кон. 1950-х — сер.1980-х гг.: автореф. дис ... канд. ист. наук. Сургут 2005. С. 18.

[719] XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. I. М., 1956. С. 52.

Рис. 2.114. Заготовка леса. Кондинский леспромхоз. Фото: В. В. Ахломов. Музей геологии, нефти и газа

осуществлялось специальное конструирование и внедрение в производство механизмов, разработанных для лесной промышленности. В 1955 г. была создана бензопила «Дружба». Было разработано несколько типов агрегатных трелевочных лебедок, трелевочных тракторов, стали использоваться автомашины повышенной грузоподъемности — лесовозы и т. д.

На смену устаревшей техники в отрасль начали поступать автомобили ЗИЛ-151, МАЗ-200, МАЗ-501, тракторы ТДТ-40, модернизируемый трактор КТ-12. Таким образом, в 1950-х гг. шел активный процесс замены гужевого транспорта на машины и трактора, ручных пил на бензомоторные.

Во второй половине 1960-х гг. продолжилась механизация технологических процессов, строительство лесовозных дорог. В этот период предприятия получили более мощные трелевочные трактора (ТДТ-55, ТТ-4, К-703). Вывоз леса осуществлялся автомобилями марок МАЗ-509, КрАЗ-255, КрАЗ-255Л. На погрузочно-разгрузочных работах стали шире использовать челюстные погрузчики ЛТ-65, на нижнескладских операциях — полуавтоматические линии ПЛХ-3АС, башенные и консольно-козловые краны повышенной грузоподъемности.

Во второй половине 1970-х гг. на предприятия округа стали поступать валочно-пакетирующие машины ЛП-19 и бесчекерные тракторы, впервые опробованные на лесозаготовках Советского ЛПК. В дальнейшем они стали активно использоваться в Комсомольском, Пионерском, Торском, Няганьском, Южно-Кондинском леспромхозах и Кондинском ЛПК[720]. В 1981–1990-х гг. продолжалось техническое дооснащение погрузочно-разгрузочных нижнескладских работ, раскряжевки древесины, сортировки круглого леса. Использовались козловые краны (К-305, ЛТ-62, ККЛ-32), консольно-козловые краны (ККУ-7,5, ККС-10, ККЛ-16), а также челюстные погрузчики ЛТ-65[721].

Техническое перевооружение отрасли позволяло развивать современные технологии заготовки древесины. Однако в 1950-е гг. механизация отдельных трудоемких процессов оставалась крайне недостаточной. Например, на обрубке сучьев более половины рабочих было занято тяжелым ручным трудом. Слабое развитие ремонтной базы приводило к быстрому износу техники. Несовершенная организация производственного процесса порождала расточительное и нерациональное использование лесосечного фонда. Перед руководством лесной промышленности продолжали стоять серьёзные задачи по модернизации одной из ведущих отраслей народного хозяйства Югры.

В 1960-е гг. одним из важных факторов решения первоочередных проблем улучшения использования техники и механизмов явился курс на увеличение сменности их работы. Сначала

[720] Решетников А. С. Тюменский лесной комплекс: Страницы истории (1917–1997 гг.). Тюмень, 1997. С. 50–51.

[721] Решетников А. С. Тюменский лесной комплекс. С. 54–55.

леспромхозы стали использовать полуторный, а затем, и многосменный режим эксплуатации трелевочных тракторов. Затем на двухсменный режим работы перешли многие бригады Комсомольского, Пионерского, Советского и других леспромхозов округа. Осенью 1969 г. в Комсомольском леспромхозе в целях устойчивого обеспечения круглосуточной вывозки и разделки хлыстов на его нижнем складе бригады П. В. Попова, И. М. Афанасьева, Ф. А. Петрова и В. Я. Бугаева организовали работу своих трелевочных тракторов в три смены[722].

В 1970-е гг. продолжали внедряться новые технологии: валка деревьев без помощника, крупнопакетная погрузка, комплексные лесосечные бригады, многооперационная техника, трехсменный режим на лесосеках, вахтовый метод заготовок. Разработка лесозаготовителями Ханты-Мансийского автономного округа новых форм организации труда в 1970-х гг. была вызвана специфическими особенностями расположения лесных массивов региона, состоявшие в том, что они имели «островной» характер размещения. Кроме того, близлежащие сырьевые базы вырабатывались, и предприятия вынуждены были переходить к дальним лесным массивам.

Передовая организация труда способствовала снижению сезонности в работе лесозаготовительных предприятий Югры. Новые методы труда позволяли использовать лесные участки, расположенные на значительном расстоянии от основных производственных баз. При этом не было необходимости строительства дорог круглогодичного действия, что обусловило увеличение продолжительности деятельности предприятий и выполнение плановых заданий по вывозке древесины.

Так, Кондинский ЛПК достаточно быстро освоил сырьевую базу в соответствии с предусмотренной проектами схемы транспортного обслуживания лесов, закрепленных за ним. На расстоянии 70–100 и более км от него имелись большие запасы древесины. При старых способах организации труда их освоение требовало больших капиталовложений на дорожное строительство. Теперь в отдаленных лесных массивах создавались вахтовые посёлки, которые позволяли лесорубам работать круглогодично. Древесина заготавливалась и укладывалась в запас. Этим создавались условия для выполнения плана вывозки древесины в осенне-зимний период. В условиях Югры себестоимость зимней вывозки древесины была дешевле летней. Таким образом, применение вахтового метода создавало возможность сохранить объёмы заготовки древесины предприятием на длительный период[723].

Вахтовый метод снижал риск быстрой выработки сырьевой базы и продлевал срок деятельности лесопромышленных предприятий. Бригады, внедрявшие многосменный и вахтовый методы, сложились как уникальные трудовые коллективы, где рабочие владели несколькими смежными профессиями. Поэтому опыт лесозаготовителей Тюменского Севера изучался по всей стране[724].

Главной отличительной чертой второй половины 1970-х гг. для подразделений лесной отрасли стала машинизация лесосечных работ на базе многооперационных машин. В 1981–1990 гг. важнейшей задачей стало повышение комплексности переработки древесного сырья. В Тю-

---

[722] Решетников А. С. Тюменский лесной комплекс. С. 42–44.

[723] ГАТО. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 2250. Л. 31.

[724] Судаков А. В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в кон. 1950-х — сер. 1980-х гг. С. 22–23.

менской области на базе лесхозов было создано 24 комплексных лесных предприятия (КЛП). КЛП активно включились в лесозаготовительные процессы[725].

Для развития лесной промышленности в регионе, наряду с активным внедрением техники и развитием современной технологии заготовки лесных материалов, не менее важно было развивать транспортную инфраструктуру. В 1950-е гг. в Тюменской области были проложены 286 км железных и 345 км автомобильных дорог. В строй были введены Елизаровская и Супринская автодороги в Ханты-Мансийском и Дубровинском леспромхозах, а также Варваринская и Маранская лежневые автолесовозные дороги в Карбанском, Больше-Леушинском и Кондинском леспромхозах[726].

В 1959 г. началось строительство железной дороги Ивдель — Обь. Магистраль связала промышленный Урал с лесными массивами территории Сосьвинского Приобья. Ввиду более благоприятных лесорастительных условий, леса Сосьвинского Приобья существенно отличаются от лесных массивов таежных районов Западной Сибири относительно высоким запасом и качеством древесины. Это обстоятельство учитывалось при проектировании железной дороги Ивдель — Обь. Лучшие леса произрастали по водоразделу бассейнов рек Конды и Северной Сосьвы. Они образовали лесосырьевые базы Пионерского, Комсомольского и Советского леспромхозов. Здесь были самые высокие в зоне железной дороги эксплуатационные запасы древесины на 1 га эксплуатационной площади — соответственно 210, 220 и 224 м^3. Эти леса были и менее заболоченными. Главные лесообразующие породы в лесах Сосьвинского Приобья были представлены хвойными деревьями: соснами, кедрами, елеями и лиственницами[727].

Осуществляемое строительство железной дороги Ивдель — Обь делало крупный неосвоенный лесной район доступным для эксплуатации в промышленных масштабах с запасом древесины свыше 500 млн м^3, а с учетом лесных массивов, расположенных в среднем течении Оби, также тяготеющих к железной дороге Ивдель — Обь сплавом своего леса. Она открывала возможности освоения практически не тронутых лесных массивов с запасом около 2 млрд м^3, что на тот период превышало запасы таких богатых лесом стран как Швеция (1820 млн м^3) и Финляндия (1491 млн м^3)[728]. Железные дороги Ивдель — Обь и Тавда — Сотник обеспечивали кратчайший выход древесины, заготовляемой в бассейне средней и нижней Оби к железным дорогам европейской части СССР, минуя загруженную Транссибирскую магистраль. По сравнению с транспортировкой лесных материалов из Красноярского края, Иркутской области расстояние сокращалось на 2000–2500 км[729].

После завершения строительства железной дороги Тюмень — Тобольск — Сургут — Нижневартовск в 1975–1976 гг. и ее полноценной эксплуатации со второй половины 1970-х гг. стали более доступными лесные запасы центральной и восточной части округа. Железная дорога дала старт созданию новых лесозаготовительных предприятий.

Важную роль в развитии лесной промышленности играли кадры. В предшествующий период в отрасли активно использовали труд спецпереселенцев и сезонных рабочих. В качестве

---

[725] Решетников А. С. Тюменский лесной комплекс. С. 55.

[726] Решетников А. С. Тюменский лесной комплекс. С. 32–33, 36.

[727] Михайлов В. П., Будьков С. Т. Природные ресурсы, население и хозяйство Сосьвинского Приобья // Сосьвинское Приобье (Очерки природы и хозяйства). Иркутск, 1975. С. 422.

[728] ГАТО. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 654. Л. 2.

[729] ГАТО. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 654. Л. 55.

сезонных рабочих выступали колхозники, которые трудились в зимний период со своим гужевым транспортом. С 1957 г. прекратилось привлечение сезонников на лесозаготовки. За успехи в развитии лесной промышленности в 1957 г. более 100 работников Тюменской области были награждены орденами и медалями, в том числе в Ханты-Мансийском национальном округе 30 передовиков производства[730].

Активное развитие лесной промышленности в бассейнах Сосьвы и Конды изменило социально-демографическую ситуацию. Средняя плотность населения западных районов округа составляла менее 0,5 человека на 1 км^2. Только после того, как началось строительство железной дороги Ивдель — Обь, стал заселяться Кондо-Сосьвинский водораздел, по которому прошла дорога. Приток населения сюда был связан с созданием в зоне тяготения дороги крупных леспромхозов. Население посёлков леспромхозов целиком состояло из приезжих, выходцев из южных районов Тюменской области, Урала, областей Севера и Северо-Запада европейской части СССР[731].

Прибывавшие специалисты активно включались в работу. Так, например, Белобородова Валентина Михайловна молодым специалистом приехала в 1964 г. в Октябрьский леспромхоз после окончания Суводского лесного техникума Кировской области. Работала в Няганьском лесничестве лесоводом. Принимала активное участие в общественной жизни трудового коллектива. Среди работников широко использовался метод социалистического соревнования, являвшийся в исследуемый период основной формой участия в борьбе за повышение производительности труда и повышение эффективности лесозаготовительного производства.

Наиболее важными критериями при подведении итогов социалистического соревнования являлись мероприятия по охране лесов от пожаров. Премии назначались по итогам лесовосстановительных рубок, рубок ухода за лесом при условии хорошей охраны леса от пожаров. Если допускались пожары леса, даже при других хороших показателях работники премии лишались. В сотрудничестве с лесничеством всегда работал авиаотряд. На вертолетах делали облет, обнаруживали костры и высаживали десант на тушение пожаров[732].

Свидетельством напряженной работы по выполнению трудовых обязательств в ходе социалистического соревнования являются воспоминания Ю. А. Плотникова, который в 1964 г. приехал трудиться в Октябрьский леспромхоз из Новосибирской области. Он работал водителем лесовоза. В 1966 г. переехал в Нягань и устроился в Няганьском ЛПХ. Рассказ Юрия Александровича хорошо иллюстрирует бурные трудовые будни лесозаготовок в Югре: «Лес вывозили большими темпами. Работали в 2–3 смены. Ели на ходу, чтобы на погрузке не стоять. Сами оборудовали машины для вывоза леса. Я постоянно вносил рационализаторские предложения, одним из первых сделал к машине металлическую площадку, лес стало вывозить намного удобнее, качество и объём вывозимой древесины увеличился. Работали без выходных. Сломается машина, на ремонт выходим вместе, чтобы быстрее устранить неполадки и снова приступить к работе. Работа шла круглые сутки, мы сменяли друг друга, не

---

730 Решетников А. С. Тюменский лесной комплекс. С. 37–38.

731 Михайлов В. П., Будьков С. Т. Природные ресурсы, население и хозяйство Сосьвинского Приобья. С. 433.

732 Воспоминания Белобородовой Валентины Михайловны (2003 г.) // Моя судьба в истории Югры: Сборник документов / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Тюмень, 2005. С. 55.

останавливали работу ни днем, ни ночью. Практически на работе мы жили, домой появлялись лишь сменить одежду, помыться и посмотреть на семью»[733].

Именно представитель лесной отрасли, бригадир лесозаготовительной бригады Комсомольского леспромхоза Павел Васильевич Попов стал первым и единственным в Тюменской области дважды Героем Социалистического Труда. Павел Васильевич в 1962 г. приехал в ХМНО из Костромской области. В начале был рабочим Берёзовского лестрансхоза Минтрансстроя СССР. 16 сентября 1963 г. поступил на работу в Комсомольский леспромхоз комбината «Тюменьлес», где проработал 26 лет до выхода на пенсию. Одной из первых в отрасли его бригада перешла на двух и трехсменную работу по заготовке леса с целью более эффективного использования лесосечного оборудования.

Бригада П. В. Попова была постоянным лидером социалистического соревнования в Советском районе, объединении «Тюменьлеспром» и в Минлеспроме, она стала школой передового опыта для рабочих предприятий Минлеспрома по внедрению новой лесозаготовительной техники. В 1982 г. ей было присвоено звание «Лучшая бригада отрасли», а П. В. Попову присвоено звание «Заслуженный работник лесной промышленности РСФСР»[734].

Рис. 2.115. «Миллиардный кубометр леса Родине!» Бригада Павла Васильевича Попова. Музей геологии, нефти и газа

Работникам лесной промышленности приходилось жить в сложных бытовых условиях. В посёлках леспромхозов имелось много нерешаемых долгие годы социальных проблем. Например, в 1968 г. группа работников областных организаций проверила состояние обустройства, торговли, общественного питания, бытового обслуживания, работы органов народного образования, здравоохранения и культуры в посёлках лесозаготовительных предприятий

[733] Воспоминания Плотникова Юрия Александровича (2003 г.) // Моя судьба в истории Югры: Сборник документов. Сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Тюмень, 2005. С. 280.

[734] Попадинцев Е., Васин А., Васина А. Советский район. История, экономика, природа, люди. 1968–1998 гг. Советский, 1998. С. 8, 68–69.

Советского, Октябрьского и Кондинского районов. Комиссия выявила серьёзные проблемы в обеспечении жизнедетельности тружеников леспромхозов. Строительство жилых домов велось по проектам, разработанным для средней полосы страны, без учета суровых климатических условий Севера. Они не отвечали современным домостроительным требованиям.

Это стало следствием действующего по отношению к Северу, так называемого, «шаблона средней полосы»[735]. То есть при разработке многих вопросов технического оснащения и организации производства в районах Севера не учитывалась специфика региона, его природные, социально-экономические, демографические и другие особенности. Это снижало эффективность хозяйствования на Севере, приводило ко многим социальным, экономическим и экологическим проблемам.

Застройка посёлков производилась без инженерной подготовки, не сохранялась предусмотренная проектами зеленая зона. Уровень благоустройства посёлков отставал от развития производственных мощностей леспромхозов. В леспромхозах Пионерском, Комсомольском, Советском объём вывозки леса против проектной мощности увеличился на 30–50%, а капитальные вложения на жилье и объекты социально-культурного назначения оставались в пределах проектов и полностью не осваивались[736].

В 1970-е гг., в связи с активизацией вахтового метода лесоразработок, распространение получили также вахтовые посёлки. Однако благополучными из них были немногие. Среди них следует назвать вахтовый посёлок Комсомольского леспромхоза бригады П. В. Попова. Будучи передовиком производства, Павел Васильевич также заботился и о бытовых условиях, в которых приходилось жить и работать лесозаготовителям.

Однако такой посёлок был скорее исключением из суровых правил повседневной жизни рабочих лесной промышленности округа. Во многих случаях уже построенные посёлки испытывали большие социальные и бытовые проблемы из-за невыполнения перспективных планов развития лесной промышленности. С ноября 1984 г., например, в посёлке Салым был дислоцирован лесопункт Балыкского леспромхоза. Администрацией Тюменьлеспрома планировалось в 1985 г. преобразовать лесопункт в крупный леспромхоз с безотходной технологией. Был разработан генплан благоустройства посёлка на 5000 жителей, подъездные пути, дороги, оборудована промзона общей сметной стоимостью 105 млн руб. Прошло две зимы, а на развитие лесопункта средств не выделялось. Жилой фонд и объекты соцкультбыта стали приходить в негодность. Это порождало массовые жалобы трудящихся[737].

Такого рода факты приводили к высокой подвижности населения в лесопромышленной зоне, а на предприятиях к большой текучести кадров. В 1965 г., например, она колебалась от 37% в Пионерском до 83% в Зеленоборском ЛПХ. Главной причиной текучести, несмотря на высокий уровень заработной платы, превышавшей в среднем 3 тыс. руб. на работающего, являлся недостаточно высокий уровень культурно-бытового, коммунального и других видов обслуживания[738].

---

[735] Подробнее см.: Гололобов Е. И. Проблемы повышения эффективности народного хозяйства и вопросы охраны окружающей среды на Сибирском Севере в 1960–1980-е гг.: проклятье «шаблона средней полосы» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (63). С. 114–123.

[736] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4521. Л. 70–72.

[737] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 7266. Л. 136.

[738] Михайлов В. П., Будьков С. Т. Природные ресурсы, население и хозяйство Сосьвинского Приобья. С. 434.

Тем не менее, посёлки лесозаготовителей, такие как Комсомольский, Советский, Куминский, Пионерский, постепенно превращались в посёлки городского типа со школами, домами культуры, детскими садами, спортплощадками. Снабжение новых рабочих посёлков также отличалось в лучшую сторону. Работники лесной отрасли имели возможность приобретать в магазинах радиоприемники, телевизоры, швейные и стиральные машины, одежду, мотоциклы и другие промышленные товары. Достаточным было и продовольственное обеспечение. При этом строительство непроизводственных объектов, в основном, являлось прерогативой самих предприятий лесной промышленности.

Во второй половине 1950-х гг. основным направлением развития лесной промышленности Советом Министров СССР было определено создание лесопромышленных комплексов, охватывающих весь производственный цикл от заготовки и возобновления леса до выработки готовой продукции[739].

С учетом особенностей природных условий, экологической значимости лесного покрова, развития транспортного сообщения, наличия трудовых ресурсов, хозяйственно-экономической специализации территорий в округе выделено пять лесоэкономических районов: Берёзовский, Ивдель-Обский, Кондинский, Обь-Иртышский и Среднеобский. Однако размещение лесозаготовительных и деревоперерабатывающих предприятия было неравномерным. Как правило, они были сконцентрированы вдоль магистральных транспортных нитей рек Оби, Иртыша и Конды. Огромные лесные массивы междуречий из-за отсутствия транспортных связей оставались нетронутыми.

Для более полного и эффективного использования лесных ресурсов в рассматриваемом районе были намечены к строительству следующие лесопромышленные комплексы:

Таблица 2.28

Планируемые лесопромышленные комплексы (ЛПК)

Название	Планируемые объёмы заготовки древесины
Нижне-Обской	13,2 млн м^3
Ивдельский	3,5 млн м^3
Верхне-Кондинский	2,6 млн м^3
Верхне-Сосьвинский	2,6 млн м^3

Источник: ГАТО. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 654. Л. 2.

Данные таблицы 2.28 свидетельствуют о том, что планировалось значительно увеличить темпы освоения лесных ресурсов округа. Заготовка древесины в Югре безусловно росла в 1950-е гг., но не высокими темпами. В пятой пятилетке (1951–1955 гг.) общий объём заготовок древесины в округе составлял чуть более 1 млн м^3 в год. Очевидно, что такие объёмы заготовки лесоматериалов абсолютно не соответствовали имеющимся к освоению ресурсам в регионе. Намеченные к строительству лесопромышленные комплексы должны были радикально изменить ситуацию в сторону многократного увеличения заготовки деловой древесины.

[739] Решетников А. С. Тюменский лесной комплекс. С. 32.

Будущие промышленные комплексы должны были представлять более высокий тип предприятий по сравнению с существующими. Организация таких предприятий открывала широкие возможности полного и рационального использования лесных ресурсов, более рациональной организации технологического процесса, снижения себестоимости, сокращения капитальных вложений, улучшения условий труда, культуры и быта рабочих[740].

Вдоль дороги было образовано 9 леспромхозов, вокруг которых затем выросли современные посёлки и города: Пионерский (1961 г.), Комсомольский (1962 г.), Советский (1962 г.) и др. Уже 21 февраля 1962 г. из посёлка Пионерский был отправлен первый состав с югорским лесом. Железная дорога позволила вовлечь в промышленный оборот десятки тысяч гектаров тайги на территории Советского и Октябрьского районов. Себестоимость лесоматериалов в пунктах потребления, например, в Донецком бассейне из района Ивдель-Обь была дешевле, чем при транспортировке из Коми АССР на 5 руб., из Красноярского края на 10 руб., из Иркутской области на 14 руб. за один куб. м [741].

Предприятия Ивдель-Обской зоны, благодаря наличию преимущественно высококачественных хвойных насаждений и надежным транспортным возможностям, позволили в достаточной короткий срок довести объём лесозаготовок в округе до 3 млн км^3 в год. Общий объём лесозаготовок к 1960 г. по сравнению с 1940 г., увеличился в 11 раз. Быстрому становлению югорских леспромхозов (Пионерского, Комсомольского, Советского, Зеленоборского и Куминского) способствовали опытные механизаторы и специалисты старейшего в Тюменской области Заводоуковского леспромхоза, направленные на Север для передачи своего опыта. В числе прибывших на освоение югорских лесов были Герой Социалистического Труда А. М. Бревин, начальник лесопункта Ф. Нохрин, мастера лесозаготовок Н. Хильченко, В. Вахнин, Л. Трушкова, механизаторы А. Агапов и многие другие[742].

Предприятия осуществляли полный комплекс работ по заготовке, вывозке и раскряжевке леса, вели переработку древесины на пиломатериалы, шпалы, товары народного потребления. Леспромхозы заготавливали, главным образом, деловую древесину. На нее приходилось 83% объёма заготовок. Основными вырабатываемыми сортиментами древесины являлись пиловочник — 54%, рудничная стойка — 17%, телеграфные столбы — 11%, шпальник — 9%. Около 17% заготовляемой древесины составляли дрова[743].

В первой половине 1970-х гг. продолжалось наращивание мощностей по лесозаготовкам в районе железных дорог Ивдель — Обь и Тавда — Сотник. При этом все острее стал проявляться дефицит в древесине для обустройства нефтяных месторождений, разрабатывавшихся в Среднем Приобье. Для его пополнения в эксплуатацию стали вводиться новые лесные массивы Приобского региона. После завершения строительства так называемого «стального меридиана» — железной дороги Тюмень — Тобольск — Сургут — Нижневартовск лесные массивы восточной части округа стали активно использоваться для обустройства и снабжения нефтяных месторождений.

В 1973 г. Туртасский лесопункт стал функционировать как самостоятельное лесозаготовительное предприятие. В этот же период в строй действующих предприятий в зоне железной

---

[740] ГАТО. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 654. Л. 3.

[741] ГАТО. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 654. Л. 55.

[742] Решетников А. С. Тюменский лесной комплекс. С. 40.

[743] Михайлов В. П., Будьков С. Т. Природные ресурсы, население и хозяйство Сосьвинского Приобья. С. 438.

Рис. 2.116. Панорама первого деревообрабатывающего завода (склады завода). г. Сургут. Сургутский муниципальный архив. Фотофонд. Оп. 2. Д. 81. Л. 1

дороги Ивдель — Обь вошли Торский леспромхоз и объединение «Сергинолес». В данный период завершилось обустройство Сергинской и Кондинской лесоперевалочных баз, которые всю поступающую к ним сплавом древесину стали отправлять по железной дороге, что значительно сократило сроки ее поставки потребителям[744]. Во второй половине 1970-х гг. вдоль железной дороги Тюмень — Нижневартовск вошли в строй Салымский, Балыкский, Нижневартовский леспромхозы.

С 1970-х гг. Ивдель-Обский лесоэкономический район стал одним из основных лесозаготовительных и деревообрабатывающих центров в Югре. К середине 1970-х гг. в нем заготавливалось более 5 млн м^3 хвойной древесины в год. Затем объёмы заготовок стали снижаться[745]. Это было связано в том числе с тем, что наряду с последовательными прогрессивными изменения в лесной промышленности округа (автоматизация, механизация производственных процессов, новые организационные формы работы), нарастали и негативные тенденции в развитии отрасли. Леспромхозы Сосьвинского Приобья быстро наращивали производственные мощности, превышая проектные показатели. Так, Пионерский ЛПХ уже в 1968 г. заготовив 590 тыс. м^3 древесины, превысил проектную мощность на 40 тыс. м^3. Комсомольский и Советский ЛПХ, имея проектную мощность 400–450 тыс. м^3, заготавливали в 1970-е гг. ежегодно более 700 и 600 тыс. м^3 древесины[746]. Обозначился явный крен в сторону заготовки древесины, а не ее глубокой переработки на местах, как планировалось изначально.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что в 1980-е гг. задачи в лесной отрасли оставались прежними: совершенствование производственных процессов и повышение комплексности переработки древесного сырья. Необходимо было более эффективно использовать уже имеющиеся технические средства и внедрять новые системы машин. Тем не менее, из основных лесоэксплуатационных районов железных дорог Ивдель — Обь, Тавда — Сотник, где интенсивно наращивались объёмы лесозаготовок, древесина вывозилась за пределы области. В то же время в Среднем Приобье и на юге Тюменской области возрастал ее дефицит. Это делало необходимым активное развитие лесозаготовок в лесных массивах, примыкающих к железной дороге Тобольск — Сургут — Нижневартовск. По оценкам специалистов здесь было сосредоточено 700 млн м^3 леса, имелась возможность ежегодно заготавливать до 7,5 млн м^3 древесины. Задача эта решалась за счет Туртасского, Сургутского, Нижневартовского предприятий и создания новых — Салымского, Балыкского и Куль-Еганского[747].

---

744 Решетников А. С. Тюменский лесной комплекс. С. 48.

745 Чижов Б. Е. Лес и нефть Ханты-Мансийского автономного округа. Тюмень, 1998. С. 18.

746 Михайлов В. П., Будьков С. Т. Природные ресурсы, население и хозяйство Сосьвинского Приобья. С. 439.

747 Решетников А. С. Тюменский лесной комплекс. С. 53–54.

Лесозаготовительные работы в округе исследуемый период отличались высокой интенсивностью. За 30 лет (1960–1990 гг.) только Ивдель-Обский лесоэкономический район дал народному хозяйству более 120 млн м³ древесины[748].

Однако оборотной стороной бурного экономического роста стали практически полностью вырубленные полосы леса шириной 70–100 км по обе стороны железной дороги Ивдель — Обь. С развитием нефтегазодобычи, наряду с рубками главного пользования, значительные масштабы приобрели прочие рубки: расчистка временных транспортных трасс, автодорог, линий электропередачи и связи, нефтепроводов, подготовка площадок под кусты скважин и т. д. Объем вырубаемой древесины по прочим рубкам в целом по округу составлял от 15 до 35%, а в Нефтеюганском, Сургутском и Нижневартовском районах он практически равнялся объёмам заготовок по главному пользованию[749].

Интенсивная эксплуатация лесных массивов привела к снижению объёма заготовок древесины и вывозу ее за пределы округа к концу 1970-х гг.

Таблица 2.29

Вывозка древесины за пределы Ханты-Мансийского национального/автономного округа (в тыс. м³)

Вывозка древесины за пределы округа (в тыс. м³)	1950 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1979 г.
	974	4733	8197	11277	8630

Источник: Экономика и культура ХМАО за 50 лет (в цифрах). Ханты-Мансийск, 1980. С. 12.

Наряду со снижением темпа заготовок, необходимо указать на их односторонний характер. Развивались в основном собственно лесозаготовки, при этом значительно отставала от них деревообработка и совершенно отсутствовало гидролизное, дрожжевое, целлюлозно-бумажное и лесохимическое производства. Заготовленная древесина вывозилась преимущественно в круглом виде, а низкокачественная древесина и дрова, отходы не использовались. На лесосеках оставалось более 50% древесной массы, пригодной для переработки.

В 1970–1980-е гг. в округе лесопильно-деревообрабатывающая промышленность была представлена в основном лесопилением, производством шпал и древесно-стружечных плит. Фанерное производство, домостроение, таропиление, производство мебели, столярных изделий в массе своей было сосредоточено на юге Тюменской области. Производством фанеры занималось единственное предприятие области — Тюменский фанерокомбинат. Продукция этого предприятия не обеспечивала потребности области в фанере. Древесно-стружечные плиты выпускали в основном три предприятия ЛПО Тюменьлеспром: ПЛДО «Тура», Советский ЛДК и ПМО Тюменьмебель. Из-за отсутствия производственных мощностей в области не было ни одного предприятия по производству древесно-волокнистых плит. Вместе с ДВП в Тюменскую область приходилось завозить из других регионов мебель, столярные изделия, так как производство их в области не удовлетворяло потребности[750].

---

[748] Чижов Б. Е. Лес и нефть Ханты-Мансийского автономного округа. С. 20.

[749] Чижов Б. Е. Лес и нефть Ханты-Мансийского автономного округа. С. 21.

[750] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 3482. Л. 2.

Имели место и другие серьёзные проблемы. Уже в первые годы существования новых леспромхозов явственно обозначилась существенная деталь: даже капитальные предприятия постоянно находились в стадии строительства. Близлежащие сырьевые базы вырабатывались, и леспромхозы вынуждены были переходить на новые. Это влекло за собой необходимость строительства новых дорог, обустройства производственных участков, что вызывало удорожание производства. Властные органы, в свою очередь, все проблемы, связанные с необходимостью частого перемещения производства, пытались решить за счет самих же предприятий сугубо директивными методами. Поэтому леспромхозы часто вынуждены были останавливать заготовку леса и заниматься подготовкой новых производственных участков к эксплуатации. В результате производственный процесс страдал от аритмии. Выполнение плана лесозаготовителями чаще всего подгонялось к определенным контрольным срокам, что порождало штурмовщину[751].

Вопрос использования низкосортной древесины со временем становился значительной экономической проблемой. Заготовка и сбыт дровяной древесины был для леспромхозов убыточным делом. Например, Пионерскому ЛПХ каждый кубометр дров приносил убыток 4 руб. Для всех ЛПХ ежегодный убыток достигал более 3 млн руб. Эта ситуация складывалась в силу недостаточного развития транспортной инфраструктуры, несовершенства логистики в целом. Леспромхозы не были заинтересованы в вывозке дровяной древесины, так как дрова не находили сбыта и ЛПХ, в конечно счете, несли убытки. Лишь небольшая часть дров потреблялась на месте как топливо. Остальные дрова абсолютно не использовались. Они скапливались и гнили на складах в огромных количествах[752]. При этом колхозы и совхозы безлесных районов страны, остро нуждавшиеся в любой древесине, готовы были сами вывозить тонкомер, дрова и отходы с нижних складов, но делать это запрещалось, так как хронически не хватало вагонов для транспортировки деловой древесины[753].

Для Сибири в целом характерно было весьма нерациональное использование лесных ресурсов. По имеющимся данным, на конец 1960-х гг. на 1000 м^3 заготовленной древесины стоимость основных видов продукции ее переработки в сопоставимых ценах составила в США — 61,3 тыс. руб., Канаде — 58,3, Финляндии — 53,7, Швеции — 55,5 тыс. руб. В СССР этот показатель был равен 19 тыс. руб., а в Сибири — только 12 тыс. руб.[754] В дальнейшем эта ситуация к лучшему не менялась.

Большая часть заготовленной древесины вывозилась по железной дороге в виде круглого леса на Урал, в Центр, Северо-Запад, на Украину, Северный Кавказ, Казахстан, Среднюю Азию. Лишь небольшая часть древесины поступала на шпалопиление. В 1970 г. в Ивдель-Обском районе было произведено около 1500 тыс. штук шпал. В конце 1960-х гг. началась отправка продукции на экспорт. Часть шпал шла в Великобританию, Венгрию, ГДР[755].

---

[751] Судаков А. В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в кон. 1950-х — сер. 1980-х гг. С. 20.

[752] Михайлов В. П., Будьков С. Т. Природные ресурсы, население и хозяйство Сосьвинского Приобья. С. 438.

[753] Михайлов В. П., Будьков С. Т. Природные ресурсы, население и хозяйство Сосьвинского Приобья. С. 438.

[754] Будьков С. Т. Экономическая география Сибири: учеб. пособие для студентов географического факультета по курсу «Экономическая география Западной Сибири». Тюмень, 1976. С. 26–27.

[755] Михайлов В. П., Будьков С. Т. Природные ресурсы, население и хозяйство Сосьвинского Приобья. С. 440.

Снижение объёмов заготовок древесины приводило к невыполнению годовых производственных планов. В 1971 г., например, лесная промышленность (включая Тюменскую область) недопоставила народному хозяйству 6 млн куб. м древесины. Сложилась сложная обстановка с выполнением планов по строительству в городах и в сельской местности.

Складывающаяся в отрасли обстановка вызывала обеспокоенность партийно-государственного руководства. Во всех лесозаготовительных районах страны, в том числе и в Тюменской области, по указанию партийных комитетов были проведены оперативные хозяйственные совещания. На них вскрывались типичные проблемы лесозаготовительной промышленности: быстрая выработка сырьевой базы, тяжелые бытовые условия в вахтовых посёлках лесников, нехватка кадров, слабая ремонтная база, отсутствие транспортных коммуникаций круглогодичного действия, систематические отключения энергоснабжения. Столь же типичными были директивные методы их преодоления: активизация социалистического соревнования бригад, разъяснительная и организационная работа местных партийных и комсомольских комитетов[756].

Во второй половине 1970-х гг. заготовленная древесина по-прежнему вывозилась преимущественно в круглом виде, а низкокачественная древесина и дрова, отходы не использовались. Возникшая в 1960-е гг. эта проблема не решалась. Специалисты справедливо отмечали, что хроническое отсутствие путей ее преодоления наносило значительный ущерб народному хозяйству и экологии страны[757]. Создавалось положение, когда, с одной стороны, строились леспромхозы для снабжения древесиной лесопромышленных комплексов, а с другой стороны, по этим комплексам даже не велись проектные работы.

Прогрессивная, соответствующая времени, идея создания лесопромышленных комплексов дала «обратный» результат, так как не произошло улучшения использования древесного сырья, сократился удельный вес деревообработки, предприятия по глубокой переработке древесины не создавались. Вместо намечавшихся ранее лесопромышленных комплексов было решено построить в округе несколько лесопильно-деревообрабатывающих комбинатов (Советский, Няганьский, Сургутский) и цехи по деревообработке в ряде леспромхозов. Эти предприятия не решали проблемы рационального, комплексного использования лесных ресурсов Обского Севера.

Способы, которыми велась заготовка леса в округе нельзя признать эффективными. Как уже отмечалось, по-прежнему вырубались, как правило, высокобонитетные лесные массивы, занимающие выгодное географическое положение по отношению к транспортным путям. При освоении лесных ресурсов Обского Севера была забыта простая истина. Запасы древесины не беспредельны, они истощимы. Основным принципом таежного лесоводства в лесах Сибири должен был стать принцип, разработанный выдающимся отечественным учёным-лесоводом Г. Ф. Морозовым, состоявшем в постоянстве пользования лесом, непрерывности его эксплуатации[758]. Необходимо было стремиться к такой организации пользования лесом, чтобы он не уничтожался, а по возможности улучшался в своих хозяйственных качествах. Важно было организовывать базы длительного (непрерывного) лесопользования[759].

---

[756] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5457. Л. 1–24.

[757] Будьков С. Т. Экономическая география Сибири. С. 30.

[758] Подробнее см.: Морозов Г. Ф. Учение о лесе. М., Л., 1930. 440 с.

[759] Будьков С. Т. Экономическая география Сибири. С. 31.

Во второй половине 1980-х гг. объёмы производства основных видов продукции лесной и деревообрабатывающей промышленности, за исключением лесоматериалов, продолжали снижаться. В округе преобладало производство пиломатериалов. Глубокая переработка древесины была развита слабо. Негативное влияние на процесс производства лесозаготовительных предприятий оказывали сложные природно-климатические условия, особенно в летние и осенние месяцы. С наступлением весенней распутицы, особенно во второй половине года из-за проливных дождей и переувлажненности грунтов предприятия не могли выдержать набранные темпы, объёмы производства резко упали. Возможности выбора лесосечного фонда с лучшими почвенно-грунтовыми условиями отсутствовали, сырьевые базы были окончательно истощены[760].

Причины снижения темпов заготовки древесины имели хронический характер не только для лесопромышленного комплекса Югры, но и всей Тюменской области во второй половине XX века. Они заключались в разбалансированности материально-технического снабжения, несовершенстве лесозаготовительных механизмов и оборудования, неритмичной работе железнодорожного транспорта министерства путей сообщения. Из 29 производственных объединений, предприятий Тюменьлеспрома план по объёму продукции не выполнили в 1990 г. 14 производств, ими было недопоставлено продукции на 19,9 млн руб., из которых Советский ЛДК недопоставил 4,7 млн руб., Комсомольский КЛПХ — 2,4 млн руб., Пионерский КЛПХ — 2,3, Ун-Юганский КЛПХ — 1,8, Мегионский КЛПХ — 1,5, Торский КЛПХ — 1,4, Балыкский КЛПХ — 1,4, Сургутский КЛПХ — 451 тыс. руб., Няганьский КЛПХ — 172, Салымский КЛПХ — 144 тыс. руб.[761]

Рост производства лесных материалов сдерживался неполным использованием действующих производственных мощностей. Югра располагала значительными лесными ресурсами, однако их большая и лучшая часть вывозилась за ее пределы. Только в 1990 г. из Тюменской области было вывезено лесных материалов (без учета внутриминистерских поставок): ДСП — 74%, шпал — 69%, клееной фанеры — 59%, деловой древесины — 30%, пиломатериалов — 29%. Поставка этой продукции осуществлялась в 12 союзных республик (кроме Прибалтики) и 36 областей. Кроме того, несмотря на огромные потребности строящих организаций, а также населения области в лесных материалах, предприятиями области в 1990 г. было экспортировано такой продукции 412 тыс. м^3 на сумму 35 млн руб. Основными поставщиками лесной и деревообрабатывающей продукции являлись объединения Тюменьлеспром, базовыми производствами которого были предприятия Ханты-Мансийского автономного округа: Агролеспром и Облпотребсоюз[762].

Значительная часть отгруженной на экспорт лесопродукции (86%) приходилась на предприятия Тюменьлеспрома. В деле рационального использования лесных ресурсов по-прежнему имелись существенные недостатки. Лесозаготовки велись нерационально. В большинстве случаев лесозаготовительными организациями не в полной мере очищались лесосеки от вырубленной древесины, что приводило к значительным потерям сырья и созданию в лесах пожароопасных ситуаций. По состоянию на 1 июня 1990 г. площадь неочи-

---

760 ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 3482. Л. 2.

761 ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 3482. Л. 4.

762 ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 3482. Л. 6.

щенных лесосек после проведения сплошных и выборочных рубок составила 21,1 тыс. га или 11,2% от площади, подлежащей очистке (в 1985 г. соответственно 7,7 тыс. или 4,3%). На лесосеках было оставлено невывезенной 154,4 тыс. м^3 срубленной неокоренной древесины хвойных пород (в 3,3 раза больше, чем в 1985 г.). Как уже отмечалось, захламленность лесосек создавала в лесах дополнительную пожарную опасность. За 1986–1990 гг. на территории области произошло более 9 тыс. случаев лесных пожаров, из них почти 4 тыс. — в 1989 г. Пожарами было охвачено около 1 млн га лесной площади. Половина лесных пожаров возникла по вине населения. На территории комплексных лесных предприятий ЛПО Тюменьлеспром только в 1990 г. произошло 655 лесных пожаров, пройдено пожарами 11,3 тыс. га лесной площади[763].

Огромные размеры лесопокрытых площадей и значительные суммарные запасы древесины создавали ошибочное представление о неисчерпаемости лесных ресурсов региона. Однако высокопродуктивных насаждений в округе было не так много (за исключением Сосьвинского Приобья). Обширные междуречные пространства заняты верховыми болотами. Мозаичное размещение крупных лесных массивов и слабое развитие лесовозных транспортных путей определили очаговый характер эксплуатации лесосечного фонда в Югре. Вдоль основных магистралей рубки главного пользования велись со значительным перерубом расчетной лесосеки. Это приводило к быстрому истощению лесосырьевых баз, исключением из эксплуатации огромных освоенных территорий более чем на 100 лет. Яркий пример этому демонстрирует Ивдель-Обский лесоэкономический район.

Главной проблемой лесного хозяйства округа являлась проблема комплексного использования и расширенного воспроизводства его лесных ресурсов. Для этого, по мнению специалистов, нужно было знать не только как, но также, сколько и где можно рубить, т. е. регулировать пользование лесом не только во времени, но и в пространстве. Следовало оставить в прошлом взгляды на лес как на «даровые» блага природы, объект добывающей промышленности. В отечественной науке было общепринято считать лесное хозяйство отраслью материального производства с длительным периодом воспроизводства[764]. Но эксплуатация лесных ресурсов Югры, к сожалению, противоречила вышеизложенному определению. Главным способом разработки лесосек стали условно сплошные рубки. Они были выгодны с узкоотраслевой точки зрения, но вступали в явное противоречие с интересами народного хозяйства в целом, так как вели к потере значительной части ресурсов древесины и ухудшению условий лесовосстановления. При таком способе разработки корневой запас на лесосеке использовался всего на 50–60%, 40–50% его оставалось на лесосеке в виде лиственной и дровяной древесины, порубочных остатков и т.д[765]. Расстроенные такими порубками древостои теряли промышленное значение на продолжительный срок.

При рациональной территориальной организации лесопромышленного производства и более полном использовании ресурсов древесины имелась возможность неистощительного пользования лесами, полного обеспечения сырьем местной лесной промышленности и вывоза древесины в лесопотребляющие районы. Для этого необходимо было разработать

---

[763] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 3482. Л. 7.

[764] Михайлов В. П., Будьков С. Т. Природные ресурсы, население и хозяйство Сосьвинского Приобья. С. 424.

[765] Чижов Б. Е. Лес и нефть Ханты-Мансийского автономного округа. С. 23.

такую систему лесоэксплуатации и лесопользования, которая учитывала бы цели лесозаготовительной промышленности, задачи воспроизводства всех лесных ресурсов, а также средообразующие функции леса[766].

По мнению учёных, резкое снижение потерь основных фондов можно было достичь путем увеличения сроков действия существующих лесозаготовительных предприятий до 50 лет. Предприятия же нового типа должны были быть постоянно действующими. В качестве примера приводились леспромхозы Северо-Запада страны. В постоянно действующих леспромхозах лесоэксплуатация ведется по принципу непрерывного и равномерного пользования лесом по площади в размере годичной лесосеки. Наряду с лесозаготовками в них проводятся все лесохозяйственные мероприятия, обеспечивающие восстановление леса и повышение его продуктивности. Вся деятельность такого леспромхоза протекает непрерывно на одной и той же закрепленной за ним площади на базе постоянных благоустроенных посёлков и постоянной транспортной сети. Только на основе длительного пользования можно было органически связать лесозаготовку с лесным хозяйством[767].

Судьбоносным для развития традиционной лесной отрасли экономики Ханты-Мансийского автономного округа стало формирование на его территории Западносибирского нефтегазового комплекса. Увеличение нефтедобычи требовало увеличения отвода земель под промышленные объекты и трассы коммуникаций. Это негативно сказывалось на лесном фонде. Формально земли передавались временно, но на них нельзя было проводить лесовыращивание в течение всего периода эксплуатации промышленных объектов. То есть земли лесного фонда в итоге становились безлесными. Специалистами в районах интенсивной нефтегазодобычи фиксировалось увеличение доли нелесных и сокращение лесных земель за счет уменьшения покрытых лесом площадей, накопления земель спецназначения, необлесившихся лесосек[768].

На деятельность лесной промышленности также влияли экологические аспекты, которые осложнялись в связи с тем, что сплав леса осуществлялся в особых климатических условиях Севера, обусловленных поздней или неустойчивой весной, запоздалым вскрытием рек в сложной гидрологической обстановкой при низких горизонтах воды. Часть плотов зимней сплотки не снималась паводком, вода быстро убывала, угрожая обсушкой древесины. Нередкими в северных реках были и наводнения, вызывающие разнос древесины. Все это вызывало дополнительные затраты труда и средств, влияло на удорожание перевозок, вело к потерям и оставлению значительного количества лесоматериалов на берегах рек до следующей навигации. Перевозка древесины летом с падением глубин затруднялась или вовсе прекращалась[769]. К этому следует добавить, что хищническая эксплуатация лесных ресурсов, гниение и выбросы в атмосферу сопутствующих ему газов в целом создавали неблагоприятные экологические условия производственной и бытовой жизнедеятельности жителей городов и рабочих посёлков.

---

[766] Михайлов В. П., Будьков С. Т. Природные ресурсы, население и хозяйство Сосьвинского Приобья. С. 426.

[767] Щигловский Б. М., Фогель Д. Н., Сергеев Ю. С. Укрепление лесозаготовительных предприятий — залог роста производительности труда // Лесная промышленность. 1970. № 1.

[768] Чижов Б. Е. Лес и нефть Ханты-Мансийского автономного округа. С. 28–29.

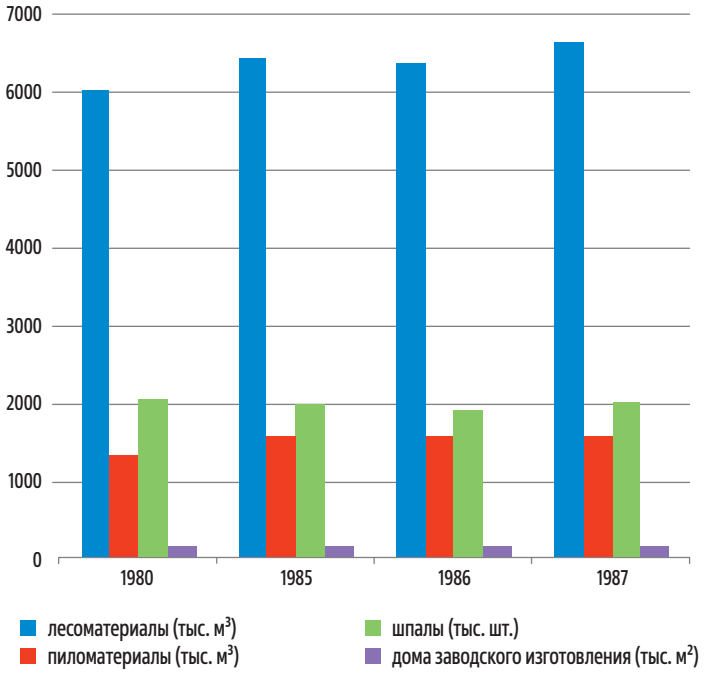
[769] Судаков А. В. Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в кон. 1950-х — сер. 1980-х гг. С. 20–21.

Таким образом, лесная промышленность округа во второй половине XX в. прошла путь от лесозаготовок, основанных на ручном труде сезонных рабочих, до создания лесопромышленного комплекса индустриального типа с профессиональными рабочими, системой подготовки производственных кадров, активным использованием техники, механизмов и производственных линий. Не все задуманное и запланированное удалось реализовать.

Глубокую переработку древесины в Югре наладить не удалось. Из региона в массе своей вывозился круглый лес. Интенсивные лесозаготовительные работы, особенно в Ивдель-Обском лесоэкономическом районе, привели к истощению лесных ресурсов. Лесокультурные и лесовосстановительные работы велись в сложных условиях. Лесоводам приходилось отстаивать интересы лесного хозяйства под тотальным господством лозунга «Стране нужен лес». Негативное влияние на лесной фонд Югры помимо интенсивных лесозаготовок оказывали лесные пожары, естественное заболачивание территории, освоение нефтяных и газовых месторождений. Производство основных видов продукции из дерева в Ханты-Мансийском автономном округе представлено на диаграмме.

Диаграмма 2.1

Производство основных видов продукции из дерева в Ханты-Мансийском автономном округе в 1980–1987 гг.



Источник: ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1890. Л. 5. (Статистический сборник «Основные показатели развития промышленности Крайнего Севера за 1980, 1985–1987 гг.»).

Глава 8

Агропромышленный комплекс и рыбное хозяйство. «Традиционная экономика» коренных народов в условиях промышленного освоения региона

Взаимодействие государственных органов власти и научного сообщества в сфере изучения возможностей рационального использования биоресурсов характеризовалось противоречивыми тенденциями. С одной стороны, значимость биоресурсов и основанных на их использовании отраслей сельского и промыслового хозяйства всегда подчеркивалась на официальном государственном уровне: «Созданные в далеком историческом прошлом, они до наших дней сохраняют важное значение в экономике коренных народов Севера, а также в создании местной продовольственной базы для растущего населения в связи широкой индустриализацией Севера», — отмечалось в научной литературе и на научных форумах[770]. Существовала отраслевая наука со своими организационными структурами, профессиональными кадрами и системой их подготовки, отмечалась необходимость комплексного анализа проблем освоения природных ресурсов северных территорий. Вопросы рационального освоения биоресурсов неизменно включались в «генеральные схемы» освоения Севера.

С другой стороны, применительно к Северу вопросы промышленного развития, как правило, рассматривались в приоритетном порядке, отдельно от вопросов сельского и промыслового хозяйства. Кроме того, индустриальные организации имели серьёзную поддержку в лице крупных министерств, требовавших ускоренного финансирования своих объектов и приоритетного решения производственных проблем. Больше внимания уделялось научным исследованиям, прежде всего связанным с изучением индустриального и транспортного развития региона. Особое место при разработке планов развития северных регионов отводилось геологоразведке и анализу предполагаемых объёмов полезных ископаемых и лишь потом возможности использования биологических ресурсов.

---

[770] Тюрденев А. П., Андреев В. Н. Основные направления в развитии сельского и промыслового хозяйства Севера СССР // Проблемы Севера. Вып. 13. 1968. С. 15; Пленум Комиссии по проблемам Севера при Президиуме Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина // Проблемы Севера. Вып. 15. 1971. С. 241–244.

Традиционные формы хозяйствования на Севере рассматривались государством и научным сообществом как экстенсивные. Важно подчеркнуть, что руководство партии и государства всегда рассматривали развитие производительных сил, подъем хозяйства и культуры народов Севера не просто как хозяйственную, но и как важнейшую хозяйственно-политическую задачу. Делать это предполагалось на основе рационального, экономически обоснованного использования биологических ресурсов Севера. Хозяйственная задача заключалась в создании базы производства продуктов, удовлетворяющих как местные нужды, так и потребности в них других районов страны, а также обеспечивающих экспорт за границу (пушнина, рыба и др.). Политическая задача состояла в создании условий для более эффективного участия коренного населения в производстве материальных ценностей и повышении уровня его жизни.

Важную роль в развитии сельского и промыслового хозяйства сыграло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера»[771]. Этот документ являлся основанием проведения политики укрупнения северных хозяйств. Перевод экономической деятельности на интенсивные формы осуществлялся в контексте «социалистической реконструкции» оленеводческих, охотничьих и рыболовецких хозяйств, выразившейся в их огосударствлении, укрупнении, переходе коренного населения на оседлый образ жизни.

В рамках принимаемых государством мер по развитию традиционного природопользования и модернизации системы промыслов Севера Западной Сибири можно выделить следующие направления: проведение промысла в оптимальные и сжатые сроки; осуществление комплекса биотехнических мероприятий, обеспечивающих улучшение среды обитания объектов промысла; переход от экстенсивного промысла к зоо- и аквакультуре; максимальное сокращение использования ручного труда за счет автоматизации и механизации производственных процессов.

Ведущей традиционной отраслью хозяйства Югры являлась ***рыбная промышленность***. Рыбная промышленность во второй половине 1950-х гг. давала половину всей промышленной продукции Ханты-Мансийского национального округа. Тюменская область в целом, (в первую очередь благодаря своим северным национальным округам) занимала важное место по запасам и улову рыбы. В области была сосредоточена половина всей добычи сиговых рыб в РСФСР. При этом рыбообрабатывающая база предприятий области была весьма примитивной. Технические возможности позволяли выпускать в основном низкокачественную рыбопродукцию крепкого посола[772].

В 1950-е гг. рыболовная отрасль оставалось одной из основных в экономике Югры и играла важную роль в рыболовной отрасли Сибири в целом. Количество рыбы, вылавливаемой в ХМНО, составляло 25–30% вылова рыбы по всему Обь-Иртышскому бассейну[773]. На повестке дня стояли вопросы интенсификации рыболовной отрасли, повышения производительности труда, увеличения производственных показателей. В печати активно поднимались

---

[771] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов в 5 т. Т. 4. М., 1968. С. 331–336.

[772] Гололобов Е. И., Мостовенко М. С. Рыболовное и охотничье хозяйство Севера Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: от промысла — к отрасли // Вестник угроведения. 2016. № 3 (26). С. 113.

[773] Кокосов Н. М., Никулин В. И., Харин В. И. Ханты-Мансийский национальный округ (Очерки природы и хозяйства). Свердловск, 1956. С. 52.

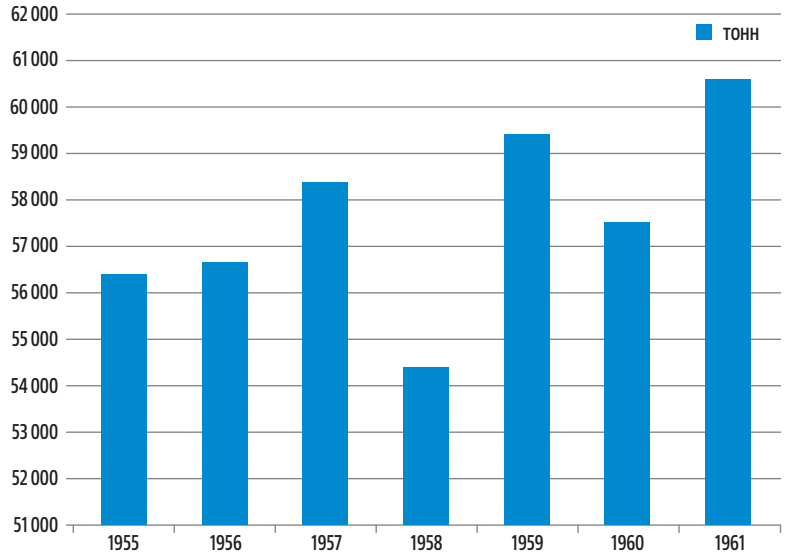
вопросы механизации и рационализации производственных процессов, повышения профессиональной квалификации кадров отрасли[774].

Индустриальный вектор развития рыболовного хозяйства был обозначен директивами XX съезда КПСС, предусматривающими проведение комплекса рыбоводно-мелиоративных работ в больших масштабах, с целью улучшения естественных условий воспроизводства рыбных запасов, а также развития промышленного рыборазведения и акклиматизации ценных промысловых рыб[775].

Эти задачи приобретали особую актуальность в связи с тем, что во второй половине 1950-х гг. наблюдалась неустойчивая динамика уловов рыбы. За период с начала 1950-х до середины 1960-х гг. уловы рыбы в водоемах Тюменской области колебались в пределах от 250 до 420 тыс. центнеров[776]. Это наглядно демонстрируют данные диаграммы 2.2.

Диаграмма 2.2

Вылов рыбы в Западной Сибири (с учетом Тюменской области)



Источник: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф 399. Оп. 3. Д. 1118. Л. 54–55.

В ходе выполнения установок XX съезда КПСС, состоявшегося в 1956 г., намеченный процесс модернизации рыбной промышленности региона, фактически включал в себя черты

[774] Цапко А. За передовую технику рыбной промышленности // Тюменская правда. 1952. 3 января. № 2. С. 3; Цапко А. Больше внимания вопросам рационализации производства // Тюменская правда. 1952. 19 нояб. № 232. С. 3; Анисимов А. Почему Самаровская моторно-рыболовная станция не выполняет плана // Тюменская правда. 1953. 13 окт. № 204. С. 3 и др.

[775] РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1118. Л. 56.

[776] Вотинов Н. П. Больше рыбы стране: материалы к лекциям / Н. П. Вотинов. В. А. Замятин, А. Н. Петкевич. Тюмень, 1966. С. 6–7, 14.

экстенсивного развития. Это можно объяснить благоприятными природными условиями: наличием значительного числа водоёмов, биологическим разнообразием ресурсов в них, обширной водной транспортной инфраструктурой. Тем не менее, развитие рыбного хозяйства шло по пути от промысла, приспосабливающегося к стихийным природным процессам, к организованному хозяйству, основанному на управлении этими процессами. Это выражалось в том, что на предприятиях этой сферы народного хозяйства ежегодно отмечалось не только расширение акватории рыбодобычи, но и повышение механизации производства и активизация развития производственной инфраструктуры[777].

Рис. 2.117. Председатель Ханты-Мансийского окрисполкома А. Г. Григорьева беседует с рыбаком после удачного лова осетров на стрежевом песке «Долгое Плесо». 1969 г. Государственный архив Югры

На повышение технической оснащенности и увеличение производственных мощностей отрасли эффективно работали научно-исследовательские организации, которые разрабатывали рекомендации по развитию озерного рыболовства, зарыблению уже используемых водоёмов новыми видами, а также внедрению новых способов лова. Вместе с тем, «голос учёных» по внедрению рациональных объёмов вылова очень часто оставался неуслышанным, поскольку главной задачей для государства было выполнение и перевыполнение производственных показателей, заложенных в экономическом планировании.

К концу 1960-х гг. рыбные ресурсы, особенно внутренних водоемов, были изучены слабо, не были разработаны научные основы использования сырьевой базы. Отмечалось, что будущее рыбного промысла связано с рациональной эксплуатацией рыбных ресурсов. Сырьевую базу предполагалось укреплять за счет организации воспроизводства промысловых пород и обогащения водоемов новыми ценными породами. Это было тем более важно потому, что к этому времени промысловые запасы высокоценных (осетровых и сиговых) пород на Оби сократились и нуждались в охране и воспроизводстве. Сокращение уловов рыбы предполагалось компенсировать за счет усиленного использования глубинных водоемов, организации озерных рыбных хозяйств, в частности на обских сорах.

Основные рыбопромысловые водоемы региона были представлены пойменно-речными водами. Обилие рыбы в этих водоемах по сравнению с другими бассейнами сибирских рек объясняется наличием обширной и высокопродуктивной поймы. Вылов рыбы в Оби в отдельные годы, как мы отметили, значительно колебался. Это было обусловлено величиной весеннего паводка Оби — Иртыша, определявшего степень затопления поймы. В годы низкого уровня воды, когда полые воды заливали не все площади соров (особенно при быстром

[777] РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1118. Л. 56.

спаде воды), рыба из соров уходила рано, срок нагула ее сокращался на один-два месяца. Поэтому происходил плохой рост и упитанность промысловых рыб и их молоди, имели место резкие колебания добычи рыбы.

Специалисты в числе негативных факторов, влиявших на продуктивность рыбного хозяйства Севера Западной Сибири, выделяли низкий уровень воды и краткосрочность залития поймы Оби, которые резко нарушали воспроизводительные циклы рыбы. Особенно неблагоприятным в этом отношении было десятилетие 1960-х гг.[778] Проблему гидрологического режима в бассейне Оби стремились решать путем его «улучшения», т. е. поддержания наиболее благоприятного для хозяйственной деятельности человека гидрологического режима Оби. В 1960-е гг. Государственный научно-исследовательский институт озерного и речного хозяйства предложил изменить способ эксплуатации наиболее ценных соров, сделав его независимым от режима уровня Оби — Иртыша, и тем самым обеспечить удлинение сроков нагула промысловых рыб и их молоди.

В очередной раз в угоду плановой экономике, а точнее министерствам и ведомствам, которые эти планы реализовывали, требовалось преобразовать природу, сделать ее «лучше». Этого предлагали добиваться путем регулирования стока воды из соров и осуществления рыбоводных работ в зарегулированных сорах[779]. То есть, наряду с техническим оснащением промысла предполагалось кардинальное изменение способов эксплуатации наиболее ценных соров и организации прудового хозяйства. Иначе говоря, речь шла об изменении технологий и использовании методов ловли рыбы, независящих от «природной стихии».

Для разработки перспектив развития рыболовства на таежных озерах в 1962–1963 гг. в ХМНО работала экспедиция института Гидрорыбпроект. Основное внимание было сосредоточено на инвентаризации озерного фонда и разработке мероприятий по его освоению. В результате инвентаризации в округе было выявлено 25 тыс. озер площадью 1,7 млн га[780]. Большая часть озерного фонда не имела перспектив промыслового освоения. Небольшие бессточные озера площадью от 10 до 100 га, являвшиеся как бы «окнами» открытой воды среди обширных массивов непроходимых болот, составили по количеству 84% и по площади 32% всего озерного фонда. Многие озера были сильно удалены от рыбопромышленных предприятий и населённых пунктов, малодоступны в транспортом отношении. В результате из огромного озерного фонда к первоочередному рыбохозяйственному освоению было намечено всего 351 озеро общей площадью 211 230 га с возможным выловом 38580 центнеров рыбы[781].

Как уже подчеркивалось, кроме проведения изыскательных работ, одной из задач было проведение мероприятий по искусственному рыборазведению, что в свою очередь позво-

---

[778] Петкевич А. Н. Биологические основы рационального рыбного хозяйства в Обь-Иртышском бассейне // Проблемы рыбного хозяйства водоемов Сибири. Тюмень, 1971. С. 48.

[779] Карпович И. Ю. Вопросы развития рыбного хозяйства в Ханты-Мансийском национальном округе // Проблемы Севера. Вып. 13. М., 1968. С. 146.

[780] Карпович И. Ю. Вопросы развития рыбного хозяйства в Ханты-Мансийском национальном округе. С. 151.

[781] Государственный архив Югры (далее ГАЮ) Ф. 297. Обь-Тазовское отделение Сибирского научно-исследовательского института рыбного хозяйства (СибНИИРХ) города Тюмени, г. Тобольск. Оп. 1. Д. 99. Л. 7; Муниципальный архив города Сургута (далее МАГС). Ф. 1. Сургутский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет (райсовет, райисполком), г. Сургут. Оп. 1. Д. 305. Л. 199.

лило бы снизить промысловую нагрузку на уже используемые водоемы. Согласно исследованиям, Обь-Тазовского отделения СибНИИРХа, для многолетнего выращивания ценных рыб можно было использовать 17 озер общей площадью 6790 га, а их продуктивность могла достигать 1150 центнеров. По предварительным расчетам, полное освоение исследованных работниками СибНИИРХа водоемов к 1975 г. могло ежегодно давать дополнительно порядка «4120 центнеров рыбы (в том числе 4 тыс. центнеров сиговых рыб)»[782].

В 1962 г. было образовано Сибирское территориально-производственное управление рыбной промышленности (Сибрыбпром), в состав которого вошел Ханты-Мансийский рыбопромышленный трест, преобразованный в Хантымансийскрыбпром. Руководство управлений и местные органы власти взяли курс на повышение продуктивности водоемов Обь-Иртышья[783]. Сургутский рыбный комбинат проводил работу по зарыблению глубинных водоемов личинками ценных видов рыб. Только в 1972 г. сотрудниками комбината было выпущено на однолетний и многолетний нагул личинок сырка 3,5 млн штук, муксуна 2 млн штук и щокура 2,5 млн штук[784].

Однако степень воспроизводства и зарыбления озер ценными породами рыб была низкой. На различных совещаниях партийных, советских и хозяйственных организаций ставился вопрос о многократном увеличении перечня зарыбляемых озер и интенсивности зарыбления[785]. Проблема была в том, что показатели по добыче рыбы и зарыблению водоемов (как, впрочем, и все остальные: по добыче нефти, газа, заготовке леса и т. д.) носили планово-директивный характер. Даже с учетом мероприятий по рыборазведению выполнить плановые показатели было невозможно, так как они формировались «от достигнутого» и постоянно увеличивались. Все это парадоксальным образом наталкивалось, с одной стороны, на неудержимое стремление руководящих органов к постоянному расширению производства, с другой, на ограниченность кормовой базы водоёмов.

Наряду с развитием рыбоводства росла техническая оснащенность рыболовной отрасли региона. Во второй половине 1960-х гг. специалисты Обь-Тазовского отделения Сибирского научно-исследовательского института рыбного хозяйства отмечали, что в рыбной промышленности происходит «наращивание производственно-технических мощностей, внедрение механизированных высокопроизводительных способов лова». В рассматриваемый период промышленное рыболовство Югры было оснащено промысловым самоходным флотом, рефрижераторами, холодильными и рыбоморозильными установками, ленточными транспортерами, самоходными льдобурами, электрокарами, рыболовецкие бригады — механизированным флотом, орудиями лова (невода, капроновые сети), спецодеждой. Это дало результаты и уже в 1974 г. предприятиями рыбной промышленности было добыто 14894 т рыбы, в 1975 и 1976 гг. было получено 15789 и 19306 т соответственно, в 1977 и 1978 гг. — 16879 и 11155 т, в 1981 г. объём добываемой рыбы составил 16426 т[786].

---

[782] ГАЮ. Ф. 297. Обь-Тазовское отделение Сибирского научно-исследовательского института рыбного хозяйства (СибНИИРХ) города Тюмени, г. Тобольск. Оп. 1. Д. 99. Л. 7.

[783] Прибыльский Ю. П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX в. Тобольская биологическая станция РАН. М., 2008. С. 152.

[784] МАГС. Ф. 1. Сургутский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет (райсовет, райисполком), г. Сургут. Оп. 1. Д. 305. Л. 199.

[785] МАГС. Ф. 1. Сургутский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет (райсовет, райисполком), г. Сургут. Оп. 1. Д. 305. Л. 199.

[786] Гололобов Е. И., Мостовенко М. С. Рыболовное и охотничье хозяйство Севера Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: от промысла — к отрасли // Вестник угроведения. 2016. № 3 (26). С. 114.

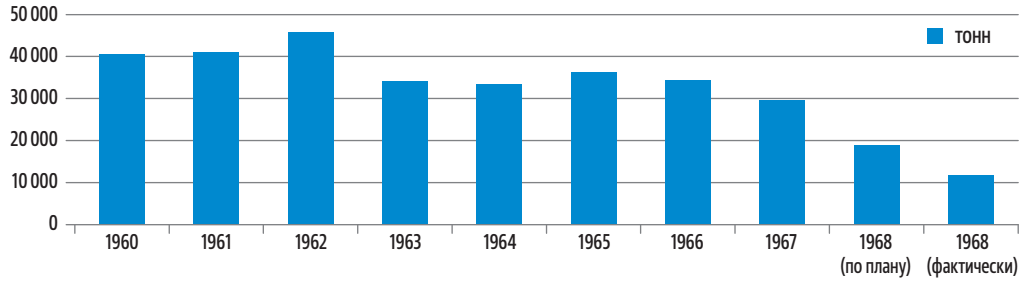
Однако на пути поступательного развития рыболовного хозяйства региона были и серьёзные преграды. В первую очередь, негативное влияние на рыболовство оказывали лесозаготовки. Молевой сплав древесины, засорение нерестовых участков отходами продукции лесного хозяйства вывели из строя многие рыбохозяйственные угодья. К началу 1960-х гг. из-за лесосплава прекратился заход рыбы в Лебинский, Шеркальский и Вандомский соры Октябрьского района Ханты-Мансийского национального округа. Всего по Тюменской области органами рыбоохраны было выявлено 23 крупных водоема, потерявших промысловое значение из-за засорения древесиной[787]. Промышленные предприятия, расположенные в бассейне Оби, не соблюдали правила очистки сточных вод, отравляли реки (Томь, Исеть, Тавда, Тобол) и губили рыбу[788].

Негативную роль в развитии рыболовного хозяйства Севера Западной Сибири сыграло строительство гидроэлектростанций на Оби (Новосибирская, Усть-Каменогорская). Плотина Новосибирской ГЭС отрезала свыше 40% нерестовой площади осетра и нельмы. Этот ущерб не мог быть восполнен за счет увеличения естественного воспроизводства в других участках бассейна. Это обстоятельство делало не просто целесообразным, а остро необходимым развитие искусственного рыборазведения.

Важно отметить, что с 1960-х гг. рыбная отрасль, как и весь Север Западной Сибири, стала испытывать на себе негативные последствия становления и развития ЗСНГК. Уже в 1962 г. Сургутская районная партийная конференция доводила до сведения областного комитета КПСС, что нефтеразведочные экспедиции не обеспечены резервуарами в период испытания нефтяных скважин. По этой причине большое количество нефти выпускалось в закрытые водоемы, что приводило к засорению рыбных бассейнов района и массовой гибели рыбы[789].

Диаграмма 2.3

Динамика добычи рыбы по Ханты-Мансийскому рыбокомбинату в 1960-е гг.



Источник: Гололобов Е. И., Мостовенко М. С. Рыболовное и охотничье хозяйство Севера Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: от промысла — к отрасли //Вестник угроведения. 2016. № 3 (26). С. 114.

[787] РГАЭ. Ф 399. Оп. 3. Д. 1118. Л. 56.

[788] РГАЭ. Ф 399. Оп. 3. Д. 1118. Л. 69.

[789] Научный Архив Сургутского краеведческого музея. Постановление XIV Сургутской районной партийной конференции о работе районного комитета КПСС. Сургут. 22 декабря 1962.

Данные диаграммы 2.3 свидетельствуют, что только по Ханты-Мансийскому рыбокомбинату с 1960-го по 1968 г. уровень добычи снизился с 40 тыс. т до 15 тыс. т, т. е. практически в 3 раза.

Наряду с неблагоприятными производственными факторами на снижение рыбодобычи большое влияние оказали просчеты организации промысловой деятельности и хозяйственного управления. Так, во многом негативную роль для развития отрасли сыграло постановление Совета Министров РСФСР № 877 от 8 июля 1961 г. «О преобразовании рыболовецких колхозов и сельскохозяйственных артелей Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов Тюменской области в совхозы и другие государственные и кооперативные хозяйства»[790]. Ханты, манси и ненцы в одночасье из коллективных землепользователей превратились в государственных рабочих.

С одной стороны, это реформирование имело положительные последствия, заключавшиеся в ликвидации мелких нерентабельных хозяйств, получении рабочими гарантированной заработной платы, которая была выше, чем в колхозах, предоставлении им социальных гарантий получения ежегодных отпусков и пенсий по старости, улучшении снабжения совхозов промышленными и продовольственными товарами. С другой стороны, это привело к излишней концентрации и централизации хозяйства. Людей сселяли в крупные усадьбы. Происходило запустение значительных промысловых пространств. Оторванность большого количества рыбаков от промысловых участков заставляла использовать лов рыбы экспедиционным способом. Рыбаки проводили много месяцев вдалеке от семьи и собственного жилья, по большей части, в очень плохих социально-бытовых условиях.

Таким образом, можно констатировать двоякий характер развития рыболовной отрасли в регионе. Этот процесс имел черты как интенсивного, так и экстенсивного развития. Наряду с повышением уровня механизации производства, развития инфраструктуры, расширялись промысловые площади, в хозяйственный оборот включались малые водоемы. При этом часть водоемов в результате негативных экологических последствий деятельности нефтедобывающей и лесной промышленности, наоборот, выходили из хозяйственного оборота. Процесс осложнялся непродуманными организационными решениями об укрупнении хозяйств, которые негативно сказывались на хозяйственной деятельности коренных народов Севера.

Вторым направлением традиционной экономики округа являлось развитие ***охотничьего хозяйства***. Меры, предпринятые центральными и региональными властями, в сфере регулирования охотничьего промысла в 1920–1940-е гг. (введение правильных сроков охоты, ограничение или полное запрещение добычи некоторых промысловых видов, организация заповедников и заказников и т. д.) дали положительные результаты. Если при создании Кондо-Сосьвинского заповедника в 1928 г. один соболь приходился на 200 км^2, то к началу 1950-х гг. — уже на 2,5–9,7 км^2. Проводились мероприятия по обогащению промысловой фауны[791].

С середины 1950-х гг. в Ханты-Мансийском округе в заготовках пушнины главную роль уже играло звероводство, а не охота. Наряду с развитием рыбоводства, звероводство было призвано поднять охотничье хозяйство на новый технологический уровень, который давал

---

[790] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 723. Л. 103.

[791] Кокосов Н. М., Никулин В. И., Харин В. И. Ханты-Мансийский национальный округ (Очерки природы и хозяйства). Свердловск, 1956. С. 95.

Рис. 2.118. Соболь в западносибирской тайге. Из открытых источников

возможность выполнять и перевыполнять производственные планы в независимости от «природной стихии». В глазах партийного и советского руководства охота ассоциировалась с «первобытностью», присваивающим хозяйством, следовательно, с отсталостью промысловиков Севера. Поэтому звероводство стали активно развивать с конца 1930-х гг.

В 1955 г. округ сдал государству пушнины на 20 млн рублей. Из этой суммы только 6,8 млн рублей приходилось на продукцию охотничьего промысла[792]. Две трети плана заготовок выполнялось за счет звероферм. Властями явно недооценивался охотничий промысел, несмотря на то, что природные условия округа позволяли активно его развивать. Специалисты охотничьего хозяйства причину видели в недостатках хозяйственной политики на Севере, связанную с переводом коренного населения на оседлый образ жизни и сселения их в крупные посёлки. Результаты такой политики в полной мере отразились не только на рыболовном хозяйстве Сургутского района, о чем уже говорилось, но и на охотничьем.

До политики сселения ханты равномерно расселялись семьями по всей территории района. Это давало возможность добывать на месте пушнину, дичь, ловить рыбу, собирать орехи и т. д. Это исключало длительные переезды в отдаленные промысловые угодья. Охотники могли переходить из одних угодий в другие по мере изменения насыщенности территории пушными животными с наименьшими временными и физическими затратами. Специалисты охотоведы отмечали, что, сселяя людей в посёлки, интересы охотников не учитывались, как, впрочем, и рыбаков. «В охотничьих угодьях, где промышляли ханты до сселения, не построили ни одной избушки и базы. По существу, хантов — потомственных охотников оторвали от промысла и заставили заниматься менее доходной рыбной ловлей»[793]. Многие глубинные селения оказались пустующими, а охотничьи угодья заброшенными. Ф. Р. Штильмарку в 1956 г. пришлось быть свидетелем, как в Сургутском районе занятие охотничьим промыслом ставилось даже в вину местному населению: «Молодежь заражается от стариков охотой», — с сожалением говорил один из председателей национальных артелей. В том же 1956 году, богатом на белку, запрещали продавать боеприпасы, чтобы колхозники не отвлекались охотой[794].

Советские руководители на местах считали охоту первобытным занятием, не соответствующим социалистическому образу жизни. Многие из них были специалистами в области сельского хозяйства, приехавшими на Север из центральных и южных районов страны, где охота давно потеряла свое хозяйственное значение, став одной из форм активного отдыха. Социалистический образ жизни был напрямую связан с индустриализацией. Она должна была принес-

[792] Трофимов Г. Забытая отрасль хозяйства // Охота и охотничье хозяйство. 1957. № 4. С. 12.

[793] Трофимов Г. Забытая отрасль хозяйства. С. 12.

[794] Штильмарк Ф. Р. Нужды охотничьего хозяйства Ханты-Мансийского округа // Охота и охотничье хозяйство. 1971. № 10. С. 4.

ти социализм в Россию и привести индустриальную Россию в Азию[795]. Сельское хозяйство же выступало неотъемлемой частью социалистической реконструкции, инструментом, стирающим резкую грань между «благодатным Югом» и «диким Севером»[796]. Развитие земледелия в регионе рассматривалось как наступление новой эры, «когда организованное на принципах коллективизации и совхозного строительства пролетарское государство со всей мощью современной науки и техники подходит заново к Северу»[797]. Оно преобразовывало «чуждую», «дикую» природу в «полезную», освоенную человеком. Поэтому поощрялось и поддерживалось занятие сельским хозяйством (животноводство, огородничество, зерновое хозяйство) и рыболовством. Несмотря на то, что очень часто эти занятия на Севере были убыточными.

Рис. 2.119. Осмотр ловушек в тайге. Государственный архив Югры

В том числе и поэтому вектор развития охоты, заданный еще на рубеже XIX–XX вв. и продолженный в советский период, был однозначным: надо двигаться от промысла (чего-то стихийного, неупорядоченного, неуправляемого) к интенсивному хозяйству (планируемая, управляемая, системная деятельность). Развитие охотничьего хозяйства должно было идти по пути интенсификации — совершенствованию организации и технологии производства, усилению технической вооруженности, повышению материальной заинтересованности охотников в результатах своего труда.

Советская охотоведческая наука в отличие от местного партийного и советского руководства рассматривала охотничье хозяйство не как что-то стихийное и неуправляемое, а как плановое использование биологических ресурсов, основанное на данных учета наличного запаса животных, не только укладывающихся в естественный прирост поголовья, но и сопровождающийся его обогащением. В основе охотничьего хозяйства должно было лежать перспективное и оперативное планирование. Научно обоснованное ведение охотничьего хозяйства предполагало проведение целого ряда мероприятий: изучение и учет животных, благоустройство угодий, создание благоприятных условий труда и быта охотников[798].

Тем не менее, во второй половине XX в. охотничье хозяйство неоднократно рассматривалось как отсталое, находящееся на низком уровне технического развития и производственной культуры. Так, например, в конце 1960-х — 1970-е гг. об охотничьем хозяйстве говорили как об одной из основных традиционных и перспективных отраслей хозяйства Севера, но при этом по техническому развитию и производственной культуре остающимся на низком уровне. Во многом это была точка зрения региональных советских и партийных органов власти. Очень часто в структуре северных окрисполкомов, райисполкомов, в руководстве сельского

[795] Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 305.

[796] Эйхфельд И. Г. Борьба за Крайний Севере. Краткие итоги работы Полярного отделения всесоюзного института растениеводства 1923–1933. Л., 1933. С. 4.

[797] Вавилов Н. И. Проблема северного земледелия. Л., 1931. С. 14.

[798] Скалон В. Н. Организация охотничьего хозяйства Сибири. Иркутск, 1957. С. 6.

и промыслового хозяйства не было охотоведов. В большинстве это были специалисты рыболовного хозяйства, животноводства. Они негативно относились к охотничьему промыслу[799].

Главными проблемами, как это очень часто бывало в советской экономике, были проблемы неразвитости инфраструктуры: транспортная проблема, отсутствие товаров народного потребления нужного качества и в достаточном количестве, плохая организация заготовок пушнины, дичи, дикоросов. Второстепенность сферы производства товаров народного потребления напрямую сказывалась на охотничьем хозяйстве. Не хватало грубого шинельного сукна, палаточной ткани, не было налажено производство удобной охотничьей одежды, постельных принадлежностей, охотничьего снаряжения. Приобретение малогабаритного радиоприемника превращалось в большую проблему. Это все — вещи остро необходимые в тайге для нормальной жизни и работы. Задача четкого и бесперебойного снабжения охотников орудиями промысла, походным снаряжением, средствами связи остро стояла на протяжении десятилетий. Это говорит о том, что она не решалась или решалась плохо, отставая от потребностей современного охотничьего хозяйства.

Сокращение пушного промысла было связано в первую очередь с уменьшением численности профессиональных охотников из числа коренного населения Севера. Кадры старших возрастов уходили на пенсию, а пополнение за счет молодежи затруднялось, так как многие из окончивших школы получали профессии, не связанные с исконными отраслями Севера. Возросшие культурные и бытовые потребности молодого поколения уже не удовлетворялись существующим уровнем развития традиционных отраслей на Севере. Властями охотник рассматривался как кустарь-одиночка. Он что-то добывает, сдает предприятию и получает разовую плату. Его обязанности по отношению к тайге, к порученному ему участку определяются пребыванием там в течение определенных дней сезона охоты. В остальном он — разнорабочий и только. Такое положение не оправдывалось интересами дела, проблемой охраны тайги[800]. Специалисты охотоведы отмечали необходимость круглогодичного присутствия охотника в своих угодьях. Ему необходимо изучать порученные угодья, вести учет охотничьих животных, готовиться к охотничьему сезону. Главное, он должен охранять тайгу. Беречь ее от пожаров и браконьеров. Этот серьёзный труд должен оплачиваться. Экономическая целесообразность в такого рода предложениях безусловно была, и тому есть примеры, имеющиеся в специальной литературе[801].

По поручению Госплана РСФСР Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства (далее — ВНИИОЗ) провел в 1971 г. исследования по выяснению современного состояния, возможностей развития и рациональному размещению охотничьего хозяйства и звероводства ЯНАО и ХМАО до 1980 года[802]. Научные сотрудники ВНИИОЗ выделили прямое и косвенное влияние промышленного освоения территории на охотничье хозяйство. Прямое влияние проявлялось в уменьшении площадей охотугодий

---

[799] Удачин Д., Смирняков Ю. Вклад государственных промхозов // Охота и охотничье хозяйство. 1971. № 10. С. 1–2.

[800] Предложения по упорядочению дела охраны и использования ресурсов дикой живой природы тайги. Иркутск, 1970. С. 10.

[801] Предложения по упорядочению дела охраны и использования ресурсов дикой живой природы тайги. С. 8.

[802] Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. 814. Тюменский областной Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет (облсовет, облисполком), г. Тюмень. Оп. 1. Д. 5220. Лл. 23–29.

в результате вырубок лесов, размещения нефте- и газопромыслов, загрязнения земли и вод нефтью, роста фактора беспокойства. Косвенное влияние выражалось в росте воздействия на природу увеличившегося индустриального населения: рост браконьерства, хищническое использование лесных ягодных, рыбных и других ресурсов[803].

Таким образом, на развитие охотничьего хозяйства, как и на рыболовное, негативно влиял ЗСНГК. Сеть трубопроводов, проложенная в ЯНАО и ХМАО, значительно сократила возможности охотничьего промысла. Оказались перерезанными пути сезонных миграций копытных животных. В отличие от Европейского Севера, где источники топливного сырья, как правило, не соприкасались с территориями расселения северных коренных народов, месторождения Севера Западной Сибири были расположены непосредственно на землях исконного обитания обских угров и ненцев. Стремительный рост нефтедобычи привел к возникновению городов, строительству и функционированию трубопроводов, строительству транспортной инфраструктуры. Все это коренным образом повлияло как на традиционное хозяйство народов Севера в целом, так и на охотничий промысел, в частности. Природа становилась антропогенной, урбанизированной. На смену естественным ландшафтам пришли индустриальные.

Государственный охотничий промысел сокращался в результате ухудшения условий обитания животных и браконьерства. В Сургутском районе в сравнении с 1965 г. добыча белки в 1970-е гг. снизилась в 2 раза, выдры — в 23, лисицы — в 12, ондатры — в 5, соболя — почти в 1,5 и дикой норки в 5 раз[804]. Если сокращение добычи ондатры можно было объяснить наводнениями 1966–1969 гг. и запретом отстрела в 1970–1971 гг., то сокращение сдачи государству шкурок других ценных зверей объяснялось иными факторами. Во-первых, слабой работой заготовительного аппарата Сургутского коопзверопромхоза, заготовители которого очень редко обеспечивали сбор пушнины у охотников, а в Пимском Совете вообще не была организована ее приемка. Во-вторых, незаконной скупкой пушнины у национального населения жителями городов и района с применением вертолетов как Сургутского, так и других отрядов страны.

Отдельные лица из числа хозяйственных руководителей пользовались своим служебным положением, применяли вертолеты для скупки пушнины от штатных охотников. Так, например, начальник отдела рабочего снабжения строительно-монтажного поезда № 384 Лотов только в декабре 1972 г. четырежды использовал арендованный его организацией вертолет для скупки пушнины. Вылеты совершались в охотничьи угодья Тауровского и Тром-Аганского промохототделений. Нередко скупкой пушнины занимались сами пилоты прикомандированных вертолетов[805]. Государственная закупка пушнины у охотников Тром-Аганского и Варь-Еганского промохототделений снижалась из года в год не потому, что там уменьшались запасы зверя, а потому что буровые бригады Усть-Балыкской и Сургутской нефтеразведочных экспедиций работали там, где проживало коренное национальное население. Так, Тром-Аганское промохототделение в первом квартале 1972 г. заготовило пушнины на 12 тыс. руб., а в первом квартале 1973 г. — только на 3,9 тыс. руб. Установленные факты скупки пушнины были не единичны. Они говорят о том, что государственная монополия на закупку и продажу пушнины нарушалась достаточно часто[806].

---

[803] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5220. Лл. 23–29.

[804] МАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 203.

[805] МАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 203.

[806] МАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 204.

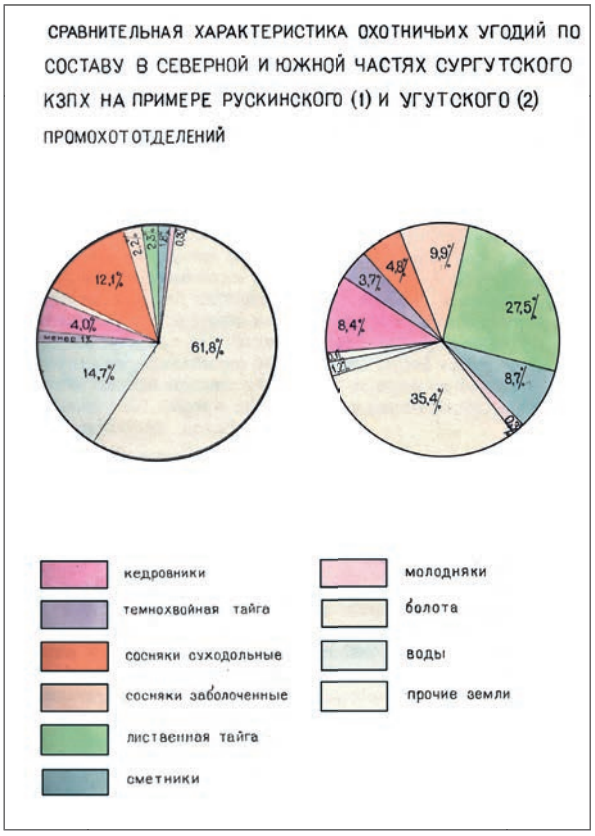


Рис. 2.120. Характеристика промысловых угодий Сургутского района. Из отчета «Развитие и размещение охотничьего хозяйства в Сургутском коопзверопромхозе». ВНИИОЗ. 1980 г.

В лесах округа обитало значительное поголовье лосей и диких оленей, отстрел которых был разрешен только по лицензиям. Коренному национальному населению ежегодно выделялось для бесплатного отстрела по 25–30 штук лицензий, но наряду с этим были факты незаконного отстрела и добычи этих животных. Особенно негативные последствия для окружающей среды были от браконьеров, использующих для отстрела животных вертолеты и вездеходную технику.

В связи с неблагоприятными условиями зимовок в первой половине 1970-х гг. в СССР принимались меры к воспроизводству водоплавающей дичи. Повсеместно на нее запрещалась весенняя охота, но учитывая особенности коренного национального населения, правительство разрешило в национальных округах десятидневную весеннюю охоту с отстрелом определенного количества птиц. Однако сроки охоты и нормы отстрела в большинстве случаев не соблюдались. Решением Тюменского облисполкома угодья речки Лагормы были утверждены государственным заказником для пролетающей водоплавающей дичи. Имелись факты залета на эти территории охотников на вертолетах, а с вскрытием рек заезда на катерах. В 1970-е гг. не прекращались случаи отлова и массового уничтожения уток в период летней линьки. Особенно этим занимались лица, привлекаемые на заготовку кормов в совхозы из промышленных и строительных организаций городов Сургута и Нефтеюганска. Выезжая на работу с сенокосными бригадами, большинство рабочих брало с собой ружья и до открытия сроков весенней охоты в массовом порядке истребляло неоперившуюся птицу[807].

Попыткой государства интенсифицировать охотничье хозяйство стало развитие ***звероводства***. Первые звероводческие хозяйства на территории региона появились еще в 1930-е гг., однако широкого распространения они не получили по экономическим причинам, а также вследствие убыточности производства. С начала 1960-х гг. происходит объединение звероферм и охотничьих хозяйств, занимавшихся заготовкой промысловой пушнины. Включение в состав охотхозяйств звероферм преследовало цель не только увеличения объёмов заготовки пушной продукции, но и отражало сложившуюся за десятилетия систему комплексной организации производства, которая была характерна для северных регионов. В данном ключе, говоря о зверосовхозах Ханты-Мансийского национального округа, следует отметить, что они взаимодействовали и с предприятиями рыбной промышленности, которые являлись поставщиками кормовой базы для совхозов.

[807] МАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305. Л. 203.

Основными видами промысловых зверей в Ханты-Мансийском национальном округе были чернобурые лисицы и норки. На долю Ханты-Мансийского округа к началу 1962 г. приходилось 36,2% общего поголовья зверей в зверофермах Тюменской области. В целом же Тюменская область по клеточному звероводству занимала в РСФСР лидирующие позиции[808]. Округ стал одним из наиболее успешных регионов в сфере звероводства, где поголовье зверей выросло за период 1960-х гг. в 1,5 раза, а фермы стали более крупными и технически оснащенными. При этом доходность от реализации продукции звероводства в сельхозартелях округа только за период с 1960-го по 1970-е гг. возросла в 12 раз. В 1988 г. было сдано клеточной пушнины на 5811 тыс. руб.[809] Доля продукции клеточного звероводства в общих заготовках пушнины достигла 34%, тогда как на момент своего возникновения она составляла менее 3%. В денежном валовом доходе колхозов удельный вес продукции охотничьего промысла и звероводства в последние три года колебался от 17 до 20 процентов[810].

В рассматриваемый период объём заготовок в ценовом выражении вырос практически в 3 раза. Это в основном касалось деятельности хозяйств, занимавшихся клеточным звероводством, так как продукция, поступавшая от этих хозяйств, в денежном измерении ценилась выше, чем промысловых. Это подтверждается и тем, что основными видами продукции клеточного звероводства были шкурки серебристо-черной лисы, песца и норки[811], стоимость которых в среднем составляла 130, 78 и 50 руб. за одну штуку, в то время как на добытую путем охоты пушнину ценовой диапазон колебался от 20 до 50 руб.[812] Вместе с тем привлекательность клеточного звероводства заключалась еще и в том, что позволяла в полной мере кооперироваться с предприятиями рыбной промышленности, которые являлись поставщиком кормовой продукции для звероводческих хозяйств.

Таким образом, основываясь на статистических данных и отчетной документации хозяйств, занимавшихся организацией и закупкой пушной продукции, можно сделать вывод о том, что с начала 1970-х гг. и до конца 1980-х гг. основной формой организации промысловой деятельности стали звероводческие хозяйства. Их возникновение было во многом обусловлено начавшимся процессом интенсификации различных отраслей хозяйства региона. Кроме того, продукция клеточного звероводства в ценовом измерении стоила выше, чем пушнина, полученная промысловым способом.

Организация системы клеточного звероводства позволяла снизить промысловую нагрузку на животный мир. Она была более компактна и позволяла кооперироваться с другими предприятиями региона, например, с предприятиями рыбной промышленности, поставляющей кормовую продукцию для данных хозяйств. Деятельность звероводческих хозяйств не зависела от популяционных колебаний промысловых животных, в отличие от промысловых хозяйств. Изначально звероводство выступало как вспомогательная отрасль охотничьего хозяйства. В последующие 10 лет оно постепенно вытеснило промысел «дикой» пушнины на второй план. Причин данного явления несколько:

---

808 Тарасенков Г. Н. На просторах Обь-Иртышья (Природа, хозяйство, культура Тюменской области). Свердловск, 1964. С. 336, 337.

809 Народы Советского Севера. М., 1991. С. 177.

810 ГАЮ. Ф. 277. Оп. 1. Д. 160. Л. 63.

811 ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 265а. Л. 25.

812 ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 358. Л. 61.

Во-первых, экономическая эффективность звероводческих организаций не зависела от биологических колебаний численности промысловых пушных зверей, а значит, и не была привязана к погодным факторам. Во-вторых, звероводческие хозяйства органически вписывались в создаваемую «промышленную реальность» как переход от промысла к отрасли. Кроме того, зверосовхозы позволяли налаживать межотраслевые связи, в частности с организациями рыбной промышленности, которые поставляли кормовую продукцию. В-третьих, развитие звероводства позволило частично разрешить проблему занятости коренного населения, которое в силу отсутствия «индустриальных навыков» неохотно участвовало в нефтегазовом освоении, а следовательно, в определенной степени и в экономическом развитии региона.

Следовательно, активное промышленное освоение региона, рост численности населения негативным образом отражались на развитии традиционных отраслей хозяйства, основанных на использовании биоресурсов. Это, в свою очередь, отрицательно влияло на жизнь коренных народов Югры ханты, манси, лесных ненцев. Попытка государства включить коренные малочисленные народы Севера в создававшуюся «промышленную реальность» оказалась малоэффективной в силу тех методов, какими она реализовывалась. Отсутствие учета сложившихся традиций и культурных ценностей, административные меры по переселению коренных северян, внедрение «чуждых» способов ведения хозяйства стало ключевой причиной неудачи государственной политики в этой сфере.

Интенсивное промышленное освоение региона негативно отражалось на хозяйстве коренных народов. На сессии районного совета народных депутатов, состоявшейся 15 июня 1978 г., в рамках вопроса «Задачи местных советов по дальнейшему улучшению жизненного уровня народов Севера — коренного национального населения в связи с подготовкой к 50-летию образования ХМАО» говорилось: «Более сложная задача стоит сейчас по оленеводству. Если 5 лет назад в хозяйстве КЗПХ имелось свыше 3000 голов, то сейчас только 1400 голов… Распространение деятельности нефтегазодобывающей, лесной промышленности, увеличения объёмов геологоразведочных работ на территории района заставило перекочевать стада оленей в Пуровский район Ямало-Ненецкого округа. Базировка их находилась севернее оз. Пякуто, но и это временно, так как строительство железнодорожной магистрали Сургут — Уренгой вынуждает перекочевывать оленей еще дальше вглубь соседнего округа»[813].

Кроме того, масштабное развитие нефтегазового промышленного комплекса привело в итоге к постепенному свертыванию традиционных промыслов коренного населения и его миграции в укрупняющиеся посёлки. Результатом этого процесса стало то, что на местах промысла отмечался недостаток профессиональных кадров, а в посёлках постепенно складывался слой нетрудоспособного населения. При этом бывшие рыбаки и охотники, занимавшиеся данным промыслом всю свою жизнь, были вынуждены искать себе другой источник заработка. По данным Ю. Слёзкина, «с 1959 по 1979 гг. удельный вес коренных северян, занятых неквалифицированным „черным“ трудом (уборщиц, грузчиков, сторожей), вырос с 13 до 30%, а в богатых нефтью и газом Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах — до 30–60% (в некоторых совхозах — до 90%)»[814].

Говоря о проблемах, которые возникли у представителей коренных малочисленных народов Севера, следует выделить несколько причин. Одна из основных была связана, по замечанию

[813] Научный Архив Сургутского краеведческого музея.

[814] Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. С. 416.

известного советского исследователя Северных народов А. И. Пики, «с той политикой (точнее, отсутствием сколько-нибудь целенаправленной и научно обоснованной политики), которая проводится в отношении коренного населения». Выход из сложившейся ситуации виделся не только в предоставлении местному коренному населению большей самостоятельности, но и в том, что «надо постепенно свертывать нерентабельное, нехарактерное для Севера производство — молочнотоварные фермы, арктическое свиноводство и т. п. Целесообразно поощрять и внедрять семейный подряд, особенно в оленеводстве, арендные договоры и другие формы кооперации»[815].

Агропромышленный комплекс в округе также был представлен земледелием, животноводством и овощеводством. Пашенное земледелие, активно развивавшееся в 1930-е — 1940-е гг., с конца 1940-х гг. стало сокращаться. В конце 1950-х гг. оно пришло в упадок и с 1969 г. в регионе перестали сеять зерновые[816]. Колхозы и совхозы занимались животноводством и овощеводством. С ростом численности населения с 1960-х гг. в связи с бурным развитием нефтегазового комплекса, сельское хозяйство Югры не обеспечивало основными продуктами питания население полностью, хотя производство овощей и мяса качественно росло[817].

Подводя итог, отметим, что развитие агропромышленного комплекса и рыбного хозяйства Югры в 1960–1980-е гг. было противоречивым, сочетая в себе интенсивные и экстенсивные черты, сопряженные с негативными последствиями для экологии региона и культуры коренных малочисленных народов Севера.

[815] Пика А. И. Большие проблемы малых народов // Охота и охотничье хозяйство. М., 1989. № 4. С. 3.

[816] Атлас Ханты-Мансийского автономного округа Югры. Т. II. Природа. Экология. Ханты-Мансийск — М., 2004. С. 135.

[817] Основные показатели социально-экономического развития Тюменской области и районов проживания народностей Севера за 1965–1988 годы. Тюмень, 1989. С. 9–14.

Глава 9

Проблемы антропогенного воздействия на природу Сибирского Севера

Как уже отмечалось, стержнем процесса развития Ханты-Мансийского автономного округа являлось последовательное решение задачи индустриализации северных территорий, которая во второй половине XX в. была воплощена в жизнь. Индустриальный стандарт освоения территории подразумевает рациональный контроль не только над социальным, но и над природным окружением человека, расширение прикладных научных исследований, распространение рационального взгляда на жизнь. Он стал воплощением победившей в СССР парадигмы «покорения природы», региональным вариантом которой стало «покорение Севера».

Максимально эта идея была реализована на территории Югры во второй половине XX в. В обществе складывалось устойчивое ощущение стремительного рывка, совершенного регионом в очень сжатые по времени сроки: «Два десятка лет назад (сер. 1960-х гг.) — мгновение по понятиям нашего стремительного века, — Западная Сибирь была белым пятном на народнохозяйственной карте страны. Огромный безлюдный край удручал даже летчиков. “Бывало, летишь, летишь, — говорил один из ветеранов тюменской авиации, — и ни огонька, ни дымка, ни признака человеческой жизни. Только тайга да болота, почти лунные ландшафты. И чувство такое, будто один в целом свете остался. А сейчас вокруг — разливы огней”. Да, нефть принесла в глухомань свет, тепло, энергию, новую жизнь»[818]. Темпы развития нового нефтегазового района были действительно уникальными. Если в 1965 г. на Севере Западной Сибири за год добывали один миллион тонн нефти, то с сентября 1983 г. миллион добывался ежедневно[819].

Югра стремительно преобразовалась из «дикого» в освоенный регион, соответствующий индустриальным стандартам. Нефтяники и газовики 1960–1970-х гг. стали первопроходцами. Как казаки и государевы служилые люди в конце XVI–XVII вв. открыли Север Азии для европейского мира, так нефтяники XX в. стали первооткрывателями колоссальных запасов нефти и газа мирового значения, которые смогли преобразовать сельскохозяйственно-промысловую территорию Югры в индустриальную и урбанизированную.

Акцент на индустрию, научно-техническое освоение природных богатств региона в промышленном масштабе привел к появлению и перемещению в символическом и географи-

---

[818] Трудная дорога к нефти: Тюменские учёные и инженеры рассказывают. Свердловск, 1985. С. 9.

[819] Трудная дорога к нефти. С. 11.

ческом пространстве новой границы на Севере Западной Сибири между природой и окружающей средой. Регион из пространства малоосвоенного («недоосвоенного»), где природа в качестве базовой, доминантной характеристики образа Западносибирского Севера, безусловно, преобладала, стал промышленно развитой территорией окружающей среды. В отличие от природы, не нуждающейся в людях, окружающая среда существует только там и тогда, где и когда существуют люди. Эта граница между природой и окружающей средой концептуальна и исторически обусловлена. Сама окружающая среда как продукт деятельности человека, его труда, становится исторической категорией[820].

Наступление человека на природу Югры — это процесс расширения пространства окружающей среды и сокращения пространства природы, которое и стало содержанием внутренней колонизации Сибири в XX в.

Таблица 2.30

Природа (первая половина XX в.)	Окружающая среда (1960–1980-е гг.)
Транспортная инфраструктура	
Отсутствие железной дороги, сети автомобильных дорог с твердым покрытием круглогодичного действия. Для доставки грузов на север Тюменской области в основном использовался речной транспорт.	Наличие железной дороги, сети автомобильных дорог с твердым покрытием круглогодичного действия. Авиасообщение. Трубопроводы. ЛЭП.
Система расселения	
Небольшие населенные пункты вдоль основных речных магистралей. Преобладание сельского населения.	Урбанизация. Преобладание городского населения над сельским. В процессе создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса было построено 15 новых городов и более 50 крупных рабочих посёлков[821].
Экономика	
Рыболовство. Охота. Сельское хозяйство.	Нефтегазодобывающая промышленность. Энергетика. На долю ЗСНГК к началу 1980-х гг. приходилось 66% общесоюзной добычи нефти и газового конденсата и 63% природного газа[822].
Восприятие территории	
«Глухая», «дикая», «нетронутая» тайга, тундра.	Тюмень — это нефтяные вышки, взметнувшиеся над просторами Западно-Сибирской заболоченной таежной равнины и ледяными торосами Харасавэя, это тысячи километров построенных за кратчайший срок железнодорожных и бетонных трасс, сотни новых больших и малых мостов, бесконечные стальные нити трубопроводов, новые заводы, аэродромы, электростанции[823].

[820] Sörlin S., Warde P. Nature's End. History and the Environment. London, 2009.

[821] Силин А. Н., Симонов С. Г. Социально-экономическое развитие Западно-Сибирского Севера: проблемные ситуации / Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. № 1. Вып. 1. 1988. С. 50.

[822] Будьков С. Т. Социально-экономические аспекты формирования Западносибирского территориально-производственного комплекса // Человек на Севере: (Тез. обл. науч.-практ. конф.). Ч. 1. Тюмень, 1988. С. 2.

[823] Летопись открытия. Свердловск, 1979. С. 8.

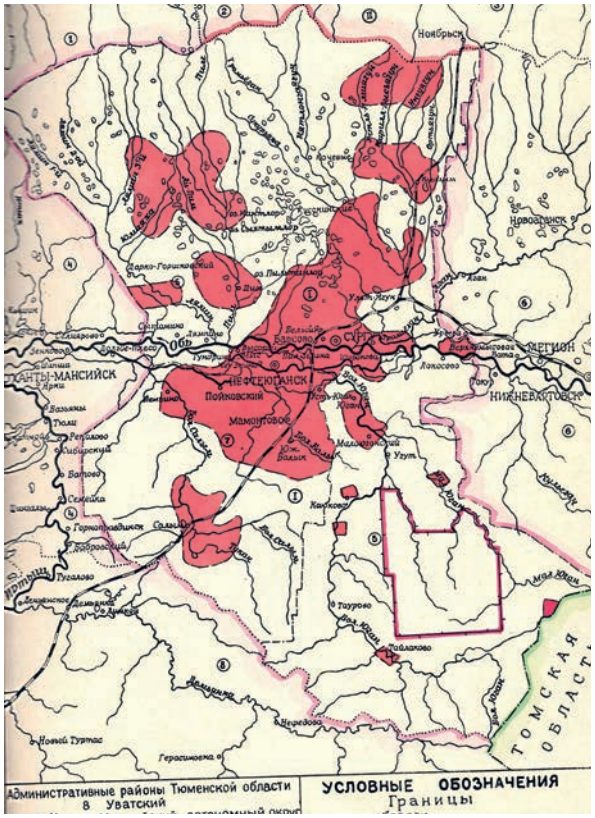


Рис. 2.121. Территории Сургутского района, подвергшиеся наибольшему антропогенному воздействию. Из отчета «Развитие и размещение охотничьего хозяйства в Сургутском коопзверопромхозе». ВНИИОЗ. 1980 г.

Если сравнить, какое количество финансовых средств было освоено при создании ЗСНГК с великими стройками СССР, то западносибирская нефтегазовая программа — это БАМ, КамАЗ, ВАЗ и «Атоммаш» вместе взятые. Масштабы в 10 пятилетке были таковы, что здесь как бы в два года сооружался БАМ, за год КамАЗ или два ВАЗа[824].

Выбранная модель природопользования наряду с модернизационным, преобразовательным потенциалом покорения природы, несла в себе существенные риски. Такое стремительное экономическое развитие отразилось не только на жителях Севера, но и на природе региона. Интенсивность освоения средне- и северотаежной зоны была подобна взрыву: за короткие отрезки времени в новых, совершенно необжитых местах скапливалось большое количество людей и техники. В городах Сургут, Нефтеюганск, Урай, рабочих посёлках Игрим, Мегион всего за три года (1964–1966 гг.) оборот населения превысил его среднегодовую численность в 1,5–2 раза[825]. Природа подверглась мощнейшему антропогенному воздействию.

Одной из главных экологических проблем региона была высокая аварийность на предприятиях нефтегазового комплекса, сопровождавшаяся выбросами в окружающую среду нефти и нефтепродуктов. В 1980-е гг. ежегодно фиксировалось 150–260 аварий[826]. Серьезной проблемой было загрязнение водоемов. Территория Севера Западной Сибири имеет большое значение в качестве глобального резервата пресных вод. Ее по праву можно назвать «землей воды»[827].

Хорошая вода богата кислородом, нормально минерализована, чиста. В условиях Севера вода в реках и озерах обычно несколько хуже: слабо минерализована, в ней меньше кислорода, она не всегда приятна на вкус, часто обладает болотным запахом и буроватым цветом. Болотный запах и буроватый цвет обусловлен тем, что вода поступает с заболоченных территорий и содержит в себе большое количество органических веществ. Слабая минерализация

[824] Аганбегян А. Г. Сибирский комплекс. Опыт системного анализа // Вопросы философии. 1981. № 8. С. 44.

[825] Яновский В. В. Человек и Север. Магадан, 1969. С. 34.

[826] Валеева Э. И., Московченко Д. В. Роль водно-болотных угодий в устойчивом развитии севера Западной Сибири. Тюмень, 2001. С. 118.

[827] Гололобов Е. И. Антропогенное воздействие человека на природу и ее охрана на Севере Западной Сибири в 1960–1980-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 12.

объясняется низкой температурой воды и почвы, почти полным отсутствием грунтового питания. Воды Севера — это снеговые и дождевые воды[828]. Снижение количества кислорода в воде рек приводит к заморам рыбы, изменению вкуса, цвета и запаха воды.

С ростом и развитием нефтедобывающей промышленности в северотаежной зоне Западной Сибири увеличился сброс сточных вод в реки региона. Сточные промышленные воды с трудом поддаются очистке в реках, при этом необходимо обилие растворенного в воде кислорода. При сбросе промышленных вод, обогащенных органическим веществом, на окисление его расходуется большое количество кислорода, поступление которого ограничено в реках Севера из-за длительного ледостава[829]. В связи с этим воды рек Западной Сибири имеют меньшую способность к самоочищению, чем реки европейской части страны. В условиях Западной Сибири воде нужно пройти в десять раз большее расстояние для самоочищения, чем в европейской части страны, при том же составе загрязнений. Воды Оби и ее притоков в рассматриваемый период были значительно загрязнены нефтью и нефтепродуктами.

К этим негативным факторам добавилось то, что в результате гидростроительства на Оби и Иртыше были отрезаны лучшие нерестилища. Это значительно ухудшило условия воспроизводства рыб. Вылов рыбы на Севере Западной Сибири стал резко сокращаться с конца 1960-х гг. Потери рыбного хозяйства составляли десятки тысяч центнеров ценной рыбы. К середине 1970-х гг. 64 реки региона потеряли свое рыбохозяйственное значение. Были выведены из строя рыбоугодья на реках Пим, Большой и Малый Балык, Аган и др. В качестве наглядного примера складывавшейся катастрофической ситуации с малыми реками можно привести Ватинский Еган. В 1973 г. в реке выловили 522 центнеров рыбы, в 1975 г. — лишь 23 центнера[830].

Негативное воздействие нефтегазодобывающей отрасли испытывало и охотничье хозяйство. Стремительный рост нефтедобычи привел к возникновению городов, строительству и функционированию трубопроводов, строительству транспортной инфраструктуры. Все это коренным образом повлияло на охотничий промысел. Например, Сургутский коопзверопромхоз в своих документах отмечал, что организация охотничьего промысла все больше осложняется. Нефтегазопромысловый комплекс занимал территории, где находились лучшие охотничьи угодья. Сокращались площади угодий, снижалась ценность наиболее продуктивных из них в районах рек Большой Юган и Малый Юган. Значительный ущерб штатным охотникам наносила незаконная деятельность нефтяников и геологов в охотничьих угодьях. Так, например, «в верховьях реки Большой Юган на участке одного из лучших охотников В. И. Крутикова буровики, дорожники занимались браконьерством, с использованием вездеходов, своровали собаку, лыжи-подволоки, продукты питания из избушки. Работы в этом районе вело производственное объединение Томскнефтегазгеология, генеральный директор Г. Н. Шестаков»[831], — свидетельствует источник. И это был не единичный случай.

---

[828] Крючков В. В. Крайний Север: проблемы рационального использования природных ресурсов. М., 1973. С. 50.

[829] Крючков В. В. Крайний Север: проблемы рационального использования природных ресурсов. С. 51.

[830] Гололобов Е. И. Антропогенное воздействие человека на природу и ее охрана на Севере Западной Сибири в 1960–1980-е гг. С. 12.

[831] Гололобов Е. И. Антропогенное воздействие человека на природу и ее охрана на Севере Западной Сибири в 1960–1980-е гг. С. 14.

Рис. 2.122. П. С. Бахлыков. Последний. 1988 г.
Из открытых источников

Также важно отметить, что охота в целом как вид профессиональной деятельности подвергалась критике. Низкая роль охоты в общем природопользовании была связана во многом с идеализацией природы в общественном сознании и антиохотничьим движением в обществе. Писатель-охотовед Всеволод Сысоев приводит такой пример из своей практики. Один дальневосточный писатель сказал ему как бы с сожалением: «Чтобы вы ни говорили, но охота — занятие безнравственное». И такие нападки «псевдохранителей природы» были нередкими. В общественном сознании очень часто между понятиями охотник и браконьер ставился знак равенства[832]. Любое снижение численности диких зверей и птиц (особенно охотничьих видов) вызывало обвинения в адрес охотников в подрыве ресурсов. Между тем основной причиной подобного снижения зачастую являлось ухудшение условий обитания вследствие антропогенного преобразования угодий и даже полного исчезновения местообитаний отдельных видов. Северотаежная зона Западной Сибири — одно из таких печальных доказательств.

Охотничьи хозяйства своими затратами на охрану и воспроизводство диких зверей и птиц компенсировали не столько свои издержки, так как ресурсы многих видов недоиспользовались, сколько возмещали ущерб, наносимый диким животным и их среде обитания смежными отраслями природопользования: гидростроительством, добычей полезных ископаемых, сельским и лесным хозяйством, рекреационной деятельностью человека.

Во второй половине XX в. урбанизационные процессы на Севере Западной Сибири, тесно связанные с активным индустриальным освоением региона, стали мощным экологическим фактором, сопровождающимся преобразованием ландшафта, земельных и водных ресурсов, массовым производством отходов, поступающих в атмосферу и гидросферу. Новые и старые населенные пункты Севера Западной Сибири становились источниками промышленных и бытовых отходов, в частности, роста фекальных загрязнений. В качестве примера можно привести город Сургут. Его застройка велась «хуторским способом». Различные ведомства и производственные организации строили свои посёлки с отдельной, замкнутой инфраструктурой. В единый коммунальный организм посёлки нефтяников, геологов, газовиков и энергетиков долгое время не соединялись. Сургут практически пять лет строился без генерального плана, в течение которых, по сути, велась его самовольная застройка.

[832] Гололобов Е. И. Охотничье хозяйство Сибирского Севера в экономической системе СССР в 1950–1980-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (45). С. 39.

Межведомственные разногласия и разобщённость привели к смене проектировщика в Сургуте. Вместо Гипрогора (Государственный институт проектирования городов) был назначен новый главный проектировщик города — Ленинградский научно-исследовательский институт по разработке генеральных планов и проектов застройки городов. В 1978 г. институт разработал схему территориального развития города. Сургут проектировался как центр нефтедобывающей промышленности, как базовый город, обеспечивающий вахтовую методику освоения месторождений нефти и газа Севера Тюменской области[833]. В результате даже в 1970-е гг. строительство общественных зданий в Сургуте не планировалось[834]. В условиях ведомственного управления народным хозяйством финансирование жилищного и культурно-бытового строительства в городах осуществлялось преимущественно через министерства. Чаще всего эти объекты рассматривали как второстепенные, а основные средства стремились направить на развитие промышленного строительства и производства[835].

Таким образом, главной причиной серьёзных недостатков в проектировании северных городов было затянувшееся составление генеральных планов, их постоянные корректировки и переутверждение. Жилые микрорайоны, отведённые для многоэтажного строительства, начинали интенсивно застраиваться деревянными домами без надлежащих удобств или просто временными строениями, приспособленными для жилья. Многие люди в первые годы существования северных городов жили в землянках, бараках, временных строениях[836]. Подобная самовольная застройка приводила к нарушению генерального плана. Отсюда вытекали последствия: неряшливый вид города, асимметричность застройки, отсутствие архитектурно-планировочного замысла, общегородской парковой зоны.

Многие рабочие посёлки Севера Западной Сибири в 1960-е гг. вообще не имели генпланов. Даже к 1980-м гг. в Югре эта проблема не была решена: в Берёзовском районе — 10 посёлков не имели генпланов, в Октябрьском — 2 посёлка, в Кондинском — 1, в Сургутском — 10, в Нижневартовском — 3. Генеральные планы появлялись спустя несколько лет после появления самого посёлка, несмотря на то, что населенные пункты имели важное промышленное значение[837].

Причины неудовлетворительного состояния планировки, застройки, инженерного оборудования и благоустройства крылись в безответственности министерств и ведомств, их местных организаций. При возведении жилых домов отсутствовал контроль со стороны местных советов депутатов трудящихся, а также со стороны городских отделов по делам строительства и архитектуры, технического надзора заказчиков и авторского надзора проектных организаций. Постоянно фиксировались многочисленные нарушения, такие как применение в жилищном строительстве домов, непригодных для условий Севера, грубые нарушения проектов, несвоевременный завоз строительный материалов[838]. Основными

---

[833] Стась И. Н. Концепции озеленения и экологическая проблематика в советских генпланах Сургута (1964–1990 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6. С. 100.

[834] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5000. Л. 160; ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5248. Л. 12.

[835] Букин С. С. Строительство объектов социально-бытовой инфраструктуры городов Сибири: (1946–1960 гг.) / Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 108–128.

[836] ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 176. Л. 156, 157, 160.

[837] ГАЮ. Ф. 403. Оп. 1. Д. 16. Л. 60–63. 27. Л. 63,64, 153–155. 28. Л. 46–53.

[838] Архивный отдел Администрации города Нижневартовска (АОАГН). Ф. 42. Оп. 1. Д. 39. Л. 121. 30. Л. 14. 31. Л. 10.

проблемами были отсутствие баз домостроения и строительных материалов, генерального плана строительства, проектов детальной планировки, проектов застройки городов, низкое качество жилья из-за поставляемых материалов, которые не соответствовали нормам[839]. Строительство проводилось без учёта природно-климатических условий и необходимости бережного отношения к природе.

Многоведомственность в проектировании городов, отсутствие должного надзора за градостроительством, отсутствие базы стройиндустрии, безответственность министерств и ведомств, местных организаций, градостроительных организаций, отсутствие утверждённого генерального плана города и его единого заказчика, а также типовых проектов, учитывающих вопросы градостроения на Севере — всё это привело к нерациональным затратам, дискредитации элементарных основ градостроительства[840].

Таким образом, можно выделить следующие основные причины экологического неблагополучия урбанизированных территорий Севера Западной Сибири: командно-административные методы в управлении хозяйством страны и региона, экстенсивное природопользование, отсутствие эффективной системы контроля и надзора за выполнением законодательства об охране природы и соблюдением градостроительных норм, игнорирование природно-климатических условий Севера.

В результате жители новых городов сталкивались с серьёзными санитарными и гигиеническими проблемамами. В качестве примера можно привести Сургут. В 1968 году, например, посёлок геологов находился в антисанитарном состоянии. Канализация не работала, а временных очистных сооружений не было, это часто приводило к вспышке желудочно-кишечных заболеваний в весенний период. В зимнее время нечистоты заносило снегом, а при таянии снега — разносилось зловоние, начинались инфекционные заболевания. Улицы в посёлках были захламлены строительным мусором. Проблемы городского хозяйства неоднократно рассматривалась сургутским городским советом депутатов трудящихся. Вопрос о неудовлетворительном санитарном состоянии рабочих посёлков регулярно поднимался городскими властями[841]. Такая ситуация была характерна для многих городов округа. В городской черте Ханты-Мансийска буквально в ста метрах от районной больницы разрабатывался карьер строительным управлением № 20 без всякого проекта и сметы. Карьером была обезображена зеленая зона. В районе посёлка Горный таким же образом разрабатывался карьер строителями аэропорта г. Ханты-Мансийска. Такие случаи были неединичны в Сургутском и Нижневартовском районах[842].

В 1980-е гг. нарастающее экологическое неблагополучие городов уже нельзя было игнорировать. Местные власти начали принимать важные для улучшения санитарного состояния северных городов решения, например, проводились дни санитарной очистки и благоустройства. Во второй половине 1980-х гг. в архитектурно-градостроительном сообществе наметился переход от локального учета отдельных экологических факторов к системному «эколого-градостроительному проектированию», охватывающему весь сложный комплекс

---

[839] ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 176. Л. 196, 200.

[840] ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 2335. Л. 7, 9; ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 176. Л. 139.

[841] Красовитова Э. С. Экологическая деградация урбанизированных территорий Севера Западной Сибири в 1960–1970-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (57). С. 109.

[842] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1110. Л. 32.

вопросов градостроительного освоения, охраны и улучшения окружающей среды. Вопросы экологии становились важными при разработке планировочной документации. Местные органы управления стали активно заниматься благоустройством и озеленением[843].

Анализ урбанизационных процессов в контексте промышленного освоения Югры в 1965–1980-е гг. дает возможность выявить ключевое противоречие в развитии северных городов. Органическая включенность северного города в производственные процессы и его полный приоритет блокировал реализацию основной цели советского градостроительства — создание оптимальных условий жизнедеятельности во всех без исключения поселениях в ходе их территориальной организации. Во многих случаях процесс урбанизации протекал стихийно и приводил к нарушению экологического равновесия, что мешало городам Югры выполнять свои основные функции. Таким образом, город, являясь очагом активного воздействия на прилегающее пространство, сам на себе испытывал негативные экологические и социальные последствия такого воздействия.

Угрожающие размеры принял объём сбрасываемых в водоемы региона нефтепродуктов, неочищенных бытовых и промышленных сточных вод. В начале 1970-х гг. всего за сутки в Ханты-Мансийском округе сбрасывалось 97 тыс. м^3 сточных вод, из них проходило очистку только 15 тыс. м^3. Кроме того, частыми были случаи сброса нефтепродуктов при авариях нефтепроводов, дренажных вод с большим содержанием нефтепродуктов, подсланевых вод и отработанных масел с судов, нефтепродуктов с не обвалованных нефтебаз и при выгрузке горюче-смазочных материалов открытым способом[844]. Несмотря на создавшееся сложное положение с загрязнением водоемов, промышленные предприятия, колхозы и совхозы не уделяли особого внимания строительству очистных сооружений и других приспособлений, исключающих загрязнение водоемов.

К началу 1970-х гг. не имели очистных сооружений города Нефтеюганск и Нижневартовск, посёлки Мегион и Пойковский. Такая ситуация складывалась не потому, что на природоохранные мероприятия выделялось недостаточно средств. Их выделялось достаточно, но руководители управлений по добыче нефти и газа и строительных организаций не считали эти объекты важными. Они всегда были второстепенными, по сравнению с необходимостью ускоренного строительства промышленной инфраструктуры, поэтому выделенные на очистные сооружения средств из года в год полностью не осваивались.

Помимо нефтедобывающей промышленности и активно строящихся городов, немалый ущерб водоемам округа наносили традиционные отрасли хозяйства, поставленные на промышленную основу. Берёзовский и Сургутский рыбкомбинаты, рыбоучастки при отсутствии правовых обязательств строительства очистных сооружений сбрасывали в реки огромное количество загрязненных вод. Совершенно не имели очистных сооружений предприятия молочной промышленности. Сброс отходов, сточных вод на маслозаводах, сливочных отделениях был системой[845]. Колхозы и совхозы также вносили свою весомую лепту в загрязнение водных ресурсов Югры. Вследствие несвоевременной утилизации навоза, особенно на пойменных фермах, они были серьёзными загрязнителями водоемов. Бичом для больших и малых рек Севера Западной Сибири стали мелкие нефтебазы колхозов, сов-

[843] Стась И. Н. Концепции озеленения и экологическая проблематика в советских генпланах Сургута (1964–1990 гг.). С. 101.

[844] ГАЮ. Ф. 1. Д. 1110. Л. 32.

[845] ГАЮ. Ф. 1. Д. 1110. Л. 35.

хозов и некрупных предприятий. Эти нефтебазы за малым исключением, не были обвалованы, не огорожены и не оборудованы закрытыми приспособлениями для слива и отпуска горючего. При таком их состоянии слив нефтепродуктов в водоемы был, к сожалению, обыденным делом.

В округе широко использовались подземные воды, однако при бурении и эксплуатации скважин зачастую нарушались элементарные правила. Много скважин бурилось без разрешения Главтюменьгеологии. Особенно этим злоупотребляли буровые предприятия «Запсиббурнефть», «Союзтюменьводстрой» и «Союзбургаз»[846].

В районах Севера РСФСР в 1970–1980-е гг. ситуация с рациональным использованием и охраной водных ресурсов все более осложнялась. Северные территории занимали 55% территории РСФСР. На них проживало 8% населения. Водные ресурсы региона составляли 80% общероссийских, а потребления чистой воды около 7%. Примерно такой же объём неочищенных загрязненных стоков в 1970–1980-е гг. сбрасывался в водные объекты. В 1980-е гг. очищалось только 35–40% образующихся в регионе загрязненных стоков. К наиболее загрязненным водным объектам относились и районы Обь-Иртышского бассейна[847].

Обь-Иртышский бассейн, значительная часть которого относится к районам Севера, представляет собой ключевое звено в системе региональных природных связей. В ходе развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960–1980-е гг. водные ресурсы бассейна подвергались значительным и разнообразным неблагоприятным воздействиям. По официальным данным, общий выброс хозяйственных отходов в бассейн составлял порядка 27,3 млн м^3 в сутки, в том числе в пределах Тюменской области, частью которой был Север Западной Сибири — свыше 6 млн м^3. На границах Тюменской области с Омской и Томской постоянное загрязнение вод Иртыша и Оби составляло не менее 2 ПДК; при слиянии этих рек в пределах округа, уровень загрязнения повышался до 4 ПДК, а в низовьях Оби — в пределах ЯНАО, на протяжении ряда лет в 1970-е гг. достигал 18 ПДК. При этом разовые загрязнения в результате аварийных сбросов и элементарной бесхозяйственности достигали на отдельных участках северного бассейна 1000 и более ПДК[848].

От антропогенного воздействия особенно сильно страдали малые реки. В целях их экологической защиты регулярно принимались правительственные решения[849]. Министерство мелиорации и водного хозяйства РСФСР и Центрального совета ВООП с мая по сентябрь 1982 г. проводило Всероссийский рейд по проверке выполнения постановления Совета Министров РСФСР от 14 января 1981 г. № 28 «Об усилении охраны малых рек РСФСР от загрязнения, засорения и истощения и о рациональном использовании их водных ресурсов», в котором приняли участие 58 республиканских (АССР), краевых и областных организаций ВООП. Рейд осуществлялся в тесном контакте с партийными и советскими органами. В состав рейдовых бригад входили представители от постоянных депутатских комиссий по охране природы, комитетов народного контроля, комсомольских, профсоюзных организаций, редакций газет, общественных организаций.

---

[846] ГАЮ. Ф. 1. Д. 1110. Л. 35.

[847] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 6115. Л. 7.

[848] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 5936. Л. 24.

[849] Постановление Совета Министров РСФСР от 14 января 1981 г. № 28 «Об усилении охраны малых рек РСФСР от загрязнения, засорения и истощения и о рациональном использовании их водных ресурсов».

Основной целью рейда являлось повышение внимания министерств и ведомств, подведомственных предприятий и организаций к поддержанию благоприятных гидрологических и гидрохимических режимов, улучшению санитарного состояния и рационального использования водных ресурсов малых рек, комплексному осуществлению мероприятий по их охране, а также привлечение широкой общественности к решению этих задач. Рейд показал, что малые реки продолжали интенсивно загрязняться нефтепродуктами, промышленными и сельскохозяйственными стоками, ядохимикатами и удобрениями. Не прекращалось распахивание пойм и берегов рек, вырубка прибрежной древесно-кустарниковой растительности. Основными загрязнителями являлись хозяйства Минсельхоза и Минплодоовощхоза РСФСР, предприятия мясомолочной, легкой, текстильной, местной промышленности министерств РСФСР и подразделений Госкомнефтепродуктов[850].

В Югре ситуация с малыми реками была сложной. На Белогорском деревообрабатывающем заводе и в совхозе «Ханты-Мансийский», расположенных на Ендырской протоке русла Оби, берега захламлялись отходами древесины. Почти повсеместно берега малых рек загрязнялись строительным и бытовым мусором. Большой вред малым рекам наносил маломерный флот, волны от которого, размывая берега, приводили к гибели мелкой рыбы, водоемы загрязнялись нефтепродуктами, шум работы двигателей пагубно влиял на региональную фауну[851].

Неблагоприятные последствия загрязнения, помимо больших потерь ценных для экономики страны и региона ресурсов, приводили к ухудшению экологической ситуации в целом. Можно отметить факты устойчивого накопления нефтепродуктов в донном иле, снижения экологического качества водной среды, разрушения водоохранной растительности, естественных стоков, технических шумов и вибрации. Они негативно влияли на состояние уникальных рыбных ресурсов бассейна и условия рыболовства, оказывали отрицательное воздействие на хозяйственное освоение региона, например, условия судоходства, а в некоторых случаях становились опасными для здоровья человека.

Наряду с водными ресурсами, негативному антропогенному воздействию подвергались почвы. В связи с интенсивной добычей нефти и газа на Севере Западной Сибири в рассматриваемый период, как отмечалось ранее, быстрыми темпами шло строительство различных промышленных объектов и жилья. Землеустроительные службы не успевали должным образом выводить земли из сельскохозяйственного оборота и передавать их под промышленные объекты и жилье. Очень часто земли захватывались явочным порядком и на них осуществлялось строительство без соответствующей проектно-сметной документации. Нарушения были массовыми. Так возводили Сургутские электрические сети, создавали НГДУ «Сургутнефть», формировали Нефтепроводное управление, вводили в строй НГДУ «Правдинскнефть» и многие другие предприятия и организации. Это, в свою очередь, приводило к негативным экологическим последствиям. Нефтедобывающие предприятия не выполняли планы по рекультивации земель[852].

Негативное влияние нефтедобычи испытывали на себе леса Югры. В их вырубке принимало участие около 50 различных организаций, а уборкой ее последствий никто. Использовалась добытая древесина в незначительных количествах на строительстве лежневых дорог, временных производственных сооружений, на местные нужды буровиков и строителей. Остав-

---

[850] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 3660. Л. 127–129.

[851] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 3660. Л. 134.

[852] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 5936. Л. 27–-28; МАГС. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 448. Л. 142.

шаяся ее часть либо сжигалась, либо оставалась гнить на близлежащей к объектам строительства территории[853]. Технологические схемы разработки самих месторождений нефти и газа часто осуществлялись без применения современных доступных в рассматриваемый период методов. Во многих случаях коэффициент извлечения по схемам разработки не превышал 50%, то есть, половина разведанной нефти оставалось в недрах. Ярким примером нерационального использования ценных ресурсов было отношение нефтяников к использованию попутного газа. Значительная его часть просто сжигалась в факелах[854].

Расширение территорий промышленного освоения, развитие транспортной и энергетической сети, строительство линий газо- и нефтепроводов приводило ко все большему, часто необратимому, загрязнению природных экологических систем, и, соответственно, к сокращению территорий традиционного природопользования. Это обстоятельство непосредственно затрагивало жизненные интересы коренных народов Севера Западной Сибири. Традиционный жизненный уклад коренного населения Севера, как природопользователя, по большому счету не вписывался в схему индустриальной экономики, основанной на добыче полезных ископаемых. По сути, он этой экономике мешал[855].

Нельзя сказать, что в плане разработки технологий, позволявших сокращать негативное воздействие нефтегазового комплекса на природную среду, ничего не предпринималось. Все месторождения Западной Сибири имели разветвленную сеть водостоков в Обь и ее притоки. В то же время, технология добычи и подготовки нефти была связана со значительным водопотреблением. Так, на добычу 1 т нефти Главтюменнефтегазом в 1970–1980-е гг. затрачивалось 1,9 м^3 воды и водопотребление постоянно росло. Поэтому в природоохранных мероприятиях Главтюменнефтегаза защите водоемов придавалось первостепенное значение. Эта проблема решалась по двум направлениям: предотвращение сброса в водоемы нормативно неочищенных стоков и всемерное снижение объёмов водозабора из поверхностных источников. Наибольшее количество потребляемой воды затрачивалось на поддержание пластового давления[856].

В целях экономии внедрялось оборотное водоснабжение. Повторное использование воды широко применялось при бурении скважин. Сложной проблемой оставалась ликвидация отходов бурения. Накопление в шламовых амбарах большого количества бурового раствора, содержащего нефть и различные химические реагенты, являлось потенциальным источником значительного загрязнения окружающей среды. Основным методом рекультивации шламовых амбаров оставалось их естественное высыхание с последующей засыпкой грунтом.

Разработка и контроль за внедрением мероприятий по охране окружающей среды на промыслах Тюменской области были возложены на специализированные отделы Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) Главтюменнефтегаза и объединений, а на предприятиях — на инженеров по охране природы. Создавались общественные структуры. В НГДУ Нижневартовскнефть, например, был создан общественно-технический комитет,

---

[853] Гололобов Е. И. Антропогенное воздействие человека на природу и ее охрана на Севере Западной Сибири в 1960–1980-е гг. С. 13.

[854] ГАТО. Ф. Р-814. Д. 5264. Л. 134.

[855] Народы Советского Севера. М., 1991. С. 81.

[856] Белан А. А., Сторожев В. С. Охрана окружающей среды на предприятиях Главтюменнефтегаза // Нефтяное хозяйство. 1981. № 4. С. 59.

под руководством которого работали проблемные секции: охраны водоемов, воздушного бассейна, недр, озеленения и агитационно-массовых мероприятий. Весьма последовательно принцип комплексного подхода к решению проблемы промышленного освоения территории и вопросов охраны природы при разработке нефтяных месторождений осуществлялся на Самотлорском месторождении. Техническая база этого принципа состояла в герметизированной системе сбора, транспортировки и подготовки нефти, комплексировании промысловых объектов, использовании безотходных технологических процессов, проведении компенсационных природоохранных мероприятий[857].

Тем не менее, предпринимаемые усилия для сохранения приемлемого экологического баланса в регионе были явно недостаточными. На официальном уровне регулярно заявлялось о том, что «сохранить чистоту северной природы, по-хозяйски расходовать ее ресурсы — задача, которая стоит наравне с выполнением планов освоения нефтегазовых запасов»[858]. Но в действительности наравне она никогда не стояла. Выполнение производственных планов было абсолютным приоритетом. Это, главным образом, и приводило к ухудшению экологической ситуации в автономном округе и в целом на севере Западной Сибири.

Масштабу хозяйственного освоения Сибирского Севера должна была соответствовать отвечающая современным на тот момент требованиям система природоохранных мер, разработанная с учетом конкретных территориальных особенностей, как природных, так и хозяйственных. Ресурсы, которые выделяло государство на поддержание благоприятной природной среды были недостаточными. Росли объёмы очищенных стоков, атмосферного воздуха, но объёмы загрязнений росли еще больше. Выделяемые Мингео, Миннефтепромом, Мингазпромом и Миннефтегазстроем СССР средства на охрану окружающей среды были недостаточными, они не являлись приоритетными и плохо осваивались.

Комиссия Президиума Совета Министров СССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов, рассмотрев 17 ноября 1983 г. вопрос «О работе Мингео СССР, Миннефтепрома, Мингазпрома и Миннефтегазстроя по соблюдению природоохранного законодательства при разведке, обустройстве и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Западно-Сибирского нефтегазового комплекса», справедливо констатировала, что эти министерства не уделяли необходимого внимания вопросам охраны окружающей среды при разведке и освоении месторождений нефти и газа Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, на территории которого нарушенное экологическое равновесие в природе восстанавливается крайне медленно[859].

В деле охраны природы отсутствовал комплексный подход. Отмечая значение отдельных групп природных ресурсов, необходимо было иметь в виду важную роль природно-территориальных комплексов в поддержании экологического баланса на всей рассматриваемой территории. Доминирующий способ экологической защиты наиболее ценных для обще-

---

[857] Белан А. А., Сторожев В. С. Охрана окружающей среды на предприятиях Главтюменнефтегаза С. 60–61.

[858] Белан А. А., Сторожев В. С. Охрана окружающей среды на предприятиях Главтюменнефтегаза. С. 59.

[859] Нуриев З. О работе Мингео СССР, Миннефтепрома, Мингазпрома и Миннефтегазстроя по соблюдению природоохранного законодательства при разведке, обустройстве и эксплуатации нефтяных и газовых месторождений Западно-Сибирского нефтегазового комплекса / ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 7225. Л. 5.

ства объектов должен состоять в установлении взаимодополняющих друг друга специальных режимов природопользования: заповедного и заказного. Однако в рассматриваемый период региональная сеть особо охраняемых природных территорий составляла около 2,5% всей площади Тюменского Севера, в том числе в Ханты-Мансийском автономном округе, который осваивался более интенсивно — 1,6%, в Ямало-Ненецком — 3,2% (по существующим мировым стандартам не менее 8%)[860]. Очевидно, что создание и развитие сети особо охраняемых природных территорий должно было опережать процесс хозяйственного освоения, в противном случае природным системам наносился невосполнимый ущерб, что, собственно, и происходило.

Серьезные недостатки существовали и в обеспечении имеющихся объектов кадрами, техникой, другими материалами. Неслучайно многочисленные нарушения режимов природопользования были отмечены и на территории объектов, объявленных особо охраняемыми. По районам Севера сеть особо охраняемых природных территорий, составляющих в целом около 1% всей площади, была распространена крайне неравномерно, без учета всего комплекса природных условий и потребностей в связи с интенсивным хозяйственным освоением. Многие имеющиеся объекты не были обеспечены в необходимой мере егерской службой и современными техническими средствами. На Севере преобладали заказники местного значения. Крайне мало было государственных заповедников и республиканских заказников[861].

Имеющаяся на тот период природоохранная служба явно не соответствовала масштабам активного хозяйственного освоения. Так, на одного государственного инспектора в Ханты-Мансийском автономном округе в 1980 г. приходилось 2,2 млн га охотничьих угодий, либо 60 тыс. га рыболовных; в Ямало-Ненецком — 4 млн га охотничьих угодий, либо 500 тыс. га рыболовных. Эти службы не были обеспечены надежными техническими средствами, а существующая оплата труда сотрудника природоохранной службы не стимулировала закрепление ее кадров[862].

Совершенно недопустимым было положение, сложившееся в землеустроительной службе. Ранее отмечалось, что отведение земельных участков осуществлялось с нарушениями. Это вполне объяснимо: В Ханты-Мансийском автономном округе на один административный район приходилось по одному штатному землеустроителю, в Ямало-Ненецком — на весь округ, включавший семь административных районов, имелся только один штатный землеустроитель. Между тем, каждый административный район обоих автономных округов мог равняться по площади целым государствам. Поэтому землеустроительные работы проводились не систематически, без необходимого контроля за реализацией утвержденных рекомендаций[863].

Свою негативную роль играли техническая и технологическая отсталость промышленности и ведомственная разобщенность в деле охраны природы и рационального использования ее ресурсов. Необходимо было разрабатывать и внедрять комплексные программы по улучшению охраны окружающей среды и рациональному природопользованию. Комиссия по охране природы Крайнего Севера при Президиуме ВООП выделила в числе первоочеред-

---

[860] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 5936. Л. 27.

[861] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 5936. Л. 39.

[862] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 5936. Л. 40.

[863] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 48. Д. 5936. Л. 27, 41.

ных комплексные территориальные проблемы охраны и рационального использования природных ресурсов на Севере Западной Сибири, в том числе двух ее автономных округов — Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого. Такие программы были разработаны в первой половине 1980-х гг., но так и не были реализованы.

Модели освоения Сибирского Севера в целом и Югры, в частности, в 1960–1980-е гг. опирались на устойчивые представления о безграничных природных ресурсах региона. В их основе лежал индустриальный стандарт, опиравшийся на главный моноресурс полезных ископаемых. В Югре это была нефть. Она составляла основу экономики и социальной жизни автономного округа. Это приводило к грандиозным экономическим результатам. Но и к не менее масштабным негативным социальным и экологическим последствиям.

Промышленное освоение Севера Сибири осуществлялось за счет интенсивной эксплуатации природных ресурсов и минимизации материальных и финансовых затрат на научное изучение и охрану природы, без должного внимания к мнению общественности в целом. Модель природопользования должна включать человека не только как сугубо экономическую единицу, производящую материальные блага, но и как природопользователя, для которого «природа» является неотъемлемой частью его бытия. На современном этапе развития России необходимо помнить об этом. В 2000-е гг. было сформировано региональное природоохранное законодательство Югры[864]. Правовое обеспечение экологической безопасности в округе приобрело значительное юридическое усиление. Тем не менее, государственный подход к освоению ресурсов Севера должен получить еще большее развитие за счет предоставления региональным сообществам новых возможностей реально влиять на принятие решений в природоохранной сфере.

[864] См., например, Закон ХМАО — Югры от 18 апреля 1996 г. № 15-оз «О недропользовании», Закон ХМАО — Югры от 17 октября 2005 года N 82-оз «О пользовании участками недр местного значения на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» и др.

Часть 3

Человек и социальные процессы

Глава 1

Этнодемографическая ситуация и состав населения округа

Этнодемографическая ситуация на территории Ханты-Мансийского автономного округа во второй половине XX столетия складывалась, прежде всего, под влиянием социально-экономических факторов, связанных с индустриальным и социальным освоением северной территории в условиях развития как традиционных отраслей промышленности — лесной, рыбной, так и новых, обусловленных открытием крупнейшей нефтегазодобывающей провинции и формированием ЗСНГК (Западно-Сибирского нефтегазового комплекса). Это нашло отражение не только в значительном росте численности населения, прирост которого происходил за счет интенсивного миграционного потока из различных регионов страны, но и в изменении его половозрастного, этнического состава и образовательного уровня.

Суровые природно-климатические условия Севера, обширность и удаленность территории от промышленных центров, труднодоступность большинства районов, слабая развитость системы транспортных коммуникаций изначально предопределили малую численность и низкую плотность населения Ханты-Мансийского округа. Плотность населения на территории Югры в 1950-е гг. составляла 0,2 чел. на 1 кв. км.[1] В 1953 г. в округе, по данным статистики, проживало 99306 чел., в том числе в окружном центре г. Ханты–Мансийске — 16397 чел., Берёзовском районе — 17014, Сургутском — 16862, Самаровском — 16101, Микояновском — 14407, Кондинском — 12918, Ларьякском — 5607 чел[2]. Особенностью демографической ситуации районов Севера являлось преобладание сельского населения, преимущественно занятого в традиционных видах деятельности, носящих промысловый характер, а также лесной промышленности.

По мнению демографов, 1950-е гг. становятся «временем демографического роста». Это относилось, прежде всего, к территории Обского Севера, где увеличение населения было большим, чем в других районах Тюменской области, составив за десятилетие 137%[3]. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., численность населения округа выросла до 123,9 тыс. чел.

---

[1] Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 357.

[2] Стась И. Н. Население Севера на рубеже: загадки демографической истории Ханты-Мансийского округа в 1945–1950-е гг. // Накануне большой нефти. Сургут, 2020. С. 95.

[3] Стась И. Н. Население Севера на рубеже: загадки демографической истории Ханты-Мансийского округа в 1945–1950-е гг. С. 95.

На долю сельского населения приходилось 73% (90,4 тыс. чел.). Численность городского населения достигла 33,5 тыс. чел., составив 27%[4]. К концу 1950-х гг. наряду с окружным центром в Югре появилось три посёлка городского типа — Берёзово, Сургут, Октябрьское.

Открытие газового месторождения в Берёзово стало одним из факторов расширения геологоразведочных работ в северном регионе в 1950-е гг., что вело к росту населения, который осуществлялся за счет притока рабочих кадров из других районов страны. Но главным фактором механического прироста населения, по мнению демографов, «выступала лесная промышленность, которая дала жизнь посёлкам Луговому, Комсомольскому, Пионерскому и Советскому»[5].

Основу формирования населения округа в этот период составлял естественный прирост. Так, по данным статистики, в 1953 г. в целом по округу родилось 3969 чел., в 1955 г. — 4359 чел., тогда как смертность за эти годы соответственно составила 1383 и 1317 чел[6]. В справке, подготовленной обкомом КПСС Тюменской области в ЦК КПСС в 1956 г., сообщалось, что рождаемость за период с 1951 по 1955 гг. в целом по Ханты-Мансийскому округу «колебалась от 383 (в 1951 г.) до 412 чел. (в 1955 г.) на каждые 10 тыс. чел. населения, а общая смертность от 172 (в 1951 г.) до 116 чел. (в 1955 г.). Таким образом, чистый прирост населения за счет рождаемости на каждые 10 тыс. чел. населения составил 242 чел. (в 1951 г.) и 267 чел. (в 1955 г.)»[7]. Данные статистики свидетельствовали, что наиболее значительны были показатели естественного прироста населения в Самаровском, Берёзовском, Кондинском и Сургутском районах.

Развитие лесной промышленности, разработка газовых месторождений Берёзовско-Игримской группы, строительство посёлков городского типа сопровождалось демографическими изменениями, выраженными не только в росте населения Ханты-Мансийского округа, в том числе городского, но и находило отражение в изменении его половозрастного, социального и этнического состава.

Половозрастная структура населения северного региона в начале 1950-х гг. была во многом следствием военного времени, что находило отражение в преобладании женского населения, которое составляло 57%. К концу 1950-х гг. удельный вес мужского населения вырос с 43% до 47%[8]. Промышленное развитие Югры привело к изменениям и в социальном составе населения. Так, доля рабочих и служащих за десятилетие увеличилась с 60% (1950 г.) до 78,7% (1959 г.), а удельный вес колхозного крестьянства за этот период, напротив, заметно сократился с 36% до 20%[9]. Вместе с тем, «подавляющая часть населения» северного региона, — по утверждению И. Н. Стася, — относилась к категории «малообразованной»[10]. Действительно, данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. свидетельствовали, что лишь 9,8% населения округа в возрасте 10 лет и старше (91,4%) имели высшее, незаконченное выс-

---

[4] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 5647. Л. 213.

[5] Стась И. Н. Население Севера на рубеже: загадки демографической истории Ханты-Мансийского округа в 1945–1950-е гг. С. 93.

[6] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 3506. Л. 14, 15.

[7] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 3506. Л. 4.

[8] Стась И. Н. Население Севера на рубеже: загадки демографической истории Ханты-Мансийского округа в 1945–1950-е гг. С. 105.

[9] Стась И. Н. Население Севера на рубеже: загадки демографической истории Ханты-Мансийского округа в 1945–1950-е гг. С. 105.

[10] Стась И. Н. Население Севера на рубеже: загадки демографической истории Ханты-Мансийского округа в 1945–1950-е гг. С. 108

шее, среднее специальное и среднее образование; неполное среднее имели 18,2%; начальное — 32,1%; 31,3% не имели образования вообще[11].

Этническая палитра населения Югры была многонациональной. К коренному населению Севера относились ханты, манси, ненцы, коми-зыряне. В 1953 г. в общем составе населения округа ханты составляли 10,4% (10347 чел.), манси — 4% (3963 чел.), коми-зыряне — 2,2% (2177 чел.), ненцы — 0,6% (603 чел.)[12]. Среди представителей других национальностей самой многочисленной являлось русское население. Рост населения на территории северного региона в 1950-е гг. привел, с одной стороны, к приросту в абсолютных цифрах автохтонного северного населения, а, с другой стороны, изменению его соотношения в общем составе населения. Если в 1953 г. малочисленное население Севера достигало 17,2%, то к 1959 г. — 16,7%., в том числе ханты — 9,2% (11435 чел.), манси — 4,5% (5644 чел.); процентное соотношение ненцев и коми-зырян практически не изменилось, соответственно составляя 0,7 (815 чел.) и 2,3% (2821 чел.). Доля русского населения выросла, достигнув 72,5% (89813 чел.)[13]. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в составе населения округа выросла численность представителей других национальностей: украинцев — 3,5% (4363 чел.), татар — 2,3% (2938 чел.), белорусов — 1,1% (1281 чел.)[14].

Таким образом, на протяжении 1950-х гг. при устойчивом росте населения северного региона, в том числе коренных малочисленных народов, произошли существенные трансформации как в его социальном, так и этническом составе.

Значительное влияние на этнодемографические процессы в Югре в 1960–1980-е гг. оказало формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, что было связано с геологическими изысканиями, разработкой и эксплуатацией нефтегазовых ресурсов на территории Югры и сопровождалось индустриальным и социальным освоением территории.

Накануне процессов индустриального освоения в 1960 г. население Ханты-Мансийского округа составляло 129,5 тыс. чел. В сельской местности проживало 77,1 тыс. чел. (60%). Доля городского населения была невелика, едва достигая 40% (52,4 тыс. чел.)[15].

Интенсивное хозяйственное освоение нефтегазодобывающих районов привело к коренным изменениям в демографической ситуации северного региона. Так, если население Тюменской области за период с 1966 по 1991 гг. в целом увеличилось в 2,4 раза, достигнув 3155 тыс. чел., то население Ханты-Мансийского автономного округа за этот же период выросло в 9,2 раза, с 143 тыс. до 1314,2 тыс. чел[16]. (таблица 3.1). Абсолютный прирост населения округа составил, таким образом, 1171,2 тыс. чел[17]. В основе столь быстрых темпов роста численности населения, которые можно рассматривать как «демографический взрыв», был мощный миграционный приток в РНПО. Именно он становится определяющим источником формирования населения в северных широтах с начала разработки и обустройства нефтегазовых месторождений.

---

[11] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 5647. Л. 16.

[12] Стась И. Н. Население Севера на рубеже: загадки демографической истории Ханты-Мансийского округа в 1945–1950-е гг. С. 104.

[13] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 5647. Л. 213.

[14] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 5647. Л. 213.

[15] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 5647. Л. 15.

[16] Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.): Стат. сб. Омск, 1971. С. 14, 28; Тюменская область в цифрах за 1986–1990 годы: Стат. сб. Тюмень, 1991. С. 5, 6.

[17] Подсчет Н. Ю. Гавриловой.

Таблица 3.1

Динамика численности населения Тюменской области, тыс. чел. (на 1 января)

Административно-территориальная единица	1966	1971	1976	1981	1986	1991
Тюменская область	1273,6	1421,3	1635,6	2031	2685	3155
Ханты-Мансийский округ	143	271,2	672	963	1047	1314,2

Источник: Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки.1966–1970 гг.: Стат. сб. Омск, 1971. С. 14, 28; Тюменская область в цифрах. 1971–1975 гг.: Стат. сб. Свердловск, 1976. С. 3; Народное хозяйство РСФСР в 1981 г.: Стат. ежегодник. М., 1982. С. 37; Народное хозяйство в 1986 г.: Стат. ежегодник. М., 1987. С. 14, 23; Тюменская область в цифрах за 1986–1990 годы: Стат. сб. Тюмень, 1991. С. 5,6.

Решающую роль миграции с середины 1960-х гг. в демографическом развитии нефтегазодобывающих районов отмечали все исследователи. В условиях отсутствия в северном регионе трудовых ресурсов она являлась практически единственным источником формирования населения в центрах нефтегазодобывающей промышленности, таких городов, как Сургут, Нижневартовск, Мегион, Нефтеюганск, особенно на начальном этапе. Прирост населения в этих центрах освоения нефтяных месторождений Среднего Приобья в 1960-е — 1970-е гг. обеспечивался, прежде всего, за счет притока мигрантов из других районов страны, по одним данным на 90–97%[18], по другим — на 85–95%[19]. Если до начала промышленного освоения (1960–1964 гг.), по данным демографических обследований, количество мигрантов, прибывших в Тюменскую область, составляло в среднем 90 тыс. чел. в год, то в течение 1965–1970 гг. размеры миграции по прибытию достигали 130–155 тыс. чел. ежегодно[20]. Результатом интенсивного притока населения в РНПО становится его значительный прирост. Только за десятилетие (1971–1981 гг.) население Ханты-Мансийского автономного округа выросло в абсолютных цифрах, по данным статистики, почти в 3,6 раза с 271,2 до 963 тыс. чел., достигнув 47,4% в общем составе населения Тюменской области[21].

Основными факторами, определяющими направления миграционных потоков, являлись близлежащее положение, существующие экономические связи и сходство производственной специализации. Формирование населения в старых центрах окружного и районного значения рыбной и лесной промышленности не было связано с внешней миграцией. 40–60% населения в них обеспечивали переселенцы самой Тюменской области[22], тогда как формирование населения РНПО происходило преимущественно за счет большого количества переселенцев из других регионов. Демографы выделяли три группы районов по степени

[18] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. М., 1976. С. 70.

[19] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера. Новосибирск, 1973. С. 53.

[20] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера. С. 59.

[21] Тюменская область в цифрах. 1971–1975 гг. С. 3; Народное хозяйство РСФСР в 1981 г. С. 37. Подсчет Н. Ю. Гавриловой.

[22] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера. С. 64.

Рис. 3.1. Плакат «Сибирь освоим мы с тобой».
Худ. Е. М. Курманаевская, А. М. Курманаевский. 1987 г.
Из открытых источников

участия их в формировании населения городов и рабочих посёлков Обского Севера во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. В первую группу были включены Урал, Поволжье, Западная Сибирь, Казахстан, которые составляли 75,2% в миграционном обмене. Представители Волго-Вятского района, Северного Кавказа, центральных районов страны обеспечивали 15,7% мигрантов в общем притоке населения. Третья группа мигрантов, которая, по данным демографических обследований, была невелика и не играла значительной роли, кроме Украины, была представлена мигрантами Дальнего Востока, Средней Азии и Молдавии[23]. Вместе с тем, как отмечали исследователи, миграционный процесс в РНПО в этот период носил неустойчивый характер, что проявлялось резкими колебаниями в миграционных потоках[24]. Ведущая роль внешней миграции сохранялась на всем протяжении 1970–1980-х гг. Поскольку основным фактором, определяющим направление миграции, по-прежнему являлась производственная специализация, постольку Западная Сибирь, Поволжье, Северный Кавказ, Урал, Украина давали основной приток прироста населения нефтегазодобывающих районов Ханты-Мансийского автономного округа.

Среди мотивов приезда ведущими являлись материальные факторы. По данным социологических исследований, проведенных в 1969 г. Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР (ИЭ и ОПП СО АН), на него указывала почти половина респондентов (49,6%). Вместе с тем, в структуре мотивов присутствовали такие факторы, как стремление получить творческую, интересную работу (6,3%), чувство долга перед обществом (3,8%), а также элементы романтики первооткрывателей (6,9%). Высок был и удельный вес мотивации по «семейным обстоятельствам» (23,2%). На эту причину чаще всего указывали женщины, но движущим мотивом переезда мужа, как правило, являлось стремление улучшить материальное положение семьи[25].

[23] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера. С. 71.

[24] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. С. 75.

[25] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. С. 95.

Рис. 3.2. Фотоальбом. Тюмень — Сургут — Нижневартовск. «Привет советским Ермакам...». 1977 г.
Нижневартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева

Социологические исследования, проведенные в середине 1980-х гг. в трудовых коллективах Главсибтрубопроводстроя, внесли лишь небольшие коррективы в структуру мотивации[26]. Так, ведущим движущим стимулом миграции по-прежнему оставался материальный фактор. На него указывали 54,1% опрошенных. Вместе с тем, значительную роль играли мотивы морального порядка: желание внести свой вклад в освоение природных богатств северного региона (13,4); престижность северных строек (5,1%); стремление получить более высокую квалификацию (3,3%); проявить себя в экстремальных условиях (15,5%). 18,7% респондентов в качестве мотива переезда называли «отсутствие жилья». К этой категории преимущественно относились молодые люди в возрасте до 30 лет[27].

Таким образом, наряду с материальными факторами, связанными со стремлением заработать и добиться более высокого материального положения, для нового поколения переселенцев 1980-х гг. по-прежнему значимыми были мотивы личностного профессионального роста и стремление к самоутверждению. Но и «романтический» фактор также не был утрачен.

[26] Алексеев В. В., Логунов Е. В., Шабанов П. П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве в Сибири. Свердловск, 1987.

[27] Алексеев В. В., Логунов Е. В., Шабанов П. П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве в Сибири. С. 22.

Поскольку формирование населения в РНПО определялось, прежде всего, производственной специализацией и перспективами развития самого региона, связанного с созданием здесь крупнейшей топливно-добывающей базы, это накладывало особый отпечаток как на процесс формирования населения, так и на состав мигрантов. Характерной чертой являлась миграция населения преимущественно трудоспособного возраста. Если в целом по Тюменской области категория этих мигрантов в конце 1960-х — начале 1970-х гг. составляла 80% от всех вновь прибывших мигрантов, то в центрах нефтедобычи: Сургуте — 87%, Нефтеюганске и Урае — 88%. Более половины мигрантов находилось в возрасте 25–39 лет. Так, по данным обследований возрастной структуры населения РНПО, доля этой возрастной категории среди жителей Нижневартовска составляла 77%, Урая — 75%, Сургута — 72%. Около 15% мигрантов были лица в возрасте 16–19 лет и 40–49 лет; на долю переселенцев старше 50 лет приходилось всего 3%[28]. Неслучайно, давая оценку начальному этапу освоения региона, первый руководитель Тюменской области Б. Е. Щербина восклицал: «Средний возраст жителя Нефтеюганска 24 года. В древнем Сургуте... 26 лет... Буйство молодости породило буйство нефтяной промышленности...»[29].

Другой особенностью миграционного состава населения было преобладание мужчин, что было обусловлено спецификой производства нефтегазодобывающих районов. Они составляли около 60% во всех возрастных группах, кроме лиц пенсионного возраста. В возрастной группе 20–34 года их доля достигала 68–70%. Доля женщин среди мигрантов новых городских поселений в начальный период индустриального освоения округа была незначительной — от 30 до 45%[30].

Для работников основных отраслей специализации северного региона был характерен достаточно высокий образовательный уровень. 35% мигрантов имели образование в пределах 7–10 классов, более 20% — среднее специальное и высшее. Наиболее высоким образовательным цензом отличались мигранты, прибывшие из Поволжья и Северного Кавказа. В этих миграционных потоках доля лиц со средним специальным была в 1,5–2 раза, с высшим образованием — в 3–4 раза выше[31]. Эти тенденции, проявившиеся на начальном этапе формирования населения нефтегазодобывающих районов Ханты-Мансийского автономного округа, были определяющими и в последующем.

Особенностью демографической ситуации в нефтегазодобывающих районах округа в 1960–1980-е гг. являлась большая подвижность населения, что находило отражение в высокой миграционной интенсивности. Этот показатель выражен в соотношении численности прибывших и выбывших мигрантов. По утверждению демографов, интенсивность миграции населения в РНПО Тюменского севера в этот период была в 4–5 раз выше, чем в среднем по Российской Федерации. На начальном этапе формирования ЗСНГК она достигала 80–90%, что свидетельствовало о низкой приживаемости мигрантов[32]. По данным социологических

---

[28] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера. С. 76.

[29] Цит. по: Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. С. 15.

[30] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера. С. 77.

[31] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера. С. 107.

[32] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. С. 71.

Рис. 3.3. Плакат «Подвиги смелых ждут». Худ. В. Иванов. 1964 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

исследований, проведенных в 1969 г. ИЭ и ОПП СО АН, степень приживаемости мигрантов зависела, прежде всего, от уровня удовлетворенности жилищными условиями, торговым и бытовым обслуживанием, организацией сферы досуга. Так, 43,7% опрошенных в качестве главной причины обратной миграции назвали неудовлетворенность жилищными условиями; 37,2% — плохое снабжение продовольственными и промышленными товарами. 34,5% заявляли о неудовлетворенности культурно-бытовыми условиями. Лишь 18% новоселов были удовлетворены торговым обслуживанием, 15% не имели претензий к культурно-бытовому обслуживанию. Около 50% респондентов выразили свою неудовлетворенность всеми видами обслуживания[33]. Уровень оплаты труда, хотя и являлся одним из главных мотивов приезда, не оказывал существенного влияния на обратную миграцию.

[33] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. С. 95.

Рис. 3.4. Группа солдат, прибывших в Сургут на стройку после демобилизации. 1970 г. Муниципальный архив города Сургута

Рис. 3.5. Студенты-строители на сургутской земле. 1969 г. Фото: В. П. Гаврин. Музей Природы и Человека. Ханты-Мансийск

Рис. 3.6. Комсомольская путёвка. 1979 г. Нижневартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева

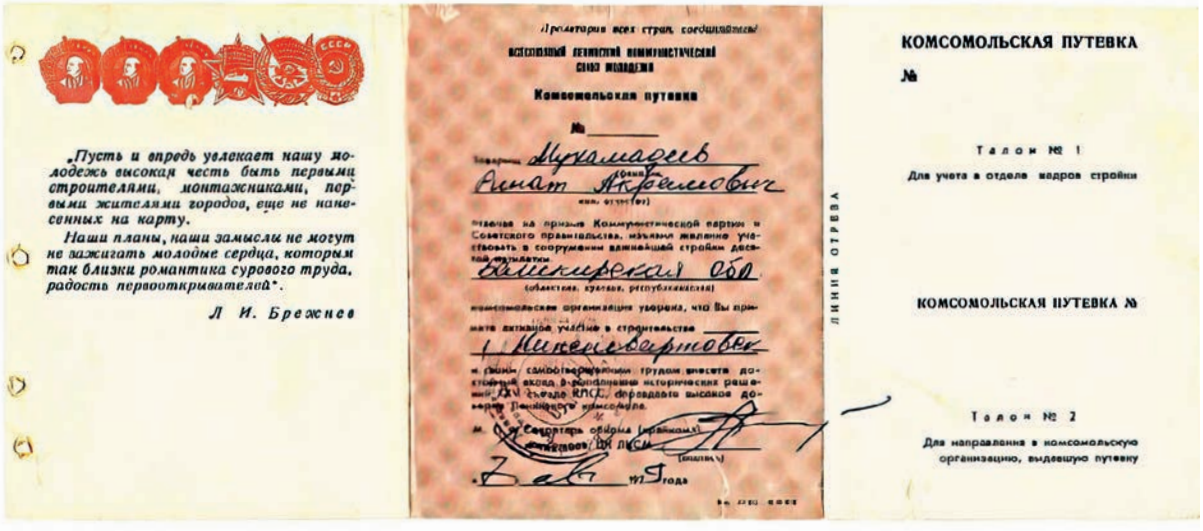


Рис. 3.7. Комсомольская путёвка от 7 августа 1979 г. в г. Нижневартовск на имя Мухамадеева Рината Акрамовича (Башкирия). Нижневартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева

Рис. 3.8. Строители — монтажники. Нефтеюганск. 1979 г.
Фото: В. И. Загваздин. Музей Природы и Человека. Ханты-Мансийск

Рис. 3.9. Бригада штукатуров-маляров на отделке здания (Трест «Сургутнефтепромстрой», строительство Когалыма). 1978 г.
Музей Природы и Человека. Ханты-Мансийск

Наряду с интенсивным механическим приростом населения, демографические процессы в 1960-е — начале 1990-х гг. характеризовались высокими показателями естественного воспроизводства населения, в основе которого были, с одной стороны, высокие показатели рождаемости, а, с другой, — низкие показатели смертности северного региона. Коэффициент рождаемости в Ханты-Мансийском автономном округе в данный период был выше аналогичного показателя по СССР, РСФСР, Западной Сибири и Тюменской области в целом (таблица 3.2). Так, в начале 1970-х гг., по данным статистики, коэффициент рождаемости (в расчете на 1000 чел. населения) в СССР составлял 17,4; РСФСР — 14,6; Западно-Сибирском регионе — 15,2; по Тюменской области в целом — 17,7, тогда как в Ханты-Мансийском национальном округе он достигал 21,3[34].

Таблица 3.2

Рождаемость населения СССР, РСФСР, Западной Сибири, Тюменской области, Ханты-Мансийского национального/ автономного округа (в расчете на 1000 чел. населения)

Административно-территориальные единицы	1965	1970	1975	1980	1985
СССР	18,4	17,4	18,1	18,3	19,4
РСФСР	15,7	14,6	15,7	15,9	16,5
Западная Сибирь	16,3	15,2	—	17,9	18,4
Тюменская область	19,7	17,7	19,4	19,5	22,5
в том числе Ханты-Мансийский национальный/автономный округ	—	21,3	22,6	21,6	25,8
Сельские районы ХМАО	—	20,2	20,3	19,5	24,1

Источник: Народное хозяйство РСФСР в 1979 г.: Стат. ежегодник. М., 1980. С. 22; Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М., 1986. С. 31; Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в Тюменской области: Стат. сб. Тюмень, 1983. С. 57, 58, 61, 62.

Высокие показатели рождаемости в Тюменской области были в основном за счет ее высокого уровня в автономных округах и, прежде всего, в нефтегазодобывающих районах Ханты-Мансийского автономного округа, что было неслучайно, учитывая специфику населения этих районов. Высокий коэффициент рождаемости в округе был обусловлен, прежде всего, значительным механическим притоком населения репродуктивного возраста таких городов, как Нижневартовск, Сургут, Нефтеюганск. Так, в 1970 г. рождаемость в центрах нефтедобычи Среднего Приобья — Сургуте, Нефтеюганске, Нижневартовске была соответ-

[34] Народное хозяйство РСФСР в 1979 г.: Стат. сб. М., 1980; С. 22; Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 31; Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в Тюменской области: Стат. сб. Тюмень, 1983. С. 57.

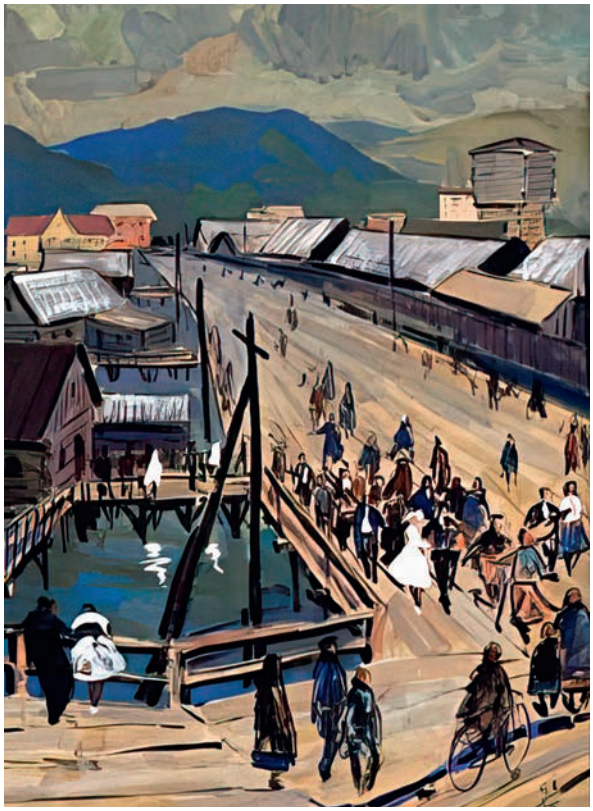


Рис. 3.10. Г. С. Катилло — Ратмиров.
Свадьба в Ханты-Мансийске. 1968 г. Из открытых источников

Рис. 3.11. Жители города Нижневартовска у монумента «Покорителям Самотлора» в день бракосочетания. 1980-е гг. Нижневартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева

ственно на 53, 73 и 46% выше, чем в среднем по Западной Сибири[35]. Высокий коэффициент рождаемости в городах-новостройках сохранялся на всем протяжении 1970–1980-х гг., обеспечивая его высокие показатели в целом по автономному округу и области.

Пик рождаемости в Ханты-Мансийском автономном округе приходился на середину 1980-х гг., достигнув 25,8 (в расчете на 1000 чел. населения), тогда как по Тюменской области этот показатель составил 22,5. В то же время коэффициент рождаемости населения в 1985 г. по Западно-Сибирскому региону в целом был 18,4; РСФСР — 16,5; СССР — 19,4[36].

В естественном движении населения округа в 1960–1980-е гг. прослеживалась и другая тенденция, а именно более низкие показатели смертности по сравнению с областным, республиканским и союзным уровнем (таблица 3.3). По данным демографических обследований, для Западной Сибири в целом в этот период были характерны более низкие показатели смертности относительно других экономических районов РСФСР. Так, на начало 1970-х гг.

[35] Некоторые показатели демографических процессов в Тюменской области: Стат. сб. Тюмень, 1982. С. 58. Подсчет Н. Ю. Гавриловой.

[36] Некоторые показатели демографических процессов в Тюменской области: Стат. сб. Тюмень, 1982. С. 61.

коэффициент смертности (в расчете на 1000 чел. населения) по СССР и РСФСР составлял соответственно 8,2 и 8,7, по Западной Сибири — 8,1, тогда как в Ханты-Мансийском округе — 7,2. Более того, на всем протяжении 1970-х гг. в округе наблюдалась тенденция снижения показателя смертности (таблица 3.3). В целом по Тюменской области к середине 1980-х годов этот показатель достиг 7,4, тогда как в Ханты-Мансийском автономном округе коэффициент смертности составлял 5,5, т. е. был более чем в 2 два раза ниже показателей по РСФСР (11,3) и СССР (10,6)[37]. Казалось бы, суровые природно-климатические условия северного региона, связанные с низким температурным режимом и другими негативными проявлениями географического фактора, должны были сопровождаться более высоким уровнем смертности населения. Вместе с тем, условия жизни на Севере не являлись фактором, прямо воздействующим на данный показатель. Причины низкой смертности населения Тюменского Севера по сравнению с другими регионами были во многом обусловлены спецификой возрастной структуры населения РНПО, где преобладали представители возрастной группы от 20 до 40 лет. Поэтому неслучайно смертность в начале 1970-х гг. в Нижневартовске была на 14%, Сургуте — на 23%, Нефтеюганске — на 26% ниже, чем в среднем по Западной Сибири[38].

Рис. 3.12. Дворец бракосочетания. Нефтеюганск. 1970–1980-е гг.
Историко-художественный музейный комплекс. Нефтеюганск

Рис. 3.13. 50-тысячный гражданин г. Сургута. 1973 г.
Фото: А. Ф. Мясников. Сургутский краеведческий музей

[37] Некоторые показатели демографических процессов в Тюменской области: Стат.сб. Тюмень, 1982. С. 62.

[38] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. С. 94.

Рис. 3.14. Плакат «Грудному ребенку место в яслях, а не в тундре». Худ. Б. Тедерс. 1967 г. Из открытых источников

Рис. 3.15. Дети Лангепаса. Конец 1970-х – 1980-е гг. Фото: В. Адарич.
Музейно-выставочный центр Лангепасского городского муниципального автономного учреждения «Центр культуры «Нефтяник»

Таблица 3.3

Смертность населения СССР, РСФСР, Западной Сибири, Тюменской области и Ханты-Мансийского национального/ автономного округа (в расчете на 1000 чел. населения)

Административно-территориальные единицы	1965	1970	1975	1980	1985
СССР	7,3	8,2	9,3	10,3	10,6
РСФСР	7,6	8,7	9,8	11,0	11,3
Западная Сибирь	6,9	8,1	—	10,4	10,1
Тюменская область	8,0	8,6	8,6	9,1	7,4
в том числе ХМАО	—	7,2	6,2	6,4	5,5

Источник: Вестник статистики. 1971. № 12. С. 76–78; 1975. № 12. С. 81–83; Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. ежегодник. С. 31; Население СССР, 1987: Стат. сб. М., 1988. С. 160–162; Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в Тюменской области: Стат. сб. Тюмень, 1983. С. 4.

Низкая смертность и высокая рождаемость в нефтегазодобывающих районах обуславливали высокий естественный прирост населения Ханты-Мансийского автономного округа. Период 1960–1980-х гг. отличался стабильно высокими показателями естественного прироста, значительно превышающими союзные и республиканские. Так, в 1970 г. естественный прирост населения (в расчете на 1000 тыс. чел. населения) по СССР и РСФСР соответственно составлял 9,2 и 5,9; Тюменской области в целом — 9,1, в Ханты-Мансийском национальном/ автономном округе он достигал 16,4, значительно превышая союзные и республиканские показатели (таблица 3.4).

Таблица 3.4

Естественный прирост населения СССР, РСФСР, Западной Сибири, Тюменской области и Ханты-Мансийского национального/ автономного округа (в расчете на 1000 чел. населения)

Административно-территориальные единицы	1965	1970	1975	1980	1985
СССР	11,1	9,2	8,8	8,0	8,8
РСФСР	8,1	5,9	5,9	4,9	5,2
Западная Сибирь	—	7,1	—	7,5	8,3
Тюменская область	11,7	9,1	10,8	10,4	15,1
Ханты-Мансийский национальный/ автономный округ	—	14,1	16,4	15,2	20,3

Источник: Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в Тюменской области: Стат. сб. Тюмень, 1983. С. 86,87; Народное хозяйство РСФСР в 1979 г.: Стат. ежегодник. М., 1980. С. 22; Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М., 1986. С. 31.

Самые высокие показатели естественного прироста населения для этого периода были характерны для городов-новостроек Среднего Приобья. В Нижневартовске они были в 2,1 раза, Сургуте — в 2,4, Нефтеюганске — в 2,8 раза выше, чем в среднем по Западной Сибири[39]. Тенденция значительного прироста населения округа сохранялась на всем протяжении 1970–1980-х гг. за счет ее высоких показателей в РНПО. Так, в середине 1970-х гг. в центрах нефтедобывающей промышленности Нижневартовске, Сургуте, Нефтеюганске естественный прирост населения (в расчете на 1000 чел. населения) составлял соответственно 22,6; 18,1; 17,7, тогда как по Тюменской области он был равен 10,8; по СССР — 8,8; РСФСР — 5,9[40]. Первая половина 1980-х гг. ознаменовалась пиком естественного прироста населения Ханты-Мансийского автономного округа, что было обусловлено высокими показателями рождаемости и низкими показателями смертности. В 1985 г. показатель естественного прироста населения в округе достиг 20,3, тогда как по СССР он составил 8,8; по РСФСР — 5,2[41]. Таким образом, на всем протяжении 1960–1980-х гг. высокие показатели естественного прироста населения автономного округа намного превосходили аналогичные по СССР, РСФСР и Западной Сибири.

Одним из признаков трансформации демографической ситуации Ханты-Мансийского округа был рост городского населения, связанный с формированием новой поселенческой структуры городского типа. Если до начала индустриального освоения основная масса населения округа проживала в сельской местности, то с превращением региона в крупнейшую нефтегазовую провинцию начинается новый этап исторического развития: он становится городским регионом. Уже первая половина 1960-х гг. сопровождалась изменением соотношения населения в пользу городского. Так, если в 1960 г. в городских поселениях Югры проживало 40% населения, то к 1965 г. доля городского населения в общем составе населения северного округа уже достигла 53%[42]. За период с 1966 по 1986 гг. удельный вес городского населения округа увеличился с 64,4% до 87,9%[43]. Таким образом, мощный демографический взрыв сопровождался столь же мощным процессом урбанизации.

Приток населения из других регионов страны внес существенные изменения в этническую палитру населения Югры. Историческое прошлое округа обусловило многонациональный состав населения. Наряду с коренным северным населением — хантами, манси, ненцами, коми на его территории проживали русские, а также башкиры, татары, украинцы, белорусы. Как уже говорилось ранее, изменение этнического состава населения Югры, связанное с увеличением доли русского населения и представителей других национальностей в общем составе жителей северного округа, происходило на протяжении 1950-х гг., что нашло отражение в статистических данных Всесоюзной переписи населения 1959 г. (таблица 3.5).

---

[39] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. С. 94.

[40] Некоторые показатели демографических процессов в Тюменской области: Стат. сб. Тюмень, 1982. С. 88.

[41] Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986. С. 31.

[42] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 5647. Л. 15.

[43] Народное хозяйство Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов за 50 лет Советской власти. Тюмень, 1967. С. 12, 78; Тюменская область за 70 лет. Тюмень, 1988. С. 6, 9.

Таблица 3.5

Национальный состав населения Ханты-Мансийского автономного округа, в %

Население	1959	1970	1979	1989
Всего	100%	100%	100%	100%
русские	72,5	76,9	74,2	66,3
украинцы	3,5	3,7	8,0	11,6
татары	2,3	5,2	6,5	7,6
белорусы	1,1	1,2	1,3	2,2
башкиры	0,07	0,4	1,3	2,4
коми	2,3	1,2	0,5	0,3
чуваши	0,2	1,2	0,8	1,1
ханты	9,2	4,5	2,0	0,9
манси	4,5	2,5	1,1	0,5
ненцы	0,7	0,3	0,2	0,1
другие национальности	3,6	2,9	4,1	7,0

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: Национальный состав населения РСФСР. М., 1963. С. 328; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.: Национальный состав населения РСФСР. М.,1973. С. 183; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г.: Национальный состав населения РСФСР. М.,1989. С. 183; Тюменская область за 1986–1990 гг.: Стат. сб. Тюмень, 1991. С. 57.

С начала разработки нефтегазовых ресурсов Среднего Приобья и переездом специалистов-нефтяников и членов их семей из Татарии и Башкирии постепенно меняется этнический состав населения северного региона. Поскольку основной приток мигрантов приходился на русское население, то его удельный вес в общем составе населения округа к 1970 г. достиг 76,9%; доля татар выросла с 2,3% до 5,2%, и, напротив, почти в 2 раза сократилась доля коренных народов Севера (хантов, манси, ненцев) — до 7,3%. Весьма значительным было увеличение удельного веса башкир и украинцев, основной прирост представителей этих национальностей приходился в основном на 1970–1980-е годы. Так, доля башкир в составе населения округа с 1970 по 1979 гг. выросла с 0,4% до 1,3%, украинцев — с 3,7% до 8,0%. По-прежнему сохранялась тенденция снижения удельного веса коренного населения. К 1979 г. доля его в общем составе жителей северного региона едва достигала 3,3%, к 1989 г. — 1,5%[44].

Таким образом, неизбежным следствием индустриального освоения становится формирование полиэтничного состава населения округа. Наряду с этим объективным процессом происходит сокращение удельного веса коренных северных народов, исконно проживав-

[44] Подсчет Н. Ю. Гавриловой.

ших на территории Югры, в общем составе населения. Вместе с тем, сокращение удельного веса автохтонного населения, вызванное миграционным процессом, в котором принимали участие представители различных национальностей из других регионов страны, еще не означало уменьшение его абсолютной численности. Напротив, в исследуемый период произошел его численный рост. За период между двумя переписями 1959 г. и 1970 г. численность хантов, по данным статистики, выросла на 2 тыс. чел., манси — на 1,2 тыс.,[45] что происходило за счет естественного прироста, прежде всего, высокой рождаемости. Эта тенденция, по утверждению демографов, сохранялась на протяжении 1980-х гг. Так, коренное население народностей Севера Ханты-Мансийского автономного округа за период с 1979 по 1989 гг. увеличилось с 46,1 до 59,1 тыс. чел., что было связано с высоким уровнем рождаемости, которая, по данным демографов, в 2–2,5 раза была выше, чем у других национальностей[46].

Таким образом, промышленное освоение северного региона в 1960–1980-е гг. привело к динамичным изменениям в составе его населения, связанным с формированием многонационального состава населения Югры за счет интенсивных миграционных процессов, в которых участвовали представители различных национальностей. При этом, несмотря на значительное сокращение удельного веса коренного северного населения, исконно проживающего на данной территории, в общем составе населения Ханты-Мансийского округа, на всем протяжении 1960–1980-х гг. сохранялись высокие показатели его естественного прироста.

Промышленное освоение нефтегазодобывающих районов северного региона сопровождалось также качественными изменениями в структуре населения, его половозрастной характеристике, образовательном уровне.

Решающее влияние на формирование половозрастной структуры населения округа оказывала специализация производства, такие отрасли, как лесозаготовительная и добывающая промышленность. Именно они были сферами притяжения мужского населения трудоспособного возраста. Уже в первые годы освоения нефтегазовых ресурсов (1964–1967 гг.) мужчины составляли более половины прибывших в Тюменскую область. Среди мигрирующих в РНПО на их долю приходилось около 2/3[47]. Следствием этого становится преобладание представителей мужского пола в общем составе населения. Особенно это было характерно для городов-новостроек. Так, в 1967 г. в Сургуте на 100 мужчин приходилось 90 женщин, в Нижневартовске — 83, Нефтеюганске — 76[48]. Особенно очевидно гендерный дисбаланс наблюдался в возрастной группе от 25 до 39 лет. Диспропорции в соотношении мужского и женского населения в новых городских поселениях Севера сохранялись и на протяжении последующего освоения региона. К концу 1970-х гг. на 100 человек населения в Ханты-Мансийском автономном округе приходилось 52 мужчины, тогда как по области — 49, по РСФСР — 46[49]. С одной стороны, эти статистические данные свидетельствовали о демографическом выравнивании полов в целом по Тюменской области, с другой, о формировании

---

[45] Национальный состав населения РСФСР. М., 1973. С. 183.

[46] Очерки истории Тюменской области. Тюмень,1994. С. 227.

[47] Гущин Н. Я. Демографическое развитие Советской Сибири: основные этапы и проблемы // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 93.

[48] Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера. С. 53.

[49] Зайцева А. Н. Социалистический закон народонаселения (региональный аспект). Томск, 1989. С. 128.

в нефтегазодобывающих районах структуры населения с явным преобладанием мужчин. По утверждению демографов, в 1980-х гг. «последовала стабилизация половозрастной структуры населения Ханты-Мансийского автономного округа. Преобладающая доля мужчин снизилась до 51,2% в 1989 г. среди всего населения и до 51,1% — среди горожан»[50].

Промышленное освоение северного региона внесло существенные изменения и в возрастную структуру населения. Для Тюменской области в целом к началу 1960-х гг., в отличие от других регионов страны, был характерен прогрессивный тип возрастной структуры населения, особенностью которого являлось преобладание численности подрастающего поколения (0–14 лет) над старшим (50 лет и старше). Число детей и подростков в возрасте от 0 до 14 лет здесь более чем в 2 раза превышало число лиц старших возрастов. Самой многочисленной группой, составляющей 26,1% всего населения области, являлись дети в возрасте до 9 лет. Несколько ниже показатели этой возрастной группы были в Западной Сибири и РСФСР: 25,0% и 22,0% соответственно[51]. Следовательно, в возрастной структуре населения Тюменской области имелись большие потенциальные возможности расширенного воспроизводства населения и трудовых ресурсов. Вместе с тем, удельный вес трудоспособного населения, по данным А. Н. Зайцевой, в начале 1960-х гг. был ниже, чем по СССР, РСФСР и Западной Сибири[52]. Аналогичная ситуация была характерна и для ее северного региона.

Индустриальное освоение Севера кардинальным образом повлияло на изменение возрастного состава населения. Уже к началу 1970-х гг. возрастная структура Обского Севера приобрела ярко выраженный «молодежный» характер. Заметное преобладание в ней получила возрастная группа от 20 до 44 лет. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., на долю лиц этой возрастной группы в Ханты-Мансийском национальном округе приходилось 46,1% из общего состава населения, тогда по Тюменской области в целом — 38,3%. По СССР и РСФСР эти показатели достигали соответственно 36,3 и 37,6%[53]. Самой значительной в общем составе населения нефтегазодобывающих районов Югры была возрастная группа от 20 до 39 лет. По результатам выборочного обследования сотрудников ИЭ и ОПП, почти половина населения (47,2%) в районах интенсивного промышленного освоения приходилось на эту возрастную группу, тогда как в составе населения области эта категория составляла менее 30%[54]. По мнению демографов, именно эта возрастная группа, отличаясь наибольшей подвижностью, являлась основой формирования населения городов-новостроек Тюменского Севера.

«Молодежный» состав населения РНПО оставался доминирующим в 1980-е гг., что отражалось и на возрастных характеристиках трудовых коллективов. Так, среди нефтяников в начале 1980-х гг. доля рабочих в возрасте до 30 лет составила 51%, от 40 до 50 лет — 44%, и лишь 5% достигли 50 лет и больше. К концу 1980-х гг. доля лиц в возрасте до 30 лет в отраслях нефтегазодобывающей промышленности по-прежнему была достаточно значительной, достигая 49%[55].

---

[50] Зайцева А. Н. Социалистический закон народонаселения (региональный аспект). С. 68.

[51] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. С. 32.

[52] Зайцева А. Н. Социалистический закон народонаселения (региональный аспект). С. 131.

[53] Итоги Всероссийской переписи населения 1970 г. М., 1972. С. 12–17. Подсчет Н. Ю. Гавриловой.

[54] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. С. 34–35.

[55] Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 228.

Индустриальное освоение Югры сопровождалось существенными изменениями в образовательном уровне населения. К середине 1980-х гг. регион вышел на уровень общереспубликанских показателей, имея более низкие цифры в начальный период освоения. Так, по данным переписи 1959 г., по числу лиц, имеющих высшее образование, Тюменская область в целом отставала от союзных показателей в 1,9, республиканских — в 2, западносибирских — в 1,4 раза. При этом в Ханты-Мансийском национальном округе этот показатель был значительно выше областного. По обеспеченности специалистами со средним специальным образованием область приближалась к союзному уровню, тогда как в Ханты-Мансийском округе число специалистов со средним специальным образованием было в 1,3 раза выше, чем в СССР, РСФСР и Западной Сибири[56].

Создание нефтегазодобывающих отраслей экономики в северных широтах объективно предъявляло повышенные требования к уровню образования как рабочих кадров, так и специалистов. Это предопределило динамичный рост уровня образования населения в 1960–1980-е гг., происходившего преимущественно за счет мигрантов.

Уже первое десятилетие освоения нефтегазового региона привело к росту числа лиц, имеющих высшее и среднее специальное образование. Так, если в 1959 г. в Ханты-Мансийском округе на 1000 человек населения в возрасте 10 лет и старше приходилось 14 лиц с высшим и 61 со средним специальным образованием (по РСФСР эти показатели достигали соответственно 24 и 53, по Тюменской области в целом соответственно 12 и 48), то к 1979 г. число лиц с высшим образованием (на 1000 чел. населения в возрасте 10 лет и старше) в северном регионе достигло 30 (т. е. выросло более чем в 2 раза), а со средним специальным — 94 человек[57]. Наиболее динамично росло количество специалистов с высшим и средним специальным образованием в городах-новостройках. В 1970 г. по СССР и РСФСР на 1000 человек, занятых в народном хозяйстве, приходилось соответственно 170 и 177 чел. с высшим и средним специальным образованием, в Тюменской области в целом — 156 чел., в то же время в Ханты-Мансийске этот показатель достигал 247 чел., Сургуте — 219, Нефтеюганске — 205, Нижневартовске — 199[58].

Последующее десятилетие сопровождалось столь же динамичным ростом образовательного уровня населения Югры, прежде всего, за счет интенсивного миграционного процесса. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., на 1000 человек, занятых в народном хозяйстве Ханты-Мансийского автономного округа, высшее и среднее (полное и неполное) образование имели 885 чел., тогда как по СССР, РСФСР и Тюменской области данный показатель составлял соответственно 805, 803 и 818[59]. К 1989 г. среди городского населения округа (в возрасте 6 лет и старше) доля лиц с высшим образованием составила 8,6%, со средним специальным — 22,5%, средним общим — 32,3[60].

Следовательно, индустриальное освоение северного региона привело к существенным демографическим изменениям, что нашло отражение в значительном росте населения округа

---

[56] Стась И. Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960 — начало 1990-х гг.). Курган, 2018. С. 119.

[57] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Уровень образования населения СССР. Т. 3. М., 1973. С. 206, 255–262; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 3. М., 1984. Ч. 1. С. 63–65.

[58] Некоторые показатели демографических процессов в Тюменской области: Стат. сб. Тюмень, 1982. С. 168, 170.

[59] Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 3. ч. 1. С. 5, 6, 7, 256, 263.

[60] Стась И. Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае. С. 130.

на протяжении 1950–1980-х гг. как за счет его механического, так и естественного прироста, связанного с высокой рождаемостью. Развитие новых отраслей экономики — геологоразведки, нефтегазодобывающей промышленности, трубопроводного транспорта, энергетики — объективно повлияло на половозрастные характеристики и уровень образования населения Югры, которое формировалось в основном за счет трудоспособного населения из других регионов страны. Характерной чертой являлся преимущественно молодежный состав населения с преобладанием удельного веса мужчин. Имея низкие исходные данные в целом по уровню образования в 1950-е гг., регион к концу 1980-х достиг общереспубликанских показателей. На протяжении 1960–1980-х гг. менялся и этнодемографический состав населения северного округа за счет миграции из различных регионов страны, в том числе Украины, Татарии, Башкирии. Происходило формирование политэничного состава населения. При этом в общем составе населения Югры при росте абсолютных показателей сокращалась доля коренных народов Севера, что было неизбежным следствием индустриального освоения территории.

Подводя итог отметим, что анализ этнодемографических процессов на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 1950-е-1980-е гг. позволяет сделать вывод о кардинальных количественных и качественных изменениях в формировании населения и его составе, явившихся следствием нового этапа промышленного и социального развития северного региона в годы интенсивного освоения его нефтегазовых ресурсов.

Глава 2

Городское строительство и переформатирование пространства

Отмеченное в предыдущих главах историческое значение сенсационного открытия Берёзовского месторождения для становления крупнейшего в стране Западно-Сибирского нефтегазового комплекса сыграло решающую роль и в осуществлении на необжитой ранее удаленной северной территории крупномасштабного городского строительства.

Оно начнется в середине 1960-х гг., когда обозначенные Берёзовским месторождением траектории и перспективы поиска углеводородного сырья за Уралом будут окончательно подтверждены нефтяными фонтанами Среднего Приобья.

А пока в 1950-е гг. в Ханты-Мансийском национальном округе имелся один город с одноименным названием Ханты-Мансийск. Он был основан в 1931 г. после организации в 1930 г. Остяко-Вогульского национального округа[61]. Уже через год после его создания началось строительство столицы нового административно-территориального образования в 5 км от посёлка Самарово, получившей название Остяко-Вогульск. На правом берегу Иртыша, среди тайги, прорубили просеки для будущих 11 улиц и кварталов. В мае 1931 г. в тайгу вышли бригады строителей. Первым зданием, построенным в окружном центре, был «Дом туземца». Сразу же вслед за ним были заложены «Дом Советов», здание окружного отдела милиции, возведено семь домов. В 1937 г. между новым посёлком и Самарово была проложена пятикилометровая шоссейная дорога, которую жители именовали «улица Ханты-Мансийская»[62].

В 1935 г. (по другим данным, в 1936 г.) Остяко-Вогульск получил статус посёлка городского типа. В 1940 г. он был переименован в Ханты-Мансийск. В январе 1950 г. в соответствии с указом Президиума Верховного Совета РСФСР посёлок Ханты-Мансийск получил статус города[63]. Однако в контексте формирования государственной политики перевода коренного

---

[61] В 2005 г. во время презентации книги «Со времен князя Самара» было предложено начинать историю Ханты-Мансийска не с года его современного строительства, а с момента упоминания о Самаре в «Летописи Краткой Кунгурской». Оно было связано с местом боя дружин Самара и Ермака в 1582 г.

[62] История города. URL: https://hanty-mansiysk.info/page/view?id=istoria-goroda (дата обращения 19.10.2022)

[63] История города. URL: https://hanty-mansiysk.info/page/view?id=istoria-goroda (дата обращения 19.10.2022)

населения на оседлость, это решение скорее было декларацией, опережающей урбанизационные процессы. В большей мере она провозглашала создание новой дисперсной агломерации территориально разрозненных административных поселений, нежели фиксировала завершение институционализации предпосылок городской идентичности. Это новое территориальное объединение включало в себя жителей села Самарова и, как заметил историк А. С. Иванов, отделенных «режимной стеной» расположенных по возможности дальше от железнодорожных, водных и шоссейных путей переселенцев спецпосёлков «Рыбачий» и «Перековка»[64].

В марте 1950 г. в черту города было включено село Самарово, являвшееся центром административно-территориальных районов Ханты-Мансийского округа. Оно стало ассоциироваться с южной частью города, в которую включался Рыбный посёлок, Самаровский затон и Опорный пункт Наркомзема РСФСР, в то время как северной частью назывался сам Ханты-Мансийск и его городской центр, а также расположенный на северо-востоке спецпосёлок «Перековка». «В городе было всего по два: две бани, два кладбища, два Дома культуры, два кинотеатра, две средние школы, два ресторана и т. д. Все объяснялось просто: были город и Самарово, северная и южная части города, соединявшиеся одной узкой, разбитой, постоянно ремонтирующейся дорогой — улицей Гагарина», — вспоминал уроженец Ханты-Мансийска А. Истомин[65].

Рис. 3.16. Ханты-Мансийск. 1950 г. Из открытых источников

Рис. 3.17. В. В. Гаврилов Ханты-Мансийск.
1958 г. Музей Природы и Человека

Рис. 3.18. г. Ханты–Мансийск, ул.Свободы, 13. 1953 г.
Из открытых источников

[64] Иванов А. С. Жилищное строительство и среда спецпоселений Югры (1930–1950-е гг.) // Сибирские строители: события и судьбы. : сб. ст. Всерос. науч. конф. г. Сургут, 25–26 ноября 2016 г. Курган, 2017. С. 211.

[65] Воспоминания А. Истомина. URL: https// liveinternet.ru/ users/ 2807150/ post 85238944/ (дата обращения 29 октября 2022 г.)

Тем не менее, в начале 1950-х гг., по мнению историка Л. В. Алексеевой, «во всех сферах жизни Ханты-Мансийского округа была характерна положительная динамика, что объяснялось психологическим фактором веры в лучшее будущее после военных лет, а также социально-экономическими причинами — шансом для округа стать индустриальным, связанным с разведочными работами на нефть»[66]. Особенно ярко она проявилась в усилении знаковости города Ханты-Мансийска. Он решительно преодолевал инерцию аграрной традиции дисперсного развития Самаровского Прииртышья и все более обретал урбанизационные черты. Руководители северного региона были преисполнены надеждами на индустриальное развитие округа, связанное с геологическими открытиями. Город жил в ожидании больших перемен и связывал их с наращиванием промышленного потенциала города и его урбанизационного функционала, включавшего мастерские и цехи четырех артелей промысловой кооперации, затон судостроения и судоремонта, Самаровскую моторно-рыбацкую станцию, комбинат местной промышленности с различными производственными цехами, рыбоконсервным заводом и Усть-Иртышским рыбозаводом[67].

После открытия Берёзовского месторождения новый импульс получило решение задач, сформулированных в постановлении Совета Министров СССР от 11 декабря 1950 г. «О мерах помощи в переводе на оседлость кочевого и полукочевого населения колхозов в районах Крайнего Севера Тюменской области», которое намечало насыщенную программу социально-экономического и культурного развития города, включающую открытие новых общеобразовательных школ и учреждений культуры, введение в строй жилых домов, расширение площадей производства товаров народного потребления и пищевых продуктов.

В постановлении много внимания уделялась улучшению социального обеспечения жителей Ханты-Мансийского национального округа и его столицы, расширению производства товаров народного потребления и продовольствия[68].

В ходе его выполнения в округ стало больше поступать строительных материалов не только для жилищного строительства во вновь образованных и укрупненных стационарных колхозах, но и для строительства жилья и гражданских объектов в столице округа, которая все более утверждалась в качестве административного и культурного центра этнической идентификации коренных народов Югры. В 1953 г. окружной Дом народов Севера был преобразован в Ханты-Мансийский городской Дом культуры, построена новая библиотека, славившаяся своим книжным фондом. В 1957 г. при отделе культуры окрисполкома был создан Ханты-Мансийский окружной Дом народного творчества, а на предприятиях и в организациях, районных центрах сельской местности создавались национально-культурные клубы, которым столичный Дом городского творчества оказывал методическую помощь. В 1967 г. начали работу размещенный на опорах буровой вышки телецентр и окружная студия телевидения, а в 1977 г. сданы в эксплуатацию Дворец культуры «Октябрь» на 600 мест и новая средняя школа на 964 учащихся[69].

---

[66] Алексеева Л. В. К вопросу об изучении демографических процессов в Ханты-Мансийском национальном округе в 1950-е гг. // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещение поколений в России и СНГ: сборник статей. Т. 1. Социология и история воспроизводства населения России. Екатеринбург, 2016. С. 46–47.

[67] Булатов И. Д. Город Ханты-Мансийск — промышленный центр округа // Сталинская трибуна. 18 апреля 1950. № 85. С. 2.

[68] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. М., 1966. С. 192–197.

[69] Воспоминания А. Истомина. URL: https//liveinternet.ru/ users/2807150/post 85238944/ (дата обращения: 29.10.2022).

Рис. 3.19. М. А. Тебетев Ханты-Мансийск. Центр. 1969 г. Музей Природы и Человека

В 1950-е гг. заметно расширилась сфера социального обеспечения жителей Ханты-Мансийска после открытия мебельного цеха Самаровского райпромкомбината, ввода в строй пивоваренного завода и налаживания производства кондитерских изделий на городском пищевом комбинате.

Территория разрозненных посёлков все более приобретала урбанистические черты. Ее все сильнее связывали единые производственные и хозяйственные организации. Был построен собственный асфальтовый завод, создано предприятие объединённых котельных и теплосетей, городское ремонтно-строительное управление, протянута ЛЭП от Сургутской ГРЭС для надёжного электроснабжения города, начата прокладка городского водопровода[70].

Совершенствовалась и инфраструктура города. В 1953 г. в Долине Ручьёв было построено каменное здание Ханты-Мансийской водолечебницы. В 1977 г. началось строительство первых пятиэтажек из железобетона, возведено здание Госбанка, построен торговый центр, в 1971 г. была построена новая взлетная полоса аэропорта. В 1991 г. завершено строительство автомобильной дороги федерального значения, связавшей Ханты-Мансийск с крупнейшими городами Тюменской области[71].

В институте Ленгипрогор по инициативе горкома КПСС приступили к разработке генерального плана развития города с домами повышенной этажности[72].

Однако, в силу географической удаленности и продолжительной транспортной изоляции от основных месторождений углеводородного сырья Среднего Приобья, окружная столица

[70] История города. URL: https://hanty-mansiysk.info (дата обращения 27 октября 2022 г.)

[71] История города. URL: https://hanty-mansiysk.info (дата обращения 27 октября 2022 г).

[72] История города. URL: https://hanty-mansiysk.info (дата обращения 27 октября 2022 г.)

стала заметно отставать в развитии от своих энергетических спутников. «Нефтяные» деньги шли мимо города и округа — в Тюмень и оттуда в Москву. Денег у города катастрофически не хватало. До 1990-х гг. Ханты-Мансийск состоял преимущественно из двухэтажных деревянных домов, из которых только половина была частично оборудована коммунальными удобствами — центральным отоплением, водопроводом и канализацией. Длительное время, согласно воспоминаниям А. Истомина, «в городе была одна основная электростанция… перебои со светом были нормой. Помню еще детьми, мы бегали за керосином с бидонами на керосинку (магазин, торговавший керосином для примусов, керогазов, ламп в районе нефтебазы), света толком не было, вечер коротали при свете керосиновых ламп»[73]. Численность населения города длительное время росла очень медленно. В 1951 г. она составляла 14531 чел., в 1959 г. всего 20 677 чел[74].

К началу нефтегазового освоения в регионе существовало только три локальных посёлка, которым были присущи городские элементы: Ханты-Мансийск, Берёзово и Сургут[75]. Открытие Шаимского, Мегионского и Усть-Балыкского месторождений нефти в 1960 г. и 1961 г., казалось бы, являлось убедительным аргументом в пользу наличия в Западной Сибири крупной энергетической провинции углеводородного сырья, необходимости принятия новой градостроительной политики и развертывания проектно-изыскательных работ за Уралом. Однако достаточно длительное время концепция расселения прибывающих в Западную Сибирь трудовых ресурсов оставалась неопределенной.

19 мая 1962 г. Совет Министров СССР принял специальное постановление «О мерах по усилению геологических работ на нефть и газ в районах Западной Сибири», в котором правительство официально признало наличие в Западно-Сибирском регионе нефтяных и газовых месторождений значительной нефтегазоносности. Вместе с тем, такая оценка не содержала корректировки предшествующей экономической политики развития топливно-энергетического комплекса СССР и формирования его новой градостроительной политики. Промышленную добычу нефти предполагалось начать в 1966 г., а до этого времени министерствам и ведомствам фактически разрешалось осуществлять строительство рабочих поселений при крупных перспективных месторождениях[76].

Эта неопределенная позиция Совета Министров СССР отчетливо прослеживается и в постановлении от 4 декабря 1963 г. «Об организации подготовительных работ по производственному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области», в котором, с одной стороны, с удовлетворением указывалось на возможность «создания в этом районе крупнейшей нефтегазодобывающей базы страны», а с другой, весьма лаконично сообщалось о разрешении осуще-

---

[73] Воспоминания А. Истомина. URL: https//liveinternet.ru/users/2807150/post 85238944/ (дата обращения: 29.10.2022)

[74] Стась И. Н. Население севера на рубеже: загадки демографической истории Ханты-Мансийского округа в 1945–1950-е гг.// Накануне большой нефти: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.). Екатеринбург, 2020. С. 95.

[75] Города Ханты-Мансийского автономного округа. URL: https://ru.foursquare.com/4Sqru/fist/ (дата обращения: 27.10.2022); URL: https://geogoroda.ru/region/hantymansiyskiy-avtonomnie-okrug-ugra (дата обращения: 27.10.2022).

[76] О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибир: постановление Совета Министров СССР от 19 мая 1962 г.: извлечение // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 5. М., 1967. С. 87–90.

ствлять проектирование и строительство городов с размещением их не ниже 30 метров, до которых может подняться уровень Оби при возможном подпоре ее плотиной Нижне-Обской ГЭС[77]. Споры вокруг её строительства велись в течение нескольких лет. То затихая, то вспыхивая вновь, они прекратились только в 1966 г., когда в зонах предполагаемого затопления было открыто более двадцати месторождений нефти.

Таким образом, до середины 1960-х гг. градостроительная перспектива Севера Западной Сибири оставалась дискуссионной как в научных кругах, так и во властных структурах. По мнению исследователя С. В. Литвинова, история градостроения на Севере Западной Сибири до 1968 г. переживала период «возникновения», а затем — «становления»[78].

Рис. 3.20. Ханты-Мансийск. Площадь, перекресток Энгельса — Мира, он же «пятак». 1970 г. Из открытых источников

Особое место в ней занимает полемика учёных и руководителей промышленного производства о характере и формах расселения специалистов и рабочих кадров в новой нефтегазовой провинции. Тогда очень активно обсуждались две диаметрально противоположные точки зрения по этому поводу. Сторонники первого мнения, учитывая большую разбросанность производства, предлагали строить малые населенные пункты и располагать их ближе к месту работ[79].

Другая группа проектировщиков полагала, что все занятые в нефтедобыче работники должны дислоцироваться в благоустроенных городах со всей необходимой инфраструктурой,

[77] Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области: постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г.: извлечение // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 5. М., 1967. С. 427–433

[78] Литвинов С. В. Архитектурно-планировочное развитие городов Среднего Приобья (исторический анализ и решения): автореф. дис. ... канд. архитектуры. СПб., 2007. С. 8.

[79] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 191. Д. 73.

Рис. 3.21. Борис Евдокимович Щербина — первый секретарь Тюменского обкома КПСС (1961–1973), министр строительства предприятий нефтегазовой промышленности (1973–1984), заместитель председателя Совета Министров СССР (1984–1989). Из открытых источников

которые станут опорными центрами внутрирегиональной вахты, позволяющей решать многие схожие проблемы групповой системы расселения по схеме «базовый город — вахта»[80].

Дискуссия велась на протяжении длительного времени. В ходе ее свое мнение высказали такие авторитетные учёные, как академики Н. Н. Некрасов, А. А. Трофимук, Р. З. Сагдеев, А. Г. Аганбегян, целый ряд известных докторов наук. Решающим стало слово Тюменского областного комитета партии. В 1966 г. его первый секретарь Б. Е. Щербина инициировал проведение научно-технической конференции, посвященной проблемам городского строительства в нефтегазоносных районах севера Тюменской области.

Выражая точку зрения членов Тюменского обкома КПСС, большинства хозяйственных руководителей и специалистов проектных учреждений Тюменской области, Б. Е. Щербина безоговорочно высказывался в пользу схемы расселения «базовый город — вахтовый посёлок». Научно-практическая конференция приняла соответствующее такому подходу решение, рекомендовав осуществлять централизованное расселение с преимущественным созданием благоустроенных городов-центров крупных нефтяных районов.

Это было начало урбанизации Ханты-Мансийского национального округа. 11 декабря 1969 г. было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири», в котором указывалось на необходимость осуществления строительства жилых домов, объектов коммунального и культурно-бытового назначения на основе сосредоточения его во вновь создаваемых крупнейших городах, с обеспечением максимального благоустройства их в контексте промышленного строительства[81].

Согласно рекомендациям конференции, градообразующие строительные организации сосредоточили свое внимание на базовых городах — Урае, Сургуте, Нефтеюганске и Нижневартовске. Предусмотренное конференцией строительство города Южный Балык не получило в ходе обсуждения проекта его Генерального плана одобрения руководства Главтюменнефтегаза. Предпочтение было отдано Нефтеюганску и настоятельно рекомендовано максимально концентрировать силы на тех городах, которые уже строились, но отставали от удовлетворения острой потребности в жилье мигрирующего населения[82].

---

[80] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 191. Д. 73.

[81] О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 декабря 1969 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. М., 1972. С. 131.

[82] Практика градостроительства в Западно-Сибирском нефтегазовом регионе // История и перспективы градостроительного освоении территории Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 157.

При этом, несмотря на критические высказывания главного архитектора Тюменской области В. А. Бешкильцева по поводу возникновения позже рабочих посёлков, приближенных к нефтяным и газовым месторождениям, следует иметь в виду, что их строительство имело объективные причины, связанные с расширением географии месторождений, введением в строй железной дороги и автомобильных путей сообщения, освоением новых траекторий полетов авиации, улучшением условий обустройства, электроснабжения, обеспечения теплом, водой и другими компонентами жизнедеятельности жителей посёлков. Хозяйственные руководители в лице Миннефтепрома и Газпрома получали новые возможности освобождения рабочих от ежедневных, изнурительных, длительных переездов и увеличения их рекреационного времени. Поэтому в 1980–1990-е гг. возникли Мегион, Лангепас, Радужный, Ноябрьский, Муравленко, Губкинский и другие городские посёлки.

Согласно схемам расселения «Гипрогора», существовало три модели расселения в Среднем и Северном Приобье: централизованный — с крупными городами Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск; децентрализованный — с поселениями по существу на каждом месторождении и комбинированный — города и посёлки как агломерации[83]. И. Н. Стась, выделяет в соответствии с ними три этапа развития городской системы расселения в округе, первый из которых охватывал начало 1960-х — 1969 гг., когда происходило стихийное возведение ведомственных поселений рядом с месторождениями, второй период с 1969 г. по конец 1970-х гг. характеризовался централизованным расселением в крупных базовых городах, а третий — 1980 г. — начало 1990-х гг. был связан с новой, групповой системой расселения нефтяников и газовиков[84]. Он солидаризируется с мнением ряда исследователей о практическом забвении градостроительной политики в стране в 1990-е гг.[85] и выделяет первую половину 1990-х гг. в качестве четвертого периода, связывая его с «кризисом урбанизации и системы городского расселения Ханты-Мансийского автономного округа»[86].

Интенсивный приток трудовых ресурсов в округ диктовал необходимость создания благоприятных условий жизнедеятельности людей, среди которых первоочередное значение приобретало жилищное строительство. Однако правительственных решений о формах расселения прибывавшего населения на протяжении довольно длительного времени не принималось. В связи с этим вряд ли можно согласиться с утверждением некоторых авторов о том, что «с 1960 г. ежегодно Тюменской области выделялись бюджетные ассигнования на разработку генеральных планов городов, эти работы соответственно включались в планы градостроительных институтов»[87]. О реальной ситуации в сфере градостроительства можно

---

[83] Реализация проектов и схем расселения // История и перспективы градостроительного освоения территории Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 267.

[84] Стась И. Н. Этапы развития системы городского расселения Ханты-Мансийского автономного округа (1960–1990 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота. 2013. № 7 (33) в 2-х ч. Ч. 2. С. 158.

[85] Вайтенс А. Г. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII–XXI веков. Опыт исторического исследования / А. Г. Вайтенс, Ю. Л. Косенкова. Обнинск, 2006. С. 259–260; Глазычев В. Л. Город без границ. М., 2011. С. 195.

[86] Стась И. Н. Кризис урбанизации и системы городского расселения Ханты-Мансийского автономного округа в первой пол. 1990-х гг. // Вестник Югорского университета. 2013. Вып. 1. С. 58.

[87] Работа проектных институтов Госстроя, Госгражданстроя, РААС, архитекторов и проектировщиков // История и перспективы градостроительного освоения территории Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 237.

судить на основании «Памятной записки» первого секретаря Сургутского городского комитета КПСС В. В. Бахилова, адресованной 15 января 1964 г. Тюменскому областному комитету партии, в которой он с большой озабоченностью сообщал: «До сих пор никто не приступил к проектированию базового города» и просил «ускорить отвод и проектирование площадки под строительство посёлков и города»[88]. Партийное руководство области разделяло эту обеспокоенность и выступило главным заказчиком такой документации.

Работа по планированию размещения новых городов на начальном этапе их строительства была поручена институту «Башнефтепроект» (БашНИПИнефть), который сыграл решающую роль в решении ее задач. Научный коллектив, возглавляемый М. П. Мазиным, имел большой опыт обустройства нефтяных территорий в Башкирии и Татарии, который был успешно применен им в ходе разработки системы сооружений промышленных объектов и первых рабочих посёлков на севере Западной Сибири[89].

Однако завершение оформления государственного стратегического курса на освоение месторождений нефти и газа Западной Сибири обусловило переход в Ханты-Мансийском национальном округе в конце 1960-х — начале 1970-х гг. к комплексному проектированию производственной инфраструктуры в увязке с градостроительным освоением новой территории, разработке научных обоснований генерального планирования городов и принципиальному отказу от изначального формирования производственной структуры в строительной политике севера Тюменской области на основе узкоотраслевого принципа нефтедобычи. Для этого потребовались теперь иные специалисты в области архитектуры и проектно-изыскательских работ.

12 января 1968 г. в докладной записке председателю Госстроя СССР И. Т. Новикову Тюменский обком КПСС выразил свое неудовлетворение по поводу планировочной работы Башкирского нефтепроектного института и выступил с предложением о передаче разработки генпланов и детальных планировок новых городов от института «Башнефтепроект» специализированному Ленинградскому зональному научно-исследовательскому институту по экспериментальному проектированию городов Севера (ЛенЗНИИЭП)[90].

Филиал ЛенЗНИИЭПа в Сургуте был открыт в 1970 г. Его первым директором был назначен Е. Б. Никифоров, главным инженером — Н. С. Пукач. С ними приехали из Ленинграда архитекторы В. И. Лопоногов, В. В. Ванин и И. А. Гургенов, инженеры Д. Г. Дейч и А. А. Миронов. Неоценимый вклад в развитие ЛенЗНИИЭПа, впоследствии преобразованного в Западно-Сибирский зональный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования (ЗапСибЗНИИЭП), внес возглавивший его в 1974 г. С. В. Билецкий[91].

Работая в тесном контакте со специалистами ЛенЗНИИЭПа, компетентное влияние на решение всех вопросов градостроения Сургута оказывали его Главные архитекторы: А. А. Асеева (1967–1968 гг.), А. В. Шока (1969–1972 гг.), Б. М. Бейдер (1972–1974 гг.), В. И. Арзамасцев (1974–1976 гг.), Б. М. Абелис (1976–1979 гг.), А. П. Аболоннкин (1979–1986 гг.), В. Г. Труханов (1986–1989 гг.), В. И. Унжаков (1989–2000 гг.), М. А. Чураков (3 месяца в течение 2020 г.),

---

[88] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2112. Л. 18

[89] Литвинов С. В. Архитектурно-планировочное развитие городов Среднего Приобья (исторический анализ и решения). С. 8.

[90] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 19. Д. 73. Л. 46.

[91] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 31. Д. 7. Л. 51.

М. В. Данилов (2000–2004 гг), А. В. Усов (с 2004 г.). Особо необходимо отметить вклад в городское строительство В. И. Унжакова, который сам себя называл человеком «с мухоморным характером». Он прослужил в этой должности по рекомендации Л. Ю. Рокецкого 12 лет в непростые годы структурного реформирования градостроительства в округе и был удостоен почетного звания «Заслуженный архитектор России».

К началу 1970-х гг. высококвалифицированный коллектив проектировщиков сложился и в ходе строительства Нижневартовска, где должность архитектора Нижневартовского района была введена еще в 1964 г. Г. А. Поткина, В. В. Никифоров, В. В. Бахчеев, В. В. Антонов, В. М. Добрыгин провели большую работу по формированию выразительного архитектурного образа города[92].

Заметная активизация проектно-изыскательской работы на севере Западной Сибири прослеживается в решении проблем строительства Нефтеюганска. В ЛенЗНИИЭПе под руководством безвременно ушедшего из жизни профессора В. В. Кадникова сложилась самая крупная бригада архитекторов в составе С. А. Ковалева, Е. В. Рудова, И. М. Типикина, Т. И. Литвиенко, Е. В. Судакова, И. Н. Новака, Т. Э. Прасолова, Е. В. Луконина, И. И. Попова и других конструкторов, сумевших обеспечить проектную завершенность городского строительства[93].

С середины 1960-х гг. вопросами расселения и формирования новых городов на севере Тюменской области стали активно заниматься архитекторы Ленгипрогора Госстроя РСФСР. После того, как БашНИПИнефть разработал системы сооружений промышленных объектов и первых рабочих посёлков, Ленгипрогор усилиями архитекторов М. С. Козловского, А. И. Рыся, Е. С. Квашнина-Самарина, А. Г. Варзара и В. В. Прокопьевой разработал проект генерального плана Сургута, а ЛенНИИП градостроительства Госгражданстроя СССР, благодаря напряженной работе архитекторов С. И. Соколова, С. И. Крестьяшина и В. Д. Кадникова сумел разработать генеральные планы Нефтеюганска и Урая[94].

Рис. 3.22. Семен Владимирович Билецкий — заместитель Председателя Сургутского горисполкома (1971–1974), директор Сургутского филиала Ленинградского зонального научно-исследовательского института экспериментального проектирования — ЛенЗНИИЭПа (1974–1985), директор Западно-Сибирского зонального научно-исследовательского института экспериментального проектирования — ЗапСибЗНИИЭП (1985–2000). Из открытых источников

Рис. 3.23. Виктор Иванович Унжаков — главный архитектор города Сургута (1989–2000). Из открытых источников

[92] Прищепа А. И. Городское строительство в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (к. 1950-х — сер. 1990-х гг.). Петрозаводск, 2021. С. 24.

[93] Работа проектных институтов Госстроя, Госгражданстроя, РААС, архитекторов и проектировщиков. С. 241.

[94] Работа проектных институтов Госстроя, Госгражданстроя, РААС, архитекторов и проектировщиков. С. 237.

Рис. 3.24. Анатолий Николаевич Отраднов — главный архитектор института «Тюменьгражданпроект» (1966–1976), главный архитектор Тюменской области (1976–2001). Фото из кн.: История и перспективы градостроительного освоения территории севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 249

В начале 1980-х гг. в градостроительной политике севера Западной Сибири наблюдается заметный поворот. 20 марте 1980 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса». Содержащееся в нем задание предусматривало построить в 1981 г. жилых домов общей площадью 820 тыс. кв. м, в 1982 г. довести строительство до 940 тыс. кв. м, в 1983 г. — до 980 тыс. кв. м[95].

Выполняя его, специалисты института «Гипрогор» в августе 1980 г. на основе эскизов, подготовленных сотрудниками Тюменского областного управления архитектуры и представителями Госстроя России Л. А. Каировым и В. П. Афанасьевой, а также архитекторами Госгражданстроя Д. Н. Гришиным и Г. Н. Вороновой, сформулировали принципы расселения, в соответствии с которыми предусматривалось размещение новых населённых пунктов Ноябрьский, Тихий (Коротчаево), Муравлянковский, Вынгапурский, Пур-Пев в Пуровском районе Ямало-Ненецкого автономного округа, Хохряковский, Радужный, Лангепас, Когалым, Лянтор, Федоровский, Мамонтово, Пыть-Ях, Покачи, Островной, Нягань, Таллинский в Ханты-Мансийском автономном округе. Одновременно была проделана огромная проектно-изыскательская работа по обеспечению намеченных объёмов жилищного строительства необходимой документацией. Для этого Госстрой России привлек более 30 институтов страны и проектно-изыскательских организаций, которые провели необходимые геологические работы, осуществили топографические съёмки и представили планировочные эскизы строительства 17 новых поселений, для реализации которых решением Тюменского облисполкома в 1980 г. была создана межведомственная комиссия в составе представителей Госгражданстроя, Госстроя РСФСР, заказчиков, подрядчиков и проектировщиков, которая в течение 7 лет, с 1980 по 1987 г., ежегодно два раза проводила заседания, принимая принципиальные решения по вопросам застройки городов и посёлков. Как вспоминал начальник отдела строительства и архитектуры Тюменского облисполкома А. Н. Отраднов, «Тюменское областное управление архитектуры в то время напоминало штаб Всесоюзной стройки. Только в 1985–1987 годы было проведено 47 областных градостроительных советов, 23 технических совещания, на которых рассматривались генеральные планы и проекты детальных планировок городских поселений»[96].

Но жилищное строительство на местах рабочих посёлков в округе началось гораздо раньше официального утверждения генеральных планов их застройки. В то время как проектно-изыскательские работы находились еще в стадии разработки, градостроительство в округе

[95] ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1673. Л. 202–227.

[96] Из воспоминаний А. Н. Отрадного // История строительства и перспективы градостроительного освоения территории Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 262, 264.

уже началось. Наиболее распространенными в 1960-е гг. достаточно длительное время продолжали оставаться комплектно-брусовые 8–12–16-квартирные дома, производство которых осуществлялось на Богородском заводе строительных материалов. Его трудовой коллектив взял на себя обязательство изготовить для создаваемых в Тюменской области посёлков и городов в 1964 г. 10 тыс. кв. м таких домов, а в 1965 г. довести их производство до 24 тыс. кв. м.[97]

В 1969 г. в Сургуте было построено 11 двухэтажных брусчатых домов и 4 крупнопанельных пятиэтажных здания с полезной площадью всего 7,9 тыс. кв. м. Такие темпы строительства не могли даже в малой степени удовлетворить потребность в жилье, которую испытывали прибывающие нефтяники и газовики, энергетики и строители, учителя и врачи.

Значительная часть коренных сургутян и мигрантов селилась в малопригодных для жизни временных балках, вагонах и другом ветхом жилье. В городе насчитывалось более двух тысяч балков и вагончиков. Летом 1964 г. на западной окраине Сургута, у кромки картофельного поля колхоза «Красный северянин» (сегодня это район улиц Ленина и Дзержинского) выросла небольшая странная жилищная агломерация нефтяников, состоящая из металлических вагончиков. В них жили работники управления, туда же переехал и его главный штаб. Народная молва единственной улице этого железного посёлка присвоила имя заботливого коменданта нефтепромыслового управления (НПУ) Доры Семеновны Охремчук. Позднее металлические вагончики стали обрастать множеством деревянных балков, статус посёлка повысился, и он за-

[97] ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 1. Л. 12, 31; Муниципальный архив города Сургута (МАГС). Ф. 80. Оп. 1. Д. 12; Д. 60. Л. 3; Д. 76. Л. 21; Д. 68. Л. 31.

Рис. 3.25. Микрорайон нефтяников. 1960-е гг. Из открытых источников

Рис. 3.26. В. С. Бухаров Сургут. Весна. 1970 г.
Сургутский художественный музей

Рис. 3.27. Город Нефтеюганск. 1968 г. Из открытых источников

крепился в истории Сургута под названием «Таратыновка». Так простыми людьми в шутку или всерьез было увековечено в истории города имя уважаемого руководителя Бориса Николаевича Таратынова, заместителя начальника НПУ по кадрам и быту, военного моряка, капитана второго ранга, участника Великой Отечественной войны[98]. Очень популярными и хорошо известными почтальонам города стали и другие названия балковых «мегаполисов», запечатлевшие фамилии первых руководителей промышленного освоения Западной Сибири: «Чабанград», «Сабирзяновка», «Бикбовка»[99].

Сургутяне помнят о вагон-городке, именовавшемся в народе «Золотой эшелон». Там даже в 1980 г. насчитывался 581 вагон, занятый под жилье, а 112 вагонов служили бытовыми помещениями[100]. Пик вагоно-балкового жилищного бума в Сургуте приходится на начало 1970-х гг. Тогда в нем насчитывалось до 32 тыс. таких градостроительных «шедевров»[101]. Аналогичная жилищная панорама просматривалась в эти годы во всех строящихся городах Югры.

Некоторые горожане, проживавшие в балках и не имевшие перспективы улучшения условий своего существования, самостоятельно решали свой жилищный вопрос. В округе имели место нередкие случаи поджогов ветхого жилья. Например, отчаявшиеся жители базового городка СУ-28 подожгли его[102].

В основу жилищного строительства должны были лечь стандартные нормы, разработки и правила гражданского строительства на этой новой территории с ее масштабами и специфическими природно-климатическими условиями. К тому времени богатый опыт проектирования северных городов уже был наработан усилиями В. В. Муравьева, Г. В. Римского-Корсакова, Г. В. Платонова, В. Г. Танганяна и других талантливых архитекторов. Территория Тюменской области делилась ими на четыре природных региона, различающихся по хозяйственной специализации и природным условиям, соответственно — на Южный рекреационный (группа административных районов южной части области), Ближний Север (Ханты-Мансийский автономный округ), Дальний Север (Ямало-Ненецкий автономный округ до Северного полярного круга) и Арктический Север[103].

Различия этих зон определяли особенности теплотехнических характеристик, конструктивных особенностей строительства фундаментов, отличия санитарных и пожарных норм. Это значительно усложняло работу по проектированию домов в Среднем Приобье, потому что условия проживания в различных регионах севера не только отличались от условий средней полосы, но и имели существенные различия на самих территориях Ближнего и Дальнего Севера.

В начале 1960-х гг. осуществлялась активная застройка четырёхэтажными и пятиэтажными домами Магадана, Якутска и Салехарда, но парадокс заключался в том, что они могли быть использованы в условиях жары и вечной мерзлоты. А для проектирования и строительства на трясинных болотах Среднего Приобья при очень низких температурах и высокой влаж-

---

[98] Захаров И. П. Так было // Новый город. 2002. 31 августа.

[99] Захаров И. П. Так было // Новый город. 2002. 31 августа.

[100] Марченков В. И., Марченкова Г. И. Как это было... Сургут, 2001. С. 78.

[101] Дворникова Т. Здесь будет город-сад? // Новый город. 2002. 28 февраля.

[102] Дворникова Т. Здесь будет город-сад // МК Югра. 2002. 21–22 февраля.

[103] Путинцев Э. П. Комплексная концепция северного градостроительства: автореф. дис. ... д-ра архитектуры. М., 2005. С. 4.

ности нужны были другие нормы и правила, которых не было ни в СССР, ни за его пределами. Как вспоминал Ш. С. Донгорян, в то время заместитель министра нефтяной промышленности СССР, «…весь 1966 год ушел впустую на поиск возможности привлечь чьи-то силы и приступить к разработке требуемых норм и правил»[104].

Рис. 3.28. Виды старого Сургута, 1960–1970-е гг. Фото А. Ф. Мясников. Сургутский краеведческий музей

Тем временем в Москве инженеры и архитекторы трудились над конструкцией первых сборных крупнопанельных домов. В 1958 г. архитекторами коллектива Гипростройиндустрии, включавшего инженеров В. Г. Кочешкова, А. Г. Розенфельда, И. П. Полозова, при участии архитектора И. Ю. Марковой, инженеров Л. С. Евгеньевой, В. И. Сысоевой, А. А. Кирилловой, Н. П. Грачева под руководством Н. П. Розанова была разработана серия усовершенствованного типового проекта крупнопанельных домов, получившая шифр 1-464, утвержденная Госстроем СССР для массового строительства[105].

Они в целом отвечали требованиям утверждавшейся в стране новой революционной технологии домостроения. Строили дома этой серии на базе продукции Краснопресненского завода железобетонных конструкций, на площадях которого затем был основан ставший известным в стране Московский домостроительный комбинат № 1. Первоначально в городах Западной Сибири застройка преимущественно велась экономичными и малозатратными домами серии 1–464,1–467А, 1–335, 1–447, 1–468А, 1–439А института Гипростройиндустрии[106], названые горожанами «моспроекты».

«Моспроект» являлся самым дешевым, но абсолютно неприспособленным для северных условий жильем. Поэтому наиболее злободневными для архитекторов строящихся городов были вопросы рациональной конструкции жилых зданий для северных районов Западной Сибири.

---

[104] Донгорян Ш. С. Взгляды на градостроительство на севере Западной Сибири // История и перспективы градостроительного освоения территории Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 189.

[105] Розанов Н. П. Крупнопанельное домостроение. М., 1982. С. 100.

[106] Розанов Н. П. Крупнопанельное домостроение. С. 100.

Они обсуждались на научно-практических конференциях по проблемам градостроительства в 1966 и 1968 гг. в Тюмени с участием заинтересованных министров, представителей Госстроя и Госплана СССР. Особенно большую активность в создании оптимального проекта жилья для северян проявляли Тюменский обком КПСС и Министерство газовой промышленности[107].

Члены Тюменского обкома КПСС и ответственные работники министерства считали, что действующие серии полносборных жилых домов по своим планировочным и конструктивным решениям, а также принятой в них внутренней высотой 2,5 метра не учитывают специфики и климатических условий северных широт Западной Сибири. Они справедливо полагали, что суровый климат этих районов, где зимой температура достигает минус 40–45 градусов, а летом выпадает значительное количество осадков, обусловливает необходимость более длительного пребывания в жилых помещениях, что требует создания максимума удобств и благоустройства для тружеников севера и членов их семей, и, в первую очередь, диктует необходимость увеличения объёма помещений. Поэтому 9 июля 1968 г. в служебной записке председателю Госстроя СССР И. Т. Новикову секретарь Тюменского обкома КПСС Е. А. Огороднов писал: «Учитывая эти обстоятельства, Министерство газовой промышленности и Тюменский обком КПСС убедительно просят Вас, в порядке исключения, разрешить увеличение внутренней высоты жилых зданий, сооружений в северных газовых и нефтяных районах Тюменской области до 2,7 метра»[108]. 2 декабря 1968 г. эту просьбу продублировал первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б. Е. Щербина: «…Тюменский обком КПСС просит Госстрой СССР разрешить строительство жилых домов серии 1–467А с высотой этажа 2,7 метра»[109].

Госстрой СССР положительно отреагировал на мнение партийного руководства области: Ленинградскому зональному научно-исследовательскому институту экспериментального проектирования было дано задание не только поднять потолок в проекте серии 1–467А, но и приступить к специальному проектированию пятиэтажного крупнопанельного дома для северян.

В 1960–1970-е гг. большое признание в ряде северных районов страны — Певеке, Анадыре и других — получила система «Мобиль», предложенная Киевским зональным научно-исследовательским институтом экспериментального проектирования (КиевЗНИИЭП). Она представляла собой унифицированную конструкцию для строительства практически в любом регионе страны. Для особых региональных условий севера «Мобиль» имела специальный ассортимент строительных изделий, различные варианты блок-секций, решений узлов, наборов цветовой и пластической гаммы панелей.

Однако проведенные расчеты архитекторов и инженеров находившегося в Сургуте филиала ЛенЗНИИЭПа показали, что решение проблемы развития индустриального домостроения для удаленных районов севера в экономическом и архитектурно-конструктивном отношениях находится в иной плоскости, чем та, которую предлагает система «Мобиль». К тому же выводу пришли учёные в Швеции и Финляндии применительно к своим северным территориям[110].

---

[107] ГАТО. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 98. Л. 7.

[108] ГАТО. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 275. Л. 7.

[109] ГАТО. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 98. Л. 11.

[110] Донгорян Ш. С. Взгляды на градостроительство на севере Западной Сибири. С. 192.

Не прижилась на севере Среднего Приобья и идея строительства монолитных домов. Зимой 1972 г. во время поездки в Сургут, Нижневартовск и Нефтеюганск на совещании с хозяйственными и партийными руководителями в Тюмени Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин поделился своими впечатлениями о поездке во Францию, где ему советовали строить в Сибири малозатратные монолитные, а не крупнопанельные здания. Ш. С. Донгорян вспоминал: «Я ожидал, что все присутствующие министры выступят против этого. Но большинство закивало головами и произнесло "да, да, да…". И я решил вступить в полемику… Я сказал, что действительно монолитное домостроение выгодно в теплых регионах нашей страны. Но в Западной Сибири, где 7 месяцев зима, при сильном морозе невозможно качественно бетонировать стены и перекрытия. Далее добавил, что монолитные стены и перекрытия перед отделкой надо будет сушить, в зимних условиях даже при больших затратах равномерной сушки невозможно добиться…».

Выступление профессионального строителя завершилась заключением Председателя Совета Министров: «Да, пожалуй, Вы правы, монолитное домостроение в условиях севера нетехнологично и, очевидно, не может быть эффективнее крупнопанельного домостроения». Все присутствующие облегченно вздохнули[111].

21 декабря 1971 г. было принято постановление Совета Министров СССР с характерным названием «О мерах по дальнейшему развитию городов и посёлков в районах добычи нефти и газа Тюменской области». Архитекторы ЛенЗНИИЭПа с энтузиазмом откликнулись на него. При активном участии специалистов его сургутского филиала был разработан специальный проект дома серии 112, наиболее адаптированный к природно-климатическим условиям северных регионов и названный жителями округа в их честь «ленпроектовским»[112].

В целях скорейшего освоения технологии производства и строительства жилых домов этой серии Тюменский областной комитет КПСС, облисполком и Госгражданстрой приняли решение создать в составе Сургутского филиала ЛенЗНИИЭПа конструкторско-технологическое подразделение для оказания технической помощи Сургутскому ДСК в устранении недостатков, выявленных при изготовлении изделий и монтажа домов, а также сформировать конструкторско-технологическую группу для оказания на месте технической помощи заводу ЖБИ № 3 объединения «Тюменпромстрой»[113].

В округе начался перевод действующих домостроительных предприятий и проектирование новых заводов для производства домов серии 112. Сургутский домостроительный комбинат и Тюменский завод специализированного управления крупнопанельного домостроения объединения «Тюменпромстрой» оснащались строительными материалами, металлоконструкциями, комплектовались электротехническими изделиями, машинами, транспортными средствами и другими материальными ресурсами[114]. Первоначально этот проект был разработан для Сургута, но впоследствии по нему строили дома в Нефтеюганске, Когалыме, а также на Дальнем Севере в Уренгое, Надыме и Ноябрьске.

В первые годы азы сборки панельных домов новые покорители Сибири вынуждены были осваивать сами. Инициатива возведения первого пятиэтажного крупнопанельного дома

---

[111] Донгорян Ш. С. Взгляды на градостроительство на севере Западной Сибири С. 192.

[112] ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

[113] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5797. Л. 65.

[114] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5797. Л. 64.

Рис. 3.29. Дом серии 112. Из открытых источников

Рис. 3.30. Дом серии И-164–07. Из открытых источников

«моспроекта» в Сургуте принадлежит начальнику геофизической конторы В. С. Каткову и ее главному инженеру М. С. Дубине. Комплект деталей такого дома был закуплен в Свердловске. Его сооружение взяла на себя бригада Н. Н. Щаденко. Символично, что закладка бетона в его фундамент была произведена 26 июня 1965 г., то есть на следующий день после реорганизации рабочего посёлка Сургут в город окружного подчинения. Через полтора года, в октябре 1966 г., в Сургуте по адресу Набережный проспект, 46 был сдан в эксплуатацию первый в новом городе крупнопанельный дом, положивший начало отсчета индустриального каменного строительства в возрождающейся Югре[115].

Под руководством С. С. Виниченко и старшего инженера В. А. Смыкова были выполнены топографические съёмки и подготовлены документы для отвода земли под застройку в противоположной от существовавшего посёлка геологов части Сургута — посёлка нефтяников. Инженеры-нефтяники С. Пыриков, Т. Логинов, Е. Олейников на время стали проектировщиками нового жилого посёлка нефтяников. Они дали дошедшие до нас сегодня яркие названия его первых улиц — «Энтузиастов», «Восход», «Проезд Молодежный», «Нефтяников», «Губкина»[116].

Вслед за ним под руководством заместителя начальника производственного отдела Управления строительством Сургутской ГРЭС А. Белогорохова была сделана привязка на местности первого крупнопанельного дома в районе энергетиков. В 1969 г. «Сургутгазстроем» в городе было построено 4 крупнопанельных пятиэтажных жилых здания сметной стоимостью 8733 руб. и общей площадью 7900 кв. м. В микрорайоне строителей первое крупнопанельное пятиэтажное здание было возведено в 1971 г. строительным управлением № 22 во главе с В. Н. Пересыпкиным.

[115] Долгая дорога к нефти. Сургут, 1997. С. 62.

[116] Долгая дорога к нефти. Сургут, 1997. С. 71.

Над Обью поднимались новые города. Характерной чертой их застройки являлся ведомственный характер, или как иронизировали проектировщики, «метод хуторского хозяйства». Так, в начале своего нового рождения Сургут представлял собой конгломерат разбросанных по обширной территории, слабо взаимосвязанных между собой, практически автономных ведомственных микрорайонов: геологов — на востоке, нефтяников — на западе, строителей — в центре, энергетиков — на севере. На приличном расстоянии за лесом чуть позже распростерся «хутор железнодорожников».

Рис. 3.31. Микрорайон «Строителей». 1969 г. Сургутский краеведческий музей

Рис. 3.32. Сургут. Панорама улицы Красноармейской. 1976 г.
Фото: А. Ф. Мясников. Муниципальный архив города Сургута

Ситуация усугублялась тем, что Совет Министров СССР в своем постановлении от 4 декабря 1963 г. № 1208 «Об организации подготовительных работ по производственному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области», разрешил Совету Министров РСФСР «проектирование и строительство рабочих посёлков в районе среднего течения реки Оби, исходя из уровня расположения строительных площадок для этого»[117]. Эта временная мера стала постоянной для всего периода 1960–1980-х гг. Местническая организация строительства лежала в основе градостроительной политики на территории округа, а попытки ее преодоления воспринималась отраслевым директорским корпусом весьма болезненно.

Несмотря на то, что еще в 1971 г. Миннефтепромом был определен генеральный заказчик проектирования и строительства Сургута в лице производственного объединения «Сургутнефтегаз», вопрос о едином заказчике так и не был решен до конца. Наиболее активно за объединение заказчиков под эгидой «Сургутнефтегаза» выступал заместитель генерального директора этого объединения, возглавивший в 1977 г. его Управление капитального строительства Г. М. Кукуевицкий. Он неоднократно официально обращался ко всем руководителям главков, дислоцированных в Сургуте, с предложением согласовать объём

[117] Нефть и газ Тюмени в документах. Свердловск, 1971. С. 239.

Рис. 3.33. Григорий Михайлович Кукуевицкий — заместитель начальника по строительству п/о «Сургутнефтегаз» (1966–1970), заместитель Генерального директора по строительству п/о «Сургутнефтегаз» (1977–1994). Из открытых источников

капитальных вложений в строительство жилищных и промышленных объектов и принять единый план подрядов, лимитов по труду и фондов на материалы и оборудование. Аналогичные предложения были адресованы главкам и по поводу координации планов проектно-изыскательских работ[118]. Однако эти предложения оставались без внимания, несмотря на то, что на всех городских заседаниях и активах руководители отраслевых строительных организаций единодушно ратовали за единого заказчика, усматривая в этом гарантию выполнения установленной государственной программы городского строительства в округе.

Следует, вместе с тем признать, что «отличному строителю-нефтянику, грамотному руководителю», по оценке генерального директора «Сургутнефтегаза» Н. П. Захарченко, Г. М. Кукуевицкому удалось в определенной мере блокировать инерцию местничества, заполнив «бреши» между старыми посёлками и новыми микрорайонами. Сокращалось и число заказчиков. Если в 1978 г. их насчитывалось около тридцати[119], то в 1981 г. в качестве заказчиков выступало пять основных субъекта: Миннефтепром, Мингазпром, Минэнерго, Мингео, Миннефтегазстрой[120]. Вся территория города, примерно 30 микрорайонов, была закреплена за пятью заказчиками, включающих Миннефтепром с тринадцатью поселениями и Минэнерго с пятью заселенными площадками.

Таблица 3.6

Основные заказчики строительства в Сургуте

Заказчик	План года, м2	Факт года, м2
п/о «Сургутнефтегаз» Миннефтепрома	66116	71372
п/о «Сургуттрансгаз» Мингазпрома	23572	29424
РЭУ «Тюменьэнерго» Минэнерго	49100	34333
п/о «Обьнефтегеология» Мингео	17195	17149
Дирекция строящихся промпредприятий Миннефтегазстроя	31853	35467
Прочие	48766	56879

Источник: МАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 129. Л. 7.

[118] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 31. Д. 7. Л. 79.
[119] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 31. Д. 7. Л. 110.
[120] МАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 129. Л. 7.

Вместе с тем, заметная концентрация заказов на строительство между пятью министерствами не дает основание делать вывод о преодолении ведомственной разобщенности в строительстве. Об этом особенно убедительно свидетельствует тот факт, что на долю «прочих» организаций приходилось 56879 кв. м построенной жилой площади — показатель, почти в два раза превышающий, за исключением «Сургутнефтегаза», строительные объёмы других заказчиков. В Нефтеюганске в 1970-е гг. существовало два заказчика. Главтюменнефтегаз в лице НГДУ «Юганскнефть» и Главтюменнефтегазстрой в лице треста «Нефтегазстрой». Причем у нефтяников был один заказчик — «Юганскнефть», а среди строителей Миннефтегазстроя их было несколько. Заказчиком на изготовление проектно-сметной документации являлось НГДУ «Юганскнефть», а строители собственных лимитов и договоров с институтом на проектирование не имели.

На протяжении исследуемого периода в городах округа не был решен вопрос и о создании службы единого генподрядчика. В Нефтеюганске подрядчиками являлись две строительные организации: «Сибжилстрой», специализировавшийся на строительстве жилья и детских домов из сборного железобетона, и «Главтюменнефтегазстрой», изготовлявший здания из кирпича. Проектирование домов в городе осуществляли отдельные строительные организации различных ведомств, а порой малоквалифицированные проектно-сметные бюро[121].

Стремясь минимизировать экономические потери от ведомственной разобщенности, хозяйственные руководители Сургута сосредоточили создание жилищной строительной базы на промышленных площадях трех основных подрядных организаций: ДСК «Главсибжилстроя», ДСК Минэнерго, треста «Сургутгазстрой». В качестве главной подрядной строительной организации выступал Сургутский домостроительный комбинат, относящийся к «Главсибжилстрою». Его объёмы вводимого жилья составляли 158626 кв. м и в 5 раз превышали показатели Домостроительного комбината Министерства энергетики, а также были значительно больше, чем у «Сургутгазстроя». Однако трест «Сургутгазстрой» вносил наибольший вклад в строительство объектов социального, культурного и бытового назначения[122].

Тем не менее, должное согласование подрядных работ осуществлялось с большим трудом. Заместитель генерального директора объединения «Сургутнефтегаз» Г. М. Кукуевицкий с горечью констатировал: «На сегодняшний день Сургутский домостроительный комбинат, тресты ”Сургутгазстрой” и “Спецгазстрой”, выступая в роли генподрядчиков, зачастую пикируются друг с другом, а не решают главную задачу»[123].

Положение осложнялось тем, что в городах округа не было единого подрядчика по строительству улиц, дорог и магистральных сетей. До середины 1990-х гг. в Сургуте, самом крупном населенном пункте Ханты-Мансийского автономного округа, например, отсутствовали специализированные подразделения по благоустройству и озеленению города.

Дисперсный характер стартовой застройки городов округа усугублялся отсутствием в них органов архитектурно-строительного контроля. В соответствии с Положением о государственном архстройконтроле РСФСР, разрешения на производство работ должны были выдаваться его областной инспекцией. Однако в строящихся городах, как правило, строительство велось либо без разрешения на производство работ, либо разрешение выдавалось

---

[121] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 6145. Л. 56.

[122] МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 101. Л. 223.

[123] Акционерное общество «Газстрой». 1966–1996. Сургут. С. 5–6.

Рис. 3.35. Сургут. Застройка «колхозного поля». 1975 г. Сегодня улица Дзержинского. Фото: А. Ф. Мясников Муниципальный архив города Сургута

Рис. 3.35 Сургут. Новый 25 микрорайон, примыкающий к деревянным постройкам. 1984 г. Фото: А. Ф. Мясников Муниципальный архив города Сургута

самими заказчиками, что являлось прямым нарушением порядка, установленного законодательством.

Главный архитектор города Сургута А. А. Асеева откровенно писала 4 ноября 1969 г. в служебной записке начальнику областного отдела по делам строительства В. Д. Бешкильцеву и начальнику областной инспекции архстройконтроля Л. А. Новопрудецкой: «… я не в курсе дела, какие объекты и где строятся, соответствуют ли они генплану, обеспечены или нет финансированием и необходимой проектно-сметной документацией, каковы сроки начала и окончания строительства»[124].

По ходу расширения городского строительства администрация округа все больше внимания уделяла формированию структуры архгосстройконтроля, создавая в новых городах органы архитектурного управления их строительством. В 1967 г. был образован отдел архитектуры исполкома Урайского городского Совета депутатов трудящихся. По мере развития градостроения в Урае его функции расширялись. В 1978 г. был создан отдел главного архитектора, который в 1983 г. был преобразован в отдел по делам строительства и архитектуры, а в 1992 г. в отдел архитектуры и градостроительства администрации г. Урая, завершив свое формирование в 1994 г. утверждением городского Управления архитектуры и градостроительства[125].

В Нижневартовске совершенствование состояния архитектурного контроля запаздывало и начало меняться только в начале 1990-х гг., когда в 1991 г. была создана Инспекция государственного архитектурно-строительного контроля управления архитектуры и градостроительства исполкома Нижневартовского городского Совета народных депутатов, преобразованная в 1992 г. в государственный архитектурно-строительный надзор администрации города Нижневартовска[126].

---

[124] Акционерное общество «Газстрой». 1966–1996. Сургут. С. 5–6.

[125] Муниципальное учреждение «Управление архитектуры и градостроительства архитектурного муниципального образования города Урай», г. Урай. Ф. 9. Ед. хр. 249. 1965–2004.

[126] Архивный отдел администрации города Нижневартовска. Ф. 171. Ед. хр. 71. 1991–2004 гг.

В многообразии специфических задач формирующихся архитектурных управлений в новых городах особое место занимали проблемы повышения эксплуатационных возможностей вводимого жилья. На севере особенно болезненно проявлялись недостатки малоэтажного строительства, которые усугублялись большой площадью застройки, увеличивающей протяженность теплотрасс и энергетический сетей, усложняющей систему инженерно-технического обеспечения водоснабжения, жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства территорий, а также повышающей расходы на строительство автомобильных дорог и транспортной инфраструктуры доставки рабочих в условиях низких температур.

Поэтому Исполком Тюменского областного совета депутатов трудящихся с середины 1960-х гг. с завидным упорством неоднократно принимал решения о сокращении малоэтажного и расширении многоэтажного строительства. Но они выполнялись с большим трудом.

Таблица 3.7

Этажность жилых домов в городе Сургуте (кол-во зданий по годам)

Этажность	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1981
2-х	11	7	9	3	7	1	1	3	3	13
3-х	1	3	3	4	1	1	2	—	—	—
4-х	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
5-ти	4	9	25	22	33	35	28	34	47	75
Выше	—	—	—	—	—	1	1	4	2	23

Источник: Муниципальный архив города Сургута (МАГС). Ф. 80. Оп. 1. Д. 12; Д. 60. Л. 3; Д. 76. Л. 21; Д. 68. Л. 31.

Как видно из данных таблицы, строительство двухэтажных домов в 1970-е гг. заметно сократилось. Однако в конце 1970-х — начале 1980-х гг. оно возобновилось. Несмотря на внедряемые передовые технологии крупнопанельного строительства благоустроенных квартир, потребность в жилье оставалась наиболее острой социальной проблемой в округе. В январе–ноябре 1977 г. в редакцию Сургутской городской газеты «К победе коммунизма» поступило 240 жалоб, из которых 74 были связаны с бытовой неустроенностью, перебоями подачи горячей воды, неисправностями инженерных сетей, нерешенностью вопросов благоустройства территории.

У некоторых сургутян жилищное положение было буквально катастрофическим. Так, например, пенсионерка М. Р. Найда писала в Тюменский обком КПСС (пунктуация и орфография сохранены): «Прошу настоящей жалобой все же мне помочь нельзя так больше издеваться Сургутскому горкому… все обманные сроки прошли… живешь все в этой караулке в ней живу я с 1962 года и в ней не было никакого ремонта… я наверняка замерзну в ней она кругом вся дырявая и печь все время приходится ремонтировать… я советский человек проработавши свои лета работала все силы отдавала, но теперь престигла старость да болезнь не кому не стала нужна правда пенсию дали хорошую не жалуюсь…»[127].

[127] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 19. Д. 39. Л. 39 (об).

Хозяйственные руководители и региональные органы власти, отзываясь на многочисленные обращения людей, стремились максимально использовать возможности малоэтажного деревянного строительства, несмотря на проблемы с его благоустройством. По воспоминаниям первого Генерального директора производственного объединения «Сургутнефтегаз» И. П. Захарченко, спор сторонников деревянной и каменной застройки в округе разрешил в одной из поездок на север Тюменской области секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих, который был крайне удивлен тем, что в Среднем Приобье при богатейших лесных ресурсах запрещается деревянное строительство. Итогом этой встречи стала отмена непродуманного решения о его запрете. В 1981 г. в Ханты-Мансийском автономном округе было построено 13 таких домов с общей площадью, превышающей объёмы строительства двухэтажных домов 1969 г. почти в три раза[128].

Вместе с тем, таблица № 3.7 свидетельствует о том, что в городской застройке региона окончательно утвердилась традиция каменного капитального строительства. Это отчетливо видно на примере Сургута, характер застройки которого начал кардинально меняться в 1971 г. после ввода первой очереди Домостроительного комбината. Если в 1970 г. в городе было построено 9 пятиэтажных домов, то в 1971 г. — 25, а в 1985 г. — 50 крупнопанельных зданий. Однако и в условиях интенсивного городского строительства властные, общественные и архитектурно-изыскательные структуры продолжали активно искать оптимальные проектные и организационные решения вопросов расселения прибывающего контингента рабочих и специалистов. Примером такого оригинального творческого подхода стало расширение объёмов строительства «устаревшей» 125-й серии «трехлистников», т. н. «малосемеек»[129].

Сторонники такого решения исходили из того, что основным контингентом мигрантов являлись молодые мужчины в возрастном диапазоне от 20 до 40 лет. В 1970–1980-е гг. эта возрастная группа составляла почти 50% населения строящихся городов, а средний возраст горожан, например, в Сургуте равнялся 26,3 годам. В этом возрасте они приезжали преимущественно с ознакомительными целями — либо холостыми, либо без семей. Многочисленные «малосемейки» и «моспроекты» в этих условиях приобретали особенно важное значение для выполнения установок руководящих органов по закреплению кадров на Севере и расселению нефтяников, газовиков и энергетиков в благоустроенные квартиры.

Нижневартовский городской комитет партии, городской исполнительный комитет Совета народных депутатов и городской комитет ВЛКСМ совместно с органами архгосконтроля в 1988 г. выступили с интересной инициативой — создания «Организационного комитета молодежного жилищного комплекса». В 1988–1997 гг. он осуществлял активную работу по строительству жилых домов и объектов социального, культурно-бытового и спортивного назначения в едином комплексе, расположенного по месту жительства и предназначенного для решения воспитательных, бытовых и социально-экономических проблем молодежи[130].

---

[128] Ярошко А. Ф. Первый государственный // Югра. 1997. № 7. С. 17.

[129] «Трехлистник» (125-серия) — дом, состоящий из трёх частей с общей коридорной системой. Данные дома считались быстровозводимыми и строились для временного проживания (типа общежития), а затем уже и для постоянного.

[130] Прищепа А. И. Городское строительство в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (к. 1950-х — сер. 1990-х гг.). С. 154.

125-я серия «трехлистников» продолжала выпускаться в Нижневартовске в объёме 16 тыс. куб. м до 1985 г.[131] Они незначительно отставали от масштабов возведения полнометражных домов и на многие годы явились залогом решения кадрового вопроса в промышленных отраслях нефтегазового комплекса Западной Сибири. В 1997 г. в связи с утратой ВЛКСМ своей ведущей роли в молодежном движении страны нижневартовский «Организационный комитет молодежного жилищного строительства» прекратил свое существование.

Главной причиной хронического дефицита жилья являлась недостаточная мощность строительных организаций, их слабая энерговооруженность. Техническая подготовленность строителей, отражающая оснащенность строительно-монтажных организаций средствами механизации в отношении к среднесписочному составу рабочих, занятых на стройках севера Западной Сибири, составляла 10%, в то время как в центральных регионах СССР она равнялась 28–30%. Производительность труда в строительных организациях Сургута, например, была ниже, чем даже в далеко не южном городе Новосибирске на 22%[132].

Наряду с отмеченной слабостью материально-технической базы строительства, серьёзным фактором, сдерживающим увеличение его объёмов в округе, являлся острый дефицит рабочих кадров строительных подразделений Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Основной формой их комплектования было трудоустройство лиц, уволившихся из других отраслей и составлявших 75% всех принимаемых на работу. Положение усугублялась тем, что до 40% из них не имели необходимой квалификации. Проблема дефицита рабочих рук усугублялась высоким уровнем их текучести. Это являлось закономерным результатом тяжелых условий труда строителей и отсутствия необходимых возможностей для оптимальной организации отдыха. Ротация среди строителей была значительно выше, чем у нефтяников и газовиков, обладавших более весомым социальным пакетом. В 1969 г. в Сургут прибыло 8900 чел., а уехало 5400 чел., что составляло 66% от прибывших[133]. В то время из поступивших в 1966 г. на заводы областного управления промышленности стройматериалов 1015 чел. уволились 1005 работников, почти 100%. В 1967 г. поступили на кирпичные предприятия 697 чел., из которых к концу года уволилось 625 чел. За 9 месяцев 1968 г. численность принятых на работу была меньше количества уволенных: соответственно 614 и 625 чел[134].

Не соответствовали потребностям строительных подразделений и масштабы развития системы профессионально-технического образования в Тюменской области. Так, например, в третьем квартале 1968 г. Госкомитет Совета министров РСФСР направил строительным организациям «Главтюменнефтегазстроя» 570 выпускников профтехучилищ Тюменской области[135], что было крайне недостаточно. В том же году Тюменский обком КПСС в очередном обращении к Госкомитету Совета министров СССР по профессионально-техническому образованию адресовал просьбу о направлении уже из Татарской и Башкирской АССР, а также из других областей и регионов Российской Федерации молодых рабочих строительных специальностей, оканчивающих ПТУ, для работы в строительных организациях нефтяных районов Тюменской области, гарантируя им создание всех необходимых социальных условий для работы[136].

---

[131] МАГС. Ф. 80. Оп. 1. Д. 129. Л. 70.

[132] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 191. Д. 4. Л. 53.

[133] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 191. Д. 73. Л. 47.

[134] ГАТО. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 391. Л. 110.

[135] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 31. Д. 7. Л. 103.

[136] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 191. Д. 73. Л. 47.

Потребность в рабочих кадрах покрывалась в значительной мере и за счет привлечения на производство лиц с криминальным прошлым. Все предприятия Тюменского областного управления промышленности строительных материалов комплектовались «выпускниками» Управления исправительно-трудовых лагерей. Эта мощнейшая организация стала фактически монопольным поставщиком рабочих на предприятия кирпичной продукции. Так, например, на Заводе строительных материалов в 1976 г. из 379 чел. общей численности рабочих 316 относились к категории трудящихся, именуемой «спецконтингент». К нему относились 163 чел. из 243 работающих на кирпичном заводе «Труд». Вольнонаемных рабочих на этих заводах было соответственно всего 25 и 80 чел[137].

О качестве работы «спецконтингента» имеются различные мнения. Так, например, председатель Сургутского исполкома депутатов трудящихся П. А. Мунарев отмечал добросовестную работу досрочно освобожденных граждан. Однако при этом известно, что в 1978 г. из-за допущенного «спецконтингентом» брака произошло обрушение одного из готовых к сдаче жилых домов, расположенных в Сургуте в районе «Арболита»[138].

Во второй половине 1960-х гг. большую роль в обеспечении рабочими кадрами строительства в новых городах на севере Тюменской области начал играть Всесоюзный студенческий отряд. 30 марта 1965 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление о направлении студенческих отрядов в районы нефтяных и газовых месторождений. В Ханты-Мансийский национальный округ первые отряды студентов стали прибывать летом 1965 г. В 1967 г. тюменский областной студенческий отряд включал в себя 8100 представителей 83 вузов из 27 городов России и Украины[139]. В 1970-е гг. более половины состава Всесоюзного студенческого отряда работали на объектах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса[140].

Работа студентов отличалась очень высокой интенсивностью. Особенно напряженно трудились бойцы студенческих отрядов, дислоцированных в Тюменской области. Здесь выработка на одного работника студенческого отряда составляла в 1969 г. 5117 руб., в то время как в строительных отрядах Томской области в том же году была почти в два раза ниже — 2666 руб.[141]

Энтузиазм молодых строителей с их стремлением к достойному заработку часто сопровождался нарушениями правил эксплуатации строительных механизмов и технологии производства, техники безопасности при организации строительных работ, что приводило к производственному травматизму и несчастным случаям, иногда со смертельным исходом. В результате грубейших нарушений организации производства и охраны труда в 1969 г. погиб студент Львовского политехнического института П. П. Саик[142]. 15 июля 1972 г. при разборке лесов произошел обвал строительных конструкций, под завалом которых погиб студент Бережанского техникума механизации и электрификации сельского хозяйства И. Т. Кацан[143].

---

[137] ГАТО. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 92. Л. 73.

[138] Введенский А. Как болгары Сибирь покоряли // Югра. 2004. № 7. С. 29.

[139] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 191. Д. 131. Л. 40.

[140] Баталин Ю. П. Вместо предисловия // История и перспективы градостроительного освоения территории Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 33.

[141] ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 484. Л. 158–158 а.

[142] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 21. Д. 6. Л. 34.

[143] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 24. Д. 4. Л. 17.

Вместе с тем уроки передовых методов управления и технологии строительных работ, несмотря на факты вопиющей бесхозяйственности и неэффективной организации, эксплуатации энтузиазма молодых рабочих, станут бесценным опытом в их дальнейшей трудовой деятельности. Многие активисты студенческих отрядов 1960–1970-х гг. навсегда свяжут свою судьбу с Ханты-Мансийском автономном округом и Тюменской областью. Из их числа выйдет целый ряд крупных руководителей строительства: Л. Рокецкий, В. Игольников, В. Потапов, П. Нидзельский, В. Возняк. Добрую память оставили о себе на сибирской земле А. Мандрийченко, Г. Широков, В. Сокол, В. Михайленко[144].

Рис. 3.36. Сургут. Бойцы студенческого отряда на строительстве школы № 2. 1966 г. Сургутский краеведческий музей

Заметный след в истории городского строительства оставили и специалисты из Народной Республики Болгария. Летом 1976 г. отряд квалифицированных болгарских специалистов прибыл в Ханты-Мансийский национальный округ[145]. Болгарская строительная группа в 1980-е гг. только в Сургуте насчитывала 3 тыс. строителей[146]. Первоначально они были задействованы на строительстве социально-культурных объектов, возводимых «Сургутгазстроем», и монтаже «хрущевских» пятиэтажек. Однако память о себе болгарские строители оставили, главным образом, возведением необычных для стандартов того времени оригинальных восьмиэтажных домов на Набережном проспекте, долгое время считавшихся гордостью Сургута. Кроме Сургута болгарские строителя трудились на многочисленных объектах жилищного строительства в Тюмени, Нефтеюганске, Нижневартовске, Урае, Новом Уренгое и Надыме[147].

В условиях высокой потребности округа в квалифицированных рабочих и специалистах исключительное значение приобретала трудовая деятельность региональных профессионалов капитального строительства. В 1976 г. семь из восьми бригад маляров Сургутского домостроительного комбината обеспечивали ежедневную выработку от полутора до двух с лишним норм. По две с лишним нормы в день выполняли бригады плотников Г. П. Гурина и Г. М. Аржаховского, монтажников К. Ш. Маеровича. Бригада монтажников С. П. Строцева в день монтировала 4,7 м^2 полезной площади на одного рабочего при 1,1 м^2 по плану. Она была близка к наивысшему показателю, достигнутому в южных районах страны, — 5.2 куб. м. Выработка строительно-монтажных работ на одного работающего составила в 1976 г. 14,6 тыс. руб. при плане 13,5 тыс. руб. Выпуск деталей крупнопанельного домостроения в 1976 г. составил 189,5 тыс. кв. м при плане 187,0 тыс. кв. м.[148]

---

144 Шмаль Г. И. Юность комсомольская моя // Соратники: поколение Виктора Муравленко. Тюмень, 2002. С. 377–378.

145 Введенский В. В. Как болгары Сибирь покоряли. С. 29.

146 Введенский В. В. Как болгары Сибирь покоряли. С. 29

147 Введенский В. В. Как болгары Сибирь покоряли. С. 29

148 ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 29. Д. 32. Л. 5.

В 1970-е гг. строители округа руководствовались программой капитального жилищного строительства, очерченной в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятых 21 декабря 1971 г. и 9 февраля 1978 г. В них ведущая роль в строительстве жилья и объектов соцкультбыта отводилась сложившимся центрам нефтяной и газовой добычи. В этих целях предусматривалось значительное увеличение капитальных вложений в жилищное строительство.

Таблица 3.8

Капитальные вложения в жилищное строительство за счет всех источников финансирования (в фактических ценах соответствующих лет)

Годы	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Млрд руб.	0,03	0,06	0,1	0,3	0,5	0,7

Источник: 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник.). Сургут, 1995. С. 172.

После 1970 г. последовало заметное увеличение капитальных вложений в жилищное строительство, возросших в 1990 г. по сравнению с 1970 г. более чем в 10 раз. Рост капитальных вложений способствовал значительному увеличению ввода в действие жилых домов в округе: со 120,8 кв. м в 1965 г. до 928, 6 кв. м в 1990.

Таблица 3.9

Ввод в действие жилых домов в Ханты-Мансийском национальном/ автономном округе (тыс. кв. м общей площади)

Города и поселки	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Всего по округу	120,8	232,6	389,0	742,5	1226,5	928.6
Нефтеюганск		33,8	58,5	100,8	96,9	22,5
Сургут	31,5	50,0	83,4	176,9	253,7	201,2
Нижне-Вартовск	25,4	35,4	123	245,2	210,7	156,5
Урай	19,8	25,6	16,8	38,5	23,4	29,6
Мегион	—	—	—	31,8	57,7	50,1
Ханты-Мансийск	5,0	8,4	10,1	16,2	18,8	19,5
Когалым	—	—	—	—	67,4	63,8
Радужный	—	—	—	—	62,8	37,3
Лангепас	—	—	—	—	52,7	149,7
Нягань	—	—	—	—	44,5	53,7
Белоярский	—	—	—	—	—	20,6

Источник: 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник.). Сургут, 1995. С. 173.

Такое интенсивное городское строительство заметно снижало остроту вопроса обеспеченности населения округа жильем: за относительно короткий период обеспеченность жилой площадью югорчан возросла с 63% до 79%.

Таблица 3.10

Жилой городской фонд Ханты-Мансийского автономного округа (кв. м)

1985 г.			1987 г.			1989 г.		
Наличие	*Потребность*	*Обеспечение*	*Наличие*	*Потребность*	*Обеспечение*	*Наличие*	*Потребность*	*Обеспечение*
2946	33510	63,9%	3281	4235	77,5%	3545	4480	79%

Источник: 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник.). Сургут, 1995. С. 19.

В ходе масштабного градостроительства в округе происходило переформатирование жилищного фонда Тюменской области. Если в 1970 г. на южную часть Тюменской области приходилось 79% всего городского жилищного фонда региона, а жилищный фонд Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов составлял соответственно 18% и 3%, то к 1990 г. доля жилищного фонда Югры превысила удельный вес юга области. Теперь это соотношение выглядело таким образом: 39% — Юг, 43% — Ханты-Мансийский автономный округ, 18% — Ямало-Ненецкий автономный округ[149].

Жилищное строительство являлось решающим фактором ускоренной урбанизации ранее необжитой территории, преодоления «северного барьера» продвижения России на Восток. В Югре в 1965–1996 гг. было построено 15 городов[150].

В ходе их строительства степень урбанизации Ханты-Мансийского автономного округа существенно возросла. Согласно переписи 1959 г., при общей численности населения округа, насчитывающем 123926 чел., в городах проживало 33 тыс. чел., а в сельской местности — 91 тыс., что составляло 27% и 73%[151]., которые позволяют говорить об урбанизации на уровне 27%. В 1991 г. горожан насчитывалось 1176406 чел., а сельчан — 109733 чел., т. е. степень урбанизации возросла до 91,9%[152].

---

[149] Стась И. Н. Капитальное жилищное строительство в Ханты-Мансийском округе в 1960–1980-е гг.// Сибирские строители: события и судьбы. Сб. ст. Всерос. науч. конф. г. Сургут, 25–26 ноября 2016 г. С. 243.

[150] Донгорян Ш. С. Взгляды на градостроительство на севере Западной Сибири // История градостроительного освоения территории Северо-Западного нефтегазового комплекса. М., 2004. С. 190.

[151] Алексеева Л. В. К вопросу об изучении демографических процессов в Ханты-Мансийском национальном округе в 1950-е гг. // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: сб. статей. Т. 1. Социология и история воспроизводства населения России. Екатеринбург, 2016. С. 46.

[152] Статистический ежегодник. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра. (1990–2020). В 2-х ч. Ч. 1 (1). (1990–2016). Тюмень, 2021. С. 106.

Таблица 3.11

Населенные пункты, получившие статус города в 1965–1996 гг.

№	Название города	Основание/ первое упоминание	Год присвоения статуса города
1	Белоярский	1969	1988
2	Когалым	1975	1985
3	Лангепас	1980	1985
4	Лянтор	1932	1992
5	Мегион	1810	1980
6	Нефтеюганск	1961	1967
7	Нижневартовск	1909	1972
8	Нягань	1965	1985
9	Покачи	1984	1992
10	Пыть-Ях	1968	1990
11	Радужный	1973	1985
12	Советский	1963	1996
13	Сургут	1594	1965
14	Урай	1922	1965
15	Югорск	1962	1992

Источник: Города Ханты-Мансийского автономного округа. URL: https://geogoroda.ru/region/hantymansiyskiy-avtonomnie-okrug-ugra (дата обращения: 27.10.2022 г.)

Таким образом, интенсивная геологоразведка на нефть и газ, добыча углеводородного сырья в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре сопровождались масштабным городским строительством. Оно включало в себя поиск оригинальных инженерных и архитектурных решений проектирования и методов застройки северных поселений, выявление месторождений необходимого сырья, формирование индустрии гражданского строительства, решение вопросов благоустройства новых городов и их экологической безопасности.

Строительные организации градообразующих предприятии, труженики структурных подразделений «Главтюменнефтегаза», возглавляемые А. С Барсуковым и Ю. П. Баталиным, сумели решить эти грандиозные задачи и в беспримерно короткий исторический срок создали необходимые социально-бытовые условия промышленного освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции.

Кроме этого, рост обеспеченности жильем тружеников округа имел непреходящее политическое и социально-психологическое значение для участников «второго покорения Сибири». Он вселял уверенность в перспективности избранного правительством экономического курса страны и личного жизненного выбора, создавал условия для их полноценной жизнедеятельности на Севере и закрепления на удаленной территории, сплочению трудовых коллективов, что в конечном итоге предопределило становление крупнейшего в стране топливно-энергетического комплекса, обеспечивающего стабильное геополитическое и надежное военно-стратегическое положение России.

Глава 3

Торговля и бытовое обслуживание

Важнейшим условием обеспечения жизнедеятельности населения выступает система торгового и бытового облуживания. Являясь неотъемлемым компонентом социальной инфраструктуры, она играла особую роль в условиях Севера, формируя жизненную среду обитания. Факторами, определяющими ее значимость, являлась как отдаленность северного региона от промышленных центров и его труднодоступность, дисперсный характер расселения, связанный с низкой плотностью населения, так и отсутствие в северных широтах продовольственной базы, личных подсобных хозяйств и колхозных рынков. В силу этого особую роль приобретала государственная политика, направленная на организацию торгового и бытового обслуживания, позволяющая обеспечить проживающее здесь население необходимыми продовольственными и промышленными товарами, а также сферой бытовых услуг.

Индустриальное освоение территории Ханты-Мансийского национального округа в 1960-е гг. и, прежде всего, нефтегазодобывающих районов, придало мощный импульс социальному развитию региона включая систему торгового и бытового обслуживания. Интенсивный прирост населения РНПО предполагал столь же быстрые темпы формирования системы торгового и бытового обслуживания в новых поселениях. В специфических условиях Севера система торгового обеспечения фактически становилась важнейшим фактором создания жилой среды обитания. От уровня ее организации, оперативности и качества снабжения продовольственными и промышленными товарами во многом зависела приживаемость населения в районах нового промышленного освоения.

На начальном этапе индустриального освоения северного региона торговая сеть в сельских и городских поселениях Ханты-Мансийского национального округа включала 939 предприятий розничной торговли (включая государственные и кооперативные)[153], что было явно недостаточно в условиях активного притока населения в РНПО. Для улучшения создавшейся ситуации партийные и советские органы Тюменской области в 1964–1966 гг. приняли целый ряд постановлений, направленных на улучшение организации торгового обслуживания во вновь осваиваемых районах Севера[154]. В соответствии с ними, параллельно с широким развертыванием геологоразведочных работ и началом разработки нефтегазодобывающих месторождений в районах промышленного освоения, началось формирование торговой системы. Оно было возложено на ведомственные управления рабочего

[153] Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: Стат. сб. М., 1976. С. 403.

[154] Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 2. С. 25–27, 30.

Рис. 3.37. Районный магазин. г. Сургут. 1960 г.
Фото: Н. С. Мотошин. Музей Природы и Человека

Рис. 3.38. Книжный магазин в Ханты-Мансийске. 1950–1960-е гг.
Фото: К. Г. Кузаков. Музей Природы и Человека

Рис. 3.39. Первый овощной магазин в Лангепасе, п. Вахтовый. 1982 г.
Музейно-выставочный центр Лангепасского городского муниципального автономного учреждения Центр культуры «Нефтяник»

снабжения (УРСы) Главтюменнефтегаза, Главтюменьгеологии, Тюменьгазпрома, Миннефтегазстроя и местные торги. Кроме того, в обслуживании населения принимали участие районные подразделения потребкооперации и предприятия торговли лесозаготовительных организаций[155].

Вновь созданные УРСы объединяли 250 отделений, обслуживающих население нефтегазодобывающих районов[156]. Так, торговые предприятия УРСа Главтюменнефтегаза (ГТНГ) обслуживали нефтяников Сургута, Мегиона, Нефтеюганска, Усть-Балыка[157]. Ему было выделено 10 автолавок, 5 походных кухонь, 10 хлебных фургонов. Кроме того, торговля была организована в вагончиках, на теплоходах, в буфетах[158]. Торговое обслуживание нефтяников и строителей в Урае, Сургуте, Мегионе, Нижневартовске, Нефтеюганске взяли на себя и геологи. К 1964 г. геологические организации в местах базирования имели 49 стационарных магазинов и палаток, овощехранилища, складское и холодильное хозяйство[159]. Но этого было явно недостаточно для бесперебойного обеспечения вновь прибывающего населения продовольственными и промышленными товарами.

Параллельно с промышленным и жилищным строительством началось строи-

[155] Куксанова Н. В. Торговое обслуживание трудящихся в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980 гг.) // Урбанизация Советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 77.

[156] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3986. Л. 127, 176.

[157] Куксанова Н. В. Торговое обслуживание трудящихся в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980 гг.) // Урбанизация Советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 177–178.

[158] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4114. Л. 2–3.

[159] Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. Томск, 1988. С. 146.

тельство стационарной сети предприятий торговли. По данным центрального комитета профсоюза работников нефтяной и химической промышленности, за 1964–1965 гг. в округе было сооружено свыше 240 объектов торговли[160]. Несмотря на столь внушительные цифры, отраженные в отчетной документации, существующая торговая сеть не удовлетворяла потребности населения. Об этом свидетельствовали протоколы заседаний Тюменского облисполкома, в которых констатировалось, что развитие торговли в новых городах и посёлках сдерживали медленные темпы строительства магазинов, столовых, хранилищ, складских помещений[161]. Так, по данным отчетной документации, план строительства магазинов за 1964–1965 гг. в нефтегазодобывающих районах Ханты-Мансийского округа был выполнен на 33%, столовых — на 44%, складских помещений — на 20%. Как утверждалось в документах, «многие объекты сдавались с большими недоделками, спустя год после их ввода требовался капитальный ремонт»[162]. Как правило, строились мелкие торговые предприятия по устаревшим проектам, либо без типовых проектов смешанного типа. Так, в УРСе ГТНГ из 50 магазинов только 5 было возведено по типовым проектам[163].

В большинстве имеющихся магазинов была малая площадь торговых залов, магазины не имели подсобных помещений, что затрудняло создание необходимых запасов товаров. По утверждению самих работников торговли, «для бесперебойной организации торговли приходилось ежедневно завозить товары с баз и складов,

Рис. 3.40. Работники первой столовой Нижневартовского газоперерабатывающего завода. 1972 г. Нижневартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева

Рис. 3.41. Столовая в посёлке строителей «Хвойный» СУ-16 треста «Сургуттрубопроводстрой». 1978 г. Фото: В. И. Загваздин. Музей Природы и Человека

[160] ГАРФ Ф. Р-5470. Оп. 29. Д. 2007. Л. 42.

[161] ГАТО. Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 3947. Л. 5, 72, 73, 77.

[162] ГАТО. Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4129. Л. 41, 46.

[163] Куксанова Н. В. Торговое обслуживание трудящихся в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980 гг.) С. 178.

Рис. 3.42. Столовая № 25 ГРЭС-2. г. Сургут. 1986 г.
Сургутский краеведческий музей

что не всегда было возможно сделать из-за бездорожья»[164]. Нагрузка в магазинах на одно рабочее место в 5–7 раз превышала существующие нормы. «Предприятия торговли зачастую находились в приспособленных помещениях, занимая одно-двухквартирные дома, а торговые залы нередко превращались в складские помещения из-за их отсутствия. Продажа картофеля и овощей осуществлялась непосредственно в хранилищах»[165]. Это была далеко неполная картина организации торговли в начальный период промышленного освоения северного региона.

Учитывая специфику труда в отраслях нефтегазодобывающей промышленности, уже на начальном этапе формирования ЗСНГК параллельно со стационарной сетью торговли создавались передвижные вагон-магазины и вагон-столовые. Кроме того, организовывались выездные формы торговли через автолавки и павильоны, а для улучшения торгового снабжения населения сельских районов и геологических партий — «самоходные» магазины[166].

В целях улучшения торгового обеспечения населения новых городских поселений Тюменский обком партии в 1966 г. принимает специальное постановление, согласно которому для строительства и расширения торговой сети в РНПО было рекомендовано использовать 5% отчислений от жилищного строительства и ссуды государственного банка[167]. Результатом реализации принятых решений стало создание к началу 1970-х годов разветвленной сети торгового обслуживания. Так, УРС ГТНГ имел более 100 магазинов, 80 столовых и кафе; УРС Главтюменнефтегазстроя (ГТНГС) — 74 магазина и 46 столовых[168]. Торговая сеть за 1966–1970 гг. на территории северного округа, по данным статистики, увеличилась на 150 ед., достигнув 1089 предприятий розничной торговли[169]. Дальнейшее развитие получили передвижные формы торговли — вагон-магазины, столь необходимые при строительстве нефтепроводов. Однако в целом материальная база торговли была по-прежнему слабой, поскольку значительную часть торговых предприятий составляли временные сооружения. Например, 50% складских помещений УРСа нефтяников относились к категории «временных», а 30% магазинов находились на грани закрытия[170].

Динамичное развитие нефтегазодобывающей промышленности и сопряженных с ней отраслей в 1970-е гг. сопровождалось столь же быстрым ростом населения в РНПО, что диктовало

[164] ГАТО. Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4077. Л. 89–90.

[165] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 4588. Л. 84, 142; Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4129. Л. 8, 55–56; Д. 4077. Л. 89–90.

[166] ГАТО. Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4077. Л. 83–84.

[167] ГАТО. Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4288. Л. 93.

[168] РГАЭ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 2116. Л. 20,21.

[169] Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: Стат. ежегодник. М., 1976. С. 403.

[170] ГАРФ. Ф. Р-5470. Оп. 29. Д. 3476. Л. 102.

необходимость увеличения торговой сети и совершенствования торгового обслуживания. В 1970–1975 гг. число предприятий розничной торговли в округе выросло с 1089 до 1398, число предприятий общественного питания увеличилось почти вдвое — с 418 до 800 ед[171]. Однако темпы развития торговой сети по-прежнему отставали от темпов прироста населения. В результате обеспеченность жителей новых поселений торговыми предприятиями в середине 1970-х гг. составляла менее половины нормативной. Так, если в областном центре этот показатель достигал 87%, то в Нижневартовске — 51%[172]. Большой удельный вес по-прежнему составляли небольшие предприятия с площадью торговых залов 10–18 кв. м.[173] По данным ЦК профсоюза работников нефтяной и газовой промышленности, в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири на начало 1975 г. недоставало 33 тыс. кв. м магазинов, 35,5 тыс. т хранилищ, 65 тыс. т холодильников[174].

Рис. 3.43. Один из первых продовольственных магазинов ОРСа № 6 в Сургуте. Продуктовый отдел. 1966 г.
Фото: А. Ф. Мясников. Сургутский краеведческий музей

Рис. 3.44. Магазин «Геолог». Ханты-Мансийск. 1990 г.
Фото: Н. С. Мотошин. Музей Природы и Человека

Во второй половине 1970-х гг. реализация государственного курса на ускоренное развитие топливно-энергетического комплекса Западной Сибири и преодоление диспропорций в промышленном и социальном развитии РНПО привела к улучшению материально-технической базы торговли. На строительство объектов торговли в нефтегазодобывающих районах Югры правительством было выделено 18,0 млн руб., что было в 3,6 раза больше по сравнению с объёмом капиталовложений первых лет освоения[175]. Принятые меры позволили за 1976–1980 гг. увеличить торговую сеть северного региона

[171] Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. М., 1976. С. 401, 403.

[172] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5505. Л. 69.

[173] Куксанова Н. В. Торговое обслуживание трудящихся в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980 гг.). С. 179.

[174] ГАРФ. Ф. Р-5470. Оп. 29. Д. 4083. Л. 197.

[175] Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. Томск, 1988. С. 238.

Рис. 3.45. У промтоварного магазина в с. Ларьяк жители грузят на оленью упряжку купленный телевизор. 1976 г. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска

Рис. 3.46. Магазин «Детский мир». Прилавки с товаром. Нижневартовск. 1985 г. Нижневартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева

Рис. 3.47. Магазин «Универмаг», 6 микрорайон города Нефтеюганска. 1970–1980-е гг. Историко-художественный музейный комплекс. Нефтеюганск

на 432 единиц. К началу 1980-х гг. в округе уже функционировало свыше 2600 предприятий торговли и общественного питания[176].

Наиболее значительным был прирост торговой сети в новых городских поселениях Севера. Так, если в Мегионе — относительно «старом» центре нефтедобычи — число торговых предприятий за этот период выросло в 2,7 раза, то в Лангепасе, получившем статус города в 1985 г., — в 8,5 раза[177]. Значительно возросло число предприятий передвижного типа, что было вызвано увеличением строительства нефте- и газопроводов. Если в середине 1970-х гг. в УРСе ГТНГ удельный вес предприятий передвижного типа составлял немногим более 50%, то к середине 1980-х гг. он достиг почти 80%[178].

В 1980-е гг. продолжилось строительство специализированных магазинов. Первые специализированные магазины в Ханты-Мансийске появились в середине 1960-х гг., однако число их было незначительным. Во многом это было связано со слабой материальной базой торговых предприятий и, прежде всего, с небольшой торговой площадью магазинов[179]. В целом по Тюменской области в начале 1970-х гг. всего 13% от общего числа продовольственных магазинов и 26% магазинов «промтоваров» относилось к категории специализированных. К середине 1970-х гг. их число увеличилось соответственно до 17% и 40%[180]. В середине

[176] Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. М., 1988. С. 417.

[177] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень, 2002. С. 139.

[178] ГАТО. Ф. Р. 1861. Оп. 1. Д. 2175. Л. 118.

[179] Куксанова Н. В. Торговое обслуживание трудящихся в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980 гг.). С. 180.

[180] Тюменская область в цифрах. 1971–1975. Свердловск, 1976. С. 113.

1980-х гг. уже около 60% магазинов «промтоваров» относились к категории специализированных. Новым явлением в развитии торговли в городах-новостройках в 1980-е гг. становится строительство в Сургуте и Нижневартовске крупных универмагов на 1200 кв. м[181].

Вместе с тем, несмотря на столь внушительные цифры роста и улучшение торгового обслуживания, проблема недостаточной обеспеченности торговыми площадями населения округа сохранялась. В середине 1980-х гг. в магазинах Сургута она составляла 59% от нормативной, Нягани — 56%, Нефтеюганска — 54%, Когалыма — 41%, Лангепаса — 31,4%[182]. Ни в одном городе и рабочем посёлке Тюменского севера к середине 1980-х гг. не было торгового зала, специально построенного для продажи овощей. Не хватало хранилищ и складских помещений.

Рис. 3.48. Открытие нового магазина. Нефтеюганск. 1980-е годы. Историко-художественный музейный комплекс. Нефтеюганск

Рис. 3.49. Вид на магазин «Молоко» по улице Нефтяников, дом 66. Нижневартовск. Конец 1980-х гг. Фото: Ю. Ипполитов. Нижневартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева

Основным фактором, сдерживающим развитие торговой системы в регионе, являлась политика ведомств, участвующих в освоении северных территорий и недооценивающих значимость социальной сферы. Проявлением этой политики становилось систематическое невыполнение капитальных вложений, направленных на строительство объектов торговли, а также невыполнение планов их строительства. Сроки сооружения объектов торговли в 2–3 раза превышали нормативные, а капиталовложения, направленные на развитие торговли, в среднем осваивались на 60–65%[183]. В условиях интенсивного промышленного освоения региона, значительного миграционного притока существующая торговая система не могла в полной мере удовлетворить возрастающие потребности населения. Уровень обеспеченности магазинами в новых городах и рабочих посёлках составлял в середине 1980-х гг. в среднем 35–60% от нормативного. В этих условиях в РНПО наряду со стационарной сетью предприятий торговли сооружались «временные», расположенные подчас в вагончиках и подобных сооружениях, которые появились еще в начальный период освоения.

---

[181] Тюменская правда. 1982. 17 января, 13 февраля.

[182] Аверин А. Н., Антропов Е. П. Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. М., 1988. С. 46.

[183] Аверин А. Н., Антропов Е. П. Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. С. 48.

Значительную долю они составляли в ведомственных торговых организациях нефтяников и строителей. Если торговая площадь стационарных магазинов была в среднем 70–80 кв. м, то во «временных» она не превышала 16–18 кв. м[184]. Это не позволяло на должном уровне использовать технологическое оборудование и затрудняло внедрение новых прогрессивных форм организации торговли и обслуживания. Гораздо ниже был уровень обеспеченности предприятиями торговли в сельских населённых пунктах, где в основном проживало коренное население Севера. Организация шефской помощи нефтегазодобывающих управлений позволяла лишь частично решить проблему его торгового обеспечения. Кроме того, в РНПО материально-техническая база торговли в значительной мере отставала от темпов роста товарооборота.

Рис. 3.50. Продовольственный магазин. Нижневартовск. Конец 1980-х гг. Нижневартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева

Одним из важнейших компонентов социально-бытовой инфраструктуры являлось бытовое обслуживание населения. Во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. сфера бытовых услуг Ханты-Мансийского округа была представлена небольшими и зачастую находившимися в ветхих помещениях мастерскими и парикмахерскими УРСа комбината Тюменьлес, облрыболовпотребсоюза, райпромкомбината[185]. Слабая материальная база предприятий бытового обслуживания, низкий уровень квалификации кадров не удовлетворяли запросы населения северного региона. В начальный период промышленного освоения северного региона в районах, где начиналась нефтедобыча — Нефтеюганске, Мегионе, Нижневартовске, Шаиме, предприятий службы быта вообще не было[186].

В 1964–1965 гг. областными органами власти принимаются организационные решения как по открытию предприятий службы быта в РНПО, так и по совершенствованию самой системы бытового обслуживания[187]. В северном округе были созданы комбинаты бытового обслужива-

[184] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). С. 145.

[185] ГАТО. Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4304. Л. 64.

[186] ГАТО. Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 3947. Л. 133.

[187] ГАТО. Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4304. Л. 64.

ния, которые объединили действующие мастерские. В рабочих посёлках нефтяников и лесозаготовителей — Мегионе, Нефтеюганске, Кондинском, Комсомольском были организованы филиалы комбинатов. Одновременно с созданием КБО открывались специализированные ателье и мастерские, оснащенные новым технологическим оборудованием. Кроме того, оказание бытовых услуг было возложено на УРСы ГТНГ, ГТНГС Геологического управления[188].

Принятые решения позволили несколько улучшить бытовое обслуживание округа, в том числе в районах нового промышленного освоения. В 1964–1965 гг. в Ханты-Мансийском национальном округе было построено 178 предприятий службы быта, из них 4 типовых КБО[189]. Всего в округе на конец 1965 г. насчитывалось 328 предприятий бытового обслуживания[190]. Вместе с тем, темпы строительства объектов службы быта отставали от динамики роста населения. Так, в Нижневартовском районе в 28 населённых пункта, в которых проживало 13 тыс. чел., имелось только 2 парикмахерских и 3 швейных мастерских[191]. Кроме того, большинство вновь открытых предприятий службы быта в новых городских поселениях находились в приспособленных помещениях, в основном, в жилых домах. Не способствовал повышению бытового обслуживания и уровень организации труда. В результате односменной работы и недостатка кадров производственные площади использовались лишь на 60–65%. Поэтому работа значительной части мастерских и ателье была убыточной[192].

В 1966–1967 гг. вопросы улучшения бытового обслуживания населения РНПО Западной Сибири были дважды предметом обсуждения коллегии Министерства бытового обслуживания РСФСР. В ходе их работы были приняты решения о необходимости устранения недостатков в работе службы быта региона в кратчайшие сроки[193]. Результатом принятых решений явилось создание Тюменского областного управления бытового обслуживания, которое направило свои усилия на укрепление материально-технической базы существующих предприятий бытового обслуживания в районах нефтегазодобычи и строительство новых объектов. Для мастерских и ателье Ханты-Мансийского национального округа было приобретено технологическое оборудование на сумму 50,4 тыс. руб., что позволило установить на предприятиях службы быта в Урае, Нефтеюганске, Нижневартовске свыше тысячи единиц оборудования. Было внедрено 76 прогрессивных технологических процессов, в результате чего освоено свыше 100 новых видов обслуживания[194]. В 1966–1970 гг. число предприятий сферы услуг на территории северного округа выросло в 1,3 раза, достигнув 435 ед. (таблица 3.12). Вместе с тем, по свидетельству документов Тюменского облисполкома, «пренебрежение ведомств, участвующих в промышленном освоении ХМАО к развитию сферы обслуживания привело к невыполнению решений, принятых Министерством бытового обслуживания РСФСР об организации при УРСах и ОРСах мастерских по ремонту обуви и одежды, парикмахерских в населённых пунктах нефтегазодобычи, где отсутствовали бытовые предприятия»[195].

---

[188] ГАТО. Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4304. Л. 64; Д. 4129. Л. 39, 40.

[189] Тюменская правда. 1967. 27 октября.

[190] Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970): Стат. сб. Омск, 1971. С. 263.

[191] ГАТО. Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 3976. Л. 6.

[192] Тюменская правда. 1966. 27 января.

[193] Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. С. 149.

[194] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5026. Л. 92, 121.

[195] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5026. Л. 9.

Рис. 3.51. Первая парикмахерская в Нефтеюганске. 1964 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

Рис. 3.52. Парикмахерская в Нижневартовске. 1976 г. Музейный комплекс имени Ивана Яковлевича Словцова. Музейный фонд. Госкаталог

Задача дальнейшего развития и совершенствования системы бытового обслуживания сохранялась на протяжении 1970–1980-х гг. Это было обусловлено, прежде всего, возросшими темпами хозяйственного освоения северной территории и значительным увеличением численности населения новых городов и посёлков округа. Вместе с тем, в 1970-е гг. происходило снижение темпов развития отрасли. Число предприятий службы быта на территории округа за 1970-е гг. выросло с 435 до 543 ед. (таблица 3.12). То есть абсолютный прирост за десятилетие составил 108 ед. Следует отметить, что снижение темпов роста предприятий бытового обслуживания в 1970-е гг. было характерно как для северного региона, так и для Западной Сибири и РСФСР[196].

Развитие системы бытового обслуживания в округе по-прежнему сдерживали медленные темпы строительства. Так, к 1975 г. пятилетнее задание по сооружению бань нефтяниками было выполнено на 19%, строителями — на 9,2%. Ввод ведомствами прачечных составил около 20%[197]. Ведомственные бытовые предприятия располагались зачастую в приспособленных помещениях. В новых городских поселениях Севера к середине 1970-х годов мастерские и ателье имели в среднем 20–30% от нормативной производственной площади. Имеющаяся в округе сеть бытовых предприятий обеспечивала потребности населения менее чем на 50%. Она была значительно меньше в сельской местности, где проживало коренное население Севера[198].

Необходимость коренного улучшения работы сферы бытового обслуживания была очевидна. В начале 1980-х гг. в области была проведена реорганизационная перестройка отрасли: КБО были преобразованы в производственные управления, созданы производственные

[196] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). С. 154.

[197] ГАТО. Ф. 1809. Оп. 2. Д. 75. Л. 212; Ф. 1894. Оп. 1. Д. 665. Л. 5, 10.

[198] О выполнении решений XXV съезда КПСС по улучшению условий труда и быта населения районов добычи нефти и газа // Тюменская правда. 1976. 30 сентября.

объединения, диспетчерские службы[199]. На строительство и техническую оснащенность предприятий службы быта в области в 1981–1985 гг. было направлено 12,9 млн рублей (для сравнения: объёмы финансирования в 1971–1975 гг. составляли 11 млн руб.). Кроме того, на развитие отрасли направлялось 4% отчислений от жилищного строительства[200].

В результате принятых мер только за 1981–1985 гг. количество предприятий службы быта в основном за счет нового строительства увеличилось в округе с 547 до 794 единиц[201]. Значительные изменения произошли в материальной базе бытовой отрасли. В области было внедрено 4,8 тыс. единиц технологического оборудования, что позволило освоить новые виды бытового обслуживания населения и увеличить объём услуг.

Характеризуя развитие бытовой отрасли в 1960–1980-е гг. на территории Ханты-Мансийского автономного округа, следует отметить ее существенные изменения. Так, если в целом по Тюменской области число предприятий бытового обслуживания за период с 1965 по 1985 гг. выросло в 1,8 раза, то в округе — в 2,4 раза.

Таблица 3.12

Число предприятий бытового обслуживания в Тюменской области в 1965–1985 гг. (единиц, на конец года)

	1965	1970	1975	1980	1985	1985 г. к 1965 г., раз
Тюменская область	1349	1782	1925	1958	2444	1,8
В том числе Ханты-Мансийский национальный/автономный округ	328	435	498	543	794	2,4

Источник: Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.): Стат. сб. Омск, 1971. С. 17; Тюменская область в цифрах. 1971–1975 гг. С. 7; Тюменская область в цифрах 1981–1985 гг.: Стат. сб. Свердловск, 1987. С. 57; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. М., 1988. С. 431.

Вместе с тем, эти количественные показатели не являются основанием объективного представления о состоянии обеспеченности населения северного региона бытовыми услугами. По всеобщему утверждению, сфера бытового обслуживания в новых городских поселениях являлась одной из менее развитых отраслей. Реальная обеспеченность населения предприятиями службы быта в РНПО Югры в середине 1980-х гг. составляла в среднем около 40% от нормы, а оснащенность производственными площадями бытовых предприятий была в среднем около 60% от нормативной. Многие из них находились в приспособленных помещениях[202].

---

[199] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). С. 155.

[200] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). С. 156.

[201] Тюменская область в цифрах 1981–1985 гг.: Стат. сб. С. 57

[202] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). С. 158.

Таким образом, интенсивное промышленное освоение Югры сопровождалось динамичным развитием отраслей социально-бытовой инфраструктуры северного региона, что находило отражение, как в количественных показателях, так и в совершенствовании организации торгового и бытового обслуживания. Однако динамика развития этих отраслей значительно уступала темпам прироста населения, что вело к низкому уровню обеспеченности жителей округа предприятиями торговли и бытового обслуживания. Наиболее напряженно ситуация складывалась в районах нового промышленного освоения и сельских районах округа. Вместе с тем, формирующаяся в РНПО система торгового обслуживания учитывала специфику труда в отраслях нефтегазодобывающей промышленности, связанную с «полевыми» условиями работы, организуя выездные формы обслуживания. В 1970–1980-е гг. происходил постепенный переход к новым прогрессивным формам организации торговли, связанный с созданием специализированных магазинов и магазинов самообслуживания. Однако сдерживающим фактором перехода к новым прогрессивным формам торговли являлась недостаточная техническая оснащенность торговых предприятий. Менее динамично развивалась сфера бытового обслуживания населения.

Диспропорции между предлагаемыми сферой торговли и быта объёмом, ассортиментом, качеством товаров и услуг и реальными потребностями населения сохранялись на протяжении всего периода 1960–1980-х гг.

Глава 4

Повседневность югорчан: трансформация уровня и качества жизни

В качестве главной цели социальной политики советского государства провозглашалось повышение народного благосостояния, которое предполагало, прежде всего, рост уровня жизни его граждан. Для районов севера Западной Сибири решение этой задачи имело особое значение. Суровые природно-климатические условия, отдаленность от промышленных и культурных центров обуславливали необходимость принятия компенсирующих мер, направленных на выравнивание жизненного уровня населения северных территорий с другими регионами страны. Так, по данным НИИ труда, индекс стоимости жизни для районов, приравненных к Крайнему Северу, включающих территорию Ханты-Мансийского автономного округа, по отношению к европейским районам страны составлял 1,2–1,3. По расчетам экономистов, удорожание стоимости жизни в этих районах Западной Сибири по сравнению с центром составляло 35%[203].

В научной литературе категория «уровень жизни» ассоциируется чаще всего «с уровнем потребления населением благ и услуг»[204]. Поэтому для его характеристики чаще всего используют систему показателей, отражающих объём и структуру потребления материальных и культурных благ. Показатели уровня жизни включают только количественные характеристики, не затрагивая качественные параметры потребляемых благ. Последние отражаются в категории «качество жизни».

Промышленное развитие территории Югры сопровождалось значительными изменениями уровня и качества жизни населения округа. Отсутствие в районах Севера трудовых ресурсов, необходимых для освоения природных богатств региона, предопределило создание здесь таких социально-экономических условий, которые могли бы стать фактором привлечения и закрепления на территории округа трудоспособного населения из других регионов. Поэтому необходимость повышения жизненного уровня населения Ханты-Мансийского округа выходила за рамки региональной проблемы и являлась задачей общегосударственного масштаба. В основу государственной политики по привлечению трудовых ресурсов в районы промышленного освоения Севера Западной Сибири было положено регулирование ***заработной платы и других денежных доходов*** с учетом региональной специфики условий жизни населения.

---

[203] Ефимкин М. М. Социальное развитие рабочего класса Сибири (1959–1980 гг.). Новосибирск, 1989. С. 23.

[204] Потребности, доходы, потребление. М., 1979. С. 12.

5 ноября 1957 г. Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы принял постановление о материальном стимулировании тюменских геологов. Специальной инструкцией для всех геологоразведок региона устанавливалась сумма единовременных денежных выплат до 500 руб., тогда как в остальной части СССР она не должна была превышать 340 руб.[205] По данным тюменского историка В. П. Карпова, в 1957–1961 гг. месячные вознаграждения сургутских геологов, как правило, превышали сумму в 100–200 руб. При этом средняя заработная плата рядового геологоразведчика составляла 600–700 руб. Старший буровой мастер геологоразведочной партии получал 2000 руб.[206]

В начальный период формирования ЗСНГК постановлением Совета Министров СССР от 10 октября 1967 г. были установлены более высокие районные коэффициенты заработной платы для территорий Крайнего Севера и местностей, приравненных к ним. Так, если в южных районах Западной Сибири районный коэффициент к основному окладу составлял 1,5, то в районах Севера (в зависимости от территории) — 1,6–1,7[207]. Тем самым, роль компенсатора межрегиональных различий в стоимости жизни отводилась системе районных коэффициентов.

Кроме того, трудовое законодательство СССР (КЗОТ от 9 января 1971 г.) определяло систему льгот в области труда для работников, работающих в условиях Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Она включала надбавку к заработку, размер которой возрастал с увеличением стажа непрерывной работы на Севере, предоставление дополнительного отпуска сверх установленных ежегодных отпусков: в районах Крайнего Севера — продолжительностью 18 рабочих дней, а в местностях, приравненных к ним — 12 дней. Работникам, проработавшим на Севере не менее 15 календарных лет, предоставлялись льготы или назначались пенсии — мужчинам по достижении ими 55 лет, женщинам — 50 лет[208]. Все эти вознаграждения были направлены на выравнивание социально-территориальных различий, обусловленных, прежде всего, сложными природно-климатическими факторами.

Система северных надбавок, установленная для работающих в нефтегазодобывающих районах Югры, служила важным средством кадровой политики, направленной на стабилизацию трудовых ресурсов. Однако она была довольно сложна и дифференцирована в зависимости от занятости работников в той или иной отрасли. Например, у лиц, занятых в сфере образования, медицины, культуры, надбавки к заработной плате были значительно ниже, чем у работающих в нефтегазодобывающих отраслях, в том числе относящихся к обслуживающему техническому персоналу. В равной степени это относилось и к работникам, занятым в сфере обслуживания: торговле, общественном питании, коммунальном хозяйстве, бытовом обеспечении. К примеру, в Сургутском районе в середине 1960-х гг. действовало шесть систем оплаты труда: у лесорубов, рыбаков, советских работников — 30%-ная надбавка к зарплате; у речников и авиаторов — 50%; у нефтяников и строителей — 70%; у геологов — 100% (вместе с полевыми); у строителей нефтепроводов — 120% (вместе с полевыми)[209].

Уровень жизни населения в значительной мере определялся размером денежных доходов. По утверждению экономистов, в структуре денежных средств городских жителей Западной Сибири в 1960–1980-е гг. около 87% всего дохода работающего населения приходилось на

---

[205] Карпов В. П. Анатомия Тюменского подвига. Тюмень, 2014. С. 37

[206] Карпов В. П. Анатомия Тюменского подвига. С. 38.

[207] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 6. С. 608–610.

[208] Кодекс законов о труде РСФСР. М., 1986. С. 85, 250, 251.

[209] Карпов В. П. Анатомия Тюменского подвига. С. 39.

заработную плату, 5% составляли различные приработки, 7% поступало из общественных фондов потребления в виде пенсии и различных пособий[210]. Таким образом, подавляющая часть денежных доходов формировалась за счет заработной платы.

В начале промышленного освоения Севера (1965 г.) средняя месячная заработная плата рабочих и служащих Тюменской области составляла 102,5 руб., что было немногим выше союзного (96,5 руб.) и республиканского (99,0 руб.) показателей. При этом самая высокая заработная плата была у работающих в строительстве и на транспорте (124,7 руб.), самая низкая — у работников сферы культуры (65,7 руб.), здравоохранения и социального обеспечения (82,7 руб.)[211]. Вместе с тем, средняя месячная заработная плата рабочих и служащих Ханты-Мансийского округа в 1965 г. была в 1,6 раза выше среднеобластного уровня, составляя 164 руб.[212]

Первое десятилетие индустриального освоения северного региона (1965–1975 гг.) привело к значительному росту средней месячной заработной платы. В целом по области она выросла в 2,1 раза, значительно обогнав по темпам роста союзные, республиканские и западносибирские показатели. Высокие темпы роста заработной платы были характерны для таких отраслей экономики региона, как строительство, транспорт и промышленность. Здесь рост составил 2,4; 2,3 и 2,0 соответственно. Более низкими темпами, несмотря на скромные стартовые данные, росла заработная плата работников здравоохранения и культуры. За десятилетие ее рост составил соответственно 1,6 и 1,8. Например, среднемесячная заработная плата у работников, занятых в строительстве, равнялась 304,9 руб., тогда как у работников культуры — 115,2 руб.[213] В то же время среднемесячная заработная плата рабочих и служащих Ханты-Мансийского национального округа к 1975 г., по данным статистики, достигла 296 руб.[214]

За двадцатилетие (1965–1985 гг.) средняя месячная заработная плата рабочих и служащих в целом по Тюменской области выросла почти в 3,3 раза (с 102,5 руб. до 337,6), тогда как по СССР этот показатель составил 1,9 (таблица 3.13). Самые высокие темпы роста заработной платы, а равно и ее уровень, были у работающих в таких отраслях экономики региона, как «строительство» и «транспорт». По данным статистики, средняя месячная заработная плата у работающих в строительстве составила в 1985 г. 439,1 руб., у работающих на транспорте — 426 руб.[215] Высокий уровень заработной платы был характерен, прежде всего, для работающих, занятых в строительстве нефте- и газопроводов. Так, уровень заработной платы в трудовых коллективах Главсибтрубопроводстроя — крупнейшей организации Севера, занимающейся строительством нефте- и газопроводов, в 1985 г. в 2,3 раза превышал общесоюзный уровень для рабочих, занятых в строительстве. В целом по главку заработная плата достигала в среднем 568 рублей в месяц, что было на 40–45% выше среднего для организаций Миннефтегазстроя[216]. Это было во многом обусловлено спецификой труда, связанной с выездным характером работы в суровых природно-климатических условиях Севера.

---

[210] Благосостояние городского населения Сибири. Проблемы дифференциации (Опыт социологического изучения). Новосибирск, 1990. С. 61.

[211] Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет: Стат. сб. Тюмень, 1987. С. 94; Народное хозяйство СССР. 1922–1982. М., 1982. С. 405; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. М., 1977. С. 211.

[212] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1 Д. 5647. Л. 141.

[213] Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет: Стат. сб. С. 94.

[214] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1 Д. 5647. Л. 141.

[215] Тюменская область в цифрах за 1986–1989 гг.: Стат. сб. Тюмень,1991. С. 67.

[216] Алексеев В. В., Логунов Е. В., Шабанов П. П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири. Свердловск, 1986. С. 127, 130.

Таблица 3.13

Средняя месячная заработная плата рабочих и служащих, руб.

Административно-территориальная единица	1965	1970	1975	1980	1985	1985 к 1965, в %
Всего по народному хозяйству СССР	96,5	122,0	145,8	168,9	190,1	196,9
РСФСР	99,0	126,1	153,2	177,8	…201,4	…201,8
Западно-Сибирский экономический район	—	128,5	169,8	203,5	—	—
Тюменская область	102,5	149,0	215	280,5	337,6	329,3

Источник: Народное хозяйство СССР. 1922–1982 гг. М., 1982. С. 405; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: Юбилейный стат. ежегодник. М., 1977. С. 211; Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М., 1986. С. 397; Народное хозяйство РСФСР в 1987 г.: Стат. ежегодник. М., 1988. С. 371; ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 236. Д. 122. Л. 34; Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет: Стат. сб. Тюмень, 1987. С. 15; Тюменская область в цифрах за 1986–1990 гг.: Стат. сб. Тюмень, 1991. С. 67.

Во второй половине 1980-х гг. сохранялась тенденция, связанная с увеличением среднемесячной заработной платы у работников, занятых на транспорте и строительстве. К 1990 г. она достигла соответственно 630,4 и 620,6 руб., тогда как у рабочих и служащих, занятых в сфере промышленности Тюменской области в целом, этот показатель составил 496,4 руб.[217]

Увеличение заработной платы в РНПО севера Западной Сибири происходило двумя путями: во-первых, за счет роста производительности труда и повышения уровня его квалификации; во-вторых, за счет введения районных коэффициентов и различного рода надбавок. Северные надбавки выплачивались работникам, имеющим непрерывный стаж работы на предприятиях северных районов, и возрастали (до определенного предела) с увеличением трудового стажа. Кроме того, существовали выплаты и компенсации за мобильный режим работы: работающим вне города выплачивались «полевые», надбавка «за передвижной характер работы». Все это создавало потенциальную возможность повышения заработной платы и выступало фактором привлечения трудовых ресурсов. Поэтому отнюдь не случайно среди ведущих факторов переезда в северные широты социологи выделяли «рублевый» интерес, связанный со стремлением значительной части мигрантов «заработать на Севере». По мнению тюменского историка И. Н. Стася, «города нефтяного региона продолжают населять жители двух типов… 1) горожане, привязанные к суровому краю “длинным рублем” и 2) укоренившиеся на севере… для которых земля нефтяников стала родным домом»[218].

Параллельно с ростом заработной платы увеличивались и общие денежные доходы населения. В целом по Тюменской области денежные доходы на душу населения за период с 1965 по 1985 гг. выросли с 603 до 2698 руб., т. е. почти в 4,5 раза. Более значительными были темпы роста денежных доходов в первое десятилетие освоения северного региона (1965–1975 гг.), когда они увеличились в 2,6 раза; некоторое замедление их приходилось на второе

[217] Тюменская область в цифрах за 1986–1990 гг.: Стат. сб. Тюмень, 1991. С. 67.

[218] Стась И. Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е — начало 1990-х гг.). Курган, 2018. С. 150.

десятилетие — 1,7 раза[219]. Более высокие денежные доходы имели работающие в базовых отраслях региона. Так, по данным В. В. Алексеева и Е. В. Логунова, 87,5% семей рабочих Главсибтрубопроводстроя в середине 1980-х гг. располагало доходом свыше 100 руб. на человека в месяц, а 36,1% — свыше 200 руб.[220]

Таким образом, индустриальное освоение Югры не только коренным образом изменило социальную структуру ее населения, но и привело к значительному увеличению денежных доходов большей части работающих. Если в 1960 г. денежные доходы населения Тюменской области были самыми низкими среди других экономических районов Западной Сибири, составляя 385,9 руб. в расчете на душу населения, в то время как в Западно-Сибирском регионе они достигали 433,5 руб., то уже к 1970 г. они поднялись до 969,3 руб. Это было значительно выше западно-сибирских показателей, которые равнялись 876,2 руб.[221] За период с 1986 по 1990 гг. денежные доходы населения Тюменской области в целом выросли с 7977 до 12862 млн руб.[222]

Одним из показателей улучшения жизненного уровня населения являлся рост сбережений. Сбережения, только учтенные по ***вкладам населения в сберегательные кассы***, выросли по Тюменской области в 1960-е 1980-е гг. годы в 15 раз. Для сравнения: в Омской и Новосибирской областях этот рост составил 8, Кемеровской — 10 раз[223]. В целом по Тюменской области за 1965–1985 гг. сумма вкладов населения увеличилась в 26 раз, в том числе жителей городской местности — в 37,6 раз, составив 2,2 млрд рублей. Темпы роста вкладов населения Тюменской области значительно опережали союзные и республиканские показатели.

Таблица 3.14

Вклады населения Тюменской области в сберегательные кассы (на конец года)

Вклады населения	1965	1970	1975	1980	1985	1985 г. к 1965 г., раз
Сумма вкладов, млн руб.	85,0	255,0	642	1317	2215	26
из них в городских селениях	47,0	158,0	427	989	1766	37,6
Средний размер вклада, в руб.	262	521	876	1118	1346	5,1
из них в городских селениях	266	535	910	1256	1399	5,2

Источник: Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет: Стат. сб. Тюмень,1987. С. 15; Тюменская область в цифрах. 1976–1980 гг.: Стат. сб. Свердловск, 1981. С. 14–15.

[219] Тюменская область в цифрах. 1971–1975 гг: Стат. сб. Свердловск, 1976. С. 7; Тюменская область в цифрах 1981–1985: Стат. сб., Свердловск 1987. С. 7; Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет: Стат. сб. Тюмень, 1988. С. 15. Подсчет Н. Ю. Гавриловой.

[220] Алексеев В. В., Логунов Е. В., Шабанов П. П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири. Свердловск, 1986. С. 131.

[221] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 2442. Л. 16–18.

[222] Тюменская область в цифрах за 1986–1990 гг.: Стат. сб. С. 66.

[223] Рафикова С. А. Динамика денежных доходов и расходов населения Западной Сибири в 1960-годы // Социально-демографические проблемы истории Сибири. XVII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 129.

Те же тенденции были характерны по отношению к среднему размеру вклада. Если по СССР и РСФСР он вырос за 1965–1985 гг. соответственно в 3,8 и 3,9 раза, то по Тюменской области — в 5,1 раза[224], хотя средний размер вклада был немногим выше союзного и республиканского. Если по СССР средний размер вклада в 1985 г. достиг 1232 руб., по РСФСР — 1280, то в Тюменской области он равнялся 1346 руб[225]. К 1990 г. средний размер вклада населения в учреждениях сбербанка по Тюменской области в целом достиг 1762 руб., в том числе в городах и посёлках городского типа — 1787 руб.[226] Безусловно, столь высокие показатели роста сбережений жителей области были, в основном, обусловлены высокими денежными доходами населения северного региона, работающего в базовых отраслях экономики Югры.

Рост денежных сбережений населения был показателем повышения его жизненного уровня, поскольку подобные сбережения рассматривались как накопление для возможного приобретения дорогостоящих покупок, путешествий и т. п., а нередко, как обеспечение в старости. Если население, живущее в благоприятных климатических условиях, именно в таком контексте видело «целевое» предназначение накоплений, то для северян подобные виды сбережений чаще всего рассматривались как возможность покупки жилья «на большой земле» после завершения работы в северных широтах, которую считали «временной». По утверждению В. П. Карпова, «большинство прибывающих на Север ставило перед собой конкретную цель: заработать на автомобиль, на кооперативную квартиру, на дачу, и назад»[227].

Вместе с тем, накопление сбережений свидетельствовало о неудовлетворенном покупательном спросе жителей северного региона в условиях дефицита товаров народного потребления. Тенденция к увеличению диспропорции между денежной массой и ее товарным покрытием в 1970–1980-е гг. была характерна для экономики страны в целом. По данным экономистов, сумма вкладов населения в сберегательные кассы в первой половине 1970-х гг. в СССР увеличивалась в 2,6 раз быстрее, чем продажа товаров народного потребления; во второй половине того же десятилетия — в 3 раза; а в начале 1980-х гг. продолжала увеличиваться в 2,7 раза быстрее[228]. Наиболее ярко эти диспропорции проявлялись в районах промышленного освоения Севера Западной Сибири. Именно здесь одной из главных причин более высокого уровня доходов по отношению к расходам был разрыв между денежными накоплениями населения и объёмом предоставляемых товаров и услуг.

С точки зрения количественных показателей, ***торговое обслуживание*** в Тюменской области и ее северных районах было относительно благополучным. Так, за 1965–1985 гг. розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли в Тюменской области в целом вырос в 6,8 раза. В Ханты-Мансийском автономном округе объём товарооборота за этот же период увеличился в 13,3, достигнув к 1985 г. 1748 млн рублей. Значительно ниже была динамика роста показателей розничного товарооборота на душу населения. Если в целом по области розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли в расчете на

---

[224] Подсчеты Н. Ю. Гавриловой.

[225] Народное хозяйство СССР. 1922–1982 гг. М., 1982. С. 373; Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. ежегодник М., 1986. С. 448; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: Юбилейный стат. ежегодник. М., 1977. С. 234.

[226] Тюменская область в цифрах за 1986–1990 гг.: Стат. сб. Тюмень, 1991. С. 70.

[227] Карпов В. П. Анатомия Тюменского подвига. С. 39.

[228] Исторический опыт и перестройка. М., 1989. С. 254.

душу населения вырос за двадцатилетие с 478 руб. до 1556 руб. (в ценах соответствующих лет), т. е. в 3,2 раза, то в Ханты-Мансийском автономном округе — в 2,4 раза, с 704 до 1669 руб.[229]

Таблица 3.15

Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли в 1965–1985 гг. (в ценах соответствующих лет, млн руб.)

Административно-территориальная единица	1965	1970	1975	1980	1985	1985 г. к 1965 г., раз
Тюменская область	602	1052	1774	2736	4075	6,8
В том числе Ханты-Мансийский национальный/ автономный округ	131	299	602	1059	1748	13,3

Источник: Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. М., 1976. С. 374, 402; Тюменская область в цифрах. 1981–1985 гг.: Стат. сб. Свердловск, 1987. С. 66–67. Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. М., 1988. С. 84.

Вместе с тем, цифры статистики не отражали реальной картины торгового обеспечения населения северного региона, особенно на начальном этапе его промышленного освоения. Архивные документы середины 1960-х гг. свидетельствовали о «плачевном» состоянии торговли в новых городских поселениях. Так, в справке «О состоянии торговли в Ханты-Мансийском округе в 1965 г.» утверждалось, что «в торговой сети Нефтеюганска, Сургута, Урая зачастую отсутствуют товары первой необходимости (крупы, сельдь, овощи, консервы…). Имеют место перебои в торговле хлебом, солью, сахаром… не говоря о рыбе, мясе, которые в торговле бывают редко. Совсем не продаются картофель и овощи. Нет овощных консервов. Из круп продаются только пшено и манная крупа… Недостает швейных и трикотажных изделий, обуви кожаной и резиновой, чулок, носок, головных уборов»[230].

На протяжении 1970-х — 1980-х гг. ситуация с торговым обеспечением населения округа постепенно менялась, о чем свидетельствовал рост розничного товарооборота, отраженный в данных статистики. Вместе с тем, сохранялась тенденция, связанная с неудовлетворенностью покупательного спроса населения северного региона. Это, прежде всего, относилось к нефтегазодобывающим районам, где спрос намного превышал предложение, в основе которого была высокая покупательная способность населения, связанная со значительным уровнем доходов. Подобная ситуация порождала «отложенный» спрос, который зачастую удовлетворялся либо за пределами региона, либо через систему «связей и знакомств». Так, по данным социологических исследований, проведенных в городах-новостройках Тюменского севера в середине 1980-х гг., около 70% опрошенных нефтяников дали крайне низкую оценку состояния торговли, отметив, что не могли приобрести товары к сезону. Каждый пятый был вынужден покупать одежду с рук. Половина опрошенных терпимо относилась к приобретению дефицитных товаров с использованием «теневых каналов», а каждый пятый постоянно пользовался ими для покупки необходимых вещей и товаров, зачастую пла-

[229] Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки. (1966–1970). Омск, 1971. С. 201, 264; Тюменская область в цифрах. 1981–1985. Свердловск, 1986. С. 72, 73.

[230] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 4588. Л. 84, 142.

тя двойную цену[231]. Нередко дефицит носил искусственный характер, о чем свидетельствовали проверки, проводимые на оптовых базах и в магазинах.

Вместе с тем, в торговле постоянно росли товарные запасы. Только в 1975 г. в магазинах и на оптовых базах Тюменской области скопилось неходовых товаров на 26 млн рублей[232]. Причина сложившейся ситуации заключалась в специфике организации торговых поставок. Если в центральных районах страны товарное обеспечение торговых предприятий осуществлялось за счет непосредственных поставок предприятий легкой промышленности, то в северных районах 80% товаров поставлялось с оптовых баз. По утверждению сибирского историка Н. В. Куксановой, большая зависимость транспортных связей Севера от погодных условий, сроков навигации приводила к тому, что нередко путь товара от предприятия-изготовителя до прилавка магазина растягивался на полтора-два года[233]. Отсутствие в работе ведомственных торговых организаций координации по изучению спроса населения, составлению заказов на товары нередко приводило к искусственному дефициту одних товаров и созданию излишков других. Таким образом, несоответствие между покупательным спросом и товарным предложением было отчасти следствием ведомственного характера торгового обслуживания.

Тем не менее, по отдельным городам и поселениям северного региона ситуация могла различаться существенно. Снабжение продуктами, промтоварами было неравномерным и подчас зависело от экономического статуса градообразующих предприятий. Крупные новостройки, создаваемые в северных городах и РНПО обеспечивались, как правило, лучше других населённых пунктов. Это был один из способов закрепления новопоселенцев[234]. Так, по воспоминаниям А. В. Тягунова — жителя посёлка Игрим, во время строительства газопровода «Уренгой — Помары — Ужгород» «в связи с приходом Газпрома… улучшилось бытовое и торговое обслуживание… продукты в магазинах были все, кроме молочных. Их давали детям по талонам. Промышленные товары были все, и обеспечение ими было лучше, если сравнивать с Тюменью»[235].

Кроме того, в условиях дефицита товаров, пользующихся повышенным спросом, на предприятиях нефтегазодобывающей промышленности сложилась система социально-экономического стимулирования, позволявшая работникам приобретать автомобили, ковровые и меховые изделия, теле- и радиотехнику через систему оптовых баз и предприятий торговли ведомственных предприятий[236].

В качестве одного из направлений, позволяющих повысить уровень обслуживания населения северного региона, торговые организации рассматривали строительство заготовительных столов и крупных цехов по выработке полуфабрикатов[237]. Реализация этого

---

[231] Куцев Г. Ф. Человек в северном городе. Свердловск, 1987. С. 159.

[232] Тюменская правда. 1975. 8 февраля.

[233] Куксанова Н. В. Торговое обслуживание трудящихся в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980 гг.). С. 182–183.

[234] Карпов В. П. Анатомия Тюменского подвига. С. 61.

[235] Из личного архива А. В. Тягунова.

[236] Логунов Е. В. Развитие социальной инфраструктуры северных районов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 200.

[237] Доклад постоянной комиссии по торговле и общественному питанию. Вторая сессия Областного совета трудящихся XV созыва // Тюменская правда. 1975. 29 июля.

направления в районах нефтегазодобычи предусматривалась в 1980-е гг. Однако переход к прогрессивным формам торговли сдерживали, с одной стороны, слабая материальная база самих торговых предприятий и их низкая техническая оснащенность, с другой, недостаточный выпуск предприятиями промышленности фасованных товаров.

Важнейшим показателем уровня и качества жизни являлись не столько количественные показатели, связанные с объёмами товарооборота, сколько качественные, находящие отражение в структуре потребления. На протяжении 1960–1980-х гг. произошли существенные изменения в структуре товарооборота, связанные с приобретением товаров длительного пользования и потреблением продовольственных товаров.

В начальный период освоения Тюменского Севера значительный удельный вес в структуре товарооборота занимали продовольственные товары. К началу 1970-х гг. они составляли 58,6%[238]. Однако складывающаяся структура снабжения и потребления продовольственных товаров далеко не в полной мере соответствовала региональным особенностям. Согласно рациональным нормам питания, потребность жителей Сибири в калориях животного происхождения должна быть на 29% выше, чем в европейских районах страны. Между тем потребление важнейших продуктов, составляющих основу питания сибиряков, находилось на более низком уровне по сравнению с европейскими районами страны. Так, из 11 краев и областей Западной и Восточной Сибири в шести из них душевое потребление мяса и мясопродуктов в 1985 г. было ниже республиканского. В трех территориях примерно на уровне РСФСР и только в двух областях (Кемеровской и Омской) было большим, чем в среднем по республике. Меньшим было потребление молочных продуктов, овощей и фруктов[239].

Эта сибирская среднестатистическая картина отражала общую ситуацию, характерную для Тюменской области и ее северных территорий. Вместе с тем, анализ статистических данных позволяет утверждать, что за 1960–1980-е гг. в Тюменской области и Ханты-Мансийском автономном округе произошли существенные изменения в структуре потребления, что, несомненно, отражает возросший уровень жизни населения. Так, среднедушевое потребление мяса и мясопродуктов за 1965–1985 годы увеличилось в 1,8 раза; молока и молочных продуктов — в 1,4; яиц — в 2,4; овощей — в 1,5; плодов и фруктов — в 1,6 раз, тогда как потребление таких продуктов, как картофель, хлеб и хлебобулочные изделия сократилось в 1,3 раза[240]. Но, несмотря на изменения структуры потребления в сторону увеличения мяса и мясопродуктов, их доля в рационе жителей региона по-прежнему была несколько ниже республиканского уровня. Если по РСФСР и Западной Сибири среднедушевое потребление этих продуктов в 1980 г. составляло 62 кг, то в Тюменской области — 60 кг. Более низким было потребление рыбы и рыбопродуктов: в РСФСР — 15,1 кг, в Тюменской области — 13,2 кг[241].

Вместе с тем, значительную долю в структуре товарооборота продовольственных товаров составляла алкогольная продукция, что позволяет говорить о проявлении деформированной структуры потребления. Так, на начало 1970-х гг. ее удельный вес достигал 19,4%, тогда как на мясомолочные продукты в совокупности приходилось 6,8%, а овощи и фрукты — лишь 1,6%. Население области на покупку алкоголя тратило больше средств, чем на приоб-

---

[238] Тюменская область в цифрах.1981–1985 гг.: Стат. сб. Свердловск,1987. С. 68.

[239] Благосостояние городского населения Сибири. Проблемы дифференциации (Опыт социологического изучения). Новосибирск, 1990. С. 74.

[240] Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет: Стат. сб. Тюмень, 1987. С. 16.

[241] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 236. Д. 122. Л. 37, 40.

ретение мясных, молочных продуктов, яиц, ткани, обуви вместе взятых[242]. Среднедушевое потребление всех видов алкогольной продукции в 1970 г. по области составляло 9,7 литров. За последующее десятилетие оно увеличилось в 1,3 раза, достигнув 12,3 литров. По данным статистики, по потреблению алкогольных напитков на душу населения Тюменская область превосходила РСФСР и другие районы Западной Сибири[243].

Рис. 3.53. В магазине ОРСа «Нижневартовскнефтегаза». Нижневартовск. 1982 г.
Нижневартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева

Причины деформированной структуры потребления были разнообразны. Работа в суровых условиях севера, где температура в зимний период времени колебалась в пределах –30 — –40 градусов и ниже, нередко «вызывала потребность» согреться горячительным напитком. Вот как об этом вспоминает Г. П. Богомяков, первый руководитель Тюменской области в 1973–1990 гг., в бытность его работы геологом: «Спирт нужен был не для пьянства, а чтобы согреваться. Утром мы выпивали грамм по 70, закусывали строганиной, и это горючее позволяло целый день продуктивно работать на скважине при диком морозе. Вечером процедура повторялась и все ложились спать»[244].

Кроме того, специфика половозрастного состава населения нефтегазодобывающих районов, где преобладала доля мужчин, нередко несемейных, проживающих в общежитиях, была одним из факторов, способствующих проведению свободного время с распитием алкогольных напитков. Свидетельством тому были слова из выступления начальника объединения «Тюменнефтегаз» А. М. Слепяна на конференции Тюменского областного комитета профсоюза рабочих нефтяной и химической промышленности в 1965 г.: «Народу некуда деваться… только водку глушат… кино нет, клуба нет»[245]. Эта характеристика проведения

[242] Тюменская область в цифрах за 1986–1989 гг.: Стат. сб. Тюмень, 1990. С. 49. Подсчет Н. Ю. Гавриловой.
[243] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 236. Д. 122. Л. 46.
[244] Цит. по: Карпов В. П. Анатомия Тюменского подвига. С. 76.
[245] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 23. Л. 6.

досуга относилась к посёлку нефтяников Усть-Балык. Аналогичная картина складывалась и в других поселениях РНПО. Так, председатель Тюменского областного комитета профсоюзов А. М. Шарапов в одном из своих выступлений в 1965 г., характеризуя «зачаточное состояние культмассовой работы» на предприятиях нефтедобывающей промышленности, утверждал: «В Нижневартовске в воскресенье на берегу Оби через каждые пять метров сидят компании и распивают спирт, так как деваться некуда...»[246]. Подобная форма проведения свободного времени на начальном этапе промышленного освоения северного региона была во многом обусловлена недостаточным уровнем развития социокультурной сферы в новых поселениях. Но по мере ее развития и создания нормальных жилищных и социально-бытовых условий постепенно менялось поведение и потребительские предпочтения, хотя проблема избыточного потребления алкоголя продолжала оставаться актуальной.

Для региональной структуры розничного товарооборота 1960–1980-х гг. была характерна та же тенденция, что и в целом по стране, а именно, увеличение доли промышленных товаров и товаров культурно-бытового назначения в структуре розничного товарооборота. Если в начале 1970-х гг. на непродовольственные товары приходилось немногим более 41%, то к середине 1980-х гг. они составили свыше 47%[247]. Постепенно менялся и ассортимент товаров. Безусловно, ведущая роль принадлежала предметам первой необходимости: одежде (швейным, меховым и трикотажным изделиям), обуви и галантерее. В 1970 г. удельный вес их в областной торговле достигал 20,5%, тогда как на дорогостоящие товары длительного пользования, в частности, мебель и предметы культурно-бытового назначения приходилось всего лишь 3,8%. К 1985 г. доля этих товаров в розничном товарообороте увеличилась почти вдвое, достигнув 7,5%. Подобные изменения потребительских запросов можно рассматривать как свидетельство повышения уровня и качества жизни населения. Так, за период с 1970 по 1985 гг. продажа телевизоров увеличилась в 3,7 раза, пианино и роялей — в 2,7 раза, фотоаппаратов — в 3,9, магнитофонов — в 12 раз. За пятилетие (1980–1985 гг.) почти в 2 раза увеличилась продажа мебели. Если в 1980 г. населению было продано мебели на 47 млн рублей в ценах соответствующих лет, то к 1985 г. эта сумма составила 90,8 млн рублей[248]. Уровень обеспеченности населения Тюменской области товарами длительного пользования (холодильниками, пылесосами, стиральными машинами, магнитофонами) был выше, чем в среднем по РСФСР[249].

О стремлении населения к улучшению быта и комфортной жизни свидетельствуют и данные статистики о продаже товаров в кредит. За период с 1970 по 1985 гг. продажа населению товаров в кредит по Тюменской области выросла в 5,5 раза, с 21,6 до 118,0 млн рублей[250]. Почти треть этой суммы приходилась на приобретение мебели и одежды, остальная часть кредита принадлежала товарам длительного пользования и культурно-бытового назначения. Так, в 1,8 раза за этот период увеличилась продажа в кредит телевизоров, в 1,6 — радиол, в 2,2 — мотоциклов[251]. Значительную долю в этой форме торговли занимали любительские киноаппараты. Вместе с тем, спрос значительно превышал имеющиеся возможности предприятий торговли. Эта проблема оставалась актуальной для жителей автономного округа на протяжении всего исследуемого периода.

---

[246] ГАСПИТО. Ф. 3965. Оп. 1. Д. 24. Л. 31.

[247] Тюменская область в цифрах за 1986–1989 гг.: Стат. сб. Тюмень, 1990. С. 49.

[248] Тюменская область в цифрах за 1986–1989 гг.: Стат. сб. Тюмень, 1990. С. 49, 51.

[249] Куксанова Н. В. Торговое обслуживание трудящихся в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980 гг.) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 182.

[250] Тюменская область в цифрах за 1986–1989 гг.: Стат. сб. Тюмень, 1990. С. 51.

[251] Тюменская область в цифрах за 1986–1989 гг.: Стат. сб. Тюмень, 1990. С. 53. Подсчет Н. Ю. Гавриловой.

Материальная компонента уровня жизни отражает не только удовлетворение потребностей людей в питании, одежде, предметах домашнего обихода, культурно-бытовых товарах, но и обеспеченность населения бытовыми и жилищно-коммунальными услугами. По оценке экономистов, 75–80% в расходной части бюджета население Западной Сибири тратило на покупку товаров, 8–9% — на оплату различных услуг, в том числе бытовых[252].

Как уже говорилось ранее, ***система бытового обслуживания*** на территории Югры относилась к одной из менее развитых сфер жизнеобеспечения населения, что было связано как с недостаточным количеством предприятий бытового обслуживания, так и их слабой материальной базой, не отвечающей запросам населения.

В начальный период промышленного освоения Тюменского Севера материальная база вновь созданных предприятий службы быта была столь низкой, что, по словам очевидцев, «не было самого необходимого… в фотоателье — пленки и бумаги, в швейных мастерских — ткани, ниток, фурнитуры»[253]. Такие виды услуг, как химчистка, ремонт жилья, бытовой техники отсутствовали вообще. Явно недостаточно было парикмахерских, часовых мастерских. Следствием этой ситуации являлся незначительный объём бытовых услуг, оказываемый жителям округа. Если в среднем по Тюменской области услуги предприятий службы быта на одного жителя, по данным статистики, в 1966 г. составляли 8 руб., то в новых городских поселениях Югры они не превышали 3-х руб., а по УРСу Геологического управления были не более 4-х коп[254].

Ситуация с обеспечением населения бытовыми услугами РНПО сохранялась и в последующее десятилетие. По данным ведомств, участвующих в промышленном освоении северного региона, население нефтегазодобывающих районов к середине 1970-х гг. было обеспечено услугами бань на 57%, прачечных — на 19%, предприятиями службы быта — на 10%[255]. По воспоминаниям современников, «для населения рабочих посёлков нефтяников, где уровень благоустройства жилья был крайне низким, стирка белья подчас превращалась в неразрешимую проблему»[256].

Кроме того, виды предоставляемых услуг не учитывали в полной мере специфику половозрастного состава населения новых городских поселений, преимущественно мужского по своему составу. Слабо сфера бытовых услуг реагировала и на изменения в структуре потребления населения, связанные с приобретением товаров длительного пользования. Хотя в 1970-е гг. появились новые виды обслуживания: ремонт радио и телеаппаратуры, сложной бытовой техники, но они занимали незначительное место в общем объёме бытовых услуг. Ведущее место в структуре услуг по-прежнему занимал индивидуальный пошив одежды.

Реорганизационная перестройка отрасли сферы бытового обслуживания населения с начала 1980-х гг., строительство новых предприятий службы быта в РНПО, улучшение технологического оснащения имеющихся привело к существенным изменениям объёма и перечня оказываемых населению услуг. Если по области объём бытовых услуг увеличился в 1,5 раза

---

[252] Рафикова С. А. Динамика денежных доходов и расходов населения Западной Сибири в 1960-годы // Социально-демографические проблемы истории Сибири. XVII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 131.

[253] ГАТО. Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4129. Л. 39.

[254] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3947. Л. 131–132; Д. 3943. Л. 13.

[255] ГАРФ. Ф. Р-5470. Оп. 29. Д. 4200. Л. 28; ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5505. Л. 32.

[256] ГАТО. Ф. 1112. Оп. 1. Д. 4566. Л. 13.

по сравнению с 1981 г., достигнув к 1985 г. 88,7 млн руб. (в ценах соответствующих лет), то в Ханты-Мансийском автономном округа он вырос за этот же период в 1,8 раза, с 8,1 до 31,3 млн руб.[257]

Говоря о сфере бытовых услуг на территории Югры в 1960–1980-е гг., следует отметить, что за этот период произошли значительные изменения в ее развитии, о чем свидетельствуют показатели общего объёма реализации бытовых услуг. Если в целом по Тюменской области объём реализации бытовых услуг за период с 1965 по 1985 гг. вырос в 10,3 раза (с 8,6 до 88,7 млн руб.), то по Ханты-Мансийскому автономному округу этот рост составил 36,2 (с 0,865 до 31,3 млн руб., в ценах соответствующих лет)[258]. Вместе с тем, на всем протяжении данного периода сохранялся разрыв с республиканскими показателями по среднедушевому объёму бытовых услуг. Так, в 1965 г. на одного жителя округа оказывалось бытовых услуг всего в размере 4 руб. К 1985 г. объём реализации бытовых услуг на жителя Югры достиг в среднем 30 руб., но оставался по-прежнему ниже областного и республиканского уровня.

Таблица 3.16

Объем реализации бытовых услуг на одного жителя (в ценах соответствующих лет, руб.)

Административно-территориальная единица	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1985 г. к 1965 г., раз
Тюменская область	8	13	24	29	33	4,1
Ханты-Мансийский национальный/автономный округ	4	11	21	25	30	7,5
РСФСР	9	17	26	31	38	4,2

Источник: Народное хозяйство РСФСР за 60 лет советской власти: Юбилейный стат. ежег. М., 1977. С. 269; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет Советской власти. М., 1988. С. 334.

Значительно меньше была обеспеченность бытовыми услугами жителей сельской местности, где в основном проживало коренное население Севера. Здесь в начале 1980-х гг. оказывалось всего 12 видов бытовых услуг. В год на одного жителя сельской местности приходилось 6,5 руб. бытовых услуг[259].

Кроме того, объём, ассортимент и качество предлагаемых бытовых услуг не отвечали в полной мере запросам населения. По оценкам тюменских социологов, только 47% жителей новых городских поселений северного региона в середине 1980-х гг. давали удовлетворительную оценку работе предприятий бытового обслуживания, отмечая отсутствие многих видов необходимых бытовых услуг, а также несвоевременное выполнение заказов и невнимательность персонала[260]. Так, в ассортименте бытовых услуг слабо учитывались изменения

[257] Народное хозяйство РСФСР за 70 лет Советской власти. М., 1988. С. 274.

[258] Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970): Стат. сб. Омск, 1971. С. 17; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет Советской власти. М.,1988. С. 334.

[259] Тюменская правда. 1980. 26 октября.

[260] Куцев Г. Ф. Человек в северном городе. Свердловск, 1987. С. 162.

Рис. 3.54. Палаточный городок первых строителей рабочего посёлка Нижневартовский. 1965 г. Нижневартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева

Рис. 3.55. Балки Нефтеюганска. 1963 г. Сургутский краеведческий музей

Рис. 3.56. Временное жилье (вагончики) в Сургуте. 1970 г. Фото: А. Ф. Мясников. Сургутский краеведческий музей

в структуре потребления, связанные с приобретением населением нефтегазодобывающих районов сложной бытовой техники, теле- и радиоаппаратуры. Именно поэтому столь невысокой была оценка жителей северного региона уровня и качества работы предприятий бытового обслуживания, отраженная в результатах социологического опроса.

Одним из важнейших показателей уровня жизни являются ***жилищные условия***, которые включают не только обеспеченность населения общей и жилой площадью, но и качество жилья. Последнее определяется уровнем его благоустройства. По расчетам Центрального научно-исследовательского экономического института при Госплане РСФСР (ЦЭНИИ), для достижения равной комфортности нормы жилой площади на Севере должны быть выше на 30–40%, чем в восточных и европейских районах[261]. Неслучайно в ряду главных причин, которые влияли на степень «приживаемости» и уровень миграции населения РНПО, социологи называли «удовлетворенность жилищными условиями». Кроме того, уровень благоустройства жилья являлся одной из составляющих жилой среды обитания новых городских поселений в суровых северных условиях.

В период формирования нефтегазового комплекса Западной Сибири на территории Ханты-Мансийского автономного округа была осуществлена огромная жилищная программа. За период с 1966 по 1986 гг. прирост общей площади жилых домов на городского жителя составил 7,1 кв. м, тогда как по области в целом 3,8. Однако эти темпы прироста жилого фонда не позволили достичь республиканского уровня. Если по РСФСР средняя

[261] Микульский К. И, Роговин В. З., Шаталин С. С. Социальная политика КПСС. М., 1987. С. 98.

обеспеченность общей площадью населения городских поселений в 1986 г. составляла 14,2 кв. м, то в Ханты-Мансийском автономном округе — 12,6. По Тюменской области в целом она была ниже — 11,5 кв. м. Однако уровень обеспеченности жильем населения северных городов был не одинаков. Так, средняя обеспеченность общей площадью жителей Сургута в 1986 г. составляла 10,9 кв. м, Нижневартовска — 12,4; Нефтеюганска — 13,1; Мегиона — 10,1 кв. м[262].

Качество жизни населения определяется не только показателями средней обеспеченности жильем, но и уровнем его благоустройства. Анализ показателей благоустройства жилого фонда Тюменской области в целом и ее северных районов позволяет утверждать о качественных изменениях, произошедших в период промышленного освоения северного региона. Если в 1965 г. жилой фонд новых городских поселений Югры был обеспечен водопроводом на 18%, канализацией — на 15%, теплофикацией — на 19%, горячим водоснабжением — на 11%, газом — на 18%[263], то к 1970 г. уровень благоустройства в РНПО в значительной мере повысился, что было связано с переходом на индустриальные методы строительства жилья.

На начало 1970 г. обеспеченность жилого фонда в Ханты-Мансийском национальном округе водопроводом составила 23%, канализацией — 22%, центральным отоплением — 48%, газом — 52%[264], но эти показатели были ниже областного и республиканского уровня. Вместе с тем, по состоянию благоустройства жилья северный округ был территорией контрастов,

Рис. 3.57. Балки. Нижневартовск. 1970-е гг.
Нижневартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева

Рис. 3.58. Временный жилой посёлок из вагончиков и балков. Нижневартовск. 1976 г. Нижневартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева

Рис. 3.59. Балки — «бочки» в вахтовом посёлке нефтяников. Город Нефтеюганск. 1970–1980-е гг.
Историко-художественный музейный комплекс. Нефтеюганск

[262] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. С. 116.

[263] ГАТО Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4723. Л. 142.

[264] ГАТО Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4723. Л. 142.; Ф. 814. Оп. 1 Д. 5154. Л. 34.

Рис. 3.60. А. И. Михеев. Дождливый день (Балки). 1984 г. Нижневартовский краеведческий музей имени Т. Д. Шуваева

Рис. 3.61. Последние балки Нефтеюганска. Строительство 10-го микрорайона. 1983–1984 гг. Историко-художественный музейный комплекс. Нефтеюганск

Рис. 3.62. Быт новоселов Сургута. 1965 г. Музейный фонд РФ. Госкаталог

в основе которого была зависимость принадлежности жилого фонда тому или иному ведомству.

По уровню комфортности выделялось вновь построенное жилье нефтяников, газовиков, строителей. Степень его благоустройства к началу 1970-х гг. превышала областные, приближаясь к республиканским показателям. В то же время работники лесной промышленности на начало 1970-х гг. были обеспечены водопроводом на 0,2%, центральным отоплением — на 0,3%. 7,3% жилого фонда комбината «Тюменьлес» не было электрифицировано, 4 тыс. семей лесозаготовителей которого для освещения пользовались свечами[265].

По данным Тюменского облисполкома, к началу 1970-х гг. более половины домов в городах и посёлках нефтяников с учетом временного типа жилья не имели водопровода и канализации[266]. К данному типу жилья относились так называемые «балки» и «вагончики», которые не учитывались ведомственной статистикой. Следовательно, реальные цифры уровня благоустройства жилья в нефтедобывающих районах Югры были значительно ниже опубликованных статистических данных.

Активное освоение северного региона в 1970-е гг., сопряженное с реализацией социальной программы обустройства территории, жилищно-гражданским строительством, изменяло как внешний облик городов-новостроек, так и уровень благоустройства возводимого жилья. К началу 1980-х гг., в основном за счет нового строительства, уровень благоустройства жилья в городских поселениях Ханты-Мансийского автономного округа был доведен до 80%[267]. А жилой фонд Главтюменнефте-

[265] ГАТО Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4868. Л. 55, 57.

[266] ГАТО Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4868. Л. 55.

[267] Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций по созданию и развитию нефтегазового комплекса (1964–1980 гг.). Томск, 1988. С. 148.

газа был обеспечен водопроводом на 95, 4%, канализацией — на 93,7%, центральным отоплением — на 98,4%, горячим водоснабжением — на 47,6%, газификацией — на 56,1%. Кроме того, вновь возводимое жилье в новых городских поселениях было оборудовано электроплитами[268].

Таблица 3.17

Благоустройство жилого фонда ведомственных предприятий в 1970 г. (удельный вес жилого фонда, оборудованного, в%)

Ведомства	водопроводом	канализацией	центральным отоплением	газом
Главтюменнефтегаз	65	55	58	80
Главтюменнефтегазстрой	29	28	89	70
Тюменьгазпром	83	80	83	95

Источник: ГАРФ. Ф. Р-5470. Оп. 29. Д. 3276. Л. 145, 177; РГАЭ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 1023. Л. 39; Д. 2306. Л. 19.

Таблица 3.18

Благоустройство жилого фонда Тюменской области и Ханты-Мансийского национального округа в 1970 г. (удельный вес государственного жилого фонда, оборудованного, в%)

Административно-территориальная единица	водопроводом	канализацией	центральным отоплением	ваннами, душем
РСФСР	79	76	76	61
Тюменская область	46	45	45	51
Ханты-Мансийский национальный округ	23	22	48	—

Источник: Народное хозяйство РСФСР за 70 лет Советской власти. М., 1988. С. 351; ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4868. Л. 55, 56; Д. 5154. Л. 34.

Положительная динамика уровня и качества жизни населения Югры находила отражение как в количественных показателях, выраженных в объёмах жилого фонда и уровне его благоустройства, так и в формировании жилой среды обитания, что было связано, прежде всего, с организацией жизненного пространства новых городских поселений, под которым подразумевается жилая среда обитания, к которой относятся объекты социальной инфраструктуры, в частности, жилищно-коммунальное хозяйство, предприятия торгового и бытового назначения, учреждения образования, здравоохранения и культуры, т. е. все, что обеспечивало нормальную жизнедеятельность людей. Формирование её в большинстве новых городах и посёлках нефтяного края в 1960–1980-е гг. фактически начиналось с нуля.

[268] ГАРФ. Ф. Р-5470. Оп. 1. Д. 2739. Л. 175.

Рис. 3.63. Новоселье в первом крупнопанельном доме в Сургуте (пр. Набережный). 1965 г. Фото: А. Ф. Мясников. Сургутский краеведческий музей

Рис. 3.64. Новоселье в первом крупнопанельном доме в Сургуте (пр. Набережный). 1965 г. Фото: А. Ф. Мясников. Сургутский краеведческий музей

Организация городского пространства должна была учитывать, прежде всего, особенности самого «физического пространства» мест поселения. Вместе с тем, как писал в своих воспоминаниях А. Н. Отраднов (с 1966 по 1976 гг. — главный архитектор института «Тюменьгражданпроект»; 1976–2001 гг. — главный архитектор Тюменской области): «Две трети территории области — основные зоны разработки месторождений нефти и газа — относятся к непригодным и ограниченно пригодным для проживания группам по медико-географическим условиям. Площадок, пригодных для крупномасштабного строительства, практически нет...». К «неблагоприятным физико-географическим явлениям» архитектор относил «высокий уровень заболоченности территории, наличие оползней по длине берегов...»[269].

Отсутствие достаточного времени на подготовку проектной документации в условиях интенсивной эксплуатации нефтегазовых ресурсов, а также параллельность процессов промышленного и социального освоения не могли не сказаться на качестве северного градостроительства и организации пространства новых городских поселений. При их проектировании архитекторы вынуждены были обращаться к опыту застройки нефтяных районов Поволжья, Татарии и Башкирии, что вряд ли было приемлемым, учитывая значительную разницу природно-климатических и экономико-географических условий. Судя по архивным документам того времени, до начала 1980-х гг. «не было разработано ни одного типового проекта с учетом географических и климатических условий Севера»[270]. Результатом такого проектирования была безликость городов-новостроек.

На формирование городского пространства новых поселений изначально значительное влияние оказывал ведомственный характер процессов обустройства северных территорий. Ведомственность являлась серьёзным препятствием не только в формировании единого архитектурного облика северных городов, но и в комплексной организации

[269] История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. М., 2004. С. 266.

[270] ГАТО. Ф. 814 оц. Оп. 1. Д. 4153. Л. 7.

городского пространства, иначе говоря, в создании жилой среды со всем набором объектов социального назначения.

Одной из основных причин этого являлась политика, ориентирующая предприятия и ведомства на первоочередное обустройство нефтегазовых месторождений и строительство объектов производственной инфраструктуры в ущерб социальной составляющей и идее комплексного развития осваиваемых территорий. На исправление сложившейся ситуации было направлено постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О неотложных мерах по улучшению строительства в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса» (март 1980 г.). В постановлении констатировалось наличие негативных тенденций в развитии ЗСНГК, проявлением которых были диспропорции между уровнем промышленного и социального обустройства региона. В качестве важнейшего условия их преодоления рассматривалось «обеспечение комплексной застройки городов и посёлков в районе ЗСНГК на высоком градостроительном уровне с полным объёмом инженерного обеспечения и благоустройства»[271].

Вместе с тем, успешное решение этой проблемы затруднял интенсивный приток населения в 1980-е гг., связанный с увеличением мощностей нефтегазодобывающей промышленности. Это сопровождалось появлением на карте Ханты-Мансийского автономного округа новых городов: только в 1985 г. 4 населённых пункта — Когалым, Лангепас, Нягань, Радужный получили статус города. Ускоренные темпы градостроительства, взятые с начала 1980-х гг., не позволили осуществить комплексную застройку городов. По-прежнему сохранялось резкое отставание в строительстве объектов соцкультбыта. Обеспеченность ими

Рис. 3.65. Первый микрорайон Нефтеюганска (Нефтеюганская «Венеция»). 1970–1980-е гг. Историко-художественный музейный комплекс. Нефтеюганск

Рис. 3.66. Двор дома Долгановых на ул. Рыбников. Сургут (Черный мыс). 1980-е гг. Сургутский краеведческий музей

[271] Правда. 1980. 8 апреля.

населения, по данным социологических паспортов северных городов, составляла в середине 1980-х гг. в среднем от 40 до 80%[272].

Таким образом, на всем протяжении 1960-х — первой половины 1980-х гг. сохранялась проблема организации городского пространства в новых северных поселениях, т. е. создания комфортной среды обитания, обеспечивающей качественную жизнедеятельность людей. Именно она выступала, по мнению социологов, решающим фактором закрепления населения в РНПО Севера Западной Сибири, поскольку городское пространство было призвано компенсировать негативные воздействия как внешней среды, так и сложных условий труда работников, занятых в ведущих отраслях нефтегазодобывающего комплекса. Вместе с тем, интенсивный процесс градостроительства в нефтегазодобывающих районах Югры в 1960–1980-е гг., связанный со значительным притоком населения, не позволял решить проблему их комплексной застройки. В силу этого, несмотря на значительные темпы развития всех компонентов социальной сферы, уровень ее организации не позволял реализовать в полной мере функциональное предназначение городской инфраструктуры.

Важнейшей составляющей городской среды выступали ***учреждения культуры, парки и скверы, места отдыха населения***. Они приобретали особую значимость для северного региона, учитывая его отдаленность от «большой земли», а также половозрастной состав вновь прибывающего населения, преимущественно молодежного по своему составу. «Молодежный» контингент населения и его достаточно высокий образовательный уровень предъявляли повышенные требования к организации сферы досуга. Являясь основным фактором адаптации пришлого населения, социокультурная среда была призвана создавать условия для полноценного отдыха, влияя на формирование установки «северной приживаемости». Суровые природно-климатические условия автономного округа, специфика трудовой деятельности его жителей усиливали необходимость совершенствования организации досуга трудящихся. Основная роль в этом процессе принадлежала учреждениям культуры.

В середине 1960-х гг. из 190 клубных учреждений округа 90% было сосредоточено в сельской местности. Их материальная база находилась в полуразрушенном состоянии. Кроме того, на одно клубное учреждение тогда приходилось 1500 жителей, а две трети имевшихся клубных помещений могли вместить только от 50 до 100 человек[273]. Поэтому проблема реконструкции и строительства новых клубов и домов культуры в начальный период нефтегазового освоения северного региона являлась, наряду с решением жилищного вопроса и торгового обслуживания, первоочередной.

В условиях отсутствия достаточных финансовых средств на сооружение объектов культуры по инициативе областных партийных и советских органов в нефтегазодобывающих районах в середине 1960-х гг. развернулось массовое движение за их ускоренное строительство. В качестве вариантов реализации принятых решений предлагалось «использование местных возможностей» и кооперирование средств различных организаций, участвующих в промышленном освоении региона, а также «добровольное участие населения»[274]. Так, в 1967 г. методом «народной стройки» и «хозспособом», т. е. путем привлечения партийно-со-

---

[272] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). С. 215.

[273] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 541. Л. 13, 46.

[274] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 187. Д. 3. Л. 37.

ветскими органами коллективов предприятий и жителей городов, в Сургуте были построены кинотеатр и клуб в посёлке нефтяников, Дома и Дворцы культуры на 600–800 мест в Ханты-Мансийске, Нижневартовске и Нефтеюганске[275]. Это позволило за пятилетие увеличить в 1,2 раза сеть клубных учреждений, которая к началу 1970 г. достигла 231 единиц[276]. Вместе с тем, как утверждали первые руководители автономного округа, «ни сеть, ни материально-техническая база учреждений культуры не удовлетворяла запросов населения»[277].

Действительно, материально-техническая база учреждений культуры на территории Югры была весьма контрастной. Личные впечатления автора, посетившего в начале 1970-х в составе студенческого музыкального коллектива новые городские поселения Севера — рабочие посёлки газовиков Светлый, Игрим, а также пос. Берёзово и г. Ханты-Мансийск, сохранили в памяти это восприятие. Если в посёлках Светлом и Игриме были современные Дома культуры с просторными зрительными залами и хорошей акустикой, прежде всего, эта характеристика относится к ДК пос. Светлый, то в пос. Берёзово Дом культуры напоминал заброшенный сельский клуб. Но независимо от помещений, где проходили концерты, у автора этих строк осталось приятное воспоминание от теплоты той атмосферы, с какой встречали жители поселений выступление нашего студенческого вокально-инструментального коллектива.

Формы проведения досуга жителей северных поселений были разнообразны. Вот как об этом вспоминает северянин А. В. Тягунов, рождение и основная трудовая деятельность которого в 1960–1980-е гг. была связана с пос. Игрим: «Много читали художественной литературы… просмотр телепередач, занятия спортом, встречи с друзьями, охота, рыбалка, посещение местного клуба. После работы можно было сходить в кино, на танцы, все в шаговой доступности… Праздничные концерты, хор, т. к. большинство было задействовано там. Сами шили костюмы»[278].

Основными формами организации досуга, которые были возложены на клубные учреждения и были востребованы населением, являлись демонстрация кинофильмов, приглашение профессиональных и самодеятельных коллективов, проведение танцевальных и тематических вечеров, создание условий для самодеятельного творчества. Но это был далеко не полный перечень форм деятельности, которые были обязаны осуществлять клубы и Дома культуры, организуя досуг населения РНПО. Так, IX пленум Тюменского обкома КПСС, в августе 1964 г. рассмотрев вопрос «О состоянии и мерах по улучшению культурно-бытового обслуживания рабочих, ИТР, служащих нефтяной, газовой, лесной, рыбной промышленности, геологоразведочных экспедиций и строительных организаций», в качестве мер «коренного улучшения деятельности клубов и красных уголков», предлагал использовать такие формы работы, как «организация систематического чтения лекций, докладов, выступлений передовиков производства». Было рекомендовано «практиковать выезды агитаторов на нефтегазопромыслы, привлекая к этой работе ИТР, учителей, врачей, новаторов производства», а «строительство спортплощадок, стадионов, катков осуществлять силами комсомольцев и молодежи»[279].

---

[275] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 187. Д. 68. Л. 53; Из истории культурного строительства в Тюменской области (1918–1975 гг.): сб. документов. Свердловск, 1980. С. 349.

[276] Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: Стат. ежегодник. М., 1977. С. 337.

[277] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 202. Д. 84. Л. 19.

[278] Из личного архива А. В. Тягунова.

[279] ГАСПИТО. Ф. П-2010. Оп. 1. Д. 134. Л. 12, 15.

Пожалуй, одной из самых распространенных форм досуга населения северного округа являлось посещение кино. Именно оно позволяло преодолеть чувство отдаленности от «большой земли». По свидетельству современников, «под кинопоказ приспосабливали все имеющиеся клубы, красные уголки, а подчас и производственные помещения»[280]. Уже в начальный период освоения нефтяных районов Югры партийным руководством области перед органами кинофикации была поставлена задача «организовать показ фильмов во всех населённых пунктах, где живут геологи, строители, нефтегазодобытчики, приспосабливая все имеющиеся помещения»[281].

Судя по отчетам областного отдела кинофикации, в РНПО северного региона складывалась благополучная ситуация с кинообслуживанием населения. В начале 1970-х гг. работников, занятых в нефтяной и газовой промышленности, обслуживали 128 киноустановок, из которых 57 осуществляли показ на широком экране. Кроме того, киноустановки, расположенные в городах-новостройках, были выделены по фильмоснабжению в «особое кольцо» и получали новые фильмы в первую очередь. Многие художественные киноленты здесь демонстрировались одновременно с областным центром[282]. Как свидетельствовала отчетность, представленная руководством области, к середине 1970-х гг. практически все населенные пункты Ханты-Мансийского национального округа, в том числе посёлки геологов, строителей были кинофицированы. Для обслуживания строителей нефте- и газопроводов использовались как передвижные, так и стационарные киноустановки, работающие в балках-вагончиках, так и в других приспособленных помещениях[283].

Организация досуга в районах нефтедобычи учитывала специфику организации труда, связанную с его передвижным характером. Поэтому наряду со стационарными учреждениями культуры в вахтовых поселениях использовались передвижные, а также создавались небольшие в виде красных уголков. По воспоминаниям современников и архивным документам тех лет, они представляли собой помещение на 50–100 мест, где имелся необходимый спортинвентарь (шахматы, шашки, бильярд и т. п.), а также газеты, журналы, средства наглядной агитации[284]. Нередко красные уголки располагали стационарной киноустановкой, а также теле- и радиоаппаратурой. Здесь проводились все «культурные мероприятия»: от спортивных состязаний в настольные игры до выступлений коллективов художественной самодеятельности и демонстрации фильмов. Обязательным элементом деятельности красных уголков была массово-политическая работа, которая предусматривала выступление лекторов, передовиков производства, проведение тематических вечеров[285].

Уровень материального обеспечения красных уголков, а равно и содержание культурно-массовой работы, во многом зависели как от руководства предприятий и ведомств и их профсоюзных организаций, так и самого населения, живущего в посёлках. Об этом свидетельствовали проверки «организации и состояния массово-политической работы» в вахтовых посёлках, осуществляемые партийным руководством нефтедобывающих районов. Так, по результатам фронтальной проверки вахтовых поселений Ханты-Мансийского автоном-

[280] ГАСПИТО Ф. П-124. Оп. 182. Д. 3. Л. 72.
[281] ГАСПИТО Ф. П-124. Оп. 184. Д. 113. Л. 2.
[282] ГАСПИТО Ф. П-124. Оп. 200. Д. 78. Л. 1, 2, 6.
[283] ГАСПИТО Ф. П-124. Оп. 209. Д. 108. Л. 5.
[284] ГАСПИТО Ф. П-2010. Оп. 1. Д. 134. Л. 156.
[285] ГАСПИТО Ф. П-2010. Оп. 1. Д. 234. Л. 55.

ного округа, проведенной в 1980 г. по заданию Тюменского обкома КПСС, самая неприглядная картина сложилась в Красноленинском управлении буровых работ, «в вахтовых посёлках которого отсутствовали элементарные условия для организации досуга вахтовиков: не были оборудованы спортплощадки, отсутствовал спортинвентарь, наглядная агитация. На момент проверки не работал телевизор, не было и киноустановки», «массовые культурные и политические мероприятия проводились здесь редко»[286].

Но были и другие примеры, когда вопросы организации культурного досуга решались иначе. Так, в вахтовых посёлках объединения «Урайнефтегаз» были обустроены футбольные поля и спортивные площадки. В нормальном состоянии находилась теле- и радиоаппаратура, а сами посёлки были радио- и телефицированы. Регулярно проводились конкурсы на лучшую организацию быта и отдыха вахтовиков. Аналогичная картина складывалась и в вахтовых посёлках лесозаготовителей Октябрьского и Советского районов, где уже имелись определённые традиции. «Внимание к людям, забота о них, — как свидетельствовали результаты проверки, — создавали атмосферу благоприятного психологического климата в коллективах вахты»[287]. Эти контрастные примеры являлись ярким свидетельством того, что материальная база для проведения досуга и его содержание, в конечном счете, зависели от отношения к его организации самих коллективов.

Наряду с традиционными формами проведения досуга, что было связано с посещением киносеансов, танцевальных вечеров, прослушиванием выступлений профессиональных и самодеятельных коллективов, население городов-новостроек было вовлечено в разнообразные формы художественного творчества.

В начале 1970-х гг. в Ханты-Мансийском национальном округе, по данным окружного комитета культуры, действовало 263 кружка художественной самодеятельности, в которых занималось 4570 человек. Они дали рождение «Игримскому и Пионерскому хору, Нефтеюганскому и Горноправдинскому танцевальным коллективам, Сургутскому и Берёзовскому оркестрам, Ханты-Мансийскому инструментальному ансамблю[288].

Объединяясь, эти коллективы создавали агитационно-художественные бригады. Постоянно действующие агитбригады были созданы в Ханты-Мансийском, Берёзовском, Советском, Октябрьском, Кондинском районах. На них была возложена задача «культурного обслуживания населения новых городских поселений и сельских населённых пунктов округа: нефтяников, буровиков, строителей, лесозаготовителей, рыбаков»[289]. Только в 1979 г., как следует из отчета документов окружного отдела культуры, «силами этих коллективов было проведено 2245 мероприятий, поставлено 370 концертов, в том числе 22 профессиональными артистами, обслужено более 105 тыс. зрителей»[290].

Как правило, агитбригады помимо самодеятельных художественных коллективов включали лекторов, библиотечных работников, киномехаников. Нередко их участниками были работники службы быта, торговли, медработники, юристы и профессиональные артисты.

---

[286] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). С. 203.

[287] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 198. Д. 26. Л. 51–52, 54.

[288] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 217. Д. 20. Л. 2, 3.

[289] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 200. Д. 78. Л. 10.

[290] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 222. Д. 145. Л. 80.

Именно в таком составе агитколлективы обслуживали вахтовые посёлки лесозаготовителей, рыбаков, геологов, нефтяников, сельские населенные пункты, где проживало коренное население Севера. Регулярно агитколлективами проводились концерты на участках строительства магистральных нефте- и газопроводов. Культурно-бытовое обслуживание вахтовых посёлков и вагон-городков, находящихся на трассах нефте- и газопроводов, участков строительства железной дороги осуществлялось по графику, как правило, 1–2 раза в месяц, если не возникали проблемы с транспортом[291].

Широкую популярность у жителей городов-новостроек приобрели культурно-бытовые поезда, в состав которых наряду с театральными коллективами, концертными бригадами и коллективами художественной самодеятельности входили медицинские и библиотечные работники, мастера службы быта, работники торговли. Такие поезда включали специализированные вагоны, где был передвижной кинозал, «комбинат» бытового обслуживания, вагон-магазин. Только в 1967–1968 гг. культурно-бытовыми поездами было обслужено свыше 300 тыс. чел. Специализированные поезда побывали в новых городах-новостройках — Сургуте, Урае, Нефтеюганске, Нижневартовске, на трассах строительства газопроводов «Игрим — Серов», «Усть-Балык — Омск», у строителей железной дороги «Тюмень — Сургут»[292]. Наряду с культурно-бытовыми поездами в нефтегазодобывающие районы были направлены теплоходы и агитмашины, имеющие то же предназначение[293].

Отсутствие в РНПО художественно-зрелищных организаций, недостаточное развитие сети культурно-просветительских учреждений предопределили поиск различных форм культурного обслуживания. Одной из таких форм становилось культурное шефство. По настоянию Министерства культуры РСФСР Управление культуры Тюменской области в 1967 г. рассмотрело вопрос о культурном обслуживании населения нефтедобывающих районов. С этого момента начинается регулярное культурное шефство, которое взяли на себя областные учреждения культуры: филармония, Тюменский и Тобольский драматические театры, театр кукол, краеведческий музей, Тюменская картинная галерея[294]. Так, в 1970 г. творческими коллективами Тюменского драматического театра и филармонии было дано 1465 спектаклей и концертов и обслужено 238 тыс. зрителей северного региона[295]. Активную роль в культурном шефстве принимала Областная научная библиотека, направляя в РНПО литературу и организуя передвижные выставки. Только в 1976 г. коллективом библиотеки было скомплектовано 27 передвижных библиотек для строителей нефтегазопроводов и направлено в районы новостроек 10 тыс. экземпляров книг[296].

Как свидетельствуют архивные документы, пик культурного шефства со стороны профессиональных и самодеятельных творческих коллективов приходился на вторую половину 1960-х — начало 1970-х гг. Это не означало, что в последующий период произошел отказ от шефской деятельности, но она стала носить эпизодический характер. Вместе с тем, более разнообразными стали ее формы. Одной из таких форм с середины 1970-х гг. становится со-

---

[291] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 222. Д. 145. Л. 65.

[292] Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). С. 205.

[293] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 200. Д. 78. Л. 11.

[294] Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 248.

[295] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 198. Д. 84. Л. 174.

[296] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 21. Д. 54. Л. 4.

дружество творческих коллективов — писательской организации, секции композиторов, отделения Союза художников — с трудовыми коллективами нефтегазодобывающих районов, организация творческих встреч[297].

Традицией на Югорской земле, начиная с 1970 г., стало проведение Дней советской литературы, в которых принимали участие известные советские писатели и поэты, литераторы из других стран. Только за первые пять лет с начала их проведения в районах новостроек побывало около 300 советских и зарубежных писателей[298].

В 1970-е гг. традиционными стали Дни советской музыки. В Днях музыки принимали участие известные композиторы — С. Туликов, Д. Покрасс, С. Кац, А. Эшпай, Л. Лядова, А. Николаев и др[299].

Организация Дней советской литературы, музыки, творческие встречи с писателями, композиторами и исполнителями, безусловно, обогащала культурную жизнь районов нового промышленного освоения. Вместе с тем, они были лишь эпизодическим явлением в социокультурном пространстве РНПО, не оказывая существенного влияния на повседневную жизнь населения северного региона и не восполняя в полной мере его духовные запросы. Как показывали социологические исследования, до 30% опрошенных в качестве одного из мотивов потенциальной миграции называли неудовлетворенность деятельностью учреждений культуры[300].

Таким образом, индустриальное освоение территории Югры изменило как социальный облик северного региона, так и сопровождалось существенными изменениями повседневной жизни его населения. Это нашло отражение в формировании нового содержания проведения досуга и специфических форм удовлетворения культурных потребностей населения Югры.

[297] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 217. Д. 20. Л. 2,3.

[298] Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. С. 249.

[299] Очерки истории Тюменской области. С. 251.

[300] Очерки истории Тюменской области. С. 226.

Часть 4

Культура
Здравоохранение
Спорт

Глава 1

Культурная жизнь и культурная инфраструктура

Советская культурная политика всегда была весьма противоречивой. С одной стороны, культуре придавалось огромное значение в ходе промышленного развития страны, что было закреплено, в том числе, в принятой в 1961 г. Программе КПСС, поставившей задачу «обеспечить быстрое развитие культурной жизни во вновь осваиваемых регионах»[1]. В то же время, культурное строительство являлось одной их самых недофинансированных сфер общественного производства в СССР, развивающейся «по остаточному принципу». Это противоречие в полной мере проявилось в период формирования на территории Ханты-Мансийского национального округа крупнейшего в стране топливно-энергетического комплекса.

В 1950–1980-х гг. учреждения отрасли культуры в СССР представляли собой жестко централизованную государственно-ведомственную систему, четко увязанную с административной структурой поселений и территорий. Для каждого населенного пункта, в зависимости от его административного статуса, был определен состав учреждений культуры и искусства для оказания культурных услуг населению. Это приводило к сосредоточению сравнительно немногочисленных по количеству театрально-зрелищных организаций и учреждений искусства в крупных городах, тогда как небольшие города и сельские населенные пункты обслуживались весьма ограниченным «набором» культурно-просветительных коллективов.

Концентрация культурных ресурсов в крупных городских центрах предполагала, что именно здесь население прилегающих к ним территорий будет получать качественные и востребованные культурные программы. Однако на севере Тюменской области данная централизованная система распределения культурного благ не работала, поскольку до начала промышленного освоения региона его весьма малочисленное население проживало преимущественно в труднодоступных мелких и средних поселениях, отдаленных друг от друга расстояниями в 20–30 и более километров. Удаленность районных центров от окружного составляла 90 км и более. Чтобы добраться от Сургута до Тюмени, например, необходимо было преодолеть около 300 км воздушным транспортом или от 1345 км по воде[2]. При этом даже Тюмень не могла претендовать на роль полноценно сформированного культурного центра региона, поэтому долгое время она могла делегировать только уполномоченных агитаторов и лекторов.

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза М., 1961. С. 227.

[2] Народное хозяйство Тюменской области за 50 лет советской власти. Омск, 1967. С. 68–69.

Рис. 4.1. Участники окружного совещания культпросветработников. Ханты-Мансийск. 1951 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1567

Определенным прорывом в деле знакомства жителей Югры с профессиональным искусством можно считать решение о проведении Тобольским драматическим театром «речных гастролей». Ежегодно, ближе к середине лета, труппа театра на брандвахтах, баржах или рейсовых пароходах отправлялась в большие и малые населенные пункты Обь-Иртышского речного бассейна. В 1961 г. театр получил уже свой собственный пароход «Аркадий Гайдар», прозванный артистами «Аркашей». На небольшом по размеру судне был размещен зрительный зал, приспособленный к показу театральных постановок и кинофильмов. Единственный в Советском Союзе театральный теплоход, увешанный афишами и театральными щитами, только в первый свой гастрольный тур представил 105 спектаклей, которые посмотрели 16 000 зрителей[3].

С 1960-х гг. на север Тюменской области начал выезжать с гастролями Тюменский областной театр кукол, привозивший не только кукольные спектакли для детей и подростков, но и драматические постановки. Приезд театра становился настоящим событием для югорчан, которые порой до ночи ждали артистов. «Местные жители много раз вытягивали из непроходимой грязи наш скромный "гастрольный" автобус. Мальчишки сломя голову бежали навстречу, помогали нести софиты и театральный реквизит. А потом, шмыгая носами, толпились у крыльца сельского клуба, не имея 20 копеек на билет. Конечно, актеры, стоявшие на входе, тайком от администратора запускали в зрительный зал эту горе-команду. И это были самые благодарные зрители!», — вспоминала актриса театра З. Миловидова[4].

[3] Карасиер Д. По волнам памяти. URL: https://tyumedia.ru/43777.html (дата обращения: 23.05. 2023).

[4] Миловидова З. Театр кукол — моя жизнь. URL: http://www.strast10.ru/node/1022 (дата обращения: 23.05.2023).

Рис. 4.2. Кинотеатр «Художественный» в городе Ханты-Мансийске. 1960 г. Государственный архив Югры. Ф. 1. Оп. 1. Д. 718а

Рис. 4.3. Клуб «Рыбников» на месте разрушенной церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Самарово. Ханты-Мансийск. 1950-е гг. Государственный архив Югры. История культуры Югры в архивных документах. Сайт «Архивы Югры»

В то же время следует признать, что приезжие артисты могли познакомить со своим искусством крайне ограниченную часть населения. Поэтому основная нагрузка по улучшению культурного обслуживания населения ложилась на отдел культуры исполнительного комитета Ханты-Мансийского окружного Совета депутатов трудящихся и подведомственные ему учреждения. В 1953 г. в селах и деревнях активизировалась работа по развитию сети сельских и профсоюзных клубов и массовых библиотек. Однако основным препятствием для успешного выполнения поставленных перед работниками культуры задач стало отсутствие необходимых помещений, поскольку материальная база большинства учреждений культуры Югры, созданная строительными организациями Главсевморпути в 1930-е гг., почти не обновлялась в течение последующих тридцати лет[5]. Как следствие, к середине 1960-х гг. 39,9% населённых пунктов округа не имели стационарных учреждений культуры[6], из всех клубов и домов культуры только 50% размещались в собственных помещениях[7], 80% находились в аварийном состоянии[8]. Большинство прочих учреждений культуры располагались в ветхих, часто арендуемых зданиях колхозов и других ведомств, совершенно непригодных для проведения культурно-массовой работы. Крайне недостаточным было и количество учреждений культуры: на одно клубное учреждение Югры приходилось в среднем 1500 чел. при вместимости 70% клубов от 50 до 100 мест[9]. Такая же ситуация складывалась и с библиотеками, где в среднем один библиотекарь обслуживал 1600 чел. при нормативной нагрузке 500 читателей на одного библиотечного работника[10]. В большинстве населённых пунктов отсутствовали детские художественные и музыкальные школы.

---

[5] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 198. Д. 106. Л. 15.

[6] Подсчитано по материалам: Штубова Е. В. Проблемы культурного развития промышленных регионов России в 1970-е — 1980-е годы (опыт сравнительного анализа) // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.): Материалы Второй всерос. науч. конф. Т. 2. Омск, 1995. С. 99.

[7] Подсчитано по материалам: ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 560. Л. 47, 85–86.

[8] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 490. Л. 113.

[9] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 490. Л. 110.

[10] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 490. Л. 110.

Столь же бедственным было положение со средствами культурно-массовой работы, централизованное обеспечение которыми по линии Госснаба РСФСР и ведомственных систем было крайне затруднено в значительной степени из-за удаленности региона от центров распределения фондов и отсутствия устойчивых путей сообщения. В результате почти половина учреждений культуры округа не имели необходимого для работы культинвентаря. Например в клубах нередко отсутствовали даже занавески на окнах и сценах, а музыкальные инструменты, приемники, настольные игры и прочий необходимый клубный инвентарь являлись дефицитом[11]. В библиотеках катастрофически не хватало книг: в 1965 г. в среднем по сельским библиотекам на одного жителя приходилось 2,1 книги, а в ряде населённых пунктов, например, Урае, Междуреченском и Пионерском — по 0,2 книги[12].

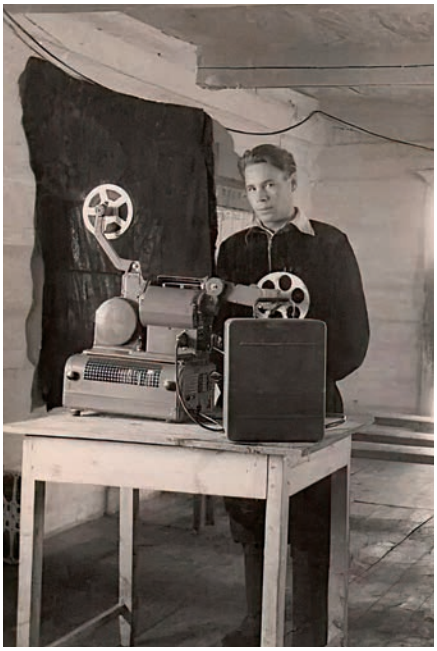


Рис. 4.4. Петр Иванович Бессонов, почетный кинематографист России, с 1958 г. киномеханик на киноустановках в деревнях Пырьях, Тренька, Сугунчум, Затоне, директор Ханты-Мансийской районной дирекции киносети (1965–1992). Конец 1950-х — 1960-е гг. Государственный архив Югры. Мир культуры: из прошлого в будущее». Жизнь — кинолента... Сайт «Архивы Югры»

Еще одной из важнейших проблем учреждений культуры было отсутствие профессиональных кадров. Самые большие сложности наблюдались при комплектовании штатов сельских клубов, где к 1965 г. только 20% работников имели среднее специальное образование[13]. В ряде случаев заведующими клубов работали люди, закончившие всего лишь 3–5 классов общеобразовательной школы[14]. Как следствие, многие клубы открывались только для показа сеанса кино или проведения танцевального вечера. В этих условиях кино играло незаменимую роль в организации досуга людей, с нетерпением ожидавших новые фильмы. Помимо стационарных точек кинопоказа в округе работали киноперед вижки, обслуживавшие отдаленные деревни, рыбацкие станы, стойбища оленеводов. Как рассказывает казымский киномеханик И. А. Канев, «зимой выезжали на оленях, а летом на лодках, перевозя с собой всю аппаратуру и электростанцию весом 80–100 кг. Летом к киномеханикам присоединялись клубные работники с концертами»[15].

Характерным проявлением происходивших в 1950-х гг. изменений в культурных увлечениях югорчан и способах проведения ими свободного времени являлся повышенный интерес населения к художественной самодеятельности, созданию разнообразных кружков и народных театров. Одним из таких энтузиастов неформального творчества была преподаватель русского языка Нялинской, а затем Базьяновской сельских школ Л. Ф. Логинова. Организованный ею нялинский драмкружок пользовался заслуженной популярностью в Самаровском районе, гастролируя во время каникул даже в отдаленных посёлках автономного

[11] ГАТО. Ф 1731. Оп. 1. Д. 483. Л. 10.

[12] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 560. Л. 39.

[13] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 179. Д. 19. Л. 19.

[14] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 483. Л. 10.

[15] Мир культуры: из прошлого в будущее / Архивы Югры. URL: http://www.admbel.ru/upload/iblock/224/2243769a892242c808f5680cad8c869d.pdf (дата обращения: 23.05. 2023)

Рис. 4.5. Национальный творческий коллектив Октябрьского района — участник областной декады культуры и искусства в городе Тюмени. 1959 г. Архивный отдел администрации Октябрьского района. Фотофонд. Оп. 1. Д. 174

Рис. 4.6. Ханты-Мансийский народный драматический театр, детская группа. Сцена из спектакля Ф. Шиллера «Вильгельм Телль». 1960-е гг. Государственный архив Югры. Завьялова Л. М. О «хрустальной» туфельке, пожарных касках и не только... Сайт «Архивы Югры»

Рис. 4.7. Сцена из спектакля Т. Габбе «Золушка». 1960-е гг. Государственный архив Югры. Завьялова Л. М. О «хрустальной» туфельке, пожарных касках и не только... Сайт «Архивы Югры»

округа. В Базьяново Лидия Фоминична организовывала праздничные концерты силами самодеятельных артистов, а драмкружок под ее руководством показывал на сценах сельских клубов такие сложные произведения, как драма А. С. Пушкина «Русалка» и опера А. Н. Островского «Снегурочка». В 1959 г. Л. Ф. Логинова стала руководителем и режиссером Народного театра Ханты-Мансийского округа, а в 1961 г. ей предложили возглавить народный театр для детей, которому было отдано еще 10 лет жизни талантливой и безмерно преданной своему делу творческой личности[16].

Еще одним проявлением народной инициативы стало создание музеев на общественных началах, получившее в последующие годы широкое распространение. Так, в 1963 г. в Сургуте в т. н. «красной школе» и бывшем парткабинете, принадлежавших когда-то купцам Клепиковым и являвшихся архитектурной и исторической достопримечательностью Сургута, был открыт краеведческий музей. Это событие связано с именем известного сургутского краеведа Ф. Я. Показаньева, много лет собиравшего сведения об истории Сургутской земли, выступавшего в печати, на собраниях, в школах, перед руководством города с обоснованием необходимости создания музея. Сам Флегонт Яковлевич долгое время был директором музея, хранителем фондов и экскурсоводом на общественных началах[17].

С началом промышленного освоения региона, сопровождавшегося ростом городов и рабочих посёлков, интенсивной миграцией

[16] Завьялова Л. М. О «хрустальной» туфельке, пожарных касках и не только... / Архивы Югры. URL: https://arhivugra.admhmao.ru/istoriya-razvitiya-otrasley-yugry-/istoriya-kultury-yugry-v-arkhivnykh-dokumentakh/2365984/statya-glavnogo-metodista-ku-gosudarstvennyy-arkhiv-yugry-l-m-zavyalovoy-o-khrustalnoy-tufelke-pozha/ (дата обращения: 23.05.2023).

[17] Сургут и сургутяне: Рассказ о людях и времени / сост. Г. В. Кондрякова. Тюмень, 1998. С. 7, 98.

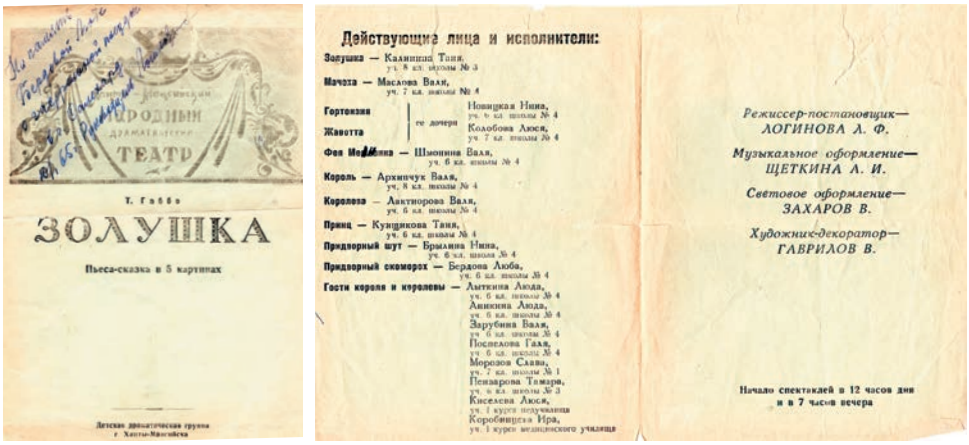


Рис. 4.8. и 4.8.а. Программа спектакля Т. Габбе «Золушка» с автографом Л. Ф. Логиновой. 1965 г.
Государственный архив Югры. Завьялова Л. М. О «хрустальной» туфельке, пожарных касках и не только... Сайт «Архивы Югры».

рабочих кадров преимущественно молодежного возраста в округе заметно активизировалось культурное строительство.

В 1965–1970 гг. количество клубов увеличилась на 40 единиц, а киноустановок — на 79. В связи с проводившейся в стране реорганизацией библиотечной сети, книжный фонд в округе увеличился на 316 тыс. экземпляров[18]. Для округа это был существенный рост, учитывая, что индустриальное строительство было начато в нем без предварительной подготовки социальной инфраструктуры[19].

Отсутствие стратегии социального развития региона генерировало пассивное отношение руководителей градообразующих предприятий к решению вопросов культурного строительства в новых «нефтяных городах». Оно усиливалось остаточным принципом его финансирования. При этом нередко применялись устаревшие проекты с невыразительным художественным оформлением, не соответствующие природно-климатическим условиям Севера. Клубы вместимостью до 100 мест вообще строились «без всяких проектов и привязки», зачастую под них приспосабливали ненужные или промышленные помещения, такие как гаражи или склады[20]. Остальные учреждения культуры также размещали в помещениях, нередко не соответствующих своему назначению. Например в классах Сургутской детской музыкальной школы отсутствовали форточки, не было питьевой воды, умывальника, в неисправном состоянии находилась электропроводка[21]. В некоторых ДМШ зимой даже при регулярном отоплении температура в помещении не превышала 5 градусов тепла[22], нередко отсутствовали туалеты[23].

---

[18] Подсчитано по: Народное хозяйство Тюменской области за 50 лет советской власти: Стат. сб. Омск, 1967. С. 275; Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970 годы:): Стат. сб. Омск, 1971. С. 229.

[19] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 8563. Л. 70 об.

[20] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 502. Л. 66.

[21] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 733. Л. 27.

[22] ГАТО. Ф. 1732. Оп. 1. Д. 490. Л. 116.

[23] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 589. Л. 52.

Рис. 4.9. Общая панорама двух «старейшин» Сургута — музыкальной школы и музея. 1970 г. Фото: А. Ф. Мясников. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 2. Д. 92. Л. 1

Рис. 4.10. Здание окружного краеведческого музея в Ханты-Мансийске. 1976 г. Государственный архив Югры. Фонд Фотодокументов. Оп. 1. Д. 451. История культуры Югры в архивных документах. Сайт «Архивы Югры»

Работа учреждений культуры была в значительной мере формализована и представляла собой стандартный набор форм обслуживания, включающий в себя мероприятия агитационно-пропагандистского характера, направленные на разъяснение решений партийных съездов и пленумов, мобилизацию населения на выполнение пятилетних планов. Но даже в этой ангажированной пропагандистской работе мало внимания уделялось разъяснению исторического значения создания в Ханты-Мансийском национальном округе крупнейшего в стране нефтегазового комплекса, специфических условий освоения региона и его стратегических задач. «Культурная работа» ограничивалась организацией танцевальных вечеров.

Своеобразным отзывом на работу таких «очагов культуры» можно считать сатирический куплет комсомольца из Локосова В. Шевчика:

В клубе пол когда-то мыли,
А когда — давно забыли.
Мы культурно отдыхаем:
Пыль по стульям собираем.
Хватит в клубе грязи сей,
Ну, хоть репушку посей[24].

Однако по мере прибытия на объекты ЗСНГК молодого пополнения нефтяников, газовиков, энергетиков и строителей содержание работы клубных учреждений заметно менялось. В их работе стали появляться новые, соответствующие достаточно высокому образовательному и культурному уровню прибывающих на новостройки Югры людей, формы работы: вечера музыки, поэзии, недели культуры и искусства, клубы по интересам, клубы веселых и находчивых, молодежные диспуты о вкусах и морали и т.д[25]. Ориентация учреждений культуры на максимально широкий охват населения массовыми мероприятиями привела к развитию самодеятельного творчества, организации кружков и творческих коллективов[26].

[24] Сургутская трибуна. 1970. 23 мая. С. 4.
[25] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 200. Л. 6.
[26] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 699. Л. 1, 3; Д. 946. Л. 51; Д. 1027. Л. 155–160.

В конце 1960-х гг. руководство страны приняло решение о необходимости строительства на севере Западной Сибири базовых городов и благоустроенных посёлков городского типа. При этом одной из важнейших задач становилось строительство учреждений культуры. В ходе социологического опроса, проведенного в 1969 г. Институтом экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, 34,5% респондентов указали, что одной из главных причин миграционного оттока с территорий нефтегазодобычи стала неудовлетворенность культурно-бытовым обслуживанием[27]. Поскольку наибольшую заинтересованность в создании благоприятных условий для своих работников испытывали ведомства, осваивавшие регион, ЦК КПСС и Совет Министров СССР в постановлении «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» от 1969 г. разрешили осуществлять строительство объектов культурного назначения в районах Тюменской области министерствам геологии, газовой, нефтедобывающей промышленности СССР и Совету Министров РСФСР[28]. Это решение фактически узаконило сложившуюся ранее практику сооружения учреждений культуры силами организаций и предприятий. В 1980 г. капитальные вложения различных министерств по отрасли «культура» составили по области 65% всех инвестиций[29].

Рис. 4.11. Выступление оркестра треста «Сургутстрой» на открытии ДК «Космос». Сургут. 1964 г. Фото: А. Ф. Мясников. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 2. Д. 110. Л. 1

Рис. 4.12. Выступление самодеятельного ансамбля на празднике 1 мая в Сургуте. 1965 г. Фото: А. Ф. Мясников. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 2. Д. 61. Л. 1

В то же время, поскольку ведомства были заинтересованы прежде всего в создании благоприятных условий для работников своих предприятий, возникли существенные диспропорции в развитии сети учреждений культуры. Многие поселения в сельскохозяйственных районах и местах проживания коренных народов Севера по-прежнему имели минимальный набор культурно-просветительных учреждений, а порой оказывались вне зоны культурного обслуживания. По инициативе советских и партийных органов на местах ряд предприятий, организуя шефскую помощь отдельным сельским поселениям, получали взамен сельскохозяйственную продукцию и предметы народных промыслов. Наиболее активно такое

[27] Гущин Н. Я. Население в Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995. С. 27.

[28] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 11. М., 1986. С. 468.

[29] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 969. Л. 64.

Рис. 4.13. Клуб «Рыбников». Ханты-Мансийск. 1975 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 274. История культуры Югры в архивных документах. Сайт «Архивы Югры»

Рис. 4.14. Дворец культуры «Октябрь» в Ханты-Мансийске. 1977 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 271. История культуры Югры в архивных документах. Сайт «Архивы Югры»

взаимовыгодное сотрудничество развивалось в Нижневартовском и Сургутском районах, что, впрочем, не решало проблему остальных «не нефтяных» территорий.

В 1970-е гг. начала меняться практика строительства массовых учреждений культуры. В рамках долгосрочной программы по реорганизации сети учреждений культуры, призванной решить задачи комплексного развития социальной инфраструктуры населённых пунктов округа, происходила замена сельских клубов на дома культуры, как путем строительства новых зданий, так и за счет дополнительного расширения уже существующих площадей[30]. Реорганизация затронула также передвижные учреждения культуры, обслуживавшие коренные народы Севера: вместо 9 красных чумов в 1973 г. были созданы 5 агитационно-культурных бригад, представлявших собой новые типы учреждений культуры[31].

Серьезную проблему по-прежнему представляло собой материальное состояние объектов культуры, которые при отсутствии своевременных ремонтных работ быстро ветшали в сложных природно-климатических условиях Севера. Министерством культуры РСФСР неоднократно предпринимались попытки увеличить финансирование работ по капитальному ремонту. Однако, учитывая крайне запущенное состояние материально-технической базы отрасли культуры, выделяемых средств, даже с учетом дополнительных ассигнований, было недостаточно. К примеру, ремонт Сургутского дома культуры «Строитель» не проводился 7 лет с момента сдачи его в эксплуатацию в 1969 году. За это время лучший по содержанию творческой работы дом культуры города приобрел самый неэстетический вид, представлявший собой вросшие в землю окна, разбитые двери, обшарпанные стены, сырость, отсутствие света и вентиляции во многих комнатах, аварийное электроснабжение[32].

Большая работа велась по централизации библиотек Югры. В 1976 г. в качестве эксперимента была создана окружная Центральная библиотечная система (ЦБС) в г. Ханты-Мансийске,

[30] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1071. Л. 46.

[31] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 798. Л. 238; Д. 825. Л. 13.

[32] Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 34. Оп. 1. Д. 27. Л. 3–4.

ставшая одной из областных баз передового опыта методики централизации библиотек. Возглавила эту работу заведующая окружной библиотеки, первый директор Ханты-Мансийской ЦБС и первый в округе заслуженный работник культуры Н. В. Лангебах. Всего к 1980 г. в округе было создано 11 ЦБС[33].

Учитывая сложившиеся в округе недостатки централизованного обеспечения библиотечных учреждений печатной продукцией, в результате чего массовые библиотеки недополучали до 30% литературы по каждому наименованию[34], в районах нефтегазодобычи были реализованы несколько различных вариантов пополнения книжного фонда. Одним из них было перераспределение книжных фондов библиотек как внутри Тюменской области, так и с привлечением библиотечных учреждений РСФСР. В марте 1970 г. Министерство культуры РСФСР распорядилось направить библиотекам Севера Тюменской области 270 тысяч книг из фондов крупнейших библиотек страны[35]. В апреле в акцию активно включились ведущие библиотеки Тюменской области и за 1970–1971 гг. книжный фонд окружных библиотек пополнился из этого источника более чем на 12 тыс. книг[36]. Этот опыт был повторен в 1981 г., когда из обменно-резервного библиотечного фонда страны было передано управлению культуры Тюменского облисполкома по 10–15 тыс. экземпляров актуальной политической и научно-технической, а также ценной художественной литературы[37].

Весьма эффективным средством пополнения библиотечных фондов стал сбор литературы у населения, в ходе которого библиотекари могли полностью контролировать ее. Так, Нижневартовская городская ЦБС при участии горкома ВЛКСМ регулярно пополняла подобным образом фонды трассовых и вахтовых передвижных библиотек. Только в 1980 г. жителями округов было передано в библиотеки 3120 экз. книг[38].

Существенные изменения произошли также в организации кинообслуживания населения Югры. Из-за удаленности населённых пунктов от отделений кинопроката и недостаточного количества фильмокопий, в конце 1960-х гг. новые широкоэкранные фильмы доходили до зрителей округа только через 5–6 месяцев после выпуска их на экраны кинотеатров областного центра[39]. В 1970 г. президиум ЦК профсоюза работников культуры выделил киноустановки, расположенные в основных районах новостроек в особое кольцо по фильмоснабжению, в результате чего киноленты в окружное отделение кинопроката доставлялись в первую очередь, поступая непосредственно с копировальных фабрик. Это позволило повысить показатели обеспеченности одной киноустановки до 13 копий на широкой пленке и 18 на узкой, что было значительно выше соответствующих значений по области, составивших 7,1 и 14,4 фильмокопий[40]. Одновременно в округе была проведена большая работа по замене устаревших аппаратов, экранов и другой кинотехники, и уже к середине 1970-х гг. 40% киноустановок были переоборудованы для показа на широкий экран[41].

---

[33] Сердюк Л. Эпоха Лангебах // Вестник культуры. № 15. 1999. С. 2.

[34] ГАОПОТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 200. Л. 36.

[35] ГАОПОТО. Ф. 3912. Оп. 1. Ф. П-124. Оп. 200. Д. 114. Л. 9.

[36] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 200. Д. 114. Л. 9.

[37] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 929. Л. 123.

[38] ГАОПОТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 290. Л. 8.

[39] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 195. Д. 78. Л. 38.

[40] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 200. Д. 114. Л. 5–7.

[41] ГАСПИТО. Ф. П-124.Оп. 209. Д. 108. Л. 5.

Деятельность учреждений культуры в этот период в целом сохранила свою агитационно-пропагандистскую направленность и определенный формализм в работе с населением, отодвигая на второй план задачи эстетического воспитания. Стремительное развитие территорий промышленного освоения выдвигало перед работниками культуры новые задачи, ориентируя их на обслуживание трудовых коллективов непосредственно на предприятиях, вахтовых и трассовых посёлках силами агитбригад, передвижных библиотечек и киноустановок. Работу в этом направлении координировали межведомственные Советы, созданные при управлениях культуры и кинофикации, которые ежегодно разрабатывали и утверждали единый комплексный план обслуживания районов новостроек, магистральных газопроводов, согласованный с главками и объединениями, ведущими промышленное освоение и обустройство энергетического комплекса[42].

Рис. 4.15. Агитбригада Дома культуры «Геолог» Правдинской нефтеразведочной экспедиции. Руководитель А. П. Лысоконь. 1976 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 277. История культуры Югры в архивных документах. Сайт «Архивы Югры»

Руководящие органы отрасли культуры поощряли разработку темы освоения нефтегазовой целины в литературе и искусстве и включение произведений о трудовых буднях жителей Тюменского края в репертуар коллективов художественной самодеятельности. В помощь агитбригадам областной Дом народного творчества совместно с обкомом ВЛКСМ и облсовпрофом провели в 1971–1975 гг. три конкурса самодеятельных авторов на создание музыкально-хоровых произведений и сценариев, а в 1974 г. в г. Свердловске был выпущен сборник песен тюменских композиторов-любителей «Строим город»[43].

Большое распространение получили фестивали «Дружбы народов СССР», «Самотлорские ночи», «Тюменский меридиан», Дни культуры отдельных союзных республик и городов, Дни советской литературы, Дни советской музыки и т. п. С 1970 г. ежегодно в округ приезжали писатели П. Нилин, Г. Марков, С. Смирнов, С. Капутикян, сатирики А. Арканов, Г. Горин, поэты

[42] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 969. Л. 51–52.

[43] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 969. Л. 51–52.

Рис. 4.16. Хор русской песни под руководством Б. А. Шабанкина во время выступления на традиционном фестивале искусств «Самотлорские ночи». 1988 г. Архивный отдел администрации города Нижневартовска. Фотофонд. Оп. 1. Д. 963. Фотовыставка «Самотлорская ночь — белокрылая белая птица». К 45-летию города Нижневартовска. Сайт «Архивы Югры»

Рис. 4.17. Выступление хореографического коллектива «Родничок» городского детского Дома культуры на XIV фестивале труда и искусств «Самотлорские ночи». 1988 г. Архивный отдел администрации города Нижневартовска. Фотофонд. Оп. 1. Д. 541. Фотовыставка «Самотлорская ночь — белокрылая белая птица». К 45-летию города Нижневартовска. Сайт «Архивы Югры»

Рис. 4.18. Выступление театра русской и фольклорной песни, удостоенного звания лауреата ВДНХ СССР, на XVI фестивале «Самотлорские ночи». 1990 г. Архивный отдел администрации города Нижневартовска. Фотофонд. Оп. 1. Д. 679. Фотовыставка «Самотлорская ночь — белокрылая белая птица». К 45-летию города Нижневартовска. Сайт «Архивы Югры»

Е. Евтушенко, Ю. Друнина, Р. Казакова, композиторы С. Туликов, Д. Покрас, А. Эшпай, Л. Лядова, певцы Л. Лещенко, Э. Пьеха, И. Кобзон, А. Пугачева и другие. «Теперь уже не верится, — вспоминал много лет спустя Лев Лещенко, — что первые концерты проходили прямо на опушке леса, в поле, на буровой. В день давали по 3–4 концерта, а до благодарного зрителя, живущего в палаточных городках, добирались на вертолетах, а то и по бездорожью на вездеходах»[44].

[44] Карпов В. П. Проблемы организации досуга населения в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. 1960–1980-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4. С. 237–238.

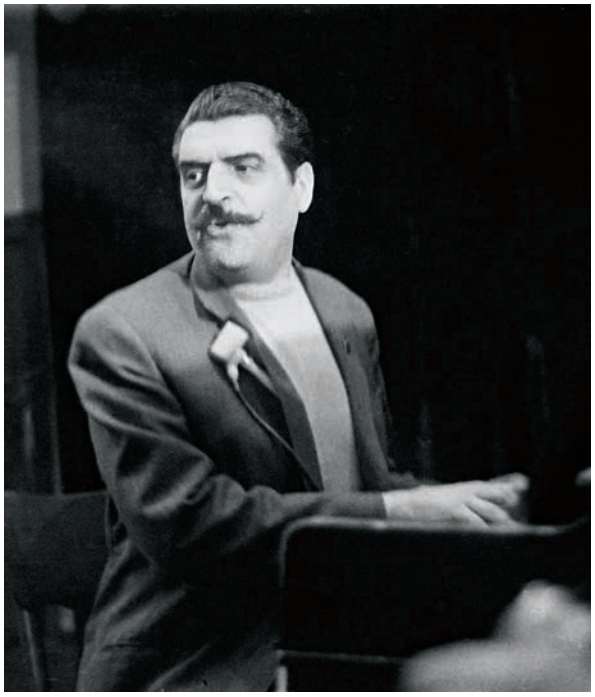


Рис. 4.19. Ян Френкель — композитор, заслуженный артист России на концерте во время посещения Сургута. 1970 г. Фото: А. Ф. Мясников. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 2. Д. 136

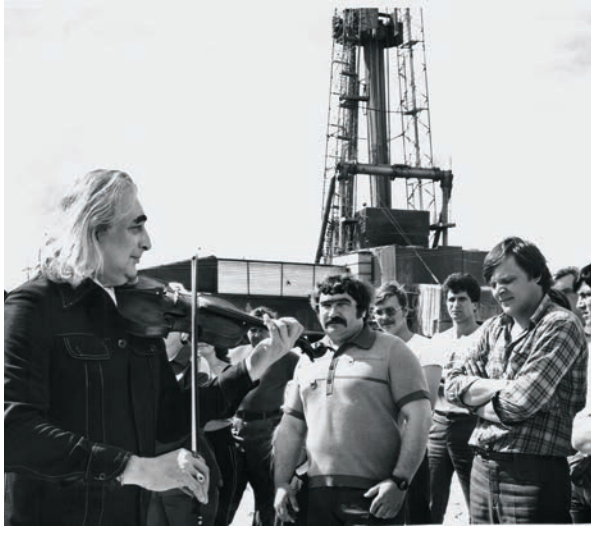


Рис. 4.21. Выступление участника фестиваля искусств «Тюменский меридиан» — скрипача А. Я. Якулова для бригады лауреата Государственной премии, бурового мастера В. Л. Сидорейко 1986 г. Фото: В. Одиянов. Выставка архивных документов Нижневартовского городского архива, посвященная году литературы в Российской Федерации. Сайт «Архивы Югры»

Рис. 4.20. Ансамбль струнных инструментов во время выступления перед бригадой буровиков на сцене, устроенной из труб, на фоне буровой вышки. 1980 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 4. Д. 43. Л. 4. Региональная фотовыставка «90 лет в мире и согласии. На благо Югры, на благо России». Сайт «Архивы Югры»

В рамках Всесоюзных фестивалей народного творчества регулярно проводились смотры и конкурсы художественной самодеятельности, появлялись новые интересные коллективы, многие из которых неоднократно выезжали за пределы Тюменской области, отстаивая звание передовых. Так, на зональном показе в Перми в 1973 г. самодеятельность Ханты-Мансийского округа была удостоена 13 дипломов лауреатов и 11 дипломов 1 степени Всероссийского смотра[45]. В 1977 г. народный театр г. Нефтеюганска стал дипломантом зонального конкурса в Кирове[46], а ансамбль «Миснэ» Ханты-Мансийского ОДНТ принимал участие в заключительных концертах I Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества в Москве[47].

В то же время, многие кружки не отличались стабильностью и работали только во время подготовки к смотрам художественной

[45] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 798. Л. 334.

[46] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 241. Л. 25.

[47] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 844. Л. 289.

Рис. 4.22. Ансамбль песни и танца Нижневартовского Дворца культуры нефтяников «Октябрь» во время выступления в Москве на Центральном телевидении. 1970-е гг. Архивный отдел администрации города Нижневартовска. Фотофонд. Оп. 3. Д. 44. Л. 8. История культуры Югры в архивных документах. Сайт «Архивы Югры»

самодеятельности[48]. Заслуженный работник культуры РСФСР С. Ф. Липявко очень метко оценила развитие народного творчества в этот период как находившееся «на уровне некоего эпизодического предпраздничного состояния»[49]. Однако потребность в творческом самовыражении, стремление познать что-то новое и просто провести время среди интересных и увлеченных людей была очень высока, особенно в молодежной среде. Неслучайно одними из самых популярных мероприятий были встречи команд КВН, собиравшие такое количество участников, зрителей и болельщиков, что по массовости они не уступали спортивным зрелищам[50]. Окружные газеты регулярно печатали стихи и рассказы самодеятельных авторов, вдохновленных трудовым подвигом покорителей нефтяной целины и суровой, но удивительно прекрасной природой Югры. Талантливая поэтесса А. Неклюдова посветила ей такие строки:

Приезжай, пока строится город,
Пока сердце романтику слышит.
Здесь неведом поэту холод.
Здесь легко он с землею дышит[51].

В данных условиях одним из важнейших факторов преодоления застарелых проблем в работе учреждений культуры становится системная работа квалифицированных организаторов и руководителей формирования культурной среды городов и посёлков. Ярким примером такого типа организатора являлась С. В. Липявко, приехавшая в Сургут в 1967 г. За достаточно короткое время при ее непосредственном участии в городе появились первые молодежные коллективы: джаз-оркестр городского дома культуры под руководством В. Коренева, вокально-инструментальный ансамбль кинотеатра «Рубин» под руководством С. Гумерова, вокальная мужская группа В. Куйды клуба геологов. В 1974 г. Софья Васильевна, возглавив Сургутский городской отдел культуры, пригласила творческую группу из Харькова во главе с режиссером А. Монастырским, в которую вошли балетмейстер Р. Карасев, вокалисты Н. Карасевай, Г. Казаченко, Э. Пиркэлаб, танцоры В. Стрельченко и В. Ермаченко.

---

[48] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 241. Л. 41.

[49] Захарова Л. Так было, так начиналось. URL: https//surgut.bezformata.com/listnews/tak-bilo-tak-nachinalos/53760390/ (дата обращения: 23.05.2023).

[50] Белова А. Предстоит еще встретиться // К победе коммунизма. 1970. 6 июня. С. 4.

[51] Сургутская трибуна. 1970. 13 января. С. 4.

Впоследствии С. В. Липявко назовет такой способ решения наболевшей кадровой проблемы рискованным шагом, но он оказался на редкость успешным, придав импульс рождению новых творческих инициатив. В частности, уже через город группа А. Монастырского создала программу «Есть такой город — Сургут», высоко оцененную не только сургутянами, но и заслужившую теплый прием на сценах Москвы, в том числе на главной выставке страны — ВДНХ. В 1979 г. в Сургут пригласили еще одного харьковчанина — Я. С. Черняка, также начавшего свою деятельность в ДК «Строитель». Именно с его именем связывают зарождение в городе новой, высокой культуры, давшей основание называть Сургут культурной столицей Среднего Приобья[52].

Рис. 4.23. Выступление народного духового оркестра на встрече бойцов стройотряда им. 25-летия целины, прибывших в Сургут. 1979 г. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 977. Л. 1

В это переломное для формирования сферы культуры округа десятилетие было также положено начало ликвидации сложившейся диспропорции в составе учреждений культурного назначения. В частности, учитывая рост числа молодых семей в районах нефтегазодобычи, в городах и посёлках Югры стали открываться детские музыкальные школы. Если в 1965 г. в автономном округе было всего 6 ДМШ, то к 1975 г. их количество увеличилось до 18[53]. Следует признать, что количество школ не могло удовлетворить имеющиеся потребности в музыкальном образовании молодых югорчан. В регионе катастрофически не хватало помещений. К примеру, в 10 классах Ханты-Мансийской ДМШ обучались 188 детей, в Советской ДМШ на 164 ученика имелось 6 классных комнат для занятий, в Сургутской ДМШ № 2 в 10 классах обучались 300 человек. Из-за этого некоторые преподаватели вынуждены были увеличивать свой рабочий день до 21 часа[54]. Не менее важной задачей являлось обеспечение школ

[52] Захарова Л. Так было, так начиналось. URL: https //surgut.bezformata.com/listnews/tak-bilo-tak-nachinalos/53760390/ (дата обращения: 23.05.2023).

[53] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 831. Л. 14.

[54] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 797. Л. 145, 246, 391–392.

музыкальными инструментами, оборудованием и учебно-методической литературой. Тем не менее, преподаватели и учащиеся музыкальных школ все более активно принимали участие в приобщении жителей региона к музыкальной культуре. На любви к искусству и на энтузиазме проводились выездные концерты, лекции, оказывалась помощь художественной самодеятельности, создавались народные филармонии для детей. В большинстве школ округа были сформированы оркестры народных инструментов, ансамбли баянистов, хоры.

Рис. 4.24. Выступление учеников и преподавателей детской музыкальной школы. 1980-е гг.
Архивный отдел администрации Белоярского района. Фотофонд. Мир культуры: из прошлого в будущее. Сайт «Архивы Югры»

Огромное значение для организации местных творческих центров имело открытие в 1972 г. Сургутского музыкального училища, взявшего на себя методическое руководство детскими музыкальными школами Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов[55]. Молодые преподаватели, среди которых были настоящие энтузиасты своего дела — И. Б. Буйвид (Ткаченко), Л. Ю. Гришина, В. И. Гришин, В. Н. Марченко, С. И. Марченко и ряд других музыкантов прибыли в Сургут из Уральской, Ленинградской, Горьковской (Нижегородской) и Ростовской консерваторий, Харьковского института искусств[56]. Они возглавили работу по пропаганде музыкальных знаний, регулярно проводя лекции-концерты, музыкальные капустники, литературно-музыкальные композиции. Ежегодно концертные бригады училища осуществляли порядка 200 поездок в трассовые посёлки, на месторождения, в крупные организации города — НГДУ «Сургутнефть», «Федоровскнефть», Трест «Сургутпроводстрой» и другие промышленные подразделения, обслуживая до 22 тыс. слушателей[57]. Живое исполнение со сцены музыкальных произведений пользовалось гораздо большим интересом, нежели «музыкальные консервы», как называли местные жители записи на пластинках и магнитных лентах.

[55] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 220. Л. 8.

[56] Анашкина И. История написана и пишется // Новый город. 2007. № 227. С. 10.

[57] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 354. Л. 21–22.

Рис. 4.25. М. С. Киров — преподаватель сургутской музыкальной школы № 1 во время выступления на вечере, посвященном 90-летию А. С. Знаменского. Сургут. 1988 г. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 162

В 1980-е гг. начинается новый этап развития сферы культуры Югры. Возникшие в нефтегазовой отрасли кризисные явления обусловили повышенное внимание к региону высших руководящих органов, предпринявших конкретные практические шаги по выравниванию возникших диспропорций между промышленным и социальным развитием территорий промышленного освоения. Решения по комплексному развитию Севера Западной Сибири подкреплялись планом Министерства культуры РСФСР развития культуры и искусства в районах Сибири и Дальнего Востока на 1981–1985 гг., согласно которому проблемами Тюменской области должен был заниматься специально созданный координационный совет[58]. В 1981 г. совместным постановлением коллегий Министерства культуры РСФСР, Госкино РСФСР, Госкомиздата РСФСР, президиумов ЦК профсоюза рабочих нефтяной и газовой промышленности и ЦК профсоюза работников культуры «О состоянии и мерах улучшения культурного обслуживания трудящихся Тюменской области в свете решений XXVI съезда КПСС» в качестве основных направлений деятельности предусматривалось создание крупного культурного центра в г. Тюмени и региональных центров в Сургуте и Нижневартовске, а также ставилась задача довести до нормативного уровня показатели обеспеченности населения ресурсами культурного обслуживания[59].

Однако, несмотря на более высокие, чем в среднем по РСФСР, темпы развития сети учреждений культуры, нормативных показателей к 1985 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе достичь не удалось. Обеспеченность местами в клубных учреждениях Тюменского Севера составила менее 60% от нормы, в кинотеатрах — менее 20%, в массовых библиотеках на одного жителя приходилось 4,1 книги, или 53% от среднереспубликанского уровня[60]. Причем, несмотря на повышенное внимание к городам и посёлкам нефтяников и газовиков, в них эти показатели также оставались крайне низкими. Так, например, обеспеченность клубными местами в Нижневартовске составила 34% к норме, Сургуте — 32, Нефтеюганске — 29, Лангепасе — 45, Когалыме — 38, Радужном — 26, Нягани — 22[61].

Нехватка ресурсов отчасти решалась путем дальнейшего расширения внестационарных форм обслуживания населения. Во всех районах округа были созданы координационные центры, объединяющие все учреждения культуры и разрабатывавшие единые графики выездов коллективов художественной самодеятельности и агиткультбригад[62]. Только в 1981 г.

---

[58] ЦГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 36. Д. 544. Л. 7–8.

[59] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 308. Л. 27–28, 122.

[60] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 242. Д. 183. Л. 1.

[61] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 242. Д. 183. Л. 44.

[62] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 932. Л. 17.

Рис. 4.26. Вокально-инструментальный ансамбль фольклорно-этнографической агитлодки во время выступления перед жителями национальной деревни Сартынья Берёзовского района. 1978 г. Архивный отдел администрации Берёзовского района. Фотофонд. Оп. 2. Д. 279. Региональная фотовыставка «90 лет в мире и согласии. На благо Югры, на благо России». Сайт «Архивы Югры»

Рис. 4.27. Во время концерта агитбригады на теплоходе «Антонин Зырянов» в с. Ларьяк. 1978 г. Архивный отдел администрации Нижневартовского района. Фотофонд. Оп. 1. Ед. хр. 4. Региональная фотовыставка «90 лет в мире и согласии. На благо Югры, на благо России». Сайт «Архивы Югры»

в вахтовые посёлки выезжало более 70 постоянно действующих агитбригад[63]. С 1982 г. начала работу по обслуживанию жителей округа плавучая культбаза «Аркадий Лоскутов» на базе теплохода Т-83[64], в состав которой входили лекторы, передвижная библиотека, врачи, автолавка, концертные бригады[65], а в 1983 г. для обслуживания жителей населённых пунктов Нижневартовского района, не имеющих стационарных клубных учреждений, был приобретен еще один теплоход[66].

Улучшилась работа кинопередвижек, потребность в которых обусловливалась в том числе отсутствием устойчивого телевизионного сигнала в ряде районов округа. Мобильные киноустановки монтировались на базе автомобиля ГАЗ-52 и могли обслуживать сразу несколько населённых пунктов, не имевших условий для регулярного показа фильмов. Однако эти автомобили обладали низкой проходимостью, что ограничивало зону их обслуживания посёлками, к которым были проложены хорошие дороги[67]. Поэтому, по согласованию с промышленными предприятиями, управление кинофикации Тюменского облисполкома и совета по кино облсовпрофа пришли к договоренности о строительстве в вахтовых и базовых посёлках кинотеатров на 170 мест из металлических конструкций[68].

Значительных успехов в выездной работе достигли библиотеки, чему в немалой степени способствовала проведенная междуведомственная централизация массовых государственных и профсоюзных библиотек[69]. Действенным результатом этой реорганизации стало активное развитие внестационарной библиотечной сети, благодаря которой примерно четверть всех

[63] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 283. Л. 12.
[64] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 947. Л. 40–41.
[65] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 947. Л. 121.
[66] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 947. Л. 121.
[67] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 329. Л. 38.
[68] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 932. Л. 19.
[69] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 283. Л. 19.

Рис. 4.28. Вокальный ансамбль во время выступления в пос. Русскинская Сургутского района. 1980 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 4. Д. 43. Региональная фотовыставка «90 лет в мире и согласии. На благо Югры, на благо России». Сайт «Архивы Югры»

Рис. 4.30. Книжная выставка во время слета рыбаков и охотников и звероводов. с. Ларьяк. 1976 г. Архивный отдел администрации города Нижневартовска. Фотофонд. Оп. 1. Д. 19. Выставка архивных документов Нижневартовского городского архива, посвященная году литературы в Российской Федерации. Сайт «Архивы Югры»

Рис. 4.29. Книга пришла на буровую. Общественный распространитель книги в бригаде бурового мастера УБР № 1 А. С. Кузьмина. Самотлор. 1982 г. Фото: Н. Васильев. Архивный отдел администрации города Нижневартовска. Фотофонд. Оп. 1. Д. 167. Л. 1. Выставка архивных документов Нижневартовского городского архива, посвященная году литературы в Российской Федерации. Сайт «Архивы Югры»

читателей получали книги в передвижных библиотечках. В 1984 г. 4160 таких передвижек обслуживали 15 всесоюзных комсомольских ударных строек, более 100 вахтовых посёлков, 250 буровых комплексов и бригад, более 250 буровых посёлков, мелких населённых пунктов и бригад[70].

Весьма востребованной формой работы библиотек стало обслуживание работников промышленных предприятий по методу «Бригадный абонемент», предполагавший удовлетворение заявок на конкретные книги и коллективную ответственность за сохранность этих книг, создание специализированных отделов по отраслям производства[71]. При районных и наиболее крупных сельских библиотеках создавались кабинеты научно-технической информации[72]. Всего в округе к 1982 г. на коллективную информацию были подписаны 320 коллективов, абонентами индивидуальной информации являлись более 800 человек[73].

[70] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 969. Л. 18.
[71] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 329. Л. 44–45.
[72] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 969. Л. 24.
[73] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 283. Л. 17.

Новым явлением в культуре округа стало появление дискотек. В конце 1970-х гг. началось их продвижение из крупных городов в провинциальные регионы. В округе первую дискотеку организовал в 1979 г. при сургутском дворце культуры «Строитель» Я. С. Черняк, подготовив вместе с коллективом несколько дискотечных программ[74]. Их содержание, кроме танцев, включало рассказы о популярных рок-группах, сопровождавшиеся показом фотографий, а также ознакомление аудитории с городскими новостями в ходе просмотров тележурналов. Следующим шагом стало появление дискотеатра, объединившего музыку, танцы и концерты в единую синтетическую программу с широким применением технических средств, завоевавшего многочисленные награды и получившего широкую известность не только в округе, но и в целом по стране. Настоящим успехом и гордостью ведущих стало присвоение проекту названия «Экспериментальная дискотека ЦК ВЛКСМ»[75].

Рис. 4.31. Проведение занятий литератором Н. Смирновым с юными книголюбами кружка «Родничок» при центральной городской библиотеке. 1984 г. Фото: Н. Гынгазов. Архивный отдел администрации города Нижневартовска. Фотофонд. Оп. 1. Д. 269. Выставка архивных документов Нижневартовского городского архива, посвященная году литературы в Российской Федерации. Сайт «Архивы Югры»

Рис. 4.32. Я. С. Черняк — первый сургутский диджей. Конец 1970-х гг. Из открытых источников

Руководящие органы ВЛКСМ с опасением относились к феноменальной популярности дискотек, рассматривая их как канал распространения идеологически вредной западной музыки. Стремясь усилить контроль за содержанием танцевальных программ, Тюменский обком комсомола совместно с областным управлением культуры провели в 1983 г. в рамках «Всесоюзного смотра дискотек» областной смотр-конкурс, после которого на базе областной школы комсомольского актива была организована учеба руководителей дискотек и любительских объединений[76]. В 1984 г. в Тюменской области был создан Художественный совет по методическому руководству деятельностью дискотек, в состав которого входили представители органов культуры, комсомольских организаций и прессы. Задачей совета являлась выработка рекомендаций по деятельности дискотек, их проверка, распространение положительного опыта, а также приостановка программ, не от-

[74] Захарова Л. Так было, так начиналось. URL: https//surgut.bezformata.com/listnews/tak-bilo-tak-nachinalos/53760390/(дата обращения: 23.05.2023).

[75] Первый диск-жокей Сургута или неизвестные факты о Якове Черняке. URL: https://sitv.ru/arhiv/news/pervyj-disk-zhokej-surguta-ili-neizvestnye-fakty-o-yakove-chernyake (дата обращения: 23.05.2023).

[76] ГАСПИТО. Ф. П-1444. Оп. 52. Д. 34. Л. 7.

вечающих установленным требованиям[77]. Однако высокая коммерческая результативность дискотек сопровождалась фальсификацией отчетности и практически не меняла содержания дискотечного движения.

Одновременно проводились мероприятия по упорядочению деятельности ВИА и эстрадно-музыкальных коллективов. При окружном управлении культуры был создан междуведомственный совет по эстрадной музыке, под руководством которого к началу 1985 г. проведена паспортизация всех самодеятельных и профсоюзных ВИА и составлена их картотека. В городах и районах автономного округа были созданы аттестационные комиссии, которые решали вопросы идеологической состоятельности творческих коллективов и их руководителей[78].

В 1980-е гг. в Ханты-Мансийском автономном округе происходили существенные изменения в развитии музейного дела. Во время подготовки к празднованию 60-летия образования СССР в 1982 г. бюро Тюменского обкома КПСС приняло постановление, предусматривавшее расширение в трудовых коллективах и учебных заведениях сети музеев на общественных началах[79], послужившее импульсом для активизации деятельности народных музеев в гг. Ноябрьске, Надыме, Новом Уренгое, Нефтеюганске, Урае, Нижневартовском, Сургутском, Октябрьском районах[80]. Многие из них стали местом спасения и сохранения оказавшихся под угрозой исчезновения, особенно в районах промышленного освоения, предметов материальной культуры и быта коренных малочисленных народов Севера, а также уникальной природы региона. Примером может послужить созданный в 1985 г. сотрудниками заповедника «Малая Сосьва» краеведческий музей на общественных началах, который, по сути, представлял собой «летопись природы и истории, культурный и научный центр, пропагандирующий новое отношение человека к окружающему миру»[81].

Основой большинства музейных экспозиций стали коллекции энтузиастов-краеведов, собранные ими по своей инициативе на личные средства в течение многих лет. Среди них техник-лесовод, егерь промыслового хозяйства П. С. Бахлыков, бережно собравший около 2 тысяч предметов хантыйской культуры для краеведческого музея в п. Угут[82]; охотник Юрий Айваседа, сохранивший экспонаты для этнографического музея в национальном п. Варьеган; охотовед А. П. Ядрошников, более двадцати лет пополнявший коллекцию животного мира Севера Западной Сибири и предметов быта сургутских ханты, ставших основой экспозиции «Музея Человека и Природы» в п. Русскинская[83]; учителя А. Мухаметова и В. Сподина, открывшие этнографический музей, выставочный зал, художественную школу и музей под открытым небом в Мегионе[84], и ряд других энтузиастов музейного дела в округе. Многие государственные музеи, выросшие на основе общественных, стали впоследствии крупными научными и методическими центрами региональной истории в регионе.

В 1985–1990-е гг. музеи продолжали играть заметную роль в формировании культурных центров на территории округа. Их сеть существенно расширилась и насчитывала в 1991 г. более

---

[77] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 967. Л. 146.

[78] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 984. Л. 14.

[79] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 229. Д. 42. Л. 3.

[80] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 242. Д. 183. Л. 42.

[81] Константинов В. Творческая студия в Советском // Югра. № 7. 1992. С. 6.

[82] О судьбах малых музеев // Югра. № 7. 1994. С. 19–20.

[83] Кондрякова Г. Хозяин тайги // Югра. № 2. 1995. Л. 6.

[84] Анкета журнала «Корни не должны сохнуть» // Югра. № 1. 1991. С. 10.

20 учреждений различного профиля[85]. За короткое время стали подлинными творческими центрами для консолидации усилий местной художественной и творческой интеллигенции филиал областной картинной галереи в Когалыме, открытый по решению Министерства культуры РСФСР и Тюменского облисполкома в 1987 г.,[86] и отдел художественного фонда Ханты-Мансийского автономного округа, начавший работу в 1989 г.[87] Согласно специально принятому решению исполкома окружного Совета народных депутатов, на территории округа получили развитие этнографические парки-музеи под открытым небом, призванные знакомить посетителей с богатым культурным наследием коренного населения. В 1989 г. такие музеи были созданы в Ханты-Мансийске, Варьегане и Лянторе[88], в 1991 г. появились парки-музеи в посёлках автономного округа Сосьве[89] и Казыме.

Рис. 4.33. А. К. Вьюткина — мастер по пошиву национальной одежды во время празднования Дня оленевода. Пос. Саранпауль Берёзовского района. 1980-е гг. Архивный отдел администрации Берёзовского района. Фотофонд. Оп. 2. Д. 722. Региональная фотовыставка «90 лет в мире и согласии. На благо Югры, на благо России». Сайт «Архивы Югры»

Особое место среди них занимает открытый в 1987 г. по инициативе национальной интеллигенции обских угров этнографический музей под открытым небом «Торум Маа». Это единственный в государственной сети Югры музей этнографического профиля, который не только собирает, сохраняет и изучает, но еще и использует наследие коренных обско-угорских народов ханты и манси, реализуя формат представления этнографического наследия «под открытым небом»[90].

Несмотря на негативные процессы в социальной жизни страны в период перестройки, в 1985–1990-е гг. культурное строительство в Ханты-Мансийском автономном округе не теряло своей динамики. После длительной подготовительной работы в августе 1985 г. коллегией Министерства культуры СССР была утверждена «Долгосрочная программа по коренному улучшению культурного обслуживания трудящихся Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на 1986–1990 годы», разработка которой велась с участием партийных, советских организаций Тюменской и Томской областей, а также Миннефтепрома, Миннефтегазпрома, Минэнерго и Главтюменнефтегаза[91].

---

[85] Харлова Л. В. Развитие музейного дела в Ханты-Мансийском автономном округе (середина 1960-х — начало 1990-х гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2012. С. 17.

[86] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1026. Л. 31–32.

[87] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1071. Л. 183.

[88] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 591. Л. 10.

[89] Сосьвинский этнографический музей «Найотыр Маа» / Музеи Югры. URL: http//www.hmao-museums.ru/museum/sosvinskiy_etnograficheskiy_park_muzey_nayotyr_maa/about/ (дата обращения: 23.05.2023).

[90] Музеи Югры: вчера, сегодня, завтра. Этапы становления и развития музейного дела в Югре // Музейное дело. 2015. № 3–4. С. 2.

[91] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 239. Д. 154. Л. 12–13.

В эти годы была предпринята еще одна попытка преодолеть нарастающее отставание в количестве объектов культурного назначения на душу населения. Объем капиталовложений в сферу культуры в Тюменской области достиг максимального уровня за весь изучаемый нами период и составил 122,5 млн руб., что предопределило резкий рост числа вводимых в эксплуатацию учреждений культуры. В эти годы было построено клубов на 6700 мест[92].

Однако эти масштабы строительства не соответствовали запланированным объёмам производства. Так, в 1987 г. министерствами нефтяной и газовой промышленности было освоено всего 700 и 581 тыс. руб. при предусмотренных капитальных вложениях 3837 и 1997 тыс. руб.[93]

В это же время обострилась проблема неудовлетворительного использования уже существующих помещений. В том же 1987 г. в округе пустовало около 18% клубных учреждений, особенно в сельской местности. Нередким явлением стали простои кинотеатров, считавшихся среди северян одним из самых популярных мест проведения досуга. В Ханты-Мансийске, например, их загрузка составляла 16–30%[94]. Председатель Нижневартовского горкома профсоюза работников культуры Л. М. Мансурова считала, что причина этого состояла в отставании уровня работы учреждений культуры от быстрого роста духовных потребностей населения. «Люди тянутся к искусству, занятиям по интересам, а их зачастую встречают лишь танцами, показом устаревших кинолент», — говорила она[95].

Для улучшения работы сельских клубов проводилась централизация клубных систем на базе головного дома культуры. К 1987 г. в округе было создано 5 ЦКС, объединивших 25 клубных учреждений[96]. Развивались также новые типы учреждений культуры. В 1984 г. окружным отделом была принята программа развития культурно-спортивных комплексов (КСК), которые наиболее полно соответствовали задачам удовлетворения максимума потребностей населения в условиях северных городов и посёлков. К 1988 г. насчитывалось уже 64 КСК, успешно объединивших работу учреждений культуры, кино и спорта[97].

После выхода в свет постановления ЦК КПСС «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений в Тюменской области» в 1985 г. в каждом городе и районе автономного округа был пересмотрен режим их работы. Больше внимания стало уделяться организации отдыха населения в предпраздничные, праздничные и выходные дни, повсеместно развивались любительские объединения и клубы по интересам, работали факультеты правовых знаний и здоровья в народных университетах, трибуны общественного мнения, сходы граждан, внедрялись советские обряды, праздники и ритуалы[98]. Во многих клубных учреждениях были созданы шахматные и шашечные клубы[99].

При отделах культуры и КСК в городах и районах были созданы организационно-методические центры, что позволило значительно улучшить работу с населением, увеличить количество

---

[92] Капитальное строительство в городах и районах Тюменской области за 1986–1990 гг.: Статистический сборник. Тюмень, 1991. С. 26, 44.

[93] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Л. 47.

[94] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 509. Л. 6.

[95] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 458. Л. 4.

[96] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1071. Л. 46.

[97] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1007. Л. 33.

[98] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 462. Л. 79.

[99] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1007. Л. 30.

Рис. 4.34. Представители русского и узбекского народа с хлебом-солью встречают гостей на праздновании Дней Узбекистана в городе Нягани. 1988 г. Архивный отдел Администрации города Нягани. Фотофонд. Оп. 2. Д. 24. Региональная фотовыставка «90 лет в мире и согласии. На благо Югры, на благо России». Сайт «Архивы Югры»

Рис. 4.35. Выступление народных ансамблей «Дуслык» и «Чулпан» под руководством И. Сайдулина на празднике «Сабантуй». Сургут. 1989 г. Муниципальный архив г. Сургута. Фотофонд. Оп. 1. Д. 383. Региональная фотовыставка «90 лет в мире и согласии. На благо Югры, на благо России». Сайт «Архивы Югры»

Рис. 4.36. Участники творческих коллективов на открытии Фестиваля дней культуры финно-угорских народов в Сургуте. 1991 г. Муниципальный архив г. Сургута. Фотофонд. Оп. 1. Д. 481. Региональная фотовыставка «90 лет в мире и согласии. На благо Югры, на благо России». Сайт «Архивы Югры»

общегородских и сельских праздников. В традицию вошло проведение праздников «Неделя мира», «Юганские зори», «Золотая осень», «Обские просторы», «Сабантуй», «Лангепасские зори», «Мегионские зори», дни города, села, день нефтяника, «Дни молодежи» и т.д[100].

[100] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 591. Л. 6.

Большое значение в работе КСК придавалось реализации комплексной программы «Семья», которая включала работу с детьми и подростками, с будущими супругами и молодоженами, молодыми родителями, многосемейными и одинокими: проводились вечера семейного отдыха, клубы «Отдыхаем всей семьей», спортивные соревнования «Папа, мама и я — спортивная семья», «Веселые старты»[101].

Особое место в работе учреждений культуры занимала организация платных услуг населению, получившая распространение преимущественно в крупных городах. В основном это были платные музыкальные, хореографические студии, видеосалоны, дискобары, пункты проката детской велотехники и т. д. При городских бюро «Досуг» в Сургуте и Нижневартовске работали студии звукозаписи, хозрасчетные ВИА и дискотеки, обрядовые группы по проведению праздников и торжеств, семейных праздников[102]. В Сургуте ресторан «Ермак» был преобразован в зал обрядовых услуг, где ДК «Нефтяник» совместно с музыкальным училищем, библиотеками проводили семейные праздники, вечера клубов по интересам. В Пуровском районе все предприятия общественного питания принимали заявки на проведение безалкогольных свадеб. Кафе «Сладкоежка», «Сказка» в Лангепасе и Когалыме проводили мероприятия для родителей с детьми младшего возраста[103]. На хозрасчет были также переведены 3 парка культуры и отдыха в Сургуте, Нижневартовске и Ханты-Мансийске[104].

Усилилось внимание и к развитию окружной киносети: были вновь созданы Нефтеюганская дирекция киносети, Сургутское отделение по прокату кинофильмов с фильмобазой на 1500 фильмокопий, организован фильмообменный пункт в Нижневартовске[105]. В 1987 г. был открыт центральный видеосалон в Сургуте с 4 кабинами на 16 посадочных мест и небольшой зал на 20 мест, а 27 августа — видеозал «Гармония» на 70 посадочных мест[106]. В последующие годы сеть видеосалонов и видеозалов значительно расширилась, охватив многие города и посёлки. Руководителям дирекций северной киносети было рекомендовано «где возможно заменить киноаппаратуру на видеоаппаратуру»[107]. В то же время, поскольку стоимость экрана 2×3 м составляла 38 тыс. руб.,[108] видеозалы часто оснащались простыми телевизорами, что было гораздо доступнее и дешевле. Возникла также проблема снабжения видеотек видеокассетами: в округа шли старые фильмы[109], а дополнительные средства на эксплуатационные работы видеотек не выделялись[110].

Следует отметить, что открытие видеопредприятий не смогло существенно повлиять на обеспеченность населения местами кинопоказа, совокупность которых даже в крупнейшем нефтяном центре региона Сургуте составила в 1988 г. 34% от норматива[111]. Важнейшей причиной сложившейся ситуации было явно недостаточное количество кинотеатров, несущих

---

[101] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1007. Л. 30.
[102] ГАОПОТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 591. Л. 7.
[103] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1052. Л. 93.
[104] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 591. Л. 4.
[105] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 242. Д. 183. Л. 1–2.
[106] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 554. Л. 2.
[107] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 508. Л. 10.
[108] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 508. Л. 22.
[109] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 510. Л. 9.
[110] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 501. Л. 15.
[111] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 554. Л. 3.

основную нагрузку в кинообслуживании населения: на конец 1987 г. в Ханты-Мансийском округе их насчитывалось всего 13[112].

Помимо сети культурно-просветительных учреждений во второй половине 1980-х гг. на территории Югры начинается создание учреждений искусства, что означало переход к качественно новому уровню развития отрасли культуры региона. С профессиональным искусством население округа знакомили в исследуемый период в основном концертные организации. Крупные коллективы из ведущих культурных центров РСФСР неохотно посещали города-новостройки из-за огромных расстояний, дорогостоящих поездок и транспортных трудностей. Серьезно осложняло их работу отсутствие в округах концертных залов, репетиционных помещений и музыкальных инструментов. К концу 1980-х гг. случаи отмены гастролей ведущих концертных коллективов участились, а производимые замены нередко оказывались неравноценными. Например, количество концертов в 1989 г. уменьшилось по сравнению с 1988 г. практически вдвое[113]. Концертные бригады Тюменской областной филармонии также не могли охватить всю территорию округа, не обладая необходимыми для этого трудовыми, материальными и финансовыми ресурсами: ее работа в условиях перестройки во многом строилась на коммерческой основе в ущерб художественным задачам, поэтому в область приезжало большое количество слабых эстрадных коллективов и исполнителей[114]. Собственными же силами филармония могла обеспечить только 19–45% от планового числа концертов[115].

С целью улучшения концертного обслуживания жителей Югры в середине 1980-х гг. в Сургуте и Нижневартовске были открыты филиалы Тюменской филармонии[116]. Однако начавшийся в концертном деле в конце 1980-х гг. процесс перестройки, который заместитель начальника управления культуры Тюменского облисполкома В. М. Волчек весьма эмоционально назвала «кровавым»[117], привел к его дезорганизации. В частности, в 1989 г. прервалась начавшаяся в Сургуте работа по созданию всесоюзного абонемента классической и советской музыки из-за отсутствия денежных средств, необходимых для оплаты гастролей ведущих исполнителей[118].

К этому периоду в округе сформировались собственные творческие ресурсы — народные и любительские коллективы, талантливые исполнители из числа участников художественной самодеятельности, которые фактически не привлекались областной филармонией к концертной деятельности: Игримский и Пионерский хоры, Нефтеюганский и Горноправдинский танцевальные коллективы, Берёзовский оркестр, Ханты-Мансийский инструментальный ансамбль[119] и другие.

Ярким явлением в культурной жизни округа стал созданный в Ханты-Мансийске в 1968 г. под руководством Г. Н. Шустова вокально-этнографический ансамбль «Миснэ». Коллектив быстро добился успеха, получив звание лауреата I Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся (1975–1977 гг.), лауреата премии Тюменского

---

[112] ГАСПИТО. Ф. 3912. Оп. 1. Д. 510. Л. 3.

[113] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1071. Л. 181.

[114] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 973. Л. 55.

[115] ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 46. Д. 6711. Л. 4–5.

[116] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 984. Л. 61.

[117] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1067. Л. 4.

[118] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1071. Л. 182.

[119] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 200. Д. 78. Л. 10.

Рис. 4.37. Выступление танцевальной группы Дворца культуры «Октябрь» на фестивале «Самотлорские ночи». 1980 г. Архивный отдел администрации города Нижневартовска. Фотофонд. Оп. 1. Д. 337. Фотовыставка «Самотлорская ночь — белокрылая белая птица». К 45-летию города Нижневартовска. Сайт «Архивы Югры»

Рис. 4.38. Артисты народного татаро-башкирского театра клуба имени 50-летия ВЛКСМ. Нижневартовск. 1990 г. Архивный отдел администрации города Нижневартовска. Фотофонд. Оп. 1. Д. 631. Региональная фотовыставка «90 лет в мире и согласии. На благо Югры, на благо России». Сайт «Архивы Югры»

Рис. 4.39. Народный вокальный ансамбль «Миснэ» Ханты-Мансийского окружного центра традиционной народной культуры во время выступления на XV фестивале искусств «Самотлорские ночи». 1989 г. Архивный отдел администрации города Нижневартовска. Фотофонд. Оп. 1. Д. 966. Фотовыставка «Самотлорская ночь — белокрылая белая птица». К 45-летию города Нижневартовска. Сайт «Архивы Югры»

комсомола имени А. А. Алябьева и возможность выступать на лучших сценах Москвы — в Кремлевском Дворце съездов, зале имени Чайковского и на ВДНХ[120].

В 1973 г. в столице Югры был создан еще один популярный фольклорный коллектив — национальный ансамбль танца «Хорам». Его руководитель, режиссер-балетмейстер В. В. Кобрик, поставивший своей целью широкое возрождение национального танца, по крупицам собирал жемчужины самобытного искусства ханты и манси в национальных посёлках, включив в репертуар ансамбля «Медвежий танец», «Оленята», «Танец с бубнами». «Хорам» стал обладателем наград многих окружных, всероссийских и всесоюзных смотров и фестивалей, участником заключительных концертов Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности в Кремлевском Дворце съездов, дипломантом ВДНХ[121].

Высокого профессионального уровня достигли музыкальные коллективы Сургута. Визитной карточкой города стал организованный в 1964 г. В. М. Вьюшковым из бывших военных музыкантов и любителей духовой музыки эстрадно-духовой оркестр. В 1978 г. оркестр возглавил художественный руководитель и дирижер В. Санин. Неизменный участник всех городских мероприятий, серебряный призер ВДНХ СССР, лауреат Всероссийских фестивалей народного творчества, оркестр вырос в уникальный коллектив с обширным репертуаром от классики до джаза[122]. С лучшими образцами народного творчества знакомил слушателей созданный в 1984 г. при ДК «Нефтяник» оркестр русских народных инструментов «Былина», первым руководителем которого являлся баянист и композитор В. Меркушин. В 1985 г. новый состав оркестра, расширившегося до 26 человек, возглавил А. Шипитько[123]. Свой высокий профессионализм музыканты «Былины» подтвердили в 1990 г., став дипломантами 4-го Всесоюзного конкурса исполнителей на народных инструментах в Нижнем Новгороде[124].

Любительские коллективы часто брались за воплощение на сцене сложных музыкально-театральных жанров, демонстрируя высокое исполнительское мастерство. Например, в 1976 г. коллектив ансамбля «Хорам» поставил одноактный национальный балет-сказку «Ась» (либретто и постановка В. В. Кобрика)[125]. В середине 1980-х гг. с участием лауреата всероссийского фестиваля народного творчества камерного оркестра «Концертино» Сургутского ДК «Нефтяник» состоялись премьеры двух опер — «Тост» Н. А. Морозова и «Моцарт и Сальери» Н. А. Римского-Корсакова[126]. В 1987 г. в Сургуте с успехом прошла премьера оперетты И. Кальмана «Сильва», ставшая, по мнению специалистов, самым значительным творческим событием в жизни города за несколько десятилетий. Режиссером-постановщиком спектакля была Н. И. Несмачная, главные партии исполняли С. И. Марченко, А. В. Груздев, А. П. Фомин,

---

[120] Рябов А. На ком земля держится. URL: http://остяко-вогульск.рф/2021/01/09/na-kom-zemlya-derzhitsya (дата обращения: 23.05.2023).

[121] Рябов А. «Хорам» — легенда Югры. URL: http//остяко-вогульск.рф/2021/01/22/horam-legenda-yugry (дата обращения: 23.05.2023).

[122] Хронограф. Организован Концертный оркестр духовых инструментов «Сургут Экспресс-Бэнд» (1964) / МБУК Централизованная библиотечная система Сургута. URL: http//slib.ru/kraevedenie/kalendar-znamenatelnykh-i-pamyatnykh-dat/hronograf/details/2017–11–21/1295-organizovan-kontsertnyj-orkestr-dukhovykh-instrumentov-surgut-ekspress-bend-1964 (дата обращения: 23.05.2023).

[123] Камерный оркестр русских народных инструментов «Былина» / Сургутская филармония: URL: http//sfil.ru/groups/detail.php? ID=398 (дата обращения: 23.05.2023).

[124] Л. Кравец. Дела сургутские // Музыкальная газета. 2001. № 4. С. 6.

[125] Рябов А. «Хорам» — легенда Югры. URL: http//остяко-вогульск.рф/2021/01/22/horam-legenda-yugry (дата обращения: 23.05.2023).

[126] Кравец Л. Дела сургутские // Музыкальная газета. 2001. № 4. С. 6.

Рис. 4.40. Выступление духового оркестра в микрорайоне Нефтяников на празднике «Проводы русской зимы». Сургут. 1986 г. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 994. Л. 1

Рис. 4.41. Выступление духового оркестра на площади ДК «Энергетик» в честь 45-летия Победы. Сургут. 1990 г. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 202. Л. 15

А. Г. Малыгин, Е. В. Соколова, Л. Шилова. Сургутские музыканты и исполнители в очередной раз продемонстрировали, по мнению критиков, что «и здесь, на культурной почве сибирской глубинки, могут прорастать всходы отнюдь не заштатного масштаба»[127], а сам город вполне может претендовать на звание культурного центра Югры.

Неслучайно именно в Сургуте была начата в 1987 г. работа по организации концертного центра «Классика», фактически взявшего на себя функции филармонии. Задумала небывалый для северного города проект преподаватель Сургутского музыкального училища И. Б. Ткаченко. В 1990 г. центр «Классика» был перемещен во Дворец искусств «Нефтяник», зал которого после капитального ремонта, по словам известного пианиста А. Диева, мог считаться одним из лучших в Европе по своим акустическим данным. Известный в стране деятель культуры М. Коноплева отмечала, что «Нефтяник» — один из немногих Дворцов культуры России, взявших на себя трудную миссию пропаганды классического наследия[128]. Ирина Болеславовна вспоминает это время: «Я убеждала руководство, что нефтяники не могут добывать нефть без высокого искусства. Молодые артисты приезжали к нам с концертами, мастер-классами. Мы тесно работали и со школами»[129].

В условиях сложной экономической ситуации центром «Классика» были организованы в Сургуте концерты знаменитых музыкантов и исполнителей: И. Архиповой, Н. Демиденко, Л. Тимофеевой, А. Коршуновой, А. Диева, К. Родина, О. Абдразакова, О. Крысы, Д. Крамера и многих других[130]. Помимо концертов музыкантов, в центре проводились уроки и мастер-классы таких выдающихся преподавателей, как В. Горностаева, Л. Наумов, Ю. Шишкин, В. Семенов, В. Гридин, И. Лопатина, И. Бочкова и других исполнителей, чьи выступления приобретали не только городской, но и окружной резонанс[131]. В то время как большинство филармоний страны переживали упадок, связанный с коммерциализацией культуры и искусства, Сургут становился признанным музыкальным центром Тюменской области, куда

[127] Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. Сургут, 2005. С. 180.

[128] Ткаченко И., Анфимов А. Публика, равная артисту // Югра. 1994. № 3. С. 4.

[129] Ирина Ткаченко: Я хотела бы быть полезной. Югра. URL: https://mirkultura.ru/irina-tkachenko-ya-hotela-byi-byit-polezn/ (дата обращения: 15.06.2023).

[130] Ткаченко И., Анфимов А. Публика, равная артисту // Югра. 1994. № 3. С. 4–6.

[131] Кравец Л. Дела Сургутские // Российская музыкальная газета. 2001. № 4. С. 6.

охотно приезжали выдающиеся артисты. Этому во многом способствовала финансовая поддержка со стороны крупнейших предприятий и отдела культуры города.

Особое место в культурной жизни Югры занимали театры, выступления которых жители отдаленного северного региона воспринимали с большим воодушевлением. Значительную работу в этом направлении проводили Тобольский городской и Тюменский областной драматические театры, областной театр кукол, с плановыми гастролями приезжали ведущие и периферийные театральные коллективы. Однако отсутствие сценических площадок, малая вместимость зрительных залов, недостаток транспорта и сложности с размещением актеров значительно затрудняли гастрольное обслуживание населения автономного округа.

Вопрос о необходимости открытия в округе собственного драматического театра поднимался уже во второй половине 1960-х гг. Предполагалось построить в Сургуте театр на 800 мест к 1970 г.[132] К этому вопросу вернулись в 1981 г., когда решением Тюменского облисполкома было предусмотрено открытие в XI пятилетке театров в Сургуте и Нижневартовске[133]. В обоих случаях реализации плана помешало отсутствие необходимой материальной базы. Однако на расширенном заседании коллегии областного управления культуры в 1987 г. вновь было объявлено решение о строительстве театра в Сургуте[134]. Было решено строить здание на 600 мест по индивидуальному проекту, подготовку проектно-сметной документации планировалось завершить в 1989 г.[135] В 1990 г. проектные исследования передали специалистам Гипротеатра[136], но кризисные явле-

Рис. 4.42. Ирина Болеславовна Ткаченко — художественный руководитель Центра «Классик». Сургут. Нач. 1980-х гг. Муниципальный архив г Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1133

Рис. 4.43. Выступление виолончелиста Кирилла Родина на праздновании православного праздника — Рождества Христова. Сургут. 1991 г. Муниципальный архив г. Сургута. Ф. 1. Оп. 1. Д. 437. Л. 1

[132] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 490. Л. 111–113.
[133] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 947. Л. 85.
[134] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1026. Л. 162.
[135] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1052. Л. 15.
[136] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1071. Л. 181.

ния в экономике не позволили продолжить работу, и здание театра так и не было построено. Более счастливо сложилась судьба Нижневартовского театра кукол, открытого в 1989 г. в Доме культуры «Юбилейный»[137].

Подводя итоги культурного строительства в округе, мы не можем не согласиться со словами собственного корреспондента «Новостей Югры» О. Масловой, утверждавшей, что «...проблем на Севере не больше, чем где-нибудь в средней полосе, просто они пудовые»[138]. Действительно, трудности, возникавшие в ходе осуществления строительства объектов культурного назначения в данном регионе были многократно осложнены крайне тяжелыми природно-климатическими условиями, невиданными ранее масштабами промышленного освоения огромных территорий, отсутствием на начальных этапах баз строительной индустрии, целенаправленным развитием округов как сырьевой базы с вытекающим отсюда отсутствием должного финансирования развития социально-культурной сферы.

В результате этого, в условиях значительного прироста населения, количество учреждений культуры на Севере Тюменской области, их техническое состояние и оснащение не достигли нормативных показателей. Характерной чертой формирующейся системы учреждений культуры округа стал также нарастающий дисбаланс в их типах, среди которых преобладали культурно-досуговые центры, библиотеки и киноустановки, рассчитанные на массовый охват населения. Только в 1980-х гг. появляются первые театрально-зрелищные учреждения, активно развиваются музеи различного профиля.

Следовательно, за прошедшие годы в сфере культурного строительства в Ханты-Мансийском автономном округе произошли существенные изменения. От почти бездействующих очагов культуры с достаточно редкими, хотя и яркими, проявлениями самодеятельной активности увлеченных творчеством людей, культурная среда под влиянием энтузиазма молодых людей, приезжающих осваивать нефтяную целину из разных уголков многонациональной страны, постепенно трансформировалась в заметное и отнюдь не провинциальное явление. Работа домов культуры стала более разнообразной и ориентированной на интересы населения, изменилось соотношение общественно-организованных и индивидуальных форм. Широкое распространение получила любительская деятельность — от художественного творчества до неформальной самодеятельности в молодежной среде.

Важнейшим достижением в области культурного строительства в округе стало формирование инфраструктуры «культурных гнезд» в нефтяных городах-новостройках, ставшее возможным благодаря энтузиазму, профессионализму и таланту их организаторов.

[137] ГАТО. Ф. 1731. Оп. 1. Д. 1070. Л. 144.

[138] Маслова О. Геннадий Олейник: «Государство — не бухгалтерия» // Новости Югры. 2003. 3 апреля. С. 2.

Глава 2

Система общего и профессионального образования

В середине 1950-х гг. система образования в Ханты-Мансийском национальном округе претерпевала важные изменения. После смерти Сталина последовал пересмотр многих авторитарных принципов организации политической и духовной жизни советского общества, ставший частью политики десталинизации. Либерализация политической и духовной жизни страны в середине 1950-х гг. затронула и школу, что проявилось, прежде всего, в дискуссиях врачей, педагогов и партийных функционеров о необходимости модернизации школьной учебной программы с целью устранения перегруженности обучающихся классной работой. Материалы с мест свидетельствовали о том, что советские учащиеся в начале 1950-х гг. не имели достаточного времени для отдыха и досуга, постоянно жаловались на головные боли[139]. Особенно это проявлялось в периоды проведения переводных и выпускных экзаменов. Учитывая мнения педагогов и медицинских работников, Министерство просвещения РСФСР признало факт ежегодной большой перегруженности учащихся переводными и выпускными экзаменами, и в 1953–54 учебном году отменило почти половину из 43-х сдаваемых школьниками экзаменов[140].

Наиболее важным изменением, последовавшем в соответствии с предложениями министерства, стала отмена переводных экзаменов в 4-х классах[141]. Как указывают многочисленные документы и воспоминания бывших учащихся, они являлись тяжелым испытанием для обучающихся, особенно из числа коренных народов Севера[142]. Данные экзамены, в отличие от всех предыдущих, проводились не учителями начальной школы на местах, а на базе семилетних школ, что значительно усложняло процесс их сдачи. Предпринятые шаги по демократизации учебного процесса сыграли важную роль в росте успеваемости югорских учащихся, которая в 1950–1955 гг. выросла с 80,1% до 83,2%. Более чем в два раза сократилось в первой половине 1950-х гг. и количество второгодников в школах Югры: с 4092 до 1897 чел[143].

---

[139] Иванова Г. М. Советская школа в 1950–1960-е годы. Москва, 2018. С. 191.

[140] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 2707. Л. 10–11.

[141] ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 72. Д. 2707. Л. 12.

[142] См., например: Воспоминания Т. Н. Непкиной (Яркиной) // Ровесницы Ханты-Мансийского округа. Воспоминания выпускниц национальных педагогического и медицинского училищ Ханты-Мансийска. Научное издание / сост. и ред., авт. предисл. А. Г. Киселев, сост. фотоматериалов, автор и ред. текста на мансийском языке Р. К. Бардина, авт. и ред. текста на хантыйском языке, авт. предисл. С. В. Онина. Ханты-Мансийск, 2020. С. 54–56.

[143] Подсчитано по: ГАЮ. Ф. Р-5. Д. 318. Л. 2–5; Д. 384. Л. 1.

Характерным проявлением ограничения вмешательства государства в образовательный процесс в середине 1950-х гг. стало снижение социального страха педагогов в процессе преподавания истории. Веяния оттепели в Югре проявлялись также в том, что отдельные учителя округа стали позволять себе свободное обсуждение с учениками прежде запретных общественно-политических вопросов. Так, например, учитель Ларьякской школы П. К. Ситников на одном из занятий кружка по истории коммунистической партии, цитировал письмо В. И. Ленина, в котором он характеризовал И. В. Сталина как грубого и капризного человека и рекомендовал заменить его на посту Генерального секретаря. В связи с этим на учителя истории поступил донос в КГБ, хотя он и не стал, как в 1930-е гг., жертвой произвола[144].

О времени относительного свободомыслия в школах Югры второй половины 1950-х — первой половины 1960-х гг. свидетельствуют и воспоминания их выпускников. Так, бывший ученик Ханты-Мансийской средней школы № 1 В. Д. Гурьянов отмечал, что на уроках истории во второй половине 1950-х гг. учитель позволял им высказывать свое мнение относительно недавнего прошлого страны[145].

Символической чертой расширения свободы школьников стал отказ от военизированной школьной формы, который последовал в 1962 г. Военные гимнастерки с воротниками-стойками, ремнями с пряжками и фуражками были заменены на серые шерстяные костюмы гражданского покроя. Однако, как фиксируют фотографии советских учащихся 1960-х гг. разных регионов Советского Союза, ношение новой формы не было обязательным, и многие школьники носили ту одежду, которая имелась в их семьях. Тем не менее, данные новшества свидетельствовали о преодолении наиболее ярких проявлений казарменного социализма и в окружной системе народного образования.

Вместе с тем политика либерализации политической и духовной жизни советского общества была непоследовательной и противоречивой. В контексте эволюции школьного образования это проявилось в отказе от провозглашенной в 1954 г. идеи совместного обучения юношей и девушек. Далеко не во всех регионах Советского Союза, в том числе и в Югре, проявились реальные последствия данной политики, поскольку из-за слабого развития школьной сети в автономном округе, характеризующейся отсутствием большого числа семилетних и средних школ[146], в которых эта реформа осуществлялась, раздельное обучение здесь в 1940-е гг. фактически не было введено.

Кроме демократических трансформаций модели народного образования Югры, в годы оттепели заметные изменения произошли в демографическом и национальном составе населения региона. После смерти Сталина начался процесс возвращения на свою историческую родину «провинившихся» народов. В середине 1950-х гг. он принял массовый характер. Ханты-Мансийский национальный округ стали покидать тысячи репрессированных граждан, в разные годы оказавшихся на Обском Севере на спецпоселении. В результате, как отмечает тюменский историк А. С. Иванов, в 1954 г. из округа выехали последние «бывшие

---

[144] Из воспоминаний Ситникова Павла Карповича // История школы в истории судеб: сб. док. / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Екатеринбург, 2004. С. 247–248.

[145] Воспоминания Гурьянова Владимира Дмитриевича // История школы в истории судеб: сб. док. / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. С. 63.

[146] Иванова Г. М. Советская школа в 1950–1960-е годы. С. 36–38, 51; ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 306. Л. 233.

кулаки», а в 1956–1958 гг. произошел отъезд основной массы спецпереселенцев — немцев, калмыков и представителей других репрессированных народов[147]. Это заметно отразилось на национальном составе жителей округа.

Как следствие, изменился и этнический состав обучающихся местных школ. В 1948 г. в школах Югры из 18852 школьников 641 учащийся являлись калмыками (3,4%), 249 чел. — немцами (1,3%), 146 — представителями молдавско-румынской языковой группы (0,8%), 114 — украинцами (0,6%), 53 — финнами (0,3%), 33 — евреями (0,2%)[148]. То есть 6,6% учащейся молодежи принадлежали к специфическим для данной территории этнонациональным группам, что в немалой степени было связано со сталинской репрессивной политикой.

Однако уже во второй половине 1950-х гг. ситуация изменилась. Так, по переписи населения 1959 г., доля молдаван составляла всего 0,4%, евреев — 0,1%, в качестве сколько-нибудь значимых этнонациональных групп не были выделены калмыки и финны. И лишь процент немецкого населения в регионе был сопоставим с данными школьной статистики 1948 г. — 1,7%[149]. Упоминания о существовании больших групп учащихся данных национальностей исчезают также из официальных документов и воспоминаний педагогов региона.

Отъезд спецпереселенцев из Ханты-Мансийского национального округа в первой половине 1950-х гг. совпал с другими демографическими процессами, вызванными последствиями Великой Отечественной войны. В эти годы школьное образование Югры оказалось под сильным воздействием «демографической ямы», ставшей результатом большого числа не родившихся в 1942–1945 гг. детей. По данным Г. М. Ивановой, вследствие этого в целом в стране в 1955 г. количество учащихся в возрасте 7–13 лет составляло лишь 60% от уровня 1940 г.[150] То есть даже постепенное восстановление рождаемости в стране в 1946–1948 гг. не компенсировало провала рождаемости в 1942–1945 гг. Вследствие одновременного воздействия этих двух факторов (отъезд спецпереселенцев и «демографическая яма») количество учащихся в общеобразовательных учреждениях края уменьшилось в 1950–1955 гг. с 19175 до 15790 чел., т. е. на 17,7%[151].

Сокращение контингентов обучающихся обострило проблему так называемых малокомплектных школ. Неслучайно, что в 1950–1955 гг. общее число общеобразовательных учреждений в крае также уменьшилось на 22,1%, с 264-х до 232-х школ[152]. Причем наибольшее сокращение коснулось именно начальных школ (со 198-ми до 161-й единицы), сильнее всего зависевших от колебаний численности учащихся.

В целом, анализируя состояние развития образования в Ханты-Мансийском национальном округе после смерти И. В. Сталина, нельзя не отметить, что суровые природно-климатические условия, неразвитость транспортной инфраструктуры и отсутствие в регионе современной промышленности делали Югру не вполне благоприятным местом для эффективной работы школ.

---

147 Иванов А. С. Система спецпоселений Югры в послевоенные годы // Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.): сб. науч. ст. Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2020. С. 122–123.

148 ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 224. Л. 14.

149 Стась И. Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е — начало 1990-х гг.). Курган, 2018. С. 103.

150 Иванова Г. М. Советская школа в 1950–1960-е годы. С. 115.

151 Подсчитано по: ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 306. Л. 6; Д. 384. Л. 1.

152 ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 306. Л. 6; Д. 384. Л. 1.

Благоприятные условия для этого наступили после открытия в 1953 г. газового месторождения в Берёзово и начала интенсивного промышленного освоения Ханты-Мансийского национального округа. Под воздействием новых обстоятельств стала меняться и школьная сеть края. Основные тенденции этих изменений представлены в таблице 4.1.

Таблица 4.1

Развитие школьной сети Ханты-Мансийского округа в 1953–1991 гг.

Школы	1953 г.	1965 г.	1976 г.	1985 г.	1991 г.	Процент изменения
Общее количество школ в крае, в т. ч.:	250	238	200	251	343	+37,2%
Начальных школ	178	122	43	37	60	–66,3%
Семи/ восьмилетних школ	64	85	70	59	39	–39,1%
Средних школ	8	29	84	144	229	+2862,5%
Городских школ	10	48	77	131	212	+2120%
Сельских школ	240	190	123	120	131	–45,4%
Общее количество учащихся в школах (чел.)	17 013	39 748	75 862	157 187	231 988	+1363,6%
Среднее количество учащихся в школе (чел.)	68	167	379	626	676	+994,1%

Источник: ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 368. Л. 15–16, 24, 26; Д. 454. Л. 1–2; Д. 526. Л. 1; Д. 666. Л. 1; Д. 910. Л. 5.

Данные, приведенные в таблице 4.1, наглядно демонстрируют масштаб достижений органов советской власти, хозяйственных организаций, педагогических коллективов и родительской общественности в развитии школьного дела в Югре в 1953–1991 гг., что требует отдельного комментария.

На первый взгляд, общее количество учебных заведений в округе, учитывая большой хронологический отрезок времени, протяженностью в 38 лет, возросло незначительно и составило 37,2%, т. е. среднегодовые темпы прироста составляли менее 1% в год. Более того, в 1953–1975 гг. школьная сеть края неуклонно сокращалась, уменьшившись на 50 общеобразовательных учреждений или на 20%.

Но сокращение было связано с ликвидацией в округе малокомплектных школ. В первой половине 1950-х гг. это происходило под воздействием «демографической ямы», вызванной Великой Отечественной войной, а также под влиянием перехода ко всеобщему семилетнему образованию, начавшемуся в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Дополнительными факторами, усугублявшими положение провинциальных малокомплектных школ, была государственная политика по укрупнению колхозов и совхозов, объявленная в это же самое время, а также кампания перевода на оседлость коренных народов Ханты-Мансийского национального округа, продолжавшаяся с 1930-х гг.[153]

[153] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 344. Л. 5–6; Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2017. С. 29.

В последующие годы ликвидация малокомплектных школ объяснялась их неспособностью организовать на должном уровне учебную и воспитательную работу. Ярким примером бесперспективности существования отдельных начальных школ региона является ситуация, сложившаяся к 1964 г. вокруг Каюковской начальной школы-интерната Сургутского района. Это учебное заведение располагалось в неприспособленном помещении красного чума, которое ко всему прочему было перестроено Угутским сельсоветом под кинозал, вследствие чего школа не была в состоянии организовать нормальное осуществление учебно-воспитательного процесса 28 учащихся[154]. Поэтому и в абсолютном и относительном значениях процент начальных школ в округе к середине 1970-х гг. сократился особенно заметно: со 178 до 43 учреждений, или на 75,9%.

Вследствие данных процессов в это время (1953–1976 гг.) возросло количество семилетних (с 1958 г. — восьмилетних) общеобразовательных учреждений в крае. Однако, как следует из материалов таблицы 4.1, наибольший рост числа неполных средних школ в Югре произошел в период с 1953 по 1964 гг., когда их количество увеличилось с 64-х до 85-ти единиц или на 32,8%. Подобный рост в немалой степени был связан со школьной реформой 1958 г., объявившей восьмилетнее образование «достаточным» для большинства граждан страны[155]. Во второй половине 1960-х гг. стало уменьшаться и число восьмилетних школ.

В середине 1970-х гг., согласно нашим данным, в системе школьного образования Ханты-Мансийского округа произошел качественный переход, который проявился, во-первых, в продолжающемся сокращении числа восьмилетних и начальных школ округа. В 1976–1991 гг. количество восьмилетних школ уменьшилось с 70 до 39 учебных заведений или на 44,3%. При этом число начальных школ также продолжало сокращаться вплоть до середины 1980-х гг. Во-вторых, в 1976 г. впервые в Югре количество средних школ превысило число восьмилетних. В последующие годы эта разница стала еще больше нарастать. В 1991 г. в округе работали уже 229 средние школы, что составляло 66,8% от всей школьной сети. Именно средние школы в исследуемый период показали наиболее значительный рост — с 8 до 229 учреждений. Напротив, количество начальных и восьмилетних школ сократилось в 1953–1991 гг. в округе на 66,3% и 39,1%.

Произошедшие изменения стали следствием взятого во второй половине 1960-х гг. государственного курса на переход ко всеобщему среднему образованию граждан, который был официально закреплен в 45-й статье Конституции СССР 1977 г.[156] Поэтому средняя школа стала доминирующим типом школ в стране, в том числе и в Ханты-Мансийском автономном округе.

Качественные изменения в школьной сети региона в середине 1960-х — 1980-е гг. произошли также и в территориальном размещении общеобразовательных учреждений. Если в 1953 г. городские школы составляли лишь 4% от всех общеобразовательных учреждений края, то в 1991 г. — уже 61,8%. Как видно из таблицы 1, именно в 1980-е гг. в Ханты-Мансийском автономном округе преобладающим типом школ стали городские школы, а годы перестройки можно считать одним из самых успешных периодов в истории создания новых школ в Югре.

---

[154] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 16. Д. 42. Л. 30.

[155] Иванова Г. М. Советская школа в 1950–1960-е годы. С. 89.

[156] Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. М., 1977. С. 43.

Рис. 4.44. Строительство Сургутской средней школы № 2 в микрорайоне Геологов (ССО «Верховина»). 1966–1967 гг. Сургутский краеведческий музей. Фотоархив А. Г. Мясникова

Рис. 4.45. Строители Междуреченской средней школы (деревянное здание) по ул. Сибирской, п. Междуреченский Кондинского района. 1969 г. Архивный отдел Администрации Кондинского района. Ф. 109. Оп. 2. Д. 1372

В основе этого процесса лежало коренное улучшение организации строительства объектов народного образования в регионе. В 1950–1960-е гг. в Ханты-Мансийском округе отсутствовали крупные промышленные предприятия, а также профессиональные строительные организации, которые способны были монтировать объекты большой площади и с высоким качеством. Например, даже в начале 1960-х гг. среди заказчиков школьного строительства в Югре по-прежнему числились в основном предприятия сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности — такие как Саранпаульский и Ванзеватский совхозы Берёзовского района, Сургутский рыбокомбинат и другие далекие от гражданского строительства предприятия[157]. Отсутствие у этих организаций собственных развитых строительных мощностей нередко приводило к тому, что возведение новых школьных объектов затягивалось на несколько лет, а выделенные на постройку средства не осваивались[158].

Так, бывший заместитель председателя Нижневартовского райисполкома В. Д. Салмин, говоря о финансово-материальном состоянии этих предприятий края в начале эпохи нефтегазового освоения Югры, откровенно признавался, что такие организации, как Нижневартовский коопзверопромхоз, Охтеурский госпромхоз и Нижневартовский рыбозавод «по своей сущности, структуре и бесперспективности… изначально не могли существенно влиять на текущее и перспективное развитие посёлков. Бюджетных денег еле хватало на зарплату и текущее содержание объектов соцкультбыта»[159].

Еще одной серьёзной проблемой в 1950–1960-е гг., негативно сказывавшейся на ходе строительства новых школ в Югре, была нехватка строительных материалов. Их производство в регионе в эти годы фактически отсутствовало[160], тогда как для организации

[157] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2109. Л. 14.

[158] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2109. Л. 14.

[159] Салмин В. Шефская помощь селу // Югра. 1997. № 3. С. 10.

[160] Карпов В. П. «Ох, какая это была работа!»: Формирование строительного комплекса на Тюменском Севере // Сибирские строители: события и судьбы: сб. ст. Всерос. науч. конф. Курган, 2017. С. 58.

доставки стройматериалов из других областей страны у округа, как было отмечено в предыдущих главах, не было ни автомобильной, ни железной дороги.

Перелом наступил лишь в августе 1975 г., когда из Тюмени в Сургут прибыли первые пассажирский и грузовые поезда. Открывались перспективы строительства железнодорожных веток до Нижневартовска и Уренгоя[161]. Технические препятствия для поставок материалов и оборудования для школ были окончательно преодолены, что стало одной из причин высоких темпов возведения новых школ в 1980-е гг.

Рис. 4.46. Строительство Средней школы № 1 в первом микрорайоне Нефтеюганска. 1971 г. Отдел по делам архивов департамента по делам администрации г. Нефтеюганска. Фотофонд. Оп. 1. Д. 1395

Успехи в организации школьного строительства позволили значительно изменить внешний и внутренний облик югорских школ, а также расширили возможности наполняемости классов. Если до середины 1960-х гг. основным материалом строительства общеобразовательных учреждений Ханты-Мансийского национального округа была древесина, то во второй половине 1960-х — 1980-е гг. ей на смену стали приходить асбестоцементные материалы и кирпич, вследствие запрета деревянного домостроения в новых городах. Например, уже в 1967 г. в городе Сургуте появилась первая школа в кирпичном исполнении — Сургутская средняя школа № 2[162]. В 1970-е гг. такие школы появились во всех ведущих городах региона[163], что гарантировало возможность их многолетней эксплуатации.

Рис. 4.47. Воспитанники школы, работающие на рытье фундамента под школу. Нягань. 1980-е гг. Архивный отдел администрации г. Нягани. Фотофонд. Оп. 1. Д. 263

Новые школьные здания, помимо всех прочих достоинств, обладали самым главным преимуществом — повышенной вместимостью. Если в 1950-е — первой половине 1960-х гг. в Югре строились, главным образом, школы, рассчитанные на 190 и 320 ученических мест, то уже во второй половине 1960-х гг. начали возводиться объекты проектной мощностью в 536 и 964 ученических мест[164], которые широко использовались для размещения новообразованных средних общеобразовательных школ. В 1970-е гг. в Ханты-Мансийском округе

[161] Авимская М. А. К вопросу о начальном этапе развития Сургутского отделения Свердловской железной дороги // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: материалы Всерос. науч. конф. Тюмень, 2010. С. 157.

[162] О гимназии. МБОУ гимназия имени Ф. К. Салманова. URL: https://gimnaziyasalmanovasurgut-r86.gosweb.gosuslugi.ru/nasha-gimnaziya/o-gimnazii/ (дата обращения: 16.08. 2022).

[163] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 512. Л. 21.

[164] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 458. Л. 140.

Рис. 4.48. Бригада строителей СУ-236 Строительно-монтажного треста № 37 БССР, досрочно сдавшая к 1 сентября школу в п. Лангепас. 1 сентября 1981 г. Отдел по делам архивов администрации г. Лангепаса. Ф. 100. Оп. 1. Д. 4

появились школьные здания еще большей вместимости, предусматривающие обучение в каждом из них по 1176, 1280 и 1360 школьников.

В 1980-е гг. на Тюменском Севере появились также школы невиданной ранее проектной мощности, такие, например, как открытая в 1989 г. Сургутская средняя школа № 29 на 1500 мест[165] или построенная в 1991 г. Сургутская средняя школа № 32, рассчитанная на 2500 учащихся[166], ставшие одними из крупнейших по вместимости городскими общеобразовательными учреждениями в Югре советской эпохи. Прогресс в школьном строительстве был очевиден и в сельской местности края, где даже в небольших населённых пунктах, таких как Вах, Горноправдинск, Чеускино, и других районах стали строить школы на 320 и более ученических мест[167].

Благодаря изменению в технологиях школьного строительства, а также развитию всей социальной инфраструктуры Ханты-Мансийского округа во второй половине 1960-х — 1980-е гг. были преодолены многие, ставшие традиционными, «болезни» югорской школьной повседневности 1950-х гг., такие, например, как обеспечение местных школ отоплением и освещением. В 1950-е гг. общеобразовательные учреждения округа имели печное отопление, которое создавало многочисленные проблемы, связанные с поиском квалифицированных кочегаров, необходимостью частого ремонта печей, а также с высокой пожароопасностью[168]. В середине 1960-х гг. начался переход школ края на водяное отопление[169], которое уже в 1970-е гг. стало основным в городах региона[170].

Столь же значительные успехи были достигнуты в деле перевода учебных заведений Югры на электрическое освещение, что имело особенно большое значение вследствие недостатка освещения в условиях короткого северного светового дня в зимнее время. Так, по данным А. И. Прищепы, в одной лишь Сургутской вечерней школе с 1 сентября по 17 декабря 1964 г. из-за отсутствия электроосвещения было сорвано 640 уроков[171]! В начале 1970-х гг. в обеспечении общеобразовательных учреждений электричеством наступило долгожданное улучшение. Из 224 школ Ханты-Мансийского национального округа в это время на электроосвещение были переведены все школьные учреждения. Точно также были электрифицированы все 65 пришкольных интернатов края[172].

---

[165] Муниципальный архив г. Сургута (МАГС). Ф. 3. Оп. 1. Д. 469. Л. 283.

[166] МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 548. Л. 396.

[167] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 512. Л. 21.

[168] Бирюков В. П. Годы и люди Тюменского Севера // Югра. 1995. № 7. С. 23.

[169] ГАЮ. Ф. Р-5. Д. 458. Л. 28.

[170] Полевой материал Д. В. Кирилюка: интервью с Н. А. Парфеновой: записано 18.07. 2016.

[171] Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. Сургут, 2005. С. 135.

[172] ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 512. Л. 25.

По сравнению с 1950–1960-ми гг. значительно улучшилась в «нефтяную эпоху» обеспеченность общеобразовательных учебных заведений Ханты-Мансийского округа мебелью, оборудованием, учебниками, тетрадями и письменными принадлежностями. В середине 1960-х гг. даже в средних школах Югры имелись проблемы с наличием технических средств обучения и наглядных учебных пособий. Педагогам приходилось изготавливать их собственными силами из подручных материалов[173]. Вследствие этого, учителя округа часть важного учебного материала были вынуждены объяснять буквально «на пальцах».

В последующие годы обеспеченность учебно-воспитательного процесса школ региона необходимой мебелью, литературой и техническими средствами обучения была доведена до среднесоюзных нормативов. Так, к началу перестройки окружной отдел народного образования сумел обеспечить все школы учебниками и книгами на 100–110%. Это стало возможным благодаря налаженной в 1970–1980-е гг. системе финансирования книжных закупок[174], а также шефской помощи со стороны ведущих промышленных предприятий края. Например, директор средней школы пос. Покачи Нижневартовского района П. П. Зуб в своих воспоминаниях с восторгом и благодарностью писал о том, как в 1986 г. НГДУ «Татнефть» подарило его школе целый вагон книг[175].

Стремительно возрастало также оснащение школ Югры новейшей техникой и средствами связи. Согласно воспоминаниям бывшего ученика Сургутской средней школы № 20 И. Л. Кирилюка, в 1978 г., когда он поступил в данную школу, уровень ее материальной обеспеченности был очень высоким: в каждом втором классе имелись видеомагнитофоны, использовались в учебном процессе также две видеокамеры. Более того, в конце 1970-х гг. в этой школе по инициативе учителя физики была даже создана экспериментальная радио-телестудия, вызвавшая неподдельный интерес старшеклассников данного учебного заведения[176]. Во всех случаях подобные успехи объяснялись большой помощью со стороны шефов — руководства сургутского железнодорожного хозяйства[177].

Однако, несмотря на такие успехи, далеко не все проблемы материально-технической обеспеченности общеобразовательных учреждений региона были решены к концу рассматриваемого периода. Особенно непростое положение в данном вопросе сложилось в годы перестройки в западных районах округа, которые оказались в меньшей степени затронуты нефтегазовым освоением. Так, в 1985–1991 гг. из 22 школ Октябрьского района здания шести учреждений имели 65–100% износа. При этом 14 учебных заведений по-прежнему продолжали работать в неприспособленных помещениях[178]. Все школы-интернаты округа, за исключением Нефтеюганской, располагались в деревянных зданиях устаревших проектов и требовали капитального ремонта[179]. Многие здания школ, которые были построены в 1970–1980-е гг., часто сдавались в эксплуатацию с большими недоделками[180], усложняя повседневную работу учителей и учащихся.

---

[173] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 458. Л. 21–22.

[174] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 771. Л. 60.

[175] Воспоминания Зуба Павла Петровича // История школы в истории судеб: сб. док. / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Екатеринбург, 2004. С. 99.

[176] Полевой материал Д. В. Кирилюка: интервью с И. Л. Кирилюком: записано 25.03. 2016.

[177] Полевой материал Д. В. Кирилюка: интервью с Р. В. Ибрагимовой. Записано 28.03.2022.

[178] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 883. Л. 5.

[179] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 771. Л. 28.

[180] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 512. Л. 66; Д. 767. Л. 10; Степанова А. С думой о сентябре // К победе коммунизма.1970. 23 июля. С. 4; Воспоминания Зуба Павла Петровича // История школы в истории судеб: сб. док. / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Екатеринбург, 2004. С. 98.

Рис. 4.49. Старое деревянное здание школы № 1 в п. Белоярский Белоярского района. 1972 г. Архивный отдел администрации Белоярского района. Ф. 39. Оп. 5. Д. 3

При этом важно подчеркнуть, что названные процессы протекали на фоне резкого увеличения в Ханты-Мансийском округе в 1953–1991 гг. количества учащихся. Материалы таблицы 4.1 свидетельствуют о значительном росте ученического контингента в местных школах — в 13,6 раза. В абсолютных цифрах за 38 лет количество учащихся в Югре выросло на 214 тысяч человек. Поэтому в 1980-е гг. серьёзной проблемой для руководителей региональной системы народного образования являлась перегруженность школ и увеличение процента детей, которые учились во вторую смену. Уже в 1969–70 учебном году в общеобразовательных учреждениях Югры во вторую смену обучалось 20 тыс. чел[181]., что составляло 34% от всех школьников округа.

К концу 1980-х гг., несмотря на ввод в эксплуатацию новых учебных заведений, вследствие массового притока населения в Ханты-Мансийский автономный округ, ситуация со сменностью занятий существенно ухудшилась. Так, в 1988 г. в регионе во второй половине дня обучалось 38% учащейся молодежи, т. е. не менее 75 тысяч человек. Более того, 6,5 тысяч школьников были вынуждены учиться в третью смену[182]. То есть, несмотря на все успехи в организации нового школьного строительства в Югре, дефицит учебных площадей к началу 1990-х гг. в округе так и не был преодолен.

Ключевую роль в процессе образования и воспитания во все времена, безусловно, играла и продолжает играть сегодня фигура школьного учителя. В Советском Союзе к началу 1950-х гг. сложилась развитая система подготовки педагогов, которая состояла из учебных заведений двух основных типов: педагогических училищ, готовивших учителей для начальных школ, и учительских институтов, которые готовили учителей-предметников. Кроме того, именно в 1950-е гг. в СССР стали заметно возрастать требования к уровню квалификации педагогов. В связи с этим началась реорганизация учительских институтов в пединституты. В 1953 г. в РСФСР уже имелось 86 пединститутов с числом студентов 94 тыс. чел.[183].

Аналогичные процессы происходили и в системе подготовки учителей Тюменской области. В конце 1940-х гг. подготовку учителей начальных школ здесь осуществляло 6 педучилищ, три из которых имели статус русских: Тюменское, Ишимское, Тобольское. Одно училище являлось национальным (Тобольское татарское) и два — смешанными (Ханты-Мансийское и Салехардское). Ежегодный план приема в эти учебные заведения уже во второй половине 1940-х гг. превысил 500 чел[184]. В 1954 г. в результате ряда реорганизаций Ишимское педучи-

[181] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 512. Л. 65.

[182] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2766. Л. 16; ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 851. Л. 1.

[183] Иванова Г. М. Советская школа в 1950–1960-е годы. С. 210.

[184] ГАТО. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 6. Л. 34–35.

лище было преобразовано в Ишимский пединститут. Приобрел также статус пединститута и Тобольский учительский институт. Наряду с ними, подготовкой учителей-предметников занимался Тюменский педагогический институт, созданный в 1934 году.

Значительный рост учащихся педучилищ и студентов педагогических вузов в стране начал оказывать благоприятное воздействие на развитие кадрового потенциала педагогических коллективов и в удаленных регионах страны, включая Ханты-Мансийский национальный округ. Общие тенденции этих изменений представлены в таблице 4.2.

Таблица 4.2

Педагогические кадры школ Ханты-Мансийского национального округа в 1955–1991 гг.

Школы	1955 г.	1966 г.	1975 г.	1985 г.	1991 г.	Процент изменения
Общее число школ	232	235	200	251	343	+ 47,8%
Всего учителей (чел.)	1149	2589	4415	7644	12421	+1081%
Из них женщин (чел.)	865	2152	Нет св.	6703	11019	+1273,9%
% женщин	75,3%	83,1%	Нет св.	87,7%	88,7%	+13,4%
Среднее число учителей в школе (чел.)	4,9	11	22,1	30,4	36,2	+31,3
С высшим образованием (чел.)	147 (12,8%)	814 (31,4%)	Нет св.	5642 (73,8%)	8744 (70,4%)	+5948,3%
С незаконченным высшим образованием (чел.)	355 (30,9%)	364 (14,1%)	Нет св.	175 (2,3%)	360 (2,9%)	+1,4%
Со средним специальным образованием (чел.)	631 (54,9%)	1367 (52,8%)	Нет св.	1802 (23,6%)	3253 (26,2%)	+515,5%
Из них с педагогическим (чел.)	607 (52,8%)	1228 (47,4%)	Нет св.	1648 (21,6%)	Нет подтв. данных	—
Со средним образованием (чел.)	0	7 (0,3%)	Нет св.	25 (0,3%)	62 (0,5%)	—
С неполным образованием (не выше 7 классов) (чел.)	16 (1,4%)	44 (1,7%)	нет св.	нет	2 (0,02%)	–87,5%

Источник: ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 417. Л. 110; Д. 465. Л. 1; Д. 582а. Л. 1; Д. 583. Л. 1; Д. 776. Л. 1; Д. 780. Л. 1; Д. 910. Л. 5; Д. 911. Л. 1.

Статистические материалы таблицы 4.2 позволяют утверждать о том, что в 1955–1991 гг. обеспеченность учителями школ Югры значительно возросла. За 36 лет штаты местных школ увеличились в 10,8 раз, что позволило ликвидировать «кадровый голод», имевший место в общеобразовательных школах округа в 1950-е гг.[185] Важно отметить и то обстоятельство,

[185] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 344. Л. 8.

Рис. 4.50. Директор Мамонтовской восьмилетней школы П. Б. Борисенко (в центре), завуч школы Г. С. Ганишевская (третья слева) на праздновании 1 сентября. Пос. Мамонтово Нефтеюганского района. 1980 г. Отдел по делам архивов администрации г. Пыть-Ях. Фотофонд. Оп. 1. Д. 197

что рост количества педагогов в Ханты-Мансийском округе в исследуемый период был интенсивнее, чем увеличение числа школ в регионе. Это свидетельствует об общем прогрессе в развитии школьного дела в крае, когда переход ко всеобщему среднему образованию привел к существенному увеличению потребности в количестве учителей и требований к уровню их квалификации. Неслучайно, среднее число педагогов в одной югорской школе увеличилось в данное время с 4,9 чел. до 36,2 чел.

Материалы таблицы 4.2 свидетельствуют и о том, что в 1955–1991 гг. удельный вес учителей с высшим образованием в крае вырос в 59,5 раз (!). Если в середине 1950-х гг. в Югре работали лишь 147 учителей с высшим образованием, а их сегмент в штатах школ составлял только 12,8%, то накануне распада Советского Союза в работе местных общеобразовательных учреждений были задействованы уже 8744 учителя с высшим образованием, что составляло 70,4% от их общего числа. То есть, более двух третей педагогических коллективов края представляли специалисты высшей квалификации.

Имея столь серьёзный кадровый потенциал, который теперь был сосредоточен в крупных школах, где у учителей была ежедневная возможность обмена опытом с коллегами, неизбежным было и улучшение содержания учебно-воспитательной работы югорской общеобразовательной школы. Одновременно с этим происходило сокращение числа учителей, не имевших среднего образования, и рост более чем в пять раз количества преподавателей со средним специальным образованием: с 631 до 3253 чел. В рассматриваемый период лишь в исключительных случаях для работы в местных школах привлекались учителя, не имевшие полного среднего образования.

Данные тенденции способствовали тому, что в Ханты-Мансийском автономном округе появилась целая плеяда талантливых педагогов, известных далеко за его пределами. В числе их следует назвать директора Ханты-Мансийского педагогического училища Г. Т. Величко, учителя математики и физики Сургутской средней школы А. С. Знаменского, директора Ларьякской средней школы П. К. Ситникова, директора Нахрачинской средней школы В. Е. Товмасяна, директора Ханты-Мансийской средней школы Ю. Г. Созонова, учителя начальных классов и учителя математики средней школ Кондинского района А. М. Кабальнову и ряд других ярких педагогов. За самоотверженный труд в сфере образования Ю. Г. Созонову и А. М. Кабальновой было присвоено почетное звание «Заслуженный учитель РСФСР»[186].

[186] Черкашина А. М. Математика помогает жить // Памяти магический кристалл: Воспоминания сургутских учителей / Редактор-составитель Ю. А. Дворяшин. Выпуск 1. Екатеринбург, 2001. С. 98; Воспоминания Кабальновой Александры Михайловны // История школы в истории судеб: сб. док. / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. Екатеринбург, 2004. С. 114.

В последующие годы количество талантливых педагогов и руководителей школьного образования продолжало расти. Так, только в 1976 г. к наградам окружкома КПСС и окрисполкома за долголетнюю и плодотворную работу были представлены 7 югорских преподавателей: учитель начальных классов Междуреченской средней школы Кондинского района В. М. Захарова, завуч Нефтеюганской средней школы № 1 М. И. Бондарь, учитель русского языка и литературы Берёзовской восьмилетней школы Н. Н. Федорова, учитель иностранного языка Сургутской средней школы № 8 А. М. Федорова, учитель русского языка и литературы Пионерской средней школы Советского района М. П. Хильченко, учитель начальных классов школы № 4 г. Ханты-Мансийска А. Н. Першина и учитель математики школы № 2 г. Ханты-Мансийска Н. И. Коренькова[187].

Рис. 4.51. А. М. Кабальнова — учитель начальных классов Леушинской средней школы за рабочим столом. 1965 г. Архивный отдел администрации Кондинского района. Ф. 88. Оп. 8. Д. 15

В числе авторитетных педагогов появлялись имена и представителей коренных народов округа: Л. А. Конева — директора Ляминской санаторно-лесной школы Сургутского района, Р. П. Прасина — учительницы литературы Ларьякской средней школы Нижневартовского района. А некоторым учителям из числа ханты, манси, ненцев и коми-зырян Югры, таким как Н. И. Сипайлов, П. А. Вахрушев, Е. С. Мазикова, было присвоено почетное звание «Заслуженный учитель РСФСР»[188].

Вместе с тем географическая удаленность территории округа, отсутствие надежных коммуникаций и связи с расположенными на «большой земле» центрами принятия решений создавали специфические, а иногда экзотические трудности функционирования школ северного региона. Так, например, И. В. Владимирова, выпускница Московского государственного университета, в 1967 г. была направлена учителем географии в школу № 6 г. Сургута и лишь после того как она с трудом добралась до пункта назначения, ей объявили, что такой школы в городе не существует[189]!

В 1955–1991 гг. в Югре стремительно нарастает процесс феминизации учительских коллективов. Удельный вес женщин в педагогических коллективах региона возрос с 75,3% до 88,7%[190], что отчасти являлось результатом наступления в Ханты-Мансийском округе «нефтяной эры», увеличившей спрос на мужскую работу в самых разных отраслях нефтегазового комплекса. Это предоставляло мужчинам-выпускникам педагогических учебных заведений дополнительные возможности альтернативного профессионального выбора и снижало их и без того невысокую педагогическую мотивированность.

---

[187] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 595. Л. 4.

[188] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 458. Л. 81.

[189] Владимирова И. В. Я тоскую по Сургуту древнему… // Памяти магический кристалл: Воспоминания сургутских учителей / под ред. Ю. А. Дворяшина. С. 121.

[190] Подсчитано по: ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 417. 110; Д. 911. Л. 1.

Рис. 4.52. Клятва при посвящении в учителя молодых специалистов. С текстом клятвы выступает учитель школы № 4 Н. Н. Уткина. Урай. 1976 г. Архивная служба администрации г. Урай. Фонд фотодокументов. Оп. 1ф. Д. 86

Еще одной проблемой, которая стала приобретать в регионе все больший масштаб в 1970–1980-е гг., стало существенное повышение среднего возраста педагогов автономного округа. Если в 1955 г. стаж работы менее 5-лет имели 31,9% всех югорских учителей, то уже к 1980 г. — только 20,9%. Доля же педагогов, проработавших в школе более двадцати лет за данный период выросла с 5,2% до 10,5%[191]. А к 1991 году учителя, стаж работы которых превышал 18 лет, составляли в крае уже 29,3%[192], т. е. почти треть.

Одной из ключевых причин сложившегося положения являлся дисбаланс в системе оплаты труда. Согласно подсчетам Г. Ю. Колевой, в целом по Тюменской области в конце 1980-х гг. она составляла 458 руб., а в отдельных производствах, например, в нефтяной промышленности — 608 руб.[193] Вместе с тем, согласно воспоминаниям В. Ш. Салахова, бывшего в годы перестройки руководителем Сургутского городского отдела народного образования, в это же самое время средняя зарплата учителей-предметников в Сургуте составляла 350–370 руб., а учителей начальных классов — на 15% меньше. Лишь директора крупных сургутских средних школ получали зарплату 630–795 руб., что обеспечивало им сопоставимый с нефтяниками жизненный уровень[194].

Постоянная нехватка учителей и сильная зависимость Югры от миграции педагогических кадров из других областей страны актуализировали необходимость открытия в округе собственных педагогических учебных заведений. Так, в 1983 г. в Нижневартовске было открыто второе в регионе, после Ханты-Мансийского, педагогическое училище, ориентированное на подготовку педагогических кадров для школ Нижневартовского района[195], а в 1986 г. было создано Сургутское педагогическое училище, которое должно было выполнять аналогич-

[191] Подсчитано по: ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 417. 110; Д. 670. Л. 1.

[192] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 911. Л. 1.

[193] Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). Тюмень, 2010. С. 213.

[194] Полевой материал Д. В. Кирилюка: интервью с В. Ш. Салаховым: записано 26.12. 2015.

[195] Архивный отдел Администрации г. Нижневартовска — (АОАГН). Ф. 174. Описание фонда.

ную задачу в Сургутском районе[196]. В конце 1980-х гг. первые выпускники этих учебных заведений стали поступать на работу в систему народного образования края.

Перемены к лучшему в материально-техническом и кадровом обеспечении школ Ханты-Мансийского округа способствовали решению задач всеобуча, охвата детей школьным обучением и ликвидации отсева учеников из школ. В 1968–1970 гг., по воспоминаниям ветерана педагогического труда Югры Е. А. Кошкаровой, данный вопрос в окружной школе был в основном решен[197].

Однако в 1970-е гг. органам народного образования Югры, как и всей страны, была поставлена новая задача: достижение всеобщего среднего образования. Ее решение осуществлялось за счет массового перевода в 9-е классы выпускников 8-х классов, сопровождавшееся усилением административных методов руководства системой народного образования, которые обеспечили к началу 1980-х гг. в ведущих городах округа стопроцентный охват молодежи средним образованием[198].

Важнейшим показателем эффективности учебной работы в советской школе во второй половине XX века была успеваемость учащихся. Результаты освоения школьниками Ханты-Мансийского округа образовательной программы в 1955–1991 годах отражены в таблице 4.3.

Таблица 4.3

Успеваемость учащихся югорских школ в 1955–1991 гг.

Школы	1955 г.	1965 г.	1976 г.	1985 г.	1991 г.	Процент изменения
Общее количество школ в крае, в т. ч.:	232	238	200	251	343	+ 47,8%
Общее количество учащихся в школах (чел.)	15 790	39 748	75 862	157 187	231 988	+ 1363,6%
Среднее количество учащихся в школе (чел.)	68	167	379	626	676	+ 994,1%
Общая успеваемость учащихся (чел.)	83,2%	95,8%	99,7%	99,8%	98,2%	+ 15%
Количество второгодников (чел.)	1827	1666	243	342	4210	+130,4%
Среднее количество второгодников в школе (чел.)	7,9	7	1,2	1,4	12,3	+ 55,7%

Источник: ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 384. Л. 1; Д. 454. Л. 2; Д. 583. Л. 1; Д. 776. Л. 3; Д. 910. Л. 5.

Представленные статистические данные указывают на значительный рост успеваемости учащихся в общеобразовательных учреждениях округа. Если в 1955 г. она составляла 83,2%, то к началу перестройки освоение югорскими школьниками образовательной программы приблизилось к стопроцентным показателям — 99,8%. Неслучайно, уже во второй

[196] Сведения об образовательной организации: основные сведения // Сургутский государственный педагогический университет: офиц. сайт. URL: http://www.surgpu.ru/sveden/common/istoriya/ (дата обращения: 27.08.2022).

[197] Кошкарова Е. А. Милая сердцу профессия // Памяти магический кристалл: Воспоминания сургутский учителей / ред.-сост. Ю. А. Дворяшин. Вып. 1. С. 76.

[198] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 37. Д. 19. Л. 61.

Рис. 4.53. Школьники у здания средней школы № 2 п. Белоярский после окончания линейки, посвященной началу нового учебного года. 1 сентября 1988 г. Фото: М. Г. Булат. Архивный отдел администрации Белоярского района. Фотофонд. Оп. 1. Д. 86

половине 1960-х гг. в крае в отчетной документации окружного отдела народного образования появился новый показатель — «качественная успеваемость», отражающий количество детей, обучающихся на «4» и «5». В конце 1960-х гг. она составляла в регионе 30,4%[199], а к началу 1980-х гг. процент обучающихся без удовлетворительных оценок в ведущих городах Ханты-Мансийского автономного округа достиг 41%[200].

Одновременно с этим количество второгодников в учебных заведениях края в эти годы также демонстрировало впечатляющую динамику, сократившись в 1955–1985 гг. более чем в 5 раз — с 1827 до 342 чел. Среднее количество второгодников в одной школе также уменьшилось с 7,9 до 1,4 чел. При общем увеличении количества учащихся в школах Югры в это время на 141 тыс. чел[201]. это было впечатляющим достижением, свидетельствовавшем о том, что педагогическим коллективам округа действительно удалось добиться реального прогресса в работе с учащимися.

Такие успехи стали результатом не только укрепления материально-технического и кадрового потенциала учебных заведений Ханты-Мансийского национального округа, но и совершенствования учебно-методического обеспечения школ региона. В 1960–1980-е гг., благодаря улучшению финансирования местных школ, в арсенале средств обучения преподавателей все большое место занимали кинофильмы, диафильмы и другие аудио-технические устройства[202].

Кроме того, в это время в школах Югры последовательно совершенствовалась и методика преподавания учебных предметов. По мере строительства больших восьмилетних и средних школ, увеличения количества квалифицированных учителей во второй половине 1960-х — 1970-е гг. была ликвидирована практика одновременной работы преподавателей с несколькими классами-комплектами, характерная для небольших сельских и национальных школ региона в 1950-е — первой половине 1960-х гг.[203] Преподаватели автономного округа в своей повседневной работе стали широко использовать передовые методы обучения, такие как метод дифференцированного, проблемного обучения, разнообразные виды работ, направленные на развитие логического мышления учащихся и т. д[204]. Например, в регионе, начиная с середины 1960-х гг., получила применение экспериментальная система началь-

[199] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2236. Л. 75.

[200] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 37. Д. 19. Л. 61.

[201] Подсчитано по: ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 384. Л. 1; Д. 454. Л. 2.

[202] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 458. Л. 74.

[203] МАГС. Ф. 12. Оп. 1. Д. 170. Л. 46–48, 63; Д. 182. Л. 49.

[204] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 23. Д. 26. Л. 8.

ного обучения по методу профессора Л. В. Занкова[205], предполагавшая дискуссии и обсуждение учащимися изученного материала.

Наряду с этим, в середине 1960-х гг. в округе была развернута сеть так называемых «опорных школ», являвшихся центрами проводимой учителями методической работы, концентрировавших передовой опыт обучения школьников лучшими учителями округа. Например, в 1964–1965 учебном году в Ханты-Мансийском национальном округе действовало 19 подобных школ, которые организовывали научно-практические конференции по методике преподавания и воспитания учащихся, например, «Обучение и воспитание — единый процесс», «Использование технических средств в обучении и воспитании детей» и ряда других[206]. Дополняла данную работу в 1950–1960-е гг. деятельность кустовых методических объединений преподавателей-предметников, которые занимались обменом и распространением прогрессивных методик преподавания, проводили педагогические чтения[207].

В середине 1970-х гг. работа по совершенствованию педагогического мастерства югорских учителей обрела качественно новое содержание и форму. В 1974 г. в Ханты-Мансийске был создан окружной институт усовершенствования учителей[208]. Это учреждение занималось не только организацией курсов повышения квалификации и семинаров для педагогов в окружной столице, но и создавало центры обучения учителей в ведущих городах округа. Только в 1974–1979 гг. в окружном ИУУ повысило свою квалификацию 5 тысяч местных педагогов[209].

Открытие данного учреждения стимулировало поиск новых путей совершенствования педагогического мастерства учителей округа. В этом контексте во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг. большое распространение в регионе начинало приобретать движение наставничества, суть которого состояла в непосредственной передаче педагогического мастерства и жизненного опыта высококвалифицированных преподавателей начинающим свой профессиональный путь молодым учителям. Положительные примеры наставничества отмечались в Октябрьском районе, Сургуте и Нижневартовске[210]. Они обобщались и распространялись в школах округа и всей Тюменской области, а передовые наставники морально и материально поощрялись[211].

Вместе с тем, несмотря на многообразие форм совершенствования учебно-воспитательного процесса и его методического обеспечения, в годы перестройки, как указывают материалы инспекторских проверок, качество проводимых в ряде школ Ханты-Мансийского автономного округа занятий нередко по-прежнему оставляло желать лучшего. Так, проверка школ Урая в 1986 г. выявила немалое число уроков, проходивших со значительными методическими и содержательными недостатками: по мнению инспекторов, 21% уроков отличался «неверным выбором цели и задач», 42% занятия имели невысокое теоретическое содержание, на 37% уроков обнаружились недоработки в дифференцированном подходе к учащимся и глубине самостоятельной работы, на 28% — отсутствовал оптимальный расчет времени уро-

---

[205] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 458. Л. 23.

[206] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2134. Л. 82.

[207] ГАСПИТО. Ф. П-93. Оп. 56. Д. 49. Л. 44.

[208] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 657. Л. 144.

[209] Воспоминания Гурьянова Владимира Дмитриевича // История школы в истории судеб: Сборник документов. С. 68; ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 659. Л. 205.

[210] ГАСПИТО. Ф. П-1490. Оп. 1. Д. 796. Л. 21.

[211] ГАСПИТО. Ф. П-1490. Оп. 1. Д. 628. Л. 22.

Рис. 4.54. Пионеры Устремской школы во время торжественной линейки, посвященной 40-летию пионерии. Пос. Устрем Берёзовского района. 1962 г.

Рис. 4.55. Сюжетная игра «Зарница». Сургут. 1970-е гг. Сургутский краеведческий музей. Фотофонд

ка, а в ходе 23% посещенных уроков было выявлено отсутствие или нерациональное использование технических средств обучения и наглядности[212].

Неслучайно, что к началу 1990-х гг. в условиях реформирования советской образовательной системы, ревизии ее традиционных концептуальных основ и разрушения организации воспитательной работы показатели усвоения знаний школьников округа стали заметно снижаться. Данные таблицы 4.3 свидетельствуют, что по итогам 1990–1991 учебного года успеваемость в общеобразовательных учреждениях края понизилась до 98,2%, а среднее количество второгодников в одной школе, по сравнению с серединой 1980-х гг., выросло до 12,3 чел., т. е. почти в 9 раз.

Получение знаний и практических навыков в советской школе осуществлялось в органическом единстве с воспитательной работой, тесно связанной с «борьбой трудящихся за коммунизм»[213]и формирующей запрограммированные господствующей идеологией политические и морально-нравственные качества «советского человека». Их формирование должно было происходить комплексно и системно — как в ходе образовательного процесса, так и посредством внеурочных воспитательных акций организованного досуга молодежи, культурно-просветительских и военно-спортивных мероприятий.

1950–1960-е гг. являлись временем большого социального оптимизма, рожденного экономическими, научными и культурными успехами страны, ростом ее международного авторитета в послевоенные годы. Школьники Югры вступали в пионерские и комсомольские организации. В 1979 г. в округе насчитывалось 34 тысячи пионеров, объединенных в 155 пионерских дружин[214]. В отчетной графе школьных документов в Ханты-Мансийском округе в 1960–1970-е гг. успеваемость пионеров нередко подсчитывалась отдельно, как правило,

[212] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 818. Л. 180–181.

[213] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 458. Л. 19.

[214] ГАСПИТО. Ф. П-1490. Оп. 1. Д. 712. Л. 1.

превосходя общие показатели по конкретным школам и территориям[215]. Членство в пионерской или комсомольской организации обязывало югорскую молодежь принимать активное участие в многочисленных ритуальных внеурочных мероприятиях: слетах, сборах и собраниях.

Рис. 4.56. Ю. Г. Созонов — директор Ханты-Мансийской средней школы № 1. 1984 г. Государственный архив Югры. Ф. 420. Оп. 10. Д. 58

Среди многочисленных направлений воспитательной работы со школьниками реальное практическое значение имело военно-патриотическое воспитание, проводимое в разнообразных формах. Самыми популярными из них были военно-полевые игры «Зарница» и «Орленок». Наиболее массовый характер они приобретали в юбилейные, памятные для Советского Союза годы[216]. Отдельные школьные коллективы Югры добились немалых успехов в проведении данных игр, в связи с чем получили право участия во Всесоюзных играх. Так, например, команда средней школы № 1 Ханты-Мансийска в 1979 г. принимала участие в общесоюзных соревнованиях по игре «Зарница» в Туле, а в 1981 г. — в Одессе. В игре «Орленок» им удалось добиться права участия в областных соревнованиях[217].

Нередко военно-патриотическое воспитание перерастало и в более серьёзную исследовательскую и краеведческую работу. Например, директор Ханты-Мансийской средней школы № 1 Ю. Г. Созонов в 1964 г., накануне 20-летия победы в Великой Отечественной войне, организовал со своими учениками работу по сбору сведений о погибших в годы войны учителях и учащихся этой школы. В ходе нее школьники вели переписку с ветеранами войны и семьями погибших, изучали документы школьных архивов, окрвоенкомата, окружного архива и редакции окружной газеты. Символическим итогом их деятельности стал памятник, открытый в 1971 г. рядом со школой на средства, собранные коллективом этого учебного заведения[218].

Активное развитие в Югре получила также физкультурно-массовая работа с учащейся молодежью. В 1960–1980-е гг. в крае сложились многочисленные традиции, связанные с проведением городских, районных и окружных соревнований по лыжным гонкам, хоккею, баскетболу, волейболу и футболу, в которых участвовали как юноши, так и девушки разных возрастных групп. В качестве призов на подобных соревнованиях обычно вручали грамоты отделов народного образования, дипломы различных спортивных обществ[219].

В период каникул для обучающихся местных школ организовывались пионерские посты, детские площадки, туристические походы, различные виды соревнований, экскурсии, осуществлялся уход за зелеными насаждениями. В одной лишь окружной столице — Ханты-Мансийске только в 1965 г. было создано 32 пионерских поста, 15 детских площадок, в работе которых приняло участие более 1500 школьников[220].

---

[215] ГАСПИТО. Ф. П-1490. Оп. 1. Д. 712. Л. 1.

[216] МАГС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 139. Л. 28–32.

[217] Из воспоминаний Созонова Юрия Георгиевича // История школы в истории судеб: Сборник документов. С. 267.

[218] Из воспоминаний Созонова Юрия Георгиевича. С. 266.

[219] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 458. Л. 25–27.

[220] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 458. Л. 100.

Большое место в системе советского школьного образования занимало трудовое воспитание. В основе его организации лежала идея политехнизации, провозглашенная в СССР еще в довоенное время. Ее смысл сводился к необходимости «ликвидации противоречий между городом и деревней и устранения разрыва между физическим и умственным трудом»[221]. В 1950-е гг. идея политехнизации обрела новое звучание[222]. В 1958 г. был принят Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», в соответствии с которым образование молодежи 15–16-летнего возраста должно было осуществляться на основе соединения обучения с производительным трудом для того, чтобы вся молодежь в этом возрасте включалась в общественно-полезный труд[223].

Однако реализация нового закона в Югре была связана с большими трудностями, обусловленными социально-экономической, географической и природно-климатической спецификой региона. Для развертывания системной работы по организации трудового обучения и воспитания у руководства школ и администрации округа не было ни обустроенных помещений, ни квалифицированных кадров производственного обучения. Директор Сургутской средней школы в 1960–1964 гг. В. П. Бирюков, вспоминая о школьной реформе 1958 г., откровенно писал: «В те годы проходила очередная реформа школьного дела. И наша школа была преобразована в одиннадцатилетнюю среднюю с производственным обучением. А базы — никакой»[224].

Как вспоминал другой директор этой школы, Почетный гражданин города Сургута А. Н. Сибирцев, трудовое обучение ограничивалось благоустройством пришкольных территорий, посадкой деревьев и не требующими высокой квалификации работами. Выпускники школ Сургута первой половины 1960-х гг. оставили о себе добрую память выращенной прекрасной аллеей и огромной березовой рощей, а также построенной ими мастерской, кортом, гаражом, большим объёмом земляных работ в ходе прокладки 200-метровой траншеи для городского водопровода. Один из выпускных классов, которым руководила учитель истории Е. И. Калентьева, целый год в полном составе работал в совхозе[225]. Но подобные факты в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. были скорее исключением, чем правилом.

В начале 1966 г. заведующий Ханты-Мансийским окружным отделом народного образования А. В. Филиппович направил ходатайство руководителю Тюменского облоно П. К. Худолееву служебную записку с просьбой об отмене в 1966–1967 учебном году обязательной профессиональной подготовки учащихся IX–X классов во всех средних общеобразовательных школах округа. Свое предложение он мотивировал тем, что «введение обязательной профессиональной подготовки в школах округа без учета их реальных условий и возможностей себя не оправдало» и «учащиеся IX–X классов школ затрачивают дорогое учебное время без должной отдачи и пользы»[226]. Неслучайно вскоре обязательное производственное обучение школьников было отменено.

---

[221] О всеобщем обучении и политехнизации массовой школы // Известия. № 64 (4271). 1931. 6 марта.

[222] Иванова Г. М. Советская школа в 1950–1960-е годы. С. 237, 242.

[223] Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». 24 декабря 1958 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 5.

[224] Бирюков В. П. Сургут. Первые впечатления // Памяти магический кристалл: Воспоминания сургутских учителей. С. 85.

[225] Распопова Н. Н. Андрей Николаевич // Памяти магический кристалл: Воспоминания сургутских учителей. С. 53.

[226] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 466. Л. 52.

В последующие годы трудовое воспитание школьников продолжалось уже не в столь радикальных формах. Например, в постановлении «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» 1984 г., принятом Верховным Советом СССР, в очередной раз говорилось о роли политехнической школы в формировании «нового человека», а также предписывалось «обеспечить на каждом рабочем месте учащихся безопасные условиях их труда»[227]. Школьные отчеты учебных заведений Югры продолжали содержать разделы, посвященные трудовому воспитанию, и регулярную критику низкого качества данной работы[228].

Нарастающий системный кризис социалистической государственности в конце 1980-х гг. сопровождался снижением эффективности и советского народного образования. Основываясь на воспоминаниях непосредственных участников того социального коллапса, можно утверждать, что система общего школьного образования Ханты-Мансийского автономного округа накануне распада Советского Союза работала практически на пределе своих материально-технических и кадровых возможностей[229].

С особой очевидностью это проявилось в деятельности вечерних образовательных школ.

Таблица 4.4

Основные показатели развития вечернего образования в Ханты-Мансийском округе в 1953–1991 гг.

Школы	1953 г.	1959 г.	1971 г.	1980 г.	1985 г.	1991 г.	Процент изменения
Вечерние общеобразовательные школы	8	9	17	38	39	26	+ 325%
Численность учителей (чел.)	64	70	219	632	593	278	+434,4%
Контингент учащихся (чел.)	680	650	3471	12477	13609	5828	+ 857,1%

Источник: ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 336. Л. 125–133, 328–329; Д. 381. Л. 227, 236–237; Д. 528. Л. 3; Д. 668. Л. 1; Д. 781. Л. 1; Д. 912. Л. 1.

Материалы таблицы 4.4 свидетельствуют о любопытной динамике совершенствования работы школ рабочей и сельской молодежи (вечерних школ) округа в изучаемый период. Важной целью функционирования данных учебных заведений было обучение грамоте тех, чье детство пришлось на годы Великой Отечественной войны, и кто не смог в условиях военного времени получить образование. Например, в 1953–1954 гг. в списках неграмотных и малограмотных югорчан преобладали граждане 1934–1937 годов рождения[230], которые должны были начать или окончить свое начальное образование в годы войны, либо в первые послевоенные годы.

---

[227] Постановление Верховного Совета СССР от 12 апреля 1984 года «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы». URL: http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1846&page=17 (дата обращения: 26.02.2023).

[228] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 819. Л. 25.

[229] Полевой материал Д. В. Кирилюка: интервью с А. В. Унжакова, Г. Р. Варина, Л. В. Гайнуллиной. Записано 18.09.2020.

[230] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 336. Л. 96–96.

В конце 1950-х гг. под влиянием школьной реформы 1958 г., а также увеличения количества рабочих профессий в Югре в 1960-е гг., резко возросли потребности в получении многими молодыми людьми образования без отрыва от производства. Поэтому в 1959–1985 гг. сеть вечерних школ в регионе выросла более чем в 4 раза — с 9 до 39 учебных заведений. Одновременно в 8,5 раз возросло количество учителей, работавших в вечерних школах и почти в 21 раз — число обучающихся. Период первой половины 1980-х гг. можно по праву считать апогеем развития вечернего образования в Ханты-Мансийском автономном округе.

В это время были реализованы многие важные инициативы, способствовавшие успешному обучению работающей молодежи. Так, в конце 1960-х — 1970-е гг. под эгидой ЦК ВЛКСМ на ряде промышленных предприятий Югры, например, в НГДУ «Мегионнефть», «Шаимнефть», НГДУ им. В. И. Ленина г. Нижневартовска были созданы комиссии содействия вечерней школе. В эти годы стали регулярно проводиться смотры-конкурсы «Каждому молодому труженику — среднее образование». В трудовых коллективах анализировался и обобщался опыт данной работы[231].

Кроме того, на ведущих промышленных предприятиях автономного округа, например в объединении «Сургутнефтегаз», разрабатывались многочисленные дополнительные меры материального и морального стимулирования рабочих, повышающих свой общеобразовательный уровень путем сохранения зарплаты во время учебы, награждения путёвками в дома отдыха и санатории, вручения ценных подарков[232]. В округе была учреждена почетная награда «Отличник учебы и труда»[233]. Вследствие этого уже к середине 1970-х гг. в некоторых вечерних школах Ханты-Мансийского округа успеваемость учащихся достигла 95–96%[234].

Вместе с тем, вечерние общеобразовательные школы региона, в сравнении с дневными школами, испытывали еще большие трудности в формировании собственной материально-технической базы, а также кадрового состава учителей. Как правило, вечерние школы были вынуждены располагаться в зданиях дневных общеобразовательных учреждений и даже в годы перестройки, по воспоминаниям заведующего Сургутским городским отделом народного образования в 1986–1991 гг. В. Ш. Салахова, лишь единицы из них имели в округе свои собственные помещения в виде приспособленных зданий бывших детских садов[235].

Отсутствие собственных площадей приводило к тому, что занятия в вечерних школах начинались поздно вечером, за что современниками они нередко с иронией назывались «ночными». Преподавателями вечерних школ, как правило, являлись учителя дневных школ, работавших по совместительству, что также не лучшим образом сказывалось на качестве их работы поздним вечером. Эти причины вызывали высокую текучесть обучающейся рабочей молодежи. Ежегодно в рассматриваемый период отсев из вечерних школ в течение учебного года достигал 30–50% принятых учеников[236].

---

[231] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 564. Л. 18–19.

[232] ГАСПИТО. Ф. П-1490. Оп. 1. Д. 833. Л. 29.

[233] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 662. Л. 134.

[234] Полевой материал Д. В. Кирилюка: Коллекция документов Сургутского музея истории народного образования «История образования Сургута с 1966 г. по настоящее время».

[235] Полевой материал Д. В. Кирилюка: интервью с В. Ш. Салаховым. Записано 5.11. 2019 г.

[236] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2236. Л. 74; Ф. П-68. Оп. 106. Д. 20. Л. 3; Ф. П-1444. Оп. 58. Д. 14. Л. 6; Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. Сургут, 2005. С. 135.

Несмотря на имеющиеся трудности, вечерние общеобразовательные школы в 1960–1980-е гг. предоставили возможность тысячам югорчан получить законченное среднее образование. В годы перестройки, однако, сеть вечерних школ в Ханты-Мансийском автономном округе стала стремительно сокращаться. Как видно из таблицы 4.4, к 1991 г. число школ уменьшилось на треть, более чем в два раза сократилось количество работавших в них учителей и почти в три раза — контингент учащихся. Произошло это по объективным причинам, вызванными введением в стране в 1970-е гг. всеобщего среднего образования[237]. В результате, уже в 1984 г. 99% учащихся в стране получали полное среднее образование в дневной школе. Система вечернего образования, таким образом, выполнила свою основную задачу и стала сокращаться.

Важной частью сферы народного образования Ханты-Мансийского автономного округа была ***национальная школа***.

Таблица 4.5

Развитие сети национальных школ Югры в 1950–1991 гг.

Школы	1950–1951 уч. г.	1970–1971 уч. г.	1980–1981 уч. г.	1991–1992 уч. г.	Процент изменения
Количество национальных школ	87	36	33	32	– 36,8%
Учащихся коренной национальности (чел.)	4016	5189	4392	4141	+ 3,1%

Источник: ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 306. Л. 6; Д. 771. Л. 49; Д. 910. Л. 27.

Под воздействием общесоюзных тенденций укрупнения общеобразовательных учреждений страны на фоне перехода ко всеобщему среднему образованию, а также специфических особенностей развития школьной сети региона, заключавшихся в наличии множества смешанных школ, количество национальных учебных заведений в Югре в рассматриваемый период неуклонно сокращалось. Так, если в 1950–1951 учебном году в Ханты-Мансийском национальном округе насчитывалось 87 национальных школ, то уже в 1970–71 уч. г. — только 36 учреждений, т. е. почти в 2,5 раза меньше. В 1990 г. функционировало лишь 32 национальных школы, из которых 40% вынуждены были работать в приспособленных помещениях[238].

В период становления Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в национальных школах региона сохранялись проблемы, связанные с организацией преподавания на языках коренных народов Севера. Показательно, что в 1970–1980-е гг. даже в подготовительных классах национальных школ нередко преподавание для детей коренных народов не велось на их родном языке. Так, в 1970–1971 учебном году охват учащихся коренных национальностей обучением на родном языке в подготовительных классах составлял 89,4%, в 1975-1976 уч. г. — 95%. В 1980–1981 учебном году окружному отделу народного образования удалось временно полностью обеспечить подготовительные классы преподаванием на языках коренных народов. Однако уже через год ситуация вновь ухудшилась[239].

---

[237] Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. М., 1977. С. 43.

[238] ГАТО. Ф. 1823. Оп. 1. Д. 1590. Л. 9.

[239] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 771. Л. 51.

Еще сложнее было организовать обучение на языках северных народов в первых классах югорских школ. Так, в 1970–1971 учебном году этот показатель составлял в округе всего лишь 48,2%. То есть больше половины школьников ханты, манси, ненцев и коми-зырян не изучали в первом классе родной язык. В последующие десять лет произошло некоторое расширение охвата детей коренных народов обучением на родном языке в первых классах: в 1975–1976 уч. г. он составил 59,6%, а в 1980–1981 уч. г. — 53,6%[240]. Тем не менее, по-прежнему не менее 40% детей коренных народов были лишены возможности обучаться на родных языках, что не лучшим образом сказывалось на освоении ими учебной программы.

Следует признать, что предпринимаемые усилия партийно-государственных структур и руководителей окружной системы народного образования не принесли ожидаемых результатов и в переходе контингента национальных школ ко всеобщему среднему образованию. Учащиеся из числа ханты, манси, ненцев и коми-зырян в последние десятилетия существования Советского Союза по-прежнему проявляли слабую заинтересованность в получении полного среднего образования. Примечательно, что накануне распада СССР удельный вес средних школ в Югре составлял 66,8% от всей сети, тогда как среди национальных школ — 46,9%. По итогам 1990–1991 уч. г. ниже была и общая успеваемость их учащихся — 98,2% и 96,5% соответственно[241]. В результате, в 1970–1980-е гг. процент своевременного окончания 8-х классов учащимися коренных народов Севера был ежегодно меньшим, чем в целом по округу[242].

Модернизационные вызовы нефтегазового освоения территории округа привели к складыванию во второй половине 1960-х — 1980-е гг. в ее структуре нового, ***профессионально-технического направления обучения***. Первые шаги в этом направлении были сделаны уже в начале промышленной добычи нефти в регионе. В 1965 г. в Сургуте было открыто профессионально-техническое училище № 17, начавшее подготовку кадров строителей для трестов «Сургутгазстрой», «Сургуттрубопроводстрой», «Сургутэлектромонтаж», домостроительного комбината, и ГРЭС-1[243].

Постоянно растущие потребности нефтяников и газовиков Ханты-Мансийского округа в 1960-е гг. в рабочих и инженерно-технических кадрах уже в 1960-е гг. стали причиной создания на Обском Севере учебного заведения нефтяного профиля. В 1973 г. г. Сургуте был открыт Сургутский нефтяной техникум. Это учебное заведение стремительно наращивало свой потенциал и уже к концу 1970-х гг. в нем обучалось 1180 студентов в составе 41-й учебной группы. Еще 10 учебных групп в составе 262 студентов обучались в открытом в Нефтеюганске филиале техникума. Они готовили выпускников по специальностям, максимально востребованным индустриальным развитием новой нефтегазовой территории: «Бурение нефтяных и газовых скважин», «Эксплуатация нефтяных и газовых скважин», «Оборудование нефтяных и газовых промыслов», «Техническое обслуживание и ремонт автомобилей»[244].

---

[240] Подсчитано по: ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 771. Л. 51.

[241] Подсчитано по: ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 910. Л. 5, 27.

[242] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 771. Л. 51.

[243] Николаенко В. Здесь растет молодая смена рабочего класса // К победе коммунизма. 1985. 20 дек. С. 3; Козлова А. И столяры, и плотники...: [к 35-летию сургут. ПТУ № 17] // Вестник. 2000. 22 дек. С. 5.

[244] Лешукова Е. В. Вклад нефтяного техникума в становление профессионального образования Сургута в 1970-е годы // Северный регион: наука, образование, культура. 2018. № 3 (39). С. 68.

В 1980-е гг. по мере ускорения социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа, открытия новых предприятий и производств, сеть профессионального образования в регионе продолжила интенсивно расширяться. Так, в 1982 г. в Нижневартовске было создано профессионально-техническое училище № 44, которое готовило квалифицированные кадры для предприятия «Нижневартовскнефтегаз» по специальностям слесарь по ремонту автомобилей, машинист бульдозера, электросварщик, электромонтер по обслуживанию буровых и другим профессиям. Данное учебное заведение быстро увеличивало набор студентов. В 1982–1988 гг. контингент обучающихся вырос с 315 до 1175 чел[245].

Еще одним крупным учреждением профессионального образования Югры, основанным в конце исследуемого периода, стало профессионально-техническое училище № 19 Сургута. Оно было открыто в 1988 г. и осуществляло подготовку по рабочим специальностям для предприятий в сфере электроэнергетики, в первую очередь, для ГРЭС-1 и ГРЭС-2. Училище готовило слесарей, электрослесарей, электромонтеров самых разных специализаций, потребность в которых особенно остро ощущалась в условиях быстро развивающегося промышленного производства и социальной инфраструктуры края. Всего к началу 1992 г. в Ханты-Мансийском автономном округе работали 15 профессионально-технических училищ, в которых обучалось свыше 7 тыс. учащихся по 47 специальностям[246].

В конце 1980-х гг. потребности дальнейшего экономического и культурного развития округа, расширившиеся возможности системы образования региона поставили на повестку дня задачу создания в округе классического университета. В 1989–1990 гг. состоялась серия организационно-деловых игр под руководством А. П. Зинченко и Г. П. Щедровицкого, в ходе которых была разработана концепция создания в Сургуте собственного университета[247]. Однако к моменту распада Советского Союза в Ханты-Мансийском автономном округе эта идея не получила практического воплощения и была реализована уже в постсоветское время.

Подводя итоги развития системы образования Ханты-Мансийского автономного округа в 1953–1991 гг., следует еще раз обратить внимание на масштаб произошедших изменений. В середине 1950-х гг. — до открытия основных месторождений нефти и газа — под влиянием политики либерализации, вызвавшей отток репрессированного населения из региона, а также «демографической ямы» как результата Великой Отечественной войны, численность общеобразовательных и национальных учреждений региона, а также учащихся местных школ сокращалась. В округе продолжали преобладать деревянные школы малой вместимости, расположенные в удаленной сельской местности. Они испытывали хронические проблемы материально-технического обеспечения, а также комплектования квалифицированными преподавательскими кадрами. Вследствие этого около 15% учащихся ежегодно не справлялись с учебной программой.

Активное геологическое освоение региона во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. и первые открытия месторождений нефти и газа запустили модернизационные процессы на территории округа, приведшие к увеличению притока населения в Югру, началу урба-

---

[245] Нижневартовский политехнический колледж. URL: https://www.informio.ru/rating/3566/Nizhnevartovskii-politehnicheskii-kolledzh (дата обращения: 27.08.2022).

[246] ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 925. Л. 8.

[247] Сургутский государственный университет: 25 лет пути / под общ. ред. Д. В. Кирилюка. Сургут, 2017. С. 14–15.

низации, сопровождавшиеся значительным ростом количества учащихся в регионе, сокращением процента сельских школ и многократным увеличением числа городских учебных заведений. Качественно изменился также внешний и внутренний облик местных школ.

Материальной основой реформируемой системы школьного образования стали крупные, вместительные средние школы в капитальном исполнении, сконцентрированные в ведущих нефтяных городах региона. В них работали опытные учителя, более 70% которых имели высшее образование. К середине 1980-х гг. была достигнута почти стопроцентная успеваемость учащихся и минимизирован процент второгодников. Всеобщий охват населения средним образованием дополнялся эффективной работой большого числа вечерних школ округа.

Новые тенденции в развитии экономики региона, ее растущие кадровые потребности обусловили складывание во второй половине 1960-х — 1980-е гг. в Ханты-Мансийском округе сети учреждений профессионально-технического обучения, осуществлявших подготовку по рабочим специальностям, необходимым промышленным и транспортным предприятиям края. Открытие двух новых педагогических училищ в Нижневартовске и Сургуте увеличили возможности получения в регионе педагогического образования. Накануне распада Советского Союза естественным завершением развития системы образования округа стало начало дискуссий о необходимости создания в Югре классического университета.

Глава 3

Религиозная политика и религиозный ландшафт

Русская православная церковь

Начало оттепели было связано с оживлением религиозной жизни. Резко увеличилось количество ходатайств верующих об открытии храмов: в 1953 г. их было подано 990 (большая часть — во второй половине года), в 1954 г. — 1361. 10 ноября 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», в котором предписывалось «избегать всякого оскорбления чувств верующих», что было связано, в том числе, с попытками нового кремлевского руководства наладить диалог со странами Запада[248]. Вместе с тем одновременно в стране усиливалась атеистическая пропаганда.

В 1955 г. на волне изменившихся церковно-государственных отношений жители Ханты-Мансийска обратились в исполком Тюменского областного Совета депутатов трудящихся с просьбой открыть молитвенный дом. 19 января 1956 г. они получили официальный отказ ввиду «нецелесообразности» строительства специального здания и «незначительного числа верующих»[249]. Инициативная группа продолжала настаивать на открытии молитвенного дома в городе, но снова получала отказ Тюменского исполкома, о чем в апреле 1956 г. сообщалось председателю Ханты-Мансийского окрисполкома А. Н. Лоскутову. Ему поручалось проинформировать верующих о решении областных властей[250]. Мотивации в таких случаях были довольно типичными: «за отсутствием должного помещения»[251], не соответствует «санитарным и противопожарным правилам…»[252], «несоответствие требованиям». Подобные стандартные «аргументы» использовались в отношении ходатайств всех религиозных организаций[253]. Власти опасались, и не без основания, что открытие хотя бы одного храма «неминуемо вызовет резонанс и приведет к активизации верующих за открытие и других храмов в регионе»[254].

---

[248] Макарова Д. Ю. Атеистическая пропаганда в СССР в 1954–1964 годах (на материалах Курской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 34.

[249] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 591. Л. 8.

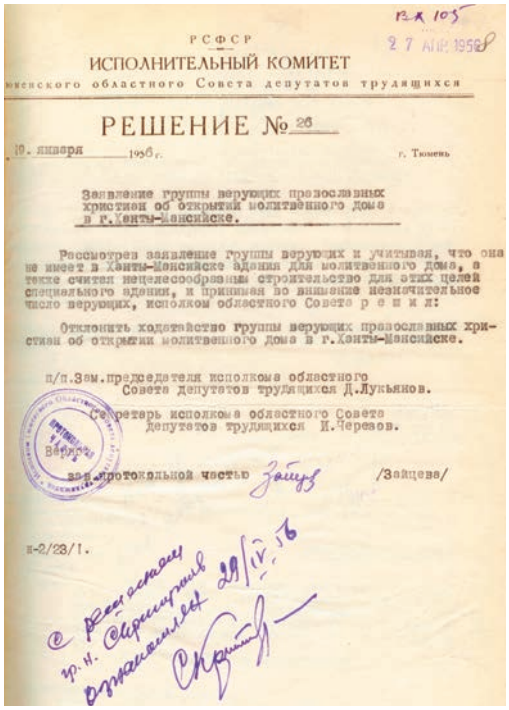
[250] ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 591. Л. 10.

[251] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 884. Л. 5.

[252] ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 693. Л. 201.

[253] Клюева В. П. Религиозная активность населения Тюменской области (1940–1960-е гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 95–100.

[254] ГАТО. Ф. 814. Оп. 3. Д. 884. Л. 17.



РСФСР
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ханского областного Совета депутатов трудящихся

РЕШЕНИЕ № 26

10. января 1956 г. г. Тюмень

Заявление группы верующих православных христиан об открытии молитвенного дома в г. Ханты-Мансийске.

Рассмотрев заявление группы верующих и учитывая, что она не имеет в Ханты-Мансийске здания для молитвенного дома, а также считая нецелесообразным строительство для этих целей специального здания, и принимая во внимание незначительное число верующих, исполком областного Совета р е ш и л:

Отклонить ходатайство группы верующих православных христиан об открытии молитвенного дома в г. Ханты-Мансийске.

п/п. Зам. председателя исполкома областного Совета депутатов трудящихся Д. Лукьянов.

Секретарь исполкома областного Совета депутатов трудящихся И. Черезов.

зав. протокольной частью /Зайцева/

Рис. 4.57. Решение Тюменского облисполкома с отказом в ходатайстве об открытии церкви в Ханты-Мансийске. 1956 г. Государственный архив Югры. Ф. 1. Оп. 1. Д. 591. Л. 8

Рис. 4.58. Храм Евфимия Великого, село Шапша. Современный вид. Из открытых источников

После закрытия в 1930-е гг. большинства храмов в Югре долгое время единственным действующим храмом в округе оставалась церковь во имя Евфимия Великого в д. Шапша[255]. Существует предположение, что руководство округа могло оставить его для исполнения в том числе собственных «религиозных потребностей». Известно, что многие коммунисты крестили своих детей. Сохранение храма в столице округа выглядело излишне одиозно, а храм в селе не привлекал пристального внимания.

В 1949 г. в с. Шапша приехал иеромонах Парфений (Невмержицкий). Ранее он отбывал заключение в Ханты-Мансийске[256]. Священник служил в селе, но с наступлением морозов по зимнику объезжал населенные пункты от Шапши до Сургута, совершая христианские таинства и требы: крещение, венчание, исповедь. По некоторым данным, он служил в Шапше до конца 1950-х гг.[257] По другим сведениям, в Югре отец Парфений пробыл всего год, будучи переведен в Архангельскую епархию в 1950 г. С 1959 до 1961 гг. он служил в Тобольске настоятелем кладбищенского храма во имя Семи отроков Эфесских с одновременным попечением над приписной Евфимовской церковью в Шапше[258].

В целом антицерковный настрой 1950-х гг. подразумевал жесткий контроль за жизнью религиозных общин и различные способы воздействия на верующих, включая публикации разоблачительных статей, приватные профилактические беседы, информирование по месту работы и т. д. При этом такая деятельность официально признавалась проводимой «для компрометации… в глазах верующих и отрыва верующих от церкви

[255] Храм в селе Шапша в честь Евфимия Великого был построен в 1903 г. См.: Струсь В. В поисках истины… / Подорожник. Краеведческий альманах. Вып. 13. С. 290.

[256] Парфений (Невмержицкий) // ДРЕВО. Открытая православная энциклопедия. URL: http//drevoinfo.ru/articles/25426.html (дата обращения: 20.05.2023).

[257] Парфений (Невмержицкий) // ДРЕВО. Открытая православная энциклопедия. URL: http//drevo-info.ru/articles/25426.html (дата обращения: 20.05.2023).

[258] Поливанова С. Свет Христов на перековке. Об архимандрите Парфении (Невмержицком) и его служении на Ханты-Мансийской земле. URL: http//pravoslavie.ru/107662.html (дата обращения: 20.05.2023).

и веры»[259]. Священников обвиняли в пьянстве, тунеядстве, некачественной работе и поборах, требовании высокой оплаты за некачественную работу, в продаже святой воды и прочее[260]. Власть стремилась не только дискредитировать Церковь в глазах общества, но и подавить попытки сопротивления со стороны духовенства и верующих. На волне атеистической пропаганды снова закрывались храмы.

Рис. 4.59. Иеромонах (впоследствии архимандирт) Парфений Невмержицкий. Из открытых источников

В 1960 г. была закрыта Евфимовская церковь в Шапше. Протоколы заседаний окружного исполкома содержат решение № 153 от 12 марта 1960 г., согласно которому в соответствии с постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР, принятого еще в 1929 г., исполком окружного Совета депутатов трудящихся решил «ликвидировать молитвенное здание в с. Шапша … в связи со снятием его с регистрации и исключением из состава действующих церквей»[261]. Ликвидация должна быть закончена не позднее 20 мая 1960 г., а копии соответствующих документов следовало предоставить Тюменскому облисполкому. Здание храма передавалось Самаровскому райисполкому «для использования под социально-культурные учреждения села»[262].

В самом постановлении ВЦИК от 1929 г. передача здания культа для другого целевого использования или его ликвидация допускалась «исключительно по мотивированному постановлению» Исполнительного комитета республики, края или области, если здание «необходимо для государственных или общественных надобностей». Верующие в двухнедельный срок со дня объявления о ликвидации могли обжаловать постановление в Президиуме ВЦИК[263].

Ликвидация молитвенных зданий производилась комиссией по поручению районного исполкома или городского Совета в присутствии представителей местного финансового отдела и других ведомств «в случае их заинтересованности». При закрытии храма в Шапше была назначена комиссия в составе зампредседателя Самаровского райисполкома К. Ф. Буракова, представителя райфинотдела С. И. Кибирева, сотрудника городского отдела милиции З. К. Гарипова[264]. Формально храм был закрыт по просьбе жителей села[265], однако старо-

---

[259] ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 38. Л. 63–64.

[260] Поливанова С. Туда, в недосягаемую высоту. URL: https://pravoslavie.ru/115506.html (дата обращения: 20.05.2023).

[261] ГАЮ. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 710. Л. 28.

[262] ГАЮ. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 710. Л. 28.

[263] Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров РСФСР о религиозных объединениях. 8 апреля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1929 г. № 35. Ст. 353.

[264] ГАЮ. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 710. Л. 28.

[265] Поливанова С. В. «Держали ключи от церкви». История о том, как в хрущевское время обманом закрыли храм в с. Шапша. URL: http//pravoslavie.ru/118101.html (дата обращения: 20.05.2023).

жилы утверждали об обмане при закрытии храма, отсутствии писем со стороны населения о закрытии и возмущались упразднением общины и ликвидацией церкви[266].

Нетрудно заметить, что права верующих являлись существенно ущемленными, и найти повод для закрытия храма не представляло сложности. С 1960 г., когда был закрыт последний действующий храм в селе Шапша, до 7 января 1988 г., когда состоялось первое после долгого перерыва богослужение в Свято-Никольском приходе в Сургуте[267], на территории Югры не было ни одного действующего храма[268].

Закрытие храма в селе Шапша было одним из проявлений новых тенденций в государственной политике по отношению к РПЦ. В том же 1960 г. в центральном государственном аппарате, занимающимся контролем за деятельностью религиозных организаций, произошли кадровые, но знаковые перемены: 21 февраля 1960 г. был уволен с поста председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпов, с именем которого был связан период непродолжительной либерализации отношений между государством и РПЦ, когда, в том числе, происходило относительно массовое открытие православных приходов. Его преемником стал В. А. Куроедов, проявивший себя активным исполнителем новых административных антицерковных решений. В 1960 г. в Уголовный кодекс вводится специальная статья, предусматривающая ответственность за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви — в виде исправительных работ на срок до одного года или штрафа до пятидесяти рублей[269].

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. выходит несколько постановлений, призванных ограничить деятельность Русской православной церкви, как и других конфессий. Среди этих решений следует отметить постановление Совета Министров СССР от 16 марта 1961 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», согласно которому религиозные общины попадали в полную зависимость от местных органов власти и которое символизировало окончательный разрыв с политикой сближения государства и Церкви, начатой в годы Великой Отечественной войны.

В 1961 г. под давлением центральной власти произошла реформа церковного управления, существенно осложнившая приходскую жизнь[270]. По стране прокатилась волна судебных процессов по религиозным мотивам[271]. Но Ханты-Мансийского национального округа это уже не коснулось. Позже храм в селе Шапша сгорел и был восстановлен лишь в 2014 г.[272]

---

[266] Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XXвв.) / под общ. ред. П. В. Белоуса, А. Ю. Конева. Тюмень, 2020. С. 208.

[267] Храм святого Николая, архиепископа Мир Ликийских Чудотворца, г. Сургут. URL: http// ugraeparhia.ru/hram-svyatogo-nikolaya-arhiepiskopa-mir-likiyskih-chudotvortsa-g-surgut (дата обращения: 20.05.2023).

[268] Закрытие православных храмов на Обь-Иртышском Севере в 1920–1960-е гг. // Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.) / под общ. ред. П. В. Белоуса, А. Ю. Конева. Тюмень, 2020. С. 206.

[269] Остроухова Н. В. Особенности нормативно-правового регулирования государственно-церковных отношений в СССР (1953–1963) // Via in tempore. История. Политология. 2020. Т. 47. № 1. С. 165.

[270] Сидоренко А., прот. Борьба органов советской власти Омской и Тюменской областей с православными в 40–80-е годы // Сибирская православная газета. URL: http//www.ihtus.ru/43.shtml (дата обращения: 20.05.2023)

[271] Клюева В. П. Религиозная активность населения Тюменской области (1940–1960-е гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 98.

[272] Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.) / под общ. ред. П. В. Белоуса, А. Ю. Конева. Тюмень, 2020. С. 208.

После закрытия последнего храма церковная жизнь ушла в условное подполье. Не было приходов, зарегистрированных общин, открытых и действующих храмов, в архивах фактически отсутствуют документальные материалы, свидетельствующие о ней. Религиозность присутствовала в скрытых формах — как среди русских «старожилов» Югры, так и среди многих приезжающих в Ханты-Мансийский округ в 1950–1970-е годы во время активного нефтегазового освоения Западной Сибири. Сегодня старожилы Ханты-Мансийского округа оставляют воспоминания о том времени, они свидетельствуют: родители приезжающих в Югру были, как правило, людьми верующими, и дети видели их молящихся и ходящими в храмы. Но своим детям они веру не передавали из опасения преследований[273].

Даже в условиях отсутствия действующих храмов в Югре в 1960–1970 гг. религиозная жизнь не могла быть уничтоженной. Часть населения продолжала жить жизнью верующих людей. Это подтверждается открытием храмов и быстрым заполнением их верующими, значительной активизацией церковной жизни в конце 1980-х гг. По воспоминаниям ссыльных спецпереселенцев, повседневным молитвенным правилом еще в довоенное время было чтение трех акафистов — Господу Иисусу Христу, Божией Матери, Николаю Чудотворцу. По возможности служили Всенощную мирским чином, вместо литургии служили обедницу[274]. Религиозность жителей Югры в «хрущевский» и «брежневский» период проявлялась в поведении людей, в традиционной для русского человека взаимопомощи[275], в домашней молитве, в разговорах на религиозные темы.

Старожилы отмечают, что не упускали возможности посетить богослужение, приезжая к родственникам в Свердловск, где в 1970–1980-е гг. был единственный действующий храм в честь Иоанна Крестителя[276].

Они не знали и не понимали церковной службы, но в том или ином городе Югры, среди обычного светского окружения, было распространено мнение о необходимости «подать проскомидию» или «обедню», при возможности присутствовать на богослужении, будучи в другом регионе[277]. В Югре в храмы не ходили за их отсутствием, но люди, приехавшие осваивать новый северный край, спрашивали себя и родных: «почему я без крестика хожу»? Замечено, что значительная часть населения надевали нательные крестики по достижению 40 лет и старше, особенно это было характерно для конца 1980-х гг.[278]

---

[273] Беседа П. В. Белоуса со старожилом г. Нефтеюганска Г. И. Максимовой от 22 сентября 2022 г. [Конспект стенограммы беседы] // Частное собрание П. В. Белоуса. Публикуется с согласия Г. И. Максимовой.

[274] Обедница — богослужение православной церкви, заменяющее в некоторые дни Литургию. Миряне могут совершать обедницу в те дни, когда нет возможности быть на Литургии / Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. Репринтное издание. Возрождение. М., 1992. С. 1682.

[275] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» Ст. 91. URL: http//www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/5 (дата обращения: 20.05.2023).

[276] Иоанно-Предтеченский собор (г. Екатеринбург). URL: https//ekaterinburg-eparhia.ru/building/chrames/10 (дата обращения: 20.05.2023).

[277] Беседа П. В. Белоуса со старожилом г. Нефтеюганска Н. И. Алферовой от 22 сентября 2022 г. [Конспект стенограммы беседы] // Частное собрание П. В. Белоуса. Публикуется с согласия Н. И. Алферовой.

[278] Беседа П. В. Белоуса со старожилом г. Нефтеюганска Г. И. Максимовой от 22 сентября 2022 г.

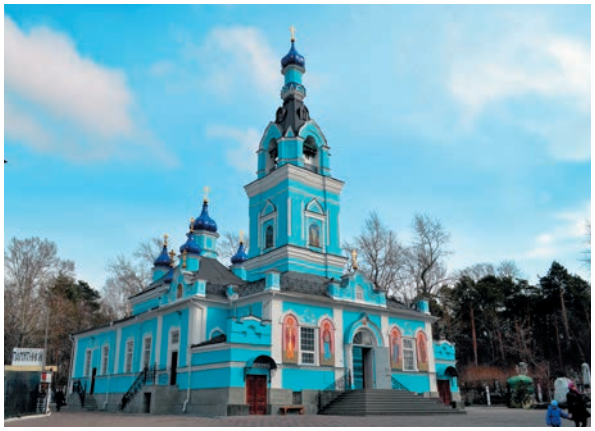


Рис. 4.60. Екатеринбург (Свердловск). Храм в честь Иоанна Предтечи. Современный вид. Из открытых источников

Приезжающие на комсомольские ударные стройки сохраняли воспоминания детства, когда в их доме собирались односельчане, а потом «случайно» заходили священники и совершали богослужение; когда на стене висела двухсторонняя «икона»: на одной стороне, предстающей взору при визите посторонних, был И. В. Сталин, а на другой, для себя и при посещении близкими — икона Иисуса Христа[279]. Эти люди впоследствии стали инициаторами создания и регистрации религиозных общин в условиях изменившей политики власти по отношению к РПЦ во второй половине 1980-х гг. Хотя еще в начале и середине 1980-х гг. крестили тайно[280], нередко — без записи даже в церковных в книгах[281].

Официально отношения власти и религиозных организаций в этот период регулировались Конституцией СССР 1977 г. и Конституцией РСФСР 1978 г. Формально гражданам гарантировалась свобода совести, право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой[282]. В регионах соблюдение законодательства обеспечивали уполномоченные Совета по делам религий, районные и городские Советы народных депутатов. Для повседневной работы создавались комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах[283]. В Тюменской области с 1979 по середину 1980-х гг. уполномоченным по делам религий являлся М. И. Третьяков, во второй половине 1980-х гг. — Н. Я. Замятин. Влияние уполномоченных на деятельность религиозных организаций была весьма значительной[284].

Середина 1980-х — начала 1990-х гг. явились особым периодом взаимоотношений Церкви и государства в СССР. С одной стороны, продолжался официальный государственный курс на формирование атеистического мировоззрения как одного из важнейших направлений деятельности по воспитанию советского человека[285]. С другой, вторая половина 1980-х гг. стала переломным моментом: перестройка, гласность и «новое мышление» нашли отражение и в религиозной жизни россиян, а разрешенное празднование 1000-летия Крещения Руси в 1988 г. стало началом нового этапа развития Церкви и церковно-государственных

---

[279] Беседа П. В. Белоуса со старожилом г. Нефтеюганска Г. И. Максимовой от 22 сентября 2022 г.

[280] Беседа П. В. Белоуса со старожилом г. Нефтеюганска Г. И. Максимовой от 22 сентября 2022 г.

[281] Автора данного раздела Академической истории Югры в 1986 г. тоже крестили тайно, без записи в церковных книгах и в страхе сообщения об этом по месту работы родителей и крестных.

[282] Андриенко А. С. Изменение политики государства в отношении Русской православной церкви в Тюменской области (1980-е — нач. 1990-х гг.) // Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.) / под общ. ред. П. В. Белоуса, А. Ю. Конева. Тюмень, 2020. С. 209.

[283] Андриенко А. С. Некоторые аспекты государственной политики в отношении религиозных организаций в первой половине 1980-х гг. в Тюменской области // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития. Тюмень, 2009. С. 153.

[284] Сосковец Л. И. Религиозные организации Западной Сибири в 1940–1960-е годы: дис. … д-ра ист. наук. М., 2005. С. 163.

[285] Петренко В. Власть в Церкви. Развитие концепции власти в Русской Православной Церкви. Черкассы, 2012. С. 1.

отношений. Торжества получили широкий общественный резонанс — не только в рамках Союза, но и в мире, позволивший Церкви реорганизовать органы церковного управления и предпринять шаги к изменению государственного законодательства[286].

Существовавший запрет на миссионерскую деятельность Церкви перестал действовать с 1988 г., как и запрет на совершение религиозных обрядов вне храмов. Новый этап взаимоотношений был чрезвычайно важным достижением после десятилетий заточения Церкви в прокрустовом ложе законов атеистического государства[287].

29 апреля 1988 г. произошла встреча М. С. Горбачева с патриархом Пименом и членами Священного Синода, в ходе которой была обозначена новая концепция государственно-церковных отношений. Она была закреплена в решениях XIX Всесоюзной конференции КПСС. В июне 1988 г. в Москве состоялся Поместный Собор Русской православной церкви. В результате в 1990 гг. были приняты новые законы, регулирующие отношения в сфере религий: российский «О свободе вероисповеданий»[288] и союзный «О свободе совести и религиозных организациях».

Рис. 4.61. Встреча М. С. Горбачева с патриархом Пименом. 1988 г. Из открытых источников

В 1990 г. Совет по делам религий был лишен властных полномочий[289] и в 1991 г. упразднён[290]. Право регистрировать религиозные объединения было передано органам юстиции. 9 января 1991 г. Министерством юстиции РСФСР был утвержден новый «Порядок регистрации уставов религиозных объединений», с 1991 г. началась массовая регистрация церковных общин.

---

[286] Сазонов Д. И. Проведение Поместного собора 1988 года Русской Православной Церкви как изменение вектора церковно-государственных отношений // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 2. С. 53–58.

[287] Филиппов Б. А. Очерки по истории России. XX век. М., 2012. С. 111.

[288] Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика. Закон «О свободе вероисповеданий (с дополнением от 27 января 1995 года)» URL: http//docs.cntd.ru/document/9003479 (дата обращения: 20.05.2023).

[289] Принят закон «О свободе совести и религиозных организациях» // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: http//www.prlib.ru/history/619590 (дата обращения: 20.05.2023).

[290] Андриенко А. С. Изменение политики государства в отношении Русской православной церкви в Тюменской области (1980-е — нач. 1990-х гг.). С. 217.

Как замечали современники, «начали потихоньку собираться»[291]. Переписывали и перепечатывали молитвы: покупали листы бумаги, у кого-то была печатная машинка. На местах должностные лица, ответственные за отношения Церкви и государства, являлись зачастую «уполномоченными» старого Совета по делам религий[292]. Но это не препятствовало активизации религиозной жизни в стране и автономном округе.

Наступал известный «период всеобщего неофитства»[293] — огромного религиозного рвения после долгого времени затишья. Люди ходили в открывающиеся храмы или еще в молельные дома, порой не имея представления о правилах церковной жизни. Первый период воцерковления в конце 1980-х — начале 1990 гг. характеризовался гипертрофированным, хотя и не свойственным российскому православию обрядоверием[294], уверенностью в необходимости и самодостаточности обрядов. Многие рассказывали о чудесных случаях, происходящих при регистрации религиозных общин или, например, об исцелениях от болезни после прихода в храм[295].

В начале и середине 1980-е гг. в Югру приезжали священники из других регионов, которые совершали богослужения на квартирах. В Сургуте во второй половине 1980-х небольшая группа верующих по церковным праздникам собиралась на квартире для совместной молитвы. Однако известны случаи, когда и в годы перестройки власти вызывали владельцев квартир в правоохранительные органы и штрафовали их за подобные действия. В сентябре 1987 г. из Тюмени в Сургут прибыл священник с уполномоченным по делам религий для решения вопроса о создании в самом крупном городе Югры религиозного общества. 24 ноября 1987 г. общество верующих в Сургуте было зарегистрировано[296].

Следующий приход в Югре был открыт в Нефтеюганске. В марте 1988 г. для совершения молитв и богослужений верующие сняли квартиру в 12-м микрорайоне этого города. За церковной литературой и иконами активисты ездили в Тобольск[297], из Тобольска в молодой город Нефтеюганск приезжали и священники. Территория Югры входила в состав епархий — Омской и Тюменской (1947–1990 гг.)[298], Тобольской и Тюменской (1990–2011 гг.)[299]. В декабре 1988 г. для помещения церкви был куплен балок в 11А микрорайоне Нефтеюганска. В мае 1990 г. ее

---

[291] Беседа П. В. Белоуса со старожилами г. Нефтеюганска Ф. А. Протопоповой и Г. И. Максимовой от 22 сентября 2022 г. [Конспект стенограммы беседы] // Частное собрание П. В. Белоуса. Публикуется с согласия интервьюируемых.

[292] Юзсел Л. Проблема свободы религии в современной России // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб., 2002. С. 24.

[293] «Христианство — это всегда подвиг». Глава Синодального отдела РПЦ по взаимоотношениям с обществом и СМИ Владимир Легойда — о миссии служения, возможном признании подлинности царских останков и отношении Церкви к пенсионной реформе. URL: https://iz.ru/762492/arsenii-oganesian/khristianstvo-eto-vsegda-podvig (дата обращения: 20.05.2023).

[294] Обрядоверие — буквальное соблюдение церковного Устава без его осмысления и глубокой веры. URL: https://azbyka.ru/obryadoverie (дата обращения: 20.05.2023).

[295] Беседа П. В. Белоуса со старожилом г. Нефтеюганска Г. И. Максимовой; Беседа П. В. Белоуса со старожилами г. Нефтеюганска Ф. А. Протопоповой и Г. И. Максимовой.

[296] Храм святого Николая, архиепископ Мир Ликийских Чудотворца. URL: http//ugraeparhia.ru/hram-svyatogo-nikolaya-arhiepiskopa-mir-likiyskih-chudotvortsa-g-surgut (дата обращения: 20.05.2023).

[297] Беседа П. В. Белоуса со старожилами г. Нефтеюганска Ф. А. Протопоповой и Г. И. Максимовой.

[298] Омская епархия URL: http//drevo-info.ru/articles/8117.html (дата обращения: 20.05.2023).

[299] Ханты-Мансийская епархия — а затем митрополия — как отдельный диоцез Русской Православной Церкви, была выделена из Тобольско-Тюменской в 2011 г. // Журналы заседания Священного

Рис. 4.62. Балок в 11А микрорайоне Нефтеюганска, приспособленный под храм. Из открытых источников

Рис. 4.63. Освящение храма великомученика Пантелеимона в Нефтеюганске епископом Тобольским и Тюменским Димитрием. 1990 г. Из открытых источников

Рис. 4.64. Храм в честь великомученика и целителя Пантелеимона в 2А мкрн, переоборудованный из жилого дома. 1990-е гг. Из открытых источников

настоятелем был назначен иерей Николай Матвийчук, с декабря 1990 г. открылся более просторный храм в 2А микрорайоне, переоборудованный из жилого дома[300].

В 1992 г. в Сургуте началось строительство Преображенского храма[301]. В селе Тундрино приступили к воссозданию храма в честь великомученика Пантелеимона, одного из древнейших в Югре, построенного еще в 1884 г. В 1920-е гг. храм был закрыт, но не разрушен. Здание церкви использовалось под зернохранилище, склад, клуб, библиотеку, кинотеатр. Жители села сохраняли память о храме, который начал восстанавливаться в начале 1990-х гг.[302]

Синода от 30 мая 2011 года. Журнал № 43. URL: http//www.patriarchia.ru/db/text/1498448.html (дата обращения: 20.05.2023).

[300] Из летописи православного прихода в честь святого великомученика Пантелеимона города Нефтеюганска // Акафист и канон святому великомученику и целителю Пантелеимону. Редакция газеты Благовестъ. Нефтеюганск, 1997. С. 33.

[301] Кафедральный собор Преображения Господня, г. Сургут. URL: http //ugraeparhia.ru/hram-preobrazheniya-gospodnya-g-surgut/

[302] Храм во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона, п. Тундрино. URL: http// ugraeparhia.ru/hram-vo-imya-svyatogo-velikomuchennika-i-tselitelya-panteleimona-p-tundrino (дата обращения: 20.05.2023).

Рис. 4.65. Освящение колоколов для Преображенского храма. Сургут. Нач. 1990-х гг. Из открытых источников

Рис. 4.66. Храм в селе Тундрино. Современный вид. Из открытых источников

Рис. 4.67. Храм в честь Рождества Иоанна Предтечи. Нижневартовск. Современный вид. Из открытых источников

Рис. 4.68. Храм в честь иконы Божией Матери «Знамение». Ханты-Мансийск. Из открытых источников

В 1988 г. был открыт приход в честь Иоанна Предтечи в Нижневартовске. Решение об открытии храма было принято 28 октября 1988 г. по ходатайству архиепископа Омского и Тюменского Феодосия (Процука)[303]. Первая литургия состоялась в мае рубежного в деле церковно-государственных отношений 1988 года[304]. Фундамент первого храма в Ханты-Мансийске был заложен в 1991 г. Освящен храм в честь иконы Божией Матери «Знамение» в 1995 г.[305]

[303] Омская епархия. История URL: http//omsk-eparhiya.ru/eparhiya-segodnya/istoriya-eparhii (дата обращения: 20.05.2023).

[304] Храм в честь Рождества Иоанна Предтечи, г. Нижневартовск URL: https //ugraeparhia.ru/hram-v-chest-rozhdestva-ioanna-predtechi-g-nizhnevartovska (дата обращения: 20.05.2023).

[305] Церковь иконы Божией Матери «Знамение» URL: https://admhmansy.ru/city/monuments.php?ELEMENT_ID=146910 (дата обращения: 20.05.2023).

Таким образом, после регистрации общин и открытия приходов в конце 1980-х гг. церковная жизнь в округе получила новый импульс для своего развития. Все большее количество людей крестило детей и посещало церковь, однако прихожанами становились немногие. Позже таких интересующихся верой, но приходящих изредка поставить свечу и осветить куличи, называли «захожанами», в отличие от «прихожан», посещавших церковь регулярно.

Период церковного возрождения конца 1980-х гг. — начала 1990-х гг. современники называют временем «второго крещения Сибири»[306]. После долгого периода воинствующего атеизма, закрытия и разрушения храмов пришло время действительной оттепели во взаимоотношениях Русской православной церкви и государства.

Ислам

Традиционно в России ислам и христианство сосуществовали в русле исторически сложившейся системы этноконфессиональных отношений, служа «белому царю» — в определенный период времени[307] — или вместе занимаясь строительством «светлого будущего» в СССР.

Следует отметить, что сам ислам многолик и многообразен и развивается всегда, как и любая религия, в конкретном социокультурном контексте. Поэтому при изучении истории религиозных институтов необходимо учитывать временные и региональные особенности конкретного религиозного сообщества[308]. В Ханты-Мансийском округе отсутствует длительная традиция присутствия последователей ислама, поэтому выделить конфессиональных носителей исламской культуры в исторической ретроспективе не представляется возможным[309].

До конца XX в. на территории современной Югры не было ни мечетей, ни зарегистрированных общин верующих. Однако археологические находки позволяют предположить наличие связей автохтонного населения Югры с регионами распространения ислама практически с X в., когда булгарские купцы начали товарообмен с местным финно-угорским населением[310].

Почти до середины XX в. количество людей, исповедующих ислам в ХМНО, оставалось незначительным. Ситуация несколько изменилась в 1930-е гг., когда на территорию Западной Сибири стали ссылать спецпереселенцев, среди которых были и представители мусульманского населения[311].

---

[306] Второе крещение Сибири. Летопись возрождения Тобольской епархии. 1990–2010. Издательско-информационный отдел Тобольско-Тюменской епархии. Тобольск, 2011.

[307] Безугольный А. «Дикая дивизия». Горцы на фронтах Первой мировой войны и в революционных событиях 1917 г. // Информационное-аналитическое издание фонда исторической перспективы «Столетие». URL: https://www.stoletie.ru/voyna_1914/dikaja_divizija_311.htm (дата обращения: 20.05.2023).

[308] Ярков А. П., Денисова Л. В., Морозов А. А. Социокультурные трансформации ислама в Сибири и на Дальнем Востоке на рубеже XX–XXI веков // Научный вестник Омской академии МВД России № 4 (67), 2017. С. 71.

[309] Атлас «Исламское сообщество Российской Федерации». М., 2018. С. 249.

[310] Атлас «Исламское сообщество Российской Федерации». М., 2018. С. 249.

[311] Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. / отв. ред. В. Л. Данилов, С. А. Красильников. Новосибирск, 1994.

В эпоху нефтегазового освоения Западной Сибири в ХМНО приезжали люди со всего Советского Союза, в том числе и из традиционно «исламских» республик и регионов — Азербайджана, Татарстана, Узбекистана, Таджикистана[312].

Во второй половине XX в. к пробуждению религиозного чувства не слишком активных югорских мусульман обращался харизматичный проповедник, высланный из Татарстана, «безмечетный» мулла Р. Х. Забиров, который в течение тридцати лет с 1946 по 1977 гг. нелегально, без регистрации общины, проповедовал среди мусульман в Ханты-Мансийске. Следует отметить, что внимание к «бродячим муллам» в целом в Тюменской области было обусловлено не только и не столько религиозностью населения, сколько восприятием ислама как части традиционной культуры, привлекающей определённые этнические группы населения. В официальных отчетах отмечалось, что татарская молодежь хотя и не посещает мечеть, но соблюдает религиозные обряды ислама[313].

Религиозный ренессанс, начавшийся для православной церкви в 1988 г., коснулся исламской уммы несколько позже — в 1989 г.[314] В Ханты-Мансийском округе мусульманская община была создана в Сургуте в начале 1990-х гг. Вскоре началось строительство мечети, она открыла свои двери для верующих в 1995 г.[315]

Рис. 4.69. Мечеть. Ханты-Мансийск. Из открытых источников

[312] Концепция освещения Сургута на примере религиозных объектов. URLhttps://siapress.ru/blogs/43329-kontseptsiya-osveshcheniya-surguta-na-primere-religioznih-obektov (дата обращения: 20.05.2023).

[313] ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 29. Л. 27–28.

[314] Сигизов Т. Р. Динамика этнического состава исламской уммы в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 1 (33). С. 114.

[315] Гордость мусульман Сибири: как выглядит первая соборная мечеть в Сургуте. URL: https://islam-today.ru/foto-dna/gordost-musulman-sibiri-kak-vygladit-pervaa-sobornaa-mecet-v-surgute (дата обращения: 20.05.2023).

Католическая церковь и протестантские деноминации

По некоторым данным, в 1960-х гг. в Ханты-Мансийске существовала неофициальная община католиков численностью от 5 до 10 человек[316]. Единственный в Югре и второй в Сибири после Тобольска католический приход был зарегистрирован только в 2005 г.[317] Самым многочисленным городом в Западной Сибири по количеству представленных зарегистрированных и незарегистрированных религиозных организаций была Тюмень. Они включали преимущественно организации протестантского и «сектантского» толка.

В Ханты-Мансийске не было протестантских течений, но в 1960-е город считался следующим после Тюмени местом локализации религиозных групп — православных и «истинно-православных» христиан[318].

В отличие от православных и мусульман официальная позиция властей по отношению к различным протестантским течениям была особенно жесткой. Они назывались «зловредными сектантами», «раскольниками» и «отщепенцами»[319]. В 1961 г. в Совете по делам религий при Совете Министров СССР была утверждена инструкция, в которой «иеговисты, пятидесятники ... адвентисты-реформисты» и другие религиозные движения были названы сектами, «вероучение и характер которых носит антигосударственный и изуверский характер»[320].

Пятидесятникам однозначно отказывалось в регистрации[321]. Причины отказа были политически мотивированными: «пятидесятники или христиане евангельской веры в силу своего вероучения отрицают защиту отечества с оружием в руках. Иеговисты ... отрицают всякую гражданскую власть. Истинно-православные христиане ... не признают Советскую власть»[322]. Таким образом происходила определенная градация на неприемлемые по идеологическим причинам, но условно «нормальные» религиозные течения (православие и ислам) и «изуверские», вероучение которых носит антигосударственный характер. «Антигосударственные секты» воспринимались не столько как религиозные, столько как общественно-политические организации, поэтому находились под особенно жестким контролем государственных органов.

Первые представители баптизма появились в Сургуте только в середине 1980-х гг., приехав с «большой земли». Протестантизм в Югре в целом начал активно развиваться с середины 1990-х гг., когда получил финансовую поддержку от различных зарубежных организаций. Особую роль в процессе развития протестантизма играли миссионерские экспедиции с проповедниками из России, Украины, Финляндии, Швеции и США. В 1990 г. была зарегистрирована первая в Ханты-Мансийском автономном округе баптистская церковь. В 1992 г. в Ниж-

---

316 В Тюменской области были всего две общины католиков: в Ханты-Мансийске и Тюмени. См.: Клюева В. П. Религиозная активность населения Тюменской области (1940–1960-е гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 100.

317 Местная религиозная организация Римско-Католический приход святого Иосифа Труженика в г. Сургуте. URL: https://egrul.nalog.ru/index.html (дата обращения: 20.05.2023).

318 Истинно-православные христиане — малочисленная неканоническая незарегистрированная группа ультраправого экстремистского толка, берущая свое начало в катакомбной церкви, отделившейся от РПЦ в конце 1920-х гг.

319 Протестанты земли российской // Российский союз евангельских христиан-баптистов. URL: https//baptist.org.ru/about/our-histoty (дата обращения: 20.05.2023).

320 Ефимов И., свящ. Современное харизматическое движение сектантства. М., 1995. С. 264.

321 Клюева В. П. Религиозная активность населения Тюменской области (1940–1960-е гг.) С. 99.

322 ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 102. Л. 30.

невартовске получила регистрацию церковь «Слово жизни»[323]. Дом Молитвы открылся на Набережном проспекте в 1997 г.[324]

Таким образом, государственная политика по отношению к религиозным организациям во второй половине XX века вплоть до времени перестройки характеризовалась всеобъемлющим контролем и административными ограничениями, направленными на преодоление «религиозных предрассудков» в сознании советских граждан. 1958–1964 гг. стали новым этапом масштабной антирелигиозной кампании. Именно в это время был закрыт последний православный храм на территории современного Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Рис. 4.70. Церковь Христа Спасителя евангельских христиан-баптистов. Сургут. Из открытых источников

Власти, более «лояльные» к традиционным для России религиям — православному христианству и исламу, весьма жестко относились к организациям протестантского толка в силу их политических или пацифистских доктринальных принципов, отрицающих необходимость подчинения гражданской власти или защиты родины с оружием в руках.

В атеистическом государстве религиозность населения носила скрытый характер и реализовывались в нелегальных и полулегальных формах — собраниях православных верующих на квартирах, участии в богослужениях в других регионах, проповедях «нелегальных мулл».

В 1960–1970-е гг. на территории округа не было зарегистрированных общин ни одной из традиционных для России религий. Однако после ослабления идеологического давления со второй половины 1980-х гг. религиозные общины вступили в период своего возрождения. Религиозный ренессанс Русской православной церкви, исламской уммы и протестантских церквей продолжается на современном этапе развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

---

[323] Слово жизни. Нижневартовск. [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: http://wolsib.ru/about (дата обращения: 20.05.2023).

[324] Концепция освещения Сургута на примере религиозных объектов. URL: https//siapress.ru/blogs/43329-kontseptsiya-osveshcheniya-surguta-na-primere-religioznih-obektov (дата обращения: 20.05.2023).

Глава 4

Здравоохранение округа в годы нефтегазового освоения

Экономическое и социальное освоение Ханты-Мансийского национального округа в суровых климатических условиях Севера определяло необходимость развития в нем эффективной системы здравоохранения. В начале 1950-х гг. ее материальная база была представлена ветхими деревянными сооружениями перепрофилированных в 1930-е гг. административных помещений. Воспоминания современников так воссоздают реальное функциональное состояние больницы окружной столицы: «Родильное отделение находилось на первом этаже, а на втором располагались хирургическое и травматологическое отделения. Со второго этажа каждые десять дней шли потоки зловонных канализационных вод. После каждого такого случая надо было это все убрать, залить дезраствором и потом вымыть. Зимой в родильном отделении было очень холодно, несмотря на включенные обогреватели, батареи же водяные были еле теплые»[325].

В сургутской районной больнице операционный стол в вечернее и ночное время освещался керосиновыми лампами. А в палатах они горели всю ночь, наполняя помещения чадом[326]. В больницах не хватало медикаментов, перевязочного материала, хирургического инструментария, необходимых лекарств, гипса, хлорной извести[327].

Тем не менее, начало промышленного освоения и оживление социальной жизни округа отмечалось заметным ростом количества медицинских учреждений: если в 1950 г. в ХМНО насчитывалось 29 больниц, 8 амбулаторий и поликлиник, 30 врачебных участков, 58 фельдшерско-акушерских и 73 фельдшерских пункта, то к 1960 г. в округе функционировало 283 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, 6 санитарно-эпидемиологических станций[328]. За период с 1957 по 1963 гг. число больничных учреждений увеличилось

---

[325] Экстренный вызов. Первым медикам Югры посвящается. Ханты-Мансийск, 2007. С. 49, 50, 68.

[326] К победе коммунизма. 1960. 7 февраля.

[327] Володина Н. Н., Рашевский В. В. Деятельность геологов Сургутской нефтегазовой экспедиции по развитию местного здравоохранения в 1957–1965 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 82.

[328] Медицинская академия Югры: путь длиною в 80 лет… Страницы истории медицинского образования в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Ханты-Мансийск, 2014. С. 38; ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 525. Л. 41.

Рис. 4.71. Сургутская районная больница. 1950-е гг. Виртуальная выставка «История Сургутского здравоохранения». Сургутский краеведческий музей

Рис. 4.72. Работники Сургутской районной больницы в 1950–1960-е гг. Виртуальная выставка «История Сургутского здравоохранения». Сургутский краеведческий музей

Рис. 4.73. Больница в с. Тундрино. 1950-е гг. Виртуальная выставка «История Сургутского здравоохранения». Сургутский краеведческий музей

Рис. 4.74. Больница в с. Угут. 1970-е гг. Виртуальная выставка «История Сургутского здравоохранения». Сургутский краеведческий музей

с 39 до 44[329]. В 1966 г. население обслуживало уже 53 больницы, коечный фонд увеличился с 755 в 1956 г. до 2250 в 1966-м[330].

Однако материальное обеспечение лечебных учреждений было крайне неудовлетворительным. В связи с недостаточностью государственного снабжения медицинских учреждений продуктами питания и топливом, врачебный и сестринский персонал был вынужден самостоятельно в полном объёме заготавливать дрова к зимнему периоду, содержать

[329] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2079. Л. 101.

[330] Медицинская академия Югры: путь длиною в 80 лет… С. 38; ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 525. Л. 41.

при больницах подсобное хозяйство — скот, птицу, осуществлять посадку овощей, зелени, и за счет этого обеспечивать питание больных.

Об организации продовольственного снабжения Сургутской районной больницы убедительно свидетельствует сохранившаяся в архиве докладная записка ее главного врача П. П. Александрова, датированная 1957 годом, в которой он сообщал: «При подсобном хозяйстве сургутской райбольницы имеется три коровы для снабжения больницы молоком. Коровы беспородные и дают в год не более 600–700 литров молока. В данное время 6–7 литров в сутки, что не обеспечивает потребности количеством молока. В летний период 1957 г. две коровы абортировались по неизвестным причинам, и сейчас одна корова не доится. Подсобное хозяйство больницы вынуждено содержать на три коровы одну доярку… Лошади подсобного хозяйства не в состоянии вывезти дрова для больницы… Литр молока обходится в подсобном хозяйстве дороже, чем купить молоко на стороне. На основании вышеизложенного прошу исполком Райсовета разрешения на забой вышеуказанных коров»[331].

Положительные изменения в развитии системы медицинского обслуживания ХМНО начались по мере увеличения приезда геологоразведчиков, нефтяников, газовиков, энергетиков и строителей, испытывающих в экстремальных климатических условиях напряженного физического труда острую потребность в качественном медицинском обслуживании, и поэтому проявлявших большую заинтересованность в эффективной работе уже существовавших и новых лечебных учреждений.

Например, в Сургутской районной больнице геологами разведочной экспедиции Ф. К. Салманова керосиновое освещение было заменено электрическим. Имея в своем распоряжении буровое оборудование, работники экспедиции прилагали усилия по изысканию артезианских запасов воды, соответствующих санитарным нормам[332].

Геологи оказывали значительную помощь в решении проблем нехватки мест в медучреждениях. Государственный геологический комитет РСФСР в 1964 г. передал 730 тыс. руб. для строительства типовых больниц в Мегионе и Нефтеюганске на 240 коек, а в Сургуте — на 600. Уже в 1965 г. состоялось открытие поликлиники, построенной сургутскими геологами. Если до 1960 г. в Сургуте существовали лишь одна больница, одна амбулатория и один здравпункт, то в 1965 г. было открыто шесть лечебных учреждений[333].

Объем капиталовложений градообразующих предприятий в строительство новых учреждений здравоохранения постоянно нарастал. Если в 1961–1965 гг. объём финансирования строительства объектов здравоохранения всех ведомств в Тюменской области составил 8 млн руб., то в 1966–1970 гг. — свыше 30 млн руб., т. е. вырос в 4 раза. Еще более высокими темпами увеличивались капиталовложения в строительство медицинских учреждений национальных округов. Если в 1961–1965 гг. в ходе строительства лечебно-профилактических учреждений в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах было освоено 1913 тыс. руб., то в 1966–1970 гг. — 13 413 тыс. руб., т. е. финансирование увеличилось в 7 раз[334].

---

[331] Муниципальный архив города Сургута (МАГС). Ф. 1. Оп. 1. Д. 114. Л. 82.

[332] Володина Н. Н., Рашевский В. В. Деятельность геологов Сургутской нефтегазовой экспедиции по развитию местного здравоохранения в 1957–1965 гг. С. 82.

[333] Володина Н. Н., Рашевский В. В. Деятельность геологов Сургутской нефтегазовой экспедиции по развитию местного здравоохранения в 1957–1965 гг. С. 83.

[334] Шорохова И. И. Развитие материально-технической базы здравоохранения в Тюменской области // Вестник ТГРУ. 2015. № 2 (155). С. 52.

Рис. 4.75. Поликлиника «Геолог». Сургут. 1975 г. Виртуальная выставка «История Сургутского здравоохранения». Сургутский краеведческий музей

Рис. 4.76. Строительство Центральной городской больницы («Сургутнефть»). Сургут. 1970-е гг. Виртуальная выставка «История Сургутского здравоохранения». Сургутский краеведческий музей

Особенно интенсивно они возводились в новых городах нефтегазового освоения Ханты-Мансийского национального округа. Их развитие, как правило, начиналось с медицинских пунктов нефтяников и геологов. Так, история создания Центральной городской больницы Нефтеюганска неразрывно связана с развернутым в октябре 1961 г. фельдшерским пунктом оказания медицинской помощи первооткрывателям Усть-Балыкского месторождения нефти. В 1963 г. он дислоцировался в небольшом вагончике и обслуживал население будущего города Нефтеюганск. В 1964 г. на его базе была организована участковая больница на 15 коек[335].

История центральной больницы Лангепаса начинается в 1978 г. с фельдшерского здравпункта геологов, нефтяников и строителей Нефтегазодобывающего управления (НГДУ) «Урьевнефть» в маленьком посёлке, который состоял из двадцати вагончиков, столовой и магазина. В 1981 г. он перерос в медсанчасть НГДУ с поликлиникой на 150 посещений в смену. В 1985 г. Лангепасу был присвоен статус города, и вскоре начался новый этап в развитии его здравоохранения: открылись стационар и новые отделения медсанчасти, увеличилось количество койко-мест в стационаре, расширились возможности поликлиники. В 1998 г. было сдано в эксплуатацию первое типовое больничное здание[336].

Центральная городская больница Нижневартовска обрела свой статус после открытия Самотлорского месторождения и Указа Верховного Совета РСФСР «О преобразовании посёлка в город Нижневартовск».

Удаленностью от эпицентра развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса объясняется отставание внешнего оформления окружной больницы Ханты-Мансийска от интенсивной модернизации ее внутренней лечебной базы. Днём основания больницы считается 1 ноября 1932 г. И если в том году в ней насчитывалось 35 коек, то в 1957 г. в окружной больнице имелось 250 коек. В 1970–1980 гг. из ее состава выделились и сформировались окружные учре-

[335] Нефтеюганская окружная клиническая больница имени В. И. Яцкив. История. URL: http// nokb.ru/ company/ history. php (дата обращения: 12.04.2023).

[336] Лангепасская городская больница: вчера, сегодня, завтра. URL: http// gblangepas. ku/ about/news/ 885 (дата обращения: 12.04.2023).

ждения здравоохранения: стоматологическая поликлиника, психонаркологический диспансер, окружной санаторно-реабилитационный центр и другие медицинские подразделения. В 1988 г. произошла реорганизация учреждения с присоединением районной больницы.

Однако даже в начале 1990-х гг. окружная больница располагалась в ветхих зданиях, расположенных в различных частях города, большая часть которых была построена в 1930-е гг.[337]

Особенно стремительно материальная база югорского здравоохранения развивалась в признанном административном центре нефтедобычи округа, самом крупном городе севера Западной Сибири — Сургуте. Его центральная больница начинает отсчет своей деятельности с небольшого здравпункта НПУ «Сургутнефть», созданного в 1964 г. и перекочевавшего затем в деревянный двухэтажный дом поликлиники на улице Артема.

18 мая 1973 г. на базе больничного комплекса НГДУ силами строительного управления № 9 треста «Сургутгазстрой» закончилось строительство самой оснащенной в округе Сургутской центральной городской больницы на 360 коек, которая 1 июля 1974 г. была переименована в Медико-санитарную часть НГДУ «Сургутнефть», а с января 1981 г. в Медико-санитарную часть производственного объединения «Сургутнефтегаз»[338].

Таблица 4.6

Развитие здравоохранения в Сургуте

Основные показатели	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.
Кол. больнич. учрежд.	6	6	11	12	11	12
Кол. аптек	—	—	—	2	22	30
Кол. больничных коек	240	510	1025	1600	2428	3475
Численность врачей	37	86	268	454	930	1161
Кол. лиц среднего мед. персонала	195	395	697	1504	2622	3620
На 10 тыс. населения приходилось:						
Врачей	12,6	15,2	28,2	25,7	30	34,5
Сред. мед. персонала	70,5	79	73	95,4	96,2	107,4
Больничных коек	87	102	108	125,9	109,8	162,3

Источник: Город Сургут в цифрах: Юбилейный статистический сборник. Сургут, 1995. С. 101

Материалы таблицы свидетельствуют о том, что в 1965–1990-х гг. количество больничных учреждений в Сургуте увеличилось с 6 до 12 единиц, т. е. в 2 раза, а количество больничных коек в них с 240 до 3475 — т. е. в 14,5 раза.

---

[337] Окружная клиническая больница. URL: http// okbhmao.ru/ o — kompanii// istorya — companii (дата обращения: 11.04.2023).

[338] Сургутская городская клиническая больница. URL: http// surgkb.ru/ personal/ istoricheskie — ocherkiphp (дата обращения: 12.04.2023).

Высокими темпами развивалось в округе и поликлиническое медицинское обслуживание. В 1970-е гг. в Сургуте эти функции выполняли централизованная поликлиника ГРЭС и поликлиника НГДУ с филиалами в микрорайоне «Строитель». Поликлиника НГДУ была рассчитана на 200 посещений в день, а фактически их совершалось около 1200, т. е., в 6 раз больше[339]. В 1981 г. были сданы в эксплуатацию поликлиника «Нефтяник» и травматологический корпус. В 1984 г. этой поликлинике было предоставлено новое 8-этажное здание.

Особое значение при этом уделялось строительству детских медицинских учреждений. Так, в сентябре 1978 г. на пленуме городского комитета КПСС с тревогой говорилось о недопустимости задержки строительства типового роддома на 120 коек[340]. В 1983 г. на сессии Сургутского Совета депутатов трудящихся его председатель Л. Ю. Рокецкий отмечал улучшение оснащения детских поликлиник диагностической и лечебной аппаратурой, открытие типовой женской консультации и отделения патологии беременных, работу в акушерском корпусе 9 детских блоков и 5 родзалов.

В 1979 г. была построена детская поликлиника со стационарным отделением. В 1982 г. был сдан в эксплуатацию детский корпус на 120 коек, в котором находилось 4 отделения: стоматологическое, пульмонологическое для детей раннего и среднего возраста и отделение выхаживания недоношенных новорожденных. В 1982 г. начали функционировать родильный дом и женская консультация, а в 1983 г. — детский больничный корпус. При поликлинике «Геолог» была открыта детская консультация. В детских садах производственного объединения «Сургутнефтегаз», трестов «Сургуттрубопроводострой», «Запсибэнергострой» было организовано групповое лечение детей с нарушением речи, зрения и осанки[341]. В 1976–1978 гг. показатель детской смертности снизился на 35% и составил 18,7%, что было значительно меньше по сравнению с областным и республиканским уровнем[342].

Материалы таблицы № 4.6 показывают, что до 1980 г. при интенсивном росте жителей в Сургуте не было ни одной аптеки, что является очевидным свидетельством недостаточного снабжения города медикаментами в эти годы. Однако другой источник говорит о том, что в 1960 г. сургутян обслуживала районная аптека. Срок же сдачи центральной городской аптеки на ул. Ленина в 1980-е гг. назначался трижды, но вплоть до конца 1987 г. здание стояло без крыши, а импортное оборудование стоимостью 80 тыс. руб. разрушалось на складе[343].

Третий источник утверждает, что уже в 1983 г. аптечная сеть города увеличилась по сравнению с 1975 г. в 3,5 раза. Население Сургута обеспечивали лекарствами 11 аптек, 7 аптечных киосков, магазин «Оптика». Реализация медикаментов с каждым годом увеличивалась и в 1983 г. составила 2 млн руб. Ассортимент медикаментов для лечения всех видов заболеваний насчитывал более 2 тыс. наименований[344]. В 1983 г. начала свою деятельность «Межбольничная аптека», которая в 2000 г. обеспечивала медикаментами шесть крупнейших учреждений здравоохранения и поликлиническую сеть города на 2 074 369 посещений в год[345].

---

339 МАГС. Ф. 1. Оп. 17. Д. 47. Л. 46.

340 ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 31. Д. 7. Л. 101.

341 МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 260. Л. 187.

342 ГАСПИТО. Ф. П-113. Д. 31. Д. 7. Л. 100.

343 МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 380. Л. 20.

344 МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 260. Л. 187.

345 Сургут. Социальная защита и здравоохранение. Сургут, 2001. С. 16.

Это было особенно важно для районов нового нефтяного освоения в связи с тем, что интенсивная миграция из различных регионов страны неизбежно сопровождалось ростом заболеваемости населения. Особенностью территориального расселения в новых городах являлась разбросанность жителей по микрорайонам. Слабое развитие транспортной инфраструктуры в них диктовало необходимость иметь эффективную городскую службу скорой помощи. Тем более, что самая высокая заболеваемость в 1970–1980-е гг. наблюдалась в неблагополучных или частично благоустроенных микрорайонах Нефтеюганска, Нижневартовска и Сургута. В Сургуте таковыми являлись отдаленные микрорайоны железной дороги, речного порта, рыбников, Черного мыса, временных посёлков «Взлетный», «Лунный», а также «Строительного управления-4».

Необходимость организации оперативной медицинской помощи диктовалась и напряженными темпами разведочного и промышленного бурения нефтяных и газовых скважин, что сопровождалось высоким уровнем травматизма. С 1957 по 1965 гг. в Сургутской нефтеразведочной экспедиции только по официальным данным был зафиксирован 101 случай производственных травм, из них 4 тяжелых и 7 со смертельным исходом[346].

Обеспокоенный создавшимся положением, начальник сургутской геологоразведки Ф. К. Салманов в 1960 г. эмоционально говорил: «Настало время решить вопрос о том, чтобы в Сургуте постоянно базировался один санитарный самолет, в противном случае не исключена возможность несчастных случаев со смертельным исходом. Кроме того, мы просим дать Сургуту одну санитарную машину, которая бы обслуживала население рабочего посёлка, раскинувшегося почти на 8 км в длину»[347]. В 1961 г. сургутской райбольнице облздравотделом была выделена санитарная машина марки УАЗ-450А и открыт пост дежурной межрайонной санитарной авиации[348], а в 1964 г. — пункт скорой помощи[349].

В его распоряжении было всего две машины, не было ни гаража, ни комнаты для размещения медперсонала; запчасти и горюче-смазочные материалы мини-станции скорой помощи не выделялись. С 1 января 1968 г. она заметно активизировала свою работу, после того как была включена в инфраструктуру медицинского обслуживания города в составе Сургутской районной больницы, а ее финансирование было включено в бюджет Сургутского горсовета[350].

В 1969 г. Сургутская станция скорой помощи располагалась при больничной конторе в 16-метровой комнате. В ее штат входило 28 медицинских работников и обслуживающего персонала. Своими силами ими был выстроен гараж, в котором размещались три автомашины, а четвертая парковалась под открытым небом[351].

Ежесуточно врачи скорой помощи осуществляли 60–80 выездов к нуждающимся в неотложной помощи больным. При наличии такой «материальной базы», представленной четырь-

---

[346] Володина Н. Н., Рашевский В. В. Деятельность геологов Сургутской нефтегазовой экспедиции по развитию местного здравоохранения в 1957–1965 гг. С. 82

[347] Цит. по: Володина Н. Н., Рашевский В. В. Деятельность геологов Сургутской нефтегазовой экспедиции по развитию местного здравоохранения в 1957–1965 гг. С. 82.

[348] Володина Н. Н., Рашевский В. В. Деятельность геологов Сургутской нефтегазовой экспедиции по развитию местного здравоохранения в 1957–1965 гг. С. 82.

[349] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 16. Д. 42. Л.????

[350] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 16. Д. 42. Л. 7.

[351] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 21. Д. 56. Л. 2.

мя «убитыми», малоприспособленными к работе в северных условиях, промерзающими, круглосуточно находившимися на линии машинами УАЗ, делать это было чрезвычайно трудно. К этому следует добавить, что самоотверженную работу врачей службы спасения затрудняло постоянное отвлечение автомобилей для решения неотложных производственных вопросов санавиации, районной больницы, поликлиники и детской консультации.

Лишь в 1971 г. Сургутская станция скорой медицинской помощи была преобразована в самостоятельное лечебно-профилактическое учреждение, однако существенных изменений в ее обеспечении не произошло. В сентябре 1978 г. вопрос о ее работе был рассмотрен на пленуме городского комитета КПСС. Благодаря усиленному вниманию руководства Сургута и градообразующих предприятий к развитию этой важной структуры системы городского здравоохранения, в начале 1980-х гг. станция располагала гаражами на 23 автомашины[352]. В 1992 г. «Сургутнефтегаз», несмотря на собственные финансовые затруднения, закупил импортные машины скорой помощи, оборудованные по последнему слову медицинской техники[353], а в январе 1995 г. Сургутской станции скорой медицинской помощи был присвоен статус муниципального учреждения[354].

Особая необходимость развития системы оперативной и эффективной медицинской помощи нефтяникам и населению округа определялась катастрофически высоким уровнем традиционных болезней жителей Севера: туберкулеза и дизентерии в форме холеры, дифтерии и брюшного тифа, сыпного тифа. Одной из причин распространения сыпного тифа было недостаточное банное обслуживание. Даже в окружном центре — городе Ханты-Мансийске в середине 1960-х гг. оно составляло 25% от потребности его жителей. Поэтому преодоление этих заболеваний было связано с развитием не только системы здравоохранения, но и коммунальной сферы — банно-прачечного обслуживания, строительством канализационных и очистных сооружений, водопровода и т. д.

В середине 1960-х гг. Тюмень являлась единственным городом в области и национальных округах, в котором имелся водопровод с полным комплексом очистных сооружений. Населённые пункты Ханты-Мансийского, Берёзовского, Кондинского, Октябрьского районов не имели канализации. Бактериологические показатели воды по округу в полтора раза, а по химическим на 60% отклонялись от требований ГОСТа.

Только в Тюмени проводилась плановая коммунальная очистка мусора, причем исключительно в центре. В Ханты-Мансийске более 50% нечистот не удалялось. Посёлки геологов в Нефтеюганске, Мегионе и других месторождений отличались захламленностью, загрязнением источников питьевой воды сточными водами при отсутствии бактериологического контроля. Ханты-Мансийский автономный округ оставался самым неблагоприятным в области по заболеваемости брюшным тифом. В 1970 г. она в несколько раз превышала заболеваемость как по области, так и по Российской Федерации. За 5 месяцев 1970 г. здесь было зарегистрировано 45 случаев брюшного тифа из 75 по области, а за соответствующий период 1969 г. — 46 случаев из 94[355].

---

[352] МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 260. Л. 187.

[353] Долгая дорога к нефти. Сургут, 1997. С. 91.

[354] Сургут. Социальная защита и здравоохранение. С. 16.

[355] Шорохова И. И. Изменение уровня инфекционной заболеваемости в Тюменской области (сер. 1960-х — 1980-е гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1. С. 53.

28 августа — 4 октября 1971 г. в Сургуте произошла вспышка паратифа «В». По разным источникам им переболело от 75 до 106 чел[356]. Массовое поражение произошло потому, что нечистоты, мусор и навоз не вывозились в специально отведенные места, а сваливались на берега речек Бардаковки, Саймы и Черной, служившие источником питьевой воды для населения. Навоз и мусор с территории рыбоконсервного завода сбрасывался в овраг по улице Пионерской[357].

«Сурутский инцидент» стал предметом обсуждения на заседании Президиума Верховного Совета РСФСР[358]. После этого активизировали свою работу окружная и созданная еще в 1965 г. сургутская санэпидемстанции. В них для контроля за санитарно-эпидемическим состоянием появились новые структурные подразделения — пищевая санитария, зоологическая группа, паразитологическое отделение. Были открыты санэпидемстанции в Нижневартовске и Нефтеюганске.

Под организационным и методическим руководством заслуженного врача Российской Федерации В. А. Воробьева, являвшегося на протяжении длительного периода с 1981 по 2000 гг. главным государственным санитарным врачом округа, эпидемиологическая служба региона успешно развивалась. В 1985 г. была открыта СЭС в Нягани, в 1986 г. — в Когалыме, в 1986 г. — в Радужном и Лангепасе. В 1987 г. в округе насчитывалось 15 санэпидстанций[359].

Администрация городов округа усилила внимание к реконструкции очистных сооружений. Была введена в строй вторая очередь городских канализационных водопроводов и усовершенствована система очистки сбросовых вод ГРЭС. Однако решить проблему водоочистки повсеместно в округе в полной мере не удалось.

Работа санитарно-медицинских служб округа имела жизненно важное значение и для лечения туберкулеза. Предоставить точные сведения о заболеваемости туберкулезом в 1950-е гг. не представляется возможным, т. к. учет заболеваемости на основе извещений (учетная форма № 287) был введен только в 1955 г. Однако известно, что среди коренных жителей ХМНО свирепствовали тяжелые и быстро прогрессирующие формы туберкулеза, такие как казеозная пневмония, милиарный туберкулез, туберкулез периферических лимфатических узлов.

В 1950 г. в Сургутской центральной районной больнице было открыто туберкулезное отделение на 15 коек. Уже тогда начала работать его первая туберкулезная бригада. В 1958 г. в посёлке Лямино была создана санаторно-лесная школа для детей. Но болезнь локализовать не удавалось. В 1964 г. только в Сургуте насчитывалось 423 чел. больных туберкулезом, а у 213 чел. болезнь протекала в активной форме[360].

Проектная документация на строительство противотурберкулезного диспансера в Сургуте была утверждена еще в 1962 г. Его подрядчиком был определен рыбокомбинат. Но он не мог приступить к работе, т. к. проводил собственную реконструкцию. Только в декабре 1967 г. была открыта первая очередь туберкулезного диспансера на 50 коек и первые пациенты переступили порог этого долгожданного медицинского учреждения. Строительство второй очереди продолжалось до 1974 г.

---

[356] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 23. Д. 7. Л. 150; Мунарев П. А. Так было, так начиналось... Сургут, 2008. С. 104–105.

[357] МАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 114. Л. 18.

[358] Мунарев П. А. Так было, так начиналось... Сургут, 2008. С. 102.

[359] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 16. Д. 42. Л. 6.

[360] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 16. Д. 42. Л. 6.

Рис. 4.77. Противотуберкулезный диспансер. Сургут. 1967 г. Виртуальная выставка «История Сургутского здравоохранения». Сургутский краеведческий музей

Противотуберкулезный диспансер получил в свое распоряжение высокоэффективные препараты и антибиотики. Большую помощь в профилактике и лечении туберкулеза в то время оказывала санитарная авиация: медики имели возможность в плановом порядке обследовать население в самых отдаленных юртах и проводить профилактические мероприятия в них. В 1960-е гг. был приобретен катер «Ярославец», позволивший обследовать население, живущее на берегах малых рек. Результатом проведенных мероприятий явилось значительное снижение заболеваемости, но окончательно победить ее в исследуемый период не удалось.

Сложные условия обеспечения жизнедеятельности человека в Ханты-Мансийском автономном округе предъявляли повышенные требования к профессиональной подготовке и нравственным качествам центральной фигуры системы здравоохранения на Севере — югорского врача.

В силу очевидных природно-климатических и социальных обстоятельств медицинские учреждения Югры испытывали в них постоянную потребность. В 1965 г. в Ханты-Мансийском национальном округе насчитывалось 230 врачей, что было на 174 чел. меньше, чем в областном центре — Тюмени, где работало 404 специалиста высшей квалификации. Средняя обеспеченность врачами ХМНО в расчете на 10000 чел. была даже гораздо меньше, чем в ЯНАО: в среднем 10,0 и 23,4 врача соответственно. В столице ХМНО — Ханты-Мансийске — обеспеченность врачами также была существенно ниже, чем в столице ЯНАО Салехарде: 29,3 и 48,4 соответственно[361].

Ежегодно Тюменский облздравотдел направлял в округ 25–30 врачей и 50–90 средних медработников. В 1964–1965 гг. в Ханты-Мансийский национальный округ было направлено 137 медицинских работников, однако, несмотря на это, в 1965 г. из 41 участковой больницы ХМНО в 18 штаты врачей не были укомплектованы[362].

В 1978 г. в медицинских учреждениях Сургута недоставало 40 врачей и 84 медработников среднего звена[363]. Главной причиной дефицита медицинских кадров в округе являлся «квартирный вопрос». Источник непредвзято констатирует: «…живут медики в основном в неблагоустроенных квартирах или снимают углы. Это по всему Угутскому сельсовету, в посёлках Дарко-Горшково, Локосово и других»[364]. В 1978 г. 60% семей сургутских врачей проживало в общежитиях, где на каждого их члена приходилось 2–4 кв. м полезной площади. В 1978 г.

---

[361] Шорохова И. И. Кадровые изменения в здравоохранении Тюменской области в период с 1964 по 1991 гг. // Омский научный вестник. 2015. № 2 (136). С. 48.

[362] Шорохова И. И. Кадровые изменения в здравоохранении Тюменской области в период с 1964 по 1991 гг. С. 48.

[363] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 3. Д. 7. Л. 101.

[364] Цит. по: Шорохова И. И. Кадровые изменения в здравоохранении Тюменской области в период с 1964 по 1991 гг.

медицинские работники не получили ни одной квартиры. Таким же образом обстояло дело и с обеспечением детскими дошкольными учреждениями[365].

В лечебных учреждениях округа на протяжении всего исследуемого периода очень высокой была текучесть кадров. Так, например, в 1982 г. в Сургутской городской больнице № 1 было принято на работу 315 чел., а уволилось 268 чел. Текучесть среднего персонала медицинских работников составляла 40%[366]. Одной из основных причин этого являлись изменения в ежемесячном денежном вознаграждении. В 1964 г. для тружеников автономного округа был уменьшен коэффициент надбавки к заработной плате с 1,8 до 1,3 и пересмотрены условия предоставления льготных отпусков[367].

Усугубляли положение медработников не только неблагоприятные бытовые обстоятельства, но и условия их труда. Даже в 1970 г., в год интенсивного градостроительства, ситуация с созданием нормальных производственных условий для медицинских работников менялась очень медленно. Так, у фельдшера посёлка Пим отсутствовало рабочее место, документация хранилась в квартире проживания, там же осуществлялся прием больных. В посёлке Белоярском, даже после увеличения его населения в 3 раза, комнатка, выделенная под медпункт, располагалась в холодном, ветхом, неоштукатуренном, прокуренном помещении[368].

В то же время загруженность югорских врачей была очень высокой. В среднем в городах она составляла 380 чел., а на селе 240 чел. на одного врача. Ситуация усугублялась протяженными бездорожными расстояниями внутри и между населенными пунктами[369]. Участковый терапевт окружной больницы Ханты-Мансийска Г. П. Кондрахина так вспоминает о своей работе в начале 1960-х гг.: «Южную часть города обслуживала районная больница, а мы, поликлиники, — северную часть… Я стала одна обслуживать половину города. Это была колоссальная нагрузка. Весь город обходила пешком, никаких тротуаров, везде грязь…»[370].

Учитывая суровые климатические условия, низкую плотность населения, трудности транспортировки больных, органы здравоохранения округа, кроме организации стационарных учреждений, создавали специальные передвижные медицинские отряды, которые занимались обслуживанием населения отдаленных мест, преимущественно, кочевавших оленеводов и охотников.

В 1959 г. медицинские отряды были оснащены мощным санитарным катером «Пирогов», укомплектованным необходимым оборудованием, клиническими лабораториями, передвижными рентгеновскими аппаратами, зубопротезными кабинетами и сопровождающим командным составом. Катер доставлял медицинские отряды в районы проживания коренных народов, которые проводили массовые осмотры населения на выявление туберкулеза, трахомы, кожно-венерических заболеваний и пораженности глистами. Во время командировок медицинские работники, наряду с активной врачебной деятельностью, проводили санитарно-профилактическую работу, сопровождая ее практическим внедрением гигиенических навыков в повседневную жизнь аборигенного населения[371].

---

[365] ГАСПИТО. Ф. П-113. Оп. 3. Д. 7. Л. 101.

[366] МАГС. Ф. 3. Оп. 1. Д. 260. Л. 187.

[367] ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 658. Л. 12.

[368] МАГС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 205. Л. 193.

[369] ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 525. Л. 42.

[370] Экстренный вызов. Первым медикам Югры посвящается. Ханты-Мансийск, 2007. С. 82.

[371] ГАТО. Ф. 1725. Оп. 1. Д. 525. Л. 46.

Рис. 4.78. Выездная бригада Сургутской окружной клинической больницы. 1976 г. Сургутский краеведческий музей

Рис. 4.79. Врачи выездной бригады Сургутской районной больницы на празднике в д. Русскинская Сургутского района. 1970-е гг. Виртуальная выставка «История Сургутского здравоохранения». Сургутский краеведческий музей

Рис. 4.80. Санитарный катер «Здоровье» и его капитан Б. Л. Кондаков. 1970-е гг. Виртуальная выставка «История Сургутского здравоохранения». Сургутский краеведческий музей

Рис. 4.81. Журнал «Здоровье». Из открытых источников

Оперативную доставку югорских врачей осуществляла медицинская авиация. Первое отделение санитарной авиации в округе было организовано при Ханты-Мансийской окружной больнице в конце 1940-х гг., в 1952 г. появилось аналогичное отделение на базе Берёзовской районной больницы, а в 1964 г. — Сургутской районной больнице[372].

[372] Шорохова И. И. Роль Тюменской санитарной авиации в организации медицинской помощи населению (1950–1960-е гг.) // Нефть и газ Западной Сибири. 2009. С. 34–36.

В силу особых условий труда проблема подготовки кадров и комплектования ими медицинских учреждений округа являлась гораздо более трудноразрешимой, чем в центральных районах страны.

Рис. 4.82. Работа санитарной авиации. Врач (Л. А. Менщикова) и медицинская сестра после вылета. Сургут. 1960-е гг. Виртуальная выставка «История Сургутского здравоохранения». Сургутский краеведческий музей

В 1953–1991 гг. значительное внимание уделялось подготовке медицинских сестер. В 1954 г. Тюменская фельдшерско-акушерская школа, являвшаяся базовым областным и окружным методическим центром, была реорганизована в Тюменское медицинское училище. В 1970–1980-е гг., в связи с промышленным освоением Севера Западной Сибири, контингент студентов в нем вырос до 2000 человек[373].

В 1954 г., в связи с возросшей потребностью больниц области и национальных округов в медработниках среднего звена, в Тобольске, после передачи в 1930 г. в Тюмень, было восстановлено медицинское училище уже в статусе «Тобольского медицинского техникума», который в 1974 г. перебазировался в новый учебный корпус. В 1960-е гг. были открыты медицинские училища в Ишиме и Ялуторовске. Всего в 1965–1991 гг. в Тюменской области функционировало 6 средних медицинских учебных заведений[374].

Рис. 4.83. Санитарная авиация в Югре. Из открытых источников

Основным поставщиком кадров медицинских работников высшей квалификации являлся Тюменский медицинский институт. В 1969 г. состоялся его первый выпуск, после чего лечебно-профилактические учреждения национальных округов и области получили 180 молодых специалистов. За период с 1970 по 1980 гг. Тюменский медицинский институт подготовил около 3000 врачей. Кадровый состав учреждений здравоохранения области в 1980-х гг. увеличился на 450–500 чел., а средних медицинских работников — на 1400–1500 чел. за счёт выпускников Тюменского мединститута и шести медицинских училищ[375].

В результате их эффективной работы в 1980 г. в Ханты-Мансийском автономном округе работало 500 врачей и более 5500 средних медицинских работников, рост числа которых был

[373] Тюменский медицинский колледж. История колледжа. URL: http// goutmk.ru /sweden/ history (дата обращения: 15.04.2023).

[374] Шорохова И. И. Кадровые изменения в здравоохранении Тюменской области за 50 лет. С. 48.

[375] Широкова И. И. Кадровые изменения в здравоохранении Тюменской области в период с 1964 по 1991 гг. С. 48.

Рис. 4.84. Людмила Андреевна Менщикова. 1950-е гг. Виртуальная выставка «История Сургутского здравоохранения». Сургутский краеведческий музей

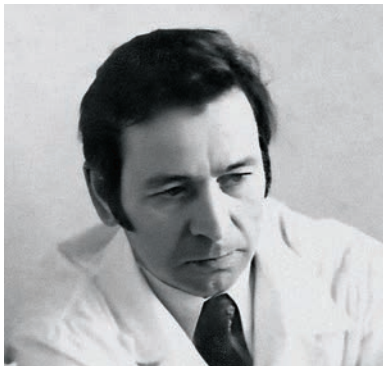


Рис. 4.85. Николай Васильевич Иванов. Из открытых источников

Рис. 4.86. Галина Николаевна Москаленко. 1960-е гг. Сургутский краеведческий музей

особенно впечатляющим. Их количество превышало число врачей в 15 раз. Весьма показательным было и внимание руководителей системы медицинского образование к подготовке врачей из представителей коренной национальности, среди которых в 1970 г. насчитывался 41 специалист[376].

Высокая квалификация выпускников Тюменского медицинского института способствовала активизации научных исследований на Севере Западной Сибири и реализации научных программ «Вахта», «Здоровье населения Сибири», нацеленных на изучение адаптации жителей округа к природным условиям Севера и укрепление здоровья югорчан, отраженных в «Программе развития здоровья» окружной Думы[377].

История медицины Ханты-Мансийского автономного округа хранит память о ее многих подлинных патриотах. Так, старожилы Сургута с благодарностью вспоминают хирурга, главного врача районной больницы Л. А. Менщикову, начавшую свою врачебную деятельность в 1952 г. Ее заслуги в области здравоохранения были отмечены в 1970 г. присвоением почетного звания «Заслуженный врач РСФСР», а 18 декабря 1980 г. Людмила Андреевна была торжественно провозглашена «Почетным гражданином города Сургута»[378].

В 1963 г. в Сургут приехал молодой доктор Н. В. Иванов. Сначала при свете керосиновых ламп он оперировал в районной больнице. После открытия в 1973 г. комплексной больницы в микрорайоне Нефтяников стал ее ведущим специалистом. К концу 1990-х гг. на счету ведущего хирурга города «Заслуженного работника здравоохранения Ханты-Мансийского автономного округа», «Заслуженного врача РСФСР» Николая Васильевича Иванова было около 16 тыс. операций[379].

Наряду с Николаем Васильевичем лучшие традиции югорской медицины закладывали такие передовые врачи, как Г. Н. Москаленко, Ю. А. Плетнёв, В. П. Захарова, А. А. Кубасова, З. В. Александрова и другие патриоты своей благородной профессии[380].

---

[376] Федорова Г. В., Вяльцин С. В., Новокшенова И. Е. К истории медицины в Сибири: Ханты-Мансийский автономный округ // Омский научный вестник. 2016. № 2 (35). С. 261.

[377] Федорова Г. В., Вяльцин С. В., Новокшенова И. Е. К истории медицины в Сибири: Ханты-Мансийский автономный округ. С. 261.

[378] Захаров И. П. Моя земля. Сургут,1999. С. 73; Из истории сургутского здравоохранения. URL:// skmuseum.ru /news/iz- istorii-surgutskogo- zdravoohranenya (дата обращения:16.04. 2023).

[379] Захаров И. П. У истоков хирургии // Югра. 1997. № 1. С. 13.

[380] Из истории сургутского здравоохранения. URL: //medhistory. skmuseum.ru/ glava 7 html (дата обращения: 23.05.2023).

Рис. 4.87. Валентина Петровна Захарова. 1970-е гг. Сургутский краеведческий музей

Рис. 4.88. Аполинария Афанасьевна Кубасова. 1968 г. Сургутский краеведческий музей

Рис. 4.89. Юрий Алексеевич Плетнёв. 1970-е гг. Сургутский краеведческий музей

На протяжении многих лет Управление здравоохранения Ханты-Мансийского автономного округа возглавлял Виктор Давыдович Вильгельм, внесший существенный вклад в улучшение медицинского обеспечения жителей округа.

В завершение следует еще раз подчеркнуть, что в 1953–1991 гг. в Ханты-Мансийском автономном округе последовательно совершенствовалась система здравоохранения, но уровень и темпы ее развития отставали от потребностей быстро растущего населения региона.

Рис. 4.90. Виктор Давыдович Вильгельм в операционной. Аргументы и факты. АиФ-Югра. 2018. 28 ноября

Глава 5

Физическая культура и спорт

Долгое время югорский спорт существовал в условиях двойной периферии: общесоюзной и областной. В Тюменской области до открытия «большой нефти» развитие физкультуры и спорта концентрировалось в городах и районах на юге области вдоль главной железнодорожной магистрали. Аналогичная ситуация была по всей Сибири и Дальнему Востоку. В Тюменской области единственным исключением из общей картины был Тобольск. Но в 1957 г. под нажимом Бюро ЦК КПСС по РСФСР Тюменский областной комитет по физической культуре и спорту (далее — облспорткомитет) ходатайствовал перед Бюро Обкома КПСС о строительстве капитальных спортивных сооружений. В их числе оказались и объекты в Ханты-Мансийске: лыжный трамплин мощностью 30 метров, гребная станция с прокатом лодок для массового пользования трудящихся и лыжная станция с прокатом инвентаря. Кроме того, обкому предлагалось решить вопрос о строительстве стадионов во всех райцентрах области[381]. Однако эти предложения оставались благими пожеланиями. Партийно-советское руководство области не располагало необходимыми ресурсами, а также и ментально было тогда не готово к такому масштабному строительству спортивных объектов.

В эти годы в Югре сколько-нибудь систематически развивалась физкультурная и спортивно-массовая работа лишь в учебных заведениях, прежде всего, в педагогическом училище в Ханты-Мансийске, которое неоднократно занимало призовые места на ведомственных соревнованиях, а в 1957 г. команда училища выиграла лыжную эстафету среди педагогических училищ РСФСР[382].

Развитию детско-юношеского спорта препятствовал целый ряд факторов, связанных с отсутствием квалифицированных физкультурных кадров и убогим состоянием спортивной инфраструктуры. Как показала проведенная в октябре 1958 г. комплексная проверка спортивного хозяйства округа, в окружном центре не было ни катка, ни трамплина для прыжков, ни слаломной трассы, ни лыжной базы, ни лыжного спортинвентаря. «Ведь здесь совсем нет ни одной пары кед, тапочек, даже маек, не говоря уже о качественных лыжах, гимнастических матах, легкоатлетических снарядах», — с удивлением комментировал ситуацию в торговле спортивными товарами представитель Тюменского областного Спорткомитета Г. А. Колотовкин[383].

---

[381] ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 12. Л. 17–18.

[382] ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 14. Л. 27.

[383] ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 14. Л. 28.

Физкультурные работники округа на снабжение горожан спортивными товарами реально повлиять не могли, как и на строительство спортивных объектов. В этой сфере ситуация в Тюменской области мало отличалась от общей по стране. 2 октября 1958 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР «в целях мобилизации дополнительных средств на жилищное строительство, а также на развитие сети школ, больниц и детских учреждений», приняли постановление № 1109 «Об упорядочении расходования денежных средств и материальных ресурсов на строительство административных, спортивных и других общественных зданий и сооружений». В приложении к постановлению по плану на 1959 г. в Российской Федерации ни одного объекта нового строительства спортивных сооружений не было предусмотрено, а ряд уже строящихся объектов подлежал консервации[384].

Рис. 4.91. Футбол в Затоне. Сургут. 1960-е гг.
Сургутский краеведческий музей

Постановлением от 8 сентября 1958 г. № 1053 Совет Министров РСФСР установил, начиная с 1959 г., новый порядок распределения капиталовложений на культурно-бытовое строительство, по которому указанные капиталовложения утверждались непосредственно в планах капитального строительства облисполкомов. Это означало «невозможность» в ближайшие годы получить централизованные капиталовложения на строительство спортивных сооружений, поэтому республиканский Спорткомитет предлагал осуществлять строительство спортивных сооружений силами общественности[385].

Неблагоприятные общесоюзные факторы усугублялись в регионе кадровой проблемой. В справке для областного начальства, подписанной кроме Колотовкина председателем окружного спорткомитета, зампредом окрисполкома и секретарем окрисполкома комсомола, констатировали, что последние годы спортом в округе руководили люди неопытные и случайные. Большинство работников физической культуры округа не имело специального профильного образования[386]. Такая ситуация наблюдалась повсеместно в Тюменской области. Оставались нерешенными и некоторые социальные вопросы, препятствовавшие постепенной замене «практиков» без образования на дипломированных специалистов. Важнейшими из них были нехватка жилья для молодых специалистов и отсутствие для работников физической культуры «северных» надбавок.

Эти и некоторые другие проблемы приобрели хронический характер, поэтому в 1966 г. в Ханты-Мансийске не хватало 10 преподавателей физкультуры в школах (в городе всего 12 школ), в Нижневартовском районе — 3, а в Октябрьском районе в 13-ти школах уроки вели неспе-

[384] ГАРФ. Ф. А-564. Оп. 1. Д. 491. Л. 310.
[385] ГАРФ. Ф. А-564. Оп. 1. Д. 491. Л. 310–311.
[386] ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 14. Л. 26.

циалисты[387]. Впрочем, и учебную программу физической подготовки школьников выполнить в полном объёме было невозможно. В 1966 г. в Ханты-Мансийске спортзал имелся в одной школе из 12-ти, аналогичная ситуация в городе была и с комплексными спортивными площадками при школах. В Нижневартовском районе спортзалом могла похвастать одна из пяти школ, и ни в одной не было спортплощадки. В Октябрьском районе 11 из 15 школ не имели спортзалов или хотя бы «приспособленных комнат» для занятия спортом. Спортивные площадки при школах в районе отсутствовали[388]. В середине 1960-х положение в округе со спортзалами и школьными комплексными спортивными площадками было хуже, чем в среднем по стране, где ситуацию также нельзя было назвать нормальной — лишь 18% школ имели спортивные залы, а комплексные спортивные площадки — 12%[389].

Два спортзала, существовавшие в окружном центре в 1964 г., были загружены по полной программе, в которой не находилось места для тренировок баскетболистов и волейболистов. Большой спортивный комплекс строился в Ханты-Мансийске с 1958 г., но к весне 1964 г. были возведены только его стены. «О стадионе даже говорить не хочется, все там развалилось, разломалось…», — констатировал председатель городского спорткомитета Л. И. Плесовских на третьей областной отчетно-выборной конференции Союза спортивных обществ и организаций. Он же отметил несправедливое распределение спортивных товаров и экипировки между городами области. Л. И. Плесовских утверждал, что в Ханты-Мансийск завезли лыжи второго сорта, которые быстро ломались, не попали в город ни шерстяные спортивные костюмы, ни лыжная мазь, «дали одну пару качественных палок, а тоболякам — 713»[390].

Противоречивый характер реформ 1950-х в сфере физической культуры и спорта нашел свое выражение и в югорском регионе. Сразу после смерти И. В. Сталина, в марте 1953 г., был упразднён ряд комитетов и управлений при Совете Министров СССР. В рамках этой реорганизации произошла передача функций органов физкультуры и спорта в ведение структур министерства здравоохранения. Однако уже в конце 1953 г. секретарь ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепин в письме на имя первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева утверждал, что органы здравоохранения, «имея большие специфические задачи и обязанности по организации медицинской помощи населению, вопросами развития физической культуры и спорта занимаются плохо»[391]. Шелепин писал, что реформа привела к заметному ухудшению состояния работы по физической культуре и спорту, она грозит нанести серьёзный ущерб дальнейшему «подъему массового физкультурного движения», а также может негативно сказаться на международных выступлениях советских спортсменов[392]. Позицию комсомола поддержало руководство профсоюзов. Министерство здравоохранения со своей стороны было радо избавиться от обременительной и незнакомой сферы деятельности. Поэтому не прошло и года с момента реорганизации, как была восстановлена самостоятельность спортивного ведомства. Никакого сколько-нибудь заметного влияния на состояние физкультуры и спорта в округе эта управленческая перестройка не оказала.

---

[387] ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 77. Л. 27.

[388] ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 77. Л. 33–34, 37.

[389] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 36. Д. 15. Л. 75.

[390] ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 57. Л. 67–68. Проблема с мазью имела хронический характер. В 1950-е гг. ею не могли обеспечить даже всех членов сборной команды РСФСР (ГАРФ. Ф. А-564. Оп. 1. Д. 237.).

[391] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 36. Д. 13. Л. 71.

[392] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 36. Д. 13. Л. 71.

Заметнее были последствия начавшегося в 1954 г. сокращения госаппарата, которое затронуло и физкультурно-спортивную сферу округа. Стадион в Ханты-Мансийске был одним из пяти объектов в Тюменской области, перешедших от городских и областного спорткомитетов в ведение добровольных спортивных обществ (ДСО). Неблагоприятной была не смена собственника, но сокращение штатов этих объектов на 23 единицы[393], что в дальнейшем негативно сказалось на состоянии спортивных сооружений.

Рис. 4.92. Тамара Кошкарова на окружных соревнованиях по лыжному спорту. Ханты-Мансийск. 1964 г. Музей Природы и Человека. Ханты-Мансийск

Позитивные перемены в физкультурно-спортивной жизни ХМНО начались с конца 1950-х гг. Они были обусловлены несколькими факторами — экономическими, политическими, управленческими. В первую очередь, перемены были связаны с началом интенсивного, особенно с середины 1960-х гг., промышленного освоения региона, превращением его в ведущую нефтегазовую провинцию страны. Во-вторых, существенное значение сыграло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». Тюменский обком партии и облисполком, следуя субординации, приняли свое решение по данному вопросу. В результате этих постановлений, развитие физкультуры и спорта в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах, как будто бы, вошло в число приоритетных задач облспорткомитета. Другое дело, что физкультура и спорт в области и округе финансировались по остаточному принципу. Чиновников, распределявших ресурсы, нетрудно понять: приток тысяч людей, связанных с освоением природных богатств региона, требовал ускоренного строительства жилья, школ, поликлиник, предприятий общепита и других объектов, которые непосредственно влияли на повседневную жизнь людей. Однако играл свою роль и субъективный фактор — решения тюменского руководства. Так, в предложениях по строительству спортсооружений на 1959–1965 гг. в Тюменской области были запланированы только 2 объекта, и оба в областном центре: «спорткорпус» с бассейном и залами и лыжная база с трамплином. Строительство этих объектов оценивалось в 2,7 и 1 млн руб., соответственно[394].

Наконец, не менее значимым фактором, обусловившем перемены в спортивной политике, стала реформа управления спортом 1959 г. Почти десятилетие, с апреля 1959 по октябрь 1968 г., руководство спортом и физической культурой осуществлялось Центральным советом Союза спортивных обществ и организаций СССР. Создавалась эта организация, получившая статус «добровольной» и «общественной», исходя из общего политического курса на повышение роли общественности «на современном этапе коммунистического строительства, когда все большее значение приобретает роль массовых организаций трудящихся, особенно профсоюзов и комсомола, в решении государственных вопросов». Отсюда сле-

[393] ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.

[394] ГАРФ. Ф. А-564. Оп. 1. Д. 491. Л. 12.

довал вывод: «имеются все возможности для того, чтобы физкультурное движение в нашей стране было полностью основано на широких демократических началах и руководство им осуществлялось выборной общественной организацией»[395].

Это десятилетие было неоднозначным явлением в физкультурно-спортивной жизни региона. С одной стороны, звучали призывы к развитию физкультуры, массового и детского спорта, развитию самодеятельности масс под присмотром местных партийных, комсомольских и профсоюзных органов. И эти призывы были не пустым звуком, а имели конкретное наполнение. Сооружались простейшие стадионы, волейбольные и баскетбольные площадки, а в Ханты-Мансийске в 1967 г. силами учащихся технического училища был построен спортзал в деревянном исполнении[396]. С другой стороны, продолжилась тенденция сокращения средств, выделяемых на физкультуру и спорт, начавшаяся еще в 1954 г. в рамках борьбы с бюрократизацией госаппарата и приближения управления к производству.

До 1957 г. север Тюменской области рассматривался Спорткомитетом РСФСР с подачи тюменского областного спорткомитета как бесперспективный в плане развития физкультурного движения регион, поэтому в 1956 г. штат тюменского спорткомитета вырос на 2 штатные единицы за счет сокращения должности председателей спорткомитетов в Самарово и в Салехарде (по другим данным в Салехарде сократили инструктора)[397].

Вместе с тем, общесоюзная тенденция на развитие детско-юношеского спорта проявилась в эти годы и в Ханты-Мансийском национальном округе. Первая детско-юношеская спортивная школа (ДЮСШ) в округе появилась лишь в 1959 г. — значительно позднее, чем в городах юга Тюменской области и Сибири в целом. К первоначальной лыжной и горнолыжной специализации позже добавились биатлон и гимнастика. Во второй половине 1960-х сеть детских спортшкол постепенно охватывает и другие города округа, но реалии существенно отставали от утвержденных планов. Так, в 1967 г. вместо четырех спортшкол открылись только две — в Сургуте и Урае[398]. В 1970 г. в районах нефтедобычи работали лишь 3 спортшколы (в Сургуте, Нефтеюганске и Урае), в которых занималось всего 550 человек[399].

Наряду с проблемами вовлечения детей в занятия спортом в 1950–1960-е гг. (отсутствие нормальных спортзалов при большинстве школ, как и плавательных бассейнов в городах и посёлках округа, недостаток квалифицированных педагогов, нехватка спортивного инвентаря), были и определённые достижения. Новая общесоюзная система управления физической культурой и спортом, наряду с некоторым сокращением финансирования, способствовала самодеятельности рядовых физкультурников. Позитивные шаги были предприняты в детском спорте по инициативе ЦК ВЛКСМ в середине 1960-х гг., когда были учреждены всесоюзные турниры «Кожаный мяч» и «Золотая шайба». В округе масштабному распространению «Кожаного мяча» препятствовали многие факторы. Новые посёлки и города, возникавшие вблизи нефтяных и газовых месторождений, нередко строились в болотистой местности или в зоне вечной мерзлоты, где сооружение футбольных полей было делом весьма затруднительным. В сложившихся ранее населённых пунктах футбольных полей почти не было,

---

395 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 469. Л. 77–85.

396 ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 85. Л. 65.

397 ГАРФ. Ф. А-564. Оп. 1. Д. 442. Л. 157.

398 ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 85. Л. 60.

399 ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5294. Л. 3.

Рис. 4.93. Призер областных соревнований на призы «Золотая шайба» команда «Водник» (Сургут). Тюмень. 1975–1980 гг. Из личного архива Р. М. Зияутдинова. Сургутский краеведческий музей

Рис. 4.94. Школьники во время проведения соревнований на приз «Кожаный мяч». Ханты-Мансийск. 1976 г. Государственный архив Югры. Фотофонд. Оп. 1. Д. 46

сооружение новых могло состояться лишь на незастроенных пустырях, расположенных на городских окраинах. Не хватало энтузиастов — общественных инструкторов из числа футболистов-разрядников, которых было немного из-за неразвитости в округе и в области футбола. Да и имевшиеся в округе взрослые футболисты из-за характера труда, интенсивность которого возрастала в летний период, часто не могли тренировать детские команды. В целом, названные проблемы были характерны для большей части Тюменской области, и все же число юных футболистов росло. На турнирах «Кожаного мяча» в 1967 г. участвовала 471 команда (7065 чел.), в 1971 г. — 500 команд (7500 чел.), в 1975 г. — 560 команд[400].

Популярностью у детей округа пользовался турнир «Золотая шайба». Наиболее организованно проводились соревнования юных хоккеистов в Сургуте. Так, в сезоне 1974/75 гг. в городе было построено 16 хоккейных кортов, в строительстве которых активно участвовали юные хоккеисты. Нехватку тренеров здесь восполнили силами самих ребят, которые проводили тренировки с хоккеистами младшей возрастной группы[401].

Менее успешными были усилия комсомола по обучению школьников плаванию и организации соревнований на приз клуба «Нептун». Развитие плавания в округе, как и во всей Тюменской области, сдерживалось из-за отсутствия бассейнов, которых в середине 1970-х гг. было три на всю область, и неблагоприятных условий для занятия плаванием в открытых водоемах Среднего Приобья и Крайнего Севера[402].

Постепенно ситуация менялась в лучшую сторону: с 1970 по 1979 г. количество ДЮСШ в Тюменской области увеличилось на 16, большинство из которых было открыто на севере области[403]. В 1980-е гг. эта тенденция сохранилась, в результате только в Берёзовском рай-

[400] ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 85. Л. 68; ГАСПИТО. Ф. П-1444. Оп. 1. Д. 1119. Л. 9; Д. 1664. Л. 15.

[401] ГАСПИТО. Ф. П-1444. Оп. 1. Д. 1664. Л. 7.

[402] ГАСПИТО. Ф. П-1444. Оп. 1. Д. 1544. Л. 48.

[403] Физическая культура и спорт Тюменской области в период 1970–2000 гг. С. 24.

Рис. 4.95. Всесоюзные соревнования по лыжным гонкам на приз газеты «Пионерская правда». Ханты-Мансийск. 1984 г. Из открытых источников

оне в 1984 г. действовало 4 ДЮСШ с охватом 1700 детей[404]. Данный географический тренд размещения новых спортшкол был связан с интенсивным освоением нефтяных и газовых месторождений. Приток молодых семей в районы Югры и Ямала предъявлял повышенные требования к детским дошкольным заведениям, к общеобразовательным учреждениям и спортшколам, которые рассматривались как важный институт организации досуга и социализации детей и подростков. Такой подход нашел отражение и в градостроительной практике. В частности, для Нефтеюганска был спроектирован комплекс Дворца пионеров и ДЮСШ, в посёлке Нягань — спортивный зал с бассейном в комплексе Дома культуры.

В 1980-е гг. тысячи детей в Югре были вовлечены в соревнования по хоккею, баскетболу, плаванию, легкой атлетике и, конечно, футболу. В округе популярность «Кожаного мяча» уверенно росла в первой половине 1980-х, охватив в 1985 г., согласно данным окружкома ВЛКСМ, 7461 мальчиков и подростков, т. е. примерно столько, как 12–13 лет назад во всей Тюменской области. Футбольные соревнования не были организованы лишь в каждой пятой школе округа. Кроме того, по месту жительства были созданы 24 команды младшего возраста и по 29 команд среднего и старшего возрастов[405].

Много хуже обстояло дело с массовым спортом взрослых. Значительная часть коллективов физкультуры существовала на бумаге. «Очень плохо проходит Спартакиада в Ханты-Мансийском округе. В большей половине коллективов физкультуры округа Спартакиада не проводилась»[406], — отмечалось в докладе заведующего отделом пропаганды и агитации тюменского обкома КПСС М. Д. Петрова о ходе летней Спартакиады народов СССР в Тюменской области, проводившейся в 1966–1967 гг.

Наиболее массовым видом спорта в округе, где полгода лежит устойчивый снежный покров, стали лыжи. С 1964 г. в Ханты-Мансийске регулярно проводятся соревнования лыжников «Большая тюменская нефть»[407]. Уже в марте 1965 г. в соревнованиях участвовали спортсмены из ряда сибирских городов (Омска, Кургана, Новосибирска, Кемерово и др.). Кроме лыжных гонок мужчин на 15 и 30 км и женских на 5 и 10 км, мужской и женских лыжных эстафет, была проведена также «национальная эстафета»[408].

---

[404] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 8177. Л. 86.

[405] ГАСПИТО. Ф. П-1444. Оп. 1. Д. 3207. Л. 50.

[406] История физической культуры и спорта в Тюменском регионе 1863–2000 гг. : Сб. док. и материалов. Тюмень, 2003. С. 199.

[407] Тоболов А. А., Бражникова О. А. История лыжных гонок Тюменской области. 1919–2000 гг. URL: http://ski-tyumen.ru/sport-37/istoriya/sport (дата обращения: 15.10.2022).

[408] Ленинская правда. 1965. 13 марта. С. 4.

В 1960–1970-х гг. за призы «Большой тюменской нефти» боролись не только лыжники, но и городошники[409]. Если соревнования лыжников лишь набирали обороты, превратившись из городских соревнований в областные, а затем во всероссийские, то турнир по городкам, как неолимпийский вид спорта, потерял поддержку окружного спорткомитета. И это при том, что в канун Московской Олимпиады, согласно официальной статистике[410], городками в регионе занималось вдвое больше людей, чем биатлоном или боксом, столько же, сколько олимпийскими дисциплинами борьбы (классической, вольной и дзюдо) вместе взятыми. Однако существовавшая система отчетности фактически требовала от местных руководителей спорта обращать первоочередное внимание не на потребности и вкусы населения, а на развитие олимпийских видов спорта.

Такое отношение к выбору приоритетов у спортивных чиновников укрепилось в октябре 1968 г., когда постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР спортивная жизнь страны возвращалась на прежние — ведомственные рельсы государственного управления: «В целях улучшения руководства физкультурной и спортивной работой в стране образовать союзно-республиканский Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР на базе Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР»[411].

Как правило, спортивные чиновники и историки спорта оценивают этот возврат положительно, отмечая, что у руководства союзных, республиканских спорткомитетов стало больше возможностей потребовать от нижестоящих комитетов выполнения своих распоряжений. Действительно, у руководства спорткомитетами разных уровней появилась возможность почувствовать себя «начальниками» (номенклатурой), а не избираемыми руководителями, делающими общее дело со своими избирателями — представителями спортсоюзов городского и районного уровней, председателями ДСО, руководителями спортивных федераций по видам спорта. Была ли проведенная в октябре 1968 г. реформа управления спортом в нашей стране необходимой и полезной? Этот вопрос остается не изученным ни на общесоюзном, ни на региональном уровне.

Стремление советской власти модернизировать быт и культуру малочисленных народов Севера коснулось и спортивных традиций северных народов. После Великой Отечественной войны регулярный характер приобрели традиционные матчевые встречи между Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким округами, которым придали статус спартакиад северных округов. Постепенно программа таких спартакиад расширялась за счет классических и народных видов спорта. Так, в программу юбилейной 15-й спартакиады, проходившей в 1960 г., вошло лишь северное (национальное) троеборье: метание тынзяна на меткость и дальность, тройной прыжок (отталкивание двумя ногами) и прыжки через нарты. Другие восемь видов программы состояли из олимпийских дисциплин (легкая атлетика, стендовая стрельба, баскетбол и волейбол, футбол), популярного, но еще не вошедшего в программу Олимпиад настольного тенниса, а также народных видов спорта (городки и русская лапта)[412].

---

[409] История физической культуры и спорта в Тюменском регионе 1863–2000 гг. С. 233.

[410] Подробнее см.: Физическая культура и спорт Тюменской области в период 1970–2000 гг. С. 35–36.

[411] Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 17.10.1968 № 826 «Об улучшении руководства физической культурой и спортом в стране». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU; n=23001#0345424714591025 (дата обращения: 23.03.2021).

[412] ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 25. Л. 8.

Вместе с тем в программу соревнований в коллективах физкультуры, на уровне районов и округов руководители тюменского спорта рекомендовали включить значительно большее число «национальных и народных» видов спорта. В их число входили различные метания, в том числе топора, гребля на традиционных судах (колганки, обласки), напоминавших байдарки и каноэ, перетягивание каната, перетягивание на палках, стрельба из лука, борьба на поясах, различные варианты прыжков через нарты, стрельба из малокалиберного и дробового оружия, и некоторые другие. В зимнее время прибавлялись гонки оленьих упряжек на различные дистанции, соревнования лыжников, буксируемых оленями, бег на охотничьих лыжах без палок[413].

А. В. Кыласов и А. С. Тедорадзе, специалисты по исторической реконструкции этноспортивной борьбы, весьма критично оценивают деятельность организаторов соревнований по национальным видам спорта северных народов в то время[414]. Главные претензии связаны с тем, что программы, разрабатывавшиеся преподавателями физкультурных институтов, вырывали традиционную борьбу хантов и манси «нюл-тахли» из контекста традиций физического воспитания молодого поколения северных народов, навязывая чуждые формы проведения соревнований и правила определения победителей.

Это замечание о навязывании спортизации национальным видам спорта справедливо во многом и для северного многоборья. В частности, спортивные функционеры в целях повышения зрелищности соревнований по национальным видам спорта придумывали эстафеты, порой весьма далекие от традиций хантов, манси и ненцев. Так, в 1960 г. в Ханты-Мансийске была проведена национальная эстафета, «вызвавшая огромный интерес», как утверждает отчет, не только у самих участников, но и у многочисленных зрителей. Эстафета состояла из 4-х этапов: командой лыжной гонки на 5 км (бег с винтовками и туристическим снаряжением), стрельбе по мишени — сидящей на дереве белки, разведения костра и кипячения чая, установки палаток[415]. Другим проявлением спортизации национальных видов спорта было введение спортивных разрядов северного многоборья в единую всесоюзную спортивную классификацию. Это явление руководство областного спорта рассматривало как фактор, способствующий более широкому привлечению к соревнованиям коренного населения округа. «Сам факт роста удельного веса итоговых данных подготовки разрядников по национальным видам [около 100 человек. — *авт.*] вызвал должный интерес к ним у руководства физкультурных организаций округов». Были и некоторые негативные явления в политике модернизации и унификации правил северного многоборья, в частности, в погоне за зрелищностью и рекордами на соревнованиях стали использовать не традиционные, а более узкие нарты. Унификация спортивного инвентаря, необходимая для создания равных условий для всех участников, в свою очередь, вызывала проблемы изготовления специального спортивного инвентаря, что в условиях плановой экономики создавало традиционный советский дефицит.

Спортивное руководство Тюменской области в 50–60-х гг. XX в. смотрело свысока на традиционную соревновательную деятельность северных народов, не понимая, что она была органической частью их образа жизни. Об этом красноречиво свидетельствует записка,

---

[413] ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 25. Л. 8–9.

[414] Кыласов А. В., Тедорадзе А. С. Проблемы сохранения и развития традиционной борьбы нюл-тахли // Вестник угроведения. 2014. № 4(19). С. 159.

[415] ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 25. Л. 10.

подготовленная для доклада Всероссийскому совету Союза спортивных обществ и организаций. По мнению ее авторов, для сильнейших коренных спортсменов занятия национальными видами спорта «послужили как бы необходимым условием к переходу к систематическим занятиям технически сложными видами спорта, как легкой атлетикой, спортивными играми и др.»[416].

Выстраивание спортивной вертикали власти, согласно реформе 1968 г., в Ханты-Мансийском национальном округе негативно сказалась на национальном спорте. С. В. Барбашов справедливо называет важной вехой в развитии национальных видов спорта создание Федерации национальных видов спорта РСФСР в 1972 г.[417] Однако на ситуацию в Югре создание федерации повлияло далеко не сразу. В справке о состоянии физкультурно-массовой и спортивной работы окружного спорткомитета говорилось: «После длительного перерыва в 1975 году были проведены окружные соревнования по национальным видам спорта, после чего была укомплектована сборная команда округа для участия в первенстве Российской Федерации среди северных национальных округов. В этих соревнованиях команда впервые заняла третье призовое место»[418]. Таким образом, лишь благодаря проведению республиканского первенства, в котором округ должен был принять участие, спортивное руководство возобновило после продолжительного перерыва соревнования по национальным видам спорта.

В целом начало позитивных перемен в массовом спорте в округе с рубежа 1960–1970-х гг. было связано не столько с реформой управления спортом, сколько с развитием нефте-

Рис. 4.96. Футбол: «Нефтяник» (Сургут) — «Строитель» (Нефтеюганск). 1967 г. Сургутский краеведческий музей

Рис. 4.97. Окружные соревнования по лыжному спорту. Ханты-Мансийск. 1964 г. Сургутский краеведческий музей

[416] ГАТО. Ф. 1878. Оп. 1. Д. 25. Л. 7.

[417] Барбашов С. В. Особенности развития северного многоборья как вида социально-соревновательной практики спорта // Вестник НВГУ. 2016. № 1. С. 63.

[418] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2339. Л. 11.

газодобывающей промышленности. Тюменский обком КПСС справедливо обратил внимание на необходимость вовлечения молодых рабочих отрасли и строителей в занятия физической культурой как важнейшего средства оздоровления досуга населения в районах добычи и переработки углеводородов. В рамках реализации этой спортивно-региональной политики была проведена первая Спартакиада нефтяников и строителей Севера, в программу которой вошли: лыжные гонки, баскетбол, волейбол, классическая борьба, тяжелая атлетика, футбол и настольный теннис. В марте 1970 г. в Ханты-Мансийске состоялось лично-командное первенство по лыжам среди коллективов ударных комсомольских строек на приз «Большой Тюменской нефти», в которых участвовало 252 спортсмена, представлявшие 18 команд[419].

Популярный ныне в Югре биатлон начал развиваться довольно поздно. Для этого было две основные причины: международная — биатлон лишь в 1960 г. был включен в программу Олимпийских игр, и внутренняя — занятия биатлоном требуют трассы, оборудованной стрельбищем, а также стрелкового нарезного оружия, гражданский оборот которого в Советском Союзе был сведен к минимуму. По этой причине первоначально биатлон в нашей стране развивался в армии и в МВД (ДСО «Динамо»). В Тюменской области биатлон начал культивироваться в областном центре, а спустя десятилетие появляется и на севере региона.

У истоков югорского биатлона стоял Валерий Захаров, познакомившийся с биатлоном во время службы армии. В 1974 г. он возвращается в Ханты-Мансийск, где организует первую секцию биатлона при горсовете ДСО «Спартак». В 1982 г. в Ханты-Мансийске открывается детско-юношеская спортивная школа по биатлону[420]. Первым детским тренером, а затем и директором школы стал А. И. Власов. Не заставили себя ждать и большие спортивные победы. Олимпийские чемпионы Юрий Кашкаров (Сараево, 1984) и Евгений Редькин (Альбервиль, 1992) свои первые шаги сделали именно на ханты-мансийской лыжне, но до 1990-х гг. оттачивать свое мастерство юные перспективные спортсмены уезжали в другие города, чаще всего в Свердловск.

Одним из важных показателей физкультурно-массовой работы физкультурных организаций в 1950–1970-е гг. было привлечение населения к сдаче норм комплекса ГТО («Готов к труду и обороне»). Комплекс ГТО, сыгравший свою роль в подготовке молодежи, особенно городской, к службе в армии в 1930–1940-е гг., к 70-м гг. XX в. испытывал довольно серьёзные мотивационные проблемы, растратив немалую часть былой привлекательности в глазах молодого поколения. Достаточно успешная попытка его реанимировать была предпринята в 1972 г., когда 17 января новый комплекс ГТО утвердили ЦК КПСС и Совет Министров СССР. Внедрение нового комплекса ГТО на местах проходило с нажимом со стороны различных «общественных» организаций (обкомов КПСС и ВЛКСМ, органов ДОСААФ, руководства ДСО). О том, каковы были проблемы с внедрением ГТО и реальные результаты, докладывал в 1975 г. областному собранию спортивного актива председатель Тюменского спорткомитета Г. М. Нечаев. Рассказав о достижениях («почти 500 тыс. тюменцев включились в сдачу нормативов, а 115 тыс. уже гордо носят на груди этот знак спортивного отличия»), спортивный чиновник привел и конкретные цифры охвата населения этим комплексом, которые

[419] ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5294. Л. 2.

[420] Либерман М. И. История тюменского биатлона 1961–2000 гг. URL: http://ski-tyumen.ru/sport-37/istoriya/sport (дата обращения: 15.10.2022).

рисуют не столь радужную картину: Сургутский горспорткомитет 10% (аналогично Тюменскому), Ханты-Мансийский окрспорткомитет 5,5% (аналогично Ямало-Ненецкому). Среди причин низкого процента вовлеченных в сдачу норм ГТО он указал на нерешенность вопросов со строительством тиров и простейших открытых бассейнов на водоемах в ряде городов, среди которых, наряду с Ханты-Мансийском, был и областной центр[421].

В информации тюменского обкома комсомола, направленной в ЦК ВЛКСМ, об итогах первенства Тюменской области по многоборью комплекса ГТО на призы газеты «Комсомольская правда» в 1975 г., Ханты-Мансийск и Нефтеюганск были названы в числе городов, в которых «на высоком уровне» прошли соревнования I и II этапов первенства области[422]. Самым серьёзным образом к комплексу ГТО отнеслись в горкоме комсомола Ханты-Мансийска, члены которого не только организовали в течение года 10 соревнований по многоборью ГТО, но и личным примером пытались вдохновить «союзную молодежь»: «Весь аппарат Ханты-Мансийского горкома ВЛКСМ сдал нормы ГТО, к сдаче комплекса привлечены секретари первичных комсомольских организаций». Соревнования первых двух этапов (в коллективах физкультуры, в городах и районах) стали массовыми, в них приняли участие 9115 юношей и девушек, но лишь 1470 полностью выполнили нормативы комплекса[423]. Как следует расценивать эти данные, особенно учитывая, что Ханты-Мансийск был награжден за первое место переходящим призом обкома ВЛКСМ и облспорткомитета? Уверенно можно сделать два наблюдения: во-первых, уровень физической подготовки школьников, студентов и молодых рабочих был весьма невысоким — только 16,1% всех участников соревнований осилили нормы ГТО; во-вторых, в Ханты-Мансийске, как и в других городах и районах округа, и в целом в Тюменской области, ни обком ВЛКСМ, ни окрспорткомитет, ни облспорткомитет не «рисовали» в отчетах красивые цифры, свидетельствующие о почти поголовном вовлечении молодежи в сдачу норм ГТО.

К 1975 г. в городах и посёлках Ханты-Мансийского округа произошло заметное укрепление материальной базы физкультурно-спортивного сектора, особенно в районах интенсивного промышленного освоения края. В худшем положении оказался окружной центр. Председатель окружного спорткомитета Ф. Степанов в официальной справке от 23 декабря 1975 г. представил такую картину: «Стадион пришел в абсолютную негодность и не отвечает современным требованиям, необходима полная реконструкция стадиона. Лыжная база детской спортивной школы не удовлетворяет потребности любителей лыжного спорта г. Ханты-Мансийска»[424].

Лыжи действительно были самой популярной спортивной дисциплиной для большинства югорчан. В Ханты-Мансийске на лыжню «Большой тюменской нефти» выходили не только мастера спорта из разных городов Сибири, Урала Поволжья и Москвы, но и сотни физкультурников. Столица округа была одним из первых городов страны, где стали проводить новогоднюю лыжную гонку, в которой участвовали спортсмены коллективов физкультуры. За победу боролись не только в индивидуальных дисциплинах, но и в эстафетах[425].

---

421 История физической культуры и спорта в Тюменском регионе 1863–2000 гг. С. 237.

422 ГАСПИТО. Ф. П-1444. Оп. 1. Д. 1664. Л. 39.

423 ГАСПИТО. Ф. П-1444. Оп. 1. Д. 1664. Л. 40.

424 ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2339. Л. 12.

425 ГАЮ. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 37, 54.

Материально-техническая база спортивной инфраструктуры округа в 1970–1980-х гг. заметно улучшилась, однако в развитии физической культуры и спорта округа оставалось немало проблем, главной из которых была кадровая. Даже в 1987 г., по оценке инструктора отдела пропаганды и агитации окружкома КПСС Л. Омельяненко, обеспеченность тренерскими кадрами в округе составляла 25%. По его мнению, причина этого — неудовлетворительное обеспечение работников физкультуры и спорта жильем и детскими дошкольными учреждениями[426].

Физкультурно-массовая работа, начиная со второй половины 1970-х гг., начинает приносить плоды. Так, в Тюменской области количество физкультурников выросло с 315,7 тыс. в 1975 г. до 482,1 тыс. в 1979 г., и до 635,8 тыс. в 1980 г.[427] Таким образом, за один только «олимпийский» год численность физкультурников в области выросла на 31,9%, а за 1975–1980 гг. — на 201%. Быстрый рост количества физкультурников происходил в эти годы и в целом по Советскому Союзу, хотя и не такими семимильными шагами, как в Тюменской области. С 1976 по 1980 гг. в стране число людей, систематически занимавшихся физкультурой и спортом, выросло на 64%[428]. Чем можно объяснить такой стремительный, можно сказать, фантастический рост?

Ответ на этот вопрос содержится в примечании к таблице, опубликованной в статистическом сборнике «Физическая культура и спорт в СССР (статистические сведения к 60-летию образования СССР)»: «До 1980 года в показатели включались только лица, занимающиеся лишь в спортивных и оздоровительных группах, посетившие не менее 50 занятий»[429]. Следовательно, прежде статистика учитывала в числе систематически занимающихся людей, которые хотя бы раз в неделю приходили в спортивный зал, бассейн или стадион, но чтобы показать «достижения» предолимпийской пятилетки, сняли и это скромное ограничение. Такое отношение спортивных чиновников к учету численности физкультурников не позволяет делать корректные выводы о количественных данных вовлечения населения в занятия физкультурой и спортом.

Укрепление материально-технической базы спорта и расширение сети спортивных объектов в округе привело к тому, что с начала 1980-х гг. вовлечение населения Югры в занятия физкультурой и спортом стало опережать города юга Тюменской области. Так, в областном социалистическом соревновании «На лучшую постановку физкультурно-массовой и спортивной работы за 1983 год» в число 7 лучших городов Тюменской области вошли 5 городов округа: Нижневартовск (2-е место), Ханты-Мансийск (3-е место), Нефтеюганск (4-е место), Сургут (6-е место), Урай (7-е место). Иная ситуация наблюдалась в районах округа: одни районы оказались в числе лидеров (Советский — 1-е место, Ханты-Мансийский — 3-е место), другие — аутсайдеров (Нефтеюганский, Октябрьский, Берёзовский)[430].

Партийному руководству в годы перестройки удалось направить организационные усилия органов физкультуры на развитие физической культуры и массового спорта. В полной мере это было справедливо для городов Югры. «Предметнее стала физкультурно-оздоровитель-

---

[426] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2789. Л. 46.

[427] Физическая культура и спорт Тюменской области в период 1970–2000 гг. С. 26, 80.

[428] Физическая культура и спорт в СССР (статистические сведения к 60-летию образования СССР). М., 1982. С. 3.

[429] Физическая культура и спорт в СССР (статистические сведения к 60-летию образования СССР). С. 3.

[430] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2628. Л. 47.

Рис. 4.98. Массовый лыжный забег. Ханты-Мансийск. 1983 г.
Из открытых источников

Рис. 4.99. Стадион «Нефтяник» (Сургут). 1990 г.
Фото: Л. А. Березницкий. Сургутский краеведческий музей

ная работа. В 1987 г. открыто 84 физкультурно-оздоровительных клуба по месту жительства, в летнее время работал 21 спортивно-оздоровительный лагерь при детско-юношеских спортивных школах, 13 — в трудовых коллективах, 15 — при учебных заведениях»[431].

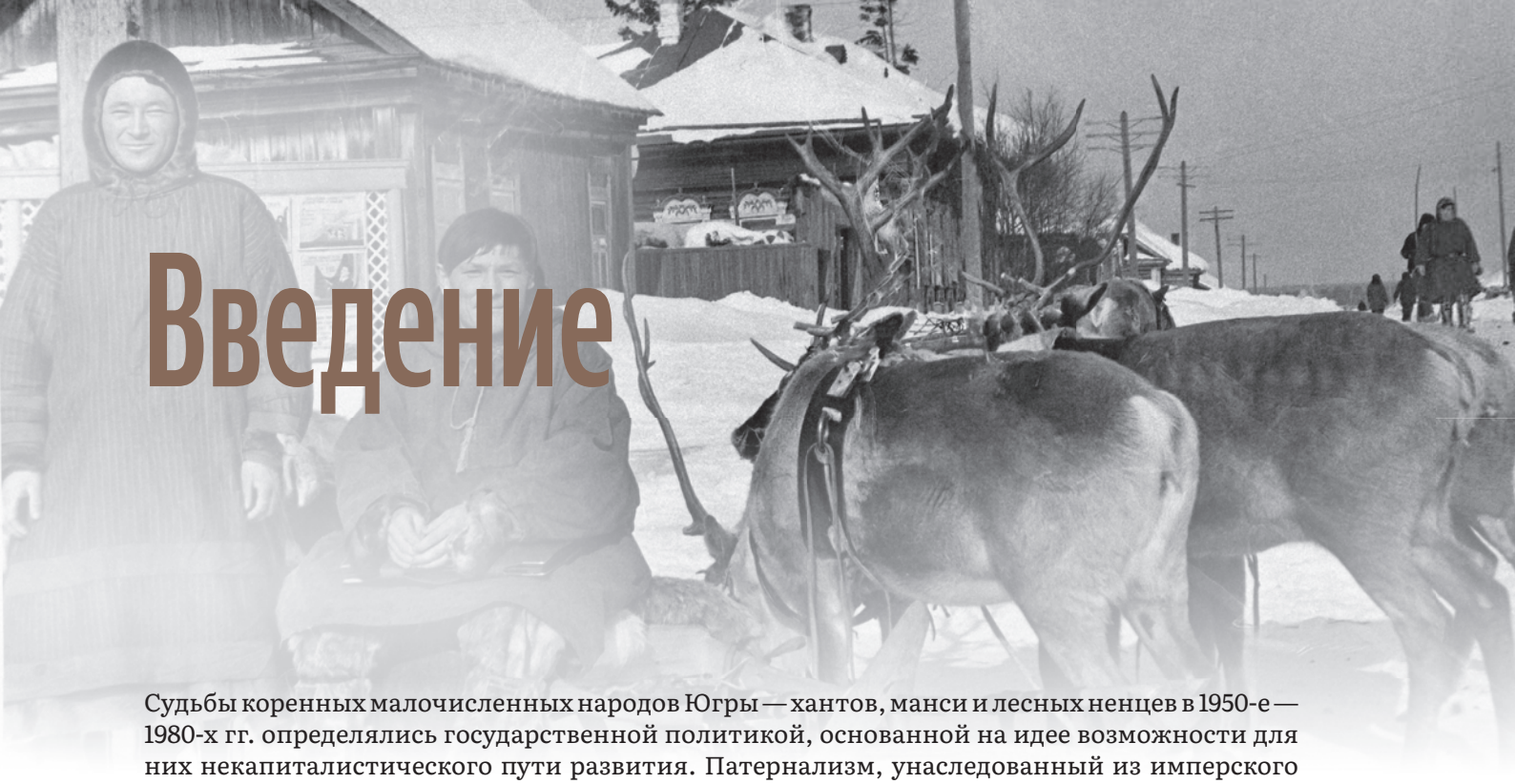
Новые формы физкультурно-оздоровительной работы в 1987 г. появлялись лишь в ряде молодых городов: Нижневартовске, Сургуте, Нефтеюганске и Урае. В Сургуте, население которого выросло с 76 тыс. в 1976 г. до 217 тыс. в 1985 г., многие соревнования действительно приобрели массовый характер, особенно день лыжника и день оздоровительного бега и ходьбы, в котором приняли участие в 1984 г. более 20 тыс. чел.[432].

В целом можно констатировать, что развитие спортивно-физкультурной инфраструктуры Югры в 1970-е — 1980-е гг., благодаря возросшим финансовым возможностям округа, делает заметные успехи. Однако формируется отчетливый дисбаланс между зимними и летними дисциплинами. На фоне успехов лыжного спорта и биатлона заметным стало отставание летних видов спорта. Его причины имели многофакторный характер: короткое лето, сезонный характер работы геологоразведчиков, нефтяников, речников, невозможность организации футбольных, баскетбольных и волейбольных команд мастеров в небольших и отдаленных городах региона и др. Эти проблемы будут решены уже в новых экономических и социальных условиях 1990-х гг.

[431] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2789. Л. 45
[432] ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2628. Л. 58.

Часть 5

Коренные малочисленные народы Югры в меняющемся мире



Введение

Судьбы коренных малочисленных народов Югры — хантов, манси и лесных ненцев в 1950-е — 1980-х гг. определялись государственной политикой, основанной на идее возможности для них некапиталистического пути развития. Патернализм, унаследованный из имперского периода, усугублялся стремлением достичь поставленные цели в кратчайшие сроки и, зачастую, некомпетентностью представителей власти на местах. Ускоренная модернизация привела к резкому изменению образа жизни хантов, манси и лесных ненцев, сократилась их этническая территория, а соответственно и возможности вести традиционный образ жизни. Активное нефтегазовое освоение и рост численности населения в крае кардинально изменили этнодемографическую ситуацию и положение коренных народов, которые стали «растворяться» в общем потоке «новых» северян. Переведение хантов, манси и лесных ненцев на оседлый образ жизни, сселение в специально построенные посёлки привело к нарушению системы традиционного землепользования и установившихся связей, опустошению промысловых и пастбищных угодий, резкому падению поголовья оленей, снижению уровня жизни охотников и рыболовов, росту числа «социальных» болезней, усилению процессов ассимиляции, особенно в среде горожан и молодежи. В 1960-е — 1980-х гг. появились и приобрели хронический характер негативные изменения в структуре занятости народов Севера: сокращалось число работающих в традиционных отраслях хозяйства и увеличивалось число занятых неквалифицированным физическим трудом. Продолжилось и разрушение традиционных форм культуры, в особенности ее религиозных элементов. Десятилетия преследований за проявление религиозности в любых её формах, дискредитации религиозных лидеров, насильственная модернизация и всеобщее школьное образование нарушили систему передачи религиозных традиций. В 1970-е — 1980-х гг. практически исчезла форма коллективных религиозных обрядов, в том числе медвежьих праздников, являвшихся важным этноконсолидирующим фактором. Вместо этого ритуалы совершались тайно, с участием небольшого круга людей, как правило, членов семьи. Существенные изменения претерпели обряды, связанные с промысловой деятельностью, практически утратив религиозное содержание. Полнее сохранились обряды погребального комплекса и все, что связано со здоровьем и личным благополучием.

Одной из задач социалистической модернизации жизни малочисленных народов Севера было включение их в контекст советской культуры. Система школьного (интернатского) образования, политика в области языков вела к стиранию этнических различий и формированию общесоветских ценностей. В результате осуществления этой программы сформировался слой этнической партийно-советской и творческой интеллигенции, которая в условиях

начавшейся в стране Перестройки активно включилась в общественно-политическую жизнь и работу по сохранению традиционной культуры хантов, манси и лесных ненцев. Этническая мобилизация народов Югры и актуализация их этнокультурного наследия происходила в условиях политического и социального кризисов, усугубленного кризисом экологическим. Однако созданная в 1989 г. по инициативе этно-актива общественная организация «Спасение Югры» консолидировала аборигенное население в его борьбе за права на традиционное землепользование и этническую самобытность.

Рис. 5.1. Мастерица С. В. Тарлина в традиционной женской одежде (сăх). Белоярский район, село Казым. 1980-е гг. Фото С. М. Каксиной

Традиционная культура народов ханты, манси и лесных ненцев детально рассмотрена во втором и пятом томах издания. Данная глава посвящена анализу тех изменений, которые произошли в различных сферах жизни коренных народов Югры с 1953 г. до 1991 г. При этом авторы старались придерживаться принципа ориентации на события с точки зрения этнической истории коренных малочисленных народов Югры. События и произошедшие изменения представлены так, как они воспринимались представителями этих народов, оценивались исследователями, наблюдавшими эти изменения в ходе полевых изысканий.

В связи с изменением политической ситуации в стране в 1980-е г. появилась возможность проведения полевых исследований и для представителей стран, находившихся за «железным занавесом». Это положило начало новому экспедиционному буму в местах проживания хантов и манси, освоению современных методов и подходов, ориентированных на современные вызовы, формированию единого академического поля в сфере угроведения. Важную консолидирующую роль сыграли также международные финно-угорские конгрессы, которые стали площадкой для обмена мнениями представителей академических сообществ различных стран и экспертов из среды финно-угорских народов. Делегации из Югры принимали участие на всех финно-угорских съездах.

В данной главе в качестве синонимов использованы термины *коренные малочисленные народы Югры*, *народы Севера*, *аборигенные/коренные народы Югры*, *народы Югры*, *охотники, оленеводы и рыболовы*, *обские угры*. В качестве источников использованы законодательные акты, постановления партийных органов, делопроизводственные документы, материалы переписей и текущего учета населения, периодическая печать. Большое значение при написании главы придавалось привлечению материалов полевых исследований, фольклора, устной истории, фотодокументов, образцов художественного творчества народов манси, хантов и лесных ненцев.

Глава 1

Этнодемографическая динамика

В 1960-е — 1980-х гг. бóльшая часть хантов (около 90%) была расселена в административных границах Тюменской области, из них более двух третей — в Ханты-Мансийском и около трети — в Ямало-Ненецком национальных округах. Подавляющая часть манси (более 95%) населяла Ханты-Мансийский национальный округ, небольшая группа проживала на территории Свердловской области[1] (см. табл. 5.1).

Таблица 5.1

Численность и размещение населения ХМАО. 1988 г.

Районы	Всего, тыс. чел.	Ханты	Манси	Ненцы	Прочие
Берёзовский	62,6	2560	2273	490	12571
Сургутский	63,8	2018	10	69	13788
Кондинский	38,4	491	1100	—	12007
Нижне-Вартовский	20,1	1428	10	162	6485
Октябрьский	38,4	864	372	1	29169
Ханты-Мансийский	20,8	935	58	42	19761
Нефтеюганский	59,8	207	2	—	16921
Советский	70,4	—	21	—	3841
Итого	374,3	8506	3848	764	114543

Источник: Ханты-Мансийский автономный округ // Народы Советского Севера (1960–1980-е годы) / отв. ред. И. С. Гурвич, З. П. Соколова. М., 1991. С. 168.

К концу 1980-х гг. по сравнению с данными за 1940-х гг. число хантов уменьшилось в Сургутском, Ханты-Мансийском, Нижневартовском и Кондинском районах на 22%, 31% и 44%, соот-

[1] Соколова З. П. Современные этнические процессы у обских угров // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера / отв. ред. И. С. Гурвич, Б. О. Долгих. М., 1970. С. 85–86.

ветственно. Число манси увеличилось: в Берёзовском районе — на 2%, в Ханты-Мансийском и Сургутском районах — в 4 раза; в Кондинском и Октябрьском районах их число уменьшилось примерно на треть. Число ненцев в этот период значительно (в 2–2,5 раза) возросло в Берёзовском и Нижневартовском (с 7 до 167 чел.) районах, но уменьшилось в Сургутском (на 80%) и Ханты-Мансийском районах (на 28%)[2].

Рис. 5.2. Семья П. Я. Айваседа. Ненцы. Нижневартовский р-н, пос. Варьеган. 1989 г.
Соколова З. П. Народы Западной Сибири: Этнографический альбом. М., 2007

По данным всеобщих переписей населения, с 1959 по 1989 гг. численность хантов увеличилась на 3,6 тыс. чел., манси стало больше на 2,1 тыс. (см. табл. 5.2).

Таблица 5.2

Динамика численности обских угров, (тыс. чел.)

Обские угры	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Ханты	19,4	21,1	21,0	23,0
Манси	6,4	7,7	7,6	8,5
Всего	25,8	28,8	28,6	31,5

Источники: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том). ЦСУ при Совете министров СССР. М., 1962. Таблица 53. Распределение населения по национальности, народности и родному языку. С. 186; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М., 1973. С. 10; Национальный состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 6.

[2] См.: Народы Советского Севера (1960–1980-е годы) / отв. ред. И. С. Гурвич, З. П. Соколова. М., 1991. С. 168–169.

На фиксируемые переписями изменения численности тех или иных народов влияли изменения в этническом самоопределении, методика фиксации этнической принадлежности[3], неточности, ошибки и пр[4]. Это обстоятельство делает необходимым рассмотрение этнодемографической динамики коренных народов Югры в более широком контексте (политические решения, миграционные процессы, этническая ассимиляция).

Управленческие решения 1950–1960-х гг. и их социально-демографические последствия

Решения XXI съезда КПСС (1959 г.), направленные на интенсивное промышленное освоение территорий проживания хантов, манси и лесных ненцев, неизбежно вели к разрушению традиционного уклада жизни коренных малочисленных народов Севера, и, как следствие, — принятию череды повторяющихся государственных мер по их социальному развитию[5]. Так, постановлениями правительства и ЦК КПСС (особенно № 300 1957 г. и № 115 1980 г.) им гарантировалась серия льгот: ссуды на жилищное строительство с погашением значительной их части за счет государства, бесплатное «приданое» для новорожденных, медикаменты, содержание в детских дошкольных учреждениях и интернатах, льготы при поступлении в вузы и др. По заключениям некоторых этнографов, в результате проведенных социально-экономических преобразований, материальный уровень жизни народов Севера повысился. Для них были построены новые и реконструированы старые посёлки, коренным образом изменилось их медицинское обслуживание и, как следствие, численность этих народов стала расти[6].

Вместе с тем, в соответствии с принятым в 1957 г. постановлением «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера», началась реорганизация многих колхозов в совхозы, сопровождавшаяся ликвидацией мелких населённых пунктов и массовыми переселениями их жителей[7]. Так, жители 650 традиционных поселений в Ханты-Мансийском округе были переведены в 60 крупных посёлков численностью 500–700 чел.[8] В таких посёлках обычно сразу создавалась социальная инфраструктура, включавшая школу, интернат, детский сад, больницу, клуб. Однако переселенцы сталкивались с многочисленны-

---

[3] В источнике — «национальности».

[4] См. жесткую оценку качества учета этнической принадлежности малочисленных народов Югры в переписи 1959 г. в работе: Долгих Б. О. О положении малых народов Севера и о мероприятиях по подъему их хозяйства, культуры и улучшению быта (1960 г.) // Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1959–1962 гг. / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М., 2005. С. 155–180.

[5] Наиболее полный перечень постановлений см. Соколова З. П. Постановления Партии и Правительства о развитии хозяйства и культуры народов Крайнего Севера (юридические акты 1935–1968 гг.) // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера / отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1971. С. 66–116.

[6] Соколова З. П. Народы Севера СССР: прошлое, настоящее, будущее // Советская этнография. 1990. № 6. С. 17–32.

[7] См.: Соколова З. П. Современные этнические процессы… С. 85–105; Соколова З. П. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера / отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1971; Соколова З. П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 8–47, и др.

[8] Соколова З. П. Современные этнические процессы… С. 91.

ми проблемами на новых местах: нехваткой рабочих мест и жилья, языковыми трудностями и пр. Резкая смена образа жизни сопровождалась и психологическим дискомфортом, что не предвидели авторы идеи сселения. Так один из манси вспоминал о переселении в посёлок Ванзетур в двухэтажные дома с горячей водой и всеми удобствами:

> «*...жители, которых туда переселили, долго не прожили, потому что поселили мужчин, а над ними — женщин*[9]*. Они чувствовали себя дисгармонично, поэтому пожилые люди там долго не прожили. От дисгармонии человек увядает*»[10].

Одновременно с переселениями проводились мероприятия по переводу кочевников на оседлый образ жизни. Семьям, чьи предки веками кочевали на родовых территориях, предписывалось проживать на новых местах постоянно, а промысловая деятельность должна была осуществляться вахтовым методом. Когда мужчины — охотники и рыболовы уходили на промыслы, члены их семей оставались дома и работали в посёлке.

Рис. 5.3. Семья Н. В. Гришкиной. Ханты. Берёзовский р-н, пос. Тугияны. 1956 г.
Соколова З. П. Народы Западной Сибири: Этнографический альбом. М., 2007

В результате перевода на оседлость оленеводов, охотников и рыбаков, реорганизации и укрупнения хозяйств, ликвидации мелких селений (как постоянного, так и сезонного значения) появились и приобрели хронический характер негативные изменения в структуре занятости народов Севера. Среди них постоянно сокращалось число занятых традиционными видами деятельности и увеличивалась доля занятых неквалифицированным и низкооплачиваемым трудом: уборщиц, грузчиков, разнорабочих и т. п. Эти процессы, получившие название «люмпенизации», породили множество сопутствующих социальных

[9] Верхний этаж, как и чердак в одноэтажном доме, по представлениям манси, являлись сакральным пространством, и нахождение женщин над мужчинами нарушало этические нормы.

[10] Из интервью с Н. К. Партановым, 2010 г. // Личный архив Е. А. Пивневой.

проблем[11]. Так, в Ларьякском районе в 1957 г., сселение и перевод на оседлый образ жизни охотников и рыболовов пагубно сказывались на их основной хозяйственной деятельности, а неустроенный быт способствовал распространению туберкулёза, трахомы, ревматизма, простуд и т. п. На рыболовных промыслах нередко две-три семьи вынуждены были ютиться в ветхих чумах, рваных палатках и шалашах, спать на земле, подстилая сено или старые шкуры. Работать приходилось по пояс в холодной воде, а обсушиться и обогреться было негде. Во время зимнего промысла жить в палатках было еще тяжелее[12]. Спустя годы этнограф, имея возможность наблюдать последствия политики принудительного сселения на протяжении десятилетий, дала ей жесткую оценку:

> *«…с укрупнением хозяйств и посёлков…, серьёзно было подорвано их [хантов и манси — ред.] традиционное хозяйство, ломались тип расселения и быт … кочевого населения… была во многом утрачена и народная культура»*[13].

Миграции

Важнейшим фактором, повлиявшим на изменение системы расселения и демографические показатели коренных народов Югры, стали массовые миграции, вызванные бурным промышленным развитием региона. В период между переписями 1959–1989 гг. численность постоянного населения ХМАО увеличилась в десять раз, достигнув 1282,4 тыс. чел. (см. табл. 5.3).

Таблица 5.3

Численность и размещение населения ХМАО

Годы	Все население	В том числе		В процентах к итогу	
		городское	*сельское*	*городское*	*сельское*
1959	123 845	37 167	86 678	30,0	70,0
1970	270 820	169 960	100 860	62,8	37,2
1979	570 763	446 034	124 729	78,1	21,9
1989	1 282 396	1 166 339	116 057	90,9	9,1

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2002: Стат. сб. в 11 частях. Ч. 1. Численность населения Тюменской области. Тюмень: Тюменский областной комитет госстатистики. Т., 2004. С. 17.

---

[11] См.: Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 г. (концепция развития). М., 1989 и др.

[12] См.: Докладную записку З. П. Соколовой за 1957 г. «О положении хантов Ларьякского района Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области» // Соколова З. П. Этнограф в поле: Западная Сибирь. 1950–1980-е годы: Полевые материалы, научные отчеты и докладные записки. М., 2016. С. 188–189.

[13] Соколова З. П. Этнограф в поле… С. 188–189.

В округ приезжали представители самых разных национальностей, в переписи населения 1989 г. этнический состав ХМАО был представлен более чем 90 народами. Из них наибольшими по численности были русские, украинцы и татары (см. табл. 5.4).

Таблица 5.4

Этнический состав и численность населения ХМАО — Югры

Этнический состав	Численность населения (тыс. чел)		Удельный вес в общей численности населения	
	1979 г.	1989 г.	1979 г.	1989 г.
Все население	571	1282	100	100
Народы Севера	18	20	3,2	1,6
Ханты	11	12	1,9	0.9
Манси	6,2	6,6	1,1	0,5
Ненцы	1,0	1,1	0,2	0,1
Русские	424	850	74,3	66,3
Украинцы	45	148	8,0	11,6
Татары	37	98	6,5	7,6
Башкиры	7,5	31	1,3	2,4
Белорусы	7,6	28	1,3	2,2
Чуваши	4,7	14	0,8	1,1
Азербайджанцы	1,3	13	0,2	1,0
Молдаване	1,7	10	0,3	0,8
Немцы	3,5	8,9	0,6	0,7
Мордва	3,2	7,1	0,6	0,5
Марийцы	1,8	5,8	0,3	0,5
Удмурты	2,0	4,0	0,4	0,3
Коми	3,1	3,4	0,5	0,3

Источник: Основные показатели социально-экономического положения районов Крайнего Севера. М., 1992. С. 176.

Полиэтнический состав сложился не только в округе в целом, но и в большинстве посёлков — центров сельских советов, где значительную долю населения составляли приезжие из различных регионов страны.

Так, численность небольшого Саранпаульского сельского совета, в прошлом мансийского, к середине 1980-х гг. превысила 3 тыс. чел. за счет приезжих рабочих Сосьвинской геологоразведочной экспедиции и Полярно-уральского ленинградского объединения

«Самоцветы»[14]. В результате манси оказались в соседстве с представителями более 20 национальностей[15], составив всего 21% населения (см. табл. 5.5).

Таблица 5.5

Этнический состав населения Саранпаульского сельсовета в 1985 г.

Национальность	Число мужчин	Число женщин	Всего	% от общего числа
Манси	362	321	683	20,93
Ханты	14	22	36	1,10
Ненцы	100	85	185	5,67
Коми	561	594	1155	35,39
Русские	553	442	997	30,55
Украинцы	39	36	75	2,30
Татары	19	15	34	1,04
Белорусы	17	11	28	0,86
Другие национальности	41	32	73	2,23
Всего:	1706	1558	3266	100,0

Источник: Таблица составлена по данным похозяйственных книг Саранпаульского сельсовета за 1985 г.

В этническом составе населения округа происходило неуклонное снижение доли коренных народов, которые стали «растворяться» в потоках прибывающего населения. Так, удельный вес хантов в общей численности ХМАО составлял в 1959 г. 9,2%; в 1970 г. — 4,5%; в 1979 г. — 2%; в 1989 — всего 0,9%, т. е. каждое десятилетие этот показатель уменьшался вдвое и за 30 лет сократился почти в 10 раз. Примерно в тех же пропорциях сокращалась доля манси в общей численности населения округа: в 1959 г. — 4,6%; в 1970 г. — 2,5%; в 1979 г. — 1,1% и в 1989 — только 0,5%[16].

Ассимиляция

Многонациональный состав северных посёлков, снижение удельного веса коренного населения, однотипная структура занятости, а также ослабление под влиянием советской системы воспитания и образования традиционных установок на внутриэтнические браки способствовали росту межэтнических браков у обских угров. Исследование, проведенное среди северных (ляпинско-сосьвинских) манси, показало, что вплоть до 1950–60-х гг. они представ-

[14] Занималось добычей кварца для электронного и стекольного производства.

[15] Кроме коми, русских и украинцев на территории сельсовета числились также: татары, белорусы, чуваши, евреи, немцы, башкиры, удмурты, поляки, греки, армяне, грузины, литовцы, латыши, мордва, численность которых варьировала от 1–2 чел. до тысячи.

[16] Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 г. (концепция развития). М., 1989; Соколова З. П. Современное культурное развитие и этнические процессы у обских угров // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера / отв. ред. И. С. Гурвич. М. 1985. С. 93–120.

ляли собой довольно замкнутую в брачном отношении популяцию. В последующие десятилетия, по мере притока мигрантов — русских, украинцев, белорусов, татар и др., их этническая замкнутость стала все заметнее нарушаться, и к началу 1990-х гг. доля смешанных семей составляла у разных территориальных групп северных манси от 17 до 28% (см. табл. 5.6).

Таблица 5.6

Доля этнически смешанные семей у ляпинско-сосьвинских манси

Сельсоветы	Няксимвольский			Сосьвинский		Саранпаульский		
Годы	1946–48	1955–57	1983–85	1967–70	1983–85	1971–73	1976–79	1983–85
Моноэтнич. семьи (%)	97,1	98,9	82,8	100,0	71,6	90,0	81,9	75,8
Этнически смешанные семьи (%)	2,9	1,1	17,2	0	28,4	10,0	18,1	24,2
Всего семей	423	419	410	1182	860	946	954	866

Источник: Таблица составлена по материалам похозяйственных книг соответствующих сельсоветов.

Одним из показателей, позволяющих судить о степени вовлеченности обских угров в процессы ассимиляции, может служить увеличение в их среде потомков этнически смешанных браков. Например, в северной группе манси доля детей, родившихся в смешанных семьях в 1940–50-х гг., составляла около 5% (общее число учтенных случаев рождений — 734), в 1970-х гг. — 27% (общее число родившихся — 506), а в 1980 — начале 1990 гг. уже 44% (общее число родившихся — 89)[17]. Преобладание пришлого иноэтничного мужского населения в период интенсивного освоения минерально-сырьевых ресурсов привело к тому, что именно женщины ханты и манси вступали в браки с мужчинами иной этнической принадлежности[18].

Дети, родившиеся в межэтнических браках, зачастую относили себя к некоренным народам, что также приводило к снижению численности последних. Клеймо «пережитка» на многих традициях народов Югры снижало престижность такой этнической идентичности в среде молодежи и формировало желание дистанцироваться от традиционной культуры, влиться в доминирующее большинство русскоязычного населения. В 1960-х гг. «ассимиляционные потери» составляли около 12% естественного прироста народов Севера, а в 1970-х гг. — уже около 70%[19]. При этом результаты социологических исследований и некоторые конкретные примеры из полевой этнографической практики свидетельствовали, что дети, рожденные в смешанных браках, зачастую были более конкурентоспособны и социально активны, среди них меньше встречалось безработных, разведенных и вдовствующих, они лучше были устроены в бытовом отношении[20].

---

[17] Подсчитано по бланкам регистрации рождений за 1950–1990-е годы (Архив ЗАГС, пос. Берёзово).

[18] Особенности расселения коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: https://kmns.admhmao.ru/istoriya-i-rasselenie/

[19] См.: Богоявленский Д. Д. Вымирают ли народы Севера? // Демоскоп Weekly. № 165–166 от 16–29 августа 2004. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0165/tema01.php.

[20] Мархинин В. В., Удалова И. В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс. Новосибирск, 2002. С. 81.

Формирование городского населения

Важным фактором, определявшим этнодемографическую динамику коренных малочисленных народов Югры второй половины XX в., стало увеличение в их составе городского населения. За относительно короткий срок — чуть более 30 лет — в округе выросло 15 городов (всего к концу XX в. их насчитывалось 16)[21]. Преобладание в ХМАО городского населения над сельским впервые показала перепись 1970 г.; в 1979 г. доля горожан превышала долю сельского населения уже в 3,6 раза, а в 1989 г. — почти в 10 раз[22].

За счёт миграции представителей коренных малочисленных народов Югры в города и рабочие посёлки доля тех, кто остался в сельской местности, сократилась с 97% в 1939 г. до 65% в 1989 г.[23]

Рис. 5.4. Работники оленеводческой бригады Няксимвольского промыслово-охотничьего хозяйства. 1956 г. Из открытых источников

[21] Стась И. Н. Индустриализация Ханты-Мансийского округа как основной фактор развития городов нефтяников во второй половине XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2. С. 95–102; Стась И. Н. Урбанизация Ханты-Мансийского автономного округа в период нефтегазового освоения (1960-е — начало 1990-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014.

[22] Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество. Состояние, динамика, взаимодействие культур. Новосибирск, 1996. С. 95.

[23] Особенности расселения коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: https://kmns.admhmao.ru/istoriya-i-rasselenie/

Тенденция постоянного роста доли горожан характерна для народов Севера России в целом (см. табл. 5.7).

Таблица 5.7

Доля горожан — представителей КМНС по данным переписей населения,%

Этничность	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Народы Севера России	13,2	20,7	25,9	29,6
в том числе:				
Манси	9,7	25,8	35,3	45,6
Ханты	8,7	15,0	22,6	29,8
Ненцы (все)	8,0	13,1	14,6	17,1

Источник: *Соколова З. П., Степанов В. В.* Категория «коренные малочисленные народы Севера» и проблема статистического учета // Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции. М., 2008. С. 92.

Самыми урбанизированными из коренных народов округа являлись манси: больше 40% их представителей проживали в городских поселениях. При этом как у манси, так и у хантов среди городского населения численно преобладали женщины (см. табл. 5.8).

Таблица 5.8

Численность и расселение обских угров в РСФСР в 1989 г.

Обские угры	Всего	Муж.	Жен.	Городское	Муж.	Жен.	Сельское	Муж.	Жен.
Ханты	22283	10301	11982	6636	2855	3781	15647	7446	8201
Манси	8279	3722	4557	3779	1565	2214	4500	2157	2343
Всего	30562	14023	16539	10415	4420	5995	20147	9603	10544

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Распределение населения РСФСР по наиболее многочисленным национальностям и языку. URL: https://sovetnational.ru/netcat_files/64/86/Perepis_RSFSR_1989_g.pdf

Горожанами порой становились автоматически при преобразовании сельских населённых пунктов в городские, не меняя места жительства и образа жизни. Однако чаще в город переселялись с целью улучшить качество жизни, дать детям хорошее образование, найти интересную работу и т.п[24].

[24] Логинов В. Г., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: политико-правовой статус и социально-экономическое положение. Екатеринбург, 2009. С. 34–35.

Стратегии социальной адаптации

Советская «северная модернизация», отличаясь тотальным характером, влияла на все сферы жизни, включая систему ценностей, модели поведения, адаптационные стратегии. За сравнительно короткий исторический период произошли значительные трансформации в традиционных отраслях хозяйства. Резко изменились диапазон и структура общения, различные стороны семейно-бытовой сферы, нарушились традиционные формы социализации и т. п. Выработке механизмов социальной адаптации коренным народам Севера мешали скорость и масштабы происходящих перемен. Модернизационный стресс, ставший хроническим[25], проявлялся в структуре смертности коренных народов Югры. Так, если в традиционной модели смертности манси, сохранившейся примерно до 1960-х г., основной контингент составляли дети и старики, во второй половине XX в. среди умерших возрос удельный вес людей трудоспособного возраста. При этом большинство смертных случаев приходилось на долю мужчин (см. табл. 5.9–5.10).

Таблица 5.9

Показатели смертности у манси в 1920–1990-х гг.
(% от общего числа учтенных смертных случаев)

*Ляпинско-сосьвинские манси**							
Возрастные группы	**1920–30-х гг.**	**1940-х гг.**	**1950-х гг.**	**1960-х гг.**	**1970-х гг.**	**1980-х гг.**	**1990–93 гг.**
0–14	62,40	55,90	47,01	28,98	13,75	10,31	5,97
15–59	20,82	21,32	31,90	33,63	54,03	64,28	69,25
>60	14,03	19,20	18,71	37,39	32,22	25,07	24,78
Неизвестн. возраст	2,75	3,58	2,58	2,38	—	—	0,34
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
*Кондинские манси***							
Возрастные группы	**1920–30-х гг.**	**1940-х гг.**	**1950-х гг.**	**1960-х гг.**	**1970-х гг.**	**1980-х гг.**	**1990–93 гг.**
0–14	64,97	48,37	50,0	28,80	9,21	12,56	14,29
15–59	18,79	32,25	22,99	38,40	53,51	53,14	50,65
>60	13,09	16,89	25,29	32,80	37,28	34,30	35,06
Неизвестн. возраст	3,15	2,49	1,72	—	—	—	—
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Таблица составлена по бланкам регистрации смертных случаев за 1920–1990-е гг. Архивы ЗАГС, пос. Берёзово и Кондинское.

* Учтены смерти по Няксимвольскому, Сосьвинскому и Саранпаульскому с/с.
** Учтены смерти по Карымскому, Ягодинскому, Кондинскому, Шаимскому и Леушинскому с/с.

[25] См.: Козлов А. И., Вершубская Г. Г. Медицинская антропология коренного населения Севера России. М., 1999; Козлов А. И., Козлова М. А., Вершубская Г. Г., Шилов А. Б. Здоровье коренного населения Севера РФ: на грани веков и культур. 2-е изд. Пермь, 2013.

Таблица 5.10

Средний возраст умерших среди ляпинско-сосьвинских манси

Годы	Мужчины		Женщины		Всего	
	число	Ср. возраст умерших	число	Ср. возраст умерших	число	Ср. возраст умерших
Сосьвинский сельский совет						
1940-е	93	33,37	108	29,05	201	31,04
1950-е	41	31,05	49	43,67	90	37,92
1960-е	32	44,38	41	54,73	73	50,19
1970-е	45	37,49	71	59,48	116	50,95
1980-е	57	33,84	64	52,58	121	43,75
Саранпаульский сельский совет						
1940-е	38	22,18	47	25,70	85	24,13
1950-е	26	33,73	30	28,50	56	30,93
1960-е	41	43,54	46	57,76	87	51,06
1970-е	48	38,23	59	57,47	107	48,84
1980-е	61	39,62	52	57,65	113	47,92
Няксимвольский сельский совет						
1940-е	22	30,95	18	35,44	40	32,98
1950-е	24	16,79	24	32,63	48	24,71
1960-е	18	45,78	19	43,74	37	44,73
1970-е	45	45,09	45	54,84	90	49,97
1980-е	24	37,83	13	58,54	37	45,11

Источник: Бланки регистрации смертных случаев за 1920–1990-х гг. из Архива ЗАГС пос. Берёзово.

В общей структуре смертности коренных народов Югры, как и в целом по Северу России, увеличилось число смертей от т. н. «внешних» причин[26], обострилась проблема алкоголизма, особенно в 1970-х гг. Все это можно рассматривать как показатель социальной дезадаптации северян[27].

[26] Несчастные случаи, травмы, убийства и самоубийства и др.

[27] См., например, Богоявленский Д. Д., Пика А. И. и Терентьева Л. Ю. Динамика насильственной смертности народов Севера как индикатор их социальной дезадаптации // Этика Севера: экспертный потенциал. Тюмень. Изд. Президиума Научного Центра СО АН СССР. 1991; Богоявленский Д. Д., Иванова Т. Д., Пика А. И. Здоровье и смертность коренного населения Севера (некоторые результаты социологического исследования) // Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни. М., 1992; Пивнева Е. А. Заболеваемость и смертность как индикаторы здоровья коренных народов Севера (по материалам Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа) // Этнодемографический сборник. Народы Севера России. М., 2000 и др.

Высокая смертность коренного населения долгое время компенсировалась относительно высокой рождаемостью, благодаря которой естественный прирост у народов Севера был положительным и даже превосходил средние значения этого показателя по ХМАО (См. табл. 5.11, 5.12).

Таблица 5.11

Рождаемость, смертность и естественный прирост коренных народов Севера России (1989 г.)

Этническая принадлежность	Всего, чел.			На 1000 чел. населения,		
	родившихся	*умерших*	*естественный прирост*	*родившихся*	*умерших*	*естественный прирост*
Всего по р-нам проживания народов Севера	29857	11106	18751	17,7	6,6	11,1
из них народы Севера	4473	1464	3009	31,9	10,4	21,5
в том числе:						
Ханты	602	195	407	35,7	11,6	24,1
Манси	162	47	115	36,0	10,5	25,5
Ненцы	1085	245	840	35,8	8,1	27,7

Источник: Основные показатели социально-экономического положения районов Крайнего Севера. Государственный комитет Российской Федерации по статистике. М., 1992. С. 153–154.

Таблица 5.12

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения ХМАО в 1970–90-х гг.

Годы	Всего, чел.			На 1000 чел. населения,		
	родившихся	*умерших*	*естественный прирост*	*родившихся*	*умерших*	*естественный прирост*
1970 г.	5959	2025	3934	21,3	7,2	14,1
1975 г.	9450	2572	6878	22,6	6,1	16,5
1980 г.	13901	4116	9785	21,4	6,3	15,1
1985 г.	25130	4863	20267	24,3	4,7	19,6
1990 г.	21812	5354	16458	16,7	4,1	12,6

Источник: Росстат РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b03_13/isswww.exe/stg/d010/i010700r.htm

В числе серьёзнейших социальных трудностей, с которыми столкнулись коренные народы Югры во второй половине XX в., была и проблема воспитания детей в отрыве от семьи, в интернатах, что приводило к ослаблению межпоколенных и семейных связей, отходу молодежи от традиционных занятий и т. п. Выдающийся писатель и общественный деятель Еремей Данилович Айпин (1948 г. р.) так оценивал свое пребывание в интернате в 1950–1960-х гг.:

> «*Когда меня первый раз забирали в интернат, я буквально рыдал. Мы жили в юртах на берегу Агана, до ближайшего посёлка Варьёган от нас было километров шестьдесят. Я не представлял, как смогу до зимы прожить без матери, отца и крестного. Говорить на родном языке нам в интернате не разрешали. Если у кого хоть слово невзначай вырывалось хантыйское, ребенка ставили в угол. Оленя мы видели только на картинках. Когда на каникулы я возвращался в наши юрты, то целую неделю вспоминал, как правильно ставить снасти. Кому от такой учебы польза была?*»[28].

Прикладные этнографические исследования, проводившиеся в 1950–80-х гг., предоставляли руководству страны сведения о положении, сложившемся в северных регионах страны, в том числе в Ханты-Мансийском автономном округе[29].

Рис. 5.5. З. П. Соколова (слева) с хантами. Берёзовский р-н, с. Полноват, р. Обь. 1969 г.
Соколова З. П. Народы Западной Сибири: Этнографический альбом. М., 2007

Однако мнения этнографов о недостатках национальной политики не попадали в открытую печать из-за идеологических установок и цензуры. Развитие гласности в период перестройки позволило учёным и представителям народов Югры в полный голос заявить о многих негативных явлениях в жизни коренных северян, о которых ранее упоминалось лишь в закрытых научных разработках, и начать борьбу за изменение ситуации.

---

[28] Огрызко В. В. Опыт для других. Заметки о прозе Еремея Айпина // Айпин Е. Д. У гаснущего очага: Повесть в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера. Екатеринбург, 1998. С. 240–241.

[29] См.: Соколова З. П. Этнограф в поле...

Глава 2

Языковая ситуация

Сложность социолингвистической ситуации связана, с одной стороны, с тем, что ханты и манси представлены очень разными по языку и культуре группами, что позволяет ряду учёных говорить о нескольких близкородственных хантыйских и мансийских языках. С другой стороны, ханты и ненцы расселены на территории также и других регионов, в каждом из которых складываются свои соотношения между представленными на их территории языками. Так, в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре численность хантов от общего количества народности составляет примерно две трети, здесь проживают казымские, среднеобские, сургутские, ваховские ханты, это бóльшая часть коренных народов Севера в ХМАО, но при этом некоторые группы хантов в округе (например, среднеобские) стремительно утрачивают родной язык, а южные ханты считаются исчезнувшими, тогда как на Ямале шурышкарские и приуральские ханты, численность которых относительно невелика по сравнению с ненцами, сохраняют родной язык существенно лучше.

Состав языков коренных малочисленных народов Севера на территории Ханты-Мансийского округа — Югры и их социолингвистический статус

В обновленном списке языков народов РФ, опубликованном на сайте Института языкознания РАН, на основе лексикостатистических методов предлагается выделять хантыйскую и мансийскую группы обско-угорских языков, каждая из которых представлена несколькими самостоятельными языками[30].

Хантыйская группа включает четыре языка: севернохантыйский (или западнохантыйский, к которому относятся казымский и среднеобской диалекты на территории ХМАО и шурышкарский и приуральский диалекты на территории ЯНАО), два восточнохантыйских (или кантыкских) языка — сургутский и вах-васюганский, а также вымерший не позднее середины XX в. хандэйский (или южнохантыйский) язык. Несмотря на то, что до сих

[30] URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Ob-Ugric.shtml

пор в научной литературе об этих идиомах[31] говорят как о диалектах единого хантыйского языка, еще в 1955 г. А. Н. Баландин выделял пять близкородственных хантыйских языков, представляя как самостоятельные ваховский и васюганский языки[32]. О необходимости создания отдельных письменных традиций для каждого из указанных идиомов писал также Н. И. Терешкин[33].

Лексикостатистические данные подтверждают, что есть все основания считать эти четыре идиома разными языками. Сравнение наиболее устойчивой части словарного состава и установление общности их происхождения показывает следующий процент совпадений: в среднем северные / восточные — 79%, южные / северные — 86%, восточные / южные — 87%, сургутский / ваховско-васюганский — 87%. Взаимопонимание между отдельными языками отсутствует[34]. В силу значительных расхождений единый литературный язык создать невозможно, поэтому письменность развивается относительно самостоятельно и по собственным правилам, часто не соотносимым между собой, на четырех идиомах: двух севернохантыйских (казымском и шурышкарском), сургутском и ваховском[35]. Самоназвания народов восходят к одному и тому же корню, но заметно различаются фонетически: *хӑнтыı* (северохантыйское), *хандэ* (южнохантыйское) и *қӑнтәх* (восточнохантыйское).

Несмотря на то, что ханты и манси в целом считают себя едиными народами, представители каждой группы отчетливо противопоставляют себя другим, а указывая национальность в ответах на анкету переписи населения, обычно уточняют, к какой группе принадлежат. В переписи 1959 г. приведены самоназвания ханты и манси, которые учитывались при отнесении опрошенных к соответствующим народностям: ханти, хантэ, хантых, остяки обские, остяки угорские, обские угры с родным языком хантыйским, остяки, асьех (букв.: обские люди), казымех (букв.: казымские люди); маньси, меньдьси, моаньсь, асмахум, хонтанг-махум, вогулы, сосвинские остяки, ляпинские остяки, остяки с родным языком мансийским, обские угры с родным языком мансийским.

Для мансийского языка традиционно выделяют северную, южную, восточную и западную диалектные группы (наречия), из которых в настоящее время сохранилась только северомансийская, хотя и она находится под угрозой исчезновения. В конце 1960-х гг. исчез

---

[31] Термин «идиом» используется в спорных случаях, когда критерии разграничения «языков», «наречий», «диалектов», «говоров», «социолектов», «идиолектов» и др. не очевидны или не имеют общепринятого определения.

[32] Баландин А. Н. О языках и диалектах ханты // В помощь учителю школ Крайнего Севера. Вып. 5. Л., 1955; Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А. Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск, Ижевск, 2016; Федотова И. В. Диалектное членение хантыйского языка по данным базисной лексики: новые источники // XVII Традиционные чтения памяти С. А. Старостина. М., 2022.

[33] Терешкин Н. И. Очередные вопросы развития литературного языка ханты // Совещание по языкам народов Севера. Тезисы докладов. М.; Л., 1952. С. 41–43.

[34] Comrie B. The languages of the Soviet Union. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981. P. 7; Janhunen J.; Salminen T. Unesco Red Book On Endangered Languages: Northeast Asia. 2000 URL: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/nasia_index.html; Кошкарева Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013. № 3 (14). С. 50; Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А. Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск, Ижевск, 2016.

[35] См. подробнее в: Кошкарева Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013. № 3(14). С. 52–72.

(заснул) южномансийский диалект, в 2018 г. умер последний носитель среднемансийского языка. Лексикостатистика показывает, что южномансийский и среднемансийский можно считать отдельными языками (в среднем 85% лексических совпадений). В ряде работ отмечается отсутствие взаимопонимания между носителями этих идиомов. Письменности данные идиомы не имели[36].

На территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры представлен еще один язык коренного малочисленного народа Севера — лесной ненецкий (или нешанский). На нем говорят лесные ненцы, проживающие в районе д. Нумто Белоярского района ХМАО и с. Варьёган Нижневартовского района ХМАО. По лексикостатистическим данным и на основе отсутствия взаимопонимания между тундровыми и лесными ненцами этот язык в последнее время принято считать отдельным, самостоятельным языком, а не диалектом ненецкого языка наряду с тундровым диалектом. Процент лексических совпадений между тундровыми и лесными идиомами составляет в среднем 88,4%. На различия между ними обращала внимание еще Н. М. Терещенко[37], хотя признание самостоятельного статуса этот язык получил совсем недавно благодаря исследованиям последних лет[38].

Лесной ненецкий язык на территории ХМАО находится под сильным влиянием разных диалектов хантыйского языка: казымского (одного из западнохантыйских идиомов) в районе д. Нумто и сургутского (одного из восточнохантыйских идиомов) в районе с. Варьёган, что обеспечивает значительные различия между этими идиомами, но объединяет их между собой благодаря заметному воздействию со стороны хантыйского языка: угорские черты обнаруживаются в лексических, грамматических и фонетических заимствованиях. При этом идиомы лесного ненецкого языка в ХМАО заметно отличаются от пуровского идиома в ЯНАО, который входит в самодийский ареал вместе с тундровым ненецким, энецким и селькупским языками и поэтому характеризуется большим количеством собственно самодийских черт.

Социолингвистическая ситуация с ненецким языком на территории ХМАО существенным образом отличается от ситуации на территории ЯНАО: лесной ненецкий язык находится под мощным влиянием хантыйского, тогда как в ЯНАО, наоборот, в северных хантыйских идиомах отчетливо прослеживается ненецкое влияние. Доминантный характер хантыйского и ненецкого языков различается в северном и южном ареале их распространения: в северном ареале доминирует ненецкий, в южном — хантыйский. Это приводит к заметным различиям в языковой ситуации на разных территориях распространения языков коренных народов Севера.

Таким образом, в описываемый период количество мансийских и хантыйских идиомов сократилось: приблизительно в середине XX в. исчезли южнохантыйский, южномансийский и среднемансийский идиомы. К моменту своего исчезновения они не были задокументированы в достаточной степени, а их лингвистический статус был еще не до конца ясен.

---

[36] URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Ob-Ugric.shtml.

[37] Терещенко Н. М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л., 1956.

[38] URL: http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Ob-Ugric.shtml.

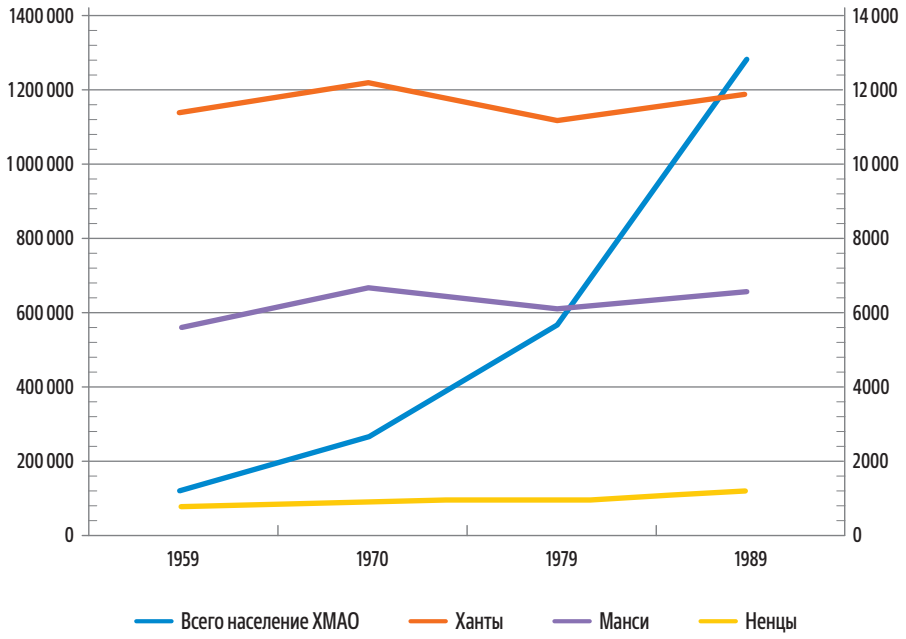
Количество носителей языков коренных малочисленных народов Севера на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

В период с 1953 по 1991 гг. языковая ситуация на территории нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа — Югры существенно изменилась под воздействием нескольких факторов: экономического, демографического, образовательного и др.

Прежде всего это обусловлено взрывообразным ростом численности населения округа, связанным с промышленным освоением Севера: коренное население в процентном отношении стало составлять ничтожное меньшинство по сравнению с мигрантами (см. график 5.1).

График 5.1

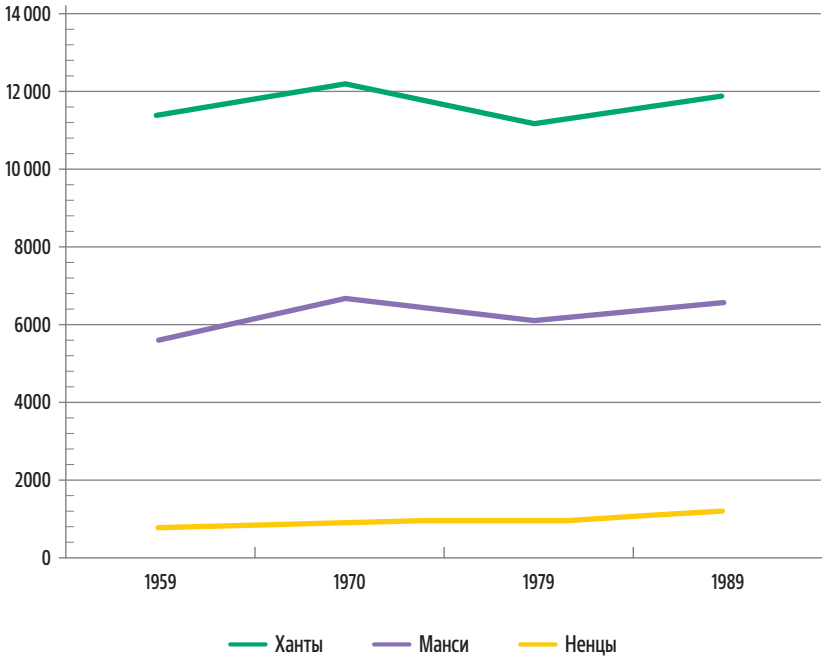
Численный состав народностей на территории ХМАО по данным переписей



За данный период было проведено четыре переписи населения: 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., которые показывают относительно стабильное количество числа коренных жителей (см. график 5.2) при некотором снижении хантыйского этноса, что может быть обусловлено метисацией населения: дети от смешанных браков записывались русскими (ср. позднее с введением определенных льгот для коренного населения возобладала тенденция записывать детей представителями коренных народностей, что в 90-х гг. XX в. привело к росту количества представителей коренных этносов).

График 5.2

Динамика численности коренных малочисленных народностей на территории ХМАО по данным переписей



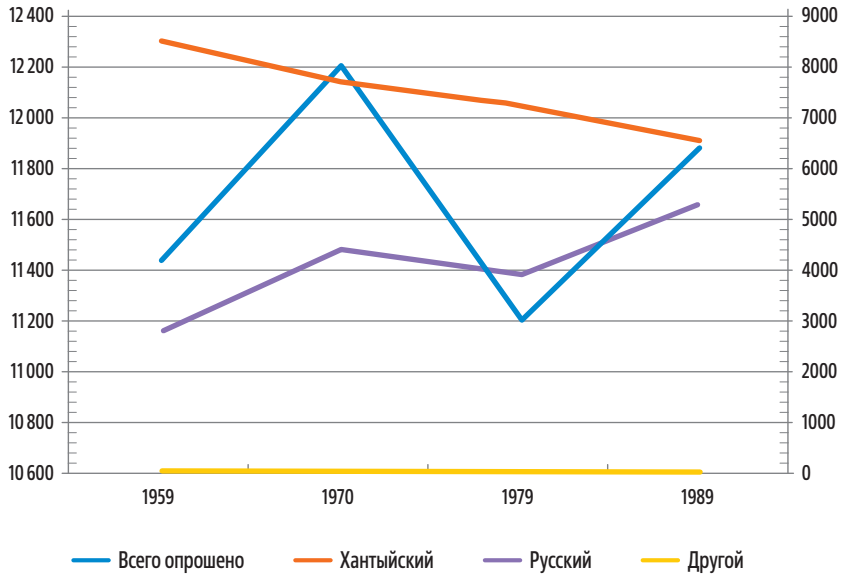
Сост. по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 302; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М., 1973. С. 123; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том IV. Национальный состав населения СССР. Часть I. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и автономных округов по национальности и языку. Книга 1. Статистический сборник. М., 1989. С. 366; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 578.

При этом статистика показывает неуклонное сокращение говорящих на родном языке и считающих хантыйский, мансийский или ненецкий языки своими родными языками (см. графики 5.3, 5.4, 5.5, а также табл. 5.13, 5.14, 5.15).

В переписи 1959 г. языки, которыми представители коренных народов Севера на территории ХМАО владеют как вторыми, не дифференцируются и указываются в рубрике «Другие языки». Начиная с переписи 1970 г. для жителей ХМАО отмечается владение как вторыми хантыйским и мансийским языками, а также другими языками народов СССР. Но в графиках и таблицах мы суммируем все эти языки в одной графе «Другие», указывая при необходимости в комментариях, какими именно языками владеют представители той или иной национальности.

График 5.3

Распределение населения ХМАО по языку (ханты)



Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, 1963: 302; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том IV, 1973: 123; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том IV. Часть I. Книга 1, 1989: 366; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 1990. С. 578.

Таблица 5.13

Динамика изменения численности ханты, считающих родным языком хантыйский, русский или язык другой национальности (в % от общей численности населения)

Перепись	Число лиц данной национальности %	Из них считают родным языком язык своей национальности %	Из них считают родным языком русский	Из них считают родным язык другой национальности
1959 г.	11435 / **100**	8543 / **74,6**	2867 / **25**	25 /**0,2**
1970 г.	12222 / **100**	7723 / **63,2**	4456 / **46,5**	43 / **0,4**
1979 г.	11219 / **100**	7266 / **64,8**	3935 / **35,1**	18 / **0,2**
1989 г.	11892 / **100**	6555 / **55,1**	5313 / **44,7**	24 / **0,2**

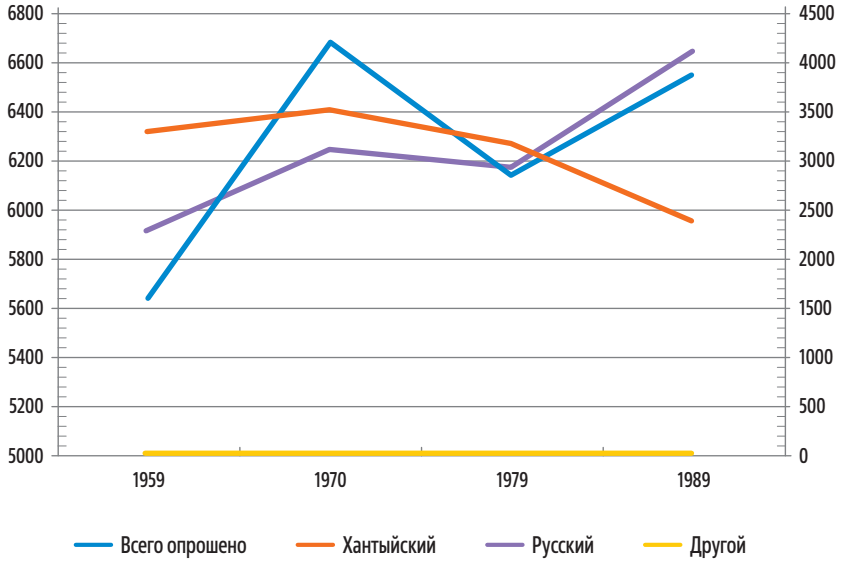
Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, 1963: 302; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том IV, 1973: 123; Итоги Всесоюзной переписи населения

1979 года. Том IV. Часть I. Книга 1, 1989: 366; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 1990. С. 578.

Данные переписи показывают, что количество людей, считающих хантыйский язык родным, сократилось с 74,6% в 1959 г. до 55,1% в 1989 г., т. е. приблизительно на 20%. При этом сокращение на 10% происходило в периоды с 1959 г. по 1970 г., затем в 70-е — 80-х гг. наблюдалась относительно стабильная ситуация, следующее снижение на 10% произошло к 1989 г. При этом примерно на те же 20% возросло количество людей, считающих родным русский язык: с 25% в 1959 г. до 44,7% в 1989 г. Владение другими языками на протяжении всего периода сохранялось приблизительно одинаковым на уровне 0,2% (с отдельным всплеском в 1970 г.), что свидетельствует о невысоком уровне владения хантами языками соседей.

График 5.4

Распределение населения ХМАО по языку (манси)



Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, 1963: 302; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том IV, 1973: 123; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том IV. Часть I. Книга 1, 1989: 366; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 1990. С. 578.

Мансийский язык по сравнению с хантыйским характеризуется как имеющий более низкий уровень витальности, однако ситуация мансийско-русского двуязычия была достаточно стабильной и находилась на уровне более 50% с 1959 по 1979 гг., и только к 1989 г. количество человек, которые сочли родным мансийский язык, снизилось приблизительно на 20%, как и для хантыйского языка. После периода относительной стабильности снижение к 1989 г. стало более резким и по сравнению с предыдущим периодом составило 15%.

Таблица 5.14

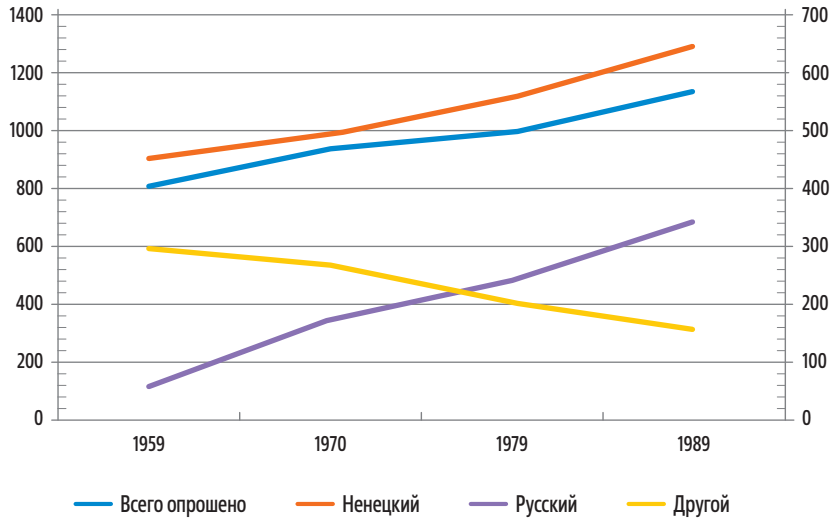
Динамика изменения численности манси, считающих родным языком мансийский, русский или язык другой национальности (в % от общей численности населения)

Перепись	Число лиц данной национальности %	Из них считают родным языком язык своей национальности	Из них считают родным языком русский	Из них считают родным язык другой национальности
1959 г.	5644 / **100**	3325 / **58,9**	2309 / **40,9**	10 / **0,2**
1970 г.	6684 / **100**	3542 / **53**	3128 / **46,8**	14 / **0,2**
1979 г.	6156 / **100**	3193 / **51,9**	2947 / **47,8**	16 / **0,3**
1989 г.	6562 / **100**	2399 / **36,6**	4143 / **63,1**	20 / **0,3**

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, 1963: 302; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том IV, 1973: 123; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том IV. Часть I. Книга 1, 1989: 366; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 1990. С. 578.

График 5.5

Распределение населения ХМАО (ненцы)



Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, 1963: 302; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том IV, 1973: 123; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том IV. Часть I. Книга 1, 1989: 366; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 1990. С. 578.

Таблица 5.15

Динамика численности лесных ненцев, считающих родным языком ненецкий, русский или язык другой национальности (в % от общей численности населения)

Перепись	Число лиц данной национальности, человек	Из них считают родным языком язык своей национальности	Из них считают родным языком русский	Из них считают родным язык другой национальности
1959 г.	815 / **100**	455 / **55,8**	60 / **7,4**	300 / **36,8**
1970 г.	940 / **100**	495 / **52,6**	175 / **18,6**	270 / **28,7**
1979 г.	1003 / **100**	559 / **55,7**	242 / **24,1**	202 / **20,1**
1989 г.	1144 / **100**	647 / **56,5**	342 / **29,9**	155 / **13,5**

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, 1963: 302; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том IV, 1973: 123; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том IV. Часть I. Книга 1, 1989: 366; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 1990. С. 578.

Ситуация с ненецким языком отличается от ситуации с хантыйским и мансийским. Прежде всего обращает на себя внимание стабильный показатель числа представителей данной народности, считающих родным язык своей народности, который находится на уровне около 55%. При этом количество считающих родным русский язык увеличилось примерно на те же 20%, что и для хантыйского и мансийского языков, но это увеличение произошло не за счет владеющих родным языком, а за счет сокращения количества людей, владеющих другими языками, которое уменьшилось с 36,8% до 13,5%. По сравнению с ханты и манси, для которых процент владеющих другими языками коренных народов ХМАО составляет всего 0,2–0,3%, ненцы в значительной части являются многоязычными. Это связано с тем, что на территории ХМАО они представляют меньшинство, проживают в тесном контакте с нумтовскими и аганскими ханты, вступают в брачные отношения с представителями этих этносов, ведут совместную хозяйственную деятельность.

В переписи 1970 г. зафиксировано, что 24 ненца считают родным хантыйский язык, 9 — мансийский, 237 — другие языки, которые, к сожалению, не расшифрованы. С этими данными коррелируют и значения, указывающие на свободное владение другими языками народов СССР в качестве второго языка: 30 респондентов в качестве второго языка указали язык своей национальности, 507 — русский, 47 — хантыйский, 7 — мансийский, 27 — языки других народов (см. график 5.8, ср. с графика 5.6 и 5.7).

Таким образом, в течение периода, который отражается в переписях, основной тенденцией является увеличение количества владеющих русским языком как вторым и оценивающих его как родной для всех трех этносов на территории ХМАО. При этом у хантов и манси этот процесс произошел в ущерб языку собственной национальности, тогда как у ненцев — за счет второго языка, которым они массово владели в середине XX в. У всех народов «прирост» владеющих русским языком составил около 20%.

Показательной является и цифра, общая для ненцев и манси, которая отражает относительно стабильное количество лиц, считающих родным язык собственной национальности — порядка 50% (для ненцев чуть больше) на протяжении всего данного периода. Воз-

можно, для малочисленных этносов, являющихся многоязычными в силу экономических причин и тесных ареальных контактов, большее значение имеет стабильность показателя, а не его абсолютная величина.

График 5.6

Распределение населения ХМАО по владению вторым языком (ханты)

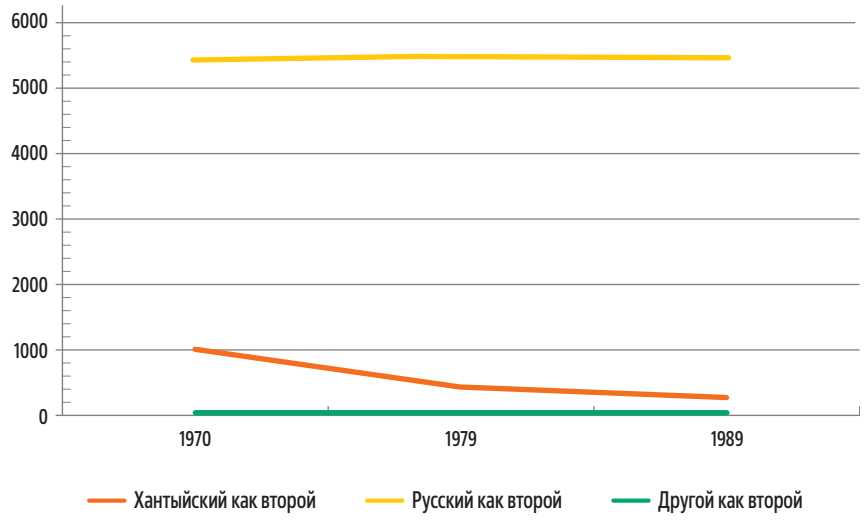


График 5.7

Распределение населения ХМАО по владению вторым языком (манси)

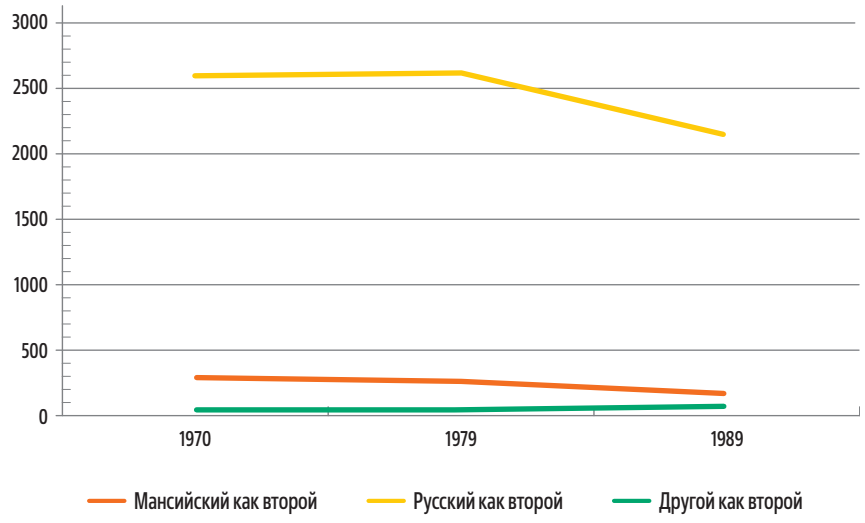
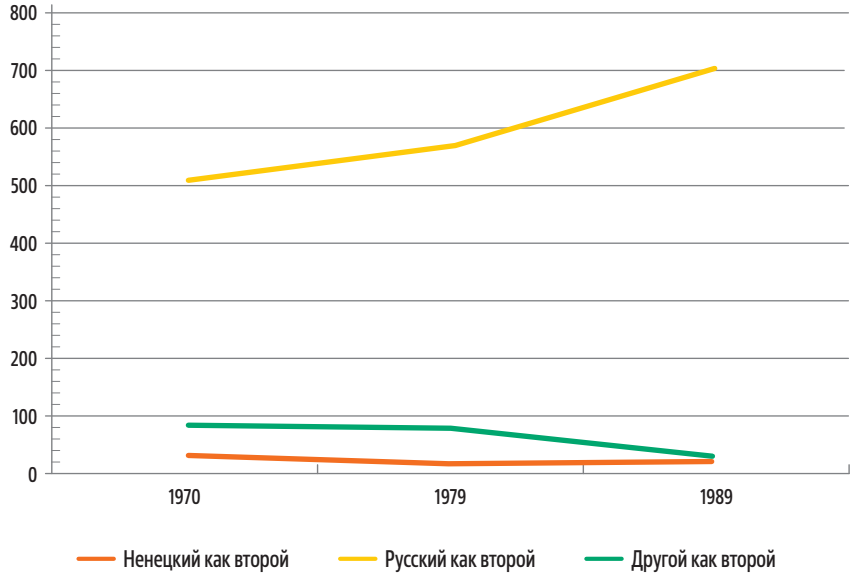


График 5.8

Распределение населения ХМАО по владению вторым языком (ненцы)



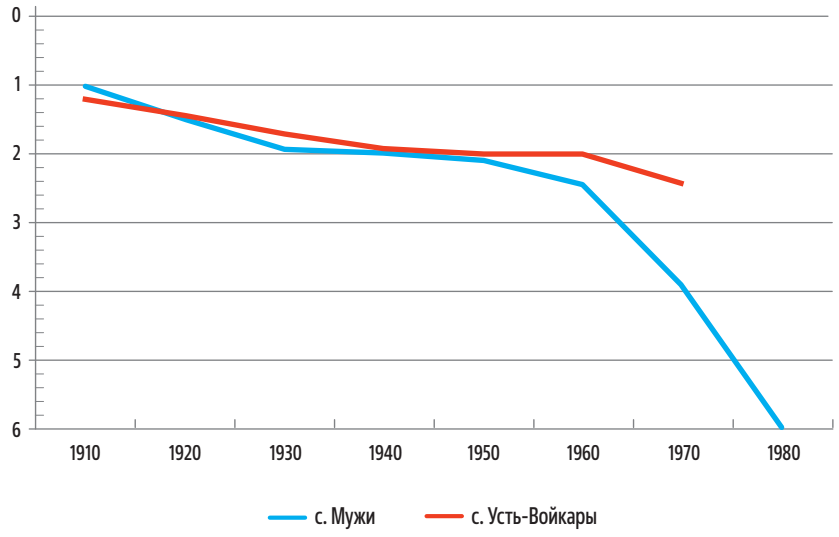
С середины XX в. на территории округа появилось большое количество новых поселений с разнородным составом жителей. Количество моноэтнических поселений, в которых поддерживалось традиционное ведение хозяйства, резко сократилось, вместе с этим сократились сферы использования родных языков. Одной из самых важных сфер, в которой сохраняются родные языки, является традиционная хозяйственная деятельность — оленеводство, рыболовство, охота, они стали вытесняться новыми экономическими отношениями, которые сопровождаются общением по-русски. Сокращение сферы традиционного хозяйствования привело к сокращению сфер использования родных языков и их угасанию.

Результаты этого процесса отразились на уровне владения родным языком в поселениях разных типов (см. график 5.9 и 5.10), на которых отображены данные, полученные в ходе социолингвистического обследования нескольких посёлков на территории ХМАО и ЯНАО в 1989 и 1990 гг.[39] Цифры от 1 до 6 показывают уровень владения родным языком: 1 — максимальный, 6 — минимальный. В небольших поселениях с моноэтническим хантыйским населением уровень владения родным языком на момент проведения исследования сохранялся относительно стабильно, в крупных посёлках со смешанным населением он резко падает (ср. данные для д. Мужи, где ханты составляли 15% от общей численности населения и уровень владения родным языком у молодого поколения снижается до минимума, и д. Усть-Войкары с чисто хантыйским населением, где уровень владения родным языком у молодого поколения снижается незначительно). Эти результаты можно экстраполировать и на ситуацию в ХМАО.

[39] Skribnik E., Koshkaryova N. Khanty and Mansi: the contemporary linguistic situation // Shamanism and Northern Ecology. Mouton de Gruyter. Berlin — NewYork, 1996. P. 207–217.

График 5.9

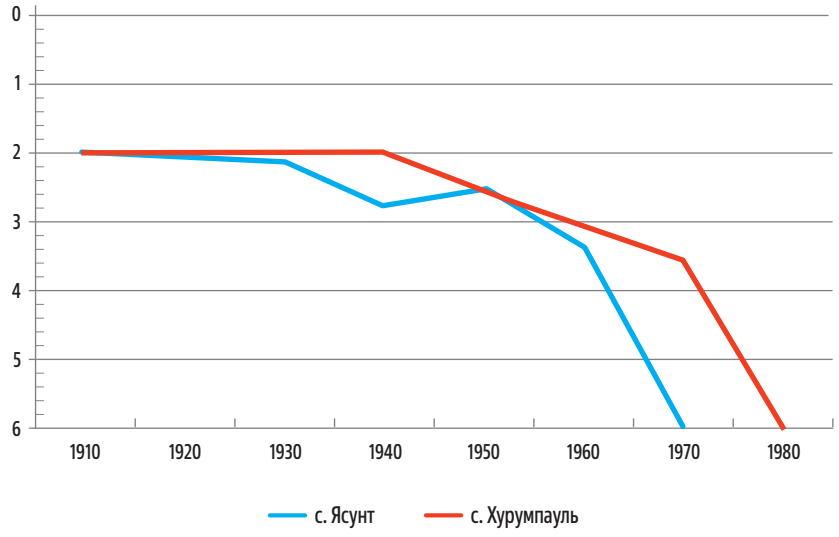
Уровень владения родным хантыйским языком в с. Мужи и Усть-Войкары



Для мансийского языка процесс сокращения количества носителей, свободно владевших родным языком, не зависел от типа посёлка. Проведенное в то же время обследование таких небольших национальных посёлков, как Ясунт и Хурумпауль, показали снижение количества говорящих на родном языке (см. график 5.10).

График 5.10

Уровень владения родным мансийским языком в с. Ясунт и Хурумпауль



Эти процессы были обусловлены расширением сфер общения на русском языке — в школе, магазине, больнице, в поселковой администрации и т. д. В тех посёлках, где врачи, библиотекари, работники клуба, представители местной администрации владели родным языком и поддерживали на нем общение, снижение уровня владения родным языком проявлялось не столь остро. Более выраженным в этот период стало различие в степени владения родным языком в среде городского и сельского населения.

Влияние школьного образования на уровень владения родными языками

Наиболее мощным фактором, повлиявшим на степень владения родным языком, стало повышение уровня грамотности коренного населения, которое произошло в результате введения обязательного всеобщего среднего образования. В 1958 г. был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», на основе которого вместо всеобщего семилетнего образования было введено всеобщее восьмилетнее образование, повсеместно внедренное к 1962 г.

С середины 1950-х гг. обучение детей в школе стало обязательным. Если до этого времени получение среднего образования зависело от желания и возможностей родителей и имело национальную специфику, то к концу 1950-х гг. образование для представителей всех народов СССР стало идентичным, велось по одним и тем же программам. Родной язык либо перестал изучаться вообще, либо оставался как предмет в начальных классах.

Дети кочевников, обучавшиеся в интернатах, вынуждены были переходить на русский язык как единственный язык обучения. Начиная с 1940-х гг. политика государства была направлена на обеспечение равных возможностей в получении среднего образования для всех без исключения народов СССР. Результатом этого процесса стала практически моментальная, в пределах одного-двух поколений смена языка общения: поколение, родившееся в 1950-х гг. и прошедшее школу в 1960–1970-х гг., перешло на русский язык как основной язык обучения, который во многом ассоциировался с престижем получения профессии, возможностью социального роста, городским образом жизни.

Только в 1980-х гг. сохранению традиционных культур как части мирового культурного наследия стало уделяться больше внимания, возобновилось преподавание родных языков, вновь стали публиковаться буквари и школьные учебники[40].

Если в предшествовавший период в рамках политики «коренизации» обучение в школе осуществлялось на родном языке учеников, активно разрабатывались письменности для ранее бесписьменных языков, издавалась художественная, публицистическая, оригинальная и переводная литература, то со второй половины 1950-х гг. в сфере школьного образования возобладала политика русификации, и родные языки в ряде случаев могли оказаться под запретом. Поскольку первые учителя были русскоязычными и не знали родных языков своих учеников, стимулировалось общение на русском языке, порой довольно агрессивными методами.

---

[40] См. подробнее: Кошкарева Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013. № 3 (14). С. 52–72.

С 1948 г. в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена на факультете коренных народов Севера началась подготовка учителей из числа северян. Выпускники, пришедшие в школы в последующие десятилетия, лучше понимали потребности учеников и их проблемы, поскольку они сами прошли интернат и были знакомы с трудностями, которые возникали у детей в быту и в учебе.

Начиная со второй половины 1960-х гг. число учителей — представителей коренных народов начало расти, это изменило к лучшему ситуацию, в которой прежде подавляющее большинство учащихся принадлежало к одному языку и культуре, а учителя — к другой. Постепенно у русскоязычных учителей накопился опыт взаимодействия с представителями других культур, что способствовало в конечном итоге учету национальной специфики в процессе обучения. Таким образом, в течение рассматриваемого периода в системе школьного образования господствовала система, предполагавшая овладение русским языком как языком межнационального общения, языком культуры и образования. Сформировалась национальная интеллигенция, для которой билингвизм был нормой: усвоив в детстве родной язык, в школе они приобретали русский, что обеспечивало равновесное соотношение между языками.

Рис. 5.6. Хантыйский язык: Учеб. для 2-го кл. (На яз. казым. ханты) / А. М. Сенгепов, Е. А. Немысова. Л., 1984

Рис. 5.7. Хантыйский язык: Учеб. и кн. для чтения для 2-го кл. (казым. диалект) / Г. И. Лазарев, Н. М. Аксарина, А. М. Сенгепов. Л., 1988

Развитие письменности на языках коренных народов ХМАО

Большая роль в сохранении родных языков и стабилизации их норм принадлежит письменности. Когда в 1930-х гг. была проведена беспрецедентная в мировой истории работа по созданию письменностей для всех коренных малочисленных народов Севера, учёные еще не обладали знаниями о реальной языковой ситуации на местах, об особенностях и разнообразии идиомов, поэтому при создании литературных норм разработчики вольно или невольно ориентировались на ситуацию с русским языком, в котором литературный язык существует как наддиалектная форма и поддерживается многовековой письменной традицией. Однако такая ситуация является скорее уникальной, чем типичной. Тем не менее для многих языков выбирался только один диалект, на основе которого разрабатывались письменные нормы. В зависимости от того, насколько удачным был выбор диалектной основы для письменного языка, литературные нормы приживались и развивались, как это произошло с мансийским языком, или, как в ситуации с хантыйским, устойчивая письменная традиция так и не сложилась.

Первоначально хантыйская письменность была разработана для казымского диалекта на основе Единого северного алфавита на латинице с последовательным соблюдением фонематического принципа: каждая буква обозначала фонему хантыйского языка и каждая фонема обозначалась отдельной буквой, количество букв и фонем соответствовало друг другу. В алфавите были предусмотрены специальные знаки для обозначения долгих и кратких гласных, гласного неполного образования, серии среднеязычных согласных — все эти звуки составляют специфику хантыйского языка.

Однако в 1940–50-х гг. в качестве центрального был выдвинут среднеобской диалект в силу своего географического положения между севернохантыйскими, южнохантыйскими и восточнохантыйскими идиомами. Выбор «срединного» в географическом отношении диалекта, занимающего к тому же территорию, примыкающую к столице округа, казался логически обоснованным. Однако с исчезновением южнохантыйских идиомов, с интенсивным промышленным освоением тех территорий, на которых проживали среднеобские ханты, с резким сокращением количества носителей данного диалекта разрыв между севернохантыйскими и восточнохантыйскими идиомами только углубился.

На одном из совещаний по вопросам развития хантыйской письменности учителя, работавшие по казымским учебникам в восточнохантыйских школах, жаловались на то, что ученики их не понимают. При этом с заменой казымских учебников на среднеобские ситуация не изменилась к лучшему, так как среднеобской диалект столь же далек от сургутского и вахвасюганского, как и казымский. Учителя упрекали преподавателей педучилища в том, что им не рассказывали о междиалектных расхождениях[41], но упреки эти были безосновательными, так как о различиях между разными хантыйскими идиомами к тому времени было известно очень мало, так что сложившаяся ситуация была следствием объективного состояния слабой изученности хантыйского языка на тот момент.

Одновременно с переходом на среднеобский диалект как основу литературного языка произошла смена принципа орфографии: вместо фонематического, максимально точно отражавшего особенности звукового строя хантыйского языка, стал применяться слоговой принцип, механически заимствованный из русского языка и не соответствующий фонетическим законам хантыйского языка.

При обучении чтению и письму одновременно на русском и хантыйском языках учителя стремились к экономии усилий, считая, что общие принципы графики и орфографии облегчат детям процесс обучения грамоте. Однако новая письменность не содержала дополнительных и диакритических знаков, отражающих специфические хантыйские звуки. Попытка сблизить фиксацию на письме языки с принципиально различающимися фонетическими системами привела к тому, что смысл хантыйского текста надо было угадывать, разграничивая большое количество искусственно созданных омографов.

С конца 1940-х гг. и до конца 1950-х гг. на среднеобском диалекте было издано большое количество учебной и художественной литературы, публиковавшейся огромными тиражами — от одной до восьми тысяч экземпляров. Это значит, что потенциально в каждой хантыйской семье могло быть несколько художественных книг на хантыйском языке, не считая

[41] См. подробнее: Кошкарева Н. Б. Из истории разработки хантыйской письменности: среднеобской диалект как основа литературного языка (40–50-х гг. XX в.) // Родной язык. 2022. № 2. С. 164–184.

учебников. Переводческая деятельность в указанный период развивалась очень активно, что должно было привести к формированию литературного языка и письменных норм, однако неверно выбранная диалектная основа не дала желаемого результата. Немаловажной причиной того, что литературный язык на основе среднеобского диалекта не прижился, является отсутствие специальных знаков для обозначения звуков хантыйского языка, что затрудняло восприятие текста.

На Совещании по языкам народов Севера в 1952 г. Н. И. Терешкин предложил создавать письменность не на одном, а на нескольких диалектах хантыйского языка, учитывая при этом реальную потребность в письменности на родном языке для каждой территориальной группы ханты. Так, он считал целесообразным для западной диалектной группы создавать письменность на казымском диалекте, так как среднеобские ханты в достаточной степени владеют русским языком и для них обучение в школе с первого класса надо начинать только на русском языке[42]. Было принято решение издавать учебники и учебные пособия на двух западных диалектах (казымском и шурышкарском) и двух восточных (сургутском и ваховском). В 1950-х гг. были выпущены буквари на казымском, шурышкарском, ваховском и сургутском диалектах хантыйского языка.

Ю. Н. Русская, выступая в дискуссии о проблемах графики и орфографии, говорила: «Наши издания на хантийских языках мы разделили на четыре группы, поскольку четыре группы ханты не понимают друг друга — это разные языки одной семьи»[43].

Однако в 1960-х гг. этот процесс прервался, преподавание родного языка в школе прекратилось. Издание учебной литературы возобновилось только в 1970-х гг. на казымском диалекте. Для передачи хантыйских слов был введен всего один специальный знак. Это делало печатный текст очень условным, лишь отдаленно напоминающим реальную хантыйскую речь. Использование таких учебников в школе не облегчало, а, наоборот, затрудняло изучение родного языка, вызывало резкое неприятие не только учеников, но и их учителей.

Новые попытки усовершенствовать хантыйский алфавит начали предприниматься в 1980-х гг., когда стало очевидно, что использование в школе учебников, в которых нет дополнительных знаков, невозможно. В 1990 г. комиссия под руководством Е. А. Немысовой предложила усовершенствованный алфавит хантыйского языка для всех диалектов, который был утвержден исполкомом окружного Совета народных депутатов Ханты-Мансийского округа Тюменской области (решение окрисполкома № 73 от 25 апреля 1990 г.). В усовершенствованном алфавите для казымского диалекта насчитывалось 33 (34) буквы для обозначения 26 хантыйских фонем, т. е. баланс между буквами и фонемами был нарушен, при этом некоторые фонемы не имели собственного обозначения, другие обозначались несколькими разными способами; использовался слоговой принцип русской графики, что сделало предложенный вариант письменности громоздким и непоследовательным. Ни в одном из опубликованных источников этот вариант письменности так и не был реализован в полном виде: каждый автор вносил в него собственные коррективы, возможно, еще и потому, что орфографические правила, которые регулировали бы выбор той или иной буквы для обозначения того или иного звука, так и не были разработаны.

---

[42] Терешкин Н. И. Очередные вопросы развития литературного языка ханты // Совещание по языкам народов Севера. Тезисы докладов. М.; Л., 1952. С. 42–43.

[43] Русская Ю. Н. Самоучитель хантыйского языка. Л., 1961. С. 124.

Таким образом, письменность хантыйского языка претерпела несколько революционных изменений на протяжении 1950–1990-х гг.: неоднократно происходила смена диалектной базы для создания литературного языка, кардинальным образом менялись принципы графики и орфографии, каждое поколение детей обучалось в школе по-новому (или не обучалось родному языку вовсе), преемственности традиций не сложилось.

Для мансийского языка ситуация оказалась более стабильной. Принятые в 1950-х гг. нормы правописания поддерживаются до сих пор. В мансийской письменности сохраняется слоговой принцип русской орфографии, не в полной мере отражающий фонетические особенности мансийского языка, но неизменность традиции в данной ситуации оказывается важнее, чем точность и логичность написания.

Лесной ненецкий язык на протяжении описываемого периода как отдельный язык не выделялся, поэтому письменность для него не создавалась, обучение в школе не велось. И до настоящего времени для преподавания лесного ненецкого языка используются учебники на языке тундровых ненцев, которые воспринимаются детьми как учебники иностранного языка. Лишь в самые последние годы началась разработка букварей, учебников для начальных классов и школьных словарей на языке лесных ненцев.

Немаловажным фактором развития письменности является использование языков коренных народов в средствах массовой информации. С 1957 г. в ХМАО выходила газета на хантыйском языке «Ленин пант хуват» («По ленинскому пути»), в ней публиковались также отдельные заметки и на мансийском языке. С 1991 г. газета получила новое название — «Ханты ясанг» («Хантыйское слово»). В 1989 г. стала выходить отдельная газета на мансийском языке «Луима сэрипос» («Северная заря»)[44]. Регулярное радиовещание на хантыйском языке на радио «Югория» началось в 1964 г.

Таким образом, социолингвистическая ситуация на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в период с начала 1950-х гг. по 1990-х гг. претерпела несколько кардинальных изменений, связанных с бурным развитием округа и политикой государства по отношению к родным языкам. Повышение роли русского языка в повседневной жизни коренного населения, русификация образования привели к сокращению числа представителей коренных народов, считавших родным язык своей национальности. Доля тех, кто считал родным языком русский, повысилась в среднем на 20% у каждого из народов. Возможно, совпадение этого показателя у хантов, манси и ненцев соотносится с естественной убылью населения, при которой старшие поколения, не владевшие русским языком, постепенно уходили из жизни.

Языковая политика данного периода не учитывала различий в социолингвистическом статусе языков в регионе, активность межязыковых контактов, типичных для одних этносов и малохарактерных для других, а также и другие немаловажные факторы. Несмотря на активную государственную поддержку среднеобского диалекта как претендента на основу для развития литературного языка, самую заметную роль в округе стал играть казымский диалект, представители которого составили костяк национальной интеллигенции. Резкие изменения в школьном образовании не обеспечили стабильности литературных норм, которые могли бы послужить мощным фактором сохранения языков.

---

[44] Подробнее об истории окружных газет на хантыйском и мансийском языках см. на сайте сетевого издания «Ханты Манси Мир». URL: https://khanty-yasang.ru/pages/o-nas/67.

Глава 3

Изменения в хозяйстве и культуре

Хозяйственная деятельность коренных народов Югры

В 1950-х гг. на Обском Севере начался очередной этап социалистического строительства, характеризовавшийся усиленной и ускоренной индустриализацией, организационно-хозяйственным укрупнением колхозов, технической реконструкцией традиционных отраслей хозяйства. В качестве перспективного направления развития предлагалось укрупнение (объединение) колхозов и их огосударствление (преобразование в совхозы и госхозяйства). Так, если по р. Казым в начале 1950-х гг. существовало 16 колхозов (почти в каждом хантыйском селении), то в результате слияния в 1958 г. образовалось три с центральными усадьбами в сс. Ванзеват, Полноват и Казым[45]. По р. Большой Юган колхозы им. Сталина в Угуте, им. Ворошилова в Киняминых юртах, им. 1 мая на Каюковском участке, им. Рознина на Тауровском участке, им. Кирова на Тайлаковском участке объединили в одно предприятие — совхоз Юганский[46]. Укрупнения и реорганизации колхозов в совхозы продолжались в 1960–1970-х гг. (см. табл 5.16)

Таблица 5.16

Коллективные хозяйства в Ханты-Мансийском округе

Колхозы и совхозы	1960 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Число всех колхозов,	89	12	12	12	11
в том числе рыболовецкие	62	12	12	12	11
Число совхозов	1	17	17	18	19
Всего	90	29	29	30	30

Источник: Экономика и культура районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера за 1940–1985 гг. 11 том (автономные округа, города и районы автономных республик, краев и областей). М., 1986 (ДСП, экз. № 121). С. 13.

---

[45] Касум-ёх: материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. Шадринск, 1993. С. 68–70.

[46] Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб., 2019. С. 213.

Вновь создаваемым предприятиям предписывалось развивать комплексное хозяйство, причем ставка делалась на развитие молочного животноводства, земледелия, звероводства, лесозаготовок. Тем не менее, традиционные отрасли хозяйства — рыболовство, охота, оленеводство по-прежнему занимали ведущие позиции в занятиях и трудоустройстве коренных народов округа.

Рыболовство в период 1950-х — 1980-х гг. играло главную роль в системе жизнеобеспечения хантов и манси. Оно велось традиционными способами с использованием неводов, сетей, гимг, котцов, запоров в зависимости от сезонов и мест промысла. З. П. Соколова, побывавшая в экспедиции на р. Вах в 1957 г., свидетельствовала, что «рыболовство там было развито очень широко, по всему течению реки… На Вахе и его притоках Сабун, Колекъеган было много рыболовных угодий — песков, на которых неводили, маленьких речек и проток, которые перегораживали запорами, ставили на них сети»[47]. На рыболовных угодьях рыбаки вместе с семьями проводили большую часть времени. Рыбачили для себя и для Нижневартовского рыбозавода[48].

В 1950-х гг. были организованы крупные специализированные рыбодобывающие предприятия — рыбозаводы, рыбокомбинаты, рыболовецкие колхозы и совхозы. Они были оснащены катерами, моторными лодками, грузовыми плоскодонными плашкоутами. Рыбный промысел превратился в технически оснащенное производство. Рыбаки, среди которых большинство относилось к коренным народам, через предприятия снабжались бензином, спецодеждой, рыболовными снастями. Профессия рыбака считалась престижной и высокооплачиваемой вплоть до кризиса рубежа 1980–1990-х гг. Однако уже в конце 1960-х — начале 1970-х гг. проявилась основная проблема традиционного рыболовства коренного населения — сокращение рыбных запасов. Причинами были ухудшение экологии в Обь-Иртышском речном бассейне в связи с начавшимся нефтегазовым освоением Тюменского Севера, а также браконьерство, масштабы которого выросли в связи с притоком в регион пришлого населения. Кроме того, рост транспортных тарифов сделал невыгодным промысловый лов рыбы в глубинных таежных водоемах, в котором было занято исключительно коренное население. Наиболее продуктивные рыболовные места получали бригады гослова, где работали преимущественно приезжие[49]. Помимо этого, проблемы в рыболовстве стали проявляться в нехватке рыболовных снастей, горюче-смазочных материалов, лодок, моторов, плашкоутов.

Охотничьим промыслом занимались коопзверопромхозы, промысловые охотничьи хозяйства (ПОХи), а также рыболовецкие и оленеводческие колхозы. Добывали преимущественно белку, соболя, ондатру, лисицу, колонка, горностая, в меньшей степени — куницу, песца, выдру. Начиная с 1950-х гг. государственные заготовки пушнины имели тенденцию к снижению. Причинами были вырубка лесов, лесные пожары, браконьерство, а также недостаточное снабжение инвентарем, малая материальная заинтересованность в сдаче пушнины государству из-за низких закупочных цен[50].

---

[47] Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М., 2009. С. 123.

[48] Соколова З. П. Ханты и манси… С. 124.

[49] Неотрадиционализм на Российском Севере: этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика. Под ред. А. И. Пики и Б. Б. Прохорова. М., 1994. С. 107–108.

[50] Неотрадиционализм на Российском Севере… С. 104.

Рис. 5.8. Зимняя рыбалка. Ханты-Мансийский округ. 1960-е гг. Из открытых источников

Рис. 5.9. День оленевода. Ханты-Мансийский округ. 1960-е гг. Из открытых источников

В охоте сохранялось много традиционных для обских угров и лесных ненцев черт. На промысловые угодья охотники выезжали по-прежнему поздней осенью и оставались до конца зимы. В качестве транспортного средства наряду с оленьими упряжками, активно использовались снегоходы «Буран», предоставляемые государством.

Охотничьи угодья распределялись согласно традиции — по родовым территориям. В тайге у промысловиков имелись стационарные избы. Охотились преимущественно в одиночку, используя самодельные лыжи, подбитые оленьим или лосиным камусом. Добывали зверя с помощью ружей, капканов. Боеприпасы получали через ПОХ или отделения колхозов (совхозов). Охота для собственного потребления велась с использованием традиционных орудий промысла: боровую дичь добывали с помощью слопцов, черканов, на лосей использовали петли.

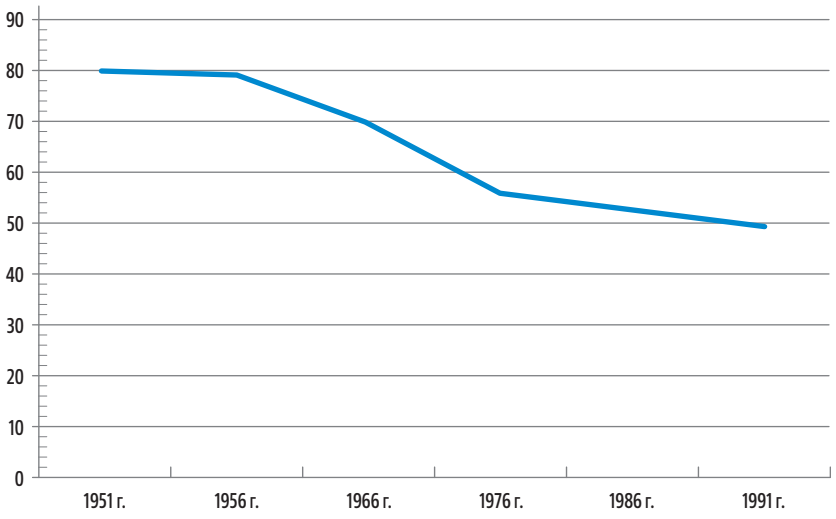
Оленеводством занималась четверть колхозов и совхозов ХМАО, большинство их находилось в Берёзовском районе (в бассейнах рек Казым, Ляпин, Северная Сосьва). Это была единственная отрасль хозяйства, в которой трудоустроены были только представители коренных малочисленных народов Севера. В бассейне Казыма и Ляпина с середины 1960-х гг. система колхозно-совхозного оленеводства начала перестраиваться с таежной (мелкостадной) на тундровую (крупностадную). В колхозе «Казымский» организовали 13 оленьих стад (по 900–1300 голов), между которыми распределили зимние, летние, осенне-весенние пастбища, определили маршруты кочевий. Стада обслуживали 5–6 пастухов, 1–2 помощника (ученика) и 5–6 чум-работниц. Для окарауливания оленей использовались оленегонные собаки. На вольном выпасе олени проводили только август и сентябрь[51].

В верховьях р. Казым, по рр. Аган, Тромъеган, Большой и Малый Юган сохранялось личное (по сути частное) оленеводство. Ненецкие и хантыйские семьи держали по нескольку десятков оленей (от 50–70 до 200–300 на хозяйство). В отличие от колхозно-совхозного, система выпаса оставалась традиционной, таежной: олени в летний период находились на вольном выпасе с использованием загородей и дымокуров, в зимний период на животных надевали колодки для ограничения подвижности. Оленеводство удовлетворяло преимущественно транспортные потребности, а также пищевые и бытовые, в том числе обрядово-культовые. Стоит отметить, что оленеводы в 1950–1980-х гг. были высоко оплачиваемой категорией населения, а владельцы домашних стад оленей имели большой престиж среди населения.

С начала 1960-х гг. в ХМАО началось сокращение поголовья оленей, как в общественных, так и личных стадах (см. график 5.11).

График 5.11

Численность поголовья оленей в Ханты-Мансийском автономном округе (в тыс.)



[51] Касум-ёх... С. 74.

Таким образом, за 40 лет число домашних оленей сократилось на 40%. В оленеводстве округа еще с конца 1950-х гг. ощущалась нехватка оленеводческих кадров[52]. Их дефицит со временем усугублялся, поскольку интернатская система образования «разрывала» передачу требуемых знаний и навыков молодому поколению от дедов и родителей. На сокращение занятости представителей коренных народов в традиционных отраслях хозяйства определенное влияние оказало обучение в школах-интернатах и введение всеобщего среднего образования. На протяжении 8–10 лет дети большую часть времени проводили вне семей, теряли навыки и интерес к занятиям оленеводством, охотой, рыболовством. Да и среднее образование не находило применения в этих сферах. Отрицательно сказалась на развитии оленеводства и установка на переход от «бытового кочевания» к «производственному». Специальные оленеводческие бригады из 5–8 оленеводов должны были посменно работать в стадах, а их семьи жить в посёлках.

В оленеводческой отрасли существовали и другие сложности: колхозы и совхозы стремились к увеличению маточного поголовья в стадах, беспокоясь о плановых «выходах телят на 100 январских маток» и выполнении госпоставок. При этом образ жизни и интересы оленеводов, которые нуждались в транспортных оленях для работы в упряжках, оленях для проведения ритуалов и изготовления одежды и обуви и т. п. в расчет не принимались.

Вместе с тем, расценки на закупку мяса оленей были достаточно высокими, оленеводческие хозяйства получали существенную финансовую поддержку и были обеспечены техникой и топливом. Бригады в работе повсеместно использовали вездеходы, мотонарты, радиостанции и т. д. При необходимости оленеводам и их семьям предоставлялась помощь в перевозке грузов с использованием вертолетов.

Звероводство. В послевоенный период на территории проживания коренных народов ХМАО стали организовывать зверофермы, число которых быстро росло. Они создавались при колхозах, совхозах и промыслово-охотничьих хозяйствах. В основном выращивали серебристо-черных лисиц, а также голубых песцов. Звероводство развивалось в основном из соображений «обеспечения занятости народов Севера». В этом секторе северного хозяйства была занята ничтожно малая часть коренного населения, в основном женщины. В некоторых колхозах и совхозах звероводство приносило существенные доходы. Так, по сведениям З. П. Соколовой за 1957 г., в колхозе им. Микояна оно давало 40,3% всех доходов, в колхозе им. Сталина — 43% (Ларьякский район ХМАО)[53]. Однако большинство ферм были убыточными, поскольку требовали больших затрат из-за высокой доли транспортных расходов. Негативной стороной устройства звероферм стало загрязнение северных посёлков, в которых не было канализации и вывоза хозяйственных отходов.

Северным колхозам и совхозам предписывалось развивать *земледелие и животноводство*. Выращивание овощных культур, прежде всего картофеля, в северных и восточных районах округа было новым видом хозяйственной деятельности для коренных народов, не соответствующим их этнической традиции. Далеко на Север шагнуло и выращивание зерновых, которыми засевали поля даже по Северной Сосьве и Ляпину. Распашка земли на территории расселения коренных народов Югры противоречила их мировоззрению и сакральным установкам, согласно которым нельзя «ковырять» землю, иначе могут разгневаться духи Нижне-

[52] Соколова З. П. О положении хантов Ларьякского района Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы / под ред. З. П. Соколовой и Е. А. Пивневой. М., 2004. С. 211.

[53] Соколова З. П. О положении хантов … С. 205.

го мира и наслать болезни и смерть. Поэтому некоторое время на колхозно-совхозных полях работали без желания и с опасениями. Позже земледельческий труд стал более привычным. В 1990-х гг. представители старшего поколения с ностальгией вспоминали 1950–1970-х гг. По словам многих информантов в то время «у всех была работа в колхозах и совхозах», «поля пахали и засевали хлебом, картофелем, держали много скотины».

Важным направлением в хозяйственной деятельности колхозов и совхозов было мясомолочное животноводство. Как и в случае с земледелием, сначала у представителей коренных народов не было стремления заниматься этим видом хозяйства, не хватало соответствующих навыков. Позже работа на животноводческих фермах стала восприниматься как обычная. В то же время большинство представителей хантов, манси, ненцев молоко в пищу не употребляли, поскольку молочные продукты не входили в их пищевую традицию. Молоко поставляли в школы, детские сады, часть отправляли в близлежащие города и посёлки.

Хотя сельскохозяйственное производство в Северном Приобье развивалось повсеместно, существенные доходы оно давало лишь колхозам и совхозам, расположенным по берегам Оби и низовьям притоков, поскольку в верховьях рек земельные угодья больше подходили для занятий охотой, оленеводством. На это обстоятельство обращали внимание этнографы, по мнению которых на Севере не стоило увлекаться посевами овса, кукурузы, разведением мясомолочного скота[54].

Многие жители посёлков, в том числе имеющих статус национальных, были заняты в других секторах экономки, к сожалению, чаще всего, на малопрестижных и низкооплачиваемых должностях (разнорабочие, уборщицы, сторожа). Некоторые из них вели асоциальный образ жизни, чем вызывали осуждение со стороны населения, переселившегося на территорию ХМАО в связи с развитием нефтегазового комплекса. Исключением были представители сельской интеллигенции — учителя и врачи, а также работники администраций поселений. В целом уже в начале 1970-х гг. в характере занятости коренного и «приезжего» населения северных посёлков существенной разницы не существовало. Последующее активное промышленное освоение многократно осложнило и обострило ситуацию[55].

Быт и культура коренных народов

Процессы преобразования предприятий в 1950–1960-х гг. на Обском Севере были направлены на то, чтобы трудоустроить всех работоспособных и ликвидировать традицию выезжать на промыслы всей семьей[56], повысить комфортность проживания. Мероприятия по сселению не сразу давали результаты. Так, по данным З. П. Соколовой, многие хантыйские семьи по р. Вах в 1957 г. проживали на местах промыслов в чумах, шалашах и палатках, а дома, построенные в посёлках, пустовали. Встречались и такие семейства, которые совсем не жили в закрепленных за ними домах, предпочитая круглогодично оставаться на угодьях, поскольку все время или рыбачили, или охотились[57]. Тем не менее, к 1980-м гг. многие традиционные поселения были ликвидированы как «бесперспективные», большинство представителей

[54] Соколова З. П. О положении хантов ... С. 209.

[55] Карлов В. В. Народы Северо-Восточной Евразии в XIX и XX вв. М., 2010. С. 409.

[56] Соколова З. П. О положении хантов... С. 212.

[57] Соколова З. П. О положении хантов... С. 213.

коренных народов Югры стали жителями крупных посёлков. Типовые дома, однако, часто оказывались холодными, располагались далеко от реки, что требовало ежедневных затрат на доставку воды, поскольку водопровод и канализации отсутствовали. Помимо этого, жизнь на Севере требовала наличия хозяйственных помещений (кладовых, сараев), которые жители возводили сами. На новых местах недоступными становились многие родовые угодья, промысел на которых традиционно играл существенную роль в экономике домохозяйств народов Севера. Поэтому рыбаки и охотники большую часть времени проводили на угодьях, т. е. «не дома». Кроме того, сселение нарушило традиционную систему расселения лесных ненцев, хантов и манси по локальным и родственным группам.

Некоторые семьи хантов, манси, лесных ненцев противились реорганизации и оставались на местах прежнего расселения, поскольку не хотели отказываться от традиционных занятий рыболовством, охотой, оленеводством. По сведениям З. П. Соколовой, полученных в 1988–1989 гг., в окрестностях укрупненного посёлка Варьеган по р. Аган проживали 24 семьи хантов и лесных ненцев, занимавшихся охотничьим промыслом; по рр. Большой и Малый Юган сохранялись 35 традиционных поселений, в которых проживало от 1–4 до 10–25 семей хантов. Традиционный тип расселения сохранялся в бассейне Ваха[58].

В местах, где ханты и манси занимались преимущественно рыболовством, сохранялись сезонные летние (реже весенние и осенние) поселения, на которых сооружались традиционные типы построек. По обским притокам сохранялись традиционные виды жилища — срубные избы, каркасно-столбовые конструкции с двускатными и односкатными крышами, чумы, шатровые и пирамидальные полуземлянки. В крупных селениях по Оби, Иртышу, низовьям притоков преобладали стандартные типовые жилые постройки (так называемые «колхозные» или «совхозные» дома). Практически в каждой семье для передвижения по рекам имелись покупные лодки типа «Казанка», «Обь», «Прогресс» с моторами «Вихрь» или «Ветерок». Для рыбалки многие коренные жители использовали традиционные лодки-калданки и обласа. Во время зимней охоты передвигались на традиционных лыжах (подволоках и голицах), нарты служили для перевозки грузов.

В «национальных» посёлках и небольших селениях сохранялось ношение традиционной одежды, преимущественно женщинами, которую шили сами. В связи с этим в сельских магазинах большим спросом пользовались ткани (ситец, сатин, сукно). Особенно ценились цветные однотонные, которые шли на пошив платьев и распашной сезонной одежды — халатов. Наблюдалось и такое явление, как украшение покупной одежды традиционным аппликативным или мозаичным орнаментом, вышивкой и дефицитным бисером, который заказывали в Тюмени и даже в Москве. Мужчины, по сравнению с женщинами, раньше перешли на покупную одежду. Обувь, изготовленная из оленьих шкур и замши (ровдуги), постепенно вытеснялась покупной. Широкое распространение в сельской местности получили резиновые сапоги, которые заменили летнюю обувь из ровдуги. К концу 1980-х гг. «национальная» одежда бытовала как праздничный вариант, в качестве повседневной ее можно было увидеть только на пожилых женщинах.

Берестяные изделия (туеса, коробочки, табакерки и пр.), мешки и сумочки из оленьего меха, шкатулки из кедрового корня, кожаные пояса, игольницы, кисеты, бисерные украшения и пр. предметы утвари широко использовались в повседневном быту в сельской местности, а в городах выполняли функции сувениров.

---

[58] Соколова З. П. Ханты и манси… С. 153.

Устойчивыми среди коренного населения региона были пищевые предпочтения: ведущее место в ежедневном и праздничном рационе принадлежало рыбным блюдам, мясу оленей и дичи. Популярность сохраняли строганина, рыбная варка, сыроедение, вместо чая часто заваривали березовую чагу. В питании коренных народов появилось много новых покупных продуктов (особенно мучных и сладких), возросло употребление овощей и фруктов. В целом этническая специфика в жилище, домашней утвари, одежде, пище все больше вытеснялась промышленно произведенными покупными товарами и продуктами. Во внедрении новшеств большую роль сыграла система школ-интернатов, в которых детей кормили без учета этнической специфики. Некоторые ханты и манси стали употреблять в пищу грибы, которые раньше считались «оленьей едой».

Аналогичные тенденции прослеживались и в области культуры. Обряды жизненного цикла подверглись значительной трансформации в силу того, что роды вне больницы были исключительными случаями, а в свадебный ритуал проникло множество общесоветских черт и атрибутов — торжественная регистрация брака в сельском совете или ЗАГСе, белое платье невесты с фатой, покупной темный костюм для жениха и т. п. В большей степени сохранялся традиционный погребальный обряд, включая устройство надмогильных сооружений. Праздничный календарь обских угров также трансформировался по пути слияния с общесоветскими праздниками. Так, праздник поклонения обско-угорскому водному божеству ***Вит хону*** совместился с Днем рыбака. Профессиональный праздник, призванный символизировать идентичность рыбаков, стал в атеистической стране восприниматься коренным населением как подчеркивающий их «самость», поскольку большая их часть была занята именно в этой отрасли. Празднование начиналось с проведения торжественного собрания, на котором руководители колхоза (совхоза, рыбозавода) озвучивали плановые показатели, вручали награды передовикам производства. После проведения праздничного концерта начиналась неформальная часть, включавшая развлекательные мероприятия — конкурсы, спортивные соревнования. Отдавая дань традиции в этот день, обязательно совершали ритуалы угощения духов воды и жертвоприношения.

Таким образом, к концу 1980-х гг. образ жизни коренных народов округа сильно изменился и мало чем отличался от образа жизни численно доминировавшего русскоязычного населения. Ушли в прошлое колорит и привлекательность традиционных селений, жилищ, одежды, обрядов. Общественным мнением эти процессы оценивались как положительные. Вытеснение национальных «пережитков» считалось обязательным условием в деле формирования человека социалистического мировоззрения. Внедрение общесоветских стандартов жизни не только сглаживало этническую специфику, но и в определенной степени способствовало консолидации этнотерриториальных групп обских угров, поскольку локальная культурно-языковая специфика долгое время была своего рода барьером между ними. На культурно-бытовые изменения большое влияние оказывало межэтническое общение, которое стало фактически нормой в городах, посёлках, центральных усадьбах колхозов и совхозов. На процессах этнического нивелирования сказывались и смешанные браки.

Государственная языковая политика предполагала переход на русский язык как язык межнационального общения. В результате школьной реформы 1958 г. в смешанных по национальному составу селениях ХМАО билингвизм стал заменяться русскоязычием. На родных языках говорили только в семейно-родственном кругу. Характерной чертой поведения было то, что в присутствии русских старались не говорить на родном языке. Незнание русского языка становилось поводом для насмешек, тот, кто говорил по-русски не очень хорошо, считался необразованным. Данный ментальный концепт долго сохранялся в сознании.

Коренные народы Югры в годы перестройки

В 1986–1988 гг., с началом перестройки в СССР, развернулась дискуссия о положении коренных народов Севера. Общественность узнала о «больших проблемах малых народов»: развале традиционных отраслей хозяйства, упадке колхозов и совхозов, ухудшении состояния окружающей среды в местах их проживания, падении благосостояния и люмпенизации жителей посёлков. В ходе обсуждения этих актуальных вопросов активно проявили себя лидеры из числа представителей коренных народов ХМАО. Они оказались в первых рядах борцов за демократию, права народов, а вскоре смогли продемонстрировать восприимчивость к западным ценностям и высокую адаптивность к рыночным отношениям[59]. В какой-то степени этнолидеры находились в оппозиции государству, что отвечало целям осознания общности интересов коренными народами и мобилизации этничности.

Первой темой, громко зазвучавшей в период перестройки, была экологическая. «...После того как "интересы Севера" стали обсуждаться в прессе, а со временем и в представительных органах, "экология" превратилась в метафору колоссального — воистину изначального — зла бесконтрольной государственной власти»[60]. Нарастающая добыча нефти и газа на территории округа нарушала экологический баланс: вырубался лес, реки загрязнялись отходами нефтяной промышленности (особую обеспокоенность вызывало сильное загрязнение основной река региона — Оби), учащались лесные пожары. Все это создавало серьёзную угрозу хозяйственной деятельности коренных народов, поскольку в ходе промышленного освоения происходило отторжение ягельников, охотничьих и рыболовных угодий, кедровников, ягодников. Общественные активисты и этнографы забили тревогу[61]. В ХМАО было погублено 28 нерестовых рек, 17,7 тыс. га нерестилищ и нагульных участков, отчуждено свыше 500 тыс. га лесов и пастбищ; с 1965 г. площадь рыбопромысловых водоемов сократилась в 25 раз, их количество — в 5 раз[62]. К 1988 г. было изъято и выведено из строя более 30% охотничьих угодий; из-за вырубки сосновых боров в Кондинском и Ханты-Мансийском районах в четыре раза сократилось поголовье дикого северного оленя; в Берёзовском районе нарушено восемь маршрутов каслания оленей[63].

Огромный урон природе наносили аварии на объектах нефте- и газодобычи. В 1986 г. только по Нижневартовскому району произошло 17 аварий с общим выходом около 2,5 тыс. т нефти в водоемы. За 1987 г. в Сургутском районе произошло 12 аварий, из них 8 с попаданием нефти в водоемы[64].

Подобные случаи породили среди коренного населения стремление уйти как можно дальше в тайгу от промышленных объектов. Хантыйский писатель Еремей Айпин заметил в связи с этим, что все больше северян «бегают от буровых, трасс нефтепроводов, от зимников и бетонок»[65]. Ненецкий поэт Юрий Кылевич Вэлла в стихотворении «Облако в неф-

---

[59] Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы... С. 241.

[60] Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 415.

[61] См.: Соколова З. П. Перестройка и судьбы малочисленных народов Севера // История СССР. 1990. № 1. С. 158.

[62] Соколова З. П. Перестройка и судьбы малочисленных народов Севера... С. 159.

[63] Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. С. 114.

[64] Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. С. 114.

[65] Айпин Е. Д. Не нефтью единой // Московские новости. 1989. 8 января.

ти» написал о том, что традиционный мир (лодка, сети, рыба, олень, чум, вода, лес) оказался пропитанным нефтью.

В 1990 г. возглавляемые им ненцы и ханты с реки Аган провели акцию протеста в связи с тем, что нефтяники планировали проложить кратчайшую дорогу через с. Варьёган к своим месторождениям. В начале 1990-х гг. пикеты были формой протеста коренных жителей против давления нефтегазового комплекса и бездействия властей. Первый из них был организован кондинскими манси. В 1990 г. Вахрушевы, члены общины «Карым», поставили на границе своих угодий огромную ловушку-слопец и заблокировали мост. Таким способом им удалось остановить продвижение на свои родовые земли химлесхоза[66].

В перестроечные годы существенно ухудшилось экономическое положение коренных народов округа. Оскудение окружающей среды и отчуждение земель, на которых велось традиционное хозяйство КМНС, привело к резкому сокращению общественного и личного поголовья оленей. За годы промышленного освоения территории ХМАО снизился удельный вес рыбной отрасли и абсолютный объём ее продукции: в 1980-х гг. снижение уловов составило 30% от добычи рыбы в 1950–1960-х гг. По таким районам, как Нижневартовский и Сургутский, в 1980-х гг. уловы сократились почти в два раза. В целях выживания рыбопромышленные предприятия пошли на сокращение числа отдаленных рыбоучастков, на которых были заняты преимущественно представители малочисленных народов Севера. Так, прекратили свое существование Сосьвинский рыбоучасток Берёзовского рыбокомбината, Пимский рыбоучасток Сургутского рыбокомбината и др[67]. Охотничий промысел КМНС также находился в кризисном состоянии в связи с сокращением ареалов биоресурсов и крайне низкой рентабельностью. Низкие закупочные цены на продукцию отрасли привели к тому, что в начале 1990-х гг. закупки уменьшились в 5–15 раз[68]. Переход к рыночной экономике еще более усугубил социально-экономическое положение коренных народов Югры.

В то же время на фоне общей общественно-политической либерализации коренные народы также активно включились в процессы «этнического возрождения», идейной базой которого стали призывы этнической интеллигенции к поиску исторических корней, к возрождению традиционной культуры[69]. В ХМАО такая деятельность была связана с общественной организацией «Спасение Югры». Она была образована в августе 1989 г. активистами, воодушевленными движениями коренных народов за рубежом. У истоков организации стояли Т. С. Гоголева, Т. А. Молданова, Р. С. Ользина, Н. Г. Алексеева, З. С. Рябчикова и др. По образному выражению этнографа М. Балзер, ассоциация зародилась на «матриархате нового стиля» и на дружбе женщин[70]. Этих и других политиков из этнических лидеров вдохновляла идея этнокультурного возрождения коренных народов, интерес к самобытности которых заметно проявился на общегосударственном уровне. Выступления народного депутата СССР от ХМАО Е. А. Гаер с увлечением смотрела вся страна.

---

[66] Новикова Н. И. Как живется оленю Президента России // Расы и народы. М., 2002. Вып. 28. С. 133–146.

[67] Куриков В. М. Социально-экономические и культурные основы развития коренных малочисленных народов Севера. Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 3. С. 42–50. С. 44.

[68] Там же. С. 43.

[69] Пивнева Е. А. Институты и практики «этновосстановления» у народов Западной Сибири (по обско-угорским материалам) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 85.

[70] Balzer M. The Tenacity of Ethnicity. A Siberian Saga in Global Perspective / M. M. Balzer. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1999. P. 148.

Основные задачи «Спасения Югры» были декларированы как консолидация коренных малочисленных народов Севера (КМНС) округа; защита их среды обитания; сохранение этнической самобытности, уклада жизни, культуры; обеспечение системы защиты (правовой, социальной, экономической), установление самоуправления, обеспечивающего самостоятельное определение приоритетов своего развития; осуществление взаимодействия с правительством округа, муниципальными органами, укрепление связей в финно-угорском мире. Так, наряду с другими народами СССР, КМНС Югры публично заявили о своих интересах и намерении их отстаивать. Цели демонстрировали стремление к отказу от советской политики патернализма и перехода к партнерским отношениям с государственной и региональной властью. Деятельность ассоциации разворачивалась на фоне активности общероссийских и международных организаций, выражавших интересы коренных народов Севера. Этнические лидеры ХМАО (наряду с ЯНАО) ярко проявили себя в значительной степени благодаря причастности к землепользованию и природопользованию в районах стратегической экономической значимости — нефтегазоносных провинциях[71].

Неслучайно этническая мобилизация в ХМАО началась с разворота в общественном дискурсе к традиционному землепользованию и хозяйству КМНС. В годы «перестройки» вопросы землеустройства и самоуправления стали центральными как для общественных деятелей, так и учёных[72]. В 1989 г. в округе было принято решение «Об образовании территорий приоритетного природопользования коренного населения», утвержденное в 1990 г. решением Совета народных депутатов ХМАО. Этим же решением был утвержден Статус территории приоритетного природопользования (ТПП) коренного населения ХМАО. В документах подчеркивалось, что такие территории создавались с целью обеспечения условий сохранения и развития исторически сложившихся отраслей хозяйствования (оленеводства, охоты, рыболовства, звероводства, сбора и переработки дикоросов) как материальной основы жизнеобеспечения и духовной культуры народов Севера. Принятие официальных постановлений вызвало общественный резонанс. Не только этнические лидеры, но и власти на местах обратили серьёзное внимание на необходимость всяческой поддержки традиционных отраслей хозяйства коренных народов. Выделенные территории приоритетного природопользования были закреплены за предприятиями — госпромхозами, коопзверпромхозами, оленеводческими совхозами, рыбколхозами, т. е. структурами, в которых на тот момент были представлены охотничий промысел, рыболовство, оленеводство. Общая площадь ТПП составила около трети территории округа. Распределение по районам выглядело следующим образом: Сургутский — 27,3% от общеотведенных земель, Нижневартовский — 18,6%, Белоярский — 18,3%, Берёзовский — 13,5%, Кондинский — 9,6%, Ханты-Мансийский — 5,8%, Нефтеюганский — 5,2%, Октябрьский — 1,7%[73].

Образование территорий приоритетного природопользования коренного населения было первым шагом к решению проблем хозяйственно-экономического и социального положения северных народов. Этнолидеры ХМАО выступали с разного рода инициативами по дальнейшему развитию хозяйства и культуры, реализация которых пришлась уже на 1990-х гг.

---

[71] Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы… С. 330.

[72] От патернализма к партнерству (строительство новых отношений народов Севера и государства) / отв. ред. А. Н. Пилясов / Магадан, 1998. 198 с.; Соколова З. П., Новикова Н. И., Ссорин-Чайков Н. В. Этнографы пишут закон. Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 74–86.

[73] Мартынова Е. П., Пивнева Е. А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М, 2001.

Глава 4

Религиозные традиции: от разрушения к возрождению

Несмотря на широкий спектр мероприятий центральной и местных властей, направленных на борьбу с религией во всех ее проявлениях в 1920–1940-х гг., многие элементы религиозных традиций хантов, манси и лесных ненцев продолжали сохраняться, особенно в удаленных от городов, труднодоступных районах проживания. В кризисное военное время религиозные практики народов Югры актуализировались, и власти вынуждены были уступить в этом вопросе ради сплочения общества в условиях внешней угрозы. Лишь в начале 1960-х гг. была предпринята попытка очередного наступления на религиозные традиции населения. В ходе проведения атеистической кампании, начавшейся в 1961 г., священные амбары и изображения божеств хантов и манси повсеместно подлежали ликвидации. Чтобы убедить и подготовить верующих людей к ликвидации священных избушек, в которых хранились изображения богов-покровителей, проводили разъяснительные беседы. Тех, кто продолжал совершать приклады и жертвоприношения духам-покровителям, осуждали на партийных, производственных и общегражданских собраниях. После проведения подготовительной работы добивались согласия хантов на вывоз избушек с предметами поклонения со священных мест. Так, в январе 1961 г. в посёлке Амня было организовано собрание колхозников, на котором было принято решение ликвидировать священное место на реке Кельс-Юган. Все, что хранилось в священном амбаре — культовые объекты, в том числе изображение Казымской богини ***Вут-ими***, почитавшейся хантами окрестных посёлков, и богатые приклады ей: золотые и серебряные монеты имперского периода, серебряные портсигары, предметы одежды и т. д. было изъято. Участвовавших в процедуре разбора прикладов женщин особенно удивило то, что в дар богине были принесены советские деньги нового образца. Реформа была проведена всего за несколько месяцев до этого — 1 января 1961 г., но ханты уже успели принести в дар богине новые денежные знаки, поскольку потребность в ее помощи была для них крайне актуальна. Власти уничтожали действовавшее священное место, что, безусловно, воспринималось верующими как трагедия, а участие женщин в процедуре разбора прикладов — как святотатство. Не имея возможности предотвратить его, верующие ханты прокляли невольных участниц разрушения своей святыни, что привело к расколу в семье одной из них[74]. Изъятые культовые предметы попали в разрозненном состоянии в Берёзовский районный и Ханты-мансийский окружной музеи. Так изображение Казымской богини ***Вут-ими*** оказалось в фондах Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске.

---

[74] Сведения об этом событии приведены в статье Соколовой З. П. Пережитки религиозных верований… (С. 216–219), однако в процессе работы над разделом выяснилось, что одна из авторов данной главы, будучи школьницей оказалась свидетелем события и смогла внести уточнения и дополнения, которые были учтены при написании этого сюжета.

Тем не менее многие священные места общественного значения среднеобских хантов и манси продолжали функционировать вплоть до середины 1960-х гг. Так, в Октябрьском районе сохранялись практики почитания богини **Калтащ** в юртах Калтысянских; **Ялпус-ойки** (манс. ‘*Священного города мужчина*’ Консынг ойка — ‘*Когтистый мужчина*’) / **Емвож-ики** (хант. ‘*Священного города мужчина*’) и **Щохрынь-ойки** — ‘*Стрекоза мужчина*’ в Вежакарах, Хулимсунте, Турвате и др. Характеризуя религиозную ситуацию на территориях расселения хантов в конце 1960-х — 1970-х гг., З. П. Соколова отмечала, что люди пожилого возраста продолжали до некоторой степени придерживаться традиционных религиозных взглядов, обрядов и обычаев, в то время как у молодежи и многих представителей среднего поколения сформировалось атеистическое мировоззрение[75]. Многие священные места Ваховских хантов, вероятно, также были забыты к началу 1970-х гг., а традиция соблюдения религиозных предписаний настолько ушла в прошлое, что исследовательнице было разрешено посетить священное место, запретное для женщин. И если пожилой хант, сопровождавший ее, все-таки опасался возможного наказания за совершенный проступок, то его сын, по свидетельству исследователя, не испытывал ни малейшего смущения[76]. Пройдя путь, обычный для молодого человека 1950-х гг., включавший школу-интернат и армию, он утратил религиозность.

По сведениям хантов, собранным в 1990-х гг., жертвоприношения и «угощения» — поры проводились на священном месте **Плач-пууль-каим-мых-ики** недалеко от посёлка Нижнесортымский. В бассейне р. Ай-Пим функционировали священные места **Пим-ех-кот-мых** и **Торум-пах-катым-ай-пим-той-тор,** почитаемые хантами р. Пим. Последнее ассоциировалось с сыном бога и считалось очень значимым. В кризисных ситуациях ханты рек Пим, Ай-Пим, Тромъёган и Казым посещали его и приносили в жертву оленей с целью получить помощь от **Торум-пах**. Вообще всего в этом районе существовало как минимум восемь священных мест, где в 1950–80-х гг. совершались ритуальные действия. С развитием нефтегазового комплекса большая часть священных мест бассейна реки Пим попала в зону застройки и была уничтожена или перенесена на новое место. Священное место юрт Сайгатиных, на котором, вероятно, почитали богиню **Ай-полык-нэ**, жертвуя ей ленты и отрезы ткани, существовало до 1970-х гг., когда началось строительство ЛЭП. Вплоть до 1960-х гг. продолжало действовать священное место у истока Кучуминской протоки, где ханты рек Пим и Юган совершали жертвоприношения. Последний раз юганские ханты принесли в жертву своим богам барана в 1960-х гг.[77]

В 1960–1980-х гг. прекращение совершения ритуальных действий на священных местах большинстве случаев было связано с их разрушением в процессе активного индустриального освоения территории. Так, многие из священных мест на Агане были заброшены до начала 1990-х гг., когда начался процесс религиозного возрождения и восстановлена практика общественных жертвоприношений[78].

Обряды в честь домашних **лунгхов** — духов-покровителей обычно проводились в кругу семьи или небольшим коллективом родственников. Они могли включать жертвоприношения, приношения, моления и гадания. При этом изображения персональных божеств-покровителей заменяли подарки в виде одежды, хранившейся в специальных сундучках или коробочках.

---

[75] Соколова З. П. Пережитки религиозных верований… С. 211–212.

[76] Соколова З. П. Пережитки религиозных верований…. С. 220.

[77] Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов… С. 192–194.

[78] См. Карачаров К. Г., Перевалова Е. В. К проблеме сохранения традиционной культуры // Угры. Материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». (9–11 декабря 2003 г., г. Тобольск). Тобольск, 2003. С. 339–341.

Прикладом духам-покровителям служили отрезы ткани (обязательно нечетное количество метров), деньги, украшения, платки, ножи и т. д. В качестве жертвенных животных использовали оленей, а те, у кого их не было, — бычков или петухов. В качестве бескровных жертвоприношений использовались также водка, чай, хлеб и сладости, купленные в магазине. Изображения лунгхов передавались по наследству, обычно отец оставлял их старшему сыну, а если в семье не было сыновей, то дочери. В семьях восточных хантов продолжало сохраняться почитание богини огня *Най-ими/Най-анки* (Огня женщина). Для нее изготавливали халат и платок из красной материи, надевали их на небольшую березку, которую отправляли в огонь. Для богини также накрывали стол и просили, чтобы охраняла дом и очаг[79].

Медвежьи игрища

Традиция организации медвежьих праздников по случаю добычи медведя также продолжала сохраняться, но их старались провести тайно и небольшим кругом близких родственников. На Казыме, по воспоминаниям хантов, медвежьи игрища проводились регулярно в 1950-х — начале 1960-х гг. Также, как и в случае со священными местами, антирелигиозная кампания 1961 г. сыграла разрушительную роль. В условиях запрета игрища перестали проводить с традиционным размахом, боясь преследований. Те, кто пытался убедить власти в безобидности традиции и бессмысленности ее запрета, также оказывались под ударом. Так, после проведения медвежьих игрищ в п. Юильск в 1961 г., одна из присутствовавших на нем женщин — член КПСС, получила выговор за высказанное на партийном собрании мнение, что ничего криминального в этом празднике она не видела[80]. Угроза наказания не уничтожила традицию вовсе, но в значительной степени ослабила ее, нарушила систему передачи сакрального знания от старшего поколения молодежи. В некоторых районах действия во время медвежьего праздника практически утратили религиозный смысл. Характеризуя традицию проведения медвежьего праздника хантами бассейнов рек Сыня и Куноват в 1970-х гг. З. П. Соколова писала, что его устраивали лишь изредка, при этом религиозная составляющая церемонии, по ее мнению, была в значительной степени утрачена: многие участники уже не помнили всех обрядов и песен и не понимали их смысл[81]. В селении Вежакары последние медвежьи игрища семилетнего цикла устроили в 1977 г. Решение о прекращении их проведения было принято на собрании участников, поскольку прежний хранитель и руководитель обряда Костин Т. Г. снял с себя полномочия по причине преклонного возраста, а заменить его никто не согласился[82].

Во время проведения обрядовых практик — при исполнении песни-молитвы, медвежьих песен, героических песен-сказаний использовались струнные инструменты: *нарс-юх* (хант.) / *сангквылтап* (манс.), *тарыг* (манс.) арфа-журавль / лебедь, скрипочка *нин-юх* (хант.) / *нэрнэйив* (манс.). Воспоминания о медвежьем празднике тех, кому посчастливилось принять участие в нем в детстве, оставались одними из наиболее ярких переживаний.

---

[79] См. Карачаров К. Г., Перевалова Е. В. К проблеме сохранения традиционной культуры // Угры. Материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». (9–11 декабря 2003 г., г. Тобольск). Тобольск, 2003. С. 197, 207–208.

[80] Из сообщения одной из авторов этого раздела, лично участвовавшей в медвежьих праздниках в с. Юильск в конце 1950-х гг., в том числе в 1957 г. у К. С. Молданова.

[81] Соколова З. П. Пережитки религиозных верований… С. 225.

[82] Уточнение С. А. Поповой.

По сведениям, сообщенным одним из Тромъеганских хантов, в Сургутском районе последний большой медвежий праздник организовывали в 1956–57 гг., а в семейном кругу, не афишируя, его проводили достаточно часто в 1960-е и 1970-х гг.[83] В деревне Дарко-Горшково, где проживало много хантов с р. Казым, праздники также устраивали часто. По воспоминаниям хантов, медведя — шкуру с головой и отдельно мясо — привозили в деревню с шумом, встречая стрельбой из ружей. Накануне обязательно прибирали в доме, готовили еду и специальное место для «гостя», шили наряд и украшения: на лапы — манжеты, на голову — красивые платки и бусы на шею. Усадив «гостя» на почетное место исполняли песню, в которой рассказывалось о том, как долго медведь жил, растил своих медвежат… и вот настал час…и он явился в гости… и хозяева его хорошо встретили и приветили… и душа устремилась в небо к богам. Во время праздника исполняли много песен, танцевали, показывали сценки. Праздник мог длиться целую неделю и, по воспоминаниям участников, было на нем очень весело и интересно. После окончания праздника «гостя» провожали не через дверь, а через отверстие в крыше или окно. Шкуры медведя вместе с головой хранили в священных нартах или в жилищах на священных полках. Для определения места будущего пребывания медведя проводился обряд гадания, во время которого глава семейства приподнимал нарты и спрашивал медведя, где он хотел бы жить. В дальнейшем при проведении жертвоприношения в честь домашних духов-покровителей медведя тоже «угощали», предлагая самые лакомые кусочки[84].

Манси также проводили обряд по убитому медведю исключительно в семейном кругу, поэтому, когда в конце 1980-х гг. попытались восстановить практику общественного праздника, то многие детали оказались забытыми[85]. Хорошо сохранилась театральная часть «*тулыглапы*», в основном благодаря ежегодным олимпиадам и смотрам художественной самодеятельности, проводимыми органами культуры, на которых разрешалось показывать сценки из медвежьего праздника[86].

Шаманство

Феномен шаманства, включавший гадания, трактовку сновидений, лечебные практики продолжал играть значительную роль в жизни хантов, манси и лесных ненцев в 1950-е — 1980-х гг. К общему собирательному понятию «шаман» относились люди с различными компетенциями: считалось, что *шепан* — аналог колдуна, мог приносить вред, «отнять» жизненные силы у другого человека и даже всего его рода; *щарт* (хант.) / *няйт* (манс.) — обладавшие способностью предугадывать будущее, мало чем отличались от остальных соплеменников. Обычно их способности, раскрывавшиеся, как правило, в пожилом возрасте, связывались с силой персонального духа-покровителя. К шаманам обычно обращались в кризисных ситуациях. Так, согласно воспоминаниям жительницы бассейна, р. Пим о 1970-х гг., ее дядя, дедушка и отчим умели шаманить, и их приглашали по необходимости, например, в случае

---

[83] Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов… С. 199–202.

[84] Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов… С. 199–202.

[85] Попова С. А. Медвежий праздник северных манси на современном этапе (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) // Veropfentlichungendersocietasuralo-altaika. Wiesbaden, 1999. B. 51. Europaet Sibiria. P. 337–340.

[86] Уточнение внесено Поповой С. А. в процессе редактирования текста.

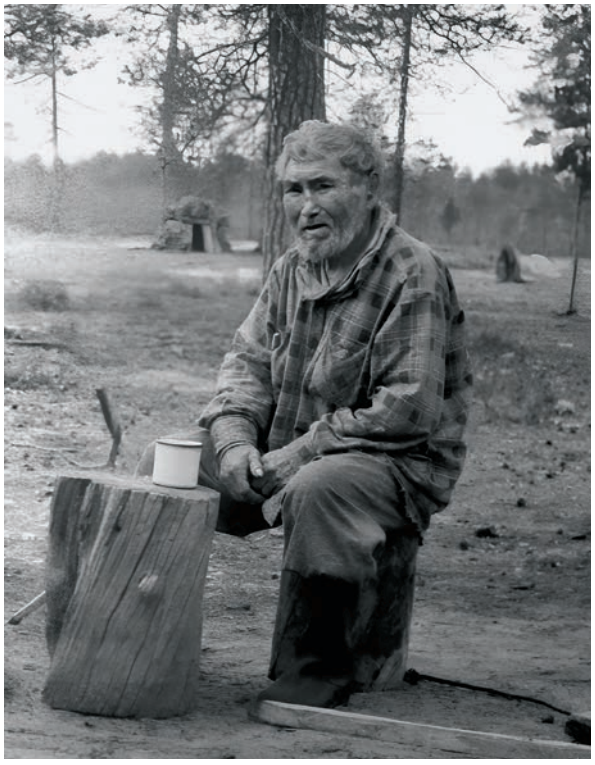


Рис. 5.10. Сопочин Иван Степанович. Сургутский район. 1991 г. Фото Е. М. Главацкой

тяжелой болезни. В доме имелся бубен, однако сама она обрядов не видела, поскольку все время находилась в школе[87]. По сведениям, полученным З. П. Соколовой, на Вахе уже в 1970-х гг. не было ни одного шамана, или, о них ничего не было известно, после того, как в 1971 г. умер последний ваховский шаман Иорген[88]. Что касается бассейнов рек Тромъёган, Аган и Пим, то, согласно сведениям, полученным в 2000 г., в среде оленеводов было известно о 5–15 шаманах, практиковавших в 1960-е — 1980-х гг., а бубны имелись почти в каждом стойбище. Одним из наиболее известных был Иван Степанович Сопочин[89].

У манси функции людей, к которым обращались для проведения обрядов, — *няйт* также подразделялись на категории: *сампаль воп сын хотпа* — ‘человек с острым глазом, ухом’, обладающий даром видеть и слышать; *весар вагнэ нэ* — ‘женщина, обладающая мудростью’, гадалка; *номт хотнэ хотпа* — ‘человек, находящий мысли’, обладающий способностями угадывать будущее; *пенгынг хум* — ‘мужчина, умеющий ворожить’, обычно на топоре, ноже. *Койп ратнэ хум* — ‘мужчина, бьющий в бубен’ обладал особым статусом. Такие обычно проводили обряды в *турман коле* ‘тёмном доме’, но могли прийти по вызову к тем, кто нуждался в помощи, например, при трудных родах. Такие случаи были в 1960-х и 1970-х гг.[90]

Обряды жизненного цикла

Согласно информации, полученной З. П. Соколовой в 1960–1970-х гг., семьи, которые продолжали жить за счет рыболовства, охоты и оленеводства, продолжали совершать ритуалы жизненного цикла. Так, некоторые ханты Шурышкарского района проводили обряды, связанные с родильным комплексом, и придерживались традиционных практик в области

[87] Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов… С. 203.

[88] См. Соколова З. П. Пережитки религиозных верований… С. 224; Чемакин А. Мулымья — земля расколдованная. Свердловск, 1965. С. 79.

[89] См. Главацкая Е. М. Последний шаман из лесов Тромъегана: к реконструкции религиозного ландшафта Сургутских хантов в XX в. // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 123–131; The Man who Sees. The World of Ivan Stepanovich Sopochin. Сер. «Studies in Native Religion». Edited by Clive Tolley. Budapest, 2021.

[90] Дополнение С. А. Поповой.

семейных отношений[91]. Обряды, связанные с рождением, отчасти сохранялись и у сыгвинских манси в 1950-е — 1960-х гг.[92] Многие охотники и рыболовы продолжали практиковать обряды, связанные с реинкарнацией предков, и определением личных духов-покровителей у новорожденных. Ритуальная практика, связанная с традиционной похоронной обрядностью, активно сохранялась у северных хантов[93]. Исследования, проведенные в 1970-х гг. среди казымских хантов, показали, что они проводили обряды погребального и родильного циклов, хотя и в изменённом под влиянием русской и советской традиций варианте. Так, захоронения 1950-х — 60-х гг., как правило, представляли собой традиционную хантыйскую домовину с отверстием для общения с умершим и положенными сверху предметами быта — нартами, луками, ружьями, необходимыми, по представлениям родных покойных, в их загробной жизни. Часто такие домовины могли быть увенчаны православным крестом.

Захоронения, датируемые 1970-ми гг., чаще были устроены по советскому образцу, с памятником, венками и цветами или обелиском с красной звездой, если покойный являлся участником войны. При этом на могилу также могли быть положены предметы быта и рога, принесенного в жертву оленя[94].

Вместе с тем, происходило ослабление религиозности, распространение атеистического мировоззрения: некоторые представители народов Югры сами активно участвовали в антирелигиозной компании государства, направленной на борьбу со всеми вариантами религиозного сознания. На степень сохранения верований оказывали влияние и половозрастные различия, традиционное религиозное знание сохранялось лучше среди представителей старшего поколения и женского населения.

В 1960–1980-х гг. продолжилось сближение элементов традиционной и православной религиозности, когда жертвоприношения совершались в честь христианских святынь или приурочивались к православным календарным праздникам. Сундуки с дарами духам-покровителям, медвежьи головы, бубны, сангвылтапы, использовавшиеся во время медвежьих игрищ и других обрядовых действий, вместе с православными иконами и распятиями хранились в сакральной части дома — на специальной полке или на священных нартах оленеводов-кочевников позади жилищ. Порой элементы традиционной и православной религиозности тесно переплетались, и христианские святые воспринимались как личные боги-покровители. Так, для определения личного бога-покровителя трехлетней девочки с реки Пим в начале 1960-х гг. родители отвезли ее к шаману, который во время обряда с бубном определил, что душа ребенка принадлежит Илье Пророку[95].

Несмотря на то, что церкви были закрыты, а здания переоборудованы под учреждения культуры, они воспринимались как сакральные объекты и некоторые верующие продолжали молиться возле них. Одна женщина из рода известного шамана, по словам ее дочери, ходила к зданию бывшей церкви в Тундрино, когда там уже был клуб, и «молилась по-своему на хантыйском». Она и дочь наставляла, что это было священное место, хотя та, будучи комсо-

---

[91] См.: Соколова З. П. Пережитки религиозных верований… С. 211–212.

[92] См.: Ромбандеева Е. И. Мансийский обряд, связанный с рождением ребенка // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1994. Вып. 1. С. 6–14.

[93] См. Соколова З. П. Страна Югория. М., 1976. С. 93–94.

[94] См. Balzer M. The Route to eternity: Cultural Persistence and Change in Siberian Khanty Burial Ritual // Arctic anthropology. Vol. XVII. N 1. 1980. P. 77–88.

[95] Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов… С. 195–196.

молкой, активно участвовала в мероприятиях, проводимых в клубе: танцевала, выступала на сцене, играла в спектаклях, смотрела кино[96].

Изменения коснулись, также, мифологической традиции хантов и манси. Относительно неплохо комплекс представлений о происхождении мира и человека сохранялся у северных хантов, о чем свидетельствовали полевые материалы исследователей, работавших среди этих групп в конце XX в[97]. При этом знание мифологии у большинства представителей среднего поколения и молодежи существовало лишь в самых общих чертах и со значительными пробелами. Во многих случаях мифологические тексты утрачивали целостность и распадались на отдельные сюжеты, бытовавшие в формате сказок[98]. Кроме того, частая конфронтация с нефтяниками в 1980-х гг. нашла отражение в появлении новых версий в цикле рассказов о конце света[99].

Религиозное возрождение

В условиях экономического, политического и экологического кризиса 1980-х гг. и ослабления действенности государственных социальных программ, разработанных в рамках политики патернализма, произошло резкое снижение уровня жизни и социальной защищенности народов Югры. Рост этнического самосознания у народов бывшего Советского союза привел к усилению интереса к культурному наследию, возрождению и обновлению традиций, в том числе и религиозных. Для большей части представителей народов Югры это означало активное возвращение к традиционным религиозным ценностям, для другой — обращение к христианству.

Процесс религиозного возрождения сопровождался восстановлением священных мест, возобновлением практик общественных жертвоприношений и одного из важнейших элементов обско-угорской обрядности — проведения медвежьих праздников. При этом большое внимание уделялось возрождению именно канонических деталей ритуального поведения. Так, осенью 1980 г. была предпринята попытка принести жертву в честь духа — хозяина реки Юган. В подготовке жертвоприношения участвовали пожилые ханты, а в качестве жертвы издалека был привезен баран. Подтверждением того, насколько «традиционно» само событие осознавалось проводившими его хантами, служит тот факт, что причиной неудачи обряда — баран отвязался и убежал — сочли нарушение ритуального поведения одним из ключевых участников, который развернул лодку на реке в неверном направлении[100].

Инициатором возрождения в марте 1985 г. медвежьего праздника — *уй йикв* (*манс.* — «зверя танцевать») — важнейшего элемента культуры народов Югры, явился известный мансийский поэт Ю. Н. Шесталов. Ему удалось преодолеть сопротивление руководителей партий-

---

[96] Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов… С. 198.

[97] См. Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов… С. 73–79, 123–136.

[98] См. Зенько А. П. Современное состояние традиционной духовной культуры Обских угров // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы к конференции. Ч. 3. Этнография и изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993. С. 108.

[99] См. Кережи А. Современные явления в духовной культуре восточных хантов // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 81.

[100] См. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. С. 99.

ных органов, боявшихся ответственности, и убедить их дать разрешение на проведение праздника. Во время совершения обряда велась киносъёмка для популярной телепередачи «Клуб кинопутешественников»[101]. Кроме того, материал о мансийском *уй йикв* вошел в сборник, посвященный праздникам народов СССР[102].

Казымские ханты также активно поддержали возрождение традиции проведения медвежьих праздников, для чего проводилась подготовительная работа по сбору и записи песен. Один из таких праздников состоялся в январе 1991 г. в деревне Юильск[103].

Одновременно возрождалась и христианская религиозная практика. В частности, многие ханты совершили обряд крещения именно в этот период, но продолжали проводить и традиционные ритуалы. Наконец, многие из хантов и манси увлеклись новыми для Югры религиозными движениями, начавшими активную миссионерскую деятельность на территории их проживания.

Таким образом, ханты, проживающие в лесу или маленьких посёлках, в основном оказались вовлечены в процесс возрождения традиционной религии, горожане испытывали влияние православия. Одновременное активное возрождение обеих религиозных традиций привело к тому, что часть населения охотно участвовала как в традиционных хантыйских, так и православных ритуалах. Незнание основных элементов догматики и ритуальных практик создало благоприятную почву для развития синкретических представлений. Многие представители коренных народов Югры стали воспринимать **Торума** идентичным Иисусу Христу, считая себя православными активно участвовали в ритуальных действиях, объединявших как традиционные для культуры охотников и рыболовов, так и православные элементы. При этом какая-то часть, полностью или частично утратившая религиозность за период господства атеизма в стране, не принимая участия в процессе религиозного возрождения, тем не менее поддерживала развитие традиционных религиозных элементов, воспринимая их как часть культурного наследия своих народов.

[101] Уточнение С. А. Поповой.

[102] Миловский А. С. Песнь жар-птицы. М., 1987.

[103] Молданов Т. А. Поездка Казымской богини в гости к дочери // Народы Северо-Западной Сибири. Вып 1. Томск, 1994. С. 41.

Глава 5

Литература и искусство

Литература

Развитие художественно-литературной рефлексии в среде творческой интеллигенции представителей коренных малочисленных народов Югры во многом было связано с деятельностью Института народов Севера[104], где в разные годы обучались почти все будущие основоположники национальных литератур народов Крайнего Севера и Дальнего Востока[105].

Уже в первых рассказах, повестях и поэтических произведениях Г. Д. Лазарева, М. П. Вахрушевой, Ю. Н. Шесталова, Е. Д. Айпина, В. С. Волдина, М. И. Шульгина, М. К. Вагатовой, А. С. Тарханова, А. М. Коньковой, Р. П. Ругина и др. были широко представлены этнические особенности литературы народов Югры[106].

Творчество обско-угорских писателей отличается активным развитием диалога между фольклором и художественным словом. Фольклорные сюжеты и образы получили новое воплощение на страницах авторских произведений. Писатели обращаются к фольклорным жанрам, экспериментируют с ними (Г. Д. Лазарев, А. М. Конькова, М. К. Вагатова, А. С. Тарханов, Р. П. Ругин и др.). Именно фольклорно-этнографическая традиция стала отличительной чертой поэтики обско-угорского художественного текста, ярко проявляясь в сюжетной, композиционной и образной структуре произведений. Так, повести «У гаснущего очага» Е. Д. Айпина и «Когда качало меня солнце» Ю. Н. Шесталова можно воспринимать как своеобразные «энциклопедии» жизни хантов и манси. Народные сказки, песни, предания,

---

[104] Институт народов Севера Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

[105] Достаточно назвать саами Октябрину Воронову, коряка Владимира Коянто, эвенка Василия Лебедева, манси Ювана Шесталова, ненца Василия Ледкова, ханты Микуля Шульгина, нивха Владимира Санги, эвенка Алитета Немтушкина и др.

[106] Подробнее об этом см.: Косинцева Е. В. К вопросу об авторских сказках М. К. Вагатовой // Материалы третьей научно-практической конференции, посвященной памяти А. А. Дунина-Горкавича, 10.04.2007. Нижневартовск, 2008. С. 76; Косинцева Е. В. К вопросу о сказках Г. Д. Лазарева // Материалы V науч.-практич. конф., посвященной 155-летию со дня рождения А. А. Дунина-Горкавича. Ханты-Мансийск, 10.04.2009. М., 2010. С. 40–41; Косинцева Е. В Сказочные традиции в хантыйской литературе // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 3 (78). С. 213–219; Динисламова С. С. Интерпретация мифологических сюжетов в произведениях Ю. Шесталова // Финно-угорский мир. 2017. № 4. С. 12–20; Динисламова С. С. Особенности и закономерности творческого пути Ю. Шесталова // Вестник угроведения. 2012. № 2 (9). С. 30. и др.

Рис. 5.11. Обложка первого романа Е. Д. Айпина

Рис. 5.12. Ю. Н. Шесталов. Фото из открытых источников

включенные в повествование, участвовали в развитии сюжета, помогали воссоздавать картины национального бытия во всей наглядности и выразительности.

Обращаясь к собственной биографии, писатели ханты и манси неизменно задумывались и над судьбами своих народов, их настоящем и будущем[107]. Развиваясь в общем русле отечественной литературы, они обращались к «деревенской прозе» и анималистическим жанрам[108]. Так, в повести Р. П. Ругина «Ланги» (1986), построенной по традиционной сюжетной коллизии анималистической прозы, решалась проблема утраты корней и пагубности ухода северного человека в «большой мир», при этом частная история взаимоотношений человека и собаки превращается в библейскую по масштабу притчу о предательстве: по отношению к природе, родному краю, близкому человеку и самому себе, а ее гибель символизирует смерть чего-то важного в душе самого героя[109].

Традиции «деревенской прозы» расширили образную систему в литературе ханты и манси, в ней сложилась своя концепция деревенского жителя, реализуемая в трех основных вариантах: «естественного», «праведного» и «маргинального» человека, порожденных проблемой национального характера[110]. Яркое воплощение эти образы нашли на страницах произведений «Во тьме» и «Последний рейс» Е. Д. Айпина; «Сорок северных ветров», «На нерестовой реке», «Три шкуры» Р. П. Ругина.

По-новому стала звучать в обско-угорской прозе экологическая тема. Если в повестях «Гул далекой буровой» Р. П. Ругина, «В ожидании первого снега» Е. Д. Айпина она развивалась

---

[107] См., например, Динисламова С. С. Основные темы и мотивы творчества Ю. Шесталова (3 часть) // URL: osnovnye_temy_i_motivy_tvorchestva_yuvana_shestalova.pdf (ouipiir.ru).

[108] Особенно ярко это проявилось в произведениях «Медведица-рыбачка», «Непа ранили», «Гусь-сиротка» Г. Д. Лазарева; «Ланги» Р. П. Ругина; «Медвежье горе», «Бездомная собака», «Лебединая песня» Е. Д. Айпина и др.

[109] Цымбалистенко Н. В. Север учил, ничего не тая... (Творчество Романа Прокопьевича Ругина). Салехард: Красный Север, 2008. С. 33–34.

[110] Косинцева Е. В. Хантыйская литература от истоков до современности: темы, образы, традиции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Литература народов РФ (финно-угорская). Саранск, 2013. С. 11.

Рис. 5.13. Памятник на могиле Ю. Н. Шесталова. Из открытых источников

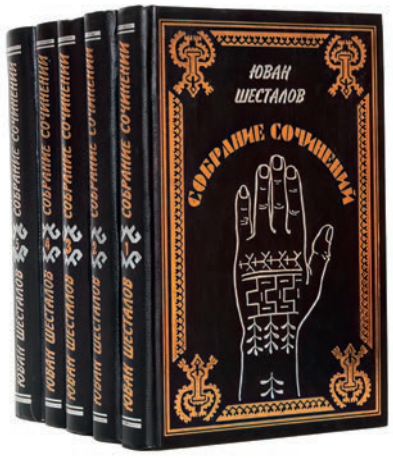


Рис. 5.14. Собрание сочинений Ю. Н. Шесталова

в контексте проблем «деревенской прозы», то в произведениях, «Касания Цивилизации» и «В гнездышке одиноком» Т. А. Молдановой на первый план выдвигается тема человека.

Писатели ханты и манси В. С. Волдин, М. И. Шульгин, М. К. Вагатова, Р. П. Ругин, А. С. Тарханов, Ю. Н. Шесталов и др. активно разрабатывали темы Родины, природы, получившие концептуальное осмысление. Тема семьи в литературе хантов и манси раскрывалась не только в классическом «конфликте отцов и детей», но и познакомила читателя с основами этнопедагогики, вводя в литературу образ ребенка[111].

Реалии меняющегося жизненного пространства также получили свою оценку в художественной интерпретации писателей. Судьба человека, народа стала центральной в творчестве Ю. Н. Шесталова, Е. Д. Айпина, Р. П. Ругина, Т. А. Молдановой, в произведениях которых выведен новый образ героя — «этнофилософа», высвечен этнографизм обско-угорского художественного текста. Исторические события, в том числе становление Советской власти на Севере, Великая Отечественная война также активно разрабатывались на страницах произведений писателей ханты и манси[112].

Жанровая система обско-угорской литературы во второй половине XX в. обогатилась и крупными формами[113]. Ярким примером формирования законченных поэтических циклов является серия произведений М. К. Вагатовой, объединенных под общим заглавием «Сердце матери».

Реалии меняющегося жизненного пространства также получили свою оценку в художественной интерпретации обско-угорских мастеров слова[114]. При этом многие авторы вынуждены были обратиться к публицистике, поднимающей острейшие проблемы экологии и будущей судьбы коренных народов Севера[115].

---

[111] См., напр., «Счастливые деньки на Шум-Югане» и «Сватовство» Р. П. Ругина; «Я слушаю землю», «У гаснущего очага» и др. Е. Д. Айпина.

[112] См., напр., «Клятвопреступник» и «Красная нарта» Е. Д. Айпина; «Макар Осьмаров» М. И. Шульгина, «Солнце над снегами» Р. П. Ругина и др.

[113] См., напр., романы и поэмы: «Ханты, или Звезда Утренней Зари» Е. Д. Айпина; «И лун медлительных поток» А. М. Коньковой и Г. К. Сазонова; «Так Молупси» В. С. Волдина; «Макар Осьмаров» М. И. Шульгина; «Огонь исцеления» и «Языческая поэма» Ю. Н. Шесталова и др.

[114] См., напр., «В ожидании первого снега» Е. Д. Айпина; «Тайна Сорни-Най» Ю. Н. Шесталова и др.

[115] См. публикации в СМИ Е. Д. Айпина, Ю. Н. Шесталов, Ю. К. Вэллы.

Последние десятилетия советской истории стали для художественной словесности коренных малочисленных народов Югры временем интенсивного и яркого развития, временем, когда активные поиски привели к созданию оригинальных произведений, выработке системы образов, определению тематики и проблематики, формированию жанровой матрицы и собственной поэтики.

Изобразительное искусство

Становление современного самодеятельного и профессионального искусства ханты и манси пришлось на вторую половину XX в. и представлено творчеством живописца М. Тебетева, резчиков по дереву П. Шешкина и Г. Хартаганова, профессионального художника Г. Райшева, самобытного мастера А. Гришкина и др. Творчество каждого из них основывалось на синтезе современного и традиционного искусства, и являясь важной вехой в развитии национального изобразительного стиля[116], было по достоинству оценено. Многие из мастеров Югры стали членами Союза художников, их произведения широко представлены в региональных и столичных музеях России и зарубежья.

В 1950–1970-х гг. формирование искусства в регионе развивалось в русле самодеятельного творчества, центром которого стал окружной Дом народного творчества, созданный в 1957 г. в Ханты-Мансийске. В практику вошло систематическое проведение семинаров и выставок, во время которых отбирали произведения для всесоюзных и зарубежных выставочных проектов. Более двух десятилетий работу с художниками и народными мастерами Югры возглавлял Михаил Ефимович Бронников — один из тех, кто стоял у истоков развития искусства в Югре[117].

Идеологические установки безусловно оказывали влияние на самодеятельных авторов. Так, художник хант Митрофан Алексеевич Тебетев (1924–2011) свои ранние работы посвящал изображению нового быта коренных народов[118], что активно поощрялось на выставках и в прессе. Работая на партийно-советской службе, он параллельно учился в Народном университете искусств, активно осваивал академические жанры. Большую серию «Город на Иртыше» 1960-х гг. составили городские пейзажи — новый жанр для коренных народов.

Самобытность творчества М. А. Тебетева проявилась в работах, посвященных «малой родине». Большой цикл картин 1970–1990-х гг. связан с изображением жизни среднеобских хантов; многие работы обращены к памяти детства[119], а желание отобразить уходящую натуру было продиктовано горечью осознания ликвидации п. Лохтоткурт и соседних селений. Традиционные и новые черты мировосприятия нашли воплощение в картинных композициях «Лохтоткурт. 1930-е годы», «Усадьба. Обские ханты».

---

[116] Федорова Н. Н. Эволюция изобразительного стиля художников Обского Севера: ханты, манси, ненцы (1930-е — 1990-е годы) // Космос Севера : сб. ст. / ред.-сост. О. К. Лагунова. Тюмень, 1999; Лебедева А. В. Изобразительное искусство обских угров. Ханты-Мансийск, 2013.

[117] Михаил Бронников. Ханты-Мансийск, 1998. С. 27.

[118] См. например, «Ханты читают газету на родном языке», 1958 г.

[119] Тебетев М. А., Федорова Н. Н. Лохтоткурт. Тюмень, 2005.

Рис. 5.15. Тебетев М. А. Лохтоткурт. 1930-е годы. Владимиро-Суздальский музей-заповедник

Рис. 5.16. Тебетев М. А. Хантыйский праздник. 1975 г. Государственный исторический музей

Рис. 5.17. Шешкин П. Е. Мужчина лодку делает. Бумага, тушь, перо. 1974 г. Окружной Дом народного творчества. Ханты-Мансийск

В отличие от ландшафтных композиций художников 1930-х гг., М. А. Тебетев фокусировал взгляд на самом поселении — в соответствии с жизненными реалиями перехода к оседлому образу жизни. Одним из первых он обратился к теме духовной культуры, «медвежьих игрищ»[120], стремясь запечатлеть исчезающий жизненный уклад. В серии портретов им были воссозданы образы известных земляков; предметы традиционного быта составили основу серии натюрмортов.

Важным направлением развития современного искусства хантов и манси стала резьба по дереву, связанная с традиционным видом ремесла. Петр Ефимович Шешкин (1930–1986, п. Ломбовож), выступил основоположником станковой скульптуры малых форм обских угров[121]. Основа его самобытного творчества — изображение жанровых сцен из жизни охотников и рыболовов, анималистические композиции.

Его рисунки, выполненные в своеобразной авторской манере, передают атмосферу единения человека и природы. Многогранность творческой личности П. Е. Шешкина, как носителя традиционной культуры манси, проявилась в изучении орнаментального искусства, сборе материалов по фольклору, языку, этнографии в сотрудничестве с многими научными центрами.

Развитие обско-угорской скульптуры связано с творчеством ханты Геннадия Ефремовича Хартаганова (1945–2018)[122]. Работая в родовом поселении Питляр Ямало-Ненецкого округа, он занимался возрождением традиции изготовления изделий из дерева

[120] «Хантыйский праздник» (1975), «Мелодия торсаптъюха» (1988).

[121] Валов А. А. Умелец из Ломбовожа // Альманах писателей Югры «Эринтур». Вып. № 3, 1998. С. 319–325; Петр Ефимович Шешкин / авт.-сост. А. В. Лебедева. Ханты-Мансийск, 2011.

[122] Геннадий Хартаганов. Мой прапрадед Ханты-Питлярский сор / авт.-сост. Н. Н. Федорова. Салехард: АНО «Ямал-Медиа», 2022. 192 с.

Рис. 5.18. Шешкин П. Е. За разделкой рыбы. Дерево, резьба. 1968 г. Окружной Дом народного творчества

Рис. 5.19. Хартаганов Г. Е. Лов рыбы. 1983 г. Дерево, резьба. Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И. С. Шемановского

Рис. 5.20. Хартаганов Г. Е. Рыбак. Дерево, резьба. 1985 г. Тюменское музейно-просветительское объединение

и жанровой скульптуры. Как и П. Е. Шешкина его привлекали малые формы, но к повествовательности добавилось обобщение, с лаконичностью и цельностью форм, и декоративность. Сюжетные мотивы с реальными образами преобразовались во вневременные, архетипические, центральное место которых занял образ рыбака, речного народа[123].

Ярким проявлением «наивного» творчества являются жанровые картины и резные рельефы 1970–1990-х гг. Артема Григорьевича Гришкина (1931–1995, с. Ванзеват)[124]. Потомственный охотник и рыбак, кузнец по роду занятий, мастер резьбы по дереву, он изготавливал также музыкальные инструменты и исполнял на них наигрыши собственного сочинения, записанные и опубликованные Новосибирской консерваторией.

Академическую линию самодеятельного творчества, преимущественно пейзажную, представляли работы ханты Вадима Ивановича Савинова (1940–2022, п. Малый Атлым)[125].

С 1975 г. центром подготовки художников Ямала и Югры стало художественное отделение Салехардского межокружного училища культуры и искусства им. Л. В. Лапцуя[126]. Его выпускники — А. В. Вадичупов, ханты Н. Л. Волдин, Е. С. Аляба, А. П. Сотруев и др. — мастера резьбы по дереву и кости, вышедшие из традиционной среды, также внесли вклад в развитие искусства в Югре.

---

[123] Серии «Рыбаки», «Лов рыбы», «Выплывем».

[124] Мир запечатленный / вступ. ст. М. Шутова ; сост. Белоярский информационный центр «Квадрат», В. С. Белых. 2009.

[125] Савинов В. И. Таежные мотивы Югры. Ханты-Мансийск, 2010.

[126] Училище культуры и искусств им. Л. В. Лапцуя. Фонд лучших работ студентов художественного отделения ГУКиИ. Салехард.

Рис. 5.21. Гришкин А. Г. Самострел на лося. Дерево, резьба.
1990 г. Тюменское музейно-просветительское объединение

Рис. 5.22. Гришкин А. Г. Черкан на горностая. Дерево, резьба.
1990 г. Тюменское музейно-просветительское объединение

Рис. 5.23. Гришкин А. Г. Охота на медведя. Дерево, резьба
1990 г. Тюменское музейно-просветительское объединение

Художником нового типа, синтезировавшим архаику традиционной культуры обских угров и поиски современного новейшего искусства, выступил Геннадий Степанович Райшев (1933[127]–2020, *ханты*, река Большой Салым)[128]. Его многогранное творчество получило воплощение в станковой и монументальной живописи, графике, скульптурно-декоративных композициях. Получив образование на филологическом и вечернем художественном факультетах северного отделения Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, он освоил современные течения европейского искусства, познакомился с творчеством земляка К. Панкова и его соучеников. В поисках соединения мифологического и современного мировосприятия Г. С. Райшев пришел к знаковой изобразительности и передаче разных измерений пространства и времени, воссоздавая картину мира жителей Югры. Многие образы, созданные художником, стали брендом ХМАО[129], а персональные выставки оказали влияние на все стороны развития культуры в Югре.

Репрезентация традиционного быта и культуры ханты и манси нашла отражение и в творчестве художников из числа старожильческого населения Югры[130]. Впечатления от поездок к юганским хантам повлияли на развитие самобытного творчества П. С. Бахлыкова[131], а собранная им коллекция

[127] По паспорту — 1934.

[128] Геннадий Райшев. Хантыйские легенды / сост. Г. В. Голынец. Свердловск 1991; Геннадий Райшев. Графика / сост. и авт. втуп. ст. Г. В. Голынец. Екатеринбург, 2004.

[129] «Югорская легенда», серии «Рыбаки», «Перекличка богатырей», «Женщина-морошка» и др.

[130] Имеются в виду жители Югры, не являвшиеся представителями коренных малочисленных народов, — М. Е. Бронников, П. С. Бахлыков, Д. М. Змановский, М. А. Климов и др.

[131] Подвижник из Угута. П. И. Бахлыков: Неопубликованные и малоизвестные страницы творчества / сост., текст Дмитриева М. В., предисл. Рогачёв В. А. Тюмень, 2000. 142 с.

Рис. 5.24. Райшев Г. С. Миша Лемпин. Серия «Мужички салымские». 1972. Линогравюра. Галерея-мастерская Г. С. Райшева, филиал БУ ХМАО — Югры «Государственный художественный музей»

Рис. 5.25. Райшев Г. С. Югорская легенда 1986. Холст, масло. 200х300. Галерея-мастерская Г. С. Райшева, филиал БУ ХМАО — Югры «Государственный художественный музей»

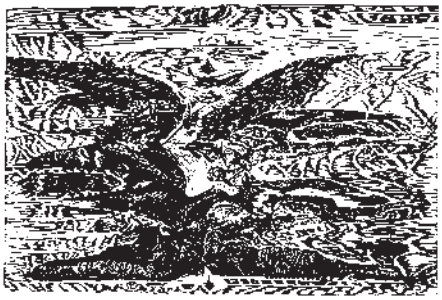


Рис. 5.26. Райшев Г. С. Земля предков. Линогравюра. 1972 г. Галерея-мастерская Г. С. Райшева, филиал БУ ХМАО — Югры «Государственный художественный музей»

Рис. 5.27. Райшев Г. С. Утка, слетающая с гнезда. Серия «Цветет багульник». 1980. Галерея-мастерская Г. С. Райшева, филиал БУ ХМАО — Югры «Государственный художественный музей»

предметов традиционной культуры стала основой для Угутского краеведческого музея. С 1950-х гг. совершал поездки с Урала к манси В. А. Игошев[132], создавший большой «северный» цикл.

Можно констатировать, что в искусстве Югры второй половины XX в. сложился тип художников — исследователей и хранителей культуры обских угров, которые органично продолжили развитие югорского изобразительного стиля.

[132] Владимир Игошев / сост., авт. вступ. ст. Ю. С. Мелентьев, текст В. А. Игошев. М., 1997.

Декоративно-прикладное искусство

Декоративно-прикладное искусство коренных народов округа продолжало развиваться согласно внутренним закономерностям, однако на него оказывали влияние изменившиеся условия жизни коренных народов Югры. Народное искусство тесно связано с традиционным образом жизни, природной и этнокультурной средой, и их разрушение оказывало негативное воздействие. В результате форсированного перевода коренного населения на оседлый образ жизни и кампании по ликвидации «неперспективных деревень» мастера оказались оторванными от исконной среды проживания. Лишившись доступа к необходимому для работы сырью, они постепенно утрачивали интерес к занятиям народными промыслами. Трудоустроенные в «сувенирных цехах» женщины хотя и работали с оленьим мехом[133], но производимые ими изделия — тапочки и игрушки не имели отношения ни к народному искусству, ни к традиционным технологиям.

Проживая в интернатах большую часть года, дети лишались возможности перенять традиции народного искусства у своих родных, а все, связанное с традиционным образом жизни, порой вызывало у них неприятие. Так, по отношению к опыту старшего поколения появилось выражение ***муй ӆыюм вєрат караӆаӆан*** (хант. что вы сгнившие дела ворошите).

Вместе с тем на государственном уровне предпринимались попытки поддержать народное искусство. При Союзе художников РСФСР была создана комиссия, занимавшаяся организацией выставок и конкурсов самодеятельного и народного искусства. При Доме народного творчества в Ханты-Мансийске был создан отдел по декоративно-прикладному и изобразительному искусству[134], а в 1959 г. уже начали проводить выставки[135].

Сотрудники Дома творчества провели несколько экспедиций к местам традиционного проживания коренных жителей с целью сбора экспонатов для методического кабинета. В 1980-х гг. ими были собраны этнографические рисунки, в которых было представлено все многообразие существовавших предметов одежды, утвари и убранства жилищ хантов и манси[136]. Сотрудники Дома творчества организовывали семинары по декоративно-прикладному искусству, участниками которых были жители поселений и представители интеллигенции, преимущественно учителя, которые вели кружки национального творчества. Не являясь носителями традиционной культуры, они зачастую смешивали представления о самодеятельном и народном искусстве, используя при изготовлении изделий «народного» творчества элементы, нехарактерные для культур народов Югры. Единственным действительно аутентичным этническим маркером оставался орнамент, который, правда, автоматически переносился на современные изделия.

Население, продолжавшее вести традиционный образ жизни, оставалось верным художественным канонам народного искусства, использовало природные материалы и традици-

---

[133] Мищенко А. Человек на своем месте // Охота и охотничье хозяйство. 1982, № 4. С. 3.

[134] С 1979 года — окружной научно-методический центр народного творчества и культурно-просветительной работы, с 1988 года — окружной Дом народного творчества народов Севера.

[135] Архивы Югры. История культуры Югры в архивных документах // URL: http://www.arhivugra.admhmao.ru.

[136] Одежда народов Югры: альбом этнографических рисунков. Ханты-Мансийск, 2015; Утварь обских угров (ханты и манси): альбом этнографических рисунков. Ханты-Мансийск, 2013; Поселения, постройки, средства передвижения, орудия труда народов Югры. Ханты-Мансийск, 2015.

онные технологии. Фабричные изделия не могли конкурировать по теплоте и прочности с меховой одеждой, изготовленной мастерицами, а шкуры оленя лучше всего подходили для покрытия чума. Изделия из меха: одежда, обувь, мешочки и т. д. по-прежнему декорировали методом меховой мозаики[137].

При том, что для изготовления женской одежды широко использовались ткани фабричного производства, крой и декорирование аппликацией оставались традиционными. Кроме того, все чаще в качестве украшения стал использоваться привозной бисер. Так, восточные ханты шили из сукна верхнюю часть двойной зимней шубы (сăқ), расшивая ее полосами бисера[138].

Вместе с тем жители стойбищ были открыты и к новшествам, например, стали изготовлять укороченную обувь из меха — *вей шэп* (бурки), популярные в посёлках. У северных групп обских угров постепенно сократилось производство и использование изделий из ровдуги, в частности, летняя поршневидная обувь и связанные с ней технологии, а на р. Юган эта традиция сохранилась.

Изделия из бересты по-прежнему создавались с учетом локальной специфики в технологии и орнаментации. Особый интерес представляли образцы, выполненные мастерами с Ваха, что нашло отражение в документальном фильме, посвященном им[139].

В мужских ремеслах по-прежнему оставалось актуальным изготовление лыж, нарт и лодок, домашней утвари, инструментов. Для мужских поясов и оленьей упряжи могли купить и фабричную кожу, но арканы плели из ровдуги домашнего производства. Изделия из кости использовали для украшения поясов и деталей упряжи.

Рис. 5.28. Здание, в котором находился Дом народного творчества. 1980-х гг. Окружной Дом народного творчества. Ханты-Мансийск

Рис. 5.29. Женская зимняя одежда (сăх). Вторая пол. XX в. Музей с. Казым. Фото Е. Листюка

[137] Молданова Т. А. Казымский орнамент. Ханты-Мансийск, 2013. С. 36–43.

[138] Молданова Т. А. Орнамент по бисеру хантов р. Тромаган // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 168.

[139] Береста с Берегов Ваха. Документальный фильм. 1986 г. Автор проекта Н. Н. Федорова.

Рис. 5.30. Коробочка из бересты (туис). Мастер М. К. Кунина. 1990 г. Корлики, Нижневартовский район. Фото Д. Б. Куниной

Рис. 5.31. Коробочка из бересты (йиӈал). Мастер П. И. Рандымова (соб. Т. П. Аликова). 1960-х гг. Фото Т. А. Молдановой

Таким образом, в декоративно-прикладном искусстве стали чаще использовать новые фабричные материалы, изменился ассортимент изделий. Вместе с тем, сохранилась большая часть основных видов традиционного искусства. Особую художественную ценность представляла орнаментированная береста, меховая мозаика, аппликация тканью по ткани, резьба по дереву и кости.

Самодеятельное искусство

Творчество представителей народов ханты и манси активно развивалось в 1950-е — 1980-е гг. и в форме художественной самодеятельности[140]. Широкую известность в округе и за его пределами получило творчество народных музыкантов и исполнителей народных песен.

Вплоть до середины 1960-х гг. ведущую роль в продвижении народного творчества продолжали играть «Красные чумы», Казымская и Сосьвинская культбазы[141]. Так, на Сосьвинской культбазе ежегодно проходили олимпиады — конкурсы художественной самодеятельности народа манси, где исполнялись новые песни, танцы и инсценировки[142]. С 1966 г. центром самодеятельного искусства манси стал п. Саранпауль, где регулярно, как и в других национальных посёлках, стали отмечать «Праздник оленевода».

Развитие народного искусства обских угров во многом было связано с деятельностью музыканта, исполнителя песен и танцев А. А. Ангашупова (1919–1981).

---

[140] Андреева К. С. Культурное строительство у малых народностей Обского Севера // Культурное строительство в Сибири в 1917–1960 гг. Новосибирск, 1962. С. 154–169.

[141] Казымская и Сосьвинская культбазы официально прекратили своё существование в 1960-х гг.

[142] Хромова А. М., Хромов В. В. Живой очаг культуры. Очерки из истории Сосьвинской культбазы. Ханты-Мансийск, 2000.

Лауреат и руководитель конкурсов, смотров и фестивалей разного уровня, первый заслуженный деятель культуры РСФСР из народа ханты, он создал фольклорный ансамбль «Северное сияние», получивший широкую известность благодаря постановкам хантыйских и мансийских народных произведений, в том числе появлению популярных народных песен «Куринька» (хант. Грунюшка)[143], «Петусь» (хант. Федосья) и др., ставших впоследствии хитами самодеятельного исполнительства в Югре.

Известность получило творчество народных музыкантов Т. Г. Костина из Вежакар, И. Д. Неттина из Тег; П. Купландеева с р. Юган; П. Е. Шешкина с Северной Сосьвы и др.

Важную роль в развитии художественной самодеятельности сыграла широкомасштабная компания по сбору фольклора, развернувшаяся на территории края. В ней принимали участие профессиональные исследователи, творческая интеллигенция и исполнители ханты и манси. Побудительным мотивом была потребность представить образцы поэтического и музыкального творчества своего народа широкой публике с помощью средств массовой информации — в газетах и на радио. Одним из каналов презентации устного народного творчества народов Югры стала газета «Ленин пант хуват» (хант. — «По ленинскому пути»), выходившая с 1959 г. на хантыйском языке[144]. До начала 1990-х гг. газета публиковала по несколько фольклорных текстов в год, при этом имя сказителя, место, время проведения записи указывалось редко. Всего за это время было опубликовано 100 сказок, 40 песен и 11 тестов «йис путар» (хант. — «старинный рассказ») — быличек. Реже печатали пословицы и загадки, песен религиозного содержания и личных — песен судьбы не было представлено вовсе. Для потребностей художественной самодеятельности больше подходили песни праздничные, профессиональные, связанные с прославлением социалистического образа жизни. Возникавшие под влиянием политических идей и установок того времени, песни, сложенные А. Агашуповым, В. Алычевым, С. Тарлиным, Д. Дунаевой, Г. Лазаревым, А. Обатиным, К. Эмалевым, С. Волдиным, А. Сенгеповым, М. Овчинниковым и Л. Хазановым, М. Вахрушевой, П. Шлеевым,

Рис. 5.32. А. А. Ангашупов. Фото из архива Н. В. Крюковой, пос. Шеркалы

Рис. 5.33. Выступление на концерте. Фото из архива Н. В. Крюковой, пос. Шеркалы

[143] Первоначальный вариант — «Апа (хант. «девушка») Куринька Семенóвна».

[144] В период 18.08.1960–31.03.1965 г. газета выходила под названием — «Ленинская правда» на русском языке.

Рис. 5.34. Выступление ансамбля «Северное сияние». Фото из архива Н. В. Крюковой, пос. Шеркалы)

Рис. 5.35. Выступление ансамбля «Аранг Моньсынэ». 1986 г. Фото из архива М. К. Волдиной, пос. Шеркалы

С. Ромбандеевым и др., также создавались в русле народной традиции[145]. С конца 1960-х гг. популяризацией творчества народов Югры активно занималась М. К. Волдина (хантыйская поэтесса и сказительница Мария Вагатова). В её репертуаре были хантыйские народные песни, а также авторские песни и песни на стихи супруга — хантыйского поэта В. С. Волдина. Многие из этих произведений были исполнены ею для окружного радио, а некоторые вошли в репертуар студенческого ансамбля Ханты-Мансийского педагогического училища. В 1975 г. М. К. Волдина стала инициатором записи пластинки «Хантыйские народные песни» в исполнении М. К. Волдиной, Н. Ф. Лихачевой (Отшамовой), Д. Г. Гындышева, К. Г. Новьюхова и Г. К. Тышкевич на фирме звукозаписи «Мелодия».

Самодеятельное искусство было представлено и исполнением на музыкальных инструментах. Так, инструментальные наигрыши «Вурна», «Хутанг» и др. в исполнении И. Д. Неттина, составили значительную часть коллекции фольклорных произведений, обработанных В. С. Волдиным для Ханты-Мансийского окружного радио. Некоторые из этих мелодий, а также песни Л. А. Тарагупты на среднеобском говоре были переложены на ноты эстонским музыковедом Х. Сильветом[146].

В начале 1970-х гг. были записаны фольклорные тексты от сказителей П. С. Аликова из п. Кышик Ханты-Мансийского района, С. И. Юхлымова из Полноватa, С. И. Тоголмазова из Казыма, Л. А. Мултанова из Варьегана и др. При поддержке сотрудников научно-исследовательской лаборатории комплексных исследований по языку, фольклору, материальной и духовной культуре народов ханты и манси (рук. Е. И. Ромбандеева) М. К. Волдина восстановила записи текстов девяти хантыйских сказок, сделав к ним литературный перевод на русский язык.

В 1970-х — начале 1980-х гг. представителями национальной интеллигенции Е. Д. Айпиным и Т. А. Молдановой, этномузыковедами В. А. Петровой, Л. Б. Бельченко, О. В. Мазур, Г. Е. Солдатовой и др. было записано около 300 фонограмм фольклорных произведений аганских,

[145] См., например, Сборник хантыйских и мансийских песен и танцев (в помощь коллективам художественной самодеятельности) / Муров В. Ханты-Мансийск, 1959.

[146] Сильвет Х. Инструментальная музыка обских угров (хантыйские наигрыши на лире). Таллин, 1991.

ваховских, юганских, угутских и казымских хантов. Среди них — песни в исполнении Л. Я. Федотова, Д. Г. Немысова, Пяткова[147], Д. Г. Гындышева, Р. С. Доровина и др., записанные поэтом И. И. Шульгиным[148] и Л. А. Тарагуптой и А. С. Песиковой (Сопочиной).

Песни, в том числе из программы медвежьих игрищ, и сказки в исполнении восточных хантов — Е. А. Айпина, Г. В. и Е. А. Покачевых, В. С. Айваседы, И. С. Сопочина, М. С. Тырлина, А. З. Тылчина, Я. Н. Нимперова и др. были записаны хантыйским писателем Е. Д. Айпиным и Т. А. Молдановой (Видиновой) во время экспедиций 1982–1989 гг. Фольклорист Л. В. Бельченко в 1983–1985 гг. записала образцы музыкального народного творчества в исполнении хантов с р. Большой Юган — П. В. и Е. Ф. Курломкиных, Н. Г. Цинганина, Ф. Н. Когончина, Е. Н. Тайлакова, Е. Н. Усановой, П. К. и Н. П. Купландеевых и Л. П. Каюкова. Перевод текстов песен осуществила А. Д. Ярсомова из Угута. В 1990 г. Я. и У. Орас записали песни от Е. Н. Казаковой и Е. А. Немысовой в г. Ленинграде.

Предвидя и наблюдая негативные последствия стремительного развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на состояние традиционной культуры хантов и манси, исследователи — Л. В. Бельченко, Е. Шмидт, Н. В. Лукина — выступили с инициативой по созданию специальных мини-архивов в местах компактного проживания хантов и манси для записи и сохранения их культурного наследия. При поддержке писателя Е. Д. Айпина, являвшегося депутатом Верховного Совета СССР, этот проект удалось реализовать, создав в 1991 г. в г. Белоярском первый научный фольклорный архив[149].

Важную роль в сохранении форм самодеятельного искусства сыграло возрождение традиции проведения коллективных медвежьих игрищ, активно поддержанное общественной организацией «Спасение Югры». Основная задача этих игрищ состояла в том, чтобы собрать оставшихся носителей фольклора с целью реставрации полузабытого обряда. В игрищах, организованных в 1988 г. в Ханты-Мансийске Татьяной и Тимофеем Молдановыми, приняли участие ханты и манси из разных районов Югры. Художественная форма праздника была представлена на II Всемирном фольклорном фестивале в Москве. После этого медвежьи игрища стали проводиться и в других районах Югры. Активная работа по сбору образцов народного творчества подготовила базу создания репертуара для самодеятельных коллективов, многие из которых благодаря мастерству исполнителей были удостоены звания «народных». В начале 1980-х г. по инициативе М. К. Волдиной, Е. А. Нёмысовой, Г. К. Тышкевич, Е. Н. Вожаковой и др. был создан фольклорно-этнографический ансамбль «Аранг Моньсьнэ» (хант. — «Поющая сказочница»).

Заслуженный деятель культуры РФ М. К. Волдина также организовала семейный фольклорный этнографический ансамбль «Ешак Най»[150] (хант. «Женщина-богиня, подобная огню и солнцу»). В его репертуар вошли народные и авторские произведения, переработанные сценки из Медвежьих игрищ. Ансамбль стал известен активной культурно-просветительской деятельностью как на территории округа, так и за его пределами, став участником всероссийских смотров, финно-угорских фестивалей. Позднее на его основе была создана окружная Фольклорная школа для обучения обско-угорскому народному искусству.

---

[147] Инициалы, к сожалению, не были записаны.

[148] Известный хантыйский поэт и писатель Микуль (Иван) Иванович Шульгин (1940–2007).

[149] Впоследствии — Научный фольклорный архив северных хантов.

[150] Волдина Т. В. О вкладе семейного фольклорного ансамбля «Ешак най» в развитии современной хантыйской культуры // Музыка и танец в культуре обско-угорских народов. С. 52–56.

Глава 6

Народы Югры в фокусе научных исследований

Проблематику и тональность исследований истории и культуры коренных народов Югры, проводившихся с 1950-х гг., в значительной степени определяли общая идеологическая направленность и главенство концепции смены общественно-экономических формаций. В рамках такого подхода история народов Северо-Западной Сибири — хантов, манси и лесных ненцев рассматривалась как переход от первобытнообщинного строя через болезненный период классового и национального угнетения царским режимом к расцвету в условиях советского государства[151]. Вместе с тем, в 1960–70-х гг. сформировался новый взгляд на процессы колонизации Сибири, который учитывал многоукладность экономики и быта пришлого русского населения и последовательно проводимую царским правительством политику, что в совокупности создало историческую среду, в которую безболезненно вписывались бытовавшие у коренных жителей социальные отношения[152]. В аналогичном русле рассматривалась миссионерская деятельность и политика правительства в отношении религий, создавшая условия для взаимного приспособления и переплетения христианства и религиозных традиций народов Югры[153]. Новой темой в изучении религиозных традиций народов Югры стало исследование церковной организации и приходских общин новокрещеных[154]. На протяжении всего рассматриваемого периода предпринимались попытки комплексно рассмотреть историю и культуру народов Югры не только в контексте их принадлежности к малочисленным народам Севера или частных сюжетов истории Северо-Западной Сибири, но и с позиции этнической истории каждого из народов или их отдельных групп[155].

---

[151] См.: Сергеев М. А. Народы Обского Севера. Новосибирск, 1953; Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М., 1955; Свешников Н. А. Общественный строй у народов Нижнего Приобья в конце XIX — начале XX в. // УЗЛПИ. Л., 1961. Т. 222. С. 68–95; Бударин М. Е. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968. и др.

[152] Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в XVI–XVIII. М., 1972.

[153] Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.

[154] Зольникова Н. Д. Борьба за контроль над сибирской приходской общиной и институт церковных старост (источники XVIII в.) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 87–102; Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1991.

[155] См., например, Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв. Томск, 1977; Соколова З. П. Ханты рек. Сыня и Куноват // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1975. С. 15–66; Мартынова Е. П. Южные ханты в XVII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

Этнодемография

Большое внимание уделялось также проблемам этногенеза, племенному и родовому составу, социальной организации народов Северо-Западной Сибири, их взаимоотношениям с властями и пришлым русским населением. В развитие данного направления была проведена широкомасштабная работа по изучению проблем родства, экзо- и эндогамии и др[156]. На основе анализа обширного корпуса материалов учета населения — ясачных книг и ревизий была определена динамика численности отдельных групп хантов и манси, начиная с XVII в., территории их расселения и соотношение форм традиционной социальной организации с единицами административного учета[157]. По некоторым группам удалось проследить эти процессы до начала 1990-х гг. Специальной темой исследования, позволившего детальнее представить систему родства и социальной организации обских угров, стали их личные, семейные и родовые тамги[158], а также терминология родства в языках народов Югры[159]. Проводимые исследования были в основном направлены на изучение дореволюционного периода истории.

Важной вехой в истории изучения народов Югры стала подготовка тома, посвященного народам Сибири, в рамках серии «Народы России». Использовав музейные, архивные, литературные материалы, а также результаты собственных многолетних полевых исследований, коллектив авторов создал комплексное описание этнической истории хантов и манси и характерных черт их культуры[160]. Вместе с тем сюжетов, связанных с религиозными традициями народов Югры, в этом фундаментальном труде представлено не было.

Новой темой в рамках этнодемографического направления стало изучение проблем традиционной семьи и детства[161].

---

[156] Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов // общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 103–153; Соколова З. П. Социальная организация обских угров (к истории вопроса) // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 82–132; Соколова З. П. Общественный строй у обских угров в XVII–XIX вв. // ИИС. Томск, 1976. Вып 21. С. 220–231; Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М., 1983; Соколова З. П. Еще раз о роде у хантов и манси // Семья и социальная организация финно-угорских народов. Сыктывкар, 1991. С. 94–104. и др.; Бабаков В. Г. К вопросу о разложении традиционной племенной организации обских угров // Проблемы истории СССР. М., 1973. С. 456–467; Бабаков В. Г. Историческое место фратрии в структуре социальных связей западносибирских угров // СЭ. М., 1988. № 3. С. 36–47; Вереш П. К вопросу о происхождении дуально-фратриальной организации обских угров // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. М., 1977. С. 43–59; Пика А. И. К изучению социо-демографической структуры манси Сосьвинского Приобья (XVII–XX вв) // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М., 1980. С. 106–122; Пика А. И. Соседская община в процессе формирования северомансийской этнической общности // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 151–152; Пивнева Е. А. Некоторые этнодемографические характеристики семейной группы верхне-сосьвинских манси // МС «Народы и культуры Обские угры (ханты и манси). Вып. VII. М., 1991. С. 144–155 и др.

[157] Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // ТИЭ. Т. 55. М., 1960; Долгих Б. О. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири. М., 1964.

[158] Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965.

[159] Вавра К. И. Терминология родства венгерского и мансийского языков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тарту, 1970.

[160] Народы Сибири (этнографические очерки). М.; Л., 1956.

[161] Федорова Е. Г. Ребенок в традиционной мансийской семье // традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 80–95; Перевалова Е. В. Брачно-родственные отношения северных хантов // Экспериментальная археология. Тобольск, 1991. С. 118–128.

Исследования в области лингвистики

Вектор, определявший развитие научных изысканий в сфере лингвистики, был связан с необходимостью решения практических задач по продвижению грамотности и развитию системы образования в среде народов Югры. Острой необходимостью выработки понимания ситуации и подготовки основы для преподавания и сохранения родных языков народов была вызвана серия лингвистических исследований языков и диалектов хантов, манси и лесных ненцев[162], создание словарей[163], хрестоматий и учебников[164].

В 1970-х гг. появились центры, специализировавшиеся на изучении отдельных сюжетов в области лингвистики. Так, группа филологов Института истории, филологии и философии АН СССР[165] на протяжении 1970–80 гг. проводила исследования фонетики языков и диалектов хантов и манси[166]. Лингвисты-угроведы в Новосибирском государственном университете со-

---

[162] Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. М.; Л., 1961. Ч. 1; Терешкин Н. И. Хантыйский язык // Языки народов мира: финно-угорские языки. М., 1966. Т. 3. С. 319–342; Картина А. И. Именное словообразование в мансийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955; Ромбандеева Е. И. Каузативные глаголы в современном мансийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1964; Ромбандеева Е. И. Фонетические особенности в диалектах северных манси // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1964. С. 51–58; Ромбандеева Е. И. Мансийский язык // ЯНСС. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. Т. 3. С. 343–360; Ромбандеева Е. И. Мансийский язык // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермский и угорские языки). М., 1976. С. 229–239; Ромбандеева Е. И. Синтаксис мансийского (вогульского) языка. М., 1979; Ромбандеева Е. И. К вопросу об усовершенствовании алфавита, графики и орфографии // Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР. М., 1982. С. 176–181; Баландин А. Н. Основные правила произношения и правописания мансийского языка. Л., 1959; Вахрушева М. П. Формирование сложных слов мансийского языка на базе соматической лексики (на материале кондинского диалекта): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965; Кузакова Е. А. Южно-мансийский (кондинский) диалект (в сопоставлении с северо-мансийским диалектом): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1963; Сайнахова А. И. Служебные слова в мансийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966; Лыскова Н. А. Подлежащее и сказуемое в хантыйском и мансийском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1988; Франк-Каменецкая Т. Д. К вопросу о лексике тавдинского диалекта мансийского языка // Исследования по языку и фольклору. Вып. 1. Новосибирск, 1965. С. 184–201; Вербов Г. Д. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 3–190; Попова Я. Н. Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. М., 1978.

[163] Ромбандеева Е. И. Русско-мансийский словарь для мансийской школы / под ред., с грамматич. приложением и послесловием А. Н. Баландина. Л., 1954; Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л., 1958; Попова Я. Н. Ненецко-русский словарь (лесное наречие). Szeged, 1978; Терешкин Н. И. Словарь восточнохантыйских диалектов. Л., 1981; Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский для учащихся начальной школы. Л., 1982.

[164] Баландин А. Н. Самоучитель мансийского языка. Л., 1960. 247 с.; Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийский язык. Уч. пособ. для педагог. училищ. Л., 1957. 275 с.; Русская Ю. Н. Самоучитель хантыйского языка. Л., 1968; Немысова Е. А. Волдина М. К., Лыскова Н. А., Сенгепов А. М. Хантыйский язык 1988.

[165] Институт филологии СО РАН.

[166] Куркина Г. Г. Дистрибуция гласных в первом слоге языка казымских ханты (по дентопалатограммам) // Языки народов Сибири. Кемерово, 1980. С. 158–170. Куркина Г. Г. Вокализм языка казымских ханты в фонологическом аспекте // Языки народов СССР. Новосибирск, 1988. С. 114–120; Верте Л. А. Латеральные фонемы [l], [b], [Ã] в казымском диалекте хантыйского языка // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1979. С. 14–27; Верте Л. А. Дистрибуция и инвентарь согласных фонем в языке казымских ханты // Исследования языков народов СССР. Новосибирск, 1985. С. 80–96; Тамбовцев Ю. А. Сочетание фонем в мансийском языке // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. Новосибирск, 1979. С. 30–39; Тамбовцев Ю. А. Гласные мансийского языка с точки зрения их сочетаемости с согласными // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. Новосибирск, 1981. С. 123–138.

средоточились на изучении морфологии, семантики[167] и синтаксиса[168]. Исследования в области ономастики проводились как профессиональными лингвистами, так и этнографами[169].

Изучение разных аспектов хантыйской лексикологии, грамматики, фонетики развивалось и в ГДР[170]. Вернувшийся из СССР выдающийся лингвист В. Штейниц создал центр изучения угроведения в Берлине, результатом работы которого стала подготовка наиболее полного лексикографического свода хантыйского языка, включившего данные по всем диалектам, а также этимологические сведения с опорой на данные разных финно-угорских языков[171]. Ученики В. Штейница издали собрание трудов учителя, включившее разноаспектное описание фонетики, лексики и грамматики по многим диалектам и говорам хантыйского языка[172], а также продолжили исследования в области обско-угорского языкознания[173].

---

[167] Соловар В. Н. Семантические группы глагольных сказуемых безактантных и одноактантных предложений в казымском диалекте хантыйского языка // Компоненты предложения. Новосибирск, 1988. С. 82–87; Соловар В. Н. Структурно-семантические типы простого предложения казымского диалекта хантыйского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991; Черемисина М. И., Соловар В. Н. Залоговость, переходность, прямой объект в языках разных систем // Языки Сибири. Грамматические исследования. Новосибирск, 1991. С. 66–84.

[168] Каксин А. Д. Система значений категории неочевидного наклонения в хантыйском языке // Морфология глагола и структура предложения Новосибирск, 1990. С. 106–114; Скрибник Е. К. К описанию системы моделей простого предложения в мансийском языке (предложения с именным сказуемым) // Системность на разных уровнях языка (на материале языков Сибири). Новосибирск, 1990. С. 95–125; Ковган Е. В. Причастные определительные конструкции в западных диалектах хантыйского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991; Кошкарева Н. Б. Структурно-семантическая классификация причастно-послеложных и причастно-падежных конструкций хантыйского языка // Языки народов Сибири. Новосибирск, 1986. С. 26–38; Кошкарева Н. Б. Терминология родства и свойства в хантыйском языке // Языки Сибири: Грамматические исследования. Новосибирск, 1990. С. 108–124; Кошкарева Н. Б. К вопросу об инфинитиве в хантыйском языке // Морфология глагола и структура предложения. Новосибирск, 1990. С. 79–92; Кошкарева Н. Б., Скрибник Е. К. Khanti and Mansi: Relationship between linguistic survival and cultural survival // Northern and Circumpolar Religions. Helsinki, 1990. С. 207–217; Кошкарева Н. Б. Конструкции с инфинитными формами глагола в хантыйском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1991.

[169] Матвеев А. К. О древнейших местах расселения угорских народов по данным (по данным языка) // УЗ ПГУ / Тр. Камской археологической экспедиции. Пермь, 1968. № 191. Вып 4. С. 136–146; Матвеев А. К. К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии // Ономастика европейского Севера СССР. Мурманск, 1982. С. 49–58; Герасимова Д. В. О названиях промысловых животных в мансийском языке // Лексико-грамматические исследования языков народов Севера СССР. Л., 1980. С. 71–79; Герасимова Д. В. Табуистические названия медведя в мансийском языке // Вопросы лексикологии и грамматики языков народов Крайнего Севера СССР. Л., 1983. С. 29–32; Соколова З. П. Наследственные, или предковые, имена у обских угров и связанные с ними обычаи // СЭ. М., 1975. № 5. С. 42–53; Соколова З. П. Антропонимия обских угров как источник для изучения этнической истории // Этническая ономастика. М., 1984. С. 78–81.

[170] Ganschow G. Wege zur Strukturbeschreibung des einfachen Satzes im Ostjakischen // Symposion uber Syntax der uralischen Sprachen. Gottingen, 1970. P. 65–76; Ganschow G. Die temporalen Satzmorpheme des Sherkal-Ostjakischen // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 72. Helsinki, 1973. S. 65–71; Ganschow G. Die lokalen Satzmorpheme des Scherkal-Ostjakischen // Ural-Altaische Jahrbuche. Wiesbaden, 1986. Bd. 6. S. 68–75; Hartung L. Zur Asyndese und Syndese in chantischen Texten // Nyelvtudomanyi Kozlemenek. 88. 1986. 229–237; Hartung L. Zur Syntax des Parallelismus in der ostjakischen Prosadichtung // Linguistische Studien. A. 161/1. Berlin, 1987. P. 55–110; Schiefer E. Zur Konkurrenz zwischen Infinitiv und Particip Prasens im Ostjakischen // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. 72. Helsinki, 1973. P. 348–349; Schiefer L. Zum Gerundium im Ostjakischen // Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. 150. Helsinki, 1973. P. 352–357; Schiefer L. Zum syntaktischen Gebrauch des Locativus im Vach-Ostjakischen // Ural-Altaic Series. 131. 1977. P. 289–301 и др.

[171] Dialektologishes und Etymologyshes Worterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966–1994.

[172] Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Bd. I–IV. Budapest, 1975–1980.

[173] Schulze B. Zum Wortparallelismus in der (nord-) ostjakischen Volksdichtung // Parallelismus und Etymologie. Studien zu Ehren von Wolfgang Steinitz anlässlich seines 80. Geburtstags am 28. Februar 1985 //

Системная работа по изучению хантыйских диалектов и вокализма проводилась в Венгрии. Результатом многолетних исследований стал словарь северных диалектов хантов и хрестоматия[174], включившая наиболее полные и систематически изложенные сведения о хантыйском языке, в том числе данные сравнительно-исторического изучения на фоне других финно-угорских языков. Фундаментальное описание страдательного залога обско-угорских языков как типологически значимого механизма выражения субъектно-объектных отношений было подготовлено в Финляндии[175]. А исследователь из Австрии рассмотрел синтаксис финно-угорских языков в контексте сравнительного языкознания[176].

Фольклористика

Традиция массового сбора фольклора у разных групп хантов и манси, заложенная в предыдущие десятилетия, получила новый импульс в связи с потребностью создания учебников. Большое внимание уделялось анализу и публикации текстов как на языке оригинала, так и в переводе на русский. Так Н. И. Терешкиным была сформирована обширная коллекция фольклорных текстов на среднеобском, казымском, ваховском, сургутском и салымском диалектах хантыйского языка, представленная героической и лирической поэзией, медвежьими песнями, сказочной прозой, преданиями, произведениями малых жанров. Часть из них была сразу опубликована в оригинальном варианте[177], другая — в переводе на русский. Сбор велся не только профессиональными филологами, но и этнографами во время комплексных экспедиций, и, поскольку записи велись на русском, то основная ценность материалов заключалась в информации по истории и культуре народов. Одним из результатов многолетних (с 1959 по 1990-х гг.) экспедиций томских этнографов Н. В. Лукиной и В. М. Кулемзина на реках Васюган, Обь Александровского района Томской области, а также реках Юган, Вах, Аган, Тром-Аган, Пим, Лямин, Конда, Казым; в низовья Оби, реки Сыня и тундры Полярного Урала[178] стала публикация фольклорных текстов на русском языке в сборнике, который включил их собственные материалы и те, что были записаны другими исследователями[179]. Важной вехой в истории изучения фольклора народов Югры стало издание

Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte. Berlin, 1987. P. 111–146; Schulze B. Der Wortparallelismus als Stillmittel der (Nord-) ostjakischen Volksdichtung. Szeged, 1988; Lang E. Parallelismus als universelles Prinzip sekudärer Strukturbildung // Parallelismus und Etymologie. Studien zu Ehren von Wolfgang Steinitz anlässlich seines 80. Geburtstags am 28. Februar 1985 // Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte. Berlin, 1987. S. 1–54; Hartung L. Zur Synax des Parallelismus in der ostjakischen Prosadichtung // Parallelismus und Etymologie. Studien zu Ehren von Wolfgang Steinitz anlässlich seines 80. Geburtstags am 28. Februar 1985 // Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte. Berlin, 1987. S. 55–110; Austerlitz R. Ob-ugric Metric. Helsinki, 1958; Austerlitz R. Der Ostjakische Versbau // Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest, 1963. S. 226–267.

[174] Honti L. Zur Frage nach der Herausbildung der Ostostjakischen Mundarten im Lichte der Lautgeschichte // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Tomus 31. Budapest: Akadémiai Kiadó 1981. Pp. 87–106; Honti L. Vergleichende Analyse der Phonologie der nördlischen Mundarten der obugrischen Sprachen // Finnisch-Ugrische Forschungen. Helsinki, 1982b. P. 11–21; Honti L. Die ob-ugrischen Sprachen. II. Die ostjakische Sprache // The Uralic Languages. 1988. P. 172–196.

[175] Kulonen U.-M. The passive in ob-ugrian. Helsinki, 1989.

[176] Riese T. The Conditional Sentence in the Ugrian, Permian and Volgaic Languages (Studia Uralica 3). Wien, 1984.

[177] Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. М.; Л., 1961. Ч. 1.

[178] См.: Волдина Т. В. Хантыйский фольклор: история изучения. Томск, 2002. С. 58–59.

[179] Легенды и сказки хантов / зап., введ. и прим. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. Томск, 1973; Материалы по фольклору хантов / зап., введ. и прим. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. Томск, 1978.

фундаментальной работы «Мифы, предания, сказки хантов и манси», в которой была проанализирована историография изучения фольклора, предложена классификация жанров, освещены особенности исполнительской традиции, дан обстоятельный анализ текстов по всем диалектно-этнографическим группам[180].

Создание обширной источниковой базы фольклорных текстов позволило значительно разнообразить тематику проводимых исследований, включивших изучение межэтнических связей обских угров с другими народами[181].

Развитие новых в советском угроведении дисциплин, в том числе этномузыковедения, позволило представить культуру обских угров более глубоко и детально. Значительный вклад в изучение обско-угорского музыкального фольклора внесли эстонские исследователи, проведя с 1977 г. серию экспедиций по сбору образцов музыкального творчества хантов[182]. Песни, прозаический фольклор, инструментальные наигрыши и т. д., записанные во время экспедиций 1970–1980-е г., хранятся в Литературном музее им. Ф. Р. Крейцвальда в г. Тарту. Аудиозапись хантыйских песен также систематически осуществлялась во время концертов в 1975–1985 гг.[183]

Планомерный сбор образцов музыкального творчества народов Югры проводился разными научными центрами в 1970–1980-х гг. В 1976 г. были записаны песни и наигрыши в Верхних и Нижних Нарыкарах Октябрьского района, а также в Берёзовском районе Ханты-Мансийского округа; в 1978–1990-х гг. — в Октябрьском и Сургутском районах Ханты-Мансийского округа и Приуральском районе Ямало-Ненецкого округа[184]. В 1988–1991 гг. Новосибирской государственной консерваторией была проведена серия экспедиций в посёлки Казым, Юильск и Амня Белоярского района, во время которых целенаправленно проводилась фонозапись, что позволило глубже понять традицию проведения медвежьих праздников на Казыме, детальнее изучить музыкальную составляющую обрядового фольклора сургутских хантов[185].

---

[180] Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и прим. Н. В. Лукиной. М., 1990.

[181] Куприянова З. Н. К вопросу о жанровом составе фольклора угро-самодийских народностей // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972. С. 138–146; Иванов В. В. Связи фольклора и языков обско-угорских народов с кетским фольклором и языком // Soome-ugrirahvadjaidamaad. Tartu, 1975. С. 30–34; Топоров В. Н. К иранскому влиянию в финно-угорской мифологии // Финно-угорские народы и Восток. Тарту, 1975. С. 72–76; Юдин Ю. И. Русская бытовая сказка и хантыйский мифологический рассказ // Советская этнография. М, 1979. № 1. С. 124–132; Ткаченко О. Б. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979. С. 146–160; Рочев Ю. Г. Коми-хантыйские фольклорные контакты // Национальное и интернациональное в коми литературе и фольклоре. Сыктывкар, 1982. С. 64–77; Яшин В. Б. О возможных истоках некоторых обско-угорских космологических представлений // Источники по истории Западной Сибири. Омск, 1987. С. 102–116; Vértes E. Ob-Ugrian and Samoyed Mythological Beliefs: Similarities and Differences // Uralic Mythology and Folklore. Budapest, 1989. Pp. 161–168; Сагалаев А. М. Птица, дающая жизнь (из тюрко-угорских мифологических параллелей) // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990.С. 21–34; Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991.

[182] Музыкальное наследие финно-угорских народов. Таллин, 1977; Музыкальный фольклор финно-угорских народов: Архаика и современность. Таллин, 1977.

[183] Волдина Т. В. Хантыйский фольклор... С. 68–71.

[184] Хантыйские и мансийские народные песни / сост. В. В. Петрова. Тюмень, 1983.

[185] Назаренко Р. Б. Обрядовый фольклор сургутских хантов: жанры и атрибуты // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа. Сыктывкар, 1990. С. 58–59; Назаренко Р. Б., Айпин Е. Д. Ранние формы эпоса в обрядовом фольклоре сургутских хантов // Проблемы изучения музыки эпоса. Клайпеда, 1988. С. 51–54.

Активное взаимодействие между центрами позволили подготовить серию публикаций текстов, а на их основе провести исследования межкультурного взаимодействия обских угров[186], собственно мелодий[187] и отдельных сюжетов музыкальной культуры хантов и манси[188].

С середины 1960-х гг., в работу по сбору произведений обско-угорского фольклора включились венгерские этнографы и лингвисты, получившие возможность вести полевые исследования в СССР. Значительная часть текстов была записана ими от студентов хантов и манси, обучавшихся в Ленинградском пединституте им. А. И. Герцена[189]. Во время стационарных исследований в районах проживания народов Югры был собран богатый материал, в том числе 170 северо-хантыйских и мансийских песен (мелодий с текстом), записанных и переданных Е. Шмидт в Институт музыковедения Венгрии. На основе анализа мелодий этого собрания была подготовлена серия работ по песенному творчеству манси и хантов[190]. Кроме того, было подготовлено несколько хрестоматий, содержащих оригинальные тексты на языке хантов и их переводы на европейские языки[191]. Расширение источниковой базы фольклорных текстов и их доступность создали условия для появления серии исследований в области изучения хантыйских героических песен и сказаний[192].

---

[186] Сенкевич-Гудкова В. В. Некоторые музыкальные и поэтические особенности саамских и хантыйских песен о зверях и птицах // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин, 1980. С. 249–265; Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллин, 1986; Айзенштадт А. М. Музыкально-фольклорные связи обских угров // Советская музыка. 1979. № 9. С. 104–108.

[187] Рюйтел И. Пятнадцать хантыйских народных мелодий из наследия В. Штейница // Музыкальное наследие финно-угорских народов. Таллин, 1977. С. 478–482.

[188] Сильвет Х. О хантыйском музыкальном инструменте тороп-юх // Искусство и фольклор народов западной Сибири. Томск, 1984. С. 109–122; Сильвет Х. О мухоморной песне обских угров // Мировоззрение народов западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 134–135; Сильвет Х. Пять наигрышей медвежьего праздника манси из репертуара Г. Н. Сайнахова // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллин, 1986. С. 28–38; Сильвет Х. Инструментальная музыка обских угров. Таллин, 1991; Соколова З. П. Музыкальные инструменты хантов и манси (К вопросу о происхождении) // Музыка в обрядовой деятельности финно-угров. Таллин,1986. С. 5–21.

[189] С 1991 г. — Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена.

[190] Lázar K. Egyosztják Dallamketvaltozata // Zenetudományi Dolgozatok. Budapest, 1982. P. 301–322; LázarK. Variálásazosztják énekekben // Zenetudományi Dolgozatok. Budapest, 1984. P. 199–208; Лазар К. Некоторые особенности вокальной музыки обско-угорских народов // Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum, Studia Hungarica, Syktyvkar, 1985. С. 289–293; Lázar K. On a New Ostyak Folksong Collection // International Kodalu Conference Budapest 1982. Budapest, 1986. P. 245–258; Lázar K. Structure and Variation in Ob-Ugrian Vocal Folk Music // Studia Musicologica Academiae Scientarum Hungaricae 30. Budapest: Akademiai Kiado, 1988. P. 281–296 и др.

[191] Rédei K. Nortern Ostjak Chrestomathy. Bloomington, 1965; Rédei K. Nord-ostiakische Texte (Kazym-Dialekt) mit Skizze der Grammatik. Göttingen, 1968; Gulya J. Eastern Ostyak Chrestomathi. Bloomington, 1966; Chrestomathia Ostiacica. Budapest, 1984; Хантыйские песни / зап. нац. текста и пер. Е. Шмидт, муз. транскрипция Л. Викар // Песня лесов. 100 народных песен финно-угров. Будапешт, 1985. С. 85–91; Siivekkäille jumalille, jalalliisille jumalille: mansien ja hantien runoutta / toimittanut ja suomentanut R. Bartens. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1986. 261 и др.

[192] Lakatos I. Osztják (chanti) hősdal // Evezredek eposzai. Budapest, 1970. Pp. 583–584; Frank G. Az osztják hősiénekek műfaji sajátosságai. Budapest, 1975; Radomski R. Geographisch-topographische Angaben in ostjakischen Heldenliedern // Ural-Altaische Jahrbücher (Neue Folge). Wiesbaden, 1985. S. 2–29; Mikesy G. Az obi-ugor hősepika mint történeti forrás. Budapest, 1989; Horvath Zs. Structural analysis of Ob-Ugrian heroic songs // Specimina Sibirica. 1990. P. 79–87; Vértes E. Hadmenet, haszmenet. Irtisi osztják mesek es mondak. Budapest, 1975; Vértes E. Volksepen der Ob-Ugrier // Volksepen der uralischen und altaischen

Характерной чертой исследований фольклора на территории Югры явилась включенность представителей народов ханты и манси в этот процесс, как исследователей, так и профессиональных исполнителей. Существенную роль в процессе сбора фольклора сыграли и обско-угорские писатели и поэты.

Важным направлением работы угроведов стало переиздание трудов классиков финно-угроведения: Й. Папаи, А. Регули, К.-Ф. Карьялайнена и др. Это дало возможность советским исследователям обратиться к научному наследию зарубежных коллег и ввести их работы в научный оборот путем обширного цитирования и переводов. Большую роль в поддержании интереса к народам Югры сыграла и популяризация этнографических исследований[193].

Исследования материальной культуры

Ускоренная социалистическая модернизация жизни народов Севера актуализировала задачи научного изучения уходящих традиций. Отдельным направлением стало исследование стремительно изменявшейся материальной культуры народов Югры. Появились работы, направленные на изучение традиционных хозяйственных занятий и ремесел, в том числе исследование плетения и ткачества, в котором был подробно описан процесс изготовления вещей и использованных при этом инструментов[194]. Исследования этого периода характеризовались междисциплинарным подходом: реконструкции проводились с использованием данных археологии, этнографии и лингвистики, что позволило, например, уточнить происхождение орудий запорного рыболовства[195]. Целая серия исследований была проведена с целью изучения традиций строительства жилищ[196] и средств передвижения[197]; одежды[198],

---

Völker. Wiesbaden, 1968; Vértes E. Utószó (Irtisi osztják mesek es mondak) // Hadmenet, naszmenet. Budapest, 1975; Vértes E. Südostjakische Epen und Heldenlieder // Neohelicon, 1978. Pp. 153–174; Vértes E. Talált kincs. Az osztjak népi eposzrol (Tar-fenyo-ferfi) // Nagyvlag, 1980 и др.

193 Сборник хантыйских и мансийских песен и танцев. Ханты-Мансийск, 1959; Соколова З. П. Страна Югория. М., 1976; Соколова З. П. Путешествие в Югру. М., 1982; Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989.

194 Козьмин В. А. Оленеводство народов Западной Сибири в конце XIX — начале XX в.: Проблемы происхождения и типология: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 1981; Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири // СМАЭ. Л., 1955. № 16. С. 41–146.

195 Васильев В. И. Проблема происхождения орудий запорного рыболовства обских угров // СЭС. М., 1962. Вып. 4. С. 137–152.

196 Соколова З. П. К истории жилища обских угров // СЭ М., 1957. № 2. С. 88–105; Соколова З. П. К истории развития обско-угорской землянки // Ежегод. Тюмен. Краев. Музея. Тюмень, 1959. Т. 1. С. 9–26; Соколова З. П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // СЭС (ТИЭ. Т. 84). М., 1963. С. 182–233.

197 Антропова В. В. Лыжи народов Сибири // СМАЭ. Л., 1953. № 14. С. 5–36; Лашук Л. П. Упряжное собаководство в северо-западном Приуралье // КСИЭ. Вып. 20. М., 1954. С. 27–34; Василевич Г. М., Левин М. Г. Оленный транспорт // ИАЭС. М.; Л., 1961. С. 11–26; Козьмин В. А. Лодка-нарта в этнографии народов Западной Сибири // Вестник ЛГУ. 1981. № 8. Вып. 2. С. 29–33; Козьмин В. А. К вопросу о происхождении нартенного транспорта в западносибирском оленеводстве // Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1983. С. 45–55; Козьмин В. А. Традиции в развитии современного оленеводства таежной зоны западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 42–56.

198 Прыткова Н. Ф. Одежда хантов // СМАЭ. М.; Л., 1953. № 15. С. 123–133; Kodolanyi J. Frauenkleidung der Ob-ugrier // Acta etnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1969. Vol. XVIII. P. 91–132; Федорова Е. Г. Одежда манси XIX–XX вв. // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 196–207.

головных уборов и обуви[199]. При этом акцент ставился на разработку типологии элементов культуры. Исследовалась также традиционная пища[200]. Возможности полевых исследований позволили подготовить серию работ, посвященных отдельным группам хантов, манси и лесных ненцев[201].

Изобразительное искусство народов Югры также являлось объектом постоянного интереса исследователей. На основе накопленного к середине XX в. материала была разработана типология орнамента и скульптуры обских угров, выявлены территориальные особенности и проведен структурный анализ орнаментов[202].

Экологический кризис, связанный с интенсивным развитием нефтегазового комплекса, политические и социальные перемены в стране, начало которым положила Перестройка, катализировали этническую мобилизацию в среде народов Севера и интерес к традиционной культуре, что, в свою очередь, актуализировало ее изучение. Так самостоятельным предметом исследования стало традиционное землепользование хантов и манси, современные этнокультурные процессы в условиях экологических вызовов[203].

Исследования в области духовной культуры

На фоне разрушения системы религиозных отношений и верований сложилось полноценное религиоведческое направление, которое в отличие от предыдущего периода, ориентированного на процессы распространения христианства в крае, включило сюжеты, связан-

---

[199] Прыткова Н. Ф. Верхняя одежда // ИАЭС. М.; Л., 1961. С. 227–338; Прыткова Н. Ф. Головные уборы // ИАЭС. М.; Л., 1961. С. 329–368; Василевич Г. М. Типы обуви народов Сибири // СМАЭ. Л., 1963. № 21. С. 3–64.

[200] Лукина Н. В. Субстратные компоненты в пищевых традициях хантов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 63–71; Лукина Н. В. Пища восточных хантов // МС «Народы и культуры». М., 1991. Вып. VII: Обские угры (ханты и манси). С. 88–116.

[201] Хомич Л. В. Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972. С. 199–214; Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985; Кулемзин В. М. Современные селения и жилища ваховских хантов // ТИЭ. Т. LVI. С. 178–198.

[202] Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.: Сюжетный рисунок и другие изображения на плоскости // ТИЭ. Т. XXII. М., 1954; Иванов С. В. Орнамент // ИЭАС. М.; Л., 1961. С. 369–434;. Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970; Чернецов В. Н. Исчезнувшее искусство (Узоры, выдавленные зубами на бересте у манси) // СЭ. 1964. № 3. С. 53–64; Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976; Рындина О. М. Орнамент салымских хантов // Роль Тобольска в освоении Сибири. Тобольск, 1987. С. 42–43; Рындина О. М. Прямолинейные ленточные орнаменты у восточных хантов (опыт структурного анализа) // Обские угры (ханты и манси) // МС «Народы и культуры». Вып. VII. С. 117–132.

[203] Balzer M. M. Strategies of ethnic survival: interactions of Russians and Khanty (Ostiak) in the twentieth century Siberia. Ph. D. diss., Bryn Mawr College, 1978; Соколова З. П. Современное культурное развитие и этнические процессы у обских угров // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М., 1985. С. 93–120; Соколова З. П. Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов (на материалах Сургутского и Нижневартовского районов Тюменской области): исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1990; Соколова З. П. Перестройка и судьбы малочисленных народов Севера // История СССР. 1990. № 1. С. 155–166; Соколова З. П. Традиционное землепользование охотников хантов и манси в прошлом и настоящем // Обские угры (ханты и манси) // МС «народы и культуры». М., 1991. Вып. VII. С. 78–87; Новикова Н. И., Федорова Е. Г. Поездка к ивдельским манси // Обские угры (ханты и манси) // МС «Народы и культуры». М., 1991. Вып VII. С. 132–144.

ные с изучением богатейшей духовной культуры обских угров и лесных ненцев. В ходе серии полевых сезонов, проведенных на территории проживания различных групп хантов и манси, была собрана и проанализирована уникальная информация о представлениях обских угров о душе[204], степени сохранности религиозных традиций, культовых местах[205], обрядах[206], культе животных[207], медвежьем празднике[208], шаманизме[209] и религиозных изменениях под воздействием православия.

Отход от жестких рамок, заданных идеологией, и открытие поля для зарубежных исследователей значительно обогатило тематику и подходы в исследованиях обских угров в 1980-х гг.,

---

[204] Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров // исследования и материалы по вопросам первобытных верований // ТИЭ. Т. 51. М., 1959. С. 114–156; Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.

[205] Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды у народов Сибири в XIX — начале XX века. Л., 1971. С. 211–239; Соколова З. П. Женские и мужские священные места у хантов р. Сыня // Итоги полевых работ ИЭ в 1971 году. М., 1972. С. 164–175; Лукина Н. В. Культовые места хантов р. Нюролька // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск, 1980. С. 92–99.

[206] Соколова З. П. Об одном традиционном обычае погребального цикла сынских хантов // Новое в этнографических и антропологических исследованиях (Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г.). М., 1974. С. 49–60; Соколова З. П. О некоторых погребальных обычаях северных хантов и манси // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 169–176; Соколова З. П. Похороны у казымских хантов // Полевые исследования Института этнографии. 1977. М., 1979. С. 249–253; Ромбандеева Е. И. Погребальный обряд сыгвенских манси // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения. М., 1980. С. 232–238. Кулемзин В. М. Об изображении умерших у северных хантов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 79–84. Balzer M. M. The Route to Eternity: Cultural Persistence and Change in Khanty Burial Ritual // Arctic Anthropology. 1980. № 17. Pp. 77–90; Зенько А. П., Козьмин В. А. Представления о человеке в погребальном обряде северных хантов // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990. С. 147–156.

[207] Лукина Н. В. Находки в Шишингах (культ лягушки и угорская проблема) // СЭ 1975. № 6. С. 143–154; Мошинская В. И., Лукина Н. В. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и Этнография Приобья. Томск, 1982. С. 46–60; Лукина Н. В. Формы почитания собаки у народов Северной Азии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1983. С. 226–233; Кережи А. Образ коня у финно-угорских народов Волго-Камья и Зауралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987; Kerezsi A. Die Herausbildung und die Rolle des Pferdekultes in der obugrischen Kultur // Specimina Sibirica. Pecs, 1988. T. 1. S. 125–148.

[208] Чернецов В. Н. Обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Helsinki, 1965. С. 102–111; Кулемзин В. М. Медвежий праздник у ваховских хантов // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972. С. 93–99; Новикова Н. И. Традиционные кукольные представления на медвежьем празднике у манси // Межэтнические контакты и развитие национальных культур. М., 1985. С. 89–98; Шмидт Е. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989; Schmidt E. Bear Cult and Mythology of the Northern Ob-Ugrians // Uralic Mythology and Folklore. Budapest, 1989. Pp. 187–232; Лукина Н. В. Общее и особенное в культе медведя у обских угров // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990. С. 179–191.

[209] Kalman B. Zwei Reinigungsriten im Barenkult der Obugrier // Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Volker. Budapest, 1963. S. 93–100; Кулемзин В. М. Шаманство Васьюганско-Ваховских хантов в конце XIX — начале XX вв. Из истории шаманства. Томск, 1976. С. 3–154; Кулемзин В. М. Материалы по шаманскому костюму хантов // СЭ. 1978. № 2. С 130–135; Siikala A.; L. The Rite technique of the Sibirian shaman. Helsinki: Siumalainen Tiedeakatemia. 1987. P. 217–225; Головнев А. В. Мироздание и шаман казымских хантов // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири Томск, 1990. С. 139–142; Соколова З. П. Проблемы изучения обско-угорского шаманства // Обские угры (ханты и манси). МС «Народы и культуры». Вып. VII. 7. М., 1991. С. 78–87; Федорова Е. Г. Некоторые материалы по шаманству манси // Обские угры ханты и манси. МС «Народы и культуры». Вып. VII. М., 1991. С. 165–175.

включив гендерный аспект и экологическую проблематику[210]. Народы Югры чаще стали выступать в качестве равноправных акторов исторического процесса, обладающих самоценной религиозной системой и собственным мировоззрением[211], а не набором пережитков.

Систематические полевые исследования, проведенные на территории расселения народов Югры в 1960-е-1980-х гг., не только создали обширную источниковую базу по этнографии народов Югры, но и заострили внимание на современных проблемах, что заложило основу для появления в последствии отдельного направления — кризисной этнологии, фиксирующей этническую ситуацию и ее болевые точки с целью экстренного разрешения конфликтов. Этнографами и лингвистами была выработана практика активного общения и сотрудничества с информантами и в постэкспедиционный период. Практика эта переросла в традицию, которая позволила не только получать и уточнять информацию, полученную в поле, но и шире привлекать к научной деятельности представителей народов Югры.

[210] Balzer M. M. Rituals of Gender identity: Markets of Siberian Khanty Ethnicity, Status and Belief // American Anthropologist. 1981. № 83 (4). P. 850–867; Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989.

[211] Новикова Н. И. Религиозные представления манси о мире // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 95–104; Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси: культовые места (XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1986; Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: дом и космос. Новосибирск, 1990; Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: дом и космос. Новосибирск, 1990 и др.

Заключение

От фронтира до форпоста: Югра в контексте позднесоветской истории

В истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры период 1953–1991 гг. занимает особое место. За очень короткое по историческим меркам время регион пережил качественный поворот в своем развитии. Его содержание определила «Великая югорская нефтяная революция» — понятие метафоричное, но это тот самый случай, когда метафора позволяет рельефнее представить суть происходивших тогда реальных перемен.

В 1950 г. Ханты-Мансийский национальный округ готовился отметить 20-летие со дня своего основания. По случаю юбилея планировались награждения наиболее выдающихся людей округа — обычная бюрократическая процедура, отработанная «по шаблону». Тюменские областные власти направили на имя И. В. Сталина соответствующий документ, в котором скромно отметили, что за прошедшие 20 лет в национальном округе «проделана *некоторая* работа по хозяйственному и культурному строительству» [здесь и далее курсив наш — *авт.*][1]. ЦК ВКП(б) тюменцев поддержал — был подготовлен «типовой» проект постановления Политбюро ЦК по этому вопросу. В проекте говорилось о «награждении орденами и медалями СССР особо отличившихся работников *промышленности*, *сельского хозяйства*, *науки*, *культуры*, *искусства*» округа[2]. В процессе согласования из текста документа были вычеркнуты «промышленность», «наука» и «искусство». Остались «сельское хозяйство» и «культура». В итоговом постановлении от 7 декабря 1950 г. появилась обтекаемая формулировка о награждении «работников *народного хозяйства и культуры*» Ханты-Мансийского национального округа[3].

Прошло еще 20 лет, и уже не отдельные люди, а округ в целом получил высшую государственную награду СССР — орден Ленина. Этой награды, как отмечалось в постановлении Политбюро ЦК КПСС от 9 декабря 1970 г., Ханты-Мансийский национальный округ был удостоен «за *большие успехи*, достигнутые трудящимися округа в выполнении пятилетнего плана *по освоению месторождений и увеличению добычи нефти*»[4]. Так через «наградные истории» можно получить наглядное представление о том, каким этот край был и каким он стал.

---

[1] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 619. Л. 88.

[2] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 619. Л. 94.

[3] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 619. Л. 93.

[4] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 619. Л. 115.

Регион «поднялся на нефти», когда открытие и освоение богатейших природных ресурсов обеспечили стремительный рост его промышленного и человеческого потенциала — факт, который не подвергается сомнению. Точно так же не оспаривается исключительно важная роль Западно-Сибирского «углеводородного фактора» в развитии советской экономики, в решении руководством страны стратегических и краткосрочных политических, социальных, международных проблем. Дискуссии начинаются в точке пересечения развития нефтегазового комплекса (НГК) и модернизационных процессов — позитивного и негативного эффекта их корреляции.

С наступлением «углеводородной эры», начало которой в СССР эксперты относят к концу 1930-х гг., нефтегазовый комплекс играл все более заметную роль в модернизации экономики страны, ее оборонной промышленности и социальной сферы[5]. В 1960-е — 1970-е гг. открытие и разработка запасов нефти и газа в Западной Сибири, уникальных по своим масштабам и качественным характеристикам, придали модернизационным процессам новый импульс. Однако после того, как в середине 1980-х гг. в нефтяной отрасли региона обозначились кризисные явления, связанные, в том числе, с истощением потенциала месторождений-гигантов и необходимостью качественной модернизации уже самого нефтегазового сектора[6], все чаще стал подниматься вопрос о «нефтегазовой зависимости» страны и «ресурсном проклятии»[7]. Тема «ресурсного проклятия» набирала популярность на фоне общего политического и экономического кризиса, в качестве одной из причин (а иногда и «первопричины») которого рассматривались доходы от эксплуатации Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ресурсной ренты). Они, по мнению некоторых экспертов, дали возможность советскому руководству за счет экспорта углеводородного сырья и импорта необходимых товаров и технологий обеспечивать в стране политическую и социальную стабильность, не занимаясь реформированием системы управления и экономики[8].

В таком контексте первой «жертвой» сибирской нефти была объявлена «косыгинская» реформа, а потом в «жертвенный список» попал и Советский Союз, распад которого связывали с резким падением цен на нефть, уменьшением объёмов нефтедобычи и сокращением валютных резервов[9]. Академик Г. А. Арбатов вспоминал: «И я, и многие мои коллеги в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов не раз думали, что западносибирская нефть спасла экономику страны … Потом начали приходить к выводу, что одновременно это богатство подорвало нашу экономику: постоянно откладывались назревшие и перезревшие реформы»[10].

---

[5] Славкина М. В. Нефтегазовый фактор отечественной модернизации. 1939–2008. М., 2015. С. 57, 397–398.

[6] Славкина М. В. Нефтегазовый фактор отечественной модернизации. С. 295.

[7] «Ресурсное проклятие» — совокупность негативных эффектов, проистекающих из обладания той или иной страной естественными богатствами и сказывающихся на ее экономическом, социальном или политическом развитии. См.: Росс М. Политические аспекты «ресурсного проклятия»: общий обзор // Неприкосновенный запас. 2019. № 4. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/126_nz_4_2019/article/21725/(дата обращения: 20.06.2023).

[8] Ермолаев С. А. Нефтегазовая зависимость Советского Союза: уроки для современной России // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2017. № 5 (515). С. 93–94.

[9] Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 196; Некрасов В. Л. Советская модель экономики: институты, нефтегазовые ресурсы и проблема «ресурсного проклятия» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Вып. 10 (54). URL: http://history.jes.su/s207987840001894–2–1 (дата обращения: 20.06.2023).

[10] Арбатов Г. А. Человек системы. М., 2002. С. 315.

На самом деле причинно-следственная связь между процессом свертывания реформ в СССР в конце 1960-х гг. и разработкой ресурсного потенциала Западной Сибири представляет собой многофакторную, а не прямую зависимость. Современные эксперты, рассматривая сценарии политического и экономического развития различных стран, обладающих богатыми природными ресурсами, предпочитают говорить об «условном проклятии», когда риски использования мощного ресурсного потенциала определяются не только и даже не столько его наличием, сколько качеством экономических и политических институтов[11].

Советская экономическая модель, находившаяся с середины 1960-х гг. в процессе так и незавершенного реформирования, продемонстрировала свою неспособность использовать вновь открывшиеся возможности на мировом нефтегазовом рынке для реализации инновационных проектов модернизации. Как заметил экономист С. А. Ермолаев, «сформированные в советской плановой системе институты оказались очень слабо подготовленными, чтобы приспосабливаться к стихии мирового рынка, которую страна не могла контролировать»[12]. Не были созданы стабилизационное фонды, поскольку высокие цены на углеводородное сырье в совокупности с высокими темпами нефтедобычи воспринимались советским руководством и плановиками как неизменяемая данность[13]. По мнению историка В. Л. Некрасова, институциональный фактор — ригидность советских экономических институтов (Госплана, в первую очередь), механизмы принятия решений в институциональной иерархии — стал одной из основных причин сползания Советского Союза в ресурсную зависимость[14].

Не менее важную роль как в свертывании реформ, так и в формировании далекого от оптимального варианта стратегии развития нефтегазового комплекса сыграл политический фактор. Он заявлял о себе на разных уровнях и в разных форматах — от личного соперничества лидеров и сложной системы лоббирования интересов отраслей, ведомств и кланов до сферы отношений между властью и обществом. Необходимость экономической реформы 1965 г. была продиктована не только состоянием экономики, одновременно она являлась ответом на социальный вызов — ожидания людей улучшения условий и качества жизни. Вновь открывшаяся возможность решить социальные проблемы за счет масштабного экспорта энергоресурсов была слишком большим соблазном и обещанием «простого» выхода из сложной ситуации, грозившей политической нестабильностью. События в Чехословакии 1968 г. дали дополнительный козырь в руки противников реформ. Так «нефтяное эльдорадо» было ситуативно использовано в качестве веского аргумента против продолжения реформ[15]. Ситуация «отложенных реформ» продолжалась до начала 1980-х годов, когда ресурс «эльдорадо» уже не компенсировал очевидные дисбалансы и анахронизм советской экономической модели, а у части руководства страны и в обществе постепенно формировался настрой на перемены.

---

[11] См., например: Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М., 2007. С. 6, 34–37; Ховавко И. Ю., Шведов К. И. «Ресурсное проклятие»: обзор точек зрения // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 62.

[12] Ермолаев С. А. Нефтегазовая зависимость Советского Союза. С. 94.

[13] Ермолаев С. А. Нефтегазовая зависимость Советского Союза. С. 94.

[14] Некрасов В. Л. Советская модель экономики: институты, нефтегазовые ресурсы и проблема «ресурсного проклятия». URL: http://history.jes.su/s207987840001894–2–1 (дата обращения: 20.06.2023).

[15] Славкина М. В. Нефтегазовый фактор отечественной модернизации. С. 327.

Нельзя не согласиться с М. В. Славкиной, что сам по себе «нефтегазовый фактор» не является «ни губителем модернизации, ни панацеей от всех экономических и социальных недугов. НГК — это инструмент освоения природных богатств страны, источник энергетических и финансовых ресурсов»[16]. Аналогичные аргументы в пользу дифференцированного подхода к оценке роли нефтегазового комплекса в жизни страны приводит В. П. Карпов: «Нефть и газ, сами по себе, не могут быть ни причиной ускорения, ни причиной торможения социально-экономического развития. Всё зависит от общего вектора развития страны, эффективности управления»[17].

Для Ханты-Мансийского автономного округа — Югры значение нефтегазового комплекса — несмотря на сложную историю его становления и развития, связанную не только с обретениями, но и с очевидными потерями — можно обозначить вполне определенно. Без нефти у региона не было будущего. По крайней мере в рамках советской модели экономики, выстраивающей систему приоритетности регионов по степени их индустриального статуса и вклада в общесоюзный промышленный потенциал.

Это хорошо понимали руководители округа и области. Поэтому уже в конце 1940-х — начале 1950-х гг., в «донефтегазовый период», они настаивали на необходимости ускоренного развития промышленного производства в Ханты-Мансийском национальном округе. Первоначально эти планы были связаны с уже существующими отраслями — лесной, деревообрабатывающей, рыбной промышленностью, строительством. Модернизация округа виделась через его индустриализацию. По этой же причине торопились с планами перевода коренного населения на оседлость и сселения оленеводов, охотников и рыбаков в крупные посёлки, не очень задумываясь о последствиях такой политики. Индустриализация рассматривалась и как важный инструмент советизации региона, включения аборигенного населения в советский проект. «Образы индустриальных побед не просто примерялись к официальному представлению преобразившегося Ханты-Мансийского национального округа, но становились маркерами новой конструируемой этничности малых народов Севера», — комментирует ситуацию И. Н. Стась[18].

В индустриальную перспективу вписывались и планы развития административного центра округа — Ханты-Мансийска, получившего статус города в январе 1950 г. На тот момент в рабочем посёлке Ханты-Мансийск и селе Самарово, включенным в городскую черту, проживали 13 400 чел., 2400 из них были заняты на 13 промышленных предприятиях, которые и сформировали производственную инфраструктуру первого в округе города[19]. Так на ментальном уровне и в реальных планах местных руководителей конструировался образ промышленного региона: «региональная власть и общество уже задолго до нефтяной эпопеи были готовы к промышленным переменам и ждали их»[20].

---

[16] Славкина М. В. Нефтегазовый фактор отечественной модернизации. С. 398.

[17] Карпов В. П. Анатомия подвига: Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень, 2014. С. 78.

[18] Стась И. Н. Образ промышленного освоения: ханты-мансийский Север в ожидании перемен в послевоенные годы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6. С. 141.

[19] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 619. Л. 56.

[20] Стась И. Н. Образ промышленного освоения. С. 147–148.

Однако эти планы сначала не находили поддержки в Москве. В послевоенные годы центральные планирующие органы считали всю Тюменскую область «бесперспективной» для индустриального развития и исключали ее из проектов долгосрочного промышленного освоения[21]. Таким образом, еще до открытия нефтегазовых месторождений на региональном уровне были сформулированы цели индустриального развития Ханты-Мансийского национального округа, но не было средств и ресурсов для их достижения[22].

Несмотря на существование «индустриального стандарта»[23] как общей стратегии модернизации Сибирского Севера и планы регионального руководства по расширению промышленного сектора экономики, округ и область до начала их интенсивного промышленного освоения пребывали в статусе «аграрного» региона — и по сути, и по сложившемуся имиджу. Когда в результате очередной управленческой реорганизации Н. С. Хрущева партийные органы были разделены по производственному принципу, «первое лицо» Тюменской области — первый секретарь обкома КПСС Б. Е. Щербина был назначен руководителем сельскохозяйственного обкома, а пост первого секретаря промышленного обкома он «уступил» А. К. Протазанову[24]. Примечательно, что разделение сфер ответственности на «главную» и «второстепенную» состоялось в январе 1963 г., т. е. уже после того, как были открыты Шаимское, Мегионское, Усть-Балыкское нефтяные месторождения. Но в 1965 г. «грянул Самотлор», и с этого момента нефтяная перспектива развития округа стала не только реальной, но и магистральной.

С середины 1960-х гг. происходит «перезагрузка» отношений между Ханты-Мансийским округом и Центром: регион стремительно вовлекается в орбиту общесоюзных интересов. Одновременно развитие нефтегазового комплекса становится главным проектом, обеспечивающим весомые позиции Тюменской области в сфере распределения финансовых и материально-технических ресурсов. Поэтому, несмотря на повышение степени субъектности округа, вертикальная конфигурация отношений остается практически неизменной: Ханты-Мансийск — Тюмень — Москва. Руководство Тюменской области курировало все вопросы, связанные с НГК, лоббировало его интересы, и соответственно интересы базовых округов (Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого) в Москве. Многие решения приходилось отстаивать, буквально «пробивать», и областные руководители (Б. Е. Щербина, А. К. Протазанов, Г. П. Богомяков), как правило, успешно справлялись с этой задачей. Но Ханты-Мансийск по-прежнему оставался «в тени» Тюмени.

Редкий случай, когда власти Ханты-Мансийского национального округа обратились в Москву напрямую — «через голову» Тюмени — записка М. Я. Савина и А. Н. Лоскутова в ЦК КПСС от 25 июля 1956 г. о необходимости коренным образом изменить ситуацию с состоянием культурной инфраструктуры. Этот документ не только дошел до адресата, но и вызвал более широкий резонанс — реакцию со стороны заинтересованных ведомств[25]. Денег, правда, не дали.

---

[21] Комгорт М. В. Региональная власть и перспективы индустриального развития Тюменской области в послевоенный период // Проблемы модернизации Сибирского Севера: сб. науч. тр. Тюмень, 2011. С. 162.

[22] Стась И. Н. Образ промышленного освоения. С. 148.

[23] Гололобов Е. И. Сибирский Север: динамика образа — от barren grounds к northernplain // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 1. С. 140.

[24] РГАНИ. Ф. 3. Оп. 61. Д. 619. Л. 29, 32.

[25] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 8. Л. 65–74.

Оторванность Ханты-Мансийска от центров принятия решений — «большой земли» — усугублялась не вполне удачным географическим расположением города и общим состоянием транспортной инфраструктуры округа[26]. Долгое время фактически единственным средством коммуникации оставался речной путь, грунтовая дорога Ханты-Мансийск — Уват строилась с большим трудом, строительство сухопутного аэродрома началось только в 1960 г., а железная дорога не дошла до окружной столицы вовсе. Фактор пространственной изолированности Ханты-Мансийска стал особенно очевидным после того, как началось интенсивное освоение природных ресурсов округа. Тем более, что в этом районе перспективных месторождений обнаружено не было.

Неслучайно во время визитов высоких гостей из Москвы в западно-сибирские регионы они предпочитали посещать Тюмень и города-центры нефтедобычи — Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск. В 1965 г. Сургут получает статус города — второго на территории Ханты-Мансийского национального округа. Так он становится административным центром нефтегазового освоения и неофициальной второй «столицей» округа. Помимо близости к разведанным запасам нефти географические и инфраструктурные преимущества Сургута способствуют трансформации города в главный «транспортный хаб» округа. Так в Ханты-Мансийском национальном округе фактически складывается «двустоличие».

Органы окружной власти — партийные и советские — по-прежнему были сосредоточены в Ханты-Мансийске, тогда как в «новых» городах, в том числе Сургуте, начала складываться своя система управления. В каждом городе существовал традиционный тандем властных структур — горком партии и городской исполком. Однако основные финансовые и материально-технические ресурсы находились в руках ведомств — специализированных главков, трестов, управлений, ответственных за разработку нефтяных промыслов. Эти же ведомства занимались развитием социальной инфраструктуры городов — строительством жилья, объектов социально-бытовой и культурной сферы. В ситуации «всесилья ведомств» местные советские и партийные власти во многом утрачивали рычаги влияния или находились в подчиненном положении[27].

Поскольку финансирование градостроительных проектов осуществлялось ведомствами по «остаточному принципу», нефтяные города[28], в том числе и вторая «столица» округа, своим внешним обликом долгое время совсем не походили на популярный в 1960-е образ «голубых городов», хотя хронологически они коррелировали с образом-мечтой. Даже после получения статуса города пространственная и инфраструктурная среда этих поселений сохраняла поселковый, «хуторской» характер, а жилищный фонд представлял собой временное, неблагоустроенное жилье[29]. Ситуация начала меняться только в 1970-е гг., однако и в конце 1980-х жилищная проблема продолжала оставаться острой для многих югорчан[30].

---

[26] Веселов С. И. Предпосылки формирования дорожно-строительной отрасли в Ханты-Мансийском национальном округе в 1930–1950-х гг. // Накануне «большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-х гг.). Екатеринбург, 2020. С. 68.

[27] Карпов В. П. Анатомия подвига. С. 62.

[28] Карпов В., Стась И. Снятся людям иногда нефтяные города // Родина. 2015. № 1. С. 17–18.

[29] Подробнее см. Часть 3 настоящего тома. А также: Карпов В. П. Анатомия подвига. С. 64; Прищепа А. И. Градостроение в Сургуте во второй половине XX века // Отечественная история. 2007. № 2. С. 96.

[30] Об остроте жилищной проблемы свидетельствует подборка писем жителей Ханты-Мансийского автономного округа в ЦК КПСС в 1989–1990 гг. (РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 363. Л. 9–29).

В практиках освоения «югорского фронтира» отразилось противоречие между пониманием необходимости модернизировать экономику, менять систему и принципы управления, с одной стороны, и инерцией прежней *мобилизационной стратегии* — с другой. Поэтому *освоение* новых пространств и ресурсов продолжалось в традиции *покорения* — «преодоления пространства и простора». Пафос известной песни 1930-х гг.[31] оказался вполне созвучен настроению оттепели. Это было время Покорения — космоса, целины, сибирских рек, а потом и природных кладовых Сибирского Севера. Новшество хрущевского периода заключалось в изменении формата покорения — отказе от принудительных методов мобилизации (гулаговского прошлого), принципе добровольности, материальном стимулировании «покорителей». Не менее важную роль играла ставка на романтизм. Маршевый настрой 1930-х сменился на романтический 1960-х, а образ нового героя-романтика воплотился в фигуре геолога. В годы оттепели геологи по популярности уступали разве что только космонавтам.

Популяризации образа способствовали реальные успехи отечественной геологии и люди, сыгравшие исключительную роль в освоении природных богатств Западной Сибири. Югорская нефть была открыта благодаря профессиональной интуиции и инновационным расчетам Л. И. Ровнина, энтузиазму и настойчивости Ф. К. Салманова, организаторским способностям Р-Ю. Г. Эрвье.

Для использования романтизма как мобилизационного стимула, особенно в расчете на тех, кто не был знаком с реальными условиями жизни в условиях Севера, Югра подходила почти идеально: обещание трудностей, «запах тайги» и нефть. Нефть — не золото, хотя ее и называют черным золотом. И югорская нефть — совсем не то, что золото Колымы. Кроме «неромантичности» золота за нефтяной Югрой, в отличие от Колымского края, не тянулся «лагерный шлейф»: там не было ни лагерей, ни сколько-нибудь значимых лагерных пунктов. Ханты-Мансийский национальный округ традиционно был местом ссылки. Среди сосланных в Югорский край встречались люди знаменитые — от светлейшего князя А. Д. Меншикова до лидера греческих коммунистов Никоса Захариадиса. Опальный политик провел в сургутской ссылке 10 лет (1962–1973)[32]. Но преобладали среди «невольных сибиряков» простые люди — жертвы «кулацкой ссылки», депортаций и других принудительных переселений 1930–1940-х гг.[33] Спецпосёлки определяли зону принудительного труда в Ханты-Мансийском национальном округе. Снятие с части спецконтингета режимных ограничений началось еще во второй половине 1940-х гг. и продолжалось в 1950-е гг., но и после этого настоящие и бывшие спецпереселенцы продолжали играть существенную роль в жизни округа — строили города и посёлки, работали на лесозаготовках, рыболовецких промыслах, а потом и на буровых.

Ставка на романтизм, если и оправдала себя, то лишь отчасти: согласно опросу 1969 г. только около 7% прибывших в районы нового промышленного освоения мотивировали свой приезд «элементами романтики», тогда как почти половина мигрантов указывали на мотивы

---

[31] «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор» («Марш авиаторов». Муз. Ю. Хайта, сл. П. Германа).

[32] Подробнее см.: Никос Захариадис. Жизнь и политическая деятельность (1923–1973): документы / сост. Л. А. Величанская. М., СПб., 2017.

[33] Иванов А. С. « Изъять, как антисоветский элемент...»: калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.). М., 2014; Иванов А. С. Принудительные миграции на Север Западной Сибири (1940-х гг.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. Т. 4. № 2 (32). С. 21–24 и др.

материального порядка[34]. Приоритет материального интереса среди причин переезда на нефтепромыслы и стройки региона сохранялся и в последующие годы[35].

Вместе с тем, несмотря на разные мотивы миграции и сложные условия жизни, развитие социальных процессов в округе постепенно приобретало положительную динамику. Если на первом этапе освоения природных ресурсов региона значительная часть мигрантов рассматривала свое пребывание на Севере как временное, то к концу 1980-х гг. сложилась устойчивая тенденция к закреплению новоселов. Население округа не только росло численно, но и становилось более стабильным. В структуре миграционных потоков превалировала внешняя миграция — приток населения из других регионов Советского Союза (70% среди прибывших)[36]. «Новые сибиряки» представляли не только широкую географию, но и различные этнические группы. Так один из главных советских проектов — формирование новой общности «советский народ» — получил свое практическое воплощение на югорской земле.

Практические достижения другого мегапроекта советской эпохи — построения коммунизма — остановились в основном на проектной стадии. Однако программа построения коммунизма, официально объявленная в 1961 г., стала одним из мощных триггеров развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В программе КПСС ставилась задача «преимущественного развития добычи нефти и газа», которые вместе с углем должны были «обеспечить все потребности народного хозяйства»[37]. По ориентирам, обозначенным в 1961 г., добычу нефти в 1980 г. предстояло увеличить в 5 раз — до 690–710 млн т, газа — в 15 раз (до 680–720 млрд куб. м)[38]. Намеченные объёмы добычи должны были обеспечить: бурный рост транспорта, включая такие его «нефтяные» виды, как автомобильный, авиационный, тепловозный; химизацию различных сторон народного хозяйства; газификацию теплоснабжения городов и населённых пунктов страны[39]. К 1980 г. СССР по добыче нефти занимал первое место в мире — во многом благодаря потенциалу Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. И хотя намеченных в 1961 г. объёмов достичь не удалось (в 1980 г. было добыто 602,3 млн т нефти, а в рекордном 1987 г. — 625 млн т)[40], по крайней мере в одном пункте — «по нефти» — программа построения коммунизма была близка к выполнению.

В Ханты-Мансийском национальном округе идея коммунистического строительства получила довольно неожиданную региональную локализацию. 6 октября 1961 г., за несколько дней до открытия XXII съезда КПСС, вышел необычный номер сургутской районной газеты «К победе коммунизма». Помимо очередного выпуска во вкладке был еще один — датированный 6 октября 1981 г.[41] «Представим, дорогой читатель, время, когда будет выполнена тре-

---

[34] Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. М., 1976. С. 95.

[35] Стась И. Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е — начало 1990-х гг.). Курган, 2018. С. 65.

[36] Стась И. Н. Стать горожанином. С. 72.

[37] Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., 1974. С. 70.

[38] XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1962. С. 170.

[39] Славкина М. В. История принятия решения о промышленном освоении Западной Сибири // Экономическая история. Обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005. С. 150.

[40] Ермолаев С. А. Нефтегазовая зависимость Советского Союза. С. 81.

[41] Стась И. Н. Мечта о городе и коммунизме: к вопросу о начале формирования городской идентичности сургутян // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: Сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. проф. Я. Г. Солодкина, Л. В. Алексеевой. Нижневартовск, 2015. С. 79.

тья Программа Коммунистической партии», — приглашали сургутян перенестись на 20 лет вперед и увидеть будущее города Сургута, в то время еще посёлка. По мнению газеты, образ будущего города был «фантазией, основанной на мечте». Это был город геологов и нефтяников, но не только: надежда на «большую нефть» соседствовала с развитием традиционных отраслей, превращающихся в высокотехнологичное производство. Главное, город стал удобен и привлекателен для жизни людей: здесь выросли Дворец культуры, благоустроенные детские сады и школы, поликлиники и больницы, дома отдыха и пансионаты, аэровокзал. Даже местная речка Бардаковка сменила свое казавшееся неблагозвучным название на новое — Розовая. К 1970 г. в Сургуте предстояло покончить с хулиганством и разводами супругов, к 1973 г. — передать дело охраны правопорядка от милиции в руки общественности. Сургутяне будущего внимательно следили и за свершениями всей страны — высадкой советских космонавтов на Венере, их возвращением с Марса, строительством гигантской плотины через Берингов пролив[42]. Через 20 лет Сургут, конечно, не стал коммунистическим городом, и Бардаковка сохранила свое историческое название, но многие черты города-мечты 1960-х воплотились в его современном облике.

Лозунг покорения Сибири в контексте коммунистического строительства воплотился в практике общественных призывов, а ставка на романтизм формировала их адресную аудиторию — молодежь. В феврале 1965 г. ЦК ВЛКСМ объявил комплекс по освоению нефтегазовых месторождений в Тюменской области Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. В 8-й пятилетке (1966–1970) по комсомольским путёвкам на освоение нефтегазовых месторождений в регион были направлены более 20 тыс. юношей и девушек, в 9-й (1971–1975) — 30 тыс., а за весь период создания комплекса — 125 тыс. юношей и девушек. Молодежь прибывала в районы нового промышленного освоения не только по комсомольским путёвкам: в середине 1980-х гг. на предприятиях и стройках Западно-Сибирского нефтегазового комплекса трудились почти 740 тыс. чел., а средний возраст жителей нефтяных городов Нижневартовска, Сургута, Нефтеюганска не превышал 26–28 лет[43].

Участие молодежи в освоении нефтегазовых месторождений и строительстве новых городов имело не только парадную сторону. Подавляющее большинство вновь прибывших (65–80%) не владели соответствующей специальностью — приходилось организовывать их обучение на месте. Местные организации и ведомственные структуры часто были не готовы к приему новых рабочих, а зарплаты оказывались ниже обещанных. Общая неустроенность жизни — отсутствие жилья, проблемы бытового обслуживания и продовольственного обеспечения — не способствовала закреплению молодежи на предприятиях и стройках[44].

Курс на форсированную добычу энергоресурсов, постоянная корректировка планов в сторону увеличения, практика «подстегивания», «штурмовщина», напоминавшая опыт индустриализации 1920–1930-х гг., снова и снова формировали систему приоритетов, свойственную экономике мобилизационного типа с преобладанием экстенсивных методов развития. «Валютный фактор», зависимость советской экономики и выполнения социальных обязательств за

---

[42] Стась И. Н. Мечта о городе и коммунизме. С. 80.

[43] Карпов В. П., Комгорт М. В. Комсомольский фронтир нефтегазового освоения западной Сибири: трудный старт, драматичный финиш // Советская молодежь в исторической памяти России: сборник научных трудов. Сургут, 2018. С. 349–352.

[44] См. подробнее: Карпов В. П., Комгорт М. В. Комсомольский фронтир нефтегазового освоения западной Сибири. С. 349–363; Колева Г. Ю. Комсомол в создании и развитии Западно-Сибирского нефтегазодобывающего района // Советская молодежь в исторической памяти России. С. 363–377.

счет импорта требовали интенсификации добычи экспортного ресурса — нефти и газа. Сопротивление и осторожные предостережения экспертов, как и мнение наиболее дальновидных руководителей отрасли (В. Д. Шашина, В. И. Муравленко и других), не могли переломить общую тенденцию. А такой шанс был, и тоже связанный с развитием Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Как заметил В. И. Долгих, «надо было более целеустремленно решать вопросы повышения эффективности и качества нашей работы. Конвертировать богатейшие природные ресурсы в интеллект — в образование, в науку, в создание современных технологий, в научно-технический прогресс»[45]. Однако этого сделано не было.

Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс создавался трудом многих тысяч людей, но часто за счет людей. Пренебрежение интересами человека оправдывалось масштабностью решаемой задачи — обеспечения энергетического будущего страны, ее приоритетных позиций на мировом нефтяном рынке, устойчивости советской экономики. «Нефть все спишет» — эта упрощенная логика позволяла закрывать глаза не только на бытовую неустроенность людей, но и на очевидные просчеты в разработке природных ресурсов (например, использование попутного газа), нарушение экологического баланса, пренебрежение интересами коренных народов Севера[46].

Существовал официальный документ — «Обязательный минимум подготовительных работ, подлежащих выполнению до начала бурения на разведанной площади», утвержденный в Госплане СССР. Его смысл был довольно прост: прежде чем начинать промышленную эксплуатацию месторождения, необходимо создать основы производственной и бытовой инфраструктуры для промысловиков. Однако Минимум практически нигде не выполнялся[47]. В. И. Долгих, курировавший как секретарь ЦК КПСС вопросы развития нефтегазового комплекса, позднее писал: «был … период, когда делали, как считали, главное, а с жильем и объектами соцкультбыта серьёзно отставали. … Это грозило серьёзными политическими и социальными осложнениями. Как же так: регион, который призван вести страну, народ, экономику к новым рубежам, к новой культуре производства и быта, к лучшему жизнеобеспечению, сам находится на положении пасынка»[48].

Вопрос о необходимости комплексного развития нефтедобывающего региона руководители области и округа поднимали не раз. Первый большой пакет документов с участием аппарата ЦК КПСС, Госплана, министерств и ведомств, Тюменского обкома партии разрабатывался в 1972–1973 гг., был подготовлен проект постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об основных направлениях комплексного развития народного хозяйства Тюменской области на период до 1990 года»[49]. В числе мер, направленных на решение социальных проблем и улучшение качества жизни жителей региона, предусматривалось: «осуществить мероприятия по созданию материальных и культурно-бытовых условий, способствующих притоку и закреплению кадров, … застройку городов и населённых пунктов вести комплексно, с использованием наиболее рациональных градостроительных решений», развивать систему здравоохранения, культуры, бытового обслуживания населения[50].

---

[45] Долгих В. И. Область особой заботы // Западная Сибирь: история поиска. 1975–1995 годы. Ч. 1. Ханты-Мансийск — Екатеринбург, 2009. С. 16.

[46] Лагунов К. Нефть и люди // Новый мир. 1966. № 7. С. 201–202.

[47] Лагунов К. Нефть и люди // Новый мир. 1966. № 7. С. 213–214; Карпов В. П. Анатомия подвига. С. 57.

[48] Долгих В. И. Область особой заботы. С. 15.

[49] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 247. Л. 224–245.

[50] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 247. Л. 243.

Но в 1973 г. документ, несмотря на то, что прошел все стадии согласования, принят не был, его положения отчасти вошли в постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1980 г. «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса». Только через 12 лет, 20 августа 1985 г., появилось партийно-правительственное постановление о комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири, включая развитие социально-бытовой инфраструктуры региона[51]. Это постановление во многом носило знаковый характер, поскольку отражало готовность советского руководства изменить стратегические подходы к использованию потенциала Западно-Сибирского региона. Не все принятые и продекларированные в 1985 г. решения удалось реализовать: сложная экономическая и политическая ситуация в стране, изменение мировой конъюнктуры на нефтегазовом рынке, инерция экстенсивной традиции — эти и другие факторы не позволили в годы перестройки реформировать систему управления нефтегазовой отраслью, как и общую стратегию ее развития. Вместе с тем, по мнению экспертов, советская экономика и в эти годы «держалась на плаву» во многом благодаря нефтегазовому комплексу[52].

Вклад Югры в обеспечение и приумножение экономического потенциала страны трудно переоценить. В 1965 г. Ханты-Мансийский национальный округ дал только около 4% от общесоюзной добычи нефти и 100% по Западной Сибири. В 1990 г. на долю Ханты-Мансийского автономного округа пришлось 54,6% нефтедобычи по Союзу и 81,9% по Западно-Сибирскому региону[53].

История Югры — не просто яркая глава отечественной нефтегазовой Сибириады. За годы интенсивного промышленного развития регион совершенно преобразился: из классического «фронтира» с неясными перспективами он превратился в форпост нефтегазового освоения, флагман отечественной нефтяной отрасли. Здесь выросли новые города, были проложены автомобильные дороги и железнодорожные магистрали, построены речные порты и аэродромы. Коренные жители округа и «новые сибиряки» заложили основу для формирования общей — югорской — идентичности. Вместе с нефтью Югра обрела будущее, а страна — мощный импульс к своему развитию. Таковы были итоги советского этапа многовековой истории Югры. В 1991 г. Ханты-Мансийский автономный округ, как и вся Россия, стояли на пороге новых больших перемен.

[51] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1985 г. № 797 «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986–1990 годах».

[52] Карпов В. П. Нефтегазовая сибириада: героическая драма в двух частях с прологом и эпилогом / Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. С. 105.

[53] Подсчеты В. П. Карпова. Подробнее см.: Ч. 2, глава 2.

Список источников и литературы

Источники

Неопубликованные

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. Р-5446. Совет Министров СССР

Оп. 10. Д. 461, 546; Оп. 105. Д. 460, Д. 461; Оп. 106. Д. 456; Оп. 109. Д. 437.

Ф. Р-5470. Центральные комитеты профессиональных союзов рабочих химической и нефтехимической промышленности

Оп. 1. Д. 2739; Оп. 29. Д. 2007, Д. 3276, Д. 3476, Д. 3570, Д. 4083, Д. 4200.

Ф. Р-6991. Совет по делам религий при Совете Министров СССР

Оп. 3. Д. 102, Д. 884.

Ф. Р-9527. Комитет народного контроля СССР

Оп. 1. Д. 2335

Ф. А-259. Совет Министров РСФСР.

Оп. 45. Д. 8563; Оп. 46. Д. 6711; Оп. 48. Д. 3660, Д. 5936, Д. 6115.

Ф. А-564. Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров РСФСР

Оп. 1. Д. 237, Д. 442, Д. 491.

Ф. А-2306. Министерство просвещения РСФСР

Оп. 72. Д. 2707.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

Ф. 3. Политбюро ЦК КПСС

Оп. 12. Д. 469; Оп. 36. Д. 13, Д. 15; Оп. 61. Д. 619.

Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС

Оп. 15. Д. 488; Оп. 32. Д. 27, Д. 198; Оп. 37. Д. 8; Оп. 66. Д. 247; Оп. 69. Д. 712..

Ф. 89. Коллекция копий документов, рассекреченных при выполнении тематических запросов в процессе научно-исследовательской работы

Оп. 4. Д. 9.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

Ф. 70. Министерство нефтяной промышленности СССР

Оп. 1. Д. 482, Д. 1021, Д. 1553, Д. 2137, Д. 2739.

Ф. 279. Государственный производственный комитет по газовой промышленности СССР

Оп. 1. Д. 2595.

Ф. 355. Государственная плановая комиссия Совета Министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства

Оп. 1. Д. 381.

Ф. 399. Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР

Оп. 1. Д. 1086; Оп. 3. Д. 1118.

Ф. 458. Министерство газовой промышленности СССР

Оп. 1. Д. 237, Д. 1023, Д. 2108, Д. 2116, Д. 2221, Д. 2306, Д. 3082.

Ф. 4372. Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (Госплан СССР)

Оп. 65. Д. 423, Д. 426.

Ф. 9538. Министерство транспортного строительства СССР

Оп. 16. Д. 2728…

Ф. 9571. Министерство геологии СССР

Оп. 7. Д. 467, Д. 469; Оп. 8. Д. 1518.

Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО)

Ф. П-107 Ханты-Мансийский окружной комитет КПСС Тюменской области

Оп. 1. Д. 1879, Д. 1195, Д. 2006, Д. 2056, Д. 2079, Д. 2109, Д. 2134, Д. 2142, Д. 2215, Д. 2236, Д. 2339, Д. 2399, Д. 2574, Д. 2628, Д. 2646, Д. 2648, Д. 2689, Д. 2690, Д. 2702, Д. 2712, Д. 2714, Д. 2726, Д. 2728, Д. 2738, Д. 2742, Д. 2748, Д. 2754, Д. 2766, Д. 2768, Д. 2789, Д. 2795, Д. 2800, Д. 2805, Д. 2811, Д. 2815, Д. 2823, Д. 2827, Д. 2835, Д. 2839, Д. 2841, Д. 2846, Д. 2848, Д. 2858; Оп. 21. Д. 89; Оп. 35. Д. 20.

Ф. П-124 Тюменский областной комитет КПСС

Оп. 1. Д. 3497, Д. 3499, Д. 3506, Д. 4000, Д. 4065, Д. 4486, Д. 4493, Д. 4506, Д. 4576, Д. 4626, Д. 4896, Д. 4958, Д. 5294, Д. 5457, Д. 5622, Д. 5797, Д. 5822, Д. 6145, Д. 7073, Д. 7945, Д. 7978, Д. 8177, Д. 8200, Д. 8649, Д. 8654; Оп. 19. Д. 39, Д. 73; Оп. 21. Д. 54; Оп. 31. Д. 7; Оп. 34. Д. 84; Оп. 50. Д. 80; Оп. 78. Д. 126, Д. 127; Оп. 84. Д. 64; Оп. 86. Д. 5; Оп. 91. Д. 75; Оп. 98. Д. 80; Оп. 117. Д. 80; Оп. 127. Д. 2; Оп. 134. Д. 76, Д. 83, Д. 85, Д. 88; Оп. 140. Д. 9; Оп. 150. Д. 2, Д. 8, Д. 37, Д. 39, Д. 61, Д. 79, Д. 80, Д. 81; Оп. 151. Д. 87, Д. 89; Оп. 157. Д. 31; Оп. 160. Д. 76; Оп. 179. Д. 19, Д. 79; Оп. 182. Д. 3, Д. 54, Д. 56, Д. 62; Оп. 184. Д. 64, Д. 69, Д. 72, Д. 113; Оп. 187. Д. 3, Д. 68; Оп. 191. Д. 3, Д. 4, Д. 27, Д. 73, Д. 131; Оп. 195. Д. 76, Д. 78; Оп. 198. Д. 4, Д. 8, Д. 27, Д. 84, Д. 106; Оп. 200. Д. 5, Д. 16, Д. 77, Д. 78, Д. 80, Д. 114; Оп. 202. Д. 3, Д. 6, Д. 7, Д. 39, Д. 40, Д. 84, Д. 85; Оп. 205. Д. 10, Д. 16, Д. 98, Д. 96; Оп. 207. Д. 99; Оп. 209. Д. 68, Д. 69, Д. 108; Оп. 211. Д. 160; Оп. 217. Д. 20; Оп. 219. Д. 56, Д. 107; Оп. 222. Д. 83, Д. 91, Д. 145; Оп. 225. Д. 3; Оп. 229. Д. 42, Д. 78; Оп. 236. Д. 122; Оп. 239. Д. 13 Д. 87, Д. 154, Д. 169, Д. 170; Оп. 242. Д. 183; Оп. 245. Д. 3, Д. 43, Д. 126; Оп. 251. Д. 74; Оп. 254. Д. 1, Д. 88; Оп. 257. Д. 10, Д. 52; Оп. 898. Д. 80.

Ф. П-113 Сургутский городской комитет КПСС

Оп. 3. Д. 7; Оп. 12. Д. 9; Оп. 16. Д. 42, Д. 58; Оп. 21. Д. 6; Оп. 21. Д. 56; Оп. 22. Д. 2; Оп. 23. Д. 7, Д. 8, Д. 17, Д. 26; Оп. 24. Д. 4; Оп. 29. Д. 32; Оп. 31. Д. 7; Оп. 37. Д. 19; Оп. 51. Д. 2, Д. 24, Д. 37.

Ф. П-116 Ханты-Мансийский городской комитет КПСС

Оп. 1. Д. 1342.

Ф. П-68 Березовский райком КПСС

Оп. 106. Д. 20; Оп. 133. Д. 4.

Ф. П-93 Кондинский райком КПСС

Оп. 56. Д. 49; Оп. 87. Д. 1.

Ф. П-1259 Няганьский городской комитет КПСС

Оп. 61. Д. 39.

Ф. П-1444 Тюменский обком ВЛКСМ

Оп. 1. Д. 1119, Д. 1544, Д. 1664, Д. 3207; Оп. 52. Д. 34; Оп. 56. Д. 4; Оп. 58. Д. 14; Оп. 62. Д. 313.

Ф. П-1490 Ханты-Мансийский окружной комитет ВЛКСМ

Оп. 1. Д. 628, Д. 712, Д. 796, Д. 833, Д. 915, Д. 939, Д. 945.

Ф. П-1522 Сургутский городской (районный) комитет ВЛКСМ

Оп. 34. Д. 1; Оп. 35. Д. 1.

Ф. П-2010 Тюменский промышленный областной комитет КПСС.

Оп. 1. Д. 6, Д. 117, Д. 131, Д. 134, Д. 201, Д. 233, Д. 234; Оп. 9. Д. 47, Д. 49, Д. 51.

Ф. П-2132 Первичная организация КПСС Ханты-Мансийского окружного комитета КПСС

Оп. 1. Д. 17, Д. 18; Оп. 2. Д. 15, Д. 16.

Ф. П-2037 Первичная организация КСПС главного Тюменского производственного управления по нефтяной и газовой промышленности «Главтюменнефтегаз»

Оп. 1.Д. 19

Ф. П-2043 Урайский городской комитет КПСС

Оп. 1. Д. 531.

Ф. П-2044 Нефтеюганский городской комитет КПСС

Оп. 1. Д. 971; Оп. 5. Д. 26; Оп. 32. Д. 6.

Ф. П-2049 Советский районный комитет КПСС

Оп. 26. Д. 1; Оп. 32. Д. 31, Д. 48.

Ф. П-2776 Первичная организация КПСС Обь-Иртышского речного пароходства.

Оп. 1. Д. 26.

Ф. 2659 Первичная организация КПСС Тюменского управления гражданской авиации.

Оп. 1. Д. 12.

Ф. П-2836 Первичная организация КПСС треста «Тюменьдорстрой»

Оп. 1. Д. 6.

Ф. 3894 Управление агентства Федеральной безопасности РСФСР по Тюменской области

Оп. 2. Д. 29, Д. 38

Ф. 3911 Союз «Тюменское межрегиональное объединение организаций профсоюзов «Тюменский областной совет профессиональных союзов»

Оп. 1. Д. 1769, Д. 1861.

Ф. 3912 Тюменская межрегиональная организация Российского профсоюза работников культуры

Оп. 1. Д. 200, Д. 220, Д. 241, Д. 283, Д. 308, Д. 329, Д. 354, Д. 458, Д. 462, Д. 501, Д. 508, Д. 509, Д. 510, Д. 554, Д. 589, Д. 591.

Ф. 3965 Тюменская областная территориальная организация Нефтегазстройпрофсоюза

Оп. 1. Д. 23, Д. 24, Д. 745, Д. 750, Д. 878, Д. 985, Д. 987, Д. 1117, Д. 1197, Д. 1243.

Ф. 3967 Западно-Сибирская территориальная организация Росприродсоюза, г. Тюмень

Оп. 2. Д. 277.

Ф. 3970 Тюменский обком профсоюза рабочих электростанций и электротехнической промышленности

Оп. 1. Д. 322.

Ф. Л-14 Тюменское областное производственное управление мелиорации и водного хозяйства объединения Росводэксплуатации Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР, г. Тюмень

Оп. 117. Д. 4.

Ф. Л-114 Ремонтно-эксплуатационная база АО «Тюменнефтегаз», г. Тюмень

Оп. 12. Д. 1.

Ф. 4044 Общественная организация Территориальная организация Западно-Сибирских транспортных строителей Российского профсоюза железнодорожников и транспортных строителей, г. Тюмень

Оп. 1. Д. 24, Д. 100.

Государственный архив Тюменской области (ГАТО)

Ф. 814 Тюменский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет.

Оп. 1. Д. 693, Д. 3943, Д. 3947, Д. 3976, Д. 3986, Д. 4077, Д. 4114, Д. 4129, Д. 4153, Д. 4288, Д. 4304, Д. 4521, Д. 4723, Д. 4709, Д. 4868, Д. 5000, Д. 5026, Д. 5154, Д. 5220, Д. 5248, Д. 5505, Д. 5637, Д. 6098, Д. 7266, Д. 7387, Д. 7424, Д. 7666, Д. 7669, Д. 8079; Оп. 3. Д. 884; Оп. 5. Д. 1280, Д. 1673.

Ф. 1112 Тюменский областной комитет по статистике

Оп. 1. Д. 2442, Д. 4566, Д. 4588, Д. 5647, Д. 7531; Оп. 2. Д. 1332, Д. 1890, Д. 3147, Д. 3224, Д. 1332, Д. 2936, Д. 3147, Д. 3482.

Ф. 1254. Всесоюзное промышленное объединение «Тюменьлеспром» Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР

Оп. 1. Д. 654, Д. 2250.

Ф. 1724. Совет народного хозяйства Тюменского экономического административного района

Оп. 1. Д. 749, Д. 753.

Ф. 1725. Департамент здравоохранения Тюменской области

Оп. 1. Д. 658, Д. 525.

Ф. 1726. Департамент экономики Тюменской области

Оп. 1. Д. 1340.

Ф. 1731.Департамент культуры Тюменской области

Оп. 1. Д. 483, Д. 490, Д. 502, Д. 541, Д. 560, Д. 699, Д. 733, Д. 797, Д. 798, Д. 825, Д. 831, Д. 844, Д. 929, Д. 932, Д. 946, Д. 947, Д. 967, Д. 969, Д. 973, Д. 984, Д. 1007, Д. 1026, Д. 1027, Д. 1052, Д. 1067, Д. 1070, Д. 1071.

Ф. 1809. Президиум Тюменского областного Совета профессиональных союзов ВЦСПС

Оп. 2. Д. 75.

Ф. 1810. Тюменский областной комитет народного контроля и его предшественники

Оп. 3. Д. 176.

Ф. 1823 Департамент образования и науки Тюменской области (ОАФ)

Оп. 1. Д. 6, Д. 1590.

Ф. 1861. Производственное строительно-монтажное объединение «Тюменнефтегазстрой»

Оп. 1. Д. 1, Д. 6, Д. 31, Д. 129, Д. 269, Д. 484, Д. 505, Д. 601, Д. 628, Д. 781, Д. 1345, Д. 2175

Ф. 1864. Открытое акционерное общество «Фармация»

Оп. 1. Д. 58.

Ф. 1878. Комитет по физической культуре и спорту при Тюменском облисполкоме

Оп. 1. Д. 6, Д. 12, Д. 14, Д. 25, Д. 57, Д. 77, Д. 85.

Ф. 1894. Управление жилищно-коммунального хозяйства администрации Тюменской области

Оп. 1. Д. 665.

Ф. 1895. Нормативно-исследовательская станция Главтюменнефтегаза

Оп. 1. Д. 30, Д. 33.

Ф. 1903. Тюменский геологический концерн «Тюменьгеология» Российского комитета по недрам

Оп. 1. Д. 5, Д. 30, Д. 57, Д. 67, Д. 70, Д. 115, Д. 150, Д. 250, Д. 250а, Д. 265, Д. 391, Д. 400, Д. 487, Д. 1255.

Ф. 1925. Тюменский обком профсоюза рабочих нефтяной и химической промышленности

Оп. 1. Д. 194.

Ф. 1931. Тюменский областной Совет НТО

Оп. 1. Д. 104

Ф. 1933. Управление архитектуры и градостроительной политики Главного управления строительства администрации Тюменской области.

Ф. 1933. Оп. 1. Д. 14.

Ф. 1952. Трест «Тюменьдорстрой» Главного управления по строительству автомобильных дорог в районах Урала и Западной Сибири Министерства транспортного строительства СССР

Оп. 1. Д. 121, Д. 299а, Д. 263, Д. 328

Ф. 2085. Территориальное производственное объединение «Тюменьстройматериалы»

Оп. 1. Д. 92, Д. 98, Д. 266, Д. 275, Д. 391.

Ф. 2146. Ордена Ленина Главное Тюменское производственное управление по нефтяной и газовой промышленности (Главтюменнефтегаз) Министерства нефтяной промышленности СССР

Оп. 1. Д. 8, Д. 9, Д. 20, Д. 28, Д. 1534, Д. 2615, Д. 2909.

Ф. Р-2240 Представительство Минэкономики РФ в Западно-Сибирском экономическом районе

Оп. 1. Д. 11, Д. 33.

Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа-Югры (ГАЮ)

Ф. 1. Исполнительный комитет народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа

Оп. 1. Д. 443, Д. 491, Д. 591, Д. 598, Д. 723, Д. 1616, Д. 1621, Д. 1726а, Д. 1736, Д. 710, Д. 1110, Д. 1769б, Д. 1777, Д. 1796, Д. 1849

Ф. 5. Департамент образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа

Оп. 1. Д. 224, Д. 306, Д. 336, Д. 344, Д. 368, Д. 381, Д. 384, Д. 417, Д. 454, Д. 458, Д. 465, Д. 466, Д. 512, Д. 526, Д. 528, Д. 564, Д. 582а, Д. 583, Д. 595, Д. 657, Д. 659, Д. 662, Д. 666, Д. 668, Д. 670, Д. 767, Д. 771, Д. 776, Д. 780, Д. 781, Д. 818, Д. 819, Д. 883, Д. 851, Д. 910, Д. 911, Д. 912, Д. 925.

Ф. 6. Комитет государственной статистики Ханты-Мансийского автономного округа, город Ханты-Мансийск Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области

Оп. 1. Д. 265а, Д. 358.

Ф. 277 Управление по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных Ханты-Мансийского автономного округа

Оп. 1. Д. 160.

Ф. 297. Обь-Тазовское отделение Сибирского научно-исследовательского института рыбного хозяйства (СибНИИРХ) города Тюмени, г. Тобольск.

Оп. 1. Д. 99.

Ф. 325. Комитет по физкультуре и спорту Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области

Оп. 1. Д. 37.

Ф. 403. Управление архитектуры и градостроительства Администрации Ханты-Мансийского автономного округа

Оп. 1. Д. 16.

Ф. 537. Департамент транспорта, связи Ханты-Мансийского автономного округа, город Ханты-Мансийск Ханты-Мансийского автономного окуга Тюменской области

Оп. 1. Д. 5.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

Ф. 1966. Совет народного хозяйства Средне-Уральского экономического района

Оп. 1. Д. 881.

Исторический архив Омской области (ГИАОО)

Ф. 1853. Открытое акционерное общество «Иртышское речное пароходство»

Оп. 1. Д. 2566.

Муниципальный архив города Сургута (МАГС)

Ф. 1. Сургутский районный Совет народных депутатов и его исполнительный комитет (райсовет, райисполком), г. Сургут.

Оп. 1. Д. 114, Д. 260, Д. 305, Д. 448;Ф. Оп. 17. Д. 47.

Ф. 3. Сургутский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет

Оп. 1. Д. 101, Д. 260, Д. 380, Д. 469, Д. 548.

Ф. 34. Сургутский городской отдел культуры

Оп. 1. Д. 27.

Ф. 58. Сургутский городской отдел народного образования исполнительного комитета городского Совета народных депутатов ХМАО

Оп. 1. Д. 139.

Ф. 80. Отдел по делам строительства и архитектуры градостроительства Суругтского городского Совета депутатов трудящихся Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области

Оп. 1. Д. 12, Д. 60, Д. 68, Д. 76, Д. 129.

Ф. 102 Трест «Сургутнефтеспецстрой» объединения «Сургутнефтегаз» Главного Тюменского производственного управления нефтяной промышленности Министерства нефтяной промышленности.

Оп. 1. Д. 2, Д. 37.

Ф. 103 Нефтегазодобывающее управление «Сургутнефть» акционерного общества открытого типа «Сургутнефтегаз» г. Сургут, Ханты-Мансийского округа Тюменской области.

Оп. 1. Д. 24.

Ф. 137 Акционерное общество открытого типа «Сургутнефтегаз».

Оп. 1. Д. 38, Д. 183, Д. 406, Д. 485, Д. 564, Д. 756, Д. 793

Ф. 202 Трест «Сургутдорстрой», АООТ«Сургутдорстрой» Министерство транспортного строительства.

Оп. 1. Д. 34.

Ф. 207. Северо-Тюменское территориальное объединение «Севертюменьавтотранс».

Оп. 1. Д. 17.

Архивный отдел администрации г. Нижневартовска (АОАГН)

Ф. 48. Исполнительный комитет Нижневартовского городского Совета народных депутатов.

Оп. 1. Д. 566, Д. 726, Д. 732, Д. 816, Д. 947.

Ф. 79. Трест «Нижневартовскдорстрой» проектно-промышленного дорожно-строительного объединения «Запсибдорстрой», г. Нижневартовск Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области

Оп. 1. Д. 23, Д. 66, Д. 116, Д. 161, Д. 196.

Ф. 80. Нефтегазодобывающее управление «Белозернефть» производственного объединения «Нижневартовскнефтегаз»

Оп. 1. Д. 129.

Ф. 123. «Открытое акционерное общество «Запсибдорстрой» и его подведомственные предприятия»

Оп. 1. Д. 4.

Ф. 126. Производственное объединение «Нижневартовскнефтегаз» Главтюменнефтегаза Министерства топлива и энергетики РФ

Оп. 1. Д. 11, Д. 67, Д. 104, Д. 541, Д. 1605.

Отдел по делам архивов департамента Администрации г. Нефтеюганска

Ф. 97. Общество с ограниченной ответственностью «Юганскдостройремонт» нефтяной компании «ЮКОС» и его подразделения

Оп. 1. Д. 9, Д. 31, Д. 44, Д. 64, Д. 76.

Опубликованные

Атлас Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. / отв. ред. В. А. Дикунец. В 2 т. Т. 1 История. Население. Экономика — Ханты-Мансийск ; М.: ГП Полиграфист, 2006. — 152 с.; Т. 2 Природа. Экология. — Ханты-Мансийск ; М.: Роскартография: Мониторинг, 2004. 152 с.

Байбаков Н. К. Дело жизни: Записки нефтяника. — М.: Советская Россия, 1984. 352 с.

Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина // Байбаков Н. К. Собр. Соч. в 10-ти т. Т. 5. — М.: Международный фонд «Фонд инноваций имени Н. К. Байбакова», 2011. 352 с.

Бахилов В. В. Дорога к нефти. — Нижневартовск: МБУ «Библиотечно-информационная система»: Издатель ИП Халилова Е. В., 2015. 120 с.

Биография Великого подвига: Тюменские геологи: Годы. Люди. События (1953–2003 гг.). — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2003. 688 с.

Бирюков В. П. Годы и люди земли тюменской: Книга в трех частях. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. 488 с.

Великопольский С. Д. О товарищах и друзьях с любовью. В 2-х ч. Ч. 2. — Тюмень: ИСТИНА, 2021. 527 с.

Внешняя торговля СССР. Статистический сборник. 1918–1966 гг. — М.: Международные отношения, 1967. 241 с.

Нефтеюганск: воспоминания, документы, публикации / науч. ред. А. В. Черноухов. — Екатеринбург: Архитектон, 1997. 131 с.

Главтюменнефтегаз: 40-летняя история Главка в свидетельствах очевидцев, воспоминаниях, документах и фотографиях / сост. С. Д. Великопольский и Ю. И. Переплёткин. — Тюмень: Мандр и К, 2005. 336 с.

Годы и люди Сургутской ГРЭС-1: 1972–1997: 25 лет / под общ. ред. В. Г. Губачева; худож. А. Ильиш; фот.: П. Я. Левченко. — М.: СОРЕК-полиграфия, 1997. 288 с.

Горбачев М. С. Жизнь и реформы. — М.: Новости, 1995. Кн. 1. 596 с.

Дороги Югры. Прошлое, настоящее, будущее: сборник воспоминаний активных участников строительства автомобильных дорог Ханты-Мансийского автономного округа — Югры / гл. ред. С. В. Галкин. — Тюмень: Поиск, 2004. 255 с.

Западно-Сибирский железнодорожный меридиан: люди, факты, события. Методы строительства сложных участков / авт.-сост. А. И. Белозеров. — Новосибирск: СГУПС, 2007. 682 с.

Захаров И. П. Моя земля. — Сургут: Нефть Приобья: Сургутнефтегаз, 1999. 216 с.

Из истории культурного строительства в Тюменской области. 1918–1975 гг.: Сб. док. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980. — 392 с.

Из истории развития изобретательского движения в Тюменской области (2-я половина XX века: Документы и материалы / авт.-сост. С. Ф Скифский, Л. С. Иванова. — Тюмень: Вектор Бук, 2004. 559 с.

История школы в истории судеб: Сб. док. / сост.: Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. — Екатеринбург: ИД «Сократ», 2004. 336 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. — М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. — М.: Статистика, 1973. 648 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.: Уровень образования населения СССР. Т. 3. — М.: Статистика, 1972.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г.: Уровень образования населения СССР. Т. 3. — М.: Статистика, 1989.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том IV. Национальный состав населения СССР. Часть I. Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и автономных округов по национальности и языку. Т. 1. Стат. сб. — М.: Статистика, 1989. 479 с.

Касум-ёх: Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. Шадринск: Исеть, 1993. 112 с.

Каспаров А. И. Дорога длинною в жизнь. — М.: Витязь-Братишка, 2008. 159 с.

Китаев В. В. Второе дыхание. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 173 с.

Коваленко Е. П. Главная дорога: посвящ. 25-летию тр. «Сургутнефтедорстройремонт» ОАО «Сургутнефтегаз» / отв. за вып. В. Надеин; фото С. Балашов. — Сургут: Нефть Приобья, 2006. 251 с.

Кодекс законов о труде РСФСР. — М.: Юрид. лит., 1986. — 140с.

КПСС в резолюция и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 11. (1966–1970 гг.). — М.: Политиздат, 1986. 573 с.

Легенды и сказки хантов / зап., введ. и прим. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. 62 с.

Майданов В. С. Дороги за горизонт. Кн. 2. Тюмень: Сибир. ИД, 2009. 301 с.

Материалы по фольклору хантов / зап., введ. и прим. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 216 с.

Мемориал «Звезды Югры» / сост. О. А. Китайгора. Ханты-Мансийск: Баско, 2017. 52 с.

Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и прим. Н. В. Лукиной. — М.: Наука, 1990. 568 с.

Молодежь и время: Сб. документов и материалов из истории молодежных движений Тюм. обл., 1917–1985 / Упр. по делам арх. Администрации Тюм. обл. и др. Ч. 3. — Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 1993. 193 с.

Моя судьба в истории Югры: Сборник документов / сост. Е. М. Брагина, Л. В. Набокова. — Тюмень: ОАО Тюмен. дом печати, 2005. 414 с.

Мунарев П. А. Так было, так начиналось (записки председателя). Воспоминания о становлении Сургута в 60–70-х годах / сост. В. В. Киселев, Г. В. Кондрякова; ред. Г. В. Кондрякова. — Сургут: Сургут. типограф., 2008. 153 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: Стат. ежегодник. — М.: Финансы и статистика, 1976. — 341с.

Народное хозяйство РСФСР в 1979 г.: Стат. ежегодник. — М.: Финансы и статистика, 1980. — 406с.

Народное хозяйство РСФСР в 1981 г.: Стат. ежегодник. — М.: Финансы и статистика, 1982. — 250с.

Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. — М.: Финансы и статистика, 1988. — 590с.

Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: Юбилейный стат. ежегодник. — М.: Статистика, 1977. — 710с.

Народное хозяйство РСФСР за 70 лет Советской власти: Юбилейный стат. ежегодник. — М.: Госкомстат РСФСР, 1988. — 261с.

Народное хозяйство СССР. 1922–1982 гг.: Юбилейный стат. ежегодник. — М.: Статистика, 1982. — 623с.

Народное хозяйство СССР в 1959 г.: Стат. ежегодник. — М.: Госстатиздат, 1960. 896 с.

Народное хозяйство СССР в 1965 г.: Стат. ежегодник. — М.: Статистика, 1966. 910 с.

Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. ежегодник. — М.: Финансы и статистика, 1986. — 655с.

Народное хозяйство СССР в 1986 г.: Стат. ежегодник. — М.: Финансы и статистика, 1987. — 625с.

Народное хозяйство СССР в 1990 г. — М.: Финансы и статистика, 1991. 752 с.

Народное хозяйство Тюменской области за годы восьмой пятилетки (1966–1970 гг.): Стат. сб. — Омск: Статистика, 1971. 286 с.

Народное хозяйство Тюменской области за 50 лет Советской власти: Стат. сб. — Омск: Статистика. Омское отдние, 1967. 301 с.

Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет: Стат. сб. — Тюмень, 1987. 138 с.

Народное хозяйство Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов за 50 лет Советской власти: Стат. сб. — Тюмень, 1967. — 132с.

Население СССР. 1987: Стат. сб. — М.: Финансы и статистика, 1988. — 439с.

Национальный состав населения Тюменской области. Всесоюзная перепись населения. 1989 г. / Госкомстат РСФСР. Тюменское областное управление статистики. — Тюмень, 1990. 214 с.

Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. — М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. 747 с.

Некоторые показатели демографических процессов и социального развития в Тюменской области: Стат. сб. / ЦСУ-РСФСР, Статистическое управление Тюменской области. — Тюмень, 1983. — 219 с.

Непорожний П. С. Энергетика страны глазами министра. Дневники 1935–1985 гг. — М.: Энергоатомиздат, 2000. 784 с.

Нефтегазостроители Западной Сибири. В 2-х кн. / гл. ред. Ю. П. Баталин. — М., 2004. — Кн. 1. 539 с.

Нефть и газ Тюмени в документах: сборник / сост. В. Н. Клепиков, М. М. Никифорова, Н. Д. Радченко; отв. ред. Д. А. Смородинсков. Т. 1. 1901–1965. — Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1971. 479 с.; Т. 2. 1966–1970. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1973. 339 с.; Т. 3. 1971–1975. — Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1979. 286 с.

Нефть Сибири / сост. В. С. Сторожев; под ред. В. И. Муравленко и др. — М.: Недра, 1973. 255 с.

Нефтяная эпопея Западной Сибири / ред. М. М. Крол. — М.: Нефтяник, 1995. 336 с.

Освоение нефтяных месторождений Западной Сибири / Д. В. Белорусов, Ю. И. Боксерман, Ю. М. Догаев, Я. М. Каган [и др.]. — М.: Недра, 1972. 182 с.

Открытые горизонты. Научно-документальная серия «Энергия Ямала» Т. 1 (1962–1980 гг.) / сост. Брехунцов А. М., Битюков В. Н. — Екатеринбург, 2002. 680 с.

Памяти магический кристалл: Воспоминания сургутских учителей / ред.-сост. Ю. А. Дворяшин. Выпуск 1. Екатеринбург: — ИД «Сократ», 2001. 136 с.

Представительные и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе. 1930–2001 гг.: Полномочия, функции, структура: Сб. док. / сост. Е. М. Брагина, Н. П. Мирошниченко, Л. В. Набокова. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. 216 с.

Поселения, постройки, средства передвижения, орудия труда народов Югры. — Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2015. 240 с.

Работа у нас такая...: [книга, посвященная самоотверженному труду снабженцев и комплектовщиков Газпрома, их вкладу в создание и укрепление Западно-Сибирского нефтегазового комплекса / редсовет.: Г. А. Бакланов — пред. и др. — Тюмень: Сибир. ИД, 2009. 591 с.

Ровесницы Ханты-Мансийского округа. Воспоминания выпускниц национальных педагогического и медицинского училищ Ханты-Мансийска / сост. и ред., авт. предисл. А. Г. Киселев, сост. фотоматериалов, автор и ред. текста на мансийском языке Р. К. Бардина, автор и ред. текста на хантыйском языке, автор предисловия С. В. Онина. — Ханты-Мансийск, 2020. 448 с.

Салманов Ф. К. Жизнь как открытие. — М.: РТК-регион, 2003. 607 с.,

Салманов Ф. К. Сибирь — судьба моя. — М.: Мол. гвардия, 1988. 318 с.

Сибирская нефть / под ред. В. И. Муравленко, В. И. Кремнева. — М.: Недра, 1977. 256 с.

Соратники: Поколение Виктора Муравленко / сост. С. Великопольский и Ю. Переплеткин. — Тюмень: Мандрика, 2002. 399 с.

СССР в цифрах в 1990 году: Крат. стат. сб. — М.: Финансы и статистика, 1991. 320 с.

Трудная дорога к нефти: Тюменские учёные и инженеры рассказывают. — Свердловск. Сред.-Урал. кн. изд-во. 1985. 96 с.

Тюменская энергосистема. Героические будни созидания: сб. ст. / сост. И. Каштанов. — М.: Энергоатомиздат, 1998. 352 с.

Тюменская область в цифрах. 1971–1975 гг.: Стат. сб. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1976. — 136с.

Тюменская область в цифрах. 1976–1980 гг.: Стат. сб. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. — 160с.

Тюменская область в цифрах 1981–1985 гг.: Стат. сб. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. — 96с.

Тюменская область в цифрах за 1986–1989 гг.: Стат. сб. — Тюмень: Стат. упр-е Тюменской области, 1990. — 160с.

Тюменская область в цифрах за 1986–1990 гг.: Стат. сб. — Тюмень, Стат. упр-е Тюменской области, 1991.

Утварь обских угров (ханты и манси): альбом этнографических рисунков / ред.-сост. Т. А. Молданова. — Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012.-234 с.

Хантыйские и мансийские народные песни / сост. В. В. Петрова. — Тюмень, 1983. 325 с.

Чурилов В. А. Путь к Человеку. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. 123 с.

Чурилов Л. Д. Моя история советской нефти (записки последнего министра). — М.: Изд-во «Нефтяное хозяйство», 2016. 328 с.

Щербина Б. Е. Тюменский меридиан. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966. 76 с.

Экономика и культура ХМАО за 50 лет (в цифрах). — Ханты-Мансийск: Ханты-Мансийская типография. 1980. 29 с.

Эрвье Ю. Г. Сибирские горизонты. — Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1968. 131 с.

Юрасова М. К, Юрасова Г. М. Муравленко. Документальная повесть о нефтянике. — Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1986. 256 с.

Яновский И. И., Вставский Г. К. Иртышское пароходство: годы и люди. — Омск: Ом. дом печати, 2001. 246 с.

65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу: Инф.-стат. сб.: Ханты-Мансийск, 1995. — Сургут: Северный Дом, 1995. 278 с.

70 лет тюменской геологии. Служа Отечеству / под ред. А. М. Брехунцова, В. Н. Битюкова. — Екатеринбург: ОАО ИПП «Уральский рабочий», 2018. 384 с.

Литература

Монографии, сборники научных трудов

Аверин А. Н., Антропов Е. П. Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. — М.: Советская Россия, 1988. 112 с.

Авимская М. А. Стальной путь к сибирской нефти. — Сургут: Печатный мир, 2017. 184 с.

Андриянов В. И., Чирсков В. Г. Борис Щербина. — М.: Молодая гвардия, 2009. 391 с.

Алексеев В. В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. II. 1951–1970 гг. — Новосибирск: Наука, 1976. 272 с.

Алексеев В. В., Логунов Е. В., Шабанов П. П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве в Сибири. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 176 с.

Алексеева Л. В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 годах: Национально-государственное строительство и население. — Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского пед. ин-та, 2002. 264 с.

Благосостояние городского населения Сибири. Проблемы дифференциации (Опыт социологического изучения). — Новосибирск: Наука, 1990. 350 с.

Бодрова Е. В. Нефтегазовый комплекс в контексте реализации государственной научно-технической и промышленной политики СССР и Российской Федерации (1945–2013 гг.) / Е. В. Бодрова, М. Н. Гусарова, В. В. Калинов, М. Н. Филатова. — М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2013. 984 с.

Валеева Э. И., Московченко Д. В. Роль водно-болотных угодий в устойчивом развитии севера Западной Сибири. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. 229 с.

Вахитов Г. Г. Нефтяная промышленность России: вчера, сегодня, завтра. Опыт разработки месторождений углеводородов в 1950–2012 гг. — М.: ОАО «ВНИИОЭНГ», 2012. 400 с.

Волдина Т. В. Хантыйский фольклор: история изучения. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 258 с.

Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). — Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2002. 284 с.

Гемуев И. Н. Мировоззрение Манси. Дом и Космос. — М.: Наука, 1990. 232 с.

Гемуев И. Н. Легенды и были таежного края / отв. ред. Р. С. Васильевский. — Новосибирск: Наука, 1989. 173 с.

Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. — Екатеринбург ; Салехард : Изд-во АРТмедиа, 2005. 360 с.

Гололобов Е. И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917–1930): исторические корни современных экологических проблем. — Ханты-Мансийск, 2009. 224 с.

Гущин Н. Я. Население в Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. — Новосибирск: Изд. СО РАН, 1995. 82 с.

Долгих Б. О. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири. — М.: Наука, 1964.

Дорога длиною в век: профсоюз. движение в Тюм. обл., 1905–2005 гг.: [юбил. сб., посвящ. 100-летию тюм. профсоюзов] / редкол.: Кивацкий М. Н. — пред. редкол. — Шадринск (Курган. обл.): Исеть, (ОГУП Шадринский Дом Печати), 2005. 472 с.

Ершов М. Ф. Очеловеченное пространство: образы и люди Югры. — Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2018. 114 с.

Ефимкин М. М. Социальное развитие рабочего класса Сибири (1959–1980 гг.). — Новосибирск: Наука,1989. 273 с.

Зайцева А. Н. Социалистический закон народонаселения (региональный аспект). — Томск: Изд-во Томс. ун-та, 1989. 192 с.

Западная Сибирь — крупнейшая нефтегазоносная провинция мира. Этапы открытия и освоения: матер. юбил. науч. — практ. конф. — Тюмень: Изд-во ТГУ, 2000. 228 с.

Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации / В. П. Карпов, Г. Ю. Колева, Н. Ю. Гаврилова, М. В. Комгорт. — Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. 392 с.

Зотов Д. К. Проблемы развития транспорта СССР / Д. К. Зотов, С. С. Ушаков. — М.: Мысль, 1990. 198 с.

Иванов А. С. «Изъять, как антисоветский элемент...»: Калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.) / под ред. Б. У. Серазетдинова; науч. совет при Президиуме РАН по проблемам военной истории. — М., 2014. 294 с.

Иванова Г. М. Советская школа в 1950–1960-е годы. — М.: Фонд «Московское время», 2018. 432 с.

Ильичев А. И., Бурындин Р. М. Западная Сибирь: Ресурсы. Проблемы. Перспективы / ред. В. И. Пищугин. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1971. 344 с.

Историческая демография Сибири: сб. науч. тр. / отв. ред. Р. С. Васильевский, Н. Я. Гущин. — Новосибирск: Наука, 1992. 237 с.

История геологического поиска. К 50-летию открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. М.: Изд-во «Пента», 2003. 287 с.

История Нижневартовского района / Л. В. Алексеева, Я. Г. Солодкин, В. В. Цысь и др.; под общ ред. Л. В. Алексеевой. — Екатеринбург: БАСКО, 2013. 336 с.

История Сибири в биографиях: сб. науч. тр. / науч. ред. А. И. Прищепа. — Сургут: ИЦ СурГУ, 2009. 201 с.

История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. — М.: МЦА Суханово, 2004. 512 с.

Карлов В. В. Народы Северо-Восточной Евразии в XIX и XX вв. — М.: КДУ, 2010. 476 с.

Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). — Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. 316 с.

Карпов В. П. Анатомия подвига. Человек в советской модели индустриализации Тюменского севера. — Тюмень: ТюмГНГУ, 2016. 184 с.

Ким Анатолий Индекович — эпоха и легенда геологии. — Салехард: ГУ «Северное издание», 2019. 144 с.

Китаев В. В. Второе дыхание (о перспективах развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса). — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 134 с.

Клоков К. Б., Хрущев С. А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России: информационно-аналитический обзор. — СПб.: ВВМ, 2004. 182 с.

Клюева В. П., Поплавский Р. О., Бобров И. В. Пятидесятники в Югре (на примере общин РО ЦХВЕ ХМАО). — СПб.: Издательство РХГА, 2013. 256 с.

Козлов А. И., Вершубская Г. Г. Медицинская антропология коренного населения Севера России. — М.: МНЭПУ, 1999. 288 с.

Козлов А. И., Козлова М. А., Вершубская Г. Г., Шилов А. Б. Здоровье коренного населения Севера РФ: на грани веков и культур. 2-е изд. — Пермь, ПГГПУ, 2013. 205 с.

Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления: В 2-х ч. Ч. 2. — Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. 160 с.

Колева Г. Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). — Тюмень: Вектор Бук, 2010. 258 с.

Колева Г. Ю., Колев Ж. М. Личностный фактор в истории нефтегазовой отрасли Западной Сибири. — Тюмень: ТИУ, 2021. 241 с.

Колева Г. Ю., Колев Ж. М. Газовая промышленность Тюменской области: от Берёзовского до Медвежьего. — Тюмень: ТИУ, 2022. 235 с.

Колева Г. Ю. История отраслей специализации Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1960–1980-е гг.). — Тюмень: Вектор Бук, 2007. 292 с.

Комгорт М. В. Западно-Сибирская нефтегазовая провинция: история открытия. — Тюмень: Вектор Бук, 2008. 189 с.

Комгорт М. В., Колева Г. Ю. Н. Н. Ростовцев и становление геологической науки в Тюмени. — Тюмень: Изд-во Вектор Бук, 2007. 208 с.

Комгорт М. В., Майданов В. С. Лидер нефтегазовой революции (к 100-летию А. К. Протозанова). — Тюмень: Сибир. ИД, 2013. 520 с.

Комгорт М. В. Тюменская геология до «эпохи великих геологических открытий». Тюмень: ТИИ, 2019. 172 с.

Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 636 с.

Крупник И. И. Арктическая этноэкология. — М.: Наука, 1989. 272 с.

Крючков В. В. Крайний Север: проблемы рационального использования природных ресурсов. — М.: Мысль. 1973. 184 с.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. — Новосибирск: Наука, 1992. 176 с.

Культурные традиции народов Сибири: сборник статей / отв. ред. Ч. М. Таксами. — Л.: Наука, 1986. 260 с.

Куцев Г. Ф. Человек в северном городе. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. 224 с.

Лебедева А. В. Изобразительное искусство обских угров. — Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2013. 162 с.

Логинов В. Г., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: политико-правовой статус и социально-экономическое положение. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. 138 с.

Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). — Томск, 1985. 365 с.

Малинин Е. Д., Ушаков А. К. Население Сибири. — М.: Статистика, 1976. 166 с.

Мальцев Н. А., Игревский В. И., Вадецкий Ю. В. Нефтяная промышленность России в послевоенные годы. — М.: ВНИИОЭНГ, 1996. 308 с.

Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. — М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998–235 с.

Мартынова Е. П., Пивнева Е. А. Традиционное природопользование народов Северного Приобья (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа). — М: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. 152 с.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество. Состояние, динамика, взаимодействие культур. — Новосибирск: Наука, 1996. 191 с.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс. — Новосибирск: Наука, 2002. 256 с.

Мисевич К. Н., Чуднова В. И. Население районов современного промышленного освоения Севера. — Новосибирск: Наука, 1973. 209 с.

Молданова Т. А. Казымский орнамент. — Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир», 2013. 175 с.

Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.): сб. науч. ст. / И. Н Стась, Д. В. Кирилюк, А. С. Иванов — Екатеринбург: ООО Универсальная типография «Альфа Принт», 2020. 201 с.

Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / отв. ред.: И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. — М.: Наука, 2005. 804 с.

Народы Сибири: права и возможности. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 168 с.

Народы Советского Севера. — М.: Наука. 1991. 264 с.

Неотрадиционализм на Российском Севере: этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика / под ред. А. И. Пики и Б. Б. Прохорова. — М., 1994. 225 с.

Нефть Сибири / Ред. В. И. Муравленко. — М.: Недра, 1973. 250 с.

Нижневартовск: прошлое и настоящее / Л. В. Алексеева, В. В. Цысь, М. М. Чореф и др.; под общ. ред. проф. Л. В. Алексеевой. — Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2017. 244 с.

Обряды народов Западной Сибири: сб. ст. / отв. ред. В. М. Кулемзин. — Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1990. 228 с.

Орлов Б. П. Сибирь: шаги индустрии. — М.: Сов. Россия, 1988. 256 с.

Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.) / под ред. П. В. Белоуса, А. Ю. Конева. — Тюмень: ТюмГУ, 2020. 248 с.

Очерки истории Тюменской области / ред. В. М. Кружинов. — Тюмень: ТюмГУ, 1994. 272 с.

Пашков Н. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. — Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1988. 241 с.

Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. — СПб.: МАЭ РАН, 2019. 350 с.

Пивнева Е. А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). — М.: ИЭА РАН, 1999. 307 с.

Православие в Нижневартовском районе: три века истории / под общ. ред. В. В. Цыся. — Нижневартовск: НВГУ, 2018. 122 с.

Проблемы геологии Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции / под ред. Н. Н. Ростовцева. Труды ЗапСибНИГНИ. Вып 11. — М.: Недра, 1968. 480 с.

Прибыльский Ю. П. Рыбное хозяйство Обь-Иртышья в XX в. Тобольская биологическая станция РАН. — М.: Наука, 2008. 233 с.

Прищепа А. И. История Сургута второй половины XX века. — Сургут: Диорит, 2005. 256 с.

Прищепа А. И. Возрождение Сургута. Вторая половина XX века. — Сургут: ИД Дефис, 2015. 238 с.

Развитие топливно-энергетического комплекса Западной Сибири: социальные и экологические последствия и перспективы / под ред. А. Ю. Рыкуна, К. М. Южанинова. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2010. 331 с.

Разработка и реализация проектов экономической и социальной модернизации Сибири в XX веке / Долголюк А. А. и др.; Институт истории СО РАН. — Новосибирск: Автограф, ИИ СО РАН, 2015.- 284 с.

Решетников А. С. Тюменский лесной комплекс: Страницы истории (1917–1997 гг.). — Тюмень: Пульс. 1997. 311 с.

Самотлор: первые из первых: (о строительстве внутрипромысловых дорог, оснований кустовых площадок и о роли транспортников в подготовительных работах на месторождении в 1960–1980 гг.) / В. В. Цысь, Л. В. Алексеева, О. П. Цысь [и др.]; отв. ред. В. В. Цысь. — Нижневартовск, 2015. 187 с.

Сибирская нефть / Ред. В. И. Муравленко. — М.: Недра, 1977. 253 с.

Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе / отв. ред. М. К. Бандман и др. — Новосибирск: Наука, 1980. 336 с.

Славкина М. В. Нефтегазовый фактор отечественной модернизации. 1939–2008. — М.: Весь Мир, 2015. 431 с.

Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. — М.: Новое литературное обозрение. 2008. 509 с.

Советская молодежь в исторической памяти России: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции (г. Сургут, 19–20 октября 2018 г.). — Сургут: Печатный мир, 2018. 493 с.

Соколова З. П. Путешествие в Югру. — М.: Мысль,1982. 173 с.

Соколова З. П. Страна Югория. — М.: Мысль, 1976. 119 с.

Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. — М.: ИЭА РАН, 2009. 756 с.

Соколова З. П. Этнограф в поле: Западная Сибирь. 1950–1980-е годы: Полевые материалы, научные отчеты и докладные записки. — М.: Наука, 2016. 947 с.

Стась И. Н. От посёлков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е — начало 1990-х гг.). — Сургут: Дефис, 2016. 257 с.

Стась И. Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е — начало 1990-х гг.) / И. Н. Стась. — Курган: Курган. Дом печати, 2018. 168 с.

Сургутский государственный университет: 25 лет пути: моногр. / под общ. ред. Д. В. Кирилюка. — Сургут: Печатный мир, 2017. 254 с.

Тарасенков Г. Н. На просторах Обь-Иртышья (Природа, хозяйство, культура Тюменской области). — Свердловск: Средне-Уральское книж. изд-во, 1964. 431 с.

Трапезников А. А. Виктор Муравленко. — М.: Молодая гвардия, 2007. 315 с.

Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта / В. П. Карпов, Г. Ю. Колева, Н. Ю. Гаврилова, М. В. Комгорт, А. И. Тимошенко. — Тюмень: Вектор Бук, 2011. 259 с.

Урбанизация советской Сибири. — Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.

Хромова А. М., Хромов В. В. Живой очаг культуры. Очерки из истории Сосьвинской культбазы. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2000. 130 с.

Чижов Б. Е. Лес и нефть Ханты-Мансийского автономного округа. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1998. 141 с.

Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1959–1962 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2005. 410 с.

Языки народов севера Сибири: сборник научных трудов / отв. ред М. И. Черемисина. — Новосибирск: [б. и.], 1986. 165 с.

Языки народов Сибири. Грамматические исследования: сб. науч. тр. / отв. ред: Е. И. Убрятова, М. И. Черемисина. — Новосибирск: Наука, 1991. — 221 с.

Яновский В. В. Человек и Север. — Магадан: Кн. изд-во, 1969. 160 с.

Указатель географических названий

Принятые сокращения:

авт. д. — *автомобильная дорога*; г. — *город*; ГМ — *газовое месторождение*; ГП — *газопровод*; ГРЭС — *государственная районная электростанция*; д. — *деревня*; ж. д. — *железная дорога*; ж. д. ст. — *железнодорожная станция*; кр. — *край (административно-территориальная единица)*; ЛЭР — *лесоэкономический район*; НМ — *нефтяное месторождение (промысел)*, НП — *нефтепровод*; обл. — *область*, п. — *поселок*; р. п. — *рабочий поселок*; р-н — *район (адм.-терр. единица)*; р. — *река*, реч. п. — *речной порт*; ю. — *юрты*

А

Абакан — Новокузнецк, ж. д. 281

Абакан — Тайшет, ж. д. 281

Абатский р-н 156

Австрия 249, 254, 255, 256, 658

Аганское НМ 182, 186, 191, 193

Азербайджан 234, 554, 595

Азия 23, 358, 373, 380, 400, 663

— Средняя 328, 358, 400

Ай-Пим, р. 633

Алапаевск, г. 156

Александровский вал 171

Александровский р-н 658

Александровское — Анжеро-Судженск, НП 302

Александровское — Усть-Балык, НП 301, 303

Альбервиль, г. 582

Амня, п. 632, 659

Амурская обл. 72

Анадырь, г. 432

Англия — см. Великобритания 249

Арктический север, регион Тюменской обл. 430

Архангельская обл. 72

Б

Баку, г. 161, 162, 165, 240, 264

Барнаул, г. 15, 22, 23

Барсово, р. п. 99, 100

Башкирия (Башкирская АССР) 88, 208, 220, 221, 241, 336, 405, 413, 417, 426, 441, 476

Белорусская ССР 290

Белоярская ж. д. магистраль 280

Белоярский, п., г., реч. п. 269, 444, 446, 526, 532, 567, 653

Белоярский р-н 137, 293, 501, 526, 532, 589, 606, 631, 659

Бельгия 255, 259

Березово, г. п. 12, 14, 16, 68, 73, 150, 152–155, 157, 158, 161, 164, 166, 167, 207, 257, 263, 269, 270, 310, 397, 422, 479, 520, 600, 601

Березово-Игримский район 157, 159

Березово-Шаимский район 158, 164, 194

Березовский газоносный район 156, 157, 159, 164, 170, 173, 175, 264

Березовский ЛЭР 354

Березовский р-н 47, 68, 93, 137, 156–160, 172, 213, 214, 216, 293, 294, 296, 305, 316, 385, 396, 397, 481, 503, 507, 522, 534, 564, 577–578, 584, 590, 591, 593, 597, 601, 603, 624, 629, 631, 659

Березовское ГМ 150, 151

Ближний Север, регион Тюменской обл. 430

Богадинский, п. 332

Болгария (Болгарская Народная республика) 260, 443

Большой Салым, р. 646

Братислава, г. 249

Брянск, г. 135

Бугуруслан, г. 275

Будапешт (Budapest), г. 660

Бурят-Монгольская АССР 72

Бухара — Урал, ГП 159

Быстринское НМ 286, 287, 288

В

Вагайско-Ишимский район 157

Вандомский сор 370

Ванзеват, с. 621, 645

Варьеган (Варьёган), с. 324, 506, 507, 591, 603, 606, 627, 630, 652

Ватинское НМ 186, 212

Вах, п. р. 168, 293, 327, 338, 524, 622, 626, 627, 635, 649, 658

Ваховский район 167

Вахтовый, п. 448

Вашингтон, г. 259

Вежакары 633, 634, 651

Великобритания 256, 358

Венгрия 243, 249, 358, 658, 660

Верхнетазовский свод 171

Верхние Нарыкары, д. 659

Верхотурье, г. 156

Викуловский р-н 156

Висим, р. 80

Волга, р. 328

Волгоград, г. 262

Волго-Уральский нефтегазоносный район 207, 249

Воронино, д. 340

Восточная Сибирь 467

Восточно-Сургутское НМ 133, 192, 193

Вынгапурский 428

Г

Газли, г. 158

Газлинское ГМ 160

ГДР 249, 358

Голландия 255, 259

Греция 255

Грозный, г. 161

Губкинская структура 277

Губкинский, п. 425

Д

Дальний Восток 8, 80, 85, 159, 197, 247, 269, 284, 400, 502, 553, 572, 599, 640

Дальний север, регион Тюменской обл. 209, 430, 433

Дарко-Горшково, д. 566, 635

Деминское ГМ 160

Демьянское, с. 300

Днепр, р. 328

Донецкий бассейн 355

Е

Европа 514

— Восточная 249, 261

— Западная 17, 254, 256, 259

Екатеринбург (Свердловск), г. 10–14, 16, 18, 19, 20, 22–24, 26, 27, 31, 39, 47, 64, 102, 108, 109, 151–153, 155–159, 168, 171, 175, 178, 182, 186, 188–190, 193, 197, 198, 205, 209, 212, 215, 218, 220–222, 224, 230, 231, 236, 237, 263, 265, 271, 279, 285, 294, 301, 305, 327, 335, 347, 365, 371, 377, 380, 381, 399, 401, 420, 422, 434, 435, 452, 455, 457, 463, 465–467, 471, 479, 496, 518–520, 525, 528, 529, 531, 536, 547, 548, 582, 599, 603, 636, 646, 670, 674

Елизаровское авт. д., НМ 279, 350

Ем-Еговское НМ 279

Ермаковская площадь 171

З

Закавказье 328

Западная Германия — см. ФРГ 257

Западная Сибирь 8–10, 12, 15–26, 68, 74, 75, 79, 81, 82, 85, 88, 89, 91, 95, 96, 99, 101, 121, 125, 129, 151, 154, 155, 156, 160, 162, 164, 168, 171–176, 181, 182, 184, 187–190, 196–198, 200, 201, 205, 209, 210, 212, 216–218, 220–225, 227–229, 233, 234, 236, 238, 239, 246, 248, 250, 253, 256–259, 268, 269, 272, 273, 278–280, 282, 283, 285, 286, 288, 289, 292–294, 299, 301, 302, 309, 310, 313, 315, 322, 323, 325–328, 335–337, 339, 341–344, 346, 347, 350, 358, 365, 366, 368, 370, 375, 380–391, 393, 400, 407–409, 411, 412, 415, 416, 422–424, 426, 427, 428, 430–433, 441, 445, 448, 449, 451–457, 459, 460, 462–464, 466–470, 472, 473, 478, 481, 482, 493, 497, 502, 506, 547, 548, 553–555, 561, 568, 569, 570, 591, 593, 594, 603, 621, 630, 633, 636, 639, 649, 654, 655, 659, 661–663, 666, 667, 671–675

— Север, Северо-Запад 8, 15, 18–20, 22, 25, 26, 69, 88, 91, 99, 121, 129, 233, 234, 250, 257, 268, 272, 285, 292, 294, 302, 306, 309, 332, 333, 335, 336, 341, 342, 347, 365, 368, 369, 370, 375, 381–386, 389–391, 393, 423, 426–428, 431, 441, 445, 459, 462, 464, 478, 493, 506, 561, 569, 637, 654

Западно-Сибирская впадина 155

Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс (ЗСНК) 8, 12, 15–19, 21, 26, 27, 88, 89, 91, 95, 155, 157, 175, 179, 181, 185, 188, 190, 195, 197, 198, 200, 201, 204, 205, 207, 220, 224, 225, 226, 232, 233, 236, 238–242, 245, 246, 249, 258, 259, 262, 269, 270, 274, 278, 280, 283–285, 288, 290–292, 297, 304, 313, 314, 316–318, 325, 326, 328, 329, 332, 333, 335–337, 343, 370, 375, 381, 382, 388, 391, 396, 398, 402, 418, 424, 425, 428, 431, 441, 442, 450, 460, 466, 477, 492, 507, 520, 539, 653, 666, 672–675

Западно-Сургутское НМ 182, 239, 286, 301, 312

Заполярье 167, 281

Запорожье 325

Зауралье 23, 158, 182, 663

И

Ивдель — Обский ЛЭР 354, 356, 357, 361, 363

Ивдель — Обь, ж. д. 90, 278, 279, 283, 316, 350, 351, 355, 356, 357

Ивдель, г. 156

Игрим — Серов, ГП 40, 157, 159, 217, 252, 277, 301, 482

Игрим, г. 213, 214, 216, 267, 277, 344, 382, 466, 479

Игримская зона 157

Игримское ГМ 157, 158, 207, 209

Иркутская обл. 72, 176, 350, 355

Иртыш, р. 67, 266, 267, 299, 300, 305, 313, 354, 384, 388, 418, 627, 643

Исеть, р. 370

Италия 243, 249, 254, 255, 256, 259

К

Казахстан (Казахская ССР) 40, 200, 287, 290, 358, 400

Казым, с., п. 507, 589, 621, 649, 652, 659, 660

Казым, р. 267, 621, 624, 633, 634, 635, 658

Казымское поднятие 158

Калтысянские ю. 633

Каменное, МН 279

Камчатская обл. 72

Канада 234, 358

Каракумы, пустыня 159

Каркатеево, п. 259

Каспийское море 200

Качканар, г. 156

Кельс-Юган, р. 632

Кемерово, г. 14, 578, 656, 662, 663

Киев, г. 659

Кинямины, ю. 621

Клайпеда, г. 660

Когалым, г. 70, 96, 100, 109, 226, 290, 297, 406, 428, 433, 444, 446, 453, 477, 502, 507, 510, 565

Колекъеган, р. 622

Коми АССР (Республика Коми) 67, 72, 196, 198–200, 260, 285, 355

Комсомольский, п. 99, 348–350, 352–356, 360, 397, 455

Конда, р. 35, 266, 267, 279, 350, 351, 354, 659

Кондинский ЛЭР 354

Кондинский р-н 36, 45, 56, 156, 162, 164, 226, 263, 280, 293, 353, 385, 396, 397, 522, 528, 529, 564, 590, 591, 629, 631

Кондинское, с., п. 56, 73, 119, 137, 455, 481, 600

Кондо-Сосьвинский гос. заповедник 78, 80, 371

Корлики, с. 650

Красноселенский свод 227

Краснотурьинск, г. 156

Красноярск, г. 20, 72, 159, 198

Красноярский кр. 198

Кременчуг, г. 275

Кузбасс 280

Кузылкумы, пустыня 159

Куйбышев, г. 301, 302, 303

Куминские болота 300, 354

Куноват, р. 634

Курган, г. 19, 21, 22, 23, 171, 302, 303, 416, 419, 462, 519, 522, 578, 672

Кучуминская протока 633

Кышик, с. 652

Л

Лабытнанги, г. 333

Лагорма, р. 376

Лангепас, г. 96, 97, 100, 101, 108, 109, 120, 121, 226, 293, 297, 410, 425, 428, 444, 446, 448, 452, 453, 477, 502, 510, 524, 560, 565

Ларьяк, с. 452, 503, 504, 625

Ларьякский р-н 169, 171, 396, 594, 625

Латвийская ССР 290

Лебинский сор 370

Ленинград, г. — *см. Санкт-Петербург*

Литовская ССР 290

Локосово, с. 169, 223, 269, 340, 566

Ломбовож, с. 644

Лорбинское НМ 279

Лохтоткурт, д. 643, 644

Луговая — Нягань, ЛЭП-500 328

Луговой, п. 397

Ляминский свод 277

Лянтор, г. 290, 428, 446, 507

Лянторское НМ 323

Ляпин, р. 624, 625

М

Магадан, г. 382, 430, 631

Магаданская обл. 72

Мало-Атлымская опорная скважина 161, 162

Мало-Балыкское НМ 192

Малый Атлым, с. 645

Мамонтово, р. п. 99, 100, 199, 428, 528

Мамонтовское НМ 182, 192

Марковское НГМ 176

Мегион, г. 12, 96, 97, 98, 100, 138, 182, 183, 207, 208, 265, 286, 290, 293, 297, 312, 324, 382, 387, 399, 425, 444, 446, 448, 452, 454, 455, 473, 506, 559, 564

Мегионская площадь 170, 171, 173, 174, 182

Мегионская скважина 171, 174

Мегионская структура 168

Мегионский район 167

Мегионское месторождение 155, 173, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 208, 212, 239, 286, 287, 299, 669

Медведевская структура 168

Медвежье — Надым, магистраль 255

Медвежье — Пунга — Ухта, система ГПов 253

Микояновский р-н 52, 156, 263, 396

Молдавия 400

Мортымьинское НМ 182

Мортымья-Тетеревское НМ 186

Москва 9, 67, 68, 142, 143, 151, 185, 203, 204, 205, 216, 227, 244, 275, 277, 311, 422, 431, 498, 499, 500, 513, 517, 549, 583, 627, 653, 669, 670

Мужи, с. 614, 615

Мулымьинская площадь 161, 162

Муравленко п., г. 26, 226, 425

Муравленковское НМ 192

Муравлянковский 428

Мурманск, г. 256, 657

Мурманская обл. 72

Мурманский ТПК 198

Н

Надым — Ухта — Торжок, ГП 254

Надым, г. 255, 258, 260, 274, 433, 443, 506

Нарыкары, д. 80, 167, 659

Наумовка, д. 62

Нахрачи, с. 56, 73

Нахрачинский р-н 156

Ненецкий автономный округ 198

Нефтеюганск, г. 93, 98, 100, 101, 108, 109, 116, 117, 127, 206, 207, 211, 213, 214, 216, 217, 221, 226, 230, 260, 265, 268, 269,

274, 284, 285, 286, 288, 289, 290, 292, 293, 295, 296, 297, 310, 318, 334, 335, 337, 338, 376, 382, 387, 399, 402, 406, 407, 409, 412, 414, 416, 424, 425, 427, 429, 433, 437, 443, 444, 446, 448, 452, 453, 454, 455, 456, 465, 472, 473, 474, 477, 479, 482, 498, 502, 506, 523, 547, 548, 550, 551, 559, 560, 563, 564, 565, 576, 578, 581, 583, 584, 585, 670, 673

Нефтеюганск — Сургут, авт. д. 289, 290

Нефтеюганский промышленный узел 316

Нефтеюганский р-н 57, 100, 116, 357, 528, 584, 590, 631

Нефтяные камни, НМ 234

Нижневартовск — Курган — Куйбышев, НП 302, 303

Нижневартовск — Мегион — Покачи, авт. д. 293

Нижневартовск — Радужный, авт. д. 293

Нижневартовск, г. (Нижневартовский, п.) 15, 18, 19, 23, 24, 26, 70, 74, 75, 82, 89, 96, 97, 100, 101, 108, 111, 112, 118, 119, 132, 137, 138, 146, 203, 206, 207, 213, 214, 216, 217, 218, 221, 223, 226, 229, 230, 240, 245, 260, 265, 267, 268, 269, 273, 276, 277, 280, 283, 284, 287, 290, 291, 296, 297, 302, 318, 324, 327, 328, 334, 350, 355, 356, 385, 387, 399, 401, 402, 405, 407, 408, 409, 412, 414, 416, 424, 425, 427, 433, 438, 440, 441, 443, 446, 448, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 468, 469, 472, 473, 479, 482, 497, 499, 502, 504, 505, 510, 511, 512, 515, 516, 523, 530, 533, 538, 541, 542, 552, 556, 560, 563, 565, 584, 585, 640, 670, 672, 673

Нижневартовск, аэропорт 274, 276

Нижневартовская ГРЭС 91, 325, 326, 329

Нижне-Вартовская площадь 169, 171, 174

Нижневартовский промышленный узел 94

Нижневартовский речной порт 269

Нижневартовский р-н 19, 23, 100, 101, 165, 186, 203, 205, 284, 290, 295, 296, 327, 357, 385, 386, 427, 455, 494, 503, 506, 525, 529, 530, 573, 574, 590, 591, 606, 629, 630, 631, 650, 662

Нижневартовский свод 75, 171, 277

Нижневартовское — Нефтесборный парк, авт. д. 286

Нижневартовское — Урьевские, авт. д. 286

Нижне-Мысовская скважина 169

Нижние Нарыкары, д. 659

Нижний Новгород, г. 513

Нижний Тагил, г. 159

Ново-Васюганский вал 171

Новосибирск, г. 14, 16, 17, 20, 21, 22, 24, 41, 153, 155, 160, 165, 168, 170, 171, 182, 196, 197, 198, 205, 219, 224, 225, 226, 282, 283, 289, 313, 316, 327, 328, 333, 334, 339, 385, 399, 414, 441, 448, 459, 461, 463, 466, 467, 469, 470, 493, 553, 578, 597, 598, 629, 630, 638, 650, 654, 656, 657, 661, 664

Новосибирская обл. 41, 280, 351, 463

Новый Уренгой, г. 221, 260, 284, 443, 506

Нонг-Еганское НМ 323

Норильский ТПК 198

Ноябрьский (Ноябрьск), г. 425, 428, 433, 506

Нумто, д. 606

Нягань, г. 70, 94, 96, 100, 109, 226, 290, 297, 328, 351, 428, 444, 446, 453, 477, 502, 509, 523, 565, 578

Няганьская ГРЭС 90, 325

Нях, п. 290

О

Обской Север 65, 359, 396, 400, 415, 518, 540, 603, 621, 626, 643, 650, 654

Обь, р. 63, 67, 75, 90, 167, 168, 169, 170, 234, 267, 278, 279, 282, 283, 299, 305, 313, 316, 334, 350, 351, 354, 355, 356, 357, 367, 368, 370, 383, 388, 389, 390, 423, 435, 469, 603, 627, 629, 658

— Нижняя 158

— Средняя 267

— Юганская 267

Обь-Иртышская обл. 31

Обь-Иртышский бассейн 20, 269, 270, 333, 365, 368, 388, 487, 622

Обь-Иртышский ЛЭР 354

Обь-Иртышский Север 265

Обь-Иртышье 20, 265, 294, 369, 377

Октябрьский р-н 52, 97, 101, 156, 278, 279, 293, 353, 355, 370, 385, 397, 481, 490, 506, 525, 533, 564, 573, 574, 584, 590, 591, 631, 633, 659

Октябрьское, п. 310

Омск, г. 22, 24, 63, 180, 188, 191, 217, 265, 267, 270, 275, 299, 300, 301, 303, 333, 334, 337, 398, 399, 455, 457, 465, 471, 482, 486, 488, 491, 578, 654, 659

Омская епархия 550, 552

Омская обл. 23, 38, 67, 269, 388, 463, 467, 546

Ореховская структура 168

Островной 428

Остяко-Вогульск, п., пгт. 332, 418, 623

Охтеурская скважина 169

П

Пальяновское НМ 279

Певек, г. 432

Перековка, п. 419

Пермь, г. 14, 498, 600, 657

Пермская обл. 40

Пим, п. 290, 567

Пим, р. 383, 633, 635–637, 658

Пимская скважина 168

Пионерский, п. 354

Плоцк, г. 249

Поволжье 219, 220, 400, 402, 476, 583

Пойковский, п. 100, 290, 293, 387

Покачи, г. 293, 428, 446, 525

Покурская структура 168

Полноват, с. 603, 621, 652

Полоцк, г. 302, 303

Полуночное, п. 80

Польша 249

Поточное НМ 323

Правдинское НМ 182, 186, 212, 243, 301

Приморский кр. 72

Приобское НМ 88, 313

Приобье 164, 170, 228, 663

— Северное 425, 631

— Сосьвинское 350, 351, 353, 355, 356, 358, 361, 362, 655

– Среднее 95, 99, 153, 155, 162, 165, 167–173, 175, 186, 189, 194, 208, 216, 217, 228, 272, 279, 284, 300, 355, 356, 399, 407, 412, 413, 418, 421, 423, 426, 430, 433, 440, 500, 577, 626

— Нижнее 279, 654

— Широтное 155, 164

Приобье, ж. д. ст. 279, 283

Приуралье 155

— Сибирское 150, 155–157, 159–161, 171, 172, 194

Приуральский район 170

Пунга, р. 80

Пунгинское ГМ 160, 209, 237, 239, 301

Пунгинское группа ГМ 207

Пур, р. 267

Пуровский р-н 378, 428, 510

Пур-Пев 428

Пыть-Ях, г. 292, 324, 328, 428, 446, 528

Р

Радужный, г. 70, 96, 100, 109, 293, 425, 428, 444, 446, 477, 502, 565

Республика Коми — *см.* Коми АССР

Россия (Российское государство, Российская империя) 7–10, 13–15, 20, 21, 25, 110, 113, 141, 142, 192, 196, 207, 217, 219, 230, 244, 249–251, 261, 268, 269, 302, 373, 378, 393, 396, 420, 425, 427, 428, 442, 445, 446, 488, 489, 498, 503, 507, 509, 512, 514, 549, 550, 553, 555, 556, 599, 629, 630, 638, 643, 654, 655, 666, 672, 673, 675

— Север 9, 592, 599, 600, 601, 602, 622, 625

— Северо-Запад 328, 351, 358, 362

Российская Федерация 8, 12, 24, 25, 57, 143, 193, 210, 248, 285, 335, 402, 441, 498, 504, 547, 553, 564, 565, 573

РСФСР 8, 25, 26, 47–49, 51, 56, 57, 64, 65, 67, 68, 71, 72, 81–83, 139, 141–146, 158, 160–162, 166, 168, 171, 175, 176, 184–186, 188, 190, 191, 197, 200, 210, 219, 222, 231, 240, 263–265, 270, 280, 284, 285, 290–294, 298, 299, 326, 333–335, 352, 365, 371, 374, 377, 378, 379, 388, 389, 399, 407–409, 411–416, 418, 419, 428, 435, 437, 441, 447, 450–452, 455–457, 460–462, 464, 465, 467–469, 471, 472, 475, 479, 482, 489, 493–495, 499, 502, 507, 511, 517, 526, 528, 529, 545, 548, 549, 559, 560, 565, 570, 572–574, 576, 577, 599, 608, 609–612, 648, 651

Русскинская, п. 504, 506, 568

Рыбачий, п. 419

Рыльск, г. 275

Рязанская обл. 575

С

Сабун, р. 622

Сайгатины, ю. 633

Сайма, р. 264, 565

Салехард (Обдорск), г. 67, 68, 73, 165, 166, 178, 186, 270, 281, 308, 430, 566, 576, 641, 644, 645

Салым, п. 353

Салымский свод 277

Салымское куполовидное поднятие 75

Самара, г. 233, 234

Самарово, с., п. 263, 270, 418, 419, 488, 576, 668

Самотлор (Самотлорское) НМ 84, 173, 182–184, 186, 187, 189, 199, 212, 213, 228, 242–245, 277, 282, 289, 296, 327, 328, 391, 408, 504, 560, 569

Самотлор, оз. 289, 302

Самотлор — Александровское, НП 302, 303

Самотлор — Куйбышев, НП 301

Самотлор — Нижневартовск, НП 302, 303

Самотлор — Усть-Балык — Курган — Уфа — Альметьевск НП 302

Самотлорская площадь 182, 184

Санкт-Петербург (СПб., Ленинград, Л.), г. 7, 19, 153, 423, 426, 550, 621, 638, 653, 671

Сараево, г. 582

Саранпауль, с., п. 137, 507, 650

Саранск, г. 641, 659

Сасово, г. 745

Сахалинская обл. 72

Свердловская обл. 90, 285, 590

Свердловская ж. д. 282, 331, 523

Север 8, 9, 17, 20, 21, 22, 26, 31, 37, 39, 41, 48, 49, 52, 53, 65, 67, 72–74, 78, 82, 96, 98, 101, 136, 158, 165, 167, 175, 195, 199, 202, 206, 211, 218, 240, 246, 259, 265, 267, 306, 343, 353, 355, 362, 364, 365, 370, 371–375, 377–379, 381–383, 385–388, 390, 392, 393, 396–399, 402, 407, 409, 413, 414, 417, 420, 422, 425–428, 430–432, 435, 439, 440, 446, 447, 452, 454, 456, 459–461, 464, 466, 468, 472, 476, 479, 482, 491, 493, 494, 506, 516, 517, 521, 522, 539, 540, 564, 568, 570, 575, 582, 588–590, 592–594, 596–598, 600–602, 604–608, 617, 619, 622, 624–627, 629–631, 640–643, 648, 654, 655, 657, 661, 662, 668, 671, 672, 674

— Крайний 24, 65, 67, 72, 73, 97, 279, 383, 392, 420, 460, 577, 592, 595, 602, 605, 621, 640, 641, 657

— Обской 359, 400, 415, 518, 540, 603, 626, 643, 650

— Обь-Иртышский 23, 265, 546

— Сибирский 9, 10, 19, 20, 25, 196, 353, 380, 384, 391, 393, 655, 669, 671

— Советский 243, 590, 591, 657

— Тюменский 8, 9, 17, 21, 26, 74, 75, 81, 99, 160, 179, 197, 198, 210, 216, 218, 226, 234, 239, 245, 256, 257, 270, 274, 280, 283–285, 287, 288, 293, 294, 297, 298, 306, 309, 310, 313, 324, 325,

327, 385, 392, 402, 409, 415, 440, 442, 453, 464, 467, 470, 486, 487, 502, 524, 622

— Ханты-Мансийский (Югорский) 199, 414, 430, 495, 516, 597, 668

Северная Сосьва, р. 350, 351, 624, 625, 651

Северный Кавказ 219, 328, 358, 400, 402

Северо-Алясовское ГМ 160

Северо-Сибирская магистраль, ж. д. 283

Североуральск, г. 156

Сергино, п., ж. д. ст. 269, 279

Серов, г. 40, 156, 157, 159, 209, 217, 252, 277, 278, 301, 482

Сибирь 7–17, 19, 20–22, 24, 25, 38, 67, 85, 151, 161, 162, 170, 188, 197, 198, 225, 226, 258–261, 269, 283, 306, 312, 316, 358, 359, 365, 373, 381, 385, 391, 393, 399–403, 409, 412, 414, 433, 442, 443, 461, 463, 467, 469, 470, 493, 553–555, 570, 572, 576, 583, 594, 596, 650, 654–657, 660–662, 663, 672, 673

Сизхаломбат, г. 249

Сингапай п. 295

Смоленская обл. 62, 135

Советский р-н 93, 94, 352, 584

Советский, п., г. 352, 354, 355, 446

Солкинское НМ 288

Солкино, о-в 169

Сосьва, п. 507

Сотник, д., пристань 267, 279, 280, 283, 334, 350, 355, 356

Среднеобский ЛЭР 354

СССР 11, 12, 14–17, 25, 26, 37, 49, 60, 62–65, 67, 68, 72–75, 78, 80–82, 85, 88, 89, 94, 96, 112–114, 118, 123, 125, 129, 131, 135, 137, 140, 142–144, 146, 150, 151, 155, 157–160, 162, 167, 171, 174–177, 182, 184, 185, 188–190, 192, 195–198, 200–202, 207, 208, 210–212, 214, 216, 218, 219, 221, 226, 227, 231–233, 235, 236, 238–259, 262, 265, 267–269, 271, 273, 274, 278–281, 286–293, 296, 299, 301, 302, 304, 306, 313, 315, 317, 318, 325–328, 335–337, 339, 347, 354, 365, 381, 382, 391, 407–409, 412, 415, 416, 420, 422, 424, 427, 428, 431, 432, 441, 460, 461, 464, 477, 493, 496, 536, 537, 540, 546, 548, 555, 574, 575, 579, 584, 591, 592, 608, 639, 656, 657, 660, 665, 666, 672

Сугмутское НМ 191

Сургут, р. п., г. 12, 17–20, 22, 23, 25, 26, 38, 42, 73, 78, 79, 81, 82, 86, 93, 96, 98–101, 103, 104, 107, 108, 115, 116, 118, 135, 137, 138, 144, 168, 169, 186, 189, 191, 203, 205–207, 210, 213, 214, 216, 217, 221, 224, 226, 236, 245, 260, 263–265, 268–270, 278, 289, 292, 294–297, 310, 311, 340, 343, 347, 350, 356, 368, 369, 370, 376, 382, 384–387, 396, 399, 401, 402, 407, 409, 412, 414, 416, 419, 422, 424–427, 429, 430, 432–445, 448, 450, 453, 465, 473, 479, 482, 486, 490, 492–494, 499, 500, 502, 505, 506, 511, 513–515, 522–524, 533, 536, 540–542, 544, 546, 550, 551, 555, 556, 559, 561–566, 570, 576, 577, 585, 670, 673

Сургут — Белозерная, ЛЭП-500 328

Сургут, ж. д. ст. 282, 284

Сургут — Нефтеюганск, авт. д. 288, 289

Сургут — Нижневартовск, зимник 284

Сургут — Нижневартовск, ЛЭП-500 328

Сургут — Новый Уренгой, ж. д. 282, 284, 378

Сургут — Полоцк, НП 303

Сургут — ст. Пурпе, авт. д. 293

Сургут — Пыть-Ях, ЛЭП-500 328

Сургут — Тюмень, зимник 284

Сургут — Южный Балык, авт. д. 293

Сургутская группа НМ 207

Сургутская ГРЭС (Холмогоры) 18, 76, 82, 91, 236, 245, 290, 303, 309, 313, 315–322, 324–327, 329, 421

Сургутская опорная скважина 169

Сургутская площадь 172

Сургутский аэропорт 271–276

Сургутский промышленный узел 94, 329

Сургутский район 122, 156, 165, 167, 313, 338

Сургутский реч. п. 265, 266, 267, 290, 334

Сургутский р-н 169, 172, 186, 263, 290, 357, 375, 386, 396, 397, 460, 494, 529, 531, 590, 591, 629–631, 635, 636, 659

Сургутский свод 75, 277

Сургутское НМ 88, 301

Сургут-Уренгой, ЛЭП-500 324

США (Северная Америка) 17, 243, 250, 253, 254, 256, 259, 358, 555

Сыктывкар (Syktyvkar), г. 655, 659

Сыня, р. 634, 654, 658, 663

Т

Тавда, р. 370

Тавда — Сотник, ж. д. 279, 280, 283, 350, 355, 356

Тагринское НМ 323

Таджикистан 554

Тазовское (Тазовск), с., пристань 68, 334

Тайлаковское НМ 191

Таллин, г. 652, 659, 660

Таллинский, п. 428

Тангульские болота 300

Тарту (Tartu), г. 655, 656, 659

Теги, с. 651

Тепловское НМ 321

Тетеревское НМ 182

Тимано-Печорский ТПК 198

Тихий (Коротчаево), п. 48

Тобол, р. 370

Тобольск, г. 67, 224, 226, 263, 267, 270, 279–282, 284, 285, 290, 291, 293, 294, 333, 350, 355, 544, 550, 553, 569, 572, 633, 634, 638, 655, 662

Тобольск — Сургут — Нижневартовск, ж. д. 356

Тобольск — Южный Балык (Пыть-Ях), авт. д. 292

Тобольская епархия 23, 546, 548, 553

Тобольская обл. 67

Тобольский нефтехимический комплекс 302

Тобольский р-н 156

Тобольско-Тюменская епархия 553

Томск, г. 15, 17–19, 185, 189, 197, 198, 217, 220, 222, 226, 248, 263, 268, 326, 333, 414, 448, 451, 474, 598, 638, 639, 649, 654, 655, 658, 660, 661, 662, 663

Томская обл. 23, 72, 81, 198, 200, 224, 232, 245, 270, 280, 284, 285, 388, 442, 507, 658

Томь, р. 370

Торжок, г. 254

Транссибирская магистраль, ж. д. 283, 350

Трехозерное НМ 162, 180, 287

Тромъёган (Тромаган), р. 624, 633, 636

Тундрино, с. 551, 552, 558, 637

Турват, д. 633

Тюменская епархия 550

Тюменская обл. 8, 14–21, 24–26, 32, 35, 40, 41, 44, 48, 52–54, 64–69, 71, 72, 74, 75, 78, 80, 81, 88, 99, 122, 136, 155, 156, 159–162, 166, 168, 173, 175, 176, 179–181, 185–188, 190, 192, 196, 198, 200, 202, 205, 215, 219–224, 231–233, 235, 239, 242, 245, 247, 248, 264–266, 270–274, 279–281, 285–287, 293, 294, 298, 302, 305, 306, 308–311, 313, 317–319, 324, 329, 331–333, 335, 336, 338, 339, 341–343, 345, 346, 350–352, 355–357, 360, 366, 370, 371, 374, 377, 379, 381, 385, 388, 390, 397–399, 402, 407–409, 411–416, 420–430, 432, 433, 435, 440–443, 445, 447, 452, 455, 457, 461–471, 473, 475, 476, 479, 482, 486, 487, 491, 493, 495, 498, 502, 507, 508, 516, 526, 530, 533, 543, 546, 548, 549, 554, 555, 559, 564, 566, 569, 572, 573, 575–580, 582–584, 594, 619, 625, 662, 669, 673, 674

Тюменский регион 579, 583

Тюмень, г. 12, 78, 80, 81, 88, 89, 96, 152–155, 158–162, 164, 165, 167, 170, 171, 173–175, 177, 179, 181, 182, 185, 186, 188–190, 197, 198, 200, 201, 203–205, 207–210, 217, 218, 220–222, 224–227, 231, 234, 235, 237, 239, 244, 245, 248, 264, 265, 268–270, 273, 275, 279, 280, 287, 292, 294, 296, 298, 300, 301, 311, 313, 318, 331–333, 337–340, 342, 343, 348, 351, 352, 356, 358, 366, 368, 369, 374, 379, 381, 382, 398, 407–409, 411–416, 422, 433, 435, 443, 445, 447, 452, 460–464, 467, 469, 482, 486, 490, 502, 507, 508, 523, 530, 546, 548, 550, 555, 564, 566, 578, 594, 601, 627, 643, 646, 661, 669, 670

Тюмень — Тобольск — Нефтеюганск, авт. д. 293

Тюмень — Тобольск — Сургут — Нижневартовск, ж. д. 280, 281, 282, 284, 350, 355, 356

Тяновское (Тянское) НМ 87, 191

У

Уват, с. 263

Уватский р-н 156

Уват-Тобольский район 156, 157

Уват — Ханты-Мансийск, авт. д. 68, 73, 263, 670

Угутское НМ 121

Узбекистан 509, 554

Узбекская ССР 290

Украина 222, 358, 400, 417, 442, 555

Украинская ССР, 290

Урай, г. 53, 214, 296, 312, 382, 438, 444, 446, 530, 584

Урайский аэропорт 278

Урай, реч. п. 269

Урал 13, 15, 17, 67, 154, 156, 170, 198, 209, 220, 221, 224, 247, 253, 260, 278, 279, 301, 305, 306–308, 311, 313, 315, 317, 329, 350, 351, 358, 400, 418, 422, 583, 647, 654, 662

— Восточный склон 154

— Полярный 658

— Северный 156, 280

— Средний 156

Уренгойское ГМ 327

Уренгой — Помары — Ужгород, ГП 17, 255, 466

Уренгойские структуры 277

Урьевские — Южный Балык, НП 303

Устрем, п. 534

Усть-Балык — Омск, НП 299, 300, 301, 337, 482

Усть-Балык — Курган — Уфа — Альметьевск, НП 301, 302

Усть-Балык — Нижневартовский, НП 302

Усть-Балык, п. 265

Усть-Балыкская площадь 168

Усть-Балыкское НМ 180, 181, 205, 283, 286, 299, 334, 422, 560

Усть-Войкары, с. 615

Ухта, г. 253, 254

Ф

Федоровский п. 189, 428

Федоровское НМ 242, 243

Финляндия 249, 256, 259, 350, 358, 432, 555, 658

Франция 254, 255, 259, 433, 599

ФРГ 254–259

Х

Хабаровский кр.

Ханты-Мансийск, г. 8, 10, 12, 14, 23, 38, 39, 67, 68, 70, 71, 80, 90, 91, 97, 98, 100, 113–115, 119, 132, 138, 141, 142, 145, 156, 158, 202–204, 206, 210, 212, 216, 218, 223, 224, 247, 248, 262, 265, 267, 269, 270, 274, 276, 278, 293, 294, 296–298, 303, 310, 334, 357, 386, 404, 406, 409, 416, 418–422, 452, 479, 494, 508, 510, 511, 529, 533, 535, 543, 544, 552, 554, 555, 557, 560, 564, 566, 567, 572–574, 576, 578, 580, 582–584, 632, 640, 643–645, 648–650, 653, 661, 668, 670, 674

Ханты-Мансийская епархия 550

Ханты-Мансийский автономный (национальный) округ [— Югра] 7, 8, 10, 13–22, 24–26, 30, 36, 37, 39–41,

43, 46, 48–51, 53, 57, 60–70, 72–75, 78, 81, 82, 84, 88–96, 98, 101, 102, 106, 108–110, 117, 123, 125, 131–134, 136, 142, 143, 145, 150, 156, 167, 172, 182, 186, 193, 194, 197, 199, 202, 208, 210, 212–216, 218, 223, 230, 237, 239, 241, 243, 245–250, 253, 259–264, 269, 270, 284, 285, 290–292, 294, 296–298, 3–3–305, 309, 316, 318, 319, 321, 323, 328, 329, 331, 340–343, 345–347, 349, 351, 356–358, 360–363, 365, 368, 370, 371, 376–380, 387, 392, 393, 396–400, 402, 407–409, 411–420, 422, 424–426, 428, 430, 437, 440, 442–447, 449, 454, 455, 457, 459, 461, 464, 465, 467, 471–474, 477, 480, 481, 490, 492, 498, 501, 502, 506, 507, 511, 516, 518–528, 532, 534, 537–542, 546, 547, 553–557, 559, 560, 564, 566, 569–571, 575, 576, 578, 579, 581, 583, 590, 594, 597, 598, 601, 603, 604, 606, 607, 620, 624, 625, 652, 659, 665, 668–671, 675

Ханты-Мансийский аэропорт 272, 273

Ханты-Мансийский р-н 94, 101, 481, 590, 591, 629, 631, 652

Харп, п. 340

Харьков, г. 500

Хохряковский, п. 428

Хулимсунт, п. 633

Хурумпауль, с. 615

Ч

Чебоксары, г. 24

Черный мыс 264, 295, 477, 563

Чехословакия 249, 258, 667

Читинская обл. 72

Ш

Шадринск, г. 125

Шаим — Конда, НП 303

Шаим — Тюмень, нефтепровод 277, 287, 299, 300, 303

Шаим, с. 12, 162, 164–167, 172, 174, 182, 207, 228

Шаимская площадь 166, 178, 286

Шаимский район 75, 158, 162, 164–166, 316

Шаимское НМ 155, 162–164, 166, 173, 175, 176, 178, 179, 186, 194, 207, 212, 239, 283, 286, 298, 299, 422, 669

Шапша, с. 544, 545, 546

Шведт, г. 249

Швейцария 255

Швеция 249, 253, 350, 358, 432, 555

Шебелинское ГМ 160

Шеркалы, с. 651, 652

Шеркальский сор 370

Шухтунгортское поднятие 277

Э

Эвенкийский автономный округ 67, 199

Эстонская ССР 290

Ю

Юган [Большой и Малый], р. 168, 383, 621, 624, 627, 633, 638, 649, 651, 653, 658

Югорск, г. 446

Югорская земля 483, 672

Югорский край 7, 8, 671

Югорский север 199

Югра 7, 8, 10–16, 18–21, 23–25, 27, 37–39, 43, 47, 51, 56–60, 64, 87, 89, 104, 105, 107, 117, 132, 137, 138, 141, 143–146, 150, 164, 167, 173, 194, 197, 201, 203, 207, 209, 210, 212, 213, 215, 216, 230, 231, 234–236, 239, 241, 243, 245–250, 255, 260–263, 266, 271, 272, 275–278, 280, 282, 283, 285, 291, 294, 297, 300–302, 304, 309, 317, 328, 332, 341, 343, 345–349, 351, 352, 354, 356, 360, 361, 363, 365, 367–369, 371, 373, 377–381, 385, 387, 389, 393, 396–398, 412, 414–417, 419, 420, 422, 430, 434, 440, 442, 445, 446, 451, 457–460, 463, 464, 470, 471, 473–475, 478–480, 483, 487–492, 494–499, 501–507, 509, 511–532, 534–548, 550, 551, 553–558, 566, 567, 569–572, 577, 578, 581, 582, 584, 585, 588, 589, 592, 594, 595, 597, 598, 600, 601, 603, 604, 606, 607, 620, 625, 627, 630, 631, 632, 637–640, 643–648, 651–656, 658–662, 664, 665, 668, 670–672, 675

Южно-Алясовское ГМ 160

Южно-Балыкское НМ 182

Южно-Игримское ГМ 157, 160

Южный Балык, г.р. 292, 293, 300, 303, 424

Южный рекреационный регион Тюменской обл.

Юильск, д. 634, 639, 659

Я

Якутск, г. 198, 430

Якутская АССР 72, 199

Ямало-Ненецкий [Ямал] [национальный; автономный] округ 9, 30, 40, 41, 48, 50, 53, 57, 63, 65, 67, 72, 75, 82, 152, 167, 186, 199, 209, 221, 223, 257, 305, 308, 318, 371, 378, 392, 393, 412, 428, 430, 445, 501, 559, 575, 578, 579, 583, 590, 604, 644, 645, 659, 669

Ямбург–Елец, ГП 257

Ямбург–Тула, ГП 257

ЯНАО 175, 209, 215, 216, 297, 388, 566, 604, 606, 614, 631

Япония 249, 253, 256, 259

Ясунт, с. 615

Berlin 614, 657, 658

Bloomington 660

Cambridge 10, 605

Gottingen 657, 660

Helsinki 605, 657, 658, 660, 663

Szeged 656, 658

Wien 658

Wiesbaden 661

Именной указатель

А

Абазаров В. А. 180, 182, 184, 186, 206

Абелис Б. М. 426

Аболонкин А. П. 426

Абраев Капиш 183

Абрамов В. М. 292

Аверин А. Н. 453

Авимская М. А. 18, 281, 282, 283, 523

Аганбегян А. Г. 198, 240, 283, 382, 424

Агапов А. 355

Агафонов В. М. 208, 236

Агафонова А. Б. 20

Адарич В. 410

Айваседа В. С. 653

Айваседа П. Я. 591

Айваседа Ю. 506

Айзенштадт А. М. 660

Айпин Е. Д. 603, 629, 640, 641, 642, 652, 653, 660

Аксёнов А. М. 142

Александров П. П. 559

Александрова З. В. 570

Алексеев В. В. 13, 15, 16, 17, 20, 154, 225, 401, 461, 463

Алексеев Е. А. 113, 114

Алексеева Л. В. 277, 296, 327, 420, 445, 672

Алексеева Н. Г. 630

Аликов П. С. 652

Аликов Т. П. 650

Аллаяров Р. Х. 208, 220, 221

Алтунин Е. Н. 91, 238

Алферова Н. И. 547

Алычев В. 651

Аляба Е. С. 645

Алябьев А. А. 513

Ананьин Я. М. 33

Анашкина И. 551

Ангашупов А. А. 650, 651

Андреев В. Н. 364

Андреев С. Ю. 190

Андреева К. С. 650

Андреева Н. 113

Андриенко А. С. 23, 548, 549

Андриянов В. И. 42, 81

Аникин Н. Г. 62, 97, 106, 115

Анисимов А. 366

Анкер Н. А. 111

Ансимов В. В. 163, 170, 173, 181

Антакова О. В. 120

Антонов В. В. 427

Антропов Е. П. 453

Антропов П. Я. 160

Антропов Н. И. 285

Антропова В. В. 661

Ануфриев А. В. 146

Анфимов А. 514

Анчухин В. Д. 57

Арбатов Г. А. 666

Аржанов Ф. Г. 210, 211, 227, 238, 245

Аржаховский Г. М. 443

Арзамасцев В. И. 426

Аристов А. Б. 68

Арнапольский Г. С. 208

Артеменко Р. В. 17, 27, 258

Артемов С. Н. 262

Артюхов В. Н. 217

Асеева А. А. 426, 438

Аслаев С. Н. 236

Астафьев Н. В. 24

Афанасьев И. М. 349

Афанасьев Н. 268

Афанасьев С. А. 166

Афанасьева В. П. 428

Ахломов В. В. 348

Б

Бабаков В. Г. 655

Бабиков Л. 342

Баграмян И. С. 17, 256, 258, 259

Байбаков Н. К. 12, 78, 155, 188, 202, 203, 210, 216, 236, 245, 299

Бакиров А. А. 175

Бакланов И. Г. 217

Баландин А. Н. 605, 657

Балахонцев В. В. 208

Балзер М. 630

Балюнов И. В. 23

Барбашов С. В. 24, 581

Бардина Р. К. 517

Барский Б. А. 206

Барсуков А. С. 74, 211, 216, 336, 337, 338, 342, 343, 446

Барышев В. В. 152

Барышников Н. П. 47, 71

Баталин Ю. П. 27, 227, 335, 336, 337, 342, 343, 442, 446

Бахилов В. В. 26, 43, 78, 79, 181, 203, 204, 205, 221, 265, 276, 310, 426

Бахлыков П. С. 34, 384, 506, 646

Бахчеев В. В. 427

Безродный П. Г. 184

Безугольный А. 553

Бейдер Б. М. 426
Беккер А. Я. 343
Белан А. А. 390, 391
Белкина С. Г. 173
Белова А. 499
Белорусов Д. В. 175
Белоус П. В. 23, 27, 546, 547, 548, 550
Бельченко Л. Б. 652, 653
Беляев Ю. 300
Березницкий Л. А. 104, 133, 138, 585
Берия Л. П. 30
Бессолов В. Н. 217
Бессолов П. В. 289
Бессонов П. И. 489
Бесчетных В. 266, 267
Бец В. А. 294
Бешкильцев В. А. 26, 27, 425, 438
Бикбов Х. Ш. 217
Бикбулатов Б. М. 208
Билецкий С. В. 426, 427
Бирюков В. П. 304, 305, 524, 536
Бирюков В. Е. 270
Битюков В. Н. 152, 161, 165, 167, 174, 181, 182, 186, 193
Бовтун В. С. 22
Боган В. Ф. 90
Богомяков Г. П. 15, 36, 69, 84, 88, 115, 202, 238, 316, 327, 468, 669
Бодрова Е. В. 241
Боксерман Ю. И. 159
Бондарев С. 113, 114
Бондарь М. И. 529
Борисова В. В. 23
Боровик Г. А. 113
Бородкин В. Н. 154
Бородкин Л. И. 672
Боффа Д. 110
Бочкарев В. С. 154
Брагина Е. М. 27, 132, 142, 351, 352, 518, 525, 528
Бревин А. М. 355
Брежнев Л. И. 76, 318, 335
Брехунцов А. М. 152, 153, 161, 165, 167, 174, 181, 182, 186, 193
Бронников М. Е. 643, 646
Бруй А. В. 268
Бугаев В. Я. 349
Бударин М. Е. 654
Будьков С. Т. 350, 351, 353, 355, 356, 358, 359, 361, 362
Буйвид (Ткаченко) И. Б. 501, 514, 515
Букин С. С. 385
Буксина О. 184
Булага Э. П. 328
Булат М. Г. 532
Булатов И. Д. 420
Булатов Т. Ш. 217
Булгаков В. Г. 326
Булгаков Р. Т. 245
Булганин Н. А. 73
Булдаков Р. Т. 44
Бураков К. Ф. 545
Бурмакина Г. А. 20
Бурындин Р. М. 314
Бусырев В. М. 598
Бутенко Н. Н. 77
Бызов С. В. 283
Быков В. М. 125, 128, 129
Быстрицкий А. Г. 150, 152, 153, 167, 173

В

Вавилов Н. И. 373
Вавра К. И. 655
Вагапов Я. С. 220, 229
Вагатова М. К. 640, 642, 652
Вадецкий Ю. В. 207
Вадичупов А. В. 645
Вайтенс А. Г. 425
Ваксер А. З. 221
Валеева Э. И. 382
Ванин В. В. 426
Ванчиков А. П. 120
Варзар А. Г. 427
Варин Г. Р. 537
Василевич Г. М. 661, 662
Васильев В. 122
Васильев В. И. 661
Васильев Н. 504
Васин А. 352
Васина А. 352
Вассерман С. А. 216
Вахитов Г. Г. 244
Вахнин В. 355
Вахрушев П. А. 529
Вахрушева М. П. 640, 651, 656
Вахрушевы 630
Введенский А. 442
Введенский В. В. 260, 261, 443
Великопольский С. Д. 203, 205, 208, 213
Величанская Л. А. 671
Величко Г. Т. 528
Вербов Г. Д. 656
Вереш П. 655
Вернадский В. И. 196
Верте Л. А. 656
Веселов В. И. 27
Веселов С. И. 18, 263, 264, 291, 292, 294, 670
Викар Л. 660
Викторов В. В. 22
Вильгельм В. Д. 571
Виниченко С. С. 434
Винников Б. 324
Владимирова И. В. 529

Власенко В. В. 112
Власов А. И. 582
Вожакова Е. Н. 653
Возняк В. 443
Волдин В. С. 640, 642, 652
Волдина М. К. 652, 653, 656
Волдин Н. Л. 645
Волдин С. 651
Волдина Т. В. 653, 658, 659
Волчек В. М. 511
Воробьев В. А. 565
Воробьёва В. А. 98
Воронова Г. Н. 428
Воронова Октябрина 640
Ворошилов К. Е. 621
Вотинов Н. П. 366
Вставский Г. К. 267, 268
Высоцкий В. С. 10
Вьюткина А. К. 507
Вьюшков В. М. 513
Вэлла Ю. К. 629
Вязовцев Л. И. 213

Г

Гаврилов В. В. 273, 419
Гаврилова Н. Ю. 16, 18, 19, 21, 22, 23, 27, 96, 155, 221, 231, 244, 270, 302, 311, 326, 398, 399, 408, 413, 415, 452, 454, 456, 457, 464, 473, 478, 481, 482
Гаврин В. П. 404
Гаер Е. А. 630
Гайдар А. П. 487
Гайдар Е. Т. 666
Гайдин С. Т. 20
Гайнуллина Л. В. 537
Ганишевская Г. С. 528
Ганьковский Ю. 113
Гарипов З. К. 545
Гемуев И. Н. 661, 664
Герасимов И. П. 17
Герасимова Д. В. 657
Герман П. 671
Герцен А. И. 617, 640, 646, 660
Гиря И. Я. 167
Гирявенко Ю. Д. 168
Главацкая Е. М. 27, 633, 635, 636, 637
Глухов В. С. 325
Гоголева Т. С. 630
Голдырев Е. И. 158, 235
Голиков В. Г. 315
Голованова О. И. 221
Головачёв В. С. 178
Головнёв А. В. 8, 20, 663
Гололобов Е. И. 9, 20, 27, 353, 365, 369, 370, 382, 383, 384, 390, 669
Голштейн И. В. 278
Голынец Г. В. 646
Гольдина Н. А. 190
Гомберг А. И. 182
Горбачёв М. С. 85, 86, 87, 94, 102, 109, 113, 144, 245, 246, 549
Горин Г. 496
Горлицкий Й. (Gorlizki Y.) 14
Городилов В. 227
Горюнов С. В. 161, 171, 185, 298
Горячев А. А. 292
Горячев Ф. С. 36, 52, 53, 67, 68, 72
Грайфер В. И. 215, 227, 234, 242, 245
Грачев Н. П. 431
Гребенщиков И. И. 171
Григорьев А. И. 121
Григорьев И. 275
Григорьева А. Г. 43, 56, 57, 58, 59, 60, 74, 120, 203, 367
Григорьева С. Г. 276
Гришин В. И. 501
Гришин Г. Л. 170
Гришин Д. Н. 428
Гришина Л. Ю. 501
Гришкин А. Г. 643, 645, 646
Гришкина Н. В. 593
Губарева А. М. 275
Губачев В. Г. 314, 315, 316, 322, 325
Гужновский Л. П. 239
Гуляев А. К. 47
Гуменникова Г. Д. 275
Гуменникова Р. И. 275
Гумеров С. 499
Гурари Ф. Г. 155, 160, 182
Гургенов И. А. 426
Гурин Г. П. 443
Гурьянов В. Д. 518, 533
Гущин Н. Я. 21, 414, 493
Гынгазов Н. 505
Гындышев Д. Г. 652, 653

Д

Давидовский Г. А. 315, 316
Дамешек Л. М. 8, 10
Данилов В. Л. 553
Данилов М. В. 427
Дашковский П. К. 23
Дворникова Т. 430
Дворяшин Ю. А. 27, 528, 529, 531
Дейч Д. Г. 426
Демчик Е. В. 15
Денисова Л. В. 553
Дережков С. Р. 254
Деринговский В. И. 210
Дещеня Н. П. 154
Дзержинский Ф. Э. 240, 429, 438
Динисламова С. С. 640, 641
Динков В. А. 245
Дмитриев В. 229
Дмитриева М. В. 646

Добрыгин В. М. 427
Добрынин Н. М 47
Долгих А. 268
Долгих Б. О. 590, 592, 655
Долгих В. И. 10, 12, 26, 201, 202, 210, 245, 440, 674
Долгих Ю. А. 129
Долголюк А. А. 196
Донгарян Ш. С. 26, 289
Донская О. 145
Доровин Р. С. 653
Дремлюга В. В. 217
Дроздов Н. И. 159
Друнина Ю. 497
Дубина М. С. 434
Дука Н. А. 23
Дунаев Н. П. 210
Дунаева Д. 651
Дунаевский А. Г. 152
Дунюшкин А. И. 216
Дурасов Н. Е. 284
Дымшиц В. Э. 179

Е

Евгеньева Л. С. 431
Евдокимов М. С. 122
Евстафьев Ж. Г. 276
Евтушенко Е. А. 497
Егоров В. 254
Ежов В. А. 221
Елисеева Д. А. 269, 270
Ельцин Б. Н. 13, 26, 86, 139, 141, 143, 144, 145, 245, 549
Еникеев Р. Ю. 116
Еремин Г. П. 228, 230, 236
Ермак 401, 418, 510
Ермаченко В. 499
Ермолаев С. А. 666, 667, 672
Ерныхова О. Д. 38
Ершов М. Ф. 8
Ефимкин М. М. 21, 459
Ефимов И. 555
Ефремов Е. П. 244
Ефремов М. Т. 200
Ефремов С. К. 22

Ж

Жевтун В. Г. 343
Жердев А. 116
Жуков Е. М. 289
Жуков Ю. А. 120
Жумажанов Н. У. 225
Журавлев Э. К. 180

З

Заболотный С. В. 109
Заболотский Б. В. 137
Завалишин В. В. 169, 171
Завьялова Л. М. 490, 491
Загваздин В. И. 406, 449
Задорожная Е. Д. 191
Заев А. 115
Зайцева А. Н. 415
Зайцева Л. Ю. 23
Зайченко В. В. 35
Законов В. А. 19
Замятин В. А. 366
Замятин В. П. 115
Замятин Н. Я. 548
Занков Л. В. 533
Запивалов Н. П. 164, 171
Зарубин В. 93
Захаров В. 582
Захаров И. 284
Захаров И. П. 263, 430, 570
Захарова В. М. 529
Захарова В. П. 570, 571
Захарова Л. 266, 499, 500, 505
Захарова Н. П. 120
Захарова Н. М. 121
Захарченко И. П. 440
Захарченко Н. П. 213, 436
Зевакова Е. М. 325
Зинченко А. П. 541
Зияутдинов Р. М. 577
Змановский Д. М. 646
Знаменский А. С. 502, 528
Золотухин А. С. 30, 66
Зольникова Н. Д. 654
Зотов Д. К. 262
Зуб П. П. 525
Зубарев А. 285
Зубарев А. П. 285
Зубаревич Н. В. 10
Зубкова Е. Ю. 27
Зуев В. Н. 24
Зыков А. Н. 17
Зырянов А. 503
Зырянов В. П. 327, 328, 329

И

Ибрагимова Р. В. 525
Иваненко В. С. 179, 180, 208, 209
Иванов А. С. 11, 12, 39, 419, 518, 519, 671
Иванов А. М. 135
Иванов Б. И. 120
Иванов В. 403
Иванов В. В. 659
Иванов И. И. 225
Иванов Н. В. 570
Иванов С. В. 662
Иванова Г. М. 517, 518, 519, 521, 526, 536
Иванова Л. С. 235
Иванова Т. Д. 601

Игнатов И. П. 30, 66
Иголкин А. А. 249, 250, 251
Игольников В. 443
Игошев В. 647
Игревский В. И. 207
Ильичев А. И. 313
Илясов Б. Ф. 276, 289
Исакова Н. В. 22
Исламгулов Н. 228, 236
Исмагилов А. А. 18, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 277
Истомин А. 419, 420, 422
Исянгулов А. Г. 206, 220

К

Кабаев Л. Н. 182
Кабальнова А. М. 528, 529
Каган Я. М. 216, 286, 288, 343
Каганович Л. М. 33
Кадников В. В. 427
Кадников В. Д. 427
Казаков И. Н. 151
Казакова Е. Н. 653
Казакова Р. 497
Казарновский В. Д. 292
Казаченко Г. 499
Казимирчук В. А. 279
Каиров Л. А. 428
Кайгородов М. В. 101
Каксин А. Д. 657
Каксина С. М. 589
Калак С. И. 123
Калачев 32
Каленов В. Н. 300
Калентьева Е. И. 536
Калин В. М. 157, 186
Калитченко И. А. 219
Калмыков В. В. 206
Кальман И. 513
Канев И. А. 489
Капутикян С. 496
Карамов Н. Б. 225
Карасев И. П. 152
Карасев Р. 499
Карасевай Н. 499
Карасиер Д. 487
Каролинский И. Н. 314, 315
Карпов В. Н. 16
Карпов В. П. 12, 16–18, 21, 27, 89, 155, 188, 195, 200, 201, 204, 205, 207, 221, 223, 225, 226, 228, 231, 236, 241–246, 270, 302, 311, 326, 460, 464, 466, 468, 497, 522, 668, 670, 673, 674, 775
Карпов Г. Г. 546
Карпович И. Ю. 368
Карьялайнен К.-Ф. 661
Каспаров А. И. 291
Касьянов А. 343
Касьянц Л. 112
Катилло — Ратмиров Г. С. 408
Катков В. С. 434
Кац С. 483
Кацан И. Т. 442
Кашкаров Ю. 582
Каштанов И. 312–315, 328
Каштанов И. Г. 90, 326
Каюков Л. П. 653
Квашнин-Самарин Е. С. 427
Кекух С. Г. 154
Келдыш М. В. 81, 173, 241
Кережи А. (Kerezsi A.) 638, 663
Кибирев С. И. 545
Ким А. И. 165, 166, 178, 186
Киреев А. 267
Кириллова А. А. 431
Кирилюк Д. В. 11, 12, 23, 27, 39, 524, 525, 530, 537, 538, 541
Кирилюк И. Л. 525
Киров М. С. 502
Киселёв А. Г. 23, 517
Киселев В. В. 264, 311
Китаев В. В. 45, 46, 109, 159, 203, 206
Киртбая И. А. 277, 323
Клюева В. П. 543, 546, 555
Ключников А. И. 32
Князев И. 229
Кобзон И. 497
Кобрик В. В. 513
Кобылковский Г. П. 283
Ковалев С. А. 427
Коваленко Е. П. 284
Ковган Е. В. 657
Ковригина В. М. 22
Когончин Ф. Н. 653
Козлов А. Л. 68, 69, 298
Козлов А. И. 600
Козлова А. 540
Козлова М. А. 600
Козловский Е. А. 150, 172, 182
Козловский М. С. 427
Козырев В. С. 326
Козьмин В. А. 661, 663
Кокосов Н. М. 347, 365, 371
Колев Ж. М. 16, 264
Колева Г. Ю. 14–19, 64, 157, 162, 173, 175, 179, 181, 190, 216, 231, 264, 270, 299, 302, 311, 326, 530, 673
Колотовкин Г. А. 572, 573
Комгорт М. В. 15–18, 27, 153, 159–161, 164, 173, 174, 177, 179, 200, 205, 231, 237, 270, 302, 311, 669, 673
Комиссаров С. А. 62
Кондаков Б. Л. 568
Кондрахина Г. П. 567
Кондрякова Г. В. 145, 264, 311, 490, 506
Конев А. Ю. 23, 546, 548
Конев Л. А. 529

Коновалов А. Б. 14, 15, 27
Кононенко М. Г. 206
Константинов В. 506
Конторович А. Е. 155, 168
Конькова А. М. 640, 642
Кореляков В. В. 210
Коренев В. 499
Коренькова Н. И. 529
Корнеев А. 135
Коровин М. К. 15
Коровин П. П. 208
Коротчаев Д. И. 281
Кортунов А. К. 16, 336
Косак А. 146
Косенкова Ю. Л. 425
Косинцева Е. В. 640, 641
Косов В. В. 31, 32, 34, 36, 54, 67, 68, 73, 78, 80
Костин Т. Г. 634, 651
Косторниченко В. Н. 254–256
Косыгин А. Н. 78, 201, 210, 251, 336, 433
Кочешков В. Г. 431
Кошкарева Н. Б. 605, 616, 618, 657
Кошкарова Е. А. 531
Кошкарова Т. 575
Коянто В. 640
Кравец Л. 513, 514
Кравчук А. С. 269, 270
Крайнов В. П. 144
Красильников С. А. 553
Красовитова Э. С. 386
Крейцвальд Ф. Р. 659
Кремнев В. И. 289
Крестьяшин С. И. 427
Криницкая Г. С. 19
Крол М. М. 210, 211, 233, 234
Кротов В. В. 178
Кругман П. (Krugman P.) 10
Крупник И. И. 664
Крупская Н. К. 56
Крюков Д. Н. 34, 36, 67, 68, 73, 78, 128
Крюков Д. И. 125, 128, 129
Крюкова Н. В. 651, 652
Крючков В. В. 383
Кубасова А. А. 570, 571
Кудасевич М. С. 299, 301
Кудрявцев Л. И. 163
Кузаков К. Г. 448
Кузакова Е. А. 656
Кузнецов Г. Я. 34, 35, 54, 69
Кузнецов Л. Н. 37
Кузоваткин Р. И. 206, 209, 210, 212, 227, 245
Кузьмин А. С. 504
Кузьмин И. И. 68
Кузьмина Е. З. 239
Кузяков А. С. 183
Куйда В. 499
Куксанова Н. В. 21, 448, 449, 451, 452, 466, 469
Кукуевицкий Г. М. 217, 435, 436, 437
Кулемзин В. М. 20, 629, 638, 654, 658, 662, 663
Купландеев П. К. 651, 653
Купландеев П. Н. 653
Кунин Е. Е. 22
Кунина Д. Б. 650
Кунина М. К. 650
Кунцман Г. И. 22
Куперштох Н. А. 198
Купландеев Н. П. 651, 653
Купландеев П. К. 653
Куприянов А. И. 27
Куприянова З. Н. 659
Куркина Г. Г. 656
Курломкин П. В. 653
Курломкина Е. Ф. 653
Куроедов В. А. 546
Куцев Г. Ф. 466, 471
Кущев В. А. 120
Кыласов А. В. 580

Л

Лаврентьев М. А. 80, 197, 313
Лагунов К. 220, 674
Лагунова О. К. 643
Лазар К. (Lázar K.) 660
Лазарев Г. Д. 640, 641, 651
Лазарев Г. И. 617
Лазарев Л. В. 131
Ламин В. А. 16, 20
Лангебах Н. В. 495
Ласкин Г. П. 278
Лашук Л. П. 661
Лебедев В. 640
Лебедева А. В. 643, 644
Леванов В. А. 230, 236
Лёвин Г. М. 220, 229–231, 236
Легойда В. 550
Ледков В. 640
Лейтланд В. Г. 292
Леменков Г. Д. 288
Лемпин М. 647
Лендик В. Г. 266
Ленин В. И. 33, 38, 112, 113, 143, 214, 230, 301, 364, 429, 518, 538, 562, 620, 651, 665
Лескин А. И. 262
Лешукова Е. В. 540
Лещенко Л. В. 497
Ли П. Ф. 151
Липатов Н. Н. 323
Липявко С. В. 499, 500
Лисов В. А. 283
Листопадов М. 268
Листюк Е. 649

Литвиенко Т. И. 427
Литвинов С. В. 423, 426
Литвинова Н. 254
Литовченко Н. И. 220
Лихачева (Отшамова) Н. Ф. 652
Лобанов Ю. Д. 206
Лобов А. 169
Логанов Ю. Д. 192
Логинов В. Г. 599
Логинов Т. 434
Логинова Л. Ф. 489, 490
Логунов Е. В. 21, 401, 461, 463, 466
Ломоносов М. В. 78
Лопоногов В. И. 426
Лоскутов А. Н. 32, 34, 38, 39, 62, 503, 543
Лоц А. Г. 276
Лошаков А. Е. 144
Лошкарев А. 116, 117
Лужецкий К. А. 274
Лукашкин Ю. А. 216
Лукин В. А. 315, 322, 323
Лукина Н. В. 20, 629, 638, 653, 654, 658, 662, 663
Луконин Е. В. 427
Лунин Н. П. 366
Лушников А. Г. 288
Лыков А. М. 289, 290
Лыскова Н. А. 656
Лысогор И. В. 123
Лысоконь А. П. 496
Лядова Л. 483, 497
Ляпцуй Л. В. 645

М

Маганов Р. У. 215
Маерович К. Ш. 443
Мазикова Е. С. 529
Мазин М. П. 426
Мазур О. В. 652
Майданов В. Д. 205, 237
Майданов В. С. 15, 177, 200, 221, 273, 287, 292
Макарова Г. И. 31
Макарова Д. Ю. 543
Максимова Г. И. 547, 548, 550
Макурин К. П. 36
Маленков Г. М. 33
Малинин Е. Д. 21, 399, 400, 402, 403, 409, 412, 415, 672
Малкова Л. В. 46
Малых Е. П. 165
Мальцев Н. А. 207, 244, 245
Мальцева В. П. 111
Малюшин Н. А. 303
Мамлеев Р. Ш. 209
Мандрийченко А. 443
Мансуров И. 235
Мансурова Л. М. 508
Мантикова Э. К. 18
Марков Г. 496
Маркова И. Ю. 431
Мартынова Е. П. 631, 638, 654
Мархинин В. В. 295, 597, 598
Марченко В. Н. 501
Марченко С. И. 501, 513
Марченков В. И. 430
Марченкова Г. И. 430
Масленников С. Н. 269
Маслова О. 516
Матвеев А. К. 657
Матвийчук Н. 551
Махалин Г. А. 161, 163
Межлумов О. А. 216
Мелентьев Л. А. 198
Мелентьев Ю. С. 647
Мелик-Карамов Н. Ю. 230
Мельник С. 183
Менщикова Л. А. 569, 570
Меньшиков А. Д. 671
Меркушин В. 513
Метаков М. М. 114, 115
Микоян А. И. 625
Милованов Н. Г. 24
Миловидова З. 487
Миненко Н. А. 654
Миронов А. А. 426
Миронов Ю. К. 170
Мирошниченко Н. П. 132, 142
Мирчинк М. Ф. 160
Мисевич К. Н. 21, 400, 402, 414
Михайленко В. 443
Михайлов А. В. 295
Михайлов А. Е. 36
Михайлов В. П. 350, 351, 353, 355, 356, 358, 361, 362
Михайлов Г. Д. 288
Михеев А. И. 474
Мищенко А. 648
Мищенко И. Т. 175
Молданов К. С. 634
Молданов Т. А. 639, 653
Молданова Т. А. 630, 642, 649, 650, 652, 653
Молоков С. М. 23
Молотов В. М. 33
Монастырский А. 499, 500
Мордвинцева С. А. 24
Морозов А. А, 553
Морозов Г. Ф. 359
Морозов И. Ф. 180
Морозов Н. А. 513
Морозов Н. М. 190
Морозова Т. Г. 312
Москаленко Г. Н. 570
Москаленко Н. А. 57
Московченко Д. В. 382

Мостовенко М. С. 15, 302, 365, 369

Мотошин Н. С. 448, 451

Мохов В. П. 14

Мошинская В. И. 662, 663

Мултанов Л. А. 652

Мунарев П. А. 26, 264, 271, 295, 442, 565

Муравленко В. И. 26, 27, 74, 75, 210, 211, 220, 227, 234, 236, 251, 289, 343, 443, 674

Муравьев В. В. 430

Муров В. 652

Мусиенко В. Н. 217

Мухамадеев Р. А. 405

Мухаметова А. 506

Мясников А. Ф. 266, 314, 333, 409, 431, 435, 438, 451, 472, 476, 492, 493, 498, 522

Н

Набокова Л. В. 27, 132, 142, 351, 352, 518, 525, 528

Назаренко Р. Б. 659

Назин Г. И. 295

Натапов Л. 122

Наумов А. В. 54

Наумов Л. 514

Наумов Л. Т. 315

Неклюдова А. 499

Некрасов В. Л. 14, 15, 17, 185, 666, 667

Некрасов В. А. 249, 250

Некрасов Н. 304

Некрасов Н. Н. 17, 198, 424

Немтушкин А. 640

Немысов Д. Г. 653

Немысова Е. А. 617, 619, 653, 656

Непкина (Яркина) Т. Н. 517

Непорожний П. С. 26, 311, 313, 315, 326

Несмеянов А. Н. 80

Нестеров И. И. 155, 160, 182, 187

Нестеров И. И. (мл.) 154

Неттин И. Д. 651, 652

Нечаев Г. М. 582

Нечипорук Л. А. 154

Нечушкин А. Ф. 313, 314, 415, 322, 325, 326

Нидзельский П. 443

Никитин В. В. 36

Никифоров В. В. 427

Никифоров В. С. 269, 270

Никифоров Е. Б. 426

Николаев А. 483

Николаенко В. 540

Никулин В. И. 347, 365, 371

Никулин Л. В. 57

Нилин П. 496

Ним Б. А. 225

Нимперов Я. Н. 653

Новак И. Н. 427

Новиков В. Н. 68

Новиков И. Т. 426, 432

Новиков С. В. 24

Новикова Н. И. 630, 631, 662–664

Новопрудецкий Л. А. 438

Новьюхов К. Г. 652

Норкин Г. И. 173, 183, 184, 225

Нохрин Ф. 355

Нуриев Б. И. 215

Нуриев З. 391

О

Обатин А. 651

Овсий Л. 603

Овчинников М. 651

Огнев И. 162

Огороднов Е. 632

Одиянов В. 498

Олейник Г. 516

Олейников Е. 434

Олексюк В. А. 300

Ользина Р. С. 639

Онина С. В. 23, 517

Орас У. 653

Орас Я. 653

Орджоникидзе С. К. 275

Орлов Б. П. 17, 283

Орлов Б. С. 152

Осипов Б. И. 180

Осипов В. А. 116

Островский А. Н. 490

Остроухова Н. В. 546

Острый Г. Б. 155

Отраднов А. Н. 428, 476

Охремчук Д. С. 429

П

Павлов 42

Павлов В. 343

Павов В. С. 49

Палашкин М. П. 186,190, 191

Палий В. О. 215

Панарин С. М. 156, 158, 171

Панков К. 646

Папаи Й. 661

Парасюк А. С. 217

Парфений (Невмержицкий) 544, 545

Пархомович В. М. 191

Патрикеев Н. Б. 107, 114

Пашков Н. М. 15, 16, 18, 189, 217, 220, 222, 224, 225, 227, 229–231, 248, 251, 255, 274

Перевалова Е. В. 23, 520, 621, 629, 631, 633, 634, 655

Перепелюк-Кучеров Н. М. 190

Пересыпкин В. Н. 434

Пермикин Ю. 342
Першина А. Н. 529
Песикова (Сопочина) А. С. 653
Петкевич А. Н. 366, 368
Петренко В. 548
Петренко Е. С. 22
Петров В. С. 44, 323
Петров Г. П. 220
Петров Г. К. 228–230, 236
Петров М. Д. 578
Петров Ф. А. 349
Петрова В. А. 652
Петрова В. В. 659
Петрушкин С. Я. 31
Петряков В. Г. 326
Пешкова Е. Г. 288
Пивнева Е. А. 8, 592, 593, 598, 601, 625, 630, 631, 655
Пика А. И. 20, 379, 601, 622, 655
Пилипенко Е. И. 221, 224
Пимен 549
Пиркэлаб Э. 499
Пихоя Р. Г. 14
Пичугин Е. Д. 326
Платонов Г. В. 430
Плесовских Л. И. 574
Плетнёв Ю. А. 570, 571
Плотников Ю. А. 351, 352
Плохов В. Я. 126
Побережников И. В. 13
Повх С. А. 236
Подпригорщук Л. Я. 22
Показаньев Ф. Я. 490
Покачев Г. В. 653
Покачева Е. А. 653
Покрас Д. Я. 483, 497
Полевой Б. Н. 281
Поливанова С. В. 23, 545
Полозов И. П. 431
Полтавцев М. А. 57
Полтерович В. 667
Полянский Д. С. 68
Пономарев А. К. 208
Попадинцев Е. 352
Попов А. А. 661
Попов В. 667
Попов И. И. 427
Попов П. В. 349, 352, 353
Попова С. А. 534, 535, 636, 639
Попова Я. Н. 656
Потапов В. 443
Поткина Г. А. 427
Пояркова Н. 268
Прасина Р. П. 529
Прасолов Т. Э. 427
Преображенский А. А. 554
Прибыльский Ю. П. 20, 369
Прищепа А. И. 18, 19, 22–24, 27, 38, 142, 143, 167, 267, 271, 276, 294, 295, 427, 440, 514, 524, 538, 670
Прокопьева В. В. 427
Протозанов А. К. 15, 16, 36, 177, 180, 181, 185, 200, 202, 205, 288, 289, 298, 299, 669
Протопопова Ф. А. 550
Прохоров Б. Б. 622
Прохоров С. Ф. 168
Прыткова Н. Ф. 661, 662
Птицин М. Н. 170
Птицын А. 151
Пузанов О. В. 120
Пукач Н. С. 426
Путинцев Э. П. 430
Пушкин А. С. 490
Пыриков С. 434
Пысенок В. Г. 277
Пьеха Э. С. 497

Р

Райшев Г. С. 643, 646, 647
Рандымова П. И. 650
Распопова Н. Н. 536
Распутин В. Г. 9
Рафиков Л. Г. 97
Рафикова С. А. 46, 470
Рашевская Н. Н. 14, 597
Рашевский В. В. 559, 563
Регули А. 661
Редикульцев В. Ф. 179
Редькин Е. 582
Реклю Ж.-Ж. Э. 7
Ремнев А. В. 8, 10
Репина Л. П. 7, 8, 13
Решетников А. С. 348, 349, 354–356
Римский-Корсаков Г. В. 430
Римский-Корсаков Н. А. 513
Рихтер О. Б. 268
Ровнин Л. И. 9, 154, 156, 158, 159, 170, 185, 191, 192, 227, 671
Родин К. 514
Розанов Н. П. 19, 431
Розенфельд А. Г. 431
Рознин Я. М. 621
Ройтер М. 342, 343
Рокецкий Л. Ю. 37, 343, 427, 443, 562
Романенко Н. Н. 174
Романов А. Н. 277
Ромбандеев С. 652
Ромбандеева Е. И. 637, 652, 656, 663
Ростовцев Н. Н. 15, 150, 152, 153, 155, 160, 164, 165, 173, 187, 205
Рочев Ю. Г. 659
Рублев В. 112, 113
Ругин Р. П. 640, 641, 642
Рудкевич М. Я. 155, 160
Рудов Е. В. 427
Румянцев Ю. В. 325, 326

Русская Ю. Н. 619, 656
Рыбаков А. 113
Рыбалов А. А. 47, 115, 116, 144, 145
Рыжков Н. И. 141
Рыкун А. Ю. 185
Рындина О. М. 662
Рынковой И. И. 208
Рысь А. И. 427
Рюйтел И. 660
Рябов А. 513
Рябченюк В. Г. 289
Рябчикова З. С. 630

С

Савва Л. Г. 208
Савин М. Я. 31–33, 669
Савинов В. И. 645
Савиных О. 114
Сагалаев А. М. 659, 661, 664
Сагдеев Р. З. 424
Саик П. П. 442
Сайдулина И. 509
Сайнахов Г. Н. 660
Сайнахова А. И. 656
Салахов В. Ш. 530, 538
Салманов Ф. К. 12, 43, 165, 168–171, 179–181, 186, 191, 227, 230, 265, 523, 563
Салмин В. Д. 522
Самоловов Н. А. 24
Самоловова Н. В. 24
Санги В. 640
Санин В. 513
Сапожков И. И. 71, 74, 76, 77, 79, 83, 84
Сафиуллин М. Н. 210
Сафронов С. Г. 10
Свешников Н. А. 654
Семенов В. 514
Семенов Н. Д. 171
Сенгепов А. М. 617, 656
Сенкевич-Гудкова В. В. 660
Сергеев М. А. 654
Сергеев М. И. 208
Сергеев Ю. С. 362
Сердюк Л. 495
Сердюков Д. В. 24, 25, 27
Сибирцев А. Н. 536
Сивак А. В. 215
Сигизов Т. Р. 554
Сидорейко В. Л. 498
Сидоренко А. 546
Сидоренко А. И. 185
Сидорчев В. В. 47, 116
Силин А. Н. 381
Сильвет Х. 652, 660
Симоненко Т. Н. 15
Симонов С. Г. 381
Симченко Ю. Б. 655
Синюткин М. Ф. 178, 184
Сипайлов Н. И. 529
Ситников П. К. 518, 528
Скалон В. Н. 373
Скифский С. Ф. 235
Скрибник Е. К. 657
Славин С. В. 17
Славкина М. В. 16, 200, 230, 250, 251, 666–668, 672
Слёзкин Ю. Л. 9, 373, 378, 629
Слепян А. М. 177, 178, 180, 208, 468
Слива А. Я. 131
Слинко В. Н. 268, 269
Смирнов А. В. 146
Смирнов Н. 505
Смирнов С. 496
Смирнов Ю. Н. 326
Смирняков Ю. 374
Смыков В. А. 434
Собсович М. 343
Собчак А. А. 118
Совко Н. Ф. 288
Созонов Ю. Г. 528, 535
Сокол В. 443
Соколов В. П. 319, 324
Соколов М. 258
Соколов С. И. 427
Соколова Е. В. 514
Соколова З. П. 8, 20, 590–594, 596, 599, 603, 622, 625–627, 629, 631, 633, 634, 636, 637, 654, 655, 657, 660–663
Солдатова Г. Е. 652
Соловар В. Н. 605, 657
Соловьев А. И. 661
Соловьев С. Ф. 31, 40, 41, 43, 180, 181, 202, 203
Солодкин Я. Г. 327, 672
Солодовникова В. Я. 288
Солохин В. Ф. 282
Сопочин И. С. 636, 653
Сосковец Л. И. 23, 548
Сотруев А. П. 645
Спивак И. 266
Сподина В. И. 506
Сталин И. В. 12, 14, 26, 33, 113, 517–519, 548, 574, 621, 625, 665
Стась И. Н. 9, 11, 12, 18, 19, 21, 22, 39, 64, 217, 219, 385, 387, 396–398, 416, 422, 425, 445, 462, 519, 598, 668, 669, 670, 672, 673
Стафеев О. Н. 9, 14, 15, 17
Степанов В. В. 599
Сторожев В. С. 390, 391
Степанов Ф. 583
Степанов Ю. 322
Степанова А. 525
Сторожев А. Д. 162,167
Стрельченко В. 499
Строцев С. П. 443
Субботин Ю. А. 269, 270

Судаков А. В. 20, 347, 349, 358, 632
Судаков Е. В. 427
Суник Б. В. 22
Сургучев М. Л. 244
Сысоев В. 384
Сысоева В. И. 431

Т

Табаков Н. В. 288, 292
Тайлакова Е. Н. 653
Тамбовцев Ю. А. 656
Танганян В. Г. 430
Тарагупта Л. А. 652, 653
Тарасенков Г. Н. 365, 294, 377
Тарасов Е. А. 257–259
Таратынов Б. Н. 430
Тарлин С. 651
Тарлина С. В. 589
Тарханов А. С. 640, 642
Ташлыкова М. И. 22, 27, 99
Тебетев М. А. 421, 643, 644
Тедерс Б. 410
Тедорадзе А. С. 580
Теленкова В. П. 56, 107
Тепляков Е. А. 174
Терешкин Н. И. 605, 619, 656, 658
Терещенко Н. М. 606
Терпеляк О. А. 168
Тимонин В. И. 208, 235
Тимошенко А. И. 13, 231, 311, 326
Тимошенко В. П. 201
Тимошков Ю. И. 83
Тимченко А. Г. 228
Тимченко В. Г. 220
Типикин И. М. 427
Тихонов Г. 145
Тихонов Н. А. 251
Ткачев Е. М. 225
Ткаченко И. Б. — *см. Буйвид И. Б.*
Ткаченко О. Б. 651
Товмасян В. Е. 528
Тоголмазов С. И. 652
Тонис А. 667
Топоров В. Н. 659
Топчиев А. В. 80
Тоффлер Э. 262
Трапезников А. А. 74
Третьяков К. Ф. 266
Третьяков М. И. 548
Третьяков С. И. 315, 316
Трофимов Г. 372
Трофимук А. А. 154, 155, 163, 168, 182, 189, 198
Трутнев Ю. П. 193
Труфанов И. П. 221
Труханов В. Г. 426
Трушкова Л. 355
Туликов С. 483, 497
Тупицын Н. М. 288
Тылчин А. З. 653
Тырлин М. С. 653
Тышкевич Г. К. 652, 653
Тюрденев А. П. 364
Тягунов А. В. 466, 479

У

Удачин Д. 374
Унжаков В. И. 426, 427
Унжакова А. В. 538
Урусов С. Н. 165, 224, 225
Усов А. В. 427
Усов М. А. 15
Уткина Н. Н. 530
Ушаков А. К. 21, 62, 63, 107, 399, 400, 402, 403, 409, 412, 415, 672
Ушаков Е. Т. 225
Ушаков С. С. 262

Ф

Фаин Ю. Б. 210, 235
Файзуллин У. 115
Файзуллина Н. К. 23
Фарносов А. В. 33
Фаррахов М. М. 208
Фатеев А. 9
Федорова А. М. 529
Федорова Г. В. 570
Федорова Е. Г. 655, 661–663
Федорова Н. Н. 529, 643, 644, 649
Федотов В. А. 184
Федотов Л. Я. 653
Федотова И. В. 605
Феодосий (Процук) 552
Фетисов Н. Я. 289
Филановский В. Ю. 210
Филимонов А. Н. 208, 209, 213, 220
Филимонов Л. И. 227, 245
Филипенко А. В. 48, 62, 63, 101, 142, 143
Филиппов Б. А. 549
Филиппович А. В. 536
Фогель Д. Н. 362
Фомин А. В. 215
Фомин А. П. 513
Фрадкин Г. С. 155
Франк-Каменецкая Т. Д. 656
Френкель Я. А. 498

Х

Хабаров В. М. 332
Хазанов Л. 651
Хайт Ю. 671
Ханнанов Р. Х. 209
Харамзин Т. Г. 49
Харин В. И. 347, 365, 371

Харин В. С. 326
Харитонова В. Н. 283
Харлова Л. В. 507
Хартаганов Г. Е. 643–645
Хильченко М. П. 529
Хильченко Н. 355
Хлевнюк О. В. (Khlevniuk O.) 14
Хлюпин В. И. 206
Хмарук И. Н. 34
Ховавко И. Ю. 667
Холмогоров А. П. 343
Холодин И. К. 32
Хомич Л. В. 662
Хренов А. Н. 216
Хромов В. В. 650
Хромов Е. А. 14, 17, 310
Хромова А. М. 650
Хрущев Н. С. 32, 53, 574, 669
Худолеев П. К. 536

Ц

Цантуров Г. И. 168
Цапко А. 366
Царапкин В. П. 326
Цареградская Л. В. 115, 116
Цибулин Л. Г. 173
Цинганин Н. Г. 653
Цымбалистенко Н. В. 641
Цысь В. В. 23, 296, 327
Цысь О. П. 23, 296
Цяпкало Б. В. 319

Ч

Чабан Н. И. 43
Чайковский П. И. 513
Чекрыгин Ю. В. 323
Черемисина М. И. 657
Черкасов М. Н. 182
Черкашина А. М. 528
Чернецов В. Н. 662, 663
Чернов В. Ф. 178
Черномырдин В. С. 245
Чернухин Н. А. 37
Черняк Я. С. 500, 505
Чижевский М. 343
Чижов Б. Е. 356, 357, 361, 362
Чижов Л. 342
Чикулаева Н. В. 269, 270
Чикатуева Л. К. 112
Чинчевич А. В. 343
Чирсков В. Г. 42, 81, 218, 227, 245
Чуднова В. И. 21, 399, 400, 402, 414
Чумак Е. Г. 23, 24
Чураков М. А. 426
Чурилов В. А. 37, 46, 48, 49, 59, 60, 70, 71, 102, 108, 109, 111, 115, 133, 142–144, 200, 203
Чурилов Л. Д. 177, 199, 200, 202, 203, 208–211, 216, 217, 220, 245

Ш

Шабанов П. П. 401, 461, 463
Шагалов М. 235
Шагандин В. А. 182
Шагунов И. К. 271
Шадури З. Р. 290
Шакай А. Ф. 17, 256, 258, 259
Шакшин А. Д. 220, 228, 230, 232, 236, 241
Шакшин В. А. 217
Шалавин М. В. 161, 162
Шаповалов И. Г. 181
Шаповалов И. А. 343
Шарапов А. М. 469
Шарипова Т. 275
Шарова А. Ф. 22
Шатский Н. С. 15
Шафраник Ю. К. 37, 120, 121, 227
Шашин В. Д. 27, 212, 207, 210, 674
Шведов К. И. 667
Шевалдин В. А. 124
Шевчик В. 492
Шелепин А. Н. 574
Шелест Л. Н. 17, 306
Шемановский И. С. 645
Шереметьев Ю. Г. 276, 289
Шестаков 152
Шестаков Г. Н. 383
Шесталов Ю. Н. 638, 641, 642
Шешкин П. Е. 643–645
Шибакин Н. Н. 35
Шипитько А. 513
Широков Г. 443
Широкова И. И. 569
Шишкин С. В. 22
Шишкин Ю. 514
Шишков Ю. Ф. 283
Шлеев П. 651
Шмаль Г. И. 27, 343, 442
Шмарев А. Т. 166
Шмидт 240
Шмидт Е. (Schmidt E.) 653, 660, 663
Шмыглева А. В. 21
Шока А. В. 426
Штейниц В. (Steinitz W.) 657, 658, 660
Штильмарк Ф. Р. 372
Штубова Е. В. 22, 282
Штырбул А. А. 24
Шуваев Т. Д. 142, 401, 405, 408, 449, 452–454, 455, 468, 473
Шульгин М. И. 640, 642, 653
Шуляков И. П. 36, 40
Шустов Г. Н. 511

Щ

Щаденко Н. Н. 434

Щедровицкий Г. П. 541

Щепеткин А. Н. 323

Щербина Б. Е. 15, 26, 36, 40–42, 57, 75, 81, 153, 188, 200–202, 204, 227, 239, 242, 245, 288, 301, 313, 402, 424, 432, 669

Щигловский Б. М. 362

Э

Эйхфельд И. Г. 353

Эмалев К. 651

Энгельс Ф. 423

Эрвье Ю. (Р.- Ю.) Г. 36, 74, 151, 156, 157, 161, 163, 166–169, 173, 179–181, 184, 185, 187, 188, 211, 227, 298, 305

Эшпай А. Я. 483

Ю

Юдин А. Г. 173

Юдин Ю. И. 659

Южаков Ю. А. 44

Южанинов К. М. 185

Юззел Л. 550

Юрасова Г. 211

Юрасова М. 211

Юсупов М. М. 240

Юхлымов С. И. 652

Юшков А. Ю. 287

Юшков Ю. В. 287–289

Я

Ягафаров А. К. 165, 178

Ядгаров Я. С. 256

Ямзин В. В. 285

Яновский В. В. 382

Яновский И. И. 267, 268

Ярошко А. Ф. 440

Ягофаров С. Ф. 228, 235

Ядрошников А. П. 506

Якулов А. Я. 498

Ярков А. П. 553

Ярсомова А. Д. 653

Balzer M. 630, 637, 662, 663, 664

Ganschow G. 657

Gulya J. 660

Hartung L. 657, 658

Honti L. 658

Kalman 663

Kodolanyi J. 661

Kulonen U.-M. 558

Lakatos I. 660

Lang E. 658

Mikesy G. 660

Perović J. 17

Radomski R. 660

Rédei K. 660

Riese T. 658

Schiefer E. 657

Schulze B. 657, 658

Siikala A. 663

Sörlin S. 381

Vértes E. 659–661

Warde P. 381

Сокращения

Архивные хранилища и ресурсы

АОАГН — Архивный отдел администрации города Нижневартовска

Архив СНИИГГиМСа — Архив Сибирского научно-исследовательского института геологии геофизики и минерального сырья

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области

ГАОПОТО — Государственный архив общественных и политических объединений Тюменской области

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области

ГАСО — Государственный архив Свердловской области

ГАТО — Государственный архив Тюменской области

ГАЮ — Государственный архив Югры

ГИАОО — Государственный исторический архив Омской области

ГАЮ — Государственный архив Югры

МАГС — Муниципальном архив города Сургута

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РГАЭ — Российский государственный архив экономики

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства

Научно-исследовательские институты

ВНИИГАЗ — Всесоюзный научно-исследовательский институт природных газов

ВНИИОЗ — Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б. М. Житкова

ВНИИСТ — Всесоюзный научно-исследовательский институт по строительству и эксплуатации трубопроводов, объектов ТЭК

ВСЕГЕИ — Всероссийский научно-исследовательский геологический институт имени А. П. Карпинского

ЗапСибНИГНИ — Западно-Сибирский научно-исследовательский геологоразведочный нефтяной институт

ИЭ и ОПП СО АН СССР — Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР

КиевЗНИИЭП — Киевский зональный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования

ЛенЗНИИЭП — Ленинградский зональный научно-исследовательский институт по экспериментальному проектированию городов Севера

СибЗНИИЭП — Сибирский зональный научно-исследовательский и проектный институт

СибНИИНП — Сибирский научно-исследовательский институт нефтяной промышленности

СибНИИРХ — Сибирский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства

СНИИГГиМС — Сибирский научно-исследовательский институт геологии, геофизики и минерального сырья

ТИИ — Тюменский индустриальный институт

УралНИТИ — Уральский научно-исследовательский технологический институт

ЦЭНИИ — Центральный научно-исследовательский экономический институт при Госплане

Издания

Ведомости СНД и ВС РСФСР — Ведомости Съезда Народных Депутатов РСФСР

ИАЭС — История, археология и этнография Сибири

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии

МС «Народы и культуры» — Материалы к серии «Народы и культуры»

СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии им Петра Великого

СЭС — Советский энциклопедический словарь

ТИЭ — Труды Института этнографии им Н. Н. Миклухо-Маклая

Прочие сокращения

АЗГУ — автоматизированные групповые замерные установки («Спутник»)

ВОИР — Всероссийское общество рационализаторов и изобретателей

ВООП — Всесоюзное общество охраны природы

ГПИ — Государственный проектный институт

ГПУ — газопромысловое управление

ГРЭС — государственная районная электростанция

ГТНГ — Главтюменнефтегаз

ГТНГС — Главтюменнефтегазстрой

ГФЭ — геофизическая экспедиция

ГЭС — гидроэлектростанция

ДВП — древесно-волокнистая плита

ДМШ — детская музыкальная школа

ДСП — древесно-стружечная плита

ДСРК — дорожная строительно-ремонтная контора

ДЮСШ — детская юношеская спортивная школа

ЗСНГК — Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс

ИРП — Иртышское речное пароходство

ИТР — инженерно-технические работники

КЛП — комплексное лесное предприятие

КЛПХ — комплексный леспромхоз

КПП — комбинат промышленных предприятий

КТЦ — котлотурбинный цех

ЛДК — лесопильно-деревообрабатывающий (лесопильный и деревообрабатывающий) комбинат

ЛПК — лесопромышленный комбинат (комплекс)

ЛПО — лесопромышленное объединение

ЛЭП — линия электропередачи/электропередач

НГК — нефтегазовый комплекс

НГРЭ — нефтегазоразведочная экспедиция

НДУ — нефтегазодобывающее управление

НПЗ — нефтеперерабатывающий завод

НПУ — нефтепромысловое управление

НРЭ — нефтеразведочная экспедиция

НТО — Научно-техническое общество

ОБЭА — общественное бюро экономического анализа

ОДНТ — окружной дом народного творчества

ОИОРП — Обь-Иртышское объединенное речное пароходство

ОКБ — общественное конструкторское бюро

ПДК — предельно допустимая концентрация

ПГУ — парогазовая установка

ПМО — производственное мебельное объединение

ПНГ — попутный нефтяной газ

ППВТ — передвижные домики вагонного типа

ППП — промышленно-производственный персонал

ПРТЭЦ — пускорезервная ТЭЦ

ПСМО — производственное строительно-монтажное объединение

ПСО — плавучий строительно-монтажный отряд

ПТОиК — производственно-техническое обслуживание и документация

РНПО — районы нового промышленного освоения

СМП — строительно-монтажный поезд

СМР — строительно-монтажные работы

СОПС — Совет по изучению производительных сил страны

СРЗ — судоремонтный завод

ССТП — советы содействия техническому прогрессу

ТЛРП — Тюменское линейное речное пароходство

ТПК — территориально-производственный комплекс

ТПП — территории приоритетного природопользования

ТТГУ — Тюменское территориальное геологическое управление

ТТУ — Тюменское транспортное управление

ТУГА — Тюменское управление гражданской авиации

ТЭС — теплоэлектростанция

ТЭЦ — теплоэлектроцентраль

УБР — управление буровых работ

УКК — Учебно-курсовые комбинаты

УКПГ — установки комплексной подготовки газа

УРС — управление рабочего снабжения

УТТ — управление технического (технологического) транспорта

ЦБС — центральная библиотечная система

ЦНИЛ — Центральная научно-исследовательская лаборатория

Научное издание

Зубкова Елена Юрьевна, **Прищепа** Александр Иванович, **Главацкая** Елена Михайловна, **Артеменко** Роман Васильевич, **Белоус** Павел Владимирович, **Веселов** Севостьян Игоревич, **Волдина** Татьяна Владимировна, **Гаврилова** Надежда Юрьевна, **Гололобов** Евгений Ильич, **Карпов** Виктор Петрович, **Кирилюк** Денис Валериевич, **Комгорт** Марина Валерьевна, **Коновалов** Александр Борисович, **Косинцева** Елена Викторовна, **Кошкарева** Наталья Борисовна, **Куприянов** Александр Иванович, **Мартынова** Елена Петровна, **Молданова** Татьяна Александровна, **Пивнева** Елена Анатольевна, **Сердюков** Дмитрий Васильевич, **Ташлыкова** Марина Ивановна, **Федорова** Наталья Николаевна, **Хромов** Евгений Александрович

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЮГРЫ

В восьми томах

Том 7
Второе «покорение Сибири»:
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
в годы становления и развития нефтегазового комплекса (1953–1991)

Редактор О. В. Ханина
Корректор М. Азнагулова
Составитель указателей А. Г. Киселёв
Компьютерная верстка Н. А. Козель
Дизайн макета В. И. Опритова, Р. В. Герасимов

Подписано в печать 08.02.2024 г. Формат 60×90 ⅛
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Literata
Усл. печ. л. 89. Тираж 4000 экз. Заказ №

Издательский дом «Новости Югры»
628011, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 46
тел.: +7(3467)350-280
Сайт: www.idnu.ru
E-mail.: holding@idnu.ru

Отпечатано в ООО «Печатный мир г. Сургут»
623426, г. Сургут, ул. Маяковского, д. 14
Сургутскаятипография.рф

6+

ISBN 978-5-4422-0086-7
9 785442 200867